

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 08191476 8

RECEIVED

1913

РУССКІИ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

О М Ъ С Т О Д Е В Я Т Ы Й .

1874

Я Н В А Р Ъ .

СО Д Е Р Ж А Н І Е :

- I. ИЗЪ БИОГРАФИИ ГРАФА МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА. Д. А. Брокотова.
- II. ИСТОРИЯ БЛѢДНАГО МОЛОДАГО ЧЕЛОВѢКА. Романъ въ трехъ книгахъ съ прологомъ. Прологъ. Д. В. Аверкіева.
- III. ОТДѢЛЪ ИСКУССТВЪ НА ВЪНСКОЙ ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКѢ. Гл. I—V. А. М. Матушинскаго.
- IV. ЛЕДИ АННА. Романъ. Антони Троадола. Переводъ съ англійскаго. Гл. XXXIII—XXXV.
- V. ПЕРСИДСКІЯ ПѢСНИ. Мотивы Гафиза. М. В. Прахова.
- VI. ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПИТАНІЕ ВЪ АНГЛИИ. Изъ дорожной записки К. Н. М.
- VII. ДВѢ СИЛЫ. Романъ. Часть первая. Гл. I—XII. В. В. Крестовскаго.
- VIII. ФРАНЦІЯ ВЪ ПРОШЛОМЪ ГОДУ. Письмо изъ Париза. Петра Петрова.
- IX. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗУЧЕНІЕ РАСКОЛА. А.
- X. РУССКАЯ УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА. А. Ю. Давидова.
- XI. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВО ФРАНЦІИ. П.
- XII. ФРАНЦУЗСКІЙ РОМАНЪ ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ. Д. Н.

В Ъ П Р И Л О Ж Е Н І И :

КЕНЕЛМЪ ЧИЛЛИНГЛИ ЕГО ПРИКЛОЧЕНІЯ И МНѢНІЯ. Романъ Эдуарда Бувера, лорда Литтона. Переводъ съ англійскаго. Книга :десятая. Гл. II—X.

ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Бувера, лорда Литтона. Переводъ съ англійскаго. Книга первая. Гл. I—III.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. БАТКОВИЧЪ.

ТОМЪ СТО ДЕВЯТЫЙ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К^о).

На Страстномъ бульварѣ.

1874.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
660019
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 1910 L

ИЗЪ БЮГРАФІИ
ГРАФА МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА
МУРАВЬЕВА*

I.

Дѣятельность Муравьева во время голода въ
Смоленской губерніи.

Въ сентябрѣ 1815 года, по возвращеніи Муравьева съ Кавказской линіи въ Петербургъ, онъ провелъ около двухъ мѣсяцевъ въ Осташовѣ у своего отца. Къ этому времени слѣдуетъ отнести начало знакомства его съ лютеннымъ семействомъ Шереметевыхъ, жившихъ по сосѣдству въ своемъ наследственномъ селѣ Покровскомъ, въ тридцати верстахъ отъ Осташова. Это знакомство имѣло важныя послѣдствія для М. Н. Муравьева. Около трехъ лѣтъ спустя, онъ вступилъ въ бракъ со старшею дочерью отставнаго гвардіи капитанъ-поручика Василя Петровича Шереметева, семнадцатилѣтнею тогда дѣвицею Пелагеею Васильевною. Обрядъ вѣнчанія былъ совершенъ 26го августа 1818 года съ обычною торжественностію, въ только-что отстроенной и за недѣлю освященной церкви села Покровскаго.

Сдѣлавшись семьяниномъ, Муравьевъ полагалъ совершенно

* Печатаемые здѣсь два эпизода составляютъ двѣ главы изъ имѣющаго появиться въ непродолжительномъ времени обширнаго труда автора: *Жизнь графа Михаила Николаевича Муравьева.*

оставить военную службу и заняться сельскимъ хозяйствомъ. Кромѣ домашнихъ обстоятельствъ, требовавшихъ совершенной свободы отъ служебныхъ обязанностей, буклическое настроеніе его духа поддерживалось еще и раной на ногѣ, безпрестанно открывавшейся и мѣшавшей ему сидѣть на конѣ. Все это онъ изложилъ тогда въ письмѣ своемъ къ управляющему дѣлами квартирмейстерской части, генералъ-майору Селявину. Извѣщая его о подачѣ прошенія на Высочайшее имя объ увольненіи отъ службы, Муравьевъ просилъ Селявина до выхода указа объ отставкѣ дозволить ему отправиться въ отпускъ въ Смоленскую губернію, гдѣ находилось женою имѣніе. Селявинъ, выславъ Муравьеву разрѣшеніе ѣхать въ деревню, въ отвѣтъ своемъ къ нему сообщалъ что по всѣмъ вѣроятіямъ князь Волконскій скорѣе рѣшится уволить его въ отпускъ на полтора года чѣмъ дастъ согласіе на его отставку. Селявинъ не ошибся въ своемъ предположеніи. Князь Волконскій, находившійся тогда при государѣ въ Веймарѣ, возвратилъ Муравьеву прошеніе при письмѣ отъ 25го ноября 1818 года, въ которомъ, упомянувъ объ его полезной службѣ и необходимости удержать его на оной, разрѣшилъ Муравьеву находиться въ отпуску сколько то для его здоровья нужно будетъ. При этомъ поручилъ ему, по нахожденію его въ Смоленской губерніи, заняться исправленіемъ брульионовъ атласа этой губерніи. Лестное вниманіе князя Волконскаго къ службѣ Муравьева заставило его на этотъ разъ отказать отъ намѣренія выйти въ отставку. Пробывъ лѣтнее время въ Смоленской губерніи, осенью онъ возвратился въ Москву къ обычнымъ занятіямъ своимъ съ колонновожатыми.

Между тѣмъ 28го марта 1820 года, Муравьевъ былъ произведенъ въ капитаны гвардейскаго генеральнаго штаба и чрезъ мѣсяцъ переведенъ подполковникомъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части. Вѣроятно для удержанія его на службѣ назначено было производить Муравьеву съ 1го сентября прибавочное жалованье изъ экономической суммы квартирмейстерской части по 3,000 рублей въ годъ.

Въ концѣ 1820 года Муравьевъ снова подалъ прошеніе объ увольненіи его въ отставку. Это прошеніе сопровождалось письмомъ отца Муравьева къ князю Волконскому, въ которомъ онъ, по изложеніи всѣхъ обстоятельствъ побуждавшихъ

сына его прекратить свою служебную дѣятельность, просилъ не удерживать его болѣе на службѣ. Съ какимъ оторченіемъ князь Волконскій разставался со своимъ подчиненнымъ можно видѣть изъ его письма: „Имѣя много опытовъ“, писалъ онъ * къ отцу Муравьева, „сколько отащнаго усердія къ службѣ сына вашего, подполковника Муравьева, столько и рѣзкихъ его способностей, я съ большимъ сожалѣніемъ рѣшился войти съ представленіемъ къ государю императору объ увольненіи его отъ службы, которая лишается въ немъ одного изъ достойнѣйшихъ офицеровъ, но такое увольненіе его, будучи согласно съ желаніемъ вашего превосходительства и необходимымъ по мыслямъ сына вашего, я не считалъ себя въ правѣ положить оному какое-либо препятствіе.“ Указъ объ отставкѣ Муравьева подписанъ княземъ Волконскимъ въ Лайбахѣ 29го ноября 1820 года.

Оставивъ службу, Муравьевъ переселился изъ Москвы съ молодою супругою въ имѣніе ея село Лазуцы, находящееся въ пятидесяти верстахъ отъ Рослава къ сторонѣ Ельни. Сдѣлавшись мирнымъ гражданиномъ, онъ принялся съ обычною ему горячностью за хозяйство. Но первые опыты его по этой части были весьма неудачны. Довольно обширный винокуренный заводъ, построенный съ большими издержками, не только не вознаграждалъ расходовъ, но даже ввелъ его въ большіе убытки. Весь расчетъ былъ основанъ на чрезвычайной въ тѣхъ мѣстахъ дешевизнѣ хлѣба, который, по недостатку путей сообщенія и отсутствію сбыта, весьма выгодно было обращать на выкуриваніе вина. Но когда заводъ былъ выстроенъ, то Смоленскую и сосѣднія губернія постигъ двухлѣтній неурожай; цѣна на хлѣбъ поднялась чрезвычайно высоко, и Муравьеву пришлось покупать его дорогою цѣной уже не для выкуриванія вина, а для продовольствія своихъ крестьянъ. При такихъ неблагоприятныхъ для виннаго производства обстоятельствахъ, не могло быть и рѣчи о выкуркѣ вина, и заводъ по необходимости все время оставался празднымъ. Въ это тяжкое для народа время Муравьевъ устроилъ въ своей винокурнѣ мирскую столовую, въ которой приготовляема была пища для продовольствія его крестьянъ. Болѣе года они питались на его счетъ, приходя ежедневно до полуднораста, а иногда и болѣе часовъкъ.

* Изъ Троишау, отъ 11го ноября 1820 года.

Много приходило голодавшихъ крестьянъ изъ сосѣднихъ имѣній. * Преданіе объ этихъ обѣдахъ сохранилось и до настоящаго времени между Лавицкими стариками; они съ благодарностію еще и понынѣ вспоминають о полеченіяхъ тогдашняго своего владѣльца.

Если голодъ одолевавшій въ ту пору Смоленъ совершенно разстроилъ всѣ денежныя разчеты Муравьева, за то въ нравственномъ отношеніи пріобрѣтенія его оказались весьма важными. Крестьяне видѣли въ немъ своего кормильца и защитника; бѣдные мѣстные дворяне — опору и руководителя. Такъ какъ времена народныхъ бѣдствій лучше всего обрисовываютъ существующее законодательство, заботы администраціи, распоряженія мѣстныхъ властей и частную дѣятельность, то полагаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о неурожаѣ 1820 года и участіи которое принималъ тогда Муравьевъ въ борьбѣ съ этимъ бѣдствіемъ.

Кому неизвѣстно что Россія принадлежитъ къ числу странъ вадѣленныхъ неистощимыми средствами для продовольствія многочисленнаго населенія; кто также не читалъ въ нашихъ лѣтописяхъ потрясающихъ повѣствованій объ опустошеніи цѣлыхъ областей повальными болѣзнями, основную причину которыхъ нужно искать въ крайней скудости первыхъ условій для поддержанія жизни. Въ прежнія времена, при исконномъ плодородіи нашихъ земель, можетъ-быть правительственныя заботы о народномъ продовольствіи и были излишними, но съ размноженіемъ населенія и особенно съ учрежденіемъ постоянного войска, необходимость устройства обширныхъ государственныхъ запасовъ хлѣба сдѣлалась настоятельною. Такимъ образомъ у насъ первые хлѣбныя магазины учреждены были для продовольствія войскъ, поселенныхъ для охраненія границы въ разныхъ городахъ и острогахъ. Даже и заведенные при Петрѣ Великомъ,

* „Въ 1820 году извѣстный голодъ въ нашемъ краю понудилъ меня издержать 20.000 рублей для прокормленія крестьянъ; но извѣстно что отъ недостатка хлѣба отоцалъ скотъ и крестьяне потерпѣли упадокъ въ лошадяхъ, который одлакожь немедленно вознагражденъ былъ.“ Изъ собственноручной записки М. Н. Муравьева по управленію Лавицкимъ имѣніемъ, писанной въ 1824 или 1825 годахъ.

указами его отъ 11 февраля 1727 и 20го и 23го января 1724, предназначались не для народнаго продовольствія, а въ видахъ исключительно военныхъ, что можно видѣть изъ самаго расположенія магазиновъ, не внутри государства, а близи пограничной черты. * Что касается народнаго продовольствія, то вся забота о немъ возложена была на губернаторовъ, которые обязаны были ежегодно, не позже ноября, доносить на Высочайшее имя и въ сенатъ объ урожаѣ озимаго и яроваго хлѣба, съ показаніемъ могутъ ли жители продовольствоваться своимъ хлѣбомъ. Изданный въ видахъ облегченія народныхъ нуждъ указъ 19го января 1761 года предписывалъ земскимъ исправникамъ при недостаткѣ хлѣба продовольствовать крестьянъ на счетъ нерадивыхъ обывателей помѣщиковъ. Можно вообразить себѣ всю массу злоупотребленій возникшихъ вслѣдствіе этого указа предоставлявшаго во власть исправниковъ распоряженіе имуществомъ дворянъ и заботу о продовольствіи народа. Недостаточность законодательныхъ мѣръ для огражденія государства отъ печальныхъ послѣдствій неурожаевъ побудила императрицу Екатерину II, вскорѣ по вступленіи на престолъ, 20го августа 1762 года, учредить при сенатѣ особую комиссію для заведенія во всѣхъ городахъ государственныхъ запасныхъ магазиновъ, въ тѣхъ видахъ чтобы правительство всегда могло имѣть въ своихъ рукахъ цѣны на хлѣбъ. Видя однакожь медленность и неуспѣшныя дѣйствія этой комиссіи, она поручила, 27го марта слѣдующаго года, двумъ членамъ ея, генералъ-поручику Веймарну и генералъ-майору Бекетову, представить особый докладъ относительно устройства народнаго продовольствія. Веймарнъ и Бекетовъ въ докладѣ своемъ изложили всѣ неудобства предложенныхъ еще въ 1754 году фельдмаршаломъ П. И. Шуваловымъ обширныхъ государственныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, вмѣсто которыхъ они полагали болѣе удобнымъ обязательное для казенныхъ и владѣльческихъ имѣній повсемѣстное учрежденіе сельскихъ запасныхъ магазиновъ, въ которыхъ бы постоянно хранилась

* Изъ десяти мѣстъ первоначально предполагавшихся для заведенія хлѣбныхъ магазиновъ, Петромъ I избраны только шесть: Петербургъ, Рига, на Дону, на Днѣпрѣ или Днѣпѣ, Смоленскъ и Астрахань.

двухгодовая пропорція хлѣба для продовольствія жителей и обѣмененія полей. Но предложенія Веймарна и Бекетова тогда не были приведены въ исполненіе. Въ 1765 году однакожь было объявлено о заведеніи въ каждой экономической деревнѣ магазиновъ съ годовымъ запасомъ хлѣба; но это полезное мѣропріятіе, въ примѣненіи ко владѣльческимъ имѣніямъ, осталось почти безъ исполненія. Въ послѣдующіе годы учреждались хлѣбныя магазины только въ городахъ: въ 1766 въ Петербургѣ, въ 1786 въ Твери, Вышнемъ-Волочкѣ, Новгородѣ и Москвѣ. Во времена же неурожаевъ, мѣстныя власти, на основаніи указа 10го февраля 1723 года, обыкновенно прибѣгали къ опечатанію складовъ хлѣба у купцовъ, промышленниковъ и помѣщиковъ, имѣвшихъ у себя значительные его запасы. Не ранѣе какъ 29го ноября 1799 года, вслѣдствіе проекта поданнаго генераль-провіант-мейстеромъ Обольяниновымъ, приступлено было къ осуществленію мысли Веймарна и Бекетова относительно обязательнаго устройства сельскихъ запасныхъ магазиновъ въ казенныхъ и владѣльческихъ имѣніяхъ. Между тѣмъ продовольствіе крестьянъ помѣщиками было вновь подтверждено указомъ 21го февраля 1811 года, на основаніи котораго имѣнія помѣщиковъ не исполнившихъ этой обязанности были отбираемы въ казенное управленіе впредь до возвращенія употребленныхъ казною издержекъ на продовольствіе крестьянъ, а также и уплаты всѣхъ казенныхъ податей. Что же касается закона о сельскихъ магазинахъ, долженствовавшаго совершенно устранить гибельныя послѣдствія неурожаевъ, то онъ до такой степени медленно былъ приводимъ въ исполненіе что къ концу царствованія императора Николая Павловича, послѣ неоднократныхъ отсрочекъ, еще во многихъ селеніяхъ не было приступлено къ постройкѣ магазиновъ. Было даже одно время (1817—1833) когда самая необходимость сельскихъ магазиновъ подвергалась сомнѣнію, и сборъ съ крестьянъ хлѣба, какъ бесполезное обремененіе народа, предполагалось навсегда уничтожить, на томъ шаткомъ основаніи что народное продовольствіе достаточно обезпечено отвѣтственностью во владѣльческихъ имѣніяхъ помѣщиковъ, а въ казенныхъ—подлежащихъ начальствъ. *

* Указомъ 14го апрѣля 1822 года были упразднены въ двѣнадцати губерніяхъ, въ томъ числѣ и Смоленской, сельскіе магазины, въ

Неурожаи случившіяся въ 1820 году въ Смоленской и Черниговской губерніяхъ особенно были неблагопріятельны для Рославскаго и Ельцинскаго уѣздовъ. Недостатокъ хлѣба въ этихъ уѣздахъ обнаружился еще въ августѣ, сначала у крестьянъ трехъ крупныхъ землевладѣльцевъ, имѣвшихъ помѣстья и въ другихъ губерніяхъ, а потомъ въ имѣніяхъ прочихъ помѣщиковъ.

Для огражденія поселянъ отъ голода весь хлѣбъ хранившійся въ сельскихъ магазинахъ былъ розданъ крестьянамъ на руки. Но такъ какъ ссылка зерна мачата была только съ 1816 года и потомъ въ 1818 приостановлена, то выдаваемый изъ магазиновъ хлѣбъ былъ каплею въ моръ, утолившей народный голодъ только на мгновеніе. Житицы помѣщиковъ, по большей части мелкопомѣстныхъ и небогатыхъ, не оправившихся еще отъ разореній войны 1812 года, также были лусты. Въ этой крайности народъ, одолаваемый голодомъ, сталъ употреблять въ пищу самыя неудобоваримыя предметы: лебеду, жолуди и древесную кору. Всѣ дороги покрылись

лѣтвѣ которыхъ учрежденъ былъ для составленія продовольственнаго капитала денежный сборъ съ каждой ревизской души по 25 к. Нельзя при этомъ не выразить удивленія къ вѣрности административныхъ взглядовъ императора Александра I, въ теченіи пяти лѣтъ не утверждавшаго этого указа и наконецъ рѣшившагося, скрѣпя сердце, подписать его только вслѣдствіе повторенныхъ представленій графа Кочубея, поклонника всѣхъ англійскихъ учрежденій, въ томъ числѣ и продовольственныхъ капиталовъ. Императоръ внутренно былъ убѣжденъ что обезпеченіе народнаго продовольствія въ Россіи должно быть основано на хорошо организованной системѣ сельскихъ хлѣбныхъ магазиновъ, а отнюдь не на продовольственныхъ капиталахъ, которые представляютъ лишь нѣкоторое подспорье и то при частныхъ или незначительныхъ неурожаяхъ. Страшныя бѣдствія обнаружившіяся послѣ неурожая 1833 года вполнѣ оправдали отвращеніе Александра I отъ системы продовольственныхъ капиталовъ, весьма сложной и удобной для администраціи, но совершенно не пригодной для спасенія громадныхъ населеній отъ голода во время неурожая обнаруживающихся въ хлѣбородныхъ областяхъ или на обширныхъ пространствахъ. Отчетность и храненіе хлѣба въ магазинахъ требуютъ искусства и извѣстной настойчивости, безъ которыхъ, конечно, будетъ всегда пропадать ежегодно львиная часть ссыльнаго хлѣба, какъ это установилось въ Киевской губерніи вслѣдствіе предполагаемой невозможности обуздать хищничество крестьянскихъ мышей.

крестьянами, ихъ женами и дѣтьми покинувшими свои жилища и просившими у проѣзжихъ лодаванія. Исправникъ доносилъ тогда губернатору что городъ Рославль, не взирая на всѣ приватныя имъ мѣры, ежедневно наводняется толпами нищихъ, стекающихся со всѣхъ сторонъ. Неоднократныя донесенія исправника и уѣзднаго предводителя дворянства о совершенномъ оскуднѣнн въ странѣ продовольственныхъ запасовъ вынудили наконецъ губернскае правленіе разрѣшить, въ случаѣ дѣйствительной надобности, раздачу хлѣба изъ сельскихъ магазиновъ. Это разрѣшеніе сопровождалось предписаніемъ къ исправнику напомнить помѣщикамъ указъ 21го февраля 1811 года, обязывавшій ихъ продовольствовать своихъ крестьянъ во время неурожаевъ. Но распоряженіе это пришло уже спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ раздачи всего хлѣба имѣвшагося не только въ сельскихъ магазинахъ, и даже въ собственныхъ житницахъ помѣщиковъ. Уѣздныя власти, не перестававшія между тѣмъ доносить губернскому правленію объ истощеніи въ странѣ всѣхъ способовъ къ продовольствію и о совершенной невозможности для народа уплачивать государственныя подати, просили исходатайствованія денежнаго вспоможенія для закупокъ хлѣба. Еще въ началѣ октября Рославское дворянство, по совѣту Муравьева, представило губернатору коллективное прошеніе въ томъ же смыслѣ. Губернское правленіе послѣ долгихъ откладываній предписало открыть въ Рославлѣ комиссію подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя, котораго обязало подъ строжайшею отвѣтственностію обезпечить жителей хлѣбомъ для продовольствія и засѣва полей и озаботиться притомъ неукоснительнымъ внесеніемъ податей. Рославская комиссія, открывъ свои дѣйствія опечатаніемъ у хлѣбныхъ торговцевъ наличнаго хлѣба, испрашивала у губернатора разрѣшенія раздать его жителямъ на извѣстныхъ условіяхъ. Исправлявшій тогда должность губернатора по случаю смерти барона Аша * вице-губернаторъ Денибековъ, человекъ не

* Бездѣйствіе мѣстныхъ властей по случаю голода первоначально произошло отъ безпечности барона Аша. Преемникъ его поддерживалъ это бездѣйствіе и потому отвѣтственность должна падать на обоихъ. Баронъ Владиміръ Ивановичъ Ашъ былъ гражданскимъ губернаторомъ Смоленска еще во время Отечественной Войны, и тогда онъ уже пріобрѣлъ себѣ славу неспособнаго человека. Не давая себѣ труда разузнать гдѣ находится наша армія, онъ распорядился

рѣшительный и охотникъ до многописанія, былъ поставленъ этимъ представленіемъ комиссіи въ чрезвычайное затрудненіе. Съ одной стороны онъ предвидѣлъ что выдача комиссіи разрѣшенія распорядиться чужимъ хлѣбомъ поведетъ къ неминуемымъ жалобамъ на него и къ большой отвѣтственности, съ другой же позднее донесеніе о неурожаѣ и голодѣ, извуряшемъ еще съ осени предшествовавшаго года губернію вѣренную его управленію, подвергало его снова отвѣтственности не менѣе тяжкой предъ министромъ и, очень можетъ быть, удаленію отъ должности. Находясь такимъ образомъ между молотомъ и наковальней, Денибековъ избралъ средній путь, едва ли не самый худшій, ничево не довозилъ министру и не давалъ разрѣшенія комиссіи распорядиться опечатаннымъ хлѣбомъ. Изъятый такимъ образомъ отъ продажи частный хлѣбъ, попавъ подъ запрещеніе, еще болѣе возвысился въ цѣнѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ затруднились и самыя способы народнаго продовольствія.

Между тѣмъ Рославское дворянство не видя никакихъ разлорженій со стороны губернскихъ властей находилось въ крайнемъ недоразумѣніи. Въ своемъ прошеніи къ губернатору, оно изложило всю невозможность обезлечить народное продовольствіе мѣстными средствами и необходимость займобразнаго отлуска суммъ для покупки и подвоза хлѣба изъ подгородныхъ губерній. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а объ ассигнованіи суммъ не было слуха. Цѣна на хлѣбъ подымалась между тѣмъ до чудовищной дороговизны. Смертность постепенно увеличивалась.

Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Муравьевъ оказалъ громадную услугу Смоленской губерніи. Руководя дѣйствіями дворянства, избѣгавшаго явной ссоры съ губернскими властями, онъ предложилъ дворянамъ сначала послать губернатору упомянутое коллективное прошеніе. На это они охотно согласились. Потомъ онъ убѣдилъ ихъ сдѣлать обращеніе къ благотворительности Московскаго дворянства. И это предложеніе было ими одобрено. Имѣя въ Москвѣ

отправкою всѣхъ обозовъ съ хлѣбомъ на Порѣчье въ Витебскъ, дама уже занятый непріятелемъ. Ермаковъ былъ вынужденъ по этому случаю замѣтить ему что грозящая опасность губерніи могла бы допустить большее съ его стороны любопытство. См. *Записки А. П. Ермакова*, стр. 45.

множество знакомыхъ, онъ описалъ имъ яркими красками горестное положеніе Смоленскъ томимыхъ голодомъ и просилъ открыть въ ихъ пользу денежную подписку. Подписка эта пошла довольно успѣшно и собраны на первый разъ 18.000 рублей были отправлены къ Муравьеву. По полученіи этихъ денегъ въ началѣ марта онъ, оловѣстивъ о томъ дворянъ, предложилъ имъ съѣхаться въ Рославль для распорядженія присланными деньгами. Воспользовавшись съѣздомъ дворянъ, Муравьевъ изложилъ имъ бездѣйствіе губернскихъ властей, ихъ неспособность вывести край изъ тяжкаго положенія, неминуемость вторичнаго неурожая, и наконецъ необходимость прибѣгнуть съ просьбою къ самому министру о скорѣйшей помощи бѣдствующему народу. Для достиженія этой цѣли онъ предложилъ составить актъ о настоящемъ положеніи уѣзда. Предположеніе это было одобрено и на подлинномъ актѣ въ числѣ подписей на второмъ мѣстѣ значится: „Подполковникъ и кавалеръ Михаилъ Николаевичъ сынъ Муравьевъ“. Какъ актъ, такъ и письмо къ министру писаны рукою служителя Муравьева, Ивана Дамаскина. Въ этомъ актѣ, сохранившемся по нынѣ при дѣлахъ министерства, * было изложено что губернское начальство, не смотря на неоднократныя донесенія и представленія, не принимаетъ никакихъ мѣръ къ огражденію жителей отъ непрестанно усиливающагося голода, что съ наступленіемъ весны голодъ еще болѣе увеличитъ общее отчаяніе, ибо озимыя поля засѣяны не были, а за употребленіемъ всѣхъ сѣмянъ въ личу нечѣмъ засѣять и яровыхъ, что не предвидя возможности отвратить эти ужасныя бѣдствія, при всѣхъ стараніяхъ помѣщиковъ, большею частію бѣдныхъ, и не зная доведено ли о томъ до свѣдѣнія высшаго правительства, Рославское дворянство просило своего предводителя, А. Д. Храповицкаго, повергнуть настоящее положеніе уѣзда на усмотрѣніе министра, но онъ отказался отъ представленія сего прошенія, полагая сіе вышеступленіемъ изъ границъ должности его; но какъ бѣдствіе постигшее уѣздъ превосходитъ всякую мѣру и отъ медленности пособія могутъ произойти самыя несчастныя послѣдствія, то дворянство и рѣшилось сей случай, выходящій изъ обыкновеннаго хода дѣлъ, представить чрезъ бывшихъ предводителей дворянства,

* См. Дѣло Хозяйственнаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ № 136.

Ѳ. С. Бородавицына и М. Ник. Булычева, на усмотрѣніе его сіятельства и просить объ оказаніи правительствомъ займобразнаго пособія.

Актъ этотъ при письмѣ означенныхъ двухъ депутатовъ дворянства и былъ представленъ графу Кочубею 14го марта 1821 года. Губернское начальство, провѣдавъ объ этомъ неожиданномъ поступкѣ Рославскихъ дворянъ, съ своей стороны поспѣшило представить графу Кочубею распоряженія свои къ отвращенію затрудненій въ народномъ продовольствіи и испрашивало разрѣшенія роздать жителямъ описанный у торговцевъ хлѣбъ. Представленія Рославскаго дворянства и Смоленскаго губернскаго правленія прибыли въ министерство въ одинъ день, 25го марта. Въ одно время съ этими двумя донесеніями было сообщено и отъ московскаго генералъ-губернатора объ открытіи въ Москвѣ для голодающихъ жителей Рославскаго уѣзда подписки, которою уже и собрано свыше 30.000 рублей.

Можно себѣ представить удивленіе графа Кочубея когда вдругъ онъ получалъ три донесенія о голодѣ въ Смоленской губерніи, продолжавшемся уже болѣе семи мѣсяцевъ. По его представленію, Комитетъ Министровъ немедленно назначилъ Рославскимъ дворянамъ осуду отъ казны въ 50.000 рублей; что же касается описанія у промышленниковъ хлѣба, то оно немедленно было отмѣнено какъ не согласное съ новѣйшими постановленіями о свободѣ хлѣбной торговли, принятой нашимъ правительствомъ за правило. Но послѣдствія непростительной безпечности Смоленскаго губернскаго правленія были велики: потративъ всю зиму на безплодную переписку, оно не только не озаботилось привлеченіемъ хлѣба въ губернію, но напротивъ, наложеніемъ запрещенія на запасы принадлежавшіе частнымъ лицамъ, возвысило цѣны на хлѣбъ, отъ чего большая часть полей осталась незаасѣянными и на слѣдующій 1821 годъ. Такимъ образомъ, за неурожаемъ пераго года, происшедшимъ отъ явленій естественныхъ, не подвластныхъ человѣческой волѣ, въ слѣдующемъ году, наступилъ второй неурожай, искусственный, произведенный очевидною неспособностью губернскаго начальства. Безъ сомнѣнія, упущенія мѣстныхъ властей не имѣли бы такихъ грустныхъ послѣдствій еслибы закромы сельскихъ магазиновъ были туго набиты зерномъ; но, къ несчастію, наполненіе магазиновъ намъ недавно, и петербургскія власти увлечены были въ то

время ложною идеею о безплодности хлѣбныхъ магазиновъ для народнаго продовольствія, которое, по ихъ мнѣнію, достаточно уже обезпечивалось отвѣтственностію помѣщиковъ за пролитаніе своихъ крестьянъ, какъ будто эта призрачная и отдаленная отвѣтственность въ минуты опасности могла замѣнить литательныя свойства хлѣба или сласти бѣдствующаго населенія отъ голодной смерти.

Не взирая однако на полученныя Рославскими дворянами вслѣдствіе энергическихъ стараній Муравьева денежныя пособія, недостатокъ въ хлѣбѣ былъ такъ великъ что угрожалъ полямъ и на 1822 годъ остаться безъ обремененія. Эта опасность побудила наконецъ правительство отправить на мѣсто для принятія скорыхъ и рѣшительныхъ мѣръ извѣстнаго сенатора Б. Д. Мертваго, * который тотчасъ нашелъ достойныхъ сотрудниковъ и средства облегчить общественное бѣдствіе. О дальнѣйшей дѣятельности Муравьева въ борьбѣ съ бѣдствіями голода въ Смоленской губерніи мы не имѣемъ официальныхъ указаній; да впрочемъ въ нихъ и нѣтъ особенной надобности. Недостатокъ этотъ совершенно пологается свидѣтельствомъ Д. Б. Мертваго. Изъ письма этого честнѣйшаго и благороднѣйшаго изъ людей той эпохи можно видѣть какъ высоко онъ цѣнилъ дружбу и умную дѣятельность

* Дмитрій Борисовичъ Мертваго родился 5го апрѣля 1760 года; въ службу вступилъ въ 1775 году. Съ 1787 по 1797 былъ совѣтникомъ Уфимскаго наместническаго правленія. Дѣятельность и справедливость его на долго сохранились въ памяти всехъ сословій губерніи. Съ 1797 по 1802 годъ былъ членомъ въ провіантской экспедиціи, гдѣ своими достоинствами и способностями обратилъ на себя вниманіе общества и сталъ извѣстенъ императору Павлу. Въ 1802 году опредѣленъ начальникомъ поступившихъ въ казенное управленіе Крымскихъ соляныхъ промысловъ; въ 1803 году таврическимъ гражданскимъ губернаторомъ, 1807 года генералъ-провіантмейстеромъ, 1810 года уволенъ по прошенію отъ службы. Въ 1817 году назначенъ сенаторомъ въ Москву, гдѣ и скончался 23го іюня 1824 года. Жена была на Варварѣ Марковнѣ Попова. С. Т. Аксаковъ, бывшій его крестьянныи сыномъ, говоритъ о Мертваго: „многуважаемая память моего покойнаго крестьянаго отца, въ обширномъ и строгомъ смыслѣ честнѣйшаго человека, котораго вся жизнь была борьба правды и чести съ ложью и подлою корыстью, постоянно жила и живетъ въ душѣ моей.“ См. Зап. Д. Б. Мертваго въ *Русскомъ Архивѣ*, за 1867 годъ, №№ 8 и 9.

М. Н. Муравьева. „Покорѣннѣ благодарю за писаніе отъ 9го ноября“, писалъ къ нему Мертваго: „содержащееся въ немъ изъясненіе дружества ко мнѣ мнѣ пріятно, лестно и драгоценно, ибо познавъ васъ не по обхожденію и не на бумагахъ, а по дѣламъ образующимъ человѣка во всемъ проявленіи слова, мнѣ сладко любить васъ, коль лаче знать что и вы меня любите.“ Переходя затѣмъ ко множеству вступившихъ имъ затрудненій, онъ говоритъ: „Какъ быть, должно было торопиться представленіемъ о количествѣ надобности. Мнѣ казалось что за всякій часъ промедленія отвѣтъ предъ Богомъ въ совѣсти выдающимъ дать я долженъ. При сихъ обстоятельствахъ сколько разъ пролетала мысль: еслибъ былъ со мною мой бездѣльный почтенный Михаилъ Николаевичъ, сколько бы убавилось моей заботы! Онъ бы поспѣвалъ мнѣ вести сію тяжесть и поднималъ бы на свои плечи больше чѣмъ я поднимать могу.“ Въ заключеніе онъ упоминаетъ о дешевой предложенной Муравьевымъ покулкѣ въ соседнихъ губерніяхъ хлѣба избранными дворянами: „Сія цѣна здѣсь удивляетъ. Но вы повѣрите что сіи коммиссіонеры и умѣютъ и хотятъ добра. Вы, мой почтенный, положили основаніе сему избранію, и вамъ я больше всѣхъ благодаренъ. Чтобы видѣть нищету въ гнѣздѣ ея, проѣзжалъ я изъ Ельни въ Рославль чрезъ болотистыя мѣста: тамъ-то желалъ бы я провести празднолюбцевъ разжирѣвшихъ въ счастіи и имъ показать состояніе человѣчества.“

Эти искреннія и даже трогательныя отношенія почтеннаго Д. Б. Мертваго къ молодому человѣку, въ то время незначительному помѣщику, представляютъ обоимъ въ весьма выгодномъ свѣтѣ. Не взирая на явный перевѣсъ своей опытности и знанія людей, почтенный сенаторъ, говорившій рѣзкія истинныя самому Аракчееву, не затруднился отдать справедливость двадцатилѣтнему Муравьеву, дружбу котораго считалъ для себя лестною и драгоценною и которому приписывалъ успѣхъ своихъ дѣйствій по обезпеченію въ странѣ народнаго продовольствія.

II.

Нахожденіе подъ свѣдѣніемъ по дѣлу 14го декабря.

М. Н. Муравьевъ былъ прикосновенъ къ извѣстному дѣлу 14го декабря 1825 года о тайнахъ злоумышленныхъ обществъ.

ствахъ. Для документальнаго изученія этихъ обществъ, возникшихъ въ послѣднiе годы царствованiя императора Александра I, до весьма недавняго времени имѣлись только два источника: извѣстное всеподданнѣйшее донесенiе слѣдственной комиссiи отъ 30го мая 1826 года и донесенiе Варшавскаго слѣдственнаго комитета главнокомандующему польскою армiею великому князю Константину Павловичу отъ 22го декабря того же года. * Появившееся въ 1871 году сочиненiе г. Богдановича: *Исторiя царствованiя императора Александра I*, составляетъ затѣмъ единственный источникъ для изученiя этого событiя, и на достовѣрность этого источника можно положиться, такъ какъ авторъ имѣлъ случай пользоваться подлиннымъ дѣломъ. Весьма естественно что при такой скудости обнаруженныхъ объ этомъ дѣлѣ документовъ, оно остается понынѣ вообще мало выясненнымъ нашею литературою. Иностранные писатели занимавшiеся новѣйшею исторiею Россiи также не разъяснили происхожденiя тогдашнихъ тайныхъ обществъ, окончившихъ свою политическую дѣятельность на Сенатской площади. Не болѣе помогли раскрытiю истины поклонники декабристовъ и даже самые участвики тайныхъ обществъ и декабрьскаго возмущенiя.

* Донесенiе слѣдственной комиссiи издаю при *Сенатскихъ Вѣдомостяхъ* и газетахъ: *Русскомъ Инвалидѣ* и *Сѣверной Пчелѣ*. Кромѣ того напечатано по Высочайшему повелѣнiю особою книжкой при военной типографiи на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Донесенiе Варшавскаго слѣдственнаго комитета, по воле въ-рогатiямъ, было сдѣлано первоначально на польскомъ языкѣ, ибо существуютъ два варианта этого донесенiя: одинъ изданный въ газетѣ *Русскiй Инвалидъ*, въ 1827 году, въ июлѣ, №№ 155—161. Этотъ вариантъ лучший и въ немъ Варшавскiй комитетъ названъ комиссiею. Второй вариантъ варшавскаго донесенiя изданъ отдѣльною книжкой въ 8ю долю и безъ означенiя типографiи. Но судя по шрифту нужно думать что книжка вылучена въ свѣтъ изъ военной типографiи. Слогъ этого варианта весьма небреженъ и мѣстами теменъ. Вообще говоря, донесенiе Варшавскаго комитета отличается чрезвычайною залутанностью, правдоисовiемъ, непоанотою и неумѣреннымъ желанiемъ оправдать и выгородить мятежныя стремленiя польской шляхты. Неизвѣстно повеса ли она заслуженную кару закона, но большинство лицъ уломяаемыхъ въ донесенiи встрѣчается въ рядахъ мятежной польской армiи въ 1831 году. Преданный Россiи графъ Краинскiй отказался подписать это донесенiе.

на, изъ коихъ многіе оставили весьма интересные разказы о тогдашнихъ происшествіяхъ и собственныхъ злоключеніяхъ. Одинъ изъ главнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ, по своему уму и многостороннему образованію декабристовъ, Николай Тургеневъ, случайно избѣжавшій наказанія, издалъ за границею въ 1847 году довольно объемистую книгу, въ которой подробно разобралъ при помощи французскаго адвоката Шедестанжа донесеніе слѣдственной комиссіи и приговоръ верховнаго уголовного суда, выставилъ оба эти документа какъ произведенія пристрастныя и неимѣющія твердой юридической почвы. Но высказавшись въ этомъ разборѣ первымъ мученикомъ за крестьянскую свободу, Тургеневъ въ то же время не затруднился заявить и свое горячее сочувствіе къ возстановленію независимой Польши изъ русскихъ областей населенныхъ нѣсколькими милліонами православныхъ крестьянъ. Появившаяся въ 1857 году книга барона Корфа: *Восшествіе на престолъ императора Николая I*, въ которой объ образованіи тайныхъ обществъ въ Россіи даже и не упоминалось, подала поводъ къ изданію въ Лондонѣ возраженія, наполненнаго безусловными восхваленіями не только всѣхъ участниковъ тайныхъ обществъ, но даже и самаго возмущенія на площади 14го декабря 1825 года. Въ то же время появился въ Лондонѣ сборникъ, названный Герценомъ *Полярною Звѣздою*, по имени альманаха издававшагося въ С.-Петербургѣ съ 1823—1825 года Кондратьемъ Рылѣевымъ и А. Бестужевымъ. На оберткѣ этого сборника въ медальонѣ изображены профили пяти главнѣйшихъ участниковъ декабрьскаго мятежа. Но и въ этихъ произведеніяхъ нѣтъ однакожъ объясненія ни истинныхъ побужденій къ основанію тайныхъ обществъ, ни постепеннаго ихъ развитія, ни, наконецъ, тѣхъ загадочныхъ обстоятельствъ которыя заставили заговорщиковъ, въ несчастное утро 14го декабря отважиться на вооруженное возстаніе. Теперь, когда прошло уже около полулѣтія послѣ самаго событія, когда уже почти всѣ дѣятели тогдашнихъ тайныхъ обществъ одинъ за другимъ сошли въ могилу, когда и самое дѣло, надѣлавшее въ свое время столько шуму и тревоги, покрылось густымъ слоемъ архивной пыли, — можно судить спокойно и безпристрастно о тайныхъ обществахъ и объ участникахъ 14го декабря, на томъ простомъ основаніи что люди принявшіе на себя лубличную дѣятельность должны подлежать и

публичному обсужденію. Безъ сомнѣнія, смѣшно было бы въ настоящее время приходить въ дѣтскій восторгъ отъ безплоднаго геройства людей 14го декабря, начавшихъ свою политическую дѣятельность съ тайныхъ обществъ и окончившихъ ее недостойнымъ оболыщеніемъ простодушныхъ солдатъ, пофрившихъ слово и чести своихъ начальниковъ и всю жизнь потомъ олакивавшихъ свое простодушіе. Съ другой стороны нельзя имѣть никакого уваженія къ очевиднымъ вымысламъ и явной клеветѣ въ недавно изданныхъ запискахъ одного автора, очевидно писанныхъ не столько для предостереженія будущихъ поколѣній отъ легкомысленныхъ увлеченій или для разъясненія сущности дѣла, сколько для заявленія собственной благонамѣренности. Въ настоящее время насъ болѣе интересуютъ причины породившія рядъ тайныхъ обществъ, члены коихъ безплодно потратили свои силы на отысканіе новыхъ, болѣе европейскихъ, какъ тогда думали, формъ для нашего государственнаго строя. Не менѣе также любопытно и разрѣшеніе вопроса какое мѣсто долженъ занять въ нашей исторіи эпизодъ о тайныхъ обществахъ съ кровавою развязкой 14го декабря.

Не измѣненіе порядка престолонаслѣдія установленнаго императоромъ Павломъ I, и не устраненіе отъ престола великаго князя Константина Павловича были причиною тайныхъ обществъ, которыя, какъ видно изъ самаго донесенія слѣдственной комиссіи, получили начало свое еще въ 1816 году, то - есть, еще въ то время когда и рѣчи еще не было о брачномъ разводѣ великаго князя Константина Павловича и о вызванномъ этимъ разводомъ устраненіи его отъ наслѣдованія Всероссійскаго престола. Хотя самый актъ отреченія и составлялъ до кончины императора Александра I государственную тайну, но объ устраненіи великаго князя Константина Павловича отъ престола можно было однако же догадываться изъ словъ манифеста 20го марта 1820 года, обнародованнаго въ самый день расторженія брака его съ великою княгинею Анною Федоровною. Означеннымъ манифестомъ было торжественно объявлено что лицо императорской фамиліи вступившее въ брачный союзъ съ лицомъ не имѣющимъ соответственнаго достоинства, то - есть не принадлежащимъ ни къ какому царственному или владѣтельному дому, не можетъ сообщить ему правъ принадлежащихъ членамъ императорской фамиліи, и что дѣти отъ

такого союза происшедшія не имѣютъ права на наследованіе престола. Хотя лично великій князь Константинъ Павловичъ и не былъ дитенъ правъ на престолонаследіе и даже не наименованъ въ означенномъ манифестѣ; но истинный смыслъ и цѣль онаго не могли быть тайною ни для кого, ибо чрезвычайный случай подавшій поводъ къ изданію манифеста указывалъ прямо на великаго князя Константина Павловича, который былъ единственнымъ членомъ императорской фамиліи вступившимъ въ бракъ съ лицомъ не принадлежащимъ ни къ одному изъ владѣтельныхъ домовъ. Вторая супруга великаго князя, какъ извѣстно, принадлежала къ небогатой фамиліи Грудзинскихъ, изъ польской шляхты города Быдгоща (Бромберга). Уже по совершеніи бракосочетанія, указомъ отъ 4го августа, Иоанна Грудзинская получила для себя и своего лотомства титулъ княгини Ловичъ, * по имени пожалованнаго императоромъ Александромъ великому князю въ 1816 году мѣстечка Ловичъ, находящагося въ недалекомъ разстояніи отъ Варшавы.

Во все царствованіе императора Александра I, великій князь Константинъ Павловичъ не только не былъ объявленъ наследникомъ престола, но, напротивъ, подъ конецъ жизни брата своего, силою вышеприведеннаго манифеста, оставленъ былъ въ необходимость отказаться отъ наследованія престола, ибо вторая супруга его утрачивала возможность воспользоваться самыми важными послѣдствіями отъ брака, а лотомство навсегда устранилось не

* Въ издаваемой неизвестнымъ авторомъ въ 1867 году брошюркѣ подъ заглавіемъ: *Воспоминанія о покойномъ генералъ-адъютантѣ Карлѣ Карловичѣ Мердерѣ* говорится будто княгиня Ловичъ пользовалась титуломъ императорскаго высочества. Сколько намъ извѣстно, о бракѣ великаго князя Константина Павловича не было, согласно установившемуся обычаю, формальнаго объявленія. Слѣдовательно бракъ сей принадлежалъ къ числу морганатическихъ, то-есть такихъ когда жена не можетъ пользоваться правами и преимуществами присвоенными высокому происхожденію мужа. Въслѣдствіе сего, имя княгини Ловичъ, какъ не принадлежавшей къ членамъ императорской фамиліи, не упоминалось на ектеніяхъ и титуломъ она не пользовалась. Вообще имя ея чрезвычайно рѣдко упоминается въ современныхъ официальныхъ памятникахъ. Единственное исключеніе составляетъ, какъ кажется, наименованіе въ 1826 году одного изъ фрегатовъ Балтійскаго флота ея именемъ.

только отъ престолонаслѣдія, но даже и отъ всѣхъ правъ предоставленныхъ членамъ императорской фамиліи, въ томъ числѣ и титула императорскаго высочества.

Манифестъ 20го марта 1820 года былъ дополнительнымъ актомъ учрежденія объ императорской фамиліи, установленнаго императоромъ Павломъ I въ 1797 году. Въ силу этого учрежденія, ни одинъ членъ императорскаго дома не имѣетъ права вступить въ брачный союзъ безъ согласія царствующаго государя. Нѣтъ никакого сомнѣнія что независимо отъ препятствій долженствовавшихъ возникнуть при расторженіи брака со стороны духовной власти, ни императоръ Александръ I, ни родительница его, императрица Марія Θεодоровна, не могли дать безусловаго согласія на вторичный бракъ великаго князя Константина Павловича съ особою которая по происхожденію своему и по воспитанію не только не могла возбудить въ себѣ довѣрія или сочувствія народа, но напротивъ возбуждала основательныя и весьма важныя его опасенія. Какъ въ политическомъ отношеніи, такъ и въ практической жизни, распоряженіе означеннаго манифеста было въ высшей степени благоразумно и полезно, въ особенности если принять во вниманіе случай подавшій поводъ къ его обнародованію.

Государственный актъ этотъ, свидѣтельствующій о дальновидности и патріотизмѣ императора Александра I, имѣлъ въ виду устраненіе тѣхъ многосложныхъ послѣдствій которыя неминуемо должны были потрясти всѣ нравственныя основы нашего отечества, еслибы на престолѣ православной Россіи и во главѣ императорской семьи явилась женщина воспитанная въ предразсудкахъ польскаго католицизма. Великій князь впрочемъ и самъ очень хорошо понималъ что женитьбою своею на Польшѣ Грудзинской онъ поставилъ себя относительно націи въ двусмысленное положеніе. * Вышеприведенныя обстоятельства кажутся доста-

* Великій князь Константинъ Павловичъ родился 27го апрѣля 1779 года, скончался въ Витебскѣ 15го іюня 1831 года отъ холеры, къ которой подготовленъ былъ душевными огорченіями. Благодаря его заботамъ была сформирована превосходная польская армія, въ тактическомъ образованіи которой намъ пришлось убѣдиться во время войны 1831 года. Великій князь отзывался о Полякахъ, говорилъ: „moi Поляки“, и, наконецъ, чтобы болѣе съ ними сблизиться, самъ

точно уже убѣждаютъ что антиправительственная дѣятельность тайныхъ обществъ и наконецъ самое возмущеніе 14го декабря вовсе не имѣла цѣлюю возстановленія будто бы нарушенныхъ правъ великаго князя Константина Павловича. Раскрытые Варшавскимъ слѣдственнымъ комитетомъ и Петербургскою комиссіей переговоры декабристовъ съ Поляками объ умерщвленіи великаго князя доказываютъ что нѣмные интересы цесаревича нисколько не совпадали съ видами заговорщиковъ.

Живая на Польшѣ. Конечно, мы теперь можемъ все это осуждать, но нескромность съ какою стремилась къ примиренію двухъ народностей и государь и государевъ братъ не можетъ быть подвергнута сомнѣнію. Въ посажденіи когда оказались люди ошибочной политики, воспоминаніе о доверчивомъ увлеченіи сдѣлалось для великаго князя источникомъ тяжелой скорби. Въ письмахъ своихъ къ графу Густаву Штакеальбергу, посланныхъ изъ Солона и Витебска, онъ описывалъ свое горестное положеніе и сѣдавшую его току при мысли что вся Россія будетъ его винить за покровительство злѣйшимъ ея врагамъ, которыхъ онъ образовалъ на пагубу своихъ соотечественниковъ; что всѣ жертвы войны должны лечь камнемъ на его совѣсть. Эти душевные страданія не давали покоя великому князю и наконецъ свели его въ могилу. Читая его предсмертныя письма нѣтъ возможности воздержаться отъ слезъ. Впрочемъ не одніи душевныя тревоги были причиною преждевременной смерти великаго князя: свели его также въ гробъ богатые привычки и крайнее неискусство докторовъ окружавшихъ его смертный одръ. Онъ любилъ во всякую пору оказываться холодною водою, а во время жаровъ тереться льдомъ; былъ охотникъ до жирныхъ блюдъ нашей кухни, особенно до колебакъ. Не оправившись еще отъ простуды, послѣ вечерней прогулки по городу, онъ заговорился на крыльцѣ съ состоявшимъ при его особѣ контръ-адмираломъ Колазаковымъ, и хотя почувствовалъ охворѣть, но покушалъ ягодъ со сливками. Предъ утромъ обнаружился признакъ холеры. Единственный въ городѣ врачъ умѣвшій пользоваться отъ этой болѣзни, поляковой аѣкаръ Горскій, къ несчастію, не былъ допущенъ къ великому князю Куршнемъ, Гюбенталемъ и другими врачами, людьми пожилыми и не имѣвшими еще случая ознакомиться со свойствами этой новой въ то время болѣзни, считавшейся заразнойю. Около семи часовъ вечера его не стало. Внезапная кончина великаго князя подава заграничною печатью поводъ къ распространенію самыхъ неслыханныхъ слуховъ. Обвиняли въ его смерти графа Орлова, будто бы пріѣхавшаго въ Витебскъ, но дѣло въ томъ что графъ Орловъ въ 1831 году въ Витебскѣ вовсе и не былъ.

Многіе полагаютъ будто тайныя общества возбуждены были суровою системою управленія графа А. А. Аракчеева, выразившейся въ особености учрежденіемъ военныхъ поселеній. Но при нѣскольکو серіозной оцѣнкѣ событій окажется что военныя поселенія, по первоначальной мысли, вовсе не были плодомъ минутной прихоти или административной фантазіи, но вызваны соображеніями государственной необходимости. Военныя поселенія были учреждены въ то тяжкое время когда Россія была раззорена рядомъ непрерывныхъ войнъ съ Франціею, Швеціею, Турціею и на Кавказѣ; когда обнаружилось государственное банкротство въ 1809 году, приостановлены были платежи казеннымъ подрядчикамъ и не взирая на значительное возвышеніе налоговъ и совершенное почти прекращеніе государственныхъ работъ, казначейство не въ силахъ было, безъ пособія вѣнскихъ займовъ, удовлетворить надобность въ чрезвычайныхъ расходахъ; когда, наконецъ, континентальная система убила нашу вѣдную торговлю, а съ тѣмъ вмѣстѣ пресѣкла важнѣйшій источникъ доходовъ.* Такое отчаянное положеніе финансовъ побудило императора Александра прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Одною изъ такихъ мѣръ долженствовало быть учрежденіе военныхъ поселеній, допускавшее значительныя сокращенія въ самомъ обременительномъ для казны расходѣ—на содержаніе войскъ.

Извѣстно какое значеніе въ исторіи Рима имѣла система поселенія въ завоеванныхъ областяхъ легионовъ, всюду приносившихъ съ собою своихъ боговъ, свои обычаи, законы,

* Возникло множество невозобразимыхъ въ настоящее время затрудненій. Вслѣдствіе прекратившагося привоза такъ-называемыхъ колониальныхъ произведеній обнаружилась, напимѣръ, недостатокъ коркового или пробкового дерева, произвелъ остановку въ продажѣ водки, а съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшеніе самаго главнаго источника казенныхъ доходовъ. Вопросъ о закупориваніи бутылокъ поднался вдругъ на высоту государственнаго вопроса, надъ которымъ пришлось призадуматься. Одинъ чиновникъ Министерства Финансовъ, предложившій въ замѣкъ корковой пробки бумажную свернутую по особому способу, выручилъ изъ затрудненія нашихъ финансистовъ, за что и былъ награжденъ орденомъ *Св. Владиміра 4й степени*.

зыкъ. Ничего почти не стоившее содержаніе многочисленныхъ римскихъ арміи * дало возможность государству оберечь несмѣтные сокровища и оставить памятники искусства изумляющіе отдаленное потомство своею громадностью и вѣковѣчностью. Въ Австріи военныя поселенія также играли весьма важную роль. Военная граница, населенная воинственными славянскими племенемъ, не разъ спасала Австрію отъ опустошительныхъ набѣговъ Турокъ. Но игдѣ военныя поселенія не представляютъ столь поучительнаго зрѣлища какъ въ Швеціи. Здѣсь вся армія, со времени Карла XI, уже въ теченіи двухъ лѣтокъ, водворена на казенныхъ земляхъ и начиная отъ генерала и до солдата всѣ помѣны соответствующими участками земли. Такимъ образомъ, во времена мира, лучшая часть населенія, цвѣтущая здоровьемъ и избыткомъ физическихъ силъ, не только не составляетъ для государства бремени, но и вноситъ въ общую сокровищницу народнаго богатства свою долю труда.

Учрежденіе военныхъ поселеній, удешевлявшее содержаніе войскъ, не было ново и въ Россіи. Заселеніе окраинъ нашего государства воинственными казаками, дѣтьми боярскими и дворянами, существовало еще въ XV вѣкѣ. Во многихъ мѣстахъ поселенія эти устраивались даже вольными людьми, помимо всякаго правительственнаго вмѣшательства. Поселенія эти сохранились отчасти нынѣ въ своей старинной своеобразной формѣ казачьихъ войскъ, снабжающихъ нашу армію лучшими наѣздниками въ мирѣ.

Что касается до первоначальной мысли устройства военныхъ поселеній, то она принадлежитъ искреннѣйшему патриоту и извѣстному финансисту адмиралу Мордвинову, предложившему 10го іюня 1810 года, въ мнѣніи своемъ, какъ предсѣдателя Департамента Экономіи въ Государственномъ Совѣтѣ, о надѣленіи войскъ землею изъ казенныхъ лачъ, въ размѣрѣ 2.000 десятинъ на каждый баталіонъ, съ тѣмъ чтобы войска, занимаясь земледѣліемъ, сами заботились о своемъ продовольствіи. Замѣчательно что при обсужденіи этой государственной мѣры, вызванной крайнею залуганностью финансовъ, графъ Дракчевъ былъ на сторонѣ ея противниковъ. Проектъ

* Области должны были содержать кромѣ легионовъ множество римскихъ чиновниковъ, получавшихъ, смотря по мѣсту, опредѣляемыя оклады деньгами и натурой.

графа Мордвинова однако жъ полюбился императору Александру, и послѣ многихъ измѣненій, государь положилъ начало поселенію войскъ, въ видѣ опыта и безъ огласки, еще въ 1811 году, въ Климовичскомъ староствѣ Могилевской губерніи, гдѣ и были водворены по одному баталіону изъ Полоцкаго и Елецкаго полковъ; но война 1812 года приостановила дальнѣйшее развитіе этой мѣры. Съ окончаніемъ граничныхъ войнъ запутанное положеніе нашихъ финансовъ не прекратилось. Очевидная необходимость капитальнаго исправленія этой важной отрасли государственнаго хозяйства не давала покоя императору Александру, на опытѣ извѣдавшему опасность вѣнскихъ займовъ. Послѣ всѣхъ жертвъ понесенныхъ въ предшедшія войны, на нашу долю остались только неоплаченные долги, слава и Польша, которую послѣ французскаго управленія можно было улудобить выжатому лимону. Большая часть жителей западной половины Имперіи, опустошенной войною, не только не въ силахъ были платить подати, но еще просили о пособіи. При такихъ обстоятельствахъ, весьма естественно должна была снова возникнуть мысль о военныхъ поселеніяхъ. Такъ и случилось: вслѣдъ за окончаніемъ войнъ, 1го января 1815 года, когда, можно сказать, носился еще въ воздухѣ пороховой дымъ, состоялось положеніе о поселеніи Елецкаго полка. Въ 1817 году приступлено было къ постепенному водворенію на казенныхъ земляхъ Новгородской, а въ послѣдствіи и Витебской губерній нѣкоторой части войскъ, съ тѣмъ чтобы солдаты живя у крестьянина и помогая ему въ обработкѣ полей продовольствовался уже отъ земли, а не отъ государства.

Но та форма въ которой осуществились поселенія была непригодна для практики и породила великія злоупотребленія. Подчиняя мирнаго земледѣльца постоянной военной диктатурѣ и мелочной регламентаціи, совершенно скоывавшей свободу его дѣйствій, управленіе поселеніями брадо на себя почти неразрѣшимую задачу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ насилие и незаконныя дѣйствія администраціи простерлись до сумазбродства. Чиновники, чтобы составить опредѣленное число тяголъ въ деревнѣ, вѣнчали сотнями по селенныхъ солдатъ съ дочерьми крестьянъ по жребію, и спрашивая ихъ согласія. Были случаи что многія дѣвушки

во совершеніи брачнаго обряда, при выходѣ изъ храма, лишали себя жизни. Даже самое поселенное хозяйство при началѣ не приносило ожидаемыхъ выгодъ. Нѣкоторыя изъ назначенныхъ на поселеніе войскъ должны были строить для себя новыя деревни. Будучи высланы для сего въ мартѣ мѣсяцѣ, они располагались бивуаками на снѣгу, рубили дѣсь и изъ сыраго дерева строили для себя избы, которыя должны были окончить къ началу полевыхъ работъ. Цѣлыя роты поражены были куриною снѣлотой. Несвоевременныя и тяжкіе труды порождали въ войскахъ столь же великую смертность какаѣ бываетъ послѣ кровопролитнаго сраженія. Хотя всѣ эти безпорядки потомъ и были прекращены и управленіе совершенно измѣнилось, особенно въ послѣдующее царствованіе, послѣ новгородскаго возмущенія, * но первоначальная дурная слава и всеобщее недовѣріе къ военнымъ поселеніямъ преслѣдовали ихъ до конца существованія. **

* Мыѣ доводилось слышать отъ нѣсколькихъ лицъ хорошо знакомыхъ съ дѣлами того времени и заслуживающихъ довѣріе что вождѣ за восстаніемъ польской шляхты въ 1830 году были высланы изъ Варшавы многіе эмиссары и для возмущенія Новгородскихъ военныхъ поселеній, но въ дѣлахъ бывшихъ въ моихъ рукахъ мыѣ не случалось однако встрѣчать какихъ-либо свѣдѣній о наказаніи или поимкѣ эмиссаровъ.

** Въ тѣ времена носились даже слухи будто военныя поселенія не только не уменьшали издержекъ казны на содержаніе войскъ, для чего они собственно и были учреждены, но напротивъ ввели казну въ огромные расходы. Не вдаваясь въ разрѣшеніе финансоваго вопроса, мы полагаемъ однако не лишнимъ упомянуть что въ апрѣлѣ 1826 года, когда Аракчеевъ испрашивалъ разрѣшенія отправиться для поправленія здоровья къ Карасбадскимъ водамъ, то въ письмѣ своемъ къ императору Николаю представилъ что за всѣми расходами на содержаніе военныхъ поселеній имѣется сбереженія имъ и хранящихся въ наличности свыше 32 милліоновъ рублѣй. Эти-то сбереженія и доставили возможность правительству не только сдѣлать всѣ необходимыя приготовленія, но и съ успѣхомъ окончить возгорѣвшуюся въ то время Персидскую войну. Что касается поселеннаго хозяйства, то оно находилось въ цвѣтущемъ состояніи. Въ поселеніяхъ неурожаевъ не знали; они снабжали Петербургъ въ изобиліи овсомъ, сѣномъ и другими произведеніями сельскаго хозяйства. Новгородскіе помѣщики и въ настоящее время держатся той же методы земледѣлія которая заведена была въ поселеніяхъ и признають ее за лучшую.

Устройство поселеній было возложено на графа А. А. Аракчеева, официально носившаго званіе председателя департамента дѣлъ военныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ, неофициально же бывшаго довѣреннымъ лицомъ императора Александра, докладывавшимъ дѣла отъ всѣхъ министерствъ. Сынъ бѣднаго дворянина, безъ связей и протекцій, Аракчеевъ быстро возвысился изъ учителей математики до высшихъ должностей, благодаря только личнымъ своимъ дарованіямъ, замѣчательному уму, изумительному трудолюбію и внушающему удивленіе безкорыстію. Пренебрегая связями со знатію и незнакомый съ удовольствіями семейной и свѣтской жизни, * Аракчеевъ всецѣло посвятилъ себя службѣ государю, отъ котораго не принималъ ни наградъ, ни отличій. Изъ орденовъ имѣлъ только пожалованные ему императоромъ Павломъ въ 1797 году Св.

* Графъ Аракчеевъ былъ женатъ на Хомутовой, съ которою жилъ врознь. Разлука произошла слѣдующимъ образомъ. Проѣзжая однажды по Италіанской улицѣ, Аракчеевъ замѣтилъ постройку большого каменнаго дома. Узнавъ что домъ строится оберъ-полицеймейстеромъ, получающимъ 100,000 р. экстраординарной суммы на секретные расходы, Аракчеевъ доложилъ объ этомъ подозрительномъ обстоятельствѣ государю. Состоялось Высочайшее повелѣніе произвести Аракчееву ревизію экстраординарной суммы. Оберъ-полицеймейстеръ сталъ умолять государя объ отмівѣ ревизіи, но приказано повиноваться. Книга тотчасъ же была представлена для ревизіи. Можно себѣ представить изумленіе Аракчеева, когда онъ прочелъ что жена его два раза уже получила изъ этой суммы по 5,000 руб. По обревизованіи книги, Аракчеевъ всю ночь проходилъ по кабинету. Рано утромъ приказалъ онъ своему камердинеру позвать жену какъ только проснется. Когда она вошла къ нему въ кабинетъ, онъ встрѣтилъ ее словами: „Вы, сударыня, изволите брать ваятки съ полиціи?“— „Я не понимаю о чемъ вы говорите“, сказала она.— „Я говорю что вы взяли отъ оберъ-полицеймейстера два раза по 5,000 рублей!“— „Я бы никакъ ихъ не взяла, еслибы маменька...“ но графъ не позволялъ ей продолжать и объявилъ томъ же допускающимъ возраженій:— „Женщина которая состоитъ на содержаніи тайной полиціи не можетъ болѣе оставаться у меня въ домѣ. Извольте убираться куда хотите; чтобы черезъ чашъ вашего духа у меня не пахло.“ Въ послѣдствіи Аракчеевъ вступилъ въ связь съ извѣстною Настасьей Милкалою, бывшею крѣпостной у помѣщика Ямбургскаго уѣзда Веймарна. Народъ прозывалъ ее *источницей*, то-есть обворожительницей или ворожейей.

Анна и Александра Невскаго. Императоръ однажды пожаловалъ ему свой портретъ, украшенный драгоценными камнями, для ношенія на шеѣ; Аракчеевъ принялъ портретъ, но брилліанты возвратилъ въ кабинетъ его величества. Во время пребыванія своего въ Парижѣ Александръ произвелъ графа Аракчеева въ фельдмаршалы, о чемъ былъ уже написанъ собственноручный рескриптъ, но онъ отказался и просилъ государя отменить это пожалованіе. Говорятъ что Аракчеевъ, если сохранилъ довѣренность къ себѣ императора Александра, то благодаря одному угодничеству и подлой лести. * Но бывалъ ли когда недостатокъ въ угодникахъ при дворахъ государей? Очевидно Аракчеевъ имѣлъ и нынѣ какія-либо достоинства которыхъ у другихъ угодниковъ не было. Къ тому же Александръ былъ не такой государь котораго возможно бы было обманывать въ теченіи четверти столѣтія. Должно припомнить какихъ просвѣщенныхъ и умныхъ докладчиковъ имѣлъ Александръ: Сперанскаго, Кочубея, Новосильцова и другихъ. Но не взирая на всѣ достоинства этихъ людей, перевѣсь государева довѣрія всегда былъ на сторонѣ Аракчеева, завѣдывавшаго не одною, а всѣми отраслями государственнаго управленія. Вѣроятно, кромѣ безкорыстія, государь цѣнилъ и другія качества Аракчеева; на примѣръ его распорядительность, благодаря которой такъ счастливо окончена Финляндская война и наша разстроенная артиллерія доведена до высокой степени совершенства. Благодаря тому же Аракчееву обузданы страшныя расхищенія по комиссаріатской, провіантской, госпитальной и инженерной частямъ, съ которыми тщетно боролись всѣ наши прежніе администраторы. Очень можетъ быть что государь цѣнилъ и то чувство которымъ руководился Аракчеевъ предложивъ первый въ 1812 назначить главнокомандующимъ

* Никакое стремленіе угодить государю, никакія обстоятельства, не могли переломить его крутаго нрава. Онъ зналъ на примѣръ что государю не по сердцу его обхожденіе съ Кутайсовымъ; но сказать Кутайсову онъ было выше силъ Аракчеева, и онъ обходилася съ нимъ по старинѣ, напоминавшей темное происхожденіе Кутайсова. Только въ царствованіе Александра, Аракчеевъ смягчился къ нему какъ къ возносящему слугѣ государя, общаго имъ благодѣтеля. „См. *Сенд. о А. А. Аракчеевъ*, собр. Ратчезъ.“ *Воен. Собр.* 1861. № 5.

арміями князя Кутузова, личнаго своего врага. Аракчеевъ былъ дѣлнымъ Александромъ какъ неподкупный и вѣрный исполнитель его воли, способный искоренить злоупотребленія заражавшія всѣ отрасли нашей администраціи. Говорятъ также что Аракчеевъ былъ лишенъ всякаго образованія. Но и это едва ли справедливо: онъ былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ въ артиллерійскомъ и инженерномъ корпусѣ, гдѣ получали въ то время лучшее образованіе, откуда вышли полезнѣйшіе для службы дѣятели, откуда, наконецъ, вышелъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дипломатовъ и полководцевъ, князь Кутузовъ-Смоленскій. Аракчеевъ за успѣхи въ наукахъ получилъ золотую медаль и былъ преподавателемъ еще до производства въ офицеры, а потомъ въ домѣ князя Салтыкова. Изъ языковъ Аракчеевъ зналъ только французскій, на которомъ, впрочемъ, не говорилъ. Онъ дѣйствительно не обладалъ свѣтскимъ образованіемъ, необходимымъ для дипломата или царедворца, но на эти профессіи они никогда не представлялъ претензій. Народному же просвѣщенію онъ постоянно покровительствовалъ; слѣдилъ за обученіемъ поселянъ ремесламъ и поддерживалъ ланкастерскія школы до конца своего управленія. Уничтоженныя вездѣ, въ военныхъ поселеніяхъ эти школы просуществовали до тридцатыхъ годовъ и принесли плоды. * Аракчеевскіе каллиграфы и чертежники славились своимъ искусствомъ, въ послѣдствіи улавшимъ. Онъ былъ замѣчательнѣйшимъ военнымъ администраторомъ своего времени. Дѣлецъ, изучившій до малѣйшихъ подробностей всѣ части административнаго механизма, Аракчеевъ никогда не удовлетворялся однимъ бумажнымъ распоряженіемъ, но требовалъ быстрого и точнаго исполненія на самомъ дѣлѣ. Своимъ приближеннымъ онъ часто говаривалъ: „Мы все сдѣлаемъ; отъ насъ, Русскихъ, нужно требовать невозможнаго чтобы достичь возможнаго“. Необходительный, своеобразный и жесткій въ общеніи, онъ считалъ людей за алгебраическіе знаки, годные лишь для разрѣшенія извѣстныхъ государственныхъ задачъ. Безъ лощады преслѣдуя расплодившіяся въ то время взяточничество, нерадѣніе и бездѣйствіе, онъ былъ истиннымъ бичомъ

* Изъ дѣлъ комитета для учрежденія училищъ взаимнаго обученія видно что въ 1828 году въ округахъ военного поселенія школъ по методу взаимнаго обученія было 198, въ коихъ находилось учащихся 21.362 человека. Дѣло 1831 года, картонъ № 516.

для всѣхъ кто не подчинялся его желѣзной волѣ: однихъ предавалъ свѣдѣнію и суду, другихъ противъ желанія удерживалъ на службѣ, третьихъ подвергалъ самому строгому контролю. „Я знаю что меня крѣпко бранять, говорилъ Аракчеевъ, но что же дѣлать? Вѣдь дѣти всегда плачутъ когда ихъ мучатъ.“ За свою взыскательность онъ приобрѣлъ отъ современниковъ славу самовластнаго и жестокосердаго вельщика.

Грубый и безчеловѣчный, особенно при началѣ своего поприща, Аракчеевъ былъ сынъ своего суроваго времени. Какъ ни ненавистна была для современниковъ его угрюмая личность, для потомства она являетъ черты заслуживающія справедливой оцѣнки. Не можетъ же оно смотрѣть на государственнаго человѣка управлявшаго важнѣйшими дѣлами въ Имперіи и бывшаго въ теченіи двадцати лѣтъ ближайшимъ содѣятелемъ и правою рукою просвѣщеннѣйшаго государя, глазами людей выгнанныхъ изъ службы за пороки или неспособность; не можетъ же оно, подобно современникамъ, интересоваться дрязгами его домашней жизни и въ то же время оставлять безъ вниманія его заслуги, его безкорыстіе, съ которымъ могло сравниться только безкорыстіе Румянцева, его государственную дѣятельность и наконецъ завѣщаніе всего имуществва на пользу общую. * До

* Для характеристики графа Аракчеева, мы полагаемъ не лишнимъ прибавить нѣсколько собравныхъ намъ замѣтокъ. Однажды когда Спераскій, прогостивъ у него нѣсколько дней въ селѣ Грузинѣ, сталъ улаживать, Аракчеевъ, просидѣвшій съ нимъ, долго еще промѣщая глазами удалявшійся экипажъ Спераскаго, и когда тотъ скрылся изъ виду, то онъ сказалъ бывшему тутъ же соборному Грузинскому протоіерею Николаю Степановичу Ильинскому: „Еслибы мнѣ Богъ далъ только четвертую долю его ума, я былъ бы великимъ человѣкомъ“. Когда возникли сомнѣнія объ отпускѣ Карамзину изъ государственнаго канцелярства денегъ на отпечатаніе его *Исторіи*, Аракчеевъ поручилъ передать ему что въ случаѣ если по какимъ-либо причинамъ казна не выдастъ ему просимыхъ денегъ, то онъ съ удовольствіемъ предложилъ бы ему 50.000 для сего изданія. Въ христіанской запискѣ Аракчеева собиралось до ста лицъ ожидавшихъ его съ рапортами, докладами и для представленій по разнымъ случаямъ. Въ часѣ другихъ ожидали выхода графа иногда боѣе получаса и нѣкоторые князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ. Аракчеевъ, войдя въ залу, обыкновенно садился на диванъ и начиналъ

сихъ поръ еще не имѣется въ виду, да едва ли когда-нибудь отыщется, какое-либо современное свидѣтельство удостовѣряющее чтобы деспотизмъ Аракчеева или злокачественность воеяныхъ поселеній столкнули декабристовъ въ тайныя общества. Очевидно что жестокосердіе Аракчеева и народныя страданія не были въ спискѣ причинъ породившихъ тайныя общества.

Полагаютъ также что не безъ вліянія на образованіе тайныхъ обществъ были неблагоразумныя дѣйствія Магницкаго и Рувица, двухъ вліятельныхъ чиновниковъ Министерства Народнаго Просвѣщенія стремившихся подъ видомъ интересовъ православія и верховной власти къ удовлетворенію затѣи собственнаго честолюбія. Преувеличенными донесеніями своими они полагали возбудить правительство противъ самаго существованія университетовъ, представляя ихъ разсадниками невѣрія и нравственнаго растаѣнія, угрожающими сложостію государства. Изъ сохранившихся дѣлъ министерства видно что въ главномъ правленіи училищъ былъ подвѣсть

принимать рапорты отъ начальниковъ разныхъ частей, выслушивая ихъ донесенія, дѣлалъ вопросы и замѣчанія. Слуста минутъ пять или десять онъ обращался къ великимъ князьямъ, которые между тѣмъ все время стояли: „Можете сѣсть, ваше высочество“, говорилъ онъ обводя глазами великихъ князей и съ едва примѣтнымъ наклономъ головы. Будущій владыка Россіи, безъ малѣйшаго признака неудовольствія или нетерпѣнія, подчинялся суровымъ требованіямъ службы. Эти продолжительныя ожиданія въ приемной и позднія приглашенія великихъ князей сѣсть происходили каждый разъ и всегда однообразно, такъ что подавали поводъ предполагать что дѣлался по извѣстной программѣ предписанной самимъ императоромъ. Кончина императора Александра повергла Аракчеева въ неописанную горестъ, едва не помрачившую его разсудокъ. Онъ сдѣлался сосредоточень, задумчивъ и печаль свою обнаруживалъ въ какой-то необычайной и своеобразной формѣ. Если онъ обѣдалъ одинъ, то на столѣ ставились два куверта, и если въ саду, то столъ накрывался возлѣ бюста императора Александра Павловича, предъ которымъ и ставилась другой кувертъ. На маадшемъ мѣстѣ садился самъ Аракчеевъ. Когда по окончаніи обѣда подносили кофе, то предъ бюстомъ государя, окруженнымъ цвѣтами, онъ почтительно ставилъ чашку изъ которой покойный императоръ всегда кушалъ кофе, когда бывалъ въ Грузинѣ, а другую, обыкновенную, ставилъ предъ собою. Просидѣвъ около часа въ размышленіи, Аракчеевъ вставалъ изъ-за стола и бережно выливалъ кофе изъ государственной чашки на цвѣты.

мерость объ упраздненіи Казанскаго университета; но по счастью оная изъ членовъ правленія, просвѣщенный С. С. Уваровъ, отстоялъ существованіе этого рассадника науки. Въ представленіи мѣрѣн, оная съ благородною откровенностью далъ замѣтить всю несообразность увлеченій Магницкаго, заставившихъ, какъ оныя выразилась, „Министерство Народнаго Просвѣщенія вмѣсто основанія или усовершенствованія высшихъ училищъ и распространенія всѣхъ способовъ ученія разсуждать предъ лицомъ отечества о преданіи политической смерти одного изъ русскихъ университетовъ, съ толикимъ трудомъ сооруженныхъ“. Но кромѣ отсутствія какихъ-либо свидѣтельствъ указывающихъ на связь тогдашнихъ университетскихъ безпорядковъ съ тайными обществами, необходимо также имѣть въ виду что проектъ Магницкаго объ упраздненіи Казанскаго университета и слѣдствіе произведенное Руничемъ при С.-Петербургскомъ университетѣ случились въ 1819 и концѣ 1821 годовъ, слѣдовательно спустя уже много лѣтъ послѣ основанія тайныхъ обществъ. Что касается вольномыслия университетской науки, о которомъ такъ много въ то время говорили, то оно не доставило въ тайныя общества ни одного профессора и, сколько извѣстно, ни одного студента.

Столь же неосновательно и предположеніе будто строгія мѣры принятыя правительствомъ по поводу возмущенія Семеновскаго полка послужили поводомъ къ образованію тайныхъ обществъ.

Истинною причиною возмущенія было вовсе не жестокосердіе полковника Шварца, а назначеніе полковаго командира въ гвардейскій полкъ изъ арміи. Въ этомъ назначеніи гвардейскіе офицеры видѣли не только нарушеніе привилегіи своей, освященной временемъ, снабжать армію полковыми командирами, но и нововведеніе невыгодное для ихъ движенія по службѣ. Въ возникшемъ отсюда неудовольствіи офицеровъ и нужно отыскивать ключъ къ раскрытію настоящихъ причинъ этого печальнаго событія. Безъ этой тайной побудительной причины невозможно было бы объяснить почему самыя законныя и дѣльныя требованія полковника Шварца могли подать поводъ къ нелюбовности безпримѣрной въ нашихъ войскахъ. Такъ какъ истинныя причины этого событія вообще малоизвѣстны и оно еще не получило правдивой и справедливой оцѣнки, то мы полагаемъ не лишнимъ

т. етх.

2

представить по этому предмету нѣсколько свидѣній добытыхъ нами изъ архивовъ и изъ устъ многихъ современниковъ видѣвшихъ это событіе и знавшихъ Шварца. *

По окончаніи заграничныхъ войнъ, Семеновскій полкъ, сформированный изъ молодыхъ и необыкновенно красивыхъ людей, былъ лучшимъ по своему составу изъ всей гвардіи. Общество офицеровъ также отличалось отъ прочихъ гвардейскихъ полковъ; многіе изъ нихъ принадлежали къ весьма богатымъ дворянскимъ фамиліямъ. Извѣстные лично государю, который былъ шефомъ полка, они пользовались нѣкоторыми снисхожденіями начальства, имѣли доступъ въ высшее петербургское общество, и какъ люди которымъ судьба сулила въ будущемъ львиную долю почестей, богатства и власти, держали себя въ отношеніи къ прочимъ офицерамъ гвардіи съ тою самоувѣренностію и холодною вѣжливостію которыя болѣе походили на покровительство чѣмъ на простоту отношеній обыкновенно существующихъ между товарищами по ремеслу. Полковой командиръ былъ знатный и богатый баричъ, генералъ-адъютантъ Потемкинъ, личности добродушная, представительная и надѣленная всѣми благами фортуны. Службою онъ мало занимался и смотрѣлъ сквозь пальцы на всѣ отступленія отъ служебныхъ порядковъ своихъ подчиненныхъ. Въ тѣ времена, въ гвардейскихъ полкахъ, и особенно въ Семеновскомъ полку, господствовали привычки барства: офицеры никогда не являлись на ротныя и одиночныя ученія и считали дѣломъ не достойнымъ своего званія заниматься обученіемъ людей, протонкою одеждою и амунициею или подробностями солдатска-

* До настоящаго времени всѣ свидѣнія о Семеновской исторіи основывались исключительно на показаніяхъ офицеровъ Семеновскаго полка, имѣвшихъ причину представлять дѣло въ выгодномъ для себя свѣтѣ. Для изложенія нашего разказа, мы прочли нигдѣмъ еще не тронутое громадное подлинное дѣло о возмущеніи лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, въ шести большихъ связкахъ, изъ архива бывшаго аудиторіатскаго департамента, и кромѣ того пользовались казаніями современниковъ знавшихъ и закулисную, не официальную сторону дѣла: дѣйств. тайн. сов. А. А. Жандра, генералъ-лейтенантъ: П. П. Пуцина, П. М. Дарагана, дѣйств. ст. сов. Е. Н. Ракова и другихъ, благоволившихъ сообщить намъ свои воспоминанія. Мы не могли также оставить безъ вниманія и показанія нижнихъ чиновъ, свидѣтельствовавшихъ, что всему дѣлу виною были госпо-

жизни. * На разводы и полковыя или баталіонныя ученья они обыкновенно прѣѣзжали въ каретахъ уже на самый плацъ или въ манежъ, и по окончаніи не слѣдовали вмѣствъ съ солдатами въ казармы, а тотчасъ же разѣѣзжались по домамъ. Всѣ подробности внутренняго управленія и хозяйственной части полка находились въ рукахъ фельдфебелей, искусныхъ и свекорыстныхъ знатоковъ военнаго хозяйства. По временамъ государь свисходительно замѣчала дурную приголку или неформенную одежду на людяхъ. Въ 1819 году, на смотру Новгородскаго гарнизоннаго баталіона, государь нѣсколько разъ повторилъ что Волковъ (генераль-майоръ, комендантъ новгородскій) одѣвалъ гарнизонныхъ солдатъ лучше Семеновскаго полка. Очень можетъ быть что до слуха государя доходили и смутныя извѣстія о частыхъ сходкахъ на квартирѣ Сергія Муравьева-Алостола и князя Трубецкаго, гдѣ въ то время собирались будущіе декабристы, семеновскіе офицеры: Матвій Муравьевъ-Алостоль, Якушкинъ, князь Шаховской, Толстой, Тютчевъ, юнкеръ Бестужевъ-Рюминъ и другіе. Изъ словъ князя Меншикова, бывшаго прѣѣздомъ около того времени въ Москвѣ, видно что императору Александру было извѣстно о какихъ-то тайныхъ обществахъ между военными. **

* Нѣкоторые писатели увѣрають будто благодаря необыкновенно просвѣщеннымъ и гуманнымъ взглядамъ семеновскихъ офицеровъ прѣѣѣтала въ этомъ полку грамотность, и обращеніе съ нижними чинами было столь деликатно что тѣлесныя наказанія совершенно упразднились. Архивныя дѣла однакоже свидѣтельствуютъ иное: только въ одномъ Семеновскомъ полку и не было ланкастерскихъ школъ, устроенныхъ въ прочихъ полкахъ гвардіи. Трудно также повѣрить и сердобольному обхожденію офицеровъ съ подчиненными, когда одинъ поручикъ этого полка за нѣсколько дней до возмущенія, за ничтожный проступокъ, далъ солдату 500 палокъ и потомъ хотѣлъ повторить это наказаніе, вынудивъ солдата къ побѣгу.

** За нѣсколько недѣль до Семеновскаго возмущенія, когда государь былъ еще въ Петербургѣ, князь И. В. Васильчиковъ получалъ отъ одного лица сообщеніе, для донесенія государю, о существованіи обширнаго тайнаго политическаго общества въ которомъ принимали участіе семеновскіе офицеры. Замѣчательно что Потемкинъ никогда не подозрѣвалъ о существовавшемъ въ его полку, въ продолженіи четырехъ лѣтъ, тайномъ политическомъ обществѣ, не подозрѣвалъ что офицеръ его полка, князь Федоръ Шаховской, въ октябрѣ 1818 года, предлагалъ воспользоваться временемъ когда Семеновскій полкъ будетъ стоять въ караулѣ для совершенія злодѣйскаго умысла.

Какъ бы то ни было, но государь счелъ нужнымъ назначить новаго полковаго командира въ Семеновскій полкъ. Его выборъ палъ на лучшаго изъ полковыхъ командировъ грендерскаго корлуса, полковника Шварца, человека строгаго и безкорыстнаго, лично извѣстнаго государю по своей храбрости и заслугамъ въ предшедшія войны. Шварцъ, бѣдный смоленокій дворянинъ, не имѣвшій никакихъ протекцій, въ теченіи десяти лѣтъ офицерской службы въ арміи, получалъ всѣ чины и ордена за отличіе въ сраженіяхъ. Въ ноябрѣ 1819 года онъ былъ назначенъ командующимъ лейбъ-гвардіи грендерскимъ полкомъ, а въ половинѣ марта слѣдующаго года переведенъ въ Семеновскій полкъ, и вслѣдъ затѣмъ, 9го апрѣля 1820 года, назначенъ командиромъ этого полка.

Нечаянное назначеніе новаго полковаго командира изъ арміи совершенно олюблило честолюбивые пламы офицеровъ разчитывавшихъ занять мѣсто Потемкина или воспользоваться открывающимися по этому случаю вакансіями для производства въ слѣдующіе чины. Кромѣ того, семеновскіе офицеры, у которыхъ при прежнемъ безлечномъ командирѣ полка, слоконно собирались всѣ члены тайнаго общества, почувствовали что отъ зоркихъ глазъ Шварца не долго будутъ сокрыты ихъ политическія бесѣды. Отсюда началась непримиримая вражда офицеровъ къ Шварцу, окончившаяся его паденіемъ и раскасірованіемъ Семеновскаго полка. Изъ подлиннаго военно-суднаго дѣла видно что не прошло еще и мѣсяца со дня перевода Шварца въ Семеновскій полкъ, какъ штабъ-офицеры секретно и частнымъ образомъ пріѣзжали къ начальнику штаба гвардейскаго корлуса, генераль-адъютанту Бенкендорфу, сообщить о неудовольствіи на своего полковаго командира за грубое и строгое его обращеніе съ нижними чинами. Въ послѣдствіи, когда учреждена была военно-судная коммиссія, эти штабъ-офицеры не представили никакого доказательства что нижніе чины точно жаловались тогда на Шварца. Изъ доведенія же представляемаго въ коммиссію Бенкендорфомъ видно что дѣло шло главнымъ образомъ о неудовольствіи офицеровъ, а не нижнихъ чиновъ, и что офицеры домогались смѣщенія своего полковаго командира. „Если поступки полковника Шварца, писалъ Бенкендорфъ, возбудили ролотъ офицеровъ, то въ то время когда я имѣлъ помянутый разговоръ офицеры должны были знать сколько недостаточно одного

иногда какъ для оправданія ихъ ролота, такъ и для доказательства неспособности Шварца командовать полкомъ.*

Взгляды новаго полковаго командира на обязанности службы и солдатскую собственность отличались строгою легальностью. Замѣтивъ что отъ нижнихъ чиновъ требуютъ исправленія аммуниціи на свои деньги, Шварцъ приказомъ по полку Ню мая обязалъ ротныхъ командировъ ни подъ какимъ видомъ не дозволять людямъ покупать на свои деньги казенныхъ вещей, а еще болѣе исправлять ихъ изъ артельной суммы. Весьма естественно что вновь заводимые Шварцемъ порядки, переранжировка людей, смотры по десяткамъ одежды и аммуниціи, производимые всегда имъ лично, не могли понравиться офицерамъ, которые должны были при томъ присутствовать. Показывая пренебреженіе къ смотрамъ своего полковаго командира, не только ротные командиры, но, какъ по суду оказалось, даже полковники отпрятывались отъ нихъ подъ самыми пустыми предлогами, не скрывали своего неудовольствія къ Шварцу предъ нижними чинами и даже въ присутствіи ихъ громко осуждали и подвергали насмѣшкамъ дѣйствія своего начальника.* Одинъ изъ современниковъ рассказываетъ что однажды они подговорили за деньги одного Жиду, продавца колець и перстней, ходить по казармамъ и разглашать между солдатами будто Шварцъ ему, Жиду, родной братъ. Около того же времени стали носиться по городу какіе-то невѣроятные слухи о чудовищной жестокости Шварца

* О двусмысленномъ поведеніи Семеновскихъ офицеровъ писалъ тогда флигель-адъютантъ Д. П. Бутурлинъ къ князю Воаконскому, находившемуся въ то время при государѣ въ Троппау, слѣдующее: „Les esprits s'aigrissaient de plus en plus. Les officiers y contribuaient par les imprudentes conversations qu'ils se permettaient en présence des soldats, et qui avaient pour objet de diffamer encore davantage leur chef, en relevant avec âpreté tout ce qu'il y avait de répréhensible dans sa conduite.“ Въ другомъ мѣстѣ онъ присовокупляетъ: „Les officiers semblent flotter entre la crainte de la honte, qui va rejaillir sur leur corps et le plaisir de se voir vengés de Schwartz.“ *Исторія царствованія императора Александра, генералъ-лейтенанта М. И. Богдановича, кн. V, стр. 512. Жихаревъ, ближайшій другъ извѣстнаго Чадаева, въ биографіи его опредѣлительно говоритъ что возмущеніе было произведено офицерами подстрекавшими солдатъ противъ своего полковаго командира. См. *Петръ Яковлевичъ Чадаевъ. Вспоминанія Егоромъ, 1871, кн. VII, стр. 199.**

будто онъ застрѣляетъ солдатъ до смерти, заставляетъ ихъ голыхъ маршировать и распариваетъ имъ въ банѣ кофта и стулны для полученія игры въ носкѣ.

Назначенные Шварцомъ раза по два или по три въ недѣлю осмотры аммуниціи на двухъ или трехъ десяткахъ солдатъ и были поводомъ къ возмущенію роты Его Величества. 16го октября 1820 года, въ 10 часу вечера, рота безъ приказанія, подъ предлогомъ переключки, построилась для принесенія ротному командиру, капитану Кашкарову, коллективной жалобы объ отбѣнѣ назначеннаго на слѣдующій день смотра одному десятку, а также о нежеланіи солдатъ служить съ полковникомъ Шварцомъ. Кашкаровъ, вмѣсто вразумленія нижнихъ чиновъ, сказалъ имъ: „что жь дѣлать, братцы! Я и самъ знаю что вамъ трудно“. По нашимъ законамъ, принесеніе жалобъ нижними чинами дозволяется только на инспекторскомъ смотрѣ или по начальству, и то не иначе какъ каждому за себя, а не за другихъ; всякія же сходки для составленія или принесенія общихъ просьбъ или жалобъ во всѣхъ благоустроенныхъ арміяхъ составляютъ одно изъ самыхъ тяжкихъ преступленій. Послѣ безплодныхъ увѣщаній начальникомъ штаба, командовавшей корпусомъ генералъ-адъютантъ Васильчиковъ приказалъ привести роту въ манежъ, спросилъ ее, но не встрѣтивъ раскаянія, объявилъ нижнимъ чинамъ что передаетъ ихъ суду и аресту въ Петропавловской крѣпости. Когда вѣсть объ арестованіи роты Его Величества пронеслась по полку, то въ ночь съ 17го на 18е октября остальные три роты 1го баталіона также самовольно собрались и стали требовать чрезъ ротныхъ командировъ освобожденія арестованной роты. Утромъ 18го октября почти весь полкъ былъ въ сборѣ на полковомъ дворѣ, и когда пріѣхавшіе одинъ за другимъ, начальникъ штаба, генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ и, наконецъ, командовавшей корпусомъ приказывали солдатамъ построиться къ инспекторскому смотрѣ, то 2й и 3й баталіоны хотя и начали было выстраиваться, но люди первыхъ трехъ фузелерныхъ ротъ расталкивали ихъ и кричали изъ толпы объ освобожденіи государственной роты. Тогда генералъ-адъютантъ Васильчиковъ отправилъ весь Семеновскій полкъ подъ арестъ въ Петропавловскую крѣпость. Полковникъ Шварцъ, у котораго ночью были выбиты въ квартирѣ стекла, причемъ конюхъ, удерживавшій солдатъ отъ буйства, подвергся побоямъ, не рѣшился выдти къ

полку, почему и былъ отрѣшенъ генераль-адъютантомъ Васильчиковымъ отъ командованія полкомъ. Послѣ того были назначены изъ гвардейскихъ штабъ-офицеровъ двѣ военно-судныя коммиссіи подъ предсѣдательствомъ генераль-адъютантовъ А. Ѡ. Орлова и В. В. Левашова: одна надъ полковникомъ Шварцомъ, а другая надъ нижними чинами Семеновскаго полка. Всѣ дѣйствія Шварца въ продолженіи семимѣсячнаго командованія полкомъ, всѣ распоряженія и взысканія его подвергнуты были самому тщательному разсмотрѣнію и со строгостію не допускаяшею и мысли о малѣйшемъ ему послабленіи или снисхожденіи. Генераль-аудиторъ Булычевъ простеръ свою строгость до того что обвинилъ Шварца за отпускъ будто бы имъ нижнихъ чиновъ на работу, отъ чего полкъ остался де безъ денегъ. Когда же по вѣдомостямъ оказалось что Семеновскій полкъ по количеству выработанныхъ денегъ былъ богаче другихъ и стоялъ на второмъ мѣстѣ, то вмѣсто того чтобы сознаться въ неосновательности своего обвиненія, Булычевъ написалъ что ему остается только удивляться. Офицеры не щадили Шварца и показывали на судъ что нижніе чины приносившіе на него жалобы въ ординарсаузѣ были потомъ жестоко наказываемы. Но оказалось что всѣ наказанія производимы были по предписаніямъ выше и приказами по полку за весьма важныя проступки и даже преступленія, напримѣръ за побѣги; что же касается до жалобъ въ ординарсаузѣ, то по донесенію коменданта отъ 2го февраля, „на лицо Шварца не поступило ни одной жалобы, а была одна на фельдфебеля Воронова, а другая на заведывавшаго швальней поручика Анненкова; но по двумъ слѣдствіямъ произведеннымъ по симъ жалобамъ, по предписанію командовавшимъ корлусомъ, оказались онѣ несправедливими“. Кромѣ того, Шварць обвинялся сослуживцами въ чрезмѣрномъ отягощеніи нижнихъ чиновъ ученьями, отъ чего происходило большое заболѣваніе и смертность; что не отпуская солдатъ на работу, чрезъ что полкъ остался безъ денегъ, что по корыстолюбію своему приказывалъ солдатамъ выметать изъ-подъ ларей соръ и выносить его изъ казармы на дворъ, тогда какъ на очистку ямъ отпускалаь особая сума. Но по изслѣдованію оказалось что ученья производимы не чаще какъ и въ другихъ полкахъ, что больныхъ въ тотъ же періодъ времени, при генераль-адъютантѣ Потемкинѣ, поступило въ полковой госпиталь 1.312 и умерло 28

человѣкъ, тогда какъ въ командованіе Шварца отправленныхъ въ госпиталь было только 1.001 и умерло 22 человекъ, что по количеству выработанныхъ денегъ только одинъ полкъ былъ богаче Семеновскаго, заработавшаго 29.777 руб. 99 коп., что очистка ямъ производилась не солдатами, а подрядчикомъ по заключенному контракту; метеніе же ларей и выносъ сора, какъ мѣра опрятности и предохраненія казармъ отъ гнилости, и прежде исполнялась самими нижними чинами.

Но, къ несчастію Шварца, онъ однакоже не могъ оправдаться предъ судомъ въ томъ что не вышелъ къ полку во время возмущенія, что при церковныхъ парадахъ училъ солдатъ такъ долго что они приходили въ церковь къ половинѣ обѣдни, что въ нарушеніе закона наказалъ двадцатью фуктелями двухъ нижнихъ чиновъ имѣвшихъ знаки отличія военнаго ордена, что приказалъ плевать на подгулявшаго, растаутаго и замочившаго чѣмъ-то бѣлыми лавталовы стрѣлка Боченка, который желая пройти въ свое мѣсто между переногъ, разстроилъ фронтъ. За всѣ сіи вины полковникъ Шварцъ, приговоренный сначала къ смертной казни чрезъ повѣшеніе, былъ отставленъ отъ службы съ тѣмъ чтобы впредъ нигде не принимать. Безпристрастіе требуетъ сказать что Шварцъ до назначенія въ Семеновскій полкъ уже командовалъ двумя полками и ни въ одномъ не имѣлъ репутаціи жестокосерднаго, надобѣдающаго или безтолковаго командира. Черезъ два года по отставленіи Шварца онъ былъ снова принятъ на службу прежнимъ полковничьимъ чиномъ — лучшее доказательство что настоящія причины возмущенія полка заключались не въ личности Шварца, а въ томъ подстреканіи и направленіи умовъ нижнихъ чиновъ постороннимъ внушеніемъ о которыхъ доносилъ генералъ-адъютантъ Васильчиковъ во всеподданнѣйшемъ своемъ мнѣніи. Нельзя также оставить безъ вниманія одну весьма характеристическую черту Шварца, рѣдко встрѣчавшуюся между его современниками и совершенно улуценную изъ виду позднѣйшимъ поколѣніемъ. Когда въ военно-судную комиссію предъявлены были обвиненія въ корыстолюбіи его и сдѣланы недобросовѣстнѣйшіе начеты, то при разсмотрѣніи маимыхъ злоупотребленій Шварца, комиссія неожиданно обнаружила что онъ не только не пользовался, по примѣру прежнихъ полковниковъ, извѣстными доходами, но еще уступилъ въ пользу солдатъ всю эконсію отъ дровъ, свѣчныхъ денегъ и отъ

огородовъ, тогда какъ эта экономія, простиравшаяся ежегодно отъ 30 до 40.000 руб. асс., въ силу установившагося и освященнаго временемъ обычая, поступала въ полкую собственность преемственниковъ его, изъ которыхъ одинъ имѣлъ свыше 300.000 годового дохода отъ своихъ помѣстій. Человѣкъ обладающій подобнымъ нравственнымъ закаломъ и великодушно отказывающійся отъ своихъ доходовъ въ пользу солдата, едва ли могъ быть такимъ тираномъ каковымъ его выставили послѣдующіе писатели, повѣрившіе на-слово неосновательнымъ слухамъ. Двѣ военносудныя комиссіи и потомъ третья дополнительная, не взирая на всѣ старанія, не могли однако же отыскать никакихъ доказательствъ жестокости. Не вѣрилъ жестокосердію Шварца и мятежному духу Семеновцевъ и самъ императоръ Александръ, который, получивъ въ Троппау извѣстіе о возмущеніи любимаго имъ полка, въ откровенномъ письмѣ своемъ къ графу Аракчееву писалъ: „никто въ свѣтъ меня не убѣдитъ чтобы сіе происшествіе было вымыслено солдатами, или происходило единственно, какъ показываютъ, отъ жестокаго обхожденія съ оными полковника Шварца. Онъ былъ всегда извѣстенъ за хорошаго и исправнаго офицера и командовалъ съ честью полкомъ. Отъ чего же вдругъ сдѣлаться ему варваромъ?“ Императоръ Николай Павловичъ, которому всѣ подробности Семеновскаго возмущенія, конечно, были хорошо извѣстны, не считалъ Семеновскихъ солдатъ за возмутителей. Когда въ 1826 году, въ самый разгаръ слѣдственнаго дѣла о декабристахъ, главнокомандующій Ію арміею князь Саксъ вошелъ съ представленіемъ о переводѣ всѣхъ бывшихъ Семеновцевъ въ Кавказскую армію, то государь приказалъ извѣстить фельдмаршала что отличное усердіе и безпорочное поведеніе этихъ нижнихъ чиновъ, соотоявшихъ прежде подъ непосредственнымъ его начальствомъ, лично ему извѣстны и что затѣмъ не полагаетъ необходимымъ прибѣгнуть къ предлагаемой мѣрѣ.* Въ послѣдствіи бывали даже случаи что унтеръ-офицеры стараго Семеновскаго полка, служившіе въ арміи, снова переводимы были въ гвардію въ прежній свой полкъ.

* См. дѣла главнаго штаба Его Императорскаго Величества, секретный исходящій журналъ за мартъ мѣсяць 1826 года.

Возмущеніе Семеновскаго полка было представлено иностранцамъ какъ признакъ общественнаго неудовольствія противъ правительства, но въ дѣйствительности оно не имѣло никакого политическаго значенія и было продуктомъ самаго мелкаго честолюбія. Единственное же сближеніе Семеновскаго и декабрьскаго возмущеній кажется заключается въ томъ что въ обоихъ случаяхъ нижніе чины были слѣпыми орудіями, дѣйствовавшими безсознательно, для поддержанія такихъ замысловъ которые не только имъ были чужды, но даже и ненавистны.

Не имѣло ли вліянія на учрежденіе тайныхъ обществъ возстановленіе Царства Польскаго съ предоставленіемъ оному особаго представительнаго правленія? Ни въ запискахъ декабристовъ, написанныхъ во время нахождения ихъ въ ссылкѣ, ни въ другихъ документахъ не встрѣчаемъ указаній на это вліяніе. Не забудемъ что значительное большинство * людей

* Объ отдѣленіи отъ Россіи западныхъ губерній для составленія независимаго Польскаго государства была ведена въ январѣ 1824 года членами Южнаго Общества негодіація съ польскимъ Патриотическимъ Обществомъ, условия которой и были внесены въ составленную тогда конвенцію, истребленную въ посаѣдствіи Юшневскимъ. Полномочными депутатами при этихъ переговорахъ были: съ русской стороны, сначала Бестужевъ-Рюминъ, а потомъ Пестель и князь Воаковскій, а съ польской сначала подполковникъ Северинъ Крыжановскій, а потомъ князь Антоній Яблоновскій и Гроденскій. Въ донесеніи слѣдственной комиссіи читаемъ: „Южное Общество обязало признать независимость Польши, возвратитъ ей завоеванныя области, еще не совсѣмъ слывшіяся съ Россією (qui ne sont pas encore russifiées), между прочимъ область Бѣлостокскую, губерніи Гродненскую, часть Виленской, Минской и Подольской“. Изъ донесенія же Варшавскаго слѣдственнаго комитета, представленнаго въ декабрѣ 1826 года, видно что Польшу предлагалось возстановитъ еще въ болѣе обширномъ размѣрѣ, а именно въ предѣлахъ 1792 года. Такимъ образомъ, плодороднѣйшія области Имперіи, населенныя православленіемъ малороссійскимъ народомъ и составляющія нынѣ Киевское и Одесское генералъ-губернаторства, великодушнo уступались Пестелемъ и Бестужевымъ-Рюминымъ польскому шаякетству. Въ донесеніи сказано: „предъ началомъ переговоровъ было объявлено княземъ Яблоновскимъ что такъ какъ единственная цѣль общества отъ имени котораго оны дѣйствуетъ есть возвращеніе независимости Польши въ предѣлахъ бывшихъ до втораго раздѣла оной;

эпохи считавшихся передовыми и даже лицъ имѣвшихъ преобладающее вліяніе на общій ходъ тогдашняго правленія сочувствовали возстановленію Польши. Не многіе противники этого возстановленія были извѣстны на перечь. Изъ особъ же приближенныхъ къ императору Александру и пользовавшихся его довѣріемъ, до сихъ поръ извѣстны только двое имѣвшіе настолько гражданскаго мужества чтобы высказать съ должною откровенностію всѣ послѣдствія такого необыкновеннаго

то прежде всего ему надобно просить депутатовъ общества русскаго асаго объявленія согласно ли сіе общество на независимость его отечества?—Пестель на это отвѣтилъ что въ семь не можетъ быть ни малѣйшаго затрудненія, что есаибъ и возникли какія-либо сомнѣнія на сей счетъ, то жителямъ дадутъ на выборъ присоединиться къ тому или другому государству по своей волѣ. Въ послѣдствіи, когда члены Сѣвернаго Общества стали упрекать членовъ Тульчинской думы за уступку Полякамъ западныхъ областей, то Пестель и Давыдовъ отвѣчали: „Какъ быть! слово уже дано, и на то была воля Южнаго Общества.“

На второмъ допросѣ въ комиссіи, происходившемъ 18го января, Пестель сознался что веденные имъ съ Поляками переговоры заключались въ пяти слѣдующихъ пунктахъ: 1) признаніе независимости Польши, 2) взаимное содѣйствіе на случай вѣшной войны; 3) одинаковый образъ правленія; 4) поступить Полякамъ съ Цесаревичемъ какъ будетъ поступлено въ Россіи съ прочими великими князьями, и 5) увѣдомлять о всѣхъ сношеніяхъ съ другими обществами въ Европѣ, а равно и съ Англією, и никакихъ не заключать обязательствъ безъ согласія русскихъ заговорщиковъ.

Въ донесеніи Варшавскаго слѣдственнаго комитета, преисполненномъ противорѣчіями, подвергается сомнѣнію существованіе этого договора на томъ основаніи что актъ конвенціи не былъ подписанъ съ польской стороны. Но слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду что основными правилами польскихъ заговорщиковъ всегда запрещалось какія-либо письменныя сношенія, и потому обрядъ заключенія всѣхъ возможныхъ договоровъ, въ томъ числѣ и конвенцій, происходилъ безъ бумаги и чернилъ. Въ показаніяхъ своихъ Пестель ясно говоритъ: „сношенія происходили личными переговорами: при чемъ никакой переписки не было“. Варшавскій комитетъ, повидимому, полагалъ обязательными для заговорщиковъ дипломатическіе обряды и формы установленныя для употребленія въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

дѣла. То были Н. М. Карамзинъ и состоявшій въ некоторое время въ нашей дипломатической службѣ Корсиканецъ, графъ Поццо-ди-Борго. * Изъ декабристовъ Кюндратій Рыльцевъ, въ думѣ своей *Иванъ Сусанинъ* и въ небольшомъ отрывкѣ изъ поэмы *Исповѣдь Навоитки*, осмѣлился идти противъ общаго теченія, насколько было тогда возможно, доказывая своимъ звучнымъ стихомъ всю неспособность шляхетской Польши не только къ свободнымъ учрежденіямъ, но даже къ простому уваженію религиозныхъ чувствъ своихъ согражданъ, обманомъ и насиліемъ привуждаемыхъ къ вѣроотступничеству. Къ числу противниковъ возстановленія Польши необходимо еще присовокупить бывшего въ 1813 году председателемъ временнаго управленія Варшавскаго герцогства В. С. Ланскаго, который во всеподданнѣйшемъ письмѣ своемъ откровенно изъяснилъ что „въ формируемомъ польскомъ войскѣ литаемъ мы змیا, готоваго всегда на насъ изліять ядъ свой,“ ** и генераль-майора Орлова, составившаго коллективное прошеніе къ императору Александру I, о неудобствахъ распространенія конституціонныхъ учрежденій Царства Польскаго на западныя губерніи, а также о невыгодныхъ послѣдствіяхъ отъ образованія отдѣльнаго Литовскаго корпуса. Прошеніе было уже подписано нѣсколькими людьми, когда Орловъ, узнавъ что оно можетъ быть не угодно государю, счелъ долгомъ уничтожить его. Николай Тургеневъ замѣчаетъ по поводу этого прошенія что онъ укорялъ Орлова за узкій и рабочій патріотизмъ, завлекшій де его за предѣлы благораз-

* Записка Карамзина была подана императору Александру I 17го октября 1819 года. Она напечатана въ *Неизданныхъ сочиненіяхъ и перепечаткѣ Николая Михайловича Карамзина*, ч. I, 1862 года. Записка Поццо-ди-Борго, представленная 8го октября 1814 года, напечатана въ книгѣ Тургенева: *La Russie et les Russes*. Tome I, pag. 310. Также въ *Histoire d'Alexandre I, Empereur de Russie*, par Golovine, 1859 года, стр. 249.

** В. С. Ланской представилъ это письмо послѣ обнародованія въ Варшавѣ возстановленія Царства Польскаго и принатія императоромъ Александромъ королевскаго титула. Онъ писалъ что вмѣсто покорнаго благодаренія за попеченіе о судьбѣ націи, Поляки видятъ въ объявленіи титула короля и въ обладаніи конституціоннымъ правленіемъ не милость, но опасеніе послѣдствій отъ блага съ Завбы. *Русскій Архивъ*, 1863 года, стр. 839—842.

умія. * Подобныхъ замѣчаній, характеризующихъ незрѣлость нашего тогдашняго либерализма и неслытность политическихъ воззрѣній, можно не мало встрѣтить въ запискахъ Тургенева. Слѣдующій образчикъ дастъ о томъ еще болѣе полное понятіе. Когда при восстановленіи Царства Польскаго въ 1815 году императоръ Александръ назначилъ въ эту область главнокомандующимъ войсками великаго князя Константина Павловича и комиссаромъ своимъ тайнаго совѣтника Н. Н. Новосильцова, то эти два назначенія, внушенные благородною предусмотрительностью для соглашенія управления вновь присоединяемой области съ интересами великаго государства, подали поводъ автору упомянутыхъ записокъ къ слѣдующему размышленію: „если, говоритъ онъ, строго судя, конституція еще могла ужиться съ комиссаромъ, то назначеніе главнокомандующаго очевидно было излишнимъ. Подобное начальство и конституція не могли вмѣстѣ существовать, хотя лицо облеченное этимъ начальствомъ и было тогда же избрано депутатомъ на сеймъ отъ предмѣстья Праги, кровавой памяти“. Престранно звучатъ такія разсужденія въ устахъ русскаго человѣка, до того проникнутаго либеральнымъ благоговѣніемъ къ польской конституціи что для нея онъ готовъ принести въ жертву и своихъ соотечественниковъ и драгоценнѣйшіе интересы своей страны. Эта космополитическая скорбь, завѣянная на душу Тургенева воспоминаніемъ потерь повеселенныхъ Поляками во время знаменитаго штурма Суворова, очень хорошо обрисовываетъ праздный и искусственный либерализмъ стараго поколѣнія, не умѣвшаго взглянуть взглядомъ русскаго человѣка даже на такія событія въ которыхъ ихъ отцы проливали свою геройскую кровь. Но если насъ несприятно поражаетъ въ нашемъ землякѣ совершенное притупленіе національнаго чувства, то его политическія соображенія возбуждаютъ едва ли не большее удивленіе. Стоитъ только рѣшить вопросъ: что бы вышло еслибы наше правительству, слѣдуя конституціоннымъ вожденіямъ Тургенева, рѣшилось безотчетно передать всю военную силу въ Царствѣ Польскомъ въ руки Поляковъ?

Можно полагать что декабристъ Корниловичъ, отличавшійся отъ сотоварищей своихъ по несчастію знаніемъ отечественной

* *La Russie et les Russes. T. I. Mémoires d'un proscrit. pag. 67—68.*

исторіи, не принялъ бы на себя печальной роли доставителя къ князю Трубецкому постыдной конвенціи объ уступкѣ Полякамъ русскихъ областей, еслибы не страдалъ оскудѣніемъ національнаго чувства.

Не считаемъ нужнымъ за тѣмъ распространяться о псевдо-великодушномъ желаніи декабристовъ уступить Полякамъ возвращенныя отъ Польши древнія наши области, покрытыя сплошнымъ русскимъ населеніемъ; не входимъ также въ разсмотрѣніе какія именно части нашего государства должны были по соображеніямъ и щедротамъ декабристовъ отойти отъ Россіи къ Польшѣ; для насъ, въ настоящемъ случаѣ, важенъ только неопровержимый и не подлежащій ни малѣйшему сомнѣнію фактъ предполагавшагося раздѣла нашего отечества, фактъ обнажающій дѣйствительныя чувства и отношенія тайныхъ обществъ къ Полякамъ, мечтавшимъ о восстановленіи независимой Польши. Эти чувства и отношенія не только были чужды всякой вражды или зависти къ Полякамъ, но напротивъ отличались полнѣйшимъ сочувствіемъ къ постройкѣ Польскаго государства на развалинахъ нѣсколькихъ русскихъ областей. * Что же могли значить одиночные голоса Рыдѣва или Орлова съ другомъ его Дмитріевымъ-Мамоновымъ, если и считать сихъ послѣднихъ за членовъ тайныхъ обществъ, когда всѣ единицы этихъ обществъ и въ

* Необходимо замѣтить что въ позднѣйшихъ запискахъ декабристовъ, въ особенности въ изданныхъ въ шестидесятыхъ годахъ, встрѣчается совсѣмъ иной, болѣе зрѣлый взглядъ на отношенія Россіи къ Польшѣ и на другіе вопросы нашей внутренней политики, чѣмъ тотъ который господствовалъ между ними до 1825 года. Время умудряетъ. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, имѣвшій возможность познакомиться во время странствій своихъ по Сибири, въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ, со многими декабристами, замѣтивъ что значительная часть ихъ не знаютъ первыхъ основаній политическихъ наукъ, спросилъ однажды Никиту Муравьева: какимъ образомъ не бывъ вовсе подготовлены образованіемъ для политической дѣятельности вы рѣшились принять на себя громаднѣйшій трудъ всеобщаго преобразованія нашего государства? Ваше замѣчаніе вѣрно, отвѣчалъ Муравьевъ, мы затѣяли дѣло полными невѣждами и только здѣсь принялись за книги, читаемъ ихъ, учимъ другъ друга и стараемся образовать себя, чтобы поддержать въ публикѣ то доброе мнѣніе которое она составила о насъ.*

особенности главнѣйшіе руководителя простосердечно вѣрили въ несправедливость уничтоженія шляхетской Польши и съ спокойною совѣстью вели переговоры съ Поляками о раздробленіи историческаго наслѣдія Русскаго народа? Заблужденіе неестественное и едва ли не безпримѣрное въ отношеніяхъ другихъ народовъ, но къ несчастію однакоже подтвержденное самымъ ходомъ событій и достоверными письменными свидѣтельствами самихъ членовъ тайныхъ обществъ! Нѣтъ, оскорбленное возстановленіемъ Польши національное чувство не было побудительною причиною къ учрежденію тайныхъ обществъ.

Гдѣ же наконецъ слѣдуетъ искать настоящихъ причинъ тайныхъ обществъ? Какъ объяснить такое странное явленіе что передовые люди русскаго общества, цвѣтъ нашей молодежи, члены древнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ родовъ, поднимаютъ руку свою для разтерзанія той страны за которую ихъ предки ложились костями?

Бросая общій взглядъ на смутную дѣятельность тайныхъ обществъ, закончившихся безплоднымъ взрывомъ 14го декабря, мы видимъ въ этомъ печальномъ явленіи неизбежный, строго логическій результатъ того умственного движенія которое господствовало въ нашемъ обществѣ въ первую четверть настоящаго столѣтія. Движеніе это характеризовалось легкомысленнымъ презрѣніемъ основныхъ стихій нашей народной жизни и историческихъ условій страны, конфузливостію за все свое, какъ варварское, и преклоаніемъ предъ европейскими формами безъ яснаго уразумѣнія ихъ сущности, поговорою за тѣмъ что не будучи таковымъ казалось либеральнымъ и просвѣщеннымъ. На русской почвѣ, въ тѣхъ лицахъ, распускались такіе экзотическіе цвѣты какъ немецкіе колонисты, французскіе эмигранты, иезуиты * или

* Цифра иезуитами совращенныхъ въ латинство изъ благородныхъ русскіхъ фамилій, начиная съ русскаго дворянина Петровскаго времени Ладыженскаго, идетъ crescendo въ послѣдующія царствованія, особенно въ эпоху царствованія императора Павла; лучшія русскія фамиліи переходятъ въ латинство; тутъ встрѣчаются имена Бутураниныхъ, Голицыныхъ, Волконскихъ, Гагариныхъ, Шуваловыхъ, Баязиновыхъ, Ростопчиныхъ, Толстыхъ, Кологривовыхъ и другихъ.* См. М. Морозкина: *Иезуиты въ Россіи съ царствованія Екатерины II и до нашего времени*, ч. I, стр. VIII.

мальтійскіе кавалеры. Западныя наши области, присоединенныя оружіемъ, мы награждали конституціями, особыми арміями, университетами, бюджетами и такимъ богатствомъ правъ и привилегій что ни одинъ инородецъ не могъ пожелать быть русскимъ гражданиномъ. Съ другой стороны, мы равнодушно относились къ единоводному намъ унитскому и даже православному населенію покрывавшему сѣдошь всю западную Россію и восточную часть Царства Польскаго. Съ такимъ же равнодушіемъ относились мы къ судьбѣ эстонскаго и латышскаго племенъ въ прибалтійскихъ областяхъ. Съ подобнымъ же забвеніемъ собственныхъ интересовъ мы сохранили въ завоеванной Финляндіи особое управленіе, шведскіе законы и шведскій языкъ, чуждые большинству финскаго племени. Страдая хроническимъ великодушіемъ, мы не задумались въ 1809 году присоединить къ Финляндіи и Выборгскую губернію, древнюю отчину завѣщанную намъ господиномъ Великимъ Новгородомъ, и такимъ образомъ своихъ православныхъ земляковъ подчинили шведскимъ законамъ и заставили учиться шведскому языку. Съ подобнымъ же непротестительнымъ забвеніемъ государственныхъ и народныхъ интересовъ поступали и декабристы, договариваясь съ Поляками о преданіи имъ нашихъ земляковъ живущихъ въ западныхъ областяхъ Россіи. Нельзя при этомъ не замѣтить что такой эксцентрической способъ исправленія нашихъ гражданскихъ неурядицъ былъ лучше въ ходъ преимущественно тѣмъ изъ декабристовъ которые воспитывались не въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, а подъ руководствомъ иноземныхъ наставниковъ. * При искреннемъ желаніи добра своей родицѣ, мы въ то же время торопились сбросить съ себя всѣ признаки русской народности; питая въ душѣ любовь къ отечеству, мы по странному противорѣчію въ то же время изгнали изъ употребленія свой родной языкъ, замѣнивъ его въ своемъ домашнемъ быту иностраннымъ. Въ эту эпоху нерѣдко

* Пестель, два брата Муравьевыхъ-Апостоловъ и Н. Тургеневъ воспитывались за границею. Бестужевъ-Рюминъ такъ плохо зналъ русскій языкъ что показанія свои доставилъ въ сѣдственную комиссію на французскомъ языкѣ. Изъ дѣла видно что князь Волконскій, Давыдовъ и Юшневскій, также сочувствовавшіе уступкѣ Полякамъ русскихъ областей, воспитывались подъ надзоромъ иностранныхъ гувернеровъ.

доводилось видѣть сановниковъ, занимавшихъ важныя посты, которые объяснялись по-русски подобно иностраннѣмъ ремесленникамъ поселившимся въ Россіи. Считаю родной языкъ неспособнымъ для выраженія утонченнаго понятія, многіе не могли слышать его звукъ даже изъ устъ своей прислуги, которую обучали иностраннѣмъ языкамъ. * Отъ пренебреженія къ родному языку не удержались даже и наши канцеляріи. Въ архивахъ нѣкоторыхъ министерствъ сохранилось множество дѣлъ того времени веденныхъ на французскомъ языкѣ. Намъ самимъ довелось читать въ архивахъ министерствъ: Военнаго и Народнаго Просвѣщенія множество официальныхъ донесеній и докладовъ писанныхъ не по-русски лицами русскаго происхожденія. По окончаніи Отечественной Войны, даже многіе изъ нашихъ гвардейскихъ солдатъ переняли отъ Французовъ по нѣскольку фразъ и привѣтствій. Офицеры въ шутку часто здоровались съ ними по-французски, а одинъ изъ гвардейскихъ генераловъ подѣзжая къ выстроившимся полкамъ, и не въ шутку привѣтствовалъ ихъ: „Bon jour, люди!“ на что солдаты не затрудняясь давали обычный свой отвѣтъ: „Здравія желаемъ вашему превосходительству!“ **

Время отрезвленія должно было наступить. Но прежде мы должны были испить до дна чашу горькихъ разочарованій. Въ нашей общественной и государственной жизни долженъ былъ совершиться крутой поворотъ. Къ несчастію, такіе историческіе повороты въ жизни народовъ не могутъ совершаться безъ тяжкихъ страданій для современниковъ. Стоя у подножія монумента Петра Великаго, декабристы были убѣждены

* Въ бытность мою, дѣтъ тридцать тому назадъ, въ мѣстечкѣ Корсуки, Кіевской губерніи, принадлежавшемъ свѣтѣйшему князю Лопухину, мнѣ довелось видѣть училище заведенное для обученія латинскихъ дѣтей французскому языку.

** Въ царствованіе императора Николая Павловича языкъ привѣтствій нѣсколько измѣнился. Во время Венгерской войны 1849 года, когда послѣ Передскаго сраженія юный императоръ Австрійскій, только-что вступившій тогда на престолъ, пожелалъ увидѣть присланную къ нему на помощь дивизію генерала Памютина, онъ предпринялъ къ кому-то обратися для изученія русскіхъ военныхъ привѣтствій. Но въ тотъ моментъ когда онъ подскочилъ къ войскамъ память ему измѣнилась и онъ громко крикнулъ: „ради стараться“. Это новое привѣтствіе произвело на солдатъ превосходное впечатлѣніе, и они отъ души прокричали ему: ура!

что они идутъ вѣрно по пути указанному великимъ Преобразователемъ; въ сердцахъ многихъ изъ нихъ билась ключомъ горячая любовь къ отечеству; какъ просвѣщенные Европейцы, они полагали благодѣлительствовать свою родину давъ ей возможность наслаждаться совершеннѣйшими, какъ имъ казалось, политическими учрежденіями западныхъ обществъ. Они не приняли въ расчетъ одного обстоятельства: прирожденнаго, основаннаго на вѣрномъ историческомъ инстинктѣ, ничѣмъ не истребимаго народнаго отвращенія ото всего способнаго нарушить связь между народомъ и верховнымъ представителемъ единства и силы государства. Обстоятельство это разомъ поставило декабристовъ вмѣстѣ со всѣми ихъ политическими утопіями внѣ народныхъ желаній. Не имѣя подъ собою народной почвы, они, подобно Антею древности, должны были погибнуть между небомъ и землею.

Молва о возущеніи на Сенатской площади проникла въ концѣ декабря 1825 года и въ мирную глушь Рославскаго уѣзда. Листокъ *Русскаго Инвалида*, полученный Муравьевымъ наканунѣ Рождественскихъ праздниковъ, сообщилъ ему первыя свѣдѣнія о печальномъ происшествіи, поразившемъ его своею неожиданностію. Но эти первыя свѣдѣнія были однако же весьма неудовлетворительны; они не заключали въ себѣ ни подробностей возмущенія, ни именъ. Только послѣ Новаго Года извѣстія сдѣлались опредѣлительны и даже нѣкоторые изъ главныхъ участниковъ были названы по фамиліямъ. Въ числѣ ихъ были имена князя Сергѣя Трубецкаго, Никиты Муравьева и другихъ его сослуживцевъ по гвардіи и генеральному штабу, съ которыми онъ былъ знакомъ съ первыхъ дней своей службы. Не менѣе тревожные слухи приносились и съ юга, изъ Кіевской губерніи. Тамъ также было возмущеніе, въ которомъ участвовали его дальніе родственники, три брата Муравьева-Апостолы. *

* Возмущеніе во 2й дѣйствующей арміи было парализовано донесеніемъ капитана Майбороды, извѣщавшаго государя еще въ ноябрѣ о громадномъ заговорѣ Пестеля, имѣвшемъ цѣлю арестовать главнокомандующаго 2ю арміей, князя Витгенштейна, вмѣстѣ съ егo начальникомъ штаба и захватить въ свои руки власть надъ всѣми расположенными въ томъ краѣ войсками. Замыселъ этотъ долженъ былъ осуществиться когда Пестель со вѣрными ему Вятскимъ

Станціонный смотритель въ Рославлѣ разказывалъ какъ двохъ изъ вихъ, оставшихся въ живыхъ, послѣ дѣла между Устамовкой и Королевкой, провезли арестованными въ Петербургъ. Но по мѣрѣ того какъ разъяснились событія омрачавшія первые дни царствованія, Муравьевъ съ каждымъ днемъ дѣлался грустнѣе и задумчивѣе. Учебныя занятія съ младшимъ братомъ Сергѣемъ, которому онъ до того ежедневно преподавалъ математическія науки, въ это время уже едва обращали его вниманіе. Всѣ эти тревожные слухи о людяхъ близкихъ и знакомыхъ заронили въ душу Муравьева заобщее предчувствіе, совершенно разстроившее спокойное теченіе его мирной жизни. Перебирая всѣ обстоятельства своей прошлой жизни, свои знакомства и сношенія со многими лицами, Муравьевъ ясно видѣлъ приближеніе грозы долженствовавшей разразиться надъ нимъ и надъ близкими ему людьми. Предчувствуя скорое свое арестованіе, Муравьевъ рѣшился предъ лишеніемъ свободы повидаться съ своимъ семействомъ, сѣздивъ для того въ Москву, гдѣ супруга его съ дѣтми гостила въ ту пору у своей матери Надежды Николаевны Шереметевой. Говорятъ также будто Муравьевъ, бывъ предупрежденъ о предстоящемъ арестованіи пріателемъ

пѣхотнымъ полкомъ вступить, 1го января 1826 года, для занятія карауловъ въ городѣ Тульчинѣ, гдѣ тогда находилась главная квартира 2й арміи. Но донесеніе Майбороды, посланное въ Таганрогъ командиромъ 3го пѣхотнаго корпуса генераломъ отъ кавалеріи Ротомъ, не застало уже въ живыхъ императора Александра. Находившійся при немъ генераль-адъютантъ Дибичъ вскрылъ донесеніе и въ виду чрезвычайной важности обстоятельствъ тотчасъ же отправилъ генераль-адъютанта Чернышева въ Тульчинъ, для арестованія Пестеля съ его сообщниками. Князь Витгенштейнъ потребовалъ къ себѣ начальника той дивизіи гдѣ командовалъ Пестель полкомъ, вмѣстѣ съ бригадными и полковыми командирами. Пестель ничего не подозревая пріѣхалъ въ Тульчинъ въ одной коляскѣ съ своимъ бригаднымъ командиромъ. У заставы онъ былъ взятъ подъ стражу утромъ 13го декабря, наканунѣ того самаго дня когда въ Петербургѣ произошло возмущеніе на Сенатской площади. Нельзя при этомъ не замѣтить что судьба великихъ событій очень часто зависитъ отъ ничтожныхъ обстоятельствъ: Пестель въ послѣднее время очень опасался чтобы начальникъ штаба П. Д. Киселевъ не лишилъ его командованія полкомъ за безпорядки по управленію: тогда всѣ замысли Пестеля разсыпались бы прахомъ. Генераль-лейтенантъ Ридигеръ, которому поручено было арестовать полковника Артамона

своимъ Храповицкимъ, распорядился уничтоженіемъ всѣхъ сомнительныхъ бумагъ и затѣмъ тотчасъ же собрался въ дорогу. Въмѣстѣ съ младшимъ братомъ своимъ, Сергѣемъ Николаевичемъ, грустный и недовольный, онъ выѣхалъ изъ Лавицъ вскорѣ послѣ Крещенія, и прибылъ въ Москву 11го января.

По пути онъ заѣхалъ къ отцу своему въ Остахово, провѣлъ въ бесѣдѣ съ нимъ весь вечеръ, и оставивъ у него брата своего Сергѣя, на слѣдующій день одинъ отправился въ дорогу. Остановившись у своей тещи, жившей въ то время въ собственномъ домѣ на Бронной, Муравьевъ засталъ все семейство Шереметевыхъ въ великой горести и слезахъ, по случаю арестованія наканунѣ его пріѣзда въ Москву И. Д. Якушкина, его свояка, женатаго на Настасьѣ Васильевнѣ Шереметевой. Желая повидаться и побесѣдовать о недавнихъ происшествіяхъ съ своимъ братомъ Александромъ, онъ тотчасъ послѣ первыхъ привѣтствій отправилъ къ нему посланца извѣстить о своемъ пріѣздѣ. Но посланный возвратился съ горестною новостью, повергнувшею всѣхъ въ неопысанную печаль: онъ былъ свидѣтелемъ арестованія Алексан-

Захаровича Муравьева, командовавшаго въ его дивизіи Ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ, поввалъ сего послѣдняго къ себѣ на чай и въ своемъ кабинетѣ отобразъ у него сабаю. Дивизионный генералъ Тухановскій имѣлъ неосторожность отправить по командѣ къ командиру Черниговскаго полка подполковнику Гебелю распоряженіе объ арестованіи подполковника Сергѣя Муравьева-Апостола, который, бывъ предупрежденъ о томъ, уѣхалъ изъ села Трилецъ, своей батальонной квартиры, въ Житомиръ. Отыскавъ наконецъ его у поручика Кузьмина, Гебель объявилъ повелѣніе объ арестованіи. Прибывшіе вслѣдъ за тѣмъ офицеры напали на Гебеля, который изреченный едва спасся отъ смерти. Муравьевъ-Апостолъ вмѣстѣ съ братьями собравъ полкъ двинулся къ Василькову, изъ котораго наканунѣ Нового Года устремился было къ Бѣлой-Церкви для захвата сокровищъ графини Брамыцкой. Но находясь въ 10-верстахъ въ селѣ Гребенкахъ, узнавъ что нельзя рассчитывать на поддержку со стороны нижнихъ чиновъ 17го егерскаго полка, квартировавшаго въ Бѣлой-Церкви. Получивъ притомъ свѣдѣніе о всеобщемъ движеніи войскъ, Муравьевъ-Апостолъ отправился чрезъ Винницкіе станы къ Устамовкѣ. Но здѣсь встрѣтился съ отрядомъ Гейсмара и послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ взялъ въ плѣнъ съ братомъ своимъ Матвѣемъ. Младшій же его братъ Ипполитъ, наканунѣ прибывшій изъ Петербурга, застрѣлился.

дра Муравьева и опечатанія его бумагъ. При передачѣ отъ него прощальнаго поклона, посланецъ замѣтилъ между прочимъ что производившій арестъ генераль-майоръ Шульгинъ, тогдашній московскій оберъ-полицеймейстеръ, разспрашивалъ его счель подробно и о мѣстѣ жительства Михаила Николаевича Муравьева: дѣйствительно, на слѣдующій день, около 11 часовъ вечера, пріѣхалъ Шульгинъ * и объявилъ Муравьеву Высочайшее повелѣніе объ его арестованіи. Спокойно выслушавъ вѣсть о постигшемъ его несчастіи, онъ безропотно поксрился своей участи. Одѣвшись по-дорожному Муравьевъ и всѣ бывшіе въ комнатѣ усѣлись по мѣстамъ. Когда же по совершеніи обряда прощанія, по старинному русскому обычаю, онъ поднялся и наступила минута разставанія, когда нужно было благословить принесенныхъ маютокъ, то твердость духа его нѣсколько поколебалась. При видѣ дѣтей, глаза его наполнились слезами; онъ перецѣловалъ ихъ всѣхъ нѣсколько разъ, потомъ крѣпко обнялъ жену, и какъ бы оторвавшись отъ ея объятій медленно и безмолвно вышелъ изъ комнаты. Усѣвшись уже въ сани съ генераль-майоромъ Шульгинымъ, онъ увидѣлъ стоящую у крыльца толпу дворовыхъ людей, любившихъ его безъ памяти, мужчинъ и женщинъ, изъ которыхъ многіе подбѣгали къ нему цѣловать руку. Муравьевъ попросилъ позволенія у Шульгина проститься съ ними; обнявшись съ каждымъ порознь, онъ сказалъ заливавшемуся слезами Дамаскину: „Ну, прощай Иванъ! Можетъ Богъ приведетъ намъ скоро опять увидѣться.“

Прибывъ въ оберъ-полицеймейстерскую канцелярію, Муравьевъ около часу еще ожидалъ изготовленія нѣкоторыхъ бумагъ, кои и были потомъ вручены назначенному для сопровожденія его квартальному офицеру московской полиціи. Чиновникъ этотъ, имя котораго къ несчастію намъ неизвѣстно, былъ московскій старожилъ, много слышавшій отъ народной молвы о Муравьевыхъ и питавшій какое-то особое почтеніе къ членамъ этого рода. Въ силу ли нравственнаго обаянія которое производитъ на людей добрая слава извѣстныхъ

* Д. И. Шульгинъ, въ посаждствіи генераль-отъ-инфантеріи и с.-петербургскій военный генераль-губернаторъ, умеръ въ 1854 году. Объ арестованіи Михаила Николаевича Муравьева онъ разказывалъ составшему при немъ для особыхъ порученій полковнику Д. И. Горемыкину, отъ котораго мы заимствовали помѣщаемыя здѣсь подробности.

именъ, или всаѣдствие неотразимаго личнаго вліанія Муравьева на своего солутника, но человекѣколюбивое и даже предупредительное обращеніе этого достойнаго чиновника много облегчило тяжкое положеніе узника, лишеннаго душевнаго спокойствія. Онъ оказывалъ Муравьеву всевозможное вниманіе, заботился объ его столѣ, помогалъ перевязывать разболѣвшуюся его рану и услаждалъ грустный путь своими простыми и безыскусственными разказами. Когда случалось что мрачное настроеніе духа одолевало Муравьева, и изъ груди его вырывался тяжкій вздохъ, то слутникъ его, при такихъ случаяхъ, не упускалъ утѣшать его: „Да полно вамъ грустить, Михаилъ Николаевичъ! Всѣ ваши вздохи ни за грошъ пропадутъ; все перемелется будетъ мука, а что вы будете близкимъ человекѣмъ къ царю и министромъ, такъ за это я вамъ отвѣчаю своею головою!“ При всей безотрадности настоящаго своего положенія, Муравьевъ не могъ воздержаться отъ невольной улыбки слыша подобныя утѣшенія. Въ послѣдствіи когда довелось ему быть министромъ, то припоминая въ домашнемъ кругу разные случаи своей жизни, неоднократно разказывалъ и объ этихъ доброжелательныхъ предсказаніяхъ тогдашняго своего утѣшителя.

По прибытіи въ Петербургъ, Муравьевъ былъ представленъ въ Зимній Дворецъ, гдѣ тотчасъ же отобраны были отъ него генераль-адъютантомъ Левашовымъ необходимыя показанія, а затѣмъ онъ былъ отвезенъ въ Петропавловскую крѣпость. * О времени заключенія его въ крѣпости мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній: не можемъ повтому сказать какъ долго онъ въ ней содержался, и когда именно переведенъ для лѣченія своей разболѣвшейся ноги въ 1й военно-сухопутный, что нынѣ 2й, госпиталь, находящійся на Выборгской Сторонѣ. Извѣстно только что большую часть своего ареста онъ

* Высочайше учрежденная свѣдственная коммисія, для удобнѣйшаго распредѣленія своихъ зачатій, раздѣлилась на два отдѣла: одинъ изъ нихъ занимался разсмотрѣніемъ дѣйствиій тайныхъ обществъ въ Петербургѣ и Москвѣ, другой же производилъ допросы членамъ южныхъ обществъ. Въ первомъ отдѣлѣ первоначальныя допросы были слышаемы генераль-адъютантомъ Левашовымъ, производившимъ свѣдствие въ 1820 году о возмущеніи Семеновскаго полка; во второмъ же генераль-адъютантомъ Чернышевымъ, имѣвшимъ возможность ознакомиться съ заговоромъ въ Южной арміи во время послѣдней поѣздки своей въ Тульчинъ изъ Таганрога.

провелъ въ офицерскомъ отдѣленіи этого госпитала, помѣщавшемся тогда на такъ-называемомъ Лѣтнемъ Дворѣ. Если идти по Самсоніевскому проспекту отъ Невы, то съ правой стороны изъ-за высокаго безконечнаго забора будетъ видно довольно веткое двухъ-этажное деревянное строеніе выкрашенное желтою краскою, въ которомъ помѣщается теперь отдѣленіе больныхъ душевными болѣзнями. Въ этомъ-то зданіи, построенномъ въ 1807 году для помѣщенія больныхъ офицеровъ, и содержался М. Н. Муравьевъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ небольшой угловой комнатѣ втораго этажа, освѣщенной одинокимъ окномъ. * Двое часовыхъ стерегли его въ заточеніи: одинъ стоялъ въ корридорѣ у дверей его комнаты, а другой снаружи подъ окномъ во дворѣ. Затворническая жизнь узника ежедневно нарушалась въ извѣстные часы двукратнымъ посѣщеніемъ старшаго врача и принесеніемъ скромнаго обѣда. Но такъ какъ ключъ отъ его темницы хранился у смотрителя госпитала, чиновника VII класса Ивана Христіановича Шмидта, то всѣ посѣщенія врача и принесеніе обѣда не иначе происходили какъ въ присутствіи Шмидта, который всегда самъ отпиралъ и запираалъ двери. Безотрадное положеніе въ которомъ находился Муравьевъ вслѣдствіе лишенія свободы значительно усугублялось еще отъ системы безмолвія, никѣмъ не нарушавшагося во все время его томительнаго заключенія. Только врачу разрешалось сдѣлать два-три необходимые вопроса, но за тѣмъ никто, ни врачъ, ни Шмидтъ, ни фельдшеръ не вступали съ Муравьевымъ ни въ какіе разговоры, и на всѣ вопросы его отвѣчали однимъ молчаніемъ. Однажды онъ попытался спросить сторожа: какой сегодня день, среда или четвергъ? Сторожъ угрюмо отвѣтилъ: „не можемъ знать“. Эта гробовая безотвѣтственность производила на душу заключеннаго невыразимо гнетущее чувство.

Видъ изъ окна на дворъ, по которому изрѣдка проходили жившіе въ нижнемъ этажѣ госпитальные инвалиды или ихъ

* Подробности о заключеніи графа М. Н. Муравьева въ первомъ военномъ сухопутномъ госпиталѣ получены нами отъ умершаго на 85 году отъ рожденія, въ іюль 1870 года, дѣйствительнаго статскаго совѣтника П. К. Аскасьева, главнаго смотрителя С.-Петербургской больницы Маріи Магдалины, бывшаго съ начала службы унтер-офицеромъ въ военно-сухопутномъ госпиталѣ и видѣвшимъ даже самую постройку того флигеля въ которомъ содержался Муравьевъ.

жены, составлялъ единственное его развлеченіе. Но такъ какъ окно, за исключеніемъ верхняго ряда стеколъ, было закрашено свѣтлозеленою масляною краской, то чтобы посмотрѣть на дворъ, нужно было встать на подоконникъ или отворить форточку, а съ больною ногой и въ зимніе холода это было не всегда удобно. Однажды въ майское утро въ раздумьи онъ глядѣлъ изъ растворенной форточки на проходившихъ. Вдругъ видитъ онъ робко вошла во дворъ женщина съ платкомъ на головѣ и въ шугаѣ какой обыкновенно носятъ приходящія стирать бѣлье бѣдныя мѣщанки и солдатки живущія на Выборгской Сторонѣ и на Охтѣ. Она медленно подошла къ часовому, стоявшему подъ самымъ окномъ заключеннаго, и весьма искусно съ нимъ завязала разговоръ о томъ гдѣ живетъ кастелянша, у которой нанимаются прачки подевно стирать госпитальное бѣлье. Можно представить себѣ изумленіе и чувства Муравьева когда подъ бѣдною одеждою подевщицы онъ узналъ дорогія для него черты своей любимой супруги, прибѣгнувшей къ невинной хитрости чтобы увидѣть своего мужа и хотя на мигъ облегчить ему тяжкое одиночество. Нельзя не благоговѣть предъ этою почтенною и вмѣстѣ трогательною чертой супружеской привязанности. Супруга М. Н. Муравьева происходила изъ того почтеннаго и знаменитаго на Руси рода къ которому принадлежала и Наталья Долгорукова. То было замѣчательное время. Никогда еще не проявлялись въ такомъ необыкновенномъ блескѣ и такой трогательною красѣ самопожертваніе и всѣ супружескія добродѣтели русской женщины.

Тяжкія обвиненія тяготѣли въ тѣ времена надъ Муравьевыми. Два члена этой фамиліи были первыми основателями тайныхъ обществъ. Изъ числа этихъ двухъ, одинъ былъ роднымъ братомъ Михаила Николаевича. Еще двое Муравьевыхъ, дальнихъ родственниковъ, присоединились въ послѣдствіи къ Петербургскимъ тайнымъ обществамъ. Выше уже мы упомянули о трехъ братьяхъ Муравьевыхъ-Апостолахъ, возмущившихъ часть войскъ расположенныхъ въ Кіевской губерніи. Вокорѣ по открытіи слѣдственной комиссіи надъ участниками декабрьскаго возмущенія, изъ отвѣтовъ арестованныхъ лицъ обнаружилось что и Михаилъ Николаевичъ былъ не только стариннымъ членомъ тайныхъ обществъ, но и составителемъ устава Союза Благоденствія. Это любопыт-

ное обстоятельство изъ жизни Муравьева побуждаетъ насъ войти въ некоторыя подробности о томъ когда и какимъ образомъ стали устраиваться наши тайныя общества. Скучныя свиданія и намеки разсѣянные въ нашей литературѣ мы старались сколько возможно пополнить показаніями самихъ участниковъ тайныхъ обществъ и современниковъ, согласить ихъ противорѣчія и представить истину въ той мѣрѣ какъ она намъ доступна въ настоящую минуту.

Выше мы уже упомянули объ общихъ причинахъ вызвавшихъ у насъ появленіе тайныхъ политическихъ обществъ. Теперь же взглянемъ какимъ образомъ произошло самое образованіе этихъ обществъ; кто были первыми въ нихъ дѣятелями, какими идеалами они руководились и къ какимъ идеаламъ стремился Муравьевъ, а также какія средства полагали заговорщики пустить въ ходъ чтобы достигнуть своей цѣли.

Первая мысль объ устройствѣ тайнаго политическаго общества у насъ въ Россіи, какъ кажется, навѣяна была подобными же тайными обществами основанными въ Германіи для низверженія французскаго владычества. Когда, въ 1813 году, наши войска вступили въ Германію, то патріотическая мысль этихъ обществъ, втайнѣ покровительствуемыхъ владѣтельными государями, полюбилась нашимъ воинамъ, особенно тѣмъ которые воспитывались за границей. Хотя причина подавшая поводъ къ учрежденію тайныхъ обществъ въ Германіи у насъ не существовала, по отсутствію всякаго иноземнаго владычества, но самая мысль таинственной политической дѣятельности, представляющей столько лица для юнаго честолюбія, ограниченнаго тѣсными рамками будничной жизни, показалась столь соблазнительною и заманчивою что дѣло не могло остановиться на подорогѣ. Въ особенности же пребываніе нашихъ войскъ во Франціи, издревле славившейся неумѣніемъ подчиняться какой-либо власти, произвело сильное впечатлѣніе на понятія нашихъ соотечественниковъ, и безъ того уже приученныхъ съ дѣтства своими гувернерами къ преклоненію предъ такъ-называемыми великими идеями французской революціи. При этомъ необходимо вспомнить что въ то время вся образованная часть націи, въ особенности обитатели обѣихъ столицъ, были увлечены какимъ-то горячечнымъ стремленіемъ къ устройству разныхъ обществъ, ученыхъ, литературныхъ и благотворительныхъ, изъ

коихъ многія существуютъ еще и понынѣ. Это всеобщее стремленіе отчасти поддерживалось и самимъ государемъ, который при началѣ своего царствованія не препятствовалъ существованію масонскихъ ложъ, имѣвшихъ въ числѣ своихъ членовъ очень многихъ лицъ близкихъ къ государю. Хотя вѣтъ основанія полагать будто самъ императоръ былъ членомъ масонства, но что касается до посѣщенія имъ масонской логи, то въ этомъ едва ли можно сомнѣваться.* Свобода въ устройствѣ разныхъ обществъ въ то время была почти безгранична. Въ Инженерномъ Замкѣ, въ квартирѣ графини Буксгевденъ, небольшое общество едва не открыто проловдывало хлыстовщину, собираясь еженедѣльно для отправления своихъ сумасбродныхъ обрядовъ или радваній и привлекая въ среду свою довѣрчивыхъ неопитовъ. Терпимость въ этомъ отношеніи была столь велика что къ проживавшему тогда въ Петербургѣ главѣ сколцовъ, крестьянину Селиванову, на поклоненіе и для религіозныхъ бесѣдъ съѣзжались сотни лицъ, даже изъ высшаго круга, и увлеченіе наконецъ простерлось до того что одинъ сколецъ и скопитель, камергеръ Еленскій, рѣшился представить статсъ-секретарю Новосильцову официальную записку объ исходатайствованіи Высочайшаго покровительства для сколческой ереси. Современники той эпохи весьма часто и теперь говорятъ: „Да кто же не былъ въ наше время масономъ или членомъ какого-либо общества?“ Но были тогда люди которымъ не могли понравиться литературныя, ученые или цныя общества, имѣвшія цѣлюю однопріятное прелрожденіе времени. Извѣстный Кургановъ **

* Александръ Муравьевъ не разъ говаривалъ своимъ братьямъ что императоръ во время посѣщенія масонской логи, при встрѣчѣ съ нимъ, попросилъ его что-то объяснить себѣ. Изъясняясь съ государемъ, Муравьевъ обращался къ нему, по масонскому обычаю, во второмъ лицѣ единственнаго числа. Это обстоятельство произвело на государя, какъ можно было замѣтить, неблагопріятное впечатлѣніе, и послѣ того, кажется, онъ болѣе не пріѣзжалъ уже въ логу. Съ той поры, по словамъ Муравьева, началось видимое неудовольствіе къ нему императора. А. Муравьевъ былъ начальникомъ логи Трехъ Добродѣтелей.

** Кургановъ, Николай Гавриловичъ, родился въ Москвѣ 1726 года. Подъ руководствомъ Попова и Красильникова, онъ упражнялся много лѣтъ въ астрономическихъ наблюденіяхъ на академической обсерваторіи. Потомъ ѣздилъ съ Красильниковымъ моремъ въ афганскіе и встандскіе города и на острова для опредѣленія тамъ

еще въ началѣ царствованія Екатерины писалъ о лицемѣрїи масоновъ и бесплодности ихъ засѣданій. Масонство двадцатыхъ годовъ едва ли было болѣе привлекательнымъ и интереснымъ, хотя извѣстный говорунъ Н. И. Гречъ, другъ также очень извѣстнаго въ то время фонтъ-Фока, и весьма усердно оживлялъ въ ложѣ Астреи вечернія бесѣды сочленовъ потоками своего краснорѣчія. В. Н. Каразинъ въ 1820 году, во время засѣданія общества „Соревнователей“, торжественно замѣтилъ о бросающейся всѣмъ въ глаза пустотѣ занятій и изданій Общества и о необходимости придать имъ болѣе строгое и ученое направленіе. Почти въ то же самое время М. Орловъ высказалъ членамъ Арзамаса подобное же замѣчаніе, но въ болѣе скромной и мягкой формѣ желанія обратить дѣятельность своихъ сочленовъ къ занятіямъ болѣе достойнымъ просвѣщенныхъ людей. Весьма естественно что такая краткая, мирная общественная дѣятельность не могла быть по сердцу тогдашнихъ молодыхъ военныхъ людей, килѣвшихъ

широтъ, долготъ и склоненія компаса, съ дѣлю исправленія картъ. Съ 1750 года, говоритъ Кургановъ, былъ еще профессоръ Гришовъ, который со мною отправлялъ важныя астрономическія наблюденія больше года въ Арханбургѣ, ради точности лунной теоріи потребной для исправнаго счисленія долготъ на морѣ, и сіе было 1752 года. Онъ производилъ потомъ инструментальныя наблюденія надъ продолженіемъ Венеры въ 1761 и 1769 годахъ, съ колоколки Благовѣщенской церкви, въ присутствіи ученыхъ полковниковъ Шубина и Дьякова, капитана Смирнова и доктора Штелина. Кромѣ упомянутыхъ Евгениемъ сочиненій, Кургановъ издавалъ: 1) *Описаніе Гаррисоновыхъ морскихъ часовъ*; 2) *Астрономическій морской календарь*; 3) *Новый способъ счисленія хода корабля и вооруженій флота*; 4) *Синopsis натуральной философіи*; 5) *Штурманская наука или морской путеводитель*; 6) *Универсальная арифметика или всеобщій числотникъ*; 7) *Россійская универсальная грамматика или всеобщее письмоволеніе 1769*. Мы рѣшились упомянуть объ астрономическихъ трудахъ Курганова и его издаваніяхъ потому что о нихъ не упоминается въ Словарѣ Писателей митрополита Евгенія. Произведенія Курганова были пересылаемы алекдотами, не лишеными остроумія, и потому скоро раскупались. Такимъ образомъ намекая на дурно изданный академіею *Календарь*, Кургановъ говоритъ: „Нѣгдѣ одинъ календарщикъ былъ вопрошенъ для чего его предсказанія погодъ не столь сбываются лѣтнемъ, какъ зимою, а особливо въ 1768 году? отвѣчалъ: Для того что лѣтомъ обыкновенно молебствуютъ либо о дождѣ, либо о ведрѣ, а зимою нѣтъ.“ Кургановъ умеръ 13го января 1796 года.

честолюбіемъ и привыкшихъ разсѣкать мечомъ затрудненія на пути жизни. Уставъ Италіянскихъ Угольщиковъ болѣе согласовался съ настроеніемъ тогдашней молодежи. Вскорѣ по возвращеніи изъ Франціи, въ 1816 году, гвардейскіе офицеры: Александръ Николаевичъ Муравьевъ, старшій братъ Михаила Николаевича, Никита Михайловичъ Муравьевъ, князя Сергѣя Трубецкой и Илья Долгоруковъ, Федоръ Главка, Новиковъ, Лукинъ и Семеновскіе офицеры: князь Шаховскій, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы-Алостолы и Якушкинъ, задумали основать тайное общество по образцу недавно ими видѣнныхъ за границей.

Для изслѣдователя прочтывающаго нынѣ подлинныя показанія этихъ основателей тайныхъ политическихъ обществъ любопытнѣе всего то обстоятельство что главнѣйшимъ своимъ побужденіемъ всѣ они согласно выставляли несоответственность нашего гражданскаго и общественнаго строя съ тѣмъ который довелось имъ увидѣть за границей. Пестель же, въ которомъ олицетворялись всѣ задушевныя стремленія декабристовъ, еще откровеннѣе обрисовалъ въ своихъ показаніяхъ неглубокій источникъ изъ котораго онъ черпалъ идеи для своихъ реформъ, сознавшій что несоблюденіе въ нашемъ государственномъ управленіи политическихъ правилъ прочитанныхъ имъ въ сочиненіяхъ Руссо и другихъ авторовъ, а также заманчивыя похвалы въ газетахъ американской конституціи, побудили его заняться переустройствомъ Россіи. Къ необходимости преобразованій, декабристы приведены были не путемъ основательнаго изученія своихъ родныхъ учреждений, но привычкою съ дѣтства вращаться между иностранцами и усвоеніемъ отъ нихъ убѣжденія что только чужеземныя формы политической жизни могутъ осчастливить Россію. Эта ослѣпленная, неудержимая страсть къ подраженію и неразборчивому заимствованію есть неизмѣнная психическая черта декабристовъ, объ односторонности которой они кажется и не подозревали. Даже лучшія изъ ихъ увлеченій лишены самобытности. Такъ мысль объ освобожденіи крестьянъ не была у нихъ плодомъ наблюденія дѣйствительной жизни, но случайностію, навѣянною извнѣ, и если привлекла къ себѣ сочувствіе Тургенева, то не потому что народъ или государство терпѣли отъ неравноправности многочисленнаго и полезнаго сословія гражданъ, но главнымъ образомъ потому что судьбѣ угодно было

случайно приблизить Николая Тургенева къ извѣстному министру Штейну, занимавшемуся въ Пруссіи устройствомъ земледѣльческаго сословія.

Въ февралѣ 1817 года Никитой Муравьевымъ былъ введенъ въ этотъ кружокъ Павелъ Пестель, служившій въ Митавѣ адъютантомъ при князѣ Витгенштейнѣ, командиръ 1го пѣхотнаго корпуса, бывшемъ въ послѣдствіи главнокомандующимъ Южною арміею, благодѣтельствовавшемъ Пестелю, а потомъ исходатайствовавшемъ ему званіе командира Вятскаго пѣхотнаго полка. Съ появленіемъ этого новаго лица въ кружкѣ молодыхъ людей, бесѣды, до того неопредѣленныя, направились къ отысканію и подготовленію средствъ для совершенія въ государствѣ переворота долженствовавшего создать въ Россіи новый образъ правленія. Люди наиболѣе знавшіе народныя нравы и потребности Россіи говорили въ пользу монархическаго правленія. Но большинство считало весь строй нашей государственной и общественной жизни старымъ хламомъ, годнымъ лишь для уничтоженія. Наиболѣе правился тотъ образъ правленія который былъ наименѣе извѣстенъ; соблазнялись неистовыми сценами времени террора девяностыхъ годовъ, то-есть тѣмъ что заслуживало только омерзѣнія. Политическія реформы при пособіи кинжала казались самыми практическими. Къ чести князя Илья Долгорукова и Шилова, на квартирѣ котораго происходила бесѣда, должно замѣтить что они первые возстали смѣло и рѣшительно противъ сумасбродныхъ увлеченій Пестеля. Вскорѣ однакожь левшіе сторонники монархическаго правленія должны были умолкнуть предъ краснорѣчіемъ Пестеля, и республиканскій образъ правленія былъ признанъ за наиболѣе совершенный. Всѣ прелютствія долженствовавшія возникнуть при введеніи этого новаго правленія предполагалось уничтожить кровавыми мѣрами, не стѣсняясь обиліемъ жертвъ. Отвратительный дилетанзмъ съ которымъ обсуждались эти мѣры и предлагались услуги для торжества республиканскихъ идей невольно заставляетъ сомнѣваться и въ свободолобивыхъ понятіяхъ сторонниковъ Пестеля, и въ пригодности полученнаго ими воспитанія, столь скуднаго понятіями о долгѣ и нравственности и столь богатаго легкомысліемъ и лустословіемъ. Небольшой кружокъ офицеровъ гвардейскаго корпуса подвизавшійся въліянію Пестеля вскорѣ превратился въ настоящій заговоръ или тайное политическое общество,

получившее названіе Союза Спасенія или истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества. Въ руководство этому новому обществу, Пестель сочинилъ уставъ на началахъ двойственной нравственности, изъ коихъ одна была для посвященныхъ въ истинныя цѣли общества, а другая для непосвященныхъ. Такимъ образомъ, негласною цѣлю общества было уничтоженіе въ государствѣ монархической власти и созданіе на ея мѣстѣ республиканскаго правленія, причемъ съ буколическимъ простодушіемъ предполагалось превратить Имперію въ группу федеративныхъ областей; гласною же — способствовать всему полезному, если не содѣйствіемъ, то хотя изъявленіемъ одобренія, оглашая предосудительныя постулки недостойныхъ общей довѣренности чиновниковъ, особенно же стараться усиливать общество пріобрѣтеніемъ новыхъ надежныхъ членовъ. Общество, подраздѣленное Пестелемъ на братій, мужей и бояръ, управлялось верховнымъ соборомъ бояръ, и вновь вступившій въ общество обязанъ былъ давать клятву о храненіи втайнѣ всего что ему откроютъ, хотя бы то и было несогласно съ его мнѣніемъ. Законодательный трудъ Пестеля, при всей своей незрѣлости и крайней заносчивости, однакоже доставилъ ему преобладающее положеніе въ обществѣ. Сынъ жестокосердаго и самовластнаго генераль-губернатора Сибири, Павелъ Пестель былъ замѣчательнъ по своему упрямому и необузданному характеру, превосходной памяти и увлекательному дару слова. Къ рѣчамъ своимъ онъ обыкновенно приготавлился и любилъ уснащать ихъ эрудиціею, но при повѣркѣ однакоже весьма часто оказывалось что запасъ ея былъ очень не великъ. При всѣхъ способностяхъ своего ума и отличномъ внѣшнемъ образованіи, онъ совершенно не зналъ Россіи, которую думалъ преобразовать, и всѣ свои свѣдѣнія о ней почерпалъ преимущественно изъ французскихъ писателей, искони славящихся своимъ невѣдѣніемъ и непониманіемъ всего что касается Россіи. Такимъ образомъ, въ уставѣ своемъ, названномъ имъ въ послѣдствіи Русскою Правдой, при раздѣленіи Россіи на федеральныя области, онъ обнаружилъ незнакомство съ элементарными географическими понятіями: по отдѣленіи отъ государства въ составъ будущей Польши почти всѣхъ западныхъ областей, онъ образовалъ изъ трехъ прибалтійскихъ губерній, Новгородской и Тверской особую область, которой придалъ названіе Холмогорской; а изъ губерній: Архангель

ской, Ярославской, Вологодской, Костромской и Пермской—Сверскую или Сѣверянскую. Въ нравственномъ отношеніи онъ представлялъ лоднѣйшее ничтожество: приглаждался къ себялюбивымъ инстинктамъ его, презрѣнію чужихъ правъ, некомпетентному высокомерию и склонности къ насильственнымъ мѣрамъ, казалось что природа хотѣла совокупить въ немъ всѣ грубыя страсти отличающія мелкихъ деспотовъ Средней Азіи. Нѣмецъ по происхожденію, иностранецъ по воспитанію, протестантъ по религіи, онъ не былъ связанъ съ Россією никакимъ родственнымъ чувствомъ; она не столько была для него отечествомъ, какъ странюю себялюбивой эксплуатаціи. По своимъ политическимъ воззрѣніямъ, Пестель скорѣе всего подходилъ къ разряду крайнихъ макиавелитовъ, для которыхъ нѣтъ въ мірѣ ничего святаго. Нельзя читать безъ невольнаго отвращенія попытокъ Пестеля устроить заговоръ въ заговорѣ, противъ своихъ товарищей-декабристовъ, съ тѣмъ чтобы воспользоваться всѣми плодами замышляемаго переворота. Двудличіе и вѣроломство съ особенною яркостью обнаружались во время слѣдствія въ предположеніи его чтобы послѣ истребленія царствующей фамиліи, всѣхъ заговорщиковъ убійць, имъ же возбужденныхъ, немедленно предать смертной казни и такимъ образомъ, явивъ себя предъ народомъ мстителемъ за императорскую фамилію, отклонить отъ себя и отъ своихъ друзей всякое подозрѣніе въ гнусномъ злодѣйствѣ. Никита Муравьевъ, находясь уже въ Сибири, отзывался о немъ въ выраженіяхъ исполненныхъ глубочайшаго презрѣнія и считалъ его главнымъ виновникомъ общаго несчастія, втянувшимъ декабристовъ въ омутъ безумныхъ революціонныхъ утопій. Для полноты характеристики Пестеля необходимо еще присовокупить что для возбужденія въ нижнихъ чинахъ своего полка неудовольствія противъ императора Александра I, онъ подвергалъ ихъ жесточайшимъ наказаніямъ, при которыхъ обыкновенно изъявлялъ притворное сожалѣніе къ истязуемымъ, увѣряя ихъ будто жестокость ему предписана свыше. „Пусть думаютъ, говорилъ онъ, что не мы, а высшее начальство и самъ государь причиною излишней строгости.“

Поведеніе Пестеля при слѣдствіи не отличалось достоинствомъ и прямотушіемъ, которыхъ слѣдовало бы ожидать отъ чловѣка съ устоявшимися убѣжденіями. На первомъ допросѣ онъ отперся отъ всего и объявилъ что кромѣ масонскихъ

ложь онъ никогда не былъ членомъ какихъ-либо тайныхъ обществъ, а о Союзѣ Благодѣянія даже и не слышалъ. Въ слѣдствіи же когда масса уликъ и обвиненій заставила его выдти изъ системы безусловныхъ залирательствъ, онъ сталъ прилутывать къ дѣлу, безъ всякой надобности, множество лицъ или совершенно постороннихъ заговору, или же давно уже прѣрвавшихъ всякую связь съ тайными обществами. На однихъ онъ взводилъ преувеличенныя обвиненія, на другихъ же набрасывалъ роковыя подозрѣнія, за которыя пришлось потомъ многимъ поплатиться. Такимъ образомъ онъ показалъ на доктора Вольфа, человека смирнаго и добродушнаго, будто ни одинъ членъ не проповѣдывалъ такъ кровопролитіе какъ онъ. Можетъ-быть подобною тактикой онъ думалъ поставить правительство въ затрудненіе, полагая что привлеченіе къ дѣлу множества лицъ заставить прекратить слѣдствіе и оставить виновныхъ безъ наказанія, но подобный разчетъ не могъ имѣть успѣха и показалъ только недоброжелательное отношеніе его къ своимъ товарищамъ по несчастію. Поэтому никто не имѣлъ столько очныхъ ставокъ и прискорбныхъ обвиненій въ искаженіи правды какъ Пестель. Въ этомъ отношеніи онъ составлялъ рѣзкую противоположность съ Рылѣвымъ, который нисколько не скрывалъ своихъ прежнихъ увлеченій, откровенно разказалъ свое участіе въ заговорѣ и выставилъ себя главнымъ двигателемъ возмущенія, привлекая на свою голову наибольшую тяжесть обвиненій, какъ полагаютъ, съ цѣлюю освободить своихъ друзей отъ грозной отвѣтственности. Это обстоятельство, кажется, объясняетъ почему общественное мнѣніе отнеслось къ Рылѣву благосклоннѣе чѣмъ къ прочимъ политическимъ преступникамъ. Въ то время носился въ городѣ слухъ, очень похожій на истину, будто по разсмотрѣніи доклада предтавленнаго верховнымъ уголовнымъ судомъ, императоръ Николай выразился слѣдующимъ образомъ о главныхъ виновникахъ смуты: „Въ Пестелѣ я вижу соединеніе всѣхъ пороковъ заговорщика, въ Рылѣвѣ же—всѣхъ добродѣтелей“.

Съ теченіемъ времени Союзъ Спасенія хотя и увеличивался въ своемъ составѣ, но за то многіе члены, вдумавшіеся въ планы своего законодателя, стали отставать отъ Союза и затѣмъ прекратили всякія съ нимъ сношенія. Союзъ предлагалъ присоединить къ себѣ кружокъ Михаила Орлова, но не

имѣлъ успѣха. Орловъ думалъ составить общество только для наблюденія за лихоимствомъ и другими безпорядками внутренняго управленія, однакоже не иначе какъ испросивъ за то Высочайшее одобреніе.*

Неопредѣленность цѣли и невозможность исполненія большей части Пестелевскаго устава стали ощущаться самими членами Союза. Послѣ отъѣзда Пестеля весной 1818 года въ Южную армію, куда онъ отправился по случаю назначенія князя Виттенштейна главнокомандующимъ 2ю арміей, было сдѣлано предложеніе вступить въ Союзъ Михаилу Николаевичу Муравьеву вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ его друзей. Изъ донесенія сѣдственной комиссіи извѣстно что этотъ кружокъ не иначе соглашался присоединиться къ Союзу какъ съ тѣмъ чтобы Союзъ ограничился медленнымъ дѣйствіемъ на мнѣнія, и чтобы уставъ онаго, основанный на клятвахъ, правилъ сѣдлаго повиновенія, и проповѣдывавшій насиліе, употребленіе страшныхъ средствъ, яда и кинжала, былъ отмѣненъ, а вмѣсто его принять другой, отвѣчающій дѣйствительнымъ, а не мечтательнымъ потребностямъ русскаго общества. При этомъ предполагалось вмѣсто устава Союза Спасенія принять нѣмецкій уставъ Союза Добродѣтели или Тугендбунда. Изъ этого же донесенія видно что члены Союза Спасенія, бывшіе тогда въ Москвѣ съ отрядомъ гвардіи, колебались нѣкоторое время въ принятіи новаго устава, но что подъ конецъ рѣшились однакоже отстать отъ прежняго, составленнаго Пестелемъ.

Борьба изъ-за устава, возникшая тогда въ средѣ заговорчиковъ, представляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ тогдашнихъ тайныхъ обществъ. Это была борьба мечтательныхъ увлеченій съ дѣйствительною жизнью, истиннаго просвѣщенія съ ложнымъ, національныхъ идей съ чужеземными и, если угодно, здраваго смысла съ горячечнымъ бредомъ. Въ этой борьбѣ одна изъ самыхъ видныхъ ролей принадлежатъ М. Н. Муравьеву. Оппозиція, организовавшаяся тогда противъ Пестеля съ цѣлю освободить изъ-подъ его вліянія

* О генералъ-майорѣ Михаилѣ Орловѣ см. донесеніе сѣдственной комиссіи 30го мая 1826 года, стр. 9. *Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля*. Москва, 1866, кн. III, ч. V, стр. 52—53, *La Russie et les Russes* par N. Tourgueneff, Paris, 1847. Изъ *дневника и воспоминаній И. П. Дипранка* въ *Русскомъ Архивѣ* 1866 года. Въ *Русской Старинѣ* 1872 года, кн. 10 генералъ-адъютанта графа П. X. Граббе.

участниковъ Союза Спасенія, съ великими усиліями была устроена самимъ Муравьевымъ; но крайней мѣрѣ нельзя сомнѣваться что онъ былъ главнымъ редакторомъ новаго устава, совершенно разстроившаго властолюбивыя надежды Пестеля подчинить себѣ членовъ Союза въ Петербургѣ и въ Москвѣ, а также и Сѣверное Общество, позаніе составившееся. Выше мы уже характеризовали, сколько позволили имѣющіеся источники, истинныя побужденія Пестеля; далѣе читатели увидятъ какими убѣжденіями руководился Муравьевъ, вступая въ борьбу съ своимъ противникомъ.

Современники имѣвшіе возможность близко знать обстоятельства той эпохи * утверждаютъ что передѣлка нѣмецкаго устава на русскій ладъ и примѣненіе его къ потребностямъ русскаго общества должны всецѣло принадлежать Михаилу Николаевичу Муравьеву, котораго положительно называютъ главнымъ редакторомъ новаго устава, извѣстнаго подъ названіемъ Союза Благоденствія. Правдоподобность этого неофициальнаго показанія подтверждается еще и тѣмъ что современники объясняютъ притомъ и самую причину его дѣятельнаго участія въ составленіи устава Союза Благоденствія. Они говорятъ что первое предложеніе М. Н. Муравьеву о поступленіи въ Союзъ было сдѣлано старшимъ его братомъ Александромъ; но потому ли что сей послѣдній не умѣлъ хорошо объяснить цѣлей Союза или потому что Михаилъ Николаевичъ не слишкомъ-то довѣрялъ благоразумію брата, при всѣхъ своихъ добрыхъ качествахъ человѣка необыкновенно восторженнаго и способнаго на всевозможныя уваченія, но только Муравьевъ присталъ къ Союзу уже потому, когда увидѣлъ что большая часть его сослуживцевъ и знакомыхъ такъ же принадлежитъ къ Союзу Спасенія. Необходимо при этомъ замѣтить что общество называемое нами этимъ именемъ первоначально существовало болѣе на бумагѣ, высказывало мысл свои безъ соблюденія какой-либо тайны и сочло бы тогда за шутку еслибы кому вздумалось назвать членовъ его политическими заговорщиками. При множествѣ безпрестанно возни

* Послѣдующее изложеніе основано главнымъ образомъ на разкзѣ С. Н. Муравьева, роднаго брата покойнаго графа Михаила Николаевича. Прикоса ему при семъ гаубочайшую нашу привательность за доставленіе любопытныхъ свѣдѣній, мы замѣтимъ что эти неофициальныя свѣдѣнія составляютъ весьма важныя дополненія и объясненія для документовъ издаваемыхъ правительствомъ.

казавшихъ и исчезающихъ въ то время общество, Союзъ Спасенія представлялся Муравьеву чѣмъ-то въ родѣ общества математиковъ или, пожалуй, масоновъ, собиравшагося въ часы досуга побесѣдовать объ общественныхъ дѣлахъ и послѣднихъ политическихъ новостяхъ. Вообще говоря, вступали въ общество, бесѣдовали въ немъ и спорили съ какою-то легкомысленностью и безсознательностью, сколько не придавая дѣлы своимъ рѣчамъ и не подозревая что за безумныя слова придется въ послѣдствіи подвергнуться почти столь же тяжелой ответственности какъ и за дѣйствія. Рѣзкія и пылкія выходки, имѣвшія основаніемъ только желаніе порисоваться, иногда выходили изъ устъ людей которые, какъ говорится, неспособны были обидѣть и мухи. Неумѣнье сохранить тайну, неспособность къ дисциплинѣ и неизлѣчимая распуцанность постоянно характеризовали всѣ поступки заговорщиковъ. Не смотря на стѣснительные обряды для поступления въ Союзъ, случилось что присутствовали при преніяхъ и принимали въ нихъ участіе люди вовсе не принадлежавшіе къ тайнымъ обществамъ. Даже и въ позднѣйшія времена члены этихъ обществъ не только свои личныя убѣжденія, но даже предположенія обсуждавшіяся на совѣщаніяхъ, высказывали громко въ частныхъ домахъ, въ присутствіи лицъ мало знакомыхъ. Наканунѣ декабрьскаго возмущенія, на одномъ многолюдномъ вечерѣ, за ужиномъ, Якубовичъ открыто говорилъ что завтра произойдетъ возмущеніе гвардіи. Всѣ слушали и молчали. Повторяемъ, присоединенію своему къ Союзу Муравьевъ не придавалъ никакой особой важности.

Недоумѣнія съ его стороны возникли уже потомъ когда однажды Александръ Муравьевъ явился къ нему съ небольшимъ узелкомъ подъ мышкой. Молча развязавъ узелъ, онъ вынулъ изъ него обложенное малиновымъ бархатомъ Евангеліе и крестъ, которые и положилъ на столъ. Послѣ этихъ приготовленій, за которыми М. Н. Муравьевъ слѣдилъ съ весьма естественнымъ недоумѣніемъ, Александръ Николаевичъ обратился къ своему брату съ краткою рѣчью объ обязанностяхъ его, какъ члена тайнаго общества, произнести клятву въ безусловномъ повиновеніи высшимъ членамъ Союза Спасенія и храненіи тайны. Эта формальность показалась М. Н. Муравьеву весьма подозрительною и возбудила между братьями оживленное объясненіе. Вообще не любившій подчиняться какому-бы то ни было постороннему вліянію, Муравьевъ

наотрѣвъ отказался отъ этой формальности, замѣтивъ что, до поступленія въ домъ умалишенныхъ, не можетъ дать на себя подобную кабальную запись, нравственно обязывавшую его покориться всѣмъ, даже самымъ сумасброднымъ, требованіямъ распорядителей Союза. Для вразумленія своего неговорчиваго брата, Александръ Муравьевъ принесъ наконецъ уставъ Пестеля, долженствовавшій, по его мнѣнію, прекратить всѣ недоразумѣнія. Но этотъ послѣдній аргументъ произвелъ дѣйствіе совершенно обратное. Самолюбивый и неспособный увлекаться громкими фразами, Муравьевъ не могъ примириться съ мыслию признать въ Пестелѣ законодателя. При этомъ необходимо замѣтить что Муравьевъ, уже написавшій два устава (для общества математиковъ и Московскаго заведенія для колонновожатыхъ), не безъ основанія почиталъ себя знатокомъ по части сочиненія уставовъ. То произведеніе Пестеля которое въ то время носило названіе устава Союза Спасенія, а потомъ Русской Правды, поразило Муравьева странною смѣсью какого-то идиллическаго, почти дѣтскаго невѣдѣнія о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ съ чрезвычайно широкими политическими и даже социальными затѣями, предъ которыми остановилось бы и смѣлое воображеніе Томаса Моруса. Трезвый умъ Муравьева не могъ примириться съ такими фантазіями какъ превращеніе однимъ почеркомъ пера единой, нераздѣльной, могущественной Россіи въ федерацію боярскихъ республикъ. Ему показалось смѣшнымъ и неумѣстнымъ примѣненіе разныхъ сценическихъ эффектовъ, кинжаловъ, яда и таинственныхъ обрядовъ къ практикѣ русской жизни. При всей спускательности къ безцеремонному отношенію Пестеля къ исторіи и политикѣ, нельзя было читать безъ нѣкотораго изумленія смѣлый проектъ о созданіи во владѣніяхъ и на счетъ Турціи новаго Иудейскаго царства. Пестель полагалъ осуществить этотъ проектъ отправленіемъ въ Малую Азію двухъ милліоновъ Евреевъ, живущихъ въ Россіи и Польшѣ, въ одной партіи. Затѣмъ всѣ его заботы о дальнѣйшей судьбѣ Израильскаго племени остановились предъ соображеніемъ отправить ли ихъ подъ конвоемъ или безъ конвоя! Кроме того, преобразовательныя его соображенія возбуждали невольныя подозрѣнія и по отсутствію нравственныхъ началъ и честности. Въ самомъ дѣлѣ, какое

добріе можно было имѣть къ реформамъ основаннымъ исключительно на хитрости и насиліи? Можно ли было похвалить человѣку написавшему уставъ для тайныхъ обществъ и помѣстившему въ томъ же уставѣ статью о необходимости немедленнаго ихъ запрещенія, какъ только установится временное правительство? Возможно ли было питать уваженіе къ вождю либеральной партіи, если для прочности новаго конституціоннаго правительства онъ считалъ первою потребностію устройство искуснаго и дѣятельнаго шпіонства? Хотя во многихъ мѣстахъ устава и встрѣчались порывы смѣлаго республиканства, но признаковъ народолюбія или предоставленія всемъ сословіямъ необходимой доли равноправности въ немъ вовсе не было замѣтно. Напротивъ, были мѣста ясно намекавшія на такую сосредоточенность власти какая была бы возможна только при самомъ крутомъ единоличномъ правленіи. Эта несообразность можетъ быть объяснена тѣмъ что Пестель, составитель устава Союза Спасенія, былъ смѣдаемъ неограниченнымъ честолюбіемъ, и по общему мнѣнію декабристовъ, имѣлъ тайное желаніе воспользоваться переворотомъ въ Россіи для достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Одинъ изъ самыхъ прямодушныхъ декабристовъ, К. Рылѣевъ, сомнѣвался даже чтобы скромная роль Вашингтона могла удовлетворить ненасытное властолюбіе Пестеля.

Чтеніе Пестелевскаго устава открыло глаза Муравьеву и окончателно утвердило его въ рѣшимости не подчиняться правиламъ этого устава, который и по формѣ своей и по содержанію дѣйствительно былъ ниже всякой критики. Но дѣло однакоже не могло окончиться однимъ отказомъ Муравьева отъ исполненія условій Союза. Съ одной стороны, всѣ члены Союза, по большей части его знакомые, желали непременно имѣть его въ своей средѣ: всѣ они хорошо знали его трезвый и провицательный умъ, мѣткость сужденій и твердый не по лѣтамъ характеръ. Съ присоединеніемъ его къ Союзу Спасенія, общество увеличилось бы мажествомъ набодавшахся подъ его вліяніемъ молодыхъ людей съ замѣчательными дарованіями. Напротивъ того, въ случаѣ его отказа отъ поступленія въ Союзъ, можно было ожидать что и мажестіе изъ прежнихъ членовъ отстанутъ отъ него. Съ другой стороны, нельзя было и Михаилу Николаевичу прервать вдругъ

всѣ сношенія съ обществомъ и бросить такимъ образомъ своего брата, главнаго начинателя Союза Спасенія, въ жертву всѣмъ случайностямъ предпріятія, очевидно неосновательнаго и не предвѣщавшаго никакихъ добрыхъ послѣдствій. Необходимо здѣсь еще припомнить что независимо отъ родственнаго узъ, М. Н. Муравьевъ былъ еще связанъ съ своимъ братомъ благодарностью: ему онъ былъ обязанъ спасеніемъ своей жизни, когда послѣ Бородинскаго побоища, раненый и безпомощный, лежалъ въ Можайскѣ на соломѣ и былъ покинутъ всѣми на явную и неизбежную смерть. Александръ Николаевичъ былъ также поставленъ въ чрезвычайное затрудненіе: исполненные любви и неотразимые по своей логикѣ доводы брата поколебали увѣренность его не только въ осуществленіе безобразныхъ политическихъ проектовъ, но, что важнѣе всего, и въ самую честность затѣяннаго дѣла, въ которое онъ между тѣмъ увлекъ многихъ изъ своихъ пріятелей. Такъ или иначе нужно было поправить дѣло. Къ несчастію, затрудненія усложнялись еще и тѣмъ что кромѣ брата Александра долгъ совѣсти требовалъ вырвать изъ опасности и другихъ лицъ, увлеченныхъ въ тайныя общества его братомъ. Эту трудную и чрезвычайно сложную задачу М. Н. Муравьевъ предположилъ разрѣшить слѣдующимъ образомъ: Такъ какъ вся сущность дѣла заключалась въ ложномъ направленіи общества, происходившемъ изъ устава Пестеля, то прежде всего необходимо было сломить это препятствіе. Для совершенія такой операціи представлялось только одно средство—общее согласіе членовъ Союза признать уставъ Пестеля негоднымъ и составить другой, который бы лучше опредѣлялъ дѣла общества, обязанности членовъ и порядокъ дѣятельности. Тогда, полагалъ М. Н. Муравьевъ, можно будетъ написать какой угодно уставъ, даже и такой что само правительство не затруднилось бы утвердить. По возможности раслушенія или закрытія Союза Спасенія, Муравьевы полагали дать незамѣтно новое направленіе его дѣятельности, болѣе разумное и плодотворное, чѣмъ бессильныя потуги къ зарожденію политическихъ реформъ. Такое измѣненіе, конечно, могло быть совершено только съ большою осторожностію. При возбужденной однажды въ обществѣ жаждѣ къ политической дѣятельности, такъ или иначе слѣдовалъ

ее утолить. Отказъ въ удовлетвореніи этой потребности не уничтожалъ ея, а только направлялъ членовъ къ Пестелю источнику всего зла. Муравьевы очень хорошо понимали это затрудненіе и чтобы спасти своихъ друзей отъ губельнаго столкновенія съ дѣйствительностію они придумали дать лицу этой неугомонной дѣятельности, очень похожую на политическую, почти столь же кипучую, разнообразную, требующую знаній и гражданскаго мужества, но болѣе полезную и честную и не представлявшую опасностей сопряженныхъ съ ремесломъ заговорщика или спеціалиста по части революцій. Этотъ политическій суррогатъ представлялся М. Н. Муравьеву въ видѣ нѣмецкаго устава, сослужившаго для Германіи столь великую службу во время борьбы ея за независимость въ 1813 году. Не задолго предъ отъѣздомъ своимъ въ Москву, Муравьевъ получалъ отъ князя П. П. Лопухина книжку журнала *Freiwillige Blätter*, въ которомъ находился уставъ Тутендбунда, въ томъ самомъ видѣ какъ онъ былъ, по словамъ издателя, представленъ Штейномъ въ 1808 году на утвержденіе короля Прусскаго. Планъ похода противъ Пестелевскаго устава заключался въ слѣдующемъ: дѣло должно было начаться съ заявленія въ первомъ же засѣданіи Союза о необходимости перемѣнки устава, недостатки котораго слѣдовало разобрать во всей подробности, останавливаясь въ особенности на тѣхъ мѣстахъ гдѣ нравственный цинизмъ или невѣжество Пестеля обнаруживались съ особою яркостію. Нападенія на уставъ должны были вестись настойчиво до тѣхъ поръ пока Союзъ не признаетъ необходимости избранія коммисіи для составленія новаго устава. Доказать же несостоятельность его было очень не трудно; самъ Пестель давалъ оружіе въ руки своихъ противниковъ: уставъ его былъ переполненъ заблужденіями, ошибками или чрезвычайно неопытностію. Предполагалось выбрать въ коммисію двухъ Муравьевыхъ, Александра и Михаила, и Петра Колошина, отъ котораго Муравьевъ секретовъ не имѣлъ.

Здѣсь мы должны сдѣлать небольшое отступленіе чтобы охарактеризовать лицо имѣвшее въ то время громадное вліяніе на политическія убѣжденія Муравьева и на всѣ его дѣянія. Въ кабинетъ этого лица выработался планъ похода противъ Пестеля. Мы говоримъ здѣсь о родственникѣ Муравьева по матери, Александрѣ Михайловичѣ Бакуницѣ, чело-вѣкѣ весьма умномъ, высоко просвѣщенномъ и уважаемомъ

всю губернію. Въ прежнія времена онъ долго жилъ въ Ита-
ліи, и если не ошибаемся, состоялъ на службѣ при по-
сланникѣ нашемъ въ Неаполѣ; по выходѣ же въ отстав-
ку, проживалъ въ имѣніи своемъ Тверской губерніи, Но-
воторжского уѣзда, въ селѣ Прямухинѣ. Въ продолженіе
трехлѣтняго пребыванія въ Твери великой княгини Екате-
рины Павловны, Бакунинъ былъ изъ числа немногихъ лицъ
пользовавшихся вниманіемъ ея и удостоивавшихся приглаше-
ніемъ на вечера. Одно время она даже предлагала ему,
безъ сомнѣнія по уполномочію свыше, принять обязанно-
сти попечителя Казанскаго учебнаго округа. Онъ однакоже
предпочелъ занятіе хозяйствомъ и въ послѣдствіи удоволь-
ствовался скромнымъ званіемъ попечителя Тверской гимна-
зіи. Къ этому-то Бакунину Муравьевъ литалъ неограничен-
ное довѣріе и во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ своей
жизни обращался за совѣтами. Участіе въ политическомъ
обществѣ брата Александра давно уже тревожило Муравье-
ва и заставляло прераздумываться о послѣдствіяхъ. По этому
поводу уже не разъ были у него бесѣды съ Бакунинымъ,
который, какъ бывшій свидѣтель кровавой революціи въ
Неаполѣ, очень хорошо понималъ къ чему можетъ привести
подобная дѣятельность у насъ. Получивъ отъ брата своего
уставъ Союза Спасенія, Муравьевъ переслалъ рукопись Ба-
кунину, прося его сообщить свое мнѣніе объ уставѣ. Въ от-
вѣтъ своемъ, Бакунинъ, сдѣлавъ обстоятельный разборъ
устава, въ заключеніе выразилъ, не лишенный оригинально-
сти, взглядъ свой вообще на дѣятельность тайныхъ обществъ
и на истинное призваніе русскаго дворянства. Бывъ доволь-
но хорошо знакомъ съ потребностями Россіи, Бакунинъ, по
политическимъ своимъ воззрѣніямъ, былъ строгій консерва-
торъ и монархистъ, на опытъ извѣдавшій кровавыя неудоб-
ства перехода верховной власти въ руки людей не обладающихъ
другими качествами кромѣ мнимаго свободолюбія. Въ либераль-
ныхъ стремленіяхъ императора Александра, дарованіи Поля-
камъ конституціи и обѣщаніи распространить ее на запад-
ныя губерніи, Бакунинъ видѣлъ временное, ошибочное на-
правленіе правительства, увлеченнаго поклоненіемъ запад-
нымъ идеямъ. Осуждая увлеченія тогдашнихъ молодыхъ лю-
дей бредившихъ конституціями, онъ при этомъ высказывалъ
Муравьеву что необходимость въ измѣненіи образа правле-
нія существуетъ только въ воображеніи весьма небольшого

кружка молодежи, не давшей себѣ труда взвѣсить всѣхъ бѣдственныхъ послѣдствій которыя неминуемо произойдутъ отъ наибольшаго ослабленія верховной власти въ странѣ необъятной по своему протяженію и имѣющей въ самодержавіи главную органическую связь между своими частями. Только благодаря этой власти, говорилъ онъ, Россія хотя медленно, но безостановочно подвигается къ слюченію посредствомъ законовъ, вѣры и языка разрозненныхъ народностей въ одно здоровое политическое тѣло. Услышанный ходъ этой великой внутренней работы невозможенъ безъ пособія той правительственной силы которая создается только единствомъ власти. Укрѣпленіе, а не умаленіе этой власти можетъ обезлечить развитіе народнаго благосостоянія въ нашемъ небогатомъ и рѣдко населенномъ государствѣ. Самодержавіе представляется у насъ явленіемъ не столько необходимымъ или нужнымъ для интересовъ династическихъ, сколько потребностію для народа и безопасности государственной. Связь между монархомъ и народомъ у насъ нравственно крѣпче и безопаснѣе отъ попытокъ всякихъ антрепренеровъ конституцій чѣмъ въ другихъ странахъ. Наконецъ, если уроки прошлаго должны руководить нашими настоящими дѣйствіями, то мы увидимъ что всѣ усолшія славянскія государства, Чехія, великое княжество Галицкое, Польша, Новгородъ и Псковъ, погубили отъ одной и той же причины—отъ ослабленія или упадка верховной власти. Поэтому для всякаго честнаго и просвѣщеннаго человѣка существуетъ только одинъ путь—посильное поддержаніе власти и существующихъ законовъ. Какъ бы ни была по временамъ плоха эта власть, но до послѣдней капли крови слѣдуетъ за нее стоять и умирать. Не путемъ анархіи, насилій или заговоровъ противъ правительства мы можемъ достигнуть благоденствія, но распространяя въ народѣ любовь къ труду, трезвости, порядку, чистоплотности и честности; ознакомляя его съ ремеслами и искусствами и развивая просвѣщеніе, мы получимъ возможность исторгнуть его изъ нищеты, и съ тѣмъ вмѣстѣ создать догоря учрежденія существующія на Западѣ вслѣдствіе громаднаго перевѣса вещественнаго богатства. На эти-то важные предметы и нужно направить дѣятельность вашихъ товарищей, откинувъ всякія политическія шалости и ребяческую игру въ конституціи.

Таковы были политическія убѣжденія стараго дипломата

проникнутаго глубокимъ недовѣріемъ, почти презрѣніемъ къ политическимъ мечтамъ своихъ современниковъ. Муравьевъ усвоилъ себѣ эти убѣжденія, и найдя въ нихъ нравственную опору для своихъ дѣйствій принялъ ихъ за основаніе при составленіи устава Союза Благочестія.

Неудовлетворительность устава Союза Спасенія впрочемъ была замѣчена еще и другими членами, почувствовавшими невольное отвращеніе къ идеямъ Пестеля. Князя Долгоруковъ и Лопухинъ и братья Шаловы, кажется, прежде другихъ высказали свое мнѣніе по поводу этого устава. О недостаткахъ его можно встрѣтить много замѣтокъ и въ показаніяхъ князя Трубецкаго и Никиты Муравьева. Не мало было членовъ которые вовсе не желали сдѣлаться заговорщиками. Муравьевъ воспользовался этимъ недовольствомъ, и при каждомъ удобномъ случаѣ подшучивалъ надъ уставомъ, увѣряя что онъ былъ составленъ для разбойниковъ Муромскихъ лѣсовъ. Ближайшій его другъ и повѣренный всѣхъ тайнъ, П. И. Калошинъ, дѣйствовалъ усердно въ томъ же духѣ. Но усердіе всѣхъ порицалъ уставъ Пестеля И. Д. Якушкинъ, къ которому онъ былъ присланъ изъ Петербурга съ предложеніемъ вступить въ бояре. Присоединенный Якушкинымъ къ Союзу полковой его командиръ Фомъ-Визинъ и другіе члены раздѣляли взгляды Муравьева на уставъ. Постоянныя насмѣшки произвели желанное дѣйствіе, и большинство стало убѣждаться въ необходимости другаго законоположенія для ихъ общества. Послѣ непродолжительнаго существованія, уставъ Союза Спасенія до такой степени былъ поколебленъ Муравьевымъ въ общемъ мнѣніи членовъ что почти всѣмъ почитался за недействительный.

Засѣданія членовъ происходили тогда въ Москвѣ, куда въ послѣднихъ числахъ сентября 1818 года прибылъ отрядъ гвардіи, по случаю торжественной закладки храма Спасителя на Воробьевыхъ горахъ, и оставался тамъ часть слѣдующаго года. Съ отрядомъ прибыли въ Москву и петербургскіе члены Союза Спасенія. Такимъ образомъ засѣданія на которыхъ возбуждена рѣчь о перемѣнѣ устава заключали въ себѣ всѣхъ главныхъ членовъ Союза: Никиту и Александра Муравьевыхъ, Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ-Апостоловъ, князя Шаховскаго, Якушкина и прибывшаго уже потомъ князя Трубецкаго. Кромѣ того, тутъ еще находились Глинка, двое Фомъ-Визиныхъ, Михаилъ Муравьевъ, Калошинъ, Бурцовъ

и многіе другіе. Прошло нѣсколько безплодныхъ засѣданій въ преніяхъ и спорахъ о томъ какое дать устройство обществу и въ чемъ должна заключаться его дѣятельность, но окончательнаго рѣшенія однакожь не послѣдовало, хотя большинство и соглашалось что прежній уставъ былъ неудовлетворителенъ. Тогда-то Михаилъ Муравьевъ и Калошинъ представили переводъ на русскій языкъ устава Тугендбуада, требуя введенія его съ примѣненіемъ къ русскимъ правамъ и особому положенію Россіи; но были поддержаны только Никитой Муравьевымъ, Бурцовымъ, Якушкинымъ и Фовъ-Визвиномъ. Прочіе, въ томъ числѣ и многіе изъ коренныхъ членовъ, настаивали на сохраненіи прежняго устава. Поэтому Муравьевъ объявилъ что совѣсть не дозволяетъ ему вступить въ такое общество занятія котораго и самая судьба зависяетъ отъ произвола нѣсколькихъ лицъ, обладающихъ правомъ умерщвлять своихъ товарищей.

Нельзя при этомъ не обратить вниманія что противъ революціонныхъ стремленій Пестелевскаго устава первыми тогда возстали пятеро офицеровъ генеральнаго штаба (трое Муравьевыхъ, Калошинъ и Бурцовъ), что если двое изъ нихъ, Александръ и Никита Муравьевы, и были зачинщиками тайныхъ обществъ, то они же первые образумились и рѣшились оставить ложный путь насильственныхъ переворотовъ. Офицеры генеральнаго штаба, какъ люди высшаго образованія, конечно не могли быть чужды господствовавшему въ то время умственному движенію или оставаться внѣ потока либеральныхъ идей, волновавшихъ и увлекавшихъ тогдашнее общество, не исключая и самого императора. Изъ всѣхъ офицеровъ генеральнаго штаба однако же только одинъ Никита Муравьевъ былъ помѣщенъ верховнымъ уголовнымъ судомъ въ число 31 преступниковъ Iго разряда, но и онъ въ уваженіе совершенной откровенности и чистосердечнаго признанія былъ отличенъ отъ прочихъ смягченіемъ наказанія. * Четверо наиболѣе затѣмъ преступныхъ (Крюковъ, Корниловичъ, Фаленбергъ и Бобрищевъ-Пушкинъ) были виновны въ изъявленіи согласія на замыслы придуманные не ими и въ привлеченіи товарищей въ заговоръ который по

* По всѣмъ вѣроятіямъ, основаніемъ для смягченія кары послужила слова сказанныя имъ въ собраніи заговорщиковъ: je vais dire à ces messieurs que la famille impériale est sacrée (я объявляю этимъ господамъ что императорская фамилія должна быть священной).

ихъ убѣжденію казался неосуществимымъ. Какъ эти четверо, такъ и всѣ остальные затѣмъ офицеры этого корпуса принадлежали къ Южной арміи, играли роли весьма второстепенныя и ничтожныя, и очевидно были увлечены въ общую бѣду какимъ-то неотразимымъ, демовическимъ вліяніемъ Пестеля. Вообще пассивное участіе въ заговорѣ офицеровъ генеральнаго штаба доказывается и тѣмъ что ни одинъ изъ нихъ не принималъ участія въ возмущеніи ни въ Петербургѣ, ни около Василькова,—если не считать юнаго, только-что произведеннаго въ офицеры, Иллолита Муравьева-Алостола, дѣйствовавшаго при Королевкѣ подъ вліяніемъ братской любви. * Поэтому распространенныя понынѣ нареканія на офицеровъ генеральнаго штаба, будто они были главными и ревностѣйшими участниками тайныхъ обществъ или декабрьскаго возмущенія, едва ли справедливы. Не то важно принадлежали ли они къ извѣстной средѣ куда втокнула ихъ судьба, но какъ они дѣйствовали на эту среду. Отрицательныя дѣйствія двухъ братьевъ Муравьевыхъ, Калошина и Бурцова могутъ служить отвѣтомъ на этотъ вопросъ.

Спокойное и торжественное заявленіе Муравьева произвело сильное впечатлѣніе, и невольно заставило многихъ взвѣснить тѣ цѣли къ которымъ они стремились. Всѣ чувствовали справедливость его словъ и сознавали что съ его выходомъ половина членовъ оставить общество. Въ это время случилось происшествіе заставившее всѣхъ снова обратиться къ предложенному Муравьевымъ уставу. Князь Трубецкой прислалъ изъ Петербурга къ Якушкину письмо, извѣщавшее его будто императоръ рѣшилъ присоединить къ Польшѣ западныя области, и предвидя со стороны Русскихъ сопротивленіе, думаетъ со всею царскою фамиліею отправиться въ Варшаву и тамъ обнародовать манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. Это нехлѣное извѣстіе послало поводъ къ заявленію со стороны Якушкина о готовности покуситься на жизнь императора. Убійца не долженъ жить, сказалъ онъ, я совершу ударъ и потомъ самъ застрѣлюсь. Князь Трубецкой, призванный для объясненій по поводу письма въ Москву, вынужденъ былъ согласиться въ неосновательности своего сообщенія. Тогда сторонники

* Такой же юноша былъ и подпоручикъ гвардейскаго генеральнаго штаба графъ Комовицынъ, незадолго выпущенный въ офицеры изъ Царскосельскаго лицейскаго пансіона.

Муравьева заговорили что настоящій случай лучше всего показываетъ къ какимъ послѣдствіямъ можетъ привести однонастное письмо, если уставомъ общества не опредѣлится открытая для всѣхъ членовъ цѣль, если не устранятся изъ него двойная нравственность, политическія реформы и произволъ думы. Когда, послѣ прибытія князя Трубецкаго, все разъяснилось и члены успокоились, то избрана была коммиссія для передѣлки устава предложеннаго Муравьевымъ. Кроме двухъ братьевъ Муравьевыхъ и Калошина, вызвались принять участіе въ работахъ коммиссіи Никита Муравьевъ и князь Трубецкой, не жаловавшіе Пестеля за его высокомеріе и самонадѣянность. Такъ какъ оба они не принадлежали къ интимному кружку братьевъ Муравьевыхъ, то сотрудничество ихъ оказалось безполезнымъ. Никита Муравьевъ, хотя на общихъ засѣданіяхъ и вооружался противъ устава Пестеля, но отъ политической ломки не могъ однакоже отрѣшиться. Поэтому и составленныя имъ предложенія о занятіяхъ и цѣляхъ общества не могли войти въ составъ устава Союза Благоденствія. Сотрудникъ Муравьева по работамъ въ коммиссіи, П. И. Калошинъ, нашелъ что написанная Никитой Муравьевымъ часть устава не соотвѣтствуетъ прочимъ. Послѣ четырехъ-мѣсячной работы уставъ Союза Благоденствія получалъ окончательную, всѣми одобренную редакцію. Важная сторона новаго устава была заимствована, какъ уже выше сказано, изъ нѣмецкаго устава Тугендбуада, и на долю Михаила Николаевича досталось перевести изъ него на русскій языкъ двѣ главы; остальное переводилъ П. И. Калошинъ. Но существенная часть новаго устава, опредѣлявшая направленіе и будущую дѣятельность общества, была составлена заново. Въ прежнюю форму вложено было новое содержаніе. Нѣтъ нужды говорить что этотъ уставъ, измѣнившій даже самое названіе общества, начавшаго съ этой поры именоваться Союзомъ Благоденствія, составлялъ рѣзкую противоположность съ уставомъ Пестеля. Въмѣсто легкомысленныхъ экспериментовъ самой неразборчивой и все разрушающей ломки, встрѣчаемой у него на каждой почти строкѣ, Муравьевъ въ своемъ уставѣ проводилъ вездѣ начала зиждительныя, ничего не разрушая и не задаваясь такою трудною задачею какъ общественная и политическая перестройка Русскаго государства; онъ хорошо понималъ что рѣшеніе любой задачи не подъ силу не только нѣсколькимъ десяткамъ

молодыхъ и неопытныхъ офицеровъ, но даже и для самыхъ могущественныхъ правительствъ; онъ ограничился указаніемъ четырехъ категорій дѣятельности, обнимавшихъ каждая исправленіе такихъ общественныхъ недуговъ отъ которыхъ наиболѣе въ то время страдала наша юная гражданственность. Имѣя недоувѣріе ко всякой таинственной дѣятельности, Муравьевъ хотѣлъ чтобы Союзъ Благодѣянія былъ открытымъ обществомъ и предлагалъ составленный имъ уставъ представить на утвержденіе императора Александра. Но на подобное предложеніе не могли согласиться молодые честолюбцы, горѣвшіе желаніемъ разомъ раздвинуть кругъ своей неугомной дѣятельности. Въ то время еще у всѣхъ была предъ глазами книга французской революціи, поднявшей вдругъ на высоту общества множество лицъ врацавшихся до того въ безвѣстности и нечестности. Сидѣвшая эту молодежь неутолимая жажда власти и извѣстности помѣшала осуществленію добрыхъ намѣреній Муравьевыхъ. Но хотя уставъ и не получилъ Высочайшаго одобренія, все-таки любѣда Муравьевыхъ была не маловажна: новыя правила Союза Благодѣянія указывали и на истинно-полезную и широкую цѣль и на честныя средства для ея достиженія. Уставъ Союза Благодѣянія составляетъ главнѣйшій документъ тайныхъ политическихъ обществъ Александровской эпохи, на основаніи котораго русское общественное мнѣніе привыкло судить и понынѣ судить о декабристахъ, забывая что значительная доля декабристовъ отвергала разумныя правила Союза Благодѣянія.

Въ новомъ уставѣ было изъяснено что одно благо отечества есть цѣль Союза, что сія цѣль не можетъ быть противна желаніямъ правительства, что правительство несмотря на свое могущественное вліяніе имѣетъ нужду въ содѣйствіи частныхъ людей, что учреждаемое общество хочетъ быть ревностнымъ пособникомъ въ добрѣ, и не скрывая своихъ намѣреній отъ гражданъ благомыслящихъ, только для избѣжанія нареканій злобы и ненависти будетъ трудиться въ тайнѣ: члены дѣлились на четыре разряда или отрасли; каждый долженъ былъ приписаться къ одной изъ нихъ, не отказываясь совершенно и отъ занятій по другимъ. Въ первой предметомъ дѣятельности было человеколюбіе, то есть услѣхи частной и общей благотворительности: она имѣла надзоръ за всѣми благотворительными заведеніями.

уведомяя начальство оныхъ и самое правительство о могущихъ вкрасться въ оныя злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ, равно и о средствахъ исправленія или усовершенствованія. Во второй, умственное и нравственное образованіе, распространеніемъ познаній, заведеніемъ училищъ, особенно ланкастерскихъ, и вообще содѣйствиемъ въ воспитаніи юношества, а равно чрезъ примѣръ доброй нравственности, разговоры и сочиненія. Членамъ сей второй отрасли порученъ былъ надзоръ за всѣми школами; они должны были литать въ юношества любовь ко всему отечественному, прельщая по возможности воспитанію за границей и всякому чужеземному вліянію. Въ третьей отрасли вниманіе было обращено на дѣйствія судовъ; члены обязывались не уклоняться отъ должностей по выборамъ дворянства и другихъ въ порядкѣ судебномъ, исправлять оныя съ усердіемъ и точностію, сверхъ того наблюдать за теченіемъ дѣлъ сего рода, ободряя чинovníковъ безкорыстныхъ и прямодушныхъ, даже помогая имъ деньгами, удерживая слабыхъ, вразумляя незнающихъ, обличая безсовѣстныхъ и доводя ихъ поступки до свѣдѣнія правительства. Наконецъ члены четвертой отрасли должны были заниматься предметами относящимися къ политической экономіи: стараться отыскивать, опредѣлять непреложныя правила общественнаго богатства, слобословствовать распространенію всякаго рода промышленности, утверждать общій кредитъ и противиться монополіямъ. Членамъ не воспрещалось самимъ обращать вниманіе мѣстныхъ начальствъ на замѣчаемыя ими злоупотребленія, хотя вообще до свѣдѣнія правительства они должны были доходить черезъ правленіе Союза.

Написанный М. М. Муравьевымъ уставъ составлялъ одну первую часть и назывался иногда, по цвѣту переплета, Зеленою Книгой. Вторая часть, сочиненная Никитой Муравьевымъ, какъ мы уже упомянули, была отвергнута обществомъ и сожжена А. Н. Муравьевымъ въ 1822 году, то-есть спустя уже три года какъ онъ прекратилъ всѣ свои сношенія съ Союзомъ Благодѣствія.

Напрасно однакоже думали Муравьевы что тетрадь составленнаго ими устава въ самомъ дѣлѣ можетъ измѣнить роковое направленіе дѣлаго общества, проникнутаго убѣжденіемъ что только путемъ насилія можно достигнуть исправленія несовершенствъ нашей гражданской жизни. Убѣжденіе несчастное, хотя и свойственное людямъ исключительно

посвятившимъ себя военному ремеслу. Уставъ Союза Благоденствія былъ принять въ Москвѣ и Петербургѣ, но въ Южномъ Обществѣ Пестель не признавалъ новаго устава и дѣйствовалъ совершенно независимо. Хотя при слѣдствіи онъ и утверждалъ будто принималъ уставъ Союза Благоденствія, но на дѣлѣ этотъ уставъ былъ имъ отвергнутъ, и если показывался вновь поступающимъ членамъ, то собственно для привлеченія ихъ въ заговоръ. Всѣ дѣйствія Южнаго Общества, руководимаго Пестелемъ, противорѣчатъ и духу и буквѣ устава Союза Благоденствія. Длинный рядъ всевозможныхъ услѣховъ на жизненномъ поприщѣ ослабилъ его разсудокъ и породилъ въ душѣ глубокое убѣжденіе, доходившее до фанатическаго вѣрованія въ свою геніальность, что предъ его дальновидностію должны будутъ исчезнуть всѣ прелатствія существующія для остальнаго человѣчества. „Вліяніе его, говорится въ извѣстномъ донесеніи, бывало рѣдко оспариваемо близкими къ нему сообщниками, однакоже въ исходѣ 1820 года и между бывшими въ семъ краѣ начали оказываться холодность, несогласіе во мнѣніяхъ и возникали жаркіе споры на собраніяхъ кои бывали у Пестеля и Юшневскаго (генераль-интендантъ 2й арміи). Пестель предлагалъ для прекращенія разномыслія устроить диктаторство; но это предложеніе было отвергнуто, а положено быть въ Москвѣ съѣзду депутатовъ Союза, для точнѣйшаго опредѣленія цѣли и дѣйствій онаго.“ На этомъ-то съѣздѣ, происходившемъ въ февралѣ 1821 года, положено было на общемъ засѣданіи уничтожить Союзъ. Тургеневъ, какъ предсѣдатель, отъ имени всѣхъ уполномоченныхъ членовъ объявилъ прочимъ что ихъ сообщество разрушилось совершенно и навсегда, какъ по возникшему въ ономъ разномыслію, такъ и для того чтобы не возбудить подозрѣній правительства. Въ числѣ другихъ членовъ, на засѣданіяхъ этого съѣзда присутствовалъ и М. Н. Муравьевъ. Но это уже были послѣднія сношенія его съ членами Союза, съ закрытіемъ котораго прекратилась и дѣятельность Муравьева въ тайныхъ политическихъ обществахъ. Братъ его Александръ покинулъ тайныя общества еще въ маѣ 1819 года. Въ показаніяхъ своихъ предъ слѣдственною комиссіею онъ говоритъ: „лучъ горней благодати коснулся моей души омраченной; я вдругъ увидалъ бездну надъ которою стоялъ съ несчастными сообщниками и долго въ слезахъ раскаивался молить небо простить мнѣ ихъ и мои преступленія. Богъ

ушамалъ грѣшника; Онъ въ теченіи шести лѣтъ испытывалъ нескладными крестами, смертію дѣтей, страданіемъ жены, разстройствомъ имуществъ, наконецъ и праведнымъ гнѣвомъ государя и карою закона“. Разказывая объ измѣненіи своего образа мыслей, онъ присовокупляетъ что нѣсколько времени онъ не могъ побѣдить ложнаго стыда, и только отклонился отъ прежнихъ занятій и разговоровъ, но въ 1819 году превозмогъ себя и письменно объявилъ корейному Союзу о своемъ мнѣніи, прося и заклиная всѣхъ послѣдовать его примѣру, отказаться отъ всякихъ противозаконныхъ предпріятій и мыслей. Корейной Союзъ отвѣчалъ ему увѣреніями усложнительными что соглашается съ нимъ и уничтожаетъ общество, которое однакожь продолжало существовать и было упразднено, какъ мы уже видѣли, только въ февралѣ 1821 года. Послѣдующія событія однакоже показываютъ что и это упраздненіе общества было сдѣлано только для виду и вслѣдствіе рѣшительности мѣръ обнаруженной правительствомъ по случаю возмущенія Семеновскаго полка.

Изъ вышеприведенныхъ обстоятельствъ можно видѣть что М. Н. Муравьевъ не только не былъ заговорщикомъ, но даже сдѣлалъ все что было возможно сдѣлать честному человеку для уничтоженія заговора устроеннаго Пестелемъ. Оппозиція Муравьева, какъ мы уже видѣли, имѣла два основанія: одно — необходимость вырвать брата Александра изъ дѣла въ высшей степени опаснаго, и другое—чисто личное, самолюбіе, не допускавшее его преклониться предъ авторитетомъ Пестеля, который онъ впрочемъ оцѣнилъ безъ ошибки. Эта оппозиція Муравьева выражалась въ написанномъ имъ уставѣ Союза Благоденствія, изъ котораго были исключены политическія дѣла, потому въ разрывѣ членовъ Сѣвернаго общества съ Южнымъ, не могшимъ высвободиться отъ влияния Пестеля, и наконецъ въ закрытіи самого Союза въ началѣ 1821 года, когда благоразумнѣйшая часть общества, Муравьевъ, Михайло Орловъ и другіе должны были отшатнуться отъ людей не вѣдавшихъ что творять. Изъ представленнаго нами очерка можно видѣть что Муравьевъ былъ преслованъ за свои сношенія съ тайнымъ обществомъ, представшіяся почти за лять лѣтъ до декабрьскаго возмущенія, то эти полузабытыя и давнишнія сношенія никогда не имѣли преступнаго характера, напротивъ постоянно клонились

къ отвращенію своихъ друзей отъ тѣхъ несбыточныхъ утопій которыя погубили цвѣтъ нашей молодежи.

Совершенное отсутствіе обвиненій, конечно, должно было привести къ освобожденію Муравьева изъ заточенія. * Какъ только слѣдственная коммиссія окончила свои занятія, то и было сдѣлаано распоряженіе о прекращеніи дальнѣйшаго ареста. Товарищъ дѣтства, А. Н. Мордвиновъ, узнавшій о томъ еще прежде чѣмъ было сообщено начальству госпиталю, поспѣшилъ извѣстить объ этой радости супругу Муравьева, которая въ прекрасное лѣтнее утро, 3го іюня, пріѣхала къ своему мужу.

Мы предоставляемъ воображенію читателей представить себѣ всю радость свиданія послѣ столь долгой разлуки.

Д. КРОПотовъ.

* Правительство не преслѣдовало сторонниковъ Союза Благодѣтствія; многихъ членовъ его не потребовало даже къ отвѣту. Они сохранили свое общественное и служебное положеніе.

И С Т О Р І Я

БЛѢДНАГО МОЛОДАГО ЧЕЛОВѢКА

Р О М А Н Ъ

ВЪ ТРЕХЪ КНИГАХЪ СЪ ПРОЛОГОМЪ.

(Б. Н. Алмазову.)

Un malheur inconnu glisse parmi les hommes,
Qui les rend ennemis du repos où nous sommes:
La plupart de leurs vœux tendent au changement;
Et comme s'ils vivaient des misères publiques,
Pour les renouveler ils font tant de pratiques
Que qui n'a point de peur n'a point de jugement.

Malherbe.

ПРОЛОГЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Я хочу разказать вамъ исторію человѣка кому подобныхъ мы, вѣроятно, встрѣчали не разъ. Не знаю случилось ли вамъ знать ихъ близко, пристально вглядываться въ ихъ нравственную фizioномію. Если нѣтъ, то весьма не мудроно что вы строго и пристрастно судили ихъ, отзывались о нихъ пренебрежительно. Быть-можетъ, прочтя мой правдивый разказъ вы нѣсколько измѣните свой строгій приговоръ.

Того о комъ пойдетъ разказъ звали Петромъ Андреевичемъ Кононовымъ. Въ минуту начала повѣсти, ему двадцать пятый годъ, и онъ два года какъ кончилъ университетскій курсъ. Но прежде чѣмъ начать повѣсть, не мѣшаетъ нѣсколько

3°

ознакомиться съ прошлымъ Петра Андреича. За свѣдѣніями объ этомъ прошломъ мы обратимся не къ его сосѣдямъ и знакомымъ, а къ собственнымъ его воспоминаніямъ.

Наша память вещь причудливая. Старику она чаще всего нашелтываетъ о раннемъ дѣтствѣ, и явственно видится ему тропинка по ней же онъ бѣгалъ удить рыбу и старая корявая ветла, гдѣ сиживалъ ожидая клева; кусты недалеко отъ большой липы гдѣ весело было играть, и рябаго, съ бѣломомъ на лѣвомъ глазу Филипку, кого запрягалъ въ ручную телѣжку и погонялъ кнутикомъ. А, казалось, все это давнымъ-давно забыто, похоронено и былшемъ поросло. Человѣку зрѣлыхъ лѣтъ чаще вспоминается его юность и все что въ ней было непригляднаго и дряннаго, и покачивая головой говорить зрѣлый человѣкъ: „Совсѣмъ, совсѣмъ не такъ повелъ бы я себя, воротись ко мнѣ юность; не на то истратилъ бы и истрепалъ я лучшія силы свои!“ А послушайся его, воротись къ нему юность и исчезни нажитой опытъ, олять началъ бы онъ какъ попало и на что пришлось тратить тѣ силы что въ зрѣломъ возрастѣ почему-то кажутся ему лучшими. Въ юности еще свѣжа та сила воображенія что въ раннемъ дѣтствѣ заставляла лалочку считать ретивымъ конемъ, а самого себя бравымъ всадникомъ; чудная сила превращавшая лужу въ море, подымаѣя по дорогѣ столбанный лапотъ или щелку въ корабль, а самого ребенка, хотъ и стоитъ онъ на сухомъ мѣстѣ, въ отважнаго мореходца, лывущаго на этомъ громадномъ кораблѣ-лаптѣ; воображеніе въ юности начинается только глядѣть не вокругъ, а вдаль; оно манитъ, и все чего хочешь сулить въ будущемъ, пока не придетъ и не разгонитъ клюкою мечтаній бродячая сухопарая Забота и не заставитъ думать о настоящемъ и насущномъ. Юность, если она не одинока, скупа на воспоминанія. Рисуется вчерашнее и напереднишее, да при встрѣчѣ со школьнымъ товарищемъ припоминаются бойкія и юркія шалости и смѣшныя учителя. Дѣльные учителя вспоминаются позже.

Но не въ этомъ одномъ причуды памяти. Бываетъ таково: помнится разная дрянь, о ней и вспоминать не слѣдъ бы, и лѣзетъ она въ голову повторительно, настойчиво, порою навязчиво и назойливо. Встрѣчается пріятель съ кѣмъ давно не видался, и начинаешь перетряхивать съ нимъ всякій памятный соръ. То помнишь, другое помнишь, а этотъ вотъ случай, по разказу пріятели, такой занимательный, вовсе забылъ. И думаетъ пріятель: „Вотъ человѣкъ что забылъ, а

вѣдъ этотъ случай имѣлъ рѣшающее вліяніе на всю его судьбу*. Но рѣшающій, по мнѣнію пріятели, судьбу случай никакъ не вспоминается. Роешься въ памяти, докалываешься и думаешь: „Точно, было вѣчто подобное, да остались такіе клочки и обрывки: по нимъ и самъ Кювье врядъ ли возстановилъ бы цѣльный образъ былаго.“ Идетъ разговоръ дальше, и самъ, въ свою очередь, вспоминаешь удивительно-замѣчательный случай: ба, пріятели, оказывается, его-то и забылъ. И повторяешь мысленно тѣ слова что полчаса назадъ пріятели про тебя думали: „Странный, молъ, человекъ, мелочи всякія помнить, а этого-то случая, имѣвшаго на всю его судьбу самое рѣшающее вліяніе, не помнить.“ И начинаетъ пріятели также прилежно, какъ ты за полчаса, копать въ своей памяти, и у него оказываются только затертые слѣды, опметки да лохмотья. И ни тебѣ, ни пріятели не приходитъ въ голову что оба вы обоудно приписываете важное другъ для друга значеніе случаямъ вовсе его не имѣвшимъ.

Вдумывайся человекъ въ свои воспоминанія, разбирай тѣ мелочи что чаще другихъ надобливо лѣзуть въ голову, разыскивай вѣтъ ли чего общаго въ нихъ самихъ или въ способѣ какимъ они вспоминаются, не выступаютъ ли при этомъ какія-либо свойства нравственной его природы, онъ нашелъ бы новое и драгоценное средство къ познанію самого себя. Но живой и занятой человекъ думаетъ о живомъ и своихъ занятіяхъ, и некогда ему трудиться надъ разборомъ и изученіемъ воспоминаній.

Что же и какимъ образомъ чаще всего вспоминалось нашему молодому человеку, благо у него были и время, и охота вспоминать и даже порой рыться въ своихъ воспоминаніяхъ? Въ разказѣ о его воспоминаніяхъ я ничего не прибавлю, и только поведу его отъ себя, да кое-гдѣ позволю себѣ освѣтить предметъ поудобнѣе, чтобъ онъ выуклѣе вырѣзался предъ читателемъ: безъ соблюденія такого художческаго обычая воспоминанія молодого человека показались бы читателю слишкомъ личными и незанятными.

II.

Самыя раннія, самыя смутныя воспоминанія Петра Андреевича таковы:

Узкій городъ, немощеная площадь съ рядами; телѣги, много телѣгъ подѣвжааетъ къ лавкамъ; возятъ всякій хлѣбъ;

на площади всюду довольно просыпанныхъ зеренъ и видимо-невидимо безгрѣшной птицы голубя. Онъ ходитъ въ узкое училище, вѣроятно оно тутъ же, на площади, или дорога къ нему вела черезъ площадь. Иначе отчего памятна площадь? Въ училищѣ ему хорошо: онъ первый ученикъ, учитель географіи ставитъ его въ примѣръ взрослымъ и нерадивымъ болванамъ. Мальчикъ получаетъ похвальный листъ, и старикъ дѣдъ плачетъ отъ умиленія читая эту бумагу. Самъ дѣдъ яснѣе и отчетливѣе вспоминается въ иномъ видѣ. Маленькая комната, въ переднемъ углу черный образъ въ золотой ризѣ, лампада предъ образомъ, ладонный дымъ широкою струей переливается предъ лампаднымъ огонькомъ. Въ какомъ-то углу этой комнаты стоитъ покоробившійся ломберный столъ; на столѣ тонкая восковая свѣча въ маленькомъ подсвѣчникѣ, а подальше сальная въ безобразно высокомъ шандалѣ; между свѣчами громадныя снемпы, точно сдѣланы они въ тѣ времена какъ люди были великанами и вмѣсто свѣчъ жгли полѣнья. На столѣ развернута лежитъ большая книга, перелетена въ толстую кожу съ мѣдными застежками; надъ книгою наклонилось крупное старое лицо: большая сѣдая борода, большой горбатый носъ и на немъ большія серебряныя очки. Ни остальнаго дѣдова обличья, ни комнатной обстановки не вспоминается. Будто раньше всего этого, раньше комнаты съ дѣдомъ, было что-то лучше, просторнѣе и веселѣе. И будто былъ еще мальчикъ какой-то, и садъ большой, но Петръ Андреевичъ не безъ основанія подумывалъ: не присочиняетъ ли онъ тутъ чего-нибудь.

Былъ случай изъ ранняго дѣтства, долго забытый, потомъ вспомнившійся и не забываемый. Въ тоскливыя и горькія минуты вспоминается онъ Петру Андреевичу; въ первый же разъ припомнился вотъ при какихъ обстоятельствахъ. Въ ихъ городъ пріѣхалъ нѣкоторый человѣкъ и объ его пріѣздѣ много толковали. То было странно въ этомъ человѣкѣ что у него не было христіанскаго имени; кого звали Иванъ Ивановичъ, кого Павелъ Онуфричъ, или Разумникъ Платонычъ, а этого всѣ въ голосъ величали „откупщикъ“.

Велитъ дѣдъ внуку надѣть коричневый суконный сюртучокъ хранившійся въ сундукѣ для вящихъ оказій; со всѣхъ сторонъ осматриваетъ и охорашиваетъ внука, говоритъ: „гляди же къ откупщику идемъ, умникомъ будь, меня старика не осрами“; беретъ внука за руку (что важивалось только въ

важныхъ случаяхъ, какъ подводилъ дѣдъ его къ причастью, или кресту) и идетъ съ нимъ. Куда-то приходятъ. Дѣдъ другимъ человекомъ становится: у него не обычная сановитая повадка, не важно задумчивое лицо; онъ нехорошо улыбается, сгибается, низко-превысоко кланяется, шелчетъ что-то какимъ-то трехаршиннымъ нагаецамъ, суетъ имъ что-то въ руку.

— Ступайте къ Василию Васильичу, неохотно бормочетъ одна изъ трехаршинныхъ, тычетъ пальцемъ на боковую дверь, а самъ отворачивается отъ дѣда.

Добродушное лицо улыбается имъ на встрѣчу. Дѣдъ и ему низко кланяется, шелчетъ что-то указывая на внука. Василий Васильичъ одобрительно смѣется, говоритъ: „ну, ну!“ гладитъ Петю по головкѣ и уходитъ. Дѣдъ, съ тѣхъ поръ какъ Василий Васильичъ засмѣялся, сталъ прежнимъ дѣдомъ.

Дѣдъ со внукомъ долго сперва стоятъ, потомъ сидятъ въ комнатѣ Василия Васильича. Онъ самъ порой забѣгаетъ, роется въ бумагахъ, приговаривая: „Подождите, нельзя еще; не бойтесь, улажу“, и торопливо убѣгаетъ. Наконецъ онъ снова является въ дверяхъ, кричитъ „пожалуйте“ и пропускаетъ ихъ въ другую комнату. Дѣдъ, предъ входомъ въ двери, творитъ крестное знаменье и шелчетъ что-то, вѣрно молитву, и опять беретъ внука за руку.

Петя въ первый разъ видитъ лицо которое потомъ часто приходилось ему видѣть. На креслѣ, позади стола, у котораго стоятъ дѣдъ со внукомъ (внуку передается дрожанье дѣловой руки), сидитъ жесткая и костлявая фигура. У этого человека безъ христіанскаго имени точно нѣтъ ни мяса, ни чего-либо жидкаго, или полужидкаго въ тѣлѣ; словно взяли остовъ и для скрѣпы костей обвили воловьимъ сухожилиемъ. Лицо у костяка жесткое и досмучее; словно мыли его, мыли, скоблили, скоблили, терли-перетерли и покрывши лакомъ пустили гулять по бѣлу свѣту. Одна ошибка была сдѣлана при такой усердной работѣ; чтобъ отчистить лицо стали тереть его мыломъ съ толченымъ кирлицомъ: кирлицъ и засядъ въ мелкихъ складкахъ и щелочкахъ, да такъ сдѣды его остались и до сегодня. Голосъ откулщика походилъ на звукъ издаваемый контробаснымъ баскомъ, когда тотъ не настроенъ и кто-нибудь дурачася неумѣло проведетъ смычкомъ по струнѣ.

— А, старина, бродишь еще? А это чей?

Дѣдъ отвѣчалъ, но такъ тихо что внуку, хотя и подлѣ стоялъ, не слышалъ. Такимъ же образомъ шелъ разговоръ

и дальше: казалось говорилъ одинъ откущикъ, дѣдъ же смѣлъ только беззвучно шевелить губами.

— Покойнаго Андрея сынъ? Подойди-ка.

Дѣдъ беретъ мальчика за плечо и подвигаетъ къ откущику. Тотъ беретъ за подбородокъ Петю и мальчикъ всломинаетъ какъ разъ, дурачась, поднесъ къ лицу скребящу и слегка повелъ ею по щекѣ. Судьба Пети рѣшается.

— Учится? черезъ извѣстные промежутки, въ которые дѣдъ шевелитъ губами, хрилитъ контробасная струна,—въ уѣздномъ? Похвальный листъ? А, хорошо. Со способностями, говоришь? Конечно, изъ уѣзднаго училища не много вынесетъ. И послѣ? Въ лавку? Пустое дѣло. Ну, да я возьмусь за него. Я беру его съ собой. Въ Питерь. Тамъ въ училище опредѣлю. Выучится, человѣкомъ будетъ. Что—какъ, бишь, его?—а, Петя! Что, Петя, хочешь въ Питерь? А? учиись, учиись, а я все сдѣлаю, человѣкомъ тебя поставлю. Изъ дружбы къ твоему къ покойному отцу.

Дѣдъ отвѣчаетъ за внука.

— Благодарѣтель, говоритъ онъ, и голосъ его теперь громокъ и яствень, — благодарѣтель, я просить не смѣлъ.... вы сами.... Господь вамъ залаатить... за дружбу за вашу.... къ покойнику....

Голосъ дѣда прерывается, и онъ плачетъ слезами умиленія. Откущикъ утѣшаетъ его, увѣряетъ будто всегда любилъ покойника и что если покойникъ разорился, то единственно потому молъ: не хотѣлъ его, откущиковыхъ, совѣтовъ слушать. Затѣмъ онъ дѣлаетъ послѣднія распоряженія: чтобы нужныя бумаги были доставлены Василій Васильчу и мальчикъ былъ готовъ къ отъѣзду черезъ три дни. При прощаніи Петя чувствуетъ снова: по его лицу провели скребящей. Дѣдъ со внукомъ доходятъ до дверей.

— Постой, кричитъ откущикъ вслѣдъ,—про одно забылъ: вѣдъ вы теперь мѣщане, а? То-то. Рожденныхъ-то мѣщанъ не принимаютъ; ну, да онъ сынъ разорившагося кулца—примуть. Увольнительное еще надо,—ну да я прикажу: сдѣлають. Стулайте.

У благодарѣтеля, какъ выговаривалъ онъ слово „мѣщанинъ“, ротъ покривился: точно могло оно обжечь даже его жесткія губы. Въ его голосѣ при этомъ слышались и страхъ, и презрѣніе. Петя вдругъ разрыдался. Слезы были отнесены на

счетъ предстоящей разлуки съ дѣдомъ. Откупщикъ слегка потрувилъ и похвалилъ Петю.

— Паачеть, значить добрый: чувство имѣеть, сказалъ онъ. По дорогѣ домой дѣдъ утѣшалъ Петю.

III.

На дѣдъ, ни откупщикъ не догадались о причинѣ Петиныхъ слезъ. При словѣ „мѣщанинъ“ съ такимъ презрѣніемъ и боязливю произнесенномъ откупщикомъ, Петя вспомнилъ случай изъ ранняго дѣтства.

У нихъ въ домѣ, но словно не въ томъ гдѣ онъ жиалъ съ дѣдомъ (*тотъ* домъ былъ свѣтлѣй и просторнѣй), набралось много народу. За столомъ сидитъ баринъ съ краснымъ носомъ и свѣтлыми луговицами. У стола, слегка опершись о него рукою, стоитъ Петинъ покойный отецъ. Петя выглядываетъ изъ дверей: отцовскаго лица ему не видно.

— Какъ же писать-то васъ? Званіе токъ ваше? спрашиваетъ красноносый баринъ.

Отецъ отвѣчаетъ не вдругъ, съ заминкой; онъ отнимаетъ руку отъ стола и подноситъ къ горлу, словно въ горлѣ у него случилось что неладное.

— Пишите, говоритъ онъ,—лишите... бывшій кулець.

— Токъ мѣщанинъ? спокойно спрашиваетъ баринъ.

У барина на концѣ краснаго носа бородавка и онъ теперь скривляетъ глаза чтобы хорошенько разсмотрѣть это любопытное произведеніе природы; на Петинаго же отца не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія.

Отецъ ничего не отвѣчаетъ, и Петя съ безлокойствомъ замѣчаетъ что отцовскія плеча вздрагиваютъ.

— Чудной ты человекъ, Андрей Петровичъ, говоритъ баринъ, перенося глаза съ бородавки на лицо отца и замѣняя пустое *сы* сердечнымъ *ты*,—какъ же я тебя залишч? Коли ты мѣщанинъ, то ты мѣщанинъ и есть.

— Нѣтъ, нѣтъ, и отецъ судорожно замахалъ руками,— не лишите, не лишите *такъ* (отецъ очевидно боится произнести роковое слово), а лишите... лишите... бывшій кулець.

Отецъ отходитъ отъ стола и теперь Петя видитъ его лицо. Оно искривлено и блѣдно, изъ глазъ хлынули слезы. Отецъ подноситъ руку къ глазамъ и остается видна только

судорожно-дрожащая нижняя челюсть. Мальчикъ не въ силахъ этого вынести; онъ убѣгаетъ въ садъ, забивается подъ кустъ и горько рыдаетъ: слово „мѣщанинъ“ стоитъ въ ушахъ, въ глазахъ мелькаетъ судорожно-дрожащая челюсть.

Петя ни тогда, ни при первомъ воспоминаніи не ловилъ никакого значенія слова „мѣщанинъ“. Онъ лопалъ его гораздо позже.

Съ легкой руки откупщика, слово „мѣщанинъ“, порой случайно произнесенное, напоминало Петѣ горькій случай его ранняго дѣтства. Въ училищѣ, куда по перевѣдѣ въ Петербургъ попалъ Петя и гдѣ воспитывался по преимуществу кулеческіе сыновья, слово „мѣщанинъ“ произносилось еще съ большимъ презрѣніемъ чѣмъ слово чиновникъ.

Что жъ страшнаго въ этомъ словѣ? Отчего трудно было произнести его Петину отцу? Отчего откупщикъ боялся обжечь имъ свои жесткія губы? Отчего кулеческіе сыновья, свысока смотрѣвшіе на благородное званіе чиновника, еще сильнѣе презирали мѣщанъ, людей, повидимому, не далеко отставшихъ отъ ихъ отцовъ?

Не вѣдѣлъ извѣстно какое ужасное значеніе имѣло, а отчасти и теперь имѣетъ, это слово для кулца. Разорился кулець, онъ становится мѣщаниномъ. Не одну потерю богатства приходится ему при этомъ вынести. Куда бы ни шло что отъ мѣщанина отвернутся бывшіе застольники; и то не важно есть что бывшіе друзья станутъ говорить съ тобой покровительственно, а ты ломай предъ ними почтительно шалку и низко кланяйся. Таковы повсюдныя слѣдствія всякаго раззоренія. Но ты мѣщанинъ, и знай: ты подлежишь тѣлесному наказанію, дѣти твои подлежатъ рекрутчинѣ. Что это недавно еще значило, напоминать не приходится. Лучше бы забиться въ деревню, ходить въ сѣромъ армякѣ, взяться за лахоту, жить въ курной избѣ. Но такой исходъ заказанъ; оставайся на мѣстѣ гдѣ вчера еще были застрахованы и твоя спина, и лбы, и спины твоихъ сыновей; живи тутъ и казнись вдосталь. У родовитыхъ кулцовъ, чьи семьи давнымъ-давно не знали этихъ невзгодъ, неволью въ теченіе долгихъ лѣтъ вырабатывался презрительный взглядъ на людей кому за невзносъ въ думу или ратушу нѣсколькихъ рублей приходилось извѣдать всѣ эти невзгоды. А слыша что вчерашній свой-братъ кулець раззорился, какъ было удержаться отъ страшной мысли: „И съ тобой молъ то же мо-

зеть случиться?" И какъ было при этомъ не почувствовать ровно тебя горячимъ утюгомъ по спинѣ провели?

Послѣ сказаннаго читатель пойметъ какими благословеніями окружали купцы имя покойнаго государя за учрежденіе потомственнаго почетнаго гражданства.

IV.

У Пети были славныя способности: быстрое соображеніе, гѣрная смѣтка, память просто чудовищная. И въ петербургскомъ училищѣ онъ скоро обогналъ товарищей и сталъ на первомъ мѣстѣ, какъ раньше въ уѣздномъ. Ученіе давалось ему легко, и правду сказать было оно не изъ трудныхъ. Большинство учителей, ссылаясь на тупость и неповнятность большинства учениковъ, до крайней возможности сокращали и облегчали курсы преподаваемыхъ наукъ, и ни одинъ изъ ученыхъ и способныхъ преподавателей не подозревалъ при этомъ не то что своей неспособности ясно и толково преподавать предметъ, но даже своего неумѣнья заохотить своихъ питомцевъ къ занятіямъ. И то сказать, къ чему утруждать нѣжные умы? При такой похвальной системѣ ученія, не мудрено что у способнаго мальчика оставалось много времени. Петя просто не зналъ куда дѣвать его. Онъ читалъ, жадно читалъ, читалъ все что подъ руку попадалось, отъ Пушкина до пошлой книжонки затащенной изъ прикащикой въ классную, однимъ изъ товарищей; въ пошлой книжонкѣ безграмотно и грязно описывались любовныя похождения чердашной кошки.

Нѣжные родители и опытные наставники не рѣдко чуть не до слезъ умиляются способности (они увѣрены, необыкновенной) сынка, или воспитанника безъ перестави спрашивать о всемъ о чемъ въ голову придетъ. „Такой де умный; всѣмъ, рѣшительно всѣмъ интересуюся.“ Имъ не въ домекъ: оттого то мальчикъ всѣмъ, рѣшительно всѣмъ и интересуется что ужъ его ничѣмъ опредѣленнымъ не занять, и что его ежеминутные вопросы не многимъ отъ празднаго любопытства отличаются. И слышать они удовлетворить всѣмъ, рѣшительно всѣмъ интересующагося ребенка, и личкаютъ, и начинаютъ это всаками, безъ разбору, свидѣніями, не подозревая что

въ сущности только осуществляютъ завѣтную пословицу: „чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, только бы не плакало“. И эти самые нѣжные родители и опытные наставники смѣются надъ дурашными маменьками-баловницами что кормятъ дѣтей чѣмъ попало: „кушай-моль, милое“. А безъ толку окармливать ребенка свѣдѣніями, хотя бы каждое изъ нихъ въ свое время и на своемъ мѣстѣ было отмѣнно полезно, не то же ли значить что тыкать въ ротъ ребенку соску или грудь, чуть онъ всплакнуетъ или крикнуетъ? Есть умники-утѣшители и твердятъ они лукавыя рѣчи: „могуча де природа, она де свое дѣло сдѣлаетъ, все-то выгладить, выровняетъ, выправить“. Слова нѣтъ, могуча она, природа-то: крѣпкіе дубы вырачиваетъ, за то сколько ихъ въ дубянкѣ глохнетъ и сохнетъ. И береза дерево стройное: какъ растетъ въ уютѣ, гдѣ и простора довольно и отъ метелей есть защита, вырастаетъ такая-то бѣленькая, пряменькая, ни вправо, ни влѣво ни вотъ чуть не клонится, да много ль ихъ, березъ-те, не кривыхъ и не корявыхъ? И еще разъ нѣтъ слора могуча природа, только отчего нигдѣ столько какъ у насъ неурожаевъ и голодныхъ годовъ не бываетъ?

Въ то критическое время какъ врожденная пытливость стремится перейти въ дѣльную любознательность и можетъ либо окрѣпнуть въ твердую любовь къ знаніямъ, либо выродиться въ жадное, на все броское и ни на чемъ какъ слѣдъ не останавливающееся любопытство, а не то закуснуть на той переходной стелени чему общая ключка „ни рыба, ни мясо“,—у Пети не было надежнаго руководителя. Кромѣ чтенія всего что попадалось, у него нашлись еще занятія. Мы знаемъ какое воспоминаніе трогало его и чѣмъ оно вызывалось. Сказано слово „мѣщанинъ“, и предъ мальчикомъ отецъ, у него трясется нижняя челюсть, а у самого слезы закипаютъ. Слезы скрыть надо: осмѣютъ, плаксою назовутъ — то еще не бѣда, а что какъ допытываются причины слезъ? Сначала Петя боялся роковаго слова ради горькаго воспоминанія; но воспоминаніе повторяется, онъ въ него вѣдается, оно уже не такъ терлко и горько, и мальчикъ боится уже слова ради самого себя, не стали бы дразнить мѣщаниномъ, не кричали бы въ задорствѣ: „мѣщаниншкѣ ты этакой!“ Скрывалось сперва чувство, потомъ происхожденіе; изъ скрытности выросла подозрительность. Кажущіеся намеки, мимолетныя слова, случайный смѣхъ товарищей, когда онъ проходилъ мимо, все

привималось къ свѣдѣнью, надъ всѣмъ этимъ колошился начавшій развиваться, чуть оперившійся, не твердый умъ. Онъ выводилъ свои сдѣлствія, изощрялся въ приисканіи смысла миссамъ, сталъ Богъ знаетъ что подозревать тамъ гдѣ ничего не было. Умъ и чувство мальчика лутали и лутались какъ въ темномъ лѣсу, продираясь сквозь терновникъ и лозу, увязая въ болотинахъ; за то что радости, какъ случайно выберутся на свѣтаую, всю въ душистыхъ и милыхъ фіалкахъ, полянку! Да, въ этомъ лутаніи набирались они и свѣжести порой, за то сколько уносили на себѣ завозъ, острыхъ шаповъ и болотной лѣсени! И олять: кто лутаетъ на удачу, трудно тому научиться ходить самостоятельно. Самостоятельно тотъ идетъ кто знаетъ куда, можетъ и умѣетъ опредѣлять путь, по звѣздамъ ли, по компасу, по цвѣмъ ли прихватамъ. Самостоятеленъ только тотъ умъ что ясно понимая свою мысль, умѣетъ вѣрно ее развить, направить куда слѣдуетъ, замѣтить и измѣрить ея уклонъ въ сторону.

Стоять наравнѣ, если не выше, съ другими, ни въ чемъ не отставать, такова была самолюбивая мечта Пети. Самолюбіе, токують, двигатель всѣхъ дѣлъ человѣческихъ; иные мудрецы ему да честолюбію приписывали происхожденіе всего великаго на землѣ. И точно: не было воспитанника легче Пети соглашавшагося участвовать въ шалостяхъ, нерѣдко самыхъ грязныхъ. По годамъ онъ былъ младшимъ въ классѣ; чѣмъ ближе къ окончанію курса, тѣмъ нелеремосѣе для него становилось такое обстоятельство. Къ тому же былъ онъ ростомъ малъ и щедушенъ не по лѣтамъ; шестнадцатилѣтній мюша казался тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Возрастные товарищи, надѣленные крѣпкимъ тѣломъ, чувствовали возможность луститься во вся тяжкая, и ничѣмъ не сдерживаемая, а меньше всего умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, со всеусердіемъ принялись за пріятное времяпровожденіе. Ихъ разговоры, въ рекреационные и релетиціонные часы (или по-русски, какъ оно и называлось въ училищѣ, въ досузіе и занимательные часы), не отличались ни возвышенностью мыслей, ни чистотой чувствъ. Они сами это подозревали и долго удерживали Кононова отъ своего общества.

— Тебѣ, Кононовъ, не годилось бы слушать про это: малъ ты еще.

Но Кононовъ не чувствовалъ, не хотѣлъ чувствовать своей малости. Онъ хотѣлъ быть наравнѣ съ ними, и хотя отъ

годныхъ, по ихъ мнѣнію, для большихъ разказовъ нехорошее что-то съ нимъ дѣлалось, Кононовъ не отставалъ отъ товарищей. Гнать отъ себя его товарищи, еслибъ и хотѣли, не смѣли: былъ онъ всѣмъ нужный человекъ. Кто, коли не онъ, напишетъ сочиненіе, разъяснитъ непонятныя геометрическія мудрости, подброситъ къ доскѣ рѣшеніе задачи? Грубить такому человеку не приходилось.

И Кононовъ сталъ какъ другіе порочить свое тѣло и душу участіемъ въ мерзостныхъ мальчишескихъ кутежахъ. И всѣмъ это не нужно было ему, и претило во глубинѣ души! По счастью, длилось это не долго.

У благодѣтеля мальчику было не по-себѣ. Ходилъ онъ собственно изъ училища во флигель къ Василю Васильевичу, но являлся съ нимъ вмѣстѣ по праздникамъ къ обѣду въ домъ. Тамъ онъ былъ пятымъ колесомъ. Благодѣтель рѣдко съ нимъ говорилъ, и все больше въ наставительномъ тонѣ.

— Видѣлъ вашего директора. Говоритъ: хорошо учишься, первымъ идешь — похвально. Помни: тебѣ иной дороги нѣтъ; курса не выдержишь, пролацій человекъ. Самъ, думаю, понимаешь о чемъ говорю.

Мальчикъ понимаетъ.

Разъ или два благодѣтель выразился яснѣе.

— Видѣлъ вашего директора. Говоритъ: учится отацво только шалить, и еще говоритъ: „дерзость на него порой находитъ, воспитателямъ грубить“. Ты съ чего же эту моду выдумалъ? Откуда гордости набрался? Кажись, не велика птица: мѣщанинъ всего. Гляди: начальство терпитъ, да и то ради меня. А выгонять, куда пойдешь? Подъ красную шалку вѣдь угодишь!

Кононовъ зналъ что врядъ ли ради благодѣтеля многое прощается ему въ училищѣ, но молчалъ. Его память живо хранила какъ однажды послѣ подобной назидательной бесѣды—рѣчи и тонъ откупщика почему-то на этотъ разъ были, или казались грубѣе и жестче обыкновеннаго и самъ Кононовъ волновался, краснѣлъ и блѣднѣлъ лучше чѣмъ всегда—онъ задалъ себѣ вопросъ: отъ чего онъ *то* „слушаетъ“ благодѣтелю на что другому отвѣтилъ бы дерзкою остротой? Раздумывая и передумывая, онъ вывелъ такое заключеніе: „отвѣтъ я ему дерзостью, онъ чего-добраго перестанетъ платить за меня, и тогда—проладеешь... И учиться-то мнѣ“, продолжала работать мысль, „нужно не ради знаній, а чтобы добиться правъ, изба-

виться отъ клочки мѣщанина, и солпженныхъ съ нею униженій... И чѣмъ я заслужилъ все это?" безотвѣтно допытывался онъ отъ себя. Въ этомъ раздумьи было горькое, острое и щекотливое чувство: оно сжимало и кололо сердце. То не была одна изъ тѣхъ отвлеченныхъ мыслей, въ родѣ хоть бы идеи о вредѣ неравенства сословій, до которыхъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ доходятъ герои писателей любящихъ выказать свой либерализмъ, или иной какой измъ. То была изъ тѣхъ нераздѣльныхъ отъ извѣстнаго чувства мыслей что человекъ такъ-сказать *выживаетъ* всѣмъ существомъ своимъ. Онъ, эти мысли, носятъ печать человека ихъ выживавшаго; такъ-сказать лахнуть его плоть и кровью. Изъ совокулности, не меньше чѣмъ страсти, увлеченія, склонности, очерчиваетъ, или по-старинному, болѣе удачному, выраженію, ознаменовываетъ внутреннюю физіономію человека. До отвлеченныхъ идей человекъ доходитъ инымъ, болѣе покойнымъ и холоднымъ логическимъ путемъ, при помощи мыслительной способности, ею же одаренъ всякій въ извѣстной (порой безконечно малой) степени; способности крѣпнущей и развивающейся только при помощи науки. Одолѣваемая желаніемъ наставить читателя, или вѣрнѣе насильно втиснуть ему въ голову свою любимую идею, нѣкоторые писатели слутываютъ два указанные рода мыслей, но не мѣшаетъ писателю поглубже всматриваться въ то что творится въ душѣ человѣческой, и быть поправдивѣе. Въ этомъ его дѣло и призванье, а не въ томъ чтобы быть на побѣгушкахъ, или даже хоть генераломъ, въ извѣстной клукѣ. Но возвращается къ Кононову.

Въ его воспоминаніи эта *выжитая* мысль, что ему и учить-ся-то и „слускать“ благодѣтелю приходится ради приобрѣтенія правъ, неразрывно связывалась съ тѣмъ горькимъ чувствомъ съ какимъ она родилась и впервые вошла въ его сознаніе изъ тайниковъ души. Болѣе: она была нераздѣльна съ представленіемъ сухожильнаго откущивающаго лица, съ тономъ его контробаснаго голоса. Эта мысль, чувство и представленіе составляли какъ-бы одно недѣлимое; воспоминаніе одного *вызывало* воспоминаніе другихъ. Впечатлѣніе выжитой мысли было сильно; оно отражалось на сужденіяхъ Кононова объ откущивающаго, примѣшивалось къ мысли о немъ порой ясно, порой бессознательно, въ скрытомъ видѣ (какъ бываетъ скрыта тѣлота). И сужденія Кононова о благодѣтелѣ, каковы

они ни были, никогда не были вполнѣ покойны и свободны, а потому всегда неточны. Кстати замѣтить: не въ подобныхъ ли впечатлѣнiяхъ корень нашихъ невольныхъ симпатiй и антипатiй?

Благодѣтеливы дѣти были не подъ лару Кононову. Они учились въ модномъ пансіонѣ, у нихъ товарищами были генеральскіе и графскіе сынки, они мечтали о кавалергардскихъ эполетахъ и болтали бойко по-французски. Благодѣтель своихъ дочерей и сыновей, какъ и все въ домѣ, поставилъ на благородную ногу. Кононовъ не сходился съ благодѣтеливыми сыновьями, обращающимися съ нимъ съ вѣжливой снисходительностью (пансіонъ не даромъ же считался образцовымъ); онъ старался даже глядѣть на нихъ свысока и тайнѣ во многомъ имъ завидовалъ. По свѣтскости онъ далеко отставалъ отъ нихъ и чувствовалъ что, пожалуй, никогда не догонять.

Самъ барскій домъ благодѣтеля смущалъ его; онъ боялся по неловкости разбить что-нибудь, испортить дорогій коверъ неуклюжими казенными салогами. Хуже всего былъ для него домъ благодѣтеля въ дни елокъ и другихъ празднествъ. При подаркахъ его возможно обдѣляли; онъ слышалъ какъ благодѣтель, приказывая Василью Васильевичу купить подарки, говорилъ: „и для этого (то-есть для него) купите, только попроще: нечего баловать-то; еще, можетъ, и червому хлѣбу придется раднымъ быть“. Когда Кононова выкликали по слиску за подаркомъ попроще, ему казалось: всѣ де смотрятъ съ недоумѣніемъ на этого неловкаго и незнакомаго мальчика; благодѣтель разговаривалъ ли въ это время съ богато одѣтою дамой, ему думалось: „объясняетъ онъ ей кто я такой; да, да, вотъ она презрительно улыбается“. Получивъ подарокъ, онъ забивался въ уголъ. Барчуки и барышни начинали танцовать, а онъ не выходилъ изъ угла. Онъ боялся своей неуклюжести; боялся и того что вдругъ благодѣтель отзоветъ его въ сторону и скажетъ: „ты куда залѣзъ? твое ли тутъ мѣсто?“ или „не видишь развѣ что для моихъ дочерей подучше тебя кавалеры есть“... „А какъ онъ это все да вслухъ брякнетъ?“ содрогался юноша. Откуда у него такіа опасенія,—онъ самъ не объяснилъ бы, да и въ голову ему не приходило объяснять даже самому себѣ ихъ причину. Въ дѣйствительности ничего подобнаго не случалось, но такимъ воображеніе рисовало ему благодѣтеля, и читатель помнитъ

почему. Больше всего конфузился онъ когда кокетливыя барышни проходили мимо, въ промежуткѣ между двумя танцами. Онъ думалъ что кажется имъ „ужасно, ужасно какимъ смѣшнымъ“. Какъ появленія благодѣтельной волшебницы, думалъ онъ скоро ли Василій Васильичъ мигнетъ ему: „Пойдемъ молъ, братъ, въ свой флигель, тамъ лучше.“

Высокое хамство благодѣтелева дома свысока обходилось съ Коновымъ.

— Ахъ, Господи! Куда еще вы тутъ суетесь: видите, и безъ васъ дѣла полны руки.

Такія или въ родѣ этихъ замѣчанія выслушивалъ онъ не разъ.

Высокое хамство, въ какомъ бы видѣ оно ни проявлялось, уважаетъ только тѣхъ кто имъ ломыкаетъ и тычетъ его носомъ. Своего брата, если онъ не пошелъ въ хамы, оно презираетъ самымъ страшнымъ образомъ; еще больше презираетъ оно тѣхъ изъ своей братіи кто въ гору пошелъ, но не доросъ еще чтобъ остальными ломыкать и тыкать ихъ носомъ.

Много такихъ воспоминаній о проглоченныхъ втихомолку обидахъ и мнимыхъ оскорбленіяхъ хранила память Петра Андреича. Сквозь нихъ проходила одна и та же нить, одну и ту же большую струну заставляли они дрожать: на него напало чувство досады на самого себя, чувство болѣзненнаго конфуза за свою случайную былую неловкость, неумѣлость, или неаходчивость, за слово или движеніе, чего, конечно, не только не помнили, но и въ то-то время не замѣтили участники въ танцѣ, ему памятномъ, случаѣ. Вспомнилось ли какъ благодѣтелева дочка подошла къ нему на балу и любезно спросила о чемъ-то (онъ былъ тогда уже въ послѣднемъ классѣ), а онъ смутился и не нашелся отвѣтомъ,—Коновова бросало въ потъ, онъ бранилъ себя, точно это случилось полчаса, а не много лѣтъ назадъ. Даже при тѣхъ воспоминаніяхъ которыхъ онъ чурался, отъ которыхъ мысленно отворачивался и бѣжалъ закрывъ глаза и заткнувъ уши,—даже при этихъ воспоминаніяхъ тревожилась и суетливо билась та же струна. Вспоминались мальчишескіе кутежи, и мучала не ихъ мерзопакостность, не ихъ бьющая въ носъ обстановка, а какой-нибудь любовный укоръ неотесаннаго болваниссимуса, оныхъ дѣлъ мастера: „эхъ, молъ, такой-сякой ты, Конововъ, и пакости съдѣлать порядочно не умѣешь, а туда же коровишь!“ Какъ ни ненавидѣлъ Конововъ эти воспоминанія, какъ

летучи они ни были (онъ быстро и настойчиво поворачивалъ мысль на другое), все же чувство конфуза мимолетомъ задѣвало его и онъ точно стыдился заслуженнаго укора.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Къ счастью Пети, жилъ-былъ на свѣтѣ Василій Васильевичъ.

Василій Васильевичъ учился на мѣдные деньги, но ни умомъ, ни сердцемъ Богъ его не обдѣлилъ. Онъ былъ правою рукою благодѣтеля: ему поручались и большія и малыя дѣла. Все онъ исполнялъ умѣло, смышлено и толково, и при всемъ томъ благодѣтель не рѣдко съ крайнею грубостью обращался съ нимъ, рвалъ бумаги, швырялъ на полъ конторскія книги, кричалъ и топалъ ногами. Благодѣтелю видно нравилось, его пріятно раздражало что выискался такой незлобивый и кроткій человекъ какъ Василій Васильичъ.

Василій Васильичъ только рукою махалъ послѣ перелачки и вздыхая принимался за дѣло. „Претерпѣвый до конца, тотъ спасется“, утѣшалъ онъ себя. Съ Петей онъ сошелся съ первыхъ же дней; онъ уважалъ его, весьма даже, за хорошее ученье и скоро началъ называть его: „эхъ, братъ, Петръ Андреевичъ“, но никогда не говорилъ ему *онъ*.

У Василія Васильича была одна отрада въ жизни — Александринскій театръ. Онъ его посѣщалъ охотно и возможно часто. Тамъ всѣ его знали, и сѣдентый старичокъ капельдинеръ не раньше успокоивался въ бенефисные вечера какъ увидѣвъ что Василій Васильичъ прошелъ на свое мѣсто. Съ Василіемъ Васильичемъ можно было поссориться, выбравивъ его любимаго актера. Онъ давалъ въ займы одному пріятелю и держалъ для него водку (самъ онъ не пилъ) единственно по той причинѣ что забубенный былъ знакомъ съ актерами и зналъ наизусть чуть не всего *Скопина Шуйскаго* и довольно ловко изъ него декламировалъ монологи. Онъ послѣшилъ посвятить Петю въ тайны театральнаго искусства. Труппа въ тѣ дни въ Петербургѣ была прекрасная и видѣть ее для мальчика было дѣломъ не бесполезнымъ. Всякій разъ, входя въ театръ, Петръ Андреевичъ всланиваетъ про своего пестуна и

поминаетъ его добрымъ словомъ. Онъ припоминаетъ его прыжки, его восторги, ихъ долгия бесѣды послѣ каждаго представленія. Нѣкоторыя пѣсы, разыгранныя съ мастерскимъ ансамблемъ, оставили на душѣ Коновова влчательнѣе строивости, хотя онъ давно забылъ ихъ названіе и содержаніе. Можетъ, это помогло ему и въ другихъ художественныхъ произведеніяхъ отыскивать ту же стройность. Таково, по крайности, мнѣніе самого Петра Андреича.

Нашему молодому человеку памятны особенно два случая, два разговора съ Василиемъ Васильичемъ. Однажды благодѣтель, какъ важивалось, изъ-за пустяковъ разорался на свою правую руку. Конововъ сидѣлъ въ соседней комнатѣ и безсильно злобился на крикуна. Произошло это уже послѣ того какъ самъ онъ рѣшилъ ради чего „спускаетъ“ благодѣтелю; теперь его мучилъ вопросъ: „что же заставляетъ Василія Васильевича списать незаслуженныя оскорбленія?“

— Что, братъ Петръ Андреичъ, сказалъ старшій изъ друзей входя въ комнату,—слышалъ какова перепалка была? Настоящая, братъ, Очаковская! Охъ, много нашему брату, бѣдному человеку, терпѣть приходится!

Младшій рѣшился высказать мучившій его вопросъ.

— Я удивляюсь, Василій Васильичъ, охота вамъ терпѣть; развѣ вы не можете найти другаго мѣста?

— Те, те, те! заплѣлъ Василій Васильичъ: — куда хватилъ! Скорѣ ты, братъ Петръ Андреичъ, больно скорѣ. Бросай-можь мѣсто, иди скитаться по чужимъ угламъ; начинай съ начала. А какъ на другомъ-то мѣстѣ еще хуже будетъ? То-то вы, ученые, больно прытко разсуждаете.

— Ну, хуже-то этого врядъ ли найдется....

— А тебѣ грѣхъ бы осуждать, строго перебилъ Василій Васильичъ; — онъ для тебя много сдѣлалъ. Безъ него гдѣ бы ты былъ?

Юноша олустилъ голову.

— А второе сказать: не ври чего не знаешь, продолжалъ старшій. — Грубъ да крикунъ: не бѣда еще! Не одно въ немъ это: онъ своихъ-то служащихъ въ люди выводитъ. Развѣ онъ мало добра сдѣлалъ? Возьми хоть (тутъ было названо вѣсколько фамилій) всѣ они теперь большія дѣла дѣлають. А черезъ кого въ ходъ пошли? Черезъ него же все. То-то.

Василій Васильичъ помолчалъ.

660019

— Конечно, продолжалъ онъ, болѣе занятый ходомъ своихъ мыслей чѣмъ возраженіемъ на слова пріятели,—конечно, мнѣ неудача. Сколько лѣтъ я у него служу, а много ли получаю? Суція пустяки: всѣ, кому скажешь, удивляются даже. А я лятнадцатый годъ у него лямку тяну; другіе-то меньше моего служили, и къ нему-то позже постулили, хоть бы Павелъ Ѳеодорычъ, а давно ужъ въ люди вышли. Что-жь? потерлимъ. На Господа грѣшно ролтать. Ты вотъ, Петръ Андреичъ,—продолжалъ Василій Васильичъ болѣе спокойно,—ты вотъ разнымъ наукамъ обучаешься, а вѣдь мы у дьячка: Псалтырь да Часословъ, тутъ и вся наука. Послѣ ужъ будто обшлифовался маленько. И всѣмъ намъ отъ хозяевъ терпѣть приходилось. Ты думаешь онъ самъ черезъ эту школу не прошелъ? Не надѣйся, братъ. Не знаю какъ по-вашему по-ученому, а въ нашемъ быту первое дѣло чтобы терпѣливымъ и выносливымъ быть. Безъ терпѣнья и покорства ни хозяину ты не нуженъ, ни самому себѣ не годенъ. Пошелъ съ мѣста на мѣсто шаяться и вѣкъ вертопрашникомъ останешься. Безъ терпѣнья нѣсть человѣка: либо тебя похерятъ, либо самъ ты похерись. То-то. Самъ узнаешь. Какъ кончишь курсъ-то, поступишь въ контору, думаешь: хозяинъ въ тебѣ терпѣливости отыскивать не станетъ? Будеть; безпремѣнно будетъ. Погоди: я, можетъ, самъ черезъ годъ разбогачю, пора вѣдь хозяину меня пристроить. Ну, вотъ тогда поступиай ко мнѣ на контору. Конечно, тиранить я тебя не стану, а ужъ терпѣливости, сердись, братъ, не сердись, обучу.

И Василій Васильевичъ потрелалъ юношу по плечу, ласково приговаривая: „обучу, братъ Петръ Андреичъ, ей Богу обучу“.

— Чтò жъ, пойдешь ко мнѣ служить, а? весело прибавилъ онъ.

— Благодарю васъ, Василій Васильичъ, только знаете,—къ слову, благо, пришлось—у меня другая мечта есть...

— Чтò такое?

— Въ университетъ жочу пойти.

— Въ университетъ? съ изумленіемъ спросилъ Василій Васильевичъ и недоувѣрчиво поглядѣлъ на пріятели.

— Вотъ видишь, продолжалъ онъ, немного помолчавъ,—совѣту я тебѣ на этотъ счетъ дать не могу, какъ самъ я въ наукахъ человѣкъ темный. Правда, ты у насъ молодець, учишься знатно, первымъ по наукамъ идешь, знай нашихъ

Иирецкихъ!—Василій Васильичъ не могъ удержаться чтобы не вспомнить имени роднаго города, по чувству землячества, сильному въ русскомъ человѣкѣ. — Ну, а все-таки, скажи ты мнѣ, зачѣмъ тебѣ въ университетъ? Неужто благороднымъ званіемъ прельстился? Плохое дѣло, братъ Петръ Авдеевичъ; охъ, плохое!

Василій Васильичъ помолчалъ. Конововъ не сразу смогъ ему отвѣтить. Университетъ былъ его свѣтлою мечтой, но опредѣленнаго ничего въ этой мечтѣ не было.

„Что ему сказать?“ думалъ Конововъ,—и ему припомнились слова одного изъ учителей: „только образованность можетъ ровнять людей; только въ образованномъ обществѣ не заботятся о чинѣ и званіи: тамъ господствуютъ высшіе человѣческіе, въ истинномъ значеніи этого слова, интересы.“

„Сказать что я ради этого иду въ университетъ?“ подумалъ Конововъ, „нѣтъ, онъ не пойметъ.“ Отчего не пойметъ? развѣ это такъ трудно разъяснить? такихъ вопросовъ не задавалъ себѣ юноша. Въ головѣ его мелькомъ припомнился весь разговоръ, даже вообще всѣ мнѣнія Василья Васильича, и Коновову показалось что во многомъ, весьма во многомъ и притомъ важномъ, хоть бы насчетъ откущника, расходились они. Въ первый разъ пришла ему эта мысль и въ то же время впервые почувствовалъ онъ что Василій Васильичъ становится для него не своимъ, чуждымъ ему человѣкомъ. Вопросъ: „пойметъ, или не пойметъ“ былъ рѣшенъ не логическимъ путемъ.

То же чувство отчужденности мелькнуло и въ головѣ Василья Васильича, какъ услышалъ онъ про университетъ и недовѣрчиво взглянулъ на юнаго пріятеля. „А я думалъ: онъ мнѣ свой братъ, думалъ пристроить его, помочь выйти въ люди“, не безъ горечи проговорилъ про себя старшій пріятель.

— Я не для чина въ университетъ: я учиться хочу, придумалъ наконецъ какъ выразить свою мысль попонятнѣе Конововъ.

— Да, учиться, повторилъ Василій Васильичъ, выходя изъ задумчивости.—Развѣ что учиться. Это дѣло иное. Вотъ какъ въ Александровскомъ театрѣ Ломоносова представляютъ, или ютъ бы Кулибина. Тутъ Божья воля; кому Богъ предназначить, и человѣкъ тутъ въ себѣ не властенъ. Вотъ коли изъ тебя второй Ломоносовъ выйдетъ, — ну и намъ, землякамъ, будетъ лѣство и мы порадуемся: каковы-моль наши, на всю Россію гремать.

Онъ помолчалъ и началъ слова. И никогда до того Кононовъ не видалъ чтобъ его незлобивый пріятель былъ таково раздраженъ, какъ говоря слѣдующую рѣчь:

— А если для благородства, чтобы въ чиновники выйти, пустое дѣло, и нѣтъ тебѣ моего совѣта. Видывалъ я ихъ въ сенатѣ по торгамъ и другимъ дѣламъ, и въ министерствахъ разныхъ. Господа съ виду ласковые, образованные, а... Нѣтъ, ужъ ты лучше торговлей деньги наживай; какъ ни кинь, все почестіе будетъ. Для фанаберства опять идти тебѣ въ чиновники не къ чему. Не отцовскія деньги проживать, самъ себя кормить будешь. Я и *нашему*-то удивляюсь; дуракомъ, кажись, назвать нельзя, а дѣтей какъ повелъ....

И какъ будто въ доказательство его словъ, въ комнату влетѣлъ юнкеръ, гремя палашомъ и опрокидывая стулья. Онъ заговорилъ быстро и вѣроятно для краткости (время что ли было ему дорого) выпускалъ половину буквъ, особенно согласныхъ.

— Васъ Васичъ, а Васъ Васичъ! Вы ме-я еще юнко-омъ не вида-и? Посмо-ите да пои-емте въ ту ко-нату; мяѣ ва-ва-о.

И онъ увлекъ его въ другую комнату. Кононовъ слышалъ только: „л-а-о отдамъ, ско-о о-дамъ, л-а-о нужно: т-о-а-ица . Не трудно было догадаться чего требовалось юнкеру. Онъ былъ удовлетворенъ и пролетавъ нѣсколько разъ: „бла-о-а-ю, бла-о-а-ю“ улетѣлъ съ такимъ же громомъ съ какимъ влетѣлъ.

Василій Васильичъ вернулся къ Петѣ.

— Тоже въ благородные вылѣзъ, сказалъ онъ угрюмо, — а надъ такими-то и въ театрѣ смѣются. Ну, да и я хорошъ сегодня: всѣхъ пошелъ осуждать. Ты учишь, учишь; я не тебѣ къ примѣру только. А вотъ про театръ вспомнилъ: билеты взялъ, и у директора тебя до утра отпросилъ. Собирайся-ка.

Разговоръ на томъ и кончился.

Скоро пришлось имъ растаться на долго, навсегда. За полгода до выхода Кононова изъ училища, разъ, придя въ воскресенье къ Василію Васильичу, онъ засталъ его за сборами въ дорогу.

— Вду, братъ Петръ Андреичъ, завтра ѣду.

— Куда вы ѣдете.

— Вду, братъ, жениться: хозяйнѣ посылаетъ. Племянница у него есть, отъ сестры; богатое приданое за ней даетъ.

— Да вѣдь вы ее не знаете?

— Затѣмъ и ѣду чтобы узнать. Онъ и самъ-то не знаетъ; въ глуши живетъ; маленькой видѣлъ. „Помню, говоритъ, добрая дѣвочка была.“ Видишь, все-то ты его осуждаешь, а онъ, гляди, къ роднѣ каковъ добръ! Въ глуши вѣдь живетъ, не на глазахъ: другой-то и не вспомнилъ бы, а и вспомнилъ, пренебрегъ бы. Такъ-то. Такъ, „добрая, говоритъ, поѣзжай, говорить, поврачится, женись; нѣтъ, какъ знаешь; я не веволю. И безъ того, говоритъ, мнѣ давно пора наградить тебя; все равно, говоритъ, дай тебѣ дамъ.“ А только прибавилъ: „Сладится у васъ дѣло и я радъ буду: лучшаго, говоритъ, мужа я ей не желаю.“ И тутъ меня расхвалялъ—страсти! Видишь братъ, Петръ Андреичъ, не одна брань у него на умѣ, а и брань честнаго человека не опорочить.

— Желаю вамъ, Василий Васильичъ, счастья.

— Да, братъ, пожелаю; руку дай на счастье. Былъ сегодня у обѣдни, молился, со слезами молился. „Во всемъ была мнѣ неудача, говорилъ, пошли Господи въ этомъ счастье.“ Господь милостивъ.

Василій Васильичъ не мимо надѣялся на Господню милость: онъ нашелъ свое счастье.

Вечеромъ когда друзья простились какъ слѣдуетъ, Василий Васильичъ взялъ Коновова за руку, пожалъ ее и примолвилъ:

— Извини меня братъ, Петръ Андреичъ, а тяжело мнѣ будетъ коли я тебѣ завѣтнаго слова не скажу. Толковалъ ты мнѣ въ университетѣ идти хочешь. Говоришь: для науки; подумай объ этомъ хорошенько. А если фанаберія тебя мантишь, лаюнь на нее; пустое, братъ, дѣло.

Онъ поцѣловалъ юношу и прибавилъ:

— Прости братъ за откровенность. А у меня на душѣ было. Друзьями вѣдь были; сколько лѣтъ вмѣстѣ жили.

Конововъ сталъ было увѣрять что никогда не забудетъ его.

— Ладно, ладно, быстро проговорилъ Василий Васильичъ.— Уидишь въ университетѣ, отрѣзаннымъ ломтемъ станешь. Мало такихъ примѣровъ чтобы къ землякамъ ворочались, да ихъ помнили; мало. Другой каши, братъ, попробуешь, нашей тотъ не ставешь: сѣра покажется.

Они еще разъ поцѣловались, и юноша ушелъ въ училище со слезами на глазахъ. Всю ночь напролетъ продумалъ онъ о словахъ пріятеля.

II.

Съ отъѣздомъ Василя Васильевича, Кононовъ какъ бы осиротѣлъ. Двѣ комнаты, оставленныя ему благодѣтелемъ, казались пусты. Праздничное одиночество томило его: не съ кѣмъ было живымъ словомъ переброситься. Тутъ послѣ долгаго промежутка припомнился ему дѣдъ; склонилось важное старое лицо надъ толстою книгой и сквозь большія очки смотрятъ покойные стариковскіе глаза. Кононову начинало казаться: есть что-то общее въ его разлукѣ съ Васильемъ Васильевичемъ и дѣдомъ. Но что—было не ясно, смутно. Какое-то чувство зарождалось; какая-то мысль наклеивалась.

Дѣдъ умеръ на третій годъ петербургскаго житія Коконова. До тѣхъ поръ письма оживляли воспоминанія, но затѣмъ они заглохли подъ постоянно вновь отлагавшимися слоями живыхъ впечатлѣній.

— Помни дѣда, сказалъ Василій Васильичъ послѣ ланнихи за улокой старика,—онъ лервый тебя на ноги лоставилъ. Не подойди онъ тогда къ нашему,—ты можеть со временемъ узнаешь легко ли было ему идти-то,—иная судьба тебѣ выладала бы.

Въ день когда Коконовъ выдержалъ послѣдній экзамень, дѣдъ напомнилъ о себѣ внуку. Петра Андреича позвали „въ домъ“ и благодѣтель передалъ ему пакетъ со словами: „Отъ покойнаго твоего дѣда“. Въ пакетѣ былъ банковый въ шестьсотъ рублей билетъ и письмо. Въ письмѣ стояло:

„Милый и любезный мой внукъ Петя!

„Письмо это получишь ты когда меня не будетъ въ живыхъ, ибо чувствую приближеніе кончины моей. Видишь, слабъ сталъ и не своею рукой ужъ пишу. Письмо сіе послѣднее мое къ тебѣ слово и духовное завѣщаніе.

„Посылаю тебѣ билетъ въ шестьсотъ рублей, съ процентами ольше выйдетъ, и прошу общаго благодѣтеля нашего отдать деньги съ письмомъ какъ выдержишь свой курсъ. Вотъ все что я скопилъ для тебя, больше у тебя ничего нѣтъ. Трусь; другіе и съ меньшимъ начинали да не проладали, а лаче всего памятуй слова Спасителейы: „Ищите царствія Божьяго и правды Его, и вся сія приложатся вамъ“.

„Молись за мою грѣшную душу и молись за отца. Грѣшно

будетъ коли насъ позабудешь. Помни благодѣтеля и не окажись къ нему неблагодарнымъ. Будь добръ, милостивъ и братолюбивъ; съ терпѣніемъ переноси несчастія. Памятуй всегда: Господь даруетъ, Господь и отнимаетъ.

„Прощай и да будетъ надъ тобой милость Господня. Благослови тебя Христось и Его Пресвятая Матерь, предстательствомъ святаго митрополита Петра, чудотворца всероссійскаго, во имя коего наречеаь.

„Остаюсь отходящій отъ сего тлѣннаго міра, дѣдъ твой и тезоимяникъ

„Петръ Конововъ.“

Слабая и дрожащая рука подписала письмо. Читая его, Петръ Андреичъ залился слезами. Вотъ онъ, забытый дѣдъ! Тамъ, въ уѣздной глуши, онъ думалъ о своемъ внуку; страдалъ за него, лекся о немъ, скопилъ деньженокъ изъ оставшихся отъ бываго богатства крохъ. А онъ помнилъ ли о дѣдѣ? Одиъ смутный образъ остался въ памяти, и только вотъ теперь пробивается къ нему въ грудь нѣчто похожее на чувство. И слѣдомъ вспомнился Василій Васильичъ, тоже словно на вѣкъ отъ него ушедшій. „Отрѣзанъ, насильно оторванъ! Отъ обоихъ оторвали и бросили на произволъ!“ Въ такомъ видѣ вошла въ сознаніе наклевывавшаяся мысль и вмѣстѣ съ ней вступило чувство какой-то ото всѣхъ отчужденности. „Ихъ нѣтъ, и ни съ кѣмъ я ни духовно, ни кровно не связанъ!“ Эта рожденная, живая мысль казалось билась въ его крови, трелетала въ нервныхъ содраганіяхъ. Въ сросшемся съ мыслию чувствѣ не было ничего сентиментальнаго, ноющаго, жалобливаго, но не было въ немъ также ничего бодрого и браваго. Оно, это чувство, похоже было на ощущеніе человѣка въ задумчивости зашедшаго въ незнакомое мѣсто: все кажется чуждо, незнакомо, почти враждебно. Такъ и внутренній человѣкъ въ Конововѣ съ отупѣлою горечью глядѣлъ на все какъ на чуждое, почти враждебное.

Новая выжитая мысль по сродству напомнила о первой таковой же. Обѣ столкнулись въ сознаніи и оно заработало, стараясь воедино ихъ слить, выразить яснымъ и точнымъ образомъ. Еще впервые Конововъ опредѣлялъ себя, вѣстательно въ себя заглядывалъ и пыталъ самого себя: „Какъ-жь-могъ я самъ по себѣ.“ Опредѣленіе не давалось и прѣмало въ какомъ-то отуманенномъ, закутанномъ обличьи.

III.

Дѣловыхъ денегъ всего съ процентами оказалось до восьмисотъ. Петръ Андреичъ смогъ екипироваться по-франтистѣ; раньше онъ побаивался что на публичномъ актѣ будетъ бѣдѣе всѣхъ одѣтъ. Надежда на особую щедрость благодѣтеля была плохая. Во всемъ чуждомъ ему мѣрѣ, благодѣтель казался молодому человѣку всѣхъ чуждѣе и враждебнѣе.

По выпускѣ откупщикъ не безлокоилъ Кононова около полутора мѣсяца. Квартира Василия Васильича, какъ сказано, точно по привычкѣ, осталась за юношей. Благодѣтель приказалъ звать Петра Андреича ежедневно въ домъ обѣдать.

„Пусть, пока не устроится, подумалъ онъ. — Къ тому жъ онъ теперь не мѣщанинъ уже, а личный почетный гражданинъ“, нашелъ онъ нужнымъ успокоить свою коммерци-совѣтничью совѣсть.

Черезъ полтора мѣсяца былъ Петръ Андреичъ позванъ къ „барину въ кабинетъ“ и тамъ произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Я тебѣ послѣ ученья отдохнуть далъ, сказалъ благодѣтель. — Но вѣдь книжки читать и прочими финтифлюшками заниматься вѣкъ нельзя. Тебѣ о будущемъ подумать надо. У тебя, я думаю, объ этомъ и заботушки нѣтъ, а пора, пора. Ну что ты съ собой дѣлать намѣренъ, а? Скажи-ка.

Благодѣтель побѣдительно поглядѣлъ на юношу, онъ былъ увѣренъ тотъ скажетъ: „и самъ не знаю“, а онъ расхохочетъ и наставитъ его на путь истинный. И въ головѣ его стали слагаться одна другой краснорѣчивѣе фразы.

— Я поступаю въ университетъ, прозвучалъ твердый отвѣтъ.

— Да, да, въ университетъ, бессмысленно пролетѣлъ благодѣтель, въ то же время дѣлая видъ будто давно объ этомъ знаетъ. — Только, спохватился онъ, — по-латыни вѣдь надо....

— Я занимался послѣдній годъ съ ~~декабристомъ~~, который поступаетъ въ Медико-Хирургическую Академію, а теперь, послѣ выпуска, хожу къ одному студенту и съ нимъ готовлюсь.

— Да, да, со студентомъ, еще бессмысленнѣе пролетѣлъ благодѣтель и опять спохватился; — только студентъ вѣдь не даромъ же....

— Я на дѣдушкины деньги....

— Да, да, на дѣдушкнмы...

Благодѣтель глядѣлъ окончателъно безсмысленно и не могъ уже спохватиться. Кирличъ на его лицѣ все больше и больше проступалъ сквозь лакъ и телерь казалось будто лакъ вовсе слѣзъ и лицо посыпано багровымъ шершавымъ порошкомъ.

„Сейчасъ разразится“, подумалъ Ковоновъ замѣтивъ шершавую красноту на благодѣтелевомъ лицѣ; онъ внутренно съжмса, собрался, и мысль его заработала съ ужающею быстротой. Онъ точно на конѣ скакалъ по ристалищу и загибалъ одни препятствія, черезъ что приходилось прыгать. Промежутковъ между препятствіями словно не было. Мысль замѣчала только выводы (препятствія), связующія же сужденія пробрасывала.

„Пятъсотъ рублей, думалъ онъ. Четыре года. Сто двадцать лтъ. Уроки. Переѣзду, сейчасъ же, завтра.“

Въ спокойной рѣчи это сказалося бы такъ:

„Онъ сейчасъ начнетъ упрекать меня и наговоритъ мнѣ дерзостей. Я не стерплю, не намѣреаъ терпѣть, и сейчасъ же, или завтра выѣду изъ дома. У меня изъ дѣловыхъ денегъ осталось пятъсотъ рублей, раздѣливъ ихъ на четыре года университетскаго курса, получится по сто двадцати лтъ на годъ. При томъ у меня въ перспективѣ уроки, и я проживу прилично.“

Ошеломленное откупщицково соображеніе точно также слѣпнло дѣлать заключенія, мысль точно также замѣчала одни рвы и канавы и борзо ихъ перемахивала. Выводы были таковы:

„Въ университетъ? Всякая шутера! Десятый классъ. Черезъ два года чинъ. Ваше превосходительство!? Моихъ шалолаевъ обогнать. Всѣ они пролазы, бестіи! Мѣщанишка, а я сколько лтъ бился!“

Послѣ выводовъ Ковоновъ какъ бы ставилъ однѣ точки, благодѣтель же былъ разнообразнѣе въ знакахъ преликанія: у него были и восклицанія и вопросы съ восклицаніями. Изъ всего слѣдуетъ: у откупщика оказался въ настоящемъ случаѣ большій чѣмъ у Ковонова заласъ ироніи. А иронія не сдается скоро, она огрызается, какъ Терситъ подъ ударами Одиссеа жезла.

Мысленная рѣчь откупщика въ болѣе покойномъ тонѣ означала бы слѣдующее: „Я много лтъ бился чтобы поставить лтъ на благородную ногу, а этотъ мѣщанишка (всѣ они

бестіи и съ большими способностями къ пролазничеству), поступивъ въ университетъ (куда лѣзетъ выше всякая шушера), выйдетъ съ правомъ на чинъ десятаго класса, станетъ получать новый чинъ черезъ каждые два года и сдѣлается превосходительствомъ раньше моихъ сыновей шелопаевъ.“

Какъ ни быстро мчалась мысль обоихъ собесѣдниковъ, тѣмъ не менѣе разговоръ прервался, произошла заминка непріятная для обоихъ. Конововъ поставилъ себя въ выжидательное положеніе, а потому молчаніе для него было весьма тяжело. Благодѣтель же хотя и чувствовалъ что „skonфузился предъ мальчишкой“, благодаря ироническому настроенію, вывертывался, или по крайности выкарабкивался изъ-подъ конфуза. „Да что онъ маѣ?“ размышлялъ откупщикъ. „Свать или братъ? Куда хочетъ, туда и поступаетъ. Хоть повѣситса, не заплачу.“ Почувствовавъ къ юношѣ нѣкоторое презрѣніе, онъ взглянулъ на него свысока, а свысока либо громы метать, либо насмѣшливо улыбаться; „ишь молъ колошится тамъ себѣ ввизу“. Откупщикъ рѣшилъ плюнуть на того кто ему не былъ ни сватомъ, ни братомъ, и первый левокъ заключался въ мѣстоименіи *сы*, съ которымъ съ этой минуты благодѣтель сталъ обращаться къ благодѣтельствуемому.

— Да, да, заговорилъ откупщикъ, еще самъ хорошенько не зная что выйдетъ изъ его рѣчи, — *сы* желаете въ университетъ. Извините, я не зналъ о *вашихъ* плавахъ, а потому заговорилъ; потому собственно что какъ *сы* воспитывались на мое иждивеніе и притомъ *сирота* и такъ-сказать на моемъ попеченіи остались, что я и чувствую.‡

Такое, нѣсколько витіеватое, начало понравилось откупщику и онъ продолжалъ въ томъ же тонѣ, уже менѣе обращая вниманія на слушателя, начиная понемногу услаждаться своимъ краснорѣчіемъ.

— Да, да, разглагольствовалъ онъ, — *сы* уже рѣшили касательно судьбы своей, и дѣло это кончено. *Вы*, можетъ-быть, не чувствуете того что я, и *самъ* въ голову не пришло со мной посоветоваться. Я охотно помогъ бы *самъ*, чѣмъ могу, но жаловаться что *сы* *меня* обошли не стану. У меня чувства, а у *васъ-съ* другія. Вотъ и все-съ; все-съ что я имѣлъ сказать *самъ-съ*.

Благодѣтель кивнулъ въ знакъ окончанія аудіенціи, и счелъ себя въ правѣ заняться бумагами лежавшими на столѣ. Конововъ, все ждавшій „сейчасъ же онъ разразится“, никакъ не

предвидѣлъ такого конца. Онъ былъ смущенъ и переминался съ ноги на ногу. Замѣшательство юноши нравилось откупщику: онъ слѣдилъ за нимъ однимъ глазкомъ. Выпалъ удобный случай усилить это замѣшательство.

— Извините-ся, съ пріятною улыбкой сказалъ благодѣтель, — но мнѣ необходимо заняться кое-чѣмъ и если вамъ не въ трудъ, то прикажите мимоходомъ позвать ко мнѣ управляющаго.

Поглядывая однимъ глазкомъ, откупщикъ съ удовольствіемъ замѣчалъ что юноша конфузится все больше, какъ онъ помялся на мѣстѣ и наконецъ поклонился и вышелъ.

— Скотъ безчувственный! почти вслухъ сказалъ откупщикъ по уходѣ юноши. — Хоть бы извинился! Жди отъ нихъ благодарности. Какже!

И благодѣтель раздумался о людской неблагодарности. Какъ много благодѣтели, и онъ, тратя ежегодно въ теченіи семи лѣтъ извѣстную сумму на Коновова, полагалъ что такая расходная статья, ничтожная для его богатства, но важная для мальчика, должна въ благодѣтельствуемомъ возбудить нѣжныя чувства благодарности. Говоря о своихъ чувствахъ, онъ думалъ объ истраченныхъ деньгахъ, и не замѣчалъ этого. Но если деньги воровать къ деньгамъ, то чувства возбуждаются чувствами же.

Конововъ, придя въ свою комнату, долго не могъ сообразиться. Упрекъ благодѣтеля что съ нимъ не посоветовались казался не лишеннымъ основанія. „Какъ бы то ни было, а все-жъ я ему многимъ обязанъ!“ Несмотря на такое признаніе, Конововъ не почувствовалъ сердечной благодарности къ благодѣтелю. Мысль вошла въ сознаніе холодно, отвлеченно, какъ выводъ изъ факта; иная мысль, старинная дума о томъ почему онъ „слускаетъ“ благодѣтелю, невидимо подсказывала иныя соображенія. „А скажи я ему раньше, такъ бы онъ и помогъ! Или не оставь мнѣ дѣль этихъ денегъ, сталъ бы онъ заботиться чтобъ я въ университетъ пошелъ!“ И много, въ томъ же отчуждающемъ тонѣ, приходило въ голову Коновову.

IV.

Конововъ, того не замѣчая, начиналъ раздумывать о благодѣтелѣ не какъ о человѣкѣ ему еще близкомъ, съ кѣмъ притѣся, можетъ, еще долго прожить подъ одною кровлей, а какъ

о когда-то близкомъ человѣкѣ. Внутренно связь между ними уже лорвалась, хотя вѣшнія отношенія (за исключеніемъ за-мѣн личнаго мѣстоименія единственнаго числа таковымъ же множественнаго) продолжались тѣ же. Выводъ сдѣланный Кононовымъ во время разговора съ откущникомъ, относительно необходимости переезда на вольную квартиру, на дѣлѣ ему не пригодился. Онъ остался у благодѣтеля въ домѣ и по-прежнему неизмѣнно каждый день приглашался къ обѣду. Благодѣтель повидимому столь же мало какъ и прежде обращалъ на него вниманія, но только повидимому. Ироническое отношеніе къ будущему „его превосходительству“ не пропало для него даромъ. Оно поджигалось и просилось наружу каждый разъ какъ онъ видѣлъ юношу. Онъ радъ былъ бы случаю привязаться къ Кононову и вылить ему: молъ хотя ты — вѣтъ, не ты, а вы, и даже непремѣнно вы — молъ хотя вы и будущій генералъ, покуда все-таки ничтожество. Но такъ, ни съ того ни съ сего, накинуться, казалось откущнику не ладно: это значило бы по лустякамъ истратить дорогие заряды. Былъ онъ теперь со своимъ вкормленникомъ на деликатной ногѣ, и внушеніе должно быть отмѣнно-деликатно.

Кононовъ уже три мѣсяца ходилъ въ треугольной шляпѣ и при шляпѣ, какъ представился случай. Обѣдали; за столомъ были только свои. Кононовъ о чемъ-то задумался и глаза его случайно были устремлены въ ту сторону гдѣ сидѣла меньшая хозяйская дочка, четырнадцатилѣтній подростокъ съ красивымъ и веснушчатымъ лицомъ. Между двухъ блюдъ благодѣтель уловилъ такое обстоятельство и долго крѣпился, боясь попасть въ просакъ. Но Коконова глаза глядѣли въ ту же сторону, и откущникъ убѣдился въ справедливости своего открытія.

— Вы, господивъ студентъ, громогласно началъ онъ.

Возваніе было сдѣлано таково громко что всѣ частные разговоры умолкли.

— Вы, господивъ студентъ, продолжалъ благодѣтель довольный эффектомъ возванія, — вы, какъ я уже съ полчаса замѣчаю, что-то сильно заглядываетесь на мою меньшую дочку. Конечно, вы можетъ-быть и важнымъ человѣкомъ станете, но покуда еще рано, еще слишкомъ молоды; вы извините, но вы еще поросеночекъ, у котораго молоко на губахъ не обсохло.

Благодѣтель былъ доволенъ деликатностію своего внуше-

нѣ; и случай почему оно сдѣлаю свойства деликатнаго, и вышло оно въ формѣ наиделикатнѣйшей; не было грубо сказано: „поросенокъ“ („а вѣдь и свиней могъ бы назвать“, мелькнуло въ головѣ), а нѣжно и вѣжливо: „поросеночекъ“. Благодѣтель, не безъ предвкушенія удовольствія, ждалъ слѣдующаго эффекта: послышатся де легкія хихиканья, господинъ студентъ уткветъ рыло въ тарелку и сторитъ отъ стыда; благодѣтель чувствовалъ уже облегченіе въ сердцѣ и благосклонно прощалъ господину студенту его генеральство. Эффектъ произошелъ, но съ другой стороны. Послышалось не хихиканье, а какъ съ шумомъ отодвинулся стулъ. Благодѣтель взглянувъ на шумъ, увидѣлъ какъ господинъ студентъ торопливо и вздрагивая плечыи шелъ къ двери. Лицо благодѣтеля побагровѣло и зашаршавилось; онъ хотѣлъ крикнуть, но слова сперлись въ горлѣ. Всѣ затаили дыханіе и сидѣли олутивъ глаза; меньшая дочка горѣла какъ маковъ цвѣтъ и глотала крупныя слезы. Лакей, кого Кононовъ отодвигая стулъ чуть было съ ногъ не сшибъ, стоялъ олутивъ вертикально тарелку; съ тарелки падали цыплячьи косточки и калакъ соусъ. Лакей разинувъ ротъ глядѣлъ на дверь куда вышелъ господинъ студентъ. Глубое лакейское лицо первое полалось подъ глаза благодѣтелю и на него-то была излита чаша гнѣва.

— Какъ ты смѣешь! собравшись съ духомъ гаркнулъ откушникъ. — Въонъ, и чтобъ духу твоего здѣсь не было! Болванъ.

Слова эти несомнѣнно относились къ ушедшему Кононову, но лакей тѣмъ не менѣе пострадалъ.

Что чувствовалъ Кононовъ прибѣжавъ въ свою комнату? Какъ бурчало въ головѣ, какъ клокотало въ груди! Никогда еще, казалось ему, не испытывалъ онъ такого ужаснаго, такого незаслуженнаго оскорбленія.

„И ты вполнѣ заслужилъ его, бранилъ онъ самого себя.— Да, вполнѣ. Ты давно, еще тогда, рѣшилъ переѣхать, и остался. И наказанъ теперь за эту подлость, за эту сдѣлку съ совестью. И зачѣмъ было оставаться? Зачѣмъ было даромъ ѣсть чужой хлѣбъ? О, какъ гадко, скверно, безобразно! И во всемъ я виноватъ, одинъ я!“

Теперь онъ чувствовалъ: не только де нельзя оставаться въ благодѣтелевомъ домѣ, но ни минуты нельзя пребыть въ той комнатѣ. Теперь онъ ощущалъ рѣшимость величайшую. Казалось ему никакія прелатствія не могли бы поколебать

его; не будь у него денегъ, все равно онъ уѣхалъ бы тотчасъ же. Людямъ слабовольнымъ всегда необычайнымъ кажется малѣйшее напряженіе ихъ воли.

Мѣшкать некогда. Кононовъ схватилъ одѣяло, бросилъ на полъ и пошелъ швырять на него книги, вещи, платье, бѣлье. Потомъ съ необычайнымъ усердіемъ сталъ мять и комкать набросанную кучу. Долго ему не удавалось связать узелъ: то книга вывалится, то проклятая калоша помѣшается. И онъ снова начиналъ мять, комкать, надавливать. Наконецъ-то все готово. Кононовъ тащитъ узелъ; на лѣстницѣ онъ развязывается и опять идетъ возня. Но вотъ онъ выбѣжалъ за ворота, вскочилъ на первого поймавшагося извозчика.

— Куда прикажете?

„Въ самомъ дѣлѣ куда?“ подумалъ Кононовъ и безъ дальнѣйшей думы громко сказалъ адресъ.

Онъ отправился къ Полѣнову, студенту третьяго курса, у кого бралъ уроки предъ поступленіемъ въ университетъ. Больше дѣваться было некуда. Полѣнова на бѣду не оказалось дома. Сложивъ узелъ въ углу, Кононовъ пошелъ бродить по Васильевскому острову. Ему требовалось угомониться, ему нужна была физическая усталость.

Возня съ узломъ, переѣздъ, понуканье извозчика, втаскиванье узла въ лятый этажъ и прочая,—все это развлекало молодого человѣка. Теперь, оставшись одинъ съ своими мыслями, онъ принялся перетряхивать недавній соръ. Онъ началъ, какъ по приходѣ въ свою комнату, со злости и брани на самого себя. Но исходъ былъ уже исчерпанъ, рѣшеніе приведено въ дѣйствіе, и мысль обратилась вслѣдъ къ тому что предшествовало злобѣ на самого себя. Въ глазахъ металось веснушчатое лицо, въ ушахъ звучало обидное слово. Обида теперь казалась сильнѣе, язвительнѣе, чѣмъ въ минуту какъ была нанесена. Таково, впрочемъ, свойство всякой раны. Чувство обиды вызывало образъ обидчика; злость на самого перекинулась на благодѣтеля. Мысль, давняя мысль, работала въ учащенномъ темлѣ. Къ концу прогулки чуть ли не оказалось: и взялъ-то его благодѣтель отъ дѣда, и воспитывалъ-то его единственно того ради чтобъ за однимъ прекраснымъ обѣдомъ обозвать „поросеночкомъ“.

„И какую подлую причину выдумалъ, горячился молодой человѣкъ,—бүдто его дочку влюбить въ себя хочу, чтобы жениться на ея деньгахъ. Вѣдь она уродъ, и онъ самъ знаетъ

то урокъ. А теперь, люди, благовѣститъ пойдеть о моей нищотѣ и всѣ негодяемъ меня звать станутъ. Скажутъ: какъ было изъ дому не выгнать! Да, да, нечего себя обманывать: меня выгнали, въ зашей вытолкали! И во всемъ я виноватъ, я самъ! Но онъ—какая подлость! Я знаю его, я хорошо его знаю; тутъ все было предумышленно.“

Новаго въ разсужденіяхъ молодого человѣка была собственно увѣренность что онъ знаетъ, хорошо знаетъ благодѣтеля. Люди, какъ накопившаяся за долгое время антипатія найдеть себѣ выходъ въ ссорѣ или размолвкѣ, не рѣдко въ сердцахъ доходятъ до такого же точнаго и положительнаго знанія одинъ другаго. Многіе названные ученые, подъ напоромъ своихъ страстишекъ и мыслишекъ, доходятъ до столь же положительныхъ знаній историческихъ лицъ и событій. И такихъ знаній кливомъ изъ человѣка не выбьешь: они страдаютъ палскою болѣзью, вѣрой въ свою непогрѣшимость.

Кононовъ дважды съ невольной прогулки забѣгалъ къ Полѣнову и все не заставлялъ его дома. Наконецъ тотъ явился. Кононовъ откровенно разказалъ все съ нимъ случившееся; только слова „поросеночекъ“ азыкъ выговорить не поверулся.

Полѣновъ похвалилъ Кононова за переѣздъ отъ благодѣтеля.

— Только не стѣсняй ли я васъ?

— Вотъ еще глупости!

— Мнѣ всего дня на два, пока не прищу комнаты.

— Да оставьте этотъ вздоръ.

Они помолчали.

— Я думаю написать ему письмо, сказалъ немного погодя.

Кононовъ.

— Зачѣмъ это?

— Я хочу высказать ему все; безъ всякой грубости и дерзости, но все, все....

— Какъ знаете; по-моему лучше лаянуть.

— Но вѣдь надо же объяснить ему что я уѣхалъ на все-

гда....

— И безъ того узнаеть.

— Но что я никогда, никогда не возвращусь....

Полѣновъ помолчалъ.

— Нѣтъ, я напишу, рѣшительно сказалъ Кононовъ.

Полѣновъ опять промолчалъ.

т. сш.

4°

Кононовъ посаѣ чаю принялся за письмо. Онъ не могъ не писать; почему это было необходимо нужно, онъ не сумѣлъ бы объяснить Полѣнову, но чувствовалъ что дѣлаетъ жизненное, непреложное дѣло. Ему требовалось нравственно отдѣлать самого себя отъ благодѣтеля, провести между нимъ и собою непереходную черту; возможно яснѣе и обстоятельнѣе выразить ихъ обоюдное несходство. Потребность отрицательнаго самоопредѣленія (хотя онъ и не звалъ ее такимъ именемъ) водила перомъ Кононова. Много изорвалъ онъ бумаги и остался только тогда доволенъ когда письмо вышло дѣньзя безобразно, и не потому чтобы побужденія или мысли были сами по себѣ безобразны, а въ ту силу что невозможно иначе ихъ выразить въ подобномъ письмѣ къ своему противнику: онъ вѣчно тутъ предъ вашими глазами, вы ему толковываете, точно съ нимъ спорите, и это обстоятельство путаетъ мысль, придаетъ ей особый, несвойственный ей самой по себѣ, отпечатокъ. Удержаться написать такое письмо трудно и даже незачѣмъ удерживаться, но написавъ не слѣдуетъ посылать.

Чего-чего не оказалось на этомъ лоскуткѣ бумаги! Было тамъ и самооправданіе, и слишкомъ пространныя увѣренія что у него и въ мысляхъ того не было въ чемъ благодѣтель его заподозрилъ, и болѣе краткія увѣренія въ вѣчной благодарности за воспитаніе и необыкновенно подробное изясненіе причинъ почему имъ слѣдуетъ разстаться навсегда. Надъ послѣднимъ лунктомъ особенно потѣлъ сочинитель письма; являлись все новыя и новыя причины, все болѣе и болѣе тонкіе отгѣнки, хотѣлось изложить ихъ возможно яснѣе, обстоятельнѣе и язвительнѣе. Язвительность требовалась самаго высокаго разбора, безъ тѣни грубости. Это мѣсто письма должно было устыдить благодѣтеля и показать ему всю разницу между его грубою неотесанностію и вѣжливо-изящнымъ упрекомъ. И это-то уютное мѣсто, вслѣдствіе натуры съ какою писалось, вышло ужасно спутаннымъ, туманнымъ и совсѣмъ не язвительнымъ.

Полѣновъ уснулъ, не дождавшись пока Кононовъ кончитъ письмо; проснувшись на другой день, онъ увидалъ его совсѣмъ одѣтымъ.

— Куда вы такъ рано собрались?

— Я относилъ письмо.

— А-а!

Этого простаго восклицанія было достаточно чтобы Кононовъ почувствовалъ всю неловкость своего поступка; не самого написанія письма, а того что отправлено оно по адресу. И чувство этой неловкости, какъ догадается внимательный читатель, сильнѣе всего при воспоминаніи тревожило Кононова.

Дорого далъ бы Кононовъ чтобы воротить письмо, но благодѣтель вставалъ рано и ему тотчасъ подавали всѣ полученныя письма. Благодѣтелю, понятно, было не особенно пріятно читать посланіе будущаго генерала, но впечатлѣніе оно произвело совсѣмъ не то какого, сочиняя, ждалъ Кононовъ. Прочта длинное увѣреніе что у Кононова и въ мысляхъ не было въ чемъ онъ его обвинялъ, благодѣтель подумалъ: „Э да никакъ онъ и вслаправду влопался въ мою дуреху,—ну, значитъ, слава Богу что со двора долой“. На увѣренія въ благодарности промолвилъ: „знаемъ эти лѣсны, да въ другой разъ не заслушаемся“, а дойдя до знаменитаго язвительнаго мѣста—о, еслибъ сочинитель предвидѣлъ это!—благодѣтель просто-на-просто скомкалъ письмо и бросилъ въ корзину.

—Тьфу, чортъ, сказалъ онъ—какую нескладницу нагородилъ! И понять ничего нельзя: я думалъ онъ умѣе.

И благодѣтель рѣшилъ: „ну, въ люди ему не выйти, нѣтъ; а развѣ что по ученой части отличится“.

V.

Кононовъ переѣхалъ къ Полѣнову потому что некуда было дѣться, но будь у него двадцать мѣстъ куда дѣваться, врядъ ли нашелъ бы онъ пріютъ лучше чѣмъ у Полѣнова. Судьба въ его лицѣ послала Кононову какъ бы втораго Василья Васильича.

Полѣновъ, первое дѣло, былъ человѣкъ простой. Онъ далъ Кононову день-другой поуспокоиться, поосмотрѣться, и на третій напрямки, безъ всякихъ подходовъ и обиняковъ, осведомился о состояніи „государственнаго казначейства“ своего бывшаго ученика. Узнавъ что у того лятьсотъ съ хвостикомъ! рублей, онъ назвалъ Кононова Крезомъ и объявилъ что ему „бабушка воровать“.

—Деньги всѣ у себя держать нечего, хоть и пустыя, а все жь процентилки получать будете, рѣшилъ онъ и взялся пристроить капиталъ.—Ну, хоть вы и богачъ, продолжалъ

онъ,—а все жь ста двадцати пяти рублей въ годъ маловато, проценты къ тому же каждый годъ уменьшаться будутъ: капиталъ брать придется, а потому: какъ вы на счетъ уроковъ?

Конововъ отвѣчалъ: молъ и радъ бы да гдѣ достать. Доставанье Полѣвовъ призналъ своимъ дѣломъ. И черезъ недѣлю у Коновова были уроки, сперва плохенькіе, а тамъ и получше. Коновову оставалось только удивляться житейской умѣлости товарища да благодарить его.

— Ну вы эти нѣжности оставьте, замѣтилъ Полѣвовъ.—Помоему, между товарищами всѣ эти изъявленія благодарности и прочее не годятся. Сказалъ: спасибо, и баста.

— Ну, спасибо вамъ!

— И баста.

Еще черезъ мѣсяцъ, или около того, Полѣвовъ, возвратясь изъ гостей, освѣдомился у бывшаго ученика, каковъ онъ въ языкахъ?

— Ничего себѣ.

— Переводить можете?

— Думаю что могу. Для себя, случалось, упражнялся. Будто не дурно выходило.

— Съ нѣмецкаго и французскаго?

— Пожалуй и съ аглицкаго.

— Ладно. Завтра же отправитесь.

И у Коновова явился новый источникъ дохода, притомъ довольно порядочный. Мѣсяца черезъ три, онъ жилъ уже припѣваючи и могъ позволить себѣ извѣстныя роскоши: и книжку новую купить, и въ театръ сходить. И все сдѣлалось такъ быстро, безъ всякихъ съ его стороны усилій. Какъ было не повторить вслѣдъ за Полѣвовымъ: бабушка молъ вамъ ворожить?

Другое дѣло, Полѣвовъ былъ человекъ съ яснымъ и твердымъ умомъ, съ ясными и опредѣленными отношеніями ко всему на свѣтѣ. Сынъ небогатаго и великосемейнаго дворянина, онъ рано долженъ былъ начать трудъ изъ-за куска насущнаго хлѣба; изъ дому онъ не только не бралъ ни гроша, но порой помогалъ семьѣ. Разъ онъ скопилъ деньжонокъ и думалъ на лѣто сѣздить въ родную деревнюшку, гдѣ всякій кустикъ былъ ему милъ и дорогъ, гдѣ онъ любилъ всѣхъ, включительно до подслѣпаго и приглухаго старика-повара, все

переваривавшаго и перевиравшаго. Ужь день отъѣзда былъ назначенъ, какъ пришло отъ отца письмо, гдѣ тотъ жаловался на плохія обстоятельства. Сынъ, не долго думая, принялся хлопотать о кондиціи и сумѣлъ найти выгодную. Онъ взялъ половину денегъ впередъ, приложилъ къ нимъ часть изъ скопленныхъ, оставивъ себѣ буквально только на табакъ, и послалъ отцу. Изъ остальной отъ кондиціи половины, онъ удержалъ сколько было необходимо чтобъ перебраться въ Петербургъ до пріисканія уроковъ, а прочее послалъ отцу же. Ему и въ голову не приходило даже про себя жаловаться: вотъ де обстоятельства лишили меня удовольствія лобызать дома, еще меньше думалъ онъ что сдѣлалъ хорошее дѣло. Любить семью, помогать ей, жить для нея Полѣнову было столько же естественно какъ рыбѣ жить въ водѣ. „Развѣ можно не любить семью, или чтобъ семья тебя не любила? раздумывалъ онъ.— Бываютъ, правда, такія несчастія, но Господи! случись со мной подобное, я жить бы не могъ.“ Университетъ былъ для него цѣлаго рода семьей. Товарищъ такой же братъ; не помочь товарищу, не помочь брату, или отцу. Все это вещи не мыслимыя. Случалось Полѣнову нападать на негодяевъ, которые либо надували его, либо пакости про него распускали. „Въ семьѣ не безъ урода“, утѣшался тогда Полѣновъ, — это все равно что есаибы братъ вышелъ негодяй. Неужто гнать бы его отъ порога? Нѣтъ, все помочь, поддержать слѣдуетъ.“ Огорчаться подобными случаями для него казалось такую же глупостью какъ не жениться потому что жена можетъ измѣнить, или отвергать семью на томъ основаніи что попадаются лауты отцы и сыновья негодяи.

То было дорого въ Полѣновѣ что его убѣжденія и вѣрованія выросли и сложились вмѣстѣ съ нимъ; это придавало имъ особую крѣпость и стойкость. Онъ не сдѣлался, а выросъ въ такого человѣка какимъ былъ. „Сама жизнь тебя вылестовала“, говорилъ Полѣнову одинъ изъ его пріятелей Чулковъ.

И Полѣновъ любилъ эту вылестовавшую его жизнь, почиталъ и цѣнилъ ея хорошее. Онъ не былъ слѣпъ и къ ея дурному, но не лядилъ безъ устали глазъ только на него, и другихъ лядить не приглашалъ: поглядите молъ какой я хорошій, кромѣ дурнаго вокругъ ничего не вижу. Когда въ послѣдствіи пріятели всланивали про Полѣнова, у всѣхъ и на умѣ, и на

языкъ было одно слово: „славный“ молъ человекъ. И у всѣхъ славно таково становилось на сердцѣ.

Кононову съ Полѣновымъ жилось легко и ладно. Надо сказать что у Полѣновской хозяйки, вскорѣ послѣ переезда Кононова отъ откулщика, нашлась подходящая комната; онъ поселился въ ней и друзья прожили стѣна о стѣну до самаго отъезда старшаго изъ Петербурга. Полѣновъ полюбилъ и привязался къ своему ближнему сосѣду; всячески заботился о немъ, баловалъ даже его. Не говоря ужъ о доставаніи уроковъ и переводовъ, онъ думалъ о малѣйшихъ для пріятеля удобствахъ. Пойдетъ Кононовъ въ театръ, Полѣновъ распорядится чтобъ ровно къ его приходу самоваръ былъ готовъ. И такъ-то во всемъ, какъ за любимымъ младшимъ братомъ, ухаживалъ за нимъ. Кононовъ не только не замѣчалъ, но и подозрѣвалъ даже половины этихъ заботъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Счастливы сочинители имѣющіе въ виду поучить читателя, показать ему вредъ ли, пользу ли чего-нибудь. Нужно такому сочинителю доказать вредъ сѣченія, начинаеть онъ лущить героя и лущить власть день и ночь, въ каждой главѣ, на каждой страницѣ. Другой, отъ такихъ-то истязаній въ мочалу истрепался бы и Богу душу отдалъ, но сочиненный герой выносилъ. Черезъ лять, или болѣе страницъ требуется оному же сочинителю показать какъ заражается въ человѣчествѣ благотѣльная идея протеста (идея ей же сочинитель поклоняется, не замѣчая что по его же разказу она выходитъ благотѣльнымъ слѣдствіемъ усиленнаго лущенія)—герой и на это покладистъ. Eins, zwei, drei! и въ его головѣ мигомъ слагается идея протеста, въ добавокъ точь-точь въ такомъ видѣ въ какомъ потребно сочинителю. Еще черезъ десять страницъ, необходимо сочинителю сдѣлать героя человекомъ „развитымъ“, достойнымъ сыномъ XIX вѣка (иначе самъ сочинитель счелъ бы себя ладхимъ сочинителемъ),—герой и на такое дѣло гождь: извѣстно, русскій человекъ на все способенъ. И вотъ неизвѣстно откуда, даже не изъ Америки, является гениальный товарищъ, или не менѣе гениальный столичный

итель, все знающій, все испытавшій и извѣдавшій, несмотря на двадцатилѣтній возрастъ. И вступаетъ сей геній въ темную, освѣщенную мерцающими сальными огарками, комнату, гдѣ въ ожиданіи свѣта добродѣтельное юношество льетъ чай съ прокислыми сухарями. Только войдетъ, всё ему, какъ пеленцы маткѣ, въ ротъ уставятся, а онъ ткнетъ пальцемъ въ запотѣлое оконце, и изъ устъ его, прямо въ ушеса юношества излетятъ таковы слова: „вотъ гдѣ свѣтъ!“ И тотчасъ же всё, а пуще всѣхъ герой, увѣрують что свѣтъ именно тамъ куда пальцемъ ткнуто, и никому, а паче всѣхъ герою, не придетъ въ голову: не только де свѣту что въ оконцѣ. Словомъ, укладистый герой, по пословицѣ, что мѣшокъ: что положить — несетъ.

Счастливы такіе сочинители и великая награда ихъ ждетъ: критики ставящіе себѣ въ вѣщее достоинство свое тупое пониманіе поймутъ ихъ. Хороши и удобны, слова рѣтъ, новоизобрѣтенные патентованные мѣшки-герои! Охъ, куда удобнѣ живыхъ людей, особенно тѣхъ что живутъ умственной жизнью, у кого въ головѣ свой царь есть, да такой царь что подобно многимъ инымъ царямъ начнетъ мудрить и передѣлывать человека, вершить его подъ свою мѣру, да вдобавокъ самого себя считаетъ настоящимъ царемъ, рѣшителемъ судьбы, кому не токмо за страхъ, но и за совѣсть повиноваться надо.

Неудобство такого живаго человека, между прочимъ, заключается въ трудности, почти невозможности усаждать за ходомъ его умственного развитія. Откуда и когда взялась, или какъ сложилась та или иная мысль? Почему эта вотъ мысль побѣдила другія, или стала замѣтнѣе другихъ, сдѣлалась любимцею ума? Отчего давняя мысль поразила умъ при тѣхъ, а не иныхъ обстоятельствахъ? Отчего третья вѣзлась не въ то время какъ дошла прямо, изъ непосредственнаго источника, а при получкѣ изъ вторыхъ, третьихъ, Богъ знаетъ какихъ рукъ, видоизмѣненная, можетъ-быть искаженная? Насколько, наконецъ, мысль, рожденная ли, пришлая ли, сама измѣнилась при столкновеніи съ другими, какой оттѣнокъ отъ нихъ получила и въ свою очередь насколько ихъ измѣнила, насколько придала имъ свой оттѣнокъ? Если у писателя чьи мысли и думы отпечатываются въ ихъ твореніяхъ трудно прослѣдить шагъ за шагомъ такое развитіе и почти невозможно возстановить ихъ полный умственный обликъ,—

то гдѣ ключъ къ такому дѣлу относительно частнаго человѣка, не оставившаго подобныхъ какъ бы окаменѣлыхъ слѣдовъ? Я предполагаю человѣка который мыслить, изучаетъ себя, стремится къ самоопредѣленію. Не тутъ ли, не въ этомъ ли самоопредѣленіи разгадка? Но оно само начинается когда матеріалу накоплено уже довольно и зданіе на половину готово; переходныя же ступени, между тѣмъ, стерлись, не удержались ясно въ памяти: ея вниманіе устремлялось и устремлено на храненіе и скрѣпу матеріаловъ, добытыхъ и добываемыхъ.

Предположите такую задачу: откуда и въ какое относительно время натаскала ласточка себѣ на гнѣздо камешковъ, волосинокъ, грудокъ глины, каждый и каждую изъ нихъ. Задача не невозможная, но и такая сравнительно простая задача потребуетъ много времени, трудовъ, соображеній самыхъ остроумныхъ. Умственное гнѣздо вѣтся почти также безсознательно какъ птичье, но та великая между ними разница что въ немъ, въ свитомъ умомъ гнѣздѣ, живы и дышутъ каждый камешекъ, каждая лесчинка и грудочка: эти живыя грудочки множатся и лораждаютъ новыя и сами между собою не липкою жидкостью склеены, срослись живою плотью, составили живое же цѣлое. И это цѣлое, и все цѣликомъ и по частямъ, развивается, доходить возможнаго совершенства, болѣетъ, выздоравливаетъ, умираетъ: умираетъ душевное, воскресаетъ духовное, по алостольскому слову.

Конововъ былъ человѣкъ мыслящій, стремился къ самоопредѣленію. Постепенно у него выработался взглядъ на себя, своя теорія, созданъ идеалъ котораго онъ стремился достигнуть. Но какъ зародилась и развилась эта теорія? Насколько она была слѣдствіемъ самоизученія и по какому методу, достаточно ли точно и осмотрительно велось это изученіе? Много ли схватила теорія жизненныхъ чертъ, или въ ней оказалось достаточно мнимыхъ? Раждалась ли она свободно изъ жизни, или пришлая старалась подчинить себѣ жизнь?

Какъ ни трудна задача, попытаемся прослѣдить ходъ умственнаго развитія Коновова. Благо если удастся намѣтить его точками, и дай Богъ чтобъ эти точки недалеко уклонялись отъ направляющей.

II.

Конововъ первоначально поступилъ на математическій факультетъ, но пробылъ на немъ всего полгода. Нельзя сказать чтобъ у него вовсе не было способности къ математикѣ; онъ легко слѣдилъ за преемственностью выводовъ и самый ходъ доказательства занималъ его; онъ поражался красотой формулы и былъ даже въ силахъ оцѣнить эту красоту, но доказательство кончено, послѣдній выводъ слѣдуетъ и выражень строгою, сжатою и красивою формулою, — и память не удерживала того хода за каждымъ шагомъ котораго слѣдила внимательно, съ любовнымъ любопытствомъ; красивая формула оставалась впечатлѣніе умственной красоты, но сама ускользала. Словомъ изъ всей работы не выходило плотной, по всей ширинѣ ровно спущенной нити; по мѣстамъ нить была спущена на-диво, отдѣлка тонкая, но, вершокъ дальше, шла дряблая, расплывалась при легкомъ рывкѣ. Конововъ замѣтилъ это и приписалъ своей неспособности къ математикѣ. Онъ рѣшилъ пережвѣнить факультетъ. Но какой выбрать? Нравилось и тянуло и то и другое. Онъ перешелъ на камеральный. „Покупаю“, утѣшалъ онъ себя. Такое утѣшеніе было необходимо въ виду того что многіе чимъ мнѣнѣемъ онъ дорожилъ называли такой переходъ „изъ половъ въ дяконы“; необходимо было оно и для себя: вѣдь не затѣмъ же поступлено въ университетъ чтобы только кончить курсъ! Зачѣмъ же? спросилъ онъ себя. Не ради чиновъ, — это дѣло рѣшеное, сданное въ архивъ еще при Василій Васильчѣ; не для правъ—такое учене кончено, права, насколько они нужны, добыты. Для чего же? Ради ли изученія какой отдѣльной науки или чтобы стать человѣкомъ образованнымъ? Дума надъ этими вопросами наткнула его на теорію.

Теорія постепенно вырабатывалась, окрѣпла, и когда довольно окрѣпла, авторъ постарался придать ей надлежащій видъ. Книжки, столкновение съ людьми, сличенія себя съ товарищами, развитіе собственныхъ мыслей, — все несло свой вкладъ въ теорію. И теорія, надо правду сказать, во многомъ отличалась дѣйствительности. Въ окончательномъ видѣ она главно слѣдующее: надо развивать свою личность; всѣ препятствія къ развитію должны быть устранены. Главнымъ

двигателемъ свободной личности полагался талантъ; не спеціальный, къ чему-нибудь талантъ, не предрасположенность къ известнымъ занятіямъ, а талантливый умъ, стремящійся обогатить себя знаніями, развить свои лучшія качества, достигнуть свою конгеніальность съ тѣми или другими великими дѣятелями, примкнуть къ нимъ и дозрѣть такъ-сказать подъ ихъ сѣнью. Талантливая личность въ высшей степени человѣчна, и ничто человѣческое не должно быть ей чуждо. Она не можетъ закупориться въ спеціальность, подъ страхомъ обуздать свои стремленія или стѣснить свою свободу. Такой личности противопологался труженникъ. Труженникъ человѣкъ почтенный, болѣе или менѣе узкій спеціалистъ, чернорабочій умственной республики. Ему дается усидчивымъ трудомъ что таланту открывается безъ усилій; притомъ онъ никогда не обниметъ въ цѣлости всего подлежащаго познанию; частности приковылаютъ его и никогда ему не взлетѣтъ надъ ними. Труженникъ—куликъ; онъ вѣчно хвалитъ свое болото, и это болото вовек не такъ дурно какъ полагаютъ; въ немъ своя дѣятельная жизнь, но обуженая, безъ широкаго простора. Талантъ же со коломъ взмываетъ въ высь; еще въ старину знали какой красносотрителевъ высококаго сокола летъ.

Копоновъ чувствовалъ въ себѣ такой талантъ и дѣлалъ все что могъ и умѣлъ для его развитія. Онъ благословлялъ свой вначалѣ необдуманнѣйшій, переходъ на камеральное отдѣленіе. Числиться на немъ представляло несомнѣнныя удобства: этимъ, первое, легко выполнялась формальная сторона университетскаго курса; затѣмъ, самое его выполненіе не требовало многого времени и дозволяло посѣщать любыя лекціи другихъ факультетовъ, заниматься чѣмъ либо, и наконецъ главное, свобода развитія личности ни мало не стѣснялась, скривлялась уклоненіемъ въ спеціальность.

Не должно думать чтобы талантливая личность въ стремленіи всесторонне развить себя, довольствовалась шалочнымъ знакомствомъ съ предметами, задѣвала о нихъ концомъ къ ла, только задѣтъ бы, набрасывалась на все, только умственную торбу наполнить бы. Нѣтъ, такая забава годна разве для лустоцвѣтовъ, для скорослѣлокъ что, по выраженію Ломоносова, „слышать словно на конькахъ пролетѣть по наукѣ“. Талантливая личность смотрѣла на дѣло образованья строго и глубже. Она не набросится на новизну ради ея новизны; какъ стараго воробья, на макинѣ не поведешь. Мишурѣ

знанности, профессора гарцовавшіе на либеральномъ конь-
иде не считали Кононова въ числѣ своихъ поклонниковъ. Онъ
открывалъ въ нихъ грубость пониманія, поверхностное отно-
шеніе, какъ слѣдствіе этой грубости, и къ своему предмету,
къ наукѣ вообще. „Шиллеръ сказалъ что для однихъ наукъ—
богиня, для другихъ — дойная корова; онъ не зналъ что
вѣтся паясуны и для нихъ она станетъ натянутымъ кана-
томъ“, замѣтилъ онъ послѣ одной лекціи, покрытой довольно
дружными рукоплесканіями. Умъ быстрый и пытливый, Ко-
ноновъ легко усваивалъ себѣ предметъ, схватывалъ, такъ-ска-
зать, на лету его выдающіяся части; на чемъ онъ останавли-
вался, случайно ли, по влеченію ли, онъ старался понять до точ-
ки, усвоить строго и ясно, отличить тонко. Умъ страстный и
влюбчивый, онъ жадно хватался за предметъ, но эта страст-
ная влюбчивость не переходила въ покойную любовную при-
вязанность, тихую и долговѣчную. Кононовъ отлично чув-
ствовалъ тонкость и гибкость своего ума и старался развить
эти качества до виртуозности.

Тонкому и гибкому уму—чего не замѣчалъ Кононовъ—не
доставало выправки, выдержки и самостоятельной работности.
Кононовъ не плуталъ, какъ во время оно, по лѣсу, но и не
шелъ твердою ногой по матерой землѣ; онъ не зналъ крѣп-
каго чувства человѣка у кого есть увѣренность что краже-
вая дорога тутъ она, у него подъ ногами. Его умъ стремился
взлетѣть все выше, откуда виднѣе, и нерѣдко зарывался.
Тамъ, въ воздушномъ океанѣ онъ плавалъ

„Безъ руля и безъ вѣтриль“.

Такое свойство его ума было замѣчено умнымъ старикомъ-
профессоромъ. Разъ по окончаніи лекціи Кононовъ заспорилъ
съ нимъ о теоріи, о чемъ шла рѣчь. Онъ дѣлывалъ это не
разъ. Какъ всегда, профессоръ внимательно выслушалъ сту-
дента, сказалъ свои возраженія, и затѣмъ, помолчавъ, приба-
вилъ:

— Вы, г. Кононовъ, человѣкъ несомнѣнно умный, да умъ-
то у васъ непосѣда. Вамъ все гулять бы да прохаживаться.
Слова вѣтъ, вкусъ у васъ есть: мѣста для прогулокъ вы вы-
бираете живописныя. Только слѣшите очень: хочется ловыше
на самую высокую гору взобраться: эта молъ горка и хоро-
ша да низка, та вонъ ловыше, и вы скорехонько туда. Я не
хочу сказать что вы при этомъ по сторонамъ только глазѣте;

нѣтъ, мимоходомъ, вы и наблюдаете, и вдумаетесь, и порой работнику на полѣ совѣтъ добрый дадите. Только сам-то вы не работникъ. Не обижайтесь; мнѣ хотѣлось предупредить васъ. Былъ у меня такой же какъ вы ученикъ, и ничего изъ него не вышло, несмотря на всѣ его таланты. Жаль мнѣ будетъ если съ вами то же случится.

Такое замѣчаніе, сдѣланное искреннимъ и дружескимъ тономъ, не могло не заставить Кононова призадуматься. Онъ помучился таки, желая выразумѣть его поточнѣе и пообстоятельнѣе; для этого онъ старался опредѣлить построже точку зрѣнія профессора. „Не упрекаетъ ли онъ меня недостаткомъ специальности?“ Такой вопросъ прежде всего пришелъ въ голову. Теорія тянула на утвердительный отвѣтъ. „Но нѣтъ говорило наблюденіе,—онъ не изъ тѣхъ узкихъ специалистовъ что по собственному сознанию идутъ точно по постоянно суживающемуся корридору, пока не ткнутся носомъ въ спеціальный уголь, откуда ничего не видно. Нѣтъ, онъ не такъ.“ Въ чемъ же тогда упрекъ? „Или мы иначе понимаемъ развитіе личности? Умы ли у насъ разной породы?“ Къ утвердительному отвѣту на эти послѣднія соображенія особенно сильно склонялся Кононовъ. Мелькало у него: молъ слѣдовало бы въ такомъ разѣ поближе изучить это различіе и пониманій и самихъ умовъ, но тутъ ставилось многоточіе. Дорѣшенія задачи не доставало данныхъ; талантъ намѣчалъ задачу, неработникъ надъ ней не трудился.

Кононовъ ошибался: профессоръ говорилъ просто какъ опытный наблюдатель надъ развитіемъ молодыхъ умовъ. Замѣчаніе старика прошло какъ тучка предъ солнцемъ талитливой личности. Она продолжала жить своею жизнью и въ жизнь была довольно полна, ясна и радостна чтобы тревжиться легкаго облачка, замѣчать небольшіе пробѣлы. До вмени дышалась вольно и здорово, и Кононовъ чувствовалъ себя божественною личностью ничуть не меньше чѣмъ Гей на первыхъ порахъ по пріѣздѣ въ Парижъ.

III.

Кононовъ за долгое житье вмѣстѣ не только привыкъ Подѣнову, полюбилъ его. Они не разставались въ теченіи двухъ съ половиной лѣтъ: Подѣновъ, по окончаніи курса близъ года пробылъ въ Петербургѣ, числясь на службѣ

мастерствѣ, пока не вышло подходящее мѣсто въ родной губерніи. Конововъ не забылъ своего сожителя и не рѣдко про него вспоминалъ. Воспоминанія эти были различны, слались въ отдѣльныя группы. Охотнѣе всего Петръ Андреичъ останавливался на первыхъ дняхъ знакомства, на первыхъ шагахъ съ той и другой стороны. Онъ съ особою любовью припоминалъ мельчайшія подробности, анализировалъ ихъ и всегда выносилъ отрадное впечатлѣніе. Ему шептался первый ихъ разговоръ; шептались отдѣльныя слова на которыхъ сосредоточивался смыслъ. „Переѣхалъ.“—„Прекрасно. Не стѣсню?“—„Глуости.“ „Письмо?“—„Не зачѣмъ.“ „Отправилъ.“—„А-а! И потому освѣдомленіе на счетъ „государственного казначейства“, вопросъ: „Какъ вы на счетъ уроковъ?“—„Какъ все это дѣлалось просто, прямо, откровенно, безъ всякой ватуги, съ полною свободой! Ты разказываешь мнѣ про себя, дѣлаешь меня нравственнымъ повѣреннымъ своимъ дѣлъ и дѣлаешь это по своему побужденію, свободно, и я столь же свободно выражаю свое мнѣніе, каково оно есть, но тебѣ это не навязываю, ни приговора, осудительнаго ли, оправдательнаго ли, надъ твоими дѣйствіями не произношу. Таковъ, казалось Коновову, былъ смыслъ рѣчей Полѣнова.

Эта свободность отношеній чѣмъ дальше тѣмъ глубже укоренялась. У Полѣнова была дѣдовская поговорка; „хоть ты мнѣ и братъ, да я-то на свой ладъ“. Помни дескать: я такой же какъ ты человекъ, могу и имѣю право думать и чувствовать совсѣмъ по-своему и ты на этотъ дорогой мнѣ каравай, хорошо ли, худо онъ спеченъ, рта не разѣвай. Говори что думаешь; соглашайся не соглашайся со мною, какъ знаешь; только на мое мнѣніе или чувство не посягай. Хорошо оно, мнѣ ли, гоже мнѣ или нѣтъ—про то я знаю. Я всегда тебя выслушаю; если сможешь—имѣй на меня вліяніе: на это забота нѣтъ. Но чуть ты вздумаешь насильничать, извини, я настаиваю тебя войти въ границы. А права у насъ съ тобой во всемъ равныя.

Полѣновъ былъ далекъ считать такія житейскія правила своими, лично ему принадлежащими. Онъ былъ увѣренъ: они разработаны студентскимъ „товариществомъ“ и не за одно впечатлѣніе. Конововъ по природѣ не общительный, разговорилъ только съ близкими (и эти черты характера согласовались съ его теоріей развитія личности), не весьма понималъ значеніе Полѣновскаго товарищества и даже сомнѣвался въ

его существованіи. Разговоры и споры сюда относящіяся составляли отдѣльную группу воспоминаній. Какъ споры и разговоры натакивали на самоопредѣленіе, давали ему матеріалъ, такъ и воспоминанія кучились не вокругъ приземистой коренастой фигуры Полѣнова, а на начинавшемъ себя раумѣть я. Споры бывали въ такомъ родѣ.

Задиралъ, по старинному выраженію, чаще Конововъ, начная толковать объ университетѣ, его назначеніи и проч.

— Я цѣню университетъ насколько онъ даетъ средствъ развить личность вообще, а мою собственную въ особеннети, объявлялъ онъ.

— Нѣтъ, это что-съ! возражалъ Полѣновъ.— Умственное развитіе и безъ университета можно получить изъ книгъ. И еще лучше чѣмъ въ иномъ университетѣ.

Тому примѣры были наготовѣ. Въ Казани прикащикъ книжной лавки самоучкой прошелъ всю высшую математику, выдержалъ экзамень на кандидата лучше четвертокурсковъ и потомъ сталъ профессоромъ. Остроградскій, говоря за неспособность къ математикѣ былъ исключень изъ Харьковскаго университета. И за границей... Но Полѣновъ билъ русскіе примѣры, находя что они „лонятыѣ“.

— Не спорю, оговаривался онъ,—дѣльнаго профессора слушать полезно. Видишь какъ живой человекъ съ предтомъ обращается, и самъ обучаешься тому же. А коли тите знать, для этого еще полезнѣй у такого профессора пружой поработать. Ну, да наши больше лекціями отбоярются, развѣ въ кои-то вѣки руководство напишеть, да вѣрнѣй на половину переведеть. И выходитъ: главное книги, книги.

— Книги или университетъ—все равно; все же ихъ гла назначеніе быть средствомъ для развитія личности.

И Конововъ упрекалъ пріятеля въ нежеланіи лонятыченіе личности и пускался въ разъясненіе своей теоріи.

Полѣновъ возражалъ. Чтобъ онъ не признавалъ значности—избави Боже! Пусть личность обособляется, и лааетъ въ своихъ особенностяхъ, только не становилася исключительно, слишкомъ въ себѣ замкнутою, ничегсебя какъ слѣдъ не признающею! Но онъ смотритъ на университетское дѣло съ болѣе житейской точки; не всѣ дѣвты одарены высокими талантами, не всѣ могутъ да держать кандидатскій экзамень.

— Намъ не учеными, не писателями, не государственными людьми быть, а простыми смертными. Даже и смертный-то для насъ терминъ слишкомъ общій. Притворяться нечего: большинство изъ насъ станетъ, чѣмъ отцы были, чиновниками да помѣщиками. Мы не соль земли, а то что этой солью солится—мясо, рыба, какъ хотите зовите, только не *chair à canon*. Да, за нами еще есть люди кому настоящей соли и полюхаться не удастся. Тѣ нашими крохами питаться будутъ. И не спорю, намъ знать о томъ что повыше не худо, и даже себя умственно развить слѣдуетъ, насколько силы есть, или какъ мужики говорятъ, на сколько „могутъ хватить“. Не то вѣдь, пожалуй, англійскую соль за поваренную прижешь да ею себя и просодишь, а не то бузунушь удовольствуешься.

И вотъ для этого-то большинства, для этого подлежащаго соакъ мяса, этого *chair à saler*, кромѣ умственнаго развитія по могутъ, необходимо нѣчто иное. Доказывая, Полѣновъ шелъ такимъ путемъ. Онъ предлагалъ спросить любого студента: зачѣмъ моля ты поступилъ въ университетъ? Рѣдкій, по его мнѣнію, отвѣтилъ бы на такой вопросъ прямо, ясно и толково. Который—и такихъ избранное меньшинство—мечталъ о наукѣ, о самообразованіи; который—и такихъ большинство—поступалъ по темному влеченію къ чему-то хорошему, по неясной увѣренности что такъ слѣдуетъ; который, наконецъ, соображалъ на счетъ карьеры и правъ.

— И, замѣтите, прибавлялъ онъ,—последній предъ товарищами ужъ стыдится сознаться для чего именно поступилъ въ университетъ. Вотъ вамъ первая польза товарищества. Оно подымаетъ, указываетъ высшую цѣль.

Словомъ, по Полѣнову, товарищество есть нѣкотораго рода воспитательная среда, гдѣ студенты выдѣляются, становятся людьми. Иначе: научаются цѣнить свое человѣческое достоинство и уважать его въ другихъ.

— Вашими бы устами да медъ лить, замѣчалъ Кононовъ.—Только все это мечта. Въ дѣйствительности, этого вашего товарищества нѣтъ, а есть либо ланибратство да амикошонство, либо стремленіе къ корпорациі.

— Да откуда жь у меня взялись эти идеи о товариществѣ? Выдумалъ я ихъ что ли?

— Нѣтъ, не выдумали. Вы только переносите личные мнѣнія,

черты своего характера, на другихъ; желанія, *ria desiderata*, принимаете за существующее...

— Ну, а мой отецъ, а дѣдъ мой, а другіе старинные студенты тоже желаніе за дѣйствительность принимали?

— Ошибка въ томъ же родѣ. Человѣчество мечтало о золотомъ вѣкѣ, люди о златой юности, когда, кажется, творились чудеса...

— Ну нѣтъ, извините-сь. Вы вотъ, Кононовъ, старинныхъ студентовъ не видали, оттого такъ и говорите. А у меня и отецъ, и дѣдъ студентами были. И я старинныхъ студентовъ видывалъ. Въ Петербургѣ вы ихъ, настоящихъ то-есть, и увидите: бюрократятся сильно, а вотъ въ провинціи!... Ну вотъ и поговорите съ ними, со стариками-то, и узнаете тогда что они въ университетѣ цѣняли и цѣнили. Въ тѣ-то времена наука не больно процвѣтала; хуже чѣмъ теперь въ лодочной гимназіи учили. А они людьми вышли, и людьми на всю жизнь остались. И они вамъ скажутъ что всѣмъ этимъ товариществу обязаны. И во мнѣ эти понятія не личныя, не мечты, какъ вы говорите, а отъ нихъ; я ихъ преимущественно получилъ, а гдѣ преимущественность, тамъ дѣйствительность, тамъ жизнь, заключалъ онъ съ торжествомъ, какъ всегда дѣлаетъ молодой человѣкъ опираясь на мысль которую признаетъ неоспоримою.—А вотъ вы давеча товариществу къ корпораціи приравняли, такъ это даже обидно. Я этихъ корпорацій всякихъ терпѣть не могу. А будто подобное что-то такое и въ университетѣ заводится, не безъ грусти подтверждаль онъ замѣчаніе Кононова.—Да, да. Начинаятъ попадаться такіе студенты. Думай-молъ всѣ какъ одинъ, дѣлай что хочешь, и правъ будешь, а не то сейчасъ—подлецъ. И правды для студентовъ какія-то особыя выдумываютъ, и студентъ ужъ не студентъ, а какой-то новый чинъ въ табелѣ о рангахъ. И выше-то всѣхъ, и умаѣе, и честиѣе, а остальные тоже чуть не подлещи. Нѣтъ, это корпорація нѣмецкая (элитетъ „нѣмецкій“ Полъновъ вообще прилагалъ ко всему чему хуже не бываетъ), это казармщина. Нѣтъ, я, и не я одинъ, всѣ мы не это въ университетѣ цѣнили.

— И вотъ видите, разъ послѣ такого спора прибавилъ особенно грустно Полъновъ, — заведется эта казармщина или вообще товарищество падетъ, а сына своего въ университетъ не пошлю, то-есть въ русскій, какъ мы его понимаемъ. А для науки въ Германію пусть ѣдетъ, тамъ на этотъ счетъ

актера (Полѣновъ строго держался нынѣ полузабытаго отлѣта Нѣмцевъ отъ Германцевъ).

Пріатели оставались каждый при своемъ мнѣніи. Полѣновъ мнилъ что Кононовъ по-своему правъ, и Кононовъ то же думалъ про Полѣнова. „Ему товарищество не нужно, разсуждаетъ Полѣновъ, — онъ на умъ свой надѣется и, правду сказать, есть на что ему надѣяться“. Строго выводъ былъ не совсемъ таковъ: внутри у Полѣнова шевелилось нѣчто среднее между сужденіемъ и чувствомъ (чего онъ даже про себя не высказывалъ ясно); и оно нашептывало ему: „можь полнѣе и лучше была бы его (Кононова) жизнь, знай онъ и даже не знай, а чувствууй, именно чувствууй что такое товарищество“. Кононовъ же цѣнилъ мнѣніе Полѣнова не столько по отношенію къ нему лично и даже не какъ мнѣніе само по себѣ правильное или не правильное, ему нравилась собственно своеобразность этого мнѣнія. Эта своеобразность, по Кононову, въ томъ состояла что мнѣніе опиралось не столько на умственные выводы, сколько на нѣчто въ себя, на нѣчто живое. И это живое порой бывало не только живымъ, но и живучимъ. Поважному онъ начиналъ даже допускать что Полѣновское товарищество не вполнѣ мечта, что оно идеалъ студенческой жизни, но не той впрочемъ что онъ видѣлъ вокругъ, а прежней, временъ когда отецъ и дѣдъ Полѣновы были студентами. „Но существуй даже оно, это товарищество, теперь, все-таки я цѣнилъ бы его насколько оно давало бы средства развить личность“, заключалъ онъ. Кононовъ имѣлъ случай не разъ замѣчать подобную своеобразность Полѣновскихъ мнѣній.

Въ это время, съ плотно-закупоренной бутылки умственной русской жизни была снята проволока, проволока впрочемъ довольно ржавая; пробка вылетѣла не безъ достоинства, и брызнула лѣна. Пока лѣна была, всѣ думали въ бутылкѣ не шампанское, первый сортъ. И никто не осмѣливался дотрогнуться до бутылки; многіе даже выражали: не благородно даже только сомнѣваться въ содержимомъ бутылки, но даже имѣть дерзкую мысль заглянуть внутрь. И лѣна была, была пока не угомонилась. Тогда только рѣшились накренить бутылку, даже опрокинули ее: ничего, лустехонька. Только по стаканамъ лилкая лѣна дѣлилась.

Итакъ, въ это время стали входить въ моду всякія социальныя и социалистическія теоріи, всякія разрушительныя

бредни. Полѣновъ высушивалъ всѣ эти глѣвоизверженія съ добродушіемъ истинно патріархальнымъ и славянскимъ. Онъ ни умственно, ни сердечно не раздражался противъ теорій посягавшихъ, казалось, на все ему дорогое и святое. Умственно, потому что его занимали, были ему дороги и святы не отвлеченныя идеи семьи, собственности, государства, а своя семья, свой уголь и чувство что онъ Русскій, вмѣ и безъ чего онъ не могъ себя повать. Сердечно, потому что не могъ вообразить фактическаго посягательства на жизненный строй необходимый, также какъ для него, для милліоновъ людей. Вотъ почему, относя разрушительныя теоріи къ области мечтаний и утопій, онъ приписывалъ имъ эпитеты честный и благородный. Бездомный и безсемейный, Кононовъ уже въ силу этого обстоятельства долженъ былъ искать себѣ опоры въ мысли. Полѣновское добродушничанье было ему не по нутру

— Не понимаю что вы тутъ видите честнаго и благороднаго, говоритъ онъ.

— Отчего же? добродушничаль Полѣновъ. — Согласитесь еслибы всѣ были одинаково богаты, это было бы хорошо. Побужденія, намѣренія тутъ добрыя, но конечно это мечта.

— Хорошими намѣреніями, по пословицѣ, адъ мощенъ. При томъ вы сами находите что это невозможно. Что жъ тутъ хорошаго мечтать о невозможномъ?

— Я и говорю что это мечта, но мечта честная и благородная.

— Мечта не можетъ быть ни честною, ни благородною; эти качества приложимы только къ нравственной сторонѣ челоука. Честная мечта такая же нелѣпость какъ честная мысль. Мысль напримѣръ бываетъ правильная и не правильная, умная и глупая, чистая и прикладная и т. д., но нѣтъ ни честныхъ, ни благородныхъ мыслей. Еще пожалуй выдумаю честныя заблужденія! Честныя мысли, честныя убѣжденія отъ такого смѣшенія понятій только лутаница, вавилонскій языкъ. Я вотъ слышалъ какъ разъ кучеръ витійствовалъ „Вороная, говоритъ, лошадь убѣдительная.“ Оно конюхамъ позволительно безъ смысла высокимъ слогомъ выражаться, но нѣтъ-то слѣдовало бы понимать значеніе словъ, а не легкомысленно встрѣчное совать.

— Вы слишкомъ серьезно къ этому относитесь, Кононовъ. Всѣ эти теоріи малѣйшей критики не выдерживаютъ, а э

Только все же пусть лучше объ общности имуществъ мечтаетъ чѣмъ о карьерѣ или какъ бы денегъ нажить.

— Нѣтъ, ужъ лучше пусть о чемъ хочетъ мечтаетъ, только не мечталъ бы тамъ гдѣ учиться и знать слѣдуетъ. Это, по пословицѣ, съ суконнымъ рыломъ въ калачный рядъ.

Разъ Конововъ пришелъ домой поздно и крѣпко не въ духѣ. Видно было онъ ушелъ откуда-то взволнованный и добавокъ дорогой, припоминая бывшее, еще лучше разволновался. На опросъ Полѣнова что съ нимъ, онъ рѣзко отвѣчалъ:

— Наслушался вашихъ благородныхъ мечтаній!

— Какихъ моихъ мечтаній? съ недоумѣніемъ спросилъ Полѣновъ.

— Ну, вотъ что вы благородными и честными называете. Вы одни цвѣтки еще знаете, а я до ягодокъ нынче дошелъ. Все, видите, надо прочь, всю цивилизацію съ государственнымъ устройствомъ, съ искусствомъ, наукою...

— Но это глупости...

— Да именно глупостями они и называютъ, не разслыхавъ подхватилъ Конововъ.—И кто же? Не нашъ братъ студентъ, не мечтательный юноша по-вашему, а самъ—кто бы вы думали? Самъ К. Л. М., знаменитость, бывшій профессоръ, великій ученый! Изъ тѣхъ кого „подъ великимъ страхомъ призвать везять историкомъ и географомъ!“ Онъ лоучалъ, нѣчто даже въ родѣ лекціи прочелъ. А въ концѣ и глазки закрылъ, и съ блаженнѣйшею улыбкой проговорилъ: „Итакъ, господа, вся предыдущая исторія человѣчества была рядомъ глупостей.“ Меня, знаете, слегка огорошило. Думаю, вѣрно онъ на счетъ политики, либерализмомъ хвастать хочетъ. Переспросилъ. „Нѣтъ, говорить, вся, вся вообще.“ И преблагосклонно улыбнуться изволили. Да, вся! А тутъ же насчетъ нервовъ навралъ что-то. Кто-то изъ естественниковъ ему замѣтилъ, а онъ: „Я въ этомъ не специалистъ, могъ перелутать, но идея, идея важна!“ И все съ улыбкой.... Что жъ, Полѣновъ, и это благородныя мечты?

— Полноте, не смѣшивайте. Видите, Конововъ....

Но Конововъ не слушалъ; онъ слѣшилъ высказать накопившіяся мысли и высказывалъ торолливо, отдѣльными фразами, пользуясь малѣйшими поводами къ ассоціаціи идей.

— Нѣтъ, что меня поражаетъ, между прочимъ говорилъ онъ,—это переустройство всего изъ-за какихъ-то неправиль-

ностей въ отношеніяхъ между капиталомъ и трудомъ.... Такихъ-то мелочныхъ неправильностей тысячи бывала и будутъ; ихъ исправляли и опять онѣ заводились.... Я вѣдь понимаю, можно строить идеальное государство и въ немъ все подчинять идеѣ государственности.... Ну, придется тогда съ Платономъ наградить повтовъ и выпроводить ихъ за границу.... Но когда умъ теорію создавалъ, то ошибка сейчасъ видна: цѣлость жизни подчиняется частному понятію.... Вообще всѣ социальныя науки еще во младенчествѣ, въ основу мало изученія фактовъ положено.... Но все-таки тамъ умъ, а тутъ.... И это честныя, благородныя мечтанія!..

Полѣновъ промолчалъ.

— Я старался быть справедливымъ, вставлялъ онъ чрезъ нѣкоторое время.—Это послѣднее чтó вы разказывали—глупость, но въ мечтѣ о равенствѣ имуществъ я все-таки вижу нѣчто благородное.

Кононовъ въ свою очередь промолчалъ, но онъ долго не спалъ въ эту ночь и его занимали не *тѣ* люди и не *тѣ* мнѣнія. „Полѣновъ, думалъ онъ,—хочетъ быть справедливъ, боится осудить ближняго. Не попустилъ судить, а мысль. Онъ думаетъ осудить мысль, назвать ее не правильною, такой же грѣхъ какъ по его христіанскимъ понятіямъ назвать человека дурнымъ. Мысль судится по своимъ законамъ, а не по нравственнымъ. Онъ смѣшиваетъ это, и страха ради мнимаго грѣха будетъ вертѣться и то называть благороднымъ чтó вдобавокъ совершенно противно его понятію о благородствѣ.“ И слѣдомъ затѣмъ онъ не безъ горечи спросилъ: „Неужели же и къ нему, и къ этому славному, милому человѣку мнѣ придется испытать то же страшное чувство отчужденности?“

Чувство отчужденности, его же боялся Кононовъ, по отношенію къ Полѣнову, осталось въ этомъ зародышномъ состояніи. Оно нашло себѣ иной исходъ. Обстоятельства похожія на сейчасъ описанныя были къ тому поводомъ. У Полѣнова набралось много народу; зашли всякіе слоры, и модные вопросы, конечно, не замедлили выступить на сцену.

— Прекрасно, Полѣновъ, сказалъ одинъ изъ мечтателей,—вы наши убѣжденія называете мечтою—пусть такъ. Не стану вести схоластическаго спора о словахъ: зовите какъ хотите. По вашему же сознанію, въ нашихъ мечтахъ много честнаго и благороднаго; мы, кромѣ того, признаемъ свои убѣжденія единственно справедливыми. Разумѣется, мы станемъ

стараться о проведеніи ихъ въ жизнь, и проведемъ. И весь вопросъ телерь въ томъ: будете или не будете вы мѣшать намъ дѣйствовать?

Полѣновъ не ждалъ такого вопроса: таково далека была отъ него мысль что эти мечты годны на иное что, кромѣ развлечения юношей въ досужіе часы. Онъ смутился и ничего не отвѣтилъ.

— Позвольте, началъ Кононовъ.

Полѣновъ видѣлъ что онъ взволнованъ; то же замѣтили и всѣ. Наступила тишина ожиданія, всегда непріятная и нѣсколько раздражающая. Про такую тишину нельзя сказать: тихій ангелъ пролетѣлъ. Скорѣй тутъ чортъ притаился. Тишина ничѣмъ не разрѣшилась. Ваши новыя лица, сшибка отсрочилась и уже не возобновлялась. Какъ всѣ разошлись и пріятелю вдвоемъ остались, Кононовъ сталъ по комнатамъ ходить. Онъ ходилъ долго и тревожно; Полѣновъ не трогался съ мѣста, ждалъ какого-то слова, чувствовалъ нѣчто недоказанное должно быть высказано.

— Да, началъ Кононовъ,—вы ему ничего не отвѣтили. Извините, я тогда перебилъ васъ. Мнѣ не терпѣлось, но помѣшала!... А что вы отвѣтили бы ему?

Полѣновъ тотчасъ повялъ кому и на какой вопросъ.

— Видите, правду сказать: я смутился. Я не ждалъ вопроса. Вопросъ впрочемъ самъ по себѣ — пустое хвастовство и фразерство.

— Ну, вѣтъ.... Однако что вы ему отвѣтили бы? настойчиво переспросилъ Кононовъ.

— Вѣрнѣе, промолчалъ бы. Отвѣта на такой вопросъ быть не можетъ. О чемъ говорилъ онъ, того быть не можетъ. Въ этомъ родѣ и ему отвѣчалъ бы.

— Д-да! протянулъ Кононовъ и тотчасъ быстро добавилъ:— А знаете что я хотѣлъ сказать ему? Сказать?

— Пожалуйста.

— Вотъ что. Я хотѣлъ сказать ему: мы съ вами разной вѣры, на двухъ не сходящихся берегахъ стоимъ. И между нами ничего общаго нѣтъ и быть не можетъ. Я ненавижу васъ, какъ вы ихъ называете, убѣжденія, какъ только можно ненавидѣть умомъ.... Да, Полѣновъ, вставилъ онъ, — умъ не меньше сердца способенъ ненавидѣть и разница та что умъ не прощаетъ. Никогда. Нельзя простить посягательства на цивилизацію, на исторію человѣческаго разума.... Да, сказалъ

бы ему, я васъ ненавижу, вы для меня хуже послѣдняго дикаря, послѣдняго идиота. У идиота опытный педагогъ можетъ развить до нѣкоторой степени умъ; самое дикое общество — зачатокъ цивилизаціи. Но вы ее-то и отвергаете, на разумъ посягаете. Съ вашей стороны: хаосъ, неурядица, анархія; съ нашей: строй, урядъ, законъ.... И извините за отступленіе, онъ, я знаю, усмѣхнулся бы и сказалъ: „дѣйствительно положительный законъ на вашей сторонѣ“. Онъ не захотѣлъ бы понять въ какомъ смыслѣ я употребилъ слово „законъ“, а можетъ-быть уже и не въ силахъ: война разуму объявлена..... И вотъ что я еще хотѣлъ сказать вамъ, Полѣновъ, именно вамъ лично. Мы во многомъ съ вами расходимся, очень во многомъ, и въ главномъ: въ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Не бойтесь, я не на споръ иду. Это дѣло свободной совѣсти. Но вы не хотите, именно не хотите понять суть философскаго міросозерцанія. По-вашему, вы по крайности не разъ, можетъ-быть въ жару спора, но вы не разъ высказывали что по-вашему пантеистъ ли, или матеріалистъ — одно и то же. Такъ знайте же: мнѣ матеріалистъ противнѣе самаго завзятаго ханжи. И по тѣмъ же причинамъ почему ненавижу... онъ искалъ слова и не нашелъ, и повторилъ, — почему ненавижу *тѣхъ*. Я пантеистъ, я признаю разумъ, я признаю строй и закономѣрность въ мірозданіи. А у матеріалистовъ, какъ и у *тѣхъ*, слѣпой случай, хаосъ, беззаконіе. Оттого-то *тѣ* часто бываютъ матеріалистами; по крайности, когда послѣдовательны. Да, это-то отверженіе разума и его законовъ и ненавистно моему уму..... Вотъ что мнѣ давно хотѣлось сказать вамъ, Полѣновъ.

Кононовъ говорилъ горячо и искренно. Казалось рождавшаяся мысль непосредственно одѣвалась словомъ; въ самомъ звукѣ голоса слышался трепетъ живорожденной мысли. Этой бесѣды не забылъ ни одинъ изъ пріятелей. Особенно памятна она Кононову. Въ тотъ вечеръ онъ долго не могъ успокоиться: пересказывалъ про себя что говорилъ Полѣнову, развивалъ и уяснял свою мысль. Мысль подмывалась бодримъ и крѣпкимъ чувствомъ, и сама питала и возбуждала его. То было чувство неразрывной связи со всѣмъ человѣческимъ, со всѣмъ что достойно такого имени. „Да, да, я чувствую эту связь, не разъ повторилъ онъ про себя, и она лучше, крѣпче и чище всякихъ кровныхъ и иныхъ связей“. Такова-то была новая выжитая имъ мысль. И ему думалось что съ этой во-

чи онъ переродился, сталъ инымъ человѣкомъ. Нѣтъ не инымъ, а просто человѣкомъ.

Полѣновъ съ этого вечера сталъ выше цѣнить Коконова; точно его умъ и способности явились ему вдругъ сосредоточенными въ фокусъ. Но въ то же время Полѣновъ почти сожалѣлъ что пріятель придаетъ слишкомъ серьезное значеніе мечтѣ того не заслуживающей.

На другой день Коконова какъ бы сдѣлалъ небольшое добавленіе къ разговору.

— Ахъ, да, сказалъ онъ, — я забылъ извиниться предъ вами. Дѣло было давно; можетъ-быть вы и забыли. И съ перваго взгляда оно покажется даже мелочью. Какъ-то мы говорили о религіозныхъ вопросахъ, и у меня сорвалось: „вы, Полѣновъ, вѣрите на всякій случай; авось молъ пригодится“.

— Ну, полноте.

— Нѣтъ, нѣтъ. Дайте мнѣ покаяться. Эта мальчишеская острота грѣхъ противъ разума. Я знаю, такіе приемы въ ходу и признаюсь: меня самого на нихъ во время оно поддѣвляли. Но внутри меня мучало это слово. Не улыбайтесь: у меня множество такихъ мелочей на памяти, и онѣ меня тормозить.... Впрочемъ это къ дѣлу нейдетъ; я хотѣлъ только извиниться предъ вами.

IV.

Полѣновъ высоко цѣнилъ умъ и способности Коконова, любилъ его какъ брата. Естественно, его заботило: что станетъ съ этими способностями, что выйдетъ изъ пріятеля? Спросить прямо Коконова о его планахъ онъ не рѣшался. Это значило вмѣшаться въ его самоличныя дѣла; „товарищество“ запрещало такіе допросы. Иное дѣло высказаться онъ самъ, но у Коконова о будущемъ точно и думушки не было.

Чѣмъ дальше тѣмъ больше мучала Полѣнова эта сердечная забота. Наступало время разлуки, надолго, можетъ навсегда. Полѣновъ, какъ ни крѣпился, началъ выспрашивать исподтишка, обиняками и намеками, но Коконова точно не понималъ шъ. На послѣднихъ Полѣновъ не выдержалъ и спросилъ на франки. „Была не была!“ подумалъ онъ.

— Извините, Коконова, заранѣе прошу извиненія за то что пишу. Знаю что собственно не имѣю права, но думаю —

можетъ-быть и ошибаюсь—что долженъ сказать вамъ то что на душѣ.

Конововъ нѣсколько насторожился при такомъ залутованномъ началѣ.

— Вы уже на третьемъ курсѣ... что вы намѣрены съ собой дѣлать по окончаніи курса?

— А! А я думалъ Богъ знаетъ о чемъ!

— Однако?

— А кто жь его знаетъ! Что-нибудь, полагаю, да буду дѣлать.

— Только что-нибудь? и ничего опредѣленнаго?

— Ничего. Вы сами же прозвали меня вольнымъ казакомъ.

— Но вѣдь надо же выбрать карьеру, опредѣлить себя къ чему-нибудь...

— А вотъ буду опредѣлять самого себя какъ вещь an und für sich, сострилъ Конововъ.—Чѣмъ не занятіе? Но шутки въ сторону. Я ничего не загадываю, да и причины къ тому не вижу. Отрицательно могу только сказать: въ чиновники не пойду. И вы знаете почему: слово Василю Васильичу дано, исполнить надо. Ба, кстати вспомнилъ: ничего выгорать не будетъ, къ нему на контору опредѣлюсь, благо предлагалъ. Онъ же, слышно, фабрику завелъ.

— Я не о томъ говорю чѣмъ вы жить будете, задумчиво проговорилъ Полѣновъ.— Это что-съ! А вотъ умъ, таланты, ихъ не растратьте....

— О, Боже! Мои таланты!

— Подвоте: вы человекъ самолюбивый, настойчивѣе, вслѣдствіе перерыва, началъ было Полѣновъ.

Конововъ вслыхнулъ.

— Кто вамъ сказалъ что я самолюбивъ?

— Свои глаза на то имѣю.

— Вы не совсѣмъ не правы, slokojnѣ заговорилъ Конововъ,—я дѣйствительно самолюбивъ; только самолюбіе мое не экспансивнаго, а интензивнаго свойства.

— Раскройте философскую скобку...

— Самолюбіе мое во мнѣ самомъ, какъ въ банкѣ, закупорено; я только предъ самимъ собой самолюбивъ. Высказывать свои способности, словомъ, дивить Европу—на это самолюбія нѣтъ.

— Прекрасно-съ. Только вѣдь надо же и такому самолюбію удовлетвореніе.

— Ему есть лица: разумное развитіе личности, своего Я...

— Но...

— Позвольте. Я живу и тружусь, буду жить и буду трудиться только ради этого развитія. И мнѣ все равно чѣмъ я другимъ буду казаться, хотя ничѣмъ. За одно ручаюсь: фокусника изъ меня не выйдетъ....

— Крайности, крайности-съ! Ужъ будто только и можно что ничевушкой, либо фокусникомъ быть. Можно и не желать не только Европу, никого не дивить, и въ то же время значить что-нибудь въ жизни....

— Да, въ своей собственной, въ личной жизни.

— Не пустынною же вы сѣщаетесь? Вѣдь пустынною-то отмаливаться отъ самолюбія требуется, помните! И выхлѣбать-съ, какъ ни кивайте, все безъ людей не прожить, а среди людей, чтобъ покойно было, надо занять опредѣленное положеніе. И напрасно вы думаете что если вы самолюбивы только предъ собой, то ужъ вамъ все равно такъ или иначе о васъ другіе судить будутъ. Пусть внутри самолюбіе и удовлетворено будетъ, а все жъ вѣтъ, вѣтъ.... Постоите, постоите, не перебивайте.... „Плевать-моль на нихъ!“ это вы сказать хотите? Прекрасно-съ, приговоръ сѣлакъ, но какой? Слѣдствие его—разладъ, а гдѣ разладъ....

— Не понимаю, къ чему вы все это и говорите, сухо перебилъ Кононовъ.

Полѣновъ не замѣтилъ ни сухости тона, ни раздраженія на лицѣ пріятели, и продолжалъ съ прежнею горячностью.

— Къ тому и говорю чтобы доказать что кромѣ вашей внутренней задачи, кромѣ свободнаго развитія свободнаго Я, какъ вы однажды прекрасно выразились.... Не думайте, я не говорю противъ нея, ничуть; я понимаю, цѣлью вашу задачу.... Но видите, кромѣ этого нужна внѣшняя цѣль, дѣло, занятіе, какъ угодно назовите, и дѣло житейское, практическое.... Словомъ, какъ говорится, опредѣлить себя къ чему-нибудь надо.... Я не умю точно выразить, ну да вы понимаете.... И мало сказать „надо“, вѣтъ, вы должны, вы обязаны.... А иначе, Кононовъ....

— Иначе?

Сухость тона перешла теперь во враждебную раздраженность, готовую прорваться, но Полѣновъ слѣшилъ досказать свою мысль и не замѣтилъ такого перехода.

— А иначе.... иначе, какъ я уже говорилъ, произойдетъ

разладъ, и мучительный разладъ. Вы важивете себѣ мученія, и чѣмъ больше ихъ будете скрывать, тѣмъ....

— Эхъ, Полѣновъ, не ваша забота чужихъ дѣтей качать, сказалъ Кононовъ и невольно отвернулся отъ пріятеля, точно такимъ движеніемъ думалъ задержать прорвавшееся чувство.

У Полѣнова, какъ говорится, руки опустились.

— Ну да; такъ оно и есть. Такъ я и думалъ. Оттого-то и извинился заранѣе.

Онъ проговорилъ это съ такимъ необычайно искреннимъ и наивнымъ простодушіемъ что раздраженіе Кононова мигомъ пропало. Онъ взглянулъ на растерянное лицо пріятеля и невольно улыбнулся. Полѣнову было не до того чтобы замѣтить дружескую улыбку.

— Да, да, лепеталъ онъ столь же искренно, но теперь въ тонѣ, кромѣ того, слышалась оскорбленная сердечность,—я зналъ это. Но чтѣ жъ дѣлать? Мнѣ казалось, я долженъ.... Я не имѣю права, но я.... я полюбилъ васъ какъ брата....

Полѣновъ не могъ продолжать, и взволнованный взглянулъ на Кононова: тотъ улыбался ему. Оба протянули другъ другу руку.

— Нѣтъ, не вы виноваты, а я, началъ Кононовъ.—Вы правы, и имѣли право, и ваша заботливость ни мало меня не обижаетъ, напротивъ.... Только... Ахъ, Полѣновъ, еслибы вы знали какое больное мѣсто разбередили.... Знаю, вы безъ умысла, не нарочно... Видите, во мнѣ есть — не знаю, природный ли это недостатокъ, или воспитаніе виновато, или я самъ виною — только есть во мнѣ задатокъ несчастія, именно внутренняго, душевнаго несчастія.... На меня находить порой такая тоска; я чувствую тогда: мнѣ чего-то не достаетъ; не то чтобы не доставало того чтѣ можно имѣть въ будущемъ, чего хочется; нѣтъ, не достаетъ того чего у меня нѣтъ и быть не можетъ, но безъ чего жизнь все-таки будетъ не въ жизнь.... Я, видите, путаюсь, не могу, боюсь опредѣлить.... Мысль сторонится какъ наткнется на это мѣсто, а вы.... вы именно его кольнули.... Но оставимъ, бросимъ это. мнѣ непріятно.... А затѣмъ, затѣмъ вы правы, и спасибо вамъ. и я подумую о чемъ вы говорили, и.. и, слава Богу, мы разстанемся друзьями.

Друзьями они и разстались. Полѣновъ недоумѣвалъ почему Кононовъ сказалъ „слава Богу“ и чтѣ грозило ихъ дружбѣ, но онъ не счелъ удобнымъ допытываться о причинахъ

Конововъ все боялся испытаннаго имъ чувства отчужденности. Пусть тепло и сердечно будетъ воспоминаніе о Полѣновѣ!

По отъѣздѣ пріятеля, Коновову стало не по себѣ на старой квартирѣ. И комната точно не такъ свѣтла, и хозяйка не такъ внимательна, и прислуга не такъ услужлива. Придетъ ли вечеромъ домой, ноги сами собой направляются къ знакомой двери, уже складываются слова, а въ поговорить-то не съ кѣмъ, за знакомою дверью незнакомый жилецъ. „Да, славный онъ человекъ, и хоть мы и разошлись бы по разнымъ дорогамъ, онъ вправо, я.... (Конововъ не договаривалъ, но чувствовалъ: его дорога не влѣво отъ пріятелевой, а выше, но этого слова онъ не хотѣлъ, боялся выговорить)... но все же мы остались бы добрыми сосѣдями: вѣдь мы одинаково разумѣли свободу.

Такъ ли иначе ли, только Конововъ не остался на старой квартирѣ. Другаго Полѣнова сыскать было нельзя; требовалось найти подходящаго хозяина. Таковой представилась самъ въ лицѣ Семена Ивановича Худышкина, по призванію (въ чемъ г. Худышкинъ ни мало не сомнѣвался) художника, по складу жизни (что г. Худышкинъ всемирно отрицалъ) пьяницы довольно горькаго. Сей господинъ Худышкинъ былъ единственный человекъ съ кѣмъ Конововъ былъ на ты. Какъ это случилось, Петръ Андреичъ самъ не помнилъ: только вылила они брудершафтъ, и съ тѣхъ поръ Худышкинъ ни разу не сказалъ ему *мы*, чѣмъ и его приучилъ говорить себѣ *ты*. Впервые же съ господиномъ Худышкинымъ онъ встрѣтился у благодѣтеля, куда будущій великій художникъ явился въ двуличневомъ пиджачкѣ и съ кудластыми длинными волосами. Благодѣтель былъ пріятелемъ его отца, кулца довольно богатаго.

— Что тятенькины денежки пріѣхалъ мотать? небрежно-дружески спросилъ благодѣтель.

— Смѣйтесь, ни мало не смутясь отвѣчалъ господинъ Худышкинъ,—а вотъ какъ я прославлюсь да сдѣлаюсь знаменитымъ художникомъ, сами тысячи за мои картины платить будутъ.

— Ну, ладно, будемъ ли, вѣтъ, старуха на двое сказала. А не лучше бы тебѣ фантазій-то бросить да дѣломъ заняться?

— Такъ искусство по вашему вздоръ? спросилъ господинъ Худышкинъ да и пошелъ качать. Онъ и голову назадъ откинулъ, и глаза у него загорѣлись. Элитеты „великій и святой“

посылались изъ его устъ какъ соль изъ рукава сказачаго солдата, продававшаго бабамъ ложку-самосолку.

Кононовъ думалъ: оборветъ молъ его благодѣтель. Ничуть не бывало: благодѣтель слушалъ внимательно и хотя порывался мысленно сказать: „вздоръ молъ все, складно только вретъ“, однако заказалъ господину Худышкину портретъ съ роковой веснушчатой дочери. Солдатъ сумѣлъ продать ложку.

Господинъ Худышкинъ, послѣ ссоры Коконова съ благодѣтелемъ, встрѣтивъ однажды господина студента, навязался къ нему и потомъ сталъ захаживать. „Нашему брату художнику не дурно порой около умныхъ людей повертѣться“, рѣшилъ онъ. Человѣкъ вообще не застычивый, Семень Иванычъ просто перетащилъ къ себѣ Коконова.

— Чего тебѣ здѣсь оставаться? Переѣзжай ко мнѣ: и покойнѣе будетъ, и столъ у меня почти семейный.

Нарѣчїе „почти“ означало что господинъ Худышкинъ хотя и не женатъ, но обзавелся Форнариной. Но я до времени распространился о художникѣ; не самъ по себѣ, но такъ-сказать косвенно онъ занималъ мѣсто въ воспоминанїи Коконова, о чемъ пойдетъ рѣчь.

Семень Иванычъ не прекращалъ знакомства съ откупщикомъ, хотя навѣщалъ его рѣже и злобился на него за непризнанїе своего таланта, собственно за не локулку произведенїй своей гениальной кисти. Однажды — Коконовъ былъ уже на четвертомъ курсѣ — господинъ Худышкинъ возвратился разстроенный и даже блѣдноватый, и объявилъ своему жильцу что благодѣтель волею Божіею помре скоропостижго, отъ удара.

— Обожрался, должно-быть, рѣзко сказалъ Коконовъ.

То всплеснула старая привычка судить благодѣтеля на известный салтыкъ. Худышкинъ съ укоромъ глянулъ на него.

„Все-таки я много обязанъ ему“, послѣдшилъ Коконовъ замять внутри себя неприятное чувство, вызванное укоряющимъ взглядомъ художника. Суть невольнаго восклицанїя отъ того не измѣнилась.

— Ты, конечно, пойдешь на похороны, сказалъ художникъ еще наканунѣ начавшїй собираться на это торжество.

— Зачѣмъ я пойду туда? съ неудовольствїемъ замѣтилъ Коконовъ:— да и не люблю я похороны: наберется народу....

— Ну, на выносъ въ церковь ты все-таки пойдешь же.

— Нѣтъ. Не зачѣмъ.

— Какъ же... Все же онъ тебѣ... И олатъ вы въ спорѣ были... Ну, помириться, поклониться его праху, ну...

Семенъ Ивановичъ не кончалъ. Странно ему казалось что такой умный человѣкъ и такой простой вещи не понимаетъ. „Это всякій мужикъ пойметъ зачѣмъ“, подумалъ онъ. У Худышкина, мимоходомъ сказать, было довольно такикъ непосредственныхъ, влическихъ движеній. Конововъ смутился за итчанію Худышкина и рѣшилъ было пойти, однако передумалъ. „И что я буду тамъ дѣлать! Еще узнаетъ меня кто-нибудь, и пойдетъ шушукать!“ И рой мелочныхъ непріятныхъ воспоминаній обѣлилъ его. Какъ ни непріятны были воспоминанія, онъ не гналъ ихъ. Онъ смутно чувствовалъ: они отдаляютъ и заслоняютъ вѣчто болѣе непріятное и тяжелое. Онъ не допытывался въ чемъ именно состоитъ это болѣе непріятное. То былъ лорывъ сердца, безсознательно имъ загубленный; лорывъ къ примиренію и прощенію въ виду свѣжей, еще не закиданной могилы. Непрѣтное заключалось бы въ борьбѣ этого сердечнаго лорыва съ укоренившимся сужденіемъ о благодѣтелѣ.

Черезъ извѣстное время, при посредствѣ неизбѣжнаго господина Худышкина, Конововъ былъ приглашенъ къ душеприкащику покойнаго. „Вѣрно откупиться за обиду хочеть“, думалъ онъ дорогой, „завѣщаль тыщенку, другую. Не бойся, не подкупилъ. И десяти не возьму.“ Точно благодѣтель былъ живъ и онъ могъ спорить съ нимъ! Вовсе не то оказалось чего ждалъ Конововъ. Душеприкащикъ обратилъ вниманіе молодого человѣка на одинъ изъ послѣднихъ пунктовъ завѣщанія. Въ немъ стояло: „Также завѣщаю и моимъ душеприкащикамъ исполню въ священнѣйшую обязанность равнѣ исполненія сего духовнаго моего завѣщанія выдать такую-то сумму студенту Петербургскаго университета Петру Андрееву Коновову, кои деньги взяты мною займообразно на честное слово у отца его, бывшаго имрецкаго кулца Андреа Петрова Коновова.“

Конововъ вышелъ ошеломленный. Не фактъ полученія суммы, для него весьма значительной, ошеломилъ его; онъ даже не думалъ о деньгахъ. Отношенія покойнаго къ отцу, дѣду, къ нему самому, явились въ новомъ свѣтѣ и возмущали молодого человѣка.

„Онъ приберегалъ, приберегалъ эти деньги, отцовскія, мои деньги! думалъ онъ на возвратномъ пути,—а для чего? Чтобы

покичиться, поломаться надъ нами. Отецъ—а вспомнилась ему опять грустная сцена ранняго дѣтства, и слезы, и давившее горло слово—отецъ умеръ въ бѣдности, въ горѣ. Да, да, теперь я какъ будто приливаю, кто-то мнѣ говорилъ что отецъ съ тоски запылъ, оттого и умеръ.... А эти, его деньги могли спасти его!.. И дѣдъ—опять пришло воспоминаше какъ унижался старикъ предъ откущникомъ и его трехаршинными нагледами.—О, теперь я понимаю на что намекалъ Василій Васильичъ: „можь, можеть, и узнаешь каково было легко дѣду къ нему идти“. И онъ все время корчилъ благодѣтеля и считалъ себя въ правѣ всячески оскорблять меня и выгнать изъ дому. И новыя личныя воспоминашя хлынули мутнымъ потокомъ. То „знание“ благодѣтеля до чего давно уже дошелъ Конововъ теперь укрѣдилось и точно подтвердилось вновь открытыми фактами. Такимъ обытомъ не рѣдко укореняются самыя грубыя ошибки, и ошибочныя заключенія все подтверждаются новыми и новыми фактами. Но Богъ съ нею, съ этой ошибкой: грустяще что застылъ на первомъ шагу примирительный порывъ сердца, и ничѣмъ уже не могла исправиться ошибка сужденія.

Въ дѣйствительности же обстоятельства этого дѣла были таковы. Благодѣтель не отдалъ денегъ вовремя, потому: са- мому круто приходилось, а своя рубашка ближе къ тѣлу. Отдай онъ въ тѣ поры деньга, самъ въ банкроты попалъ бы. Можно бы, конечно, дѣду отдать.... Но, первое, денегъ лиш- нихъ не случилось, и хотя благодѣтель и честнымъ кулцомъ себя понималъ, безъ нужды деньги выпускать не любитъ. „Все равно вмѣсто процентовъ сына воспитаю, а долгъ мена на душѣ“, рѣшилъ онъ. Воспитаніе, конечно, дешева многолѣтнихъ процентовъ обошлось, но вѣдь деньги не в проценты брамы были, и благодѣтель, въ свою очередь, слу- чалось, ссужалъ Андрея Петровича деньжонками. А чтобы в совѣсти у него долгъ не лежалъ, того не было. Завѣщаніе было писано за нѣсколько лѣтъ до ссоры съ Петромъ Коно- новымъ, тотчасъ по полученіи извѣстія о смерти дѣда, и бла- годѣтелю ни вотъ-ни, ни разу и въ голову не пришло лишать его отцовскихъ денегъ.

V.

Какъ бы то ни было, Конововъ оказался обладателемъ двухтысячнаго годоваго дохода. Когда онъ вдумался въ это обстоятельство, радостное чувство полной внѣшней независимости охватило его. Онъ, конечно, могъ бы прожить трудомъ, но знать что можешь по произволу располагать временемъ, заниматься чѣмъ угодно!... Теперь нечего думать о „выборѣ профессіи“, объ „опредѣленіи себя къ дѣлу“, о чемъ толковалъ Полѣвовъ. По его словамъ, чтобы удобно жилось межъ людьми, надо занять опредѣленное положеніе. Что жъ! оно есть теперь, это положеніе. „Кто онъ такой?“ На сей вопросъ отвѣтъ готовъ: „человѣкъ если не съ капиталомъ, все же съ капиталцемъ“. Онъ теперь въ нѣкоторомъ смыслѣ *gentier*, или, какъ говорится, „живетъ въ свое удовольствіе“.

Конововъ понималъ что „опредѣленное положеніе“ по Полѣвову значило не совсѣмъ то. Его требовалось занять въ сферѣ болѣе высокой, гдѣ цвѣтятся внутренній человѣкъ. Но то ужъ благо что нечего слѣзнуть опредѣлять себя въ этомъ значеніи и ради этого не зачѣмъ насиловать свою личность. Пусть личность разовьется опредѣлительнѣе, и тогда свободное Я свободно излюбитъ какое-нибудь дѣло. Къ воспоминаемъ объ этомъ пунктѣ присоединялось нѣчто. Именно, Конововъ позже убѣдился въ слѣдующемъ: кромѣ де всякихъ соображеній, радостное чувство независимости поддерживалось въ то время не яснымъ, еще слѣпымъ сознаниемъ что съ полученіемъ наслѣдства устранилась, или откладывалась въ долгій, въ очень долгій, чуть не безконечный, ящикъ забота о тѣхъ задаткахъ душевнаго несчастія въ чемъ съ такою откровенностью онъ сознался Полѣвову.

На этомъ мы оставимъ воспоминанія Петра Андреича. Мы прокинемъ около двухъ лѣтъ, не потому чтобы за это время нечего было ему вспоминать, а по той причинѣ что важнѣйшія изъ оныхъ воспоминаній пришлось бы намъ самимъ въ теченіи разказа припоминать и такимъ образомъ неволью повторяться.

Итакъ прологъ конченъ, и я могу приступить къ самой повѣсти. Начаться же этой „трудной“ повѣсти по возможности съ самаго будничнаго, самаго зауряднаго дня.

(Продолж. слѣд.)

Д. АВЕРКІЕВЪ.

ОТДѢЛЪ ИСКУССТВЪ

НА

ВЪНСКОЙ ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКѢ

Живопись въ Германіи. *

I.

Ни одинъ родъ живописи не пользуется въ наше время такою всеобщою любовью какъ *жанръ*. Причина этого заключается въ томъ что жанръ несравненно ближе къ намъ, чѣмъ, напримѣръ, историческая живопись или пейзажъ, такъ какъ онъ преимущественно имѣетъ дѣло съ человѣкомъ въ его самой интимной, вседневной, домашней обстановкѣ. Онъ обнимаетъ всю жизнь человѣка отъ колыбели и до могилы, послѣдовательно проходя всѣ фазы его физическаго и нравственнаго развитія. Жанристъ полуперемѣнно показываетъ намъ первыя слезы и первую улыбку ребенка, нѣжныя заботы о немъ и ласки матери, слѣдить за нимъ когда онъ начинаетъ ходить, участвовать съ нимъ въ дѣтскихъ играхъ, присутствовать при его урокахъ въ школѣ и дома. Вотъ урокъ оконченъ, учитель даетъ дѣтямъ свободу и они веселою гурьбою стремятся изъ училища. Смѣхъ, бѣганье, толчки, крики, подчасъ горячая схватка, и опять смѣхъ и забавы. Сколько

* См. *Руск. Вѣст.* 1878 года № 12.

беззаботной веселости, наивности, оживленія, дѣтской граціи или въ сценахъ заимствованныхъ изъ нѣжнаго возраста. Но юная пора прошла. Мальчикъ дѣлается юношею и затѣмъ молодымъ человѣкомъ, маленькая дѣвочка превращается въ девушку, изъ ребенка становится женщиною. Жанровый живописецъ тутъ какъ тутъ. Онъ подмѣчаетъ зарожденіе взаимнаго чувства между молодыми людьми, даетъ намъ возможность присутствовать невидимкою при ихъ первыхъ робкихъ пожатіяхъ руки, при ихъ мимолетныхъ поцѣлуяхъ, при ихъ тайныхъ любовныхъ свиданіяхъ. Молодые люди дѣлаются мужемъ и женою. Увы, поэзія любви и радости жизни длятся не долго. Лѣта бѣгутъ, съ ними являются заботы, домашнія тревоги, семейныя неудовольствія, жизненныя неудачи, горести, смерть близкихъ сердцу, старость съ ея болѣзнями и огорченіями. Глядишь, и человѣкъ уже стоитъ на краю могилы. Живописецъ поведетъ насъ на его похороны, покажетъ намъ всю грустную картину послѣдняго прощанья, и обитый трауромъ гробъ, и телящіяся вокругъ большія свѣчи, и рыдающую подлѣ семьию. На все отзывается чуткая душа живописца жанра. Радость и горе, смѣхъ и слезы, комическое и печальное, богатство и бѣдность, красота и уродство,— онъ ни отъ чего не отворачивается, ничего не считаетъ ниже себя. Перечислить даже наиболѣе любимыя сюжеты жанра невозможно: они многоразличны какъ жизнь въ ея безконечно-разнообразныхъ проявленіяхъ. Но область жанриста не ограничивается человѣкомъ. Онъ долженъ уметь передавать всю обстановку человѣка, малѣйшія подробности одежды до послѣдней пуговки, меблировку комнаты гдѣ онъ живетъ, животныя которыми онъ любитъ окружать себя, поле или лѣсъ гдѣ онъ работаетъ, садъ гдѣ онъ гуляетъ, однимъ словомъ, весь міръ окружающій людей въ ихъ вседневной жизни. Здѣсь сопряженіе жанра съ пейзажемъ и съ живописью животныхъ, а также съ живописью такъ-называемой мертвой природы. Изъ этого очерка предметовъ входящихъ въ кругъ жанровой живописи можно уже видѣть что задача ея чрезвычайно широка и вполнѣ достойна самаго серьезнаго художника. Поэтому жанръ вовсе не составляетъ какого-нибудь второстепеннаго рода живописи, какъ полагаютъ нѣкоторые, и со стороны художника требуетъ, кромѣ разнообразнаго технического таланта, еще бездну наблюдательности и остроумія, много души и теллаго чувства.

Германія есть та страна гдѣ жанровая живопись въ наши дни получила наибольшее свое развитіе, и извѣстный дессельдорфскій художникъ, неподражаемый Лудвигъ Кнаусъ, смѣло можетъ быть поставленъ во главѣ не только нѣмецкихъ, но и всѣхъ вообще современныхъ европейскихъ знаменитостей по части жанра.

Кнаусъ представилъ на выставку шесть картинъ, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ три безспорно принадлежатъ къ первокласснымъ, образцовымъ произведеніямъ. Мы прежде имѣли уже случай довольно подробно говорить на страницахъ *Русскаго Вѣстника* и о прелестной его картинѣ бывшей на Мюнхенской международной выставкѣ: *Какъ поютъ старыя, такъ щебечатъ молодыя*, и о его проникнутыхъ глубокимъ чувствомъ *Деревенскихъ Похоронахъ*. Къ этимъ двумъ капитальнымъ вещамъ присоединялись на всемирной выставкѣ небольшія картины меньшей важности *Маленькій Мародеръ*, *Братецъ и Сестрица* и *Дѣвочка съ грифельною доской*, да кромѣ того положительно превосходящее изъ твореній Кнауса *Совѣщаніе крестьянъ въ Шварцвальдѣ*.

Насколько его картина *Какъ поютъ старыя* производитъ на зрителя веселое впечатлѣніе необыкновенно тонкимъ юморомъ, состоящимъ въ томъ что дѣти разныхъ возрастовъ на своей дѣтской лирушкѣ, обезьяничаютъ самымъ умозрительнымъ образомъ, подражая во всемъ взрослымъ поддѣлываясь подъ ихъ приемы и манеры, настолько, въ противъ, чѣмъ-то глубоко серіознымъ и печальнымъ вѣетъ отъ его *Деревенскихъ Похоронъ*. Тутъ каждая отдѣльная фигура представляетъ строго законченное цѣлое, каждая выражаетъ именно то что ей слѣдуетъ выражать по условіямъ положенія, но какъ въ хоромъ оркестрѣ всѣ инструментъ несмотря на различіе звуковъ, стройно сливаются въ общую гармонию, такъ точно здѣсь все это разнообразіе выраженныхъ характеровъ, чувствъ и впечатлѣній, съ такою изумительною мѣткостью передаются художникомъ на лицахъ собравшагося на похороны народа, соединяется въ одинъ невыразимо грустный полный слезъ и хватающій за сердце аккордъ. Естественность и правда выраженія, бездна наблюдательности, психологическая вѣрность въ обрисовкѣ характеровъ, тонкій нелюдимый юморъ замѣтный въ нѣкоторыхъ фагурахъ, и не только мало не мѣшающій, а даже еще какъ бы усиливающій члзльное значеніе цѣлаго, наконецъ мастерство исполненія,

медленное до совершенства, все это вмѣстѣ дѣлаетъ *Деревенскіе Похороны* Кнауса явленіемъ далеко выходящимъ изъ обыкновеннаго уровня, почти гениальнымъ. Нѣкоторыя лица и фигуры въ *Похоронахъ* могутъ быть названы безусловно прекрасными. Такъ между прочимъ въ высшей степени типиченъ старый крестьянинъ, —отецъ, или можетъ-быть дѣдъ умершаго ребенка, медленно, невѣрными, старческими шагами сходящій съ лѣстницы, впереди гробика, придерживаясь рукою о стѣну. Безлободна также грулла дѣтей, которая, переступая отъ холода съ ноги на ногу, по командѣ школьнаго учителя, машинально поютъ похоронную молитву.

Неподражаемое искусство Кнауса въ изображеніи дѣтскихъ типовъ и умѣнье его тонко подмѣтить и нѣсколькими мастерскими чертами дать понять зрителю ихъ нравъ и господствующія наклонности чрезвычайно рельефно выразились въ трехъ небольшихъ картинахъ художника. Особенно намъ понравился его *Маленькій Мародеръ*, изображающій тиль мальчика-нищяго, только-что станувшаго гдѣ-то рѣпу которая у него въ рукахъ. Сколько наивнаго, даже глупелькаго торжества, чисто дѣтскаго баквальства и шаловливой удали въ смѣлыхъ глазахъ этого отаично написаннаго маленькаго оборванца! У кого доставитъ духу серьезно разсердиться на него за его мародерскій подвигъ, такъ баистательно увѣнчавшійся похищеніемъ рѣпы у какой-нибудь некстати зазѣвавшейся торговки?

Но самое высокое произведеніе Кнауса на выставкѣ это, какъ мы уже сказали, его *Сопищаніе шварцвальдскихъ крестьянъ*. Сюжетъ картины ясенъ изъ самаго названія. Дѣло, повидимому, идетъ о чемъ-то очень важномъ, о нарушеніи какихъ-нибудь старинныхъ правъ и привилегій общины, можетъ-быть о захватѣ земли или о претензіи сосѣда на принадлежащую крестьянамъ собственность. И вотъ въ небольшой комнатѣ собралось вокругъ стола шестеро наиболѣе влиятельныхъ крестьянъ деревни. На столѣ разложены акты и шкелѣвшіе отъ времени документы съ большими висячими лѣтями. Направо,—видный только въ профиль,—стоитъ опершись лѣвою рукою на столъ старый дока, деревенскій адвокатъ, или что-то въ этомъ родѣ, докладывающій членамъ собранія положеніе дѣла. Онъ имѣетъ видъ порядочнаго крючка, но всѣ присутствующіе, кажется, безусловно вѣрятъ въ его знаніе и долготѣнную опытность. Это небольшой согнувшійся оидой человечекъ, въ темномъ швабскомъ

сюртукѣ, въ бѣлыхъ шерстяныхъ чулкахъ на тоненькихъ ножкахъ, съ сухимъ, костлявымъ, но умнымъ лицомъ. Кругомъ стола засѣдаютъ представители деревни въ своемъ національномъ костюмѣ, состоящемъ изъ красной суконной фуфайки безъ рукавовъ, узкихъ темныхъ ланталовъ и рубахъ, украшенныхъ большими брыжами. Прямо противъ докладчика помѣщается предсѣдатель. Онъ молча, внимательно слушаетъ докладъ, покуривая свою коротенькую трубку, и мысленно взвѣсивая и обдумывая каждое слово. Весьма серьезно и умно относится къ дѣлу и другой членъ собранія, сидящій налѣво и съ неподражаемымъ выраженіемъ въ губахъ, сосущій свою трубку. Въ противоположность имъ третій гораздо болѣе занятъ закуриваніемъ трубки чѣмъ предметомъ о которомъ идетъ рѣчь на совѣщаніи. Остальные два крестьянина не менѣе типичны и отчеканены съ такимъ совершенствомъ что кажутся живыми людьми готовыми заговорить. Особенно хорошъ послѣдній изъ нихъ. Онъ очевидно немножко тулоголовъ, да къ тому же еще придерживается и чарочки. Ему многое кажется непонятнымъ изъ того что онъ слышитъ и онъ какъ будто хочетъ просить объясненія, но на него никто не обращаетъ вниманія. Невозможно въ короткихъ словахъ передать всѣхъ достоинствъ этой прекрасной картины. Въ ней каждая черта, каждый мазокъ кисти обличаетъ гениальнаго художника. Вся сцена прямо, цѣлкомъ выхвачена изъ жизни и неподражаема по своей естественности и правдѣ. Даже курица съ только-что выведенными крошечными цыплятами, которая ни мало не смущаясь тѣмъ что вокругъ нея происходитъ, важно рассказываетъ по комнатѣ,—въ своемъ родѣ совершенство. Известно что Кнаусъ обладаетъ большимъ искусствомъ изображать домашнихъ животныхъ и птицъ. Собаки и кошки у него всегда типичны и характерны не менѣе людей. Мягкій, теплый солнечный свѣтъ, врываясь черезъ низкое окно налѣво, сообщаетъ всей композиціи чрезвычайно гармонической тонъ, получающій еще новую оригинальную прелесть отъ чуть примѣтнаго голубоватаго облачка табачнаго дыма стоящаго въ воздухѣ надъ головами собравшихся на совѣщаніе. Въ этомъ первоклассномъ произведеніи рисунокъ, композиція, колоритъ, выраженіе лицъ—все удивительно, превосходно. Такой силы и такого совершенства кажется еще никогда не достигалъ знаменитый художникъ въ своихъ прежнихъ произведеніяхъ. Картина ли-

сама на деревѣ, что составляетъ большую рѣдкость въ наше время. Замѣчательно что она очень не долго оставалась на рукахъ у Кнауса и, несмотря на свои небольшие сравнительно размѣры (фигуры почти въ треть натуральной величины), уже куплена однимъ берлинскимъ художественнымъ магазиномъ за огромную сумму—25.000 талеровъ. Мы чуть было не забыли прибавить что произведение Кнауса къ числу другихъ своихъ достоинствъ присоединяетъ еще и достоинство національности, такъ какъ написанные имъ крестьяне все вѣрные національные типы, настоящее олицетвореніе мелодатаиваго на уступки, подчасъ нѣсколько тулаго и въ высшей степени упрямго, но добродушнаго и честнаго швабскаго поселавина.

Въ дѣлѣ нѣмецкаго жанра непосредственно за Кнаусомъ слѣдуетъ другой знаменитый дюссельдорфскій художникъ Вотье. По строгости рисунка и по наблюдательности овъ почти не уступитъ самому Кнаусу: композиція его въ такой же мѣрѣ глубоко обдуманна, типы схвачены иногда съ такою же изумительною правдой, но ему не достаетъ того изящества кисти и той прелести колорита которыя составляютъ чарующую сторону произведеній Кнауса. На выставкѣ, кромѣ извѣстнаго его *Деревенскаго Танцовальнаго Училища*, обращала на себя всеобщее вниманіе превосходная его картина *Похороны въ деревнѣ*, которая достойно соперничаетъ съ *Похоронами* Кнауса не только сходствомъ сюжета и поразительною тождественностью композиціи, но и выразительностью и художественнымъ своимъ значеніемъ, преимущественно же глубоко прочувствованнымъ выраженіемъ лицъ и замѣчательною силой общаго эффекта. Оба художника, каждый по-своему, старались прослѣдить въ своихъ картинахъ всевозможные оттѣнки впечатлѣнія производимаго присутствіемъ смерти на разнаго пола и возраста людей собравшихся проводить покойника, и оба выказали почти въ одинаковой степени знаніе человѣческаго сердца. Если говорить собственно о концепціи обоихъ произведеній, то право даже трудно сказать которое изъ нихъ лучше, но Кнаусъ беретъ верхъ мастерствомъ исполненія и живенностью колорита. Двѣ остальные картины Вотье, *Консультація съ адвокатомъ* и *У постели больной*, хотя также очень хороши, каждая въ своемъ родѣ, но, по нашему мнѣнію, во многомъ уступаютъ *Похоронамъ*. *Консультація у адвоката* состоитъ всего изъ нѣсколькихъ лицъ: крестьянина, съ необыкновенною живостью и, какъ

кажется, съ бесполезнымъ многоглаголаніемъ излагающаго адвокату свой процессъ, и самого адвоката, который съ серіозною миной, не лишенною извѣстной доли лукавства, держа въ зубахъ перо, слушаетъ своего клиента, какъ говорится, только однимъ ухомъ, а между тѣмъ весь погруженъ въ чтеніе разныхъ документовъ, спосособныхъ, безъ сомнѣнія, гораздо лучше посвятить его въ суть дѣла чѣмъ плодовитая рѣчь раз'ѣщика. Наконецъ послѣдняя картина представляетъ лежащую на постели блѣдную и исхудавшую больную женщину, возлѣ которой сидитъ ея мужъ, еще довольно молодой человѣкъ, держа на рукахъ беззаботно уснувшее дитя. Жена тихо взяла за руку мужа и смотритъ на него съ грустью и любовью, тѣмъ сосредоточеннымъ и серіознымъ взглядомъ какимъ иногда глядятъ больные на близкихъ имъ людей. Первая картина выше и по болѣе удачной характеристикѣ лицъ—особенно удивительно типиченъ адвокатъ—и по колориту. Въ картинѣ *У постели больной* есть свои прекрасныя частности, такъ напримѣръ спящее дитя предельно по своей естественности и граціи, но за то выраженіе лица у мужа мало соответствуетъ идеѣ картины: на этомъ лицѣ не видно ни особеннаго горя, ни любви, а только озабоченность. Такое выраженіе скорѣе идетъ доктору наблюдающему ходъ болѣзни, нежели любящему мужу которому грозитъ опасность потерять жену.

Близко подходит къ Вотье по манеру и по колориту, хотя несравненно однообразнѣе его въ выборѣ сюжетовъ, престарѣлый дюссельдорфскій профессоръ Рудольфъ Горданъ. Специальность его составляетъ изображеніе рыбаковъ и людинавъ побережья Нѣмецкаго Моря. Горданъ хорошо изучилъ бытъ и привычки этихъ безстрашныхъ людей и умѣетъ переносить на полотно ихъ закрубѣлыя отъ морскаго вѣтра лица съ поразительною правдой. Онъ представилъ на выставкѣ одну только картину: *Домъ для престарѣлыхъ морскихъ инвалидовъ*, но она даетъ о его талантѣ и направленіи довольно полное понятіе. Какою искренностію и неподдѣльною добротой дышетъ лицо стараго моряка встрѣчающаго пришедшихъ провѣдать его родныхъ. Какъ хороши и натуральны дѣти подносяція дѣду свои грошовые подарки. Вообще все эти добродушные старички-инвалиды, мирно доживающіе свой вѣкъ послѣ суровой и тяжкой службы, типичны и характерны какъ нельзя больше.

Къ числу извѣстнѣйшихъ дюссельдорфскихъ жанристовъ принадлежатъ также Ламъ и Салентинъ.

Оба художника имѣютъ репутацію превосходныхъ рисовальщиковъ и отличаются искусствомъ вѣрно схватить характеристику дѣйствующихъ въ картинѣ лицъ, придать имъ жизнь настоящихъ живыхъ существъ и осмысленно сконланованнымъ сюжетомъ заинтересовать зрителя и заставить его задуматься надъ картиной или подчасъ вызвать его улыбку самымъ добродушнымъ юморомъ. Оба они почти въ одинаковой степени обладаютъ способностью превосходно писать дѣтей, которыхъ нравы, привычки, забавы, безыскусственную грацію и шаловливую веселость, а иногда и калризы, они передаютъ такъ хорошо какъ только можно желать. Изъ трехъ выставленныхъ Лашемъ картинъ лучше слѣдуетъ признать *Поздравленіе съ днемъ рожденія стараго школьнаго учителя*, которая написана дѣтъ семь или восемь тому назадъ и давно извѣстна многимъ по фотографіямъ. Ничто не можетъ сравниться съ выраженіемъ добродушнаго умиленія, такими яркими чертами сіяющаго на лицѣ школьнаго учителя при видѣ мнѣхъ дѣтей которыя являются поздравить его со днемъ рожденія, принося ему свои посильные подарки, кто букетъ, кто табакъ, а одна дѣвочка съ гордостію тащить въ презентъ старику откормленнаго лѣтуха. Гораздо менѣе замѣчательна другая картина Лаши *Арестъ*. Главный ея недостатокъ заключается въ неясности композиціи. Что это за человѣкъ котораго, къ неолисанному огорченію и ужасу семьи, арестуютъ жандармы? Что онъ сдѣлалъ? Обыкновенный ли это преступникъ или политическій заговорщикъ? Что его ожидаетъ въ будущемъ? вотъ вопросы которые невольно задастъ себѣ зритель глядя на произведеніе Лаши, но они такъ и остаются вопросами, потому что картина не въ состояніи дать на нихъ отвѣта. Вообще, какъ кажется, драма и сильныя патетическія сцены не въ характерѣ Лаши, въ нихъ онъ постоянно гораздо слабѣе, чѣмъ тамъ гдѣ дѣло ограничивается эпизодами вседневной жизни, мирной, тихой, немножко мѣщанской, но счастливой. Какъ мила, на примѣръ, его маленькая прелестная вещица *Молодая мать кормитъ грудью ребенка*.

Салентину принадлежали на выставкѣ также три картины. Въ двухъ изъ нихъ дѣти, по обыкновенію, играютъ главную роль. Одна изображаетъ мальчика и дѣвочку, очевидно брата и сестру, на возвратномъ пути изъ лѣсу, гдѣ они собирали ягоды. Уже наступилъ вечеръ, солнце скрывается за

сосѣдними горами, пора, давно пора домой, и вотъ дѣти, стоя на живописномъ берегу, громкими нетерпѣливыми криками подзываютъ паромъ, чтобы переѣхать на ту сторону. Другая картина Салентина носитъ названіе: *Насмѣшливый принцъ въ деревнѣ*. Она вся проникнута тонкимъ юморомъ и обращаетъ на себя вниманіе красивымъ расположеніемъ главной группы. На крыльцѣ деревенскаго дома, въ синемъ богато расшитомъ серебромъ кафтанчикѣ и со звѣздой на груди появляется мальнѣкій принцъ, хорошенькій бѣлокурый мальчикъ, лѣтъ восьми или десяти, чтобы принять депутацію деревенскихъ дѣтей, собранныхъ школьнымъ учителемъ для поздравленія принца съ пріѣздомъ. Дѣти, кажется, готовятся угостить его высочество чѣмъ-то въ родѣ серенады. Какъ милъ маленькій принцъ, несмотря на свои лѣта, уже хорошо знающій свою роль и заботливо старающійся сохранить свое достоинство и приличную случаю важность. Какъ забавно видѣть на личикахъ этого маленькаго деревенскаго люда выраженіе почтенія, дѣтскаго люболытства, отчасти даже зависти, конечно не къ общественному положенію принца, а скорѣе къ его богатому наряду и особенно къ этой чудной блестящей звѣздѣ украшающей его грудь.

Около этихъ всѣми признанныхъ знаменитостей нѣмецкаго жанра, въ Дюссельдорфѣ сгруппировался цѣлый большой разсадникъ очень даровитыхъ молодыхъ живописцевъ. Чтобы не утомлять читателя, мы ограничимся указаніемъ лишь на четырехъ художниковъ, явившихся на выставку съ весьма замѣчательными по своей талантливости произведеніями. Это господа I. Гиддеманъ, Зигертъ, Карлъ Гоффъ и Герцъ.

Имя I. Гиддеманна, сколько помнится, теперь только въ первый разъ встрѣчается на всемірной выставкѣ. До сихъ поръ извѣстенъ былъ Фридрихъ Гиддеманъ, тоже дюссельдорфскій художникъ, котораго очень эффектно по колориту и всегда хорошо задуманныя картины довольно распространены какъ въ фотографіяхъ, такъ и въ гравюрахъ (на выставкѣ есть его очень недурная вещь—*Пикникъ ins' Grün*), но I. Гиддеманъ, несмотря на свою молодость, несомнѣнно перещеголяетъ своего однофамильца или родственника. Онъ представилъ на выставку всего одну только картину, *Прусскіе вербовщики временъ Фридриха Великаго*, но ея одной совершенно достаточно чтобы разомъ выдвинуть талантливаго живописца въ первые ряды лучшихъ европейскихъ живописцевъ. Дѣти-

ствіе картины происходитъ въ какой-то тавернѣ. Идетъ вербовка рекрутъ. Молодой человѣкъ высокаго роста, какихъ такъ любилъ великій король, соблазвившись заманчивыми обещаніями ловкихъ вербовщиковъ-гусаръ, а можетъ-быть отчасти и ихъ красивымъ муадиромъ, уже совсѣмъ готовъ, повидимому, закабалить себя. Предъ нимъ на столѣ лежитъ порядочная кучка серебра, цѣна его свободы, но въ рѣшительную минуту онъ впадаетъ въ раздумье и колеблется. Очень можетъ быть что на него не столько подѣйствовали въ этомъ случаѣ просьбы и увѣщанія старика отца, который съ суровымъ и горькимъ выраженіемъ въ лицѣ, положа руку на его плечо, представляетъ ему разные доводы, сколько однимъ выразительнымъ взглядомъ красивой служанки, въ эту минуту подающей на столъ вино. Вся фигура молодаго человѣка, въ которомъ очевидно происходитъ борьба съ самимъ собою, не подражаема по выраженію. Этотъ несмѣлимый вопросительный взглядъ его на дорогую сердцу дѣвушку какъ нельзя лучше объясняетъ зрителю всю немногосложную повѣсть ихъ взаимной любви. Кажется что на этотъ разъ труды вербовщиковъ будутъ напрасны. Лица гусаръ, ихъ развязная манера держать себя, всѣ ихъ ухватки отличаются необыкновенною типичностью. Оживленіе всей сцены передано также очень вѣрно. Изъ отдѣльныхъ фигуръ особенно обращаютъ на себя вниманіе лихой гусаръ что грозитъ кулакомъ крестьянину отговаривающему наемщика и новобранецъ весело примѣряющій предъ зеркаломъ гусарскую шапку. Способность художника къ изображенію драматическихъ сценъ ясно сказывается въ чрезвычайно экспрессивной фигурѣ плачущей старушки, умоляющей сына не покидать ее и не слушать искусственныхъ предложеній вербовщиковъ. Очень не дуренъ также опянявшій крестьянинъ, сидящій за столомъ, въ углу къ набекрень. Онъ уже мало понимаетъ что вокруг него происходитъ, но изо всѣхъ силъ старается казаться трезвымъ. Вообще въ этой картинѣ столько экспрессіи, столько наблюдательности и исполнена она съ такимъ талантомъ что ее можно было бы поставить въ число лучшихъ образцовъ немецкаго жанра. Едва ли не единственный недостатокъ этого произведенія заключается въ нѣсколько темномъ, лишенномъ прозрачности и блеска колоритѣ.

Зигерту принадлежали на выставкѣ двѣ картины: *У золотыхъ дѣлъ мастера* и *Любовная Услуга*. Последняя прелестна.

Хорошенькая служанка, наливая вино въ бокалы для объдающихъ въ другой комнатѣ какихъ-то важныхъ господъ, украдкой подаетъ одинъ бокалъ стоящему на часахъ у дверей, позади ея, красивому алебардчику. Плутовка боится чтобъ ея продѣлка не была замѣчена. Она стоитъ въ полъоборота, вся на сторожѣ, не сводя глазъ съ той комнаты гдѣ видно сидящее за столомъ общество, а между тѣмъ протянула руку назадъ, нетерпѣливо ожидая возвращенія бокала, а можетъ-быть и поцѣлуя, если алебардчикъ окажется достаточно любезенъ и догадливъ. Картина задумана очень мило и исполнена мастерски. Колоритъ отличается теплотой и живостью, а композиція проста и понятна съ перваго взгляда. Прекрасная вещь эта приобретена для Гамбургскаго музея.

Герцъ (Geertz) принадлежитъ къ числу талантливейшихъ учениковъ Вотье, отъ котораго онъ позаимствовалъ не только тонкую наблюдательность и силу выраженія въ передачѣ типовъ, но также отчасти и нѣсколько тяжелый сѣроватый колоритъ. Большая картина Герца *Приговоръ*, несмотря на драматическій сюжетъ и на замѣчательную экспрессию лицъ, не производитъ особеннаго впечатлѣннiя именно благодаря недостаткамъ колорита, за то двѣ небольшiя вещи его, представляющiя распалившихся маленькiхъ школьничковъ, играющихъ въ войну, очень хороши по вѣрной постановкѣ фигуръ и по мѣтко схваченному отпечатку необыкновеннаго одушевленiя, рѣзвости и беззаботной веселости на распасившихся лицахъ шалуновъ. Еще лучше представляетъ на выставкѣ другой ученикъ Вотье—Карлъ Гоффъ. Гоффъ обыкновенно не поражаетъ особенною глубиной содержанiя своихъ произведенiй, но въ то же время совершенно очаровываетъ глазъ изящнымъ выборомъ красивыхъ лицъ, а также замѣчательнымъ вкусомъ и грацией своихъ образовъ. Такова именно его картина названная имъ *Sub rosa*. На каменной скамейкѣ, подъ тѣнью роскошно разросшихся розовыхъ кустовъ, расположились въ не принужденной и граціозной позѣ двѣ прелестныя молоденькiя женщины. Къ нимъ приближается молодой человекъ, котораго пока еще одно только лицо видно изъ-за деревьевъ Вотъ и вся картина; по тону она нѣсколько слаба и мало минаетъ собою не болѣе какъ изящную акварель, но удивительная миловидность лицъ и мастерство работы до такой степени закулаютъ зрителя что онъ невольно съ удовольствiемъ остановится предъ этою не затѣливою, но проникнутою

какимъ изяществомъ сценкой. Несравненно слабѣе по тѣмъ и интереснѣе по содержанию другая картина Гоффа: *Отъѣзд во время бѣгства*, изображающая какую-то сцену, если не ошибаемся, изъ французской исторіи временъ Людовика XIII. Молодой знатный дворянинъ, съ лицомъ прекраснымъ и нѣжнымъ, какъ у женщины (можетъ-быть даже это намекаетъ своими приключеніями герцога де-Шеврѣзъ, пероодѣтая мужчиной), принужденный бѣжать изъ Франціи и преслѣдуемый жандармами Ришельё, послѣ безостановочной скачки въ продолженіи многихъ часовъ, остановился отдохнуть въ простомъ деревенскомъ домикѣ одного изъ предаваемыхъ ему фермеровъ. Онъ, совсѣмъ одѣтый, бросился въ постель и спитъ теперь крѣпкимъ сномъ. У кровати, какъ на часахъ, сидитъ слугникъ бѣглеца, судя по дѣтамъ, глѣбунъ и руководитель молодого человѣка. Несмотря на привычку къ походной жизни, которую можно замѣтить въ его лицѣ и въ манерѣ держать себя, онъ едва въ состояніи бороться противъ усталости. Рука его бессильно свѣсилась внизъ, глаза закрываются сами собою. Онъ дремлетъ, не покидая однакожь своего сторожеваго положенія и каждую минуту готовый къ защитѣ и оборонѣ. Въ небольшой комнатѣ гдѣ это происходитъ, сидятъ, боясь пошевеливаться чтобы не обезлокачить усталыхъ лутниковъ, хозяинъ дома, пожилой крестьянинъ вѣтхой и честной наружности, и его сынъ, а дочь, молоденькая дѣвушка, съ необыкновенно красивымъ и симпатичнымъ лицомъ, тихонько подошла къ кровати и съ любопытствомъ и участіемъ смотритъ на спящаго юношу. Картина эта удивительно привлекательна и особенно нравится удачнымъ сопоставленіемъ съ одной стороны утонченнаго аристократическаго изящества, а съ другой — деревенской простоты и почти дѣтской наивности. Кромѣ того она отличается прекраснымъ освѣщеніемъ и живымъ колоритомъ.

II.

Хотя въ дѣлѣ жанра ни Мюнхенская, ни Вѣнская, ни Берлинская школы не могутъ равняться съ Дюссельдорфскою, тѣмъ не менѣе каждая изъ нихъ съ гордостью можетъ указать на цѣлый рядъ очень талантливыхъ жанристовъ.

Начнемъ съ Мюнхенской школы, какъ самой богатой въ настоящее время молодыми дарованіями. Здѣсь мы прежде

всего встрѣчаемся съ именемъ Деффрегера, чрезвычайно высоко цѣнимаго теперь въ Германіи художника, несмотря на то что извѣстность его началась не далѣе какъ съ 1868 года. Францъ Деффрегеръ, въ которомъ нѣкоторые уже предвидать достойнаго соперника Кнауса и Вотье, родился въ 1835 году, близъ Линца, въ Тиролѣ. Почти до двадцатилѣтняго возраста онъ не покидалъ своей родной деревни, прилежно занимаясь немногосложнымъ хозяйствомъ зажиточнаго поселянина, но въ 1860 году ему вдругъ пришла фантазія сдѣлаться скульпторомъ или живописцемъ. Это былъ голосъ призванія. Деффрегеръ передалъ управленіе небольшимъ своимъ имуществомъ одному изъ родственниковъ и отправился въ Инсбрукъ, гдѣ поступилъ въ науку къ скульптору Штольцу, который впрочемъ скоро замѣтилъ его способности преимущественно къ живописи и отослалъ его въ Мюнхенъ, къ Пилоти. Благодаря рекомендаціи Пилоти, Деффрегеръ въ 1862 году поступилъ въ академію художествъ, а вслѣдъ затѣмъ не замедлилъ сдѣлаться и однимъ изъ самыхъ прилежныхъ и даровитѣйшихъ учениковъ знаменитаго мюнхенскаго профессора. Всѣ лучшія его картины почти исключительно посвящены изображенію сценъ тирольскаго простонароднаго быта. Особенно извѣстны въ этомъ отношеніи двѣ его прекрасныя картины: *Андрей Шнекбагеръ, тирольскій мальчикъ-герой*, и *Борцы въ Тиролѣ*. На выставкѣ было четыре его произведенія: *Италянскіе Уличные Пѣвцы*, *Деревенская Вечеринка*, *Два Брата* и *Призовая Лошадь*. При взглядѣ на нихъ, не знаешь чему болѣе удивляться, превосходной ли техники, составляющей впрочемъ неизмѣнную принадлежность школы Пилоти, подарившей Германіи столько замѣчательныхъ живописцевъ, или же необыкновенно вѣрной передачѣ живыхъ крестьянскихъ типовъ, передачѣ совершенно чуждой всякой неумѣстной и приторной идеализаціи, но тѣмъ не менѣе не лишенной чувства красоты и художественнаго чутья. Посмотрите, сколько неподдѣльной веселости въ его *Деревенской Вечеринкѣ*. Нельзя довольно налюбоваться этимъ сѣдовласымъ молодцоватымъ старикомъ вздумавшимъ трахнуть старикомъ на потѣху развеселившейся молодежи. Онъ подхватываетъ самую красивую дѣвушку и въ припрыжку бойко пускается въ плясъ, ухорски прищолкивая пальцами, между тѣмъ какъ его дама, танцующая съ веселымъ смѣхомъ оборачивается къ готовой аллодировать

топѣ собравшихся на праздникъ поселянъ. Темныя стѣны стараго деревяннаго дома, отъ которыхъ такъ и вѣетъ патриархальными нравами доброй старины, служатъ превосходнымъ фономъ для этой оживленной сцены, исполненной добродушія и жизненной правды. Мало чѣмъ уступаютъ только-что названной картинѣ и три остальныхъ произведенія Деффрегера, но изъ нихъ кажется наиболѣе замѣчательное—*Призовая Лошадь*. Здѣсь мы видимъ цѣлую коллекцію вѣрно подмѣченныхъ типовъ мѣстныхъ деревенскихъ знатоковъ и любителей лошадей, съ ихъ своеобразными манерами, выраженіемъ и хватками, а самую средину картины занимаетъ убравный разноцвѣтными лентами, раскормленный, грузный вороной конь, котораго держитъ подъ устцы деревенскій парень, совершенно счастливый тѣмъ что вся деревня собралась поглядѣть на его любимца. Лошадь нарисована такъ хорошо что въ пору доброму специалисту. Главное достоинство Деффрегера заключается въ томъ что онъ не ограничивается въ своихъ картинахъ простою передачей первой встрѣтившейся личности, но старается обобщить ее и возвести въ типъ. Это не простой живописецъ болѣе или менѣе вѣрно схваченныхъ деревенскихъ сценъ, но художникъ въ полномъ значеніи этого слова.

Вслѣдъ за Деффрегеромъ можно поставить другаго, также очень талантливаго ученика Пилоти—Эдуарда Грютцнера, котораго веселый юморъ нерѣдко переходитъ въ ѣдкій сарказмъ и злоую сатиру, особенно когда дѣло касается католическихъ монаховъ. Такимъ именно характеромъ отличается превосходная его картина: *Въ монастырскомъ погребу*, обладающая свойствомъ приводить зрителя въ самое веселое распоненіе духа. Рыжеватый, краснощекій, улитанный калудникъ, мротно монастырскій ключникъ, немощно неосторожно упустился славнымъ монастырскимъ винцомъ, и безмятежно заснулъ возлѣ бочки Иоганисберга, съ опорожненнымъ стаканомъ въ рукѣ. Въ такомъ не совсѣмъ приличномъ, особенно для монаха, положеніи застаеть его отецъ игуменъ, котораго привелъ на мѣсто преступленія одинъ изъ братіи, пощадному недолюбливающій подкутившаго ключника. Судя по лицу этого монаха, блѣднаго, изможденнаго аскета, можно думать что онъ глубоко возмущенъ случившимся и требуетъ отъ игумена показать на ключникъ примѣръ строгости, въ отношеніи всей братіи. Но благодушный отецъ - настоятель,

очевидно тоже понимающій толкъ въ хорошемъ винѣ, совершенно иначе относится къ дѣлу. Онъ по опыту знаетъ немощи плоти и сладость запрещеннаго плода и держится того мнѣнія что нечего тревожить по пустякамъ провинившагоса брата. Еще успеетъ дескать покаяться и отмолить грѣхъ. И въ самомъ дѣлѣ, стоить только взглянуть на почтенную бочку, отмѣченную многозначительною надписью *Иоганисбергер anno 1805*, чтобы сообразить какъ трудно было устоять противъ искушенія бѣдному монастырскому ключавику. Въ высшей степени исполнена комизма и веселости также и другая картина Грютцера, имѣющая предметомъ своимъ пристрастие къ вину, но совершенно при другой обстановкѣ. Она называется *Фальстафъ въ кабацѣ*.

Такъ какъ мы заговорили уже, по поводу картинъ Грютцера, о монастырѣ и о монастырскихъ правахъ, то кстати скажемъ здѣсь и еще объ одномъ художникѣ съ необыкновеннымъ талантомъ и остроуміемъ преслѣдующемъ самодовольныхъ и живущихъ беззаботно на чужой счетъ католическихъ монаховъ и латеровъ. Это Матіасъ Шмидтъ. Всѣ три его картины посвящены бѣлому или черному духовенству, и по меткости сатиры имѣютъ самый живой современный интересъ. Одна называется—*Раздача свидѣтельствъ объ исповѣди*, другая *Бѣдники везущіе Тачку* и третья *Цемзоръ Правственности*.

Въ католическихъ монастыряхъ раздача исповѣданныхъ свидѣтельствъ составляетъ одинъ изъ видовъ эксплуатаціи народа духовенствомъ, и Матіасъ Шмидтъ, въ превосходно написанной сценѣ, представляющей собравшихся на исповѣдь крестьянъ, изъ которыхъ иные передаютъ толстому откормленному монаху свои послѣдныя приношенія, птицу, хлѣбъ и яйца, а другіе, съ озабоченною миной, шарятъ въ своихъ карманахъ,—наглядно показываетъ зрителю во что обходится бѣдному люду отлученіе его грѣховъ. При этомъ художникъ не преминулъ намекнуть и на ловеласовскія наклонности монашествующей братіи, такъ хорошо сказавшіяся въ исполненномъ страстнаго вождельнія взглядѣ устремленномъ однимъ изъ капуциновъ на молоденькую, хорошенькую дѣвушку, подобно прочимъ, пришедшую за свидѣтельствомъ. Не дурно также эти заламывшіе жиромъ монахи съ холоднымъ любопытствомъ и невозмутимымъ равнодушіемъ глазѣющие на бѣдниковъ, двухъ женщинъ и нѣсколькихъ чѣтей, съ трудомъ втаскивающихъ на гору тачку, нагруженную ищевскими лошадкамъ

А вотъ еще весьма характеристическая сцена у духовнаго лица къ которому приходитъ за брачнымъ благословеніемъ молодая провинившаяся прежде свадьбы парочка, принесшая варазъ окрестить и новорожденнаго. Надо видѣть негодовавіе святаго отца, осылающаго пристыженныхъ и сконфуженныхъ молодыхъ людей цѣлымъ потокомъ укоризнъ, а между тѣмъ въ полурастворенную дверь видна изъ другой комнаты контрабандная сожительница строгаго блюстителя нравовъ. Она любитъ эффектною сценой и злобно смѣется и надъ выпускнымъ азартномъ патера, и надъ неловкимъ положеніемъ согрѣшившей четы. Слѣдуетъ замѣтить что на выставкѣ есть не мало картинъ отличающихся все однимъ и тѣмъ же направленіемъ, именно насмѣшливымъ и презрительнымъ отношеніемъ, а подъ часъ открытою ненавистью къ представителямъ католицизма и папства. Это явленіе любопытно какъ знаменіе времени; оно служитъ доказательствомъ что искусство не прочь отражать въ себѣ злобу дья и наиболѣе жгучіе интересы современной общественной жизни.

Въ самое послѣднее время Мюнхенская школа обогатилась нѣсколькими новыми молодыми талантами, произведенія которыхъ въ первый разъ обратили на себя всеобщее вниманіе на нынѣшней всемірной выставкѣ. Въ числѣ этихъ художниковъ особенно былъ замѣченъ Курцбауеръ. Его *Влюбленные Благослецы*, укатившіе на почтовыхъ изъ родительскаго дома и застигнутые врасплохъ грозною мамашей, извѣстны, между прочимъ, и по отчетливо сдѣланной гравюрѣ вѣнскаго гравера Зонненлейтера. Въ картинѣ Курцбауера много недосказаннаго, юношескаго, и въ технику и въ содержаніи, но она тѣмъ не менѣе обличаетъ довольно крупный талантъ. Еще гораздо выше, по нашему мнѣнію, весьма родственная Курцбауеру по колориту картина Рудольфа Элла, изображающая маленькихъ акробатовъ, дающихъ свое представленіе въ какомъ-то сельскомъ домѣ, посреди многочисленной семьи честныхъ поселянъ. Тутъ мы видимъ уже кое-что большее чѣмъ умелъ творительно нарисовать дюжину романтическую сцену. Въ произведеніи Элла замѣтно серьезное стремленіе добиться титловъ, и онъ отчасти успѣваетъ въ этомъ. Характерныя позы акробатовъ, жадное любопытство дѣтей и взрослыхъ, выдающихся въ одѣтыхъ въ трико акробатахъ какъ бы людей совершенно другаго міра, то же вниманіе съ какимъ смотритъ на фокусниковъ присутствующая при представленіи

собака—все это подмѣчено чрезвычайно вѣрно и передано широкою и бойкою кистью. Особенно мелодражаемо хорошою меньшею изъ акробатовъ, который, стоя въ заученной позѣ, руки въ бока, спокойно ожидаетъ своей очереди кувираться и показывать разныя штуки. Многого можно ожидать отъ молодого художника начинающаго свое артистическое поприще такимъ блестящимъ дебютомъ. Въ томъ же родѣ, но только еще несравненно колоритнѣе и пріятнѣе по тому, картина Рудольфа Гирта *Уборка Хлѣба*. Полусвѣтъ комнаты, гдѣ нѣсколько женщинъ и дѣвушекъ совершаютъ процессъ оциливанья этого растенія, составляющаго въ Баваріи, странѣ лѣва по преимуществу, предметъ довольно значительной промышленности, имѣеть въ себѣ какую-то чарующую прелесть.

Изъ картинъ собственно историческаго жанра, который также имѣеть въ Мюнхенѣ нѣсколько весьма талантливыхъ представителей, можно указать на произведенія Германа Каульбаха, Шраудольфа младшаго, Рамберга и Макса Германскаго.

Сынъ знаменитаго Вильгельма Каульбаха — Германъ Каульбахъ тоже считается ученикомъ Пилоти. Говорятъ что отецъ, сознавая въ себѣ недостатокъ колорита, просилъ Пилоти взять подъ свое рукводство молодого Германа, съ самаго ранняго дѣтства выказывавшаго большія способности къ живописи. Судя по картинамъ Германа Каульбаха находившимся на Вѣнской выставкѣ, можно заранѣе предсказать художнику блестящую артистическую карьеру. Очевидно онъ желаетъ идти по стопамъ своего отца и дяди, тоже весьма извѣстнаго художника и въ особенности великолѣпнаго портретиста, Фридриха Каульбаха. Изъ трехъ картинъ Германа, которыя всѣ обличаютъ въ авторѣ ихъ серіозную художественную школу и почти въ равной мѣрѣ замѣчательны и по колориту, и по вѣрному рисунку, лучшею намъ показалась та что изображаетъ умирающаго Моцарта слушающаго исполняемый по его желанію знаменитый реквиемъ. На первомъ планѣ, Моцартъ, блѣдный, изнемогающій, полулежитъ въ большомъ креслѣ, обложенный подушками. Направо, нѣсколько сзади, кружокъ его друзей, которые, съ печальными лицами и очевидно съ истерзанымъ сердцемъ, лишь изъ желанія усладить послѣднія минуты великаго музыканта, исполняютъ его реквиемъ. Моцартъ слабѣющею рукою самъ еще держитъ

тѣмъ, но послѣднія минуты его уже близки. У ногъ умирающаго, прижавъ къ нему головою, горько плачетъ его жена. Многие упрекають художника въ томъ что ему не удалось сохранить большаго сходства въ лицѣ Моцарта. Упрекъ совершенно справедливъ, но картина тѣмъ не менѣе хорошо задумана, мастерски скомпонована и производитъ довольно сильное впечатлѣніе. Этого слишкомъ достаточно для начинающаго живописца. По глубинѣ внутренняго содержанія фигура Моцарта удалась Каульбаху даже лучше всѣхъ остальныхъ, такъ какъ ему посчастливилось сосредоточить въ лицѣ умирающаго музыканта выраженіе подавленныхъ страданій и вмѣстѣ наслажденія которое доставляетъ ему слушаніе его дивной композиціи.

Очень привлекательна также картина принадлежащая Клавдію Шраудольфу, сыну извѣстнаго мюнхенскаго историческаго живописца Іоганна Шраудольфа, подъ названіемъ *Фанустъ подѣ липами*. Она изображаетъ ученаго доктора-черокайка, въ сообществѣ Вагнера, на гуляньи въ кругу горожанъ и горожанокъ. Въ одной изъ красиво расположенныхъ группъ, на которыя разбѣлись гуляющіе, легко отличить прелестную Гретхенъ, съ чудесными длинными бѣлокурыми косами по плечамъ. Въ картинѣ, несмотря на теплоту колорита, кой-гдѣ пробиваются тѣ сѣровато-желтые тоны, не лишеныя впрочемъ своего рода пріятности, которые составляютъ отличительную черту произведеній Шраудольфа отца.

Профессоръ Артуръ Рамбергъ, котораго превосходными картинами изъ *Германа и Доротеи Гёте*, писанными en grisaille, мы имѣли случай восхищаться на Мюнхенской международной выставкѣ, на этотъ разъ представилъ двѣ картины исполненныя обыкновенными красками. Обѣ онѣ проникаютъ поэтическимъ чувствомъ и останавливаютъ на себѣ вниманіе тонкимъ нѣжнымъ письмомъ, не имѣющимъ впрочемъ ничего наломивающаго живопись на фарфорѣ. Особенно замѣчательна его сидящая у раскрытаго окна, вышивающая въ пальцахъ дѣвушка. Хорошенькая, почти дѣтская головка ея, мягколѣпно освѣщенная солнцемъ, наклонилась надъ шитьемъ. Дѣвушка, повидимому, занята лишь работою, но она не для въ комнатѣ и можно догадаться что она чувствуетъ на себѣ влюбленный, исполненный обоженія взглядъ сидящаго нѣсколько поодаль, въ тѣни, молодаго человѣка. Надо отнестись справедливо художнику что эта нѣмая сцена скромной,

робкой любви передана имъ съ изумительною психологическою вѣрностью, въ отношеніи же техники нельзя не за-любоваться въ картинѣ прекрасно исполненнымъ эффектомъ солнечнаго освѣщенія.

Произведенія Геримскаго (Max Gierumsky) заслуживаютъ особеннаго нашего вниманія не только по превосходному исполненію, но еще болѣе по своимъ сюжетамъ, такъ какъ художникъ этотъ почти исключительно любитъ изображать очень мало извѣстныя за границею, но близкія намъ, Русскимъ, сцены изъ военнаго быта нашихъ казаковъ, изъ послѣдняго польскаго возстанія, гдѣ конечно дѣло не обходится безъ Русскихъ, и наконецъ изъ жизни польскихъ Евреевъ. Всѣ подобныя картины Геримскаго отличаются изумительною правдою и вѣрностью характеристикъ. Можно сказать съ увѣренностію что, за исключеніемъ покойнаго Горшельта, никому изъ иностранныхъ художниковъ еще не удавалось передавать такъ хорошо, съ такою поразительною живостію, и притомъ, прибавимъ въ скобкахъ, безъ малѣйшей утрировки, тиль казака съ его маленькою, бойкою, необыкновенно выносливою лошадкою, съ его оригинальною посадкою и своеобразною манерою управлять конемъ, какъ это дѣлаетъ Геримскій. Тотчасъ видно что все это изучено художникомъ до тонкости, съ любовью. Въ картинахъ Геримскаго всегда весьма важную роль играетъ пейзажъ, нерѣдко отличающійся сѣроватымъ и нѣсколько темнымъ тономъ, но превосходно, и притомъ не безъ поэтического чувства, передающій природу Сѣвера. На выставкѣ было пять или шесть картинъ художника, изъ которыхъ особенно бросались въ глаза *kazaki* вѣдущіе въ холодный зимній день, по два въ рядъ, по какой-то пустынной аллеѣ. Сѣрое, покрытое бѣловатыми тучами небо, обнаженныя отъ листьевъ деревья и снѣгъ довольно плотно покрывающій землю, какъ нельзя больше гармонируютъ съ сѣрыми шинелями и почти такими же лошадкама казаковъ. Несмотря на положительное отсутствіе въ картинѣ чего-нибудь яркаго или эффектнаго, она какъ-то особенно сильно вѣзывается въ памяти. Не менѣе хороша, но тоже вся сѣренькая, другая картина Геримскаго, чрезвычайно удачно изображающая тревогу въ лагерѣ польскихъ мятежниковъ. Чуть начинается брезжиться сѣрое осеннее утро. Поляки встревожены нежданнымъ приближеніемъ Русскихъ, и небольшой отрядъ ихъ слѣшитъ построиться и выступить: кто уже садится на коня

кто суетливо только еще подтягиваетъ подругу, а лѣхотники, ружья на перевѣсѣ, уже бѣгутъ впередъ, чтобы встрѣтить непріятеля. Совершенно въ томъ же родѣ его *Потревоженный Авангардъ*. Наконецъ его *Ночь на берегу*, гдѣ изображены стоящія надъ рѣкою кучки молящихся Евреевъ, едва освѣщаемыя заходящею за тучу луною, вполнѣ превосходна и по общему тону, и по отпечатку поэтического чувства вложеннаго художникомъ въ это изображение исподневной таинственности теплой лѣтней ночи.

Остается еще упомянуть о двухъ трехъ картинахъ историческаго жанра, хотя и менѣе замѣчательныхъ чѣмъ названныя выше, но о которыхъ пройти совершеннымъ молчаніемъ было бы несправедливо. Такова между прочимъ довольно талантливая картина молодого мюнхенскаго художника Гизиса (*Gysis*), Грека по происхожденію (тоже ученикъ Пилоти), *Napoleon gefangen*, передающая въ чрезвычайно оживленныхъ группахъ общій эффектъ впечатлѣнія произведеннаго на населеніе добраго города Мюнхена громовымъ извѣстіемъ о паденіи Седана и о взятіи въ плѣнъ Наполеона. Тутъ не мало найдется очень вѣрно подмѣченныхъ сценъ и хорошо схваченныхъ физиономій. Наконецъ небольшая картина съ изображеніемъ патетической сцены изъ пятаго дѣйствія *Короля Лира*, именно того момента когда несчастный Лиръ появляется держа въ объятіяхъ мертвую Корделію и говоритъ извѣстный монологъ:

...Вы изъ камня—

Изъ камня, люди!

обращаетъ на себя вниманіе особенно въ томъ отношеніи что принадлежитъ кисти извѣстнаго германскаго художественнаго критика и вмѣстѣ придворнаго баденскаго живописца Фридриха Пехта. * Картина прекрасно нарисована и не лишена выраженія, но нѣсколько холодна, а колоритъ ея тяжелъ и мутноватъ.

* Ф. Пехтъ родился въ Констанцѣ въ 1814 году. Художественное образованіе свое онъ получилъ сначала въ Мюнхенской академіи, а потомъ подъ руководствомъ Поля Делароша. Изъ картинъ его особенно извѣстна: *Гѣте читающій отрывки изъ Фауста при дворѣ в Карлсруэ*. Критическія статьи его разсыпаны по нѣмецкимъ періодическимъ журналамъ и газетамъ. О Вѣнской выставкѣ онъ издалъ отдѣльную книгу подъ заглавіемъ *Kunst und Kunstindustrie auf der Wiener Weltausstellung 1878*.

III.

Берлинская школа несравненно менѣе богата замѣчательными жанристами, чѣмъ Мюнхенская, но и здѣсь есть нѣсколько именъ справедливо пользующихся прочно установившеюся европейскою извѣстностью. Во главѣ ихъ прежде всего слѣдуетъ назвать профессора Карла Беккера, котораго единственная, и, прибавимъ, превосходная картина *Карлъ V въ гостяхъ у банкира Фуггера*, знакома намъ по Мюнхену. Какъ хороша и характерна фигура Карла V. Что за прелесть эта бѣлокурая красавица, дочь банкира, въ качествѣ хозяйки дома подносящая императору кубокъ съ виномъ. На выставкѣ въ числѣ гравюръ мы замѣтили, между прочимъ, только-что оконченный весьма удачный эстампъ съ картины К. Беккера, принадлежащій рѣзцу талантливаго мюнхенскаго гравера Фридриха Циммерманна. Эстампъ этотъ долженъ скоро появиться въ продажѣ. Рекомендуемъ его вниманию многочисленныхъ поклонниковъ картины Беккера. Нельзя не выразить сожалѣнія что на Вѣнскую выставку не попала одна изъ послѣднихъ картинъ даровитаго берлинскаго профессора *Альбрехтъ Дюреръ въ Венеціи*, которая, по отзывамъ нѣмецкихъ художественныхъ критиковъ, принадлежитъ къ самымъ блестящимъ его произведеніямъ.

Непосредственно вслѣдъ за Карломъ Беккеромъ идутъ Мейергеймы: отецъ и два сына. Эдуарду Мейергейму (отцу) теперь болѣе шестидесяти лѣтъ, и послѣднія работы его далеко уступаютъ его прежнимъ, всегда оригинальнымъ и въ высшей степени милымъ произведеніямъ, каковы напримѣръ *Материнское Счастье*, *Кошечки*, *Дѣти въ лѣсу* и мн. др. Обѣ представленныя имъ на выставку картины изображаютъ молоденькихъ деревенскихъ дѣвушекъ, съ черезчуръ сладенькими личками, не могутъ быть названы удачными. Гораздо замѣчательнѣе произведенія его сыновей: Францъ и особенно младшаго Павла Мейергеймовъ.

Оба брата нерѣдко пробуютъ свои силы на изображеніи народныхъ сценъ изъ наиболее любимыхъ народныхъ сказокъ. Такъ теперь на выставкѣ имъ принадлежали четыре картины изъ этого родъ. Тутъ и *Сильгурка*, и *Dornröschen*, и *Сандрильйона*, *Красная Шапочка*. Народныя сказки вообще представляю

чрезвычайно обильный и очень благодарный матеріалъ для талантливаго художника съ воображеніемъ, но пользоваться этимъ матеріаломъ надо съ большою осторожностію, иначе поэтическое смѣшеніе элементовъ будничнаго и простонароднаго съ чудеснымъ и фантастическимъ, составляющее самый существенный характеръ всѣхъ народныхъ сказокъ, сдѣлается въ картинѣ неловкимъ, а чрезъ это поэтическая сторона представленія испарится и останется что-то неестественное, пожалуй даже нелѣпое. Посмотрите, напримѣръ, на безспорно лучшую изъ названныхъ картинъ, на *Красную Шапочку* Павла Мейергейма. Сказка извѣстна. Волкъ встрѣчаетъ въ лѣсу маленькую дѣвочку въ красной шапочкѣ, вступаетъ съ нею въ любезный разговоръ и хитро вывѣдавъ у нея гдѣ живетъ ея старушка бабушка, устраиваетъ дѣла такъ что ему, безъ помѣхи, удастся скушать и бабушку и внучку. Но передать въ картинѣ наиболѣе фантастическую часть сказки, именно разговоръ волка съ дѣвочкой, очень трудно, даже невозможно и потому видъ маленькой, очень впрочемъ хорошенькой, дѣвочки, идущей дружелюбно рядомъ съ огромнымъ матерымъ волкомъ, невольно поражаетъ зрителя и производитъ на него самое странное впечатлѣніе. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, вообразить себѣ крошку-дѣтя въ лѣсу глазъ на глазъ со свирѣпымъ звѣремъ и чтобы притомъ и дѣтя, и волкъ пребывали въ такомъ спокойномъ положеніи: дѣвочка нисколько не испугана, а напротивъ очень добродушно и ласково смотритъ на волка; волкъ, въ свою очередь, тихъ и кротокъ не хуже самой доброй комнатной собаки... Очевидно сюжетъ выбранъ не вполнѣ обдуманно и художникъ напрасно старался выразить кистью то что можетъ быть передано только словами. Размѣръ фигуръ въ картинѣ, въ натуральную величину, еще болѣе способствуетъ странности впечатлѣнія. Чѣмъ ближе къ действительности и реальнѣе изображенія дѣвочки и волка, тѣмъ нелѣпѣе кажется ихъ взаимная дружба. Вообще картина эта, несмотря на мастерски написанный пейзажъ, не принадлежитъ къ числу наиболѣе удачныхъ произведеній Павла Мейергейма. Блѣсоватый колоритъ личика дѣвочки, безъ сомнѣнія, допущенный нарочно съ цѣлю тѣмъ рельефнѣе выдвинуть впередъ красную шапочку, какъ заглавіе картины, не несетъ въ себѣ ничего хорошаго. Кромѣ того, такъ какъ на картинѣ изображена только нижняя часть деревьевъ,

стволы и корни, то это даетъ цѣлому произведенію видъ какой-то вырѣзки изъ другой большой картины.

Павелъ Мейергеймъ замѣчательнѣе между прочимъ тѣмъ что онъ съ одинакимъ искусствомъ пишетъ и людей, и животныхъ. Ему почти въ равной мѣрѣ далась характеристика и тѣхъ, и другихъ. Сообразно съ этимъ, онъ по большей части избираетъ такіе сюжеты гдѣ ему представляется широкое поле выказать свой разносторонній талантъ въ полномъ блескѣ. Такова извѣстная его картина *Предъ представленіемъ въ циркъ*, если не ошибаемся, наиболѣе содѣйствовавшая распространенію его репутаціи какъ очень талантливаго живописца. Совершенно въ томъ же родѣ были на выставкѣ его картины: *Укротитель Зѣрей* и *Стрижка Овецъ*, а также прелестный *Вечеръ въ лесу*. Вездѣ въ нихъ, рядомъ съ человѣкомъ, мы видимъ очень мастерски написанныхъ или дикихъ звѣрей, или овецъ, или волвъ. Но особенно хорошъ онъ въ изображеніи звѣрница, гдѣ съ удивительною наблюдательностію представлена толпа деревенскихъ звѣакъ, мушницъ, жемчужъ и дѣтей, съ жаднымъ любопытствомъ глазѣющая на атлетическаго укротителя, обвившаго себя огромнымъ удавомъ, какъ шарфомъ. Здѣсь что ни голова, то тиль. И все это написано бойкою и смѣлою кистью, не имѣющею ничего общаго съ черезчуръ тщательною, а подчасъ даже просто вылизанною манерой его отца. Не надо забывать что Павлу Мейергейму всего тридцать лѣтъ, а между тѣмъ по выработанной техникѣ онъ уже теперь соперничаетъ съ наиболѣе извѣстными мастерами Германіи. На Вѣнской выставкѣ была также превосходная его картина *Букмистъ въ Голландіи*, обратившая на себя вниманіе публики еще на выставкѣ въ Мюнхенѣ.

Кромѣ названныхъ художниковъ, къ лучшимъ берлинскимъ жанристамъ принадлежатъ еще Фрицъ Краусъ и Паульсенъ.

Краусъ, хорошо знакомый въ Петербургѣ всѣмъ посѣщающимъ Куселевскую галерею, въ Академіи, по безплодному портрету извѣстному подъ названіемъ *Дамы надъ ваюющею перчатку*, на этотъ разъ не особенно отличился. Его *Рембрантъ покупающій рѣдкости* долженъ быть отнесенъ къ разряду посредственностей которыя обыкновенно проходятъ незамѣченными, а другая картина художника—*Выѣздъ на обѣдъ* хотя очень талантливо написана, но черезчуръ ужъ бѣдна содержаніемъ. Она изображаетъ великосвѣтскую расфранченную

барыню готовящуюся сѣсть въ карету чтобъ ѣхать на званый обѣдъ, между тѣмъ какъ другая дама, постарше, вѣроятно мать модницы, заботливо оправляетъ ея лишнее платье. Впрочемъ надо сказать что вообще произведенія Крауса никогда не щеголяютъ замысловатостью содержанія, и сюжеты ихъ преимущественно вращаются въ тѣсномъ кругу болѣе или менѣе элегантно одѣтыхъ женщинъ, причемъ платья и кружева играютъ на картинѣ почти такую же роль какъ и тѣ прекрасныя особы которыя носятъ ихъ. Паульсенъ также принадлежитъ къ специалистамъ въ дѣлѣ дамскихъ туалетовъ, что отчасти можно объяснить его долговременнымъ пребываніемъ въ столицѣ моды и дамскихъ нарядовъ, въ Парижѣ. Небольшая картина его представляетъ очень живую и веселую сцену—*Въ Дитской*. Мелоденькая хорошенькая женщина, въ роскошномъ утреннемъ наглаже, показываетъ двумъ приѣхавшимъ къ ней съ визитомъ подругамъ своего малютку-сына. Дамы восхищаются ребенкомъ на разные лады и стараются заставить его засмѣяться. Одна изъ нихъ олустилась на колѣна и усердно дергаетъ предъ нимъ картоннаго лодышечка, что, повидимому, очень занимаетъ мальчика. Нѣсколько лодышекъ, какъ разительный контрастъ этимъ привлекательнымъ, но слабонервнымъ и изнѣженнымъ баллою атмосферой, дамамъ, стоитъ въ спокойной и лодвой сознанія своего достоинства позѣ красивая кормилица или няня съ пластически развитыми формами и могучими руками. Картинка колоритна и хорошо сочинена, но малютка могъ бы быть нарисованъ нѣсколько правильнѣе, за то туалеты дамъ такъ изящны и свѣжы что кажется какъ-будто только-что принесены изъ лучшаго моднаго магазина.

Къ Берлинской же школѣ слѣдуетъ отнести и бывшаго некогда воспитанника Берлинской академіи, а теперь профессора въ Карлсруѣ—В. Рифстала (Riefstahl), родившагося въ Нейстрелицѣ, въ 1827 году. Прежде Рифсталь писалъ исключительно одни ландшафты, но въ послѣднее время онъ съ особенною любовью сталъ изображать разныя религіозныя церемоніи и процессіи, происходящія по преимуществу среди грандіозныхъ красотъ альпійской горной природы. Можно сказать что это составляетъ настоящую спеціальность художника. Въ этихъ картинахъ его особенно поражаетъ удивительная гармонія между пейзажемъ и фигурами, и въ то же время

неподдѣльное глубокое чувство, которымъ обыкновенно проникнуты у него простыя лица поселянъ присутствующихъ при процессіяхъ. На выставкѣ было нѣсколько его произведеній, и всѣ они имѣютъ одинъ и тотъ же характеръ: вездѣ мы видимъ благоговѣно молящихся жителей горъ или пастуховъ, вездѣ неизмѣнно главный преобладающій мотивъ религиозное чувство, выраженное съ такою силой и теллстотю что оно чуднымъ образомъ невольнo передается и зрителю, а грандіозная обстановка посреди которой происходитъ дѣйствіе еще усиливаетъ впечатлѣніе. Особенно помнится намъ одна изъ его картинъ, изображающая довольно многочисленную толпу горцевъ собравшихся въ горной долинѣ у какой-то одинокой часовни. За отсутствіемъ пастора, старѣйшій изъ крестьянъ, настоящій тиль патріарха, набожно читаетъ молитвы, а присутствующіе мушцы, женщины и дѣти, большею частію на колѣняхъ, съ умиленіемъ вторятъ ему, возносясь душой къ Богу. Великолѣпное утро, одно изъ тѣхъ какія бываютъ только въ горахъ Швейцаріи, обдаетъ всю эту торжественную сцену мягкимъ золотистымъ свѣтомъ. Очень жаль что на выставкѣ не было послѣдней картины Рифстала: *Погребальная процессія предъ пантеономъ въ Римѣ*. Если вѣрить отзывамъ видѣвшихъ ее, то она превосходитъ все что до этого времени написано Рифсталемъ.

Гораздо богаче и разнообразнѣе во всѣхъ отношеніяхъ былъ отдѣлъ жанра у Австрійцевъ. Въ числѣ болѣе четырехсотъ картинъ (по официальному каталогу 413) собранныхъ съ большимъ знаніемъ дѣла въ залахъ посвященныхъ австрійской живописи, не мало нашлось вещей которыми положительно можно было залюбоваться. Здѣсь кстати сказать что Вѣнская школа, еще недавно такъ далеко отстававшая отъ другихъ нѣмецкихъ школъ, въ послѣднее время, особенно въ области жанра, сдѣлала такой огромный шагъ впередъ что теперь уже соперничаетъ если не съ Дюссельдорфомъ, то по крайней мѣрѣ съ Мюнхеномъ. Что же касается до Берлина, то, по части жанра, онъ не можетъ равняться съ Вѣной ни числомъ художниковъ, ни разнообразіемъ задачъ разрабатываемыхъ его жанристами, ни даже приѣмами исполненія.

Изъ вѣнскихъ жанристовъ нѣкоторые съ успѣхомъ трудятся на полприщѣ такъ-называемаго историческаго жанра, другіе же преимущественно посвятили себя на изображеніе сценъ изъ быта простаго народа или вообще низшихъ сословій.

Въ первой категоріи особенно выдаются произведенія двухъ художниковъ—Евгенія Блааса и Коллера.

Евгеній Блаасъ занимаетъ въ дѣлѣ историческаго жанра въ Вѣнѣ такое же мѣсто какое принадлежитъ по этой части въ Берлинѣ Карлу Беккеру, съ которымъ Блаасъ раздѣляетъ и особенную любовь къ Венеціи, къ венеціанскимъ типамъ и къ венеціанской исторіи. Это пристрастіе къ прекрасной царствѣ Адриатики не удивительно въ Блаасѣ, такъ какъ дѣтя своей ранней юности Блаасъ (ему и теперь всего тридцать лѣтъ) провелъ въ Венеціи, и къ тому же Венеціанская академія первая замѣтила и оцѣнила его замѣчательный талантъ: тамъ быстро получилъ онъ, послѣдовательно одна за другою, всѣ академическія награды. Изъ числа шести картинъ художника находившихся на выставкѣ, пять имѣютъ сюжеты заимствованныя изъ исторіи и быта Венеціи, и отличаются прекраснымъ теплымъ колоритомъ, показывающимъ что художникъ не напрасно столько лѣтъ видѣлъ предъ собою чудныя произведенія старыхъ венеціанскихъ мастеровъ. Первенство между этими картинами безспорно принадлежитъ хорошо знакомой намъ прежде *Догарессѣ*. Нѣсколько слабѣе, но тоже хороши два другія произведенія Блааса—*Женихъ и невеста* идущіе къ вѣнцу въ церкви Св. Марка и *Декамеронъ*, съ сюжетомъ заимствованнымъ изъ предисловія къ *Декамерону* гдѣ Боккачіо разказываетъ какъ во время чумы во Флоренціи семь молоденькихъ прелестныхъ женщинъ, изъ которыхъ ни одной не было болѣе двадцати восьми и меньше восемнадцати лѣтъ, собравшись въ церкви Santa Maria Novella, въ сообществѣ трехъ молодыхъ людей, строили планы уѣхать изъ города и весело провести нѣсколько дней гдѣ-нибудь въ деревенской тиши. Художнику удалось нарисовать семь довольно красивыхъ женщинъ, во флорентинскихъ костюмахъ той эпохи, но композиція вышла слишкомъ бѣдна и однообразна. Оживленія въ группахъ почти никакого. Вообще картина эта ни по красотѣ женскихъ лицъ, ни по тону, не можетъ идти подъ пару съ *Догарессой*. Въ двухъ другихъ картинахъ: *Женщины у колодезя въ Венеціи* и *Праздникъ въ Мурано*, современные венеціанскіе типы схвачены очень вѣрно и couleur locale соблюдены превосходно.

Вильгельмъ Коллеръ въ своихъ произведеніяхъ: *Императоръ Максимилианъ I у Альбрехта Дюрера* и *Карлъ V у*

банкира Фуггера, оказывается довольно даровитымъ подражателемъ манеры Лейса писать поддѣлываясь подъ стиль старыхъ нѣмецкихъ мастеровъ, но спрашивается для чего это нужно, и притомъ подражаніе подражанію никогда не можетъ привести ни къ чему хорошему. Послѣдняя картина Коллера по своему сюжету,—сожженіе банкиромъ Фуггеромъ вѣселей императора Карла V, совершенно сходна съ картиной Карла Беккера о которой было упомянуто выше, но какая огромная разница въ сочиненіи, въ вѣрности характеристикъ и въ самомъ даже исполненіи. Однимъ словомъ, Коллеру также далеко до Беккера, какъ и до Лейса.

Изъ живописцевъ народныхъ сценъ обращаютъ на себя вниманіе въ австрійскомъ отдѣлѣ преимущественно два художника: Фридендеръ и Леопольдъ Мюллеръ.

Фридендеръ родился въ Богеміи отъ бѣдныхъ родителей, въ 1825 году. Еще находясь въ реальномъ училищѣ въ Прагѣ, онъ уже отличался большими способностями къ рисованію, и благодаря этому обстоятельству, опредѣленъ былъ въ тамошнюю рисовальную школу, а оттуда уже самъ, съ ничтожными средствами, добрался до Вены и поступилъ въ академію. Три года онъ прилежно посѣщалъ академическіе классы, перебиваясь кое-какъ небольшими деньгами зарабатываемыми за копіи. Но мало-по-малу средства его настолько увеличились что онъ имѣлъ возможность предпринять путешествіе въ Италію, и потомъ нѣкоторое время продолжать свое художественное образованіе сначала въ Дюссельдорфѣ, а потомъ въ Парижѣ. Первая картина обратившая на него общее вниманіе была *Смерть Торквато Тассо*, но онъ скоро понялъ что истинное призваніе его не исторія, а жанръ, и съ той поры успѣхъ его былъ вполнѣ обезпеченъ. Не останавливаясь на разборѣ многочисленныхъ произведеній Фридендера и Леопольда Мюллера, преимущественно посвященныхъ изображенію сценъ домашней, будничной жизни дома и на улицѣ, въ ливныхъ лавочкахъ и въ трактирахъ, въ городѣ и въ деревнѣ, укажемъ только какъ на особенно удачную картину Фридендера на его *Новаго Товарища*, гдѣ изображенъ молодой инвалидъ, съ деревянною ногой и съ медалью на груди, въ кругу старыхъ ветерановъ, разказывающій свои, какъ кажется, нѣсколько преувеличенные подвиги. Нѣкоторые изъ слушателей очевидно недовольны что его разказъ прервалъ ихъ игру въ кегли, на лицахъ другихъ, напротивъ

завѣло участіе къ молодому инвалиду и пробужденіе воспоминаній о прошедшихъ битвахъ.

Къ тому же разряду малыхъ жанристовъ принадлежитъ и Петтенкофенъ, который въ настоящее время пользуется репутаціей одного изъ наиболее любимыхъ въ Вѣнѣ художниковъ. Специальность его—сцены изъ венгерской жизни, а также Цыгане съ ихъ кочевымъ бытомъ подъ походными шатрами. Здѣсь Петтенкофенъ положительно неисчерпаемъ. За малѣйшія картинки его, съ неизмѣнно однимъ и тѣмъ же синимъ безоблачнымъ небомъ, съ изображеніемъ сельскихъ ярмарокъ, венгерскихъ почтъ и венгерскихъ солдатъ или цыганскихъ таборовъ, локупаемыя въ Вѣнѣ нарасхватъ, часто платятся огромныя деньги. Въ произведеніяхъ Петтенкофена всегда бездна правды и натуры, но онъ рѣдко идетъ дальше чисто вѣшной, такъ-сказать фотографической вѣрности въ передачѣ явленій жизни, и потому, по нашему мнѣнію, огромный успѣхъ его нельзя объяснить ничѣмъ инымъ какъ только модой, которой непостоянство и капризы, какъ известно, давно вошли въ пословицу.

Подобно тому какъ Петтенкофенъ преимущественно любитъ изображать Венгерцевъ, такъ точно даровитый Алоизъ Шенъ отличается особеннымъ пристрастіемъ къ изображенію Евреевъ, которыхъ своеобразную, типическую наружность и всѣ приемы онъ умѣетъ передавать съ неподражаемымъ искусствомъ. Мѣстомъ дѣйствія для своихъ, всегда очень богато написанныхъ, картинъ Шенъ чаще всего избираетъ еврейскіе кварталы въ Казимировскомъ предмѣстьи въ Краковѣ, гдѣ всегда можно встрѣтить такъ много превосходныхъ образчиковъ Израильскаго племени. Изъ картинъ его наиболее замѣчательны по вѣрности еврейскихъ типовъ тѣ двѣ гдѣ изображены главные пункты торговой дѣятельности еврейскаго населенія въ Краковѣ, именно *Дворъ предъ синагогой* и *Густый Рынокъ*. Последняя необыкновенно хорошо передаетъ то оживленіе и суету которыя всегда неизмѣнно сопровождаютъ у Евреевъ куплю и продажу. Посмотрите, какъ хлопотливо бѣгаютъ и тѣснятса они между ллохенькими полуразвалившимися строеніями, занятыя единственно мыслію подешевле пріобрѣсти лакомага гуся. Привычною рукою взвѣшиваетъ Еврей привезенную на продажу сердитую быющуюся крыльями птицу. Кажется слышишь какъ онъ ужасается вылрошенной цѣнѣ и вступаетъ въ оживленный торгъ

съ крестьяниномъ. Но продавецъ хорошо понимаетъ съ кѣмъ имѣть дѣло, онъ знаетъ что Еврей двадцать разъ будетъ уходить и снова возвращаться, будетъ и божиться, и браниться, и торговаться безъ конца. Крестьянина этимъ не надуешь и онъ стоитъ на своей цѣнѣ, спокойно посматривая на обычные уловки продѣлываемыя хитрымъ покупателемъ. Художнику можно сдѣлать единственнаго упрекъ что его картины иногда слишкомъ пестры и недостаточно сильны въ тонѣ.

Въ австрійскомъ отдѣлѣ есть еще одинъ художникъ-жанристъ, котораго мы затрудняемся причислить къ какому-либо изъ названныхъ нами разрядовъ жанра, такъ какъ онъ занимаетъ въ этомъ дѣлѣ совершенно особое и самостоятельное мѣсто. Это извѣстный Отто Торенъ.

Трудно сказать что лучше удастся Торену, изображеніе людей и животныхъ или пейзажъ, такъ какъ разнообразному таланту его, повидимому, одинаково подъ силу всѣ специальности. Самъ отличный наѣздникъ (Торенъ сначала служилъ въ кавалеріи), онъ превосходно пишетъ лошадей и собакъ, а также овецъ и коровъ, хотя въ манерѣ его писать последнихъ нельзя не замѣтить вліянія Тройона и Вербуховена, которыхъ мастерскія ирилежно посѣщалъ художникъ во время пребыванія своего въ Парижѣ и въ Брюсселѣ. Его конный портретъ Австрійскаго императора пользуется большою извѣстностью. На выставкѣ было нѣсколько его картинъ, но мы остановимся только на двухъ. Одна называется *Покинутые* и изображаетъ весьма печальную сцену, именно: только-что упавшаго пораженнаго громовымъ ударомъ молодого ластуха, надъ тѣломъ котораго вѣетъ вѣрная собака, между тѣмъ какъ испуганное грозой стадо сбилось въ кучу и покинутыя на произволь судьбы овцы, въ паническомъ страхѣ, тѣснятся и давятъ другъ дружку. Другая картина *Приближеніе Волковъ*, несмотря на отсутствіе трагическаго элемента, производитъ больше впечатлѣнія. Тутъ прежде всего бросается въ глаза мастерски набросанный силуэтъ венгерскаго ластуха, съ ружьемъ наготовѣ, всматривающагося въ даль, гдѣ показываются волки. Минута всеобщей тревоги при приближеніи непрошеныхъ гостей, отразившаяся и въ позѣ ластуховъ, и въ положеніи принятомъ стадомъ и собаками, и наконецъ въ фигурѣ испуганнаго осла съ которымъ едва можно сладить, передана художникомъ съ изумительною естественностью. Пейзажъ также хорошъ какъ и все остальное.

Къ числу австрійскихъ жанристовъ слѣдуетъ отнести и венгерскаго художника Михаила Мункачи (Munkacsy), хотя, какъ упомянуто было выше, венгерскій отдѣлъ помѣщенъ на выставкѣ совершенно отдѣльно отъ австрійскаго. Мункачи получилъ свое художественное образованіе въ Дюссельдорфѣ, а теперь состоитъ профессоромъ-преподавателемъ въ художественномъ училищѣ въ Веймарѣ. Первая картина обратившая на Мункачи всеобщее вниманіе была *Послѣднія минуты осужденнаго на смерть*, послѣдующія же его произведенія еще болѣе упрочили за нимъ репутацію владычъ самобытнаго и въ высшей степени оригинальнаго художника. Онъ представилъ на выставку нѣсколько картинъ, и по нимъ можно составить довольно ясное понятіе о талантѣ и направленіи этой венгерской художественной знаменитости. Несомнѣнно что Мункачи очень даровитый художникъ, но онъ часто владаетъ въ ультра-реализмъ и отличается способностью видѣть во всемъ только дурную и неприглядную сторону. Никогда вы не подхвѣтите въ его произведеніяхъ ни красоты лицъ, ни изящества формъ, ни вкуса въ обстановкѣ. Можно подумать что онъ носитъ очки показывающія ему всѣ предметы и людей въ самомъ непривлекательномъ, чуть не безобразномъ видѣ. Впрочемъ нѣкоторые художники такъ именно понимаютъ реализмъ въ искусствѣ. Сообразно своему направленію, Мункачи и сюжеты для своихъ картинъ избираетъ по преимуществу между отверженцами общества, убійцами и ворюжками, или же рисуетъ предъ нами сцены хватающей за душу бѣдности, безпробуднаго пьянства, отчаянной борьбы изъ за-куска хлѣба, въ грязи, въ оборванныхъ рубищахъ. Въ этомъ отношеніи талантъ Мункачи имѣетъ много родства съ извѣстнымъ Курбе, котораго онъ напоминаетъ и своимъ темнымъ, холоднымъ, непривлекательнымъ колоритомъ. По большей части картины Мункачи можно узнать еще издали по преобладанію въ нихъ свѣрыхъ и голубоватыхъ тоновъ, но при этомъ художникъ въ высшей степени одаренъ способностью придавать своимъ изображеніямъ необыкновенную жизненность, правду выраженія и поразительную экспрессию. Исполненіе, несмотря на кажущуюся эскизность, показываетъ основательное знаніе рисунка и умѣнье самыми простыми средствами достигать значительныхъ эффектовъ. Одна изъ его картинъ изображаетъ *Ночныя страсти*, которые, со связанными назадъ руками, въ полусумрацѣ ранняго утра, препровождаются въ тюрьму полицейскимъ

патрулемъ; эта кучка мошенниковъ, съ чрезвычайно выразительными лицами, возбуждаетъ живѣйшее любопытство базарныхъ торговокъ и уличныхъ мальчишекъ. Другая картина Мункачи представляетъ пьянаго до положенія ризъ оборваннаго портнаго, котораго только-что привели домой къ его засаленной супругѣ, и наконецъ третья, безобразную старуху въ лохмотьяхъ, занятую сбиваніемъ масла, что нисколько не мѣшаетъ ей ворчать и злиться на присутствующую тутъ же некрасивую дѣвушку. Однимъ словомъ, вездѣ у Мункачи звучитъ одна и та же болѣзненная нота, вездѣ испитыя, безобразныя лица и сцены отъ которыхъ, какъ говорится, не знаешь куда уйти. Здѣсь кстати можно прибавить что венгерскій отдѣлъ, за исключеніемъ произведеній названнаго художника, да еще нѣсколькихъ портретовъ Горовица, не представляетъ ничего сколько-нибудь замѣчательнаго.

Для того чтобы не пропустить ни одного талантаваго нѣмецкаго жанриста, слѣдуетъ еще упомянуть объ ученикѣ Кутюра, Карлѣ Шлоссерѣ (Schlösser), изъ Веймара. На одной изъ его картинъ, *Сотѣтъ въ нуждѣ*, изображена внутренность комнаты съ опущенными жалузи, гдѣ видна сидящая у стола дама, занятая бесѣдой со своимъ адвокатомъ. Мастерство съ какимъ передана вся обстановка комнаты и искусственный полусвѣтъ въ которомъ происходитъ сцена, между тѣмъ какъ, судя по проскользнувшимъ черезъ жалузи лучамъ солнца, на дворѣ стоитъ жаркій полдень, облачаетъ въ художникѣ далеко не дюжинное дарованіе.

IV.

Лучшіе нѣмецкіе портретисты преимущественно группируются въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ, какъ въ большихъ центрахъ гдѣ на этого рода живопись всегда лучший спросъ и она хорошо вознаграждается. Замѣчательно что столь богатая по всѣмъ другимъ отраслямъ живописи, Дюссельдорфская школа считаетъ въ рядахъ своихъ весьма немногихъ талантавыхъ портретистовъ, да и тѣ большею частию занимаются портретомъ не исключительно, а лишь при занятіяхъ другою какою-либо спеціальностію. Такъ напримѣръ Карлъ Гоффъ, едва ли не лучший въ настоящее время живописецъ портретовъ въ Дюссельдорфѣ, какъ мы видѣли выше, преимущественно

посвящаетъ свою кисть жанру. Кнаусъ также иногда пишетъ превосходные портреты, но портретистомъ его никто не называетъ. Совсѣмъ другое дѣло Берлинъ. Тамъ хорошихъ портретистовъ по профессіи, какъ говорится, желчатою уголь. Крокъ произведеній Густава Грефа, Эрнеста Гильдебрандта, Шрадера и Антона Вебера, которые всѣ, почти съ одинаковымъ искусствомъ, пишутъ какъ мужскіе, такъ и женскіе портреты, на выставкѣ особенно обратили на себя всеобщее вниманіе превосходныя поясныя изображенія князя Бисмарка и графа Мольтке, работы берлинскаго профессора Отто Гейдена. Оба эти портрета, замѣчательные по необыкновенной живности и вѣрности характеристикъ, знакомы намъ еще по Мюнхену, но это не тѣ самые экземпляры которыми мы тамъ любовались, а лишь отличныя повторенія съ небольшими измѣненіями въ нѣкоторыхъ подробностяхъ аксессуаровъ. Такъ, хотя Бисмаркъ изображенъ сидящимъ въ совершенно той же позѣ, въ томъ же своемъ неизмѣнномъ, извѣстномъ теперь всему свѣту, кирасирскомъ мундирѣ съ желтымъ воротничкомъ, и рука его, какъ и прежде, покоится на развернутомъ маршемъ трактатѣ, но самый трактатъ, находящійся у него подъ рукою, уже теперь не тотъ что былъ въ Мюнхенѣ. Въ портретѣ бывшемъ на Мюнхенской выставкѣ, то былъ трактатъ окончившій войну съ Австріей, и палецъ князя Бисмарка какъ бы случайно указывалъ на тотъ знаменитый пунктъ гдѣ значилось что Австрія исключается изъ числа членовъ Германскаго Союза. Очень можетъ быть что кому-нибудь показалось не совсѣмъ деликатнымъ везти въ Вѣну портретъ Бисмарка съ такимъ непріятнымъ для Австріи напечатаніемъ, и вотъ въ настоящемъ повтореніи художникъ подоложилъ подъ руку *железнаго графа* болѣе свѣжій и славный трофей,—Парижскій договоръ, и палецъ доблестнаго военна-дипломата теперь уже указываетъ на пунктъ этого договора по которому Франція обязалась заллатить Пруссіи крупную сумму пять миллиардовъ франковъ военной контрибуціи. Любопытно знать какой новый трактатъ дастъ художникъ въ руки Бисмарка при слѣдующемъ повтореніи его портрета. Графъ Мольтке встрѣчается также и на двухъ картинахъ небольшихъ размѣровъ А. Вернера. На одной онъ представленъ занимающимся въ своемъ кабинетѣ, а на другой верхомъ на конѣ, пристально разсматривающимъ съ

мысоты холма положеніе Парижа, въ то время какъ проходящія мимо войска приветствуютъ его восторженными кликами.

Отъ изображенія героевъ, такъ живо напоминающихъ послѣднюю Франко-Прусскую войну, переходимъ къ портретамъ простыхъ смертныхъ. Вотъ два очень замѣчательные портрета работы Густава Рихтера, даровитаго автора *Постройки Пирамидъ*. Одинъ изображаетъ красивую женщину, съ выраженіемъ счастья на лицѣ, несущую на рукахъ маленькаго прелестнаго ребенка. Художникъ озаглавилъ этотъ портретъ названіемъ *Моя Жена*. На другомъ мы видимъ самого художника, очень виднаго брюнета среднихъ лѣтъ, который, высунувшись въ окно, показываетъ публикѣ прехорошенькаго мальчика лѣтъ четырехъ, съ бокаломъ вина въ рукѣ. *Это мой сынъ*—заявляетъ публикѣ счастливый отецъ. Оба портрета, составляющіе репандантъ одинъ другому, написаны съ большимъ совершенствомъ, бойко, сочно и сильно. Мимо нихъ нельзя пройти чтобы не остановиться. Справедливость требуетъ однако сказать что они не лишены нѣкоторой вычурности въ деталяхъ, тѣмъ болѣе неуѣдливой что талантъ Рихтера не имѣетъ надобности прибѣгать къ какимъ-либо фокусамъ чтобы остановить на своемъ произведеніи вниманіе зрителя даже въ такомъ случаѣ когда дѣло идетъ просто о головкѣ красиваго мальчугана. Доказательствомъ можетъ служить его прелестный этюдъ *Неаполитанскаго Мальчика*, пользующійся такою огромною извѣстностью и повсемѣстно распространенный въ безчисленныхъ копіяхъ и фотографіяхъ. Рихтеру принадлежитъ также прекрасный портретъ молодой граціозной дѣвушки въ бальномъ нарядѣ. На этотъ разъ портретъ написанъ безъ малѣйшихъ претензій, но съ замѣчательнымъ мастерствомъ. Особенно хороши вышли тонкія аристократическія руки дѣвушки, выдѣляющіяся на бѣломъ фонѣ газоваго платья.

Въ Вѣнѣ первое мѣсто въ портретной живописи занимаетъ теперь Ангели, выставившій нѣсколько прекрасныхъ дамскихъ и дѣтскихъ портретовъ, а также портретъ Австрійскаго императора, впрочемъ не совсѣмъ удачный. За нимъ слѣдуютъ: Родаковскій, Шарльмонъ, Амерлингъ, Айгнеръ, Гауль и Матейко. Портреты послѣдняго преимущественно замѣчательны по экспрессіи. Къ портретистамъ слѣдуетъ также отнести Лафита и Рааба, которыхъ спеціальность хорошенькія женскія головки, но ихъ манера писать слишкомъ напоминаетъ живопись на фарфорѣ.

Изъ Мюнхенцевъ посвятившихъ себя портретному роду, можно указать на одного Ленбаха, но правда что этотъ одинъ стоить многихъ. По тонкой характеристикѣ лицъ и по умѣнію, при помощи самыхъ простыхъ, повидимому, приемовъ, передать всю нравственную физиономію человѣка, весь его характеръ, Ленбахъ едва ли имѣеть соперниковъ. Большой портретъ его во весь ростъ императора Австрійскаго, составляющій въ центральной залѣ реландъ къ портрету императрицы, работы Виттергаальтера, превосходить, во всякой портретъ императора Вильгельма кажется еще лучше. Особенность манеры Ленбаха, заключающейся въ томъ что онъ сосредоточиваетъ всю свою силу на головѣ, совершенно неглижируя аксессуарами и подробностями. Въ послѣднее время Ленбахъ, живя въ Вѣнѣ, очень близко сошелся съ Макартомъ, и намъ случилось видѣть настоящія образцовыя произведенія въ портретномъ родѣ въ которыхъ Ленбахъ писалъ лицо, а Макартъ своею широкою, сочною и въ высшей степени колоритною кистью, со свойственною ему виртуозностію, набрасывалъ платье, драпировку и всѣ подробности обстановки. Эффектъ этихъ портретовъ изумителенъ.

Говоря о портретахъ, нельзя не упомянуть о превосходномъ ганноверскомъ мастерѣ, любимцѣ королеванныхъ особъ и высшей аристокраціи, о Фридрихѣ Каульбахѣ, двоюродномъ братѣ знаменитаго Вильгельма Каульбаха. Портреты его работы всегда нѣсколько идеализованы, но при этомъ сохраняютъ разительное сходство и отличаются мастерскимъ письмомъ и пріятнымъ колоритомъ. Изъ числа выставленныхъ имъ портретовъ особенно обращалъ на себя вниманіе публики портретъ наследнаго принца Прусскаго, съ фельдмаршалскимъ жезломъ въ рукѣ, а также портретъ какой-то баронессы, красивой брюнетки, въ черномъ бархатномъ платьѣ.

Живописцевъ по части животныхъ въ Германіи очень много, но, сказать правду, въ этомъ отношеніи Германія несравненно блѣднѣе Франціи и нѣтъ у нея ни одного художника способнаго выдержать сравненіе въ дѣлѣ живописи животныхъ съ такими знаменитыми мастерами какъ Французы Тройонъ, Бракассъ, или Роза Боннеръ. Кромѣ Отто Торена, о которомъ было сказано выше, въ австрійскомъ отдѣлѣ, въ качествѣ живописцевъ животныхъ, особенно заслуживаютъ вниманія

Ранцони и Шредль (Schrödl), превосходно изображающіе овецъ, Бюльмейеръ и Руд. Губеръ, какъ живописцы коровъ и воловъ, и Рейхартъ, какъ портретистъ собакъ. Въ Мюнхенской школѣ особенно выдается въ томъ же родѣ Фольцъ (Voltz), который своихъ коровъ помѣщаетъ обыкновенно въ превосходно нарисанномъ пейзажѣ. Въ мюнхенскомъ отдѣлѣ многихъ также заинтересовала картина Отто Геблера подъ названіемъ: *Художественные критики*, гдѣ представлено нѣсколько овецъ, съ глупымъ удивленіемъ и отчасти даже съ полагомъ разсматривающихъ картину съ изображеніемъ овцы, очевидно забытую въ овчарнѣ художникомъ. Сцена передана съ такимъ комизмомъ что невольно возбуждаетъ смѣхъ. Изъ Берлинцевъ особенно хорошо и вѣрно лашутъ лошадей Шмитсонъ и Стефекъ (послѣдній извѣстенъ своими портретами мушкетеровъ и дамъ верхомъ на лошадяхъ) и Брендель, очень хорошо изучившій нравы овецъ.

Какъ на особенно выдающійся талантъ въ области живописи животныхъ, слѣдуетъ еще указать на франкфуртскаго уроженца Адольфа Шрейера (Schreyer). Онъ учился сначала въ Штутгартѣ, потомъ въ Мюнхенѣ и въ Дюссельдорфѣ, а въ послѣдствіи еще болѣе развилъ свое дарованіе путешествіями въ Турцію, въ Княжествахъ, въ южной Россіи, въ Египтѣ, Сиріи и Алжирѣ. Въ Парижѣ, гдѣ нѣкоторое время жилъ Шрейеръ, картины его всегда пользовались самымъ лестнымъ успѣхомъ. Шрейеръ обнаружилъ также большія способности и къ батальной живописи, причѣмъ необыкновенная его память, вѣрно сохраняющая малѣйшія подробности моментальныхъ движеній и поворотовъ лошади, очень много помогала ему особенно въ тѣхъ картинахъ гдѣ дѣло шло объ изображеніи горячихъ кавалерійскихъ схватокъ, атакъ конницы и вообще въ тѣхъ случаяхъ гдѣ требовалось передать быстрыя движенія конныхъ отрядовъ. Послѣднія его картины по большей части изображаютъ венгерскія и валахскія почты, образчики молдавскихъ и валахскихъ конныхъ расъ, мѣстное коневодство и пр. Знатки и любители лошадей съ удовольствіемъ останавливались на выставкѣ предъ его двумя парами нѣсколько массивныхъ могучихъ коней, въ красивомъ оригинальномъ уборѣ, такъ картинно стоящихъ у подъяза деревенскаго трактира. Еще лучше его *Венгерская Повозка* медленно, шагъ за шагомъ, вѣдущая въ вечернихъ сумеркахъ по совершенно испорченной дождемъ, грязной дорогѣ. Очень

также написана небольшая картина Шрейера изображающая скачущаго въ пустынѣ арабскаго всадника, нечаянно накнувшагося на тропь своего убитаго друга.

Сими блестящими представителями пейзажа въ нѣмецкомъ отдѣлѣ Вѣнской выставки были два Дюссельдорфца, два знаменитые брата Андрей и Освальдъ Ахенбахи. Оба они были представлены на выставкѣ превосходно. Андрею Ахенбаху принадлежали три пейзажа: два вида заимствованные изъ природы Вестфалии и Флиссенгена и его извѣстный *Maison blanche*, въ Остенде. Наиболее сильную сторону таланта Андрея Ахенбаха составляетъ необыкновенное умѣние передавать эффекты надвигающихся дождевыхъ тучъ въ ясный день, или неожиданное приближеніе грозы и вообще тѣ нерѣдко встрѣчающіеся въ природѣ моменты когда съ одной стороны неба еще ярко свѣтитъ солнце, между тѣмъ какъ съ другой уже все заволокло темными тучами и присмирѣвшая окрестность ждетъ бури или дождя. Моменты эти скоропремудщи, но они исполнены дивною прелестью и ничто не можетъ сравниться со своеобразиемъ и причудливостью освѣщенія которое получается тогда предметами. Вотъ такой именно моментъ изображаетъ, со всегдашнимъ своимъ искусствомъ, Андрей Ахенбахъ въ картинѣ *Maison blanche*. На берегу канала, малопланнаго судами, мы видимъ нѣсколько домовъ фламандской постройки и въ томъ числѣ небольшой отель „Бѣлый Домъ“, у котораго собралось довольно многочисленное общество. Верхи домовъ еще ярко освѣщены вечернимъ солнцемъ, а съ противоположной стороны уже быстро надвигается полъ небѣ заявившая темная туча, и первый порывъ вѣтра, предвѣстникъ бури, уже пробѣжалъ по каналу, крутя ларуса и намыная волны. Мастерство съ какимъ почувствованы эффекты мягкаго вечераго свѣта и приближающагося темнота, а также моментъ мгновеннаго перехода отъ полнаго затишья къ внезапно налетѣвшему шквалу выше всякой похвалы. Въ настоящее время положительно нѣтъ въ Европѣ другаго пейзажиста кто бы могъ поспорить съ Андреемъ Ахенбахомъ въ картинахъ подобнаго рода. Очень хорошъ также по своей безыскусственности и простотѣ, *Вестфальскій Пейзажъ* того же художника, изображающій одинако стоящую и взоромъ водную мельницу, окруженную дикою горною природой. Дождливое, клубящееся бѣловатыми тучами небо, насквозь пропитанный влажностью воздухъ и движеніе

вѣтра въ деревьяхъ переданы свободно и широко, но вмѣстѣ очень окончено. Вода въ горной рѣчкѣ, падающая быстро внизъ и стремящаяся подъ небольшой мостикъ, перекинутый въ самомъ низу картины, написана съ такою правдой что кажется какъ будто слышишь однообразный шумъ ея паденія. Несравненно менѣе удовлетворилъ насъ морской пейзажъ А. Ахенбаха, съ изображеніемъ сильнаго прибоя волкъ въ гавань. Правда, въ волнахъ много движенія и вся эта картина бушующей стихіи не лишена своего рода дикой поэзіи, но за то вода недостаточно прозрачна и слишкомъ ужъ тяжела.

Произведенія Освальда Ахенбаха отличаются всегдашними, неизмѣнными достоинствами его кисти: вѣрностью общаго тона, виртуозностью исполненія и необыкновеннымъ мастерствомъ писать деревья ему одному только свойственною манерой. Особенно намъ понравилась та его картина задній планъ которой составляетъ величественный дымящійся Везувій, живописно вырисовывающійся на прозрачномъ голубомъ небѣ и какъ бы готовый потонуть въ чудныхъ лилово-розовыхъ переделахъ воздуха, свойственныхъ только южной Италіи. Очень хороши также, каждая въ своемъ родѣ, двѣ его картины: *Праздникъ цѣттовъ въ Джезуано*, представляющая длинную процессію нарядной толпы, тянущейся по узкимъ улицамъ маленькаго городка, и *Вилла Торлонія*, близъ Фраскати. Къ сожалѣнію, художникъ въ послѣднее время слишкомъ уже часто сталъ обращаться къ изображенію переспективныхъ видовъ улицъ, преимущественно небольшихъ городовъ Италіи и Сициліи. Хотя эти картины находятъ себѣ много поклонниковъ, но все же онѣ далеко не могутъ соперничать съ тѣми превосходными пейзажами гдѣ Освальду Ахенбаху представляется случай показать купу деревьевъ освѣщенныхъ горячими лучами южнаго солнца или перенести насъ въ хорошенкій садикъ какого-либо монастырскаго двора, оживленнаго присутствіемъ двухъ-трехъ наслаждающихся сіестой монаховъ.

Мы не считаемъ себя въ правѣ утомлять вниманіе читателя перечисленіемъ многаго множества хорошихъ пейзажей бывшихъ на Вѣнской выставкѣ въ нѣмецкомъ отдѣлѣ, съ подробнымъ указаніемъ именъ ихъ авторовъ. Это было бы слишкомъ длинно, а главное очень скучно, поэтому мы ограничимся тѣмъ что вспомнимъ только нынѣшнихъ корифеевъ пейзажнаго рода въ Германіи. Таковъ, между прочими, въ Вѣнѣ, Августъ Шефферъ, между картинами котораго *Дубовый Лѣсъ*, въ

горь, освѣщенный вечернимъ солдцемъ, положительно можетъ быть названъ образцовымъ произведеніемъ. Ему же принадлежитъ вполнѣ прелестная небольшая вещь *Восходъ Солнца надъ покрытымъ туманомъ болотомъ*. Потомъ слѣдуютъ Карлъ Швейнгеръ, Эдуардъ Лихтенфельсъ, нынѣ профессоръ-преподаватель по пейзажной части въ Вѣнской академіи, и Альбертъ Циммерманъ, съ даровитымъ ученикомъ своимъ Робертомъ Руссомъ. Руссу теперь около двадцати шести лѣтъ, но онъ уже успѣлъ занять весьма видное мѣсто между современными пейзажистами, и на международной выставкѣ въ Мюнхенѣ, гдѣ, какъ извѣстно, награды присуждались далеко не съ такою безалаберною щедростію какъ въ Вѣнѣ, удостоился довольно рѣдкаго отличія, золотой медали. Чрезвычайно замѣчательны и своеобразны его *Лѣсной Пейзажъ* и *Вѣтряная Мельница въ Роттердамѣ*, но едва ли не лучше еще *Дворъ замка Фюрстенбергъ*, въ Тироли. Этому во всѣхъ отношеніяхъ превосходному произведенію, приобрѣтенному для Бельведерской галлерей въ Вѣнѣ, можно сдѣлать одинъ только упрекъ, именно что къ живописнымъ развалинамъ замка въ *нынѣшнемъ* его состояніи вовсе не идутъ средневѣковые костюмы, въ которые художнику изумалось нарядить нѣсколько фигуръ прохаживающихся по двору замка. Особенность Русса заключается въ томъ что онъ почти никогда не избираетъ для своихъ картинъ ландшафтовъ съ дальней точки зрѣнія, съ обширнымъ кругозоромъ и закончаемою перспективою, но любитъ останавливать вниманіе зрителя на какомъ-нибудь находящемся вблизи лѣсномъ оврагѣ, или на кучкѣ деревьевъ въ двухъ шагахъ отъ зрителя, или же на одиноко стоящей прямо предъ глазами вѣтряной мельницѣ, но все это художникъ умѣетъ передать съ необыкновенною правдою и удивительною гармоніею красокъ, въ чрезвычайно пріятномъ колоритномъ тогѣ.

Изъ берлинскихъ пейзажистовъ первымъ все еще остается Эдуардъ Гильдебрандтъ, хотя умершій еще въ 1868 году, но до настоящаго времени ни кѣмъ не замѣненный въ Берлинѣ. Его превосходные, удивительные по силѣ освѣщенія и прозрачности воздуха, виды: *Заходъ Солнца*, *Замокъ Кроненбургъ*, близъ Гельсингера, и какой-то чудный индійскій ландшафтъ съ священною лагодой надъ ярко освѣщеннымъ луной, дремлющимъ озеромъ,—служили лучшимъ украшеніемъ коллекціи картинъ Берлинской школы. Впрочемъ, кромѣ Гильдебрандта,

въ томъ же отдѣлѣ можно еще указать, какъ на замѣчательныхъ пейзажистовъ, на Максимилиана Шмидта, вывѣ профессора въ Кенигсбергѣ, на Эшке, превосходно передаващаго несравненную голубизну извѣстнаго Лазореваго Грота, близъ Неаполя, и на Люттерота, этого привелигированнаго живописца италянскон природы, которую онъ воспроизводитъ не безъ таланта, но вѣсколько манерно.

Мюнхенская школа представляетъ цѣлый длинный рядъ хорошихъ пейзажистовъ, но въ числѣ ихъ нѣтъ знаменитостей въ родѣ братьевъ Ахенбаховъ или Эдуарда Гильдебрандта. Не забудемъ однако же Юлія Ланге, обыкновенно переносащаго зрителя къ самому подножію италянскихъ или швейцарскихъ горъ, но на этотъ разъ представившаго предествую на пораму озера Четырехъ Кантоновъ и какой-то замокъ въ Туролѣ, а также даровитаго Адольфа Лира (Lier), умѣющаго такъ поэтически выражать и грустное впечатлѣніе послѣднихъ дней осени, *Осенній Пейзажъ*, и чудную свѣжесть весенняго убора полей и деревьевъ, *Весеннее Утро*. Остается сказать еще о двухъ специалистахъ—Штадеманнѣ и Ксиландерѣ. Штадеманнъ избралъ себѣ неблагоприятную задачу—изображеніе зимы во всѣхъ ея видахъ, со всѣми ея не особенно привлекательными принадлежностями: обнаженными деревьями, инеемъ, снѣгомъ, морозами и льдомъ. Какъ хорошо удастся ему передавать тяжелое, тусклое зимнее небо и холодными вѣтеръ, вздымающій снѣжные сугробы. Право, кажется можно простудиться останавливаясь предъ его зимними пейзажами отъ которыхъ такъ и несетъ холодомъ. Ксиландеръ (Xylander) посвятилъ себя несравненно болѣе привлекательнымъ эффектамъ луннаго освѣщенія, передаваемого имъ съ рѣдкимъ искусствомъ и правдою.

Заговоривъ объ эффектахъ лучшаго освѣщенія, невозможно пропустить безъ вниманія настоящаго виртуоза по этой части Ганса Гуде (Gude), Норвежца по происхожденію, бывшаго ученика Андрея Ахенбаха, а теперь профессора въ Карлсруѣ. На выставкѣ былъ одинъ его видъ (если не ошибаемся, подъ названіемъ *Норвежскій Берегъ*), гдѣ отраженіе луны на волнахъ схвачено съ такимъ изумительнымъ совершенствомъ что лучше этого нельзя и вообразить ничего. Чѣмъ болѣе вы всматриваетесь въ серебристое лунное море, покрытое мелкою рябью, тѣмъ больше поддается

обману зрѣнія и тѣмъ натуральнѣе, жизненнѣе кажутся вамъ тако плещущія волны, отражающія мягкій блескъ луннаго освѣщенія. Эффектъ поразительный.

V.

Акварелей въ нѣмецкомъ отдѣлѣ выставки было сравнительно весьма немного, и мы бы объ нихъ даже не упоминали вовсе, еслибы въ числѣ ихъ не было произведеній Лудвига Пассини, высоко даровитаго художника, представляющаго собою чрезвычайно замѣчательное, можно сказать, необыкновенное явленіе въ области акварельнаго жанра. Техника доведена у Пассини до значительной степени совершенства: такой силы, такой глубины тона и вмѣстѣ такой правильности и законченности рисунка достигаютъ весьма немногіе акварелисты, но въ картинахъ Пассини это далеко не главное. Онъ поражаетъ преимущественно не безплодною техникой, въ этомъ отношеніи въ Англіи найдутся пожалуй художники нисколько ему не уступающіе, но преимущественно оригинальностью и глубоко обдуманнѣмъ содержаніемъ своихъ произведеній, превосходною композиціей, изумительною вѣрностью характеристикъ и необыкновенною экспрессіей лицъ, однимъ словомъ, всеми достоинствами знаменитѣйшихъ мастеровъ жанра. Это Клаусъ и Вотье акварели. Пассини нельзя сравнивать ни съ кѣмъ изъ извѣстныхъ современныхъ акварелистовъ, именно потому что, глядя на его картины, вы видите не одну лишь болѣе или менѣе удачную поддѣлку подъ масляныя краски, но произведенія вполне самобытныя, въ которыхъ предъ вами живутъ, дѣйствуютъ, мыслятъ, чувствуютъ и увлекаются страстями живые люди. Пассини тонкій наблюдатель и обладаетъ рѣдкою способностью схватывать самыя мимолетныя впечатлѣнія отражающіяся на человѣческой физиономіи. Онъ неистощимъ въ передачѣ народныхъ типовъ, причемъ преимущественно заимствуетъ свои сюжеты изъ италіанской жизни. На выставкѣ было около десяти его картинъ, въ томъ числѣ два портрета. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны и по размѣрамъ, и по богатству композиціи *Церковное служеніе въ Римѣ*, *Публичный чтеніе въ Венеціи* и *Религіозное обученіе*, а также небольшая акварель *Кающаяся Магдалина*. Безъ всякаго преувеличенія, эти безплодныя акварели оставляютъ въ

тѣни многіе и многіе жанры писанные масляными красками. Вотъ художникъ изображаетъ пышное католическое служеніе въ одной изъ богато убранныхъ римскихъ церквей. Это та минута когда одинъ изъ служителей алтаря кадитъ кадильницей предъ чинно сидящими рядкомъ въ своихъ великолѣпныхъ рѣзвыхъ сидѣніяхъ римскими прелатами. Сколько здѣсь неподражаемыхъ типическихъ физиономій. Какіе чудесные эффекты извлекъ художникъ изъ того разительнаго контраста который представляютъ съ одной стороны торжественность богослуженія и роскошь церковныхъ римскихъ одеждъ и всей обстановки, а съ другой — апатичныя и равнодушныя, скучающія лица святыхъ отцовъ.

Чрезвычайно замѣчательна также картина Пассини *Публичный Чтецъ*, гдѣ художникъ заставляетъ насъ присутствовать при публичномъ чтеніи какого-то должно-быть въ высшей степени интереснаго произведенія и показываетъ намъ многочисленную толпу слушателей, преимущественно венеціанскихъ рыбаковъ и гондольеровъ, внимающихъ съ самымъ разнообразнымъ выраженіемъ на лицахъ воодушевленному и жестикулирующему чтецу. Видно какъ у нѣкоторыхъ просто захватываетъ дыханье отъ нетерпѣнія и любопытства, другіе выражаютъ свое восхищеніе плохо сдерживаемыми восклицаніями, третьи наслаждаются спокойно, взвѣшивая каждое слово, есть наконецъ и такіе которые остаются совершенно равнодушными и даже просто окучаютъ, или готовы вздремнуть подъ шумокъ. И всѣ эти впечатлѣнія ярко и отчетливо выражаются не только на лицахъ присутствующихъ, но въ ихъ позѣхъ, жестахъ, малѣйшихъ движеніяхъ. Да, Людвигъ Пассини большой художникъ, и его акварели безспорно могутъ быть названы лучшими перлами жанровой живописи.

Вотъ нѣсколько біографическихъ данныхъ о жизни Пассини. Онъ родился въ Вѣнѣ въ 1832 году. Отецъ его былъ граверомъ. Сначала Пассини учился рисовать у своего отца, а потомъ поступилъ въ Вѣнскую академію, гдѣ занимался подъ руководствомъ Кулельвизера, Фюриха и Эндера, но собственно въ акварельной живописи учителемъ его былъ извѣстный акварелистъ Карлъ Вернеръ, который, замѣтивъ рѣдкія дарованія своего ученика, сталъ брать его съ собою въ свои артистическія путешествія и подолгу проживалъ съ нимъ въ Италіи и особенно въ Венеціи. Почувствовавъ себя самостоятельнымъ художникомъ, Пассини поселился въ Римѣ,

и тамъ вначалѣ преимущественно занимался архитектурными рисунками. Лишь съ 1864 года привался онъ рисовать сцены изъ римской жизни и частію портреты. Скоро его превосходныя акварели приобрѣли ему громкую репутацію и стали покупаться на расхватъ за большія деньги. Телерь Пассини считается знаменитостью и первокласснымъ художникомъ. Живеть онъ постоянно въ Берлинѣ. Изъ многочисленныхъ картинъ его пользуются особенною извѣстностью *Исповѣдь, Вечерня въ церкви Св. Павла въ Римѣ* и др.

Въ заключеніе этого обзора произведеній нѣмецкой живописи бывшихъ на всемірной выставкѣ, обзора конечно далеко не полнаго, намъ остается еще сказать объ одной картинѣ, которая хотя вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ и не попала на выставку, но тѣмъ не менѣе не можетъ быть пропущена безъ вниманія, когда дѣло идетъ о современной нѣмецкой живописи, такъ какъ картина эта представляетъ собою въ высшей степени замѣчательное, можно сѣбно сказать, необыкновенное явленіе въ исторіи новѣйшаго искусства. Читатель можетъ быть уже догадался что мы разумемъ здѣсь послѣднее произведеніе Ганса Макарта *Праздникъ даннаго Венеціи въ честь Екатерины Корнаро* (*Venezia huldigt der Catharina Cornaro*). Названная картина, появившись въ одной изъ залъ помѣщенія общества художниковъ, въ Künstlerhaus'ѣ, въ Лотарингской улицѣ, надѣлала чрезвычайно много шума въ Вѣнѣ, и въ продолженіи почти всего времени что продолжалась всемірная выставка, имя Ганса Макарта не переставало быть предметомъ всѣхъ разговоровъ и самыхъ оживленныхъ толковъ. Такова ужъ судьба произведеній Макарта что появленіе ихъ никогда не обходится безъ шума. Въ настоящемъ случаѣ, кромѣ несомнѣнныхъ достоинствъ *Екатерины Корнаро*, поводомъ къ толкамъ послужило еще и то обстоятельство что картина эта едва только была окончена какъ почти тотчасъ же и куплена извѣстнымъ торговымъ домомъ *Mitke и Wawra*, залатавшимъ за нея громадную сумму 20,000 гуальденовъ, что составляетъ на наши деньги болѣе шестидесяти тысячъ рублей.

О манерѣ и направленіи Ганса Макарта мы имѣли случай говорить довольно подробно въ особой статьѣ по поводу выставки въ Петербургѣ его извѣстной картины *Чума во Флорен-*

ци, * поѣтому теперь займемся преимущественно самимъ художникомъ и его новымъ произведеніемъ.

Гансъ Макартъ родился въ Зальцбургѣ въ 1840 году. До восемнадцати лѣтъ онъ кое-какъ, слегка, занимался рисованіемъ подъ руководствомъ своего дяди, миниатюрнаго и геральдическаго живописца Риссемейера, а въ 1850 году, по настоянію Риссемейера, замѣтившаго въ немъ талантъ къ живописи, поступилъ въ Вѣнскую академію. Впрочемъ не прошло послѣ того и двухъ мѣсяцевъ, какъ Макартъ, по какому-то капризу, уволился изъ академіи, намѣреваясь даже совсѣмъ отказаться отъ искусства. Видя здѣсь неудачу, Риссемейеръ старался пріохотить вѣтрянаго племянника къ своему дѣлу, и дѣйствительно Макартъ нѣкоторое время съ удовольствіемъ занимался рисованіемъ гербовъ и разныхъ геральдическихъ орнаментовъ, но это ему тоже скоро надоѣло. Тогда отцу его пришла фантазія сдѣлать изъ него гравера и съ этою цѣлью онъ отправленъ былъ въ Мюнхенъ. Благодаря рекомендаціи дяди, Пилоти обратилъ вниманіе на молодаго человѣка и задалъ ему написать какой-то эскизъ масляными красками. До того времени Макартъ не имѣлъ въ рукахъ масляныхъ красокъ, но написанная имъ вещь, несмотря на всѣ свои несовершенства, показывала однакожь такіе несомнѣнные задатки таланта и такъ понравилась Пилоти что онъ изъявилъ желаніе принять художника подъ свое руководство. Служилъ ли учитель взяться за дѣло, или же самъ ученикъ убѣдился наконецъ въ своемъ призваніи, какъ бы то ни было, но только съ этого времени Макартъ пристрастился къ искусству и до 1868 года почти безвыѣздно оставался въ Мюнхенѣ прилежно работая у Пилоти. Первая его картина, написанная имъ въ 1866 году, для Парижской выставки, *Римскія Развалины*, сразу обратила на него вниманіе знатоковъ и обнаружилась въ немъ особенныя дарованія къ колориту. За *Римскими Развалинами* скоро послѣдовали нѣкоторыя другія ея произведенія, и между прочимъ его *Современныя Амурскія* и т.

До послѣдняго времени Макартъ извѣстенъ былъ какъ чрезвычайно даровитый, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени своеобразный и причудливый художникъ,—колористъ съ блестящею техникой и съ богатымъ, но разнузданнымъ воображеніемъ, у котораго все разчитано было лишь на общіе

* Русск. Вѣст. 1870, № 5.

эффектъ и безжалостно приносилось въ жертву красивому подбору красокъ. Композиція картинъ его поражала страшнымъ пренебреженіемъ къ общепринятымъ условіямъ и законамъ искусства, рисунокъ нерѣдко удивлялъ чудовищными уклонами отъ истины, самое содержаніе его произведеній, обыкновенно отпаивавшихся чувственнымъ направленіемъ, представляло какую-то непостижимую смѣсь фантастическаго и дѣйствительнаго; даже форма и цвѣтъ предметовъ видоизмѣнялись имъ по произволу, или, лучше сказать, по капризу, безъ всякихъ разумныхъ основаній, единственно ради декоративныхъ цѣлей и живописной гармоніи цвѣтовъ. По большей части это былъ какой-то сбивчивый горячечный бредъ, рядъ привлекательныхъ, но неопредѣленныхъ образовъ безъ толку и внутренней значенія... Конечно ни одно произведеніе новѣйшей живописи не возбудило столько споровъ и не подвергалось такимъ разнорѣчивымъ оцѣнкамъ какъ бывшая въ Петербургѣ картина Макарта, истинное названіе которой и до сихъ поръ съ точностію не извѣстно. Ее попеременно называютъ то *Чужой во Флоренціи*, то *Селью смертными грѣшными*, то наконецъ, и это намъ кажется всего правильнѣе, *Сномъ Развратника (Traum eines Wüstlings)*. При появленіи этой загадочной картины, неопредѣленность названія которой уже достаточно показываетъ всю сбивчивость и неуловимость ея содержанія, одни превозносили Макарта чуть не до небесъ, другіе, напротивъ, не видѣли въ картинѣ ровно ничего хорошаго, и въ то время какъ нѣкоторые провозглашали художника гениальнымъ новаторомъ въ искусствѣ, противоположная партія, наоборотъ, считала это произведеніе нечлѣвчостью и какимъ-то юродствомъ въ живописи. Сказать правду, каждая изъ сторонъ была отчасти права въ своихъ приговорахъ, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ картина о которой идетъ рѣчь представляла собою чудное соединеніе блестящихъ достоинствъ и самыхъ поразительныхъ недостатковъ.

Въ 1869 году Макартъ получилъ изъ Вѣны предложеніе занять мѣсто профессора-преподавателя въ Вѣнской академіи, но онъ отказался отъ этого мѣста, и тогда вновь послѣдовало со стороны австрійскаго правительства приглашеніе Макарту переѣхать на жительство въ Вѣну, гдѣ для него устроена была великолѣпная мастерская, съ удобнымъ помѣщеніемъ для жилья, въ прелестномъ небольшомъ садикѣ, въ Фаворитенъ-Штрассе. Тамъ теперь и живетъ постоянно

художникъ, изрѣдка дѣлая поѣздки въ Зальцбургъ и въ Тироль. Изъ этой-то мастерской вышли всѣ послѣднія картины Маркарта: *Монахи заняты музыкой*, *Abundantia*, *Ромео* и *Джульета*, находящаяся теперь въ Бельведерскомъ музеѣ новѣйшей живописи, въ Вѣнѣ, и въ заключеніе, какъ вѣнецъ всѣхъ его прежнихъ твореній, *Екатерина Корнаро*.

Содержаніе этой картины весьма незатѣливо. Оно заимствовано изъ блестящей эпохи Венеціи и изображаетъ одинъ изъ очень характерныхъ эпизодовъ венеціанской исторіи, относящійся съ 1468 году, именно прощальный праздникъ даннѣй царией Адриатики по случаю выхода замужъ за кипрскіа короля Джакола Лузиньяна дочери одного венеціанскаго сенатора, по имени Екатерины Корнаро. Если вѣрить преданію, Екатерина Корнаро отличалась дивною, ослѣпительною красотой, и вся Венеція до такой степени обожала эту дѣвушку что даже удостоила ее небывалой чести усыновленія и придала ей названіе „*La figlia di San Marco*“, а при выходѣ красавицы въ замужество, назначила ей изъ государственной казны въ приданое 100 тысячъ золотыхъ цехиновъ. Извѣстно что въ послѣдствіи Екатерина Корнаро достойнымъ образомъ отблагодарила республику, завѣщавъ ей, по смерти мужа и сына, въ наслѣдство свое Кипрское царство. Художникъ избралъ для картины тотъ моментъ когда Екатерина, готовясь къ отплытію въ Кипръ, прощается съ Венеціей и принимаетъ различныя депутации, приходящія къ ней съ пожеланіями добраго пути и съ подарками. Шестнадцатилѣтняя очаровательная, блѣлая красавица сидитъ на тронѣ устроенномъ на плаццеттѣ, на особомъ возвышеніи, подъ роскошнымъ пурпуровымъ наметомъ. Налѣво около нея стоитъ гордый и счастливый отецъ ея, Марко Корнаро. Предъ нею, на ступеняхъ трона, въ разныхъ позахъ, группируются самыя красивыя венеціанскія дамы и дѣвицы, весь цвѣтъ венеціанской аристократіи, съ различными подарками въ рукахъ, кто принесъ цвѣты, кто фрукты, кто держитъ дорогой ларчикъ, кто изящную античную вазу. Нѣсколько далѣе видны благородныя фигуры престарѣлаго венеціанскаго дожа Христофора Моро и адмирала республики Джироламо Діего. Они тоже явились привѣтствовать дочь Св. Марка. Еще дальше почетная стража едва сдерживаетъ толпы народа, тѣснящагося въ послѣдній разъ взглянуть на Екатерину. Налѣво, сзади царицы праздника, собралось еще нѣсколько женщинъ изъ ея свиты,

а ввиду великолѣпно разукрашенная гондола, ожидающая Екатерину чтобы везти прекрасную Венеціанку къ ея супругу. Рамю и фономъ всѣхъ этихъ группъ служатъ чудное синее небо, едва подернутое легкими облаками, роскошная колоннада лѣщцетты и разноцвѣтные флаги судовъ, весело играющіе на мачтахъ. Вотъ содержаніе этой громадной картины, заключающей въ себѣ около 35 фигуръ.

Но не видавъ картины невозможно составить себѣ понятіе о поразительномъ ея эффектѣ. Художникъ съ изумительною щедростью расточилъ здѣсь всѣ чары своего блестящаго таланта. Особенно бросается въ глаза умѣніе его писать мраморъ, тяжелыя драпировки, богатые наряды, бархатъ, парчу, ковры, шѣхъ, кружева и проч. Все это размѣщено и перемѣшано съ необыкновеннымъ вкусомъ и буквально залито цѣлымъ моремъ яркаго золотистаго свѣта. Краски горятъ, сверкаютъ, переливаются въ безчисленныхъ отбѣнкахъ и отраженіяхъ, образуя въ общемъ дивную гармонію цвѣтовъ, производящую на глазъ неотразимое, магическое впечатлѣніе. По красотѣ колорита и эффектности общаго тона, эта чудная картина можетъ быть названа вполнѣ образцовымъ произведеніемъ, безспорно не имѣющимъ ничего себѣ равнаго въ современной живописи. Макаръ какъ-будто разгадалъ тайну величайшихъ венеціанскихъ колористовъ. Таковы именно должны были быть произведенія Тиціана или Пявля Веронеза, съ которыми Макаръ вообще имѣетъ много сходнаго, въ то время когда они только-что выходили изъ-подъ огненной кисти творцовъ *Assonata* или *Пира въ Кань Галилейской*. Замѣчательно что въ *Екатеринѣ Корнаро* Макаръ въ первый разъ сталъ употреблять многія краски которыхъ прежде никогда не бывало на его палитрѣ, такъ напримѣръ, ярко-синюю и голубую разныхъ отбѣнковъ. Но несмотря на близкое сосѣдство въ картинѣ этихъ красокъ съ пурпурною и красною и на положительное преобладаніе въ ней цѣлой гаммы ярко-красныхъ цвѣтовъ, картина нисколько не страдаетъ пестротой, ничто не кричитъ въ ней и не шокируетъ, а напротивъ ласкаетъ и влѣкаетъ глазъ. Другое большое достоинство картины — это рѣдкая прелесть и красота женскихъ тилловъ. Некоторые изъ прекрасныхъ Венеціанокъ, составляющихъ главныя элементы картины, вполнѣ обворожительны по милосердію лицъ и по удивительной граціи своихъ позъ и движеній. Особенною прелестью отличается сама Екатерина

Корнаро, представляющая, говорятъ, портретъ жены художника. Въ своихъ богато затканыхъ золотомъ бѣлыхъ одеждахъ, она имѣетъ видъ истинной богини красоты и по праву господствуетъ надъ окружающими ея, одна лучше другой, подругами. Въ числѣ этихъ послѣднихъ болѣе другихъ обращаютъ на себя вниманіе своею граціей: молоденькая прелестная дѣвочка, тоже въ бѣломъ платьѣ, подносящая Екатерину цвѣты на серебряномъ блюдѣ, и ея сосѣдка что опустилась на колѣна у подножія трона, въ самомъ центрѣ картины, а также величавая, наминающая античную каріатиду, женщина изъ народа, съ этрусскою вазой на плечѣ. Кромѣ ихъ, тамъ и сямъ мелькаетъ еще нѣсколько удивительныхъ головокъ, какія умѣетъ писать только Макаръ. Справедливость требуетъ сказать что во всей картинѣ, во всѣхъ этихъ многочисленныхъ женщинахъ, самый строгій луристъ не въ состояніи отыскать ничего сладострастнаго или вызывающаго, чѣмъ такъ замѣтно страдали прежнія произведенія Макарта. Вообще въ этой картинѣ Макаръ сдѣлалъ такой исполнителскій шагъ впередъ что онъ положительно неузнаваемъ. Куда вдругъ дѣвалась у него эта неопредѣленность образовъ, почти не имѣвшихъ контуровъ, эта поражающая небрежность рисунка, эта страшная смѣсь фантастическаго съ дѣйствительнымъ, которыя часто ставили въ туликъ даже его восторженнымъ поклонниковъ. Могуцій талантъ художника разомъ страхнулъ съ себя всю фальшь и причудливость своей прежней манеры и теперь является на судъ публики обновленнымъ, съ удесятеренными силами и съ такими гениальными приемами которыхъ нельзя было ни ожидать, ни предвидѣть. Въмѣсто бывшихъ призраковъ порожденных испорченною фантазіей, въ числѣ которыхъ самую видную роль всегда играли чувствениа гетеры съ нескромною улыбкой на устахъ и съ какимъ-то неестественнымъ колоритомъ тѣлъ, мы теперь имѣемъ дѣло, въ картинѣ Макарта, съ настоящими живыми людьми, созданными точно также какъ и воѣ, съ граціозными женскими образами, одаренными здоровымъ, естественнымъ цвѣтомъ карнацій; въ замѣнъ сказочной обстановки невиданныхъ міромъ чертоговъ предъ нами дѣйствительная панорама Венеціи, съ ея великолѣпными портиками и колоннами. Рисункъ въ новомъ произведеніи Макарта, за немногими исключеніями не только правиленъ и красивъ, но порой даже изященъ. Нѣкоторыя изъ мужескихъ фигуръ залечателны выраженіемъ спокойнаго достоинства и благородства, до сего времени почти

совершенно незнакомымъ художнику. Таковы между прочимъ отецъ Корнaro, дожъ Венеціи и предводитель венеціанскаго флота. Композиція картины расположена со вкусомъ и знаніемъ дѣла, всѣ почти фигуры размѣщены естественно и удобно, наконецъ что касается до рельефности и живости персонажей, то и тутъ Макартъ обнаружилъ мастерство какого за нимъ прежде не водилось. Къ сожалѣнію, этимъ и оканчивается довольно впрочемъ длинный перечень достоинствъ новой картины Макарта. Посмотримъ теперь ея недостатки. Капитальный, существенный недостатокъ этого замѣчательнаго произведенія заключается въ томъ что она совершенно лишена той внутренней жизни которая одна способна дать творенію искусства высокое значеніе. Это точно какая-то сцена изъ театральнаго представленія, гдѣ каждый богъ или менѣе занятъ только исполненіемъ своей роли и всѣ эти богато разодѣтые въ парчу, бархатъ и кружева венеціанскіе сивѣторы и прекрасныя Венеціанки какъ будто собрались на площадку единственно лишь для того чтобы дать полюбоваться собою зрителю. О какомъ бы то ни было проявленіи чувства и движеніи души, ни тѣмъ болѣе о драмѣ или о выраженіи какой-либо страсти, нигдѣ нѣтъ и помину. Все красиво разставлено какъ на показъ, великолѣпно сгруппировано и затѣмъ какъ бы разомъ мгновенно остановилось и замерло на мѣстѣ, не смѣя дохнуть и пошевеливаться, ни дать ни взять живая картина. Такая полная безстрастность композиціи, такой, можно сказать, декоративный ея характеръ отнимаютъ у нея огромную долю прелести и невольно расхолаживаютъ зрителя. Макартъ безспорно талантъ въ высшей степени блестящій, но за то чисто внѣшній, берущій только виртуозностью техники и для котораго, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, совершенно недоступны душа человѣка и вѣчно новый, безконечно разнообразный міръ страстей. Онъ съ неподражаемымъ искусствомъ пишетъ лица и фигуры, но люди для него не болѣе какъ красныя куклы, пригодныя лишь для составленія живописныхъ группъ. Это великолѣпные автоматы, въ которыхъ есть все, кромѣ божественной искры жизни. Поэтому художникъ можетъ ослѣпить своимъ необыкновеннымъ мастерствомъ, но ему не дано способности тронуть зрителя до глубины души или привести его въ восторгъ и въ умиленіе. Въ техникѣ картины также есть нѣкоторые недосмотры и недостатки,

показывающіе что авторъ ея не могъ сразу отрѣшиться вполнѣ отъ прежнихъ своихъ замашекъ и странностей. Для многихъ, напимѣръ, остается загадкой для чего тронъ Екатерины Корнаро устроенъ на самомъ краю набережной и гдѣ имѣло находится вода на которой качается ожидающая ея гондола. Почему розы у художника выходятъ такого лоблешаго желтаго цвѣта, причѣмъ какъ самыя цвѣтки, такъ и листья окрашены въ одну и ту же краску. Изъ фигуръ менѣе другихъ удовлетворительны неуклюжія, весьма неловко поставленный гондольеръ, въ фантастическомъ нарядѣ, и аралченокъ бѣгущій по лѣствицѣ съ какою-то шкатулкой въ рукахъ. Потому какъ объяснить движеніе руки воина въ латахъ, стоящаго надъво отъ трона, на второмъ планѣ? Неправильность рисунка этой фигуры бросается въ глаза. Если ужъ слишкомъ придираться къ картинѣ, то можно еще замѣтить что всѣ костюмы и самая архитектура зданій относятся не къ той именно эпохѣ о которой идетъ рѣчь, а къ нѣскольکو позднѣйшему времени, лѣтъ на сто ближе къ намъ, что впрочемъ не особенно важно.

Подводя итогъ всему сказанному, все же слѣдуетъ признать что произведеніе Макарта, несмотря на свои недостатки и несовершенства, представляетъ собой въ высшей степени замѣчательное явленіе, которое должно быть разсматриваемо какъ новое слово въ современной живописи. Нельзя не пожалѣть что эта великолѣпная картина не попала на всемірную выставку. Но именно въ томъ и заключалась одна изъ слабыхъ сторонъ Вѣнской выставки что она не давала полнаго и вѣрнаго понятія о современномъ состояніи искусства. Кстати прибавить здѣсь что по какой-то странной необъяснимой случайности, подобно тому какъ живописный отдѣлъ Нѣмцевъ лишенъ былъ произведенія Макарта, такъ точно въ скульптурномъ отдѣлѣ ихъ не нашло себѣ мѣста одно изъ гениальнѣйшихъ твореній новѣйшаго германскаго ваянія, именно *Спящій Пастухъ* молодаго вѣнскаго художника Адольфа Гильдебранда.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. МАТУШИНСКІЙ.

ЛЕДИ АННА*

РОМАНЪ.

АНТОНИ ТРОЛЛОПА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

ГЛАВА XXXIII.

Давіель Твейтъ получаетъ свои деньги.

Само собою разумѣется что успѣхъ графини произвелъ большое впечатаніе во всѣхъ кружкахъ лондонскаго общества. Много проигранныхъ пари было залачено и много проигранныхъ пари не было заплачено. Въ каубахъ было теперь еще болѣе толковъ о Ловеяхъ чѣмъ въ мѣсяцъ предшествовавшій судопроизводству. Графиня сдѣлалась вдругъ чрезвычайно популярною. Романическія событія ея жизни разказывались съ преувелченіями, хотя страданія вынесенныя ею и не могли быть преувелчены. Ея терпѣніе, ея дѣятельность превозносились всѣми. Состояніе доставалось ей и ея дочери было, конечно, удвоено молвою. Выдалъ ли ее кто-нибудь? Не знаетъ ли ее кто-нибудь? Даже Муррей начали гордиться ею. Старая леди Джемма

* См. Русск. Вѣстн. 1873. №№ 5, 6, 7, 8 и 9.

Магтагартъ, урожденная Муррей, жена генерала Мага, какъ его называли, сдѣлала ей визитъ. Она была принята, такъ какъ графиня еще не ожидала вторженія посѣтителей, и послѣ этого визита увѣряла что огорченія довели графиню до сумашествія. Графиня дѣйствительно приняла свою дальнюю родственницу не совсѣмъ любезно. Она не разъ давала себѣ клятву что нога ея никогда не будетъ ни у кого изъ Мурреевъ, что бы ни ожидало ее впереди. Старый лордъ Сванеджъ, женатый на одной изъ Ловелей, прислалъ ей дружеское письмо. Онъ не имѣлъ возможности, писалъ онъ, узнать истину пока истина не обнаружилась, и потому не извиняется что не изъясилъ ей сочувствія раньше. Теперь же онъ въ восторгѣ что женщина такъ заслужившая успѣхъ имѣла успѣхъ, и предлагаетъ ей свою дружбу если она желаетъ принять ее. Отвѣтъ графини на это письмо могъ доказать что она не сумашедшая. Она не хотѣла ссориться съ Ловеями, и письмо ея было очень любезно. Она благодарила лорда Сванеджа за его доброту, и говорила что она сама понимаетъ что не имѣла права разчитывать на сочувствіе родни своего мужа пока не доказала справедливости своихъ притязаній. Она принимаетъ его дружбу такъ же искренно какъ она предло жена, и надѣется что милордъ будетъ также другомъ ея до чери. Что касается ея самой, она опасается что долги испытанія сдѣлали ее негодною для общества. Ея энергія, говорила она, которая поддерживавала ее до сихъ поръ, начинаетъ измѣнять ей.

Затѣмъ она удостоилась и великой чести на которую никакъ ей сержантъ закона. Она получила отъ частнаго секретаря короля письмо въ которомъ говорилось что его величество узналъ съ большимъ интересомъ ея исторію и поздравляетъ ее отъ души съ восстановленіемъ ея правъ. Она написала короткій отвѣтъ, прося передать его величеству ея благодарность, и затѣмъ сожгла письмо частнаго секретаря. Поздравленія, чьи бы то ни было, не имѣли для нея никакого значенія пока дочь ея не была освобождена отъ унизительнаго помолвки.

Предположенія насчетъ будущаго образа жизни графини были самыя разнообразныя. Въ томъ что ея состоянія хватило бы на то чтобы жить въ Лондонѣ со всею пышностію графскаго титула не могло быть сомнѣнія. Ея доля и слѣдства считалась въ десять тысячъ фунтовъ ежегодно.

дохода, которымъ она могла пользоваться безраздѣльно. Годы были опредѣлены день въ день, и оказалось что ей еще только сорокъ пять лѣтъ. Очень можетъ быть что какой-нибудь счастливецъ раздѣлитъ съ ней ея богатство. Какою прекрасною партіей было бы это для стараго Лонди, маркиза Лонди, который прожилъ все свое состояніе до послѣдняго шиллинга. Старому Лонди намекнули на это.

— Хотя и говорятъ что она помѣшанная, отвѣчалъ маркизъ,—но не думаю что она помѣшалась до такой степени чтобы сдѣлать это.

Ректоръ послѣ окончанія дѣла послѣшилъ уѣхать домой, но предъ отъѣздомъ имѣлъ объясненіе съ племянникомъ.

— Что же вы намѣрены дѣлать теперь, Фредерикъ? спросилъ онъ.

— Дѣлать? Не знаю буду ли я дѣлать что-нибудь.

— Такъ вы отказываетесь отъ дѣвушки?

— Милый дядюшка, на такіе вопросы никто не любитъ отвѣчать.

— Но могу ли я по крайней мѣрѣ спросить какъ вы намѣрены жить?

— Я надѣюсь, дядя Чарльзъ, что не буду обузой для моихъ родственниковъ.

— О, прекрасно, прекрасно. Послѣ этого маѣ слѣдовало бы замолчать. Но я считаю нужнымъ сказать вамъ что сэръ-Вильямъ Патерсонъ поступилъ съ вами безсовѣстно.

— Я не согласенъ съ вами, дядя Чарльзъ.

— Прекрасно; маѣ больше нечего говорить. Но вы должны знать что я не считаю вашу графиню женой графа Ловелла. Я никогда не вѣрилъ этому и не повѣрю. Вся эта исторія сватовства была не болѣе какъ ловушкой, устроенною для того чтобы заставить васъ отказаться отъ процесса. Не слѣдовало дѣлать ни малѣйшей уступки этимъ жевцидамъ.

— Я такъ же твердо увѣренъ въ томъ что она графиня какъ и въ томъ что я графъ.

— Прекрасно. Я отъ этого не потерялъ ничего, а вы потеряли триста тысячъ годового дохода. Намѣрены вы пріѣхать въ Локсамъ въ теченіи этой зимы?

— Нѣтъ.

— Нужно ли держать лошадей?

До сихъ поръ богатый ректоръ содержалъ верховыхъ

лошадей племянника на свой счетъ. Онъ былъ такого рода человекъ что считалъ бы себя несчастнымъ еслибы глава его дома не имѣлъ собственныхъ лошадей. Но теперь онъ припомнилъ все что сдѣлалъ для племянника и какъ отплатилъ ему племянникъ. Тѣмъ не менѣе онъ готовъ былъ откупить себя языкъ лишь только предложилъ вопросъ.

— Лошади должны быть проданы немедленно, отвѣчалъ графъ.—Прошу васъ прислать ихъ въ татерсалъ на этой же недѣлѣ.

— Вы не поняли меня.

— Я очень благодаренъ вамъ что вы напомнили мнѣ о нихъ, для Чарльза. Я возьму ихъ немедленно.

— Я не имѣю ничего противъ того чтобы лошади остались въ Іоксамъ.

— Лошади будутъ взяты и проданы. Поклонитесь отъ меня тетушкамъ. Прощайте.

И мистеръ Ловель отправился въ Іоксамъ разсерженный и несчастный.

Многіе были согласны съ іоксамскимъ ректоромъ въ томъ что дѣло графа было ведено дурно, что продолжительная борьба, такая борьба которая принудила бы оппонентовъ къ соглашенію, была возможна, что генераль-соллициторъ увлекся какою-нибудь романическою идеей абстрактной справедливости и дѣйствовалъ вопреки всѣмъ обычаямъ англійской судебной адвокатуры. Какое ему дѣло права ли англійская графиня или нѣтъ? Онъ обязанъ былъ сдѣлать все что могъ для графа, своего кліента. Спорное состояніе было слишкомъ велико чтобы пренебрегать имъ, и съ терпѣніемъ можно было бы отстоять хоть что-нибудь. Но онъ не отстоялъ ничего. Многіе думали что онъ погубилъ самого себя, и что ему придется взять первую ничтожную судейскую должность какаго представится.

— Онъ великій человекъ, безспорно великій, сказалъ генераль-атторней въ отвѣтъ кому-то изъ осуждавшихъ сэръ Вильяма.—Никто изъ насъ не достоинъ держать свѣчу предъ нимъ. Но, какъ я всегда говорилъ, ему слѣдовало бы быть повѣтомъ, а не юристомъ.

Обсуждая поведеніе генераль-соллицитора, публика думала болѣе о леди Аннѣ чѣмъ объ ея матери. Исторія ея помолвки была известна смутно, съ разными прибавленіями и искаженіями. Несомнѣнно было что она помолвлена съ Даніелемъ

Твѣтомъ, португальцѣмъ, который внезапно приобрѣлъ большую извѣстность и былъ причиною увеличенія торговли въ магазинѣ гдѣ служилъ. Также несомнѣнно было и то что графъ хотѣлъ жениться на ней. Но о настоящемъ положеніи дѣлъ между ними были самыя разнорѣчивыя. Многіе увѣряли положительно что прежде чѣмъ генераль-солиситоръ произнесъ свою рѣчь, графъ получилъ письменное обязательство что наследница будетъ его женой, но что власть португальца надъ ней такъ сильна что она отказывается теперь измѣнить ему. Она въ рукахъ португальца, и португальца можетъ дѣлать съ ней что угодно. Было извѣстно что леди Анна гоститъ въ Бедфордъ-Скверѣ, и многіе прохаживались мимо дома сержанта въ надеждѣ увидать ее. Романъ во всякомъ случаѣ не былъ еще конченъ, и соглашеніе считалось возможнымъ. Еслибы графу удалось получить хоть только пять тысячъ годоваго дохода изъ наследства, генераль-солиситоръ могъ бы взять свое и со временемъ сдѣлаться главнымъ барономъ въ судѣ казначейства.

Между тѣмъ Даниель Твейтъ проводилъ время въ угрюмомъ молчаніи въ обществѣ португальцевъ въ Вигморъ-Стритъ, невѣданный никѣмъ изъ покупателей приходившихъ въ магазинъ въ надеждѣ узрѣть счастливаго героя, пока наконецъ не получилъ письма отъ Гоффа и Гоффа. Гг. Гоффъ и Гоффъ шлѣли удовольствіе увѣдомить его что графиня вела счетъ деньгамъ которыя брала у его отца, и что она признаетъ себя обязанною заплатить наследнику мистера Томаса Твейта девять тысячъ, сто девять фунтовъ, три шиллинга, четыре пенсы, и что чекъ на эту сумму можетъ быть выданъ ему немедленно если онъ зайдетъ въ контору Гоффъ и Гоффъ съ засвидѣтельствованною копіей завѣщанія своего отца.

Девять тысячъ фунтовъ! И можно получить ихъ немедленно: въ этотъ самый день, стоить только сходить за ними. Копія съ завѣщанія отца была въ эту минуту въ его карманѣ, но онъ не пошелъ къ Гоффу и Гоффу пока не кончилъ своей дневной работы. Однако онъ много думалъ о своихъ деньгахъ. Что сдѣлаетъ онъ теперь съ собою, какъ устроится, какъ употребить деньги съ пользою для свѣта? Онъ рѣшился уѣхать въ какую-нибудь новую страну, гдѣ нѣтъ ни графовъ, ни графинь, но уѣхать не ранѣе какъ узнавъ какъ намѣрена поступить съ нимъ графская дочь которая была теперь его судьбой. Относительно ея онъ былъ въ крайней

первѣйшности. То ему казалось что поэтъ несомнѣнно правъ, то онъ былъ увѣренъ что поэтъ заблуждается. Что касается денегъ, девять тысячъ фунтовъ были для него суммой совершенно достаточною. Есaubъ онъ могъ поступить какъ желалъ, онъ оставилъ бы всю остальную часть состоянiя графу и графинѣ и уѣхалъ бы изъ Англіи немедленно съ любимою дѣвушкой. Какъ былъ бы онъ счастливъ показавъ всѣмъ что ему нужна была только Анна Ловель, а не состоянiе Ловелей, что онъ взялъ только то что принадлежало ему, какъ былъ бы онъ счастливъ зная что жена его зависитъ отъ него, а не онъ отъ нея. Но это было невозможно. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца онъ не слышалъ голоса Анны, не слышалъ отъ нея подтвержденiя ея обѣщанiя. И онъ зналъ что она теперь обладательница громаднаго состоянiя, что она признанная родственница лордовъ и леди.

Вечеромъ онъ повидался съ однимъ изъ своихъ хозяевъ и сказалъ ему чтобъ онъ искалъ на его мѣсто другаго работника. Хозяинъ закидалъ его вопросами. Почему онъ отказывается? Развѣ онъ нашелъ мѣсто лучше? Куда переходитъ онъ? Не шутитъ ли онъ? Даниель сказалъ откровенно что получаетъ значительную сумму денегъ отданныхъ въ долгъ его отцомъ, и что не имѣетъ болѣе нужды работать за такое скромное вознагражденіе какое получалъ до сихъ поръ. Хозяинъ заворчалъ, но не могъ удерживать его. Твейтъ имѣетъ право покинуть его хоть завтра, сказалъ онъ. Твейтъ поймалъ его на словѣ, и не приходилъ болѣе въ Вигморъ-Стричь.

Дома его ожидало письмо отъ сержанта Блюстона. Графиня уступила и согласилась позволить дочери повидаться съ портнымъ. Затѣмъ возникъ вопросъ какъ устроить это свиданіе. Графиня не хотѣла портному написать сама и не хотѣла позволить это дочери. Свиданіе должно было быть по возможности тайнымъ. Наконецъ сержантъ, хотя и неохотно, согласился взять это дѣло на себя и послалъ портному слѣдующее приглашеніе:

„Сержантъ Блюстонъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе мистеру Даниелю Твейту. Мистеръ Твейтъ безъ сомнѣнiя знаетъ объ окончанiи процесса Ловелей. Графиня Ловель и леди Анна Ловель имѣютъ въ виду отправиться за границу, но леди Анна желаетъ повидаться предъ отъѣздомъ съ сыномъ челоувѣка который былъ въ теченіе многихъ лѣтъ неизмѣннымъ другомъ ея матери. Леди Анна будетъ дома,

въ Келпелъ-Стритъ №—, въ понедѣльникъ, въ одиннадцать часовъ утра,

.Бедфордъ-Скверъ, 17го ноября 18—.

„Еслибы мистеръ Твейтъ зашелъ до 23го къ сержанту за-кова рано утромъ въ его домъ, или въ субботу въ его контору въ Иннеръ-Темплъ, это было бы можетъ-быть полезно.“

Постскриптумъ былъ прибавленъ послѣ долгаго размысла-ня. Что подумаетъ портной объ этомъ приглашеніи? Не приметъ ли онъ его за поощреніе его дерзкихъ намѣреній? Не отправится ли онъ въ Келпелъ-Стритъ съ твердымъ рѣшеніемъ настоять на исполненіи даннаго ему обѣщанія? Сержантъ полагалъ что молодыхъ людей слѣдовало предоставить самимъ себѣ. Но жена сержанта, его дочери и сама графиня думали что слѣдуетъ сдѣлать все возможное чтобы заставить портнаго отказаться отъ его надеждъ. Онъ получилъ девять тысячъ фунтовъ. Довольно для него. Но если онъ такъ алченъ что ему этого мало, можно дать ему больше. Но надо заставить его понять что о бракѣ не можетъ быть и рѣчи. Сержантъ уступилъ и рѣшился повидаться съ портнымъ. Даниель въ отвѣтъ засвидѣтельствовалъ свое почтеніе сержанту и обѣщавалъ исполнить все чего отъ него желали. Онъ придетъ въ контору сержанта въ субботу, а въ Келпелъ-Стритъ въ понедѣльникъ, въ назначенный часъ.

На слѣдующее утро, первое утро послѣ освобожденія отъ работы въ Вигморъ-Стритъ, онъ отправился къ гг. Гоффу и Гоффу. Онъ всталъ поздно и завтракалъ поздно, желая испытать каково живется празднымъ людямъ. „Я могу жить теперь такъ же праздно какъ молодой графъ, сказалъ онъ себѣ. Но что случилось бы со мной еслибъ я попробовалъ жить такъ? Какъ сталъ бы я убивать время?“ Онъ почувствовалъ что льститъ себѣ и попробовалъ заглушить свою гордость, но напрасно. „Развѣ я не имѣю права считать себя лучше его?“ продолжалъ онъ думать. „Еслибъ я не былъ увѣренъ въ этомъ, могъ ли бы я дѣйствовать настойчиво. Человѣкъ трущійся въ сравненіи съ человѣкомъ празднымъ все равно что свѣтъ въ сравненіи съ мракомъ.“

Мистеръ Гоффъ принялъ его немедленно и встрѣтилъ его съ радушною улыбкой и съ протянутою рукой.

— Я очень радъ, мистеръ Твейтъ, что мы можемъ удовлетворить васъ такъ скоро. Надѣюсь что вы довольны суммой когда признаннаго графиней?

— Боже чѣмъ доволенъ. Мнѣ казалось что я не имѣлъ права ожидать болѣе вѣсколькихъ сотъ фунтовъ.

— Мы знали его лучше васъ, мистеръ Твейтъ. Мы во всякомъ случаѣ позаботились бы чтобы вы не потерпѣли убытка, но къ счастью графиня записывала аккуратно все что брала у вашего отца. Къ суммѣ долга присчитаны и законные проценты. Графиня очень аккуратная женщина.

— Безъ сомнѣнія, мистеръ Гоффъ. Мнѣ жаль что она не удостоила меня ни одною строчкой, но это дѣло чувства.

— О, мистеръ Твейтъ, она имѣла на то свои причины, и вы ихъ знаете.

— Причины могутъ быть хорошія и дурныя.

— И сужденія могутъ быть правильныя и неправильныя, мистеръ Твейтъ. Однако... Вы вѣроятно предпочитаете получить деньги въ видѣ чека. Вотъ вамъ чекъ на девять тысячъ, сто шестьдесятъ девять фунтовъ, три шиллинга и четыре пенса. Намъ не часто приходится писать чекъ на большую сумму, мистеръ Твейтъ. Не передать ли его вашимъ банкирамъ? Не имѣете ли вы банкировъ? Позвольте мнѣ посоветовать вамъ положить деньги немедленно въ банкъ.

И мистеръ Гоффъ самъ проводилъ Даниеля Твейта, портнаго, во Флитъ-Стритъ и представилъ его своимъ банкирамъ. Дѣло было скоро окончено, и Даниель Твейтъ отправился домой капиталистомъ, съ книжкой чековъ въ карманѣ. Чтò ему теперь дѣлать съ собой? Онъ сходилъ въ этотъ же день на восточную часть города и навелъ справки въ разныхъ конторахъ о времени отплытія кораблей въ Бостонъ, въ Нью-Йоркъ, въ Балтимору и въ Квебекъ. Или не отправиться ли ему на востокъ? Онъ освѣдомился и о судахъ отправлявшихся въ Сидней. А чтò будетъ онъ дѣлать когда пріѣдетъ въ новую страну? Онъ рѣшилъ только что не будетъ портнымъ, и былъ удивленъ какъ мало реализовалъ онъ подробности счастливаго будущаго какое судилъ себѣ.

ГЛАВА XXXIV.

Я не вѣрю вашимъ словамъ.

Въ субботу Даниель Твейтъ явился въ контору сержанта, рано утромъ, задолго до времени когда обыкновенно приходилъ сержантъ. Ему не назначили часа, и онъ рѣшилъ что такъ какъ его приглашали придти въ Бедфордъ-Скверъ рано

утромъ, то и въ Темплъ его будутъ ждать рано. Часа два ходилъ онъ по корридеру и по двору, осуждая юриста принимавшагося за дѣло такъ поздно и придумывая что ему дѣлать съ собою. Онъ не имѣлъ ни одного друга, если только леди Анна не была его другомъ, не имѣлъ почти знакомыхъ, хотя считалъ себя въ правѣ имѣть много друзей послѣ того что сдѣлалъ его отецъ и что самъ онъ помогъ сдѣлать. Тѣ самые люди которые были теперь его забытыми врагами должны были быть его лучшими друзьями. Однако онъ зналъ что они не могли не ненавидѣть его. Онъ понималъ ихъ чувства оскорбленной гордости, хотя эта гордость казалась ему достойною презрѣнія. Онъ былъ несомнѣнно одинокъ и по всей вѣроятности долженъ былъ потерпѣть неудачу. Онъ готовъ былъ сознаться сержанту въ своемъ безсиліи. Онъ узналъ что черезъ три дня отходить корабль въ новую колонію, Новый Южный Уэльсъ, и едва не рѣшился ухватить на этомъ корабль.

Въ десять часовъ ему сказали придти въ одиннадцать, и когда пробило одиннадцать, онъ постучалъ опять въ дверь сержанта.

— Мистера Бьюстона еще нѣтъ, сказалъ клеркъ досадуя на докучливость посѣтителя.

— Онъ сказалъ мнѣ придти рано утромъ, а теперь уже не рано.

— Его еще нѣтъ, сэръ.

— Вы назначили мнѣ придти въ одиннадцать, а теперь бо-
же одиннадцати.

— Одной минутой болѣе, и вы можете свѣсть и подождать если хотите.

Даніель отказался ждать и готовъ былъ уйти въ негодова-
ніи, но въ эту минуту на лѣстницѣ появился сержантъ. Сержантъ представился и выразилъ сожалѣніе что пришелъ позже своего посѣтителя. Даніель пробормоталъ что-то и послѣдовалъ за юристомъ въ его комнату. Онъ стоялъ пока не получилъ приглашенія свѣсть и рѣшилъ быть неучтивымъ. Сержантъ, по его мнѣнію, былъ однимъ изъ его враговъ, однимъ изъ людей презиравшихъ его за то что онъ портной, подозревавшихъ его въ корыстныхъ намѣреніяхъ и старавшихся опять у него невѣсту. Сержантъ вышелъ на минуту въ другую комнату, а портной между тѣмъ собрался съ духомъ и приготовился къ борьбѣ.

— Вы конечно знаете, мистеръ Твейтъ, началъ сержантъ возвратясь, — что я былъ защитникомъ интересовъ графини въ судѣ (Даниель въ отвѣтъ только кивнулъ головой). Съ окончаніемъ процесса должны были бы окончиться и мои сношенія съ графиней. Но вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ этого не случилось. Леди Анна Ловель въ послѣднее время гостила у мистрисъ Блюстонъ.

— Въ Бедфордъ-Скверъ?

— Да, въ моемъ домѣ.

— Я не зналъ. Графиня сказала мнѣ что леди Анна не живетъ съ ней, но не сказала гдѣ она. Я во всякомъ случаѣ не сталъ бы вмѣшиваться въ распоряженія графини, и она могла бы быть откровеннѣе со мной.

— Безполезно было говорить это вамъ.

— Совершенно бесполезно, но естественно послѣ всего что было между нами. Такъ какъ графиня сдѣлалась вашимъ другомъ только въ недавнее время, вы можетъ-быть не знаете объ ея прежнихъ друзьяхъ. Было время когда я не повѣрилъ бы еслибы мнѣ сказали что леди Ловель со временемъ откажется говорить со мной о своей дочери. Но это васъ не касается, сержантъ Блюстонъ.

— Вы ошибаетесь, мистеръ Твейтъ, это касается меня какъ друга графини. Развѣ она не имѣетъ причины обращаться съ вами такъ какъ она обращается въ послѣднее время? Спросите свою совѣсть.

— Моя совѣсть въ этомъ отношеніи чиста.

— Я пригласилъ васъ сюда, мистеръ Твейтъ, для того чтобы спросить васъ понимаете ли вы сами что то что вы задумали должно сдѣлать васъ врагомъ графини и заставить ее забыть всю доброту которую вы оказали ей. Я предоставляю вамъ судить самому. Развѣ возможно чтобы графиня не оскорбилась предложеніемъ которое вы ей сдѣлали.

— Я не дѣлалъ графинѣ никакого предложенія.

— А ея дочери?

— Ея дочь я просилъ быть моею женой.

— Полноте, мистеръ Твейтъ, не хитрите со мной.

— Не хитрите! Кто смѣетъ сказать что я хитрю. Хитрить по-моему значитъ обманывать. Пусть графиня будетъ моимъ врагомъ. Я не сказалъ что она не должна быть моимъ врагомъ. Но она могла бы отвѣтить на мое письмо которымъ я увѣдомилъ ее о кончинѣ моего отца. Такъ по крайней мѣрѣ

принято въ нашемъ кругу общества. Въ кругу лордовъ и леди можетъ-быть поступаютъ иначе. Однако не въ этомъ дѣло. Я не имѣлъ намѣренія жаловаться. Я пришелъ сюда потому что вы пригласили меня.

— Да, я пригласилъ васъ, сказалъ сержантъ, сожалѣя въ своемъ сердцѣ что согласился на поступокъ поставившій его въ такое затруднительное положеніе.—Я пригласилъ васъ. Леди Анна Ловель выразила желаніе повидаться съ вами предъ отъѣздомъ изъ Лондона.

— Я исполню желаніе леди Анны.

— Лишнее говорить вамъ что друзья ея возставали противъ этого желанія.

— Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

— Но она объявила положительно что не можетъ считать себя освобожденною отъ обѣщанія которое дала когда была ребенкомъ.

— Она не была ребенкомъ когда дала его.

— Все равно. Она не можетъ считать себя освобожденною отъ обѣщанія которое какъ кажется дала.

— Могу васъ увѣрить что она дала его.

— Дайте же мнѣ договорить. Я не задержу васъ долго. Она увѣряетъ мать что не можетъ считать себя свободною безъ вашего разрѣшенія. Она провела въ моемъ домѣ нѣсколько недель, и я вполнѣ убѣжденъ что еслибъ она была свободна, то союзъ между ею и ея родственникомъ устроился бы немедленно.

— Я слышалъ объ этомъ союзѣ.

— И этотъ бракъ былъ бы во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительнымъ и счастливымъ бракомъ. Молодой графъ поступилъ очень разумно не настаивая на своихъ притязаніяхъ.

— Не настаивая на притязаніяхъ на то что не принадлежитъ ему.

— Не лучше ли вамъ выслушать меня до конца, мистеръ Тейтъ? Всѣ друзья двухъ молодыхъ людей желаютъ этого. Молодой графъ горячо привязанъ къ своей кузинѣ.

— И я горячо привязанъ къ ней и уже много лѣтъ.

— Мы всѣ полагаемъ что она любитъ его.

— Пусть она скажетъ это мнѣ сама, сержантъ Блюстонъ, и между нами будетъ все кончено. Я и лордъ Ловель имѣемъ повидимому различныя понятія о женщинахъ. Я не сталъ бы обвиваться руки дѣвушки которая сказала бы мнѣ что она

любить другаго, даже еслибъ эта дѣвушка была такъ дорога мнѣ какъ.... какъ леди Анна. Что же касается до ея приданнаго, оно не имѣло бы никакого значенія въ моихъ глазахъ, даже еслибы мнѣ угрожала нищета безъ нея. Лордъ Ловель повидимому не такъ разборчивъ.

— Я думаю что это насъ съ вами не касается, возразилъ сержантъ не зная что сказать.

— Мнѣ конечно нѣтъ никакого дѣла до лорда Ловеля, такъ же какъ и ему до меня. Что же касается его кузины, она можетъ выбрать кого ей угодно.

— Мы полагаемъ, это конечно только наше предположеніе, мистеръ Твейтъ, — но мы полагаемъ что она любитъ графа. И это весьма естественно. Я буду говорить съ вами чисто-сердечно, мистеръ Твейтъ.

— Со мною и со всякимъ другимъ, надѣюсь, сержантъ Бьюстонъ.

— Надѣюсь, сказалъ сержантъ смѣясь, — но съ вами въ особености. Намъ не удалось добиться отъ леди Анны какого-нибудь положительнаго отвѣта. Она не высказала прямо своихъ желаній. Она только увѣряетъ меня что не можетъ принять предложеніе лорда Ловеля пока не повидается съ вами. (Сержантъ былъ далеко не чистосердеченъ, такъ какъ леди Анна никогда этого не говорила.) Мы полагаемъ что для успокоенія своей совѣсти она желаетъ быть освобожденною вами прежде чѣмъ уступить своему влеченію и желанію своихъ друзей.

— Я освобожу ее не медля ни минуты, если она выразитъ желаніе быть свободною.

— Но развѣ вы не можете поступить еще великодушнѣе?

— Какъ же долженъ я поступить, сержантъ Бьюстонъ?

— Предложить ей освобожденіе не дожидаясь ея просьбы. Вы уже сказали что не привяли бы ея руку еслибы знали что она не отдастъ съ ней и своего сердца, и такіа чувства дѣлають вамъ честь. Подумайте объ ея положеніи и поступите съ ней великодушно.

— Поступить великодушно съ ней! Вы хотите чтобъ я поступилъ великодушно съ графиней Ловель, съ графомъ Ловель, со всѣми Ловелями, кромѣ леди Анны. Притомъ мнѣ кажется что великодушіе будетъ только съ моей стороны.

— Напрасно. Мы тоже умѣемъ быть великодушными.

— Если то чего вы отъ меня хотите будетъ великодушіемъ,

я это сдѣлаю. Я самъ предложу ей свободу, не дожидаясь чтобы она попросила ея. Я спрошу ее правда ли что она любить графа, и если это правда, она будетъ свободна.

— Но вы понимаете что это не есть вопросъ о выборѣ между вами и лордомъ Ловель. Она ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть вашею женой. Даже еслибы она имѣла возможность выйти за васъ.

— Она имѣетъ возможность выйти за меня.

— Нѣтъ, практически не имѣетъ, мистеръ Твейтъ.—Такая молодая особа должна быть подъ властью своихъ естественныхъ охранителей, и леди Анна находится подъ властью своей матери. Графиня не можетъ и не желаетъ принудить дочь къ браку, но имѣетъ достаточно власти чтобы помѣшать ей вступить въ бракъ. И сама леди Анна не думаетъ о бракѣ съ вами съ тѣхъ поръ какъ узнала чувства своей матери и своихъ друзей. (Какъ плохо держалъ сержантъ свое обѣщаніе быть чистосердечнымъ!) Но ваше великодушіе нужно для того чтобы леди Ловель могла наконецъ дожить до счастливаго окончанія всѣхъ своихъ страданій.

— Я обязанъ графинѣ не многимъ, но если то чего вы желаете отъ меня будетъ великодушіемъ, я это сдѣлаю. Я скажу леди Аннѣ, не дожидаясь ея просьбы, что она можетъ, если желаетъ, выйти за своего кузена.

До сихъ поръ сержантъ велъ дѣло осмотрительно, хотя и не чистосердечно. Онъ не сказалъ ничего такого что могло бы вооружить лортоваго противъ интересовъ Ловелей и взялъ съ него полезное обѣщаніе. Но слѣдующая попытка была не вѣе благоразумна.

— Я полагаю вы знаете, мистеръ Твейтъ, что графиня была также великодушна съ вами.

— Какимъ образомъ?

— Вы вѣроятно уже получили девять тысячъ фунтовъ.

— Я получилъ то что считаю моею собственностью. Если бы мнѣ дали болѣе чѣмъ слѣдуетъ, все лишнее будетъ возвращено.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни подъ какимъ видомъ.—Графиня была обязана поступить въ этомъ случаѣ великодушно, и я полагаю что она сдѣлала хорошо заплативъ вамъ не менѣе того что она заплатила.

— Я не желаю ничего отъ ея великодушія. Я не желаю никакихъ подарковъ. Если эти деньги не принадлежатъ мнѣ, я возвращу ихъ. Мнѣ нужно только то что принадлежитъ мнѣ.

— Вы кажется немного высокомерны, мистеръ Твейтъ.

— Можетъ-быть, въ особенности въ глазахъ юриста.

— Графиня которая всегда была и будетъ, если только вы образумитесь, вашимъ искреннимъ другомъ, очень довольна зная что вы обладаете теперь состояніемъ избавляющимъ васъ отъ нужды.

— Графиня очень добра.

— И этого мало. Она и всѣ друзья ея знаютъ какъ должны они относиться къ сыну вашего отца. Если вы поможете намъ привести въ исполненіе нашъ планъ, если вы дадите возможность леди Аннѣ сдѣлаться женою ея кузена, для васъ будетъ сдѣлаано нѣчто болѣе простаго возвращенія должныхъ вамъ денегъ. Есть предложеніе назначить вамъ четыреста фунтовъ годоваго дохода. Графиня, графъ Ловель и леди Анна, всѣ охотно согласятся на это.

— Развѣ у леди Анны уже спрашивали согласія? спросилъ портной, голосомъ тихимъ, но злобѣющимъ, какъ показалось сержанту.

— Положитесь на мое слово. Я ручаюсь вамъ что это будетъ сдѣлаано.

— Я не вѣрю вашимъ словамъ, сержантъ Блюстоуъ. Я знаю что никто изъ васъ не осмѣлится сдѣлать такое предложеніе леди Аннѣ Ловель и удивляюсь какъ вы рѣшились заговорить объ этомъ со мной. Что замѣтили вы во мнѣ такого что дадо вамъ поводъ думать что я позволю подкупить себя? И какъ могли вы быть такъ неблагоразумны чтобы предложить мнѣ эту сдѣлку послѣ того какъ я сказалъ вамъ что она будетъ свободна если пожелаетъ быть свободною. Но все равно. Юристы всегда дѣйствуютъ подпольными средствами когда не считаютъ человѣка честнымъ. Четыреста фунтовъ въ годъ какъ плата за то чего вы хотите отъ меня не имѣютъ никакого значенія въ моихъ глазахъ, и не имѣли бы даже въ томъ случаѣ еслибы я не получалъ долга. Я хорошо понимаю что побуждаетъ графа добиваться такъ усердно руки леди Анны. Его преданность началась съ тѣхъ поръ какъ онъ узналъ что деньги принадлежатъ ей, а не ему, и что иначе ему не овладѣть ими. Моя преданность началась когда никто еще не думалъ что у нея будетъ хоть одинъ шиллингъ приданаго, когда всѣ носившіе одно имя съ ней и съ ея матерью насмѣхались надъ ихъ притязаніями. Моя преданность не поколебалась когда мой отецъ

впервые спросилъ меня согласенъ ли я чтобы онъ изстратилъ на нихъ все что мы имѣли. Моя преданность росла по мѣрѣ того какъ я отдавала. Его преданность происходитъ изъ желанія овладѣть. Увеличьте четыре сотни фунтовъ въ четыре тысячи, въ восемь тысячъ, и предложите ихъ ему. Я согласенъ на это. Съ нимъ вы можете-быть будете имѣть успѣхъ. Прощайте, сержантъ Блюстонъ. Въ слѣдующій понедѣльникъ я сдержу свое слово, несмотря на то что вы пытались подкупить меня.

Сержантъ отпустилъ портнаго не сказавъ болѣе ни слова и не зная что сказать. Онъ былъ оскорбленъ въ своей собственной конторѣ, онъ слышалъ что его словамъ не вѣрятъ, что его честаость сомнительна. И это было сказано такъ что онъ не былъ въ состоянii заставить говорившаго замолчать. Онъ сидѣлъ, улыбался, потиралъ подбородокъ и смотрѣлъ на портнаго какъ бы утѣшаясь мыслью что это человекъ негнѣственный, полудомѣшанный, ремесленникъ отъ котораго нельзя и ожидать пристойнаго поведенiя. Онъ все еще улыбался когда портной затворилъ за собою дверь, онъ почти смѣлся когда спросилъ своего клерка ушелъ ли этотъ горачiй джентльменъ.

— Ушелъ, сэръ. Онъ смотрѣлъ на меня какъ дикiй звѣрь когда я отворялъ ему дверь, и сбѣжалъ съ двѣстацы шагая черезъ четыре ступеньки.

Но сержантъ былъ тѣмъ не менѣе доволенъ результатомъ свиданiя. Было бы конечно лучше еслибъ онъ не заговаривалъ о четырехстахъ фунтовъ въ годъ. Подкулы вообще опасны. Трудно узнать заранѣе прогаотитъ ли человекъ предлагаемое лакомство безъ всякаго затрудненiя, или откажется даже открыть ротъ. Въ послѣднемъ случаѣ подкупаемый приобрѣтаетъ всегда значительное преимущество надъ подкупающимъ. Отвергнувъ соблазнительное предложенiе, такъ легко продать въ негодованiе, такъ прiятно быть восторженно добродѣтельнымъ. Подкупъ былъ отвергнутъ и въ этомъ отношенiи сержантъ потерпѣлъ неудачу, но желанное обѣщанiе было дано и сержантъ не сомнѣвался что оно будетъ исполнено. Онъ былъ увѣренъ что Даниель Твейтъ предложитъ двѣушкѣ свободу. Но въ этомъ молодомъ человекѣ, въ его глазахъ и мысли, было что-то такое что внушало сержанту опасенiе то предложенная имъ свобода не будетъ принята.

Даниель былъ не такъ доволенъ свиданiемъ какъ юристъ.

Хотя онъ сказалъ сержанту что не вѣрить его словамъ, но онъ повѣрилъ многому изъ того что услышалъ отъ него. Сержантъ сказалъ ему что леди Анна любитъ своего кузена и только ждетъ его разрѣшенія чтобъ отдать руку и сердце молодому графу. И развѣ это не естественно? Съ каждымъ часомъ, почти съ каждою минутой, измѣнялись его воззрѣнiя на этотъ счетъ. То ему казалось совершенно естественнымъ съ ея стороны желать быть графиней, любить молодого графа, человека добраго и красиваго, и онъ рѣшалъ освободить ее безъ всякихъ затрудненiй. Затѣмъ онъ снова возмущался противъ предположенiя что дѣвушка можетъ промѣнять одного человека на другаго только потому что другой одѣтъ въ золото, покрытъ драгоценными камнями, надушенъ ларикмахеромъ. Поэтъ ошибается, думалъ онъ. Если любовь не есть свидѣнiе, она сосредоточивается на человѣкѣ и не можетъ переноситься съ одного на другаго только потому что другой знатнѣе и богаче.

Но онъ предложить ей свободу, онъ непременно предложить ей свободу.

ГЛАВА XXXV.

Сержантъ и мистрисъ Вальюстоуль дома.

Леди Аннѣ не говорили до субботы что ей предстоитъ увидаться съ ея возлюбленнымъ въ слѣдующiй понедѣльникъ. Она жила теперь какъ лѣвница окованная золотыми цѣпями. Она могла елибы захотѣла бѣжать съ Даниелемъ Твейтомъ, тѣмъ болѣе что онъ имѣлъ теперь деньги, и елибы это случилось, игра графини и ея друзей была бы проиграна окончательно. Но читатель знаетъ что такой поступокъ никогда не входилъ въ планы Даниеля Твейта и былъ не въ характерѣ дѣвушки. Авторъ надѣется что читатель ловилъ побужденiя молодаго человека и характеръ дѣвушки лучше чѣмъ понимала ихъ графиня. Она думала что знаетъ дочь, но удивившись что ошиблась въ этомъ, начала считать ее способною на все. За леди Анной слѣдили теперь и дни и ночи. Полицейскому поручено было оберегать домъ отъ людей съ веревочными лѣстницами и другими подобными снарядами. Слугамъ велѣно было быть на-сторожѣ. Горничная Сара слѣдила какъ тѣнь за своею бѣдою госпожой когда леди

Анна бывала въ своей спальнѣ. Мистрисъ Блюстонъ или она изъ дочерей находилась съ ней постоянно, дома и внѣ дома. На улицу она никогда не выходила безъ нѣсколькихъ охранителей. Мистрисъ Блюстонъ наняла карету, роскошь безъ которой обходилась до сихъ поръ, и карета была постоянно готова когда леди Анна выражала желаніе выйти изъ дома. Ее усердно поощряли ѣздить по магазинамъ и покупать все что ей вздумается. Но жизнь ея была невыносимо тяжела.

— Что намѣрена мама дѣлать? спросила она у мистрисъ Блюстонъ въ субботу утромъ.

— Въ какомъ отношеніи, другъ мой?

— Куда намѣрена она отправиться? Не будетъ же она жить вѣчно въ Кеппель-Стритъ.

— Нѣтъ, не думаю чтобъ она осталась навсегда въ Кеппель-Стритъ. Ея намѣренія зависятъ, мнѣ кажется, въ значительной степени отъ васъ.

— Я поѣду куда бы ей ни вздумалось повести меня. Процессъ конченъ, и я не знаю для чего остаюсь здѣсь. Я увѣрена что вы недовольны этимъ.

Сказать правду, мистрисъ Блюстонъ была очень недовольна этимъ. Обстоятельства сдѣлали ее тюремницей, но она не была создана для такого рода обязанностей. Онѣ были ей противны, и къ тому же ничто не обязывало ее жертвовать своимъ семейнымъ комфортомъ для Ловелей. Ей пришлось возиться съ Ловелями такъ много что они надоели ей наконецъ. Она любила леди Анну, но она не могла обращаться съ ней какъ стала бы обращаться съ другою дѣвушкой. Она не разъ говорила сержанту что не можетъ терпѣть долѣе ея присутствія въ своемъ домѣ. Сержанту оно нравилось не больше чѣмъ его женѣ. Они оба приносили добровольную жертву, и жертву весьма неприятную.

— Графиня должна взять ее, говорилъ сержантъ.

И наконецъ, въ добавокъ ко всему, сержантъ былъ оскорбленъ въ своей собственной конторѣ возлюбленнымъ леди Анны.

— Сказать вамъ правду, леди Анна, отвѣчала мистрисъ Блюстонъ,—мы всѣ недовольны этимъ; не потому чтобы мы не любили васъ, но потому что такое положеніе дѣлѣ тяжело. Своимъ улуорствомъ вы причиняете много страданій, другъ мой.

— Тѣмъ что не хочу выйти за графа?

— Нѣтъ, другъ мой, не тѣмъ что не хотите выйти за графа. Я никогда не совѣтовала вамъ выйти за него если вы не любите его. Я думаю что дѣвушкамъ нельзя указывать за кого онѣ должны выйти, но должно указывать имъ за кого нельзя выходить. Вы дѣлаете всѣхъ окружающихъ васъ несчастными не соображаясь отказаться отъ замужества съ человѣкомъ который во всѣхъ отношеніяхъ хуже васъ.

— Я желала бы умереть, сказала леди Анна.

— Это легко сказать, другъ мой. Вы должны желать исполнить вашъ долгъ.

— Я желаю исполнить мой долгъ.

— Противиться матери какъ вы противитесь не есть исполненіе долга. Вы терзаете сердце вашей матери. Вы ужасно упрямы. Я не люблю говорить такъ рѣзко, но такъ какъ вы здѣсь на моемъ полеченіи, я обязана высказывать вамъ правду.

— Я желала бы чтобы мама взяла меня отсюда, сказала леди Анна залившись слезами.

— Она возьметъ васъ немедленно если только вы дадите обѣщаніе котораго она проситъ у васъ.

Говоря это мистрисъ Бьюстонъ была такъ же мало чисто-сердечна съ леди Анной какъ мужъ ея съ портнымъ. Она знала что гостя ея должна уѣхать къ матери рано утромъ въ понедѣльникъ, и уже рѣшила что она не возвратится болѣе въ ихъ домъ. Рѣзкость которую обнаруживала теперь мистрисъ Бьюстонъ относительно леди Анны была невольнымъ слѣдствіемъ разныхъ неприяностей которыя причиняло ей присутствіе дѣвушки. Она не могла ни принимать своихъ друзей, ни ѣздить къ нимъ, и не разъ говорила мужу что они оба сдѣлали большую ошибку пригласивъ къ себѣ леди Анну. Но ея разсудительность брала верхъ надъ чувствомъ. Она считала необходимымъ заставить понять леди Анну прежде чѣмъ она увидится съ портнымъ, что дѣвушка въ ея положеніи не можетъ быть счастлива и спокойна, не можетъ не страдать пока не откажетъ своему возлюбленному.

— Я не ожидала что вы можете быть такъ жестоки, сказала леди Анна рыдая.

— Я не имѣла намѣренія быть жестокой съ вами, но я должна говорить вамъ правду. Каждая минута которую вы проводите въ мысляхъ объ этомъ человѣкѣ безчеститъ васъ.

— Такъ я буду безчестить себя всю жизнь, сказала леди Анна бросившись вонъ изъ комнаты.

Въ этотъ день сержантъ обѣдалъ въ клубѣ, но возвратился домой около девяти часовъ. Рѣшено было объявить леди Аннѣ о предстоящемъ ей свиданіи какъ можно торжественнѣе. Леди Анна сидѣла въ гостиной съ двумя дочерьми. Мистрисъ Блюстонъ она видѣла послѣ утренняго разговора только за обѣдомъ. Послышался стукъ въ наружную дверь, и четверть часа спустя сержантъ прислалъ просить леди Анну сойти къ нему въ столовую. Она молча вышла изъ комнаты, молча сошла съ широкой лѣстницы. Сержантъ и мистрисъ Блюстонъ сидѣли по одну сторону камина, по другую стоялъ стулъ приготовленный для леди Анны. Комната, мрачная отъ тяжелыхъ красныхъ занавѣсокъ и темныхъ обоевъ, была освѣщена только двумя свѣчами стоявшими на столѣ. Сержантъ заковъ всталъ и пригласилъ леди Анну сѣсть.

— Дорогая моя леди Анна, началъ онъ свою рѣчь,—вамъ конечно извѣстно что вы причиняете въ настоящее время много непріятностей вашимъ лучшимъ друзьямъ.

— Я не желаю причинять непріятности, сказала леди Анна подумавъ что сержантъ говоря о лучшихъ друзьяхъ подразумеваетъ себя и свою жену.—Я хочу только уѣхать отсюда.

— Мы сейчасъ поговоримъ объ этомъ, другъ мой.—Я не могу предположить что вы не понимаете какое горе вы причиняете вашей родительницѣ тѣмъ.... тѣмъ что вы объявили мору Совелю насчетъ мистера Даниеля Твейта.

Для обыкновенныхъ сыновей и дочерей нѣтъ повидимому ничего непріятнѣе наломиванія о „родителяхъ“ въ выговорахъ и наставленіяхъ. Такія выраженія какъ „милый другъ мой, это огорчитъ вашего батюшку“, или „что скажетъ мама“, производятъ большею частью хорошее дѣйствіе. Но когда на молодыхъ людей налагаютъ съ ихъ „родителями“, они тотчасъ же возмущаются. И леди Анна была сильно возмущена. Если ея мать, которая была для нея всегда „милою мамой“, сдѣлается ея „родительницей“, тогда нечего надѣяться на счастье. Она не сказала ничего, но сжала губы и рѣшила что ни въ чемъ не послушается человѣка который наломиваетъ ей объ ея родительницѣ.

— Одна мысль о предложеніи этого человѣка, выдающаго себя за вашего друга, приводитъ ее въ ужасъ, но еще ужаснѣе то что вы серіозно думали принять это предложеніе.

Она не разъ просила васъ отказаться отъ вашего намѣренія, но вы не хотѣли ловиноваться.

— Я никогда не пойму чего желаетъ мама пока не будемъ опять жить вмѣстѣ.

— Объ этомъ-то я и хочу говорить, леди Анна. Графиня передала мистрисъ Блюстонъ что вы отказываетесь дать обѣщаніе котораго у васъ просятъ пока не повидаетесь съ мистеромъ Твейтомъ. Вы вѣроятно полагаете что только его разрѣшеніе можетъ освободить васъ отъ вашего воображаемаго обязательства.

— Да.

— Прекрасно. Графиню страшила мысль позволить вамъ увидѣться опять съ человѣкомъ который такъ много ниже васъ, который осмѣлился обратиться къ вамъ съ такимъ уничижительнымъ предложеніемъ. Но мы съ мистрисъ Блюстонъ убѣдили ее что такъ какъ вы считаете себя несвободною, то должны имѣть возможность освободить себя по своему усмотрѣнію и вы увидите съ мистеромъ Твейтомъ въ понедѣльникъ, въ одиннадцатъ часовъ, въ Келпелъ-Стритъ.

— И уже не возвращусь сюда?

Когда исполняешь обязанности тюремщика безо всякой выгоды для себя, уступая своему лѣннику лучшую спальню заботясь ежедневно объ его обѣдѣ, неприятно услышать отъ него слишкомъ прямо выраженную радость при надеждѣ на освобожденіе. Мистрисъ Блюстонъ сдѣлавшая все что было въ ея силахъ для графини и леди Анны, и сдѣлавшая это единственно изъ материнскаго участія, была огорчена.

— Что касается насъ, леди Анна, мы не будемъ стараться чтобы вы возвратились, отвѣчала она.

— О, мистрисъ Блюстонъ, вы не поняли меня. Вы не знаете какъ я страдаю въ разлукѣ съ мамой.

Мистрисъ Блюстонъ тотчасъ же смягчилась.

— Если вы только исполните желаніе мамы, все устроится такъ что вы будете вполне счастливы.

— Мистеръ Твейтъ придетъ въ Келпелъ-Стритъ въ понедѣльникъ въ одиннадцатъ часовъ, продолжалъ сержантъ, — вы будете имѣть возможность освободить себя отъ несчастнаго обѣщанія которае вы дали ему. Я могу даже сказать вамъ что онъ самъ выразилъ готовность освободить васъ. Деньги которыя ваша матушка была должна ему, или лучше сказать его отцу, возвращены ему, и мнѣ кажется что онъ

будетъ теперь стоворчивѣе. Его можно будетъ конечно вознаграждать всѣмъ чего онъ пожелаетъ если онъ освободитъ васъ.

— Могу я взять мои вещи? спросила леди Анна.

— Сара уложить ихъ, и мы отошлемъ ихъ къ вамъ если будетъ рѣшено что вы останетесь у леди Ловель.

Послѣ этого они разошлись по своимъ спальнямъ.

Ни сержантъ, ни жена его не были чистосердечны съ дѣвушкой. Мистрисъ Блюстоуъ уже дала понять графинѣ что при всемъ желаніи помочь ей и ея дочери она не можетъ держать долѣе леди Анну въ своемъ домѣ. Что же касается отсылки ея вещей только при извѣстныхъ условіяхъ, это было просто ложью. Сержантъ тоже лгалъ, если не словами, то тѣмъ что хотѣлъ внушить дѣвушкѣ что портной гонится за деньгами и только за деньгами, хотя зналъ что это неправда. Сержантъ безъ сомнѣнія, какъ большинство людей, терпѣть не могъ лжи и не сомнѣвался что отецъ лжи дьяволъ. Но ложь которой онъ не терпѣлъ, и въ происхожденіи которой не сомнѣвался, была ложь обращенная къ нему. Встрѣчалъ ли кто-нибудь человека который не презиралъ бы всѣмъ сердцемъ попытку обмануть его самого? Такихъ же что смотрятънисходительно на ложь обращенную къ другимъ мы встрѣчали не одного и не двухъ. Цѣль которую имѣлъ въ виду сержантъ была такъ хороша что онъ считалъ позволительнымъ покривить немного душою, хотя однимъ изъ его главныхъ жизненныхъ правилъ было то что цѣль не оправдываетъ средства.

(Продолж. слѣд).

ПЕРСИДСКІЯ ПѢСНИ

МОТИВЫ ГАФИЗА

Посвящается Аванасію Аванасъевичу Фету.

Душа, исполненная звуковъ,
И чудныхъ словъ, и красоты,
Родной повѣтъ,—и звукамъ звуковъ
Не позабыть что пѣлъ намъ ты!

Живую арфу сиялъ чудесныхъ,
Родную рѣчь, унесъ ты въ высь—
И, какъ привѣтъ съ высотъ небесныхъ,
Къ намъ пѣсни дивныя несался.

О, эти пѣсни, эти звуки!
Отрадно сердцу въ ихъ тиши!
При нихъ забыты жизни муки
И глубина ясна души!

И изъ-за нихъ, въ нашъ міръ сияя,
Какъ изъ-за дымки свѣтовой,
Глядитъ любовь въ баистанъи рая,
Вся въ чарахъ силы міровой.

О, мой повѣтъ! Ты струишь безвѣстныхъ
Коснулся въ арфѣ вѣчныхъ сиялъ,
И въ глубинахъ души чудесныхъ
Намъ тайны дивныя раскрылъ!

О, какъ давно на эти звуки
Душой сказаться жаждалъ я,
Ходилъ ли я въ степяхъ науки
Или за грезами гнался!

Но годы шли... Какъ откликъ дольний
 На пѣснь твою, а пѣснь запѣлъ
 Подъ струны Перса, тамъ гдѣ вольный
 Передо мною Рейвъ шумѣлъ.

Я пѣлъ... Блаженной, яркой сказкой
 Звенѣла пѣснь твоя за мной—
 И вотъ я съ этой пестрой сказкой
 Стою теперь передъ тобой.

И пусть, судьбы сѣтлой вестьвѣемъ,
 Мнѣ не пришлось встрѣчать тебя—
 Поэтъ! съ твоимъ волшебнымъ пѣвѣемъ
 Сжилась давно душа моя—

О, въ этотъ мигъ, ты жизни вышкой
 Невзгодъ и стужъ не вспомяни,
 И руку, съ ласковой уышкой,
 Къ цвѣтамъ знакомымъ протяни!

М. ПРАХОВЪ.

Нева, Рейвъ, Москва,
 1868—1874.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Центральный нервъ тысячелѣтней персидской исторіи съ мучительныхъ временъ до XV вѣка нашей эры есть непрерывная борьба за самостоятельность племеннаго арійскаго развитія. Съ завоевательнымъ вторженіемъ въ Персію магометанства, этотъ смыслъ иранской исторіи получаетъ специфическій видъ оппозиціи исламу, сознательной и безсознательной. Никто изъ персидскихъ поэтовъ не можетъ равняться по силѣ этого оппозиціоннаго чувства съ великимъ лирикомъ XIV вѣка, Магомедомъ Шемъ-эддиномъ Гафизомъ, составляющимъ такимъ образомъ замѣчательнѣйшее выраженіе иранской культуры какъ для мыслителя, такъ и для художника.

Гафизъ, ставшій известнымъ Западу въ концѣ прошлаго вѣка, окончательно ввелъ въ европейскій міръ великимъ Гёте въ двадцатыхъ годахъ. Съ той поры идетъ непрерывный рядъ переводовъ и воспроизведеній Гафиза въ европейскихъ литературахъ.

Всякій кто прочтетъ такъ-называемые точные или близкіе переводы Гафиза — не только тяжелый, нехудожественный переводъ Гаммера (1812), но и блестящій, виртуозный Розенцвейга Шваннау (1858—63)—конечно согласится съ тѣмъ что мы сдѣлали единственно первый шагъ въ нашей передачѣ Гафиза, избравъ путь свободнаго

поэтическаго воспроизведенія, вѣрнаго подлиннику по духу, а не по буквѣ. Предшественниками на этомъ пути были у насъ Рюкертъ, Паатенъ, Боденштедтъ, Фетъ и въ особенности Даумеръ; близкое изученіе предмета только утвердило насъ въ убѣжденіи что въ данномъ случаѣ это есть единственно вѣрное отношеніе къ оригиналу.

ПЕРСИДСКІЯ ПѢСНИ.

Мы въ винѣ и въ кубкѣ слышимъ
Лишь чистѣйшую любовь.

Гафизъ.

I.

Книгу мудрую берешь ты,
Кубокъ свой беретъ Гафизъ;
Чести, славы громкой ждешь ты,
Розъ и лилій ждешь Гафизъ!

Какъ верблюдъ въ степи, бредешь ты
Вѣчно той же колеей;
Словно левъ золотогривый
По горамъ, идетъ Гафизъ!

Списокъ подвигамъ ведешь ты —
Изумителенъ итогъ!
Всѣмъ грѣхамъ своимъ безбожнымъ
Потерялъ и счетъ Гафизъ!

Мудрымъ пастыремъ пасешь ты
Душъ несмѣтныхъ толпы;
Въ темномъ сонмѣ всѣхъ безумцевъ
Въ головѣ идетъ Гафизъ!

Мечъ съ огнемъ врагамъ несешь ты,
Смерть несешь еретикамъ;
Жемчугъ рѣчи, жемчугъ пѣсень
Людемъ всѣмъ несетъ Гафизъ!

Будто черныи дымъ, идешь ты
 Въ небеса, столбомъ крутясь;
 Родникомъ струясь отраднымъ,
 Средь долинь течеть Гафизъ!

Я скажу—да не поймешь ты!—
 Вѣчно, бѣдвыи сумасбродъ,
 вмѣсто меду горечь пьешь ты,
 Вѣчно сладость пьеть Гафизъ!

 II.

Горе бѣдному дервѣшу,
 Горе бѣдному пѣвцу!
 Все ученыхъ вкругъ я слышу...
 Шейхи, суфи, богословы!
 Всѣ премудры, всѣ суровы,
 Поучать сейчасъ готовы!..
 Чьимъ волшебствомъ обойденный,
 Я лопалъ сюда, влюбленный?..
 Эти рѣчи, эти лица
 Мнѣ никакъ ужъ не къ лицу:
 Я не алчная лисица,
 Я не лара хитрецу!

 III.

Она, она!
 Она идетъ!
 Какъ утра свѣтъ,
 Тиха, ясна,
 Какъ вешній цвѣтъ,
 Легка, вѣжна!
 Она, она!
 Она идетъ!

Какъ тополь губкій,
 Легка, стройна,—
 Озарена
 Любви улыбкой!
 И сладко мнѣ,
 И страшно мнѣ!
 Я какъ во снѣ.—
 О, какъ душа тревогу бьетъ!
 Я шагъ впередъ,
 И шагъ назадъ,
 И къ ней летятъ
 Кровь, жизнь моя!
 Чуть не кричатъ
 Мои уста:
 Она, она!
 Она идетъ!
 Она, она!
 Какъ греза сна—
 Она идетъ!
 Она, она!
 Не наглядюсь!
 Ахъ, я боюсь,
 Я уладу
 Предъ ней безъ силъ,
 И испугаю
 Жилицу рая!
 Смущу ее
 Своимъ мятежнымъ
 Порывомъ страстнымъ!..
 Нѣтъ, я уйду!
 Уйду, уйду!..
 Она, она!
 Она идетъ!

 IV.

Любви я брезжущій расцвѣтъ—
 Я это чувствую, я знаю!
 Какъ страсти пламенный расцвѣтъ,
 Любви я солнца ожидаю!

Взойдетъ сіяя, я въ привѣтъ
Росой жемчужной зарыдаю!

V.

Нѣжна и воздушна, какъ свѣтлая тѣнь,
Проща дорогая, сіяя, какъ день,
Но ткани ревнивой съ лица не свимала.
И сердце за ней понеслося, за ней,
За свѣтомъ, за солнцемъ, за жизнью моею,
За вѣющей дымкой ея покрывала!

VI.

Прочь себялюбье! прочь его!
Любовь явилась—прочь его!
Предъ этимъ чуднымъ взоромъ „я“
Не существуетъ! Прочь его!

О, не виняй себя ты въ честь
Жить лишь разсудкомъ, не любя!
И, будь хотя зерно въ тебѣ
Такихъ безумій—прочь его!

О! въ морѣ страсти утонуть,
Забыть себя—такъ хорошо!
А себялюбья мрачный духъ,
Онъ злобевъ, мертвъ—О, прочь его!

Испелелась душой, любя,
И пепельь вдаль по вѣтру брось,
Въ побѣду свѣта надъ врагомъ,
Надъ мрачнымъ „я“!—О, прочь его!

VII.

Слава! воздуха дыханье,
 Усть дыханье—слава вамъ!
 Слава! гроздїй трепетанье,
 Персей трепеть—слава вамъ!

Поцѣлуй грѣхомъ зовешь ты?
 Запрещаешь пить ты намъ?
 Пурпуръ усть, вина рубины
 Сладки сердцу и очамъ!

Лукъ негодный! Пользы ради
 Безплощаденъ ты къ цвѣтамъ!
 Знай же: нѣга розъ и лилій
 Сердцу чистому бальзамъ!

Вкрадчивъ, мягокъ, льстивъ Іаковъ,
 А Исавъ суровъ, упрямъ,
 Но отца обманетъ льстивый,
 Приберетъ добро къ рукамъ!

Гдѣ, мудрецъ, съ тобой намъ спорить,
 Опыленнымъ простакамъ!
 Мракъ глубокий насъ окуталъ,
 Мракъ глаза закрылъ и—вамъ!

Такъ раскрой ихъ! Видишь, всюду,
 По землѣ, по небесамъ,
 Все живетъ и все ликовуетъ —
 Что же намъ скорбѣть-то, намъ!

VIII.

Знайте, всѣ узы, всѣ цѣли терпѣнья
 Я сильной рукой разорвалъ!
 Знайте что радость и счастье прозрѣнья
 Впервые теперь я узналъ!

Знайте, отъ рабскаго тѣмъ поклоненья
 Свободенъ и счастливъ я сталъ!
 Будто весны золотой появленье,
 Мнѣ радостный свѣтъ засіялъ!

Знайте же, узы, всѣ узы терпѣнья
 Навѣкъ, навсегда я порвалъ!
 И въ радости свѣтлой, въ любви пробужденъ,
 Свободенъ и счастливъ я сталъ!

 IX.

Небытіе свое сплѣтать
 Смыслить чудесной жизнью розы,
 И соловьевъ слышны въ кустахъ
 Въ невыразимой вѣгъ слезы.

Вставай, сонливецъ! Пей съ зарей
 Ягтарныхъ гроздій пыль и слезы,
 И берегись проспять, дервишь,
 Весны и жизни блескъ и грозы!

По сердцу милую бери,
 И пей дыханье дѣвы-розы!
 Повѣрь, не стоять на гроша
 Твои мистическія грезы!

Къ огнепоклонству обратись!
 Вѣдь жизнь—огонь, а страсти—грозы!
 Въ твоей же кельѣ смерть царить,
 Какъ ледеяціе морозы!

Бросай же весь ничтожный хламъ
 Твоей отшельнической прозы,
 И слушай проповѣдь весны,
 Пѣсь соловьевъ, помощихъ розы!

X.

Да будетъ свѣтъ! Глаголь Аллаха
 Такъ прозвучалъ во мракѣ ночи;
 И засіялъ, зардѣлся свѣтъ—
 То засвѣтились милой очи!

XI.

Чуднымъ взглядомъ осаѣленный,
 Въ струны грянулъ ужь пѣвецъ,
 Но, восторгомъ потрясенный,
 Растерялся онъ въ конецъ,

И съ высотъ восторга яркихъ
 Въ упоенья океанъ
 Вдругъ упалъ онъ въ восхищеньи,
 Онъ, владыка всѣхъ сердець;

Но, опомаясь въ морѣ страсти,
 Жемчугъ пѣсень собралъ онъ
 И ужь вьетъ тебѣ лобѣдный,
 Ярkobлещущій вѣнецъ!

XII.

Отъ меня не жди совѣтовъ,
 Наставленій богомольныхъ!
 Весь я только пѣсень полонъ,
 Пѣсень сладостныхъ, невольныхъ!

XIII.

Вина, виночерпій! чудеснаго,
 Небеснаго дара неси!
 Влажнаго пламени, влаги
 Исполненной жара, неси!

Умолкла ли пѣснь соловьиная,
 По струнамъ ударимте, братья!
 Слезъ виноградныхъ и кубковъ
 Скорѣй, виночерпій, неси!

Разсудку, брызгъ вѣковѣчному,
 Угрюмому, старому хрѣну,
 Узы вина, чтобы въ нихъ онъ
 Умолкъ и забылся, неси!

Вина, противъ всякой кручины
 Чудеснаго, лучшаго средства,
 Творящаго чудо за чудомъ,
 Какъ древніе маги, неси!

Сіаемъ ли мы въ упоеніи,
 О, снова намъ влаги небесной,
 Снова, чтобъ вѣчно, нещадно
 Толить въ ней притворство, неси!

XIV.

Мотыльки вокругъ свѣточей,
 Розы, соловьи—
 Жизни смыслъ единственный:
 Все въ ней для любви!

Но грозятъ ей вражіе
Зоркіе стрѣлки,
Всюду ей разставлены
Сѣти и силки!

Не вчера ль мы свидѣлись,
И со мной твои
Очи повстрѣчались,
Полныя любви!

Но слѣдилъ насъ пристально
Злобный взглядъ змѣи—
Мы съ тобой разстались,
И томясь лошай!

XV.

Ухожу ль я изъ мечети—не сердись!
За вино или лютью сяду—не сердись!

Ахъ, вѣдь проповѣдь луста и такъ длинна,
Что конца ей не дождешься—не сердись!

Если бѣдною лылилкою въ лучахъ
Красоты твоей кружуся—не сердись!

Если жажду я отъ милыхъ устъ твоихъ
Каплей меду насладиться—не сердись!

Боже мой! ты такъ волшебна хороша!
Я себя совсѣмъ не помню—не сердись!

Безъ конца весной рыдаетъ соловей—
Я ль свои пою страданья—не сердись!

Если жь каркнуть вокругъ тебя, Гафизъ, ханжи,
На воронъ, на совъ слѣпыхъ ты не сердись!

XVI.

Неумолимы звѣзды! Равнодушно
 Глядятъ онѣ на горе наше съ неба!
 И только лишь душа, въ волшебныхъ грезахъ,
 Въ шатрѣ любви, забудется на мигъ,
 Какъ ужъ звенить звонокъ средь каравана,
 И подымайся слова въ луть пустынный!

XVII.

Брось ты этихъ мулъ неся осныхъ!
 Брось, не слушай ихъ рѣчей!
 Слушай за полночь, какъ въ рощахъ
 Распѣваетъ соловей!

И не будетъ адомъ, кровью
 Смущена твоя мечта—
 Обойметъ тебя съ любовью
 Въ райскихъ грезахъ красота,

И въ мечтахъ невыразимыхъ
 Вдругъ взовьется предъ тобой
 Въ шумѣ дна тобой незримыхъ
 Чудныхъ перн свѣтлый рой!

XVIII.

Страданій любви безконечной
 Сводъ неба не вынесъ бы вѣчный
 И горь лервозданное темя
 И все это страшное бремя
 Обрушилось, ринулось внизъ,
 И ты имъ засыпанъ, Гафизъ!

XIX.

О, еслибъ озеромъ я былъ,
 А ты лучемъ, на немъ дрожащимъ!
 О, еслибы ручьемъ я былъ,
 А ты цвѣткомъ, въ него глядящимъ!

О, еслибъ розой ты была,
 А я кустомъ, тебя хранящимъ!
 О, еслибъ птичкой ты была,
 А я пшеномъ, тебя кормящимъ!

XX.

Счастливецъ вольный вѣтерокъ!
 Лишь вспыхнетъ пурпуромъ востокъ,
 Овъ на коня, и вдаль, играя,
 Къ тебѣ летить, благоухая!

Меня жь въ оковахъ держать рокъ,
 Хоть слезъ моихъ горячій токъ
 Въ моей тюрьмѣ, не уставая,
 Бѣжитъ, пустыни орошая.

Когда жь дверей моихъ порогъ
 Освѣтитъ вѣчности востокъ,
 И встрѣчу я, не унывая,
 Тебя, свобода, дочь райа!

XXI.

Ахъ, гдѣ тотъ край гдѣ дышешь ты?
 Въ краю бы томъ хоть умереть!
 Средь ярыхъ бурь ты пристаешь мнѣ—
 О, близъ тебя бѣ мнѣ умереть!

Не бросить Крезъ богатствъ своихъ,
 Богачъ утѣхъ своихъ не кинетъ—
 Ты мнѣ богатство—ты мнѣ все!
 О, близъ тебя бѣ мнѣ умереть!

Пусть у тебя, въ твоей душѣ,
 Ко всемъ и доброй и привѣтной,
 И кажи мѣтъ любви ко мнѣ—
 О, близъ тебя бѣ хоть умереть!

Захлопни дверь передо мной
 И отвернись ты отъ меня,
 Я не уйду отъ слѣвъ твоихъ!
 О! близъ тебя бѣ хоть умереть!

 XXII.

Не звуки ль лѣсни съ выси голубой
 Ко мнѣ дрожа доносятся порой?
 И вѣтерокъ, что ангела крыло,
 Коснется вдругъ души моей больной?
 Иль то привѣтъ, примчавшійся ко мнѣ
 Все отъ тебя, о другъ воздушный мой?

 XXIII.

Ээпра океанъ лазурный
 Весь зыблется въ серебряномъ мерцаньи;
 Изъ лавровой листвы, царица майской ночи,
 Съ небезъ глядитъ луна, вся въ золотомъ сіяньи.

Цвѣты росистые, качаясь,
 Трелепчуть передъ ней во всемъ благоуханьи;
 Хоръ соловьевъ, то заливаясь страстно,
 То въ нѣгѣ слезъ, звенить въ безумномъ ликованьи.

Но подымается луна все выше,
 Чтобъ не томить лѣтцовъ въ волшебномъ обаяньи;
 Чтобы цвѣты огнемъ любви мятежной
 Не вянули вскружь въ напрасномъ ожиданьи.

О! ты—луна! Душа моя—цвѣты!
 Хоръ соловьевъ, ихъ звонкія рыданья—
 Мои уста! Безумно, страстно, бурно
 Поютъ они тебѣ безумныя страданья!

 XXIV.

Если вѣтеръ легкокрылый
 Шевельнетъ твоей косой,
 Гдѣ повѣетъ на больного,
 Исцѣляется больной.

Если ангелы Аллаху
 Въ небесахъ гремятъ хвалою,
 Какъ вѣдомъ Его созданій,
 Славятъ Вѣчнаго тобой!

Душъ имѣй я міриады,
 Обладай сердцецъ я тьмой,
 Раболѣбно ихъ громады
 Я повергъ бы предъ тобой!

Но—зачѣмъ, моя святыня,
 Смертоносной полосой
 Пышетъ знойная пустыня
 Между мною и тобой!

Кинь же взглядъ одинъ участья
 На суровый жребій мой,
 И слезою яркой счастья
 Озарится мракъ глухой!

XXV.

Я выхожу—алмазной
Горать дуга росой,
И моремъ розъ смѣтается
Весь міръ передо мной.

И полилась, я слышу,
Раскаты соловья!
Гремитъ онъ мукой страстной
Съ зарею золотой!

Ахъ, здѣсь, среди всей нѣги,
Въ расцвѣтѣ красоты,
Надежды нѣтъ на счастье
И съ новою весной!

Не слышатъ рза бурныхъ
Томленій соловья,
И вылакать ся хочетъ
Она трезью разсылной.

О, соловей! рыданья
Твои понятны мнѣ!
Въ любви одни мученья,
Одни у насъ съ тобой!

XXVI.

Какъ свѣточъ яркій,
Любовью вспыхнувъ,
Стою я прямо,
Огнемъ объятый!
Я весь лылаю,
Томлюсь и таю,
И не мигну!

И, точно свѣточъ,
 Въ своей кручинѣ,
 Въ любви безмѣрной
 Я непрерывно
 Горю, сгораю,
 И не вздрогну!
 И неустанно,
 Въ своей судьбинѣ,
 Какъ тотъ же свѣточъ,
 Свѣтло и ясно
 Я всѣмъ сію,—
 Любовью страстной
 Сію всюду,
 Пла не буду
 На днѣ могилы
 Безъ словъ, безъ силы!...
 Я догораю!
 Скажите жь милой:
 Я умираю!—
 И къ самой смерти
 Я обращаю
 Ликъ вѣчно ясный—
 Приди жь ко мнѣ
 Хоть предъ кончиной!
 Хоть взглядъ единый
 Своей любви
 На мнѣ оставови,—
 Взглядъ полный всей души!
 И свѣточъ дотлѣвающій
 Дыханьемъ устъ рубиновыхъ
 Тихонько потуши!

 XXVII.

Изъ родины кедровъ подруга моя;
 Изъ дерева кедра мнѣ гробъ сколотите,
 И въ гробъ ароматный, на западъ лицомъ,
 Къ странѣ гордыхъ кедровъ, меня положите!

XXVIII.

Радосты! счастье!
 Небо любви!
 О, моя пери!
 Спаситель милый!
 Воскрестею силой
 Живу, дышу!..
 А ты—
 Гдѣ жь ты?—
 Моя звѣзда!
 Ты была здѣсь!!
 Еще слезой
 Вокругъ дрожать
 Мои цвѣты,
 И ароматъ
 Твоей фаты
 Кругомъ курится,
 Какъ нарѣ душистый,
 И цѣлый садъ,
 Мой садъ тѣнистый,
 Весь полонъ свѣту!
 И золотистый
 Еще мелькаетъ,
 Еще кружится
 Блескъ твоего слѣда!!!

О, да!
 То была ты!
 О, дорогая!
 О, пери рай!
 Ты, вся сіяя,
 Ко мнѣ склонилась
 И улыбнулась
 Улыбкой рай —

О, это ты, ты воскресила
 Меня, убитого тоской!

Что жь, ужь ли мнѣ ждать уныло?
 О, лечу я за тобой —
 О! лечу я за тобой!..

XXIX.

Флейты, лютни! гѣсни, струны!
 Что жь вы дремлете въ любви!
 Раздавайтесь! Гряньте дружнымъ,
 Яркимъ хоромъ соловьи!
 Золотую радость эту
 Цѣлый пусть узнаетъ свѣтъ!!
 Шейхамъ только не услышать
 Чудной вѣсти! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
 Не скажу имъ, не слою имъ
 Вѣсти, вѣсти золотой!
 Вѣтерку скорѣй открою,
 Почкъъ розы молодой!

XXX.

Рубины устъ, уста маящихъ,
 И искрометные глаза,
 Какъ пара звѣздъ въ ночи горящихъ,
 И эта ночь кудрей дрожащихъ,
 Когда сверкнетъ любви слеза—
 И трелеть, трелеть этой груди—
 О, моя радость, о, мой миръ,
 Въ моихъ стихахъ поймутъ ли люди,
 Пойметъ ли вздорный этотъ миръ
 Всю глубину святаго счастья
 Которымъ твой Гафизъ живетъ!
 О, неужель меня пойметъ
 Душой, исполненной участья,
 Весь этотъ жалкій школьный клиръ,
 Себя считающій судьей
 Межь небесами и землей!

XXXI.

Что говоришь ты мнѣ: Коранъ!
 Я ль не твержу еще его!
 Въ лицо я милой все гляжу,
 Въ очахъ ея читаю все —
 Читаю суру „тмы звѣзду“
 И суру „свѣтъ“ читаю все!

XXXII.

Я славлю Бога, день создавшаго и ночь
 День твоего лица и косъ густую ночь!

XXXIII.

Моя царица! О, какъ ты
 Полна всесильной красоты!
 Смѣешься ты—Весны дыханьемъ
 Мнѣ душу наполняешь ты!

Чуть распутившаяся роза
 Во всемъ сіяньи, это—ты!
 О, вѣть, вѣть, вѣть! передъ тобою
 Что тутъ всѣ розы и цвѣты!

На знойный камень ступишь ты
 Среди мертвящей лустоты,
 У ногъ твоихъ зардѣютъ розы
 И зацвѣтутъ лилей кусты!

Скажи, и я у ногъ твоихъ
 Умру отъ страсти полноты!
 Ахъ, смерть сама, томленья смерти.
 Желанны, милы—тамъ гдѣ ты!

XXXIV.

На священныхъ райскихъ вѣтвяхъ,
 Въ лучезарныхъ высотахъ,
 Дивною птицей я носился,
 Позабывъ юдовый прахъ.

Вдругъ твой взглядъ сверкнулъ стрѣлою—
 И, подшиблена въ крылахъ,
 Птица райская упала
 Предъ тобою внизъ во прахъ!

Что же птица? Рвется въ небо?
 Ахъ! одно у ней въ мечтахъ:
 Близъ тебя на вѣкъ остаться,
 Ногъ твоихъ цѣлуя прахъ!

XXXV.

Звѣзда золотая съ лазури безбрежной скатилась,
 На землю съ ея суетою мятежной скатилась!

Цвѣты по долинамъ росистымъ она увидала,
 Ихъ жизнь съ лестротою ихъ вѣжною ей полюбилась.

Кузнечиковъ трескъ серебряный она услышала,
 Ихъ трель переливно-безбрежная ей полюбилась.

Кона съ его гривой волнистой она увидала,
 И мощь скакуна быстрѣющая ей полюбилась.

Зеленя чащи, тѣнистыя рощи она увидала,
 Ихъ свѣжесть, ихъ сѣнь безмятежная ей полюбилась.

Гнилушку лѣсную во мглистой ночи увидала
 И свѣтъ ея трепетно-вѣжный.—Ахъ, все ей—ей все по-
 любилось,

И въ небѣ, какъ свѣточъ огнистый, пылать перестала,
 Довольная тѣмъ что въ юдоли мятежной сама приотилась.

XXXVI.

Что я! Я—искра, огонекъ,
 Мерцающій во тьмѣ глухой!
 А ты—сіяешь надо мной,
 Какъ утромъ рдѣющій востокъ!
 Сіяй лишь ты, блистай лишь ты!
 И, если въ свѣтѣ красоты
 И задымится свѣточъ мой,
 Не дорожу вѣдь я собой:
 Сіяй лишь ты,
 И пусть я гасну предъ тобой!

XXXVII.

Вождь на пути къ совершенству!
 Только не этимъ путемъ!
 Здѣсь, по дорогѣ къ Моселѣ,
 Милой стоитъ моей домъ!

Тутъ мы—клянуса я небомъ!—
 Тутъ мы съ тобой не пройдемъ!
 Лучше меня ужъ оставь ты,
 Будь тамъ что будетъ потомъ!

XXXVIII.

Яркія трели
 Ночныхъ соловьевъ
 Розамъ пропѣли
 Весну и любовь.

Страстная роза
 Духъ свѣта, смотри,
 Въ чудныя грезы
 Повиль до зари!

Ты, золотая,
Ты эта заря!
Всходишь, пылая
Въ огняхъ янтара!

Вкругъ тебя розы,
Проснувшись съ тобой,
Рдѣютъ, и слезы
Роняютъ росой;

И въ изумрудной
Листвѣ соловьи
Въ мигъ этотъ чудный
Молчатъ отъ любви.

 XXXIX.

Что жь мнѣ дѣлать съ упоеньемъ,
Съ этой жаждою любви!
Груды золота сули,
Укоряй меня, моли:
Нѣтъ ни капли изувѣрства,
Нѣтъ ни капли лицемерства,
Нѣтъ ни капли, и не жди!
Что еще и оставалось
Въ глубинѣ, на днѣ души,
Все растаяло въ крови
Сочныхъ гроздій, все умчалось
Въ вихрь пламенномъ любви!

 XL.

О, луна моя свѣтлая,
Въ діадемѣ алмазныхъ лучей!
Покрывало кивъ въ сторону
Бѣлоснѣжной рукою своей!

Какъ твои ноги цѣлуешь волна
 Пышно вьющихся черныхъ кудрей,
 Такъ къ ногамъ твоимъ дай мнѣ уласть,
 Побѣжденному чудной красою твоей!

XLI.

Нынѣ людямъ съ сердцемъ, Боже!
 Жить и горько и обидно!
 Лашь нахальному безстыдству
 Всюду настежь двери, видно!

Тулость дерзкая, ничтожность
 Продируются безстыдно!
 Высота жь души, напротивъ,
 Всюду гонится, какъ видно!

Что жь Гафизъ тутъ скажетъ людямъ?
 Стихъ ли горькій и обидный
 Онъ въ ничтожества направитъ,
 Мстя свой жребій незавидный,

Иль, презрѣвъ исчадья эги,
 Повернется, имъ невидный,
 Всею душой своей къ Аллаху
 И забудеть родъ постыдный?

Такъ ли, иначе ль—но вотъ что
 Надо помнить очевидно:
 Нѣту силъ любви сильнѣе!
 Съ ней—всѣ жребіи завидны!

Пусть же терья въ насъ кидаютъ
 Эти жалкія ехидны!
 Розъ дождемъ мы имъ отвѣтимъ
 И засылемъ родъ безстыдный!

XLII.

Еслибъ въ зелени оазовъ,
 Да ключи вина забили,
 Еслибъ этотъ рай песками
 Всюду стели окружили!

Мы бъ прокрались въ рай чудесны!
 Какъ бы счастливо мы жили!
 Соловьи бъ намъ пѣсни пѣли—
 Никогда бъ мы не тужили!

Насъ никто бъ не потревожилъ,
 И хавжи бъ не говорили
 Хорошо иль нѣтъ живемъ мы,
 Хорошо иль нѣтъ мы жили!

Всѣхъ бы этихъ разомъ скучныхъ
 Пустомелей мы забыли,
 Разомъ душу, умъ и сердце
 На престоу освѣжили!

XLIII.

Какъ враги, глядимъ мы оба
 Другъ на друга, свѣтъ и я.
 Если любишь славу свѣта,
 Добрый другъ, бѣги меня!

Если жь только кончилъ счеты
 Съ этимъ старымъ хламомъ ты,
 Приходи въ мой садъ душистый,
 Заживемъ, и ты, и я!

Звуки чудные услышишь
 Несказанной красоты,
 Вѣдь уста Гафиза полны
 Яркой трелью соловья!

И внимаютъ имъ съ весельемъ
 Алымъ пламенемъ горя,
 Вторя имъ своею лютвей,
 Лучезарная заря!

XLIV.

Эти розы пусть тебѣ примѣромъ будутъ!
 Отъ лучей живительнаго солнца,
 Отъ росы жемчужинъ, вѣтерка лобзаній
 Не придетъ на мысль имъ отказаться!
 Посмотри, какимъ блаженствомъ дышутъ эти розы!
 Да! пока онѣ цвѣтутъ сіяя,
 Счастьемъ жизни полныя, онѣ не спросятъ
 О пророкѣ и его обѣтованьяхъ вѣчныхъ!

XLV.

Я такъ безгрѣшенъ, такъ высокъ,
 И къ небу луть такъ недалекъ—
 Но человѣкомъ—Боже мой!—
 Быть хорошо!.. О! такъ за мной,
 Мои друзья, и—за виною!
 Смертельный врагъ святошь оно!

XLVI.

Кубокъ древняго Джемшида
 Вновь стоитъ передо мной!
 Какъ онъ лѣвится, сверкая
 Искрометною струей!

Безпрерывно углубляясь
 Въ этотъ кубокъ дорогой,
 Постигаю чуткимъ сердцемъ
 Жизни всюду смыслъ живой.

Слышу я, какой глубокой
 Соловей звучитъ мольбой,
 Слышу, горлянка воркуеть
 Съ безысходною тоской!

Ближе, ближе все сіяетъ
 Въ свѣтлой влагѣ золотой
 Нѣжный обликъ, мнѣ знакомый,
 Несказанной красотой!

Я гляжу—и, разгараясь
 Ярче розы молодой,
 Вся блистая юнымъ свѣтомъ,
 Это—ты передо мной!

Вотъ источникъ гдѣ блаженства!
 Вотъ онъ гдѣ, вдемъ земной!
 Это ты, мой вѣстникъ неба,
 Виночерпій милый мой!

 XLVII.

Кто льетъ, и кубкамъ знаетъ счетъ,
 Благослови Аллахъ его!
 А кто безъ счету льетъ, безъ счету
 Благослови Аллахъ его!

О! если лить и цѣловать,
 Да чаще видѣть въ кубкахъ дно
 Намъ повелѣлъ Гафизъ, безъ счету
 Благослови Аллахъ его:

Когда пурпурныя уста—
 Въ дворцахъ, въ лачугахъ, все равно!—
 Цѣлуемъ страстно мы, безъ счету
 Благослови Аллахъ его!

И, если даже суесвятъ,
 Появъ Гафиза, заодно
 Пить и любить начнетъ, безъ счету
 Благослови Аллахъ его!

XLVIII.

Я совсѣмъ уже мирился
 Съ добродѣтелью людскою —
 „Полю!“ вдругъ весна сказала,
 „Это что за вздоръ такой!“

Я смотрю: кругомъ все свѣтомъ
 Залито, и надо мною
 Высь небесная смѣется
 Упоительной красотою;

И, въ тоскѣ любви безумной
 Къ вѣтвей розѣ молодой,
 Соловей гремитъ, рыдая
 Яркой трелью разсыпной.

И, стройнѣе кипариса
 Подымаясь надъ землею,
 Тихо милая подходитъ
 Подъ воздушною чадрой.

И сияютъ звѣзды-очи
 Нѣгой чудною такой
 Что я все забылъ на свѣтѣ,
 Добродѣтель и покой!

О, весна! Я понимаю:
 Вѣчно я союзникъ твой!
 Вѣчно мы съ тобою воюемъ
 Противъ пошлости людскою!

Закрѣпимъ же слова дружбу
 Искрометною струей!
 За твое, весна, здоровье
 Поднимаю кубокъ свой!

XLXIX.

Волшебная ночь!
 И кружокъ нашъ привѣтливъ такъ дружески тѣсенъ!
 Чу! слушайте всѣ,
 Чѣмъ нагѣвы звенятъ упоительныхъ лѣсенъ!
 „Скорѣе, друзья!
 „Вѣкъ блаженства лишь мигъ! но и мигъ здѣсь чудесенъ!
 „Забудьте весь міръ!
 „Отражните съ сердець скуки жизненной лѣсенъ!
 „Свободенъ вашъ кругъ!
 „Онъ свободенъ какъ духъ! онъ, какъ духъ, безтѣлесенъ!
 „Такъ въ море любви
 „Погружайтесь подъ звонъ упоительныхъ лѣсенъ!“
 Вотъ что говорятъ
 Намъ свирѣли, подъ ладъ этихъ нѣжащихъ лѣсенъ!
 Кто жь глухъ здѣсь изъ насъ
 Оказался бъ на зовъ, кто такъ грузно-тѣлесенъ,
 Друзья! мы надъ тѣмъ
 Возгласимъ весь заласъ погребаящихъ лѣсенъ!
 Смотрите! луны
 Показался ужъ ликъ! О, какъ свѣтъ ея тихій чудесенъ!
 О, радость, друзья!
 Упоительна ночь! И нашъ кругъ—такъ сіяющъ и тѣсенъ!

L.

Предъ тобою мы настѣжь всѣ двери!
 О, войди, вся въ сіяніи, къ намъ,
 О! войди къ намъ, небесная пери,
 Благодатная нашимъ сердцамаъ!

Предъ тобою предъидетъ молчанье,
 Какъ глашатай твоей красоты;
 И мы всѣ,—всѣ твое достоянье,
 Прежде чѣмъ показала ты!

—Знатоки красоты и искусства!
 Что жь, подобный вы видѣли ль свѣтъ?!
 Вы поклонники сильнаго чувства!
 Что жь, знавали вы чувство или вѣтъ?!

Погаси жь всеобѣдной красою
 Факелъ дымный, горящій уму,
 Лучезарной сіяя звѣздою,
 Прогоняющей злобную тьму!

Ты привѣтствуешь взглядомъ небеснымъ
 Изболевшія наши сердца!
 О! въ сіяніи кроткомъ, чудесномъ,
 Будь ты слутницей намъ навсегда!

Мы съ тоскою тебя ожидали,
 Хоть и знали: блаженные дни,
 Что сокрылись въ таинственной дали,
 Не навѣкъ же умчались они!

Посмотри жь: на всемъ этомъ просторѣ
 Взоры всѣхъ на тебѣ на одной!
 Душъ, волнуемыхъ страстью, какъ въ морѣ,
 Ты маякъ надъ ревущей волной!

О! гдѣ солнце явилось сіяя,
 Тамъ бѣжить непроглядная тьма,
 И, созданія тьмы разгоняя,
 Подымается радостный день!

 М. ПРАХОВЪ.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПИТАНІЕ ВЪ АНГЛІИ

ИЗЪ ДОРОЖНОЙ ЗАПИСНОЙ КНИГИ.

„Чти отца твоего и мать твою да благо ти будетъ, и да долголѣтень будешь на земли“, гласить вѣчная правда. Таковъ одинъ изъ маяковъ, на пути всесторонняго совершенствованія возженныхъ Провидѣніемъ для человѣчества. Правило это, не погрѣшимое въ кругу семейномъ, не имѣеть ли одинаковаго значенія и для великой семьи государственной, и не въ соблюденіи ли его заключается, въ частности, одна изъ главныхъ причинъ величія, могущества и благоденствія Англіи? Мысль эта, навѣянная на меня многими житейскими впечатлѣніями, во время недавней моей поѣздки въ Англію опредѣлилась точно и явственно въ моемъ сознаніи. Въ Англіи много измѣнилось съ теченіемъ времени и въ застоѣ трудно ее удержать, но движеніе впередъ вызывалось тамъ всегда дѣйствительною потребностью страны, а не бессознательнымъ стремленіемъ къ перемѣнамъ и ломкѣ, не жаждою новизны, и при каждой перемѣнѣ, при каждой реформѣ законодатель внимательно задавался вопросомъ, согласна ли реформа съ преданіями, съ духомъ старой Англіи, и нельзя ли, и насколько, удержать старые порядки. Въ вѣковой и непрерывной тяжбѣ между бывшимъ и настоящимъ; въ то время какъ у насъ, на побіе политически-отжившей Франціи, старинное призываетъ къ отвѣту или вѣрѣе всегда и безапелляціонно осуждаетъ

тѣмъ потому что это старина, въ Англіи старинѣ этой даются права судьи, и предъ стариною и преданіемъ реформа должна доказывать правоту своего дѣла. Англичанинъ, глубоко уважая себя, логически долженъ уважать, и уважаетъ въ прошломъ и тѣхъ людей и тѣ порядки которымъ онъ обязанъ величіемъ страны и правомъ на самоуваженіе. Конечно, въ современной Англіи въ настоящую минуту многое потрясено, умы многихъ смущены и недоумѣваютъ въ виду будущаго, потому что какъ въ эпоху первой французской революціи, такъ и при другихъ сильныхъ европейскихъ потрясеніяхъ, и въ Англіи не можетъ же не быть болѣе или менѣе явственнаго отголоска подобныхъ движеній. Но я говорю не о смутномъ, ненормальномъ настоящемъ, а объ общемъ характерѣ народа, о той Англіи которая сумѣла и поставила себя на высоту могущества, славы и благоденствія и сослужить всему человѣчеству великую службу, про ту Англію которой поэтъ посвящалъ прекрасные стихи, постоянно приходившіе мнѣ на память во время моей поѣздки:

Какъ свѣтло вѣнецъ науки
 Блещетъ надъ твоей главою,
 Какъ прекрасны плѣсень звуку
 Міру брешенныхъ тобой....
 Какъ державно, надъ воююю,
 Ходитъ твой широкій флагъ....

Было прекрасное сентябрьское утро когда мы выѣхали изъ Лондона. Быстрый поѣздъ мчалъ насъ по направленію къ сѣверу. Чудны сельскіе виды въ окрестностяхъ Лондона, можно сказать и въ самомъ Лондонѣ, такъ какъ предельные паркы разбросанные по этому городу не что иное какъ идеальныя картины сельской природы. Что за свѣжесть и яркость зелени, какое изящество въ группировкѣ рощъ, садовъ, въ расположеніи отдѣльныхъ деревьевъ! Какъ живописно, какъ улыбка появится у самой дороги живая изгородь, потянется вдоль по ковру роскошнаго луга и вдругъ скроется за изгибомъ холма или за уютнымъ и наряднымъ коттеджемъ! Овцы, красавицы коровы, кое-гдѣ олени группируются въ этой живописной рамкѣ какъ-то особенно изящно и какъ бы съ ощущеніемъ собственного достоинства, какъ бы понимая до какой степени они предельно разнообразятъ эти картины,—да, картины, вездѣ и во всемъ, и очаровательныя. Во всемъ сказывается мирная, семейная сельская жизнь, все отзывается

слокойствіемъ и довольствомъ. Вотъ, вотъ, кажется въ *этомъ* домикѣ хотѣлось бы поселиться и прожить хоть цѣлый вѣкъ, да и въ *томъ*, да и во всѣхъ... Англія хоть не богата великими живописцами, но за то всѣ Англичае рѣшительно самые даровитые *практическіе* ландшафтные художники. Вотъ минутъ черезъ пятнадцать, двадцать, мы останавливаемся. По лѣвую сторону дороги, предъ нами, прелестный городокъ или скорѣе группа красивыхъ кирпичныхъ домиковъ и коттеджей, разбросанныхъ по склону горы или большого холма, выступаетъ изъ зелени садовъ. Надъ ними возвышается церковь. „Вотъ и Гарро! Пріѣхали“, сказалъ почтенный спутникъ, который уже давно живетъ въ Лондонѣ, гдѣ пользуется общимъ и столь заслуженнымъ уваженіемъ и который узнавъ что я интересуюсь школьнымъ дѣломъ, въ высшей степени обязательно предложилъ мнѣ ознакомиить меня съ обстановкой одной изъ знаменитѣйшихъ школъ Англіи. Harrow! Кому не извѣстна, хотя по имени, эта, если можно такъ выразиться, педагогическая святыня Англіи? Это расадникъ великихъ людей ея во всѣхъ областяхъ науки, искусствъ и преимущественно гражданской дѣятельности. Здѣсь воспитывался Байронъ, здѣсь воспитывались многіе стяжавшіе въ послѣдствіи громкое имя. Кромѣ Гарро въ Англіи есть еще пять такихъ же школъ (public schools*) изъ коихъ болѣе знамениты Итонъ и Рогби. Послѣдняя прославилась дѣятельностью великаго педагога-директора (head master, то-есть главный учитель, Арнольда, и много содѣйствовала своимъ примѣромъ къ улучшенію системы воспитанія и въ прочихъ школахъ. Мы сѣли въ омнибусъ и поднявшись въ гору остановились минутъ черезъ десять въ центрѣ городка, откуда направились къ главному зданію школы. По улицамъ безпрестанно встрѣчаются школьники. Чтò за веселыя, здоровыя, бодрыя лица, просто любуясь! Чтò за энергія сказывается въ этихъ по большей части очень красивыхъ, но рѣзко опредѣленныхъ чертахъ. Они смотрятъ смѣло на все и на всѣхъ, но ни тѣни дерзкаго или вызывающаго вида. Одна веселость свойственная этомъ

* Eton, Winchester, Westminster, Charterhouse, Harrow, Rugby. Эти школы, спеціально называемыя public schools, равно какъ и grammar schools (грамматическія школы), готовятъ къ университету и соответствуютъ приблизительно гимназіямъ.

взрасту. Во всемъ выражается характеръ и спокойствіе, порождаемое чувствомъ самообладанія. Видно что каждый изъ нихъ знаетъ чего онъ хочетъ, знаетъ куда идетъ, знаетъ путь и средства, и права свои и обязанности.... У всѣхъ школьничковъ соломенные матросскія шляпы. Большинство въ курткахъ, старшіе во фракахъ. На шляпахъ у кого голубая, у кого черная левта. Это, по отзыву моего спутника, означаетъ что они, во время ежегодныхъ лодочныхъ гонокъ между студентами Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ, какъ и вся Англія, причисляютъ себя къ той или другой партіи. Директоръ къ сожалѣнію былъ занятъ своими уроками до 12 часовъ, и мы охотно воспользовались предложениемъ какого-то должностнаго лица школы осмотрѣть, до возвращенія директора, бібліотеку и церковь. Церковь и семья — вотъ коренныя основы англійской жизни, и видна на каждомъ шагу и во всемъ забота о благосостояніи той и другой. Школьная церковь въ Гарро просторна и очень красива. Мѣсто cadaго воспитанника на скамьяхъ обозначено молитвенною книгой, и видно что читается она усердно. По стѣнамъ мѣдныя и мраморныя доски, передающія изъ рода въ родъ память какъ объ учителяхъ отличившихся продолжительною и полезною службой въ Гарро, такъ и объ умершихъ уже воспитанникахъ. Особенно много надписей гласящихъ о славной смерти и подвигахъ бывшихъ Гарровьянцевъ (Harrowians), павшихъ во время Крымской кампаніи подъ Севастополемъ. Въ Гарро на каждомъ шагу воспоминанія о бывшихъ ученикахъ. Связь Гарровьянца съ дорогою ему школою не прерывается ни на минуту во всю жизнь, и съ другой стороны память о бывшихъ воспитанникахъ свято хранится взлелѣявшею ихъ школою въ теченіе вѣковъ въ поощреніе и назиданіе новыхъ поколѣній. Въ бібліотекѣ (по наружности это совершенно готическая церковь), не очень большой, но чрезвычайно удобно и изящно устроенной, хранятся, на ряду съ портретами и бюстами знаменитыхъ Гарровьянцевъ, большое число самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Вотъ фотографическій видъ какой-нибудь дальней мѣстности Африки или Азіи, чучело рѣдкаго или страннаго животнаго, саимокъ или слѣпокъ съ предмета чѣмъ-либо замѣчательнаго, вотъ прострѣленная прусская каска, поднятая на какомъ-то полѣ битвы, какимъ-нибудь неумолимымъ туристомъ—все это подарки бывшихъ Гарровьянцевъ, которые

и подъ страдами тролическаго солнца, и подъ непріятельскими пулями памятуя и свято чтутъ свою *alma mater*, и ставятъ себя въ честь напомнить ей о себѣ либо пожертвованіями, либо какими-нибудь знакомъ памяти. Вотъ входитъ въ бібліотеку какой-то почтенный учитель въ классической черной низенькой шалочкѣ съ четырехъ-угольнымъ верхомъ (на подобіе польской конфедератки) и въ черной мантии. За нимъ человекъ десять, двѣнадцать мальчиковъ. Они присиживаютъ книги и внимательно разсматриваютъ указанныя учителемъ мѣста. Въ бібліотекѣ же, какъ намъ объяснили, собираются разъ въ недѣлю воспитанники для практическихъ упражненій въ ораторствѣ. Тутъ, въ довольно многочисленномъ собраніи, ведутся оживленные пренія о томъ или другомъ предметѣ. Тщательно устраняются лишь всѣ религіозные вопросы: эта святая не подлежитъ незрѣлому обсужденію *школьничковъ*. Понятно что при государственномъ строѣ Англіи, подобная подготовка къ преніямъ составляетъ необходимость. Большинство этихъ молодыхъ людей, рано или поздно, будетъ призвано вѣять разумнымъ словомъ на двѣа страны, и весьма многіе займутъ мѣста на скамьяхъ той или другой палаты. Не о безпорядочныхъ сходкахъ, не о волюнтарствѣ здѣсь рѣчь. Здѣсь одна забота—правильное, послѣдовательное развитіе разумной, дѣловой мысли, согласно съ бессмертными образцами великихъ ораторовъ древняго міра или новѣйшихъ ихъ послѣдователей, — знаменитыхъ государственныхъ людей Англіи. Предсѣдаетъ при этомъ одинъ изъ старшихъ и особенно уважаемыхъ учениковъ. Учителя присутствуютъ въ качествѣ почетныхъ гостей. Изъ бібліотеки прошли мы къ приходской церкви Гарро. Она построена на вершинѣ горы, по которой раскинутъ этотъ городокъ (отсюда и названіе *Narrow on the Hill*), и окружена кладбищемъ и садами. Церковь была залерта, но что за видъ открывается изъ-подъ высокихъ деревьевъ, освѣняющихъ могилы этого стариннаго кладбища въ направленіи противоположномъ Лондону! Роскошна, какъ-то празднична, свѣтла и пріятлива эта картина англійской природы, оживленная настойчивою, но и спокойною дѣятельностью бодрого и мощнаго сельскаго люда. Безконечно разнообразенъ, но и поразительно согласенъ въ своемъ разнообразіи раскинувшійся предъ нами ландшафтъ. Ярко и точно опредѣлены всѣ оттѣнки перваго плана подъ лучами осенняго солнца, а тамъ, постепенно

стусывываясь и сливаясь съ тѣнями находящихъ тучъ, уходить въ даль изумрудными волнами холмы, сады, лѣса....

Островъ пышный, островъ чудный,
Ты краса подлунной всей,
Лучшій камень изумрудный
Въ голубомъ вѣдѣ морей....

Здѣсь, на этой террасѣ Гарроскаго кладбища, любилъ сидѣть и мечтать Байронъ. Эта природа, эти картины навѣвали на него первая вдохновенія юности. „Вотъ вамъ и *существенное* воспоминаніе о Байронѣ“, сказалъ мой спутникъ, указывая на старинную могилу, на которую я сперва не обратилъ никакого вниманія, отдавшись всецѣло описаннымъ впечатлѣніямъ. Простой могильный камень большихъ размѣровъ, потерѣвшій отъ времени, ничего особеннаго, кажется, но особенность вотъ въ чемъ: камень окованъ со всѣхъ сторонъ крѣпкими желѣзными полосами или, вѣрнѣе сказать, могила заключена въ большую и солидную желѣзную кѣтку, на подобіе тѣхъ въ которыя заперались иногда въ средніе вѣка преступники. Чѣмъ же провинилась эта могила? Странно.... Чтò жь это значитъ? А вотъ чтò: на *этомъ* камнѣ сживалъ цѣлыми часами Байронъ и *здѣсь* писалъ онъ свои юношескіе стихи. Съ тѣхъ поръ его соотечественники, безконечною вереницей посѣщая эту народную святыню, ставили себѣ въ священныи долгъ отломить хоть маленькій кусочекъ (а иногда и не одинъ) отъ *счастливой* могилы себѣ на память. Если правда что gutta cavat lapidem, то чтò же случилось бы съ *этимъ* камнемъ подъ мощными руками поклонниковъ родной святыни? Вотъ и порѣшили поставить кѣтку надъ могилой. Такъ на удивленіе тебѣ, о російская молодежь, *синеокая*, стриженная и длинноволосая, силащаяся извести великихъ людей своей земли съ гранитнаго подножія и поставить на фантастическіе льдестапельчики или хотъ на навозныя кучки своихъ импровизованныхъ героевъ,—англійская молодежь, и вся Англія чтитъ своихъ великихъ людей, и не одна Англія, а и вся *дѣйствительно просвѣщенная* Европа, кромѣ тебя, *синеокая* стриженная и длинноволосая молодая псевдо-Россія!...

Дѣцнацать часовъ, пора къ директору. Онъ живетъ подлѣ школы, въ весьма красивомъ и уютномъ домѣ. Приѣмъ самый радушный, конечно главнымъ образомъ благодаря присутствію достопочтеннаго моего спутника. Насъ сперва принимаетъ молодая жена директора (онъ какъ и всѣ директора, да и

значительное число учителей этихъ школъ, есть *clergyman*, духовное лицо). Мы застаи ея за урокомъ, она учила своихъ маленькихъ дочерей. Входитъ Г. Б. Человѣкъ на видъ еще молодой, лѣтъ 35, 36, но оказывается что ему 43 или 44 года. Впрочемъ онъ поступилъ на это мѣсто, если не ошибаюсь, 26 или 27 лѣтъ. И онъ въ извѣстномъ костюмѣ: черная мантия и шалочка университетскихъ *fellows*. Наружность и голосъ чрезвычайно симпатичные. Онъ извиняется что заставилъ насъ ждать, и что мы застаи семью врасплохъ, за уроками, а между тѣмъ говорить съ сіяющимъ лицомъ. Такъ и дышетъ оно счастьемъ быть снова съ семьей, видѣть своихъ малютокъ. „У васъ есть дѣти? Сколько?“ почти первыя слова Г. Б. „Да, шестеро.“—„Какъ, шестеро, въ самомъ дѣлѣ?“ И сіяющее лицо какъ-то еще радостнѣе сіяетъ. Его *радуетъ* что у меня много дѣтей. А ему какое дѣло (если мыслить по-нашему)? Семья, домашній очагъ, *sweet home*—вся Англія въ этихъ словахъ. Прекрасные люди, такъ бы и хотѣлось объять ихъ... Нельзя—*shocking* (это другая сторона Англіи). Но зато можно крѣпко пожать руку протянутую дружески. Г. Б. приглашаетъ насъ сперва зайти въ кабинетъ, потолковать объ интересующемъ меня предметѣ. Потомъ пойдемъ осматривать школу. Кабинетъ чрезвычайно уютный. Вообще вся обстановка можетъ сравниться лишь съ нашими лучшими домами, только менѣе роскоши. Видъ на садъ и по направленію къ Лондону, изъ оконъ гостиной, прелестный.

Исторія Гарро оригинальна какъ и все въ Англіи. При королевѣ Елизаветѣ, добрый человѣкъ по имени Джонъ Лайонъ (John Lyon), родившійся въ Гарро и глубоко преданный дѣлу образованія, основалъ школу для жителей Гарро, названную хартією выданною правительствомъ въ 1571 году: „Free Grammar School of John Lyon“. Этотъ Джонъ Лайонъ, хотя и весьма небогатый, дѣлалъ однако всевозможныя пожертвованія для воспитанія, особенно дѣтей бѣднѣйшаго класса. Мало-помалу слава школы росла, и многіе изъ жителей и другихъ мѣстностей пожелали воспользоваться ею для своихъ дѣтей. Но какъ быть? По закону можно было принимать лишь дѣтей жителей Гарро. Разумѣется на помощь здѣсь, какъ и всегда, прислѣла та спасительная *юридическая фикція* которая сглаживаетъ и смягчаетъ слишкомъ рѣзкія угловатости и слишкомъ жесткія положенія англійскихъ порядковъ при соблюденіи однако цѣлости дорогихъ преданій старины. Порѣ-

или что четырнадцать (кажется) мѣсячное пребываніе въ Гарро даетъ право кореннаго гражданства этого мѣстечка, и ютъ стали съѣзжаться туда лондонскія семьи, соблюдая при этомъ и прочіе свои интересы. Отецъ оставался обыкновенно въ Лондонѣ, а мать переселялась въ Гарро съ сыновьями на указанный срокъ. * Теперь въ Гарро до 540 воспитанниковъ отъ двѣнадцати до двадцати-лѣтняго возраста. Какъ скоро воспитаннику минетъ двадцать лѣтъ, онъ немедленно, волею-неволею, долженъ оставить школу. Директоръ этихъ школъ обыкновенно имѣетъ большую власть, но въ частности главный учитель Гарро пользуется властью совершенно неограниченною.** Онъ настоящій *imperator* въ своей сферѣ и по временамъ собираетъ совѣтъ изъ учителей лишь для очистки такъ-сказать совѣста. По закону онъ не можетъ отлучиться изъ Гарро. Въ случаѣ нужды онъ передаетъ управленіе кому-либо изъ учителей, но на свой страхъ—онъ одинъ *ответчикъ*. Онъ разрѣшаетъ приемъ воспитанниковъ, онъ и исключаетъ ихъ (эти случаи чрезвычайно рѣдки). Ему совершенно подчинены учителя, кои въ Гарро до 30. Контроль надъ главнымъ учителемъ и школою ввѣренъ такъ-называемымъ визитаторамъ (*visitors*), архіепископу Кенторберійскому, примасу Англіи, и епископу Лондонскому (должность очевидно чисто почетная) и полечителямъ (*governors*), назначаемымъ пожизненно, частью правительствомъ, частью университетами или другими учрежденіями (ихъ кажется десять въ Гарро). Въ ихъ числѣ знаменитые специалисты Англіи по филологіи, законовѣдѣнію и пр. Они принимаютъ участіе въ ходѣ дѣлъ въ важныхъ случаяхъ, назначаютъ и увольняютъ директоровъ, имъ же представляютъ отчеты, но можно сказать что главный, *дѣйствительный, постоянный* контроль надъ школами обезпеченъ не участіемъ того или другаго учрежденія, того или другаго лица, онъ обезпеченъ *общимъ строемъ* Англіи. *Общій порядокъ* и врожденное Англичанамъ *чувство* (я готовъ сказать *чутье*) законности блюдутъ порядокъ и здѣсь. Однако вотъ разительное доказа-

* Съ теченіемъ времени эти ограниченія мало-по-малу исчезали и остаются въ силѣ лишь для стипендіатовъ (кои въ кажется человекъ тридцать).

** Теперь вводятся нѣкоторыя измѣненія въ порядкѣ управленія школы, учрежденія стипендій и пр., и при этомъ власть директора отчасти ограничивается боѣе точнымъ опредѣленіемъ вліянія совѣта полечителей.

тельство вліянія директора на подобныя школы. При одномъ изъ главныхъ учителей Гарро число воспитанниковъ постепенно убавилось до 70 или 80 человекъ, а теперь оно доходитъ до 540 человекъ. Этотъ директоръ былъ прекрасный человекъ, но не педагогъ. Не мѣры нужны, а люди, говорилъ Арнольдъ, которому Англія обязана многимъ, многимъ въ дѣлѣ воспитанія. Дѣйствительно, за послѣднія 20—30 лѣтъ званіе учителя и особенно директора (главнаго учителя) поставлено совершенно иначе чѣмъ было прежде. Неад master'ы имѣютъ теперь весьма видное положеніе и теперь вошло даже въ обычай выбирать изъ ихъ среды епископовъ. Иногда сыновья заступаютъ мѣсто отцовъ. Если не ошибаюсь, такъ было и въ Гарро. Подобная власть конечно мыслима лишь въ подобныя страны. Здѣсь классъ педагоговъ, педагоговъ настоящихъ, по призванію, или образованныхъ долголѣтнею практикой, существуетъ на самомъ дѣлѣ и выборъ облегченъ значительною конкуренціей. Все это возможно тамъ гдѣ и семья, и общественная жизнь дѣйствительно могутъ контролировать школьные порядки. Здѣсь отъ школы требуютъ не однихъ правъ, а дѣйствительной пользы. Родители и общество здѣсь требуютъ чтобы дѣтей дѣйствительно учили и учили хорошо, и не только учили, но и главнымъ образомъ воспитывали, требуютъ чтобы изъ школы выходили добрые христіане, дѣльные и нравственные люди, хорошіе и полезные граждане. А гдѣ уровень общества еще до того низокъ что родители, по большей части мало заботятся о духовномъ, нравственномъ и умственномъ развитіи своихъ дѣтей, добиваются всеми возможными и невозможными средствами лишь правъ для нихъ и выгодъ для себя, тамъ очевидно контроль правительства необходимъ, не только для удостовѣренія въ правильности хода учебнаго дѣла, но и для огражденія самихъ директоровъ отъ притязаній, часто бессмысленныхъ, общества. Иначе въ нѣкоторыхъ странахъ самостоятельное учебное начальство скоро обратилось бы въ игрушку въ рукахъ родителей, а можетъ быть въ нѣчто еще худшее. По этому поводу мнѣ приходитъ на мысль что у насъ въ частности много толкуютъ о казенницѣ, противоположая ей нѣчто что будто не казенница, конечно не давая себѣ отчета въ томъ что такое это нѣчто. Къ счастью, за послѣднее время стали и у насъ смотрѣть немного благоразумнѣе на все это. Поневоля казенное должно имѣть преобладающее влія-

не тамъ гдѣ процвѣтають Митрофанушки и Простаконы, то подъ видомъ крѣпостника, то подъ фригійскою шалью краснаго радикала или балаганнаго республиканца. *Мундиръ* необходимъ когда общество способно противопоставить ему лишь одинъ *салатъ*. Гдѣ ни въ чемъ нѣтъ устоя, тамъ повеваѣ *власть* должна дѣлать двойную работу. Въ Англіи напримѣръ печать играетъ важную роль, но печать сама сдерживается, въ извѣстныхъ границахъ, обществомъ. За предѣлы здраваго смысла газета не можетъ выйти безнаказанно. Если, какъ говорится, журналистъ зарпортуется, то вліаніе газеты улетучивается само собою. У насъ не рѣдко наоборотъ: чѣмъ нагаѣе, чѣмъ бессмысленнѣе ложь, тѣмъ болѣе сказывается вліаніе борзописца на читателей. Это хорошо извѣстно въ журнальномъ мірѣ, и цѣлыя газеты этимъ только и живутъ. Мнѣ припомнился слѣдующій примѣръ. Начальство одного изъ учебныхъ округовъ предлагало ввести для учениковъ ранцы для ношенія книгъ и тетрадей. Извѣстно что во всемъ просвѣщенномъ мірѣ школьники носятъ подобные ранцы отправляясь въ училище. И въ свободной и мирной Гельвеціи, и въ воинственной Германіи, и шестилѣтнія крошки и пятнадцатилѣтніе юноши, и мальчишки и дѣвочки проходятъ цѣлыя версты, дѣлаютъ большія прогулки, бодро неся свои ранцы на спинѣ. Никому изъ педагоговъ этихъ просвѣщенныхъ странъ и въ голову не приходитъ что можно приписать этимъ невиннымъ ранцамъ смертоносное вліаніе. У насъ — нѣтъ. Нашелся борзописецъ который, желая насолить начальству по тѣмъ или другимъ причинамъ, настрочилъ дивнѣйшія статьи о томъ что начальство хочетъ де изуродовать дѣтей введеніемъ этихъ невѣдомыхъ орудій пытки. И чего, чего тутъ не было: и деспотизмъ, и капральство, и чакотка, и атрофія мышцъ, и искривленіе позвоночнаго столба и, кажется, размягченіе мозга въ перспективѣ! Эта ложь писалась очевидно вполне сознательно, съ твердою вѣрою въ туность читателя, ибо, допуская даже величайшее невѣжество въ авторѣ подобной чепухи, нельзя же думать что ояъ считаетъ себя умнѣе просвѣщеннѣйшихъ и заботливыхъ до мелочей педагоговъ Европы. И что же? У насъ повѣрили, и повѣрили не потому очевидно что ложь могла сдѣлаться правдою у насъ, а потому что борзописецъ лихо обругалъ начальство.

Мы прошли въ главное зданіе школы. Это постройка изъ

краснаго кирпича, какъ и прочіе училищныя дома, и не представляетъ ничего особеннаго кромѣ прекраснаго вида съ террасы которая ее окружаетъ. Впрочемъ многое въ теченіи времени перестроено и передѣлано въ этомъ домѣ. Классы вновь отдѣланные не отличаются ничѣмъ отъ обыкновенныхъ помѣщеній подобнаго рода, но лѣстницы и коридоры носятъ отпечатокъ старинныхъ, средневѣковыхъ монастырскихъ построекъ. Тяжелыя деревянныя перила лѣстницы выполированы какъ стекло проходившими по ней поколѣніями. И вотъ въ нижнемъ этажѣ мы входимъ въ большую комнату или вѣрнѣе залу, очень высокую, но довольно темную, такъ какъ она освѣщена лишь однимъ большимъ окномъ. Въ ней можетъ помѣститься кажется человекъ слишкомъ 200 школьникова. Полъ простой, совершенно простыя, низкія, длинныя и довольно узкія скамейки, безъ спинокъ и безъ столовъ; по сторонамъ, у стѣнъ и на возвышеніяхъ три или четыре стола для учителей. Стѣны аршивъ на лѣтъ въ вышину покрыты старинною дубовою облицовкой (boiserie). Вся зала очень напоминаетъ средневѣковыя монастырскія трапезы. И скамьи, и столы, и полъ до того ветхи и истерты что кажется они просуществовали безъ всякихъ передѣлокъ съ самаго основанія школы. Комната эта дѣйствительно существуетъ въ этомъ видѣ около двухъ столѣтій. Одинъ изъ столовъ, простой, дубовый, весь почернѣвшій отъ времени и чернильныхъ латекъ, изрѣзанный, испараланный, скрѣпленъ по угламъ простыми же желѣзными гвоздями и скобами, уже давно заржавѣлыми. Этому столу уже вѣрно болѣе двухъ сотъ лѣтъ отъ роду. Съ глубокимъ почтеніемъ смотрѣли мы на него какъ на побѣдныя стяги, обстрѣланный и изрѣзанный пулями и ядрами. И дѣйствительно, сколько славныхъ побѣдъ надъ невѣжествомъ и грубыми матеріальными инстинктами была свидѣтельницею и соучастницею эта почтенная каедрa въ теченіи вѣковъ!... При самомъ входѣ въ эту залу мы поняли или вѣрнѣе почували что это *святыица* школы. Скоро это чувство перешло въ настоящее благоговѣніе. Вся дубовая облицовка стѣны, сверху до низу, изрѣзана руками бывшихъ Гарровьянцевъ и представляетъ сплошной списокъ именъ, именъ громкихъ, часто славныхъ. „Извините, сказалъ я почтенному Г. Б., снимая шляпу, здѣсь я не могу оставаться съ покрытою головою“. Вотъ въ трехъ мѣстахъ имя *Байронъ*. „Вотъ здѣсь оно изрѣзано имъ са-

имѣ“, указавъ Г. Б. „А вотъ и Пальмерстонъ (Temple). При
нѣвъ онъ самъ указывалъ на свою *работу* принцессѣ Вельс-
ской, при посвященіи ея Гарро“. Вотъ большими буквами
R. Peel и подъ именемъ славнаго отца вырѣзано также R.
Peel, маленькими буквами, скромною рукою сына.... И много
много имеемъ извѣстныхъ, громкихъ, которыхъ и не пере-
чтешь: это вся исторія Англіи за послѣднія столѣтія. Такъ
проходятъ здѣсь поколѣнія за поколѣніями, вписывая свои
имена подъ именами почтенныхъ или славныхъ родителей и
предковъ своихъ, и давая этимъ какъ бы чѣмъ обѣтъ, по
примѣру ихъ, трудиться на пользу старой, дорогой, великой
Англіи. И стыдно было бы новичку, отступя отъ этихъ ве-
ликихъ преданій, чѣмъ-либо запятнать честное имя честной
семьи, обмануть надежды и ожиданія родины.... И изъ рода
въ родъ благоговѣнно повторяется подъ этими сводами, и въ
сердцахъ бывшихъ Гарровьянцевъ, старинный лозунгъ Гар-
ро „Stet fortuna domus“... А по нашему такая обстановка не
годилась бы и подъ уздвое училище. Изломанная, негодная
лебля, гадко смотрѣть!... Чтò сказали бы родители, визита-
торы, губернаторъ, газеты? Гдѣ же тутъ требованія современ-
ной педагогикѣ? Какъ писать безъ столовъ, учить двумъ
тремъ учителямъ въ одной комнатѣ, гдѣ и холодно и темно!
Воля ваша—неудобство.... Но такъ дѣлали отцы и предки, и
выходило хорошо, выходило гораздо лучше чѣмъ въ свѣт-
лыхъ, тщательно выблѣанныхъ, теплыхъ комнатахъ, съ ме-
белью откидною и подвижною.... Видно, и примѣръ, и преда-
ніе, и уваженіе къ родителямъ, къ предкамъ, важнѣе для вос-
питанія *даже* чѣмъ матеріальныя удобства. Зала, когда въ
ней учатъ одновременно двое учителей, раздѣляется пополамъ
занавѣсами; обыкновенно въ ней ученики не лишуютъ; здѣсь
повторяются уроки, читаютъ, спрашиваютъ учениковъ, пре-
подають наглядно математику и пр. На другой сторонѣ зда-
нія, въ нижнемъ же этажѣ, другая, еще бóльшая зала, гдѣ
происходятъ экзамены, торжественныя засѣданія и пр. Она
имѣетъ такой же отпечатокъ старины.

Со свѣтлымъ настроеніемъ духа вышелъ я изъ учили-
ща и былъ оглушенъ веселыми криками и возгласами тол-
пы школьничковъ, игравшихъ на террасѣ въ мячикъ. Чтò
за рѣзвость, чтò за избытокъ силъ тѣлесныхъ и духов-
ныхъ! Преодолавъ въ классѣ всѣ трудности глубокаго, на-
стойчиваго изученія науки, и вотъ, немедленно за этимъ

бодро и живо, принимается веселая молодежь за безчисленные тѣлесныя упражненія и состязанія. Игры эти на воздухѣ (также преданіе старины отцовской и прадедовской) занимаютъ не случайное, а первостепенное и вполне заслуженное мѣсто въ воспитательной системѣ Англіи. Между уроками, въ вакаціонное время и въ свободные рекреационныя часы, которые раза два въ недѣлю (полупраздники, half holydays) * особенно продолжительны, въ хорошую и дурную погоду, лѣтомъ и зимою происходятъ эти игры, коимъ молодежь предается отъ всей души, страстно, можно сказать. Лѣтомъ крикетъ, зимою foot ball (родъ игры въ городокъ, мячъ подбирается ногою) и многія другія.

Воспитанники живутъ въ отдѣльныхъ пансіонахъ, содержи- мыхъ старшими и болѣе надежными учителями. У самого директора — старшаго учителя, самый значительный изъ нихъ. У него помѣщается около 70 мальчиковъ. Обѣдаютъ въ весьма простой, большой комнатѣ. Директоръ присутствуетъ при этомъ и помѣщается на возвышенномъ мѣстѣ. Въ началѣ и концѣ читается и слушается съ благоговѣніемъ довольно продолжительная молитва; о *трещеткѣ* замѣняющей въ *нѣкоторыхъ* странахъ этотъ благой обычай и помину явтъ. По вечерамъ въ этой комнатѣ бывають и назидательныя чтенія, объясненія Евангелія, апостольскихъ посланій. При этомъ вспомнилось мнѣ другое подобнаго рода впечатлѣніе которое я вынесъ года два тому назадъ. Посѣтивъ нѣкоторыя учебныя заведенія Берлина, осмотрѣвъ я и одну изъ лучшихъ новыхъ гимназій. В., директоръ ея, также почтенный пасторъ. Это было въ субботу. Въ высшей степени обязательно онъ показывалъ мнѣ, съ самаго утра, всѣ подробности заведенія. Настало время роспуска.

— Извините, сказалъ онъ, — позвольте мнѣ удалиться на четверть часа; у насъ въ эти дни бываетъ молитвословіе (eine kleine Andacht).

— А развѣ мнѣ при этомъ присутствовать нельзя? спросилъ я.

— Напротивъ, сдѣлайте одолженіе. Мы будемъ очень рады. Мы пришли въ огромную актовую залу. На возвышеніи органъ, кафедрa и большой портретъ императора во весь

* Уроки въ эти дни прекращаются около 12½, и возобновляются лишь въ 5 или 6 часовъ.

рость. Двери растворились съ обѣихъ сторонъ, и тихо, въ полноту, вошли поларно всѣ воспитанники гимназіи, отъ мала до велика (сашкомъ 800 человекъ). При нихъ всѣ учителя. Воспитанники сѣли; учителя стояли по сторонамъ, у стѣнъ. Директоръ сталъ на возвышеніи и начались молитвы: стройное пѣніе всѣхъ присутствовавшихъ, за сѣмъ толкованіе Евангелія слѣдующаго дня, потомъ краткое назидательное слово директора на текстъ этого Евангелія и въ концѣ снова пѣніе. Молитвословіе совершалъ директоръ. Какъ все тихо, стройно, благообразно! При входѣ лишь дѣтское любопытство при видѣ незнакомаго лица, а за сѣмъ у всѣхъ либо благоговѣное, либо серьезное вниманіе. Я нарочно наблюдалъ за выраженіемъ лицъ учителей. У нѣкоторыхъ глубокое благоговѣніе сказывалось на умныхъ, почтенныхъ, а иногда весьма молодыхъ лицахъ, у всѣхъ видъ сосредоточенный и совершенно приличный.

Въ пансіонахъ Гарро, по крайней мѣрѣ у директора, ученики имѣютъ каждый отдѣльную комнату или помѣщаются по два (братья, родственники и пр.), рѣдко по три. Отъ этихъ пансіоновъ доходы получаются очень значительные. Чтобы дать понятіе до какой степени огромна власть директора слѣдуетъ упомянуть что онъ предоставляетъ учителямъ право держать эти пансіоны. Такихъ домовъ въ Гарро, кажется, 10, а учителей до 30. Содержаніе простаго учителя сравнительно очень незначительно. Доходъ же съ пансіона большой. Конечно, въ виду огромной конкуренціи штатъ учителей подобравъ прекрасный, и директоръ посему, не подвергается нареканіямъ, можетъ всегда передать пансіонъ по старшинству, ибо къ прочимъ качествамъ стараго учителя присоединяется очевидно и опытность. Но онъ *можетъ* безконтрольно поручить домъ и не старшему. Директоръ пользуется огромнымъ содержаніемъ, что оправдывается и дороговизною жизни и обязательнымъ для него представительствомъ. Онъ долженъ принимать, угощать и личный составъ школы, и дѣлать значительные по своему званію взносы при подпискахъ и пр. Надо отдать справедливость полковнику Г. Б.: его пріемъ и весьма любезный, и весьма гостепріимный. Намъ былъ радушно предложенъ отлично сервированный завтракъ въ кругу семейномъ. Рѣдко случалось мнѣ видѣть въ лучшихъ нашихъ домахъ столь же *безукориз-*

ненную сервировку. Выразивъ искреннюю благодарность почетному Г. Б. и его супругѣ за гостепріимство и его радужный пріемъ и вмѣстѣ живое сочувствіе ко всему видянному въ этой знаменитой школѣ, мы отправились лѣшкомъ къ желѣзной дорогѣ, поѣзды которой приходятъ и уходятъ чуть ли не каждый часъ. На пути встрѣчаемъ толпы школьниковъ, весело и оживленно толкующихъ, возвращаясь домой быстрыми шагами. Какіе оригинальные, разноцвѣтные костюмы и какъ удобны они для тѣлесныхъ упражненій!

— Это возвращаются къ урокамъ ученики послѣ партіи въ крикетъ, сказалъ мнѣ слуга мой.

Всѣ эти игры—лучшая гимнастика. Онѣ развиваютъ ловкость, силу. Это одновременное, *согласное*, упражненіе тѣлесныхъ и умственныхъ силъ имѣетъ самое благотворное вліяніе на воспитаніе юношества. Съ оживленными, обновленными силами принимается молодежь, послѣ этихъ веселыхъ игръ, за уроки или за приготовленіе къ урокамъ, и въ часъ времени такой школьникъ пройдетъ болѣе чѣмъ бѣдный мальчикъ сидящій вѣчно взаперти, безъ движенія, въ духотѣ спертаго воздуха, усвоить себѣ познаній въ два часа и болѣе. О важности этихъ игръ и вообще физическаго развитія я хочу поговорить подробнѣе въ концѣ этой замѣтки. Одновременно съ развитіемъ умственныхъ и физическихъ силъ, все направлено, въ англійскихъ школахъ къ развитію самостоятельности характера. Въ этомъ впрочемъ, какъ и во всемъ, англійская жизнь находитъ нецѣнное подспорье въ твердости собственныхъ нравственныхъ политическихъ и общественныхъ положеній и въ глубокомъ чувствѣ законности. Въ этихъ твердыхъ предѣлахъ можетъ свободно и на просторѣ развиваться характеръ молодого Англичанина, съ помощью правильной гимнастики воли. Ученикамъ въ Гарро, какъ и прочихъ лучшихъ школахъ, предоставляется значительная доля свободы дѣйствій. Часа и два или около того они отпускаются на всѣ четыре стороны на примѣръ въ полупраздники. Но о нихъ заботятся всѣ жители мѣстечка Гарро отъ мала до велика. Всякъ думаетъ не о томъ чтобы какъ-нибудь пожить на счетъ неопытнаго молодости и если можно кого и соблазнить ради выгоды и забавы, а иногда и просто *соблазна ради*, какъ бываетъ въ иныхъ странахъ; вѣтъ, тутъ забота одна—польза молодежи!

продвѣтаніе школы, добрая слава Гарро. Извѣстный людъ, живущій здѣсь какъ и вездѣ, промыслами стоящими на рубежѣ нравственности, трактирщики и т. л., хорошо знаютъ впрочемъ что какъ только сдѣлается извѣстнымъ что кто-либо изъ нихъ подастъ ученику поводъ къ погрѣшности, допуститъ, а тѣмъ лаче поощритъ чѣмъ-либо какое-нибудь безобразіе, то такой лишится безъ всякихъ разговоровъ права оставаться въ Гарро. А узнаютъ непременно и доведутъ до свѣдѣнія кого слѣдуетъ или родители, родственники, друзья школьника, или сосѣдъ трактирщикъ, или просто первый встрѣчный житель Гарро, ибо всякъ тутъ дорожить доброю славою школы. Въ другихъ мѣстахъ страны, школа можетъ быть не въ такой степени, но все же ограждена заботами окружающей общественной среды. Итакъ оласность слишкомъ грубыхъ грѣхопаденій отчасти устранена, но много, много еще простора для упражненія воли оставлено молодежи, что хорошо пойметъ не только педагогъ, но и всякій мыслящій человекъ. Но и здѣсь много порукъ за доброе направленіе мальчика, крѣпкаго нравственно и физически: беззаветная любовь къ домашнему очагу, святость родовыхъ преданій, желаніе быть полезнымъ дорогой старой Англіи, глубокая преданность церкви, религіозное направленіе, которымъ проникнута школа, имѣющая всегда во главѣ почтенное и твердое въ убѣжденіяхъ духовное лицо.

Въ отношеніи матеріальномъ школа Гарро пользуется большими выгодами. Не говоря о значительной платѣ взимаемой съ воспитанниковъ, около 200 фунтовъ или до 5.000 франковъ приблизительно *, дающей полную возможность содержать ихъ превосходно во всѣхъ отношеніяхъ, Гарро, расположенный на холмѣ, въ очень здоровой мѣстности, между полей, рощъ и садовъ, пользуется прекрасными гигиеническими условиями. Но я убѣдился еще болѣе въ превосходствѣ физическаго англійскаго воспитанія на другой школѣ (Христовъ госпиталь) поставленной въ противоположныя условія. Нѣсколько дней послѣ Гарро мнѣ удалось осмотрѣть эту школу, одну изъ древнѣйшихъ извѣстнѣйшихъ Лондона—Christ's Hospital или,

* Это составляетъ около 1.500 р. Но кромѣ того есть конечно не мало расходовъ, хотя не прямо обязательныхъ, однако нецѣлѣбныхъ. Въ Гарро имѣется также извѣстное число стипендій (кажется около 30). Нѣкоторыя носятъ имя основателя школы Lyon.

какъ она обыкновенно прозывается, Bluesoat School, синикафтанная школа, по цвѣту обязательной для школьничковъ одежды. Она основана въ Лондонѣ въ 1552 году Эдуардомъ VI. * Представьте себѣ самую мрачную мѣстность Лондона, самую многолюдную точку самой густо населенной части столицы, считающей въ себѣ болѣе трехъ милліоновъ жителей, центръ ея центра, если можно такъ выразиться. Въ средоточіи Сити, у самаго собора Св. Павла, вблизи мрачной Ньюгетской тюрьмы, тамъ гдѣ не стихаетъ неугомонный гулъ трудовой и дѣловой лондонской жизни (за исключеніемъ воскресенья и рѣдкихъ въ Англіи праздничныхъ дней), гдѣ спирается дыханіе милліона пыхтающагося, суetyающагося, дѣловаго люда, гдѣ знаменитые сырые туманы Лондона стелятся въ продолженіи чуть ли не полугода, гдѣ улицы окрашены въ траурный цвѣтъ не менѣе знаменитымъ лондонскимъ дымомъ, возвышается средневѣковое зданіе Христова Пріюта. Оно похоже на католическій монастырь, съ большими дворами, обрамленными крытыми галлереями, съ длинными корридорами подъ сводами, съ таинственными проходами и переходами. Здѣсь, на средства пожертвованныя и постоянно жертвуемая многими и многими содержатся до 700 мальчиковъ, отъ 14 до 19-лѣтняго возраста, по большей части изъ бѣдныхъ семействъ **. Кромѣ того близъ Лондона, въ Гертфордѣ находится малолѣтнее или пригготовительное отдѣленіе этой школы, на 500 воспитанниковъ (отъ 8 до 13 или 14 лѣтъ). Вотъ, въ виду такой-то обстановки, я попросилъ провести меня лоскорѣе въ лазаретъ, и что же? въ прекрасно и уютно устроенномъ лазаретѣ на 700 воспитанниковъ (исключительно живущихъ въ школѣ), было всего шесть человекъ, и то изъ нихъ трое страдали отъ ушибовъ, такъ что настоящихъ больныхъ было только трое!... При этомъ надо замѣтить что за исключеніемъ дня посвященнаго мною Гарройской школѣ, осенняя година, во время моего пребыванія въ Лондонѣ, была постоянно холодная и дождливая, и что воспитанники Христова Пріюта круглый годъ, и въ хорошую и въ дурную погоду, носятъ одну форму: длинный синій кафтанъ на подобіе рясы (съ бѣлымъ

* Здѣсь между прочими получали воспитаніе W. Camden, S. Coleridge, Charles Lamb и др.

** Благодѣтелямъ мѣсящимъ званіе попечителей (governors) числомъ кажется до 500, принадлежитъ право выбора этихъ ступеней дѣтвъ.

туловищами), башмаки и длинныя (желтыя) чулки, на шеѣ рубашка, какъ у пасторовъ, а на головѣ—волосы, то-есть они всегда ходятъ съ открытою головою... При видѣ моего глубокаго изумленія, почтенный директоръ (также священникъ) улыбнулся. „Да, странно, не правда ли?“ сказалъ онъ. „Но надо замѣтить что мѣстность эта здорова, отаично дрепирована, а главное воздухъ и движеніе. Игры приносятъ намъ большую пользу. Я стараюсь также занимать ихъ воинскими упражненіями.“ И дѣйствительно, здѣсь нѣтъ ни зеленыхъ луговъ, ни полей, ни садовъ, но есть большіе просторные дворы (yards), отчасти мощеные, отчасти крытые асфальтомъ, и вотъ на этихъ дворахъ, сейчасъ послѣ уроковъ и въ рекреацию въ свободное время, вообще идутъ безконечныя игры, маршировка и гимнастика. Классы показываются мимоходомъ, да и особеннаго ничего тутъ нѣтъ, а директоръ провелъ меня прямо въ большое помѣщеніе, гдѣ подъ высокими сводами устроена великолѣпная купальня, мнѣ показалось человѣкъ въ 50 саишкомъ. Хрустально-прозрачная вода свѣжей температуры, глубиною кажется въ 2½ или 3 аршина. Можно и нагрѣвать воду. По сторонамъ устроено нѣчто въ родѣ крошечныхъ стоиловъ, гдѣ человѣкъ пятьдесятъ школьниковъ одѣвались послѣ купанья. „Хорошо ли они плаваютъ?“ спросилъ я. Директоръ, улыбаясь, обратился къ мальчикамъ: „Кто желаетъ показать свое умѣнье джентльмену?“ Разомъ, съ разныхъ сторонъ, весело и бодро, прыгнуло человѣкъ пять-шесть свова въ воду и лопыли въ залуски. „Молодцы ваши воспитанники“, сказалъ я, „а главное прекрасно все это придумано, такъ какъ у васъ можно кулаться круглый годъ“. Директоръ видимо гордится этими *improvement*'ами школы. „А вотъ здѣсь бани для нашей молодежи“, добавилъ онъ, вводя меня въ другое также очень просторное помѣщеніе, гдѣ въ нѣсколькихъ большихъ комнатахъ размѣщены ванны по 6 или 8 въ каждой. Все отаично содержится; кухня, лазаретъ и пр. чистоты безукоризненной. Устройство школы весьма оригинально. Она дѣлится на 16 дортуаровъ или *wards*. „Это вертикальное раздѣленіе школы“, замѣтилъ директоръ, то-есть воспитанникъ разъ вступившій въ школу, напримѣръ четырнадцати лѣтъ, пишывается въ одинъ изъ этихъ *wards*, и остается тамъ до выхода. Такимъ образомъ въ одномъ помѣщеніи есть представители всѣхъ возрастовъ. Дортуары просторны и чрезвычайно высоки. Здѣсь же воспитанники занимаются, готовятъ

уроки и пр. Хозяйственная часть каждаго дортуара и наблюдение за общимъ порядкомъ вѣряются дамѣ которая называется главною няней или матроной (head nurse или matron) и живетъ въ комнатахъ, какъ бы надстроенныхъ надъ спальнымъ помѣщеніемъ воспитанниковъ. Этотъ наблюдательный постъ, или родъ пристройки или будки, соединенъ съ дортуаромъ внутреннею лѣстницей. Въ этихъ wards почетныя лица, по одному, иногда по два суть такъ называемые Греки (Grecians), такъ какъ они учатся греческому языку готовясь къ университету. Ихъ всего въ школѣ было прежде 12, а теперь бываетъ до 24, которые имѣютъ право оставаться здѣсь до 19 лѣтъ, и потомъ поступаютъ въ университетъ. Остальные остаются только до 16 лѣтъ и потомъ избираютъ себѣ родъ жизни по собственному усмотрѣнію. Нѣкоторые отличающіеся отъ другихъ медалями готовятся къ морской службѣ. Греки такъ сказать аристократы въ школѣ. Они обѣдаютъ особо отъ другихъ и (оригинальная черта!) *иногда кормятъ лучше*. Воспитанники содержатъ въ порядкѣ свои дортуары, чистятъ ихъ и свои платья, башмаки и пр. Директоръ много старается о развитіи любви къ гѣвнѣю и къ музыкѣ между воспитанниками. „У насъ весьма порядочный оркестръ, сказалъ онъ мнѣ, вы его услышите.“ Я уже прежде много слышалъ объ особенностяхъ обѣденныхъ порядковъ этой школы и попросилъ директора ознакомить меня съ ними. „Сейчасъ, сказалъ онъ, наступитъ обѣденное время, и мы съ вами пройдемъ въ столовую.“ Пробыло 12¼. „Пойдемте, сказалъ директоръ, обѣдаютъ въ 12½, и я долженъ присутствовать.“ Мы перешли небольшой дворъ, отдѣленный отъ улицы лишь желѣзною рѣшеткой, и тутъ застали всю школу въ сборѣ. На улицѣ, за рѣшеткой, не малое число любопытныхъ смотрѣли на это оригинальное зрѣлище. Шестнадцать кучекъ или группъ, съ разноцвѣтными значками, подъ №№ отъ 1 до 16 (по числу пансіоновъ) и еще 17я группа въ сторонѣ. Эта послѣдняя состоитъ изъ мальчиковъ которые наряжаются ежедневно (по очереди) чтобы ходить за кушаньемъ и подавать его къ столу. Наконецъ, съ другой стороны, полный военный оркестръ (человѣкъ кажется до 35); по двору рассказываетъ офицеръ королевской гвардіи, обучающій школьниковъ воинскимъ приемамъ. „Стройся“, командуетъ онъ, и мальчики въ порядкѣ и живо строятся повзводно, въ двѣ шеренги. „Смирно!“ „Маршъ!“ Музыканты стоящіе въ сторонѣ играютъ очень

хорошо и отчетливо громозвучный маршъ, и 16 взводовъ, обходя церемоніальнымъ маршемъ обширный дворъ, проходятъ живо и стройно мимо насъ. Предъ каждымъ взводомъ старшій воспитанникъ со значкомъ своего *ward'a* въ рукѣ. Любо смотрѣть на эту молодежь! Все такія веселыя, здоровыя лица. Какъ видно, имъ по сердцу эти воинственные приемы, дѣйствуютъ они вполнѣ сознательно, музыка и вся эта обстановка ихъ воодушевляетъ, и будь вмѣсто мирной трапезы предъ ними непріятельская батарея, они бы молодецки кинулись на штурмъ. Известно впрочемъ что вся Англія, можно сказать, страстно предается воинскимъ упражненіямъ, записавшись въ полки волонтеровъ. Послѣдній взводъ скрылся подъ старинными сводами, музыка смолкла. „Теперь пройдемте въ столовую,“ сказалъ мнѣ директоръ. Трудно составить себѣ понятіе объ этой *столовой* не видая ея. Зала громадная, самая большая зала Лондона, какъ увѣряетъ директоръ. Длинною она болѣе, какъ мнѣ показалось, напримѣръ залы Московскаго Дворянскаго Собранія, и вышиною также, можетъ-быть только не много поуже. Характеръ все тотъ же средневѣковой монастырской трапезы. Потолокъ деревянный, рѣзной, со старыми, почернѣвшими отъ времени балками и брусьями. Облицовка стѣнъ также на огромную высоту деревянная (кажется дубовая). Надъ нею, почти вдоль всей внутренней стѣны, противъ оконъ, огромнѣйшая картина, изображающая представленіе воспитанниковъ школы королю Карлу II. * Подъ картиною каеэдра (*rostrum*), по бокамъ которой размѣщены большіе портреты во весь ростъ покровителей (*president*) школы. Теперь во главѣ школы, въ этомъ качествѣ, герцогъ Кембриджскій. По лѣвой стѣнѣ (считая отъ каеэдры) большой органъ и хоры. При школѣ нѣтъ особой церкви. Воспитанники ходятъ въ приходъ, но молитвословія совершаются въ этой залѣ. Когда мы вошли, школьники стояли уже у своихъ мѣстъ. Вдоль залы 16 длинныхъ столовъ, и поперекъ, съ правой стороны (считая все отъ каеэдры же), 17й столъ для Грековъ. На первомъ мѣстѣ, у каждаго стола дама, хозяйка *ward'a* или

* Года два тому назадъ королева Викторія посѣтила эту школу. Помимо что описаніе и рисунки помѣщены были въ *Illustrated London News*. Маальчики при представленіи королевы стоятъ на каеэдрахъ.

лавиона. На возвышенномъ мѣстѣ, противъ каеэдры и подъ окнами, которыя размѣщены надъ деревянною облицовкой и слѣдственно освѣщаютъ залу сверху, помѣстились мы. Директоръ или его помощникъ (warden) даетъ знакъ ударомъ молотка „смирно“. Новый ударъ: одинъ воспитанникъ всходитъ на каеэдру и читаетъ внятно и съ благоговѣнiемъ молитву. Воспитанники поютъ; молитва кончается. Новый ударъ молотка: всѣ садятся. Обѣдъ изъ двухъ блюдъ. Главную роль играетъ отличный ростбифъ и превосходный картофель. Во время обѣда директоръ или замѣняющій его *warden* принимаетъ заявленiя учениковъ, жалобы, разбираетъ ихъ дѣла. Довольно молодой еще человекъ ходитъ между столами и потомъ входитъ въ оживленный разговоръ съ одною изъ матронъ (надзирательницъ). „Кто этотъ господинъ?“ спрашиваю я помощника, который самъ живо направляется къ разговаривающимъ. „Это докторъ, онъ долженъ наблюдать за гигиеною школы вообще и удостовѣряться въ качествѣ лица“ и пр. Подходимъ. Докторъ дѣйствительно задаетъ головоломку матронѣ за какой-то замѣченный имъ беспорядокъ. „Приходится вамъ иногда и посѣщъ воспитанниковъ?“ „Разумѣется бываетъ, но довольно рѣдко. Вообще говоря, мы довольны воспитанниками. Мальчики ведутъ себя какъ слѣдуетъ. Впрочемъ надо замѣтить и то что это вѣдь все *даровые* лансионеры, значить родители очень дорожатъ этою льготой, да и дѣти сами, по большей части, понимаютъ свою пользу.“ Обѣдъ кончается. Опять ударъ молотка: „Смирно.“ Опять молитва. Выходъ изъ залы опять въ стройномъ порядкѣ, но безъ музыки. Минутъ черезъ пятнадцать всѣ снова спускаются таинственными проходами въ большой дворъ. Шумъ, смѣхъ, веселье, опять игры и игры.... И по мрачной Ньюгетской улицѣ, мимо мрачной Ньюгетской тюрьмы, которую я осматривалъ часа три предъ этимъ, шелъ я въ самомъ радостномъ расположенiи духа, ибо нѣтъ по мнѣ болѣе свѣтлаго и болѣе освѣжающаго впечатлѣнiя какъ видъ правильно подрастающаго молодаго поколѣнiя, сознательно и усердно готовящагося на смѣну намъ, на пользу семьи, родины, человечества....

Конечно многое весьма хорошее въ Англіи по части воспитанiя недоступно для насъ. Но, по мнѣнiю моему, намъ необходимо воспользоваться нѣкоторыми указанiями вѣковыхъ опытовъ Англіи. Благодаря мудрости и твердости правительства, и несмотря на волли, пошлывы шутки и скре-

затѣ зубовъ обскурантовъ, въ основаніе *учебныхъ* программъ главныхъ нашихъ училищъ положены начала дѣйствительно европейскія, но кромѣ умственной стороны надобно позаботиться и о сторонѣ физической, и о сторонѣ нравственной. Мы знаемъ что правительство не дремлетъ, но это дѣло не одного правительства, а главнымъ образомъ—семьи и общества. Конечно, климатъ Англіи болѣе умѣренъ чѣмъ въ Петербургѣ и Москвѣ, но не подлежитъ сомнѣнію что и у насъ можно многое позаимствовать изъ физическаго строя англійской школы. На огромномъ пространствѣ Россіи есть много климатическихъ отгѣнковъ; есть мѣстности гдѣ климатъ во всѣхъ отношеніяхъ лучше чѣмъ въ Англіи; да наконецъ и трескучій морозъ здоровѣе холодныхъ тумановъ и вѣчной сырости. Думаю что и нашей учащейся молодежи слѣдуетъ какъ можно чаще и болѣе упражняться тѣлесно *на воздухѣ*. На гимнастику въ послѣдніе года обращено у насъ серіозное вниманіе министерства народнаго просвѣщенія: это большой шагъ; но гимнастика взалерти, въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ и всего одивъ или два раза въ недѣлю, далеко еще недостаточна. Необходимо пользоваться всякою возможностью быть на воздухѣ, даже зимою. Кромѣ англійскихъ, у насъ есть много и своихъ игръ. Для очень морозныхъ или совершенно ненастныхъ дней необходимо устройство въ центрахъ, примѣрно, по два большихъ игрища въ родѣ манежа, гдѣ бы поочередно каждая гимназія могла приходиться для тѣлесныхъ упражненій и серіозной гимнастики. Москва, которая отличается тѣмъ какъ извѣстно что даетъ на образованіе менѣе чѣмъ прочіе города Россіи, могла бы кажется привести, хотя бы для подобааго дѣла, нѣкоторую жертву, за которую вознаградить ее съ избыткомъ здоровье и дѣятельность молодого поколѣнія. Глядя на процвѣтаніе англійскихъ городовъ, можно смѣло поручиться что тогда и у насъ, кѣтъ черезъ двадцать, дума стала бы менѣе ораторствовать, а болѣе заниматься дѣломъ. Думаю что казна не затруднится предоставить нѣкоторыя льготы для устройства такого рода игрищъ, и что если будетъ дозволено учителямъ гимнастики пользоваться этими помѣщеніями для частной практики въ извѣстные часы, то найдутся и частныя средства для постройки. Слишкомъ отапливать эти игрища не слѣдуетъ и потому большихъ расходовъ на содержаніе ихъ не предвидится. Сколько мнѣ извѣстно основатели

Лицея Цесаревича Николая первые въ Россіи обратили вниманіе на возможность примѣненія этой стороны англійскаго воспитанія у насъ.

Неизмѣримо труднѣе сдѣлать у насъ пока что-либо серьезное относительно нравственной стороны воспитанія, хотя и въ этомъ отношеніи, слава Богу, кое-что уже сдѣлано въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Года два тому назадъ осматривалъ я, какъ замѣтилъ выше, нѣкоторыя берлинскія гимназіи. Въ знаменитой Ф. В., маститый ея директоръ провелъ меня между прочимъ на урокъ древнихъ языковъ въ старшій классъ. Воспитанники *oberz-primi*, молодые люди 19—20 лѣтъ (слѣдственно ровестники нашимъ *студентамъ* 2 — 3 курса). Помнится что я о чемъ-то спросилъ почтеннаго директора, и говоря объ этихъ молодыхъ людяхъ сказалъ мимоходомъ: „diese Herren“ (эти господа). Директоръ не понималъ, хотя вопросъ былъ весьма простой. Я повторилъ вопросъ и для ясности указалъ на гимназистовъ. „Ah! so, sie meinen die *Schüler*“... и онъ отвѣчалъ подробно на мой вопросъ. Да, die *Schüler*, *ученики*. Ученики *должны учиться, должны* быть дисциплина и наказаніе за проступки... Вотъ простыя истины, высказывать которыя у насъ еще недавно казалось смѣлымъ, и которыя такъ нѣрѣдко забывались нашими педагогами.

Впрочемъ, нельзя слишкомъ обольщать себя надеждами на счетъ вліянія собственно *школы* на молодежь. Школа далеко не всемогуща. Люди знакомые со школьнымъ дѣломъ у насъ хорошо знаютъ какія трудности приходится преодолевать школѣ, знаютъ что ей приходится весьма часто бороться съ вліяніемъ семьи. Да, *бороться!* Между тѣмъ какъ въ Англіи, въ Германіи, семья есть лучшая поддержка школы, ея вѣрная союзница, или лучше сказать школѣ приходится лишь завершать собственно дѣломъ *ученія* религіозно-нравственное воспитаніе семьи и среды, у насъ школа по большей части должна перевоспитывать дѣтей. Не поддержку, не содѣйствіе, какъ въ просвѣщенной Европѣ, находить наша школа въ семьѣ, а противодѣйствіе и протестъ. Забота объ исполненіи христіанскихъ обязанностей—такжесть, дисциплина — солдатчина и притѣвленіе, стараніе о томъ чтобы курсъ учебныхъ заведеній былъ согласованъ наконецъ съ требованіями европейской науки—ухищреніе власти чтобы лишить Васю или Федю права на чинъ

Но класса: вотъ толкованія и отзывы которые дѣти слышатъ въ семьѣ о школѣ, на которую эти же родители или родственники возлагаютъ *обязанность* сдѣлать изъ этихъ дѣтей, или не христіанъ добрыхъ и гражданъ полезныхъ, то все же порядочныхъ чиновниковъ гражданскихъ или военныхъ, *могутъ* получать хорошее жалованье... Не говорю уже о примѣрахъ, о смѣси остатковъ азіатскаго деспотизма съ различными смѣняющейся теперь безъ отгѣнковъ и переходовъ, половой французской распущенности. *Страхъ*, замѣнявшій у насъ по большей части *почитаніе* предписанное заповѣдью, исчезъ или исчезаетъ, и въ семьѣ не замѣняется *ничѣмъ*. Недавно говорили мы, въ тѣсномъ кругу близкихъ знакомыхъ, Русскихъ и иностранцевъ, о смутномъ нашемъ времени. Одинъ изъ собесѣдниковъ (иностранецъ, хорошо знающій Россію, любящій ее и вмѣстѣ долго жившій въ Парижѣ), сравнивалъ тѣ или другія явленія въ человѣчествѣ, постоянно проводилъ параллель между нами и Французами, въ смыслѣ политическомъ и общественномъ. „Умоляю васъ, оставьте эти сравненія“, сказалъ другой собесѣдникъ, пылкій Русскій патриотъ, и, съ юношескимъ увлеченіемъ, сталъ развивать извѣстную теорію явленій старости и дѣтства, зрѣлости и незрѣлости націй. „Франція умерла, Франція гниетъ, а мы еще далеко не созрѣли“, твердилъ онъ, и пр. и пр. Иностранецъ улыбался. „Вы правы во многомъ“, замѣтилъ онъ, „относительно Франціи, и я желаю бы чтобы вы были правы во всемъ; вы знаете какъ искренно я люблю Россію. Но дѣло вовсе не въ политическихъ и общественныхъ формахъ которыя группируются такъ или иначе въ государственномъ калейдоскопѣ, а въ религиозныхъ и нравственныхъ *основахъ* общества. Слѣдя, съ напряженнымъ вниманіемъ, за ходомъ вашихъ дѣлъ и изучивъ ихъ кажется довольно основательно, я не могу, къ несчастію, увлекаться черезчуръ свѣтлыми надеждами. Много, слишкомъ много у васъ общаго съ Французами, прибавилъ онъ по-русски. И у нихъ, и у васъ *семья* подорвана. Видъ *можно* *считать* и не достигнуть зрѣлости...“ Горячо и я вступился въ споръ, стараясь опровергнуть это слишкомъ мрачное воззрѣніе, но вмѣстѣ признавая внутренно и противъ воли большую долю правды во всемъ этомъ. „Часто приходитъ мнѣ на умъ, продолжалъ нашъ почтенный собесѣдникъ, сравненіе на которое навели меня ваши прежніе крѣпостные порядки. Бывало, какой-нибудь богатый баринъ вырветъ изъ крестьян-

ской семьи мальчика, въ коемъ ему случилось замѣтить *необыкновенныя* дарованія, и отошлетъ его въ столицу на выучку. Быстро, неизмовѣрно быстро выучится, бывало, *необыкновенный* мальчикъ, и такъ быстро что не успеетъ досконаально выучиться ничему, а нахватаетъ цѣлый лѣсъ верхушекъ. Все дается ему легко, и баринъ въ восторгѣ, и люди изумляются. Но въ столицѣ и трактиры, и гулянья, и пр. Смотришь, *ученый* паренъ возвращается домой просвѣщенный энциклопедіей верхушекъ и *основательно* посвященный во всѣ тайны столичной *цивилизаціи*.... Нѣтъ, слѣдуетъ вамъ кажется приняться за трезвую, основательную перестройку или, гдѣ еще возможно, за скрѣпленіе основъ общества, приняться, какъ у васъ говорится, *за азы и за зады*. Es ist die höchste Zeit, какъ говорятъ Нѣмцы....“ Горько, но много правды, подумалъ я съ глубокимъ вздохомъ. Да, иное потрясеніе въ Англіи, иное и тамъ измѣняется къ худшему, иное измѣняется не къ лучшему и въ Германіи: *eggare humanum est*; но основы общества остаются тамъ тверды: жизнь семейная, съ родовыми преданіями, съ добрымъ примѣромъ и добрымъ напутствіемъ, духовнымъ и нравственнымъ, домашняго очага подростающему поколѣнію. Вся Англія твердитъ по-прежнему слова всѣмъ тамъ извѣстной и всѣмъ любимой лѣсни: „Home, sweat home, there’s no place like home.“ *

К. Н. М.

* Домъ (семья, родной кровъ, домашній очагъ), сладкій, милый домъ, нѣтъ мѣста на свѣтѣ которое могло бы сравниться съ тобою.

Д В Ъ С И Л Ы *

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I. Сюрпризъ на пути въ Варшаву.

— Станція Луга. Двадцать пять минутъ. Буфетъ!

Молодой человекъ о которомъ поведемъ мы нашъ разказъ, Константинъ Семеновичъ Хвалынецъ, вышелъ изъ вагона и вступилъ съ толпой алчущихъ и жаждущихъ пассажировъ направился въ залу гдѣ дымящіяся блюда разнообразныхъ свѣдлей, среди столовъ, покрытыхъ свѣжимъ бѣльемъ, яснымъ хрустальемъ, бутылками и цвѣтами, такъ вкусно и привѣтливо манили къ себѣ взоры и аллетить проголодавшихся путешественниковъ.

Онъ спросилъ себѣ обѣдъ и съ торопливостью, — по большей части свойственному непривычнымъ желѣзно-дорожнымъ пут-

* Романъ этотъ находится въ связи съ другимъ романомъ того же автора, напечатаннымъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* въ 1869 году подъ названіемъ: *Панургово стадо*. Одни и тѣ же дѣйствующія лица появляются въ обоихъ романахъ, которые однако независимы одинъ отъ другаго въ своемъ интересѣ и каждый составляетъ особое цѣлое.

никакъ, которые боятся опоздать при роковомъ звонкѣ,—при-
нялся истреблять поданныя ему блюда.

Но не успѣвъ онъ еще изрядно потрудиться надъ крыломъ
пулярки подъ рисомъ какъ вдругъ почувствовалъ что кто-то
сзади хлопнулъ его по плечу самымъ пріятельскимъ образомъ.

Хвалынецевъ обернулся и просто ошалѣвъ отъ изумленія.
Предъ нимъ стоялъ и улыбался пріятель давеча проводившій
его на желѣзную дорогу и простился съ нимъ, такъ что Хва-
лынецевъ былъ убѣжденъ что этотъ пріятель остался въ Пе-
тербургѣ, а онъ вдругъ на тебѣ! черезъ четыре часа пути яв-
ляется тутъ какъ тутъ неожиданный, негаданный.

— Вы какими судьбами? пробормоталъ изумленный Кон-
стантинъ Семеновичъ.

— Хм... Не судьбами, батюшка; судьбъ вообще нѣтъ, и
есть желѣзныя дороги и непредвидимыя случайности, и вотъ
въ силу одной изъ таковыхъ случайностей я и ѣду съ вами.

Хвалынецевъ недовѣрчиво поглядѣлъ на него.

— Но вѣдь вы же провожая меня, сколько я ловимаю, ни-
какъ не располагали отправиться вмѣстѣ? замѣтилъ онъ:—и
вдругъ....

— И вдругъ отправился!... ха, ха, ха! Оно точно чудно не-
множко, но.... въ нашемъ дѣлѣ, батюшка, случаются иногда
непредвидимыя и совершенно неожиданныя случайности; одна
изъ такихъ, говорю вамъ, и постигла меня.

— Но когда же, наконецъ, она успѣла васъ постигнуть если
вы, не думая ѣхать, простидись со мною за три минуты до
отхода машины?

— А вотъ въ эти-то три минуты и постигла.

— Дѣйствительно чудно.... Нельзя не согласиться! съ скеп-
тической улыбкой замѣтилъ Хвалынецевъ.—Куда же вы ѣдете?

— По пути съ вами.

— Я это вижу, но далеко ли вашъ путь?

— О, еще постранствуемъ малую толику! Я ѣду въ Литву.

— Надолго?

— Мм... смотря потому какъ потребуютъ обстоятельства..
Впрочемъ, не думаю чтобы на долго: недѣли на полторы, не
двѣ, не болѣе.

— И что же, это вы сами надумались ѣхать?

— Напротивъ, я и не воображалъ. Меня послали.

— Хм....

И кромѣ этого „хм“ Хвалынецевъ ровно ничего не нашелъ

опытитъ ему, хотя въ душѣ и подумалъ себѣ что тутъ что-то не такъ.... Хвалынцевъ былъ вовлеченъ въ польскій заговоръ, и ѣхалъ въ Литву съ порученіемъ какъ будущій членъ „Варшавскаго отдѣла Земли и Воли“. Въ него закраюсь темное подозрѣніе: „ужь не съ тою ли молъ цѣлю чтобы слѣдить за каждымъ его шагомъ приставленъ къ нему этотъ Свитка?“ „Чего добраго, они можетъ думаютъ что я обману ихъ довѣріе, что я измѣню имъ, и потому такъ зорко слѣдятъ за мною?“ Думалось ему:—„хм...ну, все равно, пусть слѣдятъ; осторожность, говорятъ, не мѣшаетъ.“

— Вы вѣдь во второмъ классѣ ѣдете? отнесся къ Хвалынцеву Свитка.

— Во второмъ.

— А я въ третьемъ. Я и билетъ-то себѣ взялъ только на Царскосельской станціи, а дотуда залазилъ уже въ вагонъ оберъ-кондуктору.

— И какъ же вы это такъ—безъ бѣлья, безъ вещей, безо всего?

Свитка только улыбулся и беззаботно махнулъ рукой.

— Есть мнѣ когда думать о такихъ пустякахъ! сказалъ овъ:—были бы деньги со мною, а прочее все вздоръ! Сорочку лишнюю куплю себѣ въ Вильнѣ, въ первомъ попавшемся магазинѣ, а не то и добрые люди одолжатъ на время, а больше мнѣ ничего и не надо. Послушайте, какъ бы лодъ впечатлѣніемъ новой мысли, предложилъ овъ Хвалынцеву:—пересаживайтесь-ка ко мнѣ въ третій, въ третьемъ, конечно, менѣе комфорта, но за то гораздо веселѣе и занимательнѣй. Ей-Богу! Третій классъ не лишень даже своего рода поучительности. Садитесь-ко, право! А когда захочется спать, для пуцаго комфорта, пожалуй и я тогда съ вами во второй переберусь.

Хвалынцевъ согласился, и они поѣхали вмѣстѣ.

„Чортъ ихъ знаетъ“, думалъ себѣ Константинъ Семеновичъ: „это какой-то своего рода театральнй эффектъ, такое неожиданное появленіе; какъ будто этого нельзя было сдѣлать гораздо проще? Или же они, въ самомъ дѣлѣ, слѣдятъ за мною?.. Но, если вѣрить имъ, въ ихъ дѣлѣ участвуютъ многія тысячи людей, а надъ каждою изъ этихъ тысячъ возможно ли устроить такой зоркій и бдительный контроль? Чтò же касается меня, пришелъ овъ къ скромному заключенію: то я пока еще все не такая важная птица въ этомъ дѣлѣ чтобы за мною такъ было слѣдить особо. Не разберешь!..“

И дѣйствительно, разобрать ему всю эту путаницу было

невозможно, хотя въ сущности, дарчикъ открывался просто. Дѣло въ томъ что изъ „Петербургскаго центра“ Свитка, для за три до отъѣзда Хвалынцева, дѣйствительно получилъ порученіе съѣздить въ Литву для нѣкоторыхъ совѣщаній и переговоровъ, а заодно ужъ ему было поручено еще и прослѣдить за Хвалынцевымъ, убѣдиться въ окончательной прочности его намѣреній и убѣжденій и такъ-сказать проконвоировать его подъ своимъ личнымъ досмотромъ до возможно дальнѣйшаго пункта, пользуясь этимъ временемъ между прочимъ и для того чтобы лучше и лучше укрѣплять его мысли, волю, желаніе и убѣжденіе на новой почвѣ общаго дѣла. Агенты святой народовой sprawy никогда не упустили даже малѣйшаго случая въ этомъ направленіи, если только случай представлялъ имъ къ тому маломальскую возможность и удобство. Но.... Свитка и не подозревалъ что именно его-то послѣдняя миссія и заронила въ душу новаго аделта первое сѣмя сомнѣнія.

— Послушайте, Константинъ Семеновичъ, весело и радушно предложилъ онъ какъ-то во время пути:—вѣдь и для васъ, и для дѣла, въ сущности, рѣшительно все равно, пріѣдете ли вы въ Варшаву нѣсколькими днями раньше или позже; никто отъ этого, при настоящемъ положеніи дѣла, ни выиграетъ, ни проиграетъ — могу васъ смѣло увѣрить въ томъ моимъ словомъ. А я вамъ хочу предложить одну маленькую, но очень пріятную экскурсію.

— Что такое? съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ спросилъ Хвалынцевъ, уже неволью ожидая еще какого-нибудь новаго сюрприза.

— А вотъ что: хотите вы познакомиться съ нашею милою патріархальною Литвой? предложилъ Свитка.—Могу васъ увѣрить, знакомство это ни въ какомъ случаѣ не будетъ для васъ лишнимъ. Край превосходный, и посмотрите какъ онъ дивно построенъ! Вотъ ужъ именно, батюшка, если гдѣ можно съ пользой для дѣла поучиться чему-либо, такъ это у насъ, въ Литвѣ! Мы съ вами проѣхались бы немного по краю, побывали бы у кой-какихъ помѣщиковъ — поглядите на нихъ.... Можеть и поправятся вамъ.... А что за женщины! О, какія женщины, чортъ ихъ возьми! Эй-Богу, поѣдемте! соблазняетъ Свитка:—Побываемъ мимоѣздомъ въ Вильнѣ, въ Гроднѣ, вытутъ по крайней мѣрѣ воочию посмотрите что такое были наши польскіе да и вообще европейскіе города въ XVII и XVIII

нѣтъ; вѣдь тамъ, батюшка мой, чуть не на каждомъ перекресткѣ что ни домъ, то цѣлая исторія двухъ отолѣтій! Да и вообще знакомство съ цѣлымъ краемъ, въ общей суммѣ знаній, вещь далеко не лишняя, а жизнь и путешествіе намъ почти ничего не будетъ стоить—развѣ сущую бездѣлицу.... И такъ рѣшайте-ка! подавъ оны въ заключеніе свою руку:—Повѣдемъ, гдѣ болѣе что все это продлится дней пять-шесть, ну много ведѣлю, но ужь никакъ не дольше.

Хвалынцевъ, послѣ нѣсколькихъ соблазнительныхъ увѣщаній, далъ ему слово.

II. Впечатлѣніе по дорогѣ Литвой.

Пески, болота, тощія рѣченки, тощія лѣсны на глинистомъ или песчаномъ грунтѣ, сосновые лѣса и тоже большею частью на пескѣ; верескъ да очереть, опять лески и лески, опять лѣса, лѣса и болота; убоженькія и словно пришибенныя къ землѣ сѣрыя деревнюшки; убогіе и точно также пришибенныя изъ-сѣра бѣлые крестьяне, которые, при встрѣчѣ съ проѣзжимъ не-мужиномъ, уничиженно обнажаютъ головы; тощія маленькія лошаденьки рыжей масти; Жиды на подводахъ съ бочками водки; нищія при дорогахъ; набѣло вымазанная грязной корчмы съ Жидами и Жиденятами; кое-гдѣ на выгонахъ убогая скотинка; свиньи подъ каждымъ заборомъ, въ каждой деревенской лужѣ; высокіе кресты на лѣвшивыхъ песчаныхъ пригоркахъ, обозначающіе убогія, необнесенныя оградами кладбища; такіе же высокіе кресты, тамъ и сямъ разбросанные по полямъ, вблизи и вдали, на сколько хватить око; цѣлыя группы крестовъ при деревенскихъ околицахъ; кое-гдѣ адеи пирамидальныхъ тополей при въздахъ въ лѣнскую усадьбу; высокіе, бѣло-каменные, крытые черепицей, двухбашенные костелы, и низенькія, убогія, лочерѣвныя, покосившіяся на бокъ православныя церкви, сытый усатый лавъ въ ветычакѣ; самодовольно выбритый коендѣзъ на сытой лошади и грязно, убого одѣтый священникъ лѣшкомъ; голь, нищета, какой-то гнетъ, какая-то безкомечно-унылая, безпроблѣтная пришибенность, забитость, скудость во всемъ и всюду, — вотъ то неприглядное впечатлѣніе которое съ первого взгляда сдѣлала эта хваленая „Литва“ на свѣжую душу Хвалынцева, привыкшаго доселѣ къ широкимъ картинамъ

великорусской, поволжской жизни. Онъ не воздержался чтобы не высказать эти впечатлѣнія своему слутнику.

— Хм! злобно и не безъ горечи ухмыльнулся въ отвѣтъ ему Свитка:—васъ поражаетъ пришибенность; а кто довел край до такого положенія какъ не русское правительство?

— Но, позвольте-съ, не совсѣмъ смѣло на первый разъ возразилъ Хвалынецъ, желая сдѣлать возраженіе свое и поделкативше, и въ то же время такъ чтобы въ немъ и нѣкоторая доля „самостоятельности“ проглядывала,—позвольте-съ, вѣдь то же самое правительство и въ великорусскихъ губерніяхъ, а разница межъ тѣмъ слыво замѣтна.

— Хм... И то да не то!... Оно такъ только кажется. Свой своему поневоѣ братъ, а здѣсь вѣдь край чужой, заграбленный, ну такъ и дави его! Чего жалѣть-то! Въ этомъ-то и вся не хитрая правительственная система.

— Ну, нельзя сказать: помѣщики на видъ у васъ глядятъ таки сытенько, а крестьянинъ вотъ только подгулялъ на этотъ счетъ, замѣтилъ Хвалынецъ.

Свитка съ коварною усмѣшкой, какъ будто согласился въ душѣ съ возраженіемъ Хвалынцова, но нарочно, посвистывая, отвернулся въ сторону и сдѣлалъ видъ что не разслышалъ или не обратилъ вниманія на заключеніе своего слутника.

— Но ужъ надѣюсь вы никакъ не станете утверждать, началъ онъ черезъ минуту, что это край русскій. Худо ли, хорошо ли, но это у насъ свое, самобытное, литовское! Да-съ! Возьмите хоть самую внѣшность края, возьмите ее вы, человекъ мимоважій, чужой, и скажите по совѣсти: представляется ли все это вамъ краемъ русскимъ? Развѣ хоть эти вонъ кресты, эти костелы не говорятъ вамъ прямо что здѣсь католицизмъ и Польша?

Въ это самое время какъ будто нарочно неподалеку, въ сторонѣ, показалась убогаго, жалкаго вида православная церкваца съ покосившимся восьмиконечнымъ русскимъ крестомъ.

— Чтò это, костелъ? обратился Хвалынецъ къ подводчику.

— Гэго?... нѣ, лавочку, гэто церква! указалъ тотъ на убогій срубъ своимъ кутикомъ.

— Ну, а это-то какъ же? съ пытливымъ сомнѣніемъ, взглянувъ на Свитку, возразилъ Хвалынецъ. — Попы да церква-то какъ же?

Свитка съ ироническимъ пренебреженіемъ подфыркнулъ и скосилъ свои губы.

— Пфе!... Ну ужь нашли возраженіе! оказалъ онъ. — Полы, да вѣдь эти всѣ полы или насажены сюда вашимъ же правительствомъ, или насильно обращены изъ униатовъ. Правительство и церковей настроило обману ради. Тоже вѣдь своя пропаганда. Но только обмануть-то ему никого не удастся.

Хвामीцевъ замолчалъ и на мигу погрузился въ нѣкоторое раздумье.

— Но отъ чего же эти церкви въ такомъ жалкомъ видѣ если правительство настроило ихъ ради пропаганды? снова привалса онъ упорно возражать, воображая тѣмъ самымъ поддержать свою самостоятельность и независимость мнѣній. Вѣдь для такой пропаганды которая дѣйствуетъ обманомъ нуженъ блескъ прежде всего?

— Отчего-съ? А отъ того что здѣсь крестьянство и весь народъ вообще душой предавъ католицизму, либо же бывшей уни, и ненавидитъ всѣкаемое православіе; горячо заговорилъ Свитка, какъ бы заранѣе предчувствуя торжество своей аргументаціи.—Отъ того что въ костель идетъ народъ охотой, а въ церковь по полицейскому принужденію, закономъ. На благоустройство костела жертвуетъ и лавъ, и хлопъ свою лишнюю копейку, а на церковь ни кто вамъ ни гроша не дастъ, а ремонтныя деньги что идутъ на поддержку отъ правительства полны въ свой карманъ кладутъ, да на бумагѣ фантастическіе итоги выводятъ. Вотъ вамъ и причины этого „жалкаго вида“, да и вообще православныя церкви жалка и бѣдна здѣсь потому что она чужда всѣмъ и каждому, а костель здѣсь свой, и свой потому что въ немъ польская вѣра, польскій духъ, а на ихъ сторонѣ всѣ народныя симпатіи, и вы это увидите, вы сами убѣдитесь въ этомъ. Вотъ, погодите, пойдѣмъ мы съ вами по помѣщикамъ. Вѣдь вы имѣете, конечно, понятіе о томъ что такое вашъ великорусскій помѣщикъ? спросилъ Свитка, опять-таки съ какимъ-то затаеннымъ коварствомъ въ душѣ, съ какою-то внутреннею двусмысленностью и вообще не безъ задней мысли.

— Отчасти-съ. Самъ вѣдь тоже принадлежу къ ихъ кругу, отвѣтилъ Хвामीцевъ.

— Ну, да вы-то исключеніе. А вотъ вы посмотрите-ко да нашихъ! Это, батюшка мой, по общему убѣжденію, дѣйствительно представители Краевой интеллигенціи и цивилизаціи; тутъ хоть и патріархальность, но въ ней есть движеніе, жизнь есть. Да впрочемъ что! Я хвастаться не хочу, а вы

лучше сами увидите, сами посмотрите и отношенія ихъ къ общему дѣлу, и вотъ въ чемъ именно задатки нашего будущаго успѣха. Вся Польша, вся Литва, это какъ одинъ человѣкъ!

Провѣщая такимъ образомъ своего слугаика, Свитка чуть ли не всю дорогу избиралъ Литву и мѣстные отношенія почти исключительно темой своихъ разговоровъ, и, пока они были другъ подлѣ друга, нельзя сказать чтобы старанія Свитки оставались безплодными. Онъ имѣлъ преимущество компетентнаго аборигена предъ мимоѣзжимъ пришлецомъ, и Хвалынецъ позволютъ вѣрить если не всему, то очень и очень многому, потому что прежде всего онъ вѣрилъ въ безусловную честность самого Свитки, и если порой наливала на него нѣкоторая тѣнь сомнѣвiя, то онъ старался гнать ее, какъ чувство недостойное порядочнаго человѣка, разъ уже отдавшагося душой извѣстному „дѣлу“.

III. Въ корчмѣ.

— Мы съ вами, любезный другъ, ѣдемъ теперь къ пану Котырло: старый мой добродѣй и золотая душа! сообщилъ на послѣдней смѣнѣ лошадей Василий Свитка.

— Кто этотъ панъ Котырло? полюбилъ узнать Константинъ Семеновичъ.

— Э, золотая душа! подтвердилъ Свитка: чуть-чуть не магнать, батюшка! Былъ два трехлѣтiя повятовымъ маршалкомъ. И родство, и связи, и состоянiе. Очень старая дворянская фамилiя. А ужъ какъ насъ примутъ!

— Да за комъ чертомъ, скажите пожалуйста, мы къ нему поѣдемъ? перебилъ его Хвалынецъ, который, зная Свитку за демократа и краснаго, недоумѣвалъ что ему дѣлать у пана Котырло, „чуть не магната“, съ родствомъ, связями и состоянiемъ?

— Для васъ это должно быть вопросомъ совершенно незначительнымъ, замѣтилъ Свитка... А впрочемъ, недурно будетъ если вы сами посмотрите на бытъ и жизнь нашего шляхетства. Личное знакомство въ этомъ отношенiи не мѣшаетъ, и даже будетъ полезно.

При этихъ словахъ Хвалынецъ опять-таки уловилъ въ лицѣ прiятеля мимолежную улыбку затаеннаго коварства. Ему показалось какъ будто у этого Свитки есть на душѣ своя осо-

бая идея, особая цѣль, особые планы которыхъ онъ не высказываетъ, но словно желаетъ *подвести* подо что-то своего пріятеля и заставить его самого доглядѣться и додуматься *до чего-то*.

Часовъ около восьми вечера, путники наши вѣхали вмѣстѣчко Червѣны, которымъ владѣлъ панъ Котырло. Сквозь прясло осеняго тумана, Хвалынцевъ замѣтилъ обширную, четырехстороннюю площадь, по краямъ которой вкривь и вкосъ вѣлились то сѣрые, то выбѣленные домишки, а по срединѣ смутно вырисовывались двѣ башни надъ темною массой каменнаго костела. Свистка приказалъ подводчику вѣхать въ „заѣздный домъ“.

Деревянный домишко къ которому съ одной стороны прилѣплялась сквозная галерейка на покосившихся столбикахъ, а сзади, подъ одною и тою же кровлей, примкнулъ сарай для возовъ и лошадей, представлялъ собою и заѣзжій дворъ, и коряму, и клубъ для мѣстнаго населенія.

Сыроватый туманъ отъ людскаго дыханія и тютюзовыи дымъ; ошибающій залахъ сивухи, бочка которая лежала на видномъ мѣстѣ; вѣсколько сѣрыхъ фигуръ за большимъ столбомъ и на лавкахъ вдоль стѣнъ, тускло освѣщаемыхъ, сквозъ чадный туманъ, мутнымъ свѣтомъ коптящагося каганца; неопредѣленныхъ лѣтъ грязная шинкарка-Жидовка; визгъ и вой вѣсколькихъ Жиденятъ, малъ-мала-меньше, да суетящійся Жидъ который обрадовался пріѣзду новыхъ постояльцевъ, въ сладкой надеждѣ на барыши съ ихъ постоя,—вотъ что встрѣтило Хвалынцева, чуть только онъ переступилъ порогъ „заѣзднаго дома“.

Смежная комната, куда нашихъ путниковъ проводилъ суетливый Еврей, носила названіе „панской“ и отличалась относительною чистотой. Крашеный столъ, два прежестокіе дивана, три-четыре стула грубой работы, да кривое, до невозможности, засиженное мухами зеркало составляли ея убранство, къ которому надо присоединить еще и тѣ старыя, и тоже до невозможности засиженные мухами литографіи, какія только и можно еще встрѣтить по заколустымъ заѣзжымъ домамъ да на почтовыхъ стаціяхъ. Тутъ уже менѣе ошибало сивушнымъ масломъ, но за то господствовалъ характеристичный еврейскій запахъ чернушки, безъ смѣсмъ которой не пекутся еврейскія булки.

Предоставивъ Хвалынцеву располагаться здѣсь какъ хочетъ

оо вѣзмъ дорожнымъ скарбомъ, Свитка тотчасъ же приказалъ проводить себя въ панскую усадьбу.

Не раздѣваясь, Хвалыцевъ разлегся на одномъ изъ жесткихъ дивановъ и, какъ человекъ которому ровно нечего дѣлать и который достаточно усталъ съ дороги для того чтобы думать о чемъ-либо, сталъ разсѣянно глядѣть въ полуоткрытую дверь и невольно прислушиваться къ говору въ смежной горницѣ. Говоръ былъ пьяннватъ, и потому достаточно громокъ.

Насколько Хвалыцевъ могъ замѣтить мелькомъ, тамъ сидѣло вѣсколько крестьянъ, и между ними человекъ лѣтъ подъ сорокъ который и наружностью, и манерами своими старался приблизиться къ тилу мелкаго шляхтича-офиціалиста. По его жилеткѣ и длиннополному сюртуку, по его смазнымъ салогамъ, усамъ и бакенбардамъ, спускавшимся подъ подбородокъ, почти безошибочно можно было заключить что этотъ субъектъ котораго мужики не безъ вѣкоторой почтительности титуловали „добродѣемъ, мо-панкомъ и паномъ Михаиломъ“, принадлежитъ либо къ числу прикащиковъ вотчинной панской конторы, либо просто къ панской дворовой челяди.

— Цялѣрь ни-ни!... Цялѣрь воля! разглагольствовалъ одинъ изъ пьяненькихъ крестьянъ, энергически ударяя по краю стола закорузлою ладоною, — надо только Бога да царя дзяковать што вызволялъ!

— Я бы ему еще больше дзяковавъ, кабы онъ меня вызволялъ съ-подъ! Янкеля! замѣтилъ на это другой, не менѣе пьяненькій крестьянинъ, намекая не безъ задней мысли на суетливаго корчмаря-Еврея:—панъ не услылъ заѣсть, такъ Янкель заѣсть! Совсѣмъ заѣсть, чтобъ ему!...

— Н-я-ну? гнусаво и не безъ претензiи на амбицию протянулъ Янкель съ характерно-еврейскою растяжкой и глѣвучествомъ:—Сказать спизалуста, Янкель изъѣлъ! Зацѣмъ я тебя изъѣлъ и спто я изъѣлъ? Н-я-ну?

— Чаво „ну“, азартно прилодвался мужикъ:—ты у меня за сколько кварть поль-куска моей земли на годъ взялъ? а?... За девять кварть? А я тебѣ засѣялъ, да сѣялъ хлѣбъ, да свезъ его въ луно за сколько кварть?... га?... За три?... Весь мой трудъ, тай весь мой хлѣбъ за двѣнадцать кварть лошаи! А теперъ мнѣ и на полкварты вѣры нѣтъ! Больше того: теперъ я чрезъ тебя проласть должель и совсѣмъ, съ дѣтьми! Все господарство гѣтъ до чорта! А все чрезъ тебя!

— Не ты одинъ, кумъ! И всѣ такъ-то! Всѣ подъ Янкедемъ,

и всё съ подь Янкеля живутъ! примирительно замѣтилъ третій съ безнадежностью махнувъ рукой, словно желая выразить что таковой порядокъ вещей предопредѣленъ уже свыше непреклонною судьбой и ничего, значить, противъ него не подѣлать.

— Н-ну-у? Хай жонка нѣсе штуку холстины, я тебѣ дамъ даже цѣлую квартиру! великодушничалъ Янкель.

Мужикъ только взглянулъ на него изъ-подлобья и укоризненно помотавъ головой, въ безсильной и сдержанной злобѣ отвернулся въ сторону: очевидно у жинки не было уже въ запасѣ лишней штуки холста, за которую Янкель столь соблазнительно судилъ цѣлую квартиру водки.

— Повѣрь на бирку! Ну что, слышь, тебѣ! убѣждалъ Янкеля кумъ-примиритель которому тоже весьма желательно бы было распить съ кумомъ по лишней чаркѣ.

— На бирку? ухмыльнулся Янкель:—а онто и што такое? краснорѣчиво указавъ онъ на дверной косякъ на которомъ въ лѣвномъ рядѣ сдѣланныхъ мѣломъ черточекъ послѣдовательно отмѣчалось количество отпущенной въ долгъ водки:—Больша на бирку а ни ницъ!

— А сколько ты тутъ понадобавилъ? Кабы мы не знали того! злегически убѣждалъ кумъ, намекая корчмарю на самовольныя и плутовскія прибавки черточекъ на дверномъ косякѣ.

— Н-ну, молчи, сводочь! презрительно возвысилъ тотъ голосъ и отвернулся, явно показывая видъ что не намѣренъ долѣе продолжать разговоръ съ такими грубыми мужиками.

— Подождите, ланове! Я васъ одолжу! вмѣшался дворовой;—гей, Янкель! Ставь квартиру на мяе! Дай Боже на здорѣвье ланамъ, бо кабъ не ланъ, такъ бы и горѣлки не пакулицъ!

— Але?! протянулъ одинъ изъ мужиковъ, кидая вопросительный взглядъ на двороваго:—Развѣ мало еще было батоговъ?

— А что же онъ благовалъ для тебя? * вступился дворовой.

— А не, не благовалъ? насупивъ брови горячо возразилъ пьявенькій, и потому расхолодившійся кумъ:—Сколько зла ни было, такъ все по его причинѣ! Надо правду говорить! Насъ было у батькы три сына—еле всѣхъ троихъ не сдалъ въ солдаты, да и то двоихъ сдалъ; одинъ я остался, потому подь бирку не подошелъ, а то бы батькы съ матерью по міру ходить! А сколько батоговъ я съѣлъ по его милости! А тѣснота,

* Благовать—причинить какую-либо мерзость, сдѣлать недоброе.

а бѣдота! А двушекъ сколько намъ испортилъ! Ой, да что тамъ, Боже мой... Точно ѿ говорить! Пань! не паномъ, а чортомъ онъ былъ для насъ! Вотъ что!

— Гэто такъ, такъ! одобрительно подтвердили нѣкоторые изъ состоянниковъ:—правду говоря, нужно вельми Богу, да царю благодарить за волю, потому телерь хотъ батожить, можеть-быть, не будутъ; а ѿ то згодно!

— А все же безъ пановъ царь не далъ бы и воли, потому панамъ такъ желательно было кабы холопы вольны были, вотъ царь и сдѣлалъ по-паньскому! наперекоръ общему мнѣнью возразилъ дворовый, очевидно, принявшій на себя защиту панскихъ интересовъ.

— Э, что брехаць непутно! махнувъ рукой, какъ на лутыя рѣчи, выкрикнулъ пьявенькій кумъ:—пань!... А что жь это пань прежде не хотѣли чтобъ намъ воля была, а цяперъ вдругъ ее захотѣли?! Съ чего же это такъ?... Полно, добродѣю!

— Нашъ панъ всегда хотѣлъ! упорно отстаивалъ панскій зачитанкъ.

— Нашъ панъ?... Ге-ге!

При этомъ возраженіи хлопы, себѣ на умъ, только усмѣхнулись.

— Такъ-то! подтвердилъ дворовый:—потому онъ панъ сильно-могучій и богатъ неисчислимо! И есть у него много золота и серебра, и бумажной монеты, и онъ какъ захочетъ, такъ всѣхъ своихъ хлоповъ озолотить! Нужно только покорно съ нимъ обходиться, да слушать его воли: что укажетъ, то мы и должны дѣлать, и всѣмъ намъ отъ этого будетъ большая польза!

— А то такъ!... такъ, такъ! поддакнулъ и Янкель:—бо взэюнь велики панъ! И ушѣ и сшто захоцытъ, то и зъ вамъ и здѣлаиць! И шамъ панъ ассессоръ * и шамъ панъ шправникъ и усѣ началство съ подъ пана живуць, и шамъ энгераль-губернаторъ и зъ имъ велки шшяцюлокъ! Ну-у, и сштожь вы тутъ гаворите!

— Подождите, панове! Подождите немножечкò! не безъ нѣкоторой восторженности сталъ жестикулировать дворовый, возвысивъ свой голосъ:—Панамъ желательно чтобы скорѣй воротилась Польша, и какъ только она воротится, намъ всѣмъ тогда житье будетъ какого и желать еще не слѣдуетъ! вся

* Ассессоръ—стамоной приставъ.

земля наша, вся воля наша, ни начальства, ни подушныхъ, ничего не будетъ, а будемъ мы все равно какъ паны! Э, кабы только Польша!...

— Польша?.. Ге-ге! возразилъ ничѣмъ недовольный и во всемъ скептический кумъ:—Дядь мой померъ еще тридцать лѣтъ тому назадъ, такъ я еще тогда помню, онъ оказывалъ какая такая была эта Польша, чтобы ее черти драли! Еще хуже тогда было какъ при панщинахъ!

— Ну, горшъ панщины не можетъ и быть! замѣтили нѣкоторые.

— А убей меня Богъ, коли не горшъ! Старые люди сказываютъ! Старые люди нешукающъ. * Они лучше, чѣмъ мы, памятують себѣ.

Въ это время изъ усадьбы прибѣжалъ казачокъ звать Хвалынцева въ домъ, такъ что Константинъ лишился уже возможности быть невольнымъ слушателемъ разговоровъ, имѣвшихъ для него нѣкоторую долю поучительности. Наскоро поправивъ свой туалетъ, онъ пошелъ вслѣдъ за казачкомъ, думая себѣ: „Ну, каковъ-то этотъ панъ Котыроло?“

Пьяныя рѣчи корчемной лубайки на много противорѣчили тѣмъ розовымъ картинамъ которыя рисовались столь идеалистически-яркими красками въ разказахъ Василія Свитки. Все то что изъ-за полупритворенной двери удалось Хвалынцеву разслушать въ этой лъавой, но не лишенной смысла бесѣдѣ, навело его на нѣкоторыя мысли породившія въ душѣ еще и еще нѣсколько зачатковъ новыхъ сомнѣній. Противорѣчіе выходило явное. Свитка говоритъ что между хлопомъ и помѣщикомъ дружба, любовь, согласіе и взаимная поддержка, а рѣчь подгулявшаго хлопа дышетъ неудержимою ненавистью къ благодѣтелю пану. Свитка говоритъ что народъ ненавидитъ русское правительство, а пьяный хлопъ тепло благодаритъ Русскаго Царя за волю. Свитка говоритъ что народъ спитъ и видитъ какъ бы поскорѣй возвратилась прежняя Польша съ ея порядками, а пьяный хлопъ проклинаетъ эту желанную Польшу хуже чѣмъ недавнюю барщину. Свитка говоритъ что у здѣшняго народа нѣтъ ровно ничего общаго съ народомъ великорусскимъ, а между тѣмъ онъ, Хвалынецъ, отаично съ перваго разу понимаетъ рѣчь этого народа, которая отличается только нѣкоторыми мѣстными особенностями. Свитка

* Не обмануть.

говорить что здѣсь вездѣ и во всемъ чистѣйшая Польша, гдет польскій духъ, звучитъ польская рѣчь, а между тѣмъ оны, Хвалынцевъ, вмѣсто польской рѣчи слышитъ бѣлорусскій, ответственнѣй по духу и смыслу говоръ; польскій же духъ находится только въ дворовомъ человѣкѣ да отчасти въ шварцѣ Евреѣ, которые оба по своему положенію терлись и трутся болѣе около панства, приходятъ съ панствомъ все-таки и большее солприкосновеніе чѣмъ хаоль-земледѣлецъ и потомъ дѣйствительно заражаются польскимъ духомъ. — „Но гдѣ же здѣсь собственно Польша?“ думаетъ себѣ Хвалынцевъ: „Гдѣ она? Въ этихъ придорожныхъ крестахъ, въ этомъ костелѣ? Въ этой усадьбѣ развѣ?“

Онъ вступилъ въ широкій, обсаженный пирамидальными т полями панскій дворъ, и встрѣченъ былъ дружнымъ лаемъ собакъ отъ которыхъ козачокъ ретиво отмахивался кнутикомъ выгадывая такимъ образомъ безопасный проходъ своимъ спутнику.

IV. „Палацъ сломяны“.

Длинный, низенькій, одноэтажный деревянный домъ, съ высокою соломенною кровлей, бока которой справа и слева были срѣзаны,—домъ съ выдающимся по срединѣ крыльцомъ, которое такимъ образомъ дѣлило его посредствомъ стѣнъ на двѣ равныя половины, глянулъ на Хвалынцева изъ вечерней мглы рядомъ освѣщенныхъ окошекъ. По сторонамъ двора, вокругъ и около, можно было разглядѣть нѣсколько жилыхъ и хозяйственныхъ построекъ, разбросанныхъ безъ всякаго порядка въ какомъ-то хаотическомъ видѣ.

Едва вступилъ Хвалынцевъ въ стѣны и сталъ скидать съ себя верхнюю одежду, какъ дверь изъ залы растворилась и на порогѣ ея, въ сопровожденіи Свитки, появился самъ пан Котырло.

Это былъ мушкетеръ лѣтъ за пятьдесятъ, весьма еще бодрый и нѣсколько дородный, очель живо напоминавшій собою тѣхъ неслужащихъ дворянъ-помѣщиковъ которые, большую часть своихъ досуговъ посвящая лошадямъ и собакамъ, арапникамъ и зайцамъ, стараются всю наружность свою, весь складъ своего тѣла свой приблизить къ тѣлу лихихъ, старослуживыхъ отставныхъ майоровъ-Поляковъ, любящихъ чтобы въ отставку ихъ титуловали полковниками.

Ланя Котырло, пожимая обѣими руками руку Хвалынцева и весь расплываясь въ сладко-привѣтливой улыбкѣ, еще въ снахъ обратился къ нему на французскомъ языкѣ съ привѣтствіемъ, которое заключалось въ томъ что онъ душевно радъ видѣть у себя человѣка родственной національности съ которымъ познакомился уже заочно изъ рекомендаціи Свитки, и потому-де просить войти въ свой домъ, какъ въ домъ искреннаго друга. Это привѣтствіе и весь складъ его, очевидно, были уже нѣсколько обдуманы заранѣе.

Хвалынецъ вступилъ въ залу гдѣ и былъ представленъ всему семейству. Ему тотчасъ же съ самою предупредительною любезностью былъ предложенъ на почетномъ мѣстѣ, возлѣ самага хозяина, стулъ за длиннымъ чайнымъ столомъ, вокругъ котораго сидѣло теперь все общество. На столѣ было вдоволь наставлено разныхъ разностей: вареній и леченій, на которыя вообще такія мастерицы польскія хозяйки. Тутъ были и бабы, и мазурки, и сухаречки, и венчина, и шинка, и колбасы— а все это въ большомъ изобиліи. Тутъ же красовались какія-то разнокалиберныя, сбродныя чашки, блюда и стаканы, и глиняная кринка со сливками прямо съ погребя, и великолѣпнѣйшія тарелки стараго саксонскаго фарфора, и простой молочникъ съ отбитымъ носкомъ и со склеенною сургучомъ ручкою.

Все семейство лана Котырло въ отношеніи Хвалынцева сразу же постаралось выказать самый радушный пріемъ.

Сама лани Котырлова—высокая, худощаво-болѣзненная женщина, лѣтъ уже за сорокъ, постоянно хранила какъ бы нѣсколько обиженный и богомольный видъ, поджимала губы и закрывала порою глаза, но въ сущности казалась бабой немою. Она держала себя съ нѣкоторой церемонностію, очевидно, желая изобразить собою особу весьма хорошаго тона. Подлѣ нея лежалъ ворохъ корпіи, которую она щипала очень тщательно, съ богомольнымъ видомъ сестры милосердія. Такіе же ворохи корпіи за этимъ столомъ Хвалынецъ увидѣлъ еще предъ двумя или тремя особами. Двѣ дочери— двѣ ланьы Котырловны, прилежно занятыя шитьемъ мужскихъ сорочекъ и портовъ изъ самага грубаго холста, весьма наломившая собою пухлый, сдобный палушникъ домашняго печенья. Видно было что онѣ съ младенчества и по сей день отлично вскармлены въ деревнѣ на сытыхъ помѣщичьихъ хлѣбахъ. Изъ себя довольно крупныя, сильно и здорово румяныя, востроглазыя и смѣшливыя, хотя и не очень-то граціозныя, онѣ

постарались сразу завладѣть Хвалынцевымъ и, въ перебранку дружкѣ, обратились къ нему на польскомъ языкѣ банальнымъ вопросомъ: давно ль онъ въ ихъ края и какъ нравится ему Польша?—и только тогда лишь какъ замѣти что гость ихъ затрудняется отвѣтомъ, не вполне точно уясни себѣ смыслъ любезныхъ вопросовъ, обѣ рѣшились повторить ихъ на языкѣ французскомъ.

— О, мы васъ будемъ учить по-польски. Непременно будемъ! тараторили обѣ Котырлувы:—и мы васъ выучимъ! Нравно выучимъ! И отлично!... Вѣдь вы же кое-что понимаете! Это такой прекрасный языкъ!... Языкъ Мицкевича!

— Кое-что—да! согласился Хвалынецъ,—въ вашемъ языкѣ есть много общаго съ русскимъ...

— Мм... то-есть съ *русинскимъ*, или вообще со славянскимъ но не съ Московскимъ, раз avec la langue moscovite! замѣти ему на это лавны, оставшіяся какъ будто нѣсколько недвольны тѣмъ что Хвалынецъ заявилъ о сходствѣ польскаго языка съ русскимъ.

Онъ, въ отношеніи своего гостя, съ первыхъ же минутъ постигли въ ходъ то особое, не болыно хитрое и не болыно с разое кокетство, которое свойственно болышей части этихъ лавенокъ, выросшихъ среди деревенскихъ усадебъ, промежуточныхъ заматарѣныхъ сосѣдей и все старающихся копировать, впрочемъ, по болышей части весьма неудачно, одау изъ героини Мицкевича, сентиментальную Зосю. * Тутъ было стрѣлянье глазами, и наивничанье, вовсе не наивное, и нѣкоторое жеманство, съ претензіей походить на грацію котака но хорошаго во всемъ этомъ было, по крайней мѣрѣ, то что оно казалось искренно. Видно было что лавенки наскучали въ деревнѣ и рады-радехоньки новому человѣку, да еще и лодому, да еще и столь недурному собою!

Молодой лавичъ—ихъ братецъ являлъ изъ себя доволы красиваго, но упорно молчащаго юношу, въ длинныхъ сапогахъ и строй чамаркѣ. Кромѣ этихъ лицъ, составлявшихъ семейство лавы Котырло, тутъ же находилась еще не то племянница, не то сирота какая-то; потомъ еще нѣчто блекаое и сухпарое, въ родѣ бывшей гувернантки, а нынѣ компаньонка или ключавица. И та, и другая сидѣли также за питьемъ лодомъ и сорочекъ.

* Въ *Панъ Тадеушъ*.

Когда Хвалынцевъ въ послѣдствіи, подъ конецъ уже вечера, скромно полюбопытствовалъ узнать для чего собственно онъ въ восемь рукъ столь прилежно занимаются шитьемъ изъ столь грубаго матеріала, то онъ всѣ въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ сперва значительно переглянулись между собою, а затѣмъ уже одна изъ дочерей отвѣтила ему не совсѣмъ-то прѣреннымъ голосомъ:

— Это такъ.... просто, для домашнихъ надобностей.
 Давне отъ экс-губернантики за тѣмъ же столомъ скромненько и тихонько сидѣлъ какой-то дальній, пожилой и притомъ бѣдный родственникъ, конечно родовитый шляхтичъ, всегда добродострастный къ пану и пани; а потомъ еще тоже родственникъ, только уже подъ стать паничу-сыну, казавшійся тѣмъ-то въ родѣ великовозрастнаго, но не кончалого гимназиста, который на все очень добродушно, но очень гауло улыбался и лущилъ глаза. Но за исключеніемъ болтливой губернантки, все это были лица безъ рѣчей, служившія лишь для пополненія семейной картины и щилавшія корлію. Они и жили, и пили, и ѣли въ Катырловской усадьбѣ, выказывая зато своимъ патронамъ чувства глубокой почтительности и благодарности, выражавшіяся въ гуртовомъ цѣлованіи рукъ у пана и пани, послѣ каждаго завтрака, обѣда, чая и ужина, причемъ, впрочемъ экс-губернантка и пожилой родственникъ самого пана Катырао лбызали не въ руку, а въ плечо.

— Какъ вы хорошо сдѣлали что пріѣхали именно теперь, а не позже! застрекотала одна изъ ланемокъ, обращаясь къ своимъ пріятелямъ, и потому ухитралась съ необыкновенною быстротою одну и ту же фразу произносить по-польски и тотчасъ же переводить ее, Хвалынцева ради, по-французски: — я говорю что вы необыкновенно хорошо и умно сдѣлали, пріѣхавши теперь: у насъ тутъ послѣ завтра кіерманшъ, гости лавявуть, охоту устроимъ—вотъ весело-то будетъ!... Я васъ прямо ангажирую на первую кадрили! стрѣльнула она въ Хвалынцева.

— А жалоба? замѣтилъ Свитка, указавъ глазами на ея траурное платье.

Паненка нѣсколько смутилась.

— Жалобу скинемъ на этотъ разъ! храбро поддержала ее кестрица.

— А что скажутъ? продолжалъ Свитка.

— Ай, Іезусъ!.. „Что скажутъ“!... Но мы такъ давно не

танцовали!.. Вы, впрочемъ, не думайте чтобы мы были дурныя Польки! послѣшила она завѣрить:—о, нѣтъ! далеко нѣтъ! И вы увидите! Мы вамъ докажемъ! Но вѣдь ужасная же скука, а это такъ рѣдко удается!.. И наконецъ вѣдь въ Вильнѣ танцовали же всѣ, публично, на Бельмонтѣ, да еще какъ! Самы знатныя дамы!..

— Да, но тамъ была политическая цѣль! возражалъ Свитко:—тамъ титулованный магнатъ дѣлалъ визиты лортному и открыто катался съ нимъ въ своемъ экипажѣ; тамъ первыя аристократки танцовали съ мастеровыми, съ ремесленниками, съ лакеями, съ салонниками, но тамъ оно ловятно: тамъ дѣло шло о пропагандѣ сляіаіа.

— А мы развѣ не можемъ устроить то же съ нашими школами? воспріимчиво подхватила шустрая лавенка:—о, непременно устроимъ! И я заранѣе предлагаю вамъ туръ вальса на погибель Мѳсквы! Ну-съ, посмотримъ: какъ добрый патриотъ, посмѣете ли вы отказаться отъ этого тура, если онъ будетъ предложенъ вамъ съ такою идеей?

Свитка любезно и смиренно склонилъ свою голову, въ знакъ покорности и согласія.

„Бѣдныя лавенки! думалъ про себя Хвалынецъ, и потанцовать-то имъ вѣдьзя просто! Даже и подъ вальсъ нужна политическая подкладка!“

Самъ лавъ Котыро подъ шумокъ общей болтовни, вставая время отъ времени какое-нибудь слово, вопросъ или замѣчаніе, старался осторожно выцугивать Хвалынцева съ бо-лѣе серіозныхъ сторовъ. Такъ, между прочимъ, смѣсью французскаго, польскаго и даже русскаго языка сообщилъ онъ ему что теперь Литва серіозно взялась за умъ, потому времена дѣ такія: освобожденіе и прочее, что лавы, дѣйствительно, задумываютъ серіозное сляіаніе съ народомъ, заботятся о народо-мъ нравственности, учреждаютъ братства трезвости, устраиваютъ школы, просвѣщаютъ, вразумляютъ и прочее.

— И у меня вѣдь тоже школа заведена! не безъ нѣкоторо-го благодушной гордости похвалился онъ:—ксендзь обучаетъ, ор-ганистъ обучаетъ, ну, и онъ вотъ тоже иногда, кивнувъ онъ головой на своихъ дочекъ.—Если васъ этотъ предметъ интере-суетъ, я вотъ вамъ завтра утромъ покажу ее.

— И много уже такихъ школъ у васъ заведено? полюбопыт-ствовалъ Хвалынецъ.

— Да таки порядочно. Въ каждой парафіі * стараются имѣть; мнѣза иначе: съ эгимъ дѣломъ торопиться надо! дѣло благое!

— Ну, и успѣшно идетъ?

— О, еще какъ!.. Видъ инициатива-то ваша! Да вотъ вы сами увидите!

— Значить правительство тутъ совершенно не заботилось объ этомъ предметѣ? освѣдомился Хвалынецъ.

— Ми... то-есть какъ вамъ сказать! замаяса вѣсколько Котырло:—правительственныя школы, положимъ, хоть и есть кое-гдѣ, но... онѣ всѣ въ уладкѣ: народъ не любитъ ихъ, да и учить тамъ не умѣютъ.

— Что жъ за причина? удивился Хвалынецъ.

— А причина, видите ли, та что тамъ лопъ, а здѣсь ксеадъ.

— Такъ что жъ? выразилъ гость еще большее удивленіе.

— О, Боже мой! компетентно улыбулся Котырло:—вы спрашиваете: „что жъ“? да кто же не знаетъ что вашъ ксеадъ во сто разъ ученѣй лапа! И образованнѣй, и цивилизованнѣй! Видъ лопъ здѣсь ничѣмъ почти не отличается отъ хаопа: та же грубость, то же невѣжество! тогда какъ на сторонѣ ксеада и знаніе, и умѣнье, и метода, и любовь къ дѣлу; и наконецъ, ксеадъ, какъ хотите, и роднѣе, и ближе мужику, одвимъ словомъ, симпатичнѣе: мужикъ ему вѣрить, мужикъ его любить, уважаетъ его. Отъ этого и успѣхъ такой въ нашихъ школахъ. Тутъ все-таки *свое*, а тамъ—извините!—наѣздовое, чужое.

Дѣлая вниманіе свое одновременно между разговоромъ лапа Котырло и болтовней его дочекъ, Хвалынецъ въ то же самое время оглядывалъ и обстановку среди которой находился.

Эта обстановка дѣлаа на него своеобразное и до нѣкоторой степени даже странное по своей новизнѣ впечатлѣніе. Свитка еще заранѣе рекомендовалъ ему какъ идеалъ старопольскаго радушія и довольства Котырловскій „палацъ сломяны“, то-есть дворецъ лодъ соломенною кровлей. „Дворецъ“ и „соломенная кровля“ такое оригинальное сопоставленіе тѣмъ лаче должно было заинтересовать мимоѣзжаго человѣка. И дѣйствительно, оригинальность бросалась въ глаза сама собою, съ перваго взгляда: лапъ Котырло, обладатель цѣннаго мѣстечка, такъ-сказать, крупный землевладѣлецъ, человѣкъ съ состояніемъ, съ родствомъ и связями*, съ вліяніемъ

* Парафія—приходъ.

какъ бывшій два трехлѣтнѣя „маршалокъ ловятовъ“ * и наконецъ „чуть не магнать“, какъ рекомендовалъ его Обутка, и что же? этотъ „чуть не магнать“ живетъ въ „сломяномъ палацѣ“ съ низенькими, залатанными окошками, на ржавыхъ желѣзныхъ летляхъ и задвижкахъ, съ ращелистымъ скрылучимъ поломъ, со стѣнками бѣлеными мѣломъ и глиной, съ низкимъ потолкомъ, насланнымъ на поперечныя и ничѣмъ не маскированныя балки. И тутъ же вотъ у пана Котырко висятъ по мазанымъ стѣнамъ прекрасныя старыя картины въ тяжелыхъ золоченыхъ рамахъ, между которыми Хвалынцевъ замѣтилъ два приморскіе вида, созданные, по всѣмъ вѣдѣностямъ, кистию Жозефа Верне, двѣ маскарадныя сцены, на которыхъ явно сказанъ характеръ Вато, замѣтилъ одного Вувермана, съ неизмѣннымъ характернымъ крупомъ бѣлой лошади. Но рядомъ же съ этими замѣчательными произведеніями висѣли плохо раскрашенныя, чуть не лубочныя литографіи. изъ коихъ одна изображала семейство польскаго старца-магната изгнанника, за которымъ на заднемъ планѣ пылаетъ его фамильный замокъ сжигаемый московскими казаками, а на другой—извѣстная могила Наполеона на островѣ Св. Елены, гдѣ склонившіяся надъ могильною плитой деревья образуютъ въ просвѣтахъ своими сучьями и вѣтвями печально склоненный силуэтъ императора въ традиціонной маленькой шляпѣ и даже со шляпой. Тутъ же стояли старинныя бронзы, французскія и китайскія вазы, старыя фарфоры на двухъ простѣвочныхъ горкахъ; надъ диваномъ красовалось большое, роскошно широкое зеркало и вмѣстѣ со всѣмъ этимъ жесткая, сборная, неудобная мебель, едвали даже не домашняго издѣлія, самой грубой, такъ-сказать, Собакевичевской работы. изъ простой сосны и ясеня. Смежная гостиная, куда все общество съ корпіями и питьемъ перемѣстилось послѣ чая, была въ томъ же родѣ, только сильно припахивала какою-то затхлостью и носила на себѣ характеръ временъ консульства и первой имперіи; но въ ней, по крайней мѣрѣ, случайно или по преданію, былъ хоть какой-нибудь характеръ. Въ этой гостиной, у окна, стояли неизмѣнныя ляльцы съ неизмѣннымъ вышиваньемъ подушки, для которой дѣялся теперь по узору польскій „бѣлы оржелъ“ со всѣми его атрибутами. Надъ диваномъ помѣщалась картина „страшнаго суда“, гдѣ Христосъ

* Увѣдѣнный предводитель дворянства.

принимаетъ замученную женщину въ цѣлахъ и терновомъ вѣнцѣ, а Вельевуль когтами разрываетъ на части дебелую бабицу въ сарафанѣ и кокошникѣ, подъ которою въ гееннѣ огненной жарятся и корчатся православные чернецы, генералы, казаки, жиды, обжоры, Иуда Искаріотскій и прочіе тяжкіе грѣшники; алюстоазъ Петръ отмыкаетъ врата рая и въ нихъ входитъ цѣлый легионъ праведниковъ, одѣтыхъ въ кунтуши и конфедератки. По бокамъ „страшнаго суда“ висѣли портреты хованца въ маршалковскомъ мундирѣ, опирающагося на книгу, и хованки съ пуцовымъ розаномъ въ ненатурально извороченной рукѣ. Всѣ эти три произведенія, обличившія весьма безхитроостную кисть, были работаны лѣтъ латвадцать тому назадъ живописцемъ-самоучкой изъ дворовыхъ челядцевъ одного соседняго помѣщика, снабжавшаго такимъ образомъ съ большою любезностью и сномыя паллады, и кестемы всего околотка произведеніями своего крѣпостнаго гения. Подъ *Страшнымъ Судомъ* въ старинныхъ инкрустированныхъ рамочкахъ чернаго дерева висѣли рядомъ двѣ миниатюры на слоеной кости: одна представляла бабушку нынѣшнихъ мучекъ—данаокъ Котырлувлъ, въ бѣломъ коротенькомъ лифчикѣ на оборкахъ, съ громадными коками, съ поджатыми губами, какъ будто бы собирающимися произнести слово *рознь*, а другая изображала ихъ дѣдушку въ разукрашенномъ нарядѣ польскаго каштелана. Далѣе по стѣнамъ помѣщались въ рамочкахъ, оклеенныхъ золотымъ бордюромъ, литографическіе портреты разныхъ польскихъ патріотическихъ знаменитостей, да еще кое-какіе варшавскіе виды.

Едва прошелъ какой-нибудь часъ съ того времени какъ все общество изъ-за чайнаго стола переселилось въ гостиную; едва ли Котырло успѣлъ вдосталь похвалиться успѣхомъ крайнихъ обществъ трезвости, вводимыхъ между хлопамъ по инициативѣ ксендзовъ и помѣщиковъ, а ланны Котырлуваны, въ перебой ему, не успѣли узнать въ достаточной точности танцуетъ ли и любитъ ли гость мазурку и нравятся ли ему Польки (въ этомъ впрочемъ онъ не сомнѣвался); сама же ланна Котырлова не успѣла вдосталь навздыхаться при воспоминаніи о послѣдней проповѣди отца визитатора пріѣзжавшаго въ соседній кляиторъ, какъ въ дверяхъ гостиной появилась доморощеный лакей, въ штанахъ засунутыхъ въ голенища смазныхъ сапоговъ, но за то въ ливрейномъ фракѣ съ фамильными ланна Котырла гербами, и объявилъ что ужинъ поданъ.

— Прощу, ланове, до коалдыи! сентиментаальне-прикшорбнымъ, но радушнымъ тономъ пригласила гостей пани Котырадова, полуболяженно подмялась съ мѣста и указывая жестомъ на дверь. Всѣ направилась въ столовую комнату, соблюдая неизгладимую градацию мѣстъ и отношеній: сначала хозяйка съ гостями, потомъ павелки съ паничонь, а потомъ уже прикивалыныя лица безъ рѣчей. Паниъ Котырадо подъ руку подвелъ Хвалынцева къ маленькому, отдѣльно въ углу стоявшему столу, на которомъ былъ поставленъ графинчикъ и старомодная серебряная чарка. Пожилой, скромный родственникъ, съ меланхолическимъ видомъ, медленно потирая руки, уже потаптывался около этого привлекательнаго столика и космиса взоромъ на завитый графинчикъ, почтительно, хотя и со внутреннимъ нетерпѣннемъ, выжидая своей очереди.

— Я васъ ланотчую правдивою старою литовкой! сказалъ своимъ гостямъ паниъ Котырадо, и сказалъ это тѣмъ отчасти торжественно-таинственнымъ тономъ который всегда служитъ предвереніемъ о чемъ-нибудь необыкновенномъ, достопримѣчательномъ, чѣмъ можно и удивить приятно, и съ удовольствіемъ похвалиться. При этомъ окъ даже слегка чмокнулъ кончики своихъ пальцевъ, затѣмъ взялъ въ одну руку графинчикъ, а въ другую чарку и держа ее предъ Хвалынцевымъ, съ тековымъ видомъ знатока сталъ неторопливо наливать ее желтоватою влагой литовскаго нектара. Константинъ уже было совсѣмъ пролезулъ къ чаркѣ руку какъ вдругъ паниъ Котырадо съ поклономъ поднесъ ее къ собственнымъ губамъ и откинувъ назадъ голову мигомъ осушилъ ее. Не вполнѣ протянутая рука гостя торопливо и мелко опустылась книзу, и эта маленькая ошибка нѣсколько смутила и сконфузила Хвалынцева. Хозяинъ, кажется, замѣтилъ это, и опрокинувъ въ себя чарку тотчасъ же любезно подалъ ее Константину, самолично наполнивъ до верху и, сдѣлавъ рукою приглашительный жестъ, съ радашную любезностію примолвилъ:

— Прощу!

Хвалынцевъ выпилъ, не успѣвъ еще достаточно оправиться отъ конфуза, и почувствовалъ какъ внутри его распространяется какая-то пріятная, бархатно-гладкая и живительная телота. „стара литэвка“ была дѣйствительно достопримѣчательна. Но выпивъ онъ подмѣтилъ что Котырадо, въ виду его смущенія, очень хорошо имъ разгадавшаго, смотритъ на него какимъ-то улыбающимся, благодушно-проническимъ взглядомъ.

Эта поддѣтка была для Константина причиною новаго маленькаго конфуза.

— Чтѣ, хорошо? прищуривъ глаза, спросилъ Котыро то-мѣтъ неслыханемо ожидающимъ похваламъ великой.

— Кге!... дѣйствительно прекрасно!... великолѣпная водка!.. никогда еще не пилъ такой! кракнулъ Хвалынецъ, ощущая внутри пріятно жгучую теплоту, разливающуюся что-называется по вѣстамъ жиламъ и суставамъ.

— Хе, хе, хе! благодушно усмѣхнулся Котыро.—А ужъ это у насъ на Литѣ обычай такой, продолжалъ онъ, въ камфренту разъяснить Хвалынецу настоящую причину его конфуза—у насъ всегда первую чарку пьетъ самъ хозяинъ, а ужъ потомъ тотчасъ же послѣ себя, передаетъ ее своему гостю и самъ наливаетъ. Это стародавній обычай! Хе, хе!.. Пошла вѣдь такъ-ко стариной и держится!.. А вы ужъ простите великодушно, потому что мы, Поляки, отъ своихъ родныхъ и старыхъ обычаевъ никогда и вѣгдѣ не отступаемъ.

— Это похвальная черта, замѣтилъ Хвалынецъ.—Но что же онъ обозначаетъ собою этотъ вашъ обычай?

— А вотъ видите, самоповольно пояснилъ Котыро:—обычай этотъ идетъ вотъ откуда: случалось въ былые времена что на пирахъ и на банкетахъ иногда отравляли виномъ какого-нибудь гостя, соперника тамъ что ли, по любви, по выборамъ, по насаждству или тяжбебника, понимаете? Ну, конечно, въ древности чего не случалось.... Такъ вотъ съ тѣхъ поръ у насъ и обычай такой завелся чтобы хозяинъ пилъ не иначе какъ первый изъ той самой чарки и изъ той самой бутылки изъ которой онъ подкуетъ своего гостя. Это для того, видите ли, чтобы гость былъ совершенно покоенъ что ни чарка, ни водка не отравлены. Ну, конечно, старина, обычай, — вы понимаете? Прошу покорно до *колѣни!*

И онъ подъ руку подвелъ Хвалынцева къ столу и посадилъ рядомъ съ собою.

„Хороши однако нравы и обычаи были“, подумалъ про себя Константинъ Семеновичъ.

Столъ на половину только былъ покрытъ грязною-распрегрязною скатертью, которая уже чортъ знаетъ сколько времени была въ употребленіи, такъ что пестрѣла со всѣхъ концовъ разными масляными, винными, суповыми и соусными пятнами. За столомъ прислуживали: грязная-распрегрязная дѣвка, рваный и залатанный казачокъ, босикомъ, и лакей въ

фамильномъ фракѣ съ аристократическими гербами. Дѣвка поражала глазъ своею смоклою грязью, казачокъ вѣлялъ на аппетитъ шмыгавьемъ своего носа и тасканьемъ изъ него, а лакей дѣйствовалъ на обоняніе вонью сада и дегтя отъ своихъ смазныхъ саложницъ, красовавшихся на немъ вмѣстѣ съ аристократическою ливреей.

Хвалынецъ развернулъ салфетку и увидѣлъ что она подобно скатерти была вся грязная-распрегрязная, затертая, пятнистая, давно уже незнакомая съ мытьемъ и притомъ вся въ дыркахъ отъ долгаго употребленія. Но тѣмъ не менѣе на одномъ изъ угловъ ея красовался шифръ пана Котырао и вѣзавѣство по какому праву прилаетенная надъ шифромъ графская корона. Остальныя салфетки были точно также грязныя и дырявыя. Но за то между столовыми вещами кое-гдѣ видѣлася богемскій хрусталь и саксонскій фарфоръ, и все это точно также съ графскими коронами и Котыраовскимъ шифромъ.

Ливрейный лакей внесъ и поставилъ передъ эксъ-гувернанткой большую, дымящуюся миску съ кипяченымъ молокомъ, въ которомъ изобильно плавали „обаранки“, нѣчто въ родѣ нашихъ російскихъ клецекъ. Когда тарелка этого блюда была поставлена предъ Хвалынцевымъ, причемъ казачокъ подававшій ее оставилъ на закраинѣ ясный слѣдъ своего грязнаго, окунутого въ молоко пальца, то павъ Котырао не безъ самодовольства пояснилъ своему гостю что это національное польское блюдо называется „мнѣхи“ и при этомъ посоветовалъ подложить въ него „еще тропечка“ масла да посыпать перду, соли и сахару, что и исполнилъ для самого себя въ количествѣ весьма изобильномъ. Хвалынцеву польскіе „мнѣхи“ не понравились, но онъ принудилъ себя съѣсть тарелку.

За этимъ блюдомъ шли неизмѣнные: „бѣгось“ и „зразы зъ кашей“, потомъ жареный „генсъ зе сливками и зъ ябками“ и потомъ „налѣснѣки зъ лавидлами“. Все это запивалось разными наливками: „малинѣвкой, вишнѣвкой и помаранчѣвкой“, а въ заключеніе послѣдовала вдругъ, совершенно неожиданно для Хвалынцева, жирная „кава зе смѣтанкой“. Онъ не привыкъ ужинать и при томъ былъ уже давнымъ давно сытъ, но хозяева такъ радушно и насильно подкладывали ему на тарелку и такъ изобильно подавали въ рюмки что онъ, наконецъ, вешутя, сталъ опасаться за свой желудокъ и свою голову. Это чрезчуръ радушное гостепріимство, наломивав-

нее собою всеславянскую Демьянову уху, начинало уже подходить на нечто въ родѣ настоящей физической лютки, такъ что Хвалынцевъ подъ конецъ ощутилъ въ себѣ даже злобное настроеніе духа.

Вскорѣ послѣ ужина, который стоилъ добраго обѣда, путниковъ нашихъ отпустили на покой. Козачокъ проводилъ ихъ черезъ дворъ въ отдѣльный флигель, гдѣ для нихъ была уже приготовлена вытопленная комната съ постелями, въ которыхъ подушки были непозволительно мягки, тюфяки же замѣнились „сѣнниками“, т. е. большими мѣшками набитыми сѣномъ.

— Фу-у!!... Слава тебѣ Господи!... Наконецъ-то! съ облегченіемъ, но не безъ злобы вырвавшимся вздохомъ произнесъ Хвалынцевъ, разлегшись на своемъ сыроватомъ сѣнникѣ, когда козачокъ совсѣмъ уже удалился изъ комнаты.

— Чего вы? приподнявшись на локтѣ, уставился на него глазами Василий Свитка.

— Одомѣи, проклятые! пробормоталъ Константинъ Семеновичъ.

— То-есть, что это?

— Да все, мой батюшка!.. Ну, ударь разъ, ударь два, да и удовольствуйся; а то вѣдь все боксомъ да боксомъ!... Эдакъ вѣдь, пожалуй, и лопнешь!..

— Закормили? Хе, хе, хе!.. ухмыльнулся Свитка:—за то, батюшка, по-нашему, по-польски!.. Ну, и какъ вамъ понравилось?

— То-есть, что понравилось?

— Да все вообще?

— Ми... какъ вамъ сказать!.. Я нахожу что все это, въ сущности, ужасное свинство.

Свитка при этихъ словахъ даже привскочилъ съ постели.

— Вотъ-те на! сѣлся, воскликнулъ онъ:—то-есть, что вы собственно называете свинствомъ? Объяснитесь, пожалуйста!

— Свинствомъ?—да все, если угодно! отозвался Хвалынцевъ; пытая своею палирисой.—Это лучше всего я вамъ объясню сравненіемъ.

— Ну-съ?!.. Очень любопытно. Я васъ слушаю.

— А вотъ, видите-ли-съ, началъ Константинъ:—меня прежде всего поражаетъ здѣсь эта странная, какал-то таборная, полудыганская обстановка быта и жизни. Я, надо вамъ сказать, достаточно хорошо знакомъ со всевозможными обстановками

вѣнкорусской помещичьей жизни, начиная отъ великолѣпныхъ тузовъ Славобубенцоваго дворянства и до послѣдней мелкой ошкы. Но картины этой жизни совсѣмъ не доходятъ къ картинамъ той: тутъ у васъ, дѣйствительно, дѣло свое, не похожее на вѣнкорусскій бытъ.

— Ну, вотъ то-то же и есть, что свое! сами оглашаетесь! перебѣдъ Свитка.

— Погодите, любезный другъ! возразилъ Хвалынецъ:—дѣло-то, вотъ видите ли, въ немъ: тамъ, бывало, если помещикъ вылезетъ изъ себя туза, такъ ужъ онъ тузъ до конца ногтей своихъ, до малѣйшей подробности своей жизни, а если грязнецъ, то ужъ такъ во всемъ и всегда грязнецомъ и смотритъ. Тамъ, бывало, если человѣкъ только *знается* чтобы походить на туза, такъ ужъ онъ изъ кожи лезетъ для этого, и наружную свою обстановку, такъ или иначе, но ужъ устроить, по возможности, соответственнымъ образомъ, хоть и знаетъ что въ перспективѣ черезъ это имѣнню навѣрное грозитъ продажа съ молотка. А если нѣтъ у него такихъ стремленій и нѣтъ достатковъ, то ужъ на нѣтъ и суда нѣтъ! Вообще, тамъ у насъ, какъ мнѣ кажется, все какъ-то *проце*, безпритязательнѣе, соответственнѣе дѣйствительной сущности дѣла, потребностей и жизни.

— Ну-съ, а здѣсь?... не безъ нѣкоторой ироніи подстрекнулъ его Свитка.

— А здѣсь, началъ Хвалынецъ:—меня поражаетъ, и уже не въ первый разъ, рядъ противорѣчій, которыя для непривычной натуры звучать рядомъ крупныхъ диссонансовъ.

— Хм.... Это любопытно! замѣтилъ Свитка:—объясните пожалуйста.

— А вотъ сейчасъ. Тамъ у насъ—вотъ видите ли,—грязца, такъ грязца, а комфортъ, такъ ужъ комфортъ, чортъ возьми! Здѣсь же.... здѣсь полнѣйшее отсутствіе порядочности въ обиходныхъ привычкахъ жизни и тысяча самыхъ кичливыхъ претензій и магнатоки-слѣсивыхъ замашекъ.—Здѣсь нѣтъ потребности и какіе-нибудь даже самаго понятія о настоящемъ комфортѣ жизни, несмотря на средства и достатки. За то куда какъ много есть крупной, но извивающей за откровенность,—дико шляхетской слѣсил!.. И это сказывается какъ-то невольна, само-собою, съ перваго разу, съ перваго взгляда!

— То-есть, въ чемъ, напримѣръ? нѣсколько нахмурился Свитка.

— Во всемъ-съ! подтвердилъ Хвалынецъ:— не говорю уже о мерзуръ сельской простотѣ этого сломягаго паллаца, ю эти Вато, Вувермааны, Верне рядомъ со страшными судами и могилами Наполеона, эти севры и саксы рядомъ съ крыжками и рваными грязными салфетками, эти гербовыя лавреи съ запахами и смазными саложницами,— все это, батюшка мой, какъ хотите, выходитъ магнатскія претензіи съ прорѣхами.

На этихъ словахъ, Свитка вдругъ погасилъ свѣчку и со словами:— „ну прощайте однако я спать хочу!“ рѣшительно перевернулся на другой бокъ, лицомъ къ стѣнкѣ.

Хвалынецу показалось что пріятель остался какъ будто не совсемъ-то доволенъ его откровеннымъ и столь обильнымъ самоизмѣненіемъ. Онъ и самъ сознавалъ что увлекшись откровенностію оказалъ быть-можетъ нѣсколько лишняго, нѣсколько такого чего бы человѣку находящемуся въ чужомъ мѣстѣ, подъ чужою, національно враждебною, но столь назойливо гостепріимною кровлею, не слѣдовало бы вовсе высказывать, но... въ то же время онъ чувствовалъ что нѣсколько рюмокъ разныхъ вишнѣвокъ, малинѣвокъ, помаранчѣвокъ и прочаго невольнаго развязали языкъ его.

...„И чертъ его знаетъ что оно такое!“ думается Хвалынецу, мысль котораго сама собою все возвращалась къ предмету только-что оконченнаго откровеннаго изліянія: — „это вѣдь не слѣсивая голь, не наслѣдіе донъ-Сезара де-Базакъ и вѣдь не прорѣхи бѣдности, — нѣтъ, напротивъ! тутъ во всемъ виденъ достатокъ, видны хорошія средства; но это просто неумѣніе жить, незнакомство съ порядочностію жизни, съ комфортомъ, съ гармоническимъ соответствіемъ житейской обстановки; тутъ просто отсутствіе порядочныхъ привычекъ, просто нравственное захолаустье какое-то и прирожденное свиначество, которое въѣлось въ плоть и кровь и стало достолюбезнымъ!“

И вотъ при всѣхъ этихъ мысляхъ и впечатлѣніяхъ, Хвалынецъ опять и опять-таки долженъ былъ сознаться что хваленая Литва пока еще ровно ни въ чемъ не показалась ему привлекательною.

„Или ужъ я самъ такой закоренѣлый Русакъ, и все мнѣ это, значитъ, чужое, подумалось вдругъ ему:— или у меня ужъ такое скверное расположеніе духа за всѣ эти дни, или... или ужъ я и не знаю, наконецъ, что это такое!.. Знаю только одно

что все это мнѣ крайне не по душѣ, но... вѣдь я-то самъ, я вѣдь съ ними, я вѣдь за нихъ... Что же въ нихъ есть хорошаго?.. Что?"

„Цезарина!“ въ отвѣтъ на этотъ вопросъ подшепнуло ему какое-то глубоко-затаившееся чувство—и яркій, красивый образъ польской женщины, на нѣсколько мгновеній слова всталъ, со всѣмъ своимъ обаянiемъ, предъ его нравственными очами.....

V. Szkołka dla dzieci wiejskich.

Эту надпись прочелъ Хвалынцевъ на доскѣ надъ крылечкомъ небольшого домика, куда на другое утро повелъ его и Свитку обязательный павъ Котырло. Предъ этимъ они только-что осмотрѣли хозяйственные постройки, сараи, конюшни и птичникъ, скотный дворъ, винокурню, овчарню, псарню, мельницу, и гости не могли не замѣтить что на всемъ этомъ хозяйствѣ лежала печать прочнаго, солидно-помѣщичьяго благосостоянiя. Особенно понравились Хвалынцеву совсѣмъ почти незнакомыя въ Великороссiи красивыя и вѣковѣчная постройки сараевъ изъ полеваго булыжнаго камня, округленнаго надежнымъ цементомъ. Контрастъ между „паладомъ сломянымъ“, какъ личнымъ обиталищемъ пана Котырло, и всѣми этими хозяйственными заведенiями, расположенными хотя и хаотично, но за то построенными вполнѣ солидно, прочно, хозяйственно и прекрасно, не могъ не броситься невольно, самъ собою въ глаза его гостямъ. Павъ Котырло хотѣлъ что называется товаръ лицомъ показать, и потому произведши уже на гостей прiятное впечатлѣнiе своимъ матеріальнымъ благосостоянiемъ, намѣревался теперь поразить ихъ заботами о нравственномъ и умственномъ благосостоянiи своихъ „подданныхъ“ и потому-то напослѣдокъ уже привелъ ихъ въ устроенную имъ сельскую школу.

Когда они вошли туда, тамъ уже кишѣла какъ будто нарочно собранная на показъ толпа ребятшекъ, человекъ до тридцати, въ присутствiи сельскаго ксендза,—и учитель ихъ мѣстный костельный органистъ, въ наипочтительнѣйшемъ согбенiи, подошелъ къ ясновельможному пану и облобызалъ его руку; ксендзъ же, которому была протянута рука, слегка облобызалъ панское плечо, за что былъ награжденъ мимолетнымъ небрежнымъ поцѣлуемъ въ високъ. Вообще на поцѣлуи

в руку и в плечо ланъ не изъясилъ ни малѣйшаго сопротивленія, изъ чего Хвалынцевъ справедливо заключилъ что эти лобызанія тутъ—дѣло обычное. Ребятишки тоже было бросались подобострастно цѣловать, но уже не руку, а только нолу ланскаго плаыто; однако процедура эта, вѣроятно, показалась лану слишкомъ продолжительною, и потому онъ всѣхъ ихъ протналъ на мѣста, явно желая впрочемъ обнаружить при этомъ отеческую ласковость тона.

Наружность школьной комнаты сдѣлала на Хвалынцева очень благопріятное впечатлѣніе: отсутствіе всякаго сора на полу, чистота стѣнъ, шкафчикъ съ книжками, нѣсколько простыхъ длинныхъ столовъ со скамейками, на стѣнахъ литографическія изображенія изъ Евангелія и изъ Библии, въ родѣ исторій блуднаго сына, Іова многострадальнаго, Іудеи отрубавшей голову нечестивому царю Олоферну, Фараона гибнущаго отъ войсковъ въ лучинахъ морской, десяти казней египетскихъ и прочаго въ родѣ назидающемъ и устрашающемъ. Затѣмъ тутъ же висѣли таблицы съ портретами „крулей польскихъ“, портреты Костюшки, Собіескаго, Понятовскаго и Мицкевича, а въ переднемъ углу нѣсколько образовъ, между которыми, кромѣ Ченстоховской и Остробрамской, красовались „свѣнты Станиславъ патронъ Польскей, свѣнты Казимержъ патронъ Литвы и свѣнты Юзефъ патронъ Руса“. У входной двери на стѣнѣ было повѣшено маленькое распятіе съ раковинкой—„кршестельничкой“, въ которую была налита вода святая, дабы каждый входящій, буде онъ только добрый католикъ, могъ бы омочить въ нее конецъ большого плаыда и отворить крестное знаменіе. Все это, какъ нельзя болѣе гармонируя одно другому, вполне соответствовало лонатию о самой образцовой, самой благоустроенной сельской школѣ. Но особенное вниманіе Хвалынцева остановили на себѣ надписи вдоль стѣнныхъ карнизовъ, одѣланные по печатному черными крупными литерами. Эти надписи, въ родѣ краткихъ молитвъ, гласили, конечно по-польски: „Боже, свѣтлуйся надъ нами!“ „Боже, избавь отчизну!“ и далѣе въ подобномъ же духѣ.

Соображая видѣнное и осматрѣнное въ это утро, и особенно глядя на эту „школку“, Хвалынцевъ очень горько укорялъ себя въ душѣ за скороспѣлость сдѣланныхъ имъ вчера заключеній о „свинаячествѣ“ домашней обстановки и жизни лана Котырао: „Если тамъ и есть это свинаячество, подумалось

ему: за то здѣсь какое благоустройство! за то въ каждомъ порядкѣ все хозяйство!" и онъ преисполнился въ душѣ некотораго уваженія къ создателю того и другаго и съ непритворнымъ удивленіемъ высказалъ ему что не ожидалъ встрѣтить ничего подобнаго и что сельскимъ школамъ „у насъ, въ Россіи“, далеко до такого образцоваго устройства.

Это замѣчаніе прошло некоторый отраднѣйшій слѣдъ на сердце папа Котырло, который съ подобающею самодевольною скромностью отвѣтилъ что радъ всегда, по силѣ возможности, служить народу.

— Оно хоть и въ клерикальномъ духѣ немножко, прибавилъ онъ, какъ бы извиняясь передъ Хвалынецвымъ, лишь только замѣтилъ что тотъ обратилъ особенное вниманіе на стѣнныя надписи: но кто знаетъ нашъ Литовскій народъ, тотъ знаетъ что для него это всего необходимаго.

„Павъ органиста“, руководимый отчасти ксеназомъ, сталъ показывать свою педагогическую дѣятельность и успѣхи своихъ школьничковъ. Прежде всего онъ заставлялъ ихъ слыть всѣмъ хоромъ, на костельный ладъ, какое-то величаніе и благодареніе благодѣтельному и „найяснѣйшиму“ оцу и папу Котырло за всѣ его великія милости и заботы. Потомъ некоторымъ изъ школьничковъ писали цифирь на доскѣ, а некоторые читали по своимъ букварямъ. Хвалынецвъ побужденъ былъ заглянуть въ одинъ изъ нихъ и очень удивился въ душѣ увидя что русскій языкъ, то-есть мѣстный белорусскій говоръ, на которомъ въ этомъ букварѣ были составлены некоторые изрѣченія и правила, изображается вдругъ латинско-польскими буквами. На первый разъ это показалось ему нѣсколько страннымъ, потому что, казалось бы, и естественно, и проще русскую рѣчь изображать и русскою грамотою, но спутникъ и менторъ его, очень хорошо угадавъ по выраженію лица мысль своего Телемака, предупредилъ его минутное недоумѣніе своимъ разъясненіемъ.

— Что вы смотрите на букварь? съ улыбкой спросилъ онъ въ поаголоса, въ то время какъ вниманіе Котырло и прочихъ было отвлечено отвѣтами учениковъ:—вѣрно что онъ польски?

— Да, кивнулъ ему Хвалынецвъ.

— О, это вполне понятно, если вы возьмете въ соображеніе ту непримиримую антипатію которую чувствуетъ здѣшній народъ ко всему „москвѣскому“. Эта антипатія, повѣрьте

теми, простирается даже и на шрифтъ московскій, и по рускому букварю оны вамъ ни за что не станутъ учаться!

Цацъ Котыро видимо развеселенный и удовольствованный нечеловѣчнѣмъ сдѣланнымъ на гостей его школой и успѣхами школьничковъ, заговорилъ, pour la bonne bouche, показавъ степень ихъ бойкости и развитія.

— А ну бо, хлопцы! возвысимъ оны голосъ (съ крестьянами и школьниками Котыро изъяснялся мѣстами говоромъ)— Кто скаже мнѣ царь вѣрши? Ну, ты! обратися оны къ одному мальчугану изъ тѣхъ что были побойчѣе видимо,— декламу мнѣ вѣрши! „Гуторку двоихъ сосѣдувъ“ вѣшь?

— Вѣшь, пане! бойко вскочилъ мальчуганъ съ мѣста.

— Ну, декламу! А мы послушаемъ! Они у насъ и это умѣютъ! Вы не думайте! обратися оны къ Хвалынцеву.

Мальчишка торопливо и монотонно, какъ заданный урокъ, сталъ говорить стихи, видимо стараясь не обиться:

Мой соколку сусѣде,
Муси конецъ свѣта будде,
Бо вже надто царъ гудде
И людей, акъ пеувъ, стрѣде.
Чуваць, што въ русской губерни,
Гдѣсь народъ аму бывъ вѣрмый,
Дѣсяць тысячъ разотрѣлал,
За то што правды искали.

— Ну ты, далѣй! ткнулъ Котыро пальцемъ на слѣдующаго мальчугана.

Тотъ сразу подхватилъ гораздо бойче своего предшественника:

А въ Варшавѣ всѣ касцюлы,
Наветъ усѣ жидувски школы,
Ободрали, обокрали,
И людъ въ касцюлувъ забрали
Дай въ мезолю засадили,
Кабъ большъ Бога не хвацали.

— Добрже, хлопче! добрже! перебилъ его Котыро, видимо довольный и потрелавъ хлопца по щекѣ въ знакъ своего высшего ланскаго одобренія.

Оны не оставилъ безъ подобнаго же благоволенія и остальныхъ хлопцовъ, которые успѣли отличиться такъ или иначе жѣль посѣтителами, а въ знакъ высшей награды, роздалъ

Даже.

вить нѣсколько колѣтекъ и позволялъ облобызывать свою руку. Мальчики жадно цѣловали протянутую имъ лавскую длань, но еще жаднѣе прятали себѣ за пазуху только-что полученныя колѣтики. Последнія, какъ видно, составляли для нихъ лучшее поощреніе чтобы заучивать наизусть подобныя „вѣрши“.

— Это, конечно, только такъ.... одинъ лишь шутки, шутки,— вы понимаете! обратился Котыро къ Хвалынцеву, на счетъ стиховъ, такимъ добродушно пріятельскимъ тономъ въ которомъ сказывалась какъ бы просьба о снисхожденіи и оправданіи себя въ столь невинной забавѣ:—Но.... знаете, это воспринимается... вкореняется.... Это шутки.... и онѣ межъ тѣмъ возбуждаютъ духъ.... духъ, вы понимаете!... Какъ хотите, а мы все-таки дѣти Ржечи Посполитой, и этого намъ забыть невозможно—никогда и никому, отъ перваго магната до послѣдняго хлопа!

Хвалынцевъ сочувственно кивнулъ головой, въ подтвержденіе того что онъ дѣйствительно понимает; но, въ сущности въ голову его засѣло новое сомнѣніе, вызванное опять-таки новымъ противорѣчіемъ. Да и въ самомъ дѣлѣ какъ же это такъ? Вчера въ корчмѣ отцы этихъ дѣтей, въ пріятельской откровенной бесѣдѣ, съ теплотою, живою благодарностью поминуютъ Царя за недавнюю волю, а здѣсь вотъ, въ школѣ дѣти этихъ самыхъ отцовъ, подъ ферулой пана Котыро, ксендза и пана органисты, поютъ про того же царя возмутительныя лѣсны.

„Конечно, пропаганда“, успокоивалъ себя Хвалынцевъ: — „Это все попятно какъ необходимость со стороны пропаганды, но....“

Въ этомъ-то „но“ и явилася такой камень преткновенія, къ кой-то рифу, коварно и предательски скрытый подъ гладкою текущею поверхностью воды, въ пропагандѣ направленной и добнымъ образомъ со стороны помѣщика, шляхетнаго пана „чуть не магната“, смутно и почти инстинктивно слышала Хвалынцеву какая-то ложь, неискренность, задняя, фальшивая мысль, какой-то разладъ между лицевою стороною дѣла и ея подкладкой, между жизнью и пропагандой. Но въ чемъ именно кроется этотъ разладъ, эта затаенная фальшь и неискренность Хвалынцевъ пока еще не могъ объяснить, не умѣлъ дать обьясненія. Онъ только вдругъ сталъ чувствовать что тутъ все это дѣло, кажись, не совсѣмъ-то ладно и не совсѣмъ

такъ выходить какъ его увѣряли, да и теперь еще вслѣдъ стараются увѣрить.

Потомъ... потомъ и еще одно не могло не броситься въ глаза: хозяйство пана Котырло такъ благоустроено, и школа; его такая прекрасная и такъ заботится оъ, повидимому, о умственной и нравственной пищѣ этихъ ребятишекъ, хотя еще въ корчмѣ вчера и сильно-таки поругивали его (ну, да, впрочемъ, темный народъ эти отцы!), но вотъ что грустно: зачѣмъ эти мальчишки, то-есть бóльшая часть изъ нихъ, на видѣ такіе все хилые, болѣзненно-блѣдные, словно заморенные? Зачѣмъ по крайней мѣрѣ двѣ трети изъ нихъ въ эту прекрасную филантропическую школу являются не то что въ сапогахъ или въ берестяныхъ лалотинкахъ, а чисто-на-чисто босикомъ, по холодной ноябрьской грязи и слякоти, и въ одѣты простотами въ заплаткахъ, въ оборышкахъ, въ нищенскихъ рубищахъ? Отчего это такъ? Отчего этотъ панъ Котырло, столь богатый, столь гуманно лекущійся о развитіи своихъ хлопковъ, которые чуть не вчера еще были его „подданными“, не похлопалъ раньше хоть немножко о томъ чтобы крѣпостные его въ рубищахъ не щеголяли? Неужели же и въ этомъ все тотъ же „ржонакъ московскій“ причинень и повинень?

VI. Маленькій опытъ саянія съ народомъ.

Прибѣжавъ запыхавшійся казачокъ и объявилъ что гости идутъ Панъ Котырло заторопился на встрѣчу этимъ новымъ гостямъ.

По тополевой аллеѣ, шибкою рысью приближаея шикарный фетовъ, запряженный парой добрыхъ, узкошеихъ и длинноногихъ ковей польской породы. Блестящая упряжь отличалась польско-краковскимъ характеромъ. Кучеръ въ кракускѣ, съ машиной палеринной, съ рядами блестящихъ наборчатыхъ шнуровъ на поясѣ, съ длиннымъ бичомъ въ рукѣ, которымъ онъ рожко и щегольски похлопывалъ, а самъ глядѣлъ молодцомъ и словно бы астоящимъ кракусомъ. Гайдукъ на заплаткахъ, не менѣе молодцовато и какъ бы безпечно, крестомъ на груди сложивъ свои руки, сидѣлъ видимо красуясь своею конфераткой и чамаркой сѣраго сукна съ зеленою оторокой. Онъ даже былъ вооруженъ револьверомъ и охотничьимъ ножомъ на лакированной португелѣ, въ томъ родѣ какъ у послан-

нѣщихъ выѣздныхъ лакеевъ, и такимъ образомъ являлъ собой какъ бы стража и тѣлохранителя своего ланя, который съ сигарою въ зубахъ, въ изящнѣйшемъ парижскомъ костюмѣ, небрежно покатился на эластическихъ подушкахъ своего фавона. Порывавшись съ Котырло, этотъ лань привсталъ въ своемъ экипажѣ и, проносясь мимо, сдѣлалъ манифестацію своею гарибальдийкой, широкимъ размахомъ руки поднимая ее надъ своею тщательно-завитою, расчесанною и каломаженою головою. Судя по вытянутымъ въ мышинные хвостики усымъ, Хвалыцевъ прижалъ было его за характернаго Француза, но по объясненію ланя Котырло, оказалось что это Селлава-Жабчинскій, истинный мировой посредникъ. Сильно набѣленная и на ружейная дама, которая сидѣла подлѣ него, могла бы показаться если не матушкой, то по крайней мѣрѣ почтенною тетушкой этого господина; но оказалось что некрасивая, хотя и желмоющая быть прелестною, особа—ни больше ни меньше какъ богатая супруга лака-посредника, причемъ значительная разница лѣтъ, вѣроятно, не служила помѣхой для ихъ семейнаго счастья.

Фавонъ, сопровождаемый разливистымъ лаемъ собакъ, шарко подкатилъ къ крыльцу сломятаго паллаца. Пяенки ланчики ловыбѣгали на встрѣчу. Ахъ, восклицанія, поцѣлу-словомъ, всѣ радости пріятнѣйшей встрѣчи сопровождали прибытіе этой четы, которая и по состоянію, и по посредничеству положенію пользовалась въ избыткѣ ласкательнымъ вниманіемъ и почетомъ. Тотчасъ появился завтракъ съ неизменною „старою литѣвкой“, и всевозможными вкусовостями домашней кладовой и кухни. А тѣмъ часомъ и еще новые гости подѣхали: лань становой Шпарага и лань Косачъ, земскій засѣдатель. Это конечно были гости не важные, но тѣмъ не мѣнѣ люди нужные и потому отказу въ любезностяхъ для нихъ тоже не было, хотя лань Котырло, какъ родовитый, состоятельный шляхтичъ, бывшій „маршалокъ“ и „чуть не магнатъ“ держалъ себя предъ Шпарагой и Косачемъ съ замѣтнымъ тѣнкомъ благосклоннаго къ нимъ достоинства.

Послѣ завтрака кракузь-кучеръ отпргншій уже было коней и занявшійся въ людской пріятною лодькой тютуну въ менѣ пріятной бесѣдѣ, вдругъ былъ потревоженъ очень саднымъ приказаніемъ снова закладывать коней въ фавонъ живѣ подкатывать къ крыльцу.

Лань Котырло очень оживленно и даже не безъ громкаго

хотѣ разговаривать о чемъ-то съ посредникомъ въ своемъ кабинетѣ. О чемъ они между собою разговаривали Хваланцевъ конечно не зналъ, но самъ какъ выходя изъ кабинета Котарло со свѣжомъ пойманя лачами говорилъ посреднику:

— А всежъ то гаупство, мой лаше! то южъ надто! *

— Ну, ну, ничего! Такъ надо! Вдемъ, вдемъ! поощрительно показывая его свѣрка по рукѣ около плеча, уговаривая посредника.

Они въ фазтонъ и поѣхали.

— Куда это они? подумалъ Хваланцевъ, глядя въ окно на отъѣзжавшій экипажъ.

Часа черезъ два они вернулись, а къ этому времени подъѣхали еще двое гостей — двое помѣщиковъ солиднаго, старосвѣтскаго покроя, панъ Хомчевскій, стрѣлокъ и латинистъ, и панъ Прындиць.

— Ну, лавове, потѣха! съ громкимъ свѣжомъ встѣлъ въ залу посредникъ; давно ужъ такой потѣхи не видалъ!

— А что? А что такое? оживленно обступили гости шедшихъ.

— Шахотный панъ-маршалокъ дѣлалъ визиты своимъ хлопамъ! торжественно пояснилъ Селанъ, указывая на Котарло шутливо-церемоніальнымъ рекомендательнымъ жестомъ.

— Ну, вотъ! Самъ же потащилъ меня! съ полусмущенною улыбкой оправдывался маршалокъ, который хотя уже и не былъ маршалкомъ, однако всѣми безъ исключенія титуловался этимъ прозваніемъ въ силу стараго польскаго обычая гдѣ бывало достаточно человѣку разъ побыть чѣмъ-нибудь отъ маршала до „вознаго“ чтобы потомъ уже на всю свою жизнь серьезно титуловаться лавомъ маршалкомъ или лавомъ „возынгъ.“ *

— Хлопамъ.... Визиты хлопамъ! выпучилъ глаза панъ Прындиць, который былъ просто себѣ панъ старожитный. Онъ весь былъ повергнутъ въ лучшую неслезаннаго изумленія, тогда какъ панъ Хомчевскій улыбки своею выражалъ явное недовѣріе:—шутить-молъ, братъ, знаемъ!

— А ей-Богу же правда! Выготъ дѣлалъ! подтвердилъ посредникъ:—То-есть по всѣмъ наиболѣе вліятельнымъ и бога-

* Сашкомъ, черезчуръ.

** Возный — мекая должность въ старыхъ польскихъ судахъ въ родѣ пристава.

тымъ, ну и къ двумъ тоже самымъ бѣднымъ и ничтожнымъ, для уравновѣшенія.

— Да за какимъ дьяволомъ, съ позволенія сказать, понадобилось вамъ дѣлать визиты къ хлопамъ? развеъ руками недоумывающій старожитный гость: — Развѣ они понимаютъ шляхетное обращеніе?

— О, ретроградъ! съ комическимъ ужасомъ, качая головой, воскликнулъ посредникъ: — „За какимъ дьяволомъ!“ А я бы посоветовалъ и вамъ-то поскорѣй вѣзаться за умъ! Это не лишнее и въ свое время, повѣрьте мнѣ, очень можетъ пригодиться! Политиковать, такъ ужь политиковать, мой лане! Вы думаете это наше изобрѣтеніе, или что мы одни такъ дѣлаемъ? извините-съ! Магнаты, князья, графы и тѣ не гнушаются! Почитайте-ка, да послушайте-ка что дѣлается на Волынѣ! Вотъ съ кого примѣръ брать надо, если мы добрые патриоты!

— Ну, да! А самъ говорить: „потѣха“! кивнулъ на вѣдо головой Хомчевскій.

— А что жь, и дѣйствительно потѣха! Только потѣха не въ томъ что мы дѣлали визиты, а въ томъ какъ они эти визиты привимаали!

Всѣмъ затѣмъ ланъ Селява-Жабчинскій очень юмористично, обращаясь преимущественно къ дамамъ, разказалъ какъ они съ ланомъ Котыромъ, чуть не каждый разъ отукаеаь объ визкія притолки дверей, входили въ эти противныя хаты, какъ пожимали руку хлопъ, какъ разсаживались на лавкѣ, словно въ великосвѣтской гостиной, и приглашали хлота садиться рядомъ съ соборю, но гаулый хлопъ только кланялся, да все пятлся отъ нихъ подальше, либо къ леукѣ, либо къ двери; какъ они спрашивали о томъ: „все ли онъ въ добромъ здоровьи? Какъ поживаетъ его супруга? Что дѣтки подѣлываютъ? Хорошо ли идетъ хозяйство и пр.“; какъ объясняли ему что теперь онъ такой же ланъ какъ и они, такой же гражданная равноправный, и что они, молъ, воѣ вмѣстѣ, безъ всякихъ различій, одинъ и тотъ же народъ, одни и тѣ же дѣти общей матери Польши, а гаулый хлопъ, все-таки съ непривычки же на первый разъ, только глазами хлопалъ, да кланялся учащенно.

Впрочемъ, ничего! доброе начало положено! А тамъ все пойдетъ уже само собою! утѣшался либерально-шляхетный посредникъ.

Слушатели съ живымъ участіемъ внимаали веселому разказу который очень часто прерывался неудержимымъ смѣхомъ.

Хвалынцевъ, хотя и не влодѣ еще понималъ по-польски, но и-таки повялъ всю сущность разказа. Сначала онъ, по нѣ-которому малодушію, изъ чувства условнаго приличія относи-тельно гостепріимныхъ хозяевъ которые такъ искренно и такъ сердво хохотали, тоже состроилъ было нѣчто въ родѣ смѣю-щейся гримасы, но потомъ, почувствовать весь смыслъ лав-каго надѣвательства, онъ ощутилъ въ душѣ присутствіе нѣ-котораго злобнаго настроенія. Ему стало не то гадко, не то больно отъ этого циническаго насмѣханья іезуитскаго лице-тврія которое побудило либеральныхъ намовъ дѣлать визиты, обещавать и толковать о славніи и равноправности со сво-ими такими хлопамъ которыхъ эти господа столь глубоко и столь шакетно презирають.

„Нѣтъ! тутъ олять-таки что-то не то! Олять-таки фальшь кака-то!“ подумалось ему слова, и олять въ душѣ защемила боля вельсаго сомнѣнья.

VI. За стѣной.

Деревенскій помѣщичій день проходитъ, главнѣйшимъ обра-зомъ, въ ѣдѣ, и ѣдой же подраздѣляется на части: отъ чая до закуски, отъ закуски до завтрака, отъ завтрака до новой закуски, а тамъ до обѣда, до лакомства разными вареньями и салостями, до чая, до ужина послѣ котораго эта раститель-ная жизнь завершается своимъ богатырскимъ на мягкихъ пе-ривагъ.

Въ теченіи всего утра садующаго дня Хвалынцевъ вдосталь находилъ и внасмотрѣлся на всевозможныя хозяйственныя у-чрежденія лавы Котырао, такъ что не грѣхъ было и устать, а потому послѣ сытаго и, по обыкновенію, польски жирнаго обѣда, ему стало-таки уамбаться заманчивая мысль: пойти и прилечь на мочокъ. Онъ отправился въ отдѣльный флигелекъ, гдѣ еще со перашаго вечера для него и Свитки была отведена комна-та и гдѣ постоянно помѣщалась контора лавы Котырао, въ которой, какъ бы нѣкоемъ центральномъ министерствѣ, сосре-оточивалось управленіе всеми сельскими и акономическими дѣлами. Комната занимаемая Хвалынцевымъ отдѣлялась отъ той конторы одною лишь тонкою досчатою перегородкой

которая впрочемъ доходила вплоть до потолка, но изобилова достаточнымъ количествомъ щелей между досками, и эти щели, волею-неволею, давали полную возможность отчасти видѣть и въ совершенствѣ слышать все что происходитъ за стѣной.

Хвалынецевъ, питая въ душѣ сладкую надежду на послѣбодняный сонъ, нарочно постарался уйти никѣмъ не замѣченны изъ опасенія чтобы палежки такъ или иначе не завладѣли его особой, а паче всего не вздумали бы затѣять какія-нибудь *petits jeux*, или засадить его за разбитыя клавикорды. Маневр ему удался, и потому, пробравшись черезъ дворъ въ свою комнату, онъ спустился на окошкѣ мату, очень искусно сплетенную изъ соломы домохозяйною работою, устроилъ въ комнатную полную темноту, улегся самымъ удобнымъ образомъ и тотчас же заснулъ. Но не прошло и полчаса какъ оквозъ сонъ д него стали долетать отзвуки какого-то говора которые наконецъ-таки и разбудили его. Говорили за стѣной въ конторѣ Хвалынецевъ перевернулся на другой бокъ и зажмурилъ глаза въ надеждѣ заснуть вторично; не тутъ-то было, застѣнные разговоры принимаютъ все болѣе и болѣе оживленнаго характера и Хвалынецевъ, хочешь не хочешь, поневолѣ долженъ слушать ихъ. Тѣмъ не менѣе надежда на сонъ пока еще не окончателно его оставила: онъ всячески старался уснуть, не обращая вниманія на говоръ, но черезъ нѣсколько минутъ, съ досадою въ душѣ, долженъ былъ оставить свои пріятныя надежды.

За стѣной очень явственно можно было различить голоса мирового посредника, самого лава Котырао и нѣсколькихъ крестьянъ. Что это голоса крестьянскіе, Хвалынецевъ сразу угадавъ по тому сдавленному, гортанному звуку голоса которыми обыкновенно говорятъ слабогрудые люди и который слышать однимъ изъ характеристичныхъ признаковъ бѣлорускаго крестьянина. И помѣщикъ, и посредникъ совокупными усилиями старались, повидимому, въ чемъ-то убѣдить призванныхъ хлопозъ и относились къ нимъ необыкновенно мягкимъ, ласковымъ, вразумляющимъ тономъ. Съ мужиками разговоръ ихъ шелъ на томъ смѣшанномъ, не то польскомъ, не то бѣлорусскомъ, нарѣчій, продуктѣ чуть ли не мѣстнаго изобрѣтенія самихъ же лавозъ для объясненій съ ихъ хлопозами. Покрайней мѣрѣ польскій лавъ никогда не объясняется съ бѣлорусскимъ крестьяниномъ ни на чистомъ польскомъ языкѣ какъ на несомнѣмъ полатыномъ для Бѣлоруса, ни на мѣстномъ нарѣчій, искони почитаемомъ „хлолокимъ“, то-есть университетъ

нше для швахотнаго лава; поэтому житѣйская практика лавовъ выработала здѣсь эту среднепропорціонаальную мѣшанину.

Хвалынецъ, слушая по неволѣ, вскорѣ сталъ догадываться и разувѣтъ о чемъ именно идетъ дѣло за стѣной. Мирной посредникъ вмѣстѣ съ лавомъ Котырло вполнѣ старался втолковать мужикамъ что если они желаютъ на будущее время остаться крестьянами и получить на выкупъ ту самую землю которую они искони и по сей день пользуютса, то „по закону“ имъ придется платитъ въ годъ по сорока рублей серебромъ за участокъ; но что помѣщикъ, лавъ Котырло, „отъ своей ласки лавской“, отъ всего чистаго своего сердца желаетъ имъ, хлопамъ, отдавать добро за всю ихъ вѣрную службу, а потому великодушно соглашается отдать имъ ту самую землю на аренду по двадцати рублей въ годъ за участокъ; но согласіе свое на это даетъ въ томъ только случаѣ если они изъ крестьянъ перейдутъ въ дворовые, а этотъ переходъ въ дворовые будетъ для нихъ очень выгоденъ въ томъ отношеніи что они де, будучи дворовыми, будутъ пользоваться льготой и отъ платежа податей, и отъ рекрутчины, и что все это въ высшей степени благотѣльное для нихъ дѣло есть такой нустакъ въ сущности, что отойтъ лишь имъ, хлопамъ, не теряя золотого времени, сейчасъ же подписать добровольный актъ что они де отказываются отъ своихъ правъ на выкупъ ихъ участковъ, а оставляютъ тѣ участки у себя въ арендѣ—вотъ и все! А ужъ перечисленіе ихъ въ дворовые совершится самымъ законнымъ путемъ, и это де не такая уже забота, такъ какъ самъ лавъ Котырло съ лавомъ посредникомъ постараются объ этомъ, но что во всякомъ случаѣ дворовымъ быть и гораздо почетнѣе, и гораздо выгоднѣе чѣмъ крестьяниномъ, и что лавъ Котырло единственно изъ своей ласки лавской, изъ великодушія, для ихъ же добра предлагаетъ имъ такую прекрасную отдачу.

„Ми... не дураю, думаетъ про себя Хвалынецъ:—у лавъ Котырло, какъ видно, губа-то не дура. Двадцать рублей вмѣсто сорока, аренда вмѣсто выкупа, а въ результатѣ, на дѣйствительномъ-то фактѣ, одно лишь круглое обезземеленье хлопа... И въ то же время гуманная школа, гуманное „саіяннѣ“, мысли къ хлопамъ, высокія идеи о вольной ойчизнѣ, да что въ это, однако! И неужели тѣ не поймутъ и соглашаются?“

Однако же васы, насколько можно было предположить

себѣ за стѣною, стали мяться и почесываться, выказывая радумчивую нерѣшительность.

— А вы, паночку, кажеце што павинымъ мы по сорокъ рублей на годъ за кусокъ земли плаццѣ? помышалося наконецъ одинъ неувѣренный голосъ.

Посредникъ подтвердилъ что если на выкупъ, то „по закону“ надо будетъ по сорока.

— А не прогнѣвайтесь, ясневельможный! продолжалъ несмысленной другой голосокъ:—бо мы цемны людъ, може штой не арозумѣли. А кабъ азадъ намъ, по акому закону?

Посредникъ нѣсколько замаялся и пояснилъ что „по закону“ то-есть собственно значить по уставной грамотѣ.

Хлопы слова зачесали въ затыкахъ и раздумчиво потупились.

— Алезь она ще ѣ не цыгатована, ще ѣ не подписана грамотой? зэмѣтилъ кто-то изъ хлоповъ.

— А, муѣ коханы! Алезь то ашистка рунне! ласково сталъ убѣждать посредникъ:—не подписано теразъ, ну, усе равно, завтра, чи на послѣ завтра подпишемъ, громада же безъ мава уса сгодывалъ, лечьбы на отчетъ выгона да лѣсовыхъ укосовъ сгодиться бы, а то и скончано!

— Але! подтвердилъ нѣкоторые хлопы.

И посредникъ вмѣстѣ съ паномъ снова принялись убѣждать неподатливыхъ хлоповъ, и изображать имъ въ самыхъ привлекательныхъ краскахъ всю сласть, всю выгоду, весь почетъ перехода изъ крестьянства въ дворовые, причемъ главное что не сорокъ, а двадцать толькы, всего на всего двадцать рублей платить придется!

Крестьяне все еще раздумывали, покракивали, потапывались съ нога на ногу и тулили глаза да головы въ землю.

— А може ѣ тамъ, не прогнѣвайтесь, паночку ясневельможный! заговорилъ наконецъ одинъ изъ нихъ:— може мой такій дурын розумъ, а я себѣ мыслю такъ што... ну, добро жъ: целерь мы перемѣнимся съ хлоповъ на дворовыи, а потомъ намъ уже ѣ невольно будзе съ дворовыхъ тай снова на хресцѣль абернутца. То кажу, такъ?

— А то такъ, такъ! подтвердилъ и панъ, и посредникъ.

— Ну, лехай такъ! И я мыслю сабѣ, што должно быць такъ! А цалерь, панъ, маѣ говориць, кабъ а за двадцѣтъ рублей славъ на аренду мой кусокъ земли; ну, гето такъ для мене гожо. А може ѣ тамъ, потомъ, чрезъ сколько времени, панъ мѣѣ ска-

ить: невольно больше за двадцать, а пави напередъ тридцать, али сорокъ рубаей, коли хочешь арендовать, а не те, даке, вонъ пошоль! Ну, и што жь тогда мнѣ будзе, безъ зям-и, безъ усяво?

И павъ, и посредникъ необычайно поспѣшили возмутиться такимъ невѣроятнымъ и коварнымъ предположеніемъ. Салаи-Жабчинскій признался увѣрить что это вовсе невозможно что ихъ павъ, павъ Котырао, такой добрый, такой честный, благородный, великодушный человекъ что онъ не то что не захочетъ, а и не подумаетъ никогда сдѣлать со своимъ вѣрнымъ и добрымъ хлопкомъ подобную мерзость. Павъ Котырао со своей стороны клялся и божился что никогда ничего такого и быть не можетъ. Онъ горячо увѣрялъ что любить своихъ хлоповъ, и что только изъ чистосердечнаго искренняго желанія добра для нихъ же, дуракова, дѣлаетъ имъ столь выгодное предложеніе, что онъ даже не ожидаетъ отъ нихъ за всю свою искренность и павскую ласку такого обиднаго, оскорбительнаго предположенія, что онъ всегда желалъ быть для нихъ „какъ павъ отецъ“ и думалъ что и они до него тоже „какъ добры дѣти“, а вмѣсто того... Павъ Котырао „де-калябвалъ“ все это не безъ горячаго увлеченія, и при томъ столь огорченными, даже оскорбленными отечески-ласковымъ тономъ! А павъ посредникъ тотчасъ же, подмѣтя въ павѣ Котырао эту огорченную струнку, груство сталъ укорять неблагодарныхъ хлоповъ, что какъ же, молъ, имъ не стыдно и не совѣстно, и какъ даже предъ Богомъ не грѣшно, въ отплату за всю павскую ласку, за всю любовь и заботу павскую, за всѣ попеченія объ ихнемъ же хлопскомъ благѣ, платить ему такимъ обиднымъ недовѣріемъ, что имъ де сѣдуетъ показаться, просить у павы прощенія, просить его о позволеніи поцѣловать руку павскую и закончилъ тѣмъ что павъ Котырао по добротѣ своей вѣрно не откажется простить ихъ, и въ знакъ примиренія, велитъ поднести имъ по доброму „кручку * павской вудки“.

Добродѣтельный павъ, въ знакъ того что у него мягкое, мезопамятное сердце, тотчасъ же распорядился послать за вѣдкой своего конторщика, пана Михала, и павъ Михалъ немедленно явиться съ цѣлымъ двухведернымъ боченкомъ. Обсorbленный помѣщикъ, въ своемъ присутствіи, приказалъ

* Кручокъ—шкаликъ.

лану Михаилу угощать оскорбителей-хлоповъ, прибавя совадомъ что въ „такое время“ онъ не желаетъ чтобы между имъ и хлопами оставалось какое-нибудь зло и недоразумѣнiе, и что онъ охотно имъ все прощаетъ и забываетъ.

Хвалынцевъ слышалъ какъ забулькала изъ боченка хмѣльная влага, и ошибающій сивушный запахъ тотчасъ же достигъ до его обонянія сквозь узкія щели перегородки. Заинтересованный всею этою сценой, онъ приподнялся съ подушки заглянулъ въ одну изъ ближайшихъ щелей. У большаго стола разглядѣлъ онъ, сидѣлъ Котырло съ посредникомъ, на котормъ красовалась его золотая цѣпь, и по взволнованнымъ ихъ лицамъ можно было догадаться что ихъ весьма живо и существенно интересуется благопріятный для ихъ желаній и цѣлесообразный исходъ предлагаемой сдѣлки. На столѣ предъ посредникомъ лежалъ начисто переписанный листъ бумаги, по всей вѣроятности актъ добровольнаго отреченія отъ выкупнаго пая. У дверей помѣщалось человѣкъ двадцать хлоповъ, которыхъ въ эту минуту усердно угощалъ водкой паяль конторщикъ, и въ этомъ послѣднемъ Хвалынцевъ оразу же узналъ того самаго двороваго человѣка, въ длинномъ поломѣ сюртука, который вчера въ корчахъ пропагандировалъ хлопамъ желанное восстаніе Польши и прославлялъ неизреченную доброту пая Котырло.

Послѣ перваго кружка паяль былъ столь добръ и ласковъ что разрѣшилъ угостить по второму, а послѣ втораго, ужъ куда ни шло, чтобы произвести цѣлесообразное дѣйствіе— по третьему. По три кружка на брата не замедлили произвести его: блѣдно-болѣзненные, забытые, зачухавыя лица хлоповъ раскраснѣлись, оживились и повеселѣли. Въ томъ ихъ придавленныхъ изнутри тоще-гортанныхъ голосовъ послышалась какая-то расплывающаяся мягкость. Они всѣ поочередно подходили къ лану съ приниженнымъ, согбеннымъ выраженіемъ своей благодарности; кто поспѣшилъ, тотъ цѣловалъ ланскую руку, а кто лоробчѣе, тотъ ограничивался благоговѣно-почтительнымъ лобызаніемъ передней лопы ланской драповой венгерки, щегольски отороченной бѣлыми смушками фигурно расшитой черными шелковыми сурками. Послѣ этой церемоніи, которую паяль Котырло принималъ какъ должное какъ необходимое, съ самымъ невозмутимымъ чувствомъ сознанія своего родового, шляхетнаго превосходства, хлопы заглядѣли межъ собою, а посредникъ еще лучше сталъ расплываться

предъ ними выхваляя льготы быта дворовыхъ людей, которые остаются де такими же крестьянами, при тѣхъ же участкахъ, а главное, за эти соблазнительные двадцать вмѣсто сорока рублей латы. Въ средѣ хлопозъ уже раздавались поддающіеся, сочувственные голоса, и не прошло десяти минутъ какъ согласіе ихъ на сдѣлку было дано, и актъ добровольнаго отказа отъ выкупныхъ надѣловъ подписанъ и скрѣпленъ самымъ надлежащимъ и законнымъ порядкомъ. Такимъ образомъ цѣлая деревня въ двадцать дворовъ, сосѣдная съ мѣстечкомъ, но въ числѣ прочихъ точно также принадлежащая пану Котырло, переходила у него въ состояніе безземельныхъ дворовыхъ. Двадцать прекрасныхъ участковъ, вслѣдствіе добровольныхъ отказовъ лѣвыхъ крестьянъ, становились его полною и неотъемлемою собственностью на вѣки вѣчные. Вмѣстѣ съ этими двадцатью участками было приобрѣтено по крайней мѣрѣ сорокъ безземельныхъ, вполне отъ пана зависимыхъ батраковъ-пролетаріевъ.

Панъ Котырло вздохнулъ свободнымъ, облегченнымъ вздохомъ и отъ нескрываемаго внутренняго удовольствія, потирая свои мягкія полныя руки, разщедрился во вся и приказалъ пану Михалу подвести крестьянамъ, за ихъ покорство и разумность, еще водки по сколько тамъ придется на весь остальной боченокъ.

Хлопы всѣмъ гуртомъ кланялись и благодарили еще разъ за панскую милость и ласку.

Дѣло было кончено, и черезъ нѣсколько минутъ контора опустѣла.

Вся эта сцена сдѣлала на Хвалынцева возмущающее впечатлѣніе. Будучи самъ помѣщикомъ, и едва лишь девять, десять мѣсяцевъ тому назадъ заключа со своими крестьянами добросовѣстный актъ уставной грамоты, онъ не могъ не понять теперь какая гнусная обманная продѣлка кроется подъ великодушіемъ пана Котырло. Оставаясь въ потемкахъ своей комнаты и лежа на сѣнахъ съ заложенными подъ голову руками, онъ невольно погружался въ новое, тяжелое и глубокое раздумье.

VII. Два храма.

На другой день, отъ ранняго утра еще, мѣстечко Червлѣны кишѣло народомъ который сбрался сюда съ разныхъ окрестныхъ деревень, усадѣвъ, фольварковъ и мѣстечекъ по случаю

„Кіермаша“. Червлёнскій костель праздновать свой храмовой праздникъ, а въ Червлёнахъ искони уже съ храмовымъ праздникомъ была неразлучна ярмарка—кіермашъ. Мелкая шляхта въ брчкахъ и телѣжкахъ останавливала лошадей и задавал имъ корму либо на дворѣ у костельной ограды, либо же въ заѣздныхъ домахъ у „пана Якелёвой“ и у „пана Эльки“, а все что на общественной лѣстницѣ стоитъ ниже „дробной шляхты“, какъ напримѣръ войты, пољсѣвщики, сотскіе и деясскіе, да и крестьяне которые позажиточнѣй, все это гуртомъ лѣпилось по корчмамъ которыми въ немаломъ количествѣ изобиловали Червлёны. Окрестные паны пріѣзжали въ крытыхъ нетычаккахъ и въ долотолныхъ коляскахъ, но не иначе какъ въ польской упряжи „съ бичомъ“ и ѣхали, кто познатнѣй или покороче знакомѣй, прямо въ усадьбу къ пану Котырло, а прочіе биткомъ набивались въ двухъ-трехъ „панскихъ“ комнатахъ заѣздныхъ домовъ, гдѣ паны и паненки торопливо переодѣвались въ праздничную, парадную „жалобу“, боясь опоздать къ „набоженьству“, такъ какъ на вышкѣ костельной колокольни давно уже трезвонили въ раскачивающіеся „дзвоны“. Мужики въ бѣлыхъ, начисто выстиранныхъ сорочкахъ и въ новыхъ свиткахъ, бабы съ цвѣтными хустками на головахъ, дѣвки въ лѣбатахъ и въ яркихъ искусственныхъ цвѣтахъ залетенныхъ въ косы, и тѣ и другія съ разноцвѣтными „пацюрками“ на шеяхъ и съ неизмѣнными „шкапёржами“, выставленными нарочно напоказъ, ради щегольства, поверхъ бараньихъ „кожушковъ“ и суконныхъ „сукманцевъ“ перехваченныхъ въ талию, все это и лѣшкомъ, и на возахъ, въ плетельныхъ изъ лозы „лолукошникахъ“, съ разныхъ сторонъ направлялось къ базарной площади, которая сплошь уже заставлена была возами, такъ что почти не было и проходу. Одни изъ нихъ оставались „доглядать“ возы, другіе шли „до косяцїола“, третьи „до церкви“, которая, сгорбившись и покосившись отъ ветхости, тоже благовѣстила себѣ въ убогій колоколашко, гдѣ-то тамъ вдалекѣ, на выѣздѣ изъ мѣстечка около кладбища.

„До пробоца“, точно также какъ и „до пана Котырло“ понаѣхали свои особые гости, во образѣ сосѣднихъ коендзовъ, между которыми еще со вчерашняго вечера уже затесался какой-то странствующій краснорожій бернардинъ, учуявшій нѣкіимъ инстинктомъ предстоящій обѣдъ со старою литовкой и коендзовскими наливками. Странствующій бернардинъ, какъ и

подобаешь смиренна-скудному служителю Божию, не имѣлъ при себѣ ничего кромѣ своей коричневой хламиды да небольшого чемоданчика, набитаго тетрадками проповѣдей, припорошенныхъ ко всевозможнымъ празднествамъ католическаго костела. Съ этимъ чемоданчикомъ, да еще съ запасомъ всевозможныхъ „новѣлокъ“, сплетень и анекдотовъ, онъ обтекалъ мѣръ литовскій, оказывая свои проповѣди и анекдоты, и за то получая отъ ксендзовъ и павовъ временный пріютъ, лакомый кусокъ, а иногда и подводу съ живымъ бараномъ.

Весь проходъ отъ ограды до палерти занять бывъ рядами нищихъ, убогихъ, хромыхъ, горбатыхъ и слѣпыхъ обоого пола, и въ ихъ средѣ голосами разными и воплями дикими раздавался нестройный хоръ всевозможныхъ „кантъчекъ“.

Певны чловѣкъ богаты
 Въ золото, серебро, шкарлаты
 Ядъ, плазъ, тылько танцоваалъ,
 Дзень и ноць бакетоваалъ....

— Павочку! Павенку! Дротѣньки, злочецьки! Хоць грошичекъ на мене бѣднаго канѣкку! При этомъ къ мамондущимъ протягивались десятки рукъ, шалокъ, тарелокъ, и чуть лишь грошикъ попадалъ въ которую изъ нихъ, тотчасъ же мучивались завистливые щилки, тычки, колотушки и ругань въ перемешку съ „павочку, злочецьки! Матка Бѣска!“ и пр.

Тутъ же рядомъ съ нищими ютятся столики и стойки покрытые и завѣшанные чѣтками, крестиками, образками, пестрыми шкалержами, литографіями Честоховской и Остробранской Богоматери, раслятями и прочими предметами подобнаго рода, служащими на религиозныя потребности набожныхъ католиковъ.

Коляска лана Котырао уже дважды подѣвжала къ костелу, подвозя поочередно все его семейство, которое помѣщалось впереди всѣхъ, на особомъ видномъ мѣстѣ, гдѣ на широкомъ коврѣ было поставлено нѣсколько креселъ и стульевъ. Органъ гудѣлъ и гремѣлъ съ высоты хоровъ, и голосъ лана-органисты звучалъ и разливался особенно звонко какими-то праздничными трелями, когда Хвалынцевъ вмѣстѣ со Свиткой вошелъ въ костелъ. Алтарь убраный по праздничному кружевами, букетами фальшивыхъ цвѣтовъ и рядами длинныхъ восковыхъ свѣчъ; по бокамъ главнаго и меньшихъ алтарей позолоченныя и раскрашенныя статуи разныхъ святыхъ, съ харак-

терно-католическими физиономіями, въ какихъ-то изысканныхъ и какъ бы театральныхъ позахъ: воздѣтыя руки и плетивый затылокъ ксендза, облаченнаго въ кружева и въ пестрый коротенькій „брюль“, а по бокамъ его двое кофто-преклоненныхъ мальчиковъ въ „комжахъ“ съ разноцвѣтными лентами на груди и съ провзительными колокольчиками въ рукахъ; по бокамъ окамеекъ и по стѣнамъ ряды разноцвѣтныхъ „хоронги“ въ видѣ знаменъ, все это, увидѣнное въ первый разъ, произвело на Хвалынцева довольно яркое и пріятное впечатлѣніе. Невольно давъ себѣ въ немъ отчетъ, онъ замѣтилъ что все въ этомъ храмѣ разчитано на вѣншній эффектъ, все такъ и бьетъ на зрѣніе, на слухъ, на вѣншнее чувство, и не могъ не сознаться что все это дѣйствительно хорошо и очень красиво, хотя и черезъ-чуръ уже изысканно и декоративно.

Оглядывая молящуюся публику, которая размѣстилась по рядамъ скамеекъ, онъ тоже не могъ не замѣтить что на скамейкахъ этихъ разсылось все что такъ или иначе причисляетъ себя къ крупной и дробной шляхтѣ: крупная шляхта впереди, дробная назадъ; на самыхъ же заднихъ мѣстахъ засѣдали разные официалисты, лакеи, горничныя, псаря, егеря и вообще наиболѣе крупныя личности изъ панскихъ дворень; хлопы же смиренно тѣснились и уже не сидя, а стоя позади всѣхъ избранныхъ и шляхетныхъ, въ полутемномъ пространствѣ подъ хорами. Всѣ эти лавы и лавенки въ красивыхъ и разнообразныхъ жакобахъ, всѣ эти солидные лавы въ смушковыхъ венгеркахъ и молодые лавичи въ чамаркахъ, порой старались изобразить на лицахъ своихъ напряженное чувство религіознаго экстаза (въ особенноти же молодыя лавы и лавны), но по большей части шушукались между собою и съ видимымъ правдивнымъ удовольствіемъ гляѣли по сторонамъ, а иногда не безъ кокетства кидали какъ бы случайные взоры на молодыхъ лавичей, которые въ свою очередь видимо рисовались своими небрежно-красивыми позами и щегольскими чамарками. Кто изъ нихъ хотѣлъ казаться въ нѣкоторомъ родѣ демократомъ, тотъ щеголялъ чамаркой изъ простаго сѣраго сукна, а кто желалъ проявить въ себѣ тенденціи аристократическаго свойства, тотъ облакался въ драловыя или, что еще грандіознѣе, въ бархатныя; но какъ аристократическія, такъ и демократическія венгерки и чамарки необходимо были съ величайшею изысканностію расшиты шелковыми смурками,

такъ что въ тѣхъ и другихъ соборствахъ оказывалась лишь великодушный шикъ двоякаго рода: шикъ аристократическій и шикъ демократическій, такъ-сказать шикъ Чарторыйскихъ и шикъ Мѣрсовскаго.

Но если и жадоба, и оба шика, и кокетливые взгляды съ непринужденными позами, и вызываемое по временамъ напращенно-религіозное выраженіе лицъ носили на себѣ какъ бы дѣланый и очевидно показной характеръ, то хлопы въ своихъ тѣсахъ, помутенномъ углу молчали съ тупымъ, но искреннимъ фанатизмомъ, почти не вставая съ коленъ и то ударяя себя въ грудь кулаками, то распростираясь на полулицъ, что называется „кржижемъ“. Эти отбѣлки молитвеннаго настроенія шляхты и хлоповъ сами собою оказывались слишкомъ ярко для того чтобы наблюдательный взглядъ свѣжаго, посторонняго человѣка, какимъ былъ теперь Хвалынецъ, не могъ сразу же ихъ подмѣтить.

„Гдѣ же однако народъ?“ подумалось Хвалынецу, глядя на ряды скамеекъ переполненныхъ шляхтой и на темное пространство подъ хорами, гдѣ тѣснилось нѣсколько десятковъ свѣрыхъ свитокъ и сукмяновъ,—„гдѣ же эти хлопы которые такъ привержены къ костелу? Неужели же тутъ вотъ и все?“

Сомнѣніе вало Хвалынца: ему рассказали слишкомъ много, такъ что дѣйствительность, сравнительно съ разказами, казалась теперь скудна и мизерна. „Этого быть не можетъ!“ подумалъ онъ и рѣшилъ удостовѣриться собственными глазами. Для этой цѣли онъ пошелъ въ ту убогую „церкву“ которая гдѣ-то тамъ, на выгдѣ, какъ бы заброшенная и заглохшая, уныло звала въ убогій колоколшко. Ему захотѣлось поравнять и посмотреть что за публика собирается тамъ, въ этой церкви?

— Гдѣ тутъ церковь? Это, что ли? спросилъ онъ у встрѣчаемаго хлопа, дойдя до самой околицы.

— Але, паночку! Осъ та сама! пробормоталъ хлопъ, обнажая почтительно голову и указывая на ветхое, покосившееся, заплесневѣлое и какое-то облупленное зданіе. Хвалынецъ не безъ изумленія окинулъ взоромъ то что называлось храмомъ Божиимъ. Хотя и въ душѣ и на дѣлѣ онъ признавалъ себя человѣкомъ вполне индифферентнымъ къ дѣлу религіи вообще; но тутъ—и самъ не вѣсть почему—почувствовалъ вдругъ какое-то горькое обидное ощущеніе: эта церковь называлась въ этомъ краѣ *русскою* церковью, тогда какъ костелъ назывался

польскимъ костеломъ. А сравненіе между тѣмъ и другимъ, при первомъ же взглядѣ на нихъ, невольно было въ глаза, невольно и притомъ само-собою напрашивалось въ мысли: тотъ красуется на площади, на лучшемъ, на самомъ видномъ мѣстѣ селенія, а эта запрятана въ какую-то труппобку, словно бы ее стыдно и на глаза показывать добрымъ людямъ; тотъ гордо высится своими бѣлыми башнями, красуется своимъ фронтономъ и прорѣзными, причудливо-узорчатыми крестами, а эта стоитъ себѣ словно бы пришибленная къ землѣ, и если бы не покосившійся крестъ надъ входомъ, то ее скорѣе можно бы было принять за заброшенный хлѣбный амбаръ, чѣмъ за церковь—до такой степени во всей внѣшности ея отсутствовали признаки благолѣпія, подобающаго даже самому бѣдному краю. Привыкнувъ на всемъ знакомомъ ему просторствѣ Великоросіи встрѣчать множество церквей, то цѣлкомъ-богатыхъ новою архитектурой, то изящныхъ въ простотѣ своего древняго отаа, и во всякомъ случаѣ благолѣпныхъ, Хвалынцевъ былъ просто пораженъ этимъ четырехугольнымъ срубомъ, дѣйствительно, напоминавшимъ что-то въ родѣ амбара или сарая.

Онъ вошелъ въ притворъ и выступилъ на средину храма. Два узенькихъ оконца съ заматованными стеклами, тускло пропускавшими нѣсколько скудныхъ лучей дневнаго свѣта, освѣщали бѣдный иконостасикъ, съ образами какого-то смѣшаннаго характера: не то это были католическіе образа, не то православные. Тоненькія свѣчи желтаго воску теплились предъ мѣстами иконами не въ лавникадилахъ, а въ какихъ-то высокихъ желѣзныхъ подсвѣчникахъ, изображавшихъ собою утвержденный на подможкѣ и увѣчаный обручемъ пруть который былъ утыканъ горящими свѣчами. Эти подсвѣчники являлись, по всей вѣроятности, произведеніемъ мѣстной кузницы. Священникъ облаченъ въ убогую, старелькую, изношенную ризу; на капросѣ нестройно поетъ дьячекъ съ какимъ-то любителемъ изъ хлопозъ и двумя крестьянскими мальчишками. И все это вокругъ такъ бѣдно, такъ скудно, такъ пришибено!.....

Хвалынцевъ оглядѣвъ молящихся, и пришелъ въ изумленіе, оказавшееся, послѣ нѣкотораго размышленія, изумленіемъ личнаго учителяго свойства. Въ церкви было не много народа, но народъ этотъ былъ исключительно *сѣрый*—куда ни глянь—все одѣвъ только свитки хлопотія, сукмань да колушки, и видѣтъ

и тѣмъ, ни малѣйшаго признака того что могло бы наполнить собою принадлежность еси не къ шалхѣ, то хоть къ ивѣщическимъ дверомъ людямъ: одна только хлопъ и пошъ....

„Вотъ она русская-то церковь!... Что жъ это однако?!... Пана подумалось Хвализцеву, и теперь для него уже вполнѣ стала ясна тѣ мимолетная выраженія которыя во время этого путешествія до Литвы тамъ и самъ удалось ему подслушать: „хлопъка шара; пошъ до хлопъ, плембъ до пана“.— Русскій инстинктъ, русское чувство, помимо собственной его воли, закрадывались въ душу Хвализцева, незаметно подтачивая кору испуганнаго космополитизма, и это чувство, чѣмъ болѣе теперь глядѣлъ онъ на представляемую ему картину, тѣмъ глубже сказывалось какою-то обидой, какою-то горечью и грустными раздумьемъ. Это чувство смутно подсказывало ему что во всемъ слышанномъ отъ Свитки и Котырло о „казенной вѣрѣ“, о „казенной церкви“ опять-таки кроется какая-то фальшь, какая-то утайка лицевой стороны дѣла, какая-то теневая маска....

Въ церкви было холодно. По ней ходилъ сырой паръ отъ людскаго дышанья, который, мѣшавшись съ дымомъ ладона, наполнялъ внутренность храма какою-то мгластымъ туманомъ. Хвализцевъ сталъ вглядываться въ лица молящихся и ни въ одномъ изъ нихъ не подмѣтилъ того изстуженно-фанатическаго, дивнаго экстаза который стоить крупными чертами кидаться въ глаза въ костелѣ. Здѣсь, напротивъ, общее выраженіе лицъ было до того спокойное что глазъ поверхностнаго наблюдателя скорѣе бы даже могъ принять его за примакъ религіознаго индифферентизма, и на это послѣднее предположеніе могло бы, пожалуй, натолкнуть отчасти и то обстоятельство что многія женскія груди украшались католическими шклямерками, въ рукахъ у некоторыхъ изъ бабъ были очевидно жольскіе молитвенники, а иныя изъ нихъ такъ даже и крестились по-римски; но все-таки общее впечатлѣніе смуткомъ различествовало отъ впечатлѣній только-что просенныхъ Хвализцевымъ изъ костела.

Когда онъ пришелъ въ церковь, то засталъ лонти уже одной женщиной обвѣдъ, которая здѣсь кончалась гораздо ранѣе погребальной „мши“. Вскорѣ приходило стали выходить изъ церкви и группами останавливались „балакая“ промежъ себя въ церковной оградѣ. Вышелъ и священникъ—изъ себя под-

жарый, захудалый полицъ не молодыхъ, но еще и не преклонныхъ лѣтъ, въ тощенькой шубенкѣ. Еще-едва показався онъ на паперти, какъ многіе изъ хлоповъ съ фамильярно-почтительною привѣтливостію, снявъ свои шапки, подходили подъ благословеніе „пана оица“, а иные безъ малѣйшихъ признаковъ робости или застѣнчивости, замѣчаемой въ нихъ постоянно въ отношеніяхъ съ панами и панскими официалистами, привѣтливо и радушно вступали съ „паномъ оицомъ“ въ разговоры, такъ что судя по этому обращенію можно было безошибочно предположить что панъ оицецъ для стараго хлона свой человѣкъ, родной и близкій его быту, его жизни, его интересамъ. Одна кучка хлоповъ, человѣкъ въ пять или шесть, отличающаяся наибольшою солидностію, обступила священника, очевидно, прося у него какого-то совѣта, и панъ оицецъ, степенно толкуя о какомъ-то дѣлѣ, скрылся вмѣстѣ съ ними въ низенькой двери своей начисто выбѣленной хаты.

„Да, хоть тутъ и шкандержи у иной бабы, и два польскіе молитвенника и кажуційся индифферентизмъ, подумаешь Хвалынецвъ, глядя на эти группы расходящагося люда:—но..... все-таки Польша, кажись, не здѣсь, а тамъ, въ костелѣ..... Здѣсь—одни хлопы, а тамъ бѣжкомъ-набито шпалтой..... и все-таки *здѣсь-то* ни мало не похоже на Польшу! рѣшилъ онъ самъ съ собою: это скорѣй же, что-то свое самобытное, если ужъ не считать его русскимъ“.—Пойду еще поглядѣть на Польшу! сказалъ онъ себѣ,—и слова направилъ къ костелу.

Пришедъ туда, онъ засталъ уже на высотѣ кафедры краснорожаго бернардина, который съ сильною жестикуляціей и съ декламаторскими приѣмами католическаго оратора горячо импровизовалъ какую-то проповѣдь. Голосъ его то возвышался до вивру фальцетныхъ нотъ, то падалъ до глухаго, гробоваго баса, то гремѣлъ громовыми раскатами, то стихалъ до умиленно-нѣжнаго шелота. Публика слушала его съ напряженнымъ и живымъ вниманіемъ чутко ловя каждое слово, каждый жестъ, и на лицахъ присутствующихъ ясно отпечатывалось выраженіе какой-то мрачной, глухо-изступленной ненависти, сдавленной боли, внутренняго страданія..... многіе пани и паненки утирали тихія слезы, наны слушали въ какомъ-то фанатически-озлобленномъ молчаніи, халты же, изъ своего подутемнаго яростроства подъ хорами, устремляли на проповѣдника взоры исполненные тулаго вниманія. Каза-

лось что слово проповѣдника, главнѣйшимъ образомъ, имѣло въ виду именно холовъ и по преимуществу къ нимъ обращалось.

Хвалынцева, конечно, съ трудомъ вникалъ въ смыслъ этой рѣчи, но все-таки кое-что понималъ. Бернардинъ говорилъ о страданіи Богоматери предъ крестомъ и гробомъ распятаго Христа и проводилъ параллель между ея страданіями и мукою ойчизны, которая плачетъ надъ гробомъ распятаго народа польскаго.

Хвалынцева поразилъ грубый, дубоватый фанатизмъ бернардинской проповѣди и въ особенности то что непосредственное вліяніе его всецѣло отразилось не на хололахъ, на которыхъ оно было разчитано, а главнѣйшимъ образомъ на цивилизованной шляхтѣ. Это была для него своего рода новость, вполне неожиданная: до сей минуты онъ никакъ не могъ себѣ представить чтобы на людей которыхъ Свитка столь многократно выдавалъ ему въ своихъ бесѣдахъ за сокъ интеллигенціи края можно было подѣйствовать столь грубыми наркотическими средствами. На милостивыхъ личикахъ этихъ паненокъ, на физиономіяхъ всѣхъ этихъ статныхъ ланичей и лановъ родовитыхъ, въ эту минуту столь ярко отпечатлѣвалось чувство фанатической ненависти что въ источникѣ ея уже невозможно было усомниться.

„Что же послѣ этого всѣ тѣ рѣчи которыя мы слышали! съ горечью подумалось ему: всѣ эти возгласы о взаимномъ братствѣ, о борьбѣ „за свободу вашу и нашу“?... неужто опять-таки фальшь, опять лицемеріе!..“

Богъзнаемое чувство горечи, обиды, и тяжкаго сомнѣнія все болѣе и болѣе закрадывалось въ его душу: давешній космополитъ петербургскихъ болотъ здѣсь, „на Литвѣ“, почти помимо собственной воли, начиналъ чувствовать себя Русскимъ. Это общество было ему чуждо, и въ ту минуту онъ до поразительной ясности созналъ въ себѣ ощущеніе одиночества и полной отчужденности. Одинъ только образъ Цезарина яркими блестками мелькалъ мгновеньями въ его влюбленномъ воображеніи; но теперь этотъ образъ уже не примирялъ, а только смирялъ его внутреннюю борьбу и на минуту бавкалъ его сомнѣнія.

„Мша“ была кончена. Въ костелѣ готовились къ какой-то процессіи. Молодые ланенки подвигли на плечахъ своихъ лампады носилки съ образомъ Ченстоховской Богоматери

убраннымъ въ кисею, кружева и пестрая лента; лавичи сквятились за древки знаменъ и хоругвей, которыя лавно заколыхались надъ толпою своими разноцвѣтными подотвищами; предъ оатаремъ подвигая балдахинъ съ кистями, подъ которымъ помѣстился ксенавъ съ реликвіями въ рукахъ прижатыхъ къ груди—и вотъ загудѣлъ органъ, зазвѣли колокольчики—и всѣ присутствующіе разомъ онустались на колѣна.

Костель въ то же время наполнился громкими и торжественными звуками въ которыхъ сразу слышалось Хвалынцеву что-то знакомое: онъ узналъ ихъ. Это былъ тотъ самый знаменитый гимнъ „Боже цось Польске“ который еще столь недавно пѣла Цезарина въ тотъ роковой вечеръ и который тогда же порѣшилъ его судьбу....

Теперь тѣ же самые звуки съ изступленіемъ и силой вырывались изъ согни человѣческихъ грудей и заглушали собою гудъ и аккорды органа. Но вотъ, всѣ присутствующіе подвигались съ колѣнъ—и процессія медленно и торжественно двинулась вонъ изъ костела. Впереди ея сакристіанъ на длинномъ посеребренномъ древкѣ несъ распатіе, покрытое траурнымъ крестомъ, за нимъ, въ рукахъ какого-то дюжаго лавича, склонялась напередъ черная похоронная хоругвь съ серебряными позументами и кистями, какъ бы осѣняя собою траурный крестъ; за этою хоругвью рядами потянулись лавички съ разукрашеннымъ образомъ, папы и лави съ зажженными свѣчами, мальчишки съ пронзительными колокольчиками и наконецъ самъ ксенавъ подъ балдахиномъ, благоговѣнно поддерживаемый подъ руки самимъ лавомъ Котырао и вообще самыми важными, вліятельными лавами околodka. Процессія обошла вокругъ костела и остановилась, въ оградѣ не подалеку отъ главныхъ воротъ, гдѣ была вырыта довольно глубокая яма въ аршинъ окружности.

Нѣсколько дюжихъ хаюновъ подвигали громадный крестъ, окрашенный въ черный цвѣтъ съ бѣлыми траурными коймами по всѣмъ ребрамъ и съ какою-то надписью поперекъ продольнаго бруса. Ксенавъ пробормоталъ по книжкѣ какія-то приличныя случаю молитвы, окропилъ святою водою яму, и высокій крестъ былъ подруженъ, врытъ въ землю, забитъ каменьями и камнями, для лучшей крѣпости, и наковецъ освѣщенъ при пѣніи „Боже цось польске“.

Подъ вліяніемъ охватившаго всю душу чувства одиночества и отчужденности, Хвалынцевъ хотъ и вышелъ вмѣстѣ съ

жалою изъ костела, но теперь отдался отъ нея и выйдя за ограду, примкнувъ къ толгѣ сѣрыхъ хлопковъ, любопытно глядящихъ на торжественно-красивое шествіе. Онъ подвигъ глаза на траурный крестъ, только-что водруженный на надлежащее мѣсто и прочелъ на немъ крупную надпись по-польски: „Крестъ сей поставленъ на память 2го марта 1861 года въ Варшавѣ“.

— А, это значить, на память о пяти патріотическихъ жертвахъ! вполнѣ основательно доめкнулся онъ.

А въ это время изъ сотни шляхетскихъ грудей еще лучше гремѣлъ, потрясая холодный воздухъ, неизмѣнно повторяющійся прилѣвъ народоваго гимна:

Пршедь тве оцаржи занесимъ благаме:

Ойчизны вольность рачь намъ врудциъ Пане!

— Ясюкъ, слышь, брадець? Цудно!.. Яй-Богу чудно! обратился по сосѣдству съ Хвалынцевымъ какой-то сѣрый и уже подгулявшій хлопъ къ стоявшему рядомъ съ нимъ бѣлобрысому ларню:—Штой-га, слышь Ясюкъ, ланы слѣваюць, кабъ *панцизна* навращилась... Яй-Богу!

— Ну-у? недовѣрчиво обернулся на него бѣлобрысый.

— А такъ! подтвердилъ сосѣдъ:—вотъ тѣ на, слышь: *панцизны* вольносць!...

Хвалынецъ прислушался, и точно: въ гулъ и шумъ смѣшанныхъ поющихъ голосовъ и ярмарочнаго гвалту у лѣвцовъ выходило какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ *панцизна* вмѣсто *ойчизна*.

— Ай, добродзею, и то! съ наивнымъ удивленіемъ согласился бѣлобрысый ларень.

— Яны вже давно пра то слѣваюць, замѣтилъ на это кто-то изъ толпы:—усе у Бога моляць кабъ яна знувъ варацилась...

— А лекъ имъ! бодай ихъ и земля не приняла! прорычалъ бѣлобрысый, медвѣжегато косясь на процессію, и въ голосѣ которымъ сказаны были эти слова явно прозвучала нотка какой-то стародавней, накопленной и набоданной ненависти.—Пойдемъ лучше до корчмы, добродзею! прибавилъ онъ, хлопнувъ по плечу сосѣда:—кабъ и не чуваць про то!

„Вотъ тѣ и на!“ подумалъ Хвалынецъ и даже мысленно при этомъ присвистнулъ сардонически:—это же всего прелестнѣй! — ланы объ „ойчизнѣ“, а хлопы

вмѣсто того „панцизну“ чувють! Вотъ и люди ты тутъ! — И онъ не могъ воздержаться чтобы не засмѣяться при этомъ горькимъ и нѣсколько озлобленнымъ смѣхомъ.

VIII. Кермашъ.

Послѣ сцены съ крестьянами, которую случайно выдѣлалъ и выслушалъ Хвалынцевъ за стѣною панской котторы, нравственному чувству его стало претить дальѣйшее пребываніе подъ гостепріимнымъ кровомъ пана Коттырло. Не находя удобнымъ въ данный моментъ пускаться со Свиткой въ интимныя объясненія по этому предмету, онъ въ тотъ же вечеръ объявилъ было ему что хочетъ ѣхать далѣе, но Свитка, погруженный въ свои собственныя дѣла и порученія, и притомъ постоянно развлекаемый привольною жизнью въ радушной семьѣ старыхъ своихъ знакомыхъ, не имѣлъ ни времени, ни охоты вглядываться и вдумываться въ нравственное состояніе своего спутника: онъ не подмѣтилъ ни затаенной борьбы, ни соматній волнованій Хвалынцева, и потому просто-напросто сталъ уговаривать его повременить отъѣздомъ еще какой-нибудь денекъ-другой, съ тѣмъ чтобы потомъ заразъ уже тронуться вмѣстѣ.

„Я еще не кончалъ тутъ своихъ порученій, а вамъ все равно, да и люди вѣдь хорошіе!“ говорилъ онъ, убѣждая пріятеля остаться. Но о томъ какого рода его „порученіе“ Свитка вообще отзывался довольно глухо, а Хвалынцевъ, помня одно изъ первыхъ правилъ „организациі“—отнюдь не вывѣдывать того что не касается прямыхъ и непосредственныхъ обязанностей его какъ члена, не почиталъ умѣстнымъ допытываться у Свитки о родѣ и свойствахъ его дѣлъ и порученій; онъ зналъ только что эти порученія касаются „общаго дѣла“. Но при наливѣ соматній, которыя неожиданными сюрпризами вставали предъ нимъ, онъ чувствовалъ что съ нимъ словно играютъ въ жмурки, что онъ долженъ случайно и притомъ ощупью наталкиваться на здѣшнюю фальшь и здѣшнюю правду. Эти соматнія начинали въ тайнѣ грызть и мучить его, ибо благодаря имъ онъ чувствовалъ внутренній разладъ между своею однажды принятою рѣшимостью безповоротно отдаться „дѣлу“ и тѣмъ

мисомъ внутренней правды который сталъ подсказывать ему что о дѣлѣ-то собственно онъ до сихъ поръ еще почти и понятія не имѣеть, и что оно во многомъ,ловидимому, выходитъ вовсе не таково какимъ ему старались его представить. Но... своего рода point d'honneur, вѣрность разъ данному слову и, главнѣйшимъ образомъ, обаятельное чувство къ обаятельной женщинѣ заставляли его идти впередъ безъ оглядки, и потому, самъ лугаясь своихъ сомнѣній, онъ сначала было намѣревался сторяча ужъ лучше сразу убѣжать отъ вихъ и для того поскорѣе уѣхать отсюда. Онъ сознавалъ что это, положимъ, безхарактерно и гауло, ибо валомиваетъ страуса, прячущаго голову въ виду опасности; но въ то же время оно казалось ему и вполне послѣдовательнымъ въ виду разъ даннаго обѣта. И такимъ образомъ онъ стоялъ теперь въ нервѣшительномъ раздумьи на явившемся предъ нимъ распутьи. Однако убѣдительныя просьбы Свитки повременить двумя днями и основательно представленныя имъ резоны о крайней затруднительности путешествія одному „Москалю“ до незнакому, глухому краю, заставили Хвалынцевъ покориться перспективѣ дальнѣйшаго пребыванія въ Червѣнахъ. Къ тому же Хвалынцеву уже самому захотѣлось полриглядѣться да понаблюдать по возможности болѣе этотъ мірокъ и мѣстныя отношенія. „Отъ самого себя не уйдешь, рѣшилъ онъ, размышляя о всѣхъ своихъ сомнѣнїяхъ: ужъ если разъ они закрались въ тебя — конечно! не выживешь куда ни бѣги, повсюду погонятся за тобою, пока не разубѣдишься такъ или иначе!“

Послѣ довольно шумнаго и люднаго завтрака у лана Котырло, Хвалынцевъ отправился вмѣстѣ со Свиткой бродить по ярмаркѣ. Базарная площадь предъ костеломъ еще болѣе чѣмъ давеча загроздилась крестьянскими возами, такъ что лавировать въ узкомъ лабиринтѣ между оглоблями, лошадиными хвостами, колесами и воловьими мордами было весьма-таки затруднительно. Волы, коровы, лошади, овцы, свиньи, телята, возы, люди, солома, сѣно, гуси, индюшки—все это перемѣшалось между собою въ самомъ пестромъ безпорядкѣ. Тамъ навалена цѣлая гора новенькихъ ведеръ, боченковъ, кадусекъ; тутъ невыносимо сельдами воплеть; здѣсь напаклаешься на груды горшковъ, на колу овса; справа промчатъ косы и грабли, слѣва—салюги, валенки, полушубки, а

нѣсколько далѣе разныя сласти: пряники, фиги, орѣхи; вотъ повесло съ одной стороны дегтемъ, съ другой—цыбулкой; а тамъ вонъ лестрѣтъ „лавскій товаръ“: яркія ленты, ситцевыя платки и шерстяныя матеріи; тамъ шалки и картузы; тамъ кнуты и ободья, колеса, сани, и тутъ же толкуются бабы и молодицы, какія-то шляхтянки, какіе-то солдаты, городскіе барышники и наѣзжіе ланчи въ венгеркахъ, съ аралниками въ рукахъ, шныряютъ между возами и прицѣпываются по преимуществу къ конямъ. Земскія власти, въ родѣ войтовъ и сотскихъ, степенно похаживаютъ съ кнутиками и дубинками. Польсовщики, съ охотничьими сумками черезъ плечо, стараются сбыть пристрѣленного зайца или дикую козу. Евреи снуютъ во всѣ стороны съ вѣчною своею хлопотливостью и гвалтомъ, въявь олицетворяя собою изрѣченіе царя Соломона: суета суеть и всяческая суета. Нищіе слѣдцы усѣлись на самомъ бойкомъ мѣстѣ и въ цѣлыхъ шесть глотокъ что есть мочи деруть своего „Лазаржа“, и вмѣстѣ съ ихъ гнусавымъ лѣніемъ несется по площади ржаніе жеребятъ, коровье мычаніе, хрюканье и визгъ порослятъ, гусиный гоготь, гулъ людскаго говора и разнообразныя крики, а наплаче всего гвалтъ жидовскій — безконечный, всеодолювающій, повсюду слышимый и непрерывный. Вотъ какая-то хмѣльная баба верхомъ на лошаденкѣ избоченясь продирается сквозь толпу, встрѣчаемая и сопровождаемая громкимъ смѣхомъ, а рядомъ съ ней выплясываетъ трепака загулявшій хлопь, подъ звуки визгливой скрилицы пріобрѣтенной отъ какого-нибудь захожаго солдатака. Двое другихъ хлопковъ обнявшись слѣдуютъ за плясуномъ и усердно подпѣваютъ ему:

Чики, чики, чичику,
 Ъздець баба на быку,
 Пытается у Васпая
 Чи далеко до села?
 Ахъ ты баба косовока,
 Видишь, село недалеко!

Публика, глядя на нихъ, утѣшается и сопровождаетъ всю эту компанію дружнымъ, одобрительнымъ смѣхомъ.

Проходя мимо одной корчмы, пріятели наши слышали звуки диковатой музыки.

— Зайдемъ-ка, поглядимъ: это любопытно, предложитъ Свитка.

Хвалынецъ съ удовольствіемъ согласился, и они въ ту же минуту очутились въ дымной, пропитанной винными парами атмосферѣ довольно просторной комнаты, гдѣ случилось человѣкъ шестьдесятъ народу. Въ углу, подлѣ шинкарскаго стола, помѣщались музыканты: старикъ Еврей бойко дѣйствовалъ руками на цымбалахъ, молодой Еврейчикъ съ увлеченіемъ, раскачиваясь всѣмъ корпусомъ и закидывая назадъ растрепанную голову, лихо пилялъ на скрипичѣ, а другой азартно гудѣлъ на бубнѣ. Нѣсколько паръ, гдѣ молодца съ парнемъ, а гдѣ и просто баба съ бабой, подъ руки другъ съ другомъ, танцовали такъ-называемые „кружки“, нѣчто въ родѣ вальса, и при этомъ подлѣвали себѣ въ ладъ коротенькія лѣсны:

Ахъ ты мати моя,
А я дочка твоя,
Чемужъ мене не учила
Якъ я маленька была,

приталывая каблучками и манерно склоня на бокъ голову голосила одна разбитная молодца, а здоровенный „дзѣцюкъ“ не давая ей кончить, подхватывалъ въ перебой:

Дзѣвичочка, го, го, го!
Люби мене гогого,
Я сарочки не маю,
Жанциса думаю.
Якъ сарочку здобуду
Жанциса не буду.

А въ это же самое время другой „дзѣцюкъ“, не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на музыку, ни на танцы, сидѣлъ облокотясь обѣими руками на столъ, предъ своею кружкой лива и проливая, повидимому, совершенно безпричинныя слезы, зычно горланилъ особую самостоятельную лѣсню:

Зобоглаа голова отъ зеленого вина;
Собиралась голова до славна города Москвы.
А на той же на Москвѣ долга улица широка...

Хвалынецъ съ живѣйшимъ любопытствомъ прислушивался къ всѣмъ этимъ лѣснямъ, къ ихъ своеобразнымъ налѣвамъ, въ которыхъ неизмѣнно слышится что-то тягостное, тягуче-тоскаивое, но въ которыхъ однакоже чутко сказывалось ему вѣкъ будто что-то свое, знакомое, родное....

— Гей! музыка! Кабъ тебѣ ободраная кобыла повстрѣчалась! Грай казачка! Казачка, кажу! Танцоваць хочу! хлопнувъ ладонью по столу и вытеревъ сермяжнымъ рукавомъ слезы, поднялся съ мѣста парень только-что лѣвшій про Москву и затѣмъ раздвинувъ танцующія пары, выступилъ на середину комнаты и выбралъ себѣ пьяненькую партнерку, которая, руки въ боки, помѣстилась напротивъ него.

Музыка не заставила долго просить себя и тотчасъ же грянула „казачка“. Дзѣцюкъ, прислушиваясь къ звукамъ, подергивалъ въ тактъ плечами, а молодица семенила на мѣстѣ, какъ вдругъ оны рванулся отчаянно впередъ, взмахнулъ рукою, схватился за ласмы волосъ своихъ и пошелъ, и пошелъ работать и отчеканивать то носкомъ, то каблуками, съ самымъ серіознымъ и даже мрачнымъ выраженіемъ лица.

А по корчмѣ раздавалась разухабистая, лихая лѣсня:

Ой, ты, дзѣвка, лебѣдка моя,
Слодобалась мнѣ походка твоя!
Якъ ты идзѣшь, то мнѣ мило глядзѣць,
Якъ ты сядзѣшь, мое серце дрыжцѣць,
Якъ ты ходзѣшь, такъ ты цѣшмъ маме,
Якъ ты ставешъ такъ ты смѣшмъ маме!

Но вдругъ дзѣцюкъ остановился, не кончивъ и даже какъ-то разомъ оборвавъ свою ляску. Онъ перевалисто, медвѣжьватыми шагами воротился на свое прежнее мѣсто, отодвинувъ съ него какого-то хлопчика и снова подперевъ голову обѣими руками, сосредоточенно понурился надъ своею недопитою квартой лива. Черезъ нѣсколько минутъ, все ни на кого не обращая вниманія, съ тѣмъ же мрачнымъ выраженіемъ лица, оны вдругъ, словно былъ совсѣмъ одинъ въ этой горницѣ, заголосилъ новую лѣсню:

Ой, сподъ Слудка, та сподъ Клецка
Вдзѣ дружба * молодецка,
Отъ княжати цзъ подъ Минска,
Вовацаи мѣста Пинска,
Мѣста Пинска вовацаи
Отъ Ляховъ оборонацаи.
Ходъ пршмаи, ме даи рады: **
Погинваи усѣ отъ зрады. ***

* Дружина, рать.

** Помоци, пособія.

*** Имяны.

А я поѣду у постъ великій
 До Турова, до владыки,
 Щобъ молебну отслужици....
 Даѣ покаюсь за грѣхи,
 Дзень и ноць буду маащи,
 Дзень и ноць буду прасици
 Кабы сгинули Лахи.

— И вы говорите что это не Русь! не выдержавъ себя наковецъ, съ дружескимъ укоромъ обратился къ Свиткѣ Хвалынцевъ, долго съ серіознымъ вниманіемъ присматривавшійся и прислушивавшійся къ этой лѣснѣ.—И вы хотите доказать что это... (онъ не договорилъ и замаялся на минуту). Ахъ, любезный дружище! кой чортъ! Это просто та же самая наша Русь сиводалая! Какъ и вездѣ—все одна и та же!

Свитка улыбулся съ легкою ироніей.

— Вы полагаете? проговорилъ онъ самоувѣренно, авторитетнымъ тономъ.

— Не полагаю, а убѣждаюсь, со вздохомъ подтвердилъ Хвалынцевъ.—Пѣсня не вретъ, а вы вслушайтесь въ эту лѣсню: въ ней все, и звуки, и складъ, и лошибъ, все это русское, наше! Да и дѣтина-то этотъ горланить себѣ, небойсь, не про Варшаву, а про „славный городъ Москву“, чай сами самкали? И мнѣ кажется, какъ вы съ этимъ народомъ ни бейтесь, ничего вамъ противъ этого не подѣлать!

— Ну, это еще бабушка надвое сказала! съ тою же самоувѣренною ироніей замѣтилъ Свитка.

— Надвое?... Ой-ли?... Глядите, не ошибитесь бы намъ!... Вѣдь эта бабушка сама жизнь, понимаете ли, *жизнь*, а тутъ она ставовится чуть-ли не въ разрѣзъ съ нами.

— А давеча въ костелѣ? что?...

— Въ костелѣ?... А давеча въ церкви? скажу я вамъ на это У Свитки чуть замѣтно дрогнули углы губъ и нахмурились брови, отъ какого-то неприятнаго, скрытаго чувства.

— А вы были тамъ? какъ бы совѣмъ равнодушно спросилъ онъ Хвалынцева.

— Былъ-съ; и тамъ, и здѣсь—въ обохъ.

— Ну, и что же?

— А то что коли ужъ говорить откровенно, хоть на Литвѣ, по-вашему, народъ это шляхта, а эта сѣрочъ „простой экомическій матеріалъ“, говоря вашими же словами, но...

— Что же „но“? съ худо скрытою досадою улыбнулся менторъ.

— Но... но чѣмъ больше вглядываюсь, тѣмъ больше убѣждаюсь, и просто чую моимъ русскимъ инстинктомъ что ояъ, этотъ „экономическій матеріалъ“ не пойдетъ вмѣстѣ съ нами!

— Не пойдетъ охотой, пойдетъ силой, съ спокойною увѣренностью проговорилъ Свитка.

ІХ. Павское полеванье.

На другой день, еще на разсвѣтъ, часовъ около шести, казачокъ явился въ опочивальню нашихъ пріятелей и сталъ настойчиво будить ихъ. Хвалынцеву хотѣлось еще повѣжиться въ томъ сладкомъ снѣ который всегда одолеваетъ подъ утро не въ пору разбуженнаго человѣка, но Свитка быстро вскочилъ съ сѣянника, и поживаясь отъ легкаго холода, проворно сталъ надѣвать сапоги и мыться, чтобы поскорѣй разогнать остатки одолевавшей дремоты.

— А ну-те бо! вставайте вставайте! Нечего нѣжиться! На службѣ вѣдь вамъ этого не позволяютъ! тормозилъ ояъ Хвалынцевъ, наскоро совершая свой туалетъ: — Слышите, вовкъ ужъ охотники собрались, ружья справляютъ, собаки визжать... Да и кони-то никакъ готовы! Ну, ну просыпайтесь! Повао вамъ, въ самомъ дѣлѣ! Ясю! давай пану одѣться!

Хвалынцевъ наконецъ преодолѣлъ свою дремоту и вскочилъ съ постели.

Подъ окнами на дворѣ, дѣйствительно, слышенъ былъ звонкій, веселый визгъ собакъ, забираемыхъ на смычки, фырканье и топотъ застѣданныхъ коней, громыханье колесъ о промерзлую почву, и разные людскіе голоса, говоръ, возгласы, слоры и распорядженья. Хвалынцевъ приподнял соломенную мату, и протеревъ залотѣлое стекло, вглядчиво прищурилъ глаза: сквозь утренній туманъ на дворѣ было замѣтно большое движеніе: псары, егеря, кучера, лакеи и всякая дворовая челядь хлопотливо и слѣшно сваряжалась къ охотѣ. Судя по этому легкому туману день обѣщалъ быть хорошимъ, съ легкимъ, бодрящимъ морозцемъ. Ага! да кромѣ изморози и легкой снѣжокъ еще вылазъ—первый ноябрьскій снѣгъ! и бѣлою скатертью слдошь залушилъ крыльцо съ протолганными снѣжками, мокрыми слѣдами, соломенная крыша, обширный дворъ

и тамъ вдали, за греблей, широкія поля на отлогихъ косогорахъ. Слава Богу! самый подходящий денекъ для доброй охоты! Видъ этого свѣжаго перваго снѣга, паръ валившій изъ вѣтскихъ воздрей, веселый визгъ слегка озябшихъ собакъ, суета людская на дворѣ и легкій холодокъ въ комнатѣ, гдѣ оставшая за ночь печка не давала уже тепла, все это произвело на Хвалынцевъ бодрящее, веселое впечатлѣнiе, и онъ, съ невольною улыбкой въ лицѣ и съ ощущенiемъ легкаго здороваго озноба во всемъ тѣлѣ, поспѣшно сталъ натягивать свое платье. За стѣною, въ лавской кофторѣ, тоже слышались негромкіе голоса и щелкали осматриваемые курки; шомпола шипѣли въ дулаахъ, загоня пыжи изъ лакаи; дробь и картечь съ мелкимъ рокотомъ сыпалась въ стволы; поминутно скрытѣлая и хлопала дверь, то впуская, то выпуская кого-нибудь изъ охотниковъ, и каждый разъ при этомъ напуская въ комнату утренняго холода, который рѣзкимъ ощущенiемъ давалъ себя чувствовать даже сквозь щели перегородки отдѣлявшей отъ кофторы комнату нашихъ пріятелей.

Менѣе чѣмъ въ четверть часа Хвалынцевъ былъ уже готовъ: затянулъ ремнемъ свою дубленку, и черезъ темныя стѣны переступилъ порожекъ кофторы. Тамъ онъ нашелъ становаго, пана Шларагу, который былъ страстнымъ охотникомъ, и пана Косача, который хотя охотникомъ и не былъ, но отъ компаніи не отставалъ. Либеральный панъ посредникъ, несмотря на столь равную пору, уже успѣлъ облечься въ изящный англійскій охотничій костюмъ и, поливая чай съ коньякомъ, наблюдалъ какъ его лакей, тоже одѣтый по-охотничьи, заряжалъ его дорогую лондонскую двустволку. Двое старосвѣтскихъ пановъ, панъ Хомчевскій и панъ Привидицъ, очевидно привычныя и бывалые охотники, вырядились по-свойски: въ русскія кельги да въ теплыя полушубки, и никому кромѣ самихъ себя не довѣряя заряжать свои старыя винтовки, закусывали на дорожку колчанымъ саломъ и запивали его водкой. На столѣ, посреди разнокалибернаго прибора, носившаго на себѣ явный характеръ слѣпшаго холостаго беспорядка, шипѣлъ уемистый самоваръ, и Хвалынцевъ съ величайшимъ удовольствiемъ хватилъ стаканъ горячаго чаю.

Въ костелѣ звякала колокола: это панъ Котырло, какъ добрый старый охотникъ, свято исполнявшій всѣ традиціи и обычаи залпавокаго полешанца, еще съ вечера заказалъ ксендзу

на утро литію святому Губерту, покровителю охоты, и те перь ксеадзъ исполнялъ приказъ своего папа.

Хвалынцеву тоже одолжили кое-какое старенькое одноствольное ружьишко, на замкѣ котораго онъ прочелъ русскійскую надпись: *Тула*. Черезъ полчаса, одивъ изъ псарей явился доложить что все уже готово. Старосвѣтскіе лавы вмѣстѣ со становымъ Шпарагой наскоро пропустили еще м одному килишку,—и вся компанія выслала на дворъ. Псарей съ добъзачимъ, на кое-какъ засѣданныхъ клячахъ, выткнулись предъ крыльцомъ въ одну шеренгу; впереди ихъ на сворахъ, переминаясь на молодомъ свѣгу и поджигая съ холоду ноги, ловизгивали и облизывались собаки. Далѣе стояли запряженныя повозки, брички и ветычакки; изъ нихъ однѣ были приготовлены для охотниковъ которые предпочитали ѣхать въ экипажахъ, а другія дожидались выхода дамъ. Пани и паненки тоже хотѣли присутствовать на охотѣ, но, по всегдашнему обыкновенію запаздывать при раннемъ вставаньи. въ настоящій моментъ были еще не готовы, справляясь со своимъ туалетомъ. Нѣсколько коней, по большей части изъ кавалерійскаго брака, стояли у крыльца, засѣданные, — который англійскимъ, который казацкимъ, а который и Богъ вѣсть какимъ сѣдомъ, въ ожиданіи панства. Но вотъ, появился на крыльцѣ самъ лавъ Котырло, съ персидскимъ кинжаломъ за поясомъ, съ буйволовымъ рогомъ черезъ плечо и съ черкесскою нагайкой въ рукѣ. Опытнымъ, строгимъ взглядомъ окинулъ онъ всю охоту, пожалъ руки гостямъ, кивнулъ головою остальнымъ охотникамъ, почтительно снявшимъ свои шапки, и вскарабкавшись на подведенную ему сѣрую кобылу, набожно перекрестился и далъ знакъ трогаться со двора. Охотники крестясь и нахлобучивая шапки, при радостномъ визгѣ и лаѣ собакъ, потянулись вслѣдъ за лавомъ Котырло, который, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, никому не уступалъ почетнаго званія маршалка охоты. Хвалынецъ съ Василиемъ Свиткой, предпочитая ѣхать въ таратайкѣ, тронулись вслѣдъ за другими, вмѣстѣ съ фурой въ которой помѣщались сѣдобные заласы, выливка и походная кухня.

Охота, какъ видно, готовилась на славу, потому что по дорогѣ, выѣзжая то на встрѣчу, то съ боковыхъ просѣлковъ, время отъ времени, присоединялись къ главному корпусу новые охотники,—кто въ повозкѣ, кто верхомъ со сворачи—

почтительно кланялись лаву Котырло, какъ главнокомандующему соединенныхъ силъ, пріятельски здоровались съ остальными и весело болтая, смѣшивались съ лестрою толлою лавовъ, псарей и доѣзжачихъ.

Слуста около полудна всю эту компанію нагнали и экилаки съ дамами. Веселая, раздумившіяся на утреннемъ холмѣ лица панелокъ и ихъ звонкое молодое щебетанье тотчасъ же послужили значительною приманкой для многихъ охотниковъ, особенно изъ тѣхъ кто побойчѣй да помоложе, такъ что они со всѣхъ сторонъ обляблили своими конями дамскіе экилажи и рассылаясь въ тысячахъ любезностей и комплиментовъ, старались заставить гарцовать своихъ Росинатовъ и вообще заботились о томъ чтобы держаться какъ можно болѣе лихими молодцами.

Хвалынецъ не безъ улыбки оглядывалъ этотъ кортежъ, да по правдѣ сказать, нельзя было и не улыбнуться: молодые панчи и даже нѣкоторые изъ солидныхъ пожилыхъ лавовъ сварились словно бы не на охоту, а на непріяеля. У кого за поясомъ торчалъ ятагавъ турецкій, у кого револьверъ, у кого въ кобурахъ пара дѣдовскихъ листовей, у кого даже сабля или пашка съ боку, а всѣ при этомъ еще съ ножами, съ кинжалами, съ ружьями, винтовками, двустволками, а нѣкій ложилой лавъ, выѣхавшій къ охотѣ съ одного переселка, вмѣстѣ съ двумя своими гайдуками, явился даже одѣтымъ въ уланскій колетъ, съ красными отворотами, съ лядужкой черезъ плечо, въ старой, Николаевского времени, уланской шалкѣ съ помпономъ, отъ которой спускались на спину шурки серебряныхъ этишкетовъ; съ боку у него лязгала кавалерійская сабля, а разбитый на ноги конь былъ засѣданъ съ уланскимъ вальтрапомъ. Лавъ отдавалъ всѣмъ подъ козырекъ, по-военному, и, стараясь держать посадку, то и дѣло закручивалъ свои сивые, нафабранные усы. Несмотря на лоснящее отъ морозу лицо, онъ стоически переносилъ холодъ, предпочитая красоваться въ своемъ кургузомъ колетѣ, коротенькія фалдочки котораго преуморительно шлепали на рыси о шараля, круглая лямка воинственнаго лава; и самъ онъ при этомъ тоже грузно шлепалъ въ сѣдло, встряхиваясь всѣмъ корпусомъ и эполетами. Несмотря на то что былъ давно уже въ отставкѣ, экс-уланъ все-таки не воздержался чтобы ради такого парада не маякнуть на себя законными отъ времени эполеты. Это былъ лавъ Колецъ, титулуемый не иначе

какъ „паномъ пулковникомъ“, хотя на самомъ дѣлѣ былъ только ротмистромъ въ отставкѣ. Панъ пулковникъ знаменитъ былъ на весь околородъ воинственнымъ жаромъ своихъ гиперболическихъ разказовъ о баснословныхъ дѣлахъ и невѣроятныхъ подвигахъ былаго времени. Только иногда онъ сбивался въ показаніяхъ, говоря что служилъ то въ знаменитыхъ „чвартакахъ“, то въ „уланьскомъ легионѣ рабовъ ошчизны“, тогда какъ въ сущности самая служба его началась гораздо позже 1831 года, и всѣ это очень хорошо знали, но тѣмъ не менѣе всѣ любили пана пулковника за его воинственный жаръ и даже съ увлеченіемъ шляхетнаго гонора слушали его разказы.

Къ пану пулковнику тотчасъ же пристроились человекъ двѣнадцать всадниковъ и онъ не примкнулъ построить ихъ на ходу въ одну шеренгу, а самъ, ставъ предъ ними и прѣуморительнымъ образомъ сбиваясь въ командныхъ словахъ давно уже имъ полудзабытыхъ и наполовину присочиняемыхъ, браво и громко командовалъ всею этою ватагѣ.

И всѣ эти паны и паничи въ своихъ разнообразныхъ чаркахъ, венгеркахъ и дубленкахъ, со всѣмъ своимъ разнокалибернымъ оружіемъ, то и дѣло дергая поводьями коней, но неизменно стараясь при этомъ гарцовать и красоваться на виду у дамъ, повидимому самымъ серіознымъ образомъ подчинялись импровизованной командѣ пана пулковника и производили разные эволюціи: то вдругъ заѣзжали по три, то еправа рядами, то строили фронтъ,—и панъ пулковникъ, видимо войдя въ роль командира, хватилъ ихъ самымъ начальственнымъ тономъ. Но вдругъ онъ выхватилъ свою саблю и, закричавъ: „Шкадронъ! лики къ ата-а-а-а!.. Маршъ—маршъ!“ всадилъ шпоры коню и неистово размахивая саблей лустился въ карьеръ вдоль по вспаханному полю. „Шкадронъ“, во весь опоръ, съ гукомъ и крикомъ, бросился за нимъ. Раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Но громче всѣхъ гремѣлъ голосъ пана пулковника.

Богъ вѣсть до какихъ поръ продолжалась бы вся эта потѣха, еслибы панъ Котыро съ досадливою миной на недовольномъ лицѣ не оставилъ своимъ властнымъ маршалковымъ крикомъ воинственную компанію, выговаривая ей что несумѣстными, преждевременными выстрѣлами они только зѣвину полугають и безъ толку коней потемать, такъ что и вся охота, пожалуй, пойдетъ ни къ чорту.

— Экъ имъ любо-то въ солдатѣики играть! говорилъ въ это время Хвалынецъ своему пріятелю:—ради чего все сіе бысть однако? И ради чего этотъ баринъ въ какомъ-то шутовскомъ мрядѣ выѣхалъ, скажите мнѣ пожалуста?

Свитка немного поморщился.

— Чтò жь, тутъ дурнаго ничего нѣту, процѣдилъ онъ сквозь зубы.

— Дурнаго нѣтъ, но смѣшнаго много.

— Какъ кому!... А по-моему и это не лишнее: можетъ пригодиться.

Хвалынецъ недовѣрчиво засмѣялся.

— Ну, полноте! сказалъ онъ:—серіозный вы человекъ, а говорите нелодобное! Вѣдь не научить же такая потѣха и въ заправду бить Москалей!

— Все-таки.... это.... это духъ воспитываетъ.

— Хм.... Развѣ чтò духъ! помолчавъ согласился Константинъ, вида что тонъ и направление его замѣчаній не нравятся Свиткѣ.

Межь тѣмъ компанія прибыла уже на условный пунктъ, къ опушкѣ Корначевской рощи. Эта небольшая роща, въ которой на обычномъ мѣстѣ тотчасъ же расположился поваръ съ походными таганцами, и вертелами, и со всею своею фурюю, должна была по заранѣ составленному плану находиться въ тѣлу линіи охотниковъ. Шагахъ въ пятистахъ отъ нея снѣлъ сосновый боръ, извѣстный подъ именемъ: „Вѣшòвника“. Когда Хвалынецъ, озадаченный отграницою этимологіей этого слова, освѣдомился у своего возницы откуда происходитъ и чтò обозначаетъ это странное названіе, то тотъ весьма наивно и просто отвѣтилъ ему:

— А то, паночку, для того что въ немъ испоконъ все вѣшаются... для того и Вѣшòвникъ.

— То-есть какъ это вѣшаются? переспросилъ Константинъ, оставаясь въ нѣкоторомъ недоумѣніи предъ такимъ объясненіемъ.

— А такъ, якъ всегда! тѣмъ же тономъ отвѣтилъ возница,—на пояскѣ, али на вярòвци.... захляснець на сукъ, летаю сдѣлаецъ, та ѿ готово!

— И много тутъ вѣшалось?

— А всё: кому горе яко, аль такъ себѣ марно жить на свѣци....

— И давно ему такое названіе дако?

— А давно. Ще отъ дѣдовъ осталось... То давна такъ, ланочку!

Хвалынцевъ пожалъ плечами.

— Чего вы? оглянулся на него Свитка.

— А того, что сколько ни жилъ въ Россіи, отвѣчалъ Константинъ: — и въ сколькихъ мѣстахъ не перебивалъ, но ей-Богу нигдѣ не встрѣчалъ такого характернаго названія!

— Не доводилось, значитъ, замѣтилъ Свитка.

— Да!... А вотъ здѣсь довелось! съ нѣкотораго рода маленькимъ злорадствомъ отпарировалъ Хвалынцевъ, покаявъ изъ тона Свитки сокровенный смыслъ его замѣчанія, которымъ онъ хотѣлъ сказать что и въ Россіи-молъ то же самое.—Всѣми этими случайными, на лету подхвачиваемыми свидѣніями обогащалась сокровищница знакомства Хвалынцева съ хваленою Литвой.

Между Корвачевской роцей и Вѣшовникомъ, почти по самой опушкѣ, растянулась полукруглою линіей длинная дѣль охотниковъ, занявшая собою отъ одного фланга до другаго разстояніе версты въ полторы, коли не больше. Хвалынцеву досталось мѣсто при самой дорогѣ, которая, пролегая мимо Корвачевской роци, уходила въ глубь сосноваго бора. Онъ выбралъ себѣ наиболѣе удобный пунктъ около старой, опаленной и разбитой грозой сосны, которая одиноко высилась своимъ искалѣченнымъ стволомъ надъ мелкимъ хвойнымъ кустарникомъ, и довольно удобно примостилась за ея прикрытіемъ, въ огражденіе себя отъ чуткаго вниманія зоркаго звѣря. Натопоренный проселокъ, со своими двумя глубокими колеями, пролегалъ отъ него шагахъ въ пять не болѣе. Вправо и влѣво отъ себя, шаговъ на пятьдесятъ разстоянія, Хвалынцевъ могъ видѣть двухъ соседнихъ стрѣлковъ, которые оба принадлежали, кажись, къ дворянъ пана Котырло. „Если и дамъ промахъ, значитъ, тѣ поддержать“, подумалъ себѣ Константинъ, не имѣвшій претензій считать себя ни особенно ловкимъ, ни особенно опытнымъ и страстнымъ охотникомъ. Онъ въ охотѣ всегда любилъ болѣе окружавшую его природу и потому хорошей способъ убить праздное время не безъ пользы для собственнаго здоровья.

Въ воздухѣ было тихо и чулася легкій морозецъ. Въ лѣсу тоже стояла тишина невозмутимая, только вѣтеръ порою съ легкимъ шумомъ таялъ по вершинамъ. Прошло съ добрый часъ времени съ тѣхъ поръ какъ Хвалынцевъ занялъ свое

мѣсто подъ опаленною сосной. Вдругъ далеко, далеко, въ лѣсу послышался короткій лай собаки. Черезъ нѣсколько мновеній къ нему присоединилась другой собачій голосъ, къ другому третій, а тамъ еще и еще, и минуты черезъ три лѣсъ огласился знакомою переливчатою музыкой..... Гончія дружно вели по звѣрю. Хвалынцевъ заботливо осматривалъ свой куроць и прислушался: направление собачьяго лая казалось значительно лѣвѣе.... „Далеко; не на насъ ведутъ“..... Въ эту самую минуту ухо его различило другой, совсѣмъ посторонній звукъ. Онъ обернулся и увидѣлъ что позади, приближаясь къ нему, громыааетъ по замерзлымъ колеямъ легкая повозка, запряженная въ одну лошадку. По морозцу лошадка бѣжала бойко, такъ что повозка приближалась довольно быстро. Вдругъ сосѣдній стрѣлокъ справа неустово замахалъ на нее руками, какъ бы желая остановить, но видя что это не помогаетъ, рѣшился наконецъ закричать въ подголоса, продолжая свою жестикуляцію:

— Стой!... Стой!... Навадь!.. Прочь съ колеи!

Повозка почти приблизилась къ тому мѣсту гдѣ стоялъ Хвалынцевъ.

— Прру-у!.. Прру-ся! послышался изъ нея недовольный голосъ. Лошадка стала и отфыркинулась.

Хвалынцевъ обернулся и увидѣлъ священника, того самого, какъ показалось ему, который вчера служилъ обѣдню въ Червемской церкви. Онъ одинъ сидѣлъ въ своей повозкѣ и самъ правилъ.

— Полеванье, стало-быть? сказалъ онъ, замѣтивъ Хвалынцева и приподнявъ ему свою широкополую шляпу.

— Да, батюшка, охота.

— Такъ-съ.... проѣхать, значитъ, не можно?

— Не знаю, право.... Вѣроятно нельзя. Потому облага съ той стороны—сюда, значитъ, гонять.

— Такъ-съ.... Хм.... Какая жь досада, право, со вздохомъ, причмокнувъ языкомъ, проговорилъ священникъ, безразлично осматриваясь въ лѣсъ и по сторонамъ озабоченнымъ взглядомъ.

— А вамъ очень слѣшно? спросилъ Хвалынцевъ.

— Да надо бы.... большой тутъ. у меня одинъ—вотъ въ Мишкахъ, за лѣсомъ тутъ.... версты четыре будетъ.

— Такъ вы что же, навѣститъ?

— Да; лѣкарства еще везу....

— Сами дѣдите? продолжалъ разспрашивать Хвамынецъ который, соскучившись стоять болѣе часу на одномъ мѣстѣ и слыша по лаю что звѣря гонять совсѣмъ въ другую сторону, радъ былъ случаю развлечься немножко болтовнею съ постороннимъ человѣкомъ, который къ тому же представлялъ собою для него нѣкоторый интересъ, какъ русскій священникъ этого края.

— Да-съ, врачуемъ съ Божьею помощью, скромно и просто отвѣчалъ тотъ:—медииковъ-то по близости нѣтъ, ну да вы всегда и ѣдутъ они охотно къ селянину.... Такъ вотъ по необходимости.... и тѣмъ лаче своего прихода. А вы, осмѣлюсь полюбопытствовать, сдается мнѣ, Русскій? съ нѣкоторою застѣнчивостью вдругъ спросилъ оный.

— Русскій, батюшка. А что?

— Такъ, по выговору слышно. Очень пріятно.... Знаете, въ здѣшнемъ краѣ это на рѣдкость если кто изъ Россіи. Вѣрно на службу прибыть изволили?

— Нѣтъ, батюшка, протѣдомъ.... Совсѣмъ случайно попалъ.

— Сродниковъ, значить, или знакомыхъ имѣете?

— Да вотъ почти только-что познакомился. У попучика моего тутъ знакомые, а я ужъ такъ только съ нимъ.

— Такъ-съ, такъ-съ, раздумчиво проговорилъ священникъ, вглядываясь вдаль дороги все тѣмъ же безразличнымъ взглядомъ. Вчера, если не ошибаюсь, вдругъ прибавилъ оный, привѣтливо обращаясь снова къ Хвамынцеву:—въ церкви нашей изволили быть.... сдается мнѣ будто примѣтилъ за обѣдеи...

— Какъ же, батюшка, былъ, словоохотливо подтвердилъ Константинъ.—Это первая еще церковь въ которой мнѣ довелось быть въ здѣшнемъ краѣ.

— Церкви-то вообще здѣсь не богатые, замѣтилъ священникъ, какъ бы извиняясь въ нищенской вѣщности своего храма.

— За то костелы, кажись, очень богаты?

— Костелы.... Н-да, костелы богаты.... Ну, да большому кораблю большое и лааванье, говорится....

— А развѣ православная церковь здѣсь такой маленькій корабликъ?

— Не маленькій, а знаете.... извините на моемъ откровенномъ словѣ, забытый, такъ-сказать, обиженный корабль, и трудно плавать въ здѣшнихъ моряхъ-то: очень ужъ много всякихъ камней подводныхъ....

— Почему так?

— Да по всему-сь: и духовно, и материально. Теперь на-чать хотя бы съ материальнаго: вѣдь ксендзь вонъ, даромъ что безбрачевъ, а одного казеннаго положенія получаетъ почти втрое болѣе противъ нашего брата, ну и отъ помѣщиковъ тоже поддержка большая, а намъ откуда же? Хлопы народъ вѣдь бѣдный, круглый годъ картошку да хлѣбъ съ мякиной ѣдятъ.... на поддержку храма и то вонъ во сколько лѣтъ ни-какъ не скѣлимся.... А въ Россіи-то насъ, къ тому же, кажется, какъ будто и за Русскихъ совѣмъ не почитаютъ.... и не знаютъ насъ даже.... совѣмъ позабыты.... Такъ вотъ и си-ротствуемъ—и народъ, и церковь, и священнослужители....

Хвалынцеву, послѣ столь откровенно и безпритязательно высказанныхъ словъ, захотѣлось, придравшись къ случаю, проверить вѣскольکو достовѣрность Свиткинскихъ и Ко-тырловскихъ сообщеній.

— А меая, напротивъ, всѣ увѣряли тутъ, сказалъ онъ:— что правительство костель притѣсняетъ, а всячески прола-гандируетъ православіе, что даже въ заграничныхъ газетахъ жаауются.

Священникъ усмѣхнулся.

— Кто это увѣряетъ-сь?

— Да вотъ новые мои знакомые.

— Да?... ну что жь... бываетъ. Священникъ какъ бы за-труднился влодвѣ открыто высказать свою мысль предъ незнакомымъ человѣкомъ:—Бываетъ такъ что увѣряютъ ино-гда будто и бѣлое—не бѣлое, а черное. Всякое на свѣтѣ бы-ваетъ! А что это на счетъ заграничныхъ газетъ говорить вы изволите, продолжалъ онъ:—такъ я вамъ скажу что намъ-то даже вотъ и жаловаться некуда и некому.

— Что жь такъ? удивился Хвалынцевъ.

— Безполезно-сь. Ужь таковъ нашъ опытъ историческій. Пожаауйся—изъ тебя сейчасъ сдѣлаютъ ябедника, безлокой-наго человѣка, ославятъ доносчикомъ, шпиономъ, а то пожа-луй административнымъ порядкомъ и въ дальній монастырь на заточеніе упрячутъ... У насъ и эти примѣры есть.

— Но вѣдь есть же у васъ наконецъ и безпристрастные, честные, справедливые люди?

— Конечно-сь.... какъ не быть, да поди, доберись до нихъ! Надо прежде сквозь двадцать мытарствъ перейти, а въ

каждомъ изъ нихъ тебѣ шею свернуть могутъ. Вѣдь они здѣсь сила!

— То-есть кто это?

— А господа дворяне... ну и чиновничество тоже разумѣю въ томъ же счетѣ... Да, большая сила! раздумчиво и неслѣдя повторилъ священникъ; но вдругъ, какъ бы спохватившись, приподнял слегка свою шляпу и съ смущенною торпливостью обратился къ Хвалынцеву, словно бы извиняясь въ чемъ:—Вы, впрочемъ, милостивый государь, не обезсудьте на такомъ моемъ словѣ... можетъ я что и вопреки... съ такой моей откровенностію... Но такъ какъ собственно думалъ себѣ что русскаго человѣка встрѣтилъ, то больше по этому!... Вѣдь намъ это въ рѣдкость!... А то, знаете, и высказать-то здѣсь некому... въ себѣ таишь все это... Но впрочемъ, извините, ежели что не такъ...

Хвалынцевъ въ отвѣтъ на это послѣдшилъ открыто и радужно протянуть ему руку и просилъ отнюдь не сомнѣваться въ немъ.

— Меня, напротивъ, все это крайне интересуеетъ,—всѣ эти здѣшнія отношенія, говорилъ онъ:—вѣдь я тутъ просто какъ въ темномъ лѣсу, такъ что, ей-Богу, сердечно радъ каждому случаю, каждой встрѣчѣ которая мнѣ разъясняетъ мои собственные сомнѣнія... Я, видите ли, батюшка, я и самъ начинаю убѣждаться—признался онъ въ заключеніе:—что здѣсь многое не такъ какъ я думалъ и какъ меня увѣрили...

— Да-съ, продолжалъ съ легкой усмѣшкой священникъ:—хотя бы вотъ на счесть того, какъ вы изволили выразить, будто костель въ притѣсеніи; а знаете ли какъ называется здѣсь наша православная церковь, православная вѣра?—„хлопська церковь“, „хлопська вѣра“ и нѣтъ имъ другаго имени окрѣпъ какъ „хлопскія“, спросите любого крестьянина: какой ты вѣры?—онъ вамъ отвѣтитъ „хлопской“; а римская вѣра „панскою вѣрой“ величается,—ну, вотъ вамъ и извольте видѣть какое ей утѣшеніе.

Мало-по-малу разговоръ перешелъ на животрепещущій въ то время вопросъ объ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ. Хвалынцевъ замѣтилъ, въ похвалу здѣшнихъ помѣщиковъ, что они были первые которые послѣдшили столь либерально откликнуться на призывъ къ эманципации.

— Да-съ, они вообще очень ловкіе! согласился священ-

ицъ.—Почему же однако и не заявить себя съ либеральной стороны, коли за кулисами можно дѣло обдѣлать по-своему?

— То-есть? попыталъ Хвалынцевъ, желая вызвать собеседника на объясненіе.

— То-есть посредники-то вѣдь свои же люди,—а по пословицѣ: рука руку моетъ. Почему же и не обсчитать темнаго хлопа, налпримѣръ показавши хотя бы въ уставныхъ грамотахъ и земельный надѣлъ, и всякія угоды меньше того что въ самомъ дѣлѣ, ну а одѣлочную норму можно и гораздо больше взять, вѣдь дѣльцы-то всѣ, милостивый государь, люди-то свои, говорю вамъ, а хлоплу одно прозваніе: „быдло“! А черезъ то, глядь, и землицы лобольше выгадаемъ, и выкупная сумма лонадбавится, а деньги-то намъ теперь ой какъ нужны.... время такое.... И это вѣдь не отдѣльный какой-либо случай: это въ нашемъ краѣ всеобщее теперь, завседневное явленіе.

— Такъ неужели же не найдется никого кто бы раскрылъ глаза хоть бы хлопамъ-то этимъ? въ изумленіи пожалъ плечами Хвалынцевъ, не мало возмущенный этими свѣдѣніями, которыя въ ту пору составляли для него совершенную и притомъ неожиданную новость.

— А вотъ изволите видѣть, усмѣхнулся священникъ съ отъякомъ ѣдкой накатывающей горечи:—помѣщикъ—панъ, посредникъ тоже панъ, чиновникъ — какой вамъ угодно—тоже панъ, и ксендзъ, по положенію своему, панъ и лану же служить, и все это вкулъ называется Поляками, а крестьянинъ—это хлопъ, быдло, существо иной природы... Ну, вотъ намъ, лопамъ своимъ, хлопъ пока еще вѣрить, приходитъ зачастую: такъ и такъ, лане ойче, объясните. Ну, конечно, совѣсть требуетъ не держать его во тьмѣ; объяснить ему, наставить, а за этимъ у насъ тоже зорко слѣдятъ и какъ только провѣдаютъ—сейчасъ каверзу на тебя, доносъ: такой-то полъ народъ смущаетъ, бунтъ производить, социалистскія и коммунистскія идеи распространяетъ, нелицемеріе властямъ и помѣщикамъ и все такое прочее. Ну, сейчасъ слѣдствіе: пріѣдетъ слѣдователь—опять же панъ; а пойдете въ судъ—и судья, и секретарь и всѣ остальные — все паны, все шляхетные; и бывали случаи, да даже еще недавно, что кромѣ хлопотъ и неприятностей нашего брата и съ приходомъ смѣщали. Да-съ, мудроно здѣсь плавать, говорю вамъ,—ой, какъ мудроно-то: вездѣ и во всемъ большую силу имѣютъ!

— Но вѣдь это же безвыходное положеніе! воскликнулъ Хвалынецъ.

— Пока — совершенно безвыходное, согласился священникъ:— а будущее въ рудѣ Божіей... Его святая воля!

Въ это время съ лѣвой стороны раздалось нѣсколько выстрѣловъ, перекатымъ эхомъ проведшихся по лѣсу, и черезъ минуту музыка собачьяго лая была покрыта побѣдно-призывными звуками охотничьяго рога.

— Надо полагать, звѣря забили, замѣтилъ священникъ, прислушиваясь къ этимъ звукамъ:—викторію трубать.

Хвалынецъ оглядѣлся по сторонамъ. Оба сосѣдніе стрѣлка тронулись уже съ мѣстъ и шли по направлению влѣво на звукъ призывнаго рога.

— Конечно, что ли? окликнулъ Константинъ подходившаго охотника.

— Скончѣну, паночку! подтвердилъ тотъ приподымая свою сѣрую барашковую шапку.

— Ну, теперь и мнѣ, значить, вольно проѣхать, замѣтилъ священникъ.—Очень пріятно!... очень пріятно! привѣтливо приподымая шляпу, отвесилъ онъ къ Хвалынецу:—благодарю за бесѣду.... душевно благодарю.

— Позвольте, батюшка, познакомиться! обратился къ нему Константинъ Семеновичъ, протягивая руку и назвавъ себя.

— А, очень радъ! Отецъ Ковотовичъ, Сильвестръ, отрекомендовался въ свой чередъ священникъ и, завернувшись плотнѣе въ свою старенькую замчью шубу, тронулъ возжи. Застоявшаяся лошадка потрусила доброю рысцей въ глубину основанаго лѣса.

Хвалынецъ, проводивъ его глазами, вскинулъ ружье за плечо и зашагалъ по цѣлившъ широкимъ шагомъ, послѣдняя вслѣдъ за другими охотниками къ сборному пункту.

(До слѣд. №).

В. КРЕСТОВСКІЙ.

ФРАНЦІЯ ВЪ ПРОШЛОМЪ ГОДУ

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Дождь, слякоть. Огни уличныхъ фонарей тускло мерцають во мгlistомъ туманѣ. Между двумя нескончаемыми рядами этихъ неподвижныхъ огней безпрестанно мелькають и движутся назадъ и впередъ разноцвѣтные фонари фіакровъ, омнибусовъ и каретъ. Окна магазиновъ и ресторановъ, идущихъ сплошь, безъ перерыва, на всемъ протяженіи бульваровъ, залиты свѣтомъ; лучи его не пропадаютъ въ туманной мглѣ, они отражаются почти въ упоръ, въ шести-семи шагахъ на бесчисленныхъ, окаймляющихъ наружную сторону бульварныхъ тротуаровъ, деревянныхъ лавчонкахъ наскоро сколоченныхъ изъ ветхаго, гнилаго дѣса, убогая голь котораго прикрыта тамъ-сямъ рекламами и разноцвѣтными афишами.

Направо магазины, роскошь; газъ заливаешь яркимъ свѣтомъ чуда парижской промышленности, изящныя произведенія искусства, затѣи утонченной роскоши; налѣво, въ баракахъ, аляповатый, грошовый товаръ тускло освѣщается стеариновыми огарками всажеными въ безобразныя деревянные втулки. Направо откормленные комки, завитые, расчесанные, безукоризненно одѣтые и обутые, или шикарныя *demoiselles de magasin* въ шивьдонахъ и луффахъ свисходительно и съ высоты своего величія встрѣчаютъ васъ; налѣво худой, поджарый, темный людъ въ какихъ-то хламидахъ вылинявшихъ

совершенно, желтоватыхъ, зеленоватыхъ, клетчатыхъ съ какими-то грязными отрельями закрученными вокругъ шеи вмѣсто галстука, въ картузахъ, надрывается изо всѣхъ силъ и надтреснутымъ, осиплымъ голосомъ зазываетъ лублику полюбоваться колѣбчатымъ товаромъ разложеннымъ на лоткѣ:

„Toute la boutique pour quinze sous!“

Весь ты тутъ Парижъ, городъ всевозможной роскоши, городъ безысходной нищеты, городъ контрастовъ, гдѣ средневѣковой паломнической караванъ съ кардинальской шапкой впереди сталкивается съ „гражданскою“ погребальною процессіей Франсуа Гюго съ Луи Бланомъ во главѣ.

Бульвары наполнены народомъ. Все это толпится подъ дождемъ въ туманѣ и медленно, праздно прохаживается между магазинами и лавчонками, разговариваетъ, хохочетъ, кричитъ и рассуждаетъ; все это вышло встрѣчать Новый Годъ.

Поздно, часъ приближается. Распахнулись двери бульварныхъ театровъ—представленіе кончилось, повалила театральная лублика и смѣшалась, и исчезла въ морѣ голосовъ зашурившихъ бульвары. Вотъ ударило гдѣ-то на церковныхъ часахъ: разъ, два.... Толпа немного осталовилась, попритихла.

Глаголъ время, металлъ звонъ,
Твой страшный гласъ меня смущаетъ.

Смущаетъ онъ меня въ особенности когда раздается послѣдній бой отходящаго года. Странное чувство! Мимолетная, переходная минута! Вы стоите между прошлымъ и будущимъ, между воспоминаніемъ и невѣдомымъ грядущимъ.

Антрактъ; вы въ театральной залѣ: одно дѣйствіе кончилось, сейчасъ начнется другое... Одинадцать, двѣнадцать!

Толпа засуетилась, загудѣла. „Новый Годъ! *Ça y est!*“ Шумъ, говоръ, смѣхъ, поздравленія, радость. Чему они смѣются, чему радуются, съ чѣмъ другъ друга поздравляютъ? Развѣ съ тѣмъ что семьдесятъ третій годъ канулъ въ вѣчность, что они довольно счастливо перевалили еще одну тяжкую годовину? Что даль онъ имъ семьдесятъ третій годъ, который они столь же радостно встрѣчали? Даль ли онъ имъ хоть надежду?

Странный годъ для Франціи. Перебираю въ послѣднюю минуту все совершившееся здѣсь за эти 365 дней. Скорбный перечь, въ которомъ грустное и смѣшное безобразно перемѣшивается.

Вижу я начало года: безпокойство, тревога, неизвѣстность

агитація во всѣхъ политическихъ лагеряхъ, распри престарѣлаго Тьера съ палатою, застой въ дѣлахъ и бѣдность; всѣ жалятся, всѣ ропщутъ....

Съ быстротою молніи облетаетъ городъ новость: Наполеона не стало! Одни радуются—Бонапартомъ меньше. Другіе плачутъ и горюютъ—императоръ умеръ.

Умеръ онъ, какъ угасъ первый изъ его рода, въ изгнаніи, на англійской землѣ. Въ теченіи двадцати лѣтъ сумѣлъ онъ управлять и справляться съ этимъ страннымъ, непостояннымъ народомъ. Власть его казалась незыблемою, династія утвердившеюся. Одно пораженіе, нѣсколько лишнихъ батальоновъ и батарей сосредоточенныхъ вовремя въ одномъ мѣстѣ счастливымъ соперникомъ, и все зданіе имперіализма рушилось какъ карточный домикъ.

Главная вина Наполеона состояла въ томъ что онъ перешелъ своихъ первыхъ друзей и совѣтниковъ. Преемники Морни, Севтъ-Арно, Мокара натолкнули устарѣвшаго императора на путь компромиссовъ и уступокъ радикализму во имя нездоровой популярности. Съ перваго шага по этому пути вторая имперія,—олицетвореніе не столько милитаризма, сколько промышленной имперіи Прудона,—погибла.

Ко благу, ко вреду ли Франціи и общества послужила эта смерть? Прислушиваюсь, согласно мудрому совѣту, къ тому что говорятъ враги: радикализмъ и демагогія шумно радуются и ликуютъ. Эгоистъ буржуа, въ пользу котораго хлопотала вторая имперія, равнодушно встрѣтилъ извѣстіе о смерти человѣка превратившаго Парижъ во всемірный каравансарай. „Онъ умеръ, теперь онъ мнѣ не нуженъ!“ Притомъ же вниманіе его отвлечено другимъ; ему нашелтываютъ, ему, разслабленному развратнику, скаandalную „исторію“ улицы Сюренъ. И забыть немедленно чизельгёрстскій покойникъ, забыть и лебисцитарный императоръ, и человѣкъ Мексики и Седана. Съ благороднымъ негодованіемъ буржуа читаетъ повѣствованіе о грязныхъ продѣлкахъ *tatain* Ронди, начальницы заведенія улицы Сюренъ. Онъ возмущенъ. „Какъ? И это въ Парижѣ?“ Въ его Парижѣ! Читаетъ и не замѣчаетъ что самъ съ жаднымъ, сладострастнымъ любопытствомъ глотаетъ нескромныя разоблаченія объ эротическомъ притоевѣ....

Весна. Все расцвѣло. Деревья покрылись листьями. Зданія, памятники, колоны, фонарные столбы—разноцвѣтными афишами. Желтыя, красныя, розовыя, трехцвѣтныя объявленія

пестрятъ глаза и тянутся безконечною вереницей по стѣнамъ домовъ, заборамъ, гранитной набережной. Предъ ними кучками стоитъ народъ и читаетъ. Афиши эти—прокламаціи кандидатовъ и избирательныхъ комитетовъ города Парижа.

Три человека выступили на состязаніе: Ремюза, другъ Тьера, освободителя, какъ восклицаютъ теперь восторженно радикалы, Бароде, другъ коммуны, и Стоффель, другъ бовалартизма.

Афиши Бароде рѣзки и радикальны какъ сами принципы кандидата: багровая полоска на которой алаяловатыми, огромными буквами напечатано: „Бароде эксь-меръ Ліона“. Ничего больше, это все; но этого довольно: Бароде—знамя.

Откуда взялись деньги на расходы по этой кандидатурѣ, кто разблаговѣстилъ это имя по корамъ и трущобамъ? Откуда? Ищите тамъ въ низу, въ самомъ низу, гдѣ кишатъ и бродятъ осадки западно-европейскаго общества, тамъ гдѣ зародилась Интернаціоналка, гдѣ зародился коллективизмъ. На темныя дѣла тамъ всегда имѣются деньги въ избыткѣ.

Вотъ продолговатая, изящная разноцвѣтная афиша. Въ Севъ-Жерменскомъ предмѣстьи, въ сосѣдствѣ церквей, онѣ блѣдно-лиловыя и подписаны графомъ де-Ремюза, въ промышленныхъ кварталахъ—розовыя, подписаны де-Ремюза, на окраинахъ Парижа онѣ красныя, подписаны просто Ремюза.

Бароде одинъ и тотъ же и въ центрѣ, и на окраинахъ, вездѣ багровый. Ремюза переливается во всѣ цвѣта радуги по кварталамъ, заигрываетъ со всѣми, общается всѣмъ олицетвореніе разлагающей политики предыдущаго режима. Консерваторамъ онѣ общается спокойствіе и строгое преслѣдованіе демагогическихъ взрывовъ, съ клерикалами онѣ мягко, уклончивъ и лакониченъ: „постараюсь“, консервативнымъ республиканцамъ сулитъ онѣ консервативную республику, радикаламъ—просто республику, чистую, безъ всякой консервативной примѣси.

Двадцать седьмага апрѣля произошелъ розыгрышъ этой избирательной лотереи. Забыли должно-быть этотъ день, этотъ урокъ, и Тьеръ, и либерально-консервативная его братія. Провалился хамелеонъ Ремюза, другъ Тьера, помощникъ и слодвижникъ его, провалился по милости багровыхъ, провозглашающихъ теперь до небесъ маститаго эксь-президента и его режимъ. Провалился!... Не таковъ онѣ, поскольку только; вонъ онѣ вынырнулъ гдѣ-то тамъ въ глуши, въ провинціи, на-

любопытъ на себя на этотъ разъ красный колакъ: въ ноябрѣ графъ де-Ремюза оказался радикальнымъ кандидатомъ.

Избранъ Бароде. Бульвары залужены народомъ, новымъ людомъ, закваскою „будущихъ наслоеній“. Робко поглядываетъ буржуа на это неожиданное нашествіе. *Блудитъ какъ кошка, трусливъ какъ заяцъ*. Поутру онъ вотировалъ за того же Бароде: „Я свободный гражданинъ! Знать не хочу официальныхъ кандидатуръ!“ Вечеромъ увидѣлъ за кого онъ подалъ голосъ.

Радикализмъ высоко задралъ голову: мало Бароде, теперь намъ подавайте Ранка, чистѣйшаго коммуяра. Дѣйствительно, десятого мая Ранкъ избранъ расхолодившеюся радикаліей, Ранкъ декретировавшій убійства и поджоги. Еще разокъ такихъ выборовъ, и кандидатовъ прямо бы забрали изъ Тулона, съ ка-торги.

Затрелеталь тихій людъ, поднялся консерватизмъ.

— Чтò вы дѣлаете? спрашиваетъ онъ власть.

— Я, я ничего, такъ и слѣдовало быть, отвѣчаетъ власть, надтреснутымъ, разбитымъ старческимъ голосомъ.

— Какъ слѣдовало быть? да кого же побили нелавно? Вашего же кандидата разгромили?

— Это только такъ!!!...

Отвѣтъ послѣдовалъ двадцать четвертаго мая.

Въ этотъ день вечеромъ бульвары опять залужены народомъ. Все высыпало—ждетъ. Въ Версали ночное засѣданіе. Рѣшается правительственный вопросъ.

— Консерватизмъ одолевъ. Правительство Тьера пало. Макъ-Магонъ избранъ президентомъ республики! проносится въ толлѣ Блаузы и мягкія шалки повурили голову и попаелись молча обратно во свояси. Буржуа приободрился, заломилъ шляпу на бекрень и уже снова готовъ дѣлать оппозицію власти.

Солдату Франція вручила на время свою участь.

Реакція. Присмирѣли Бароде, Ранки и братія; съ ними пока справились. Но чтò это? съ другой стороны грозитъ опасность: воспрянулъ клерикализмъ, затрзвонили воъ колокола. Нескончаемыми вереницами потянулись паломническія процессіи. Депутаты несутъ хоругви, бѣлая знамена съ лиліями, за ними женщины перебирая четки причитываютъ молитвы, нечуты и плачутъ, и среди всего этого—духовенства видимо-невидимо. Съ удивленіемъ взираетъ народъ на диво и скеп-

тически прислушивается къ разказамъ бабъ о появившихся чудесахъ.

Въ одно прекрасное июньское утро газеты сообщаютъ краткую телеграмму о прїѣздѣ Персидскаго шаха въ Россію и о дальнѣйшемъ путешествіи азіатскаго монарха по Европѣ.

— Ага! тоже вздумалъ путешествовать! замѣчаетъ буржуа и равнодушно переходитъ къ другимъ новостямъ.

— Но вѣдь шахъ намѣренъ также посѣтить Парижъ!

— Еще бы! Иначе ему не стоило бы и ѣхать-то въ Европу... Пусть себѣ прїѣзжаетъ, намъ какое дѣло!

— И такъ вы не сдѣлаете шаху ни встрѣчи, ни приема?

— Разумѣется нѣтъ. Мы республика, свободные граждане, намъ нечего заискивать въ азіатскомъ деспотѣ.

— Шахъ въ Петербургѣ.

— Прекрасно!—Буржуа ни съ мѣста.

— Онъ уже въ Берлинѣ!

— Это хорошо, пусть себѣ развѣзжается.—Буржуа и ухомъ не ведетъ.

— Послушайте, онъ уже въ Лондонѣ!!

— Ну такъ что жъ что въ Лондонѣ? надоѣли вы мнѣ съ вашимъ шахомъ!!

Буржуа и знать ничего не хочетъ. Свободный я молъ гражданинъ, знаю только Францію, а до остальнаго мнѣ и горя мало.

Дней за пять до прїѣзда шаха власть запрашиваетъ муниципальный совѣтъ города Парижа какъ онъ, совѣтъ, намѣренъ встрѣтить азіатскаго монарха. „Тысячъ тридцать, я полагаю, можно положить“, совѣтуетъ власть.

— А я полагаю что вы колѣбаки не слѣдуетъ положить, отвѣчаетъ отъ имени большинства членъ совѣта, радикальный аптекарь Ламуру.

— Де не въ омнибусъ же посадить намъ его персидское величество для вѣзда въ Парижъ!

— А намъ-то какое дѣло? почему же не въ омнибусъ?

— Вспомните же что вы представители столицы міра.

— Хороша она теперь столица міра! пусть его посмотреть что вы изъ нея сдѣлали!

Словомъ, заварила каша которую услужливые листки немедленно разблаговѣстили по городу.

— Какъ? восклицаетъ въ благородномъ негодованіи удивленный буржуа, неавистникъ всяческихъ стѣсненій, мнѣ вос-

еще хотятъ принять шаха какъ мнѣ заблагоразсудится? мнѣ, „представителю столицы міра“? Посмотримъ!

И пошло, и пошло. Мѣстная печать вмѣшалась въ дѣло и подъ предлогомъ разъясненія по обыкновенію разожгла „вопросъ“ до крайности, а шахъ, о которомъ наканунѣ и знать не хотѣли, благодаря этой домашней распрѣ, сталъ львомъ минуты. Слабая струна Парижанъ къ представленіямъ и зрѣлищамъ выиграла по-старому, всѣ, старый и молодой, подыались на ноги, вмѣсто тридцати тысячъ предложенныхъ властью появились многосотенные проекты, назначена коммиссія—здесь безъ этого ни на шагъ—для устройства приема „царю царей“, какой-то академикъ предложилъ запретъ въ колесницу пару словъ изъ Ботаническаго Сада чтобы въ этомъ экипажѣ прокатить шаха по городу, словомъ, всѣ потеряли голову...

И эти люди называютъ себя республиканцами!

Народу видимо-невидимо. Кричать, бѣсуются и машутъ шапками. Между двумя рядами солдатъ медленно двигается кортежъ. Азіатскій монархъ усыпанный брилліантами, маршаль Франціи окруженный свитою составленною изъ привцевъ, герцоговъ, маркизовъ и графовъ; министры въ расшитыхъ золотомъ мундирахъ и дамы въ парадныхъ платьяхъ, въ перьяхъ и брилліантахъ. Куда ни взглянешь: галуны, шитье да лозу-мелты, куда ни взглянешь, вездѣ ленты, звѣзды, кресты и ордена. А полумилліонный лебедь тѣснится по бокамъ, дивится и ликуеть.

Встрѣча одѣланная Парижанами иностранному монарху показалаъ хорошимъ предзнаменованіемъ тѣмъ которые смотрѣли на республиканскій режимъ какъ на переходное вѣд, изъ котораго рано или поздно необходимо было выбратъся. Одно затрудняло этихъ господъ—раздоръ существовавшій между старшею и младшею линіями царственной расы.

— Можете ли вы сдѣлать что-нибудь одни? спрашиваютъ орлеанисты.

— Нѣтъ, отвѣчаютъ легитимисты,—не можемъ, это правда, но понимаете что между нами не можетъ быть ничего общаго послѣ того что случилось.

— Почему-же? кто старое помянетъ тому глазъ вонъ! Стоитъ ли говорить о пустякахъ?...

— Однако позволяете, вспомните о Филиппѣ Эгалите, о герцогинѣ Беррійской.—Если вы называете это пустякомъ, то...

— Если на то пошло, такъ почему же вы кстати не вспоми-

ваете о Лудовикѣ XVIII, о Карлѣ X, о поведеніи Шамбора съ ними?... Да наконецъ не въ томъ дѣло... порознь мы ничего, слабые дружно—сила...

— Однако...

— Что тамъ однако, давайте руку.

— А Филиппъ Эгалите?...

— А Карлъ X?

— А герцогиня Бергитская?

— Хорошо, возьмите назадъ герцогиню и Филиппа, мы возьмемъ назадъ Карла X? Идетъ?

— Пожалуй! Но вы прѣдете на поклонъ.

— Будьте спокойны, это наше дѣло!

Такъ совершилось сляпаніе. Одна сторона сдѣлала шагъ, другая два, подошли, обмялись, поцѣловались и оставили всѣ ссоры и раздоры.

Но совершившіе *фузію* забыли объ одномъ—о самихъ лицахъ которыхъ хотѣли сочетать законнымъ бракомъ, а подумать-то слѣдовало очень и очень потому что отношенія между женихомъ и невестою были совершенно исключительныя.

Невеста, барышня ужъ зрѣлыхъ лѣтъ—она родилась въ 1830 году—и весьма сомнительнаго поведенія, успѣла прижить отъ разныхъ лицъ нѣсколько дѣтей: *конституцію*, *знамя* и проч. Она требовала чтобъ эти незаконныя дѣти были официально признаны будущимъ супругомъ. Женихъ, съ своей стороны, объявилъ что ни за что не будетъ покушать цѣною своей чести руку невесты. Все казалось окончательно разстроеннымъ, но тутъ явились сваты. „Мы все устроимъ!“ И засновали эти навойливые, почтенные люди то къ жениху въ Фросдорфъ, то въ Версаль гдѣ жили уполномоченные невесты. Женихъ скажетъ слово, они передаютъ невестѣ два. Невеста отвѣтитъ два слова, они сообщаютъ жениху три. При такой процедурѣ не мудрено что за глаза суженые пришли скоро къ соглашенію. Все казалось окончательно устроеннымъ, барышня заказала уже приданое, женихъ собирался уже въ путь, какъ вдругъ оба узнали что были кругомъ обмануты усуживыми сватами. Женихъ написалъ невестѣ письмо въ которомъ объявляетъ что не намѣренъ торговать своею честью; раздраженная же невеста обратилась снова къ старому заслуженному воину отъ котораго-было отвернулось въ своемъ минутномъ увлеченіи и предложила ему сочетаться на время гражданскимъ бракомъ, чтобы хоть нѣсколько узаконить взаимныя отношенія.

Среди всей этой сумятицы, 8го ноября, снова растворились врата версальскаго театра, и 750 представителей Французскаго народа снова размѣстились по своимъ депутатскимъ мѣстамъ. Начались парламентскія представленія, шумныя, плохія и безъ наибѣйшаго ансамбля. 336 человекъ желаютъ одного, 337—прямо противоположнаго. Каждый голосъ идетъ въ счетъ, каждый изображается слабымъ смертнымъ подверженнымъ всякаго рода искушеніямъ. Начинается вербовка, подкупъ, предлагаются мѣста, посольскіе посты, портфели, префектуры и пр. Разлагающее дѣйствіе такого порядка вещей очевидно: благо и нужды страны не принимаются въ расчетъ, не служатъ боѣе главнымъ объективомъ для тѣхъ кому избиратели вручили кормило правленія; личные интересы, честолюбивыя надежды легко разжигаемы искусителями и взятки одна руководятъ политическими дѣйствіями большинства депутатовъ.

У семи нянекъ дитя безъ глазу, гласитъ пословица; посуди-те же что ожидаетъ несчастнаго ребенка когда ихъ семьсотъ пятьдесятъ, да притомъ когда всѣ эти няньки еще ссорятся между собою!

Несчастливая страна! бѣдная Франція!

— Монархію! кричатъ триста тридцать голосовъ

— Республику! кричатъ триста тридцать другихъ.

Остальные ничего не кричатъ, молчатъ, ждутъ и высматриваютъ что имъ выгоднѣе закричать.

Помято что самъ король, котораго прочли на царство, отказался отъ такой монархіи; не отказались отъ нея только монархисты. Такимъ образомъ къ половинѣ ноября всѣ очутились въ слѣдующемъ простомъ и ясномъ положеніи.

Монархисты—безъ монархіи и безъ короля.

Республиканцы—безъ республики и безъ президента.

Что дѣлать? рѣшились снова ждать, монархисты—монархію, консервативные республиканцы—окончательную консервативную республику, радикалы—свою социальную, а чтобы „выжиданіе“ это не показалось слишкомъ безобразнымъ, новоизобрѣтенный режимъ прикрытъ имелемъ, оставили законами и назначили правителя.

Имя было уже готово: Республика; его и оставили на время, на семь лѣтъ.

Законы... поручили комиссіи выработать по зрѣломъ обсужденіи, шелкувъ послѣдней что обсужденіе должно быть

насколько возможно болѣе зрѣлое, то-есть обстоятельное, подробное, а потому отнюдь не торопливое.

Правителя назвали президентомъ. Въ силу этого часть страны считаетъ его наместникомъ короля, другая—главою исполнительнѣйшей власти, третья—диктаторомъ; только президентомъ никто его не считаетъ.

Устроивъ такимъ образомъ судьбы народа, довольные собою представители стали ожидать рождественскихъ праздниковъ и Новаго Года.

Холодный декабрьскій вечеръ. Массы народа толпятся вокругъ Трианонскаго дворца и ждутъ чего-то. Въ оградѣ, за оградю, направо, налево, видѣются штыки и кивера. Мраченъ и непривѣтливъ видъ стараго дворца; весь онъ погруженъ во мракъ, только пять, шесть большихъ оконъ средней галереи слабо освѣщены красноватымъ свѣтомъ.

Мертвое молчаніе.

Вдругъ внутри зданія раздался глухой шумъ, будто тысячи людей засуетились и заговорили сразу, распахнулись наружныя двери и повалилъ народъ.

— Ну что? къ чему онъ приговоренъ? съ жаднымъ любопытствомъ вопрошаетъ толпа у тѣхъ что выходятъ изъ зданія.

— Къ смерти....

Зачѣмъ собрались всѣ эти люди? Рѣшенія чьей участи ждутъ они со столь жаднымъ любопытствомъ? Почему страшное *къ смерти!* брошенное въ отвѣтъ будто успокоило ихъ? Они люди, не звѣри, что жъ такое совершилъ приговоренный?

Приговоренный—Базень.

Въ великихъ преступленіяхъ обвинялся этотъ человекъ. Жители Альзаса и Лотарингіи звали къ суду виновника потери своей національности; французская армія обвиняла его въ потерѣ чести и знаменъ; Франція — въ потерѣ двухъ лучшихъ провинцій.

Его судили. Четыре дня тянулось нескончаемый перечень преступленій; съ ужасомъ слушали присутствующіе это скорбное повѣствованіе, газеты и журналы перепечатали его и разнесли по цѣлому міру; всѣ читали и содрогались. Прочла его также и французская армія. Послѣ продолжительныхъ дебатовъ подтвердившихъ всѣ эти преступленія, выносятся приговоръ—смертная казнь и расжалованіе, буквальное примѣненіе буквы закона.

Но процессъ открылъ столько язвъ, указалъ столько виновниковъ что карающая рука не опустилась.

Вотъ онъ и конецъ года. Удивительное сходство съ тѣмъ что было триста шестьдесятъ пять дней тому назадъ! Тѣ же сумрачные декабрьскіе дни, дождливые и холодные, та же увеличивающаяся смертность, то же ужасающее количество самоубійствъ—должно-быть легко годъ пришелся!.. Все то же тѣмъ встрѣтили 1873 годъ: безпокойство, тревога и неизвѣстность, агитація во всѣхъ политическихъ лагеряхъ, застои въ дѣлахъ, даже вопросъ о томъ поздравлять ли офицерамъ судна *Ореюко* папу или не поздравлять,—и тотъ повторился, чтобы показать въроятно насколько французская политика шагнула за этотъ годъ впередъ. Одно развѣ измѣнилось нѣсколько: бѣдности и жалобъ стало больше....

ПЕТРЪ ПЕТРОВЪ.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗУЧЕНИЕ РАСБОЛА

Андрей Печерскій: *За Волгой*, разказъ (*Русскій Вѣстникъ*, 1868)
Во мѣсахъ, разказъ (*Русскій Вѣстникъ*, 1871—1873).

Народный элементъ проникъ въ нашу литературу двумя путями, художественнымъ и философскимъ. При скудости нашихъ научныхъ силъ, продолжавшейся весьма долгое время, при бѣдности нашего философскаго образованія вообще, замѣчаемаго даже и въ настоящіе дни, было весьма естественно что гораздо прежде чѣмъ изученіе русской народности получило научную опору, поэзія наша уже питалась отъ живаго источника народной жизни. Пушкинъ въ зрѣлыхъ созданіяхъ своего генія явился не только національнымъ русскимъ поэтомъ, но и указалъ живую поэтическую струю въ непосредственномъ народномъ творествѣ, котораго наша критика вовсе не знала. Эти двѣ заслуги строго разграничены, хотя современная журналистика повидимому не замѣчаетъ того. Когда, въ одной изъ нашихъ статей, мы пытались указать на живость и поддѣлку той тенденціозной народности которою отличаются произведенія иныхъ современныхъ беллетристовъ, слова наши вовсе не были поняты. Петербургская печать, продолжающая удостоивать насъ своего вниманія, конечно болѣе чѣмъ того заслуживаютъ наши послѣдныя опыты, обвинила насъ въ томъ будто мы выдумали какое-то свое понятіе о народности, и нашла что для такого понятія нѣтъ соответствующаго выраженія ни на одномъ европейскомъ языкѣ. Это свидѣтельствуетъ только объ уровнѣ разумнія

петербургскихъ критиковъ. Разграниченіе понятій *національности* и *народности* въ нашей литературѣ есть существующій фактъ; они относятся одно къ другому какъ цѣлое къ своей части, какъ общее къ частному. Національность въ литературѣ охватываетъ всю совокупность духовныхъ интересовъ народа, всѣ стороны его духовной самобытности, выразившіяся въ его прошедшемъ и нынѣшнемъ просвѣщеніи; народность выдѣляетъ изъ этого общаго итога лишь то что непосредственно относится до умственного и нравственного обихода народной массы, ея быта и преданій. Повидимому, съ этимъ опредѣленіемъ не хочетъ согласиться петербургская печать, оскорбившаяся зачѣмъ мы народность современной беллетристики (разумѣемъ беллетристику Рѣшетникова и гг. Успенскихъ) понимаемъ въ смыслѣ *простонародности*. Петербургской журналистикѣ хотѣлось бы чтобы мы признали эту беллетристику *національною*. Слишкомъ много чести! Смыслъ думать что понятіе о нашей національности не исчерпывается букетомъ простонародныхъ ругательствъ, далѣе котораго ничего не даетъ литература новой мнимо-народной школы. Національная литература есть литература національной образованности. Такимъ образомъ Пушкинъ явился національнымъ русскимъ поэтомъ въ *Евгении Отгигинѣ*, *Борисѣ Годуновѣ*, *Мядналь Всадникѣ*, *Капитанской Дочкѣ*, во многихъ лирическихъ стихотвореніяхъ; народнымъ же въ тѣсномъ смыслѣ этого слова онъ былъ въ своихъ сказкахъ. Это, конечно, не значитъ чтобы народный элементъ не проникалъ въ другія его произведенія, но лишь насколько онъ проникаетъ въ нашу образованную жизнь, въ точкахъ соприкосновенія указанныхъ самую действительностью. Заслуга его въ послѣднемъ отношеніи заключалась именно въ томъ, что онъ указалъ эти точки соприкосновенія и разрушилъ презрительное отношеніе къ нимъ нашего тогдашняго просвѣщенія. Известно что первая, весьма еще неудовлетворительная, попытка его ввести въ литературу народный элементъ (въ *Русланѣ* и *Людмилаѣ*) была встрѣчена критикой съ какимъ-то безглазымъ содроганіемъ. Просвѣщеніе двадцатыхъ годовъ хотя замѣчало неизбежность котораго соприкосновенія образованной жизни съ народностью, но не хотѣло признать за послѣдней никакихъ правъ. Оно прощало это соприкосновеніе Крылову въ виду служебнаго, дидактическаго значенія басни, долженствующей приношаться къ низменнымъ вкусамъ лоучаемой и морализуемой

толпы, но возбуждало его въ высшихъ сферахъ свободнаго искусства. *Русланъ и Людмила* навела ужасъ на тогдашнюю критику. „Обратите ваше вниманіе—воскликала она—на новый ужасный предметъ возникающій посреди океана россійской словесности! Наши поэты начинаютъ пародировать *Киршу Данилова*; просвѣщеннымъ людямъ предлагаютъ повму писанную въ подражаніе „*Еруслану Лазаревичу*“. Указывая на сцену съ живою головою, тотъ же критикъ восклицалъ: „Позвольте спросить: еслибы въ Московское Благородное Собраніе какъ-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможнымъ) гость съ бороною, въ армякъ, въ лалтяхъ, и закричалъ зычнымъ голосомъ: здорово ребята! неужели бы стали такимъ проказникомъ любоваться? Зачѣмъ допускать чтобы ласкія шутки старины снова появлялись между нами?“ Такимъ образомъ критика взглянула на вторженіе въ литературу элемента народности съ точки зрѣнія свѣтской благопристойности, и не измѣнила этому взгляду во все продолженіе поэтической дѣятельности Пушкина. Извѣстно что его сказки и даже такія піесы какъ *Гусарь*, *Бѣсы*, *Утопленникъ*, прошли совершенно незамѣченными критикою, а къ *Евгенію Онегину* она постоянно обращалась съ упреками за простонародность нѣкоторыхъ картинъ и выраженій, въ которыхъ видѣла явную неблагопристойность. Самое имя Татьяны казалось неприличнымъ нововведеніемъ критикѣ привыкшей къ *Плѣнникамъ*, *Хлоямъ* и *Лизетамъ*.

Такимъ образомъ народность проникла въ нашу литературу художественнымъ путемъ гораздо ранѣе чѣмъ началось въ университетахъ и въ журналистикѣ извѣстное движеніе обратившее нашу образованность къ изученію народной жизни и бытовой старины. Когда движеніе это обозначилось, то первымъ дѣломъ его была идеализація народной жизни, что было реакціей на презрительное отношеніе къ народности господствовавшее въ нашихъ образованныхъ слояхъ до сороковыхъ годовъ. Вызванное условіями времени, направленіе это сдѣлало свое дѣло, разрушивъ стѣну, отдѣлявшую наше заимствованное просвѣщеніе отъ живыхъ силъ народной самобытности и научивъ насъ распознать въ этой самобытности многое такое что заслуживаетъ полнаго вниманія и обѣщаетъ развитіе въ будущемъ. Крайности стерлись, обломались въ борьбѣ направленій, и изъ этой борьбы возникло то трезвое и здравое отношеніе къ народу, одинаково чуждое какъ

фальшивой идеализаціи, такъ и преднамѣренной темноты красокъ, образецъ котораго представляютъ послѣднія произведенія писателя котораго имя весьма извѣстно, но который подъ своими баллетристическими произведеніями продолжалъ удерживать псевдонимъ Андрея Печерскаго.

Читателямъ *Русскаго Вѣстника* хорошо извѣстна эта обширная, высоко-талантливая эпопея современнаго раскола еще далеко не конченная, несмотря на то что размѣры ея достигли уже—шестидесяти листовъ. Мы не задемся въ настоящей статьѣ полною критическою оцѣнкой разказовъ Андрея Печерскаго; мы предполагаемъ только указать на выдающіяся стороны художественнаго и этнографическаго матеріала представляемаго этимъ произведеніемъ, и отмѣтить то особенное такъ-сказать этическое отношеніе автора къ народной жизни которое составляетъ характеристическую черту и главную прелесть его разказовъ. Самая обширность матеріала, свѣжаго и интереснаго, и разносторонняя глубина изученія, съ какими мы встрѣчаемся у Андрея Печерскаго, требуютъ отъ критики обстоятельности и основательности какихъ невозможно достигнуть въ бѣглой журнальной статьѣ. Чтобы оцѣнить сколько эрудиціи потрачено авторомъ на эту обширную эпопею раскольничьей жизни—и притомъ эрудиціи не книжной, не архивной, но добытой преимущественно путемъ непосредственнаго личнаго наблюденія надъ самою жизнью—достаточно взглянуть только на подстрочныя примѣчанія объясняющія массу областныхъ или архаическихъ реченій и такихъ подробностей бытоваго характера изъ которыхъ лишь немногія заимствованы изъ печатныхъ источниковъ, не говоря уже объ обильномъ матеріалѣ заключающемся въ самомъ текстѣ разказовъ. Для русскаго языка и этнографіи трудъ г. Андрея Печерскаго современемъ получить почти такое же значеніе какъ *Толковый Словарь* покойнаго Далля, съ тою разницей что у нашего автора заслуга изслѣдователя возвышается талантомъ художника, богатаго образами и красками и умѣвшаго понять наблюдаемую жизнь столько же поэтическимъ чутьемъ какъ и серьезнымъ изученіемъ.

Послѣдняя, то-есть чисто-художественная сторона разказовъ Андрея Печерскаго такъ значительна что сама по себѣ, независимо отъ бытоваго матеріала, даетъ этимъ разказамъ совершенно уединенное положеніе въ нашей текущей

беллетристикъ. Тенденціозный романъ послѣдняго времени отучилъ насъ отъ приемовъ эпического искусства, съ его разнообразнымъ языкомъ и живыми красками: мы отвыкли находить въ литературѣ освѣжающую поэтическую струю, фантазія наша рѣдко уносится въ область художественнаго вымысла чтобы жить и чувствовать вмѣстѣ съ его героями. Эпопея г. Андрея Печерскаго именно богата этимъ освѣжающимъ элементомъ, присущимъ только художественному эпосу. Читатель какъ бы вступаетъ въ особый, замкнутый и вмѣстѣ обширный міръ, исполненный самобытной жизни, которая раздвигается предъ вами какъ предъ очарованными глазами путника необозримые заводскіе лѣса, гдѣ притоилась своеобразная жизнь наблюдаемая авторомъ. Эта жизнь не обладаетъ внутреннимъ содержаніемъ и немного даетъ уму избалованному общеніемъ съ верхами образованной мысли; но она безконечно много говоритъ чувству, освѣжаемому соприкосновеніемъ съ простыми людьми и дѣвственною природою. Масса лицъ выводимая авторомъ навстрѣчу читателю, несмотря на ихъ образность и типичность, не только не обременяетъ разказа немужною пестротой, но напротивъ содѣйствуетъ цѣлостности впечатлѣнія. Этого результата авторъ могъ достигнуть только благодаря необыкновенной правдивости своихъ характеристикъ и чувству художественной мѣры которую соблюлъ онъ во взаимныхъ отношеніяхъ и въ группировкѣ выводимыхъ имъ дѣйствующихъ лицъ. Насъ не обременяетъ въ дѣйствительной жизни пестрота характеровъ съ которыми мы ежеминутно сталкиваемся; въ романѣ достигнуть этого гораздо труднѣе, и это выпадаетъ лишь на долю эпическихъ дарованій, умѣющихъ подойти къ жизни съ ясностью объективнаго наблюдателя. Фабула разказовъ *За Волгой* и *Въ лесахъ* также проста и незамысловата какъ сама русская народная жизнь, вращающаяся около несложнаго дѣла и полу-религіозной, полу-художественной обрядности. Тѣмъ не менѣе, несмотря на обиліе отступленій чисто-бытоваго, этнографическаго и археологическаго содержанія, составляющихъ какъ бы внѣшнюю обстановку эпопеи, повѣствовательный интересъ рѣдко гдѣ прерывается, и читатель принимаетъ участіе въ судьбѣ дѣйствующихъ лицъ разказа порою съ сильнѣйшимъ волненіемъ чѣмъ за чтеніемъ самаго эффектнаго романа. Результатъ этотъ достигается конечно опять - таки не чѣмъ инымъ какъ чрезвычайною

правдой и жизненностью изображеній. Сознаніе художественной правды въ разказѣ, постоянно присутствующее въ читателѣ, поражаетъ въ немъ чувство живаго родства съ героями эпопеи, съ которыми его связываетъ умѣнье автора показать въ каждомъ дѣйствующемъ лицѣ его *человѣческую* основу и затронуть струны на которыя созвучно отзывается природа читателя. Какимъ бы малымъ и личнымъ ни представлялось намъ то житейское дѣло которымъ озабочены напримѣръ одинъ изъ героевъ разказовъ, Патапъ Максимычъ, но мы чувствуемъ что это—не выдуманное, не сочиненное, а настоящее дѣло, при всей своей малости чрезвычайно важное для заводскаго „тысячника“, — и мы живѣйшимъ образомъ интересуемся его исходомъ и слѣдимъ за всѣми его перипетіями: интересъ правды, непосредственной дѣйствительности, заступаетъ интересъ самого дѣла. Новые лица входятъ въ разказъ по мѣрѣ того какъ раздвигаются его рамы и развивается дѣйствіе. Это всегда тѣ самыя лица съ которыми Патапъ Максимычъ столкнулся бы въ самой жизни: они навязаны ему не произволомъ авторской фантазіи, а всѣмъ складомъ дѣйствительности среди которой онъ живетъ. Авторъ нигдѣ не даетъ замѣтить вѣтофъ которыми сдѣланы отдѣльныя части его разказовъ: читателю кажется что предъ нимъ творитъ сама жизнь, создавая и разрешая столкновения въ естественномъ порядкѣ и направляя несложную драму къ ея естественной развязкѣ.

Андрей Печерскій давно уже упрочилъ за собою извѣстность глубокаго знатока русской народной жизни вообще и раскола въ особенности. Последнее произведеніе его является какъ бы законченною, совершенно отдѣланною и цѣлостною художественною картиною раскола. Этой поэтической картинѣ предшествовала конечно обширная черная работа, долгое и серьезное изученіе матеріала. Слѣды такого изученія чувствуются на каждой страницѣ и порою даже вредятъ чисто-художественной сторонѣ произведенія. Тѣмъ не менѣе, произведеніе это вполне художественно, не только потому что этнографическій матеріалъ вылитъ въ немъ въ беллетристическую форму, но и по самому существу дѣла. Работа художника такъ тѣсно сплелась съ кропотливымъ трудомъ изслѣдователя что они взаимно помогаютъ другъ другу. Авторъ не ограничивается изученіемъ бытоваго и археологическаго

материала, но перерабатываетъ его въ своей поэтической созерцательности и художественно постигаетъ самую природу раскола какъ живаго дѣла. Вотъ почему мы назвали его *разказы художественнымъ изученіемъ раскола*, желая отличить этѣмъ произведеніе Андрея Печерскаго отъ обильной въ послѣднее время исторической и критической литературы о расколѣ.

Нельзя не замѣтить что странное и многозначительное явленіе нашей народной жизни которому усвоено наименованіе раскола нуждалось именно въ художественной разработкѣ. Исслѣдованія нашихъ историковъ, богослововъ и этнографовъ объяснили весьма многія стороны этого явленія, опровергли много заблужденій и въ особенности развеяли темноту покрывавшую первое возникновеніе раскола и древнѣйшія судьбы его; но ученые исслѣдователи, при всемъ ихъ талантѣ и добросовѣстности, какъ бы обходили живую сторону явленія. Эта сторона ускользала отъ ихъ вниманія и могла открыться только художнику. Покойный Даль, котораго можно назвать предшественникомъ и учителемъ Андрея Печерскаго въ изученіи раскола, первый домыслилъ что если расколъ съ формальной, догматической стороны былъ дѣйствительно порожденіемъ невѣжества и изуверства, какимъ представляли его духовные писатели и историки, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заключалъ въ себѣ силу сообщавшую ему чрезвычайную живенность. Андрей Печерскій продолжаетъ и доводитъ до конца то чего Даль не могъ исполнить, какъ по недостаточности художественнаго дарованія, такъ и по неблагоприятнымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ: извѣстно что въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ на расколѣ лежалъ литературный запретъ. А между тѣмъ расколъ, будучи явленіемъ совершенно народнымъ, возникнувъ изъ ядра народной жизни въ той же степени какъ возникла изъ нихъ наприимѣръ народная поэзія, съ которою онъ такъ тѣсно связанъ, требовалъ именно литературной разработки, художественнаго изученія. Необходимость такого изученія сказывается изъ самой сущности явленія, насколько она выясняется въ превосходныхъ очеркахъ Андрея Печерскаго. Становится очевиднымъ что догматическая сторона раскола не составляетъ его главнаго внутреннего содержанія. Стремленіе сохранить во всей неприкосновенности завѣтъ предковъ отлучающее людей „древняго благочестія“, раскольничій консерватизмъ, выработавшійся

какъ бы въ фанатическій культъ всего стараго, очевидно не исчерпывается узкимъ формализмомъ обрядности; онъ прикрываетъ собою нѣчто болѣе общее, широкое, именно твердое убѣжденіе что весь вообще старый строй жизни лучше нынѣшняго, что старые люди были неизмѣримо умнѣе и чище нынѣшнихъ, что весь историческій ходъ жизни идетъ „на ущербъ“ отъ локомотива къ локомотиву. Извѣстно, напримѣръ, религиозное уваженіе людей „древляго благочестія“ къ старымъ книгамъ и иконамъ. Это уваженіе едва ли правильно будетъ почитать съ одной только догматической стороны, и ужъ конечно оно не имѣетъ ничего общаго съ интересомъ какой возбуждаютъ предметы старины въ ученомъ археологѣ. Оно исходитъ изъ убѣжденія въ превосходствѣ благодати почившей на всемъ древнемъ строѣ жизни — убѣжденія, которое люди старой вѣры способны расширять до безконечности, обращая его на такія стороны быта которыя не имѣютъ никакого отношенія къ религиозному догмату. Исследователь встрѣчается съ цѣлымъ народнымъ мировоззрѣніемъ, со стихійными явленіями народнаго духа, которыя болѣе доступны поэтической созерцательности, чѣмъ научному анализу.

Изъ разказовъ Андрея Печерскаго становится яснымъ что понятія наши о раскольничьемъ формализмѣ и изуверствѣ вообще очень преувеличены. Расколъ не столько пропитываетъ самую мысль народа, сколько его чувство; онъ какъ бы составляетъ принадлежность домашняго очага, содержаніе домашней обстановки, семейнаго склада и обихода. Въ немъ есть даже нѣчто женственное, ясно выражающееся въ томъ обстоятельстве что онъ „больше бабами держится“. Мушкетеры въ большинствѣ довольно равнодушны къ догматизму, почитая женщинъ болѣе компетентными въ этомъ дѣлѣ. „Послоръ Акинья съ своимъ сожителемъ о чемъ-нибудь мірскомъ“, объясняетъ Андрей Печерскій, „былъ бы ей окрикъ, а пожалуй и волосикъ бы у нея Паталъ Максимычъ маленько поправилъ. Ну, а на счетъ скитовъ, да лѣсовъ и всего эдакаго духовнаго— статья цная, тутъ не мужъ, а жена голова. Тутъ Акиньяина воля; можетъ она за хульные словеса мужа и лѣстовкой отстегать. Такъ ужъ изстари ведется. Расколъ вѣдь бабами больше держится, и въ этомъ дѣлѣ баба голова.“ При извѣстномъ взглядѣ нашего народа на женщину какъ на существо низшее и подначальное, ясно что вопросы религиозной догматики не были бы поручены ей вѣдѣнію еслибы мужъ

придавалъ имъ первостепенное значеніе и еслибы большинство людей „древняго благочестія“ было проникнуто фанатизмомъ, съ которымъ мы встрѣчаемся у расколоучителей. Благочестіе—дѣло жизни, домашняго обихода, леватовъ. Потому-то специализованное изученіе раскола со стороны исторической и обрядной не даетъ о немъ такого цѣлостнаго понятія, какъ изученіе художественное, наблюдающее его въ связи со всѣми другими сторонами народной жизни, въ которой оно входитъ тысячами путей, насыщая весь житейскій складъ.

Въ нашей литературѣ установилось двойное отношеніе къ народу. Съ одной стороны, въ которые писатели предположили открыть въ тайникахъ народнаго духа непочатыя мощныя силы, которыя они противопоставляли безпощадности нашей интеллигенціи и которымъ предрекали въ неопредѣленномъ будущемъ блестящую историческую роль. Другіе, отчасти полемизируя съ славянофилами, отчасти отираясь отъ непосредственнаго наблюденія надъ народною жизнью, вносили въ изображенія этой жизни чрезвычайно много копоти, и въ концѣ концовъ пришли къ отрицанію въ ней всякихъ здоровыхъ задатковъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія что ни тѣ ни другіе не были правы. У первыхъ являлась неумѣренная идеализація, подкрашенность и слащавость, вторые своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ народу подготовили безплодную и жалкую литературу нашихъ дней, находящую въ народной жизни только матеріалъ для тупаго глумленія. Въ литературѣ утвердился привычка подходить къ народу съ предвзятыми цѣлями, навязчиво отыскивать въ немъ именно тѣ стороны какія хочется найти въ немъ автору. Заслуга Андрея Печерскаго заключается въ томъ что онъ сталъ въ совершенно свободныя отношенія къ народной жизни. Его наблюдательности одинаково открываются ея свѣтлыя и темныя стороны; онъ не навязываетъ народу ни вымышленныхъ добродѣтелей, ни вымышленныхъ пороковъ; его цѣль очевидно состоитъ въ томъ чтобъ изобразить народную дѣйствительность такъ какъ она есть. Въ нашъ вѣкъ тенденціозной литературы, такой строго-эпической характеръ ловѣствованія составляетъ большую рѣдкость, и отъ него вѣтъ той свѣжести какую бывають запечатлѣны только созданія юношескаго періода цивилизаціи.

Свободныя отношенія автора къ расколу выразились весьма ясно въ нѣсколько пессимистическомъ взглядѣ какимъ

пришкнуты его возрѣнія на внутреннюю скудость „благочестія“ въ раскольничьихъ массахъ. По мнѣнію автора, расколъ очевидно держится не внутреннею своею силой. Авторъ во многихъ мѣстахъ съ безошаднымъ, хотя не злобнымъ, юморомъ обнажаетъ духовную скудость раскола, прикрывающаго строгою обрядностью самую матеріальную, житейскія попоазмовенія. Онъ заставляетъ, напримѣръ, одного повоажскаго кулца въ письмѣ къ окитской игуменьѣ Макофѣ выразаться такимъ образомъ: „и вашими святыми молитвами на судахъ взялъ я по лотинѣ барыша съ луда, да на коренной двадцать три копѣйки съ дельгой“. Разказавъ затѣмъ какъ другой кулецъ, Егоръ Трифоновъ, проторговался на томъ же товарѣ, благочестивый корреспондентъ продолжаетъ: „И такое Божіе милосердіе вашимъ святымъ молитвамъ приписуючи, шлю вамъ, матушка, сто рублей на серебро, на раздачу обительскимъ да сиротамъ по рубкамъ, которые хорошо Бога молили. А Игнатъевымъ въ обитель отнюдь не давайте, для того что онѣ за Егорку Трифопова Бога молятъ, онъ еще у Макарья при моихъ глазахъ дельги имъ давалъ и судаками. Токько ихняя-то молитва видимо не такъ до Бога доходна, какъ ваша. Просимъ и впредь не оставить, молиться хорошенько, чтобы Господь по нашей торговлѣ больше барышей подавалъ.“ Въ другомъ мѣстѣ, по поводу обильныхъ приношеній стекающихся отъ раскольниковъ въ скиты, авторъ объясняетъ что эти пожертвованія замѣняютъ у нихъ приношенія на колокола и на громогласныхъ протодьяконовъ, такъ какъ ни тѣхъ, ни другихъ у старообрядцевъ не полагается: „Какъ же, чѣмъ же имъ сердечнымъ спасать душу тятенькину?... Ну, и спасаютъ ее отъ муки вѣчныя икрой да балыками, жертвуютъ всѣмъ чтѣ есть на потребу бездоннаго иноческаго желудка... Посылай неоскудно скитскимъ отцамъ-матерямъ осетрину да севрюжину—несомнѣнно получить тятенька во всѣхъ лаутовствахъ и мошеничествахъ милосердное прощеніе. Вѣдь старцы да старицы мастера Бога молить, дельги только подавай да кормы посылай, такъ они какого хочешь грѣшника изъ ада вымолятъ... Оттого-то въ старообрядскихъ скитахъ и не оскудѣваетъ милостыня христороубцевъ. Вѣзъ бы жирнѣй, да лиазъ бы пьянѣй освященный чинъ—спасенье несомнѣнно.“

Истинные ревнители „древяго благочестія“ очень хорошо понимаютъ слабость религіознаго авторитета и не ожидаютъ

въ будущемъ ничего хорошаго для раскола. Отъ нихъ не укрываются матеріальные интересы привязывающіе къ старой вѣрѣ массы сельскаго населенія. Игуменья Манефа—этотъ высоко-художественный и изумительно правдивый типъ раскольниці стараго закала, сохраняющей релігіозную ревность прежняго времени вмѣстѣ съ житейскою практичностью, хитростью и тою способностью къ хозяйственной домовитости которая естественно должна высоко цѣниться въ сектѣ гдѣ дѣло „больше бабами держится“—пшюкня Манефа гаубоко скорбитъ объ упадкѣ релігіознаго чувства въ людяхъ, и съ пессимистическимъ недоувѣріемъ относится къ раскольничьей паствѣ. „Прошлымъ лѣтомъ, разказываетъ она своей пріятельницѣ, кулеческой вдовѣ Марьѣ Гавриловнѣ, у Глафириныхъ нову стаю рубила, такъ ронжински ребята да елфимовскіе смѣются съ галками-то (галицкими плотниками): строй, говорятъ, строй хорошенько, келейницѣ-то скоро разгонять, хоромы тѣ намъ достанутся... Вотъ что у нихъ на умѣ!“ Матушку Манефу смущаетъ эта неблагодарность благодарствуемой обителью паствы, готовой каждую минуту предать дѣло „древляго благочестія“. Изъ-за чего держатся они старой вѣры?—горько стнуетъ она. „Спасенія ради? какъ же не такъ! Изъ-за выгоды, изъ-за одной только выгоды...“ Обители и подати за нихъ платятъ, и сыновей отъ солдатчины откупаютъ, и деньгами сужаютъ, и всѣмъ... „Вотъ отчего деревенскіе къ старой вѣрѣ привержены. Не было бы имъ отъ скитовъ выгоды, давно бы всѣ до единаго въ никоніанство своротили... Какая тутъ вѣра?... Не о душѣ своей, а объ мощахъ радѣютъ... Слабы люди новѣ пошли, нѣтъ поборниковъ, нѣтъ подвижниковъ! Забывъ Бога, златому тельцу поклоняются!“...

Горькое сознаніе приближающагося „начала конца“ звучитъ въ словахъ матушки Манефы, когда она, на вопросъ Марьи Гавриловны: „неужели въ самомъ дѣлѣ скитамъ коленоцъ наступаетъ?“—со вздохомъ отвѣчаетъ:

— „Все къ тому идетъ“...:

Очевидно, внутренняя несостоятельность „древляго благочестія“ обнаруживается уже для болѣе прозорливыхъ его послѣдователей. Героическія времена раскола прошли невозвратно; „нѣтъ болѣе поборниковъ, нѣтъ подвижниковъ“, потому что нѣтъ болѣе гоненій манившихъ экзальтированныхъ личности соблазномъ мученичества. Вмѣсто дѣла вѣры,

какимъ расколъ былъ въ первоначальныя времена, онъ сталъ дѣломъ нравовъ, олицетвореніемъ старо-житейскаго быта, въ отверженныхъ формахъ котораго сохраняется дорогая для народа прелесть прадѣдовскаго обычая. И какъ умѣетъ Андрей Печерскій почувствовать и передать своеобразную поэзію той (самобытной, то празднично-степенной и важной, то сурово-трудоваго, то гуляивой жизни! Страницы которыя онъ посвящаетъ домашнему быту старицъ и бѣлицъ въ скитѣ матушки Манефы и полу-языческому празднованію весны, отражающему черезъ десятки вѣковъ удивительныя отзвуки старославянскаго поэтическаго созерцательности, эти страницы останутся въ числѣ самыхъ яркихъ въ русской литературѣ. Заброшенному въ сѣверо-восточныя лѣсные дебри расколу естественно было сохранить отъ глубокой старины это восторженно-поэтическое чувство весны, которая нигдѣ не является такимъ веселымъ, праздничнымъ, такимъ долго-жданымъ и желаннымъ гостемъ какъ среди суровой природы, окованной восьмидесятью слячкой. Все что въ народной поэзіи сохранилось наиболее яркаго, горячаго, дышащаго жизнью, все это естественнымъ образомъ сосредоточилось около весны и ея благодатнаго дѣйствія на скупыя силы природы. Праздникъ весны — по преимуществу сѣверный праздникъ, такъ точно какъ конецъ лѣта съ его сборомъ винограда — праздникъ южно-европейскихъ странъ.

Нигдѣ домашнее нравственное значеніе раскола какъ дѣла жизни, какъ бытоваго „уклада“, не выразилось такъ ясно какъ въ скитскомъ устроеніи, и особенно въ быту женскихъ обителей. Въ этихъ обителяхъ какъ бы воплотился идеалъ русскаго домоводства, замѣчательнымъ образомъ совмѣстившій черты общиннаго устройства съ такими которыя можно признать за отголосокъ древнѣйшаго родового склада. Общинная собственность, общинное хозяйство и рядомъ съ тѣмъ почти деспотическая роль настоятеля или настоятельницы, мало отличающихъ общинное дѣло отъ собственнаго, личнаго, и какъ бы заступающихъ, въ силу духовнаго родства, родовачальниковъ и старѣйшихъ до-государственной жизни. Здѣсь полный просторъ той дѣвкой, практической домовитости и хозяйственности которую такъ мило цѣнитъ русскій простолюдинъ, входя въ извѣстный возрастъ. Хозяйственное благоустройство скитовъ приноситъ

настоятелямъ и настоятельницамъ едва ли не большіе почетъ и уваженіе чѣмъ ихъ ревность по вѣрѣ, вѣлорочное житіе и познанія въ духовныхъ предметахъ. Паталъ Максимычъ, этотъ совершеннѣйшій представитель мірскаго раскола, понимающій „древнее благочестіе“ не какъ догматъ только, но какъ культъ старины въ обширномъ и общемъ смыслѣ, какъ старо-житейскій укладъ,—Паталъ Максимычъ не хочетъ вѣрить дурнымъ рѣчамъ про отца Михаила, потому что вышелъ у него въ скитѣ благоустроенное домоводство. Статочное ли дѣло, разсуждаетъ онъ, чтобы такой домовитый хозяинъ да нехорошими дѣлами занимался бы? И когда онъ наконецъ убѣждается въ плутовствѣ этого искуснаго домоустроителя, онъ все-таки посылаетъ къ нему своего любимаго прикащика, котораго прочитъ себѣ въ зятя, поучиться у него хозяйственному домоводству. До послѣдней минуты онъ убѣжденъ что отца Михаила обошли дурные люди, потому что какъ же самъ по себѣ можетъ сдѣлаться плутомъ такой домовитый хозяинъ? Матушкѣ Манефѣ тоже отъ всѣхъ почетъ не только за ея ревность по вѣрѣ и начитанность отъ Священнаго Писанія, но и за домашнее благоустройство скита. Въ этомъ благоустройствѣ находитъ себѣ удовлетвореніе практическая сторона русскаго простолюдина, его житейская дѣлливость, всегда въ немъ очень сильная. Она же обезпечиваетъ ему удовлетвореніе нѣкоторыхъ матеріальныхъ его слабостей: не только благолѣпіе храма и церковнаго служенія, но и вкусная и обильная монастырская трапеза манитъ въ обитель мірянина. Повежскіе „тысячаики“ нѣзжаютъ въ скиты отдохнуть и повѣжиться. Пусть читатели припомнятъ посѣщеніе Паталомъ Максимычемъ скита отца Михаила, этой раскольничьей Калуи, гдѣ умный тысячникъ, развѣженный великолѣпною баней съ матой и каулеромъ и обильнымъ угощеніемъ, просто влюбился въ домовитаго отца Михаила и такъ позволилъ оплести себя плутоватому игумену что едва не угодилъ вслѣдъ за нимъ въ острогъ. Эпизодъ этотъ одинъ изъ самыхъ характерныхъ въ разказахъ Андрея Печерскаго и прекрасно объясняетъ почему богатые раскольничьи кулцы, помимо религіознаго усердія и заботы о спасеніи души, такъ охотно жертвуютъ сотни и тысячи на скиты. Богатый русскій простолюдинъ любитъ по своему лобаловаться. Онъ дорожитъ зажиточностью, достаткомъ скитовъ, потому что нигдѣ его вкусы не могутъ полу-

чить такого полного удовлетворенія какъ въ богатой обители. Скитскіе келарі славятся своимъ искусствомъ въ русской стряпцѣ; каша у нихъ всегда полна любимую русскую свѣдью, обильно приносимую христолюбивыми жертвотельцами; а тутъ еще бава съ лиловыми лосками, съ мятой и канулеромъ, благоуханіе церковное, демественное лѣніе, почетъ богатому гостю безпредѣльный. Есть отъ чего разнѣяться и расщедриться тароватому тысячнику....

Вообще много привлекательнаго и заманчиваго представляетъ для русскаго человѣка скитокая жизнь. Здѣсь, какъ мы сказали, воплотился народный идеалъ добраго житія, въ одинаковой степени удовлетворяющій какъ нравственнымъ, такъ и матеріальнымъ потребностямъ народа. Здѣсь крѣпкій старыи укладъ, обуздывающій молодое неопытное легкомысліе и упрямую гордыню старости; здѣсь мудрое домостроительство и могущественный отпоръ всякому новшеству, которое болѣе всего на свѣтѣ претитъ разсудительному русскому человѣку; жизнь трудовая безъ отягощенія, а въ правдоности степенная и важная, что также непримѣрно любить народъ. Все дѣлается съ крестомъ да съ молитвой, по уставу да по укладу — спасеная жизнь... Есть чѣмъ удовлетворить и эстетическому чувству: обители щеголяютъ одна предъ другою согласнымъ лѣніемъ, благословенными иконами, искуснымъ рукодѣліемъ своихъ бѣлицъ. Присутствіе послѣднихъ сообщаетъ обителямъ особенную завлекательность. Бѣлицы болѣею частью все молодыя да приголыдыя—любо съ ними завѣжимъ гостямъ водиться. Пріѣхалъ московскій купеческій сынъ Василій Борисычъ къ матушкѣ Манефѣ съ письмомъ, да и зажилъ у нея въ обители, какъ сыръ въ маслѣ катается, вырваться не можетъ. Выдумалъ обучать бѣлицъ московскому демественному лѣнію, а бѣлицы тому и рады, шутки да смѣхи, да переглядки. Скучно имъ въ обители, не на радуются завѣжему доброму молодцу. Полу-отшельницы, полу-мірянки, овѣ съ ролотомъ переносятъ свою затворническую жизнь. Нейметса молодое сердце, горячая кровь кипитъ, переливается; не спасаютъ ихъ стѣны обители отъ жаркихъ весеннихъ грезъ. Для мірскихъ парней жѣ тѣмъ привлекательнѣе что находятся подъ крѣпкимъ надзоромъ. Жениться на бѣлицѣ можно только „уходомъ“; обаянное житейское дѣло получаетъ характеръ романа, требуетъ ловкости и удалства.

Интересный типъ бѣлицы прекрасно удался автору въ лицѣ Фленушки. Молодой красавицѣ, сколько ни балуетъ ее матушка Манефа, сколько ни ослабляетъ для нея строгій монастырскій уставъ, не въ терлежъ становится однообразіе скитской жизни. Напрасно умирающая игуменья убѣждаетъ ее принять иночество, обѣщая передать ей свою власть и свои богатства: „Молода я, матушка, не снести мнѣ иночества“, отвѣчаетъ Фленушка, „не могу я этого...“ Не того хочется молодой бѣлицѣ; смущаютъ ее лукавыя мірскія грезы, нейдетъ горячему сердцу. „Триваетъ Ярѣ-Хмѣль алмизъ цѣвкомъ сонную дѣвиду, заносетъ у нея ретивое, не спитъ молодой, не ложится, про милаго, желаннаго гребтится... А Ярло стоитъ надъ ней да улыбається, самъ красну-дѣвицу утѣшаетъ: „Не горюй, красавица, не печалься, не муди своего ретива сердечка, выходи вечерней зарей на мое Ярлино поле: хороводы водить, лютень залетать, съ дружкоймъ миловаться, подъ ельничкомъ-березничкомъ сладко цѣловаться.“ И пошла бы Фленушка, да что толку? Честью изъ обители не берутъ, а уходомъ сама не хочетъ, матушку Манефу жалко, убить ее тѣмъ боится. А жизнь окитская олостыла ея до смерти—молодая кровь бродитъ—, иной разъ до того доходить что такъ бы вотъ валяла да руки на себя и наложила“. И вотъ рвущаяся на просторъ натура ея утѣшается тѣмъ что она покровительствуетъ чужой любви, сводитъ дочку Патапа Максимыча, красавицу-Настю, съ прикащикомъ Алексѣемъ, и всячески убѣждаетъ влюбленную чету обвѣчаться уходомъ. Хоть на чужое счастье да удалство полюбоваться, когда своего не дождешься... Въ скиту она словно птичка въ клеткѣ бьется, какъ дитя проказничаетъ: первая заводчица на всякія шалости и вольности: лѣсною ль мірскую затянуть, московскаго ль мододага гостя одурачить. Справедливо матушка Манефа говорить что безъ нея она въ обители не продержится...

Крѣпокъ уставъ обительскій, но не слабѣе его и старыя уклады семейный. Обѣ героини раскольничьей эпохи Андрея Печерскаго, Настя Чалурина и кулеческая вдова Марья Гавриловна—двѣ жертвы суроваго семейнаго деспотизма и необузданнаго своевоія, къ которому такъ склоненъ русскій простолюдинъ какъ скоро попадаетъ въ независимое положеніе. Гаврило Маркелычъ Залетовъ и старикъ Масленниковъ, изломавшіе жизнь Марьи Гавриловны, хотя и являются

въ разказахъ Андрея Печерскаго вводными лицами, но по широкой рисовкѣ характеровъ заслуживаютъ полного вниманія критики. Послѣ Пятала Максимыча, на котораго авторъ потратилъ самыя яркія свои краски и самую тонкую наблюдательность, эти два лица, хотя и не совершенно новыя въ нашей литературѣ, удивляютъ наибольшою рельефностью и законченностью изображенія. Отвратительное старческое бездушіе, какъ бы не признающее въ дѣтяхъ никакого живаго движенія, никакой живой потребности и безжалостно ломающее ихъ существованіе на потребу собственной прихоти — черты, къ сожалѣнію, весьма свойственныя сословію нашихъ „тысячниковъ“—создало такую раздирающую, возмутительную драму какія возможны только въ глубоко-нелѣпоственной средѣ. Судьба вначалѣ какъ бы благопріятствуетъ Марьѣ Гавриловнѣ: влюбившись въ молодаго Евграфа Масленникова, она, едва вѣря своему счастью, узнаетъ что замужству ея съ нимъ не грозятъ никакія препятствія со стороны воли родительской. Она полюбилась старому Масленникову, и онъ не прочь женить на ней своего сына; отецъ ея, съ своей стороны, радъ богатому жениху, съ капиталами котораго надѣется осуществить свою давнюю мечту—завести лароходъ на Волгѣ. Назначенъ былъ уже и день свадьбы; собрались гости на стоворъ; казалось счастье было въ рукахъ молодыхъ. Но неожиданно шальная мысль залѣзла въ сѣдую голову старика Макара Тихоныча Масленникова. Зачѣмъ такую красавицу за сына брать, когда она и старику приглянулась? Можно развѣ Евграфа со мною равнять? разсуждаетъ вслухъ подгулявшій заужиномъ Макаръ Тихонычъ: гляди какую королеву за себя брать вздумалъ... Не по себѣ, дуракъ, дерево клоушишь—выбирай сортомъ подешевле. Отъ слова до дѣла не далеко. Чтò жъ такое что эта старческая прихоть будетъ сыву жизни стоить? „Чать онъ сродни маленько мнѣ приходится. Чтò хочу, то съ нимъ и дѣлаю—хочу съ кашей ѣмъ, хочю масло изъ сына пахтаю.“ Не долго раздумываетъ и Гаврила Маркелычъ надъ участію дочери: Чать она тоже ему маленько сродни приходится. Надо поскорѣй лароходъ пустить... И возмутительная сдѣлка, сломившая двѣ молодыя жизни, заключена.

Иначе разыгралась драма въ судьбѣ Настеньки. Но тутъ уже другіе характеры, другія отношенія. Здѣсь Гордіевъ

узелъ не рубится слеча, но залутывается тонкими и сложными нитями.

Паталъ Максимычъ Чалуруинъ, одно изъ самыхъ главныхъ лицъ въ поэмѣ Андрея Печерскаго, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ самый законченный типъ между всѣми дѣйствующими лицами этого произведенія. Будучи въ сущности весьма обыкновеннымъ въ русской жизни типомъ, онъ показанъ авторомъ такъ разносторонне, на изображеніе его положено столько мастерства, выдержки, наблюдательности, красокъ, юмору, что его надо причислить къ прочнымъ созданіямъ нашей художественной литературы. Это характеръ не лишенный сложности и притомъ во многихъ отношеніяхъ симпатичный, что особенно рѣдко достигается позднѣйшею нашею беллетристикой.

Паталъ Максимычъ человѣкъ не глупый, но считаетъ себя по крайней мѣрѣ разъ въ десять умнѣе чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ, и это очень важная черта въ его характерѣ. Отсюда происходятъ у него нѣкоторыя любопытныя частности. Онъ на примѣръ скелтикъ — конечно въ той мѣрѣ какъ это возможно для русскаго простолюдина. Впрочемъ и все вообще у него въ мѣру, ни одна сторона характера не преобладаетъ надъ другими, кромѣ развѣ любви къ почету: этой страсти у него предѣловъ нѣтъ. Скелтицизмъ его выражается тѣмъ что онъ не вѣритъ въ святость обительскаго житія и любитъ подтрунить надъ старицами и бѣлицами. Даромъ что матушка Манефа ему сестрой по плоти приходится: не очень-то онъ и въ ея святость вѣруетъ. Умень онъ очень для этого, постымымъ видомъ его не проведешь. Да пожалуй и не пріятно, не по себѣ было бы ему довѣрить чужой святости: что за особые такіе люди въ скитахъ выискались? Небось, изъ такой же плоти сотворены. Дома, съ женой своею Аксиной Захаровной, онъ любитъ побаловаться этимъ не хитрымъ скелтицизмомъ—лусть молъ баба видитъ какая голова у него на плечахъ; а подгулявши, иногда такіе на счетъ скитскаго житія разговоры заведетъ что хоть святыхъ выноси. Знаетъ онъ прекрасно что въ обителяхъ лишь бы все шито да крыто было, только о томъ и беспокоятся: содѣянное тайно не въ осужденіе. „Въ скитахъ вѣдь всегда грѣхъ со сласеньемъ рядомъ живутъ“, дразнить онъ жену при первомъ своемъ выходѣ на сцену дѣйствія. „Зачѣмъ исправникъ-то въ Комаровъ каждую недѣлю наѣзжаетъ? Ужь не тѣмъ ли святымъ мѣстамъ вѣздитъ молиться? Да Машка головница что ли

ему въ дѣсу каноны-то читаетъ? Аль за тѣ каноны Семень Петровичъ ей шелковы-то платки дарить?“ Развеселившись за доброю чаркой вина, не постоить Патапъ Максимычъ и при всемъ честномъ народѣ насчетъ раскольничьяго пустошатства пройтись. Съ измалѣтства середь скитовъ да монастырей живетъ — наглядѣлся. „Сколько на своемъ вѣку пере-завалъ этихъ иноковъ да инокинь, ни единой путной души не выдывалъ. Пустосвяты оиц, дармоуды, больше ничего! Вотъ слухи лошай что начальство хочетъ совѣмъ скиты по-рѣшить, и хорошее бы это дѣло было. Грѣха по крайности меньше будетъ, надо правду говорить“... И „какъ начнетъ Патапъ Максимычъ про скитское житье разказывать, то подъ конецъ такъ разговорится что женскій полъ одна за другой вонъ да вонъ...“

Скептицизмъ такого рода—не что иное какъ скептицизмъ практической природы, не умѣющей представить себѣ чтобы человекъ (по крайней мѣрѣ нынѣшній человекъ: о людяхъ прежнихъ поколѣній Патапъ Максимычъ мыслить иначе) могъ ради чего бы то ни было отказываться отъ матеріальной пользы или удовольствія. Умный человекъ, по мнѣнію Патапа Максимыча, никогда оттого не откажется даже и въ монашескомъ чинѣ. Когда до нельзя полюбившіиъ ему Красноярскій игумень, отецъ Михаилъ, разрѣшилъ себѣ при немъ устремленіе вина и елѣя „не по правиламъ“, Патапъ Максимычъ не только не былъ этимъ скандализовавъ, но даже помыслилъ съ очевиднымъ удовольствіемъ: „А оицъ и выпить не дуракъ!“ Вообще допускать въ людяхъ идеальныя стороны характера считаетъ Патапъ Максимычъ дѣломъ малаго разсудка, бабьяго ума. Оицъ и о дочеряхъ своихъ разсуждаетъ не многимъ лучше чѣмъ о скитскихъ бѣлицяхъ. „Ты, Аксинья, за дочерями-то приглядывай, говорить оицъ женѣ: дѣвки на возрастѣ, стало-быть отъ грѣха на вершокъ стоятъ.“ Аксинья можетъ увѣрять что „и въ головоньку-то имъ такого мотыжничества не приходило: вѣдь еще птенчики, какъ есть слетышки!“ У бабы, извѣстно, только волосъ дологъ. „Гляди ты имъ въ зубы-то!“ возражаетъ практической сердцевѣдъ Патапъ Максимычъ: „Нашла слетышковъ! Настасья-то вѣдь девятнадцатый годъ пошелъ; глянка ей въ глаза-то—мужа такъ и просятъ!“—„Полно грѣшить-то обижается за дочерей Аксинья Захаровна; плетешь на дѣвку напрасно. Какой еще ей мужъ? Обѣ оицъ ничегохонько про

эти дѣла еще не разумѣютъ.“—„Держи карманъ! Не разумѣютъ! какъ же!“ возражаетъ скептическій родитель: „У теткито въ Комаровѣ, поди чай, всякіе виды видади. Въ скитахъ вѣдь всегда грѣхъ со спасеньемъ рядомъ живутъ.“

И старый скептикъ правъ оказался: Настенька не дождалась чтобы ее какъ слѣдуетъ въ церкви обвинчали, а събилась съ молодымъ чуть не съ первой встрѣчи.

Скептическія отношенія Патала Максимыча къ святости скитскаго житія нисколько не мѣшаютъ ему быть староромъ съ ногъ до головы въ самомъ обширномъ смыслѣ слова. Не догматъ его интересуеть (тутъ онъ почти индеферентенъ), а весь старый укладъ жизни. Новшества онъ не любитъ, и хотя, какъ практическая натура, готовъ допустить ихъ въ дѣлѣ промышленности, но ужъ въ семейномъ, въ житейскомъ быту не потерпитъ ихъ ни за что. Какъ ни заманчиво ему казалось выдать дочь за богатаго самарскаго кулца Снѣжкова, однако когда тотъ вздумалъ лустить ему пыла въ глаза своимъ галантерейнымъ, на новый манеръ обращеніемъ да разказами о своей свѣтской городской жизни, Паталь Максимычъ сразу порѣшилъ что о такомъ женихѣ и думать нечего. Ни за что не могъ понять Паталь Максимычъ какъ это можно чтобы его дочь по новымъ московскимъ да петербургскимъ порядкамъ жила, и на балы съ голыми руками и плечами выѣзжала бы. „Да зачѣмъ же это у васъ дѣвокъ такъ срамять, Данило Тихонычъ? Какой ради причины голыхъ дочерей въ люди кажутъ?“ спрашивалъ онъ съ недоумѣніемъ нареченнаго свата, разказывавшаго о столичныхъ модахъ. „Такъ водится, Паталь Максимычъ, отвѣчалъ Снѣжковъ. Въ Петербургѣ, аль въ Москвѣ, завсегда такъ на балы ѣздить и дѣвицы, и замужнія. Такое заведенье.“—„И замужнія?“—„И замужнія. Безъ этого нельзя. Бездѣ теперь такъ.“ Ни слова не сказалъ на это Паталь Максимычъ, но крѣпко запади ему эти голыя плечи въ думу, такъ крѣпко что среди ночи его словно кошмаръ давить сталъ: не можетъ онъ объ этакой срамотѣ для своей дочери помыслить. Вскочилъ онъ съ постели и какъ былъ раздѣтый, босой, принялся бѣгать изъ угла въ уголъ по комнатѣ.

„Руки по локоть, шея, плечи голыя и груди половина... Тыфу ты, мерзость какая!“ думаетъ онъ, расказывая по горницѣ. „И дочери у него въ Казани такъ же щеголяютъ... Плещутъ до заутрени... Люди Богу молиться идутъ, а онъ голыя

пляшутъ... Иродіады, прости Господи! Срамота! И всякій на нихъ смотритъ, а онъ хоть бы платочкомъ прикрылся, безстыжія,—нѣтъ... Верхомъ, съ хвостомъ, бокомъ на лошади по Сокольникамъ рыщутъ, ровно шуты какіе, скоморохи... Ни стыда въ глазахъ, ни совѣсти... Нѣтъ, сударь Михайло Лавилычъ, ищи себѣ невѣсту въ иномъ мѣстѣ, а у насъ про тебя готовыхъ нѣтъ... Не рука намъ таковскій зять.“

Не извѣстно чѣмъ бы кончилось дѣло еслибы Свѣжковъ не провалился разказами о столичныхъ обычаяхъ. Настенька не чета была Марьѣ Гавриловнѣ, умѣла постоять за себя. Не смутило ее что Паталъ Максимычъ напрямки объявилъ ей: мы съ его отцомъ дѣло ладили. „А! старики рѣшили, значитъ! Пускай дескать дѣтки живутъ себѣ какъ знаютъ!“ промолвила она, усмѣхаясь: „только вспомни, тятя, мое слово, кои вздумаешь ты меня силой отдавать замужъ, я въ скитъ уйду, а возьмешь меня изъ обители—потеряю себя.“ Затревожилось Патала Максимыча такое слово: при всемъ самодурствѣ, страстно любилъ онъ Настеньку, и рѣшительный нравъ ея понималъ. „Замужъ ухodomъ уйду!“ продолжала грозить дочь: „за перваго парня что на глаза подвернется, будь онъ хоть барскій... А погоней отобьешь—гулять начну.“ Содрогнулся Паталъ Максимычъ, вынести не можетъ такихъ рѣчей. А Настенька сдержанно его успокоиваетъ: „я молъ къ слову только сказала“. Столкновение обѣщало быть труднымъ и разростась въ большую внутреннюю драму. Крутъ былъ Паталъ Максимычъ, на чужихъ даже страхъ наводилъ, не то что на своихъ. Неудача Свѣжкова облегчила все дѣло, и драматическій мотивъ перенесенъ на другое лицо.

Здѣсь необходимо попристальнѣе взглянуть въ тонкое художественное построеніе превосходно задуманной личности Патала Максимыча. Мы сейчасъ сказали что онъ крутъ былъ, повторяя отзывъ о немъ самого автора и дѣйствующихъ лицъ повѣи. Но изъ послѣдующаго развитія драмы объясняется что характеръ Патала Максимыча гораздо сложнѣе чѣмъ казалось всѣмъ сталкивавшимся съ нимъ, и что между нимъ и другими дѣйствующими лицами разказовъ какъ бы постоянно существовало нѣкоторое недоразумѣніе. Вѣншее обличье Патала Максимыча такъ много заключало въ себѣ чертъ обыкновеннаго русскаго самодурства что никто не догадывался сколько подъ этою суровою вѣншностью, наводившею на всѣхъ страхъ, скрывалось внутренней слабости.

А Паталъ Максимычъ въ оущности очень слабый человекъ, и даже такъ-сказать чувствительный человекъ. Уже его мысль облакать нищаго батрака Алексѣя, вывести его въ люди и женить на Настѣ, которую охотно взялъ бы за себя любой „тысячникъ“—ужь эта мысль, казавшаяся близкимъ къ Патапу Максимычу людямъ самодурствомъ величайшимъ, обнаруживаетъ въ немъ человека съ гораздо болѣе тонкими чувствами чѣмъ какія привыкли встрѣчать въ его средѣ. Суровость и самодурство онъ только напускаетъ на себя, а на самомъ дѣлѣ это натура съ очень ограниченной волей, натура часто сомнѣвающаяся. Но до такой степени эти натуры мало обычны въ средѣ которой принадлежитъ Паталъ Максимычъ что даже близкіе люди не понимаютъ его, и между имъ и ними устанавливается роковое недоразумѣніе, приводящее въ концѣ концовъ къ трагическому исходу. Только когда умирающая Настя проситъ Патапа Максимыча простить ее и Алексѣя и не дѣлать послѣднему зла—для провидательнаго читателя становится ясна слабая, двойственная, сомнѣвающаяся, можно даже выразиться—Гамлетовская натура старика. Цѣлный, убѣжденный самодуръ не посмотрѣлъ бы на предсмертную просьбу дочери, не поклонился бы ей не причинить зла виновнику ея позора и несчастія. А Паталъ Максимычъ не только не мститъ Алексѣю, но продолжаетъ всячески ему покровительствовать; онъ любитъ его и не въ состояніи преодолѣть своей слабости. Тутъ становится совершенно ясно какъ неосновательны были страхи Настеньки и Алексѣя: еслибы даже въ головѣ у самого Патапа Максимыча не было женить ихъ, они смѣло могли бы открыться ему въ своей любви и даже обвинять его—уходомъ—гнѣвъ такого человека не страшенъ.

Вся драма Настенькиной любви мастерски построена авторомъ на этомъ недоразумѣніи, постоянно возникающемъ между Патапомъ Максимычемъ и близкими къ нему людьми. Алексѣя и уходитъ отъ него съ твердымъ убѣжденіемъ что этотъ человекъ страшно грозенъ въ гнѣвѣ своемъ, и что ему предстоитъ принять отъ него гибель... Въ этихъ условіяхъ ожидаемая развязка пьесы представляетъ высочайшій психологическій интересъ, и если мы рѣшаемся говорить о произведеніи Андрея Печерскаго когда оно еще не окончено въ печати, то только потому что представленные имъ обра-

щики художественнаго мастерства не позволяют опасаться за строгую до конца выдержанность характеровъ.

Родовая общая черта натуръ подобныхъ Паталу Максимичу заключается въ томъ что они сами никогда не признаютъ своей безхарактерности. Паталъ Максимычъ какъ бы постоянно носить внутри себя идеаль самодура, вовсе не свойственный въ сущности его природѣ, и не замѣчаетъ что производимое имъ грозное впечатлѣніе есть только результатъ въкотораго обмана. Онъ убѣжденъ что дѣйствительно грозенъ, и это ему совершенно необходимо, также какъ убѣжденіе что онъ чрезвычайно практическая и крѣпкая голова—въ въкоторомъ родѣ русскій *esprit fort*. А на самомъ дѣлѣ онъ очень легкомысленъ, и человекъ мало-мальски умнѣе его легко можетъ его одурачить. Легкомысліе его проявляется самымъ нагляднымъ образомъ въ его нецѣлостной похвѣлкѣ за вѣлужскимъ золотомъ и надеждахъ нажить милліоны на земляномъ маслѣ. Только необыкновенно счастливое стеченіе обстоятельствъ избавляетъ его отъ опасности впасть въ дѣло за которое пришлось бы ему познакомиться съ острогомъ и Сибирью. Какъ тонко поднимаетъ его Колышкинъ и какъ ловко играетъ имъ въ превосходной сценѣ испытанія золотого песка! Умный и образованный коммерсантъ сразу догадался что въ Паталѣ Максимычѣ прежде всего надо цащить его вѣломѣрное тщеславіе, и съ какими мастерствомъ авторъ заставляетъ его разыгрывать для спасенія легкомысленнаго „тысячника“ невинную комедію, въ которой Колышкинъ прикидывается прозрѣвающимъ, будто Паталъ Максимычъ одурачилъ шайку плутовъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ тщеславный старикъ былъ въ концѣ одураченъ ими! Но Колышкинъ понимаетъ что люди въ родѣ Чалурина скорѣе всѣмъ жертвуютъ чѣмъ сознаются въ своемъ легкомысліи: роль крѣпкой головы и сильного характера слишкомъ уже въѣлась въ ихъ привычки.

Умнѣи Настя и Алексѣй разгадать Патала Максимыча такъ же тонко какъ разгадалъ его Колышкинъ, драма ихъ любви, безъ сомнѣнія, не имѣла бы такого трагическаго исхода. Но въ томъ-то и дѣло что Гамлетовскія стороны натуръ подобныхъ Чалурина понятны только образованнымъ людямъ. Люди простые понимаютъ каждый характеръ, тѣмъ болѣе изъ собственной своей среды, гораздо цѣльнѣе: психологическія сложности имъ недоступны. Алексѣй обыкновеннымъ образомъ

слабый человекъ, и такъ себя и понимаетъ: онъ просто труситъ предъ грознымъ обличьемъ своего хозяина. Гдѣ жь ему понять слабость Паталя Максимыча? И Настя тоже очень скоро раскусила Алексѣя: тряпка-человѣкъ, выѣденнаго янца не стоитъ. Но дорого же платить она за эту скорую разгадку...

Несмотря на то что Настенька сходитъ со сцены еще въ первой половинѣ пьесы, личность ея отдѣлана авторомъ съ большимъ законченностью, и должна быть поставлена на ряду съ самыми повѣстическими женскими типами въ нашей литературѣ. Она кладетъ какой-то лучистый свѣтъ, что-то дѣвственное и страстное, на всю пьесу. На ней легло отпечаткомъ то своеобразное духовно-эстетическое образованіе которое воздѣлывается на почвѣ русской народной жизни и соединяетъ большую начитанность и искусство въ нѣкоторыхъ художествахъ съ отсутствіемъ самаго элементарнаго научнаго знанія. Въ этомъ религіозно-художественномъ воспитаніи есть какое-то совершенно особенное благоуханіе, родственное воздуху полей и лѣсовъ. Паталя Максимычъ готовилъ своихъ дочерей не для черной жизни. Въ скитѣ у своей тетки, матушки Манефы, онѣ научились лѣстовки бисерныя вязать, кошельки да пояски шелковые ткать, по канвѣ шерстью да сивелью вышивать, выучили наизусть Часовникъ и Псалтырь, службу уставную по Миней справлять могли, лѣтъ по [крюкамъ] [горазды были, разумѣли даже „разводъ деме-ствяному и ключевому знамени“. Умѣли] они переписывать церковныя книги, и какъ любо было Паталя Максимычу перечитывать „Златоструи“ и другія сказанія, съ золотомъ и кивоварью переписанныя руками дочерей-мастерицъ. Какія „заставки“ рисовала Настя въ зачалѣ „Цвѣтниковъ“, какіе „финики“ по бокамъ золотомъ выводила—любо-дорого посм-трѣть. Расколъ нашъ не любитъ общеобразовательной школы, и долго еще будетъ предпочитать граматической и цифирной наукѣ это своеобразное воспитаніе, удовлетворяющее духовнымъ и эстетическимъ потребностямъ народа. При этомъ для человекъ нѣтъ другой нравственной узды, кромѣ житейскаго, семейнаго уклада, правдѣвскаго обычая. Но старорусскій укладъ только для бабъ крѣпокъ, а не для дѣвокъ. Дѣвка вольна съ кѣмъ хочетъ слюбиться; а не захочетъ отецъ замужъ выдать, можно и „уходомъ“ повѣнчаться. Только бы ларень выискался удамый, а уйти не трудно. Полюбивъ Алексѣя, Настя не задумываясь отдается ему. Будущее для нея

ясно: повѣвчается съ нимъ уходомъ, да потомъ въ ноги отду. Посердится Паталъ Максимычъ, да вѣдь не убьетъ же ихъ. Не они первые такимъ образомъ свою судьбу устроить. Жалко конечно старика разогорчить, да что жь дѣлать? „А Алексѣя развѣ тебѣ не жалко?“ поджигаетъ Настю охочая до всякихъ романовъ Фленушка.

Только подъ стать ли себѣ парня наша Настя въ Алексѣя? Всего лишь нѣсколько недѣль любила она его, и тамъ и раскусила что за человѣкъ такой былъ Алексѣй. „Думала поймаешь сокола, поймала сѣру утицу“.

„Думала прежде Настя что Алеша ея какъ сказочный богатырь и тѣломъ силенъ и душою могучъ, что на всемъ свѣтѣ нѣтъ ему человѣка по плечу... И вдругъ онъ плачетъ-рыдаетъ, и ничего еще не видя труситъ Патала Максимыча какъ старая баба домового... Гдѣ жь удалъ молодецкая, гдѣ богатырская сила? Видно у него только обличье сокола, а душа-то воронья... Упалъ въ Настиныхъ глазахъ Алексѣй! Жаль ей парня, но жаль какъ ребенка беззащитнаго, какъ старика-калѣку... Плохъ онъ, думаетъ Настя, какъ же за такимъ мужемъ жить? Только жизнь волочить, да маяться до гробовой доски...“

А тутъ еще почувствовала Настя что не удасться ей своего грѣха отъ людскаго глаза утаить... Не выдержала нервная натура ея этихъ потрясеній; горячка съ ней приключилась, а по маломъ времени и душу Богу отдала...

Эта поэтическая весенняя смерть тусклымъ пятномъ ложится на картину. Впечатлѣніе художественнаго равновѣсія, которое авторъ съ такимъ искусствомъ поддерживалъ въ читателѣ, прерывается; звучать горькія, ролпущія струны... Вспоминается другая разбитая жизнь, возмутительная исторія Марьи Гавриловны, проданной отцовскимъ корыстолюбиемъ прихоти сладостлюбиваго старика-самодура. Быть-можетъ, безъ этихъ двухъ тусклыхъ пятенъ поэтическая картина Андрея Печерскаго была бы менѣе вѣрна дѣйствительности, въ которой горе и зло тѣсно перелетены съ добромъ и счастьемъ, но впечатлѣніе было бы цѣлостнѣе.

Какъ велика въ народѣ потребность строгаго житейскаго уклада, который, за отсутствіемъ регуляторовъ болѣе духовнаго, нравственнаго порядка, служилъ бы уздой простымъ и грубымъ натурамъ, лучше всего выясняется изъ превосходнаго эпизода встрѣчи Патала Максимыча въ Керженскомъ

лѣсу съ рабочею артелью. Настоящее, народное значеніе артели нигдѣ не имѣетъ такой важности какъ въ этихъ лѣсныхъ дебряхъ, гдѣ авторитетъ административной власти ничтоженъ вслѣдствіе чрезвычайнаго малолюдства края и гдѣ народъ почти предоставленъ самому себѣ. Тутъ артель является не только какъ экономическое учрежденіе, но и въ смыслѣ крѣпкаго общественнаго уклада, закрѣпившаго въ своихъ формахъ народную жизнь и поставившаго добровольно признанныя, твердыя преграды необузданности грубыхъ, не сдержанныхъ натуръ. Человѣкъ, вступая въ артель, самоумищается какъ личность. Что прикажетъ выбранный общинъ голосомъ старшой, то и дѣлай; при малѣйшемъ неповиновеніи вся артель встанетъ, какъ одинъ человѣкъ, и такъ расправится съ ослушникомъ что тотъ долго не забудетъ. Никакія ссоры и брань не допускаются во все время „лѣсованья“, то-есть до тѣхъ поръ пока существуетъ артель. Послѣ могутъ ведруги расправляться между собою какъ знаютъ, а въ артели голосу поднять не смѣютъ. „Съ чего завелся такой хорошій обычай?“ спросили разъ у стараго лѣсника, лѣтъ тридцать сряду ходившаго лѣсовать хозяиномъ. „По нашимъ промысламъ безъ уйму нельзя“, отвѣчалъ онъ, „также вотъ и продажной дури (водки) въ лѣсу держать никакъ невозможно, потому не ровенъ часъ, топоръ изъ рукъ у нашего брата не выходитъ.... Долго ли окаянному человѣку во хлѣбъ ааъ въ руготвѣ подъ руку толконуть.... Бывали дѣла, оттого сторожокъ и держимся.“

Но и старшой, иначе хозяинъ, не всевластенъ въ артели. И съ нимъ также „безъ уйму нельзя“, и для него артельный укладъ крѣпче всякаго другаго строя. Безпрекословно повинуются ему когда онъ блюдетъ артельные порядки, но и самъ онъ этими порядками по рукамъ и по ногамъ связанъ. Когда Паталъ Максимычъ хотѣлъ нанять кого-нибудь изъ лѣсниковъ въ проводники, обѣщая залаатить что слѣдуетъ, старшой Онуфрій возразилъ ему: „А кому залаатить? Платить-то некому! Развѣ возможно чтобъ артельный лѣсникъ съ чужаина хоть малость какую принялъ? Развѣ артель спуститъ ему хоша колѣвку со стороны взять? Да вотъ я старшой у нихъ, хозяиномъ прозываюся, а возьми-ка я съ вашего степенства хоть жѣдную жодушку, ребята не поглядятъ что я у нихъ голова, что борода у меня сѣда, а разложить да такую всларку зададутъ что и-и.... У насъ на это строго“...

Долго пришлось Патапу Максимычу толковать съ артелью, пока сладилъ дѣло. Да и сладилъ-то такъ что опомниться не могъ отъ артельныхъ порядковъ. Потребовали у него за проводника такую плату какую вся артель по среднему разчету въ день выработываетъ. „Да вѣдь поѣдетъ провожатыйъ одинъ?“ возразилъ Патапъ Максимычъ.—„Одинъ или вся артель, все единственно“, отвѣтили ему. „Ты вѣдь радилъся съ артелью, такъ артельному плати и давай; а не хочешь, вотъ теъ Богъ, а вотъ я порогъ. Толковать намъ недосужно—лѣсовать пора.“—„Да вѣдь не вся жь артель провожать поѣдетъ?“—„Это ужь твое дѣло.... Хочешь всю артель бери—слова не молвишь, поѣдемъ всѣ до единаго.“

Замѣтимъ что въ этой прижимкѣ дѣйствовала совсѣмъ не корысть: артель выгнала изъ договоренной платы за волочки которые Патапъ Максимычъ все равно бросилъ бы въ лѣву задаромъ, и не приняла отъ него дѣкаоваго на чай, который предлагалъ проводникамъ тароватый „тысячникъ“. Такъ заведемъ, у насъ это строго: вотъ все чѣмъ руководится артель, сознавая необходимость крѣпкого уклада и опасаясь хотя однажды нарушить его.

Этотъ эпизодъ возвращаетъ насъ къ тому что уже сказано нами о свободныхъ и трезвыхъ отношеніяхъ Андрея Печерскаго къ народу, составляющихъ одно изъ главныхъ достоинствъ его произведенія. Народъ не служитъ въ его рукахъ пошлымъ матеріаломъ, изъ котораго современные беллетристы выдѣлываютъ фигуры и кроютъ контуры сообразно собственной фантази и своему личному чувству. Изображенія народной жизни и народныхъ типовъ проникнуты у нашего автора высокою художественною правдой. Читатель постоянно сознаетъ живой нервъ связывающій автора съ разнообразіемъ индивидуальностей и съ общицею, такъ-сказать стихійнымъ содержаніемъ народной жизни, которое онъ заставляетъ почувствовать силою своего художественнаго дарованія. Мы понимаемъ все неудобство сравненій, но готовы сказать что по безмятежной ясности и этической созерцательности съ какою стихійное содержаніе народной жизни отражается въ повѣсть, она можетъ быть названа Одиссеей великорусскаго раскола. Поѣздка Патапа Максимыча на Ветлугу съ его лутевыми впечатлѣніями и встрѣчами, съ эпизодами въ зимницѣ лѣсной артели и въ Красноярскомъ скитѣ отца Михаила, этой сладкогласной Цирцеи въ раскѣ раскольни-

чьяго ивока, можетъ въ самомъ дѣлѣ напомнить страствованія хитроумнаго Одиссея, не одной только эпической ясностью повѣствованія, но и удивительнымъ отраженіемъ юношескаго быта, стоящаго почти въ такомъ же отдаленіи отъ европейской гражданственности, какъ и вѣкъ Гомера. Авторъ не старается ни возвести эти стихи народнаго быта „въ лерль созданія“, ни окаррикурировать ихъ съ самодовольнымъ презрѣніемъ литературнаго мѣщанива, гордящагося своимъ нѣмецкимъ платьемъ предъ народомъ. Благодушный юморъ автора съ чрезвычайною рельефностью отбѣиваетъ все чтò въ этомъ быту встрѣчается грубаго, безпринципнаго и низкаго; но за то какая чуткость къ живымъ, поэтическимъ сторонамъ народной жизни, сколько сквозящей между строкъ вѣры въ силы народа, вѣры въ то что его пороки—не старческая развращенность отжившаго племеннаго тѣла, а скорѣе недисциплинированность отрока, только-что готовящагося пройти чрезъ строгую школу гражданственности!

Настоящій герой поэмы Андрея Печерскаго — не Паталь Максимычъ, не Алексѣй, даже не расколъ, а великорусское племя вообще, на его современной ступени бытоваго, культурнаго развитія. Расколъ служитъ лишь такъ-сказать концентрированнымъ выраженіемъ этой формы развитія, несостоятельность которой предъ двинувшеюся впередъ жизнью сказывается все сильнѣе и сильнѣе. Преданія стараго жизненнаго строя очевидно не могутъ болѣе служить руководящимъ началомъ. Мы безъ сомнѣнія присутствуемъ наканунѣ великаго внутренняго переворота въ народномъ быту. Расширившіяся потребности жизни не укладываются въ старыя, тѣсныя формы. Освобожденіе крестьянъ и другія реформы открыли народу доступъ къ такимъ сферамъ которыя были для него замкнуты. Является настоятельный спросъ на образованіе, которому суждено заступитъ мѣсто рутинны стараго бытоваго строя. Общая воинская повинность дѣлаетъ потребность народнаго образованія безотлагательною. Предъ этимъ готовящимся внутреннимъ обновленіемъ народа, расколъ, съ его условною нравственностью, неподвижностью и односторонностью, явится лишенымъ всякой живой силы, даже силамъ сопротивленія.

А.

РУССКАЯ УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Начальная физика въ области гимназическаго преподаванія.
Н. Любимова, профессора Московскаго университета. Москва 1873 года.

Въ общемъ движеніи нашего учебнаго дѣла за послѣднее время нельзя не обратить вниманія на быстрое возрастаніе числа учебныхъ заведеній и увеличеніе числа учащихся. Въ тѣсной связи съ этимъ явленіемъ находится быстрое обогащеніе нашей учебной литературы за послѣдніе годы. Въ промежуткѣ времени сравнительно не большомъ явилось значительное число руководствъ по разнымъ учебнымъ предметамъ, болѣе или менѣе удовлетворяющихъ педагогическимъ требованіямъ. Наша учебная литература за послѣднее время указываетъ несомнѣнно что въ школьномъ дѣлѣ мы совершили замѣтный шагъ впередъ; руководства также какъ и учителями характеризуется качество преподаванія, и хорошая учебная литература можетъ до известной степени служить ручательствомъ удовлетворительнаго хода самаго ученія. При важномъ значеніи какое хорошіе учебники имѣютъ по отношенію къ общему уровню образованія, можно съ особымъ удовольствіемъ указать на вновь явившійся учебникъ профессора Любимова: *Начальная физика въ области гимназическаго преподаванія*. На преподаваніи физики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ лежитъ исполненіе важной и трудной задачи: сообщая полезныя свѣдѣнія

о явленіяхъ природы знакомить съ самыми приемами изслѣдованія и размышленія какимъ науки о природѣ обязаны своими успѣхами. Между тѣмъ какъ естественныя науки въ тѣсномъ смѣслѣ по необходимости обращаютъ преимущественное вниманіе на собраніе фактовъ, а химія даже для первоначальнаго изученія требуетъ довольно обширнаго ряда предварительныхъ опытовъ, физика уже въ ограниченномъ числѣ фактовъ можетъ дать обильный матеріалъ для изученія и размышленія. Притомъ представленія которыми физика руководствуется столь просты и понятны что могутъ быть доведены до полнаго уразумѣнія ученика и совершенно имъ усвоены. Нѣтъ сомнѣнія что между учебными предметами гимназическаго курса физика можетъ имѣть важное значеніе. Но для достиженія этой цѣли изложеніе ея должно быть приоровлено къ требованіямъ школы. Профессоръ Любимовъ разрѣшаетъ эту трудную задачу весьма успѣшно и вполнѣ оригинально въ своемъ учебникѣ. Уже эпиграфъ изъ Бекона поставленный во главѣ книги: *Гдѣ только возможно, знаніе должно быть выдрано изъ устъ другаго тѣмъ самымъ путемъ какимъ оно впервые открыто*—указываетъ на главную особенность новаго руководства. „При изложеніи всѣхъ важнѣйшихъ положеній науки“, говоритъ авторъ въ предисловіи, „я старался уловить нить идей изобрѣтателей, и гдѣ только представалась возможность говорилъ ихъ собственными словами. Такое введеніе въ учебное руководство историческаго элемента въ тѣсномъ отношеніи съ элементомъ догматическимъ, безъ ущерба для послѣдняго, но въ оживленіе и поясненіе, казалось мнѣ весьма полезнымъ по отношенію къ предмету который есть представитель естествознанія въ ряду наукъ вводимыхъ въ кругъ общаго образованія и отъ преподаванія котораго можно желать не только сообщенія полезныхъ фактическихъ свѣдѣній, но и вклада въ духовное развитіе учащагося. Духъ естествознанія есть по преимуществу духъ изысканія и открытія. Истинная логика открытій заключается въ иль философской исторіи, въ раскрытіи тѣхъ путей какими достигнуты великія изобрѣтенія въ области изученія природы. Съ другой стороны, сличеніе историческаго и догматическаго элементовъ, оцѣна котораго желалъ я дать въ настоящемъ сочиненіи, кажется мнѣ полезнымъ и собственно въ педагогическомъ отношеніи. Процессъ перваго изученія какимъ учащійся входитъ въ новый для него міръ имѣетъ сходство съ процессомъ самого

открытія, первый актъ котораго есть рожденіе мысли внезапно освѣщающей и раздѣляющей то что представлялось темнымъ и слитымъ. Первая трудность при усвоеніи изучаемаго предмета заключается въ томъ чтобы представить его себѣ съ надлежащею ясностью, съ различеніемъ существеннаго отъ того что облекаетъ и сопровождаетъ оное. На этихъ первыхъ шагахъ главное вниманіе должно быть обращено не столько на вѣрность доказательства и подробности оправданія даннаго положенія науки, сколько на уясненіе его сущности. Изложеніе по первымъ источникамъ казалось мнѣ особенно способнымъ для достиженія этой цѣли. Въ умѣ изобрѣтателя найденное имъ положеніе науки, хотя бы въ формѣ только плодотворной догадки, представляется съ особою ясностію отражающеюся на изложеніи. Повторяя мысль изобрѣтателя, учащійся проходитъ путь испытанный и дѣйствительно ведущій къ цѣли. Какая надобность перефразировать то что выражено изобрѣтателемъ съ удареніемъ на существенномъ, съ особымъ интересомъ къ излагаемому, съ привлекательною оригинальнію формы.“

Этими словами авторъ характеризуетъ главную задачу своего труда и отличительную особенность его отъ всѣхъ другихъ руководствъ физики. Введеніе историческаго элемента, приговореннаго къ педагогическимъ цѣлямъ, есть важное нововведеніе, заслуживающее полнаго вниманія. Физика представляетъ по сущности своего содержанія предметъ весьма привлекательный для учащихся, но занимательность ея въ значительной мѣрѣ возвышается при способѣ изложенія принятомъ авторомъ. Повторяя мысли самихъ изобрѣтателей, приводя ихъ собственныя наблюденія и опыты и излагая предметъ, гдѣ это было возможно, ихъ собственными словами, онъ вводитъ учащагося какъ бы въ самую мастерскую науки, и заставляетъ его такъ-сказать присутствовать при процессѣ замѣчательнѣйшихъ изобрѣтеній въ этой области человѣческихъ знаній. Вмѣсто законченнаго дидактическаго ученія, онъ представляетъ ученику науку въ оживленной формѣ, весьма способной возбудить умственную дѣятельность учащагося. Но и дидактическая сторона авторомъ не опущена при этомъ изъ виду. Законы обозначены ясно и опредѣленно; приведены опыты наиболѣе доказательные, и описаны съ надлежащею обстоятельностью; по чертежамъ учащійся всегда

въ состояніи припомнить подробности приборовъ, если они были ему показаны.

Весь курсъ раздѣленъ на пять отдѣловъ: на механическую часть, звукъ, тепло и свѣтъ, магнетизмъ и электричество и общую физику. Ученіе о свѣтѣ и теплотѣ авторъ соединилъ въ одинъ отдѣлъ, руководствуясь тою мыслію что „два дѣйствія—нагрѣвающее и освѣщающее, ловидимому совершенно различныя, зависятъ отъ одной и той же причины: явленіе которое вообще производитъ нагрѣваніе—при нѣкоторыхъ условіяхъ способно кромѣ того дѣйствовать на зрительный нервъ и въ такомъ случаѣ ощущается нами какъ свѣтъ“ (стр. 184). Доказательства тожества лучей тепла и свѣта,—ученіе о которомъ составляетъ одно изъ важнѣйшихъ приобрѣтеній нынѣшней физики, проведены чрезъ весь отдѣлъ и особенно сосредоточены въ сжатомъ изложеніи знаменитыхъ открытій Меллони и тѣхъ дополненій какія труды италіянскаго физика получили въ ближайшее къ намъ время. Въ нѣсколькихъ страницахъ авторъ извлекъ изъ *Термохроза* Меллони наиболѣе яркія данныя и пронципальныя соображенія. Нѣсколько главъ книги Меллони, представляющихъ наиболѣе рѣзкія доказательства идеи теплосвѣтности, сосредоточены въ весьма немногихъ страницахъ (§ 301).

Изложеніе геометрической оптики или теоріи образованія оптическихъ изображеній представляетъ много особенностей. Авторъ отдѣляетъ ученіе объ образованіи изображеній дѣйствительныхъ, пролагаемыхъ на экранъ, отъ ученія объ изображеніяхъ наблюдаемыхъ прямо глазомъ. Къ изображеніямъ послѣдняго рода онъ переходитъ уже послѣ того какъ учащійся ознакомился съ оптикою продолженій и дѣйствіемъ глаза какъ оптическаго инструмента. Такимъ образомъ явленія какія представляетъ глазу наблюдателя отраженіе отъ зеркала, преломленіе въ стеклахъ, инструментахъ и. т. д. излагаются какъ отдѣлы главы о зрѣніи вооруженнымъ глазомъ и объясненіе доводится до ретины какъ экрана окончательно принимающаго изображеніе. Въ изложеніи встрѣчается не мало оригинальныхъ указаній, какъ: описаніе явленій замѣчаемыхъ при удаленіи глаза отъ увеличительнаго стекла за которымъ помѣщается наблюдаемый предметъ, способъ опредѣленія фокуснаго разстоянія разсѣивающаго стекла, теорія Галилеевой трубки и др.

Въ ученіи о призматическомъ разложеніи лучей слово есте-

ственно принадлежить великому Ньютону. Заимствованное изъ мемуаровъ Ньютона описаніе первыхъ его опытовъ знакомить учащагося съ фактомъ удлиненія спектральнаго изображения, поразившимъ Ньютона и приведшимъ великаго математика къ истинному ученію о цвѣтахъ. На страницѣ 427 приведены собственныя слова Ньютона, которыми онъ описываетъ первыя свои наблюденія:

„Въ началѣ 1866 года, говорить Ньютонъ, въ то время какъ я занимался приготовленіемъ оптическихъ стеколъ иного вида чѣмъ сферическія,—я досталъ трехгранную стеклянную призму, для того чтобы съ нею изслѣдовать знаменитый феноменъ образованія цвѣтовъ. Для этого, устроивъ такъ чтобы въ моей комнатѣ было темно и сдѣлавъ въ ставнѣ моего окна небольшое отверстіе, чтобы впустить въ комнату достаточное количество солнечнаго свѣта, я установилъ мою призму такъ что прошедшіе лучи дали (окрашенное) изображеніе солнца на противоположной стѣнѣ... Сначала было для меня очень пріятною забавой видѣть такимъ образомъ происшедшіе яркіе и сильныя цвѣта, но наблюдая явленіе съ большимъ тщаніемъ, я къ моему удивленію замѣтилъ что изображеніе представляется продолговатымъ, тогда какъ по законамъ преломленія оно должно бы было имѣть видъ круглый. Это изображеніе кромѣ того было ограничено по бокамъ прямыми линіями, на концахъ же уменьшеніе свѣта было такъ постепенно что трудно было въ точности опредѣлить какой они имѣли видъ; впрочемъ они казались полукруглыми... Сравнивая длину спектра съ его шириной, я нашелъ что первая была въ пять разъ болѣе послѣдней. Эта несообразность показалась мнѣ такъ велика что меня побудило болѣе чѣмъ обыкновенное любопытство изслѣдовать откуда она происходитъ.“

Слѣдя за мыслями и опытами Ньютона (преимущественно его *Оптику*), авторъ весьма обстоятельно передаетъ все главныя явленія обнаруживаемыя призматическимъ разложеніемъ луча, не слѣша, какъ это не рѣдко дѣлается въ учебникахъ, перейти отъ неяснаго, почти схематическаго описанія первыхъ и наиболѣе существенныхъ опытовъ къ изложенію разныхъ подробностей вѣдшаго свойства. Отчетливое ознакомленіе съ основными призматическими опытами есть первый шагъ къ серіозному изученію нынѣ столь важной главы о спектральномъ анализѣ. Не трудно сдѣлать описаніе снарядовъ и указаніе на болѣе или менѣе эффектные результаты этого новаго орудія физическихъ испытателей, но не легко сдѣлать яснымъ для начинающаго образованіе

спектральнаго изображенія въ различныхъ условіяхъ его происхожденія.

Механическая теорія явленій теплоты занимаетъ, какъ и слѣдовало ожидать, видное мѣсто въ новомъ курсѣ. Ей посвящена цѣлая глава въ третьемъ отдѣлѣ, къ ней возвращается авторъ еще разъ въ пятомъ отдѣлѣ общей физики. Можно впрочемъ спросить почему авторъ, придавая этимъ свѣдѣніямъ капитальную важность, счелъ все-таки нужнымъ напечатать ихъ мелкимъ шрифтомъ, какъ нѣчто второстепенное. Полагаемъ, это сдѣлано въ томъ соображеніи что при первоначальномъ прохожденіи курса физики идеи о работѣ, о живой силѣ и т. п. не могутъ еще представляться уму учащагося съ надлежащею ясностью и требуется нѣкоторое укрѣпленіе въ элементахъ науки, прежде чѣмъ явится возможность вдаваться въ область весьма отвлеченныхъ механическихъ соображеній. Во главѣ о механической теоріи встрѣчается любопытное не для начинающихъ только изложеніе хода идей одного изъ первыхъ основателей новаго ученія—физика мыслителя доктора Майера. О трудахъ Майера писано очень много, но намъ не случилось встрѣчать указанія тѣхъ первыхъ соображеній которыя привели его къ идеѣ механическаго эквивалента тепла. Оказывается что идея эта возникла на физиологической почвѣ. Вотъ что читаемъ мы въ § 214 посвящемъ заглавіе *Размышленія доктора Майера*:

„Необходимость тѣсной связи между теплотой и механическою работою докторъ Майеръ вывелъ на основаніи слѣдующихъ физиологическихъ соображеній. Наше тѣло есть само источникъ теплоты и притомъ въ двойной формѣ. Во-первыхъ, мы имѣемъ собственную внутреннюю теплоту, вслѣдствіе которой температура крови выше температуры окружающаго воздуха. Во-вторыхъ, мы можемъ искусственно, работою рукъ (натирая, напримѣръ, одинъ о другой два куска дерева) возбудить теплоту въ тѣлахъ на которыя дѣйствуемъ. Назовемъ послѣднюю рода теплоту *внѣшнюю*. На счетъ чего образуется та и другая теплота? Происхожденіе внутренней теплоты объясняется медленнымъ горѣніемъ матеріаловъ нашего тѣла сожигаемыхъ кислородомъ, какой мы поглощаемъ изъ воздуха при дыханіи. На счетъ того же ли источника должно отнести и внѣшнюю теплоту въ случаѣ когда производится таковая? „Одна ли, спрашивалъ Майеръ, прямымъ путемъ внутри тѣла развивающаяся теплота или *сумма* этой теплоты и теплоты (внѣшней) получаемой не прямымъ путемъ должна быть отнесена на счетъ процесса горѣнія?... Основное положеніе физиологической теоріи горѣнія то

что количество тепла развивающееся при сгорании данного вещества неизменно и не зависит от обстоятельств сопровождающих сжигание. Отсюда *in specie* слѣдуетъ что химическое дѣйствіе горѣнія и чрезъ жизненный процессъ не можетъ претерпѣть количественныхъ измѣненій, и что живой организмъ со всеми его загадками и чудесами не можетъ произвести теплоту изъ ничего. Если принять эту физиологическую аксіому, то отвѣтъ на вопросъ представляется самъ собою. Очевидно что вся совокупность производимой организмомъ теплоты не можетъ быть больше имѣющихъ въ немъ мѣсто химическихъ дѣйствій. Иначе пришлось бы приписать организму только-что отвергнутую способность порождать теплоту изъ ничего. Должно слѣдовательно приять: что совокупность теплоты развиваемой организмомъ,—отчасти непосредственно, отчасти путемъ механической работы,—количествомъ соответствуетъ или равняется дѣйствию сгоранія (dem Verbrennungs-Effecte quantitativ entspricht oder gleich ist). Но отсюда съ такою же необходимостью слѣдуетъ что теплота производимая живымъ тѣломъ путемъ механической работы (внѣшняя) должна находиться съ этою работою въ неизмѣнномъ количественномъ отношеніи. Ибо еслибы помощію различныхъ механическихъ приемовъ можно было *тою же работою*, при томъ же органическомъ процессѣ сгоранія, произвести разныя количества тепла, то отсюда слѣдовало бы что при томъ же потребленіи горючаго матеріала производимая теплота можетъ быть больше и меньше, чѣмъ противно принятому положенію... Такъ какъ, далѣе, между механическимъ дѣйствіемъ животнаго тѣла и другими неограниченными родами работы нѣтъ никакого качественного различія, то слѣдовательно неизмѣнное количественное отношеніе между теплотою и работою есть постулатъ (необходимое свѣдѣніе) физиологической теоріи горѣнія. Опредѣленною работою соответствуетъ опредѣленное, эквивалентное ей, количество теплоты. Въ этомъ первый законъ механической теоріи тепла. Принявъ это положеніе, сравнимъ состоянія живаго тѣла въ двухъ случаяхъ: 1) когда оно, поглощая кислородъ, не производитъ внѣшней и работы и 2) когда оно работаетъ. Пусть количеству p кислорода сжигающаго матеріала тѣла соответствуетъ развитіе количества Q теплоты. Тогда въ первомъ случаѣ все это количество останется въ организмѣ, въ формѣ внутренней теплоты. Но если тѣло производитъ внѣшнюю работу, то p граммовъ кислорода разовьютъ внутри количество A теплоты, которе менѣе Q . Остальное количество $Q - A$ можетъ быть также получено въ формѣ теплоты, если работа будетъ исключительно употреблена на доставленіе теплоты путемъ, напримѣръ, тренія. Если же работа будетъ употреблена на поднятіе груза, побѣжденіе какого-нибудь прпятствія и т. д., то она представитъ не самую теплоту, а величину ея эквивалентную, которую можно выразить въ механическихъ единицахъ. Во всякомъ случаѣ то же количество горючаго матеріала

въ организмѣ работающемъ производить менѣе тепла чѣмъ въ неработающемъ. Это кажется, съ перваго взгляда, противорѣчающимъ общеизвѣстному явленію что работа согревается. Но дѣло въ томъ что дыханіе при работѣ происходитъ сильнѣе, и потому больше поглощается кислорода, и сожигается большее количество матеріала. Для оправданія положенія надобно сравнивать одинаковыя количества матеріала.

Отдѣлъ объ электричествѣ и магнетизмѣ изобилуетъ историческими указаніями. Самое состояніе этой отрасли физическихъ знаній, еще не сведенныхъ въ общую теорію, которая могла бы стать наравнѣ съ теоріею свѣта или теплоты, дѣлаетъ элементарное изложеніе по преимуществу историческимъ, какъ ознакомленіе съ послѣдовательнымъ накопленіемъ фактическаго матеріала, соединяемаго въ отдѣльныя, мало зависимыя между собою главы. Почти нѣтъ страницы гдѣ бы не было заимствованій изъ первыхъ источниковъ.

Въ ученіи о статическомъ электричествѣ видное мѣсто занимаютъ опыты Франклина, описываемые словами изобрѣтателя съ тѣмъ оригинальнымъ складомъ какой свойственъ славному физику-самоучкѣ. Геніальныя изслѣдованія Вольты изложены въ ученіи о гальванизмѣ, гдѣ нить идей изобрѣтателя снарядъ не уступающаго въ важности главнѣйшимъ физическимъ приборамъ, каковы телескопъ, паровая машина и т. п., усмотрѣна и указана авторомъ съ большою ясностію. Приводимъ § 346, гдѣ изложены главныя мысли и изысканія Вольты въ періодъ знаменитаго спора съ Гальвани, предшествовавшаго обнаруженію, помощію электроскола, электричества отъ прикосновенія и изобрѣтенію стоаба. Повторивъ опыты Гальвани и убѣдившись въ ихъ справедливости

„я рѣшился, говорить Вольта, изслѣдовать ихъ подробно не только съ качественной, но и съ количественной стороны.. Что можно сдѣлать хорошаго, особенно въ физикѣ, если не сводить все къ мѣрѣ и степенямъ. Я нашелъ что очень слабая электричества достаточно чтобы произвести не только малыя движенія и конвульсіи, но сильныя скачки и содержанія всѣхъ членовъ, особенно ногъ. Неимовѣрно слабое электричество производитъ такое дѣйствіе на лалки приготовленныя по способу Гальвани... Электрическая сила не могущая дать малѣйшей искры, не оказывающая дѣйствія на чувствительнѣйшіе Беннетовы электроскопы, производитъ сильнѣйшія содержанія въ лалкахъ. Приготовленная по способу Гальвани лагушка есть чувствительнѣйшій электрометръ.“ Обнаруживъ такимъ образомъ замѣчательную чувствительность ла-

ки лагушки для электрических разрядовъ, Вольта перешелъ къ вопросу о томъ откуда берется электричество дѣйствующее въ опытѣ Гальвани. Допущеніе Гальвани что ланка есть естественная лейденская банка не оправдалось, такъ какъ оказалось что содраганіа можно возбудить не соединяя электрическимъ проводникомъ мускула съ первымъ, а дѣйствуя только на нервъ,—разряжая, напиримѣръ, помощью двухъ проводниковъ, касающихся нерва въ двухъ точкахъ, разстоящихъ въ нѣсколько линий, лейденскую банку самымъ слабымъ образомъ заряженную. Такимъ образомъ, если, обваживъ и изолировавъ нервъ ланки, обернуть его въ двухъ близкихъ пунктахъ металлическими листочками,—всего лучше изъ разнородныхъ металловъ,—и потомъ соединить такіа обкладки металлическою дугой, то ланка обнаружитъ сильнаго содраганія во всемъ членѣ, хотя и нѣтъ непосредственнаго къ нему прикосновенія. Вольта заключаеъ что вообще въ опытѣ Гальвани ланка играетъ роль электроскола, электричество же раздражающее нервъ имѣетъ свой источникъ не въ самой ланкѣ, а въ тѣхъ разнородныхъ проводникахъ помощью которыхъ приводятся въ сообщеніе мускулъ съ нервомъ или два пункта нерва. Отсюда идея о возбужденіи электричества помощью простаго прикосновенія разнородныхъ проводниковъ. „Можно ли, спрашивается Вольта, электричество (дѣйствующее въ опытѣ Гальвани) считать принадлежащимъ самому органу и первоначальнымъ? Не вѣроятнѣе ли во много разъ что органы служатъ только проводниками и суть очень чувствительные электрометры, дѣйствуютъ же собственно металлы; не вѣроятнѣе ли, именно, что въ мѣстахъ прикосновенія металловъ электрической жидкости дается импульсъ, и они суть не простые проводники, но *двигатели* или *возбудители* электричества? Что говорю я вѣроятнѣе? Вполнѣ очевидно что дѣйствіе зависитъ отъ металловъ и ихъ разнаго строенія, ибо для удачи опыта необходимо чтобы металлы были разнородны. Вмѣсто того чтобы говорить *животное электричество*, мы съ неменьшимъ правомъ можемъ сказать *металлическое электричество*. Не возражайте что иногда получаютъ движенія препарата Гальвани когда для соединенія частей служатъ *одинакіе* металлы, серебро и серебро, олово и олово, желѣзо и желѣзо. Явленіе обнаруживается,—и то не всегда,—въ первыхъ минуты, пока впаучше преларированное животное имѣетъ сильную возбужденность, такъ что чувствительно къ малѣйшему дѣйствию. Но можно ли утверждать что употребляемые при семъ металлы вполнѣ одинаковы? Они таковы по имени, а не по сущности; случайныя свойства, каковы твердость, мягкость, гладкость и главнейшя поверхности, теплота и проч. могутъ по отношенію къ электрическому дѣйствию, а именно по отношенію къ способности приводить электричество въ движеніе въ мѣстѣ прикосновенія съ жидкими частями, быть вполнѣ

достаточными причинами различія“. Въ этомъ прикосновеніи металловъ съ жидкостями Вольта видѣлъ первоначально главный источникъ электрическаго возбужденія, но потомъ склонился къ заключенію что это дѣйствіе значительно слабѣе чѣмъ дѣйствіе прикосновенія разнородныхъ металловъ между собою.

Какъ подтвержденіе своей теоріи Вольта указалъ слѣдующій опытъ (подобный опытъ былъ уже описанъ германскимъ ученымъ Зуддеромъ *), въ 1762 году). Онъ бралъ два металлическихъ кружечка, одинъ изъ чистаго, хорошо отполированнаго олова, другой изъ серебра и, прикоснувшись однимъ къ концу языка, другимъ къ верхней его поверхности, приводилъ кружечки свободными концами въ прикосновеніе. Языкъ тотчасъ чувствовалъ на кончикѣ кислый вкусъ. Опытъ производится еще удобнѣе если олустить языкъ въ сосудъ съ водою, въ которомъ виситъ пластинка олова или цинка и, держа мокрою рукою серебряную бляху, коснуться ею пластинки: кончикъ языка почувствуетъ рѣзкій кислый вкусъ. Несомненно, замѣчаетъ Вольта, что явленіе происходитъ отъ тока электричества, ибо то же ощущеніе получается если кончикъ языка поднести къ навлектризованному кондуктору машины, когда электричество стекаетъ кистью съ острія. Если перемѣстить металлы, то или вовсе не получается вкуса или онъ чувствуется такій и жгучій какъ отъ щелочи. „Весьма замѣчательно, прибавляетъ Вольта, что вкусъ продолжается все время пока олово и серебро находятся въ прикосновеніи и даже нѣсколько усиливается. Это доказываетъ что переходъ электрической матеріи съ одного мѣста на другое совершается непрерывно“, другими словами, что въ кругѣ составленномъ изъ металловъ и влажныхъ частей организма происходитъ постоянное движеніе электричества, проходитъ, какъ говорится, *электрическій токъ*. Вольта видоизмѣнилъ опытъ еще въ слѣдующую любопытную форму. „Четверо или нѣсколько человекъ изолированныхъ,—для чего достаточно чтобы они стояли ногами на каменномъ полу, если онъ сухъ,—приводятся въ проводящее соединеніе, причемъ одинъ пальцемъ касается кончика языка сосѣда, этотъ же своимъ пальцемъ глазнаго яблока слѣдующаго; двое другихъ держатъ мокрою рукою, одинъ ноги, другой позвоночникъ препарированной лягушки. Первый въ рядѣ беретъ во влажную руку цинковую пластинку, послѣдній же серебряную и приводятъ ихъ въ прикосновеніе. Тотчасъ тотъ котораго касается своимъ пальцемъ держащій въ другой рукѣ цинкъ почувствуетъ кислый вкусъ; тотъ до чьего глаза касается палецъ сосѣда замѣтитъ какъ бы свѣтъ; лягушка придетъ въ содроганіе“.

Для полнаго утвержденія теоріи Вольты не доставало пря-

* Въ сочиненіи *Теорія Удоволстенія*.

ного доказательства, помощью электроскопа, что два прикасающиеся металла или металл касающийся жидкости взаимно электризуются. Наконец, послѣ многихъ попытокъ, Вольта удалось сдѣлать такой прямой опытъ въ 1795 году.“

Относительно трудовъ Вольты въ курсѣ, въ статьѣ о конденсаторѣ, встрѣчается любопытное мѣсто изъ мемуаровъ этого ученаго, весьма характерно знакомящее съ его оригинальными приемами опытовъ и своеобразною, весьма изящною манерой изложенія.

„Какъ сдѣлать спрашиваетъ Вольта, чтобы металлическій или иной проводникъ очень долго сохранялъ сообщенное ему электричество, хотя онъ не изолированъ или, точнѣе, очень дурно изолированъ? Скажу больше: чтобъ онъ сохранялъ электричество упорнѣе чѣмъ еслибы былъ наилучше изолированъ?“ Такова одна изъ задачъ или, какъ онъ называетъ „электрическихъ парадоксовъ“ какіе Вольта выставляетъ въ началѣ трактата „Объ электрической емкости сопряженныхъ проводниковъ.“ „Я беру, отвѣчаетъ Вольта, металлическій дискъ съ закругленными краями, вѣшаю его на шелковыхъ свуркахъ или держу на стеклянной ручкѣ покрытой слоемъ сургуча,—такъ что онъ хорошо изолированъ. Сообщаю ему сильное электричество, затѣмъ приближаю его къ стѣнѣ, деревянной доскѣ, мраморному столу или иному подобному тѣлу, доводя до прикосновенія. Что же случается? Если тѣла эти не смочены или вообще не влажны, если дискъ приложенъ ровно всѣми частями, то нахожу что, по удаленіи, онъ даетъ еще сильную искру.“ Такимъ образомъ электричество сохраняется въ дискѣ, несмотря на то что тѣла на которыя онъ положенъ проводятъ электричество (хотя и не въ такой степени какъ металлы). Еслибы „положить дискъ на тѣло совершенно изолирующее то онъ скорѣе потерялъ бы электричество, чѣмъ когда положенъ, напримѣръ, на мраморномъ столѣ... Электричество при этомъ сохраняется съ такимъ упорствомъ, что не уходитъ вполнѣ даже если неизолированный наблюдатель неоднократно тронетъ дискъ пальцемъ или дастъ нѣсколько ударовъ металломъ... Я держа въ прикосновеніи съ дискомъ палецъ или металлическую полосу болѣе полуминуты и не могъ отнять всего электричества: его осталось довольно чтобы дать искру когда дискъ былъ поднятъ со стола.“ Тѣло къ которому прикасается дискъ не должно, впрочемъ, быть хорошимъ проводникомъ. „Голыя металлическія поверхности, влажные ткани, сырое дерево... не способны удержать электричества, по крайней мѣрѣ въ продолженіе значительнаго времени; даже мраморъ оказывающій превосходное дѣйствіе когда сухъ, не годится если смоченъ или хоть потускнѣлъ. Когда я приводилъ наэлектризованный дискъ въ прикосновеніе съ металлическою

поверхностию, то какъ бы скоро ни удалялъ его, онъ едва удерживалъ столько электричества чтобы притянуть легкую нить. Когда же прикасалъ его къ поверхности бокомъ или вообще такъ что онъ касался лишь въ немногихъ точкахъ, то не могъ замѣтить малѣйшаго остатка электричества.“ Но если покрыть проводящее тѣло тонкимъ слоемъ непроводника, то оно окажетъ дѣйствіе. Вольта употреблялъ тонкій слой сургуча или иного смолистаго вещества, а также лака. Покрытые такимъ образомъ „маленькіе столики изъ дерева, картона, даже металла“ оказывали дѣйствіе, а также наощенное полотно и картина масляными красками.

„Въ описанныхъ опытахъ тѣло на которое кладется дискъ служило къ тому чтобы сохранить электричество сообщенное диску прежде чѣмъ онъ приведенъ въ прикосновение съ этимъ тѣломъ. Но станемъ электризовать дискъ въ то время когда онъ лежитъ уже на мраморномъ столѣ или иномъ изъ упомянутыхъ тѣлъ. „Намъ покажется что электричество проходить чрезъ дискъ, не скопляясь или по крайней мѣрѣ оставаясь въ немъ въ незначительномъ количествѣ, ибо онъ не только не даетъ кистей свѣта, но и не обнаруживаетъ замѣтной искры при прикосновеніи пальца. Можно подумать что дискъ вовсе не пріобрѣлъ электричества или пріобрѣлъ крайне мало. Но подымите дискъ и приблизьте палецъ и увидите что то что казалось едва тѣнью электричества обнаружить довольно силы чтобы дать искру въ палецъ длиною, а иногда даже самолюбящуюся струю свѣта“.... Во время электризованія можно даже касаться пальцемъ диска, и онъ тѣмъ не менѣе замѣтно наэлектризуется, если лежитъ на мраморномъ столѣ. „Вслѣдствіе такой увеличившейся емкости по отношенію къ электричеству, дискъ.... принимаетъ значительное количество электричества изъ источника очень слабой силы; когда коснемся его, наприкладъ, крючкомъ лейденской банки, очень слабо заряженной.... Когда дискъ совершенно изолированъ, то чтобы его сильно наэлектризовать потребны или отличная электрическая машина или электрофоръ, или сильно заряженная лейденская банка, или иное тѣло съ сильнымъ напряженіемъ электричества. Если коснемся его лейденскою банкою, дающею искру не болѣе какъ на двѣ, на три линіи разстоянія, то дискъ получитъ электричество развѣ что такой же силы и много если дастъ искру на разстояніи двухъ или трехъ линій. И вотъ я предлагаю вамъ средство столь же простое и удобное, сколько удивительное и неожиданное, получить искры значительно болѣе сильныя. Для этого достаточно положить дискъ на какую-нибудь изъ плоскостей, о которыхъ я столько говорилъ, и прикоснуться крючкомъ банки слабо заряженной; увидимъ что она отдастъ значительную долю своего заряда; дискъ завладѣетъ огромнымъ количествомъ электричества и удержитъ его, оказывая лишь слабое усиліе разрядиться, благодаря необычайной емкости какую ему дали, помѣстивъ его въ благоприятныя условія. Поднявъ дискъ и

через то возвративъ его къ его естественной малой емкости, увидимъ что искра выскочитъ на вѣсколько дюймовъ.“

Въ 1820 году Эрстедъ открылъ электро-магнетизмъ. Поразительные опыты датскаго физика вызвали замѣчательнѣйшее въ исторіи науки проявленіе теоретической проицательности, дѣлающей опыты послушнымъ орудіемъ правильной мысли. Нельзя не удивляться простотѣ размышленій Ампера приведшихъ къ электрической теоріи магнита и открытію взаимнаго дѣйствія токовъ. Авторъ извлекаетъ эти размышленія изъ мемуаровъ Ампера и даетъ возможность каждому быть свидѣтелемъ творческаго процесса мысли въ одной изъ важныхъ главъ физическаго ученія.

„Первое размышленіе, говоритъ Амперъ, какое я сдѣлалъ, когда хотѣлъ изыскать причину новыхъ явленій открытых Эрстедомъ, было слѣдующее. Такъ какъ порядокъ въ какомъ открыты факты, очевидно, не имѣетъ никакого значенія по отношенію къ слѣдствіямъ выводимымъ изъ аналогій этими фактами представляемыхъ, то мы въ правѣ предположить, что прежде чѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ свойство магнитной стрѣлки направляться отъ юга на сѣверъ, было узнано ея свойство располагаться, подѣ дѣйствіемъ тока, перпендикулярно къ его направленію, такъ что сѣверный полюсъ находится влѣво отъ тока; и что только потомъ уже было открыто ея свойство направляться къ сѣверу, именно этимъ самымъ влѣво перемѣщаемымъ концомъ. Простѣйшая мысль, какая въ такомъ случаѣ естественно представилась бы тому кто захотѣлъ бы объяснить постоянное направленіе стрѣлки отъ юга къ сѣверу, не состояла ли бы въ томъ, чтобы предположить въ землѣ электрическій токъ направленный такъ что сѣверъ приходится влѣво отъ человѣка, который, лежа на ея поверхности съ лицомъ обращеннымъ къ стрѣлкѣ, принималъ бы токъ въ направленіи отъ ногъ къ головѣ; и заключить отсюда что токъ этотъ идетъ отъ востока къ западу перпендикулярно къ магнитному меридіану?“ Предположеніе о дѣйствительномъ существованіи такихъ токовъ въ землѣ, продолжаетъ Амперъ, значительно къ тому же вѣроятію предположенія что земля по вещественному составу есть естественный „магнитъ: прикосновеніе, химическія дѣйствія различныхъ веществъ составляющихъ толщу нашей планеты—достаточный источникъ разложенія электричества и образованія токовъ. Токи эти, связанные, ловидимому, въ своемъ расположеніи, а можетъ быть и происхожденіи, съ обращеніемъ земли около оси, направляются въ каждомъ мѣстѣ отъ востока къ западу приблизительно по параллели этого мѣста; и въ общей совокулности дѣйствуютъ какъ одинъ мавный экваторіальный поясъ токовъ.“

„Но если, говоритъ Амперъ, электрическіе токи суть причина направляющаго дѣйствія/ земли на стрѣлку, то не въ нихъ ли должны мы искать причины дѣйствія и одного магнита на другой?“ Сравнивая, въ отношеніи магнитнаго дѣйствія, магнитъ съ землею, мы должны „разсматривать его какъ собраніе электрическихъ токовъ имѣющихъ мѣсто въ плоскостяхъ перпендикулярныхъ его оси.“ Не трудно рѣшить какое должно быть направленіе этихъ токовъ. Еслибы мы мысленно замѣнили дѣйствіе земли дѣйствіемъ нѣкотораго магнита помѣщеннаго подъ магнитною стрѣлкою, то должны бы вообразить магнитъ этотъ такъ чтобы южный его полюсъ приходился подъ сѣвернымъ полюсомъ стрѣлки. При такомъ положеніи магнита, если дѣйствіе его зависитъ отъ находящихся въ немъ электрическихъ токовъ, токи эти на его верхней поверхности должны слѣдовательно проходить въ томъ же направленіи какъ на землѣ, то-есть отъ востока къ западу, и соотвѣтственно этому направленію огибать магнитъ параллельными поясами. Это направленіе совпадаетъ съ направленіемъ стрѣлки часовъ для наблюдателя который помѣстился бы лицомъ своимъ къ южному полюсу разсматриваемаго магнита. Наоборотъ по отношенію къ наблюдателю держащему предъ собою сѣверный полюсъ магнита токи послѣдняго имѣютъ направленіе обратное съ направленіемъ стрѣлки часовъ.

Основываясь на своей теоріи, Амперъ думалъ искусственно подражать магниту, или по крайней мѣрѣ одному его слою перпендикулярному оси, и для того „изогнулъ спирально мѣдную проволоку и повѣсилъ ее помощью прямолинейныхъ ея концовъ, сообщавшихся съ полюсами гальванической батареи и заключенныхъ каждый въ стеклянной трубкѣ, дабы не касались между собою.“ Эта спираль, когда проходилаъ чрезъ нее токъ, представляла собою какъ бы одно изъ сѣченій магнита перпендикулярныхъ къ оси. Одна сторона ея,—та гдѣ для смотрящаго на нее наблюдателя токъ идетъ по стрѣлкѣ часовъ,—должна обнаруживать южную магнитную полярность и слѣдовательно притягиваться сѣвернымъ полюсомъ перпендикулярно подносимаго къ ней магнита и отталкиваться южнымъ; другая сторона, обнаруживая сѣверную полярность, должна притягиваться южнымъ и отталкиваться сѣвернымъ полюсомъ магнита. Опытъ вполне оправдалъ теоретическія положенія.

Всѣмъ извѣстенъ знаменитый законъ Ома относительно напряженія гальваническаго тока, но едва ли многіе знаютъ какъ было открыто это важное положеніе науки. Въ наиболѣе извѣстномъ сочиненіи Ома, *Математическая теорія столба* на это нѣтъ достаточныхъ указаній. Авторъ долженъ былъ обратиться къ первымъ мемуарамъ Ома и извлечь изъ нихъ описаніе изысканій бѣднаго германскаго учителя, съ ничтож-

новѣйшими средствами умѣвшаго сдѣлать замѣчательнѣйшее открытіе. Изъ описанія явствуетъ что Омъ открылъ свой законъ путемъ прямыхъ опытовъ надъ термо-электрическими токами, а не путемъ теоретическихъ соображеній, какъ это верѣдко утверждается, въ особенности французскими физиками.

Изданіе говорить что трудамъ величайшаго изъ физиковъ новѣйшаго времени, Фарадея, отведено надлежащее мѣсто въ курсѣ.

Пятый и послѣдній отдѣлъ, озаглавленный *общая физика*, содержитъ ученіе о первоначальныхъ дѣятеляхъ природы или о послѣднихъ причинахъ, къ которымъ могутъ быть приведены физическія явленія. Вслѣдствіе этого онъ раздѣленъ на четыре части: на механику или ученіе о силахъ и ихъ дѣйствіяхъ вообще, ученіе о силахъ дѣйствующихъ на большихъ разстояніяхъ, ученіе о силахъ дѣйствующихъ на очень близкихъ разстояніяхъ и ученіе о междучастичной средѣ. Этотъ отдѣлъ находится въ тѣсной связи съ первымъ отдѣломъ курса и составляетъ его продолженіе и развитіе. Свѣдѣнія изъ общей физики, которыя по простотѣ своей легко могутъ быть усвоены начинающими, или которыя необходимы для уразумѣнія другихъ отдѣловъ курса, отнесены къ первому отдѣлу, другія же, основанныя на болѣе сложныхъ соображеніяхъ или выводимыя путемъ математической дедукціи, соединены въ послѣднемъ.

Отдѣлъ общей физики представляетъ курсъ элементарной механики съ особымъ развитіемъ тѣхъ частей которыя находятся въ связи съ предметами общаго курса физики и въ такомъ объемѣ въ какомъ онъ можетъ быть пройденъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Авторъ развиваетъ обстоятельно и съ большою ясностью основныя понятія механики о силѣ, количествѣ движенія, работѣ и т. п., и останавливается съ должнымъ вниманіемъ на разъясненіи основныхъ законовъ движенія, законовъ кривости и относительнаго движенія. Эти законы, допущенные современною наукою какъ аксіомы, представляются однако, какъ исторія науки это показываетъ, истинами далеко не очевидными, и незнаніе ихъ долгое время затрудняло ученыхъ и останавливало правильное развитіе науки о движеніи. Проводникомъ первоначальныхъ идей о движеніи авторъ избралъ разсужденія по этому предмету Галилея, перваго сознавшаго и вполнѣ ясно изложившаго истинныя начала перемѣннаго движенія. Приводимъ изъ § 35 разсужденія Галилея о законѣ относительнаго движенія.

Галилей поясняетъ этотъ законъ слѣдующимъ примѣромъ. „Закачите себя съ какимъ-нибудь пріятелемъ въ замъ подъ палубою какого-нибудь большаго корабля, и пустите туда мухъ, бабочекъ и другихъ подобныхъ маленькихъ летающихъ животныхъ. Пусть будетъ тамъ также большой сосудъ съ водою, и въ немъ рыбки. Повѣсьте также на потолокъ ведро изъ котораго каляя за каляею вытекала бы вода въ другой сосудъ съ узкимъ отверстіемъ находящійся вверху подъ нимъ. Пока не движется корабль, наблюдайте какъ эти летающія животныя съ равною быстротою будутъ летать во всѣ стороны комнаты. Рыбы будутъ плавать безразлично во всѣ стороны; падающія каляи будутъ попадать всѣ въ подставленный сосудъ. И вы, бросая пріятелю какую-нибудь вещь, не будете принуждены употреблять большую силу для того чтобы бросить ее въ одну сторону чѣмъ въ другую, если только состоянія одинаковы. Прыгая вы будете проходить одинаковыя пространства во всѣ стороны (куда бы ни прыгали). Наблюдайте хорошенько за всѣмъ этимъ и заставьте привести въ движеніе корабль, съ какою угодно быстротою. Если движеніе будетъ равномернo, то вы не замѣтите ни малѣйшей перемѣны во всѣхъ указанныхъ дѣйствіяхъ, и ни по одному изъ нихъ не въ состояніи будете судить—движется ли корабль, или стоитъ на мѣстѣ. Вы, прыгая, будете проходить на полу тѣ же самыя пространства, какъ и прежде, т. е. вы не сдѣлаете, вслѣдствіе того что корабль движется весьма быстро, большихъ прыжковъ къ кормѣ, чѣмъ къ носу корабля, хотя въ то время, когда вы находитесь въ воздухѣ, подъ находящійся подъ вами, бѣжитъ къ части противоположной вашему прыжку. Бросая вещь товарищу, вамъ не нужно съ большою силою бросать ее, если онъ будетъ около носа корабля, вы же около кормы, чѣмъ на оборотъ. Каляи будутъ падать, какъ прежде, въ нижній сосудъ, и ни одна не упадетъ по направленію къ кормѣ, несмотря на то что, въ то время какъ каляя находится въ воздухѣ, корабль уходитъ впередъ на нѣсколько локтей. Рыбы въ своей водѣ не съ большимъ трудомъ будутъ плавать къ одной, чѣмъ къ другой сторонѣ сосуда, и будутъ приходить съ одинаковою ловкостью къ пицѣ, положенной на какое угодно мѣсто края сосуда. Наконецъ, бабочки и мухи будутъ летать попережнему во всѣ стороны и не будутъ держаться болѣе около той стѣны которая ближе къ кормѣ, какъ будто устала слѣдовать за быстрымъ ходомъ корабля, отъ котораго онѣ, находившись долго въ воздухѣ, были разединены. И если зажжете нѣсколько ладона, то дымъ пойдетъ вверхъ и будетъ держаться въ видѣ облачка и безразлично двигаться въ ту или въ другую сторону. А причина того что всѣ эти дѣйствія такъ соответствуютъ одно другому заключается въ томъ что движеніе корабля обще всему находящемуся въ немъ,—и воздуху. Для этого говорилъ я чтобы мы находились подъ палубою. Еслибы

ны были надъ водою, на открытомъ воздухѣ, который не сдѣлаетъ за движеніемъ корабля, то замѣтили бы разницу болѣе или менѣе ощутительную.“

Въ статьѣ о маятникѣ встрѣчаемъ описаніе снаряда придуманнаго авторомъ для оправданія начала на которомъ основано объясненіе опыта Фуко и указывающаго постоянство плоскости качанія. Эту статью, содержащую весьма обстоятельное ученіе о маятникѣ и главныхъ приложеніяхъ этого важнаго прибора, желательно бы было дополнить нѣкоторыми свѣдѣніями о физическомъ маятникѣ. Отдѣлъ общей физики, въ связи съ первымъ отдѣломъ, составляетъ ученіе вполнѣ достаточное для курса какъ по содержанію, такъ и по представленію матеріала; можно только замѣтить что быть-можетъ было бы цѣлесообразно помѣстить нѣкоторыя указанія на правило сложенія силъ также и въ первомъ отдѣлѣ.

Въ ссылкахъ на исторію науки авторъ не забываетъ указать на опыты какіе были произведены въ Россіи. Онъ упоминаетъ о трудахъ Рихмана и Ломоносова по части атмосфернаго электричества, при чемъ ссылается на свое сочиненіе *Жизнь и труды Ломоносова*, гдѣ изслѣдованія петербургскихъ академиковъ и печальная судьба одного изъ нихъ изложены съ большою обстоятельностью. Онъ говоритъ о важныхъ изысканіяхъ Элануса по части электричества, объ открытіи Брауномъ замерзанія ртути, о ледяномъ домѣ, описанномъ Крафтомъ, объ огромномъ электрофорѣ Кулибина въ 1777 году и пр.

Приведенныя указанія и выписки изъ разсматриваемой вами книги свидѣтельствуютъ съ достаточною ясностью какъ объ оригинальномъ способѣ принятомъ авторомъ для изложенія предмета, такъ и о значительности труда имъ исполненнаго. Богатство матеріала, содержащагося въ книгѣ, заставляетъ сожалѣть о томъ что авторъ не дополнялъ свой трудъ цитатами источниковъ которыми онъ пользовался; такое дополненіе могло бы принести не мало пользы лицамъ спеціально занимающимся физикою, и указать имъ путь для личнаго ознакомленія съ первыми источниками науки. Замѣтимъ здѣсь кстати что для легчайшаго обзора содержанія и для болѣе удобнаго наведенія справокъ, слѣдовало бы помѣстить особое оглавленіе, отсутствіе котораго не рѣдко затрудняетъ читателя.

Описывая обстоятельно всѣ главные и даже второстепен-

ные явленія и опыты, авторъ не вдается въ подробное описаніе самыхъ приборовъ. Полагаемъ что онъ поступилъ такимъ образомъ на томъ основаніи что считалъ подобныя описанія бесполезными для учащихся, и не желалъ наполнить свой курсъ излишними подробностями. Дѣйствительно учащійся никогда не можетъ получить отчетливаго понятія о какомъ-либо приборѣ только по одному описанію, если онъ не ознакомился съ нимъ на самомъ дѣлѣ; но въ этомъ случаѣ хорошо исполненный чертежъ уже достаточно для ученика, чтобы припомнить подробности виденнаго снаряда.

Относительно дидактической стороны разсматриваемой нами книги, замѣтимъ что методъ преподаванія физики въ настоящее время нельзя вообще еще считать вполнѣ установившимся; по крайней мѣрѣ замѣчаемъ довольно большія различія въ разныхъ руководствахъ этого предмета. Но въ одномъ отношеніи кажется сходятся мнѣнія разныхъ физиковъ, именно въ томъ что учебный матеріалъ, который ученикъ долженъ совершенно усвоить себѣ и удержать въ памяти, слѣдуетъ привести къ тщательному выбранному и строго разграниченному *minimum*. Этотъ минимумъ свѣдѣній учащійся долженъ вынести изъ школы какъ свою полную собственность съ умѣньемъ пользоваться имъ и примѣнять его къ различнымъ случаямъ. Этой цѣли авторъ разсматриваемого нами курса старался достигнуть отчасти распредѣленіемъ матеріала на болѣе важный и второстепенный, отмѣчая одинъ отъ другаго разнымъ шрифтомъ, а главное помощью двухъ главъ, прибавленныхъ къ концу книги подъ наименованіемъ: *Repetitorium* и *Вопросы для упражненія*. *Repetitorium* содержитъ перечень тѣхъ основныхъ положеній науки, которыя учащійся долженъ безусловно знать твердо и отчетливо, и служить вмѣстѣ съ тѣмъ удобнымъ пособіемъ при повтореніи предмета. Вопросы для упражненія составляютъ отчасти дополненіе къ многочисленнымъ задачамъ вообще разсѣяннымъ въ сочиненіи. Объ этихъ вопросахъ можно получить понятіе изъ слѣдующихъ примѣровъ.

„Еслибы на лунѣ выбросить ядро изъ жерла пушки дѣйствіемъ того же количества пороха, то будетъ ли скорость, пріобрѣтенная ядромъ, одинакова какъ на землѣ, гдѣ вѣсъ ядра въ шесть разъ больше?

„Вообразимъ тѣло не имѣющимъ вѣса; какія свойства въ немъ сохраняются если оно твердое, если жидкое, если газообразное?

„Въ одномъ фантастическомъ повѣствованіи о ядрѣ съ наблюдателями, брошенномъ съ земли на луну, разсказывается, что когда ядро приблизилось къ лунѣ на такое разстояніе что притяженіе луны сдѣлалось равнымъ притяженію земли, всѣ предметы внутри ядра потеряли тяжесть, и всякій предметъ, не падая, оставался въ воздухѣ гдѣ помѣщенъ. Показать что такое явленіе должно бы было происходить не въ этой только нейтральной точкѣ, но на всемъ протяженіи пути, и что движеніе брошеннаго ядра нельзя сравнять съ движеніемъ, на примѣръ, воздушнаго шара поднимающагося вверхъ: каждая часть ядра летитъ не по тому что увлекается другими, а по силѣ верженія, съ тою же скоростью какъ всѣ другія и не имѣетъ причины отъ нихъ отставать.

„Изъ того что тѣло теряетъ часть своего вѣса будучи погружено въ жидкость, не слѣдуетъ ли что если на чашкѣ вѣсовъ стоитъ сосудъ съ водою и лежитъ нѣкоторое тѣло, то уравновѣшивающій чашку грузъ долженъ быть шеей если тѣло погрузить въ воду? Куда дѣвается потерянный тѣломъ вѣсъ? Приложение къ закону Архимеда начала: „дѣйствіе равно противодѣйствию“. Условіе чтобы тѣло плавало на водѣ. Пояснить правило Архимеда что въ случаѣ плавающего тѣла: „погруженный объемъ во столько разъ менше всего объема тѣла, во сколько вѣсъ тѣла менше вѣса равнаго ему объема воды“. Бадью колодца легко тянуть пока она въ водѣ; какое заключеніе изъ этого и подобныхъ опытовъ было выведено многими учеными въ эпоху Паскаля и мѣшало принятію ученія о давленіи атмосферы? Какъ выносить живая существа давленіе воды на большихъ глубинахъ?

„Какъ сообщается телота термометру отъ окружающихъ его тѣлъ? Передача телоты отъ слоя къ слою не одинаковой температуры составляетъ явленіе теплопроводности. Можетъ ли быть передача отъ слоя къ слою равной температуры (лучистое распространеніе чрезъ теплопрозрачныя тѣла)? Что такое температура пространства? Можно ли понимать ее какъ температуру воздуха?

„Правильно ли сказать что вслѣдствіе скорости свѣта мы видимъ солнце на сводѣ небесномъ на томъ мѣстѣ какое оно занимало 8 м. 13 с. тому назадъ и что когда усматриваемъ его восходящимъ, то уже прошло 8 м. 13 с. послѣ его дѣйствительнаго восхожденія? Изъ ученія о скорости свѣта можно вывести доказательство что вращается земля, а не сводъ небесный около земли.

„Если между наэлектризованнымъ тѣломъ и бузьянымъ шарикомъ на нити поставитъ металлическую доску неизолированную, то она дѣйствуетъ какъ экранъ пресѣкающій электрическое вліяніе; но если доска изолирована, то дѣйствіе электризованнаго тѣла на шарикъ усиливается. Объяснить эти явленія. Дѣйствіе мягкаго желѣза какъ экрана при явленіяхъ намагничиванія.

Въ этой главѣ встрѣчаемъ также изображеніе нѣсколькихъ новыхъ снарядовъ, придуманныхъ авторомъ для оправданія нѣкоторыхъ законовъ изъ области ученія о жидкостяхъ и газахъ. Таковы снаряды для оправданія Архимедова закона, видоизмѣненный Мариоттовъ сосудъ, другая форма Мариоттова сосуда, видоизмѣненный сифонъ.

Тутъ же помѣщено авторомъ извлеченіе изъ его статьи, напечатанной въ *Математическомъ Сборникѣ* (т. VI. вып. 2) *Новая теорія поля зрѣнія и увеличенія оптическихъ снарядовъ*, въ которой указывается на ошибку относительно этого предмета, встрѣчающуюся во многихъ курсахъ физики. Обязательный разборъ случая наблюденія глазомъ такъ-называемыхъ воздушныхъ изображеній, также изложеніе оптики вооруженнаго зрѣнія, сопровождаются и въ текстѣ и въ вопросахъ для упражненій рядомъ задачъ.

Повсюду авторъ старался довести объясненія до возможной очевидности и отчетливаго уразумѣнія учащихся, и нѣтъ съ тѣмъ достигнуть возможной полноты матеріала, прослѣдивъ науку до послѣднихъ результатовъ ея; онъ пользовался и математическими выводами на столько на сколько это было возможно въ предѣлахъ элементарнаго курса математики. Нѣтъ сомнѣнія что книга его принесетъ существенную пользу учащимся и быть можетъ не меньшую пользу и самимъ учителямъ физики, и послужитъ источникомъ для распространенія у насъ полезныхъ свѣдѣній по одной изъ важнѣйшихъ отраслей естествознанія.

А. ДАВИДОВЪ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ВО ФРАНЦИИ

Monsieur Alphonse. Новая комедія Александра Дюма.

Давно, лѣтъ двадцать лѣтъ тому назадъ, въ Парижѣ появилась маленькая книжка: *La Dame aux Camélias*, надѣлавшая много шуму.

Это былъ небольшой романъ, изобличавшій въ авторѣ рѣдкую смѣлость и задатки большаго таланта. Талантъ проглядывалъ на каждой страницѣ, на каждой строкѣ. Лица романа жила дѣйствительною жизнью; увлеченный читатель чувствовалъ то что чувствовали эти лица, онъ радовался и страдалъ вмѣстѣ съ ними и плакалъ перечитывая послѣднія скорбныя страницы этой грустной исторіи. Еще ярче проявлялась смѣлость мысли автора. Онъ задался странною задачей поэтизировать одно изъ тѣхъ погибшихъ, продажныхъ созданий, которыя въ то время оставались несравненно болѣе въ тѣни чѣмъ теперь.

Нѣкоторые порицали безусловно новое произведеніе, другіе, отдавая должную дань таланту, строго отвѣслись къ мысли автора идеализировать порокъ; третьи восторгались тѣмъ что наконецъ нашеся человекъ довольно смѣлый чтобъ отвѣстись гуманно къ ларіямъ общества, восторгались напрасно, потому что относиться гуманно къ ларіямъ еще не значитъ поэтизировать ихъ.

Что касается до самихъ отщепенцевъ и „недовольныхъ“

общества, авторъ разумѣется сразу завоевалъ всѣ ихъ симпатіи и былъ провозглашенъ чуть ли не гениемъ.

Словомъ, книжка произвела нѣкотораго рода скандалъ. Имя Александра Дюма-сына, какъ писателя, получило сразу громкую извѣстность, а смѣлость задачи романа отнесена была къ юнымъ годамъ и „мимолетному“ увлеченію автора.

Однако, въ цѣломъ ряду послѣдующихъ произведеній исполненныхъ ума и таланта, молодой писатель, къ удивленію многихъ остался вѣренъ прототипу женскаго идеала созданному имъ въ *Dame aux Camelias*. Между героинями его романовъ и комедій не встрѣчалось ни одного свѣтлаго, чистаго, непорочнаго типа. Это были или куртизанки, или заблудшія овцы, или „поскользнувшіяся“ свѣтскія женщины. Благодаря блестящему дарованію автора, всѣ онѣ набѣлennыя, варуменныя и насурмленныя являлись очарованному зрителю при столь искусномъ освѣщеніи что онъ не различалъ лудры и румяна прикрывавшихъ безобразную дѣйствительность.

Это была уже не вспышка увлекшагося юноши, а пропаганда, принесшая вскорѣ плоды и вредно отозвавшаяся въ обществѣ. Александръ Дюма-сынъ былъ въ извѣстномъ мѣрѣ провозглашенъ защитникомъ женщинъ вообще, на томъ основаніи что сильнымъ изъ нихъ не нужно защиты, а слабымъ онъ принялъ подъ свое крыло.

Такое скептическое и нездоровое воззрѣніе на женщину, воззрѣніе по которому все непорочное, чистое и свѣтлое будто умышленно игнорировалось авторомъ, если не извиняется то по крайней мѣрѣ отчасти объясняется исторіею молодости Дюма.

Александръ Дюма дитя любви. Лишенный законныхъ правъ, имѣли, существо почти отверженное, онъ самъ силою дарованія пробилъ себѣ дорогу, завоевалъ и славу и деньги, взялъ съ боя имя и положеніе.

Матери своей онъ почти не зналъ. Отца зналъ слишкомъ хорошо. Ни того, ни другаго изъ своихъ ровителей онъ не уважалъ и не могъ уважать. Матери онъ не могъ простить того что отдавшись человѣку, она не подумала о будущемъ своемъ ребенкѣ. Отцу—что онъ забылъ и мать и ребенка.

У Дюма не было дѣтства.

„*Je vais donc enfin avoir une enfance!*“ восклицаетъ съ рыдательнымъ трепетомъ Адриенна, одно изъ дѣйствующихъ лицъ *Monsieur Alphonse*, послѣдняго произведенія даровитаго

писателя. Не одиннадцатилѣтняя Адриенна—въ устахъ ребенка немислимы подобныя слова—самъ авторъ высказываетъ въ этой фразѣ одну изъ наболѣвшихъ язвъ своего сердца.

Итакъ въ дѣтствѣ Александру Дюма не пришлось любить и уважать женщины.

Безъ званія, почти безъ имени, безъ матери, куда было броситься молодому человѣку забытому отцомъ? Богатый однимъ своимъ талантомъ, онъ лопалъ въ полусвѣтѣ, былъ тамъ отлично принятъ и... тамъ остался. Какихъ женщинъ могъ онъ встрѣтить въ этомъ мірѣ? Что могъ онъ найти здороваго тамъ гдѣ все прогнило до мозга костей? Однако художественная натура бѣднаго юноши ищетъ идеала, онъ чувствуетъ потребность воплотить въ образѣ женщины дорогія, задушевные мечты—рождается поэтичный образъ Маргариты Готье, куртизанки выкупающей глубокою искреннею любовью грязь своего прошлаго и умирающей изъ-за этой любви.

Таковъ идеалъ юнаго Дюма.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Бывшему даровитому юношѣ теперь сорокъ девять лѣтъ. Онъ сталъ знаменитостью, за послѣднее время провозглашенъ чуть ли не пророкомъ-моралистомъ. Обыкновенными пѣсами онъ не довольствуется, ему нужно развивать на сценѣ тезисы и лочать своихъ согражданъ.

Но предпринявъ такое дѣло, нынѣшній Дюма учитель-моралистъ вѣроятно отрѣшился отъ идеаловъ своего прошлаго, шагнулъ неизмѣримо впередъ и расширилъ кругозоръ свой, тѣмъ болѣе что и сама жизнь представила ему съ тѣхъ поръ несравненно обширнѣйшее полприще для наблюденій и этюдовъ?

Посмотримъ.

Занавѣсъ поднимается. На сценѣ двѣ личности, Октавъ и Ремонда. Октавъ, онъ же и Альфонсъ, низкій эгоистъ, негодяй питающій отвращеніе къ труду, сластолюбецъ съ грязными наклонностями, человѣкъ для котораго всѣ средства хороши лишь бы эти средства могли доставить ему деньги на удовлетвореніе прихотей. Онъ красавецъ, красавецъ такого рода какой любятъ кокетки или распутныя старухи: свѣжій, румяный, съ закрученными усиками, всегда расфранченный, завитой, наломаженный и надушенный. Октавъ разумѣется пользуется природнымъ даромъ для эксплуатаціи женщинъ на закатѣ слишкомъ чувствительныхъ и нѣжныхъ.

Ремонда, героиня пьесы, жена морскаго офицера Монтеглеа.

Изъ разговора этихъ двухъ лицъ, разговора представляющаго по ясности, опредѣлительности и сжатости изложенія верхъ совершенства сценическаго искусства, мы узнаемъ что Октавъ и Ремонда были когда-то любовниками, что плодомъ этой связи была дочь отданная на воспитаніе гдѣ-то въ окрестностяхъ Парижа; что съ тѣхъ поръ Ремонда услѣла выйти замужъ за отличнаго и честнаго человѣка женившагося на ней, дѣвушкѣ безъ состоянія, по любви; что она обожаетъ своего мужа и всѣми силами души ненавидитъ и презираетъ своего бывшаго любовника Октава. Этотъ господинъ называется, какъ впрочемъ и слѣдовало ожидать, очень плохимъ отцомъ; за одиннадцать лѣтъ, онъ всего разъ шесть посятилъ ребенка, являясь всегда подъ именемъ господина Альфонса. Въ настоящую минуту Октавъ намѣренъ жениться и потому, чтобъ отдѣлаться отъ „тягостной обузы“, онъ уговариваетъ Ремонду взять „ихъ дочь“ къ себѣ.—У Ремонды нѣтъ дѣтей отъ мужа, она обожаетъ Адриенну; негодяй все это знаетъ и надѣется ее разжалобить.

„— Какъ? возражаетъ съ негодованіемъ Ремонда, ввести обманомъ незаконнаго ребенка въ домъ моего мужа? Обманывать на каждомъ шагу этого честнаго, доврчиваго, хорошаго человѣка? Никогда!“

Словомъ она и слышать не хочетъ объ этомъ. Тогда Октавъ рѣшается обратиться съ тою же просьбой къ самому Монтеглеу.

Монтеглеу, честнѣйшій и добрѣйшій изъ людей, былъ очень друженъ съ покойнымъ отцомъ Октава. Вслѣдствіе этого онъ относится къ сыну стараго своего друга нѣсколько по-отечески и принимаетъ его въ своемъ домѣ не взирая на дурную репутацію которою пользуется молодой человѣкъ.

Съ первыхъ же словъ Монтеглеу соглашается взять Адриенну на воспитаніе.

„— Ты лучше чѣмъ я думалъ, говоритъ онъ Октаву; „ты, какъ мнѣ кажется, любишь твою дочь. Не безпокойся объ ея участи—жена моя заступитъ ей мѣсто матери.“

Октавъ приводитъ Адриенну. Дѣвочкѣ одиннадцать лѣтъ, она развита не по лѣтамъ и скрытна. Мать свою она знаетъ—Ремонда часто навѣщала Адриенну—знаетъ что это ея

мать, но при другихъ обращается съ нею какъ съ чужою, и это съ первой минуты, съ перваго шагу въ домъ.

Монтегленъ ласкаетъ ребенка, Ремонда въ восторгъ, Адриенна счастлива, Октавъ слокзень... Все, какъ кажется, устроилось къ лучшему. Но дѣло въ томъ что неспокойна госпожа Гюншаръ, пятидесятилѣтняя невеста продажнаго ловецаса.

Госпожа Гюншаръ, нѣкогда трактирная служанка, имѣла счастье понравиться старому холостяку у котораго жила въ кухаркахъ. Умирая, холостякъ сочелася съ нею законнымъ бракомъ *in extremis* и оставилъ ей все свое состояніе—тысячъ пятьдесятъ годоваго дохода. Разбогатѣвъ, кухарка осталась такою же кухаркой; она груба, необѣсана и смѣшна, едва умѣетъ читать и писать, выражается невозможнымъ языкомъ и одѣвается на смѣхъ свѣту, но при всемъ этомъ госпожа Гюншаръ добрая женщина. Октава она любитъ по-своему, чисто-животному страстью, не наглядится на него, дѣлаетъ ему сцены ревности при постороннихъ, бѣгаетъ за нимъ; вообще страство ревнива. Она съ утра выслѣдила своего возлюбленнаго Октава, видѣла какъ онъ вошелъ въ крестьянскій домикъ, какъ онъ вышелъ оттуда съ дѣвочкой, какъ онъ привезъ эту дѣвочку къ Монтеглену; все это, на несчастье Октава, ревнивая его невеста видѣла. Въ себя отъ ярости, она влетаетъ къ Монтеглену, чтобъ узнать въ чемъ дѣло, чтò это за дѣвочка, не дочь ли это Октава, наконецъ „кто мать?—это для меня главное!“

Она допрашиваетъ Ремонду, Монтеглена, въ концѣ-концовъ Октава. Эта послѣдняя сцена задумана и написана мастерски. Бывшая кухарка забрасываетъ вопросами „вѣроломнаго“; она то раздражается потоками попрековъ и брани, то вдругъ смягчается и осыпаетъ своего кумира грубыми ласками. Октавъ сперва отпѣкивается, жетъ немилосердно, сбивается и наконецъ, прилертый къ стѣнѣ, признается что Адриенна его дочь, клянется и божится что мать ребенка давно ужъ умерла и растрогиваетъ совершенно добрую женщину.

„— Зачѣмъ же было скрывать все это отъ меня? Чего ты боялся? Я вѣдь, ты знаешь, женщина добрая... Дѣвочку мы возьмемъ къ себѣ. Стулай и скажи ей это.“

Боясь новыхъ подозрѣній, Октавъ не рѣшается прекословить. Монтегленъ, которому онъ объявляетъ рѣшеніе своей невесты, находитъ что эта послѣдняя права, что такой

поступокъ дѣлаетъ ей честь и затѣмъ идетъ предупредить жену.

Съ первыхъ же словъ Ремонда блѣднѣетъ; не услѣла она еще придти въ себя отъ счастья при радостной мысли не разставаться больше съ Адриенною, какъ у нея снова отнимаютъ дочь. Сперва она робко возражаетъ: какъ отдать такого умнаго, не по лѣтамъ развитаго ребенка въ руки грубой, необразованной и вспыльчивой женщины? Эта женщина способна въ минуту гнѣва выгнать изъ дому беззащитную дѣвочку, наконецъ она просто можетъ ее бросить.

Бѣдная мать понемногу забывается, слезы давятъ ее, глосъ возвышается, дрожить, она энергично, краснорѣчиво протестуетъ, нападаетъ на людское правосудіе, на законы не ограждающіе материнскихъ правъ... Слезы, страстная рѣчь, волненіе выдали Ремонду. Монтегленъ слушаетъ жену съ возрастающимъ удивленіемъ и ужасомъ... Вдругъ онъ схватываетъ ее за руку. Несчастная судорожно вздрагиваетъ; въ мигъ поняла она что пропала, что Монтегленъ догадался что онъ все прочиталъ въ ея глазахъ. Какъ громомъ пораженная, изнемогая отъ горя и отчаянія, страшно услуганная Ремонда ладаетъ къ ногамъ мужа.

Нѣсколько минутъ Монтегленъ остается неподвижнымъ. Взоръ его, исполненный тоски и страданія, то неопредѣленно блуждаетъ, то останавливается на виновной безмолвно ожидающей своей участи. Но вотъ черты лица Монтеглена теряютъ понемногу гнѣвное выраженіе, конвульсивная дрожь исчезаетъ.

„— Встань, грѣшница, ты покаядася, я тебя прощаю“, произноситъ онъ грустнымъ, торжественнымъ голосомъ.

Но это не все: Монтегленъ рѣшилъ не разлучать Ремонды съ ея ребенкомъ. На метрическомъ свидѣтельствѣ Адриенны стоитъ *père et mère incognitis*, слѣдовательно этотъ добрѣйшій изъ людей имѣетъ право по закону признать дѣвочку своею дочерью.

Является нотаріусъ которому Монтегленъ объясняетъ свои намѣренія и проситъ составить актъ. Актъ готовъ. Монтегленъ отводитъ Октава въ сторону и въ послѣдній разъ спрашиваетъ, хочетъ ли онъ, Октавъ, признать Адриенну своею дочерью. Октавъ виляетъ, говоритъ что ему нужно посоветоваться съ невѣстою, что снова предстоятъ заботы и непріятности...

„— Прекрасно! Господинъ нотариусъ извольте читать.“

Актъ читается. Дойдя до мѣста гдѣ должно быть вписано имя отца нотариусъ останавливается.

„— Пишите, Ахиллъ де-Монтегленъ.“

Нужны два свидѣтеля. Первымъ подписывается Реми, старый морякъ; вторымъ приходится быть Октаву, настоящему отцу ребенка.

„— Подпишитесь“, обращается къ нему Монтегленъ.

„— Какъ? Мнѣ подписаться, мнѣ?“

„— Подпишитесь!“ повторяетъ повелительно мужъ Ремонды.

Октавъ повинуется. Едва кончилась эта процедура какъ на сцену влетаетъ гжа Гюншаръ, радостная и довольная. Залыхавшимся голосомъ она сообщаетъ присутствующимъ что рѣшившись сдѣлать пріятный сюрпризъ Октаву, она сбѣгала въ мерию къ нотариусу, приказала составить актъ по которому призываетъ Адриенну дочерью, что актъ у ней въ карманѣ и что она явилась теперь за своимъ ребенкомъ.

„— Извините! отвѣчаетъ ей Монтегленъ, — Адриенна моя дочь!“

„— Вотъ такъ исторія!“ восклицаетъ озадаченная совершенно гжа Гюншаръ, которой мужъ Ремонды объясняетъ въ чемъ дѣло.

Въ чемъ дѣло! Гжа Гюншаръ начинаетъ сама догадываться въ чемъ дѣло! Однако она хочетъ удостовѣриться.

„— Боже мой! Адриенна попала подъ лошады!“ вскрикиваетъ вдругъ она смотря въ окно.

Ремонда вторично выдаетъ себя.

Гюншаръ поняла все, и великодушіе Монтеглена и страданія Ремонды, и страшную низость Октава. Женщина грубая, но добрая, она возмущена до крайности.

„— Вонъ!“ кричитъ она повелительно ошеломленному Октаву. „Убирайся! Можешь оставить себѣ все что я тебѣ дала.“

Таково содержаніе *Monsieur Alphonse'a*, комедіи Александра Дюма поставленной на сценѣ театра *du Gymnase* и въ первый разъ исполненной 26го минувшаго ноября.

Сюжетъ *Monsieur Alphonse'a*, какъ видите, изъ очень обыкновенныхъ и не блеститъ особенною оригинальностью. Великодушный мужъ, негодай любовникъ, слабая женщина, ребенокъ— знакомые элементы драматическаго дѣйствія; нотариусъ, чтеніе на сценѣ такой-то статьи закона—тоже пружины довольно избитыя.

Не взирая на это и на нѣкоторыя несообразности, фактура пьесы въ сценическомъ отношеніи превосходна. Вступленіе по сжатости, опредѣлительности и ясности представляетъ верхъ совершенства: нѣсколько фразъ, два, три слова, и вы знаете въ чемъ дѣло, что было прежде, и сразу заинтересованы завязкою. Затѣмъ дѣйствіе быстро равивается не останавливаясь ни на какихъ излишнихъ или скучныхъ эпизодическихъ частностяхъ и приводитъ васъ, такъ-сказать на парахъ, къ развязкѣ. Вы не успѣваете опомниться, вы увлечены съ первой же минуты, вамъ нѣтъ времени вдуматься. Слѣдя съ возрастающимъ интересомъ за быстрыми и блестящими вариациями этого калейдоскопа, очарованный блесками ума, порою тонкою наблюдательностью или нѣжною, теплою ноткой, увлеченный странною жизненностью всего происходящаго на сценѣ, зритель безотчетно предается наслажденію минуты и не спрашиваетъ что предъ нимъ: искусный ли миражъ или художественное воспроизведеніе дѣйствительности? Онъ доволенъ, онъ аплодируетъ, выходитъ очарованный, въ какомъ-то опьяненіи и только вдохнувъ свѣжаго воздуха, отрезвившись, чувствуетъ съ досадою и удивленіемъ что былъ олоенъ нездоровымъ зельемъ.

Нездоровымъ вотъ почему.

Предъ вами двигались, говорили, страдали и радовались разныя личности; между ними попадались и добрыя, и злыя, добродѣтельныя и порочныя. Всѣ эти личности, правда, двигались и говорили, но *жили* только однѣ злыя и порочныя. Вы чувствуете что порокъ одинъ былъ на сценѣ одаренъ жизненностью; добродѣтель же являлась только какъ бы необходимою антитезою и являлась она какою-то странною, неестественною, будто авторъ рѣшительно сомнѣвается въ ея существованіи, а потому не могъ олицетворить ее въ чемъ-нибудь живомъ.

Въ *Monsieur Alphonse* вѣ двѣ личности, госпожа Гюншаръ и Октавъ, живутъ дѣйствительною жизнью. Они прямо выхвачены изъ грязной ихъ среды и перенесены на сцену. Съ начала до конца въ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ они послѣдовательны и логичны.

Возьмите госпожу Гюншаръ. Вульгарная, безъ всякаго образованія, она тѣмъ не менѣе подъ грубою своею оболочкою чувствуетъ и понимаетъ многое. Такъ, хотя и смутно, она сознаетъ свое положеніе относительно Октава. Она любитъ его потому что онъ „воспитанъ“, потому что онъ

„аристократъ“. На взаимность она не очень-то разчитываетъ и не обманываетъ себя на счетъ причинъ „привязанности“ Октава. Бывшая кухарка понимаетъ что женится онъ не на ней, а на ея деньгахъ.

— Отчего же ты не женился на ея матери? спрашиваетъ она у Октава когда тотъ признается что Адриенна его дочь.— Развѣ она была бѣдна?

И сказано это безъ яду, безъ злаго умысла, грустнымъ, почти робкимъ голосомъ. Видно что здѣсь говорить инстинктъ женщины желающей во что бы то ни стало облагородить любимаго человѣка, женщины старающейся сомнѣваться въ нязости побужденій предмета своей страсти.

— Можешь себѣ оставить все то что я тебѣ дала, говоритъ она въ другомъ мѣстѣ и голосъ ея дрожить; слышно презрѣніе, но чувствуется также что бѣдной женщиной столь же стыдно за самое себя какъ и за своего негоднаго любовника. Этотъ тиль отъ начала до конца очерченъ и оттушеванъ мастерскою рукой.

Личность самого „господина Альфонса“ также дышетъ правдою. *Monsieur Alphonse* станетъ отныня именованъ нарицательнымъ, характеристичною кличкой гадивъ подобнаго рода.

Перейдемъ теперь къ „свѣтлымъ“ личностямъ драмы.

Предъ нами славная фигура моряка Монтегена. Онъ говоритъ прекрасно: вы чувствуете честнаго, хорошаго человѣка въ каждомъ его словѣ; но вотъ онъ выходитъ изъ пасивной роли, въ свою очередь онъ захваченъ ходомъ событій, захваченъ неожиданно и круто. Онъ узнаетъ что у Ремонды, которую обожаетъ, въ которую до сихъ поръ вѣрилъ какъ въ Бога, что у ея Ремонды есть побочный ребенокъ. Этотъ ребенокъ предъ нимъ; онъ введенъ обманомъ подъ видомъ приемыша. Негодный отецъ этого ребенка тутъ же на глазахъ у оскорбленнаго мужа. Все это Монтегенъ узналъ сразу, вдругъ; подозрѣвать онъ можетъ Богъ знаетъ что. Какимъ бы онъ ни былъ идеаломъ благородства, доброты и великодушія, прежде всего онъ человѣкъ; ему присущи порывы, увлеченія и страсти человѣческія. Воленъ ли онъ надъ собою въ подобную минуту? Онъ можетъ опомниться, остановиться въ-время, но если у него хоть капля крови въ жилахъ, первая минута столь ужаснаго откровенія должна быть ужасна. Онъ благороденъ и безусловно честенъ, слѣдовательно, обманъ, ложь, визость и безчестіе тѣмъ болѣе должны возмущать его,

особенно когда обманъ и ложь, и низость совершенны существомъ въ которое онъ слѣпо вѣрилъ до послѣдней минуты.

Что же дѣлаетъ Монтегленъ?

У ногъ его лежитъ жена испуганная и раскаивающаяся; она у ногъ его только вслѣдствіе того что самъ онъ угадалъ и понялъ все. Этотъ человѣкъ закидываетъ глаза къ небу, озирается и затѣмъ какимъ-то вѣщимъ, безстрастнымъ, торжественнымъ голосомъ произноситъ слова:

— Встань, женщина. Ты согрѣшила, ты покаялась, я тебя прощаю.... Я не спрашивалъ тебя о прошломъ когда бралъ въ жены—это прошлое не принадлежитъ мнѣ.... Встань!

Онъ не спросилъ у своей невѣсты ея „прошлаго“! Да какъ же бы онъ спросилъ о немъ, не оскорбивъ глубоко будущей подруги жизни? Зачѣмъ наконецъ было ему это спрашивать? Развѣ у дѣвушекъ подразумѣвается прошлое въ томъ смыслѣ въ какомъ оно здѣсь понимается?

Другая „свѣтлая“ личность—героиня драмы Ремонда.

Охъ, ужъ эти героини Александра Дюма!

Я зналъ женщину чрезвычайно красивую, очень умную, образованную, принадлежащую „лучшему“ обществу, словомъ прелестную женщину.

— Ты бросишь меня когда разлюбишь, обратилась она какъ-то къ человѣку съ которымъ связала ее судьба вслѣдствіе нѣкоторыхъ фатальныхъ случайностей.

Прошлое героини было бурное, она жила до двадцати осьми лѣтъ полною жизнью и испила до дна чашу радостей и тревоженій житейскихъ. Онъ сталъ успокаивать ее, заговорилъ про чувство, про вѣрность, наконецъ про долгъ.

— Долгъ? Что такое долгъ? Она широко раскрыла свои большіе голубые глаза и съ удивленіемъ взглянула на несчастнаго отдавашаго ей душу. „Любишь—хорошо, а разлюбишь разъ, полюбилъ другое—все кончено. Никакое чувство долга не связываетъ тебя болѣе съ прошедшимъ....“ И какъ женщина поторопилась прибавить: „О! я другое дѣло! Я никогда не разлюблю....“

— Что такое дѣти отъ нелюбимаго человѣка? Что они для меня? замѣтила она въ другой разъ бросая дѣтей и не любимаго человѣка во имя „новаго чувства“.

Эта же самая женщина захлебывается отъ восторга и плачетъ слушая музыку Шумана или перечитывая стихи Некрасова; захлебывается и плачетъ слишкомъ нервно, замира-

еть слишкомъ сильно. Такъ прожила она лучшіе свои годы, была балована, обожаема, любима даже, и любила.... по-своему. Кругомъ ея постоянно тѣснился рой поклонниковъ ослѣпленных и подкулаченныхъ красотою, не замѣчавшихъ нравственнаго уroda за прелестною женщиной.

У ней есть сердце—всѣ мы являемся на свѣтъ съ сердцемъ—но взросло это сердце не такъ какъ бы слѣдовало, не на здоровомъ чистомъ воздухѣ, а искусственно, въ теплицѣ, среди ядовитой испарины разныхъ диковинныхъ растений. Чтò жь удивительнаго что разрослось оно уродливо, вычурными наростами и съ пустотою въ срединахъ?

Героици Александра Дюма чувствуютъ и мыслятъ какъ эта женщина. Всѣ онѣ, то барахтаются въ грязи, то уносятся въ надзвѣздный міръ и смотрятъ на лууу. Всѣ онѣ страшныя материалистки потому что понимаютъ радости и счастье людѣ видомъ или страсти или псевдо-платоническаго болѣзненнаго вѣжничья. Здороваго, трезваго взгляда на жизнь и на свѣтлыя ея стороны, на долгъ и обязанности, въ нихъ нѣтъ и помину. А между тѣмъ, не взирая на свое уродство, эти женщины влекутъ къ себѣ, нравятся, окружены поклонниками,—такъ великъ талантъ художника, такъ сумѣлъ онъ разукрасить свои женскіе типы, одарить ихъ искусственною жизненностью и польстить явно или тайно многимъ, поэтизируя пороки.

Возьмите эту Ремонду.

Дѣвушкой, она отдалась ничтожному и глупому негодяю. Затѣмъ она имѣла счастье встрѣтить превосходнаго, честнѣйшаго и добрѣйшаго человѣка который на ней женится. Конечно она ни слова не говоритъ ему о „несчастіи“ постигшемъ ее раньше; она украдкою навѣщаетъ свою дочь брошенную почти на произволъ судьбы и... страдаетъ. Все это можно допустить, но какъ допустить что она терпитъ присутствіе Октава въ домѣ своего мужа, что она—если она такая честная и возвышенная натура—всѣми силами не противится тому чтобъ Адриенна явилась въ домъ обманомъ людѣ видомъ пріемыша? Какъ рѣшается она, пріучать дочь съ самаго ранняго возраста къ обману и скрытности? И обманывать кого? Монтеглеа, человѣка котораго она любитъ и глубоко уважаетъ, который самъ олицетворенная правда; и обманывать въ гнусномъ сообщничествѣ съ кѣмъ? съ мерзавцемъ обезчестившимъ ее!... Нѣтъ, хорошая, честная,

„свѣтлая“ женщина, героиня—героиня жизни, а не драмы—такъ не поступитъ имѣя дѣло съ человѣкомъ такимъ какъ Монтегень.

Начиная отъ Маргериты Готье и кончая Ремондою, почти всѣ героини Александра Дюма такого же сорта. Ремонда еще изъ лучшихъ.

Взглядъ Дюма на женщину ужасенъ судя по созданнымъ имъ тиламъ. Никто можетъ-быть не отнесся къ женщинамъ съ такимъ крайнимъ скептицизмомъ какъ этотъ присяжный ея защитникъ. Во всѣхъ твореніяхъ автора *Monsieur Alphonse* встрѣчаются разновидности одного только вида ладшей и возродившейся или свихнувшейся женщины. Онъ постигаетъ ее только ладшимъ существомъ; беретъ ее послѣ или до паденія. Безъ паденія онъ ее не постигаетъ.

По этой можетъ-быть причинѣ Александръ Дюма съ перваго до послѣдняго своего произведенія остается въ той же темной или грязной средѣ которую избралъ любимымъ полприцемъ для наблюденій и этюдовъ.

Мы далеки отъ мысли порицать или ставить въ вину драматургу и писателю выборъ сюжета. Все можетъ служить полприцемъ для изученія—искусство полновластно. Остается вопросъ исполненія и обстановки, остаются производимое впечатлѣніе и нравственныя заключенія которыя могутъ быть извлечены изъ произведенія. Это ужъ принадлежитъ всецѣло критикѣ. Поэтому мы въ полномъ правѣ сказать автору *Monsieur Alphonse* что произведенія его нездоровы и мораль вредна.

Парижъ, 3го декабря 1873.

II.

ФРАНЦУЗСКІЙ РОМАНЪ

ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

Полусмѣли, романъ П. Д. Боборыкина (*Вѣстникъ Европы*, 1873
№№ 11 и 12).

Г. Боборыкинъ талантливъ, начитанъ, много бывалъ въ обществѣ и видалъ виды. Онъ ловко и занимательно пересаживаетъ на русскую почву приемы французскихъ романистовъ. Французская беллетристика передѣланная на русскіе нравы обыкновенно дѣлается толорно и стулаетъ неуклюже: не къ лицу намъ ни французская горячность, ни французское остроуміе. Но г. Боборыкинъ, наряжая свое французское міровоззрѣніе въ русское платье всегда какъ-то одѣваетъ его къ лицу, и если читая его произведенія вы и ощутите внутреннюю неестественность, не усматриваете вѣшной, грубой неловкости, наивнаго промаха. Все отдѣлано гладко и щегольски; по каждой страницѣ словно прошла щетка, не оставившая на ней ни пылинки; кое-гдѣ это тщаніе быть-можетъ преувеличено, но уже неряшества не бываетъ никогда. Весь романъ точно французскій галантерейный магазинъ съ бездною элегантныхъ вещей и вещицъ, разставленныхъ и разложенныхъ въ обдуманномъ безпорядкѣ. Если галантерейный магазинъ привлекаетъ много зѣвакъ толпящихся у его огромныхъ зеркальныхъ оконъ, то отчего и щегольскому роману не привлекать любопытныхъ читателей? Нужно много труда и опытности, нуженъ хорошій матеріалъ, нужна смышленная голова

чтобы выдѣлать галантерейную вещь, и было бы прискорбно еслибы лублика не цѣнила этихъ качествъ. Отдавая имъ справедливость, она не измѣняетъ своему благоговѣнню къ качествамъ другаго, болѣе высокаго порядка. Она помнитъ что бывають у писателей и такія качества какъ логическая свѣжесть, искреннее вдохновеніе, широта кругозора, глубина мысли, и что романы г. Боборыкина этихъ качествъ чужды. Но зачѣмъ же намъ отравлять себя удовольствіемъ чтенія требуя у романиста именно того чего у него нѣтъ? Будемъ благородны въ нашихъ притязаніяхъ и скажемъ что новый романъ г. Боборыкина, заглавіе котораго мы выписали выше, вполнѣ обладаетъ выгодными сторонами пера его автора.

Французскіе беллетристы любятъ изображать женъ измѣняющихъ своимъ мужьямъ. И не только любятъ, но и умѣютъ. Можно только преклоняться предъ безконечностью человѣческаго изображенія, перелистывая эти безчисленные романы средняго и низкаго, а подчасъ и очень высокаго разбора, въ которыхъ разнообразѣйшими способами достигается одинъ и тотъ же результатъ, то-есть невѣрность жены мужу. Г. Боборыкинъ и на этомъ спеціальному полприщѣ оказывается понятливымъ и трудолюбивымъ ученикомъ знаменитыхъ учителей. Эффектно и съ паѳосомъ, какъ принято въ подобныхъ случаяхъ, героиня его романа обманываетъ своего мужа, и не одного мужа, а двухъ мужей, да при второмъ еще и любовника. Послѣднее усовершенствованіе, правда, не принадлежитъ г. Боборыкину: намъ помнится что у Дюма-сына, Арсена Гуссе и другихъ спеціалистовъ по части женскихъ слабостей мы уже встрѣчали примѣры такой усугубленной дѣятельности; но во всякомъ случаѣ мы можемъ засвидѣтельствовать что онъ не отсталъ отъ своихъ образцовъ и, узнавъ заведенную ими сложную инструментовку, не довольствуется и съ своей стороны преживимъ, такъ-сказать, виолончельнымъ соло однократнаго прелюбодѣвія.

Онъ даже сумѣлъ обогатить эту новѣйшую парижскую инструментовку: онъ прибавилъ къ ней нѣчто самостоятельное, нѣчто выросшее на русской почвѣ. Извѣстно что значительная часть нашей литературы пламенно любитъ русскаго мужика. И въ стихахъ и въ прозѣ воспѣвала и воспѣваетъ она то добродѣтели, то страданія своего любимца. *Пламенно любить*, конечно, не значитъ еще *основательно знать*; мало того: иногда любовь дурно-понятая можетъ породить

ослабленіе разума, можетъ окончательно воспрепятствовать изученію обожаемаго предмета. *Пламенно любить* не значитъ также *приносить возлюбленному пользу*: слишкомъ страстная привязанность можетъ въ необдуманныхъ своихъ порывахъ обрушиться на голову любимаго предмета и сдѣлаться для него источникомъ бѣдствій. Исторія приводитъ намъ примѣры такой не просвѣтленной разумомъ, но пылкой любви къ меньшему брату, отъ результатовъ которой болѣе всего потерпѣлся онъ самъ. Не будемъ здѣсь анализировать къ какому именно разряду привязанностей принадлежитъ любовь русскаго писателя къ русскому мужику, поддерживается ли она серьезнымъ знаніемъ народнаго быта и приноситъ ли она своему предмету желательную пользу. Какъ бы то ни было, любовь эта существуетъ и литературныя проявленія ея многочисленны; и *Полъизи* г. Боборыкина платятъ дань этому обширно-распространенному чувству, но въ такой своеобразной и знаменательной формѣ на которой стоить остановиться.

Дѣйствіе его романа главнымъ образомъ происходитъ въ эпоху освобожденія крестьянъ и нѣсколько разъ затрогиваетъ вопросы реформы: дѣятельность героя романа, Гречухина, управляющаго имѣніями богача, графа Кудласова, тѣсно связана съ исполненіемъ частныхъ реформы и съ судьбою крестьянъ вообще. Но самихъ крестьянъ мы на сценѣ почти не видимъ, да и „Положеніе о крестьянахъ“ съ уставными грамотами—предметы не настолько живописны чтобы занимать ими воображеніе читателя. О томъ что дѣлаетъ Гречухинъ (ведущій разказъ въ первомъ лицѣ) съ подвластными ему крестьянами мы читаемъ только общія неопредѣленные слова. Несомнѣнно то что крестьяне, благодаря его хлопотамъ, получили такой богатый надѣлъ что пожелали поднести ему коллективный подарокъ, а когда онъ отъ подарка отказался, то благодарственный адресъ, который онъ и принялъ. Столь же несомнѣнно что Гречухинъ на своей многолѣтней службѣ у графа отложилъ деньги, такъ что въ концѣ романа имѣетъ возможность „кончать свой вѣкъ чуть не лёжа на полатяхъ“. При этомъ мы видимъ что и Кудласовы остались богаты: они отправляются за границу лѣниться и отдохнуть, дѣтей воспитываютъ дорого, словомъ, живутъ какъ прилично жить графамъ Кудласовымъ. Достоинно также замѣчанія что Гречухинъ, получившій у графа мѣсто на самыхъ

выгодныхъ условіяхъ, съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности овладѣваетъ полнымъ довѣріемъ своего патрона и вскорѣ становится не только „правою рукою“ графа, но и самымъ интимнымъ его другомъ, какимъ остается до конца романа. Такимъ образомъ Гречухинъ является гениальнымъ разрѣшителемъ соціальнаго Гордіева узла: мало сказать что у него и волки сыты и овцы цѣлы; надо прибавить что онъ самъ, стоя между волковъ и овецъ, и пользуясь мѣхомъ однихъ и шерстью другихъ, сумѣлъ заслужить съ обѣихъ сторонъ восторженную благодарность. Но гениальная практичность либеральнаго управляющаго, хотя она и явствуетъ изъ авторскихъ показаній, представляетъ мало цѣны въ глазахъ самого автора: она не доставляетъ ему красокъ для эффектныхъ картинъ, столь необходимыхъ романисту французской школы, даже и тогда когда онъ рисуетъ русскаго управителя имѣніями. Въ жизни крестьянъ, въ жизни деревни есть другіе мотивы, лежащіе въ сторонѣ отъ вопроса объ „освобожденіи съ землею“ и о „количествѣ надѣла“ и болѣе удобные для изящнаго пера: есть картины русскаго природы, столь часто служившія нашимъ романистамъ для поэтическихъ страницъ, есть картины наивнаго быта простаго человѣка съ его оригинальными воззрѣніями, понятіями и нравами, столь не похожими на нашъ цивилизованный бытъ. Картинамъ природы и мужицкаго быта г. Боборыкинъ посвятилъ нѣсколько страницъ въ первомъ отдѣлѣ, такъ сказать въ прологѣ своего романа, и страницы эти оставляютъ пріятное впечатлѣніе: онѣ написаны съ теплотою которая если и поддѣлана, то очень хорошо поддѣлана, онѣ мало контрастируютъ съ предыдущими описаніями школьной жизни и послѣдующими сценами въ графскомъ московскомъ домѣ; но знаменательно что и здѣсь г. Боборыкинъ выбралъ самый театралъный и поражающій мотивъ: борьбу съ медвѣдемъ. Французъ въ душѣ, онъ не можетъ обходиться безъ героизма и усилія сохранить и по возможности удвоить простоту и безыскусственность изложенія, когда говорится о безстрашии охотниковъ, только ведутъ его къ той высшаго полета напыщенности которая сидитъ не въ риторическихъ фигурахъ, а въ самой мысли, и которая такъ часто бываетъ у Французовъ XIX вѣка, тоже повидимому отрицающихъ риторизмъ и преслѣдующихъ его въ старой „классической“ поэзіи. Впрочемъ, воображеніе его очень мало занято деревней и

мужиками: его неудержимо тянетъ въ столицу, въ изящный салонъ, въ будуаръ, гдѣ раздаются изящныя рѣчи благородныхъ виконтовъ и страстныхъ маркизъ. Это не значитъ что-бы авторъ измѣнилъ „меньшому брату“: вѣтъ, онъ продолжаетъ боготворить его, но только въ салонѣ и будуарѣ. Героиня романа—не какая-нибудь крестьянская баба,—предъ нами въ элегантной обстановкѣ является соблазнительный образъ невѣроятно-красивой, „мраморной“, непостижимо-умной и передовой и въ добавокъ интересной своими грѣхами графини Варвары Борисовны Кудласовой. Авторъ не щадитъ красокъ чтобы дать намъ почувствовать пропасть между нею и Гречухинымъ, плебеємъ, сыномъ бѣднаго чиновника, бывшимъ казеннокоштнымъ студентомъ провинціального университета: „долговязый, сухой малый, съ рыжеватою бородою и беспорядочными волосами на головѣ“ посмотрѣлъ на Гречухина изъ большого зеркала въ раззолоченной рамѣ, когда онъ, идя представляться ея сятельству, проходилъ отдѣланную „подъ мраморъ“ залу.

Черная сюртучная пара (говоритъ управитель), построенная еще университетскимъ портнымъ, сидѣла неуклюже, вся фигура отдавала даже чѣмъ-то ласмурно-лакейскимъ. И лицо было подстать прочему: длинное, загорѣлое, съ толстыми губами, съ подвинутыми глупо бровями. Не удивился бы я очень еслибы ея сятельство, не зная что я „изъ студентовъ“, встрѣтила меня вопросомъ: „Ну что, братецъ, какъ у васъ—тамъ все на хуторѣ?...“ Онъ проходитъ гостиную. Когда я стулилъ своими хуторскими сапогами по ковру, покрававшему весь полъ, я ощутилъ совершенно новое щекотаніе во всемъ своемъ существѣ: прохладный воздухъ этой большой хоромины, отсутствіе звука собственныхъ шаговъ, полусвѣтъ отъ тяжелыхъ гардинъ и портьеръ, бронзовые канделябры и часы на мраморныхъ консоляхъ—все это не то смущало, не то подзадоривало меня.“ Онъ напускаетъ на себя храбрость. „Я даже сильно нахмурилъ брови и, остановившись въ дверяхъ, не очень-то, но кажется, смиренно оглядѣлъ и комнату, и ту кто тамъ сидѣлъ.

До послѣдняго лустака все врѣзалось мнѣ въ память. Комната была голубая: и по обоямъ, и по мебели. Прямо противъ входа изъ гостиной—широкіи каминъ. Въ немъ въ ту минуту жарко тлѣла гряда углей. У каминя сидѣла, за маленькимъ рабочимъ столикомъ съ карзинкой, подбитой чѣмъ-то голубымъ сама графиня.

Она не успѣла поднять головы отъ работы, когда я ее уже всю оглядѣлъ. „Мраморная!“ пронеслось у меня восклицаніе Стрючкова (Стрючковъ—молодой человекъ, университетскій товарищъ и другъ Гречухина, не долюбивавшій

финю и улотреблявшій это выраженіе въ смыслѣ укоризны.) Я врядъ ли удержалъ улыбку на своихъ толстыхъ губахъ.

И въ самомъ дѣлѣ такого мраморнаго лица я уже никогда больше не видалъ, да врядъ ли и увижу, даже и въ странѣ „миртовъ и апельсиновъ“... Въ повѣстяхъ я встрѣчалъ это слово, но тогда оно мнѣ казалось ужасно-лошлымъ; но тутъ—я самъ лично убѣдился что каменное тѣло существуетъ. И въ шести шагахъ и въ трехъ вершкахъ разстоянія, лицо это одинаково блѣдно, гладко, прозрачно, съ тою голубоватостью на вискахъ и вокругъ глазъ которую, какъ я слышалъ отъ кого-то, стали подмалеживать съ тѣхъ поръ какъ графиня Мовтихо попала въ императрицы. Но графиня Кудасова не улотребляетъ косметикъ.

Сколько ей лѣтъ, и тогда нельзя было опредѣлить: отъ двадцати до тридцати лати, смотря по тому какъ вы на нее взглянете и какъ она на васъ посмотритъ. Но живопись этого лица съ разу выяснялась до послѣдней подробности. Другія лица надо пзучать дѣлыми недѣлями, если не мѣсяцами. А тутъ соберите хоть тысячу человекъ—и у всѣхъ въ памяти останутся одни и тѣ же очертанія: какою вы ее въ первый разъ увидали, такою она вамъ покажется и черезъ десять лѣтъ самаго короткаго знакомства. Нѣтъ для васъ новыхъ открытій, но за то ничто и не прискучитъ вамъ, не ступшуется, не спяняетъ—одно слово: изваяніе, но изваяніе не въ греческомъ и не въ римскомъ стилѣ. Небольшой носъ, немного даже приподнятый, съ круглыми рѣзкими ноздрями отгоняетъ отъ этого лица всякій казенный классицизмъ. Лобъ съ тонкою кожей, сдавленный сильно на вискахъ, поднимается по-мужски и съ обѣихъ сторонъ глянцовитые черные изспия волосы спускаются двумя прядями съ однимъ волнистымъ городкомъ по бокамъ полукосаго пробора. Глаза зеленые смотрятъ изъ-подъ тонкихъ бровей, нѣсколько загигающихъ кверху на переносицѣ; а короткій ротъ вывернулъ немного наружу красную верхнюю губу надъ широкимъ подбородкомъ. Такъ я все это и вижу, не прибѣгая ни къ какимъ портретамъ. Помню что поверхъ головы положена была діадемой коса, что на плечи накинута была красная кашмировая кадавейка (уже не знаю какъ она тогда по-модному называлась) съ золотымъ шитьемъ, изъ-подъ которой выставилась кружевная манжика съ отворотами чернаго атласнаго платья. Помню какъ отблескъ каминнаго жара игралъ на золотыхъ складкахъ атласа, на блестящей пряжкѣ туфель и на сѣрыхъ шелковыхъ чулкахъ съ красными стрѣлками. Помню что ноги графини лежали на высокой подушкѣ, и носокъ одной изъ туфель приходился какъ разъ у черной морды москвы, вышитой шерстью по голубому фону. Помню даже что графиня вышивала шелками какую-то красную суконую „ширююцку“ какъ выговариваютъ дѣвки въ медвѣжьемъ царствѣ (то есть въ лѣсномъ краю, гдѣ находился хуторъ Кудасова, откуда только-что пріѣхалъ Гречухинъ).

Она подняла голову не спѣша, положила работу, немного выпрямилась и отодвинула сголь. Глаза ея улыбнулись и она протянула мнѣ руку, не то чтобъ указать на сгуль, не то чтобы приветствовать меня.

— Очень рада съ вами познакомиться, Николай Ивановичъ. Голосъ какимъ сказана была фразъ, знакомая мнѣ изъ прошлогодняго приглашенія графа, точно кто придумалъ для враморной женщины низкій, отчетливый, слегка дрожащій, „двухъязыкой“, идущій не изъ головы, а изъ всего существа. Вы его также никогда не забудете, и онъ васъ не обманетъ: не пойдетъ онъ вверхъ, а будетъ вздрагивать; развѣ усилится, но уже не перейдетъ въ жидкую фистулу.

Это все еще только въ домашнемъ платьѣ съ высокимъ лифомъ; чтò же это будетъ когда Варвара Борисовна надѣнетъ баальное! Авторъ настолько любезенъ что не лишаетъ насъ и этого зрѣлища.

Сидитъ Гречухинъ въ Маломъ Театрѣ, въ креслѣ амфитеатра, у лериль. Позже его прѣвзжаютъ Кудасовы и садятся почти напротивъ его въ бельэтажѣ (они приглашали управляющаго къ себѣ въ ложу, но онъ, не любя стѣсненія, не принялъ). Графиня, подойдя къ барьеру ложи сняла съ себя бѣлую лебяжью манталю, отдала ее мужу, оглянула залу и словно вся потянулась. Бѣлыя круглыя плечи такъ и блеснули, выплывая изъ чернаго бархатнаго лифа. Голова сидѣла на плечахъ такъ картинно что около меня (говоритъ Гречухинъ) двое мушкетеровъ задвигались и одобрительно переглянулись и тотчасъ же влились въ графиню своими биноклями“.

Вы также „влились“, читатель, не правда ли? По крайней мѣрѣ на это бьетъ авторъ. Таковъ техническій прѣемъ школы къ которой онъ принадлежитъ, заставляя читателя относиться къ героямъ не объективно, а страстно.

Но влюбляя читателя въ свою волшебную графиню, авторъ не забываетъ конечно и бѣднаго управителя. Онъ въ этотъ прѣздъ остановился у графа; и послѣ спектакля приходитъ въ знакомую намъ голубую комнату пить чай. Оказывается что графъ уѣхалъ въ клубъ; графиня одна.

Свѣтъ лампы подъ абажуромъ падалъ на ея плечи и грудь. Близина ихъ еще рѣзче чѣмъ въ театрѣ выдѣлялась изъ лифа, и формы чуть замѣтно вздрагивали при каждомъ движеніи руки. Лѣвая рука была вся облита свѣтомъ: на этой рукѣ, у локтя, сидѣла ямочка и такая же ямочка у самаго плеча, похоже ключицы...

— Это вы, Николай Ивановичъ, окликнулъ меня все тотъ же слегка дрожащій и какъ бы утомленный голосъ.

Я подошелъ къ столу, не сводя съ нея глазъ. Она въ эту минуту бросила мимоходомъ взглядъ на свой лифъ и безъ всякаго смущенія, съ какою-то дѣловою небрежностью, поправила кружево (оно называется кажется у женскаго пола: modestie) и выпрямилась, отчего всѣ очертанія ея лышвой груди стали строже и цѣломудреннѣе.

— Вы не озябли? Погрѣйтесь, продолжала она, и подняла руку на канфорку самовара.

Я молчалъ: меня что-то стянуло къ горлу. Быть-можетъ своего рода globus hystericus. Я только широко раскрывалъ ноздри и вдыхалъ въ себя воздухъ этой голубой комнаты, гдѣ все было переполнено ею. И жаръ камина и свѣтъ лампы, и темные углы, откуда выглядывали широкіе листы растений, и главное залахъ тонкій, но проникающій всюду, залахъ фіалки, обдавалъ меня, дразнилъ и щекоталъ. Когда она съ чашкой въ рукахъ обратилась ко мнѣ всѣмъ своимъ торсомъ, и глаза, кажушіеся вечеромъ совсѣмъ черными, прошлись по мнѣ, я долженъ былъ сдѣлать сознательное усиліе надъ собой: зрѣніе у меня заволокло, и я близкоъ былъ, пожалуй, къ чему-то въ родѣ обморока.

— Вы съ лимономъ? повѣялъ на меня холодкомъ вопросъ графини.

Я съ чуть замѣтною дрожью въ пальцахъ принялъ чашку, и долженъ былъ вынуть платокъ и провести имъ по лбу.

— Пожалуй хоть съ лимономъ, отвѣтилъ я, а въ глазахъ у меня все еще искрилось.

Гречухину, какъ видите, досталось-таки. Но мученія его только начинаются. Онъ вторично прѣзжаетъ (лѣтомъ въ деревню) и остается на долго. Графъ уѣзжаетъ въ Петербургъ, вдвоемъ съ управителемъ, Варвара Борисовна беретъ за его воспитаніе. Она начинаетъ давать ему уроки лѣвія, италіянскаго и французскаго языковъ. Твердя вокабулы, ломая свой языкъ французскимъ „проносомъ“ и вытягивая до-ре-ми-фа- соль, Гречухинъ болѣе и болѣе томится страстью. Наконецъ ему помогла рѣшимость самой Варвары Борисовны. Въ одинъ прекрасный день она присылаетъ ему сказать что у ней болитъ голова и потому она не выходитъ къ обѣду, но что если ему угодно, то онъ можетъ придти на урокъ въ уборную. Въ эту комнату онъ до тѣхъ поръ „не проникалъ“. Оказывается что графиня въ бѣломъ леньюарѣ: Гречухинъ отъ этого такъ блѣднѣетъ что графиня начинаетъ давать ему ходы впередъ.

— Чтò съ вами, Николай Ивановичъ, зачѣмъ вы все такъ долаетесь?... Лучше бы вы повѣрили ваше горе.... Какой вы, право, странный. Видно жили мало. Вамъ который годъ?

— Двадцать семь, проговорилъ я машинально и стараясь не глядѣть на нее.

— Вы потеряли кого-нибудь? Любимую женщину?

— Никакой любви у меня не было, отвѣтилъ я чуть не со злостью.

— Никакой? спросила она глухимъ голосомъ.

Въ комнатѣ начало смеркаться: былъ пятый часъ. Я продолжалъ сидѣть на стулѣ въ жесткой напряженной позѣ, не зная куда мнѣ обратитьъ глаза.

— Вы все такой же, Николай Ивановичъ, продолжала она медленно, каждое ея слово отдавалось во мнѣ,—такой же какой были въ Москвѣ. (Она намекаетъ на разговоръ происходившій однажды между ними.)

— Нѣтъ, графиня, вскричалъ я съ испугомъ, я не тотъ, не тотъ. Тогда я былъ неблагодарный звѣрь, глухой, пошлый, а сейчасъ предъ вами Богъ знаетъ чѣмъ; теперь, теперь...

Я не могъ докончить. Меня всего забила лихорадка. Въ эту минуту я былъ уже на ногахъ. Графиня тоже поднялась и ея блѣдый обликъ слѣпилъ мнѣ глаза.

— Теперь что же? шепотомъ спросила она.

— Теперь я живу вами и для васъ...

Слова сорвались и застыли на губахъ. Я закрылъ глаза. Но вдругъ меня всего потрясло и схватило за горло что-то необычайное, странное по своей неожиданности и нестерпимому блаженству: мою мою обвили двѣ руки, и губы, трепетныя, прохладныя, полувлажныя, цѣловали меня...

Я вскрикнулъ и подался назадъ; меня обдало настоящее помраченіе разсудка. Ничего, ничего я не помню, кромѣ какого-то особаго страданія, да, страданія, переломившаго меня среди невыносимыхъ ласкъ. Я отдавался припадку первой, роковой, цѣломудренной страсти, гдѣ наслажденіе равняется боли, гдѣ слезы смѣшаны съ дикими порывами безумной радости...

Когда я вернулся къ смутному сознанію, чьи-то уста въ сумракѣ тихо говорили:

— Люби, люби, лучше этого уже ничего нѣтъ въ жизни; замурь глаза на все, и знай что двухъ молодостей не бываетъ.—Ты такой чистый!... Тебя надо любить!

— Я все еще не понималъ: чей это голосъ, гдѣ я, что со мной случилось, и съ новымъ испугомъ схватился за голову. И когда я разглядѣлъ чье лицо прильнуло къ моему, я зарыдалъ и рыдалъ долго, молча, опустившись на полъ предъ нею и прижимаясь къ ея колѣнямъ.

— Успокойтесь! сказали мнѣ твердо и звучно,—и пойдете въ залу.

— Въ залу, сейчасъ? бессильно прошепталъ я.

— Да, мой другъ, я вамъ поиграю Шумана. Уроковъ сегодня не будетъ.

Николай Ивановичъ до этого ласкажа никогда не былъ въ близкихъ отношеніяхъ ни съ одною женщиной. Онъ чуть съ

ума не сходилъ „отъ полноты нежданнаго счастья“. „Я—управляющій изъ камералистовъ, хмурый, неуклюжій, скучный, казенный—обладалъ такою женщиной, какъ графиня Будласова.“ Но она сохраняетъ полную свободу и самообладаніе: такой пластической *chef-d'oeuvre* недоступенъ ни волненіямъ, ни порывамъ; онъ льетъ блаженство въ сердца смертныхъ „не требуя награды за подвигъ благородный“, какъ говоритъ лютъ. Французскія и италіянскія вокабулы, а также до-реми-фа- соль пошли своимъ чередомъ послѣ выпечанной нами сцены, точно какъ будто никакой сцены никогда и не бывало. Графиня продолжала учить своего „камералиста“ „усердно, кротко, добродушно, говоря постороннія вещи и не задавая ему почти никакихъ интимныхъ вопросовъ“. Подъ конецъ одного изъ французскихъ уроковъ, она спокойно объявляетъ своему влюбленному ученику: „Графъ будетъ здѣсь черезъ два дня.“ Растерянный Николай Ивановичъ не находитъ ни одного слова отвѣта на извѣстіе мгновенно пробудившее его дремавшую совѣсть. Графиня не удостоиваетъ вниманія его смущенный видъ, но на слѣдующее утро между ними происходитъ объясненіе, или вѣрнѣе сказать, Варвара Борисовна читаетъ неопытному молодому человѣку популярную лекцію о супружеской невѣрности и о посвященномъ къ сему предмету отношенію. Объемъ этой лекціи не позволяетъ намъ привести ее здѣсь въ полной выпискѣ, о чемъ мы весьма сожалѣемъ: было бы желательно чтобы ни одинъ Гречухинъ, но и всѣ читатели *Русскаго Вѣстника* познакомились съ тѣми широкими воззрѣніями которыми графиня усложняетъ совѣсть молодого человѣка. Гречухинъ ни въ чемъ и ни предъ кѣмъ не виноватъ. Она его полюбила; она ему отдалась, она его другъ: онъ только отвѣчалъ ей. Графъ—человѣкъ для него посторонній. Но она не можетъ бросить мужа и не желаетъ бросить любовника, *поэтому* она отнынѣ будетъ жить съ обоими. Николаю Ивановичу она отдалась безъ всякаго увлеченія: она дѣйствовала съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ; она была убѣждена что такъ должно было кончиться ихъ сближеніе. Предупрежденный о томъ что связь между ею и мужемъ не прекратится, Николай Ивановичъ не долженъ смѣть ревновать. Такая ревность бываетъ только въ плохихъ французскихъ романахъ (а въ хорошихъ, надо полагать, женщинами владѣютъ на правахъ товарищества). Есть вѣтряныя женщины которыя грѣшатъ изъ чувственно-

сти; Варвара Борисовна неизмѣримо выше подобной дрянн, она измѣняетъ мужу безъ всякаго удовольствія; она только стремится приложить къ дѣлу свою жизненную философію. Не смущенный прїзвѣдомъ мужа и сожительствомъ втроемъ, этотъ философскій духъ въ мраморномъ тѣлѣ остается невозмутимымъ и тогда когда Варвара Борисовна чувствуетъ прїзнаки беременности. „Обрадовать васъ новостью?“ говоритъ она Гречухину, когда тотъ въ третій-разъ прїзжаетъ гостить къ графу. „Вы — отецъ.“ Надо полагать что и графу она говоритъ нѣчто подобное; но крайней мѣрѣ черезъ нѣсколько времени между ею и Николаемъ Ивановичемъ происходитъ разговоръ, который мы назвали бы щекотливымъ еслибы мы не были увлечены красотой и ученіемъ графини, и не услѣди подъ ея вліяніемъ придти раньше этого разговора къ мысли что щекотливаго ничего на свѣтѣ нѣтъ. Гречухинъ начинаетъ съ заявленія что графъ ликуетъ по случаю беременности своей жены. Варвара Борисовна отвѣчаетъ своему любовнику что онъ изъ одной ревности заговариваетъ на эту тему. При этомъ она опять внушаетъ ему что ревность обыкновенно дѣлается въ плохихъ французскихъ романахъ, и прескверно дѣлается (выраженія которыя мы употребили здѣсь, относятся болѣе къ думѣ, чѣмъ къ ревности, и принадлежатъ болѣе Полприщину чѣмъ графинѣ Кудасовой; но, намъ кажется что она вполнѣ применимы и къ ея теоріи ревности). Но супружескій либерализмъ Варвары Борисовны меркнетъ предъ ея гладнокровною предусмотрительностію: она предвидитъ возможность того что будущій ребенокъ выйдетъ въ управляющаго, причемъ выражается такъ: „Я этого не боюсь, да и графъ способенъ будетъ помириться съ этимъ.“ Управитель, сколько его ни просвѣщали, весьма еще зеленъ и наивно отвѣчаетъ: „Ну, я сомнѣваюсь.“ А графиня ему въ отвѣтъ: „Я вамъ говорю что способенъ будетъ, если мнѣ такъ будетъ угодно.“

Мы знали и прежде что человекъ немощенъ. Теперь мы узнаемъ что мраморъ всемогущъ.

Мы до сихъ поръ ничего не говорили о личности графа Кудасова. Правда что для героя онъ, по крайне-откровенному замѣчанію графини, „человекъ посторонній“, то-есть въ переводѣ, лицо не стоящее вниманія. Точнѣе сказать, Гречухинъ пожалуй обращаетъ на него нѣкоторое вниманіе, но графиня находитъ это излишнимъ. Самъ авторъ снисходительнѣе

Варвары Борисовны и посвящаетъ ея мужу порядочное число страницъ. Графъ Кудласовъ смолоду былъ влюбленъ въ женщину на которой въ послѣдствіи женился. Между тѣмъ она до него была замужемъ за другимъ; Кудласовъ, получивъ отказъ въ ея рукѣ, бросился искать смерти въ Турціи (тогда была Восточная Война), а предметъ его страсти сдѣлался княгиней Дуровой. Возвратившись въ Москву по заключенію мира, Кудласовъ имѣлъ счастье „увлечь“ княгиню Дурову при живомъ мужѣ, человѣкѣ добромъ и болѣзненнымъ, стоявшимъ одною ногою въ могилѣ. Отъ этой связи родилась у Варвары Борисовны дочь Наташа; около этого времени Дуровъ умеръ, а вдова, уже „остывъ“ къ своему любовнику, почувствовала къ нему *жалость*, и не будучи въ силахъ отказать ему въ возможности воспитывать своего ребенка; приняла его руку и сердце. Между тѣмъ она начала сознавать что человѣкъ которымъ она увлекалась былъ не болѣе какъ дюжинный офицеръ самаго непроевѣннаго калибра. Повидимому, на ней повѣяло въ это время какимъ-то новымъ вѣтромъ. Изъ разказа не видно какъ и почему, но въ ней зародилось нѣчто либеральное и передовое, вслѣдствіе чего она стала презирать дюжинныхъ офицеровъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, ей стало досадно на себя что она могла допустить себя до *страсти* къ одному изъ экземпляровъ этого вида. Она принялась за образованіе мужа, забрала его совершенно въ руки и просвѣщала его долго, долго.... Такимъ образомъ она сдѣлалась какъ бы старшимъ другомъ и руководителемъ графа Кудласова, который оказался до нельзя послушнымъ и прилежнымъ ученикомъ. Но живымъ свидѣтельствомъ ея прежняго подчиненнаго отношенія къ нехитрому офицеру осталась Наташа: графиня возненавидѣла дѣвочку. Графъ, напротивъ, очень любилъ дочь, но привыкнувъ во всемъ „ласовать“ предъ женой, какъ-то не смѣлъ выказывать Наташѣ особенной нѣжности. Защитникомъ и покровителемъ бѣднаго ребенка явился Гречухинъ. Сдѣлавшись другомъ графа и близкимъ человекомъ его жены, онъ принялся учить и „развивать“ Наташу, которая въ свою очередь привязалась къ нему всеми силами своей души. Между тѣмъ у него родился собственный ребенокъ: графиня разрѣшилась отъ бремени сыномъ. Этотъ сынъ (Коля) сдѣлался любимцемъ и баловнемъ графа и отчасти даже графини: въ мраморѣ зашевелилось что-то въ родѣ материнскаго чувства. Проходить десять лѣтъ въ которыхъ взаимныя отношенія

дѣйствующихъ лицъ мало измѣняются. Наташа уже восемнадцатилѣтняя дѣвушка, добрая, тихая, серьезная и со страстью къ научнымъ занятіямъ; Коля—бойкій и способный мальчикъ, съ каждымъ днемъ обличающій болѣе и болѣе эгоизма и сухости сердца. Николай Ивановичъ и Варвара Борисовна начинаютъ охлаждать другъ къ другу; чувствуется взаимное стѣсненіе и какая-то тоска. Графиня, захвативъ съ собою Колю, уѣзжаетъ въ Флоренцію; за ней, нѣсколько времени спустя, слѣдуютъ другъ, мужъ и дочь. Гречухинъ пріѣзжаетъ нѣсколькими днями раньше остальныхъ двухъ и застаётъ нечто необычайное: графиня въ безвкусно молодежавомъ туалетѣ и невозможной шляпкѣ (ей уже 38 лѣтъ) принимаетъ своего давнишняго друга смущенно и съ явнымъ неудовольствіемъ. Онъ застаётъ ее съ какимъ-то молодымъ челоѣкомъ, съ которымъ она познакомилась на водахъ и который за нею послѣдовалъ во Флоренцію. Проницательный читатель не нуждается въ комментаріяхъ, но Гречухинъ съ разу не понимаетъ въ чемъ дѣло; графиня наединѣ съ нимъ капризничаетъ. Коля при немъ говоритъ ей: „Какъ ты скучаешь, мама! Хочешь побѣду за Леонидомъ Петровичемъ?“ Гречухинъ все еще недогадывается. Леонидъ Петровичъ Рѣзвый—такъ зовутъ спутника непостоянной графини—съ первыхъ словъ знакомства чуть не бросается на Гречухина, до того навязываетъ ему свои услуги, свою дружбу, свои душевные изліянія. Между тѣмъ графиня въ силу какой-то реакціи темперамента неожиданно является утромъ къ Гречухину, въ нанятую имъ комнату, и предлагаетъ поѣхать вдвоемъ кататься и позавтракать загородомъ въ трактирѣ. Онъ соглашается; въ уединенной комнаткѣ трактирѣ, куда они благополучно пріѣхали, Варвара Борисовна, дѣлая надъ собою усиліе, начинаетъ ласкаться къ своему бывшему другу, но съ нею дѣлается нервный припадокъ, по окончаніи котораго она сознается Гречухину во всемъ.

Не будемъ досказывать подробности окончанія романа. Вся вторая часть (начинающаяся пріѣздомъ Гречухина въ Италію) по технике исполненія значительно уступаетъ первой, да и господствующая мысль автора видна только въ немногихъ ея страницахъ; все остальное свободный плодъ его фантазіи, который съ этою главною мыслью представляетъ мало связи. Графъ съ Наташей пріѣзжаютъ; ихъ принимаютъ еще хуже чѣмъ управляющаго. Графъ точно также ничего не угадываетъ, и Гречухинъ изъ дружбы къ графу и графинѣ поддер-

живаетъ заблужденіе и довѣрчивость мужа. Графиня съ мужемъ живетъ розно: онъ — внизу, она — вверху. Черезъ нѣсколько времени она опять беременна. Она обращается къ Гречухину чтобъ онъ уладилъ дѣло. Роль всеобщаго довѣреннаго лица приходится ему вполнѣ по-плечу: онъ въ удивительной бѣсѣдѣ открываетъ глаза графу насколько это было нужно. Договаривая вмѣсто него, Кудласовъ называетъ господина Рѣзваго; ни дуэли, ни скандала, ни несприятности не происходитъ, ребенокъ будетъ признанъ законнымъ мужемъ матери. Затѣмъ все разъѣзжаются; графиня съ Рѣзвымъ, графъ съ Наташей и Колей (раздирающія, но сдержанныя прощанія Наташи съ Гречухинымъ), а всеобщій другъ и повѣренный—въ Америку.

Мы съ намѣреніемъ устранили изъ нашего изложенія цѣлую сторону романа и притомъ такую которую авторъ повидимому крайне дорожитъ. Безъ нея, сколько мы можемъ судить, романъ излагается вполнѣ удобно; сюжетъ его—похожденія мраморной красавицы, которая то болѣе то менѣе хаадрокрово измѣняетъ сначала одному мужу, потомъ другому, потомъ любовнику. Мы не думаемъ вооружаться на автора за то что многіе называютъ „безнравственностью“ его образы и ситуаціи. Нравственность въ беллетристикѣ вещь желательная въ теоріи, но рѣдкая на практикѣ, и нельзя не свыкнуться съ тою мыслью что и въ древности, и въ средніе вѣка, и въ новѣйшее время изящная литература часто и смѣло переступала ея законы, причемъ виновниками сплошь и рядомъ оказываются даже таланты болѣе серіозные и болѣе могучіе чѣмъ г. Боборыкинъ. Влеченія натуръ различны; пусть Троллопъ описываетъ намъ цѣломудренную, здоровую семейную жизнь счастливой Англіи, а г. Боборыкинъ разнообразныя причуды Прекрасныхъ Елеъ парижскаго локроя. Мы не боимся прибавить что изображеніе порока эффективѣе, сценичнѣе изображенія добродѣтели, и что именно г. Боборыкинъ умѣетъ изображать порокъ весьма и весьма ликантно. Но едва ли онъ согласится съ нами въ томъ что его призваніе выводить на подмостки Прекрасныхъ Елеъ; онъ самъ на себя смотритъ гораздо торжественнѣе. Его графиня не какаѣ-нибудь легкомысленная женщина: она жрица новаго культа; новый же культъ имѣетъ предметомъ освобожденіе крестьянъ, благоденствіе меньшаго брата, умственное развитіе, нравственное усовер-

шенствованіе, свободу отъ предрасудковъ и цѣлый Олимпъ изъ боговъ подобнаго же свойства. Правда что отъ нѣкоторыхъ предрасудковъ свободны и Прекрасныя Елены, напримеръ насчетъ брака, и графиня въ этомъ случаѣ имъ не уступаетъ.

— Я васъ не завлекала, усложняетъ она Гречухина въ упомянутомъ уже нами разговорѣ предъ прїѣздомъ графа въ деревню.—Мы теперь говоримъ съ глазу на глазъ и вы можете мнѣ сказать что я лгу; но вы не скажете. Такъ должно было кончиться наше сближеніе. Вы хорошій, свѣжій, нетрокутый человекъ, вы не знали ни ласки, ни сочувствія женщины, все это влекло къ вамъ. Остальное подробности.

— Подробности! вскричалъ я какъ ужаленный.

— Да, я это такъ называю. Не знаю: чей взглядъ чище, мой или вашъ, да я и спорить не стану. Поживете и согласитесь со мною: иначе нельзя мнѣ разсуждать, и я съ вами поступлю также честно какъ и вы со мною.

Сулужеская невѣрность до романа г. Боборыкина обыкновенно объяснялась страстью, легкомысліемъ, каждою наслажденіемъ; но здѣсь мы узнаемъ что женщина можетъ изменить долгу изъ честности. Это говорится въ двадцать восемь лѣтъ, почти на другой день послѣ того какъ графиня отдавалась управляющему. Десять лѣтъ спустя, во Флоренціи, послѣ известной намъ сцены въ отдельной комнатѣ трактира, послѣ того какъ Рѣзвый, Гречухина и она вполнѣ объяснились, и больше выяснять нечего, графиня однажды вечеромъ сидитъ втроемъ съ прежнимъ и съ настоящимъ любовникомъ. Вдругъ она произноситъ (безъ всякаго къ тому повода) защитительную рѣчь въ пользу женщинъ „въ времени и въ общества“. Онѣ „въ закона“. Было бы смѣшно, даже дико взваливать на нихъ такую же отвѣтственность какъ на мужчинъ.

— Есть у насъ теперь новыя женщины... Допускаю что тѣ будутъ иначе жить чѣмъ мы... Намъ не дадо было ни въ дѣтствѣ, ни тогда когда мы сдѣлались дѣвцами, никакой profession de foi. Религія? развѣ она входитъ въ наше воспитаніе какъ во Франціи, напримеръ, гдѣ у каждой дѣвочки есть свой directeur de conscience? Мораль? Какая? И она у насъ не имѣетъ никакихъ традицій, потому что у насъ нѣтъ класса который бы самъ себя предписывалъ правила морали. Примѣры? Объ этомъ лучше и не говорить. Гражданскіе интересы?... Они и у мужень-то кончатся подлѣйшимъ фіаско, и ихъ-то что ни день облачаютъ, въ разныхъ земствахъ, въ простомъ воровствѣ. Ну что же остается? Материнскія обязанности, семейный долгъ? Но все это такъ съ неба не слетитъ, надо это создавать себѣ, а создавать не изъ чего!

Люди менѣе высокаго полета могутъ найти что Варвара Борисовна, выходя замужъ за Дурова, потомъ за Кудласова, два раза „создавала себѣ семейный долгъ“, и производя на свѣтъ Наташу, а потомъ Колю, два раза „создавала себѣ материнскія обязанности.“ Для обыкновенной женщины, даже для красавицы, это быть-можетъ такъ и есть; но *мраморной* женщинѣ этого мало: ей нужно чтобъ и семейный долгъ и материнскія обязанности „слетѣли съ неба“.

Впрочемъ флорентинская защитительная рѣчь не можетъ дать истиннаго понятія о графинѣ. Г. Боборыкину просто хотѣлось показать до чего глупѣютъ женщины на первой молодости когда онѣ не на шутку „врѣжутся“. Нельзя отрицать что онъ въ этомъ блистательно успѣлъ. Чего стоить въ сочиненной имъ рѣчи одинъ проектъ различныхъ классовъ общества, изъ которыхъ каждый имѣлъ бы свою особенную мораль, имъ самимъ для собственной надобности изобрѣтенную, на примѣръ такъ чтобы по правиламъ духовенства можно было бы богохульствовать, но нельзя было бы красть, а по купеческимъ правиламъ наоборотъ красть бы можно было, а богохульствовать нельзя! Да чтѣ проектъ! Каждое слово этой рѣчи—перлъ, начиная съ невмѣняемости женщинъ „изъ круга графини“ и кончая логическимъ прыжкомъ отъ дамъ легкаго поведенія къ мужчинамъ ворующимъ въ разныхъ государствахъ. Но графиня стала такою только въ Итали; прежде она была значительно умнѣе. Даже и въ Итали она на первыхъ порахъ сберегала тотъ ясный „мраморный“ взглядъ на вещи который при всей своей парадоксальности далеко не такъ сумбуренъ какъ рѣчь объ отсутствіи семьи у семейныхъ женщинъ.

Наединѣ съ Гречукинымъ въ отдѣльной комнатѣ trattoria, усложниваясь лоскъ нервнаго приладка постигшаго ее, Варвара Борисовна объявляетъ своему бывшему другу что она до Рязанаго никогда не любила. „Вы не любили?“ переспрашиваетъ онъ, вспоминая свою собственную особу.

— И васъ не любила, да никогда и не обманывала васъ... Моя связь съ вами, чтѣ это такое? Это исполненіе какого-то долга—слушайте меня, я говорю правду... Да, долга. Мнѣ нельзя было не отдаться вамъ тогда, нельзя, потому что вы стоили поддержки, участія, ласки, всего чтѣ можетъ дать женщина, больше чѣмъ графъ, на примѣръ... Ну чтѣ же это какъ не долгъ, идея, принципъ, не такъ ли?

Въ этихъ словахъ—весь ключъ къ разгадкѣ основной мысли *Полушны*. Прежде чѣмъ графиня отдалась управляющему, она привалясь „развивать“ его, учить его по-французски, по-итальянски, лѣвию и исторію живописи; прежде чѣмъ вичалась эта поздняя, но плодотворная школа, приведшая къ извѣстной намъ сценѣ въ уборной и къ рожденію Коли, графиня уговорила мужа поручить Гречухину управление всеми имѣніями и сдѣлать его своею *правою рукою* по крестьянскому вопросу. Гречухинъ оправдалъ ее довѣріе: онъ облагодѣтельствовалъ крестьянъ, онъ постояннымъ своимъ вліяніемъ приучилъ графа сначала къ мысли освобожденія съ землей, потомъ къ мысли подарить имъ землю безъ выкупа, потомъ, уда даже и даже, превратилъ (въ сотрудничествѣ съ Варварой Борисовной) прежняго джунглинаго офицера въ передоваго земскаго дѣятеля. Последнюю заслугу онъ изъ скромности дѣлать не приписываетъ графинѣ, но мы не довѣряемъ ему когда онъ умаляетъ свое значеніе: оно громадно; Гречухинъ истинный филантропъ, а что ему дало бодрость и отвагу въ дѣлѣ филантропіи? Его откровенный разказъ не оставляетъ намъ сомнѣній. *Благосклонность графини Кудласовой* поддерживала его на пути къ либеральному идеалу; ея ласки, ея поощренія награждали его за труды, лишенія и опасости которыя онъ переносилъ, переѣзжая изъ имѣнія въ имѣніе и повсюду заботясь о томъ чтобы крестьяне получили много хорошеи земли; ея пластическія формы носились и „взраживали“, ея „нутряной“ контроль звучалъ, духи ея уборной благоухали въ его воображеніи, когда онъ въ грязи и между зилунами ратовалъ за интересы меньшаго брата. Какая дивная награда, какое рѣдкое блаженство! Вы отдаете—конечно не свое, а чужое — бѣдному человѣку, вы беспокоитесь и утомляетесь чтобы его обогатить на чужой счетъ, но вы охотно переносите усталость. Во первыхъ, васъ носитъ чувство исполняемаго гражданскаго долга, а во вторыхъ, васъ воспламеняетъ красота „мраморной“ женщины, пославшей васъ на либеральную миссію. Кто предъ обнаженными плечами Варвары Борисовны откажется даровать крестьянамъ землю, хотя бы чужую?

Въ Гречухинѣ либеральные задатки были и до знакомства съ Кудласовыми; эти задатки могли загаснуть и потерять ся. Только въ уборной графини могли они достигнуть ловаго

расцвѣта. Точно также и въ читающей публикѣ есть инстинкты либеральныя, но эти инстинкты могутъ уступить мѣсто другимъ совершенно противоположнаго свойства. Либерализмъ—цвѣтокъ требующій ухода и поливки. Намъ кажется что г. Боборыкинъ находится относительно читателя въ положеніи сходномъ съ тѣмъ въ которое стала графиня относительно своего управляющаго. „Надо бы сдѣлать такъ чтобы Гречухинъ хорошенько позаботился о мужикахъ.“ думаетъ графиня. „Надо бы устроить такъ чтобы читатель любилъ меньшаго брата, размышляетъ г. Боборыкинъ. Проповѣдями и наставленіями тутъ сдѣлаешь мало; это средство слишкомъ постное, слишкомъ прѣсное, да и притомъ избыточное. Лучше надѣнемъ платье съ низкимъ лифомъ и покажемъ непривычному взору всю роскошь, всю нѣгу чувственной красоты; лучше бросимся на шею вершительнаго, но влюбчиваго патріота и покроемъ его поцѣлуями. Культа женской красоты, наслажденіе любви да послужатъ ему приманкой и наградой въ его гражданскихъ чувствованіяхъ и дѣяніяхъ.“ Относительно Гречухина метода дада прекрасные плоды; но дождемъ тѣхъ какіе она вызоветъ въ настроеніи читателя.

Еслибы не ласка Варвары Борисовны, графскій управляющій, быть-можетъ, сдѣлался бы отъявленнымъ крѣпостникомъ. Еслибы не „Поджизни“, кто знаетъ, по какому пути лошаи бы многіе изъ читателей? Увы! хилъ и болѣзненъ нашъ младенческій либерализмъ; мелка и подозрительна наша невозможная филантропія! Она не держится простымъ и здравымъ изученіемъ предмета, или крѣпкимъ, непоколебимымъ убѣжденіемъ; ей нужна беллетристическая поливка, ей нужны возбуждательныя вещества театральнаго эффекта. Мы любимъ мужика, но тогда когда насъ за это любятъ красавицы-графини; мы читаемъ филантролическій романъ, но его гуманная основа должна быть вышита цвѣтами сладострастной фантазіи. Когда на насъ смотрятъ зеленые глаза Варвары Борисовны, мы волнуемся и тераемся, мы начинаемъ ощущать нѣчто грубое и корыстное, нѣчто стихійное и отдаленное отъ всякой свѣтлой мысли, будь она политическаго или инаго свойства. Въ эту минуту намъ дѣлаютъ авансы; насъ зовутъ на уединенное свиданіе въ уборной; намъ показываются въ пеньюарѣ; при этомъ намъ велятъ быть гуманными и либеральными. Мы, дѣйствительно, начинаемъ увѣрять себя что мы очень гуманны и крайне либеральны, но повѣрять

ли этому свѣжій посторонній человекъ, не вдыхавшій въ себя наркотическаго запаха графининыхъ духовъ? Читатель восхищается сладострастными сценами; такое направление вкуса пожалуй прискорбно, но оно до нѣкоторой степени естественно; только не слѣдуетъ принимать это грубое наслажденіе за восторгъ отъ демократическаго романа. Другіе мотивы, которыми хотѣлъ воспользоваться романистъ, сами по себѣ достойны полнаго сочувствія; странна только ихъ эксплуатація въ скабрёзномъ романѣ. Симпатія избѣ и полубубку почтенна; увлеченіе идей освобожденія крестьянъ закононо; но ни того, ни другаго не слѣдуетъ искать у лотовъ во вкусѣ второй французской имперіи, поставившихъ на пьедесталъ кокотку и погруженныхъ въ льтолицу ея бударныхъ тайнъ.

Л. Н.

ОБЪ ИЗДАНИИ
ПОЛНАГО СОБРАНИА ФОРТЕПИАНЫХЪ СОЧИНЕНИИ
Ф. ШОПЕНА,

критически пересмотрѣнныхъ и пополненныхъ указаніями
относительно исполненія

К. К. КЛИНДВОРТОМЪ

профессоромъ Императорской Московской Консерваторіи.

Цѣль настоящаго изданія—вывѣреніе Шопеновскихъ сочиненій по сравненію и изученію ихъ въ существующихъ изданіяхъ,—устраненіе вкрапившихся опечатокъ и недосмотровъ, выясненіе частныхъ разногласій между ними и указаніе правильнаго исполненія ихъ съ помощью цѣлесообразной алапкатуры, объясненія украшеній и пополненія авторскихъ отмѣтокъ относительно отмѣлковъ и фразировки.

Достоинство и преимущество этого изданія предъ вышедшими раньше изаожены въ предисловіи къ первому тому г. профессоромъ Н. А. Губертомъ.

Оно присоединится достойнымъ образомъ къ моимъ прежде вышедшимъ полнымъ собраніямъ СОЧИНЕНИИ МЕНДЕЛЬСОНА (5 томовъ 8 руб.) и ШУМАНА (6 т. — 12 руб.) и превзойдетъ ихъ точностью текста и большею тщательностію гравировки и печати.

Изданіе гравировано и печатано въ моей нотной печатнѣ, получившей за изданія и нотную печать БОЛЬШУЮ ЗОЛОТУЮ И БОЛЬШУЮ СЕРЕБРЯНУЮ МЕДАЛЬ на Московской Политехнической выставкѣ 1872.

Изданіе будетъ состоять изъ 6 томовъ большаго формата. На полученіе его открывается ПОДПИСКА на слѣдующихъ условіяхъ. Цѣна за всѣ 6 томовъ 15 руб., которые вносятся впередъ. Дешевле на этой цѣны небывающая: піесы одного перваго тома въ нѣмецкомъ изданіи стоятъ 16 р. 45 к., то-есть 6¹/₂; разъ дороже настоящаго. Въ вышедшемъ первомъ томѣ 50 листовъ, по подписной цѣнѣ онъ обходится 2 р. 50 к., то-есть по 5 к. за листъ, вмѣсто обыкновенныхъ 30 к.

Отдѣльные томы изданія по 3 руб.; піесы же изъ перваго тома можно получать по 15 к. за листъ.

Для большаго удобства публаники допускается разсрочка платежа: при подпискѣ вносится 5 руб. и получается ПЕРВОЙ ТОМЪ, затѣмъ при полученіи 2, 3, 4 и 5 томовъ подписчикъ платитъ 2 руб. 50 коп.; 6й томъ получается безъ платы.

Подписка принимается въ Москвѣ у П. Юргенсона; въ С.-Петербургѣ у І. Юргенсона, Большая Морская, № 9. Всѣ лучшіе музыкальные торговцы въ Имперіи будутъ имѣть возможность приниматьъ подписку по вышеоубаваемой цѣнѣ, въ чемъ каждый разъ должны быть выдаваемы печатныя квитанціи.

Первый томъ вышелъ изъ печати и раздается гг. подписчикамъ.

Издатель П. ЮРГЕНСОНЪ.

Петровка, № 6, съ Москвою.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ

УЧРЕЖДЕНІЮ ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ НОВАЗАНІЮ Г. МИНИСТРОМЪ НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ

ПОСТОЯННОЙ КОММИССІИ НАРОДНЫХЪ ЧТЕНІЙ:

1. **ЖИЗНЬ БОЖІЕЙ МАТЕРИ.** Праздники въ честь Ея: Введеніе въ храмъ, Благовѣщеніе, Успеніе, Покровъ, и праздники въ честь Ея иконъ: Владимірской, Смоленской, Знаменія (Новгородской) Тихвинскій, Казанской и Всѣхъ Скорбѣщихъ Радость; свящ. М. И. Соколова. Съ 7ю раскрашенными картинами. Цѣна 15 коп.

2. **ВЛАДИМІРЪ СВЯТОЙ И РАВНОАПОСТОЛЬНЫЙ, С. М.** Съ 10ю раскрашенными картинами. Цѣна 10 коп.

3. **О БОГОСЛУЖЕНІИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.** Всенощное бдѣніе и божественная аургорія: проskomидія, оглашенныя, вѣрныя, свящ. М. И. Соколова. Съ 8ю раскрашенными картинами. Цѣна 20 коп.

4. **ПЕРВЫЕ ВѢКА ХРИСТІАНСТВА И РАСПРОСТРАНЕНІЕ ЕГО НА РУСИ,** свящ. С. Олатовича. Съ 15ю раскрашенными картинами. Цѣна 25 коп.

5. **СВЯТЫЯ МѢСТА ЗЕМЛИ РУССКОЙ: 1) СОЛОВЕЦКІЙ МОНАСТЫРЬ,** С. Максимова. Съ 10ю раскрашенными картинами. Цѣна 15 коп.

6. **СВЯТЫЯ МѢСТА ЗЕМЛИ РУССКОЙ: 2) ТРОИЦКО-СЕРГІЕВСКАЯ ЛАВРА,** С. М. Съ 10ю раскрашенными картинами. Цѣна 15 коп.

7. **СВЯТЫЯ МѢСТА ЗЕМЛИ РУССКОЙ: 3) СВЯТЫНИ КІЕВА,** свящ. С. И. Олатовича. Съ 8ю раскрашенными картинами. Цѣна 15 коп.

8. **СМУТНОЕ ВРЕМЯ НА РУСИ: 1) ЦАРЕВИЧЪ ДИМИТРІЙ И БОРИСЪ ГОДУНОВЪ,** В. О. Михневича. Съ 5ю раскрашенными картинами. Цѣна 10 коп.

9. **СМУТНОЕ ВРЕМЯ НА РУСИ: 2) САМОЗВАНЩИНА,** В. О. Михневича. Съ 5ю раскрашенными картинами. Цѣна 10 коп.

10. **СМУТНОЕ ВРЕМЯ НА РУСИ: 3) ВОЦАРЕНІЕ РОМАНОВЫХЪ,** В. О. Михневича. Съ 5ю раскраш. картинами. Цѣна 10 коп.

11. **О ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.** Молодость Петра Великаго: какъ и чему онъ учился, какъ добылъ море и создалъ Русскій флотъ. С. Рождественскаго. Съ 12ю раскрашенными картинами. Цѣна 20 коп.

12. ЧЕМУ УЧИЛЪ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ НАРОДЪ СВОЙ, С. М. Съ 10ю раскрашенными картинами. Цѣна 15 коп.

13. М. В. ЛОМОНОСОВЪ, А. Г. Филонова. Съ 4мя раскрашенными картинами. Цѣна 10 коп.

14. ДЪДУШКА КРЫЛОВЪ И ЕГО БАСНИ. А. Г. Филонова. Съ 10ю раскрашенными картинами. Цѣна 15 коп.

15. ЧАЙ, откуда онъ идетъ къ намъ и чѣмъ поделенъ. Е. Рейбота. Съ 6ю раскрашенными картинами. Цѣна 15 коп.

16. О ТОМЪ, КАКЪ ЕКАТЕРИНА II (ВЕЛИКАЯ) ПРАВИЛА ЗЕМЛЕЮ РУССКОЮ. Съ 10ю раскраш. картинами. Цѣна 15 коп.

17. ЖИЗНЬ СВ. НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА въ описаніи съ церковною исторіей его времени. Свещ. Соколова, съ 10ю раскрашенными картинами. Цѣна 15 коп.

Нѣкоторыя изъ книгъ изданія Коммисіи Народныхъ Читаній уже рассмотрѣны и одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для библіотекъ начальныхъ народныхъ училищъ, рекомендованы г. управляющимъ Морскимъ Министерствомъ для судовыхъ матросскихъ библіотекъ и Военно-Ученымъ Комитетомъ всѣмъ войскамъ.

Продаются въ книжной лавкѣ при Канцеляріи С.-Петербургскаго градоначальника, по Большой Морской, домъ № 40. Покупателямъ 100 и болѣе экземпляровъ каждаго изданія дѣлается уступка 20% съ рубля.

Иногородные покупатели прилагаютъ на пересылку, считая отъ 1 до 5 экз. за одинъ фунтъ и отъ 5 до 10—за два фунта и т. д. 15361.

— Фи, фи; бросьте эту дичиескую афектацію; у васъ не злое сердце, вы должны любить человѣчество и интересоваться благосостояніемъ потомства.

— Любить человѣчество? Интересоваться потомствомъ? Поидайте, кузенъ Питеръ, надѣюсь у васъ въ кармазахъ нѣтъ ни объявленій, ни проектовъ объ осушеніи Понтинскихъ болотъ изъ чистѣйшей любви къ человѣчеству; ни предложеній объ увеличеніи подоходныхъ налоговъ для оставленія запаснаго капитала для потомства, въ тѣхъ видахъ что наши каменноугольныя копи могутъ истощиться черезъ три тысячи лѣтъ. Любовь къ человѣчеству! Дребедень! Вотъ что значитъ жить въ деревнѣ.

— Но вѣдь вы любите человѣческой родъ, заботитесь о грядущихъ поколѣніяхъ.

— Я! Ни мало. Напротивъ, я скорѣ ненавижу человѣческой родъ, во всей его дѣлости, со включеніемъ австраійскихъ дикарей, и я не повѣрю никому кто вздумаетъ увѣрять меня что онъ хоть на половину такъ огорченъ гибелью десяти милліоновъ человѣческихъ существъ отъ землетрясенія, въ достаточномъ разстояніи отъ его собственнаго мѣста жительства, скажемъ въ Абиссиніи, какъ онъ бываетъ огорченъ увеличеніемъ счетовъ своего мясника. Что до потомства, то кто согласится перенести въ теченіи двухъ недѣль подагру или *tic-douloureux* ради того чтобы въ четырехтысячномъ году по Р. Х. наше потомство пользовалось превосходною системою ассенизаціи?

Сэръ-Питеръ, которій недавно страдалъ очень острыми припадками невралгіи, покачалъ головой, но по совѣсти былъ долженъ смолчать.

— Возвращаясь къ нашему предмету, сказалъ Миверсъ закуривая опять сигару которую онъ отложилъ въ сторону выражая свои пріягныя мнѣнія,—я думаю что вы бы хорошо сдѣлали еслибъ побывали, пока въ городѣ, у вашего стараго друга Траверса и познакомились съ Сесиліей. Если ваше мнѣніе о ней будетъ также благопріятно какъ мое, почему бы не пригласить отца съ дочерью погостить у васъ въ Эксмондгамъ? Дѣвушки начинаютъ больше думать о мушкетѣ увидавъ мѣсто которое вы можете предложить имъ какъ свой домъ, а Эксмондгамъ пріятельское мѣсто для дѣвушки—живописное и романтическое.

— Превосходная мысль, воскликнулъ сэръ-Питеръ радуш-

во.—Я желалъ бы также познакомиться съ Чиллингга Гордономъ. Дайте мнѣ его адресъ.

— Его карточка на каминѣ, возьмите ее; вы всегда застанете его дома до двухъ часовъ. Онъ слишкомъ уменъ чтобы терять утреннее время на прогулки въ Гайдъ-Паркъ съ молодыми дамами.

— Скажите мнѣ ваше откровенное мнѣніе объ этомъ мѣшечкѣ молодомъ родственникѣ. Кенелмъ говоритъ что онъ уменъ и честолюбивъ.

— Кенелмъ говоритъ правду. Онъ такой человѣкъ что и станетъ толковать лустяковъ о любви къ человѣчеству и къ потомству. Онъ человѣкъ современный, съ большими, острыми, широко открытыми глазами, которые смотрятъ лишь на ту часть человѣчества которая можетъ быть ему полезна и вырываютъ своего зрѣнія въ усиліяхъ доглядѣться до потомства въ разбитый телескопъ. Гордонъ такой человѣкъ чтобы быть канцлеромъ казначейства, можетъ-быть первымъ министромъ.

— И сынъ стараго Гордона умнѣе моего мальчика, тезка Кенелма Дигби!

Сэръ-Питеръ вздохнулъ.

— Я не говорилъ этого. Я умнѣе Чиллингга Гордона, вотъ доказательство: я не желаю быть первымъ министромъ очень неприятная служба, тяжелая работа, неправильные часы для лица, много хлопотъ и непремѣнное разстройство желудка.

Сэръ-Питеръ ушелъ огорченный. Онъ засталъ Чиллингга Гордона дома въ квартирѣ его въ Джермайнъ-Стритъ. Несмотря на то что сэръ-Питеръ былъ предубѣжденъ противъ него слышавъ что про него слышалъ, онъ вскорѣ расположился въ его пользу. Гордонъ говорилъ съ нимъ искренно, тономъ свѣтскаго человѣка, и имѣлъ довольно такта чтобы не выказать чувствъ которыя могли бы не понравиться старосвѣскому сельскому джентльмену и родственнику который могъ быть полезенъ для его карьеры. Онъ коснулся вскользь съ видимымъ чувствомъ несчастнаго процесса возбужденнаго его отцомъ; говорилъ съ восторженными похвалами о Кенелмѣ, и съ разборчивымъ добродушіемъ о Миверсѣ какъ о человѣкѣ который, пародируя элиграмму на Карла II,

Слова добраго не молвилъ

И не сдѣлалъ злаго дѣла.

Потомъ онъ вызвалъ сэръ-Питера на разговоръ о деревнѣ и объ успѣхахъ земледѣлія. Онъ узналъ что въ числѣ побудительныхъ причинъ прибытія его въ городъ было желаніе увидѣть гидравлическій таранъ, который могъ быть полезенъ для его усадьбы, дурно снабженной водою. Удивилъ баронета обнаруживъ нѣкоторыя практическія свѣдѣнія въ механикѣ; настаивалъ что будетъ сопутствовать ему въ Сити для осмотра машины; сопровождалъ его и одобрилъ покулку; потомъ пригласилъ его осмотрѣть новую американскую жатвенную машину и не разставался съ нимъ пока не получилъ отъ сэръ-Питера обѣщанія обѣдать вмѣстѣ въ клубъ Гаррика. Приглашеніе это было особенно пріятно для сэръ-Питера, который чувствовалъ естественное любопытство увидѣть новыя знаменитости посѣщавшія этотъ клубъ. Когда разставшись съ Гордономъ сэръ-Питеръ направился къ дому Леопольда Траверса, онъ съ удовольствіемъ думалъ о своемъ молодомъ родственникѣ.

„Миверсъ и Кенелъ“, говорилъ онъ самъ съ собою, „дали мнѣ неблагопріятное понятіе объ этомъ юношѣ; они изображали его суетнымъ, себялюбивымъ и т. д. Но Миверсъ такъ цинически смотритъ на характеры, а Кенелъ слишкомъ эксцентриченъ чтобы судить правильно объ умномъ свѣтскомъ человѣкѣ. Во всякомъ случаѣ пожертвовать своимъ временемъ изъ любезности къ старику въ родѣ меня — это не похоже на эгоиста. Свѣтскій молодой человѣкъ можетъ пріятнѣе провести свой день чѣмъ осматривая водокачалки и жатвенныя машины. Умнымъ они его признаютъ. Да, у него рѣшительно есть умъ, и не заносчивый умъ, практический.“

Сэръ-Питеръ нашелъ Траверса въ гостиной съ дочерью, мистрисъ Кампювъ и леди Гленальвоуъ. Траверсъ былъ однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей среднихъ лѣтъ кого чаще можно встрѣтить въ гостиной чѣмъ въ кабинетѣ; онъ любилъ дамское общество, и можетъ-быть эта склонность сохранила въ немъ очарованіе хорошаго воспитанія и привлекательнаго обращенія. Оба они не видались много лѣтъ; съ того времени какъ Траверсъ былъ на высшей точкѣ своей модной карьеры, а сэръ-Питеръ былъ однимъ изъ тѣхъ пріятныхъ дилеттантовъ и отчасти юмористическихъ говоруновъ которые дѣлаются непрѣмными гостями на всѣхъ званныхъ обѣдахъ.

Сэръ-Питеръ былъ первоначально умѣреннымъ вигомъ, потому что отецъ его принадлежалъ къ этой партіи, но онъ

оставилъ ее вмѣстѣ съ герцогомъ Ричмондомъ, мистеромъ Станли (въ послѣдствіи лордъ Дерби) и другими, когда ему показалось что эта партія перестала быть умѣренною.

Леопольдъ Траверсъ въ молодости служа въ гвардіи былъ крайнимъ тори, но будучи сторонникомъ сэръ-Роберта Пила по вопросу объ отмиѣнѣ хлѣбныхъ законовъ, онъ остался съ послѣдователями Пила послѣ того какъ большинство торійской партіи отказалось слѣдовать за своимъ бывшимъ главою, и теперь шелъ съ послѣдователями Пила въ какомъ бы направленіи прогрессъ вѣка ни направилъ ихъ путь къ возвышенію виговъ и уменьшенію значенія торіевъ.

Впрочемъ теперь вопросъ не въ политическихъ мнѣніяхъ этихъ обоихъ джентльменовъ. Я уже оказалъ что они не видались много лѣтъ. Траверсъ очень мало перемѣнился. Сэръ-Питеръ узналъ его съ перваго взгляда. Сэръ-Питеръ перемѣнился больше, и Траверсъ сначала недоумѣвалъ, но слыша какъ было произнесено его имя онъ былъ увѣренъ что это дѣйствительно сэръ-Питеръ къ кому онъ подошелъ и протянулъ дружески руку. Траверсъ сохранилъ цвѣтъ своихъ волосъ и прежнюю фигуру и былъ одѣтъ такъ же хорошо какъ и въ то время когда считался данди. Сэръ-Питеръ, который прежде былъ очень тонокъ, со свѣтлыми кудрями и мечтательными голубыми глазами, теперь сталъ скорѣе толстымъ, особенно въ срединѣ своей фигуры, сильно поспѣвалъ, давно надѣлъ очки; платье на немъ было старомодное, сшитое деревенскимъ портнымъ. Онъ смотрѣлъ такимъ же джентльменомъ какъ Траверсъ; пользовался пожалуй такимъ же здоровьемъ, принимая во вниманіе разницу въ лѣтахъ; казалось могъ прожить такъ же долго. Но между ними была разница какъ между нервнымъ и лимфатическимъ темпераментами. Траверсъ, хотя былъ не такъ умъ какъ сэръ-Питеръ, подерживалъ свой умъ въ постоянной дѣятельности; сэръ-Питеръ позволялъ своему уму дремать за старыми книгами и наслаждаться ничего не дѣланіемъ по цѣлымъ часамъ. Потому Траверсъ все еще казался молодымъ и былъ чутокъ ко всему; между тѣмъ какъ сэръ-Питеръ входя въ гостиную представлялся какимъ-то Рипль-ванъ-Винклемъ который проспалъ жизнь прошлаго поколѣнія и смотрѣлъ на настоящее отежелѣвшими глазами. За то, въ тѣ рѣдкія минуты когда онъ просыпался совершенно, въ сэръ-Питерѣ можно было найти сердечный пылъ, даже силу мысли, болѣе выра-

зительной чѣмъ живость темперамента характеризовавшая Леопольда Траверса, присутствие тѣхъ качествъ которыя мы особенно любимъ и ими же восхищаемся въ молодыхъ людяхъ.

— Любезнѣйшій сэръ-Питеръ, вы ли это? Я такъ радъ что вижу васъ опять, сказалъ Траверсъ.—Сколько столѣтій мы не видались, и какъ снисходительны вы были ко мнѣ въ то время какъ я былъ глухимъ фравтомъ. Но что прошло, то прошло; перейдемъ къ настоящему. Позвольте мнѣ познакомиться съ вами, во первыхъ, съ моимъ достойнымъ другомъ мистрисъ Кампювъ, достойнаго супруга которой вы помните. Какія пріятныя собранія бывали у нихъ въ домѣ! Потому съ этою молодою дѣвцею которой она замѣнила мать, съ моею дочерью Сесиліей. Съ Леди Гленальвовъ, другомъ вашей жены, разумѣется нечего васъ знакомить, для нея время стоитъ неподвижно.

Сэръ-Питеръ спустилъ свои очки, въ которыхъ нуждался только для книгъ мелкой печати, и посмотрѣлъ внимательно на трехъ женщинъ — при каждомъ взглядѣ поклонъ. Глаза его все еще были устремлены на Сесилію, когда леди Гленальвовъ подошла къ нему, пользуясь преимуществами общественнаго положенія и давняго знакомства, и первая пріѣтствовала его.

— Увы, любезнѣйшій сэръ-Питеръ! время не стоитъ ни для кого; но такъ и быть, лишь бы оно оставило пріятныя воспоминанія! Когда я вижу васъ снова предо мною воскресаетъ моя молодость. Мой давній другъ Каролина Бродертонъ, теперь леди Чиллинггау; наши дѣвчьи прогулки вмѣстѣ; уборы и бальныя платья—главныя заботы, мечты—о будущихъ мужахъ. Садитесь здѣсь и разкажите мнѣ все о Каролинѣ.

Сэръ-Питеръ, который не много могъ разказать о Каролинѣ что могло бы интересовать кого-нибудь кромѣ его, сѣлъ однакоже возлѣ леди Гленальвовъ и какъ подобало далъ самый лестный отчетъ о миледи къ какому только подавала поводъ дѣйствительность или изобрѣтательность. Все это время однако въ мысляхъ его былъ Кееламъ, а глаза были устремлены на Сесилію.

Сесилія снова принялась за какое-то таинственное женское рукодѣлье—что за дѣло какое?—можетъ-быть это было вышиванье на табуретъ къ фортепiano, можетъ-быть туфли для ея отца (который, гордясь своими ногами и зная что онъ красивѣе въ ботинкахъ изъ тонкой кожи, разумѣется никогда

не будетъ носить ихъ). Сесилія повидимому поглощена своею работою, но глаза ея и мысли устремлены на сэръ-Питера. Почему, читатель можетъ догадаться. И съ какимъ вниманіемъ и любовью смотрять эти глаза! Она думаетъ что у него самыя пріятныя, умныя, кроткія черты лица. Она восхищается даже его старомоднымъ сюртукомъ, высокимъ галстукомъ и панталонами со штрилками. Она чтитъ его сѣдые и не подкрашенные волосы. Она старается найти близкое сходство между этимъ голубоглазымъ, толстымъ, старымъ джентльменомъ и тонкимъ, черноглазымъ, угрюмымъ и высокимъ Кеделмомъ; она находитъ сходство котораго не найдеть бы никто другой. Она начинаетъ любить сэръ-Питера, хотя онъ не сказалъ съ ней ни слова.

Здѣсь кстати молвить словечко вамъ, мой дорогой читатель. Если вы желаете жениться на дѣвушкѣ которая любила бы васъ вѣчно и глубоко, и была бы для васъ вполнѣ доброю женою, замѣчайте какъ она относится къ вашимъ родителямъ, питаютъ ли она къ вамъ чувство не поддающееся выраженію, безкорыстное уваженіе; если вы, хотя бы смутно, распознаете это чувство или подмѣтите уваженіе, если между вами и вашими родителями возникнетъ незначительное охлажденіе, и она снова побудитъ васъ чтить вашего отца и вашу мать, хотя бы они и не особенно были благосклонны къ ней,—если такая дѣвушка станетъ вашею женою, знайте что вы нашли сокровище. Вы нашли женщину которой Небо дало два лучшія качества—сильное чувство любви и сильное чувство долга. То что говорю про одну дочь, мой дорогія читательницы, относится и къ другому, хотя въ меньшей степени; потому что дѣвушка, выходя замужъ, вступаетъ въ семью своего мужа; мужчина же не вступаетъ въ семью своей жены. Однакоже я не вѣрю глубинѣ любви человѣка къ женщинѣ если онъ не чувствуетъ въ значительной степени нѣжности (и терпѣнія, если возникаютъ разногласія) къ ея родителямъ. Но жена не должна выставлять ихъ до такой степени на первый планъ чтобы подавать мужу поводъ думать что онъ остается въ холодной тѣни. Простите, дорогой читатель, это безжалостно длинное отступленіе, это не совсѣмъ отступленіе, ибо одну изъ задачъ моей повѣсти составляетъ то чтобы вы яснѣе могли понять дѣвушку какая олицетворена въ Сесилию Траверсъ.

— Что стало съ Кеделмомъ? спросила леди Гленальвоуъ.

— Я бы желалъ имѣть возможность сказать вамъ это, отвѣчалъ сэръ-Питеръ.— Онъ написалъ мнѣ одно слово что отъправился бродить „въ лѣсахъ обновленныхъ и свѣжихъ луговъ“, можетъ-быть на нѣсколько недѣль. Съ тѣхъ поръ я не имѣлъ отъ него ни слова.

— Вы огорчаете меня, сказала леди Гленальвонъ,—надѣюсь съ нимъ не случилось чего-нибудь, онъ не могъ заболѣть.

Сесилія перестала работать и поднявъ глаза насторожилась.

— Успокойтесь, сказалъ смѣясь Траверсъ;—я знаю его тайну. Онъ вызвалъ на состязаніе перваго бойца Англіи и теперь отъправился въ деревню приготовляться къ битвѣ.

— Очень можетъ-быть, сказалъ сэръ-Питеръ спокойно;—я бы ни мало не удивился этому, а вы, миссъ Траверсъ?

— Мнѣ скорѣе кажется вѣроятнымъ что мистеръ Чиллингганъ занялъ какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ для другихъ и хочетъ сохранить его въ тайнѣ.

Сэръ-Питеру понравился этотъ отвѣтъ и онъ подвинулъ свой стулъ поближе къ Сесиліи. Леди Гленальвонъ, радуясь что они сошлись, вскорѣ встала и простилась.

Сэръ-Питеръ оставался около часа, разговаривая преимущественно съ Сесиліей, которая необыкновенно легко овладѣла его сердцемъ. Онъ пригласилъ ея отца, мистрисъ Кампювъ и ее погостить у него недѣлю въ Эксмондгамъ въ концѣ лондонскаго сезона, который былъ уже близокъ.

Получивъ обѣщаніе сэръ-Питеръ вышелъ, а десять минутъ спустя Гордонъ Чиллингганъ вошелъ въ гостиную. У него уже установилось визитное знакомство съ Траверсомъ. Траверсъ любилъ его. Мистрисъ Кампювъ находила его чрезвычайно образованнымъ, неафектированнымъ молодымъ человѣкомъ, гораздо выше другихъ молодыхъ людей. Сесилія была искренно любезна къ кузену Кенелма.

Это былъ вообще счастливый день для сэръ-Питера. Онъ былъ очень доволенъ обѣдомъ въ клубѣ Гаррика, гдѣ встрѣтилъ нѣсколькихъ старыхъ знакомыхъ и былъ представленъ некоторымъ новымъ „знаменитостямъ“. Онъ замѣтилъ что Гордонъ былъ хорошъ съ этими замѣчательными лицами. Хотя онъ еще ничѣмъ не отличился, но они смотрѣли на него съ некоторымъ уваженіемъ и съ очевидною любовью. Замѣчательнѣйшій изъ нихъ, по крайней мѣрѣ человѣкъ съ наибольшаго установившеюся репутаціей, сказалъ сэръ-Питеру на ухо:

— Вы можете гордиться вашимъ племянникомъ Гордономъ!

— Онъ не племянникъ мнѣ, только сынъ дальняго родственника.

— Жаль. Но онъ сообщитъ блескъ и отдаленнымъ вѣтвямъ своей фамиліи. Умный малый и популярный; рѣдкія соединенія: несомнѣнно поидеть далеко.

Сэръ-Питеръ подавалъ вздохъ. „О, еслибы кто-нибудь столь же знаменитый сказалъ это о Кенелмѣ.“

Но онъ былъ слишкомъ великодушенъ чтобы позволить этому полужавистливому чувству продлиться болѣе одного мгновенія. Почему бы ему не гордиться всякимъ членомъ фамиліи кто могъ озарить блескомъ древнюю темноту Чилинглійской расы? И какъ любезенъ этотъ молодой человѣкъ сталъ для сэра-Питера!

На другой день Гордонъ настоялъ на томъ чтобы сопроводить его при осмотрѣ новѣйшихъ пріобрѣтеній Британскаго Музея и разныхъ другихъ выставокъ, а вечеромъ отправился съ нимъ въ театръ Принца Вельсскаго, гдѣ сэръ-Питеръ былъ въ восхищеніи отъ замѣчательной комедійки мистера Робертсона, которую такъ хорошо поставила на сцену Мери Уилтонъ. На слѣдующій день, когда Гордонъ зашелъ къ нему въ гостилицу, онъ отложилъ свои опасенія и приступилъ къ сообщенію которое до тѣхъ доръ откладывалъ.

— Гордонъ другъ мой, я твой должникъ, и теперь, благодаря Кенелму, могу залатить мой долгъ.

Гордонъ сдѣлалъ легкое движеніе удивленія, но хранилъ молчаніе.

— Я говорилъ твоему отцу, вскорѣ послѣ того какъ родился Кенелмъ, что намѣренъ одать мой лондонскій домъ, и откладывать для тебя ежегодно тысячу фунтовъ, въ вознагражденіе за то что ты могъ бы наследовать Эксмондгамъ еслибы я умеръ бездѣтнымъ. Но отецъ твой кажется не обратилъ вниманія на это обѣщаніе и затѣялъ со мной процессъ по вопросу составлявшему безспорное мое право. Я бы удивился какъ такой умный человѣкъ сдѣлалъ такую ошибку еслибы мнѣ не былъ извѣстенъ его сварливый нравъ. Нравъ такая вещь что часто беретъ верхъ надъ умомъ. Не имѣя самъ наклоности къ ссорѣ (Чилинглии мирная раса) я не былъ снисходителенъ къ странностямъ твоего отца и его ненормальному (для Чилинглиа) характеру. Языкъ и тонъ его письма

по этому поводу задѣлъ меня за живое. Я не могъ понять зачѣмъ, если онъ такъ относится ко мнѣ, стану я откладывать тысячу фунтовъ въ годъ. Тутъ представился случай купить землю очень подручную для владѣльца Эксмодгама. Я купилъ ее на завятые деньги, и хотя сдалъ свой лондонскій домъ, но уже не откладывалъ по тысячѣ въ годъ.

— Любезнѣйшій сэръ-Питеръ, я всегда сожалѣлъ что мой покойный отецъ затѣвалъ—можетъ-быть изъ чрезчуръ сильной отеческой заботливости о моихъ предлагаемыхъ интересахъ—этотъ несчастный и бесплодный процессъ, послѣ котораго не могло быть сомнѣнiя что всякое великодушное намѣренiе съ вашей стороны будетъ оставлено. Я былъ радостно удивленъ что вы и Кенелъ съ такою добротой и искренностью приняли меня въ ваше семейство. Прошу васъ сдѣлайте мнѣ одоженiе оставьте всякiй разговоръ о денежныхъ дѣлахъ; мысль о вознагражденiи дальняго родственника за потерю надеждъ которыя онъ не въ правѣ былъ питать слишкомъ нечлѣна, по крайней мѣрѣ въ моихъ глазахъ.

— Но я такъ нехотѣлъ что держусь этой мысли, хотя нехотѣлъ не отдать справедливости благородству твоего образа мыслей. Возвращаясь къ дѣлу, Кенелъ теперь совершеннолѣтнiй и съ имѣнiя теперь сжали запретъ. Оно поступить въ полное распоряженiе Кенела и мы можемъ быть увѣрены что онъ жемится; во всякомъ случаѣ онъ не владеть въ ошибку твоего покойнаго отца; но что бы онъ ни сдѣлалъ съ своею собственностью, это тебя не касается и на это нечего разчитывать. Даже титулъ баронета прекратится со смертью Кенела, если у него не будетъ сына. Но при освобожденiи имѣнiя очистилась сумма дающая мнѣ, какъ я уже сказалъ, возможность улатить то что, Кенелъ искренно согласенъ со мною, мы должны тебѣ. У моего банкира лежитъ теперь двадцать тысячъ фунтовъ, и онъ переведетъ ихъ на твоего; если ты зайдешь къ моему соллицитору, мистеру Вайншугу, въ Линкольнсъ-Иннъ, ты можешь увидѣть документы и дать ему росписку въ полученiи 20.000 на которыя онъ имѣетъ мой чекъ. Стой, стой, стой, я не хочу слышать ни слова, безъ благодарностей, онъ не заслужены.

При этомъ Гордонъ, который во время этой рѣчи произносилъ различныя отрывистыя восклицанiя, оставленный сэръ-Питеромъ безъ вниманiя, овладѣлъ рукой своего родственника

и, несмотря на его сопротивленіе, поднесъ ее къ губамъ.

— Я долженъ благодарить васъ, я долженъ дать выходъ моимъ чувствамъ, восклицуя Гордонъ.—Эта сумма, сама по себѣ значительная, гораздо важнѣе для меня чѣмъ вы можете вообразить, она открываетъ мнѣ карьеру, обезпечиваетъ мою будущность.

— Кенелмъ говорилъ мнѣ это; онъ сказалъ что эта сумма будетъ полезнѣе для тебя теперь чѣмъ вдесятеро большая сумма двадцать лѣтъ спустя.

— Да, это будетъ такъ. И Кенелмъ согласенъ на эту жертву?

— Не только согласенъ, онъ настаивалъ на этомъ.

Гордонъ отвернулся, а сэръ-Питеръ продолжалъ:

— Ты хочешь вступить въ парламентъ; честолюбіе очень естественное въ умномъ молодомъ человѣкѣ. Я не намѣренъ навязывать тебѣ политическія мнѣнія. Я слышалъ что ты что называется либералъ; я полагаю что человѣкѣ можетъ быть либераломъ не будучи якобинцемъ.

— Я то же думаю. Чѣмъ бы я ни былъ, во всякомъ случаѣ я не насильникъ.

— Насильникъ, нѣтъ! Кто слышалъ когда-нибудь о насильникѣ изъ рода Чиллинглі? Но я читалъ сегодня въ газетѣ рѣчь обращенную къ слушателямъ изъ народа, въ которой ораторъ высказывался за раздѣленіе земли и всѣхъ капиталовъ принадлежащихъ другимъ людямъ между рабочими тихо и спокойно, безо всякаго насилія, и умоляя избѣгать насилія; но говоря, можетъ-статься весьма справедливо, что тѣмъ кого будутъ грабить можетъ это не понравиться, и они могутъ прибѣгнуть къ силѣ; въ такомъ случаѣ плохо де придется имъ, они де будутъ виновниками насилія и на нихъ должна пасть отвѣтственность если они будутъ сопротивляться разумнымъ предложеніямъ его и его друзей! Это, я полагаю, принадлежитъ къ числу новыхъ идей, съ которыми Кенелмъ больше знакомъ чѣмъ я. Держись ты этихъ новыхъ идей?

— Разумѣется нѣтъ; я презираю гаупцовъ которые держатся ихъ.

— И ты не будешь поддерживать революціонныя мѣры когда вступишь въ парламентъ?

— Любезнѣйшій сэръ-Питеръ, я боюсь что вы слышали

очень ложные отзывы о моихъ мнѣніяхъ если предлагаете такіе вопросы. Послушайте.

И Гордонъ луснула въ диссертацию очень умную, очень тонкую, которая только обзывала его мудро направлять общественное мнѣніе на правый путь: что такое былъ правый путь онъ не опредѣлялъ, онъ предоставлялъ угадывать сэръ-Питеру. Сэръ-Питеръ похваля, какъ и ожидалъ Гордонъ, что это путь который онъ, сэръ-Питеръ, считалъ правильнымъ, и былъ удовлетворенъ.

Покончивъ съ этимъ предметомъ, Гордонъ сказалъ съ завитымъ чувствомъ:

— Могу ли я просить васъ довершить милости какими вы осылали меня. Я никогда не видалъ Экономанагама, и домъ фамиліи къ которой я принадлежу очень интересуетъ меня. Не позволите ли мнѣ провести у васъ вѣсколько дней и подѣлать вашихъ родныхъ деревъ послушать уроки политической мудрости отъ того кто очевидно глубоко знавалъ въ сея ученіе?

— Глубоко—нѣтъ, но немножко, немножко, какъ простой зритель, сказалъ сэръ-Питеръ скромно, но очень польщенный.—Привѣжай, другъ мой, разумеется; ты будешь принятъ радушно. Кстати, Траверсъ съ своею прекрасною дочерью обѣщала навѣстить меня недѣлю черезъ двѣ; почему бы и тебѣ не прѣхать въ то же время?

Внезапный румянецъ освѣтилъ лицо молодого человѣка.

— Я буду въ восторгѣ, вскричалъ онъ.—Я мало знакомъ съ мистеромъ Траверсомъ, но онъ мнѣ очень нравится, и мистрисъ Камлионъ такая образованная женщина.

— А что ты скажешь о дѣвушкѣ?

— Миссъ Траверсъ? О, она прекрасная дѣвушка. Но я говоря съ молодыми дѣвушками только когда это бываетъ необходимо.

— Значитъ ты похожъ на своего кузена Кенелма?

— Я бы желалъ походить на него въ другихъ отношеніяхъ.

— Нѣтъ, одного такого чудака въ семействѣ совершенно достаточно. Но хотя я не желалъ бы чтобы ты угодился Кенелму, я бы все-таки не промѣнялъ Кенелма на совершеннѣйшій образецъ сына какой только можетъ явиться на свѣтъ.

Давъ исходъ этому порыву отеческой нѣжности, сэръ-Питеръ пожалъ руку Гордону и отправился къ Миверсу, который пригласилъ его завтракать и потомъ хотѣлъ проводить на

станцію. Сэръ-Питеръ возвращался въ Эксмондгамъ съ послѣ-полугодичнымъ экстреннымъ поѣздомъ.

Оставшись одинъ, Гордонъ погрузился въ одно изъ тѣхъ блестящихъ гаданій о будущемъ которыя составляютъ счастливейшія минуты въ жизни юности съ такимъ честолюбіемъ какъ его. Сумма переданная въ его распоряженіе сэръ-Питеромъ обезпечивала его вступленіе въ парламентъ. Тамъ онъ съ увѣренностью разчитывалъ на скорые успѣхи. Онъ расширялъ свои виды. При такихъ успѣхахъ онъ могъ съ вѣроятностью разчитывать на блестящую женитьбу которая увеличитъ его состояніе и упрочитъ положеніе. Онъ уже оставилъ свои мысли на Сесилии Траверсъ. Я буду справедливымъ къ нему сказавъ что это не было исключительно изъ меркантильныхъ побужденій, но разумѣется и не съ безумнымъ пыломъ юношеской любви. Онъ находилъ что она, съ ея наружностью, образованіемъ, величественнымъ, но общительнымъ обращеніемъ, создана именно для того чтобъ быть женой знаменитаго человѣка. Онъ уважалъ ее, она нравилась ему, и кромѣ того ея богатство могло упрочить его положеніе. Онъ питалъ такого рода разумную привязанность къ Сесилии какую мудрецы въ родѣ лорда Бекона и Монтана рекомендовали бы другому мудрецу ищущему себѣ жену. Какой удобный случай возбудить въ ней подобную, а можетъ-быть и болѣе горячую привязанность могло представить пребываніе въ Эксмондгамѣ! Бывъ у Траверсовъ онъ узналъ что они отправляются туда и тогда-то явился въ немъ тотъ порывъ родственныхъ чувствъ что доставилъ и ему приглашеніе туда же.

Но онъ долженъ быть остороженъ, онъ не долженъ возбуждать преждевременныхъ подозрѣній въ Траверсъ. Онъ еще не былъ достойною партией какую сквайръ могъ бы одобрить для своей дочери. И хотя ему не были известны планы сэръ-Питера касательно этой дѣвушки, онъ былъ слишкомъ остороженъ чтобы довѣрить свои планы родственнику въ чьей скромности онъ сильно сомнѣвался. Въ настоящее время для него было довольно что открывался путь для его собственной энергіи. И весело, хотя задумчиво, онъ взвѣшивалъ представляющіяся ей препятствія, угадывалъ ея цѣли, прохаживаясь по своей комнатѣ съ олущенной головой и безлокойными шагами, то ускорая, то замедляя ихъ.

Сэръ-Питеръ между тѣмъ нашелъ въ квартирѣ Миверса

приготовленный для него прекрасный завтракъ, который былъ въ полномъ его распоряженіи, потому что самъ Миверсъ никогда „не портилъ обѣда и чай не порочилъ“, то есть никогда не завтракалъ. Онъ оставался за своею конторкой и писалъ краткія записки, дѣловыя или касавшіяся удовольствій, пока сэръ-Питеръ дѣлалъ честь котагетамъ изъ ягвенка и жареному цыпленку. Но Миверсъ оставилъ свою работу и взглянулъ съ приподнятыми бровями когда сэръ-Питеръ, послѣ нѣскольکو сбивчиваго отчета о своемъ визитѣ къ Траверсу, своимъ восхищеніемъ отъ Сесиліи и ловкости съ какою онъ, дѣйствуя по совѣту своего кузена, пригласилъ это семейство провести нѣскольکو дней въ Эксмондгамъ, прибавилъ:

— А кстати я пригласилъ и молодого Гордона пріѣхать вмѣстѣ съ вами.

— Пріѣхать съ вами; съ мистеромъ и миссъ Траверсъ! въ самомъ дѣлѣ? Я думалъ что вы хотѣли женить Кенелма на Сесиліи. Я ошибся, вы думали о Гордонѣ!

— О Гордонѣ, воскликнулъ сэръ-Питеръ уронивъ ножъ съ вилкой.—Какой вздоръ! Вѣдь вы не думаете что миссъ Траверсъ предпочитаетъ его Кенелму, или что онъ имѣетъ смѣлость воображать что ея отецъ одобряетъ его ухаживаніе.

— Я не пускаюсь въ подобныя предположенія. Я думаю только что Гордонъ уменъ, вкрадчивъ, молодъ, и вы доставляете ему случай который будетъ ему очень удобенъ. Впрочемъ это не мое дѣло; и хотя вообще я люблю Кенелма больше чѣмъ Гордона, но я очень люблю и Гордона и интересуюсь слѣдить за его карьерой, чего не могу относительно Кенелма; вѣроятно, у него не будетъ никакой карьеры.

— Миверсъ, вамъ пріятно сердить меня, вы и говорите такія неутѣшительныя вещи. Но, вопервыхъ, Гордонъ говорилъ скорѣе пренебрежительно о миссъ Траверсъ.

— А, въ самомъ дѣлѣ; это дурной знакъ, пробормоталъ Миверсъ.

Сэръ-Питеръ не слышалъ его и продолжалъ:

— И кромѣ того я вполне увѣренъ что милая дѣвушка настолько занята Кенелмомъ что это исключаетъ возможность соперничества. Впрочемъ я не забуду вашего намека и буду смотрѣть въ оба; и если замѣчу что молодой человѣкъ

старается быть очень любезнымъ съ Сесиліей, а положу ко-медь его пребыванію у меня.

— Не давайте себѣ труда заботиться объ этомъ; это къ добру не поведетъ. Браки составляются въ небесахъ; да будетъ на то ихъ воля. Если мнѣ можно будетъ ухитъ, а прискачу къ вамъ денъка на два. Можетъ-быть вы тогда пригласите и леди Гленальвонъ. Я люблю ее, а она любитъ Кемелма. Кончили вы? Я вижу ѡкипажъ у дверей, и вамъ нужно еще захватъ къ вамъ въ гостиницу взять вашъ чемоданъ.

Говоря это Миверсъ старательно запечатывалъ свои письма. Потомъ позвонилъ слугу, приказалъ отправить ихъ и послѣдовалъ за сэръ-Питеромъ по лѣтницѣ и въ ѡкипажъ. Ни слова больше не было сказано о Гордонѣ, и сэръ-Питеръ не сообщалъ ему о двадцати тысячахъ фунтовъ. Чиллингвиль Миверсъ былъ можетъ-быть послѣдній человѣкъ предъ которымъ сэръ-Питеръ рѣшился бы выказывать великодушіе. Миверсъ верѣдко самъ способенъ былъ на великодушный поступокъ, лишь бы объ этомъ никто не зналъ, но онъ всегда насмѣхался надъ великодушіемъ другихъ.

ГЛАВА II.

Бредя назадъ по направленію къ Мольсвику Кемелмъ не задолго до солнечнаго захода очутился на берегу говорливаго ручья, почти противъ дома гдѣ жила Лили Мордавь. Онъ долго стоялъ молча на берегу поросшемъ травою, и темная тѣнь его падала на воду дробясь на части отраженіемъ въ волнахъ падавшихъ и крутившихся близъ сосѣдняго водопада. Глаза его были устремлены на домъ и садъ лежавшіе предъ нимъ. Верхнія окна были отворены. „Желалъ бы я знать которое ея окно“, сказалъ онъ самъ себѣ. Наконецъ онъ привѣтилъ садовника который наклонялся съ лейкой надъ цвѣтами и потомъ пробирался медленно между мелкимъ кустарникомъ, безъ сомнѣнія въ свой коттеджъ. Теперь лугъ опустѣлъ, только два дрозда внезапно опустились на траву.

— Добрый вечеръ, сэръ, слышался голосъ.— Богатое здѣсь мѣсто для форели.

Кемелмъ обернулъ голову и увидалъ на тропинкѣ, какъ разъ позади себя, почтеннаго пожилаго человѣка, повидимо-

му мелочнаго торговца, съ удочкой въ рукѣ и корзиной привѣшенной на боку.

— Для форели? возразилъ Кеелемъ;—да, я думаю. Въ самомъ дѣлѣ очень привлекательное мѣсто.

— Сажу спросить вы любите удить рыбу, сэръ? спросилъ пожилой человекъ, затрудняясь угадать къ какому классу принадлежитъ незнакомецъ; замѣтивъ съ одной стороны его одежду и наружность, съ другой, висѣвшій у него за плечами старый изношенный ранецъ, который Кеелемъ въ послѣдній годъ носилъ и дома и за границей.

— Да, я любитель рыбной ловаи.

— Въ такомъ случаѣ здѣсь самое лучшее мѣсто во всемъ ручьѣ. Посмотрите, сэръ, вотъ дача Исаака Уалтона, а за ней пониже видите бѣлый чистенькій домъ. Это мой домъ, сэръ, и у меня есть квартира которую я отдаю рыбакамъ джентльменамъ. Она обыкновенно занята всѣ лѣтніе мѣсяцы. Я каждый день ожидаю письма что ее хотятъ снять, но теперь она свободна. Прекрасная квартира, сэръ, чистая комната и спальня.

— *Descende coelo, et dic age tibia*, сказалъ Кеелемъ.

— Какъ? спросилъ пожилой человекъ.

— Десять тысячъ извиненій. Я имѣлъ несчастіе быть въ университетѣ и изучать немножко латынь, которая повременамъ приходитъ мнѣ на память некстати. Но говоря по-англійски, я хотѣлъ сказать вотъ что: я призывалъ музу сойти съ неба и привести съ собою—въ оригиналѣ оказано свирѣль, но я подразумѣвалъ удочку. Я думаю что ваша квартира будетъ какъ нельзя болѣе удобна для меня; пожалуйста покажите ее.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, сказалъ пожилой человекъ.—Музы незачѣмъ приносить вамъ удочку; всякаго рода рыболовные снаряды у насъ есть къ вашимъ услугамъ, и лодка тоже, если вамъ понадобится. Въ этихъ мѣстахъ ручей такъ мелокъ и узокъ что лодка едва ли будетъ нужна, развѣ вы вздумаете спуститься пониже.

— Ниже я не желаю спускаться; но если я захочу перенестись на тотъ берегъ не переходя въ бродъ, можетъ ваша лодка перевозить меня или же есть здѣсь мостъ?

— Лодка можетъ перевезти васъ. Она плоскодонная, и здѣсь также есть мостъ для лѣшиходовъ, какъ разъ противъ моего дома; а между этимъ мѣстомъ и Моальвиномъ, гдѣ ручей

расширится, есть перевозъ. Каменный же мостъ для ѣздъ въ томъ концѣ города.

— Хорошо. Пойдемте теперь же въ вашъ домъ.

Они пошли.

— Кстати, сказалъ Кенелмъ во время пути, — вы хорошо знаете семейство которое живетъ въ красивомъ коттеджѣ напротивъ того мѣста что мы только-что прошли?

— Мистрисъ Камеронъ. Да, разумѣется; она очень хорошая леди; и мистеръ Мельвилъ, живописецъ. Я думаю что мнѣ слѣдуетъ знать ихъ, потому что онъ часто останавливался у меня когда приходилъ навѣщать мистрисъ Камеронъ. Онъ рекомендовалъ мою квартиру своимъ друзьямъ, и они были лучшими моими постояльцами. Я люблю живописцевъ, сэръ, хотя мало смыслю въ живописи. Они пріятные джентльмены и бываютъ довольны моею скромною кровлей и пищею.

— Вы правы. Я самъ мало смыслю въ живописи, но я готовъ думать что живописцы, суда не по тому что я видѣлъ, такъ какъ я лично не знакомъ ни съ однимъ изъ нихъ, но по тому что я читалъ о ихъ жизни, вообще не только пріятные, но и благородные люди. Они внутренно желаютъ дѣлать прекрасными и возвышенными обыкновенные предметы, и могутъ исполнять свои желанія только чрезъ постоянное изученіе того что возвышенно и прекрасно. Человѣкъ постоянно занятый этимъ долженъ быть очень благороднымъ джентльменомъ, хотя бы онъ былъ сынъ человѣка что чистить сапоги. И живя въ высшемъ мірѣ чѣмъ мы, я увѣренъ что они, какъ вы говорите, могутъ быть очень довольны скромною кровлей и пищею въ мірѣ гдѣ мы живемъ.

— Совершенно такъ, сэръ; теперь я вижу, вы представили это въ такомъ видѣ какъ мнѣ никогда прежде не приходило въ голову.

— Мнѣ кажется, сказалъ Кенелмъ глядя кротко на говорившаго, — что вы хорошо воспитанный, разумный человѣкъ, вы разсуждая о вещахъ вообще, не забываете и своихъ интересовъ въ частности, особенно когда у васъ есть квартира для найма. Не обижайтесь. Такого рода люди не рождаются можетъ-быть чтобы быть живописцами, но я очень уважаю ихъ. Міръ, сударь мой, нуждается чтобы большаиство его обитателей, живя въ немъ, жило имъ. Всякъ за себя, а Богъ за всѣхъ. Наибольшее счастье наибольшаго числа

всего лучше достигается благоразумнымъ вниманіемъ къ числу единицъ.

Къ вѣкоторому удивленію Кенельма (допуская что онъ настолько теперь познакомился съ жизнію чтобы повременамъ удивляться), пожилой человекъ остановился какъ вкопанный, протянулъ дружески руку и воскликнулъ:

— Такъ, такъ! Я вижу что вы, также какъ и я, рѣшительный демократъ.

— Демократъ! Смѣю ли я спросить, не о томъ почему вы таковы — это была бы свобода, а демократы не любятъ чтобы къ нимъ относились свободно,—а только о томъ почему вы думаете что я демократъ?

— Вы говорили о наибольшемъ счастьи для наибольшаго числа. Это несомнѣнно демократическое чувство! А потому, развѣ вы не сказали, сэръ, что живолисцы, живолисцы, сэръ, живолисцы, еслибъ они и были сыновьями людей которые чистятъ салоги, были бы истинными джевтльменами, истинно благородными?

— Я сказалъ не совсѣмъ то самое, не унижая другихъ джевтльменовъ и нобльменовъ. Но еслибъ я и сказалъ это, то что жь изъ того?

— Сэръ, я согласенъ съ вами. Я презираю титулы, презираю герцоговъ, графовъ и аристократовъ. „Честный человекъ есть благороднѣйшее твореніе Божіе“. Это сказалъ одинъ поэтъ. Я думаю Шекспиръ. Чудный человекъ Шекспиръ. Сынъ торговца, мясника кажется. О! мой дядя былъ мясникомъ и могъ бы быть альдерменомъ. Я всею душой вамъ сочувствую, всею душой. Я демократъ съ ногъ до головы. Дайте руку, сэръ, дайте руку; мы всѣ равны. Всякъ за себя, и Богъ за всѣхъ.

— Я не отказываюсь пожать вамъ руку, сказалъ Кенельмъ;— но не желаю чтобы вашимъ снисхожденіемъ руководило какое мнѣніе обо мнѣ. Хотя мы всѣ равны предъ закономъ, исключая богатаго человека, который имѣетъ меньше вѣроятности оказаться правымъ когда судится съ бѣднымъ человекомъ предъ судомъ присяжныхъ, но я рѣшительно отрицаю чтобы два человека выбранные на удачу могли быть равны. Одинъ долженъ превзойти другаго въ чемъ-нибудь, а если одинъ человекъ превосходить другаго, демократія кончается и начинается аристократія.

— Аристократія! Я этого не вижу. Что вы разумѣете подъ аристократіей?

— Господство лучшихъ людей. Въ государствѣ грубомъ, лучшимъ человѣкомъ почитается сильнѣйшій; въ государствѣ развращенномъ можетъ-быть самый лгуноватый; въ новѣйшихъ республикахъ лгунамъ принадлежатъ богатства, а законникамъ власть. Только въ благоустроенномъ государствѣ аристократія являетъ свое истинное достоинство: это лучшие люди по происхожденію, ибо уваженіе къ предкамъ обезпечиваетъ высокое чувство чести; лучшие люди по богатству, потому что имѣютъ больше средствъ для предпріимчивости, энергіи и покровительства изящнымъ искусствамъ: таковы должны быть богатые люди слѣдуя своему естественному призванію; лучшие люди по своимъ нравственнымъ качествамъ и способностямъ; это очевидно и не требуетъ объясненія; и эти два послѣдніе разряда возьмутъ верхъ надъ другими въ управленіи государствомъ если государство цвѣтущее и свободное. Всѣ эти четыре разряда лучшихъ людей составляютъ истинную аристократію, и когда умъ человѣческій изобрѣтетъ лучшее правительство чѣмъ истинная аристократія, то это будетъ приближаться къ блаженному тысячелѣтію* и правленію святыхъ. Но вотъ мы пришли къ вашему дому, не правда ли? Наружность его мнѣ чрезвычайно нравится.

Пожилой человѣкъ вошелъ подъ небольшой портикъ обитый жимолостью и лаваликой и ввелъ Кенелма въ красивую комнату съ выстулавшимъ изъ фасада окномъ, за которою слѣдовала тоже красивая спальня.

— Годится это для васъ, сэръ?

— Совершенно. Я займу ее теперь же. Въ моемъ ранцѣ есть все необходимое для ночи. Чемоданъ мой находится въ лавкѣ мистера Сомерса и можетъ быть доставленъ сюда утромъ.

— Но мы еще не уговорились объ условіяхъ, сказалъ пожилой человѣкъ начиная колебаться слѣдуетъ ли принимать въ свой домъ дюжого лѣтшехода о комъ онъ ничего не зналъ и кто, бойко толкуя о другихъ предметахъ, хранилъ зловѣщее молчаніе по вопросу о платѣ.

— Объ условіяхъ, правда; назовите ихъ.

— Включая и столъ?

— Разумѣется. Хамелеоны живутъ воздухомъ, демократы

* Апокалипсисъ, гл. XX.

своими фантазіями. У меня же болѣе простой аппетитъ, мнѣ нужна баранина.

— Провизія теперь очень дорога, сказалъ пожилой чело-
вѣкъ,—боюсь что за столъ и квартиру мнѣ нельзя взять
меньше трехъ фунтовъ и трехъ шиллинговъ, скажемъ три
фунта въ недѣлю. Мои постояльцы всегда платятъ за недѣлю
впередъ.

— Согласенъ, сказалъ Кенелмъ вынимая изъ кошелька три
соверена.—Я ужь обѣдалъ и сегодня вечеромъ мнѣ ничего не
нужно; я не буду задерживать васъ дольше. Будьте добры за-
творите за собой дверь.

Оставшись одинъ Кенелмъ сѣлъ на лодоконникъ и сталъ
смотреть внимательно. Да, онъ не ошибся, онъ могъ видѣть
отсюда домъ Лили. Не только бѣлую стѣну дома, мелькав-
шую въ промежуткахъ деревь и кустарниковъ, но и мягкую
лужайку спускавшуюся къ ручью, съ высокою ивой свѣсив-
шею свои вѣтви въ воду и скрывавшею дальнѣйшій видъ гу-
щею своихъ тонкихъ листьевъ. Молодой челоѣкъ склонилъ
голову на руки и мечтательно задумался. Сумерки сгущались;
показались звѣзды; лучи мѣсяца косвенно проникали сквозь
просвѣты ивы посеребряя свой путь гдѣ они прокрадывались
къ волнамъ.

— Не подать ли огня, сэръ? Что вы предпочитаете, лампу
или свѣчи? спросилъ голосъ позади его, голосъ жены пожи-
лого челоѣка.—Не закрыть ли ставни?

Эти вопросы смутили мечтателя. Они казалось насмѣха-
лись его собственнымъ прежнимъ смѣхомъ надъ увлеченіями
любви. Лампа или свѣчи, практической свѣтъ для глазъ про-
зачковъ, и ставни скрывающія свѣтъ звѣздъ и луны!

— Благодарю васъ, сударыня, пока не нужно, сказалъ онъ,
и тихо поднявшись положилъ руку на лодоконникъ, спу-
стился изъ отвореннаго окна и медленно пошелъ вдоль бе-
рега ручья по тропинкѣ гдѣ тѣни перемежались со свѣтомъ
звѣздъ; луна теперь лыма медленно поднимаясь надъ ивой
и растагивая свой слѣдъ по волнамъ.

Г Л А В А Ш.

Хотя Кенелмъ не считалъ необходимымъ въ настоящее вре-
мя извѣщать своихъ родителей или лондонскихъ знакомыхъ
о своихъ послѣднихъ передвиженіяхъ и настоящемъ мѣстѣ

прѣбыванія, но ему также никогда не входило въ голову сидѣть въ засадѣ въ непосредственномъ сосѣдствѣ дома Лили или искать случая видѣться тайно съ нею. На слѣдующее утро онъ пошелъ къ мистрисъ Брефильдъ, засталъ ее дома и сказалъ живѣе обыкновеннаго:

— Я нанялъ квартиру въ вашемъ сосѣдствѣ, на берегу ручья, чтобы ловить въ немъ форелей. Вы позволите заходить къ вамъ по временамъ, и въ одинъ изъ этихъ дней надѣюсь угостить меня обѣдомъ, отъ котораго я такъ безцеремонно отказался нѣсколько дней тому назадъ. Я тогда былъ внезапно отвлеченъ совершенно противъ воли.

— Да; мужъ говорилъ мнѣ что вы убѣждали отъ него съ возгласомъ о долгѣ.

— Совершенно вѣрно; умъ мой, и могу сказать совѣсть, были въ большомъ затрудненіи относительно предмета крайне важнаго и совершенно новаго для меня. Я пошелъ въ Оксфордъ, мѣсто гдѣ глубже чѣмъ во всякомъ другомъ отвѣсится къ вопросамъ разума и совѣсти, и гдѣ можетъ-статься ихъ наименѣе удовлетворительно разрѣшаютъ. Успокоивъ свой умъ посвѣщеніемъ знаменитости украшающей этотъ университетъ, я почувствовалъ что могу воспользоваться этою свободою; такимъ образомъ я попалъ сюда.

— А, понимаю. У васъ были религиозныя сомнѣнія, можетъ-быть вы хотѣли обратиться въ римскій католицизмъ. Надѣюсь вы не собираетесь сдѣлать этого?

— Мои сомнѣнія не были непременно религиознаго свойства. Ихъ раздѣляли и язычники.

— Каковы бы они ни были, я рада что они не лишили васъ удовольствія видѣть васъ, сказала мистрисъ Брефильдъ любовно.— Но гдѣ вы нашли квартиру, почему не пожаловали къ намъ? Мужъ не меньше меня былъ бы радъ принять васъ.

— Вы говорите это съ такою добротою, такъ искренно что отвѣчать краткимъ „благодарю васъ“, было бы грубо, и безсердечно. Но въ жизни бываютъ времена когда хочется остаться одному, бесѣдовать со своимъ сердцемъ и, если возможно, молчать; я нахожусь въ одномъ изъ этихъ печальныхъ періодовъ. Будьте ко мнѣ свѣсходительны.

Мистрисъ Брефильдъ посмотрѣла на него съ нѣжнымъ, добрымъ вниманіемъ. Она прошла чрезъ открытое бремя юношескихъ увлеченій. Она вспомнила свое мечтательное, лодное.

опасностей, дѣвическое время когда она также желала оставаться одна.

— Быть къ вамъ снисходительной, конечно. Я бы желала, мистеръ Чуллингау, быть вашею сестрой и чтобы вы доверились мнѣ. Что-нибудь тяготитъ васъ?

— Тяготитъ — нѣтъ. Мысли мои счастливыя мысли, онѣ по временамъ затрудняютъ, но не тяготятъ меня.

Кенелмъ сказалъ это очень кротко, и въ теплоемъ блескѣ его задумчивыхъ глазъ, въ выраженіи его спокойной улыбки не было ничего что бы опровергало его слова.

— Вы не сказали мнѣ гдѣ наша квартира, сказала неожиданно мистрисъ Брефильдъ.

— Неужели! возразилъ Кенелмъ безсознательно вздрогнувъ, какъ бы очнувшись отъ мечтаній. — Я думаю что у человека замѣчательнаго, потому что когда я спросилъ его сегодня утромъ объ адресѣ его коттеджа, чтобы отправить туда кое-какой багажъ, онъ подарилъ мнѣ свою карточку сказавъ нѣсколько свысока: „Меня достаточно знаютъ въ Мольсвикѣ и въ окрестностяхъ“. Я еще не взглянулъ на карточку. Вотъ она: *Алджермонъ Сидней Гель Джонсъ, Кромвель-Лоджесъ*, вы увидите. Что вы о немъ знаете?

— Я бы желала чтобы мой мужъ былъ здѣсь; онъ бы больше разказывалъ вамъ о немъ. Мистеръ Джонсъ, это характеръ.

— И мнѣ также кажется.

— Великій радикалъ, большой говорунъ и спорщикъ въ приходскомъ попечительствѣ; но нашъ викарій, мистеръ Эмлинъ, говоритъ что на самомъ дѣлѣ онъ безвреденъ, что онъ больше лаетъ чѣмъ кусается, и что въ его республиканскихъ или радикальныхъ мнѣніяхъ виноваты его крестные отцы. Въ причуду къ имени Джонса онъ былъ по несчастію окрещенъ Гельмъ; Гель Джонсъ былъ извѣстный радикальный ораторъ въ то время когда онъ родился. И я думаю что Алджермонъ Сидней было прибавлено къ Гелю для того чтобы еще больше послѣдствіи новорожденнаго въ революціонные принципы.

— Понятно теперь что Алджермонъ Сидней Гель Джонсъ окрестилъ свой домъ Кромвель-Лоджемъ, хотя Алджермонъ Сидней былъ особенный ненавистникъ Протектората *, и

* Алджермонъ Сидней былъ сынъ Роберта втораго графа Лейстера (род. въ 1621, каменъ въ 1683). Въ началѣ междуособной

хотя Гель Джонсъ, если онъ честный радикалъ, долженъ былъ бы разделять это чувство, вѣдая какъ распиралася его высочество протекторъ съ адвокатами парламентской реформы. Впрочемъ нужно быть свисходительнымъ къ людямъ которые были по несчастію окрещены прежде чѣмъ могли выбрать има долженствовавшее управлять ихъ судьбою. Я самъ не былъ бы такимъ чудачкомъ еслибы не былъ названъ имевенъ Кенелма, моего предка, который вѣрилъ въ симпатическіе порошки. Помимо его политическихъ убѣжденій мнѣ нравится мой хозяинъ: онъ отлочно держитъ свою жену. Она кажется пугается звука собственныхъ шаговъ, и опирается по сторонамъ; блѣдный образъ женской покорности въ туфляхъ изъ покровокъ.

— Конечно это хорошая рекомендація. И мѣстоположеніе Кромвель-Лоджа прекрасное. Кстати, это очень близко отъ дома мистрисъ Камеронъ.

— Теперь я всломиваю, въ самомъ дѣлѣ такъ, сказалъ Кенемъ съ видомъ невинности.

О, другъ мой Кенемъ, врагъ притворствъ и правдивецъ *par excellence*, до чего ты дошелъ! Какъ падаетъ величіе!

— Вы сказали что будете обѣдать у насъ; что если мы условимся на послѣзавтра, и я приглашу мистрисъ Камеронъ и Лили?

— Послѣзавтра—я буду очень радъ.

— И ранній часъ?

— Чѣмъ раньше тѣмъ лучше.

— Въ шесть часовъ не сашкомъ рано будетъ?

— Сашкомъ рано? разумѣется нѣтъ, напротивъ. Прощай—

войны отъ отлучался въ раду протавииковъ Карла I; былъ полковникомъ парламентской арміи и выставлялъ себя республиканцемъ. Онъ былъ назначенъ въ число судей надъ королемъ, но не присутствовалъ при произнесеніи приговора и не подписалъ его. Когда Кромвель принялъ титулъ Протектора, Сидней замкнулся въ частную жизнь. Во время реставраціи онъ уѣхалъ за границу, но въ 1667 году возвратился въ Англію, получивъ прощеніе подъ условіемъ что будетъ вѣрнымъ подданнымъ. Въ 1683 онъ былъ обвиненъ въ участіи въ заговорѣ и беззаконно осужденъ на смерть. Онъ писалъ статьи о правительствѣ въ которыхъ доказывалъ что источникъ всакой власти и право на нее принадлежить народу. О характерѣ его вѣдомъ что онъ былъ замѣчательно смѣлъ, стоекъ до управствъ, искренъ, но грубыи и буйный и не могъ смышать притворствій.

те, мнѣ нужно зайти къ мистрисъ Сомерсъ; у нея осталася мой чемоданъ.

Кенелмъ всталъ.

— Бѣдная Лили! сказала мистрисъ Брефильдъ;—а бы желала чтобъ она не была такимъ ребенкомъ.

Кенелмъ опять сѣлъ.

— Развѣ она ребенокъ? Я не думаю чтобъ она была въ самомъ дѣлѣ ребенокъ.

— Не по лѣтамъ; ей семнадцать или восемнадцать лѣтъ; но мужъ говоритъ что разговоры ея слишкомъ дѣтскіе, и всегда проситъ меня избавить его отъ нея; онъ охотнѣе разговариваетъ съ мистрисъ Камеронъ.

— Въ самомъ дѣлѣ!

— Но я нахожу въ ней кое-что.

— Въ самомъ дѣлѣ!

— Не совершенно дѣтское и не вполнѣ женское.

— Чтò же такое?

— Я не могу опредѣлить въ точности. Но знаете ли какимъ ласкательнымъ именемъ мистеръ Мельвилъ и мистрисъ Камеронъ зовутъ ее?

— Нѣтъ.

— Фей! а феи не имѣютъ возраста; феи не дѣти и не женщины.

— Фей. Ее называютъ феей тѣ кто знаютъ ее лучше другихъ. Фей!

— И она вѣритъ въ существованіе фей.

— Въ самомъ дѣлѣ? И я также вѣрю. Простите, мнѣ нужно идти. Такъ послѣзавтра въ шесть часовъ.

— Подождите минутку, сказала Эльзи подходя къ письменному столу.—Такъ какъ вы пойдете чрезъ Грасмиръ по дорогѣ домой, то не будете ли такъ добры занести эту записку?

— Я думалъ что Грасмиръ озеро на сѣверѣ.

— Да; но мистеръ Мельвилъ называлъ коттеджъ по имени озера. Кажется первая картина какую онъ продалъ было изображеніе дома Вордворта на берегу этого озера. Вотъ письмо въ которомъ я приглашаю мистрисъ Камеронъ обѣдать вмѣстѣ съ вами; но если вы откажетесь исполнить мое порученіе....

— Откажусь! Любезнѣйшая мистрисъ Брефильдъ, вѣдь вы сказали что мой путь лежитъ какъ разъ мимо коттеджа.

ГЛАВА IV.

Кенелмъ пошелъ нѣсколько слѣшными шагами отъ ма-
стрисъ Брефиальдъ въ лавку Уылла Сомерса въ Хай-Стригъ.
Джесси стояла за конторкой окруженной толпой покупателей.
Кенелмъ далъ ей адресъ куда отправить его чемоданъ и за-
тѣмъ прошелъ въ заднюю комнату гдѣ ея мужъ занимался
дѣланіемъ корзины; въ углу стояла люлька младенца, которую
механически качала бабушка читая въ то же время удиви-
тельный миссіонерскій трактатъ полный разказовъ о чудес-
ныхъ обращеніяхъ въ христіанство; каково было это христі-
анство мы не станемъ изслѣдовать.

— Итакъ вы счастливы, Уылла? сказалъ Кенелмъ садясь
между корзищикомъ и младенцемъ; старушка мать воз-
лѣ него читающая трактатъ который связывалъ ея мечты
о вѣчной жизни съ жизнью только-что начинавшеюся въ
люлькѣ что она качала. Онъ ли не счастливъ! Какъ онъ жа-
лѣлъ человека кто могъ предложить подобный вопросъ.

— Счастливъ, сэръ! Я думаю что такъ. Не проходитъ ве-
чера чтобы Джесси и я, и матушка тоже, не молились что-
бы рано или поздно и вы были такъ же счастливы. Со
временемъ и малютка научится молиться: „Господа помилуй
папу и маму, бабушку и мистера Чилаингли“.

— Есть еще одинъ кто больше заслуживаетъ вашихъ мо-
литвъ, хотя менѣе въ нихъ нуждается. Вы узнаете со
временемъ—теперь нечего объ этомъ. Возвратимся къ на-
шему предмету; вы счастливы, и если я спрошу почему, вы
отвѣтите ли вы: „Потому что я женился на дѣвушкѣ кото-
рую люблю и никогда въ этомъ не раскаивался“?

— Да, сэръ, именно потому; хотя, простите, я думаю что
то же можно бы сказать какъ-нибудь иначе и гораздо
лучше.

— Вы правы. Можетъ-быть любовь и счастье никогда
еще не находили словъ чтобы достойно выразить ихъ. Про-
щайте пока.

О, еслибъ это было такъ какъ неразумно говорятъ ма-
териалисты или люди среднихъ лѣтъ и пожилые, которые
бываютъ материалистами сами того не замѣчая, что „главнѣй-
шій элементъ счастья есть тѣлесное или животное здоровье

и крѣпость“, то вопросъ предложенный Кекеамомъ показался бы совершенно бессмысленнымъ или оскорбительнымъ будучи обращенъ къ бывшему калѣкъ, кому, хотя онъ и поправился здоровьемъ въ послѣднее время, всю жизнь суждено было оставаться хворымъ и хилымъ, да еще предложенный человѣкомъ съ рѣдкимъ развитіемъ физическихъ силъ какое только природа можетъ дать для физическаго благосостоянія, человѣкомъ который съ того возраста когда начинается память никогда не знавалъ что значитъ быть больнымъ, который едва ли могъ ловить васъ еслибы вы стали говорить ему о боли въ пальцѣ, и котораго утонченность умственнаго развитія, умножающая наслажденія чувствъ, надѣлала вышнюю способностью понимать то счастье какое можетъ дать природа и ея инстинкты! Но Уыалъ не считалъ его вопроса бессмысленнымъ или оскорбительнымъ. Онъ, бѣдный калѣкъ, чувствовалъ огромное превосходство свое на лѣстницѣ счастья предъ молодымъ Геркулесомъ хорошаго происхожденія, образованнымъ и здоровымъ, который такъ мало зналъ о счастьи что могъ спрашивать хвораго корзинщика счастливъ ли онъ, онъ, счастливѣйшій мужъ и отецъ!

Г Л А В А V.

Лили сидѣла на травѣ подъ каштановымъ деревомъ. Бѣлая кошка, еще недавно переставшая быть котенкомъ, лежала свернувшись около нея. На колѣняхъ у нея была книга, которую она читала съ величайшимъ наслажденіемъ.

Мистрисъ Камеронъ вышла изъ дому, осмотрѣлась кругомъ и засѣвъ дѣвушку подошла къ ней. Или она шла такъ тихо, или же Лили была такъ поглощена чтеніемъ что не замѣтила ея присутствія пока не почувала легкаго прикосновенія руки къ своему плечу, и тогда поднявъ глаза увидѣла такое лицо своей теткы.

— Ахъ, Фей, Фей, олять эта глупая книга когда тебѣ сѣдетъ учить французскіе глаголы. Что окажется твой покровитель когда придетъ и увидитъ что ты потеряла такъ много времени даромъ?

— Онъ скажетъ что феи никогда не теряютъ времени даромъ, и пожуритъ васъ за то что вы такъ говорите.

При этихъ словахъ Лили отбросила книгу, вскочила на ноги, обняла мистрисъ Камеронъ и горячо поцѣловала ее.

— Смотрите! развѣ это значить терять время? Я васъ люблю, тетя. Въ такой день какъ сегодня мнѣ кажется что я люблю всѣхъ и все.

Говоря это она выпрямила свою маленькую фигурку, взглянула на голубое небо, и казалось что ея открытыя губы впускали воздухъ и солнечный свѣтъ. Потомъ она подошла къ своей дремающей кошкѣ и стала гонять ее по лужайкѣ.

Мистрисъ Камеронъ стояла неподвижно смотря на нее увлажненными глазами. Въ эту самую минуту Кенелмъ вошелъ чрезъ садовую калитку. Онъ также остановился неподвижно устремивъ глаза на волнистыя движенія красивой феи. Она поймала свою любимицу и теперь играла съ нею помахивая своею соломенною шляпою и трепля привязанныя къ ней ленты по мягкой травѣ. Ея роскошныя волосы, распутившіеся отъ движенія, ладали на лицо волнистыми прядями веселый смѣхъ ея и ласковыя слова звучали для Кенелмова уха радостнѣе трели жаворонка, слаще воркованья сизою голубки.

Онъ подошелъ къ мистрисъ Камеронъ. Лили вдругъ обернулась и увидала его. Инстинктивно она поправила свое смявшееся платье, надѣла соломенную шляпу и степенно подошла къ нему когда онъ приблизился къ ея теткѣ.

— Простите мое вторженіе, мистрисъ Камеронъ. Я долженъ передать вамъ это письмо отъ мистрисъ Брефильдъ.

Пока тетка читала письмо онъ обратился къ пламялицѣ.

— Вы обѣщали показать мнѣ картину, миссъ Мордайтъ.

— Но это было давно.

— Слишкомъ давно для женскаго обѣщанія?

Лили казалось взвѣсила этотъ вопросъ и помедлила прежде чѣмъ отвѣтила.

— Я покажу вамъ картину. Мнѣ кажется что до сихъ поръ я никогда еще не нарушала своего обѣщанія, но впередъ я буду осторожнѣе давать ихъ.

— Почему такъ?

— Потому что когда я обѣщала вамъ вы еще этого не заслужили, и это огорчило меня.

Лили подняла голову съ очаровательною величавостью и прибавила съ важностью:

— Я была оскорблена.

— Мистрисъ Брефильдъ очень добра, сказала мистрисъ Камеронъ,—она зоветъ насъ обѣдать послѣзавтра. Хочешь ты пойти, Лили?

— Я думаю тамъ будутъ все взрослые? Нѣтъ, благодарю васъ, милая тетя. Стулайте одна, а лучше останусь дома. Я могу позвать маленькую Клемми поиграть со мной. Она принесетъ своего Джюба, а Бланка очень дружна съ Джюбой, хоть и царапаетъ его.

— Хорошо, другъ мой, къ тебѣ придетъ твоя подруга, а я пойду одна.

Кеелемъ стоялъ пораженный ужасомъ.

— Вы не пойдете, миссъ Мордавтъ? Мистрисъ Брефильдъ будетъ очень жалѣть. И если не будетъ васъ, съ кѣмъ я тогда буду говорить? Я также какъ и вы не люблю взрослыхъ.

— Вы будете тамъ?

— Разумѣется.

— А если я пойду, вы будете разговаривать со мной? Я боюсь мистера Брефильда. Онъ такъ уменъ.

— Я спасу васъ отъ него и не скажу ни одного умнаго слова.

— Тетя, а пойду.

При этомъ Лили одѣлаа прыжокъ и поймала Бланку, которая покорно принимая ея поцѣлуи смотрѣла съ очевиднымъ любопытствомъ на Кеелема.

Въ это время колокольчикъ въ домѣ прозвонилъ къ завтраку. Мистрисъ Камеронъ пригласила Кеелема позавтракать съ ними. Онъ чувствовалъ себя такъ же какъ долженъ былъ чувствовать Ромулъ впервые приглашенный отвѣдать амброзіи боговъ. Разумѣется завтракъ былъ не таковъ какой могъ нравиться Кеелему въ его раннюю пору въ гостиницѣ Трезвости. Но такъ или иначе въ послѣднее время онъ потерялъ аппетитъ; и въ настоящемъ случаѣ очень скромная часть скуднаго блюда фрикасе изъ цыпленка и нѣсколько вишенъ красиво уложенныхъ на виноградныхъ листьяхъ, которыя Лили для него выбрала, удовлетворили его, какъ вѣроятно очень немногую амброзію удовлетворило Ромула когда глаза его были устремлены на Гебу.

По окончаніи завтрака, пока мистрисъ Камеронъ писала отвѣтъ Эльзи, Лили провела Кеелема въ свою собственную комнату, говоря на обыкновенномъ языкѣ, въ своей *boudoir*,

хотя онъ имѣлъ такой видъ что нельзя было подумать чтобы въ немъ было мѣсто для *bouderie*. Онъ былъ чрезвычайно милъ, милъ какъ мечты, не женщины, а ребенка о собственной, собственной комнатѣ какую бы онъ хотѣлъ имѣть; удивительно изященъ, прохладенъ и чистъ; съ кафѣчатыми обоями въ которыхъ кафѣточки пестрѣли розами и жимолостью, птицами и бабочками; занавѣски изъ кисеи съ красивыми кусточками и лентами; маленькій шкалчикъ съ книгами, казалось хорошо подобранными, по крайней мѣрѣ судя по переплетамъ; красивый письменный столъ французской *marqueterie*, который судя по его свѣжему и чистому виду не зналъ тяжелой службы. Окна были отворены и гармонировали съ обоями; розы и жимолость что росли за окномъ, тихонько качаясь отъ легкаго лѣтняго вѣтерка, наполняли ароматомъ маленькую комнату. Кенелмъ подошелъ къ окну и взглянулъ на открывавшійся видъ. „Я былъ правъ“, сказалъ онъ самъ себѣ; „я угадалъ.“ Хотя онъ говорилъ про себя тихимъ шепотомъ, Лили, слѣдившая съ изумленіемъ за его движеніями, подслушала.

— Вы угадали. Угадали что?

— Ничего, ничего; я такъ самъ съ собой говорилъ.

— Скажите мнѣ что вы угадали, я требую! И фея капризно топнула своею маленькою ножкой по полу.

— Вы требуете. Въ такомъ случаѣ я повишусь. Я навалъ на короткое время квартиру по ту сторону ручья, въ Бромвель-Лоджъ и проходя мимо я угадалъ что ваша комната въ этой части дома. Какой славный здѣсь видъ на воду! А вонъ тамъ дача Исаака Уалтона.

— Не говорите объ Исаакѣ Уалтонѣ или я поссорюсь съ вами, какъ ссорилась со Львомъ когда онъ хотѣлъ чтобы я полюбила эту жестокую книгу.

— Кто такое Левъ?

— Левъ—разумѣется мой покровитель. Я прозвала его Львомъ бывши маленькимъ ребенкомъ. Это было когда я увидѣла въ одной изъ его книгъ картинку гдѣ левъ играетъ съ маленькимъ ребенкомъ.

— А! Я хорошо знаю этотъ рисунокъ, сказалъ Кенелмъ съ легкимъ вздохомъ.—Это снимокъ съ одной древней греческой камеи. Это не левъ играетъ съ ребенкомъ, а ребенокъ укрощаетъ льва, и Греки называли ребенка Любовъ.

Эта мысль казалась превъшла дѣлать Лили. Она до-

молчала прежде чѣмъ отвѣтила съ наивностью шестилѣтняго ребенка:

— Теперь я вижу почему я могу укрощать Бланку, которая ни съ кѣмъ больше не дружна: я люблю Бланку. А, это напоминаетъ мнѣ... подойдите и посмотрите картину.

Она подошла къ стѣнѣ надъ письменнымъ столомъ, отдернула шелковую занавѣску съ небольшой картины въ изящной бархатной рамкѣ, и указывая на нее воскликнула съ торжествомъ:

— Смотрите! Развѣ это не превосходно?

Кееламъ готовился увидать ландшафтъ или группу или что бы то ни было только не то что увидѣлъ: это былъ портретъ Бланки когда она была котенкомъ.

Какъ ни мало возвышенъ былъ предметъ, въ изображеніи была мысль и изящество. Котенокъ очевидно пересталъ играть съ катушкой нитокъ что лежала между его лапами и устремилъ глаза на свигиря сѣвшаго на вѣтку гдѣ онъ могъ достать его.

— Понимаете, сказала Лили взявъ его за руку и подведя къ тому мѣсту откуда по ея мнѣнію картина была видна при наилучшемъ освѣщеніи.—Это первый взглядъ Бланки на птицу. Всмотритесь хорошенько въ ея лицо; не видите ли вы внезапное изумленіе, отчасти радость, отчасти страхъ? Она перестаетъ играть съ катушкой. Ея разумъ, или какъ сказалъ бы мистеръ Брефильдъ, „ея инстинктъ“ впервые проснулся. Съ этой минуты Бланка перестала ужь быть котенкомъ. И нужно было самое старательное воспитаніе, о какое старательное! чтобы научить ее не умерщвлять бѣдныхъ птичекъ. Теперь она не дѣлаетъ этого, но мнѣ было столько хлопотъ съ ней.

— Не могу сказать по совѣсти что вижу все что вы видите въ картинѣ; но мнѣ кажется она нарисована очень просто, и была безъ сомнѣнія поразительно похожа на Бланку въ раннемъ возрастѣ.

— Такъ и было. Это былъ первый въ жизни рисунокъ что Левъ сдѣлалъ сначала карандашомъ; а когда онъ увидѣлъ какъ это мнѣ нравилось, онъ былъ такъ добръ нарисовалъ его на полотнѣ и позволилъ мнѣ сидѣть около него пока онъ рисовалъ. Потомъ онъ взялъ его съ собой и принесъ назадъ отдѣланный и въ рамкѣ, какъ вы теперь видите, въ минушемъ маѣ мѣсяцѣ, какъ подарокъ въ день моего рожденія.

— Вы родились въ маѣ, вмѣстѣ съ цвѣтами.

— Лучшіе изъ всѣхъ цвѣтовъ появляются прежде мая — фіалки.

— Но онѣ родятся въ тѣни и любятъ тѣнь. Безъ сомнѣнія, какъ дитя мая, вы любите солнце.

— Я люблю солнце, оно никогда не слишкомъ ярко и не слишкомъ жарко для меня. Но хотя я родилась въ май, я не думаю чтобъ я родилась на солнечномъ свѣтѣ. Мнѣ кажется что моему, природному Я привольнѣе когда я укроюсь въ тѣни и сижу одна. Тогда я могу плакать.

Когда она застѣнчиво договорила это, выраженіе лица ея совершенно измѣнилось: дѣтская веселость исчезла; важное, задумчивое, даже грустное выраженіе появилось въ ея нѣжныхъ глазахъ и дрожащихъ губахъ.

Кенелмъ былъ такъ тронутъ что не могъ выговорить ни слова, и оба они молчали нѣсколько минутъ. Наконецъ онъ сказалъ медленно:

— Вы говорите ваше природное Я. Значитъ вы чувствуете, какъ и я часто чувствую, что есть еще другое, можетъ-быть *прирожденное Я*, глубоко сокрытое не только позади того Я что мы показываемъ другимъ (это иногда бываетъ только маской), но и того Я которое мы обыкновенно привираемъ, даже наединѣ, за наше собственное Я; внутреннее, самое внутреннее Я; о, какъ оно отличается отъ другаго и какъ рѣдко выходитъ изъ своего сокровеннаго убѣжища, заявляя свое господствующее право и затмѣвая другое Я какъ солнце затмѣваетъ звѣзды!

Заговори такъ Кенелмъ съ умнымъ свѣтскимъ человѣкомъ, въ родѣ Чиллингви Мивера или Чиллингви Гордона, они навѣрно бы его не ловили. Но съ такими людьми онъ никогда бы и не заговорилъ такимъ образомъ. Онъ смутно надѣялся что эта дѣвушка-дитя, несмотря на свои дѣтскія рѣчи, пойметъ его. И она поняла сразу.

Подойдя близко къ нему, опять кладя свою руку на его и смотря вверхъ на его склоненное лицо широко открытыми изумленными глазами, не печально уже, не и не весело:

— Какъ вѣрно! Вы также чувствовали это? Гдѣ это самое внутреннее Я—оно такъ глубоко, глубоко, а когда оно выйдетъ, то поднимется выше, неизмѣримо выше нашего всеннаго Я,—гдѣ оно? Оно не ловитъ бабочекъ, оно рвется къ звѣздамъ. И потомъ, потомъ, какъ часто опять оно упадетъ внизъ! Вы это чувствовали? Это не смущаетъ васъ?

— Очень.

— Нѣтъ ли умныхъ книгъ объ этомъ предметѣ которыя могли бы объяснить его?

— Ни одна умная книга изъ того ограниченного запаса что я прочелъ даже не намекаетъ на это затрудненіе. Я думаю что это одинъ изъ тѣхъ неразрѣшимыхъ вопросовъ которые остаются между человѣкомъ и его Творцомъ. Умъ и душа не одно и то же, и тѣ кого мы съ вами называемъ умными людьми всегда смѣшиваютъ то и другое....

Къ счастью для всѣхъ, въ особенности для читателя—ибо Кенелмъ вскопчилъ уже на своего любимого конька: различіе между психологіей и метафизикой, душою и умомъ, мистрисъ Камеронъ вошла въ это время въ комнату и спросила его какъ ему нравятся картина.

— Очень. Я не большой судья въ искусствѣ. Но она сразу понравилась мнѣ, и теперь когда миссъ Мордавтъ объяснила мнѣ мысль живописца, я восхищаюсь еще больше.

— Лиля объясняетъ его мысль по-своему и увѣрляетъ что въ выраженіи Бланки виденъ намекъ на то что она можетъ отстать отъ своихъ разрушительныхъ инстинктовъ и повалять что не хорошо умерщвлять птицъ изъ одной охоты. Для добыванія пищи ей не нужно гоняться за птицами, потому что Лиля заботится чтобъ она была всегда сыта. Но я думаю что Мельвилъ самъ ни мало не подозрѣвалъ что указалъ на эту способность въ картинѣ.

— Онъ долженъ былъ сдѣлать это, подозрѣвалъ онъ или нѣтъ, сказала Лиля положительно; — иначе онъ не былъ бы правдивымъ.

— Почему не былъ бы правдивымъ? спросилъ Кенелмъ.

— Развѣ вы не видите? Еслибъ вамъ пришлось правдиво описать характеръ ребенка, развѣ вы упомянули бы только о дурныхъ порывахъ къ какимъ склонны всѣ дѣти и не намекали бы даже на возможность для него сдѣлаться лучше?

— Прекрасно сказано! проговорилъ Кенелмъ. — Несомнѣнно что еще болѣе дикія животныя чѣмъ кошка — тигръ наприжръ или торжествующій герой — могутъ приучиться жить въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ тѣми кого ихъ природный инстинктъ побуждаетъ терзать.

— Такъ, такъ; послушайте-ка, тетя! Помните „счастлирое семейство“ что мы видѣли, восемь лѣтъ тому назадъ, въ Моальвикѣ на ярмаркѣ: конка вдвое хуже Бланки позволяла

мышь кусать себя за ухо? Значить Левъ былъ бы не справедливъ къ Бланкъ еслибъ онъ....

Лили остановилась и взглянула отчасти застѣнчиво, отчасти лукаво на Кевелма, и потомъ прибавила медленно и повизывъ голосъ:

— Не намекнулъ на ея внутреннее Я.

— Внутреннее Я! повторила мастрисъ Комеронъ въ недоумѣннн и слегка разсмѣявшись.

Лили подвинулась ближе къ Кевелму и прошептала:

— Вѣдь самое внутреннее Я есть самое лучшее Я?

Кевелмъ улыбулся одобрительно. Чары Феи быстро усиливались надъ нимъ. Еслибы Лили была его сестрою, его невѣстой, женою, какъ горячо бы онъ поцѣловалъ ее! Она выразила мысль надъ которою онъ часто и глубоко задумывался про себя, и облекала ее всѣмъ очарованiемъ своего ребяческаго ума и женской нѣжности. Гёте сказалъ гдѣ-то, или же ему только приписываютъ это, что „въ сердцѣ каждаго человѣка есть нѣчто такое что еслибы вы знали вы бы стали ненавидѣть его“. Но то что говорилъ Гёте, тѣмъ болѣе то что ему приписываютъ никогда нельзя понимать буквально. Ни одинъ обширный гений—гений поэтъ и мыслитель въ то же время — не можетъ быть понимаемъ такимъ образомъ. Солнце свѣтитъ на сорную кучу. Но оно не имѣетъ пристрастiя къ сорной кучѣ. Оно только освѣщаетъ ее также какъ освѣщаетъ и розу. Но Кевелмъ всегда смотрѣлъ на этотъ слабый лучъ такого громаднаго свѣтила какъ Гёте съ презрѣнiемъ самымъ нефилософскимъ для философа слишкомъ молодого чтобы не считать священнымъ каждое слово такого великаго мастера. Кевелмъ полагалъ что корень всякой частной благожелательности, всякаго просвѣщеннаго движенiя въ общественныхъ реформахъ лежитъ въ теоремѣ противоположной, т.е. что въ природѣ каждаго человѣка есть нѣчто такое что, если добратся до него, очистить, отлопировать и сдѣлать ясно видимымъ для глазъ, заставило бы насъ полюбить этого человѣка. И встрѣтивъ самородное невыработанное сочувствiе къ результатамъ долгой и упорной борьбы его собственнаго разумѣнiя противъ ученiя нѣмецкаго гу гавта онъ почувствовалъ что намель, правда болѣе молодую, но настолько болѣе локорную, по причинѣ своей молодости—сестру своей мужской души.

Мысль о ея симпатіи къ его собственному странному внутреннему Я, что человекъ только однажды въ жизни почувствуетъ къ дочери Евы, такъ сильно охватила его что онъ не рѣшался заговорить. Онъ нѣсколько ускорилъ свой уходъ.

Пройдя позади сада къ мосту что велъ къ его квартирѣ, онъ нашелъ на противоположномъ берегу, у другаго конца моста, мистера Альджернова Сиднея Гела Джовна мирно удившаго рыбу.

— Не хотите ли ознакомиться сегодня съ ручьемъ, сэръ? Возьмите мою удочку.

Кенсамъ вспомнилъ что Лили назвала книгу Исаака Уалтона „жестокою“, и слегка покачавъ головой пошелъ домой. Тамъ онъ сѣлъ молча у окна и смотрѣлъ на зеленую лужайку и густую иву и бѣлую стѣну оквизившую въ деревьяхъ, какъ смотрѣлъ наканунѣ.

— А, прошепталъ онъ наконецъ, — если, какъ я всегда думаю, человекъ лишь изрядно хорошій дѣлаетъ безосознательное добро самымъ процессомъ своей жизни, если онъ не можетъ пройти отъ колыбели до могилы не обронивъ на своемъ пути сѣмевъ силы, плодородія и красоты, какъ беззаботный вихрь или перелетная птица оставляютъ позади себя дубъ и хлѣбный колосъ или цвѣтокъ, о! если это такъ, то какъ должно удесяттериться это добро если человекъ найдетъ болѣе кроткаго и чистаго двойника своего существа въ томъ таинственномъ, необъяснимомъ единеніи что и Шекспиръ и простой полевникъ согласно называютъ любовью; чего никогда не признавалъ Ньютонъ и что Декартъ (единственный соперникъ его въ царствѣ мысли строгой и въ то же время изобилующей воображеніемъ) ограничивалъ связью съ равными воспоминаніями, объясняя что онъ любитъ косякъ женщинъ потому что когда онъ былъ мальчикомъ, одна дѣвочка съ этимъ недостаткомъ косила на него глаза по другую сторону забора въ саду его отца! Ахъ, чѣмъ бы ни было это единеніе между мужчиной и женщиной, если это дѣйствительная любовь, дѣйствительная связь соединяющая внутреннѣйшія и лучшія Я обоихъ, то мы ежедневно, ежечасно и в ежеминутно должны благословлять Творца что онъ сдѣлалъ столь легкою возможность быть счастливымъ и добрымъ!

Г Л А В А VI.

Общество за обѣдомъ у мистера Брефильда было не такъ малочисленно какъ предполагалъ Кенелмъ. Услыхавъ отъ жены что Кенелмъ будетъ обѣдать у нихъ, коммерсантъ подумалъ что будетъ любезно относительно Кенелма если онъ пригласитъ еще другихъ гостей.

— Видишь ли, другъ мой, сказалъ онъ Эльзи, — мистрисъ Камеронъ очень хорошая и простая женщина, но не особенно занимательная; а Лили, хоть и хорошенькая дѣвушка, но въ ней чрезвычайно много ребяческаго. Мы многимъ обязаны, душа моя Эльзи, этому мистеру Чиллинггау—это было сказано съ глубокимъ чувствомъ въ голосъ и во взглядъ—и должны сдѣлать для него обѣдъ какъ можно пріятнѣе. Я привезу съ собою моего друга сэръ-Томаса, а ты пригласи мистера Эмлина съ женой. Сэръ-Томасъ очень умный человекъ, а Эмлинъ очень ученый. Такъ что мистеру Чиллинггау будетъ съ кѣмъ поговорить. Кстати какъ лоѣду въ городъ я пришаю отъ Гровза ногу дичины.

Такимъ образомъ Кенелмъ, придя незадолго до шести часовъ, нашелъ въ гостиной прелодобнаго Чарлза Эмлина, викарія Мольсвикскаго прихода, съ супругой, и толстаго человека среднихъ лѣтъ кому онъ былъ представленъ какъ сэръ-Томасу Пратту. Сэръ-Томасъ Праттъ былъ известный банкиръ въ Сити. Когда церемонія представленія кончилась, Кенелмъ тихонько подошелъ къ Эльзи.

— Я думалъ что встрѣчу мистрисъ Камеронъ. Я не вижу ея.

— Она сейчасъ будетъ. Мнѣ показалось что собирается дождь и я послала за ней и за Лили экипажъ. А, вотъ и онъ!

Вошла мистрисъ Камеронъ, въ черномъ шелковомъ платьѣ. Она всегда носила черное. За нею шла Лили въ платьѣ непорочнаго цвѣта, приличномъ ея имени; безо всякихъ украшеній, кромѣ тонкой золотой цѣпочки на которой висѣлъ простой золотой медальонъ, и розы въ волосахъ. Она была замѣчательно прелестная, и къ этой прелести присоединялась какой-то отпечатокъ величія, происходившій можетъ-быть отъ изящества формъ; можетъ-быть отъ граціозной осанки не лишней въ которой гордости.

Мистеръ Брефильдъ, человекъ очень аккуратный, сдѣлалъ

знакъ слугѣ, и минуты черезъ двѣ тотъ доложилъ что обѣдъ поданъ. Сэръ-Томасъ повелъ къ столу разумѣется хозяйку; мистеръ Брефильдъ жену викарія (она была дочь декана); Кенелмъ—мистрисъ Камеронъ, а викарій—Лили.

За столомъ Кенелмъ сидѣлъ по лѣвую руку хозяйки, и его отдѣляли отъ Лили мистрисъ Камеронъ и мистеръ Эмлинь. Когда викарій прочелъ молитву, Лили взглянула позади его и своей теткѣ на Кенелма (онъ сидѣлъ то же), *faisant une moue*, какъ говорятъ Французы. Обѣщаніе данное ей было нарушено. Она сидѣла между двумя очень взрослыми людьми, викаріемъ и хозяиномъ дома. Кенелмъ отвѣчалъ такою же гримасой съ грустною улыбкой и невольною дрожью.

Сперва всѣ молчали. Но послѣ супа и первой рюмки хересу сэръ-Томасъ началъ:

— Кажется, мистеръ Чиллингвудъ, мы съ вами уже встрѣчались, хотя я не имѣлъ тогда чести съ вами познакомиться.— Сэръ-Томасъ помолчалъ, потомъ прибавилъ:— Не такъ давно на послѣднемъ балу въ Бокингамскомъ дворцѣ.

Кенелмъ утвердительно наклонилъ голову. Онъ былъ на этомъ балу.

— Вы разговаривали съ самою очаровательною женщиной, моимъ другомъ, леди Гленальвонъ. (Сэръ-Томасъ былъ банкиромъ Леди Гленальвонъ).

— Очень хорошо помню, сказалъ Кенелмъ.— Мы сидѣли въ картинной галлерей. Вы подошли и заговорили съ леди Гленальвонъ, и я уступилъ вамъ мое мѣсто.

— Совершенно справедливо; и вы кажется подошли къ молодой дѣвушкѣ, очень красивой, и богатой наследницѣ, миссъ Траверсъ.

Кенелмъ кивнулъ олять и отвернувшись какъ только могъ вѣжливѣе обратился къ мистрисъ Камеронъ. Сэръ-Томасъ, довольный тѣмъ что заявилъ слушателямъ фактъ своей дружбы съ леди Гленальвонъ и то что былъ на придворномъ балу, направилъ теперь свою разговорную способность къ викарію, который, потерпѣвъ неудачу въ своей попыткѣ вызвать на разговоръ Лили, встрѣтилъ обращеніе баронета съ жаромъ говоруна слюшкѣмъ долго молчавшаго. Кенелмъ никѣмъ не обезпокоиваемый продолжалъ укрѣплять свое знакомство съ мистрисъ Камеронъ. Она казалось не особенно внимательно слушала его вступительныя общія мѣста о погодѣ и при первомъ перерывѣ сказала:

— Сэръ-Томасъ упомянулъ о миссъ Траверсъ; не родая ли она джентльмену служившему прежде въ гвардіи, Леопольду Траверсу?

— Она дочь его. Вы знавали Леопольда Траверса?

— Я слышала его имя отъ моихъ друзей, давно, очень давно, отвѣчала мистрисъ Камеронъ съ выраженіемъ грусти въ голосъ и манерѣ; потомъ, какъ бы отгоняя мелькнувшее въ мысляхъ воспоминаніе, она перемѣнила предметъ разговора.

— Лили говорила мнѣ, мистеръ Чиллингъ, что вы оставились у мистера Джонса въ Кромвель-Лоджъ. Надѣюсь вы тамъ хорошо устроились.

— Очень. Мѣстоположеніе замѣчательно пріятное.

— Да, это мѣсто считается самымъ красивымъ на всемъ ручьѣ, и прежде было любимымъ мѣстомъ рыболововъ; но теперь, я думаю, форель рѣдко попадаетъ. Бѣдный мистеръ Джонсъ жалуется что его обычные постояльцы оставили его. Вы вѣроятно наняли у него квартиру чтобы ловить рыбу. Я думаю что ловля будетъ удачнѣе чѣмъ говорить.

— Это мало интересуеть меня; я не большой охотникъ до рыбной ловли, а съ тѣхъ поръ какъ миссъ Мордантъ назвала книгу которая впервые заставила меня испытать это удовольствіе „жестокою книгою“, форели сдѣлались для меня такими же священными какъ крокодилы для древнихъ Египтянъ.

— Лили въ этомъ отношеніи гуленькій ребенокъ. Она не можетъ переносить мысли причинить боль какой бы то ни было безсловесной твари. Какъ разъ предъ нашимъ садомъ есть нѣсколько форелей которыхъ она приручила. Онѣ ѣдятъ у нея изъ рукъ; она всегда боится чтобъ онѣ не ушли и не были пойманы.

— Но вѣдь мистеръ Мельвиль рыболовъ?

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ увѣрялъ будто ловить рыбу, но я скорѣе думаю что это былъ просто предлогъ чтобы лежать на травѣ и читать „жестокою книгу“, или же рисовать. Теперь же онъ рѣдко бываетъ здѣсь раньше осени, когда ставится ужъ холодно для такихъ удовольствій.

Въ это время голосъ сэръ-Томаса настолько возвысился что разговоръ между Кеелмомъ и мистрисъ Камеронъ долженъ былъ прекратиться. Разговоръ коснулся нѣкоторыхъ политическихъ вопросовъ въ которыхъ онъ не сходился съ викаріемъ, и споръ грозилъ сдѣлаться слишкомъ горячимъ.

тогда мистрисъ Брефильдъ, съ истинно женскимъ тактомъ, начала новый разговоръ тотчасъ же заинтересовавшій сэръ-Томаса, разговоръ касавшійся устройства теляницы для архидеевъ которую она думала пристроить къ своему дому; при этомъ часто обращались къ мистрисъ Камеронъ, почитавшейся очень искусною въ дѣлѣ разведенія цвѣтовъ и казалось когда-то близко знакомою съ дорогимъ семействомъ архидеевъ.

Когда дамы встали изъ-за стола, ближайшимъ сосѣдомъ Кенелма остался мистеръ Эмлинь, который изумилъ Кенелма приведа съ похвалою отрывокъ изъ его собственнаго латинскаго стихотворенія увѣчаннаго наградою въ университетѣ, выразилъ надежду что онъ нѣкоторое время останется въ Моальвикѣ, указавъ на главнѣйшія мѣста въ окрестностяхъ которыя стоило посвятить и предложилъ ему осмотрѣть его бібліотеку, довольно богатую лучшими изданіями греческихъ и латинскихъ классиковъ и старинныхъ англійскихъ авторовъ. Ученый викарій очень понравился Кенелму, въ особенности когда заговорилъ о мистрисъ Камеронъ и Лили. О первой онъ сказалъ:

— Она одна изъ тѣхъ женщинъ въ которыхъ Тишина до такой степени преобладаетъ что не скоро можно распознать какой лотокъ добрыхъ чувствъ скрывается подъ невозмутимую поверхность. Я бы желалъ однакожь чтобъ она была болѣе дѣятельна въ воспитаніи своей племянницы; я съ тревожнымъ интересомъ слѣжу за этою дѣвушкой, и сомнѣваюсь понимаю ли ее мистрисъ Камеронъ. Можетъ-быть впрочемъ только лгать, и лгать совершенно особаго склада, можетъ лгать ее: Лили Мордантъ сама дѣлая поэма.

— Мнѣ нравится какъ вы опредѣляете ее. Въ ней есть дѣйствительно что-то что отличаетъ ее отъ обычной прозы жизни.

— Вы вѣроятно знаете стихи Вордсворта:

.... Она чутко будетъ слышать
Какъ среди удивленья
Волны дружною толпою
Шумно водятъ хороводы.
И краса, родясь изъ звуковъ,
Въ асмомъ взорѣ отразится.

Эти строки многіе критики находили непонятными; Лили кажется какъ бы живая ихъ разгадка.

Смуглое лицо Кенелма просіяло, но онъ ничего не отвѣтилъ.

— Одно только, продолжалъ мистеръ Эмлинь,—какъ такая

дѣвушка, предоставленная вполнѣ самой себѣ, не выдержанная, не воспитанная, будетъ относиться къ практическимъ обязанностямъ женщины, этотъ вопросъ затрудняетъ и огорчаетъ меня.

— Прикажете еще вина? спросилъ хозяинъ окончивъ разговоръ о торговлѣ съ сэръ-Томасомъ. — Нѣтъ? Не пойдемъ ли мы къ дамамъ?

Г Л А В А VII.

Въ гостиной никого не было; дамы ушли въ садъ. Когда Кенелма идя рядомъ съ мистеромъ Эмлингомъ приближались къ нимъ (сэръ-Томасъ съ мистеромъ Брефильдомъ шли за ними въ нѣкоторомъ разстояніи), первый спросилъ нѣсколько неожиданно:

— Что за человѣкъ этотъ покровитель миссъ Мордантъ, мистеръ Мельвилъ?

— Едва ли я смогу отвѣтить на этотъ вопросъ. Я его мало вижу когда онъ бываетъ здѣсь. Прежде онъ часто появлялся въ этихъ мѣстахъ съ шайкой легкомысленныхъ молодыхъ людей, полагаю учениковъ Академіи, и останавливался въ Кромвель-Лоджъ, такъ какъ въ Грасмирѣ имъ нельзя было помѣщаться. Нѣсколько лѣтъ онъ уже не приводилъ этихъ людей и самъ бываетъ лишь на нѣсколько дней. Онъ имѣетъ репутацію очень страннаго человѣка.

Разговоръ на этомъ прекратился. Токуя, оба они уклонились отъ прямого пути черезъ лужайку и зашли на отдаленныя тропинки пролегавшія чрезъ кусты; теперь они вышли на открытую лужайку въ томъ мѣстѣ гдѣ стоялъ столъ и все общество собралось пить кофе.

— Надѣюсь, мистеръ Эмлинъ, слышался веселый голосъ Эльзи, — что вы убѣдили мистера Чиллинглі не обращаться въ католичество. Я увѣрена что вамъ потребовалось на это не мало времени.

Мистеръ Эмлинъ, ревностный протестантъ, слегка отодвинулся отъ Кенелма.

— Вы думаете обратиться....

Онъ не могъ договорить.

— Не бойтесь, дорогой сэръ. Я сознался только мистрисъ Брефильдъ что ходилъ въ Оксфордъ чтобы посоветоваться

съ однимъ ученымъ о вопросѣ затруднявшемъ меня; это та-кой же отвлеченный вопросъ какъ богословіе, это времяпро-вождевіе женщинъ въ послѣднее время. Но я не могу убѣдить мистрисъ Брефиальдъ что въ Оксфордѣ берутся къ свиданію и другія жизненныя затрудненія кромѣ тѣхъ какими забавля-ются женщины.

Говоря это Кенелмъ олустился на стулъ возлѣ Лили. Она отвернулась отъ него.

— Я опять оскорбилъ васъ?

Лили слегка пожала плечами и не отвѣчала.

— Кажется, миссъ Мордантъ, что между вашими хорошими качествами природа не дала вамъ одного. Ваше лучшее внут-реннее Я должно возмѣстить его.

Лили быстро повернулась лицомъ къ нему. Небо начинало темнѣть; на немъ свѣтила только вечерняя звѣзда.

— Какъ! Что вы хотите сказать?

— Какъ прикажете отвѣчать: вѣжливо или правдиво?

— Правдиво! непременно правдиво! Что за жизнь безъ правды?

— Даже когда вѣришь въ существованіе фей?

— Феи правдивы по-своему. А вы нѣтъ. Вы не думали о феяхъ когда вы....

— Когда я что?

— Наши во мнѣ недостатокъ!

— Не думаю. Но я объясню вамъ мои мысли насколько самъ могу читать ихъ, и для этого прибѣгну къ помощи фей. Предположимъ что фея помѣстила свою избранницу въ колыбель смертной; что она осыпала эту колыбель всевозмож-ными дарами фей какими не надѣлены простые смертные но забыла объ одномъ качествѣ смертныхъ. Избранница вы-ростаетъ чаруя всѣхъ окружающихъ; они балуютъ, ласкаютъ и портятъ ее. Но настаетъ минута когда недостатокъ одного изъ качествъ смертныхъ чувствуется ея друзьями и тѣми кто восхищается ею. Отгадайте что это такое.

Лили подумала.

— Я вижу что вы разумѣете: то что противоположно прав-дивости—вѣжливость.

— Нѣтъ, не совсѣмъ такъ, хотя вѣжливость случайно и входитъ въ это качество; это очень скромное качество, са-мое не поэтическое качество; имъ обладаютъ многіе темные люди; однако же безъ него ни одна фея не можетъ очаровать

омертвѣнаго когда на лицѣ ея появится первая морщина. Не можете ли теперь отгадать?

— Нѣтъ; вы мучаете и раздражаете меня, и Лили капризно толкала ножкой, какъ это уже случилось однажды въ присутствіи Кенелма.—Говорите прямо, я требую.

— Миссъ Морданъ, простите меня, я не осмѣливаюсь, сказалъ Кенелмъ склоняя голову какъ бы предъ королевой; и отошелъ къ мистрисъ Брефильдъ.

Лили осталась сердито надувшись.

Сэръ-Томасъ сѣлъ на стулъ оставленный Кенелмомъ.

Г Л А В А VIII.

Пришла пора отправляться по домамъ. Изъ всѣхъ гостей одинъ сэръ-Томасъ остался ночевать. У мистера и мистрисъ Эмилинь былъ свой экилажъ. Экилажъ мистрисъ Брефильдъ былъ поданъ чтобъ отвезти домой мистрисъ Камеронъ и Лили.

Лили проговорила нетерпѣливо и нелюбезно:

— Кто бы не предпочелъ идти лѣшкомъ въ такую ночь? и пошептала что-то теткѣ.

Мистрисъ Камеронъ услыжавъ шопотъ Лили и повинуясь воимъ ея прихотямъ сказала:

— Вы очень добры, дорогая мистрисъ Брефильдъ; но Лили предпочитаетъ идти домой лѣшкомъ; дожда теперь ждѣть мельзя.

Кенелмъ послѣдовалъ за теткой и племянницей и скоро догналъ ихъ на берегу ручья.

— Очаровательная ночь, мистеръ Чиллингъ, сказала мистрисъ Камеронъ.

— Англійская лѣтняя ночь; ничего подобнаго нѣтъ въ тѣхъ странахъ какія мнѣ довелось видѣть. Но увы! англійскихъ лѣтнихъ ночей очень не много.

— Вы много путешествовали за границей?

— Нѣтъ, не много; больше лѣшкомъ.

Лили до сихъ поръ не произнесла ни слова и шла съ низкошею головой. Тутъ она подняла голову и сказала самымъ кроткимъ и примирительнымъ голосомъ какимъ только можетъ говорить человѣкъ:

— Вы были въ чужихъ краяхъ,—потомъ уступая обычаямъ свѣта, чего прежде никогда не дѣлала обращалась къ нему

прибавила:—мистеръ Чидлинггаи, и продолжала болѣе дружески:—Какъ много значенія въ этомъ словѣ „чужія края“! Вдали отъ самого себя, вдали отъ своей обычной жизни. Какъ я вамъ завидую! Вы были въ чужихъ краяхъ; Левъ тоже былъ (она поправила), а хочу сказать мой локровитель, мистеръ Мельвиаль.

— Да я былъ въ чужихъ краяхъ, но вдали отъ себя—никогда. Есть старинная пословица (въ старинныя изреченія правдивы; бóльшая часть новыхъ ложны), что человекъ носить родную землю на подошвахъ своихъ ногъ.

Здѣсь тропика нѣсколько сузилась. Мистрисъ Камеронъ пошла впередъ; Кенелмъ и Лили сзади; она разувается по сухой дорожкѣ, онъ по росистой травѣ.

Она остановила его.

— Вы идете по сырости, въ такихъ тонкихъ ботиночкахъ.

Лили инстинктивно сошла съ сухой дорожки.

Какъ ни просты были эти слова Лили, и даже несообразны будучи сказаны слабою дѣвушкой гладиатору въ родѣ Кенелма, они освѣтили дѣльный мѣръ женственности, показали всю невѣдомую страну сокрытую для ученаго мистера Эмлина, страну которою овладѣваетъ и гдѣ царствуетъ неразумная дѣвушка становясь женою и матерю.

При этихъ простыхъ словахъ и порывистомъ движеніи, Кенелмъ остановился въ какомъ-то мечтательномъ изумленіи. Онъ возразилъ кратко:

— Простите ли вы мнѣ мои грубые слова? Я осмѣливался находить въ васъ недостатки.

— И такъ вѣрно. Я обдумала все что вы говорили и чувствую что вы были правы; только я все еще не совсѣмъ понимаю какое вы разумѣли качество смертныхъ чѣмъ фея не надѣлала свою избранницу.

— Если я не смѣла сказать этого прежде, теперь еще меньше смѣю.

— Скажите.

Теперь ужъ она не топала ногой, глаза ее не сверкали, не обнаруживалось своеволія, говорившаго: „я требую“; только „скажите“, краткое, вѣжливое, молящее.

Кенелмъ собрался съ духомъ и не смѣя взглянуть на Лили проговорилъ быстро:

— Качество которое слѣдуетъ имѣть мужчинамъ, но еще болѣе необходимо женщинамъ, по мѣрѣ ихъ сходства съ

феяги, хотя это самая простая вещь. Это качество—добрый нравъ.

Лили сдѣлала неожиданный прыжокъ въ сторону отъ него и присоединилась къ теткѣ идя по сырой травѣ.

Когда они дошли до садовой калитки, Кемелъ приблизился и отворилъ ее. Лили высокомерно прошла мимо него; онъ дошел до дверей дома.

— Я не приглашаю васъ войти въ такой часъ, сказала мистрисъ Камеронъ.—Это была бы лживая любезность.

Кемелъ покаивился и пошелъ. Лили оставила тетку и подойдя къ нему протянула руку.

— Я подумалъ о вашихъ словахъ, мистеръ Чиллинггау, сказала она страшнымъ величественнымъ тономъ.—Теперь мнѣ кажется что вы не правы. У меня не дурной нравъ; но....—она остановилась и потомъ прибавила съ высокомернымъ видомъ, который, не будь она такъ замѣчательно красива, показался бы грубымъ:—во всякомъ случаѣ я васъ прощаю.

Г Л А В А IX.

Въ окрестностяхъ Моальвика было много красивыхъ вилъ, и владѣльцы ихъ были вообще богатые люди, хотя тамъ почти не было того что называется обществомъ. Это происходило можетъ-статься отъ того что между владѣльцами не было лицъ принадлежащихъ къ тому что обыкновенно называется аристократическимъ классомъ и было много аристократическихъ претензій. Семейство мистера А., нажившаго состояніе биржевою игрою, подавляло носъ предъ семействомъ Б., который нажилъ еще большее состояніе полотняною торговлей, между тѣмъ какъ семейство мистера В. очень холодно относилось къ семейству мистера С., разбогѣтѣвшаго больше ихъ обоихъ ссудою денегъ подъ залогъ, чья жена носила брилліанты и не умѣла говорить правильно. Англія была бы такою аристократическою страной что въ ней жить бы нельзя было еслибъ уничтожить въ ней то что теперь называется аристократіей. Брефильды были единственные люди соединявшіе враждующіе элементы моальвикскаго общества, частію потому что всѣ признавали ихъ первенство не только потому что они прежде другихъ водворились тамъ (Брефильды владѣли Брефильдвилемъ въ теченіи четырехъ

поколѣній), но и по богатству пріобрѣтенному такими коммерческими предпріятіями кои считаются высшими, и по тому что домъ ихъ считался самымъ изящнымъ; главнѣйшимъ же образомъ потому что Эльзи, вмѣстѣ съ замѣчательно-пріятнымъ и веселымъ нравомъ, имѣла извѣстную силу воли (что обнаруживало и ея бѣгство), и приглашая гостей умѣла принудить ихъ быть вѣжливыми другъ съ другомъ. Она начала эти примирительныя дѣйствія устраивая дѣтскіе праздники, и когда дѣти подружились между собою, родители по необходимости сходились ближе. Но такъ какъ она еще недавно принялась за разрѣшеніе этой задачи, то результаты не были еще вполне достигнуты. Такимъ образомъ, хотя въ Мольсвикѣ стало извѣстно что молодой джентльменъ, наследникъ титула баронета и богатаго помѣстья, поселился въ Кроувель-Лоджъ, но онъ не получалъ приглашеній ни отъ А., ни отъ Б., ни отъ С. Викарій, зайдя къ Кенелму на слѣдующій день послѣ обѣда въ Брефильдвилъ, объяснилъ ему мѣстныя общественныя условія.

— Вы понимаете, сказалъ онъ,—что если наши сосѣди не предлагаютъ вамъ отдыха отъ удовольствій одиночества, то это не отъ недостатка любезности. Это только застѣнчивость, а не невѣжливость. Эти соображенія побудили меня, рискуя показаться выскочкой, просить васъ заглянуть какъ-нибудь утромъ или вечеромъ когда вамъ наскучитъ оставаться только съ собою вдвоёмъ; положимъ напримѣръ что вы пьете у васъ чай сегодня вечеромъ; вы встрѣтите молодую особу чьимъ сердцемъ вы уже овладѣли.

— Чьимъ сердцемъ я овладѣлъ! залпнулъ Кенелмъ и яркій румянецъ покрылъ его щеки.

— Но, продолжалъ викарій,—она пока еще не имѣетъ на васъ брачныхъ видовъ. Ей только двѣнадцать лѣтъ; это моя дочь Клемми.

— Клемми! она ваша дочь. Я этого не зналъ. Принимаю ваше приглашеніе съ величайшею благодарностью.

— Мнѣ не слѣдуетъ дольше отрывать васъ отъ вашей заботы. Небо покрылось облаками, что обѣщаетъ хорошую ловлю. На какую приманку вы ловите?

— По правдѣ сказать я не думаю чтобы ручей сильно соблазнялъ меня своими форелями, я предпочитаю блужданье по проселкамъ „безшумному занятію рыбака“. Я неутомимый пѣшеходъ, и здѣшнія живописныя окрестности мнѣ очель

правятся. Кромѣ того,—прибавилъ Кевелмъ чувствуя надобность привести болѣе вѣроятное объясненіе своего продолжительнаго пребыванія въ Кромвель-Лоджѣ чѣмъ живописныя окрестности,—кромѣ того я хочу посвятить свое время чтенію. Въ послѣднее время я былъ очень лѣнивъ, а удивленіе этого мѣста будетъ способствовать занятіямъ.

— Смію спросить, вы не предназначаете себя къ какой нибудь ученой профессіи?

— Ученая профессіа, возразилъ Кевелмъ, — такое неясное выраженіе что мы всячески стараемся искоренить его изъ языка. Всѣ профессіи въ наше время надо посправить. Уровень знаній военной профессіи неможко повысить, а уровень знаній ученаго сословія понизить. Есть кабинетъ-министры которые смѣются надъ употребленіемъ греческаго и латинскаго языковъ. И даже такіа мужественныя знанія какъ правовѣдѣніе и медицина должны приноровиться къ вкусамъ и приличіямъ женскихъ пансіоновъ. Нѣтъ, я не предназначаю себя ни къ какой профессіи; но и такой неестественный человекъ какъ я не сдѣлается хуже если время отъ времени перечтетъ нѣсколько книгъ.

— Здѣсь вы кажется плохо снабжены книгами, сказалъ въ карій оглянувъ комнату, гдѣ на столѣ въ углу лежало съ лодюжины старыхъ томовъ очевидно принадлежавшихъ жилицѣ, а хозяину дома.—Но моя бібліотека, какъ я уже говорилъ, къ вашимъ услугамъ. Какую отрасль вы предпочтаете?

Кевелмъ былъ и казался смущенъ. Помолчавъ онъ отвѣтилъ:

— Чѣмъ отдаленнѣе отъ настоящаго времени, тѣмъ лучше. Если у васъ есть книги о нравахъ и обычаяхъ тѣхъ кто, иновымъ въ наукѣ идеямъ, были нашими человекообразнымъ прародителями во времена ихъ переходнаго состоянія отъ морскаго животнаго къ гориллѣ, для меня было бы очень изидательно прочесть ихъ.

— Увы, сказалъ мистеръ Эмилиъ смѣясь,—такихъ книгъ и дошло до насъ.

— Нѣтъ такихъ книгъ? Вы ошибаетесь, гдѣ-нибудь ихъ должно быть множество. Я признаю всю удивительную силу изобрѣтѣнія какою одарены были творцы поэтическихъ вымысловъ; между тѣмъ даже самые великіе мастера въ этой отрас-

и литературы—ни Скоттъ, ни Сервантесъ, ни Гёте, ни даже Шекспиръ — не могли рѣшиться воссоздавать прошлое безъ тѣхъ матеріаловъ какіе они находили въ книгахъ къ нему относившихся. И хотя я съ не меньшимъ удовольствіемъ признаю что среди насъ въ настоящее время живетъ творецъ поэтическихъ вымысловъ съ неизмѣримо большою изобрѣтательностью чѣмъ они—взывающій къ нашему легковѣрью въ самыя чудовищныя чудища въ прелестномъ дружески разговорномъ слоgѣ, — но я все-таки не могу допустить чтобы ваше пониманіе чтобы заставить насъ повѣрить что если кошка миссъ Мордавъ бьется замочить свои лапы, то это вѣроятно потому что въ доисторическія времена ея предки жили на сухой почвѣ Египта; или что когда кто-нибудь изъ великихъ ораторовъ, какой-нибудь Питтъ или Гладстонъ, отражаетъ съ вѣжливой улыбкой, открывающею его клыки, грубое нападеніе оппонента, то онъ выдаетъ тѣмъ свое происхожденіе отъ „человѣкообразныхъ предковъ“ которые привыкли скалить зубы на своихъ враговъ. Несомнѣнно, несомнѣнно что должны быть книги, донныя сохранившіяся, писанныя философами до рожденія Адама, въ которыхъ находятся подтвержденія, хотя бы въ формѣ мифическихъ сказаній, подобныхъ поэтическимъ вымысламъ. Несомнѣнно что какіе-нибудь раціоналісты свидѣтельствуютъ что видѣли, видѣли собственными глазами, великаго горилла который сдиралъ съ себя волосяные покровы чтобы похвалиться молодой особѣ своей породы, и что они замѣчали постепенное превращеніе однихъ животныхъ въ другія. Потому что, если вы скажете мнѣ что этотъ знаменитый романистъ есть только осторожный ученый, и что мы должны принимать его вымыслы согласно трезвымъ законамъ очевидности и факта, то въ этомъ отношеніи всякая самая невѣроятная сказка о привидѣніяхъ можетъ гораздо лучше удовлетворить здравый смыслъ скептика. Впрочемъ, если у васъ нѣтъ такихъ книгъ, то снабдите меня самыми нефилософскими какія у васъ есть, о магіи, алхиміи, о философскомъ камнѣ...

— У меня есть нѣсколько такихъ, сказалъ викарій смѣясь, — выберете сами.

— Если вы теперь идете домой, позвольте мнѣ пройти съ вами часть пути, а еще не знаю гдѣ находится церковный домъ, а мнѣ слѣдуетъ знать это раньше вечера.

Кенелмъ съ викаріемъ пошли рядомъ, разговаривая, через мостъ и по той сторонѣ ручья гдѣ былъ домъ мистрисъ Камеронъ. Проходя вдоль садоваго забора позади дома, Кенелмъ вдругъ замедчалъ среди рѣчи заинтересовавшей мистера Эмлина и также внезапно остановился. Немного впереди ея стояла деревенская старуха съ которою Лили разговаривала стоя по другую сторону садовой рѣшетки. Мистеръ Эмлин сначала не замѣтилъ того что, увидалъ Кенелмъ, оборнулся и взглянулъ на своего спутника удивляясь внезапному перерыву его рѣчи. Дѣвушка подавая маленькую корзинку старухѣ, которая проговорила съ низкимъ поклономъ: „Богъ и благословить васъ“. Хотя это было сказано тихо, но Кенелмъ услышалъ и сказалъ мистеру Эмлину:

— Есть ли болѣе крѣпкая связь между сею жизнью и будущею чѣмъ благословеніе Божіе призываемое на молодостъ устами старости?

Г Л А В А X.

— Какъ поживаетъ вашъ мужъ, мистрисъ Гелли? сказалъ священникъ дойдя до мѣста гдѣ стояла старуха; прекрасно лицо Лили все еще наклонялось къ ней; Кенелмъ медленно сдѣлывалъ за нимъ.

— Покорѣннѣе васъ благодарю, сэръ, ему лучше, онъ ужъ встаетъ съ постели. Барышня сдѣлала ему проласть добра.

— Тш! сказала Лили краснѣя.—Слѣдите теперь домой; надо заставить его ждать обѣда.

Старуха опять поклонилась и пошла скорыми шагами.

— Знаете ли, мистеръ Чиллинггаи, сказалъ мистеръ Эмлинъ,—что миссъ Мордантъ лучшій докторъ въ нашихъ мѣстахъ? Такъ что если ей удастся вылѣчить еще нѣсколькихъ то число ея пациентовъ сдѣлается наконецъ обременительнымъ.

— Вы еще вчера, сказала Лили, — бранили меня за самоудачное мое излѣченіе.

— Я?... А, помню; вы заставили этого глухого ребенка Меджъ вѣрить что въ аррорутѣ который вы послали ей было волшебство фей. Признаюсь, васъ сдѣлывало лобранить.

— Нѣтъ. Я сама приготовляла аррорутъ, а развѣ я не фея? Я сейчасъ получила милую записочку отъ Клемми, и

стеръ Эмлинь, она проситъ меня придти сегодня вечеромъ посмотрѣть ея новый волшебный фонарь. Потрудитесь передать ей что я буду, но чуръ не бранить меня.

— И всѣ волшебства? сказалъ мистеръ Эмлинь; — хорошо.

Лили и Кенелмъ до сихъ поръ еще не обмѣнялись ни словомъ. Она отвѣчала важнымъ наклоненіемъ головы на его молчаливый поклонъ. Но тутъ она обернулась къ нему застѣнчиво и сказала:

— Я думаю вы все утро ловили рыбу?

— Нѣтъ; рыбы въ окрестности находятся подъ покровительствомъ феи, которой я не могу ослашаться.

Лицо Лили просіяло и она протянула ему руку черезъ рѣшетку. — Прощайте; я слышу теченіе голоса. Опять эти ужасные французскіе глаголы!

Она исчезла въ кустахъ, откуда до нихъ донеслась трель ея молодого голоса гнѣвшаго про себя.

— У этого ребенка золотое сердце, сказалъ мистеръ Эмлинь когда они пошли дальше. — Я не преувеличивалъ говоря что она лучший докторъ въ нашихъ мѣстахъ. Я думаю бѣдные люди въ самомъ дѣлѣ вѣрятъ что она фея. Мы разумѣется посылаемъ нашимъ бѣднымъ прихожанамъ лицу и вино, кто нуждается въ этомъ; но кажется что это никогда не приноситъ имъ столько пользы какъ ея маленькія блюда приготовленныя ея собственными маленькими ручками; не знаю замѣтили ли вы корзиночку что она дала старухѣ. Миссъ Лили научила Уилла Гоуэра дѣлать красивыя маленькія корзиночки, и кладетъ свои желе или другія вкусныя вещи въ изящныя форфоровыя баночки красиво вставленныя въ эти корзиночки украшенныя лентами. Видѣ этихъ вещей возбуждаетъ аппетитъ больныхъ, и разумѣется этого ребенка теперь можно называть феей; но я бы желалъ чтобы мистрисъ Камеронъ побольше занималась ея воспитаніемъ. Не можетъ же она остаться феей навсегда.

Кенелмъ вздохнулъ, но не отвѣчалъ.

Мистеръ Эмлинь перевелъ разговоръ на ученые предметы. Дойдя до мѣста откуда былъ виденъ городъ, викарій остановился указывая въ направленіи къ церкви, которой шлиль поднимался нѣсколько влѣво; тутъ же видѣлись два старыя тиссовыхыя дерева осылавшія кладбище, а позади часть цер-

ковнаго дома гдѣ жилъ викарій, посреди кустовъ окружавшаго его сада.

— Теперь вы будете знать дорогу, сказалъ викарій;—простите если я здѣсь оставляю васъ, мнѣ нужно навѣстить кой-кого, между прочимъ и бѣднаго Гели, мужа старухи что вы видѣли. Я читаю ему каждый день главу изъ Библии, но все-таки думаю что онъ вѣрить въ волшебства фей.

— Лучше слишкомъ много вѣрить чѣмъ слишкомъ мало, сказалъ Кенедль и повернувшись пошелъ въ деревню, гдѣ провелъ полчаса съ Уылломъ разсматривая красивыя корзиночки что научила его дѣлать Лили. Потомъ уда медленно домой онъ своротилъ въ сторону на кладбище.

Церковь, построенная въ тринадцатомъ вѣкѣ, была не велика, но очевидно достаточна для прихода, такъ какъ въ ней не было признаковъ новыхъ пристроекъ; въ передѣлахъ и поправкахъ она не нуждалась. Столѣтія смягчили только краски на ея прочныхъ стѣнахъ: ее не лортели огромные стебли лающей протягивавшіе свои горделивыя листья до самой вершины ея стройной башни, ни нѣжные стебли розъ, которые тянулись на футъ или на два въ вышину около массивныхъ контрфорсовъ. Мѣстность кладбища была необычайно живописна: защищенная съ сѣвера возвышенностью покрытою лѣсомъ, она склонялась на югъ къ приходской землѣ, чрезъ которую бѣжалъ ручеекъ, въ довольно близкомъ разстояніи такъ что его говорливое журчаніе было слышно въ тихій день. Кенедль сѣлъ на старую могилу принадлежащую очевидно въ старинныя времена лицамъ выше обыкновеннаго общественнаго положенія; теперь всѣ украшенія ея сгладились.

Тишина и уединеніе этого мѣста имѣли свою прелесть для его задумчиваго характера, и онъ долго остался тамъ, позабывъ о времени, едва слыша бой часовъ предостерегавшихъ о потерѣ онаго.

Вдругъ тѣнь, тѣнь имѣвшая человѣческую форму, утала на траву на которой мечтательно покоились его взоры. Онъ вздрогнулъ, подвѣлъ голову и увидалъ Лили стоящую предъ нимъ молча и неподвижно. Образъ ея до такой степени занималъ его мысли что онъ почувствовалъ содроганіе ужаса какъ будто бы мысли вызвали ея призракъ. Она заговорила первая.

— Вы тоже здѣсь? сказала она очень тихо, почти шепотомъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ РУССКОМУ ВѢСТНИКУ.

ПАРИЖАНЕ

РОМАНЪ

ЭДУАРДА БУЛВЕРА, ЛОРДА ЛИТТОНА

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о),
на Страстномъ бульварѣ.

1874.

ПАРИЖАНЕ

РОМАНЪ

ЭДУАРДА БУЛВЕРА, ЛОРДА ЛИТТОНА

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Быль ясный день раннею весной 1869. Весь Парижъ казался высыпавъ изъ домовъ чтобы веселиться. Тюйлери, Елисейскія Поля, Буловскій лѣсъ были наполнены праздными толпами. Иностранецъ подивился бы гдѣ же Трудъ работаетъ и въ какихъ закоулкахъ прячется Бѣдность. Милліонеръ съ Лондонской биржи, взглянувъ вокругъ на магазины, экипажи, наряды женщины; услышавъ о цѣнахъ въ лавкахъ, о платѣ за квартиры, спросилъ бы себя съ завистливымъ изумленіемъ: Какъ только живутъ эти веселые Парижане? Каковы ихъ богатства? Откуда они берутся?

По мѣрѣ того какъ день склонялся къ вечеру, многіе разсѣянные зѣваки стали толпиться на бульварахъ; въ кафе и ресторанахъ начали зажигать огни.

Въ это время молодой человѣкъ, которому можно было дать лѣтъ двадцать пять или двадцать шесть, шелъ по Итальянскому Бульвару мало обращая вниманія на толпу сквозь которую онъ направлялъ свои одинокіе шаги. Въ наружности и манерахъ его было что-то привлекавшее вниманіе. Онъ смотрѣлъ неизвѣстно кѣмъ, несомнѣнно Французомъ, но не Парижаномъ. Онъ былъ одѣтъ не по модѣ, опытный глазъ различалъ бы въ его платьѣ вкусъ и покрой провинціального портнаго. Походка его не была походкой Парижанина, менѣе лѣтняя и болѣе степенна; и, не такъ какъ Парижане, онъ казался равнодушнымъ ко взглядамъ другихъ.

Тѣмъ не менѣе, на немъ былъ отпечатокъ того достоинства или отличія которое тѣ что съ колыбели привыкли гордиться своимъ происхожденіемъ усвоиваютъ себѣ такъ безсознательно что оно кажется наслѣдственнымъ и врожденнымъ. Надо сознаться также что молодой человѣкъ былъ и самъ одаренъ значительною долей того благородства какимъ природа справедливо надѣляетъ своихъ любимцевъ, мало обращая вниманія на ихъ гербы и родословныя, — благородствомъ фигуры и наружности. Онъ былъ высокъ и строенъ, съ граціозными очертаніями членовъ и ладенія плечъ; лицо его было красиво, чистѣйшій типъ французской мужественной красоты — носъ наклонный стать орлинымъ, тонкій, съ изящнымъ разрѣзомъ ноздрей; бѣлая кожа, глаза большіе, свѣтло-каріе, съ темными рѣсницами, волосы темно-каштановые, безъ желтизны, борода и усы нѣсколько потемнѣе, коротко подстриженные, не портившіе очертаніе губъ, которыя были сжаты, какъ будто улыбка была въ послѣднее время имъ не знакома; но это не гармонировало съ фیزیономическимъ характеромъ ихъ строенія, который былъ именно такой что, по Лафатеру, обличалъ нравъ склонный къ веселости и удовольствіямъ.

Другой человѣкъ, такихъ же лѣтъ, быстро вышедшій изъ одной изъ улицъ Шоссе д'Антенъ, почти наткнулся на величаваго лѣтшехода описаннаго выше, взглянулъ ему въ лицо, остановился и воскликнулъ: „Алень!“ При этой неожиданной встрѣчѣ первый лѣтшеходъ обернулся, взглянулъ спокойно на оживленное лицо вторая часть котораго заросла черною бородой, и слегка приподнявъ шляпу съ движеніемъ головы означившимъ: „милостивый государь, вы ошиблись; я не имѣю чести знать васъ“, продолжалъ свой медленный равнодушный

путь. Но отъ этого незнакомаго знакома не такъ легко было отдѣлаться.

— Чортъ возьми, проговорилъ онъ сквозь зубы,—не сомнѣю я правъ. Онъ мало измѣнился, не такъ какъ я; но десять лѣтъ парижской жизни передѣлають и орангутанга.

Ускоривъ шаги и порываясь съ человѣкомъ кого онъ назвалъ Аленомъ онъ оказалъ съ благовоспитанною смѣлою вѣжливости и смѣлости въ голосѣ и наружности:

— Десять тысячъ извиненій если я ошибаюсь. Но безъ сомнѣнія я встрѣчаю Алена де-Керуака, сына маркиза де-Ромбрианъ.

— Точно такъ, милостивый государь, но....

— Не ты не помнишь меня, своего школьнаго друга Фредерика Лемерсье?

— Возможно ли? вскричалъ Алень искренно и съ оживленіемъ измѣнившимъ весь характеръ его лица.—Любезнѣйшій Фредерикъ, любезный другъ, вотъ такъ счастье! Значить ты тоже въ Парижѣ?

— Разумѣется; а ты? Какъ видно только-что пріѣхалъ, добавилъ онъ нѣсколько насмѣшливо когда взявъ своего друга подъ руку взглянулъ на локрой его воротника.

— Я здѣсь уже двѣ недѣли, возразилъ Алень.

— Гм! Полагаю что ты остановился въ старомъ отелѣ Ромбриановъ. Я проходилъ мимо него вчера, дивясь его громадному фасаду и не ожидая чтобы ты былъ его обитателемъ.

— Я и не обитатель его; отель не принадлежитъ мнѣ, онъ продалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ моимъ отцомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Надѣюсь что твой отецъ получилъ за него хорошую цѣну; въ послѣдніе пять лѣтъ эти старые отели утроились въ цѣнѣ. А какъ поживаетъ твой отецъ? Все такой же любезный *grand seigneur*? Знаешь, я его видѣлъ всего одинъ разъ и никогда не забуду его улыбку, *style grand monarque*, когда онъ потрепалъ меня по головѣ и далъ мнѣ десять наполеондоровъ!

— Моего отца уже нѣтъ болѣе въ живыхъ, сказалъ Алень съ важностью,—онъ умеръ около трехъ лѣтъ тому назадъ.

— *Ciel!* прости меня, я очень пораженъ. Гм! значить ты теперь маркизь де-Ромбрианъ; великое историческое имя, стѣнь хорошихъ денегъ на биржѣ. Мало осталось такихъ именъ. Великолѣпное мѣсто твой старый замокъ, не правда ли?

— Великолѣпное мѣсто—нѣтъ, почтенная развалина—да!

— А, развалина! Тѣмъ лучше. Теперь всѣ банкиры помѣшаны

на развалинахъ: такое пріятное занятіе ихъ реставрировать. Ты безъ сомнѣнія реставрируешь свой. Съ какимъ архитекторомъ я тебя познакомяю! *Moyen âge* у него на концахъ пальцевъ. Дорогъ, но гений.

Молодой маркизь улыбулся; съ тѣхъ поръ какъ онъ встрѣтился со школьнымъ товарищемъ лицо его обнаружало что оно могло улыбаться; улыбулся, но не весело, и отвѣчалъ:

— Я не намѣренъ реставрировать Ротбрианъ. Стѣны еще крѣпки; онѣ пережили бури шести столѣтій; на мой вѣкъ ихъ хватитъ, а со мною наша фамилія кончится.

— Ба! фамилія кончится, въ самомъ дѣлѣ! ты еще женишься. *Parlez-moi de ça!* Въ этомъ никто лучше меня не поможетъ тебѣ. У меня есть списокъ всѣхъ богатыхъ невѣстъ въ Парижѣ, переплетенный въ русскую кожу. О, будь только я Ротбрианомъ! Адская вещь явится на свѣтъ какимъ-нибудь Лемерсье. Я демократъ, разумѣется. Лемерсье былъ бы въ ложномъ положеніи есаубъ онъ не былъ демократомъ. Но есаубы кто-нибудь оставилъ мнѣ двадцать акровъ земли съ древнимъ правомъ на *de* и на титулъ, клянусь, я былъ бы тогда аристократомъ и стоялъ бы за свое сословіе. А теперь, благо мы встрѣтились, пообѣдаемъ вмѣстѣ. Безъ сомнѣнія у тебя есть ежедневныя приглашенія на цѣлый мѣсяцъ. Ротбрианъ только-что прибывшій въ Парижъ долженъ быть *fêté* всѣмъ Предмѣстьемъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Аленъ просто,—я нигуда не приглашаю; кругъ моего знакомства гораздо ограниченнѣе чѣмъ ты полагаешь.

— Тѣмъ лучше для меня. Я по счастью не имѣю приглашенія на нынѣшній день, что не часто случается: я немножко въ модѣ въ своемъ кругу, хотя это не общество Предмѣстья. Гдѣ же мы будемъ обѣдать? У Трехъ Братьевъ?

— Гдѣ угодно. Я не знаю парижскихъ ресторановъ кромѣ одного, очень скромнаго, рядомъ съ моею квартирой.

— А пророгъ, гдѣ твоя квартира?

— Въ Университетской улицѣ, № ***.

— Славная улица, только скучная. Если у тебя уже нѣтъ собственнаго родового отеля, то непростительно будетъ тебѣ чахнуть въ этомъ музеѣ мумій, Семъ-Жерменскомъ предмѣстьи; ты долженъ поселиться въ одномъ изъ новыхъ кварталовъ въ Елисейскихъ Поляхъ. Предоставь это мнѣ; а тебѣ

найду превосходное помѣщеніе. Я знаю одинъ домъ который хотѣть сдать—*bagatelle*—500 наполеондоровъ въ годъ. Тысячи двѣ или три будетъ тебѣ стоить отдѣлать его порядочно, не парадно. Предоставь мнѣ все. Въ три дня ты будешь устроенъ. А провозъ, лошади? Тебѣ нужны англійскія. Сколько?—три подъ верхъ, двѣ для кареты? Я тебѣ достану. Завтра же напишу въ Лондонъ. Рису (то-есть Райсъ) будетъ къ твоимъ услугамъ.

— Не хлопочи, любезнѣйшій Фредерикъ. Я не держу ни лошадей ни кареты, и не переѣду съ квартиры.

Говоря это Ромбріанъ гордо выпрямился:

„Можетъ ли быть, подумалъ Лемерсье,—чтобы маркизь былъ бѣдѣе? Нѣтъ. Я всегда слышалъ что Ромбріаны принадлежатъ къ богатѣйшимъ землевладѣльцамъ Бретани. Скорѣе несмотря на свое невѣденіе Севъ-Жерменскаго предмѣстья онъ достаточно знакомъ съ нимъ чтобы понять что не пристало одному изъ крупнѣйшихъ аристократовъ становиться подъ покровительство Фредерика Лемерсье. *Sacre bleu!* Если онъ думаетъ вахичать со мной, со своимъ школьвымъ товарищемъ, я, я его вызову.“

Въ то самое время какъ Лемерсье дошелъ до этого воинственнаго рѣшенія, маркизь сказалъ съ улыбкой которая несмотря на свою искренность не была лишена меланхолической важности.

— Любезнѣйшій Фредерикъ, прости если я принялъ твое дружеское предложеніе съ кажущеюся неблагодарностью. Но вѣрь что у меня есть достаточныя причины чтобы вести въ Парижѣ жизнь какой ты не позавидуешь.—Потомъ очевидно желая перемѣнить разговоръ онъ сказалъ болѣе веселымъ голосомъ:—Но что за чудный городъ вашъ Парижъ! Вспомни что я никогда прежде не видалъ его; онъ явился предо мною какъ городъ изъ *Арабскихъ Ночей* двѣ недѣли тому назадъ. И больше всего поражаетъ меня—говорю это съ сожалѣніемъ и упрекомъ совѣсти—разумѣется не Парижъ прежнихъ временъ, но тотъ Парижъ что господинъ Бонапартъ—изъясни, что императоръ воздвигъ вокругъ себя и отождествилъ на вѣчныя времена со своимъ царствованіемъ. То что ново въ Парижѣ, то поражаетъ и лѣзветъ меня. Я вижу здѣсь жизнь Франціи, а я принадлежу ея могиламъ!

— Я не совсѣмъ тебя понимаю, сказалъ Лемерсье. — Если ты думаешь что тебѣ не представляется при Имперіи откры-

таго поприща для честолюбія потому что отецъ и дѣдъ твои были легитимисты, ты совершенно ошибаешься. Теперь всѣ помѣшаны на *modern age* и даже *rosoco*. Ты не можешь себѣ представить какъ дѣвно можетъ быть твое имя и при дворѣ императора, и въ какой-нибудь коммерческой компаніи. Но съ твоимъ богатствомъ ты независимъ ото всего кромѣ моды и Жокей-Клуба. Кстати извини, что за негодяй дѣлалъ тебѣ платье? скажи мнѣ и я донесу на него полиціи.

Частью изумленный частью разсмѣянный, Аленъ маркиз де-Ромбріанъ смотрѣлъ на Фредерика Лемерсье какъ добродушный левъ посмотрѣлъ бы на вертяваго пуделя позволяшаго себѣ забавляться его гривой, и помолчалъ возразилъ кратко:

— Платье что я ношу въ Парижѣ было одѣяно въ Бретани; если же имя Ромбріана можетъ еще имѣть какую-нибудь цѣну въ Парижѣ, въ чемъ я сомнѣваюсь, то позволяй мнѣ надѣяться что благодаря ему меня признаютъ за дворянина каковъ бы ни былъ покрой моего платья и каковы бы ни были мнѣнія клуба состоящаго изъ жокеевъ.

— Ха, ха, ха! воскликнулъ Лемерсье, оставаяя руку своего друга, и расхохотался еще болѣе увидавъ важный взглядъ маркиза. — Извини меня, я не могу удержаться.. Жокей-Клубъ состоитъ изъ жокеевъ! Это ужъ слышкомъ! но превосходный камамбуръ. Любезнѣйшій Аленъ, въ Жокей-Клубѣ членами лучшія европейскія фамиліи; онѣ бы не приняли такого буржуа какъ я. Но это все равно; съ одной стороны ты совершенно правъ. Ты можешь ходить въ блаузѣ если пожелаешь — и все-таки останешься Ромбріаномъ, тебя только назовутъ эксцентричнымъ. Увы! я долженъ заказывать себѣ плащалоны въ Лондонѣ — вотъ что значитъ быть какимъ-нибудь Лемерсье. Но вотъ мы и въ Пале-Рояльѣ.

Г Л А В А II.

Зане въ ресторанѣ Трехъ Братьевъ были помѣны; друзья наши себѣ столъ съ нѣкоторымъ затрудненіемъ. Лемерсье предлагалъ было особую комнату, отъ чего маркизъ по причинамъ ему извѣстнымъ, отказался.

Лемерсье самъ, не спрашивая товарища, заказалъ обѣдъ и вина.

Въ ожиданіи устриць, чѣмъ, когда время, французскіе *bon-vivants* обыкновенно начинаютъ обѣдъ, Лемерсье оглядывалъ залу съ тою неподражаемою, пылливою дерзостью которая отличаетъ парижскихъ даиди. Нѣкоторыя изъ женщинъ кокетливо отвѣчали на его взглядъ, потому что Лемерсье былъ *beau garçon*; другія отворачивались съ негодованіемъ и что-то шептали мушкетерамъ сидѣвшимъ съ ними. Изъ мужчинъ, старые покачивали головами и продолжали невозмутимо ѣсть; молодые же быстро оборачивались и сперва смотрѣли гордо на Лемерсье; но встрѣчая его взглядъ сквозь стеклышко вставленное въ глазъ, замѣчая смѣлое выраженіе его лица и его широкія плечи, они также отворачивались и продолжали невозмутимо ѣсть какъ и старые.

— *Al* воскликнулъ вдругъ Лемерсье: — вотъ идетъ человекъ съ кѣмъ тебѣ слѣдуетъ познакомиться, *mon cher*. Онъ можетъ посоветовать тебѣ какъ помѣстить твои деньги, человекъ этотъ пойдетъ далеко—будущій министръ. А, *bon jour* Дюлеси, *bon jour*.

Онъ послалъ рукой поцѣлуй только-что вошедшему господину, смотрѣвшему гдѣ бы помѣститься.

Видно было что онъ былъ хорошо и съ хорошей стороны извѣстенъ въ ресторанѣ Трехъ Братьевъ. Сауга толпились около него указывая на столъ у окна который угрюмый Англичанинъ, пообѣдавъ бифетекомъ съ картофелемъ, готовъ былъ очистить.

Господинъ Дюлеси, убѣдившись сперва, какъ человекъ осторожный, что столъ остался за нимъ, заказавъ себѣ устриць, шабл и *potage à la bisque*, прошелъ спокойно и медленно черезъ залу и остановился около Лемерсье.

Здѣсь я на минуту останавливаюсь чтобы набросать портреты обоихъ Парижанъ.

Фредерикъ Лемерсье одѣтъ немного черезчуръ нарядно, доводя господствующую моду до крайности. Въ галстукъ у него драгоценная булавка, стоящая 2.000 франковъ; онъ носитъ кольца на пальцахъ, брелоки на часахъ. У него телмый, хотя смуглый цвѣтъ лица, тонкія черныя брови, полныя губы, носъ нѣсколько вздернутый, но не маленькій, прекрасныя большіе темныя глаза, высокоокмѣренное, открытое, нѣсколько дерзкое выраженіе лица, несомнѣнно красиваго, благодаря румянцу, молодости и живости взгляда.

Люсьену Дюлеси, облокотившемуся на столъ и взглянувшему сперва съ любопытствомъ на маркиза де-Рошбріана,

который полагая руку на руку кажется не замѣчалъ его, потѣхъ сосредоточившему вниманіе на Фредерикѣ Лемерсье сидѣвшемъ прямо со сложеными руками, — Люсьеану Дюлеси между сорока и лѣтъюдесятью годами, онъ немного ниже средняго роста, тонокъ, но не худощавъ, — что по-англійски называется *wiry*. Одѣтъ онъ чрезвычайно просто; черныи застѣгнутый сертукъ; черныи галстукъ ловазавъ выше чѣмъ люди слѣдующіе модѣ носятъ теперь; ястребиныи носъ и ястребиныи глаза; волосы темно - коричневыи, очень короткіе и прямыи, не волнистыи; щеки худыи, гладко выбритыи, но онъ носить усы и эспальюлку, въ подражаніе своему государю, и подобно всѣмъ подражателямъ довода заимствованную красоту до крайности, такъ что концы его усовъ и эспальюлки сдѣланныи твердыи и заостренныи помощью косметиковъ въ составъ коихъ должно было входить желѣзо, имѣли видъ трехъ жалъ стерегущихъ губы и челюсти отъ наладенія; блѣдный, темно-оливковыи цвѣтъ лица; глаза маленькіе, глубоко вдавшіеся, спокойныи и провидательныи; выраженіе лица его съ перваго взгляда поражало только спокойною неподвижностью. Наблюдаемыи болѣе внимательно, черты эти обнаруживали много разумности, губы выражали рѣшительность, лобъ разчетливость; въ общемъ это было лицо не обыкновеннаго человѣка, человѣка можетъ быть не лишеннаго прекрасныхъ и высокыхъ качествъ, скрываемыхъ отъ обыкновеннаго взгляда обычною сдержанностью, но оправдывающихъ довѣріе тѣхъ кого онъ принималъ въ свою короткость.

— *A, mon cher*, сказалъ Лемерсье, — вы обѣщали быть у меня вчера въ два часа. Я ждалъ васъ полчаса и вы не были.

— Нѣтъ; я зашелъ сперва на Биржу. Паи компаніи о которой мы говорили упали; они упадутъ еще ниже, покупать ихъ теперь неблагоуразумно, такъ что мнѣ не зачѣмъ было идти къ вамъ. Я полагалъ что вы не станете ждать меня если я не приду въ назначенныи часъ. Будете вы сегодня вечеромъ въ оперѣ?

— Думаю что нѣтъ, не стоить, кромѣ того я встрѣтилъ стараго друга кому хочу посвятить сегодняшній вечеръ. Позвольте мнѣ познать васъ съ маркизомъ де-Рошбріаномъ. Аленъ, г. Дюлеси.

Оба поклонились.

— Я имѣлъ честь быть извѣстнымъ вашему отцу, сказалъ Дюлесси.

— Въ самомъ дѣлѣ? отвѣчалъ Ромбріанъ:—онъ много лѣтъ не бывалъ въ Парижѣ предъ своею смертыю.

— Я встрѣтился съ нимъ въ Лондонѣ, въ домѣ русской княгини С.

Маркизь сильно покраснѣвъ, съ важностью наклонилъ голову и не отвѣчалъ. Въ это время слуга принесъ устрицы и шабли, и Дюлесси отошелъ къ своему столу.

— Это самый необыкновенный человѣкъ, сказалъ Фредерикъ выжимая лимонъ на свои устрицы,—нельзя не удивляться ему.

— Какъ такъ? Я не вижу ничего по крайней мѣрѣ достойнаго удивленія въ его лицѣ, сказалъ маркизь съ тупостью провинціала.

— Въ лицѣ? А! ты легитимистъ—это предразсудокъ партіи. Украшенія на его лицѣ напоминаютъ императора; но само по себѣ это несомнѣнно умное лицо.

— Можетъ-быть, только не пріятное. Онъ похожъ на хищную птицу.

— Всѣ умные люди хищныя птицы. Орлы герои, совы мудрецы. Дюлесси не орелъ и не сова. Я бы назвалъ его скорѣе соколомъ, только не сталъ бы завязывать ему глаза.

— Называя его какъ хочешь, сказалъ маркизь равнодушво,—мнѣ до него не можетъ быть никакого дѣла.

— Я въ этомъ не такъ увѣренъ, отвѣчалъ Фредерикъ нѣсколько оскорбленный флегмою съ какою провинціалъ относился къ претензіямъ Парижанина.—Дюлесси, повторяю, необыкновенный человѣкъ. Хотя онъ не имѣетъ титула, но происходитъ отъ древней аристократической фамиліи; я думаю, какъ указываетъ и самое имя, отъ однихъ предковъ съ Ришелье. Отецъ его былъ глубокій ученый, и я думаю онъ самъ много читалъ. Онъ могъ бы отличиться въ литературѣ или въ судейской карьерѣ, но родители его умерли въ страшной бѣдности; дальніе родственники занимающіеся торговлею заботились о немъ и направили его таланты на Биржу. Семь лѣтъ тому назадъ онъ жилъ въ одной комнатѣ въ четвертомъ этажѣ, близъ Люксамбурга. Теперь у него свой отель, не большой, но прекрасный, въ Елисейскихъ Поляхъ, стоющій по крайней мѣрѣ 600.000 франковъ. Онъ составилъ состояніе не только для себя, но и для многихъ другихъ; изъ нихъ

нѣкоторые такой же хорошей фамиліи какъ твоя. У него есть гекій богатства, и онъ творить милліоны, какъ поэтъ свою оду, силою вдохновенія. Онъ коротокъ съ министрами, и былъ приглашаемъ въ Компьень императоромъ. Онъ можетъ быть очень полезенъ для тебя.

Алень сдѣлалъ легкое движеніе недовѣрія и перебилъ разговоръ на воспоминаніе школьныхъ дней.

Наконецъ обѣдъ кончился. Фредерикъ позволилъ, велѣлъ подать счетъ и взглянулъ на него.

— Пятьдесятъ девять франковъ, сказалъ онъ беззаботно бросивъ поштора наполеондора.

Маркизь молча вынулъ свой кошелекъ и досталъ такую же сумму.

Выйдя изъ ресторана Фредерикъ предложилъ отправиться къ нему на квартиру.

— Я могу предложить тебѣ превосходную сигару изъ ящика подареннаго мнѣ безцѣннымъ молодымъ Испанцемъ состоящимъ при здѣшнемъ посольствѣ. Такихъ сигаръ не найдти въ Парижѣ ни за деньги, ни за любовь, такъ какъ женщины, какъ бы онѣ ни были преданы и великодушны, никогда не предложатъ вамъ ничего лучше папароски. Такія сигары можетъ доставить только дружба. Дружба это сокровище.

— Я не курю, отвѣчалъ маркизь, — но буду очень радъ зайти къ тебѣ, лишь бы не употребить во зло твое радушіе. Ты безъ сомнѣнія приглашенъ куда-нибудь вечеромъ.

— Не раньше одиннадцати, когда я обѣщалъ быть на вечерѣ куда не предлагаю тебѣ идти со мной, потому что это одно изъ сборищъ *богемы*, участіе въ немъ можетъ повредить тебѣ въ Предмѣстьѣ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ пока ты не утвердилъ тамъ своего положенія. Скажи пожалуйста, не родня ли тебѣ герцогиня де-Тарасковъ?

— Да; кузина покойной матушки.

— Поздравляю тебя. *Très grande dame*. Она броситъ тебя *in puro coelo* какъ Юнона одного изъ своихъ молодыхъ лавиновъ.

— Знакомство между вашими домами прекратилось, возразилъ маркизь сухо, — со времени ея втораго брака; это было *mésalliance*.

— *Mésalliance!* второй бракъ! Второю мужъ ея былъ герцогъ де-Тарасковъ.

— Герцогъ первой Имперіи, звукъ мясника.

— *Diable!* Вы строгіи генеалогъ, господинъ маркизь. Какъ же ты рѣшаешься идти объ руку со мной, чей прадѣдъ поставялъ хлѣбъ той самой арміи которой дѣдъ герцога де-Тараскона поставялъ мясо?

— Любезнѣйшій Фредерикъ, родословная наша одинакова, потому что дружба наша съ тобой началась въ одно и то же время. Я порицаю герцогиню де-Тарасконъ не за то что она вышла замужъ за внука маслика, но за то что она вышла за человѣка кого сдѣлалъ герцогомъ узурпаторъ. Она отреклась отъ вѣровавій своего дома и отъ правъ своего государя. Поэтому-то ея бракъ есть латно на нашемъ гербѣ.

Фредерикъ поднялъ брови, но имѣлъ достаточно такту чтобы не продолжать этотъ разговоръ. Кто вмѣшивается въ семейныя ссоры, тотъ проживетъ всю жизнь безъ друзей.

Молодые люди прибыли на квартиру Лемерсье, антресоли выходившіе на Итальянскій Бульваръ, гдѣ было больше комнатъ чѣмъ обыкновенно требуется для холостяка, довольно низкихъ правда, но обширныхъ, отдѣляемыхъ и меблированныхъ съ роскошью изумившею провинціала, хотя съ благовоспитанною гордостью жителя Востока онъ подавлялъ всякое выраженіе удивленія.

Флорентинскіе шкалы заворо отдѣляемые высокимъ искусствомъ Мамбро, цѣнные образцы стараго севра и лиможа, картины и бронза и мраморныя статуэткы—все хорошаго выбора и дорогой цѣны отражаемое зеркалами въ венеціанскихъ рамкахъ—составяло *coup d'oeil* благоприятствовавшій тому уваженію которое человеческій умъ отдаетъ признакамъ богатства. Комфортъ былъ также не забыть какъ и роскошь. Тонкіе ковры покрывая полы, двойныя стеганыя портьеры защищали отъ сквознаго вѣтра изъ дверныхъ щелей. Давъ своему другу вѣсколько минутъ чтобъ осмотрѣть все и подивиться на столовую и залу, которыя были лучшими комнатами, Фредерикъ провелъ его въ небольшой кабинетъ украшенный краснымъ сукномъ съ золотою бахромой на которомъ были красиво расположены трофеи восточнаго оружія и турецкія трубки съ явтарными мундштуками.

Тамъ предложивъ маркизу расположиться на диванѣ и размявъ на другомъ, изящный Парижанинъ приказалъ слугѣ, отътому также хорошо какъ онъ самъ, принести кофе и ледеры; и послѣ напрасныхъ убѣжденій своего друга попробовать одну изъ его безплодныхъ сигаръ, закурилъ самъ свою регалию.

— Имъ десять лѣтъ, оказалъ Фредерикъ съ сожалѣніемъ въ голосъ по поводу лишенія которому добровольно подвергалъ себя Аленъ, — десять лѣтъ. Онъ явился на свѣтъ въ томъ году какъ мы разстались.

— Когда ты былъ такъ послѣдно отозванъ изъ коллегіи извѣстіемъ о болѣзни твоего отца. Мы напрасно ждали твоего возвращенія. Ты съ тѣхъ поръ живешь въ Парижѣ?

— Съ тѣхъ поръ; бѣдный отецъ мой умеръ отъ этой болѣзни. Состояніе его оказалось гораздо больше чѣмъ полагаю, на мою часть пришлось годового дохода съ бумагъ, домовъ и пр. больше 60.000 франковъ; и такъ какъ оставалось еще шесть лѣтъ до моего совершеннолѣтія, то капиталъ за это время могъ разумѣется увеличиться сбереженіями. Мать хотѣла оставить меня при себѣ; дядя же, назначенный вмѣстѣ съ нею моимъ опекуномъ, съ презрѣніемъ смотрѣлъ на нашъ бѣдный домикъ въ провинціи; такой богатый наследникъ долженъ былъ получить окончательное воспитаніе у парижскихъ учителей. Далеко еще не достигнувъ совершеннолѣтія я былъ уже посвященъ въ болѣе тонкія тайны нашей школы чѣмъ тѣ что прославлены Еженіемъ Сю. Когда черезъ пять лѣтъ я могъ распорядиться своимъ состояніемъ, меня считали Крезомъ; и дѣйствительно для того патріархальнаго времени я былъ богатъ. Теперь, увы! мои сбереженія истрачены на обзаведеніе; а на 60.000 франковъ въ годъ едва можетъ жить Парижанинъ. Не только цѣны на все баснословно увеличились, но чѣмъ дороже все становится, тѣмъ лучше живутъ люди. Въ началѣ другіе спекулировали на меня, теперь же я принужденъ спекулировать. До сихъ поръ я не въ убыткѣ; Дюлеси ввелъ меня въ нѣсколько хорошихъ дѣлъ въ нынѣшнемъ году, тысячъ на сто франковъ. Крезъ совѣтовался съ Дельфійскимъ оракуломъ. Дюлеси не жилъ во времена Креза, а то Крезъ совѣтовался бы съ Дюлеси.

Въ это время раздался звонокъ у наружной двери и чрезъ минуту слуга ввелъ господина лѣтъ около тридцати, пріятной наружности съ отпечаткомъ благовоспитанности и свѣтскости. Фредерикъ вскопчилъ, отъ души привѣтствовалъ вошедшаго и представилъ его маркизу подъ именемъ *сиръ-Грама Ванъ*.

— Рѣшительно, сказалъ гость снимая пальто и садясь около маркиза, — рѣшительно, любезнѣйшій Лемерсье, оказалъ онъ на правильномъ французскомъ языкѣ съ настоящимъ парижскимъ выговоромъ и интонаціей, — вы Французы заслуживаете похва-

ду за посвященное невѣдѣніе языковъ варваровъ съ которою знаменитый историкъ отзывался о древнихъ Римлянахъ. Позвольте мнѣ, маркизъ, представить на ваше рѣшеніе правильно ли произнесенные вами звуки передаютъ имя безошибочно напечатанное на этой карточкѣ.

На карточкѣ вывutoй при этомъ изъ портфеля и подавnoй Алену было напечатано:

Mr. Graham Vane*
N. Rue D'Anjou

Маркизъ посмотрѣлъ на нее такъ же какъ посмотрѣлъ бы на иероглифную надпись и передалъ ее Лемерсье храпя скромное молчаніе.

Тотъ сдѣлавъ новое усиліе произнести варварское наименованіе:

— Гра—гамъ В'анъ. *C'est ça!* Я торжествую! Всѣ затрудненія уступаютъ энергіи Француза.

Въ это время подавъ былъ кофе и ликеръ. Послѣ краткаго молчанія Англичанинъ, спокойно наблюдавшій молчаливаго маркиза, обратился къ нему и сказалъ:

— Мнѣ кажется, господинъ маркизъ, что я помню вашего отца, который былъ знакомъ съ моимъ отцомъ въ Эмсѣ. Это было много лѣтъ тому назадъ; я былъ тогда еще ребенкомъ. Въ то время графъ Шамборъ пилъ воды въ Эмсѣ. Если нашъ другъ Лемерсье не коверкаетъ ваше имя какъ мое, то я полагаю что онъ назвалъ васъ маркизомъ де-Рошбріаномъ.

— Это мое имя; я радъ слышать что мой отецъ былъ въ числѣ тѣхъ кто сѣзжался въ Эмсѣ чтобы изъяснить почтеніе королевской особѣ которой угодно было принять титулъ графа Шамбора.

— Мои предки оставались приверженцами потомковъ Якова II до тѣхъ поръ пока ихъ права не были погребены въ могилѣ послѣдняго Стюарта, и я уважаю стойкихъ людей которые, подобно вашему отцу, чтутъ въ изгнанникѣ наследника своихъ древнихъ королей.

Англичанинъ сказалъ это съ чувствомъ и граціей. Сердце маркиза сразу обратилось къ нему.

„Первый вѣрный *gentilhomme* кого я встрѣчаю въ Парижѣ“, подумалъ легитимистъ; „и, о позоръ! не Французъ.“

* Имя *Graham* сдѣдуетъ произносить Грагамъ, выговаривая букву *g* въ видѣ придыханія, какъ въ словѣ *господинъ*. *Vane* произносится почти какъ *Véauz*.

Грагажъ Вевъ протянулся, взявъ сигару предложенную ему Лемерсье и оказалъ ему:

— Вы, кто знаете свой Парижъ наизусть, вѣкъ и все въ немъ что стоить знать и многихъ и многое чего не стоить, не можете ли сказать мнѣ кто и что такое одна дама которую каждый ясный день можно видѣть прогуливающуюся въ удивительномъ мѣстѣ на опушкѣ Булонскаго Лѣса, недалеко отъ виллы барона Ротшильда? Эта дама является въ свое избранное мѣсто въ темно-синей каретѣ безъ гербовыхъ украшеній; акуратно въ третьемъ часу. Одѣта она всегда въ одномъ и томъ же шелковомъ платьѣ цвѣта *gris-perle* и въ кашмировой шали. Ей можно дать лѣтъ двадцать, годомъ больше или меньше, и лицо ея производитъ такое же сильное впечатлѣніе какъ лицо Медузы; но это не такое лицо что можетъ превратить человѣка въ камень, а скорѣе такое что камень можетъ сдѣлать человѣкомъ. Прозрачно блѣдное, цвѣта напоминающаго алебастровую лампу сквозь которую проходитъ свѣтъ. Это сравненіе я заимствовалъ у *сир* Скотта прилагавшаго его къ *милору Бирону*.

— Я не видывалъ даму которую вы описываете, отвѣчалъ Лемерсье чувствуя себя уничтоженнымъ этимъ признаніемъ,— но я не былъ ужъ вѣскольکو мѣсяцевъ въ этой отдаленной части Лѣса; пойду завтра; три часа, вы говорите; предоставьте это мнѣ; завтра вечеромъ, если она Парижанка, вы будете знать о ней все. Но, *mon cher*, вы не ревнивы если повѣряете свое открытіе другому.

— Я очень ревнивъ, возразилъ Англичанинъ;—но ревность является послѣ любви, а не предшествуетъ ей. Я не влюбленъ; она только преслѣдуетъ меня. Не будемъ ли мы завтра обѣдать у Филиппа въ семь часовъ?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, сказалъ Лемерсье;— и ты съ нами, Алексъ.

— Нѣтъ, благодарю, сказалъ быстро маркизь.

Онъ всталъ, надѣлъ перчатки и взялъ шляпу.

Видя что онъ собирается уходить, Англичанинъ, у котораго не было недостатка въ тактѣ и деликатности, подумалъ что былъ лишній въ *tête-à-tête* друзей одинаковыхъ по лѣтамъ и соотечественниковъ; онъ быстро взялъ пальто и сказалъ послѣштво:

— Нѣтъ, маркизь, не уходите еще и не оставляйте нашего хозяина въ одиночествѣ. Я приглашенъ и слѣшу; я только на минутку зашелъ къ Лемерсье увидавъ у него въ окнахъ свѣтъ. Позвольте мнѣ надѣяться что наше знакомство

этимъ не кончится, скажите гдѣ я могу имѣть честь сдѣлать вамъ визитъ?

— Нѣтъ, сказалъ маркизь,—я какъ Французъ заявляю свое право сдѣлать первый визитъ иностранцу посѣтившему нашу столицу и—добавилъ онъ болѣе тихимъ голосомъ—мыслящему такъ благородно о людяхъ которые чтутъ своихъ изгнанныхъ королей.

Англичанинъ поклонился и медленно пошелъ къ двери; но дойдя до порога обернулся и сдѣлалъ Лемерсье знакъ, не замѣченный Аланомъ.

Фредерикъ пошелъ знакъ и пройдя за Грагамомъ Веномъ въ сосѣдную комнату затворилъ дверь.

— Любезнѣйшій Лемерсье, разумѣется я не вторгнулся бы къ вамъ въ этотъ часъ чтобы сдѣлать только церемонный визитъ. Я зашелъ сказать что мадмуазель Дюваль, адресъ которой вы мнѣ прислали, не настоящая, не та которую зная нашъ обширный кругъ знакомства, я просилъ васъ помочь мнѣ найти.

— Не настоящая Дюваль? *Diable!* Она совершенно согласовалась съ вашимъ описаніемъ.

— Ничуть.

— Вы говорили что она очень красива и молода, моложе двадцати лѣтъ.

— Вы забыли что по моимъ словамъ она соответствовала этому описанію двадцать одинъ годъ тому назадъ.

— А, правда; но нѣкоторыя женщины вѣчно молоды. „Годы, сказалъ одинъ острякъ въ *Figaro*, это рѣка которую женщины заставляютъ возвращаться къ источнику когда она протекаетъ больше двадцати лѣтъ“. Ничего, *soyez tranquille*, я найду вашу Дюваль если только ее возможно найти. Но почему другъ вашъ кто поручилъ вамъ эти розыски не могъ выбрать другаго имени менѣе обыкновеннаго? Дюваль! Нѣтъ въ Парижѣ улицы гдѣ бы не было вывѣски съ именемъ Дюваль.

— Совершенно вѣрно, въ этомъ-то и затрудненіе; однакоже, любезнѣйшій Лемерсье, прошу васъ продолжайте высматривать не найдете ли Луизу Дюваль что была молода и красива двадцать одинъ годъ тому назадъ. Эти поиски должны интересовать меня больше нежели то чѣмъ я безпокоилъ васъ сегодня вечеромъ относительно дамы въ сѣро-жемчужномъ платьѣ; въ послѣднемъ случаѣ я только тѣшу свою прихоть, тогда какъ въ первомъ исполняю обѣщаніе данное другу. Вы какъ истый

Французъ понимаете разницу; первое есть дѣло чести. Я увѣренъ что вы дадите мнѣ знать если найдете другую мадамъ или мадемуазель Дюваль; и разумѣется поломните свое обѣщаніе никому не говорить о поискахъ которые вы такъ любезно взяли на себя. Поздравляю васъ съ такимъ другомъ какъ г. де-Ромбрианъ. Какая благородная наружность и манеры!

Лемерсье возвратился къ маркизу.

— Какъ жаль что ты не можешь обѣдать съ нами завтра. Я боюсь что сегодня мы плохо пообедали. Но всегда лучше завтра составлять *menu*. Я пошлю завтра предупредить Филиппа. Будь покоенъ.

Маркизь помолчалъ съ минуту, и на его молодомъ лицѣ была видна борьба гордости. Наконецъ онъ сказалъ твердо и мужественно:

— Любезнѣйшій Фредерикъ, мы съ тобою не принадлежимъ и не можемъ принадлежать къ одному обществу. Зачѣмъ мнѣ стыдиться сознаться старому школьному товарищу что я бѣденъ, очень бѣденъ; что нашъ сегодняшній обѣдъ для меня преступная расточительность? Я живу въ одной комнатѣ въ четвертомъ этажѣ; обѣдаю однимъ блюдомъ въ маленькомъ ресторанѣ; наибольшій доходъ какой я могу себѣ выгадать не превышаетъ 5.000 франковъ въ годъ; я не могу надѣяться поправить свое состояніе. Въ своемъ отечествѣ Алень де-Ромбрианъ не можетъ имѣть никакой карьеры.

Лемерсье былъ такъ удивленъ этимъ признаніемъ что нѣсколько минутъ молчалъ, съ широко открытымъ ртомъ и глазами; наконецъ онъ вскопчилъ, обнявъ своего друга и едва не со слезами воскликнулъ:

— *Tant mieux pour toi!* Ты помѣстишься со мною. У меня есть превосходная лишняя спальня. Не отказывайся. Это возвыситъ мое собственное положеніе если я буду говорить „Я живу вмѣстѣ съ Ромбрианомъ“. Это должно устроиться. Переѣзжай завтра же. Что же касается карьеры, о! мы с Дюлеси устроимъ это. Черезъ два года ты будешь миллионеромъ. А пока мы соединимъ наши капиталы: я свои скромныя средства, ты свое громкое имя. Все улажено!

— Любезнѣйшій другъ мой Фредерикъ, сказалъ молодой аристократъ глубоко тронутый, — подумавъ хорошенько ты увидишь что предлагаешь мнѣ невозможное. Я могу быть бѣденъ, это не бесчеститъ меня, но жить на чужой счетъ я

могу не увидаюсь. Не нужно быть *gentilhomme*'омъ чтобы понять это, довольно быть Французомъ. Заверни ко мнѣ когда тебѣ будетъ время. Вотъ мой адресъ. Ты единственный человѣкъ въ Парижѣ для кого я буду дома. *Au revoir.*

И ускользнувъ отъ объятій Лемерсье, маркизъ послѣшно ушелъ.

ГЛАВА III.

Алень достигъ дома гдѣ занималъ квартиру. Снаружи это былъ красивый домъ, бывшій во времена стараго режима отелемъ знатной фамилии. Въ бельэтажѣ и теперь были великолѣпныя комнаты съ потолками расписанными Лебреномъ, стѣнами на которыхъ тонкія шелковыя ткаан, ихъ покрывавшія, казались и теперь еще свѣжими. Это помѣщеніе занималъ богатый *agent de change*. Но, какъ и во всѣхъ подобныхъ палатахъ, верхніе этажи были совершенно лишены и тѣхъ удобствъ какія въ настоящее время составляютъ потребность даже бѣдныхъ людей: задняя лѣстница, узкая, грязная, никогда не освѣщаемая, темная какъ Эребъ, вела въ комнату занимаемую маркизомъ, которую могъ бы занимать только бѣдный студентъ или добродѣтельная гризетка. Но для него была особая прелесть въ этомъ старомъ отелѣ, и къ богатѣйшему жильцу не относилась здѣсь съ такимъ церемоннымъ уваженіемъ какъ къ жильцу четвертаго этажа. Привратникъ и его жена были Бретонцы, изъ деревни Рошбріана; они знали родителей Алена когда тѣ были молоды; ихъ родственникъ рекомендовалъ Алену отель гдѣ они служили. Когда онъ остановился у лужи *консьержа* чтобы взять ключъ оставленный тамъ, жена консьержа ждала его возвращенія, непременно хотѣла проводить его со свѣчей до квартиры, затопить каминъ, такъ какъ послѣ теплаго дня ночью завернулъ провзительный холодъ, что въ Парижѣ чувствительнѣе даже чѣмъ въ Лондонѣ.

Старуха, взбѣжавъ на лѣстницу впереди его, отворила дверь его комнаты и завялась растапливаніемъ камина.

— Не такъ много, добрая моя Марта, сказалъ онъ,—этого полѣна довольно. Я былъ сегодня расточителемъ и долженъ теперь поприжаться за это.

— Господишь маркизъ шутить, сказала смѣясь старуха.

— Нѣтъ, Марта, я говорю серьезно. Я согрѣшилъ, но я исправлюсь. *Entre nous*, другъ мой, Парижъ очень дорогъ

когда выйдешь за порогъ дома; я долженъ послѣдить назадъ въ Ромбріанъ.

— Господишь маркизь долженъ повезти туда съ собою маркизу, прекраснаго ангела, съ приличнымъ приданымъ.

— Приданое приличное развалинамъ Ромбріана не будетъ достаточно чтобы поправить ихъ, Марта, дайте мнѣ плафрокъ и покойной ночи.

— *Bon repos, M. le Marquis! beaux rêves, et bel avenir.*

— *Bel avenir!* пробормоталъ молодой человекъ съ горечью, склонивъ щеку на руку:—что лучше теперешняго ждетъ меня въ будущемъ? а бездѣйствіе въ молодости сильнѣе чувствуетъ ся чѣмъ въ старости. Какъ легко переносилъ бы я бѣдность еслибъ она сопровождалась своимъ облагораживающимъ спутникомъ, Трудомъ, къ которому мнѣ закрыть пути! Да, да, я долженъ возвратиться на свой утѣсь; въ этомъ океанѣ нѣтъ для меня не только паруса, даже весла.

Аленъ де-Ромбріанъ не былъ воспитанъ въ ожиданіи бѣдности. Онъ былъ единственный сынъ отца чьи помѣстья были обширнѣе владѣній самыхъ знатныхъ фамилій въ новѣйшей Франціи; его наслѣдство казалось соответствовало его знаменитому происхожденію. Получивъ воспитаніе въ провинціальной академіи онъ возвратился шестнадцатилѣтъ въ Ромбріанъ и жилъ тамъ скромно и довольно уединенно, но все-таки какъ бы въ нѣкоторомъ феодальномъ владѣніи, съ теткою, старшею и не замужнею сестрою своего отца.

Отца своего онъ видѣлъ всего два раза по выходѣ изъ училища. Бластящій *seigneur* рѣдко посѣщалъ Францію, лишь на очень короткое время, и жилъ всегда за границей. Всѣ доходы Ромбріана пересылались ему за исключеніемъ того что было необходимо на содержаніе его сына и сестры. Оба эти честныя существа питали увѣренность что маркизь въ тайнѣ употреблялъ свое состояніе на дѣло Бурбоновъ; какимъ образомъ—того они не знали, хотя часто тѣшили себя догадками; и молодой человекъ подростая питалъ надежду скоро услышать что потомокъ Генриха Четвертаго перешелъ границу, на бѣломъ боевомъ конѣ, высоко воздымая старую коругву съ цвѣткомъ лиліи. Тогда дѣйствительно открылась бы для него карьера и старый мечъ Керуэка былъ бы вынутъ изъ ноженъ. День за днемъ онъ ожидалъ услышать о возстаніи,

душою коего будетъ безъ сомнѣнія его благородный отецъ. Но маркизь, хотя былъ искреннимъ легитимистомъ, не былъ ни мало фанатикомъ энтузіастомъ. Онъ былъ просто очень гордый, очень вѣжливый, очень роскошный, и хотя не лишенный доброты и великодушія составлявшихъ весьма обычныя свойства стараго французскаго дворянства, но очень себялюбивый *grand seigneur*.

Лишившись жены (которая умерла въ первый же годъ супружества даровавъ жизнь Алену) еще въ очень молодыхъ годахъ, онъ велъ открыто распущенную жизнь доколѣ не подпалъ подъ деспотическое ярмо одной русской княгини, которая по какимъ-то таинственнымъ причинамъ никогда не посѣщала своего отечества и упорно отказывалась поселиться во Франціи. Она любила путешествовать и ежегодно перѣзжала изъ Лондона въ Неаполь, изъ Неаполя въ Вѣну, Берлинъ, Мадридъ, Севилью, Карлсбадъ, Баденъ-Баденъ, повсюду куда увлекалъ ее капризь или случай, кромѣ Парижа. Эта прекрасная скиталица прикована къ себѣ сердце и стопы маркиза де-Рошбріана.

Она была очень богата; жила почти по-царски. Домъ ея былъ какъ разъ такой гдѣ маркизу удобно было быть *enfant gâté*. Я подозреваю что подобно кошкѣ онъ былъ привязанъ скорѣе къ самому дому нежели къ хозяйкѣ. Онъ не жилъ въ одномъ домѣ съ княгиней, это не было бы согласно съ приличіями, еще менѣе согласовалось бы съ понятіемъ маркиза о собственномъ достоинствѣ. У него была собственная карета, собственное помѣщеніе, собственная свита, какъ подобало такому *grand seigneur* и любимцу такой *grande dame*. Помѣстья его, заложеныя еще прежде чѣмъ онъ получилъ ихъ, не доставляли дохода соответствовавшего его потребностямъ; онъ перезакладывалъ имѣніе изъ года въ годъ до тѣхъ поръ пока не могъ уже больше перезаложить. Онъ продалъ свой парижскій отель, не конфузясь принялъ состояніе сестры, занялъ съ одинаковымъ хладнокровіемъ капиталъ въ двѣсти тысячъ франковъ который сынъ его достигнувъ совершеннолѣтія имѣлъ получить какъ наследство послѣ матери. Аленъ уступилъ ему это состояніе не только безъ ролота, но даже съ гордостью; онъ предполагалъ что оно пойдетъ на сформированіе лодка для защиты цвѣтка лиліи.

Надо отдать справедливость маркизу; онъ былъ вполнѣ увѣренъ что вскорѣ возвратитъ и сестрѣ, и сыну то что съ

такую безпечностью взялъ у нихъ. Ему предстояло жениться на своей княгинѣ какъ только умретъ ея мужъ. Она не жила съ мужемъ уже много лѣтъ, и каждый годъ говорили что онъ не проживетъ болѣе года. Но онъ довершалъ мѣру своихъ супружескихъ несправедливостей продолжая жить; и однажды, по ошибкѣ, смерть похитила у его жены маркиза вмѣсто князя.

Это была случайность на которую маркизъ никогда не считывалъ. Онъ былъ еще довольно молодъ чтобы считать себя молодымъ; и въ дѣйствительности, одною изъ главнѣйшихъ причинъ почему сынъ его оставался въ Бретани было нежеланіе представить въ свѣтъ сына „однихъ со мной лѣтъ“, сказалъ бы маркизъ патетически. Извѣстіе о его кончинѣ, послѣдовавшей въ Баденѣ послѣ краткаго припадка бронхитиса полученнаго на ужинѣ *al fresco* въ старомъ замкѣ, было съ грустью передано Ромбріанамъ княгиней; и ударъ этотъ былъ тѣмъ сильнѣе для Алена и его тетки что они такъ мало видали покойнаго что смотрѣли на него какъ на историческій мѣлъ, воплощеніе рыцарства осудившаго себя на добровольное изгнаніе лишь бы не подчиняться узурпатору. Но ихъ скоро пробудило отъ ихъ печали сомнѣніе останется ли замокъ Ромбріанъ собственностію ихъ фамиліи. Кромѣ владѣтелей закладныхъ, кредиторы изъ многихъ европейскихъ столицъ предъявили свои требованія, а все движимое имущество переданное Алену вѣрнымъ Италіянцемъ, слугою его отца, за исключеніемъ экипажей и лошадей проданныхъ въ Баденѣ, состояло изъ великолѣпнаго несессера, гдѣ въ секретномъ ящичкѣ было нѣсколько банковыхъ билетовъ, тысячъ на тридцать франковъ, трехъ большихъ ящичковъ заключавшихъ въ себѣ корреспонденцію маркиза, нѣсколькихъ миниатюрныхъ женскихъ портретовъ и большого количества локоновъ волосъ.

Совершенно не приготовленный къ раззоренію которое теперь угрожало ему, молодой маркизъ обнаружилъ природную твердость характера спокойно встрѣтивъ опасность и разумно взвѣсивъ и отдаливъ ее.

Съ помощію фамильнаго нотаріуса сосѣдняго города онъ привелъ въ ясность свои обязательства и средства, и увидалъ что за улатою всѣхъ долговъ и за отчисленіемъ процентовъ по закладнымъ имѣніе, долженствовавшее доставлять 10.000 фунтовъ годоваго дохода, будетъ давать только 400 фунтовъ въ годъ. Но даже и это не было обезпечено, и опасность для

имѣнія не прекращалась, ибо главный закладчикъ, парижскій капиталистъ по имени Лувье, которому при жизни покойнаго маркиза не разъ приходилось ожидать полугодовой уплаты процентовъ долѣе чѣмъ хватало его терпѣнія,—а терпѣніе его было не велико,—наотрѣвъ объявилъ что если еще разъ случится подобная задержка, то онъ воспользуется своими правами на имѣніе; а во Франціи неблагоприятные годы еще болѣе чѣмъ въ Англіи вліяютъ на полученіе дохода съ земли. Уплачивать каждый годъ правильно 9.600 фунтовъ изъ 10.000 съ вѣроятностью потерять все въ случаѣ неуплаты, будь то отъ неурожая, отъ просрочки платежа фермерами, отъ того что лѣсъ упадетъ въ цѣнѣ,—значитъ жить подъ Дамокловымъ мечомъ.

Два года однакожь и болѣе Аленъ отражалъ эти затрудненія осторожно и стойко; онъ измѣнилъ образъ жизни какой до сихъ поръ велъ въ замкѣ, отказался отъ сельскихъ забавъ коими привыкъ пользоваться, и жилъ какъ жили его мелкіе арендаторы. Но вѣроятность риска въ будущемъ не уменьшалась.

— Есть только одинъ способъ, господинъ маркизь, сказала фамильный нотаріусъ, г. Геберъ,—съ помощію котораго вы можете достигнуть нѣкоторой безопасности для вашего имѣнія. Отецъ вашъ отъ времени до времени возвышалъ сумму залога имѣнія, такъ какъ ему нужны были деньги, и часто платилъ высшіе проценты чѣмъ обыкновенно платятъ. Вы можете значительно увеличить свой доходъ консолидируя всѣ эти закладныя въ одну за болѣе низкіе проценты, и сдѣлавъ это расплатиться съ этимъ ужаснымъ заимодавцемъ г. Лувье, которому, я сильно подозреваю, очень хочется сдѣлаться собственникомъ Рошбріана. Къ несчастію, небольшіе участки земли которые не были сильно обременены долгами, и будучи смежны съ мелкими собственниками очень удобны для нихъ и могли бы быть съ выгодой проданы, уже пошли на уплату долговъ покойнаго маркиза. Остались однакожь двѣ большія фермы примыкающія къ городу С., за которыя, я думаю, можно получить хорошую цѣну; но эти земли вмѣстѣ съ другими заложены г-ну Лувье, а онъ соглашается освободить ихъ только по уплатѣ всего долга. При переводѣ же закладной на другаго кредитора можно бы не включать эти земли и такимъ образомъ получить болѣе 100.000 франковъ; вы бы могли беречь ихъ для непредвидѣнныхъ случаевъ,

и они послужили бы основаніемъ капиталу для постепеннаго выкупа имѣнія. При небольшомъ капиталѣ, господинъ маркизъ, доходы съ имѣнія могли бы значительно увеличиться, лѣса и фруктовые сады можно бы привести въ порядокъ и устроить дренажъ и орошеніе на поляхъ окружающихъ С. Телерь въ Бретани начинаютъ понимать сельское хозяйство, и въ рукахъ умнаго капиталиста ваша земля могла бы скоро удвоиться въ цѣнѣ. Итакъ, мой совѣтъ вамъ ѣхать въ Парижъ, обратиться къ хорошему стралчому опытному въ подобныхъ дѣлахъ, переговорить о консолидаціи вашихъ закладныхъ на такихъ условіяхъ чтобы можно было продать отдѣльныя дачи, и такимъ образомъ улаживать долгъ по частямъ согласно условію; поищите не найдется ли надежной компаніи или частнаго человѣка кому бы можно было сдать на года устройство лѣсовъ, дренажированіе полей и надзоръ за рыбными ловлями. Они, правда, захотятъ пользоваться всѣми выгодами въ теченіи многихъ лѣтъ, можетъ-быть двадцати; но вы еще молодой человѣкъ; по прошествіи этого времени, управленіе имѣніемъ опять перейдетъ къ вамъ, съ такимъ увеличеннымъ доходомъ что закладныя, страшныя телерь, покажутся вамъ сравнительно ничтожными.

Вслѣдствіе этого совѣта, молодой маркизъ прибылъ въ Парижъ, снабженный письмомъ отъ г. Гебера къ знаменитому стралчому и нѣсколькими письмами отъ тетки къ дворянамъ Предмѣстья бывшимъ въ родствѣ съ ихъ домомъ. Одна изъ причинъ почему г. Геберъ побудилъ своего кліента взяться за это дѣло лично, а не предложилъ самъ отравиться въ Парижъ, не относилась къ его профессіи. Онъ искренно и глубоко любилъ Алена; ему жаль было этой молодой жизни, такъ безплодно проходившей среди уединенія и строгихъ лишеній; онъ уважалъ рыцарскія чувства преданности изгнанной династіи, но былъ слишкомъ практической человѣкъ чтобы раздѣлять эти чувства, которыя лишали человѣка карьеры и безъ нѣкоторыхъ видоизмѣненій отрѣзывали его отъ всѣхъ надеждъ и стремленій современнаго поколѣнія. Онъ считалъ довольно вѣроятнымъ что атмосфера столицы была необходима для умственнаго здоровья, чахнувшего посреди феодаальныхъ тумановъ Бретани; что полавъ въ Парижъ Аленъ напитается парижскими идеями, изберетъ себѣ какую-нибудь карьеру ведущую къ поче-

стамъ и богатству, что было бы легко благодаря его происхожденію, историческому имени такъ популярному что всякая династія старалась бы привлечь его въ число своихъ приверженцевъ,—благодаря его уму, не изощренному еще соприкосновеніемъ и соперничествомъ съ другими, но сильному въ себѣ самомъ, привычному къ мысли, и оживленному благородными стремленіями.

По меньшей мѣрѣ Алень былъ бы въ Парижѣ въ такомъ общественномъ положеніи что ему могъ представиться случай жениться, при чемъ его происхожденіе и титулъ могли бы быть равнозначительны большому состоянію, которое способствовало бы выкулу его *seigneuries*. На сей конецъ онъ предупредилъ Алена что дѣло за которымъ отъ отправляется въ Парижъ можетъ затянуться, что стражчіе всегда дѣйствуютъ медленно, и совѣтовалъ ему разчитывать что придется пробыть въ столицѣ нѣсколько мѣсяцевъ, можетъ-быть и годъ. При этомъ онъ деликатно намекнулъ что до сихъ поръ жизнь его была слишкомъ уединенна для его лѣтъ и общественнаго положенія, и что годъ въ Парижѣ, даже въ случаѣ если онъ потерпитъ неудачу, не будетъ потеряннымъ временемъ, ибо доставитъ ему знаніе людей и жизни которое поможетъ ему лучше бороться съ затрудненіями по возвращеніи.

Алень раздѣлилъ съ теткой свой скудный доходъ и прибылъ въ Парижъ твердо рѣшившись жить въ немъ на 200 фунтовъ въ годъ что пришлось на его долю. Онъ почувствовалъ во всемъ существѣ своемъ переворотъ, начавшійся какъ голякко онъ потерялъ изъ виду тѣ мѣста гдѣ былъ предметомъ феодальнаго почтенія, которое сохранилось еще въ глухихъ частяхъ Бретани къ представителямъ славныхъ именъ связанныхъ съ незапамятными преданіями этой провинціи.

Самая суетная на желѣзной дорогѣ, съ толпой пассажировъ, короливною и безцеремоннымъ демократизмомъ путешествія, огорчила и смутила его и смягчила то чувство личнаго достоинства въ которомъ онъ былъ воспитанъ. Онъ почувствовалъ что стулѣвъ за предѣлы Ротбріана становился лишь единицей въ суммѣ человѣческихъ существъ. Прибывъ въ Парижъ и достигнувъ мрачнаго отеля который былъ ему рекомендованъ, онъ привѣтствовалъ даже безотрадность того

одиночества которое обыкновенно такъ подавляетъ чужаго человѣка въ столицѣ своей родины. Лучше быть одному нежели чувствовать себя потеряннымъ въ колоту и давки чуждой толпы. Въ теченіе нѣсколькихъ первыхъ дней онъ скитался по Парижу не заходя даже къ стряпчему къ которому направилъ его г. Геберъ. Съ инстинктивною находчивостью ума, которая при болѣе правильномъ воспитаніи доставила бы ему большія выгоды, онъ чувствовалъ что надобно пропитаться мѣстною атмосферой и набраться общихъ идей, которыя въ большихъ городахъ такъ заразительны что могутъ быть уловлены по первымъ впечатлѣніямъ, прежде чѣмъ вступить въ дѣловые отношенія.

Наконецъ онъ отправился къ стряпчему г. Гандрену, въ улицу Св. Флорентина. Онъ механически составилъ себѣ понятіе о жизни и личности стряпчаго изъ своего знакомства съ Геберомъ. Онъ ожидалъ найти мрачный домъ въ мрачной улицѣ близъ дѣловаго центра, вдали отъ мѣстъ посѣщаемыхъ лѣнливцами, и серьезнаго человѣка безъ всякихъ претензій и зрѣлыхъ лѣтъ.

Онъ достигъ отеля заново отдѣланнаго снаружи, богато убранаго внутри, въ модномъ кварталѣ близъ Тюйлери. Онъ вступилъ на широкій подъѣздъ, и былъ проведенъ въ бельэтажъ. Подождая въ конторѣ, безукоризненно чистой, гдѣ щеголеватые молодые люди помѣщались за красивыми конторками, онъ былъ наконецъ допущенъ въ великолѣпную комнату, къ джентльмену развалившемуся въ креслахъ предъ бюро *marqueterie, genre Louis Seize*, и забавлявшемуся бѣлою курчавою комнатною собачкой съ острою мордой и пронзительнымъ лаемъ.

Джентльмень, при входѣ его, вѣжливо всталъ и пустилъ собачку, которая обнюхавъ маркиза соблаговолила не укусить его.

— Господинъ маркизь, сказалъ г. Гандренъ взглянувъ на карточку и рекомендательную записку отъ г. Гебера посланная ему Адемомъ и лежавшія теперь на секретерѣ въ сторонѣ отъ калы писемъ тщательно подобранныхъ и перевязанныхъ, — я радъ чести познакомиться съ вами. Вы только-что прибыли въ Парижъ? Г. Геберъ — достойнѣйшій человѣкъ, хотя я никогда не видалъ его, но я съ нимъ переписывался — говорить что вы желаете получить мой совѣтъ; онъ писалъ мнѣ

несколько дней тому назад сообщая объ этомъ дѣлѣ—консолидациі закладныхъ. Требуется очень большая сумма, господинъ маркизъ, и найти ее не легко.

— Тѣмъ не менѣе, сказалъ Аленъ спокойно, — мнѣ представляется что въ Парижѣ должно быть много капиталистовъ которые желаютъ помѣстить свои деньги подъ вѣрное обезпеченіе за хорошіе проценты.

— Вы ошибаетесь, маркизъ; очень мало такихъ капиталистовъ. Люди у кого теперь есть деньги любятъ скорый оборотъ и большіе барыши, благодаря великолѣпной системѣ *Crédit Mobilier*, которая, какъ вы знаете, даетъ возможность каждому помѣстить деньги въ торговлю или спекуляцію, не вступая въ обязательства превосходящія его часть. Почти всѣ капиталисты теперь или торговцы или спекуляторы.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ маркизъ приподымаясь, — мнѣ остается думать, милостивый государь, что вы не можете пособить мнѣ.

— Нѣтъ, я не говорилъ этого, маркизъ. Я хорошенько вникну въ дѣло. Безъ сомнѣнія, у васъ есть съ собою извлеченіе изъ необходимыхъ документовъ, условія настоящихъ закладныхъ, описаніе доходовъ имѣнія, расчеты на его будущасть и т. д.

— Милостивый государь, у меня есть такое извлеченіе изъ документовъ съ собою въ Парижѣ; и просмотрѣвъ его вмѣстѣ съ г. Геберомъ, я могу завѣрить васъ моимъ словомъ что бумаги вполнѣ согласны съ положеніемъ дѣла.

Маркизъ сказалъ это съ наивною простотою какъ будто его слова было совершенно достаточно чтобы покончить съ этою стороною вопроса.

Г. Гандренъ вѣжливо улыбнулся и сказалъ:

— *Eh bien*, господинъ маркизъ, пожалуйста мнѣ это извлеченіе; черезъ недѣлю я скажу вамъ мое мнѣніе. Нравится вамъ Парижъ? Замѣчательно похорошѣлъ при императорѣ. *A propos*, г-жа Гандренъ принимаетъ завтра вечеромъ. Позвольте мнѣ воспользоваться этимъ случаемъ чтобы познакомиться съ нею.

Не приготовленный къ этому приглашенію, маркизъ могъ только пробормотать благодарность и согласіе.

Черезъ минуту онъ былъ на улицѣ. На слѣдующій вечеръ онъ отправился къ г-жѣ Гандренъ, гдѣ было блестящее

собраніе — цѣлый движущійся букетъ орденскихъ кавалеровъ. Исполнивъ церемонію представленія гжѣ Гандренъ, красивой женщины, превосходно одѣтой и разговаривавшей съ секретаремъ одного изъ посольствъ, молодой аристократъ забился въ темный тихій уголокъ, наблюдая все окружающее и воображая что самъ онъ укрылся отъ наблюденій. И глядя какъ молодые люди его лѣтъ мелькали мимо него или когда изъ разговоры достигали его слуха убѣдился онъ что съ головы до ногъ, снаружи и внутри, онъ былъ старомоднымъ, устарѣлымъ человекомъ, не принадлежалъ своему поколѣнію, не принадлежалъ своему времени. Самый титулъ его представлялся ему пустою бумагой, документомъ на владѣніе наслѣдствомъ давно растраченнымъ. Не такъ великолѣпные *seigneurs* Ротбрианъ совершали свой дебютъ въ столицѣ своей націи. Они имѣли доступъ въ кабинеты своихъ королей; они блистали на балахъ въ Версали; занимали высокіе посты и отличались при дворѣ и на поляхъ битвъ; орденъ Св. Луизы казался бытъ изъ наслѣдственнымъ достоинствомъ. Отецъ его, хотя добровольный изгнанникъ въ зрѣлые годы, былъ въ дѣтствѣ королевскимъ лакомъ, и въ теченіи всей жизни вращался въ обществѣ привцевъ; а здѣсь, на вечерѣ стралчаго, неизвѣстный, незамѣчаемый, ищущій покровительства стралчаго, стоялъ послѣдній маркизъ Ротбрианъ.

Не трудно догадаться что Аленъ не оставался долго. Но онъ былъ тамъ достаточно долго чтобъ убѣдиться что при двухстахъ фунтовъ годоваго дохода свѣтское общество Парижа, даже то общество какое было у г. Гандренъ, было не для него. Тѣмъ не менѣе, дня два спустя онъ рѣшилъ сдѣлать визитъ ближайшему изъ всѣхъ родственниковъ къ кому имѣлъ лисьма отъ тетки. Для графа де-Вандемара, одного изъ такихъ же какъ онъ самъ аристократовъ звѣтнаго Преміества, онъ всегда останется Ротбрианомъ, во дворцѣ или въ хижинѣ. Дѣйствительно Вандемары, хотя въ теченіи многихъ поколѣній до первой революціи были могущественною и блестящею фамиліей, всегда признавали Ротбриановъ главою своего дома, стволемъ отъ котораго они были отпрыскомъ явившимся въ пятнадцатомъ столѣтіи, когда младшій сынъ Ротбриановъ женился на богатой наслѣдницѣ и вмѣстѣ съ землею принялъ титулъ Вандемара.

Съ тѣхъ поръ члены обѣихъ фамилій часто вступали между собою въ браки. Настоящій графъ извѣстенъ былъ своимъ

умомъ, самъ былъ крупный собственникъ и могъ подать совѣтъ полезный Алену въ его переговорахъ съ г. Гавдреномъ. Отель де-Вандемаръ былъ напротивъ отеля де-Рошбріанъ; первый былъ не такъ обширенъ, но такой же почтенный, мрачный и похожій на тюрьму.

Когда онъ отвелъ глаза отъ гербоваго щита который все еще оставался, хотя потрескавшійся и обвалившійся, надъ порталомъ дома принадлежавшаго его предкамъ и готовъ былъ перейти улицу, двое молодыхъ людей, ловидимому года на два или на три постарше его, выѣхали верхомъ изъ отеля де-Вандемаръ.

Красивые молодые люди, съ надменнымъ взглядомъ людей древней фамилии, были одѣты съ тою изысканною тщательностію которая у родовитыхъ людей является не щегольствомъ, но кажется составляетъ часть самоуваженія нераздѣльнаго со старымъ рыцарскимъ чувствомъ чести. Лошадь одного изъ всадниковъ сдѣлала скачокъ и очутилась какъ разъ возлѣ Алена, готоваго перейти улицу. Всадникъ удержавъ лошадь приподнялъ шляпу и извинился съ благовоспитанною вѣжливостію, но въ то же время снисходительно, какъ бы обращаясь къ низшему. Этотъ незначительный случай и пренебрежительное обращеніе со стороны чловѣка однихъ съ нимъ лѣтъ, одинаковаго происхожденія и безъ сомнѣнія одной крови — онъ угадалъ что это были сыновья графа де-Вандемара—разстроили Алена до такой степени которую можетъ-быть пойметъ только Французъ. Онъ былъ почти готовъ отложить свой визитъ и возвратиться. Однакожъ его природное мужество взяло верхъ надъ этимъ болѣзненнымъ чувствомъ, которое, просящая отъ соединенія гордости и бѣдности, дѣйствуетъ точно также какъ тщеславіе, хотя не есть само тщеславіе.

Графъ былъ дома, худощавый сухой чловѣкъ, съ узкимъ но высокимъ лбомъ и съ выраженіемъ лица провицательнымъ, строгимъ и нѣсколько насмѣшливымъ.

Онъ однакоже принялъ маркиза сначала очень радушно,—расцѣловался съ нимъ на обѣ щеки, называлъ его кузеномъ, выражалъ безконечное сожалѣніе что графиня уѣхала по дѣламъ благотворительности, чѣмъ знатныя дамы Предмѣстья занимаются съ религіознымъ рвеніемъ, и что сыновья его только-что выѣхали кататься въ Будонскій лѣсъ.

Когда же Аленъ приступилъ просто и безъ ложнаго стыда

къ изложенію причинъ побудившихъ его прійхать въ Парижъ перечислилъ свои доходы, упомянулъ о скудости своихъ средствъ, улыбка исчезла съ лица графа; онъ нѣсколько отъ двинулъ свое кресло съ видомъ человѣка желающаго удалитъ ся отъ чужихъ затрудненій; и когда Аленъ кончилъ, онъ нѣ сколько времени покашливалъ, и глядя пристально на коверъ сказалъ наконецъ:

— Любезнѣйшій молодой другъ мой, отецъ поступилъ съ вами чрезвычайно дурно, безчестно....

— Стойте! сказалъ маркизъ вслыхнувъ. — Никто не имеетъ права говорить такъ о моемъ отцѣ въ моемъ присутствіи.

Графъ подыалъ на него изумленные глаза, пожалъ плечами и возразилъ хладнокровно:

— Если вы, маркизъ, довольны поведеніемъ вашего отца, разумѣется это не мое дѣло; онъ никогда не оскорблялъ меня. Я думаю, однакоже, что принимая въ расчетъ мои дѣла и общественное положеніе, вы пришли ко мнѣ за совѣтомъ. Не такъ ли?

Аленъ наклонилъ голову въ знакъ согласія.

— Есть четыре средства которыя можетъ избрать человекъ въ вашемъ положеніи, сказалъ графъ дотрогиваясь указательнымъ пальцемъ правой руки до большого и трехъ другихъ пальцевъ лѣвой,—четыре средства, не больше. Первое: Поступить какъ совѣтуетъ вашъ нотариусъ: консолидировать ваши кладныя, улучшить доходы какъ только можно, возвратитъ въ Рошбріанъ и дожить остальную жизнь въ той же бѣдности. При этомъ способѣ жизнь ваша будетъ постояннымъ домъ лишеній и серіозной борьбы; и по всей вѣроятности не будете имѣть успѣха: придутъ одинъ или два неурожайныхъ года, арендаторы не залатяютъ денегъ, уплата по закладу будетъ просрочена, и черезъ двадцать лѣтъ работъ и мучъ вы преждевременно состаритесь и останетесь безъ колты. Способъ второй: Рошбріанъ, хоть и сильно обремененъ долгами и можетъ давать вамъ не больше дохода чѣмъ сколько отецъ вашъ платилъ своему *chef de cuisine*, все-таки это одно изъ великолѣпныхъ имѣній которыя разыскиваютъ банкеры и биржевые игроки, за которое они дадутъ в громадную сумму. Если вы помѣстите ее въ хорошія руки я не сомнѣваюсь что вы будете въ состояніи приобрести три мѣсяца собственности на такихъ условіяхъ что остатокъ

благоразумно помѣщенный, дать вамъ возможность жить въ Парижѣ какъ прилично взшему общественному положенію и вашимъ лѣтамъ. Слѣдуетъ мнѣ продолжать? Улыбается вамъ этотъ способъ?

— Продолжайте, графъ; я буду отстаивать до послѣдней крайности наслѣдіе предковъ и не могу добровольно продать ихъ родныя деревья и могилы.

— Ваше имя останется при васъ, вы будете такъ же хорошо приняты въ Парижѣ и ваше благородное происхожденіе будетъ признано также безусловно хотя бы даже вся Іудея раскинула кущи свои въ Рошбріанѣ. Подумайте какъ немногіе изъ насъ *gentilshommes* стараго режима продолжаютъ владѣть своими помѣстьями. Мы сохранили только наши имена; ихъ никакая революція изгладить не можетъ.

— Можетъ-быть и такъ, но простите меня, есть предметы о которыхъ мы не можемъ разсуждать, которые мы можемъ только чувствовать. Рошбріанъ можетъ-быть у меня отнять, но добровольно я не уступлю его.

— Перехожу къ третьему способу. Сохраните замокъ, но отбросьте его преданія; останьтесь *de facto* маркизомъ Рошбріаномъ, но признайте настоящій порядокъ вещей. Сдѣлайтесь извѣстны людямъ власть имѣющимъ. Они примутъ васъ съ восторгомъ; опора въ старомъ дворянствѣ обезпечиваетъ прочность новой системы. Вамъ дадутъ мѣсто въ дипломатіи; вы сдѣлаетесь посланникомъ, министромъ, а министры въ настоящее время имѣютъ случаи приобрѣтать громадныя состоянія.

— Этотъ способъ также невозможенъ какъ предыдущій. Доколѣ Генрихъ V не откажется формально отъ своего права на престолъ Св. Лудовика, я не могу служить никому другому сидящему на престолѣ.

— Таково и мое убѣжденіе, сказалъ графъ, — и я держусь его; но мое имѣніе не заложено, и ни лѣта мои ни наклонности не способствуютъ общественной дѣятельности. Послѣдній способъ можетъ-быть лучше другихъ; во всякомъ случаѣ онъ самый легкій. Богатая женитьба; даже еслибъ это было *mésalliance*. Я думаю въ ваши лѣта, съ вашею наружностію, ваше имя стодитъ по крайней мѣрѣ два милліона франковъ въ глазахъ богатаго *roturier* съ честолюбивою дочерью.

— Увы! сказалъ молодой человекъ вставая, — вижу что мнѣ остается ѣхать назадъ въ Рошбріанъ: я не могу продать свой

зѣмокъ, не могу продать свои убѣжденія, не могу продать свое имя и самого себя.

— Последнее все мы дѣлавали при старомъ режимѣ. Хотя я до сихъ поръ имѣю титулъ де-Вандемара, имѣнье мнѣ досталось отъ дочери откупщика, на которой мой дѣдъ, къ счастью для насъ, женился во времена Лудовика XV. Браки съ людьми и высокаго общественнаго положенія, и умными всегда были *mariages de convenance* во Франціи. Только въ *le petit monde* люди ничего не имѣющіе женятся на дѣвушкахъ безъ средствъ, и я не думаю чтобъ они были счастливѣе отъ этого. Напротивъ, семейныя ссоры доводятся до ужасныхъ преступленій, какъ видно изъ *Gazette des Tribunaux*, происходятъ преимущественно между тѣми кто не продавалъ себя предъ брачнымъ алтаремъ.

Старый графъ проговорилъ это съ угрюмою насмѣшкой. Онъ былъ вольтеріанецъ.

Вольтеріанство оставлено новѣйшими французскими либералами; его теперь придерживаются болѣе остряки стараго режима. Они подбираютъ его легкое оружіе на поляхъ битвы гдѣ гибли ихъ предки, и снова оперяютъ противъ *canaille* стрѣлы направлявшіяся прежде противъ *noblesse*.

— Прощайте, графъ, сказалъ Аленъ вставая. — Хотя я и не имѣю намѣренія воспользоваться вашими совѣтами, тѣмъ не менѣе благодарю васъ за нихъ.

— До свиданья, кузенъ; вы будете о нихъ лучшаго мнѣнія поживъ мѣсяца два въ Парижѣ. Кстати, жена моя принимаетъ по средамъ; считайте нашъ домъ своимъ.

— Графъ, могу ли я съ доходомъ какой получаю съ имѣнія занять приличное моему происхожденію мѣсто въ обществѣ что собирается у графини?

Графъ поколебался.

— Нѣтъ, сказалъ онъ наконецъ искренно, — не потому что васъ примутъ съ меньшимъ радушіемъ или будутъ меньше уважать, но потому что вы горды и щелетильны какъ *seigneur de province*. Общество будетъ только огорчать васъ, а не доставлять вамъ удовольствіе. Еще хуже, я знаю по воспоминаніямъ собственной молодости и по горькому опыту моихъ сыновей, вы неизбежно войдете въ долги, а долги при вашихъ обстоятельствахъ поведутъ къ потерѣ Рошбріана. Нѣтъ; я приглашаю васъ посѣтить насъ. Общаю вамъ самое избранное, но не самое блестящее общество Парижа, потому

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1874 г.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, стоить въ 1874 г. въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки **пятнадцать руб. пятьдесятъ копѣекъ**, съ доставкой на домъ въ Москвѣ и Петербургѣ **шестнадцать рублей** и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **семнадцать рублей**.

Желающіе могутъ подписываться также на полгода, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 8 руб., съ доставкой на домъ и съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи 8 р. 50 к. и на три мѣсяца, платя въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, 4 р., съ доставкой и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи 4 р. 25 к.

Заграничныя высылаютъ за доставку въ государства Германскаго Почтоваго Союза—18 р.; въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію—19 р.; въ Англію, Данію, Швецію, Грецію, Европейскую Турцію и Францію—20 р. 50 к.; въ Испанію, Португалію, Норвегію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты—21 р. 60 к. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской Типографіи на Страстномъ бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Алексѣева.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Зингелъгадтъ.

Въ почтовыхъ мѣстахъ Имперіи подписка на Русскій Вѣстникъ не принимается.

Иногородныя адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

Изъ числа подписчиковъ *Русскаго Вѣстника* 1874 года желающіе получить напечатанныя въ прошломъ году главы романовъ: Антони Троллопа: **Леди Анна** и Булвера **Кенелмъ Чиллинглі** благоволятъ заявить о томъ редакціи, прилагая одинъ рубль.

—*—*—

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о),
на Страстномъ бульварѣ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.

ТОМЪ СТО ДЕВЯТЫЙ.

1874

660019

ФЕВРАЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ВОЙНА И РЕВОЛЮЦІЯ. Очерки нашего времени. Продолженіе. В. П. Безобразова.
- II. „ВЪ ДЫМКЪ-НЕВИДИМКЪ“. Стихотвореніе. А. А. Фета.
- III. ДВѢ СИЛЫ. Романъ. Конецъ первой части. В. В. Крестовскаго.
- IV. СОВРЕМЕННАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИВОПИСЬ. Эстетическій этюдъ по поводу Вѣнской всемірной выставки. Г. Е. Струве.
- V. ИСТОРИЯ БЛѢДНАГО МОЛОДАГО ЧЕЛОВѢКА. Романъ въ трехъ книгахъ съ прологомъ. Книга первая. Д. В. Аверкіевъ.
- VI. МОАВІЯ. Д.
- VII. ФАУСТЪ. Трагедія Гёте. Часть первая. Сцена III. И. Н. Павлова.
- VIII. ЛЕДИ АННА. Романъ. Антони Троадола. Переводъ съ англійскаго. Гл. XXXVI—XXXVII.
- IX. РЕКЛАМА ВО ФРАНЦІИ. Петра Петрова.
- X. СЛОВО О ПОЛКУ ШГОРЕВЪ. Н. Вишня.
- XI. НОВОЕ СЛОВО СТАРОЙ КРИТИКИ. А.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- I. ВЕНЕЛМЪ ЧИЛЛИНГЛИ ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МНѢНІЯ. Романъ Эдуарда Буavera, лорда Литтона. Переводъ съ англійскаго. Книга шестая. Гл. XI—XVII. Книга первая. Гл. I—VI.
- II. ПРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Буavera, лорда Литтона. Переводъ съ англійскаго. Книга первая. Гл. IV—VIII и книга вторая Гл. I.

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦІЯ*

ОЧЕРКИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Революція и французское общество.

„Франція, писалъ Лоренцъ Штейнъ,** есть страна Европы въ которой всѣ общія европейскія движенія быстрее и рѣшительнѣе чѣмъ гдѣ-либо находятъ опредѣленныя для себя формы. Вотъ почему, во всѣхъ отношеніяхъ публичнаго быта, эта страна привлекаетъ къ себѣ вниманіе всей Европы; всѣ признаютъ что она какъ бы предназначена служить пробнымъ камнемъ для испытанія дѣйствительной цѣнности и правды всѣхъ принциповъ управляющихъ практическою и государственною жизнью образованнаго міра. То же значеніе имѣетъ Франція и для новѣйшихъ общественныхъ движеній, для социальной борьбы нашего времени. Здѣсь, какъ нигдѣ,

* См. *Русск. Вѣстн.* 1872 № 9, 1873 №№ 2, 4, 5 и 9.

** L. Stein, *Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich, von 1789 bis auf unsere Tage*, Leipzig, 1850, р. СХХХVII. Вслѣдствіе особенностей слога автора, мы были часто вынуждены передавать его слова буквально, а въ свободномъ переводѣ.

общество * имѣетъ въ прошедшемъ исторію, богатую результатами и назиданіями. Въмѣстѣ съ тѣмъ зрѣющее нынѣшнее положеніе этой націи всякому представляется тревожнымъ. Вслѣдствіе этого и практическіе люди высшихъ образованныхъ и умущихъ классовъ, и историкъ, и философъ, находятъ во Франціи обильную почву для размышленія надъ причинами борьбы возмущающей нынѣ спокойствіе всего европейскаго общества. Если и прежде для объясненія всѣхъ этихъ новыхъ общественныхъ явленій нельзя было довольствоваться изложеніемъ ученій социализма и коммунизма, то теперь остановиться на этомъ еще менѣе возможно. Великое, далеко выходящее за границы всѣхъ этихъ ученій, движеніе нашего времени заставляетъ насъ доискиваться первоначальныхъ корней этихъ явленій во Франціи, и видѣть въ нихъ не только одну изъ нынѣ существующихъ формаций ея общества, но и продуктъ всей ея исторіи. А эта исторія такова, что ее совершенно невозможно излагать какъ простое сцѣпленіе внѣшнихъ обстоятельствъ, какъ рядъ картинъ, временно одна за другою появлявшихся на сцену. Эта исторія имѣетъ свою глубокую внутреннюю жизнь, безъ которой она не можетъ быть изучаема. Кто не захочетъ во всѣхъ этихъ общественныхъ явленіяхъ нашего времени познать работу исторіи, тотъ не пойметъ ни ея самой, ни значенія этихъ новыхъ элементовъ во всемъ современномъ европейскомъ обществѣ. Если этотъ общій взглядъ на Францію можетъ быть высказанъ относительно всей ея исторіи, то онъ съ наибольшою силою примѣняется къ новѣйшему ея періоду, съ 1789. Часто замѣчали что въ особенности Германія перенимала почти шагъ за шагомъ эту часть французской исторіи. Въ этомъ ее даже упрекали, и этотъ упрекъ обращали противъ нея въ оружіе. Это несправедливо. То что происходило во Франціи возникло не изъ какой-либо исключительной даровитости Французской націи; ея исторія съ 1789 года важна для насъ не потому чтобы она была какимъ-либо великимъ ея подвигомъ, а потому собственно что эта исторія есть чистѣйшее, безъ примѣси постороннихъ вліяній, прояв-

* Выраженіе *общество* и общественныя движенія и вопросы употребляются здѣсь авторомъ въ отиченіе отъ государства и государственныхъ или политическихъ движеній и вопросовъ. Л. Штейль первый систематически и научно установилъ различіе этихъ двухъ понятій.

леніе законовъ движенія общественной и политической жизни. Все развитіе этого историческаго періода во Франціи и его отдѣльныя крупныя событія и значительнѣйшіе законодательные акты, всѣ они были явленія исторически необходимыя. Были необходимы политическія революціи 1789 и 1830 годовъ: было также необходимо выступленіе на сцену социальныхъ идей, было необходимо чтобы социальная демократія рѣшилась впервые испытать свое счастье въ революціи 1848 года. Конечно, нисколько не было исторически необходимо чтобы все это случилось именно въ эти годы, въ сопровожденіи такихъ-то именно обстоятельствъ: но было необходимо чтобы все это вообще случилось. Исторія Франціи заключаетъ въ себѣ наилучшія фактическія доказательства для науки объ обществѣ. Поэтому-то всѣ историческія изслѣдованія объ обществѣ влекутся ко Франціи и къ ея революціямъ. Между прочимъ сосредоточеніе всѣхъ ея жизненныхъ элементовъ въ ея столицѣ позволяетъ здѣсь слѣдить за каждымъ шагомъ историческаго развитія явленій какъ въ умственной, такъ и въ матеріальной ихъ сферѣ, наглядно видѣть послѣдовательное зарожденіе и борьбу каждой общественной стіи, почти мѣсяцами измѣрять продолжительность каждаго движенія. Все что въ теченіи пятидесяти лѣтъ, послѣ революціи, было говорено и продумано въ Европѣ о великихъ вопросахъ нашего будущаго, все это уже было въ эту эпоху въ зародышѣ, который теперь открыто лежитъ предъ нами; всѣ разнообразныя европейскія конституціи, возникшія изъ разнообразныхъ общественныхъ формацій, всѣ государственныя учрежденія, которыя каждая изъ нихъ собою обусловливала, все это уже было здѣсь испытано. Очень немногое сохранилось для насъ отъ всѣхъ созиданій 1789—1795 годовъ; но и очень немногое осталось нетронутымъ въ этомъ періодѣ. Все послѣдующее время было только повтореніемъ, въ большихъ размѣрахъ, опытовъ этихъ шести лѣтъ; потому-то всегда будетъ плодотворною работою изученіе французской революціи, какъ введеніе во всю новѣйшую исторію европейскаго общества.“

Такъ характеризовалъ въ 1850 году общее значеніе Французской революціи глубокій политическій мыслитель нашего времени въ своемъ классическомъ сочиненіи. Франція и нынѣ остается вѣрно этому призванію, очерченному Л. Штейномъ вслѣдъ за потрясеніями 1848—49 годовъ. Перехода отъ одного

го кризиса къ другому, она до сихъ поръ не можетъ сойти съ революціоннаго пути, на который вступила въ 1789 году; все нынѣшнее положеніе вещей во Франціи не позволяетъ и предвидѣть чтобы въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ она могла покинуть этотъ злополучный путь. Тѣ же государственные и социальные вопросы какіе возникали съ конца прошлаго столѣтія разрѣшались другими націями посредствомъ мирной борьбы и законной реформы. Государственныя преобразованія никакъ не менѣе радикально чѣмъ во Франціи перестроили въ XIX столѣтіи государство и общество у всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ, но нигдѣ не сопровождались они ломкою основъ и формъ государственнаго правленія, а здѣсь эта ломка сдѣлалась самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, неизбежнымъ даже при второстепенныхъ замѣшательствахъ въ государственномъ механизмѣ. Случай который въ другихъ государствахъ разрѣшился бы министерскимъ кризисомъ сопровождается во Франціи государственнымъ переворотомъ, какъ это было между прочимъ въ 1830 году, при законной монархіи, въ 1848 году при орлеанской, въ 1849 году при имперіи и въ 1873 году при республикѣ.

Революціонныя вспышки случались во всей Европѣ, хотя и онѣ загорались почти всегда отъ искръ выброшенныхъ изъ Франціи. Но въ этой странѣ революціонный вѣдугъ сдѣлался хроническимъ, и именно онъ въ соединеніи съ притверженностью Французовъ ко вѣшной красотѣ и пластичности, къ изяществу языка, къ ораторскому искусству, придаетъ всѣмъ общественнымъ явленіямъ ту опредѣленность и рѣзкость формъ о которыхъ говоритъ Л. Штейнъ, и которыя мы тщетно стали бы искать въ другихъ государствахъ. Въ этомъ одна изъ тайнъ французскаго національнаго генія, отличающая его отъ другихъ націй, и благодаря всему этому самыя трудныя, сухія, прозаическія государственныя задачи получаютъ здѣсь даже для непосвященной публики оживленіе и блескъ какихъ онѣ не имѣютъ нигдѣ. Государственные вопросы самыя запутанныя въ практикѣ, самыя отвлеченныя въ теоріи, разрѣшающіеся въ исторіи другихъ народовъ подъ грудами законодательныхъ актовъ и административныхъ распоряженій, здѣсь облекаются въ трагическія катастрофы, въ театральныя представленія, поражающія слухъ и зрѣніе каждаго. Оттого всѣ привыкли смотрѣть на Францію какъ на зрѣлище и Французы сами привыкли думать

что глаза всего свѣта постоянно обращены на нихъ. Рабочіе, растабарывая въ парижскихъ клубахъ, непрерывно восклицали въ 1870 году: „n'oublions pas que le monde a les yeux fixés sur nous.“ *

Самая первоначальная фаза ** Французской революціи, уже ознаменованная гражданскою войной и потрясая весь міръ, заключалась ни въ чемъ иномъ какъ въ упраздненіи послѣднихъ остатковъ феодальной системы и крѣпостнаго права, на почвѣ гражданскаго и административнаго (финансоваго) права. То же самое уничтоженіе сословныхъ привилегій и водвореніе гражданской, судебной и податной равноправности подданныхъ совершились потому во всей образованной Европѣ какъ самыя обыкновенныя явленія. Понятія которыя нынѣ принадлежать къ разряду самыхъ элементарныхъ родились на свѣтъ во Франціи посреди грома и молніи (засѣданіе учредительнаго собранія 4го августа 1789 года) и въ послѣдствіи были проповѣданы міру на концѣ меча (Code Civil Наполеона I).

Пользуясь для политическаго назиданія нашего французскими революціонными движеніями, какъ наиболѣе рѣзкими и наглядными проявленіями общихъ началъ государственнаго и социальнаго развитія Европы, какъ самымъ ощутительнымъ пульсомъ ея жизни, мы вмѣстѣ съ тѣмъ обязаны отличать особенныя, мѣстныя, свойственныя только Франціи причины болѣзненныхъ біеній этого пульса, обязаны разыскать и положить исключительныя историческія причины того революціоннаго склада который получилъ развитіе государственнаго и общественнаго строя Франціи съ конца XVIII столѣтія и для котораго явтъ тѣхъ же причинъ въ другихъ государствахъ.

Съ этими мыслями и обращаемся теперь къ послѣднему революціонному взрыву, подъ дѣйствіемъ котораго Франція находится до сихъ поръ. Въ противоположность прежнимъ возрѣніямъ, преувеличивавшимъ всемірное значеніе французскихъ событій, общественное мнѣніе нынѣ односторонне расположено видѣть въ возстаніи Парижской коммуны 1871 года такіе частыя уродашное и исключительное, не только чуждое

* *Moïnari, les clubs rouges.*

** L. Stein, *Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich* 1 B., pp. 1-18; 22-40; 50-60; 73-82, etc. Н. v. Sybel, *Geschichte der Revolutionszeit*, 1 B., pp. 70-72.

политической жизни остальной Европы, но даже оторванное отъ всѣхъ предыдущихъ революціонныхъ движеній самой Франціи. Между тѣмъ коммуналистское возстаніе 1871 года, подготавливавшееся, какъ мы видѣли, гораздо ранѣе Франко-Германской войны, было только новымъ эпизодомъ въ исторіи той же самой революціи. Лишь въ общей связи съ кровавымъ революціоннымъ недугомъ Франціи можетъ раскрыться предъ нами историческое значеніе этого событія. Какъ ни была, однако, обусловлена парижская коммуналистская смута чисто французскими обстоятельствами, какъ она ни своеобразна и ни чудовищна, какъ она ни мало возможна во всякой другой странѣ, тѣмъ не менѣе это все-таки частіца общей современной исторіи Европы. Въ ней продолжается общее движеніе европейской политической жизни, хотя и запечатлѣнное отличительными свойствами французскаго національнаго духа и французской исторіи. Подъ этою мѣстною, національною и революціонною ободочкою, мы найдемъ зерно общевропейскихъ вопросовъ, стоящихъ нынѣ на очереди у всѣхъ образованныхъ народовъ, и ими также мало лорѣшенныхъ какъ и во Франціи. Таковъ въ сферѣ государственной, государственнаго устройства и управленія, вопросъ объ общинной и провинціальной автономіи, о мѣстномъ самоуправленіи и его отношеніяхъ къ центральной государственной власти, и тутъ же весь трудный вопросъ объ отношеніяхъ городовъ къ сельскому населенію; таковъ также въ сферѣ общественной или соціальной, въ народномъ хозяйствѣ и во внутренней организаціи самого общества вопросъ рабочій.

Не будемъ останавливаться на фактической исторіи коммуналистскаго возстанія: она у всѣхъ на памяти. * Не станемъ также входить въ подробное изслѣдованіе ближайшихъ причинъ или поводовъ этого событія; онѣ всѣмъ извѣстны. Безпокойная масса рабочаго класса, всегда готовая въ Парижѣ служить войскомъ для всякихъ безпорядковъ, была уже гораздо ранѣе, за нѣсколько лѣтъ до войны, распо-

* Между прочимъ можно подробно ознакомиться съ этою исторіей изъ весьма безпристрастнаго изложенія въ *Histoire de la commune de Paris en 1871*, par Sempronius; см. также G. Schneider, *Pariser Briefe*, Leipzig, 1872, IV th. Въ этой послѣдней книгѣ разказаны всѣ событія изо дня въ день. Также см. докладъ садоводственной комиссіи о возстаніи 18го марта, и показаніе г. Тьера предъ этою комиссіей.

жена къ возстанію пролагандою Интернаціоналки и ея агентовъ; * къ парижскому населенію присоединилось множество всякаго пришлага и бродячаго люда, всегда здѣсь обильнаго, а во время войны собравшагося сюда со всѣхъ концовъ свѣта, подъ дѣйствиємъ той же пролаганды. Объ этой пролагандѣ, имѣющей свое главное значеніе въ рабочемъ вопросѣ, мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Она сама по себѣ не объясняетъ парижскихъ событій 1871 года, такъ какъ она одинаково дѣйствуетъ во всей Европѣ, столько же и едва ли не гораздо сильнѣе въ Англии и Германіи чѣмъ во Франціи. Если несомнѣнно участіе въ подготовленіи коммуналистскаго возстанія со стороны Интернаціоналки, нѣсколько членовъ которой засѣдали въ самой коммунѣ, то также несомнѣнно что она только въ Парижѣ и во Франціи нашла почву особенно благоприятную для своего дѣла; нигдѣ ничего подобнаго она не была въ силахъ произвести, хотя не въ Парижѣ, а въ Лондонѣ находилась ея центральная распорядительная комитетъ, а ассоціаціи и всякіе союзы рабочихъ, несравненно многочисленнѣе и богаче въ Англии чѣмъ во Франціи. Но английскіе рабочіе, которымъ ни въ какомъ случаѣ нельзя отказать ни въ личной энергіи, ни въ способности къ совокупному дѣйствию, ни даже въ безлокойномъ духѣ, не поддаются революціоннымъ планамъ Интернаціоналки. Послѣ паденія Парижской коммуны, массы ея приверженцевъ бѣжали въ Англію, куда впрочемъ постоянно притекають, гораздо даже болѣе чѣмъ во Францію, самая буйная и отверженная дѣти революціи изъ всѣхъ странъ Европы. Несмотря на то британское

* См. Sempronius, *Histoire de la commune de Paris*, Ch. V; Oscar Testut, *L'internationale et le jacobinisme au ban de l'Europe*, Paris, 1872; также парламентское свидѣніе надъ возмущеніемъ 18го марта, и обязательная рѣчь правительственнаго комиссара въ Версальскомъ военномъ судѣ. Доказанное множествомъ достовѣрныхъ фактовъ участіе Интернаціоналки въ подготовленіи парижскаго рабочаго населенія къ возмущенію нисколько не опровергается повдѣйниахъ протестомъ одного изъ ея вождей, Карла Маркса (въ публикованномъ письмѣ его изъ Берлина, отъ 28го апрѣля 1871 года), пропавъ коммуналистскаго возстанія. Не говоря о прочемъ, достаточно обратить вниманіе на слова самого Карла Маркса въ этомъ письмѣ что „парижское движеніе, прекрасное въ принципѣ, было только преждевременно“.

правительство не признало нужнымъ принимать никакихъ экстремныхъ мѣръ противъ прилива коммуналистовъ, хотя и были дѣлаемы настоянія въ этомъ смыслѣ служащими государственными людьми Англіи. * Интернаціоналка вынуждена изъ Лондона обращать свои замыслы главнѣйше на Францію. Поэтому-то, ея значительную работу въ средѣ парижскаго рабочаго народонаселенія мы называемъ только поводомъ къ коммуналистскому возстанію, а никакъ не причиною. Не впервые бунтовалъ Парижъ въ 1871 году и не мало находилъ онъ каждый разъ всякихъ крутыхъ и мелкихъ къ тому поводовъ; особенныя обстоятельства времени только придавали парижскимъ волненіямъ колоритъ данной эпохи, но въ своемъ существѣ были весьма однообразны.

Были и другія историческія обстоятельства слишкомъ достаточныя чтобы произвести революціонный взрывъ въ Парижѣ въ 1871 году. При своихъ издавна закоренѣлыхъ привычкахъ къ беспорядкамъ и возмущеніямъ, массы парижскаго населенія никогда не были лучше вооружены какъ въ эту пору; организація національной гвардіи дала оружіе въ руки каждому, а правительство національной обороны по своему безразсудству не отобрало этого оружія по заключеніи мира.

Продолжительное осадное положеніе Парижа, связанное съ прекращеніемъ всѣхъ обычныхъ заработковъ, съ крайними лишениями въ удовлетвореніи необходимѣйшихъ потребностей жизни, раздражило до нельзя все парижское населеніе, мѣняе всякаго другаго способное терпѣливо переносить лишения. Масса низшаго населенія свыкла въ время осады съ полувоеннымъ и беспорядочнымъ образомъ жизни. При этомъ, дневное казенное вознагражденіе за службу въ національной гвардіи и даровая раздача хлѣба бѣдному населенію приучили его къ беззаботному существованію на счетъ чужаго кармана. Все это раздраженіе, все это натянутое состояніе нервовъ парижскаго населенія не только низшаго, но и высшаго, во время осады, были усилены унижительными для Франціи условіями мира съ Германіей, и въ особенности воступленіемъ германскихъ войскъ въ Парижъ, тѣмъ болѣе что французская лубайка, по своему легковѣрью, постоянно надѣялась на по-

* См. засѣданіе палаты ордеръ 28го іюня 1871 года.

бѣду и была поддерживаема въ своихъ надеждахъ правительствомъ національной обороны и его военачальниками.

Поразительнѣйшая черта возстанія 1871 года заключается въ обстоятельствѣ обыкновенно исключающемъ возможность бунта и гражданской войны: мы говоримъ о присутствіи вѣншаго врага. Вожаки парижскаго возстанія не только не смутились этимъ обстоятельствомъ, но даже пытались вступить въ переговоры съ ненавистными Прусаками противъ еще болѣе ненавистнаго Версальскаго, то-есть французскаго правительства.

Эта послѣдняя, самая чудовищная, черта парижскихъ событій 1871 года, возможная, казалось бы, только за предѣлами европейской цивилизаціи, гдѣ-нибудь въ Средней Азіи, всего яснѣе указываетъ на глубину недуга въ государственномъ организмѣ Франціи; тѣмъ болѣе что Французская нація отличается пламеннымъ патріотизмомъ и страдаетъ чувствительнымъ національнымъ самолюбіемъ.

Но люди захватившіе въ свои руки власть въ Парижѣ въ 1871 году дѣйствительно признавали самымъ непримиримымъ врагомъ своимъ Версальское, то-есть французское, правительство, а съ нимъ и собраніе законныхъ представителей всей Французской націи, свободно и логическою подачею голосовъ ею избранныхъ. Значитъ, эти люди сами становились непримиримыми врагами всего Французскаго государства, въ лицѣ единственно возможныхъ въ то время его представителей; они были врагами не того или другаго вида этого государства, республиканскаго или монархическаго, а всякаго Французскаго государства. Иной возможной въ то время формы этого государства и его верховной власти не было. Не признавать этой власти могли бы еще только защитники имперіи, правительства разрушеннаго 4го сентября подобнымъ же возстаніемъ и насиліемъ. Налымъ въ Парижѣ чужеземныхъ, космополитическихъ революціонныхъ элементовъ, также не объясняетъ этого явленія: количество воишь этихъ кочевниковъ всеобщей революціи, которые признають свое отечество вездѣ гдѣ только открывается приволье для революціонныхъ приключеній, было ничтожно и между руководителями коммунистскаго возстанія, и въ особенноти въ общей массѣ двухъ-милліоннаго парижскаго народонаселенія, имъ безпрекословно повиновавшагося. Еще болѣе ничтожно было количество империалистовъ или ихъ агентовъ,

еслибъ и было справедливо существовавшее подозрѣніе относительно ихъ участія въ коммуналистскомъ заговорѣ. Во всякомъ случаѣ, какъ ни было многочисленно количество заговорщиковъ, оно было мелкимъ атомомъ въ общей массѣ парижскаго населенія или равнодушнаго или непріязненнаго къ коммуналистамъ,—и тутъ-то возникаетъ вопросъ: какъ могла эта горсть негодяевъ произвести такой переворотъ?

Люди желавшіе глубже проникнуть въ коренныя причины парижскаго возмущенія 18го марта 1871 года указывали, съ одной стороны, на естественную нравственную связь между этимъ событіемъ и провозглашеніемъ республики и правительства національной обороны 4го сентября 1870 года, между одинаково революціоннымъ и насильственнымъ происхожденіемъ Парижской коммуны и правительства противъ котораго она возстала; съ другой стороны, указывали также на покровительство, явное и тайное, которое само императорское правительство изъ страха и ненависти къ умѣреннымъ либеральнымъ и конституціоннымъ партіямъ оказывало крайнимъ демагогическимъ направленіямъ, и между прочимъ ассоціаціямъ и клубамъ рабочихъ гдѣ главнѣйше созрѣвали революціонныя планы. * Такія сужденія о парижскихъ событіяхъ 1871 года заключаютъ въ себѣ много истины. По весьма естественнымъ побужденіямъ личнаго самосохраненія, имперія мирволила революціонной демократіи и дурнымъ инстинктамъ и замысламъ невѣжественныхъ слоевъ общества противъ высшихъ и образованныхъ; социальный раздоръ и вражда демагоговъ къ умѣреннымъ либеральнымъ партіямъ парализовали силы послѣднихъ въ ихъ борьбѣ противъ административнаго произвола, ослабляли вообще политическое значеніе просвѣщенныхъ общественныхъ сферъ, и потому не могли не нравиться императорской администраціи. Но этого мало. Корни связи имперіи и демагогій лежатъ глубже. Императоръ Наполеонъ III былъ слишкомъ политически опытенъ и дальновиденъ чтобъ обращаться къ демагогіи изъ одной вражды къ конституціонной оппозиціи; его правительственная система была, по революціонному происхожденію самой имперіи, *вынуждена* вступать въ сдѣлку съ революціей, по

* См. Ch. de Mazade, *L'enquête le 18 mars* (въ *Revue de deux Mondes*). То же высказано въ самомъ докладѣ парламентской комиссіи о причинахъ возстанія 18го марта.

своему существованию была вынуждена опираться на невѣжественныя и немущія народныя массы, въ которыхъ она была наиболѣе популярна, а потому была вынуждена мирволить мятежному духу которымъ онѣ были проникнуты въ большихъ городахъ. Высшіе и образованные классы и ихъ либеральныя партіи противопоставили имперіи не то что законную парламентскую оппозицію, а непримиримую вражду къ ея основамъ; всакій, самый рискованный, союзъ противъ такой вражды дѣлается необходимостью.

Точно также справедливо что правительство національной обороны, само возникшее изъ толпы уличной, не имѣло подъ собою никакой законной почвы и не обладало никакою нравственною силою чтобы бороться съ революціонными элементами которые накопились около него и организовались на просторѣ въ обширный заговоръ. Само правительство 4го сентября, не только своимъ происхожденіемъ, но даже и личнымъ составомъ (г. Рошфоръ), незаметно сливалось съ этими элементами и потому вынуждено было дружить съ ними, заискивать ихъ благорасположеніе и оставлять, вопреки негодованію публики, безнаказаннымъ даже такія дерзкія противъ него самого покушенія, какъ парижская смута 31го октября, когда сами верховные члены правительства сидѣли подъ арестомъ у бунтовщиковъ. Такія плачевныя условія власти, отнимавшія у ея носителей всякую возможность нравственной и законной борьбы съ анархическими общественными стихіями, не могутъ быть поставлены въ упрекъ людямъ вошедшимъ въ составъ правительства 4го сентября; они (по крайней мѣрѣ) значительнѣйшіе изъ нихъ) не были заговорщики. На ихъ глазахъ пала всякая государственная власть во Франціи; они, какъ сами они выражались въ послѣдствіи, подняли ее на улицы, взяли на себя не честь ея, а только ея бремя, при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Не они виноваты въ положеніи вещей которое издавна исторически сложилось около нихъ. Безъ нихъ правительство могло бы попасть въ распоряженіе самыхъ крайнихъ орудій революціи и демагогій, то-есть предводителей коммунистскаго возстанія, которое вмѣсто 18го марта, и произошло бы 4го сентября. Не то ли же самое было въ 1848 году, не ту ли же самую политическую роль разыграли умѣренные члены временнаго правительства возникшаго изъ февральской катастрофы, которая

также точно какъ революція 1870 года была лишь временно сдержана Ламартиномъ и его сподвижниками до своего вторичнаго и самаго крайняго разлива во время июньскихъ дней? Ничто лучше не доказываетъ исторической необходимости событій, общихъ историческихъ законовъ ими управляющихъ, независимо отъ воли участвующихъ въ нихъ людей, какъ ихъ однообразіе въ разные періоды времени, при всемі различіи обстоятельствъ и характеровъ. Наконецъ историческая неизбѣжность всего движенія революціоннаго пароксизма, начавшагося при второй имперіи и окончившагося парижскими пожарами, доказывается лучше всего тѣмъ что самая рѣшительная и ожесточенная фаза этого пароксизма (открытое коммуналистское возстаніе въ Парижѣ и подчиненіе всего парижскаго населенія революціонному террору) совершилась не при революціонномъ правительствѣ 4го сентября, а при законномъ, которое было образовано національнымъ собраніемъ выбраннымъ поголовнымъ голосованіемъ всего Французскаго народа.

Предъ верховною властью народнаго представительства, свободно и законно избранною, не остановилось коммуналистское возстаніе; оно положило оружіе не предъ правомъ, а предъ матеріальною силою, благодаря которой французскія войска, подъ начальствомъ Макъ-Магона, одержали побѣду надъ войсками коммуны. Послѣ этой ожесточенной гражданской войны настало спокойствіе во Франціи, но, по всеобщему убѣжденію, бой можетъ ежеминутно возобновиться, и если не возобновляется, то только вслѣдствіе всеобщаго утомленія, матеріальнаго безсилія революціонной партіи, утратившей значительное количество своего войска, а никакъ не вслѣдствіе большей внутренней прочности, большаго могущества нынѣшняго республиканскаго правительства чѣмъ всѣ предыдущія правительства во Франціи. Сравнительно съ другими правленіями, оно даже гораздо болѣе шатко, такъ какъ въ его законную, нематеріальную силу, въ его постоянство, не вѣрятъ даже сами его члены, исповѣдующіе монархическую и нѣсколько не республиканскую религію. Не будетъ стоять за это правительство армія, не будетъ во главѣ его добраго солдата которому она согласна повиноваться, и оно падетъ въ нѣсколько часовъ какъ пали всѣ другія.

Итакъ, обзорѣніе ближайшихъ причинъ послѣднихъ револю-

ционных потрясеній во Франціи только приводит насъ къ необходимости искать болѣе отдаленныя и болѣе глубокія причины ихъ; намъ нужно знать причины которыя лостомино производить эти потрясенія на французской исторической почвѣ, при обстоятельствахъ нисколько не сопровождающихся тѣми же самыми явленіями въ другихъ государствахъ. Намъ нужно знать причины этого революціоннаго хода государственной исторіи Франціи, который только въ своихъ частностяхъ и эпизодахъ, никакъ не въ своей сущности могъ зависѣть отъ воли и характера людей смѣнявшихся у кормила правленія съ 1789 года. Для этой-то главнѣйшей цѣли мы и хотимъ воспользоваться коммуналистскимъ возстаніемъ 1871 года, которое было только однимъ изъ мгновенныхъ кризисовъ давнишняго болѣзненнаго состоянія государства.

Прежде всего, конечно, необходимо узнать: что такое была въ дѣйствительности эта коммуна или эта организація захватившая въ свое распоряженіе всѣ публичныя власти въ Парижѣ въ 1871 году, и какимъ образомъ она возникла? Этотъ вопросъ весьма не маловаженъ для изученія исторической почвы французской революціи и мы постараемся отвѣтить на него какъ можно короче, не вдаваясь въ изложеніе событій, чуждое вашей цѣли. Не должно терять изъ виду что вслѣдъ за Парижемъ подымались коммуналистскія возстанія и въ другихъ городахъ Франціи: уже по этому коммуналистское движеніе есть не исключительно парижское, а общепаризское, а въ Парижѣ можетъ быть только лучше изучено.

Уже на другой день послѣ низверженія имперіи, 5го сентября 1870 года, были образованы во всѣхъ кварталахъ (arrondissements) Парижа лицами дѣйствовавшими въ клубахъ рабочихъ и агентами международной рабочей ассоціаціи (такъ - называемой Интернаціоналки) наблюдательные комитеты (conseils de vigilance), поставившіе себѣ задачей преслѣдовать изменниковъ, шпіоновъ и подозрительныхъ людей и вообще помогать правительству въ организаціи обороны столицы противъ непріятеля.* Эти комитеты были

* См. Sempronius, *Histoire de la commune de Paris*, p. 53 и слѣд., и Schneider, *Pariser Briefe*, III и IV томы; изъ этихъ источниковъ мы преимущественно почерпаемъ предлагаемыя здѣсь фактическія свѣдѣнія.

особенно дѣятельны въ частяхъ города населенныхъ рабочими, и тамъ, при безлечности и слабости муниципальныхъ должностныхъ лицъ, они дѣлались центрами для всего буйнаго и празднаго населенія, приобрѣтая въ его глазахъ силу и авторитетъ. Подъ предлогомъ обсужденія спосособовъ спасенія Парижа отъ непріятеля, эти комитеты устраивали публичныя собранія, въ которыхъ ежедневно, предъ тысячами слушателей, площадные ораторы и демагоги всякаго рода занимались главнымъ образомъ не возбужденіемъ патріотическаго духа противъ видимаго непріятеля, а распространеніемъ недовѣрія и ненависти къ защитникамъ отечества, къ самому опасному внутреннему врагу, какъ они выражались, то-есть ко всѣмъ установленнымъ властямъ, ко всему существующему государственному порядку. Посреди самыхъ нелѣпыхъ и дикихъ рѣчей противъ религіи, семейства, собственности и т. д., одна тема, повторявшаяся на всѣ лады, была всего яснѣе и понятнѣе толлѣ-необходимость ниспроверженія правительства. Другая тема заданная организаторами этихъ собраній была гораздо менѣе ясна и понятна * слушателямъ: это *коммуна*, которую для спасенія Парижа и Франціи, а съ ними и всего человечества, нужно было поставить на мѣсто правительства и вообще Французскаго государства. Какъ ни темно было для невѣжественной публики это слово, заимствованное изъ преданій первой революціи и Парижской коммуны девяностыхъ годовъ, тѣмъ не менѣе оно ежедневно во время осады Парижа звучало на всѣхъ этихъ митингахъ какъ лозунгъ спасенія, на который недовольная толпа привыкала собираться, благоговѣя предъ нимъ тѣмъ болѣе чѣмъ менѣе была она понятна ей. Слово *республика*, около котораго соединялись прежде недовольныя и готовыя къ возмущенію народныя массы, было теперь совсѣмъ безсильно для этой цѣли, такъ какъ республика уже существовала въ дѣйствительности. Нужно было новое слово, достаточно смутное для невѣжественныхъ понятій и не сознательныхъ инстинктовъ толпы, связанное со священной легендой великой революціи и вполне соответствующее, какъ мы увидимъ, замысламъ руководителей движенія. Сверхъ все-

* Очевидцы рассказываютъ что публика въ клубахъ слушавшая длинныя рѣчи о коммунахъ не связывала съ этими словами никакихъ опредѣлительныхъ понятій. Каждый понималъ его по-своему.

го этого, слово коммуна своимъ однозвучіемъ напоминало о коммунизмѣ, хотя и по историческому своему происхожденію, и по практическому смыслу ему приданному предводителеми революціи 1871 года, не имѣло почти ничего общаго съ коммунистическими ученіями; но все-таки оно привлекало къ себѣ всѣхъ залоздалыхъ приверженцевъ ихъ.

Такъ положено еще въ 1870 году первое сѣмя организаціи посредствомъ которой нѣсколько мятежниковъ самовольно перехватили въ свои руки всю публичную власть въ Парижѣ и поставили мало-по-малу свою организацію на мѣсто законныхъ муниципальныхъ учреждений. Этотъ фактъ, далеко не новый во Франціи, есть самый знаменательный въ этихъ событіяхъ. Общество людей никѣмъ не призванныхъ, даже мало кому извѣстныхъ, кромѣ почитателей, устроенныхъ ими клубовъ и аудиторій изъ самыхъ невѣжественныхъ и грязныхъ слоевъ населенія, самовластно организуется на подобіе государственной власти, забираетъ въ свое неограниченное распоряженіе столицу государства съ полутора миллионнымъ населеніемъ и предполагаетъ также самовольно распоряжаться судьбами всей Французской націи, предписывая законы ея законнымъ представителямъ. Революціонныя знаменитости прежняго времени примкнувшія къ коммунистамъ или не играли между ними первостепенныхъ ролей, каковы Бланки, Пиа и пр., или отшатнулись отъ нихъ въ послѣдствіи, какъ Луи Бланъ, Викторъ Гюго и др.

Во всякомъ городѣ подобномъ Парижу, а въ Парижѣ болѣе чѣмъ гдѣ-либо, всегда есть масса людей готовая собраться для возмущенія и безпорядковъ около сколько-нибудь организованнаго для этого центра. А уломянутыя особыя обстоятельства Парижа еще болѣе помогли коммунистической организаціи сосредоточить около себя буйныя толпы его населенія. Съ помощью ихъ, коммунисты едва не завладѣли центральнымъ государственнымъ управленіемъ Франціи еще когда оно находилось въ Парижѣ. Въ то время заговорщики еще не распоряжались національною гвардіей, то есть вооруженнымъ населеніемъ Парижа; большинство національной гвардіи было еще предано правительству и спасло его отъ бунта и нападкн въ городской ратушѣ 31го октября. Послѣ калитулациі Парижа и заключенія перемирія (28го января 1872), въ самую критическую эпоху Франціи, коммунистическая организація сдѣлала важный шагъ впередъ:

она захватила въ свое распоряженіе національную гвардію, соединилась и слилась съ нею. Черезъ это немногочисленный кружокъ заговорщиковъ, не только подчинилъ себѣ все вооруженное населеніе Парижа, но и придалъ своему самовластію вѣншее подобіе правильно устроенной власти. Это было достигнуто посредствомъ революціонной организаціи національной гвардіи поставленной подлѣ законной: для управленія національною гвардіей былъ самовольно организованъ изъ ея членовъ *центральный комитетъ*, который, посредствомъ делегатовъ по всѣмъ батальонамъ, забираетъ въ свои руки весь ихъ составъ. Этотъ внезапно выросшій изъ-подъ земли центральный комитетъ (*comité central de la garde nationale*) дѣлается открытымъ, гласнымъ органомъ бунтовщиковъ, сливается съ ихъ первоначальнымъ негласнымъ учрежденіемъ, *федеральнымъ республиканскимъ комитетомъ*, сосредоточившимъ въ себѣ всѣ нити движенія, и становится во главѣ возстанія, которое съ этой только минуты дѣлается совсѣмъ явнымъ. Отсюда и начинается возстаніе 18го марта 1871 года. Центральный комитетъ, уже вооруженною рукою, завладѣваетъ въ этотъ день главнымъ штабомъ національной гвардіи, городскою ратушей, то-есть управленіемъ города, и затѣмъ всѣми муниципальными и государственными учрежденіями Парижа. Вся столица очутилась въ рукахъ бунтовщиковъ, которые въ прокламаціи центральнаго комитета (19го марта) объявляли народонаселенію Парижа что правительство низложено, что съ тѣмъ вмѣстѣ Парижъ и съ нимъ вся Франція освобождены отъ враговъ республики, и что Парижане будутъ немедленно созваны для общинаныхъ выборовъ. „Пролетаріи столицы, говоритъ въ своемъ офиціальномъ журналѣ это самозванное правительство, посреди слабости и измѣны правительственныхъ классовъ, поняли что настала часъ сласти положеніе, взявъ въ свои руки управленіе государственными дѣлами. Они воспользовались властью которую *вручили имъ народъ (?)*, съ умѣренностью и мудростью которая выше всякихъ похвалъ... Они доказали свое величайшее безкорыстіе и свое полное самоотверженіе. Только-что получивъ власть, они спѣшатъ созвать народъ Парижа въ его комици для немедленнаго избранія общинанаго (коммунальнаго) городского управленія, которому и передадутъ свою однодневную власть.“ *

* Sempronius, *Histoire de la commune de Paris*, p. 90.

Такова, въ самыхъ краткихъ чертахъ, исторія коммунистскаго возстанія. Парижъ и Франція съ изумленіемъ узнаютъ 19го марта 1871 года, что у нихъ образовалось новое правительство, которое торжественно, съ полнымъ осознаніемъ своего права, говоритъ отъ имени верховной власти, будто бы врученной ему народомъ, и излагаетъ какъ законную центральную государственную власть, дѣйствительно поставленную всѣмъ Французскимъ народомъ, такъ и законную муниципальную власть, избранную парижскимъ населеніемъ. Совершаютъ этотъ государственный переворотъ, потрясшій всю Францію, нѣсколько человекъ никому неизвѣстныхъ, * нѣсколько пролетаріевъ, то-есть самыхъ ничтожныхъ, отверженныхъ членовъ общества, какъ они сами себя называютъ; единственная, мѣстная извѣстность нѣкоторыхъ изъ этихъ людей заключалась въ ихъ участіи въ рабочихъ стачкахъ и волненіяхъ во время Имперіи. „Кто эти люди, говоритъ правительство въ своемъ манифестѣ 19го марта, въ отвѣтъ на упомянутую прокламацію, вошедшіе въ составъ этого комитета? Никто ихъ не знаетъ; ихъ имена новы для всѣхъ. Никто даже не знаетъ къ какой партіи они принадлежатъ. Коммунисты ли они? или бонапартисты, или Прусаки? Не агенты ли они этой трезкой коалиціи?...“ Предъ этою кучкою людей, произвольно и самозванно присвоивающихъ себѣ верховное право распоряженія не только столицею, но и всѣмъ государствомъ, предъ этою малочисленною шайкою негодяевъ, выкнутъ и падаютъ въ одно мгновеніе всѣ законныя власти въ Парижѣ, государственныя и муниципальныя, казенныя, бюрократическія и общественныя выборныя; послѣ нѣсколькихъ насилій и убійствъ, произведенныхъ по приказанію этихъ самозванцевъ, войско, подъ предводительствомъ начальниковъ назначенныхъ законнымъ правительствомъ, отступаетъ, покидаетъ Парижъ, въ опасеніи что оно окажется малочисленнѣе военныхъ силъ бунтовщиковъ, и что при встрѣчѣ съ ними

* Первая прокламація центрального комитета національной гвардіи, 19го марта, къ народу, подписана слѣдующими именами: Али Биальоре, Ферри, Бабицъ, Эд. Моро, Дюлонъ, Вараель, Мортъе, Бурсье, Гус, Лавалетъ, Журдъ, Руссо, Люлае, Баанше, Гролардъ, Барру, Жеремъ, Фабръ и Пужере.

его собственные люди станутъ переходить на ихъ сторону.* Революціонная военная сила, хотя и подъ руководствомъ вѣсколькихъ темныхъ личностей, организовалась къ бою быстрее и крѣпче чѣмъ правительственная: фактъ замѣчательный! Революціонное правительство съ перваго же дня такъ увѣрено въ своемъ могуществѣ что завладѣвъ всѣмъ внутреннимъ управленіемъ вступаетъ въ переговоры съ прусскими военными начальниками, какъ правительство общепризнанное въ своей странѣ. Между тѣмъ, малочисленный кружокъ темныхъ людей такъ отважно распоряжающихся и принуждающихъ всю массу парижскаго населенія къ безпрекословному себѣ повиновенію есть въ немъ ничтожный атомъ; все населеніе во всѣхъ слояхъ негодуетъ и возмущено противъ этого дерзкаго произвола и насилія, какъ это между прочимъ доказывается единодушнымъ протестомъ всѣхъ безъ изъятія, даже самыхъ крайнихъ органовъ печати, въ Парижѣ. Тѣмъ не менѣе революціонное правительство упрочивается, и противъ него, для освобожденія взятаго имъ въ лонъ Парижа, регулярныя войска Франціи должны вести вѣсацы правильной осады. Вотъ самая любопытная сторона этихъ событій, заставляющая всего болѣе надъ ними задуматься и разительнѣе всего раскрывающая внутреннее политическое положеніе Франціи.

Намъ немного остается сказать чтобы закончить формальную исторію Парижской коммуны. Всѣ дальнѣйшія разнообразныя формы этой организаціи были, при всемъ различіи названій, также произвольны и насильственны какъ и первоначальныя революціонныя сборища и комитеты въ Парижѣ, и при всей наружной законности которою силились окружить свои дѣйствія коммуналисты, всѣ эти формы были въ сущности ничѣмъ инымъ какъ дальнѣйшимъ развитіемъ заговора, нагло нарушавшаго всякое существующее право, и муниципальное и государственное. Исполняя свое слово, центральныя комитетъ національной гвардіи дѣйствительно собралъ (26го марта) городскихъ избирателей для выбора муниципальнаго совѣта, которому онъ обѣщалъ передать свою временную диктаторскую власть и который долженъ былъ наконецъ осуществить собою давно ожидаемую коммуну. Здѣсь нельзя

* См. рѣчь г. Тьера въ слѣдственной комиссіи о возстаніи 18го марта.

не отменить одного обстоятельства, весьма характеристического. Парижские депутаты в национальном собрании требовали чтобы парижские избиратели были созваны по распоряжению правительства и чтобы избранному ими муниципальному совету была предоставлена известная автономия и независимость от казенной администрации в городском управлении; на этой мѣрѣ они настаивали какъ на единственномъ способѣ доставить большинству населенія, чуждому беспорядкамъ, возможность освободиться отъ диктатуры революціоннаго меньшинства. Этому предложенію воспротивилось правительство г. Тьера, враждебное какъ всякое французское правительство началамъ мѣстнаго самоуправленія и общинной автономіи, и съ нимъ воспротивилось большинство національнаго собранія, чуждое по вѣкамъ французскимъ политическимъ инстинктамъ этимъ началамъ. Дарованіе муниципальныхъ льготъ Парижу, посреди бунта, представлялось чѣмъ-то въ родѣ заключенія перемирія съ бунтовщиками (se serait pactiser avec l'émeute), какъ и выражалось правительство в національномъ собраніи *. Впрочемъ, послѣ преній по этому предмету в національномъ собраніи (20го марта), парижскому населенію были обѣщаны правительствомъ самыя широкія льготы, въ томъ числѣ полное признаніе муниципальнымъ правъ (reconnaisance complète des franchises municipales), и предоставленіе національной гвардіи права выбора всѣхъ начальниковъ, даже главнокомандующаго **. Этими обѣщаніями надѣялись возбудить въ массѣ здравомыслящаго народонаселенія довѣріе къ правительству и движеніе въ немъ самомъ къ подавленію возстанія. Но все это было слишкомъ поздно или же слишкомъ рано: слишкомъ поздно чтобы выхватить изъ рукъ бунтовщиковъ инициативу муниципальной организаціи, слишкомъ рано чтобы организовать законную самопомощь противъ революціи, въ средѣ населенія, которое только послѣ весьма продолжительнаго навыка къ самоуправленію можетъ быть способно къ такой энергической самодѣятельности. Вся муниципальная организація была уже въ распоряженіи бунтовщиковъ,

* См. рѣчь министра Пикара, въ засѣданіи 22го марта.

** Это право было первымъ шагомъ революціонной организаціи національной гвардіи и однимъ изъ главныхъ требованій въ программѣ коммуналистовъ.

а благонадежное население не имѣло никакой организаціи.

Умиротвореніе Парижа посредствомъ дарованія ему муниципальныхъ льготъ и удовлетвореніе стремленій его жителей къ самоуправленію была саишкомъ далеки отъ мыслей самихъ заговорщиковъ, большинство которыхъ нисколько обо всемъ этомъ не заботилось. Упомянутыя обещанія правительства и миролюбивыя воззванія вице-адмирала Сесе, назначеннаго главнокомандующимъ національной гвардіи, къ парижскому населенію, имѣли своимъ послѣдствіемъ только прогулки по парижскимъ улицамъ невооруженной толпы такъ называемыхъ друзей порядка, при крикахъ „да здравствуетъ республика, да здравствуетъ порядокъ“ и пр. Эти же самыя невинныя упражненія мирныхъ гражданъ привели ихъ къ столкновеніямъ съ агентами революціоннаго движенія, систематически сдѣланными раздоръ въ народѣ, и породили цѣлый рядъ кровопролитій, послѣ которыхъ законная власть вынуждена была окончателно уступить мѣсто революціонной въ Парижѣ. Посреди анархіи и ужаса, нагнаннаго революціонерами на парижское населеніе, были произведены выборы членовъ общиннаго совѣта который долженъ былъ замѣнить якобы законнымъ учрежденіемъ диктатуру центрального комитета національной гвардіи; мѣтѣ по ловины парижскихъ избирателей (приблизительно 200.000 изъ 500.000) приняли участіе въ этихъ выборахъ; большинство воздержалось отчасти отъ страха и апатіи, отчасти отъ нежеланія участвовать въ незаконныхъ выборахъ. Выбраны были (большинствомъ 140.000 противъ 60.000) въ муниципальные совѣтники всѣ кандидаты указанныя въ спискѣ центрального комитета; иначе и быть не могло въ этихъ обстоятельствахъ, ибо и въ нормальныхъ политическихъ злохъ французскіе избиратели руководствуются обыкновенно не собственнымъ разумѣніемъ, а исключительно внушеніями власти имѣющихъ, — правительственныхъ лицъ или революціонныхъ агитаторовъ. Въ самомъ крайнемъ случаѣ, дагѣ воздержанія отъ участія въ выборахъ не простирается личная самостоятельность французскихъ избирателей. Повдѣйшіе дополнительные выборы муниципальных совѣтниковъ были еще краснорѣчивѣе въ этомъ отношеніи: къ подачѣ голосовъ явилась едва одна шестая часть изъ числа лицъ занесенныхъ въ избирательные списки (45.000 изъ 277.000). Такимъ образомъ, въ составленіи

муниципальнаго совѣта, который и получалъ громкое названіе *Парижской коммуны*, участвовала самая незначительная часть населенія. Такъ происходили впрочемъ въ дѣйствительности почти всѣ эти перевороты, о которыхъ потомъ говорили на напыщенномъ языкѣ революціонной фразеологіи какъ о великихъ народныхъ движеніяхъ и какъ о неудержимомъ проявленіи народной воли!

Вожаки коммуналистскаго возстанія не стѣснялись впрочемъ никакою, даже наружною законностью и правильностью въ своихъ дѣйствіяхъ. Какъ ни произвольны и ни насильственны были слобы образованія муниципальнаго совѣта и выборъ его членовъ, онъ все-таки, по своей формѣ, имѣлъ нѣкоторую тѣнь учрежденія основаннаго свободною волею членовъ общины и служащаго ей органомъ; но парижскіе коммуналисты отбросили даже и эту тѣнь законности, стѣснявшую ихъ необузданное самовластіе. Вопреки самымъ торжественнымъ обѣщаніямъ предводителей революціи передать свою диктатуру въ распоряженіе Парижской коммуны, ихъ органъ, центральный комитетъ, долженствовавшій закрыться съ учрежденіемъ муниципальнаго совѣта или коммуны, продолжалъ свою дѣятельность. Наконецъ, даже и подобіе коммуны упразднилось съ образованіемъ комитета общественной безопасности (30го апрѣля), который былъ составленъ изъ нѣсколькихъ членовъ муниципальнаго совѣта и которому была ввѣрена вся верховная власть послѣдняяго. Противъ этого переворота, уничтожавшаго даже всякій призракъ коммуны или муниципальнаго самоуправленія въ средѣ людей возставшихъ подъ этимъ знаменемъ, громко протестовали даже самые крайніе революціонеры (Рошфоръ), и онъ былъ рѣшенъ въ муниципальномъ совѣтѣ большинствомъ только 34 голосовъ противъ 28. Но эта мѣра была необходима злоумышленникамъ чтобы уничтожить всякое разногласіе которое бы могло стѣснить исполненіе ихъ разрушительныхъ плановъ. Послѣ этого члены комитета общественной безопасности, дѣйствуя совокупно съ центральнымъ комитетомъ національной гвардіи, могли уже совсѣмъ неограниченно располагать жизнью и смертью жителей парижскаго народонаселенія, до тѣхъ поръ пока французское войско, подъ предводительствомъ маршала Макъ-Магона, не вступило въ Парижъ (28го мая 1871 года) и не освободило его жителей отъ изумительной

тиранніи, производившейся во имя общинныхъ или муниципаль-
ныхъ вольностей, во имя свободы, равенства и братства.

Въ этой исторіи Парижской коммуны рельефно отражается
вся плачевная исторія французскаго самоуправленія. Какое
явленіе главнѣйше выступаетъ наружу во всей этой трагико-
медіи Парижской коммуны 1871 года? Дѣйствительная и исто-
рическая Парижская коммуна или община, древняя Парижская
муниципалія, уже извѣстная при Римлянахъ, оказывается совсѣмъ
безсильною предъ какою-то воображаемою общиною, импрови-
зованною немногочисленнымъ кружкомъ темныхъ людей, на
половину злодѣевъ. Между этими людьми, одни совсѣмъ не па-
рижскіе обыватели, иные даже иностранцы. Лучшие люди и об-
разованные классы столицы, цвѣтъ цивилизованнаго міра, не
могутъ соединить около себя никакихъ силъ для сопротивленія
шайкѣ искателей приключеній, пришлыхъ со всѣхъ сторонъ
пролетаріевъ. Общеотвенная организація существующая ты-
сячелѣтія, какова Парижская муниципалія, признанная и охра-
няемая законами и всѣмъ могуществомъ великаго европейска-
го государства, исчисляющая своихъ полноправныхъ членовъ
сотнями тысячъ, оказывается неможною въ сравненіи съ ор-
ганизаціею которая была устроена хотя и не въ нѣсколько
дней, а въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, но существовала тай-
нѣ, преслѣдовалась всею строгостію законовъ, и насчитыва-
ла своихъ членовъ десятками, едва ли сотнями! Таково без-
силіе всего Французскаго государства противъ тайнаго обще-
ства, которое если и распространило свои сѣти по всей Евро-
пѣ, то нигдѣ кромѣ Франціи не было въ силахъ сколько-нибудь
потрепсти государственныи порядкомъ. Между тѣмъ ни въ
одной европейской странѣ, гдѣ есть сколько-нибудь свобод-
ной политической жизни, государство и его органы не во-
оружены по закону такими силами противъ всякихъ тайныхъ
и явныхъ враговъ государственнаго порядка, какъ во Фран-
ціи, бюрократія не снабжена такими значительными полномо-
чіями противъ всякихъ злоумышленныхъ посягательствъ
на общественное спокойствіе. Эта сторона парижскихъ собы-
тій 1871 года кажется намъ наиболѣе интересною, хотя она
едва ли не менѣе всего обращала на себя вниманіе публики.
Сторона этихъ событій наиболѣе поразительная для пуб-
лики была наименѣе удивительная: мы разумѣемъ преступ-
ленія и ужасы революціоннаго террора, свирѣпствовавшя-

го въ Парижѣ во время владычества коммуны. Подобная власть, не имѣя въ основаніи своемъ никакого права, устанавливаясь только насиліемъ, преслѣдуя политическія цѣли противныя понятіямъ всѣхъ просвѣщенныхъ людей, уже по тому самому вынуждена опираться на невѣжественную толпу и ея грубые инстинкты, и не можетъ дѣйствовать иначе. Ради собственной обороны, она должна наводить ужасъ на все добродорядочное населеніе, которое безъ этого не стало бы ей повиноваться, и вмѣстѣ съ тѣмъ она должна терпѣть самое крайнее своеволие черни, въ отношеніи къ которой она дѣйствуетъ, еслибы даже это своеволие и не входило прямо въ систему террора. Все это какъ нельзя болѣе естественно, и удивляетъ только людей простодушно еще вѣрующихъ въ любовь демагоговъ къ свободѣ и добродѣтели. Давно неслышанное въ образованной Европѣ варварство какимъ сопровождалось насиліе надъ свободой, ответственностью и жизнью гражданъ во время царства коммуны, и поруганіе самыхъ возвышенныхъ стремленій человеческого духа, возбуждаютъ развѣ только одно смущеніе не новое размышленіе, а именно: сколько еще въ массѣ самаго образованнаго народа человѣческая природа сохранила въ себѣ животныхъ наклонностей, подаваемыхъ воспитаніемъ и сдерживаемыхъ государственными порядкомъ! Дѣйствіе этой узды на самыя крайнія проявленія звѣрскихъ страстей не замѣчается въ обыкновенное время, и потому не бесполезно чтобы они наломивали о себѣ, выходя наружу въ эпохи распада государственнаго порядка и заставляя тогда каждого ощущать значеніе этой узды.

Но какимъ же образомъ могло случиться, и случилось такъ часто во Франціи, что немногочисленная кучка темныхъ людей и съ нею самая невѣжественная толпа могли такъ быстро и такъ нагло захватить въ свои руки неограниченную власть надъ всѣмъ населеніемъ и надъ самыми образованными его классами?

Чтобы отвѣтить на этотъ существенный вопросъ, мы должны прежде всего разрѣшить слѣдующее недоумѣніе, порожденное изложенными фактами. Какъ ни малочисленна была кучка людей подчинившихъ своему насилію миллионы населенія и какъ ни ничтожны личности этихъ людей, имъ можетъ-статься удалось взять починъ дѣла къ которому уже давно влеклось своими сочувствіями все населеніе,—и

не по этому ли только могли они такъ быстро и легко завладѣть имъ? Чтобы рѣшить вопросъ, обратимся къ политическому идеалу возвыщенному парижскими коммуналистами и посмотримъ въ какой степени онъ могъ соответствовать народнымъ влеченіямъ и симпатіямъ. Если въ рядахъ бунтовщиковъ, какъ и всегда, стояло не мало негодяевъ чуждыхъ всякимъ политическимъ идеаламъ, то были же и фанатики, и люди преданные своей идеѣ; да и всѣ они чтобы вести за собою толпу на борьбу съ существующимъ порядкомъ, должны были выставить знамя этой борьбы, принципы въ силу коихъ не только этотъ порядокъ долженъ быть разрушенъ, но и на мѣсто его поставленъ другой. Эту такъ-называемую политическую программу коммуналистовъ весьма однако не легко изложить благодаря смѣшенію весьма разнообразныхъ элементовъ. Парижскіе коммуналисты то заявляли что весь затѣянный ими переворотъ есть исключительно муниципальный, мѣстный парижскій, то говорили о необходимости государственнаго переустройства всей Франціи, то наконецъ зывали ко всеобщей революціи, и набирая въ свои ряды людей всякаго племени, вели космополитическую проповѣдь объ обновленіи всего міра. Въ ихъ программу входили и чисто политическія начала, и социальныя. Они не ограничивались разрушеніемъ государственныхъ учреждений, а требовали также кореннаго измѣненія всего экономического строя и даже всѣхъ нравственныхъ и религіозныхъ понятій общества.

Отбрасывая все лобочное и второстепенное, мы укажемъ здѣсь только на самое существенное и характеристическое въ политическихъ требованіяхъ коммуналистовъ, которыя они полагали въ основаніе будущему государственному и муниципальному порядку въ Парижѣ и во всей Франціи. * Самое ясное и понятное въ ихъ политическомъ идеалѣ, посреди хаоса понятій его затемнявшихъ даже въ ихъ собственномъ сознаніи, есть безусловная государственная самостоятельность, *самодержавіе городской общины*, съ предоставленіемъ ей всѣхъ правъ верховной власти въ своей средѣ, законодательныхъ, судебныхъ и административныхъ. Городъ долженъ быть устроенъ на подобіе государства, даже съ собственнымъ своимъ войскомъ, и выдѣленъ какъ самодержавная государственная единица изъ остальной государственной территоріи. Та-

* См. H. Reeve, *Royal and republican France*, v. II (Communal France), p. 383.

ково общее политическое возрѣніе которымъ руководство-
валась коммуна въ своихъ практическихъ дѣйствіяхъ въ Па-
рижѣ, и которое ея предводители выставляли на первомъ пла-
нѣ въ своихъ официальныхъ актахъ. Это же самое возрѣніе
находимъ мы въ одномъ документѣ, едва ли не единствен-
номъ въ которомъ было изложено сколько-нибудь общее по-
литическое ученіе коммуналистовъ; онъ составленъ членами
коммуны 15го апрѣля 1871 года въ качествѣ отвѣта на во-
просъ: „Чего требуетъ коммуна отъ французскаго правитель-
ства?“ и приписывается Делеклюау, мыслителю коммуны и
одному изъ главнѣйшихъ и свирѣпѣйшихъ ея дѣятелей * по-
гибшему на баррикадахъ 25го мая. Посреди смѣшенія вся-
кихъ понятій, въ этомъ документѣ всего опредѣлительнѣе ука-
зывается на верховныя права общины въ государствѣ какъ
на главную цѣль коммуналистскаго возстанія. Его предводи-
тели прежде всего требуютъ, гласить этотъ документъ, „по-
слѣ признанія и упроченія республики,—безусловной независи-
мости общины, распространенной на весь городъ Франціи.... Не-
зависимость общины не должна имѣть никакихъ иныхъ гра-
ницъ кромѣ ея правъ (значить, эти права безграничны!) Эта
независимость должна быть одинакова для всѣхъ общинъ,
взаимнымъ договорамъ которыхъ будетъ обезпечено единство
Франціи. Къ неотъемлемымъ правамъ общины будутъ при-
надлежать: распоряженіе всеми ея доходами и расходами, из-
мѣненіе всѣхъ налоговъ, управленіе всею публичною админи-
страціей, устройство судебной власти, полиція, народное об-
разованіе и пр., выборъ *всѣхъ безъ изъятія должностныхъ*
лицъ и наконецъ организація своей собственной *городской во-*
енной обороны и національной гвардіи, которая будетъ сама вы-
бирать своихъ начальниковъ и одна охранять порядокъ въ городѣ.
Парижъ (то-есть коммуна) не желаетъ ничего болѣе какъ
чтобы эти мѣстныя права или льготы его были ему предо-
ставлены центральнымъ собраніемъ *делегатовъ отъ всѣхъ фе-*
деральныхъ французскихъ общинъ; но въѣсть съ тѣмъ онъ со-
храняетъ за собою полную свободу дѣйствія для введенія у.

* Н. Рееве, *Royal and republican France*, т. II, р. 383. Мы по-
черпаемъ изъ этого сочиненія приводимые нами отрывки до-
кумента, который, сколько намъ извѣстно, былъ опубликованъ впер-
вые въ этомъ сочиненіи. Впрочемъ, его содержаніе вполнѣ согласно
съ убѣжденіями коммуналистовъ разбросанными въ разныхъ дру-
гихъ ихъ писаніяхъ.

себя *всякими административными и экономическими реформами*, какія онъ признаетъ нужными и какія требуетъ народъ, и всякихъ учрежденій для дальнѣйшаго развитія народнаго образованія ... Наши враги ошибаются или обманываютъ страну когда они обвиняютъ насъ что мы хотимъ подчинить остальную націю нашей диктаторской власти и тѣмъ нарушить независимость и *самодержавіе* (soveraineté) всѣхъ другихъ французскихъ общинъ. Они ошибаются обвиняя Парижъ за *разрушеніе единства Французской націи* созданнаго революціей (?). Единство которому подчиняли насъ (то-есть Французскую націю) имперія, монархія, парламентскія правленія, было не что иное какъ *централизація, деспотическая, безмилостивая, произвольная и обременительная. Государственное единство котораго жсдлаетъ Парижъ есть добровольное товарищество всѣхъ мѣстныхъ волей* (initiatives locales), свободное и самопроизвольное соединеніе всѣхъ личныхъ усилій къ общему цѣлямъ благосостоянія, свободы и безопасности всѣхъ.“

Какъ ни туманенъ языкъ этой политической программы, но господствующая въ немъ идея ясна и проста. Эта идея есть верховное самедержавіе города или городской общины, управленіе всякаго права государства въ предѣлахъ общины; эта идея есть образованіе государства на основаніи договорнаго начала, добровольнаго контракта между общинами. Поэтому-то парижскіе коммуналисты и называли себя *федералистами* (fédérés), во время своей междуусобной войны противъ французскаго національнаго собранія; Французское государство должно было бы сдѣлаться, по ихъ понятіямъ, добровольною федераціей или договорнымъ союзомъ городскихъ республиканскихъ общинъ. Это было бы государство діаметрально противоположное нынѣшнему государству, въ которомъ всякая община подчинена цѣлому, и всякое городское общинное или муниципальное право истекаетъ лишь изъ общей верховной власти и имѣетъ силу лишь на основаніи общаго законодательства. Это федеральное государство проектированное парижскими коммуналистами нисколько не было бы подобно даже нынѣ существующимъ федеральнымъ государствамъ (Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, Швейцаріи), въ которыхъ нигдѣ не признается не только за городскимъ общинами, но даже за цѣлыми областями входящими въ ихъ составъ верховной государственной власти или неограниченнаго самодержавія

въ своихъ предѣлахъ; вездѣ общее государство сохраняетъ свои права внутри каждой своей части, вездѣ общее государственное законодательство и въ известной степени центральная административная власть имѣютъ принудительную силу для каждой отдѣльной единицы, и наконецъ нигдѣ не признается единственнаго начала соединенія федеральныхъ единицъ и единственнаго источника общегосударственнаго права договорное начало (добровольный контрактъ). Поставшая война между сѣверными и южными Северо-Американскими Штатами, общія начала во имя коихъ велась эта война Сѣверомъ, всѣ ея послѣдствія, — отмена невольничества и подчиненіе отторгнувшихся штатовъ центральному федеральному правленію, — является самымъ нагляднымъ фактическимъ подтвержденіемъ нашихъ словъ. Въ государственномъ планѣ представляемомъ парижскими коммуналистами самое темное мѣсто составляютъ отношенія городскихъ общинъ и затѣмъ образованнаго или союза къ сельскому народу, далеко неосредоточенному въ однихъ сельскихъ общинахъ, а большею частью разбѣянному за ихъ предѣлами. Затѣмъ непонятны отношенія этого федеральнаго правленія къ цѣлымъ провинціямъ или географическимъ единицамъ, историческая самостоятельность коихъ ни коимъ образомъ не могла бы уничтожить ее. Къ сельскому народу двигателями и ораторы коммуналистскаго возстанія зытали, какъ извѣстно, величайшее презрѣніе и ненависть; тѣмъ не менѣе, такъ или иначе, пришлось бы опредѣлить отношенія коммуналистскаго государства къ этой презрѣнной массѣ которая и во Франціи и вездѣ составляетъ громадное большинство націи. На счетъ этого пункта, самого основнаго, понятія парижскихъ коммуналистовъ была особенно смутна, и мы конечно не можемъ взять на себя обязанность выясненіемъ этого пункта дополнять ихъ проекты.

Изложенная выше сущность политическихъ требованій представляемыхъ Парижскою коммуной была понята такимъ образомъ замѣчательнѣйшими политическими людьми Европы, которые всѣ, безъ различія партій, съ ужасомъ и негодованіемъ отвернулись отъ этого возстанія. Такъ между прочимъ англійскій писатель, г. Ривъ, съ величайшимъ вниманіемъ слѣдившій за всеми французскими переворотами, говорить: съ осуществленіемъ замысловъ Парижской

комшумъ, „всякій авторитетъ государства былъ бы уничтоженъ. Города сдѣлались бы единственными центрами государственной власти, но они были бы разъединены между собою, и вся остальная страна должна была бы, вѣроятно, подчиниться подобно тому какъ твердая земля (*terra firma*) подчинялась Венеціи или сельскіе округа Флорентійской республики—владѣтельству городовъ. Жирондисты 1793 года были признаны государственнымъ измѣнниками за свою привязанность къ такъ называемому *федерализму*, который въ то время означалъ только что они отрицали право господства Парижа надъ Франціей, и желали чтобы національное собраніе было охранено отъ него силами всей страны. Но жирондисты никогда не предлагали плана который, подобно настоящему, долженъ разложить государство, упразднить всякое правительство (центральное) и разрушить всякую государственную силу закона. Вслѣдствіе диковинной перестановки ролей въ этой революціи, консервативное національное собраніе въ Версалѣ защищаетъ *единую и нераздѣльную Французскую республику*, а потомки Горы хотятъ раздробить ее на тысячу кусковъ. Они жаждутъ довести французскую муниципальную теорію самодержавія до послѣдней крайности, и самымъ вѣроятнымъ конечнымъ послѣдствіемъ этого было бы паденіе всякаго довѣрія къ муниципальнымъ учрежденіямъ (т.-е. къ городскому самоуправленію). Это конечно одинъ изъ любопытѣйшихъ результатовъ помраченій чловѣческаго ума, который, обросивъ съ себя всякую умъ религію, закона и опыта, измышляетъ подобныя схемы для возрожденія Франціи, выставаемыя цѣлыми демократическими писателями какъ совершеннѣйшія политическія изобрѣтенія нашего вѣка. Этими схемамъ не достаетъ именно оригинальности, но онѣ безъ сомнѣнія отчасти придуманы для разрушенія всякой общественной и государственной жизни націи. Онѣ возвратили бы Францію къ положенію въ которомъ она находилась при феодальной системѣ, въ одиннадцатомъ столѣтіи, и которое было описано ея собственнымъ великимъ историкомъ: „самый общій отличительный характеръ феодализма, говорилъ Гизо въ 1829 году, * есть раздробленіе народа и власти на множество маленькихъ народовъ и маленькихъ самодержцевъ, отсутствіе всякой общей націи, всякаго

Guizot, *Histoire de la civilisation en France*, leçon I.

центральнаго правительства“. Республиканская коммуна стремилась къ той, самой обособленной, матежной и разрушительной, власти которою пользовались феодальные вотчинники въ самые мрачныя времена Среднихъ Вѣковъ... Такимъ образомъ возстановилось бы царство привилегій въ странѣ равенства, привилегированнаго господства городовъ надъ всею страной, бѣдныхъ надъ богатыми, буйныхъ людей надъ мирнымъ населеніемъ; наконецъ даже и поголовное выборное право нація (suffrage universel) было отброшено (коммуною), потому что оно слишкомъ усиливаетъ волю ея большинства, а меньшинство требуетъ для себя право производить революцію во всемъ свѣтѣ. На эти дикія домогательства можетъ быть одинъ отвѣтъ: такъ какъ они способны въ очень короткое время уничтожить не только всакую государственную власть и порядокъ, но и самыя первоначальныя способы человеческого существованія, и низвести человечество до новаго варварскаго состоянія, худшаго чѣмъ прежнее, то совершенно необходимо противопоставить этимъ домогательствамъ силу. Общество готово разожиться на свои первобытныя стихіи, когда оно призывается взяться за оружіе чтобы защитить основныя начала жизни, собственности и свободы. Таково къ несчастію положеніе Франціи, но оно есть послѣдствіе, какъ мы показали, постепеннаго дѣйствія ложныхъ революціонныхъ ученій, въ теченіи восьмидесяти лѣтъ.“*

На этомъ безотрадномъ размышленіи, внушаемомъ либеральному* публицисту свободной Англіи францемъ Франціи, нельзя однако усложниться. Матеріальная сила, которую онъ призываетъ какъ послѣднее средство спасенія общества отъ безначалія, оказываетъ только временную помощь, и къ тому же этотъ печальный палліативъ государственной хирургіи, какъ онъ ни бываетъ неизбѣженъ, усиливаетъ раздраженіе революціонныхъ страстей въ будущемъ и порождаетъ новыя обремененія гражданскаго раздора въ обществѣ. Сама исторія Франціи какъ нельзя лучше это доказываетъ. Матеріальная сила можетъ бороться только съ такою же силой, и потому она дѣйствительна лишь противъ матеріальнаго безпорядка въ анархическихъ движеніяхъ, а никакъ не противъ болѣзненныхъ причинъ, вслѣдствіе коихъ эти движенія сдѣлались хрониче-

* Н. Reeve, *Royal and republican France*, v. II, pp. 385—388.

** Статя г. Рива печаталась въ *Edinburgh Review*.

скими въ государствѣ. Эти внутреннія органическія причины указаны' впрочемъ самимъ авторомъ и требуютъ такихъ же органическихъ способовъ излѣченія, хотя при давнейшей закоренѣлости болѣзни они чрезвычайно трудны, въ особенности трудны потому что совсѣмъ чужды пониманію большинства французскаго общества. Самое первое, конечно, условіе излѣченія есть ясное сознаніе причинъ болѣзни, а изъ нихъ далеко не всѣ, и даже не самыя существенныя, заключаются въ распространеніи, съ конца прошедшаго столѣтія, революціонныхъ ученій, посѣтившихъ и всѣ другія страны Европы.

Политическія понятія проповѣданныя коммуналистами, конечно, не могли, въ своей крайней формѣ, привлечь къ себѣ ни массы, ни просвѣщенные классы Французскаго народа; во снма ихъ кроется глубоко въ его историческихъ воспоминаніяхъ. Всего любопытнѣе знать что чудовищная государственная теорія коммуналистовъ или федералистовъ 1871 года и даже само возстаніе Парижской коммуны советамъ не новость во Франціи; эти явленія такъ не новы что ихъ тождественность въ разные періоды французской исторіи отодвигаетъ насъ далеко назадъ въ его прошедшее и заставляетъ отыскивать однородныя причины въ общемъ ея ходѣ, сложившемся неоравненно ранѣ XVIII столѣтія.

Какъ извѣстно, во всѣхъ революціонныхъ потрясеніяхъ 90хъ годовъ, Парижская коммуна играла первенствующую роль; собственно она, завладѣвъ малодушнымъ и колеблющимся большинствомъ конвента, создала все такъ-называемое правленіе террора и направляла всѣ кровожадныя ея распоряженія; эта коммуна была также точно, какъ коммуна 1871 года, самовольно и незаконно организована горстью заговорщиковъ захватившихъ всѣ муниципальныя права и власти.*

Съ самыхъ первыхъ дней революціи 1789 года началось броженіе въ парижскихъ городскихъ округахъ (*districts*, въ послѣдствіи *sections*), на которые раздѣлялось городское общество

* Исторія и дѣйствія Парижской коммуны 90хъ годовъ подробно изложены, на основаніи новыхъ свидѣній и документовъ, въ Mortimer-Ternaux, *Histoire de la Terreur*. Сверхъ того, см. Н. Reeve, *Royal and republican France*, v. II (*Communal France*). Этими послѣдними очерками мы и будемъ преимущественно пользоваться для фактической стороны нижеслѣдующаго изложенія, кромѣ тѣхъ свидѣній источнику коихъ будутъ особо намъ указаны.

ное управленіе; каждый округъ, по влущивію демагоговъ, втершихся въ ряды избирателей, стремился организовать въ независимую и отъ правительства, и даже отъ центральной городской власти единицу съ безусловнымъ полномочіемъ не только въ исполнительномъ, но и законодательномъ отношеніи. Это-то движеніе и произвело главнѣйше всю матеріальную и нравственную анархію, которая изъ Парижа распространилась на всю Францію; оно пошло конечно не прямо изъ мирнаго и трудящагося большинства дѣйствовавшихъ обывателей столицы, но благодаря его наивности и безхарактерности, оно было ему навязано политическими агитаторами, всякимъ бродячимъ, пришлымъ людомъ, висколько практически не заинтересованнымъ въ мѣстномъ благосостояніи города, и доведено до вѣрхъ своихъ крайностей безложнейшими и самыми безнравственными слоями столичнаго населенія. Оскольконибудь мыслящіе демагоги, подобно Робеспьеру, Дантону и Марату, понимали значеніе этого анархическаго движенія какъ отлучившаго въ ихъ рукахъ орудія для поддержанія смуты на улицѣ, въ отношеніяхъ вѣрхъ властей и въ умахъ. Другіе, болѣе умѣренные, участники революціонной драмы, запутавшіеся въ страшной неурядицѣ общихъ политическихъ понятій, господствовавшей въ то время во французскомъ обществѣ,—таково было большинство,—совсѣмъ не поняли ни общаго смысла, ни разрушительныхъ практическихъ послѣдствій этого послѣдательства мѣстныхъ корпорацій на верховныя права государственной власти и націи; они отвесались совсѣмъ безсознательно къ этому одному существенному зародышу болѣзненныхъ началъ разпадающаго французскій государственнй организмъ, и даже помогли его развитію, оказывая, при своемъ политическомъ неразуміи, лѣкровительство безразлично всякому движенію, только бы оно было враждебно правительственному деспотизму и старому режиму. Такъ, напримѣръ, первый парижскій меръ 1789 года, Бальи, торжественно обратился къ членамъ парижскихъ округовъ, въ своемъ циркулярѣ, съ такими словами: „Законодательная власть теперь въ вашихъ рукахъ. Ваша обязанность издавать законы для вашего города.“ Не многіе крѣпкіе политическіе умы того времени, какъ въ особенности Мирабо, и даже Сіесъ, сознавали однако опасность этихъ домогательствъ мѣстныхъ союзовъ на политическую независимость отъ государства, но они не были

попята современниками. Весьма замѣчательнѣе, посреди вышесказанныхъ обстоятельствъ, слѣдующій отрывокъ изъ доклада депутата Демейне національному собранію по этому вопросу, въ апрѣлѣ 1790 года: „Коммиссія наша съ сожалѣніемъ видитъ что въ некоторыхъ общинахъ въ королевствѣ злоупотребляютъ началами конституціонной и законодательной власти, ища для себя силы въ самихъ себѣ, вмѣсто того чтобы извлекать ее изъ общей конституціи и единства націи. Такія домогательства суть подражаніе городамъ Греціи, Франція, же дѣлалась федеративнымъ государствомъ, пошла бы къ своему разложению; между тѣмъ эти общины дѣйствуютъ какъ будто они располагаютъ и въ настоящее время, и на все будущее, правительственною властью, не ограничиваясь своею муниципальною властью, и захватывая верховныя права націи и законодательства.“ * Съ особенною энергіей и промицательностью возставалъ противъ самовласти общинъ и нарушенія законныхъ границъ муниципальной автономіи Мирабо, встревоженный этимъ явленіемъ какъ наиболее враждебнымъ здоровой политической свободѣ. „Всего болѣе замѣчаетъ меня Парижъ, говорилъ онъ своему другу Фромю, это *сфинксъ революціи*.... Невозможно сочувствовать этимъ народнымъ стремленіямъ къ диктаторству. Общество было бы уничтожено еслибы всякая толпа или просто чернь Парижа продолжала вторгаться въ законодательную область. Парижъ погибнетъ, если онъ не будетъ призванъ къ порядку и принужденъ къ самовоздержанію.“ ** Въ самомъ національномъ собраніи онъ между прочимъ сказалъ: „Первая и главная причина безпорядковъ въ Парижѣ есть та что въ немъ нѣтъ законно признанной власти. Разные люди, посреди исключительныхъ обстоятельствъ, захватили въ свои руки городскую администрацію, и образовали постоянный комитетъ, безъ всякихъ формальныхъ на то полномочій отъ народа (избирателей); но никакой законной силы это учрежденіе не имѣетъ, потому что и создатели его, и члены суть частныя лица, безъ всякаго права гражданскаго представительства. Между тѣмъ этотъ комитетъ организуетъ все муниципальное управленіе.“ ***

* Н. Reeve, v. II; p. 351.

** Тамъ же, p. 352.

*** Тамъ же, p. 355.

Уже съ 1789 года, подъ эгидою законной муниципальной власти, самовольно образуется этотъ революціонный центральный комитетъ въ городской Парижской ратушѣ, совершенно подобный центральному комитету національной гвардіи 1871 года. Также точно какъ въ 1871 году, была устроена и въ 1789 году городская военная стража, которая, вмѣсто своего призванія охранять порядокъ, даетъ въ себѣ вооруженную силу въ руки всѣхъ его нарушителей и производитъ всѣ парижскія возстанія, въ томъ числѣ первое, въ іюнь 1789 года, окончившееся знаменитымъ взятіемъ Бастиліи. Передача полиціи и всѣхъ находившихся въ Парижѣ вооруженныхъ полицейскихъ силъ въ исключительное распоряженіе городскихъ властей, и революціонная организація этихъ властей съ самаго начала революціи 1789 года объясняютъ совершенное безсиліе закона, правительства и преданной ему части регулярнаго войска противъ мятежа, въ первый періодъ революціи. По необдуманному распоряженію учредительнаго собранія, никто, кромѣ муниципальныхъ властей, не имѣлъ права призвать войска къ охранѣ общественнаго порядка, и правительство было лишено своей важнѣйшей прерогативы,—права распоряженія военными силами. Это самый крайній шагъ въ смѣшеніи правъ муниципальнаго самоуправленія съ правами верховной власти, общинной автономіи и независимости съ общиннымъ верховенствомъ. Замѣчательнѣйшіе политическіе писатели Франціи (напримѣръ г. Дювержье де Горанъ) видятъ въ этомъ главную причину безсилія правленія Людовика XVI подавить бунтъ. Въ послѣдствіи все безсиліе большинства народныхъ представителей во всѣхъ трехъ собраніяхъ (учредительномъ, законодательномъ и конвентѣ) къ водворенію законаго порядка, которому это большинство, на основаніи каждой новой конституціи, было всегда душою предано, произошло отъ борьбы которую оно было вынуждено вести съ революціонною организаціей Парижской коммуны, настулавшею на всѣ права законодательной, судебной и административной власти во всей Франціи.* Главное занятіе всѣхъ трехъ собраній заключалось въ выслушиваніи домогательствъ представителей города и его отдѣленій, которые отказывали во всякомъ ловимовеніи представителямъ націи и не признавали надъ собою ихъ верховныхъ правъ. Самое

* Mortimer Ternaux, *Histoire de la Terreur*.

жалкое изъ этихъ собраній, законодательное, обязано своимъ ничтожествомъ преимущественно слабодушію большинства предъ яглыми требованіями Парижской коммуны. Иные изъ членовъ это чувствовали; такъ однажды депутатъ Мазюге заключилъ свою рѣчь словами: „Законъ долженъ рѣшить кто имѣетъ верховную власть въ странѣ: Французская нація или Парижская коммуна?“ Послѣ самыхъ яглыхъ оскорбленій претерпѣнныхъ законодательнымъ собраніемъ отъ самоуправной коммуны въ 1792 году, членъ ея Камбонъ, котораго трудно залодозрить въ умѣренности революціонныхъ чувствъ, восклицаетъ: „Если вы предпочитаете чтобы Парижская коммуна управляла государствомъ, подобно Риму, то дайте поскорѣ намъ всѣмъ положить голову на плаху.“ Однако ни одному изъ этихъ трехъ представительныхъ собраній не удалось даже привести въ дѣйствіе законную организацію городского управленія, и наставить гражданъ Парижа сдѣлать законные и свободные выборы его органовъ, на основаніи неоднократно издававшихся постановленій. Мирное и lawful большинство Парижской общины никогда не могло свободно воспользоваться правами предоставленными ему этими постановленіями. Лучшие люди революція понимали это нелѣпое положеніе, хотя и не въ состояніи были съ нимъ справиться. Такъ краснорѣчивый Верньо, предводитель жирондистовъ, въ законодательномъ собраніи выражался слѣдующимъ образомъ о дѣятеляхъ Парижской коммуны: „эти лицемерныя и звѣрскія существа, агенты самыхъ скандальныхъ доносовъ, произвольныхъ арестовъ, адвокаты презрѣнія къ законамъ и общей анархіи, они признаютъ добродѣтель аристократіей, а порокъ демократіей. Граждане Парижа еще осмѣливаются называть себя людьми свободными! Они не хотятъ быть рабами вѣчныхъ тирановъ, но они сдѣлались рабами самыхъ низкихъ злодѣевъ. Пора разбить эти постыдныя цѣли, сломить новую тираннію. Пора чтобы люди приводящіе въ трепеть всякаго добродѣтельнаго чело-вѣка сами наконецъ затрелетали. Пусть Европа знаетъ, вопреки клеветамъ распространяемымъ на счетъ Франціи, что въ нашемъ отечествѣ, посреди анархіи, въ которую она ввержена этими разбойниками, еще осталось сколько-нибудь добродѣтели.“ Наконецъ вся верховная власть народнаго представительства и сами жирондисты изнемогли въ этой борьбѣ и покорились Парижской коммунѣ, которая завладѣла самимъ конвен-

томъ посредствомъ организованныхъ подъ ея вліяніемъ, въ его собственной средѣ, и находившихся подъ ея властью, комитета общественнаго спасенія и революціоннаго трибунала. Посредствомъ комиссаровъ командированныхъ во все провинціи, Парижская коммуна распространила свое иго на всю Францію * и организовала по-своему все французскія общины. Великодушный, хотя и омраченный своими смутными политическими понятіями, Верньо не былъ въ силахъ сбросить это иго, подготовленное вѣками французской исторіи, и вмѣстѣ со всеми жирондистами погибъ на эшафотѣ коммуны. Никогда демагоги и потомъ террористы 90хъ годовъ, составлявшіе не только въ учредительномъ и законодательномъ собраніяхъ, но даже въ конвентѣ, ничтожное меньшинство, и состоявшая у нихъ на службѣ парижская чернь не могли бы получить такого могущества еслибы въ ихъ власти не находилось парижское муниципальное управленіе, еслибы они не организовали его революціоннымъ образомъ, и не устранили отъ городскихъ дѣлъ все благонадежное населеніе. Все возстанія Парижа до низложенія Лудовика XVI (10го августа 1792 года), низверженіе конституціи 1791 года и весь переходъ въ 1792 году отъ монархіи къ республикѣ, съ сопровождавшими его кровавыми катастрофами, были произведены якобинцами черезъ посредство Парижской коммуны, ея псевдо-законныхъ представителей и должностныхъ лицъ (предательскія распоряженія Петіона, парижскаго мера въ 1792), не исполнявшихъ ни закона, ни воли правительства и большинства законодательнаго собранія, и ловиновавшихся только предписаніямъ якобинскаго клуба. Этотъ клубъ и муниципальный совѣтъ составляли одинъ нераздѣльный сколъ злоумышленниковъ. Никогда бы революціонныя явленія не могли получить такого громаднаго развитія и бунтъ организовать въ правильно дѣйствующую силу, еслибы онъ не работалъ подъ личиною законной мѣстной власти и посредствомъ дѣлаго административнаго механизма, въ которомъ онъ успѣлъ захватить центральную пружину. Сентябрьскія убійства 1792 года, самое кровавое событіе революціи, производились, какъ теперь доказано **, систематически

* Mortimer Ternaux, *Histoire de la Terreur*, конецъ т. VI и начало тома VII.

** Mortimer Ternaux, *Histoire de la Terreur*.

и административнымъ порядкомъ, посредствомъ предписаній городскихъ властей, подъ именемъ коихъ дѣйствовали якобинцы; это нисколько не было слѣпымъ увлеченіемъ фанатизма и черни. Потому-то каждый революціонный переворотъ въ Парижѣ начинался съ того что его распорядители слѣдшеи забрать въ свои руки городскую ратушу и посадить въ нее своего мера. Такъ было въ 1848 году, такъ было 4го сентября 1870 года, и такъ происходила попытка переворота 31го октября 1870 года, окончившаяся изгнаніемъ коммунистовъ изъ ратуши впредь до ихъ возвращенія въ нее 18го марта 1871 года. Также точно самая дѣйствительная мѣра всякой контр-революціи во Франціи заключалась въ захватѣ центральною администраціей городскихъ учрежденій въ свое неограниченное распоряженіе и въ упраздненіи муниципальныхъ льготъ. Послѣ самыхъ крайнихъ разливовъ самовластия Парижской коммуны и вслѣдъ за самымъ крупнымъ государственнымъ ударомъ въ новѣйшей имперіи Франціи, за водвореніемъ диктатуры Наполеона I, уничтожается всякое городское самоуправленіе.*

Коммунальная или общинная городская жизнь есть средоточіе всей революціонной исторіи Франціи; отсюда всего легче раскрываются главныя тайны этой странной исторіи. Община была всегда самымъ могущественнымъ орудіемъ и революціи и реакціи, и въ рукахъ злоумышленниковъ противъ государственнаго лорядка и въ рукахъ его суровыхъ возстановителей.

Не только въ XIX и XVIII столѣтіяхъ, но гораздо ранѣе, во глубинѣ XIV, когда начинается борьба государственной централизаціи противъ средневѣковаго федерализма, мы найдемъ во Франціи тѣ же самыя домогательства коммуны и тѣ же самыя политическія партіи какъ и въ 1871 году. Такъ политическое положеніе Франціи въ 1356 году, послѣ битвы при Пуатье, гдѣ Французы были на голову разбиты Англичанами, было изумительнымъ образомъ сходно съ положеніемъ послѣ Седана даже во многихъ подробностяхъ внутренней и внѣшней обстановки.** У Франціи были отняты провинціи, и она не

* См. R. Gneist, *Verwaltung, Justiz, Rechtsvoeg*, Berlin 1869 (это послѣдній томъ его сочиненія *Staatsverwaltung und Selbstverwaltung*) pp. 105—8.

** H. Reeve, *Communal France*, p. 337 (также см. *Всемирную Исторію Вебера*).

въ состояніи была продолжать войну съ королемъ англійскимъ Эдуардомъ III, заявившимъ притязанія на ея престолъ; Французскій король Иоаннъ Добрый былъ взятъ въ лѣвнѣ и находился въ заключеніи въ Виндзорѣ. Регентство государства было возложено на дофина. Вся Франція была исполнена ужаса предъ англійскими войсками и подчинилась Англій кромѣ Парижа. Парижская буржуазія, подъ предводительствомъ кулеческаго старшины * (*prevoost de marchands*), знаменитаго Этьена Марселя, возстала противъ дофина и преданнаго ему дворянства и королевскаго войска. Тутъ впервые появились, какъ эмблема инсургентовъ, цвѣта Парижа, красный и синій, къ которымъ въ послѣдствіи присоединился бѣлый цвѣтъ Бурбоновъ въ трехцвѣтномъ знамени.

Въ высшей степени любопытны условія предъявленныя гражданами Парижа въ 1356 году дофину для прекращенія возстанія. „Мечта Этьена Марселя и его друзей, говоритъ Тьерри, заключалась въ конфедераціи самодержавныхъ городовъ Франціи подъ главенствомъ Парижа; центральное управленіе страню было бы поручено сейму изъ представителей городовъ подъ верховнымъ предсѣдательствомъ короля.“ Три года продолжалась война между Парижемъ и королевскими войсками, которыя сперва были изгнаны изъ него. Но Парижъ долженъ былъ наконецъ уступить, такъ какъ вся Франція была противъ него. Тутъ же, послѣ бѣдственной вѣтшней войны, начинаются возстанія крестьянъ противъ дворянства (*jacqueries*). Вообще вся эта эпоха разоренія Франціи, въ XIV столѣтіи, отъ вѣтшнаго непріятели и внутреннихъ междоусобій, принадлежитъ къ числу годовъ не разъ ею испытанныхъ и весьма между собою сходныхъ.

При Карлѣ VI, Парижъ недовольный королевскими поборами снова вооружается противъ короля, и выставлятъ армию въ 30.000 человекъ. Куріозно что даже въ эти отдаленныя времена тѣ же обычныя проявленія мятежа отличали парижскія *joursnées* какъ и нынѣ: взятіе тюремъ и освобожденіе изъ нихъ преступниковъ, разграбленіе аббатствъ, даже баррикады и т. д. Въ томъ же 1382 году, многіе французскіе города возстаютъ противъ королевской власти и дворянства, которые вынуждены вести съ ними формальную

* Такъ называлася (отъ латинскаго *prepositus*, что значитъ поставленный въ чело, во главѣ) городской голова Парижа до 1780 года, когда была учреждена должность мера (отъ латинскаго *major*).

войну, окончившуюся извѣстнымъ сраженіемъ и побѣдою надъ городскими войсками при Розебекѣ. Карлъ VI, взявъ въ половъ Парижъ, уничтожаетъ всѣ его муниципальныя вольности и подчиняетъ все городское управленіе, вмѣсто выборныхъ властей, своимъ чиновникамъ. Вступленіе побѣдной армии Карла VI въ Парижъ, какъ бы въ иностранный, взятый приступомъ городъ, разруженіе городской милиціи, заключеніе въ тюрьмы и смертныя казни тысячъ мятежныхъ гражданъ,* все это воздвигаетъ предъ нами ту же историческую картину какъ и взятіе Парижа Версальскою арміею въ 1871 году. Въ послѣдствіи герцогъ Бургундскій, управлявшій государствомъ во время умственного помѣшательства Карла VI и стоявшій во главѣ народной (мѣщанской или городской) партіи противъ дворянской, предводимой герцогомъ Орлеанскимъ, восстанавливаетъ древнюю муниципальную свободу Парижа „libere urbis aubiquam libertatem restituentes“, какъ было сказано въ королевскомъ декретѣ. Но какъ только, послѣ двадцати пяти лѣтъ правительственной диктатуры, возобновились выборы городскихъ должностныхъ лицъ и устроилась городская вооруженная стража, такъ опять, въ 1412 году, вспыхнуло возмущеніе, на этотъ разъ произведенное корпораціею мясниковъ со звѣрскимъ войскомъ своихъ лоденчиковъ, жичодеровъ (*les écorcheurs*). Интересно что въ союзъ съ мясниками и со взволнованною ими Парижскою коммуною выступаетъ Парижскій университетъ, въ лицѣ своихъ корпоративныхъ властей, и чернь осаждаетъ Бастильскую тюрьму также точно какъ 14го іюля 1789 года. Въ бунтѣ 1412 года, выставляется демагогическая фигура, подобная Этьену Марселю, живодець Симонъ Кабошъ, командующій своими товарищами по ремеслу и рабочимъ населеніемъ. Либеральныя университетскія профессіи высылаютъ своихъ предводителей и ораторовъ революціи, доктора медицины Жана де Труа и доктора богословія Евстафія де Павильи.** Эта муниципальная революція завершается сдѣлкою между правами короны и Парижской общины, выторгованною представителями городскихъ корпорацій и университета у королевской власти и формулованною въ королевскомъ повелѣніи о городскомъ управленіи Парижа

* См. Augustin Thierry, *Histoire du tiers - état*, Paris, 1853, V. 1, pp. 76 и 77.

** A. Thierry p. 78—82.

25го мая 1418 года. „Но нашлись люди, говорить Августинъ Тьерри, чтобы начертать этотъ административный законъ старой Франціи, а не нашлось людей чтобы его исполнить и охранить. Люди благоразумные и дѣловые не имѣли тогда ни твердости воли, ни политической энергіи. Они стали въ сторону; поле дѣйствія принадлежало людямъ экзальтированнымъ и безпокойнымъ, мясникамъ-живодерамъ и ихъ союзникамъ. Послѣдніе бросились въ крайности, которыя вызвали реакцію, ссылки и отобраніе (королевскою властью) реформъ, съ такимъ трудомъ приобрѣтенныхъ; уже черезъ три мѣсяца послѣ своего обнародованія королевское повелѣніе 25го мая о муниципальныхъ правахъ Парижа было отмѣнено.“ * Это сужденіе историка французскихъ городскихъ общинъ приимается и къ новой Франціи.

Все начало XV столѣтія во Франціи наполнено борьбою королевской власти въ союзѣ съ дворянствомъ противъ мятежныхъ городскихъ общинъ, противъ мѣщанства (*la gôitige*) въ союзѣ съ крестьянствомъ; эта междуусобная борьба, въ нѣдрахъ Французской націи, продолжается до 1789 года, до окончательнаго въ этомъ только году освобожденія сельскаго населенія отъ крѣпостнаго права и окончательнаго политическаго торжества третьяго сословія надъ короной и надъ аристократіей (надъ привилегированными сословіями дворянства и духовенства). Эта внутренняя, социальная борьба проходитъ, нисколько не измѣняясь въ своемъ существѣ, черезъ всю французскую исторію; но подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ времени и историческихъ личностей, она принимаетъ весьма разнообразныя формы; это разнообразіе внѣшнихъ формъ одного и того же явленія было главнѣйше обусловлено различнымъ положеніемъ которое занимала въ этой борьбѣ сословіи королевская власть, соединяясь то съ однимъ, то съ другимъ. Отъ этого различнаго положенія короны зависѣли вмѣстѣ съ тѣмъ періоды могущества и государственнаго благоустройства Франціи и періоды ея улады. Личь одной комбинаціи этихъ трехъ стихій никогда не появлялось во многовѣковой внутренней борьбѣ Французскаго государства: никогда не соединялись средніе классы съ поземельною аристократіей противъ короны (кромя случайныхъ личныхъ союзовъ). Это весьма характеристическая

* Тамъ же, р. 87.

черта въ политической исторіи Франціи, имѣвшая капитальныя послѣдствія въ ея вышшемъ строеніи.

Во французской буржуазіи (*tiers état*), какъ впрочемъ во всякомъ среднемъ сословіи въ Европѣ, должно отличать двѣ группы: торговый, промышленный и владѣльчскій классы, и чиновничество. Эти двѣ общественныя стихіи хотя и имѣютъ большею частію одинаковое происхожденіе, одинаковыи во многихъ отношеніяхъ соціальныи типъ, воодушевлены одинаковымъ историческимъ нерасположеніемъ къ феодальной и кастообразной аристократіи и одинаково отчуждены отъ всего сельскаго народонаселенія; однако эти двѣ части одной и той же общественной стихіи, средняго класса, о которомъ уже говорилъ Аристотель, заключаютъ въ себѣ совсѣмъ разнородныя политическія силы и влекутъ за собою совсѣмъ различныя теченія въ жизни государства.* Одна часть французскихъ среднихъ классовъ, сохраняя въ себѣ древнія муниципальныя преданія, стремилась къ упроченію мѣстныхъ и городскихъ вольностей и къ общинному самоуправленію; другая — по преимуществу выражая собою отрицательный, демократическій, враждебный поземельной и родовой знати духъ своего сословія, стремится главнѣйше къ уничтоженію феодальныхъ привилегій, къ гражданскому равенству, и энергически помогаетъ великимъ королямъ Франціи въ государственномъ, а также и въ *административномъ* объединеніи націи. Въ этомъ движеніи, продолжающемся съ XV до XVIII вѣка и соединяющемся въ своемъ конечномъ результатѣ, въ сокрушеніи поземельной аристократіи, сочувствія всѣхъ фракцій средняго сословія, въ томъ числѣ и всѣхъ либеральныхъ умственныхъ профессій, погибаютъ, заодно съ феодальными привилегіями, и муниципальныя вольности, падаетъ заодно съ левнымъ и провинціальнымъ федерализмомъ и все мѣстное общинное самоуправленіе. Характеръ участія французскаго средняго сословія въ государственномъ управленіи, главный органъ его непрерывно возрастающаго политическаго могущества—чиновничество или

* Ср. А. Thierry, *Essai sur l'histoire de la formation et des progrès du tiers-état*, Paris, 1853, V. I, p. 71. Мы пользовались преимущественно этимъ классическимъ сочиненіемъ по внутренней исторіи французскаго государства для всей этой части нашего изложенія, хотя оно по многимъ возвращеніямъ совершенно самостоятельно. Ср. также Тоу-квилле, *l'Ancien régime*.

бюрократія и судебное сословіе, магистратура (*homme de robe*), кладутъ свой отпечатокъ на всю государственную исторію Франціи и опредѣляютъ ея начальное направленіе съ половины XV столѣтія до настоящаго времени. Объ историческомъ безсиліи французской поземельной аристократіи въ дѣлѣ развитія самоуправленія мы будемъ говорить въ послѣдствіи; она была сперва наклонна къ удержанію за своими феодальными владѣніями (подобно городскимъ общинамъ) политической независимости (верховенства) относительно государства, а потомъ сосредоточила всю свою дѣятельность на охранѣ своихъ гражданскихъ привилегій относительно крестьянства.

Государственное объединеніе Франціи, раздробленной въ средніе вѣка болѣе чѣмъ всякая другая страна на самодержавныя политическія единицы, съ сепаратистскими стремленіями, сдѣлалось издавна главною историческою задачею ея правителей. Такими объединителями, собирателями государства, а вмѣстѣ и вивелляторами, уравнителями, всѣхъ сословныхъ и мѣстныхъ неровностей подъ государственнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бюрократическимъ ярмомъ, явились всѣ государи и государственные люди Франціи отмѣтившіе свое имя въ ея исторіи. Они, эти внутренніе воители, возвысили значеніе и блескъ французской монархической власти; въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ, впереди всѣхъ Лудовикъ XI, этотъ мрачный и насмѣшливый образъ,* котораго не могли понять современники, канцлеръ Карла IX Лопиталь, Гейнрихъ IV и Сюлли, кардиналъ Ришелье и Мазаринъ, наконецъ Лудовикъ XIV въ первой, лучшей, половинѣ своего царствованія. Подъ ударами всѣхъ этихъ историческихъ личностей, создавшихъ политическое единство Франціи, смолкаетъ всякій строптивый голосъ, потухаетъ и древній муниципальный духъ французскихъ городскихъ общинъ. Въ XV столѣтіи городскія власти теряютъ право распоряженія военными силами, а въ XVI лишаются и хозяйственной, и административной автономіи, подчиняясь болѣе и болѣе опека центральной власти. Бюрократическая опека надъ общинами и ихъ имуществами дѣлается догматомъ французской администраціи. Но древній муниципальный духъ только замираетъ, а не умираетъ, по временамъ

* „Cette figure railleuse et sinistre que la tradition conserve, et impose encore l'histoire (Авр. Тьерри).“

вспыхиваетъ и валоминаетъ о своемъ существованіи, чтобы послѣ государственнаго затишья XVIII столѣтія снова разгорѣться въ пожаръ 90-хъ годовъ.

Въ XVI столѣтіи, ко всѣмъ старымъ элементамъ междоусобій присоединяется совсѣмъ новый—религіозный. Церковная распря католиковъ, лапистовъ и протестантовъ, гугенотовъ, перекрещивается со всѣми предыдущими теченіями политической жизни, переставая влиять всѣ старыя партіи и господствуетъ въ XVI столѣтіи надъ всякими другими государственными вопросамъ; она осталась даже и до сихъ поръ непримиреннымъ началомъ во Французскомъ государствѣ и обществѣ, усложняя собою ихъ недуги. Въ XVI столѣтіи религіозный фанатизмъ отвлекаетъ политическія страсти французскихъ горожанъ совсѣмъ въ другую сторону отъ муниципальныхъ домогательствъ; однако еще слышатся неоднократно, и иногда проявляются весьма бурно, ихъ старинныя вольнолюбивыя и сепаратистскія стремленія. Такъ въ концѣ XVI столѣтія посреди кровавыхъ событій сопровождавшихъ царствованіе послѣдняго Валуа (Гейнриха III) и вступленіе на престолъ Бурбонской династіи (Гейнриха IV) и посреди возстанія Гизовъ во главѣ лапистской лиги, снова подымается въ 1588 году Парижская коммуна, какъ союзница Лиги противъ короля Гейнриха III. Тутъ возобновляются парижскія *journees* со всѣми типическими особенностями отличавшими коммуналистскія смуты прежнихъ и послѣдующихъ временъ*. Организуется революціонный комитетъ изъ шестнадцати гражданъ для управленія городомъ; этотъ комитетъ отставляетъ всѣхъ королевскихъ чиновниковъ, и въ теченіи шести лѣтъ самодержавно царствуетъ въ столицѣ, изъ которой убѣгаетъ король со всѣми своими гражданскими и военными властями. Въ Парижѣ воздвигаются баррикады, и повторяются всѣ кровавыя сцены прежнихъ дней. Въ этой смутѣ, хотя и произведенной преимущественно религіозною распрей, пробуждаются однако всѣ демагогическія коммуналистскія страсти: королевское имя и всѣ признаки королевской власти исключаются изъ судебныхъ и всякихъ другихъ публичныхъ актовъ; проповѣдуется на парижскихъ улицахъ

* См. А. Thierry, *Essai sur l'histoire du tiers-état*, V. I, p. 174 и сѣд. N. Reeve, *Communal France*, p. 340, и Weber, *Lehrbuch der weltgeschichte*.

цареубійство; король въ послѣдствіи и умираетъ отъ руки изстулшеннаго фанатика (молодаго доминиканскаго монаха). Парижскій революціонный комитетъ Шестнадцати, соединившись съ центральнымъ комитетомъ католической Лиги (первообразы будущихъ революціонныхъ комитетовъ 1790 и 1870 годовъ), не ограничиваются въ своемъ владычествѣ городомъ Парижемъ, а стремятся распространить свое дѣйствіе на всю Францію. Отрицая верховныя права короля во всемъ государствѣ, они собственно своею властью назначаютъ намѣстника для управленія королевствомъ (*lieutenant général du royaume*), и составляютъ даже проектъ союза вольныхъ городовъ и *федеральной республики*, на подобіе Швейцарской, для всей Франціи*. Это противомонархическое движеніе, исходившее изъ Парижа, удивительнымъ образомъ соединяетъ въ одну струю демократическій фанатизмъ съ религіознымъ ультрамонтанскимъ, и увлекаетъ за собою на нѣкоторое время самыя провинціи. Такой союзъ, возобновляющійся нынѣ въ Германіи, лишь однажды проявился въ исторіи Франціи. Отъ Пикардіи до Бретани и отъ Бретани до Прованса поднимается кличъ муниципальныхъ вольностей, враждебный монархіи.

Со вступленіемъ въ Парижъ и на престолъ Франціи (1589) Гейнриха IV улеглась надолго, ровно на два вѣка, до 1789 года, вся эта коммуналистская буря, которая привела въ броженіе все французское общество, подняла съ самаго глубокаго историческаго дна, подобно бурѣ въ 1871 году, всѣ первичныя стихіи строенія Французскаго государства, и казалось готова была разложить его на части и возвратитъ къ государственной анархіи среднихъ вѣковъ. Необычайно мудрое (двадцатилѣтнее) правленіе перваго Бурбона, умѣренное, по преимуществу *умѣренное*, какъ не умѣло быть никакое другое правленіе во Франціи ни прежде, ни послѣ, умиротворило все общество своимъ политическимъ тактомъ и компромиссами между крайними партіями. Эти компромиссы, отличающіе характеръ царствованія Гейнриха IV, столь чуждые всѣмъ предыдущимъ и послѣдующимъ правительствомъ Франціи, вполне соответствовали первоначальному акту (переходу изъ кальвинизма въ католичество) который открылъ ему ворота Парижа и путь ко французскому престолу. Гейнрихъ IV остался вѣрнъ своему достопамятному изреченію: „Парижъ

* A. Thierry, p. 174.

стоитъ обѣди“. Это былъ единственный въ своемъ родѣ король Франціи, самый популярный во французской исторіи, имя котораго произносится до сихъ поръ съ уваженіемъ всеми французскими партіями. Замѣтимъ кстату, этъ былъ единственный монархъ Франціи протестантъ по своему рожденію и воспитанію. Въ этомъ государѣ выразилась всѣ творческій и организаторскій духъ французской королевской монархіи стараго режима, имѣющій себѣ равню только въ Наполеонѣ I, въ пореволюціонной Франціи. „Царствованіе Гейнриха IV, говоритъ Тьерри, было одною изъ тѣхъ рѣшающихъ эпохъ когда множество вещей оканчивается и множество другихъ зачинается. На рубежѣ двухъ великихъ вѣковъ, онъ ложалъ плоды общественной работы и опыта одного изъ нихъ, и положилъ основы всѣхъ учрежденій усовершенствованныхъ уже въ другомъ вѣкѣ. Королевская власть, освобожденная отъ всякой неопредѣленности замутившей ея характеръ въ средніе вѣка, явилась совсѣмъ ясною въ своей новой формѣ, въ своемъ *административномъ самодержавіи* (*souveraineté administrative*), *неограниченная* и по праву, и въ дѣйствительности до 1789 года, а съ тѣхъ поръ подчиненная верховнымъ правамъ націи или связанная съ ними. Въ это царствованіе *логически* устроились всѣ отрасли центральной администраціи, и ихъ права распространились на всѣ потребности цивилизованнаго общества. Въ это-то время ускорилось объединеніе націи посредствомъ сосредоточенія государственной власти, и усилилось движеніе ко гражданскому равенству упадкомъ придворныхъ знатныхъ родовъ и возвышеніемъ различныхъ классовъ средняго сословія.“ Въ то время (1858) какъ писалъ Тьерри, во Франціи не было яснаго сознанія пагубныхъ послѣдствій этого *административнаго* сосредоточенія власти: раздѣленіе этой административной централизаціи съ *государственною*, и въ понятіяхъ, и въ практикѣ, не казалось возможнымъ, а вѣрность французскаго ученія о *сверховенствѣ* народа, подлѣ верховной власти монарха, еще не выяснилась ни теоретически, ни исторически, также какъ не разсвѣдальсь еще мечты Французовъ о состоятельности отвѣченной доктрины ограниченія государственной власти посредствомъ народнаго верховенства (*souveraineté du peuple*). Въ то время еще не появилось знаменитое сочиненіе Токвила о старомъ

* A. Thierry, p. 188 u 189.

режимѣ (1856). Счастливое царствование Генриха IV, прибавимъ мы къ словамъ Тьерри, начавшееся посреди самыхъ критическихъ внутреннихъ обстоятельствъ Франціи, разумъ этого монарха и государственный гений его сподвижника Сюлли, доказываютъ значеніе великихъ личностей въ исторію, доказываютъ также значеніе монархической власти посреди гражданскаго раздора, непримиримаго безъ монархіи, и могущество мудрой и національной политики, становящейся вѣдъ всякихъ сепаратистскихъ партій и эгоистическихъ сословій въ государствѣ. Къ величайшему несчастію Франціи, первый Бурбонъ не нашелъ себѣ подражателей на французскомъ престолѣ.

Всѣ великіе послѣдователи этой многовѣковой традиціонной политики Французской монархіи состоящей въ улаженіи и уравниеніи государственной и административной почвы (*l'aplanissement politique du sol français*, какъ выражается Тьерри), довели ее до послѣднихъ ея крайностей. Такова была въ особенности жестокая система Ришелье, который былъ столько же безпощадевъ къ самоуправству владѣльцевъ феодальныхъ замковъ, какъ и къ муниципальной самостоятельности общинъ, и ко всякимъ мѣстнымъ и корпоративнымъ автономіямъ. * Деспотизмъ Ришелье вызвалъ въ среднихъ классахъ, въ половинѣ семнадцатаго столѣтія (1648), взрывъ неудовольствія противъ его мѣше талантливыхъ ** преэминиковъ; это была послѣдняя, до 1789 года, эпоха смуть и междуусобій во Франціи. Это движеніе, взволновавшее всю Францію въ малолѣтство Лудовика XIV и извѣстное подъ названіемъ Фронды, было, въ своемъ существѣ, также какъ и предыдущія, сопротивленіемъ среднихъ классовъ (въ формѣ разныхъ, преимущественно изъ нихъ составленныхъ, учреждений и корпоративныхъ властей, парламента, высшей счетной палаты, судебныхъ установленій) личному правленію и административному произволу королевской власти. О муниципальных вольностяхъ тутъ было мало рѣчи, однако городскія власти и разныя городскія корпораціи въ Парижѣ возстали, въ союзъ съ парламентомъ, на подобіе коммуны. *** Это движеніе, еслибъ оно не переродилось, какъ всегда бываетъ во

* A. Thierry, *Essai sur l'histoire du tiers-état*, V. I, p. 249, 252, 255.

** Тамъ же, p. 260—270.

*** Тамъ же, p. 269.

Франціи, изъ юридической борьбы властей въ уличный бунтъ могло бы имѣть добрые результаты, водворить элементъ законности въ государственномъ управленіи и предотвратить позднѣйшія бѣдствія; но оно повело за собою революціонныя насилія и кровопролитія, вооруженіе толпы обычныя парижскія *journees*, съ баррикадами и дѣтьми-кажальщиками, * взятіе Бастильской тюрьмы и пр. Изъ этой трехлѣтней гражданской войны, въ которой посреди вещественной анархіи перелутались всѣ партіи и утратились первоначальныя руководящія принципы борьбы, не вышло ничего, какъ изъ всякой революціонной свалки,—ничего кромѣ безпорядочной временной сдѣлки правительства съ оппозиціей, опирающеюся на матеріальную силу. Таково было перемиріе королевской власти съ Парижскимъ парламентомъ ** (30го марта 1649 года). Перемиріе съ революціей, вынужденное страхомъ, а не убѣжденіемъ, не могло послужить дѣлу государственнаго благоустройства Франціи, да никогда и не можетъ этого сдѣлать. Никакое правительство не довѣряетъ и не можетъ довѣрять правамъ выхваченнымъ у него насиліемъ. Посреди всеобщаго утомленія и апатіи, быстро слѣдующихъ въ этой странѣ за революціонными потрясеніями, были стерты всякія ограниченія административнаго произвола и подавленъ духъ всякаго самоуправленія; совершеннолѣтній Лудовикъ XIV объявилъ (1661 года) въ верховномъ правительственномъ совѣтѣ что *онъ хочетъ самъ лично управлять государствомъ*, и все его царствованіе было блестящимъ подтвержденіемъ этихъ словъ, хотя подъ его именованъ управляли всѣ, кромѣ закона.

Пятидесятичетырехлѣтнее царствованіе Лудовика XIV (1661—1715) *** было послѣднимъ терминомъ начавшейся въ XII вѣкѣ борьбы Французской монархіи за объединеніе государства противъ всѣхъ сепаратистскихъ его элементовъ.

* Замѣчательно что вооруженіе дѣтей всегда понавается въ парижскихъ возмущеніяхъ съ XIV столѣтія до 1871 года.

** Слѣшкомъ извѣстно что французскіе парламенты, какъ судебно-административныя учрежденія и корпораціи, не имѣли почти ничего общаго съ новѣйшими представительными законодательными собраніями носящими то же названіе.

*** Считаю отъ вступленія его лично въ управленіе послѣ кардинала Мазарина; семьдесятъ два года со смерти Лудовика XIII.

и въсь и послѣднимъ терминомъ развитія личнаго бюрократическаго правленія, подъ эгидою коего совершалось это объединеніе. Слова этого государя: „Государство, это я“, суть самое характеристическое выраженіе того государственнаго наряда который былъ имъ довершенъ, поддержанъ личными талантами и потомъ разложился въ своей мощи, но не въ своихъ принципахъ, при бездарныхъ и безправственныхъ преемникахъ Лудовика XIV и Кольбера. Этотъ государственный нарядъ (режимъ) и вступилъ въ борьбу съ революціей XVIII вѣка; онъ былъ снова, во всей силѣ, воскрешенъ геніемъ Наполеона I, потомъ отчасти въ другой разъ подновленъ ловкостью Наполеона III, и съ прошедшаго столѣтія до сихъ поръ продолжаетъ бороться и лережежаться съ анархіей и революціонными пароксизмами. До какого ничтожества были доведены органы муниципальной власти, единственные сохранившіеся по имени признаки самоуправленія и корпоративной жизни во Франціи, и до какого самовластія достигло бюрократическое управленіе,—сказать самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ начавшаяся при Лудовикѣ XIV и продолжавшаяся въ послѣдствіи продажа казною отъ себя всѣхъ городскихъ общественныхъ должностей. * Это былъ конечно самый чудовищный финансовый ресурсъ правительства, шедшаго быстрыми шагами послѣ смерти Кольбера къ своему банкротству въ XVIII столѣтіи. Въ этомъ столѣтіи не преобразовался или улучшился, а совсѣмъ вымеръ старинный муниципальный духъ во Франціи и пересталъ быть силою для среднихъ классовъ, перешедшихъ совсѣмъ на другіе пути для проявленія своей политической зрѣлости,—отчасти въ бюрократическую сферу, отчасти въ философскій дилеттантизмъ освободительныхъ идей XVIII вѣка. Изъ-подъ такихъ-то постыдныхъ развалинъ старинныхъ муниципальных вольностей Франціи, послѣ цѣлаго вѣка растлѣнія возстаетъ революціонная Парижская коммуна 90хъ годовъ, возобновляя коммуналистскія возстанія давно прошедшихъ вѣковъ.

Весь XVIII вѣкъ во Франціи былъ потерявъ для монархіи, и хуже чѣмъ потерявъ. Несмотря на свой смертоносный пятидесятилѣтній бой противъ всякихъ историческихъ правъ,

* А. Thierry, *Essay sur l'histoire du tiers-état*, VII, p. 24. Нужно замѣтить что это не продажа *casernes*, а общественныхъ (прежде выморныхъ) должностей.

французская королевская власть встрѣтилась съ революціей XVIII вѣка, съ его отвлеченнымъ рационализмомъ, заговорившимъ о свободѣ и равенствѣ, не локовчивъ даже съ феодальными привилегіями дворянства и духовенства на почвѣ гражданскаго и финансоваго права, не разрѣшивъ даже своей исторической задачи уравниванія французскихъ подданныхъ предъ закономъ и государственною властью. Что же могло быть хуже этого? Всѣ страшныя человѣческія жертвы Французской націи предъ кумиромъ равенства, поставленнымъ ея монархами, оказывались совсѣмъ напрасными! Но случилось еще худшее. По совершенному безразсудству совѣтниковъ злополучнаго Людовика XVI, корона перешла на сторону феодальныхъ правъ которыя не были соединены ни съ какими обязанностями и только отягощали и раздражали народъ не принося ничему пользы и не служа ни въ чемъ органамъ управленія. Это положеніе принятое королевскою властью въ 1789 году, въ самомъ началѣ подымавшейся снова, послѣ полуторавѣковаго перемирія, гражданской войны, рѣшило ея судьбу. Оно никогда ей не позабудется; принятая ею тогда роль заслонила собою, въ народныхъ воспоминаніяхъ, безплодную борьбу Бурбоновъ противъ федерализма, и съ ними теперь, вопреки исторической правдѣ, связывается понятіе народныхъ массъ о феодальномъ режимѣ. Посреди гражданской розни и ненависти, раздирающихъ французское общество съ незапамятныхъ временъ, монархія во Франціи не достигла главной цѣли всякой верховной государственной власти, въ какой бы формѣ, хотя бы даже не монархической, она ни существовала, — *нейтральности власти* посреди борющихся общественныхъ интересовъ. Во всѣхъ самыхъ разнообразныхъ своихъ видахъ, съ конца XVIII столѣтія, Французская монархія не смогла съ этою основною задачею государства, безпрерывно колеблясь между всѣми общественными интересами и группами, феодальною знатью, католическимъ духовенствомъ и господствующею церковью, денежною аристократіей, крестьянствомъ и пролетаріями. Не смогла съ этимъ до сих поръ и республика, трижды пытавшаяся водворить государственный порядокъ въ этой странѣ. На равновѣсіи между борющимися стихіями долго держаться трудно, всегда — не возможно; остается поддерживать равновѣсіе посредствомъ разжиганія гражданского раздора — но и это средство истощается. Между тѣмъ въ Англіи посреди тѣхъ же самыхъ элементовъ

гражданскихъ междуусобій, поставленныхъ средними вѣками и вновь нагроможденныхъ промышленнымъ движеніемъ нашего времени, монархія и съ нею государственная власть остаются нейтральными въ общественныхъ раздорахъ. Лишь однажды, посреди религиозныхъ междуусобій XVII столѣтія, ломатываясь въ Англіи монархическая власть, произвольно склонившись въ пользу враждебнаго государству лализма; вся англійская революція (только такъ-называемая), въ противоположность всѣмъ безъ изъятія французскимъ, была борьбою государственныхъ учреждений и общества за законность государственнаго порядка противъ королевской власти, ее нарушившей. Такая борьба, какъ бы она ни была ужасна,—борьба за права противъ беззавія,—можетъ привести плоды, и принесла ихъ. Наоборотъ, борьба за беззавіе и анархію, хотя бы и противъ такого же беззавія, бессмысленна и бесплодна, а такова была французская революція XVIII вѣка.

Чѣмъ же объяснить эту признанную всѣми противоположность государственной исторіи Франціи и Англіи? Отвѣтъ на это, какъ и на всѣ поставленные нами въ началѣ этой главы вопросы, служить весь сдѣланный нами историческій очеркъ столь сходныхъ между собою, во всѣ столѣтія, французскихъ смуть и параллельнаго съ ними развитія французской административной системы, съ самой первоначальной эпохи централизаціи посреди государственнаго раздробленія среднихъ вѣковъ. Мы видимъ городскія общины, исторические общественные мѣстные союзы неоднократно подымающие голову съ притязаніями на верховность своихъ правъ, несомвѣстимую съ цѣлостью государства; мы видимъ демагоговъ произвольно собирающихъ подъ этимъ историческимъ знаменемъ шайки людей и самовластно захватывающихъ въ свое неограниченное распоряженіе наивныя массы горожанъ, чуждыя всякой политической жизни. Вместе съ тѣмъ мы видимъ что государственная власть, обязанная, по самому существу своему, до конца бороться съ сепаратистическими началами, которыя уничтожаютъ самое понятіе о государствѣ, и его единствѣ, водворяетъ заодно съ государственною или политическою централизаціей бюрократическое, личное управленіе, стирающее съ административной почвы всякую тѣнь самоуправленія. Можетъ ли быть сомнѣніе что не крайности развитія мѣстнаго самоуправленія, для котораго нѣтъ даже

названія на французскомъ языкѣ, * а совсѣмъ противоположныя явленія породили во французскомъ обществѣ тотъ мятенный противъ государства духъ, который живетъ въ немъ до настоящихъ дней? Общество и воѣ его историческіе союзы были цѣлыми вѣками исторіи отлучены отъ всякаго участія въ государственномъ управленіи, поставлены внѣ государства и въ прямо враждебныя къ нему отношенія; малѣйшее пробужденіе политической жизни въ томъ или другомъ общественномъ классѣ, малѣйшая его попытка къ живому участию въ дѣлахъ государства ставитъ его въ революціонныя, безправныя, къ нему отношенія, открываетъ двери возстанію противъ власти и попріице для демагоговъ, какіе найдутся всегда и во всякой странѣ. Такіе же точно демагоги и даже прямо эмиссары французской революціи пытались и никакъ не были въ силахъ произвести революцію въ Бельгіи и Швейцаріи, гдѣ упрочилась система самоуправленія. Не законныя органы самоуправленія, о которомъ давно исчезли всякія понятія во французскомъ государствѣ, не законныя и свободныя общины бунтовали и бунтуютъ противъ него, а совсѣмъ напротивъ, общество, лишенное всякой самостоятельной *государственной* организаціи, какую способно дать ему только здоровое самоуправленіе, общество размельченное на атомы подъ гнетомъ всесильной бюрократической администраціи, раздѣленное сверхъ того испоконъ вѣку гражданскими междуусобіями сословій, оказывается безсильнымъ противъ ничтожнѣйшей мятенной организаціи, самовольно устроенной въ его средѣ, противъ всякаго тайнаго общества, какъ бы ни было оно нелѣпо. Такова исторія образованія всѣхъ этихъ революціонныхъ комитетовъ, которые подъ разными наименованіями учреждались въ Парижѣ во всѣ вѣка и которые мы нарочно съ этою цѣлію описывали. Не ясно ли теперь почему большинство французскаго общества всегда лассуетъ предъ заговоромъ и бунтомъ.

ВЛАДИМИРЪ БЕЗОБРАЗОВЪ.

* Для *selfgovernment*, *Selbstverwaltung*, самоуправленіе, не имѣется никакого равнозначащаго французскаго выраженія. Французы говорятъ объ административной децентрализаціи, которая имѣетъ съ этимъ мало общаго.

Въ дымкѣ-невидимкѣ
Выпалъ мѣсяцъ вешній;
Цвѣтъ садовый дышетъ
Яблонью, черешней.
Такъ и льнетъ, цѣлуя
Тайно и нескромно.
И тебѣ не грустно?
И тебѣ не томно?

Истерзался лѣсной
Соловей безъ розы;
Плачетъ старый камень,
Въ прудъ рокая слезы.
Уронивъ кося
Голова невольню.
И тебѣ не томно?
И тебѣ не больно?

А. ФЕТЬ.

Д В Ъ С И Л Ы

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XI. Старопольскій тостъ.

Зычный рогъ дожджачаго, скликавшій собакъ и охотниковъ, возвыщалъ торжество немалое: на лана-посредника Селява Жабчинскаго какъ разъ выбѣжалъ кабанъ. Посредникъ цѣлился и далъ промахъ, спустилъ другой курокъ и тоже промахъ, вслѣдствіе чего и задалъ тягу въ сторону, а кабанъ былъ положенъ мѣткимъ выстрѣломъ въ самое ухо который слѣдъ ему пустилъ старосвѣтскій помѣщикъ, ланъ Хоминскій, въ ту самую минуту когда ланъ Селява давалъ стѣлакъ, а кабанъ, вая цѣликомъ все въ одномъ направленіи, ломая на ходу низенькія молодые вѣтви и сучья кустарниковъ, перешелъ уже линію охотничьей цѣли. На слѣгу, окруженномъ нѣсколькими пятнами крови, лежалъ подновшійся и неуклюжій трулъ его, окружаемый группами подходящихъ охотниковъ, вслѣдъ за которыми подошелъ и Хвамынецъ. Перекрестный огонь веселыхъ шутокъ, поздравленій, расказовъ, расказовъ, восторговъ, похвалъ, объясненій и горячи

* См. Русск. Вѣст. № 1.

споромъ, трещалъ надъ трупомъ убитаго звѣря. Голодные собаки съ жадностью въ глазахъ, но осторожно приподнявъ переднюю ногу, инстинктивно и пытливо обнюхивали кабана и излодтишка слизывали тихо калавшую кровь. Панъ Селява-Жабчинскій горячо отвергалъ фактъ собственного стрелача и ослаивалъ у старосвѣтскаго помѣщика честь ловкаго выстрѣла. Эксъ-уланъ натянувъ поверхъ коллета волчью шубу и все-таки порядкомъ продрогнувъ, а можетъ только и подъ предлогомъ холода, исправно тянулъ изъ горлышка охотничьей фляги. Дамы и ланенки, поталтывая зазябшими ножками, весело смѣялись и звонко тараторили, луская мимо ушей любезности и комплименты чамарковыхъ ланичей, такъ какъ въ эту минуту ихъ несравненно болѣе занималъ дюжій кабанъ чѣмъ всѣ эти ланичи съ ихъ чамарками, сердцами и комплиментами. Наконецъ подъѣхала повозка, на которую егеря свалили убитаго звѣря, а панъ Котырло, въ качествѣ маршалка охоты, примирилъ двухъ спорящихъ соперниковъ, застава ихъ поцѣловаться, но все-таки честь выстрѣла оставивъ за старосвѣтскимъ ланомъ, и вслѣдъ затѣмъ охотники стали расходиться, занимая цѣль въ совсѣмъ новомъ направленіи, для вторичной облавы, версты за полторы отъ прежняго мѣста. Эта вторая облава не имѣла уже такого бластательнаго успѣха, но все-таки взяла если не качествомъ, то количествомъ добычи: она принесла одну серну и трехъ зайцевъ.

Вся компанія уже и прозябла, и проголодалась порядочно. Былъ второй часъ полудни. Маршалокъ объявилъ охоту конченною, и съ любезностью старопольскаго хозяина пригласилъ всѣхъ безъ исключенія гостей—и своихъ и участвовавшихъ—въ Карвачевскую рошу.

Тамъ уже ланскіе челядинцы, подъ надзоромъ и руководствомъ стараго дворецкаго, успѣли приготовить все что было необходимо къ импровизованному пиру: для дамъ раскинута была большая палатка устланная коврами и волчьими шкурами, а для мужчинъ помѣщеніе хотя и не отличалось такимъ комфортомъ, за то было весьма живописно: между составленными экипажами и стволами нѣсколькихъ деревьевъ, на приподнятыхъ вверхъ дышлахъ и оглобляхъ, были съ подвѣтренной стороны прилажены большіе пестрые ковры и циновки; подобные же ковры устилали землю въ огороженномъ такимъ образомъ пространствѣ, гдѣ стоялъ подъ бѣлою скатертью большой складной столъ, уставленный

батареями бутылокъ, банями тарелокъ, карями стакановъ и грудями ножей, вилокъ и ложекъ. Нѣсколько складныхъ стульевъ помѣщались вокругъ стола, и кромѣ того валялись еще на коврахъ нѣсколько кожаныхъ подушекъ, матрашковъ и экипажныхъ сидѣній. Предъ входомъ пылали и трещали большой костеръ, а нѣсколько въ сторонѣ другой подобный же у котораго на разныхъ каганцахъ и треножкахъ, поваръ съ двумя поварятами разогрѣвалъ, заранѣе еще въ ночь приготовленные, соусы и жарилъ на вертѣлѣ мясо. Около него стояли ящики, банки и бочонки съ разными приласами, и суетилась прислуга. Эти пестрые навѣсы, эти ковры, экипажи, съ привязанными около нихъ лошадьми, которыя мѣрно хрустѣли зубами надъ заданными торбами овса, эти своры разношерстныхъ собакъ, эти ярко-пылающіе костры и оживленныя группы охотниковъ и женщинъ,—все это вмѣстѣ представляло разнообразную, пеструю, довольно поэтическую и очень красивую картину, напоминавшую собою отчасти явѣно въ родѣ цыганскаго табора.

День былъ почти безвѣтренный и ясный; морозъ не превышалъ двухъ градусовъ, а продосимыя время отъ времени въ дамскую палатку жаровни, при содѣйствіи вина и теплаго платья, дѣлали вовсе не чувствительнымъ даже и тотъ маленькій холодъ который чувствовался въ воздухѣ. На столѣ вкуснымъ паромъ дымились блюда приносимыя разомъ безъ всякаго особеннаго порядка. Тутъ главную роль играли столь излюбленная польскими охотниками тушоная калуца, и бигосъ, и зразы, и жаренныя куролатки. Вино, хоть и не весьма-то высокаго качества, все больше съ рижскими армяками, лилось въ изобиліи и поглощалось съ примѣрнымъ аппетитомъ. Чѣмъ болѣе охотники пили и ѣли, ѣли и пили, тѣмъ болѣе разгорались ихъ бодрья, здоровыя лица, и тѣмъ громче и свободнѣе становился перекрестный огонь разказовъ, споровъ, восклицаній и смѣха. Памъ Селява-Жабчинскій повѣствовалъ о томъ какъ онъ въ Тирольскихъ альпахъ убилъ въ одну охоту трехъ ланей вися надъ обрывомъ, на такой узенькой тропкѣ что еле-еле гдѣ было ногу поставить, а въ Уэльсѣ вмѣстѣ съ герцогомъ Кембриджскимъ, ни болѣе ни иначе какъ съ нимъ самимъ, затравилъ громаднѣйшаго медвѣда. Становой Шларага утверждалъ что своими глазами видѣлъ у одного полѣшука, на Полѣсьи, заколдованное ружье которое бьетъ хоть на тысячу шаговъ, только ди-

каго звѣря, но въ домашнее животное, будь то хоть волъ, хоть свинья, хоть самъ ланъ Шларага, въ двухъ-трехъ шагахъ дастъ непременно промахъ. А въ отвѣтъ ему кто-то увѣрялъ что все это ровно еще ничего не значитъ въ сравненіи съ локожденіями барона Мюнгаузена; но ланъ Шларага въ простотѣ и невинности сердечной и не подозревалъ кто такой этотъ баронъ Мюнгаузенъ и какое отношеніе имѣютъ локожденія сего знаменитаго барона къ его повѣствованію о заколдованномъ ружьѣ. Старый эксъ-уланъ, молодцовато и не безъ видимой рисовки озираясь на саблю, порицалъ времена настоящія и хвалилъ прошедшія, восторгался воспоминаніемъ о томъ какъ лили уланы, какъ плясали мазурку и олять путалъ свою воображаемую службу между тѣмъ и этимъ подками и, наконецъ дойдя до высшаго лагоса, вдругъ выхватилъ изъ ноженъ свою саблю и сталъ отчаянно махать ею по воздуху, изображая какъ они рубились въ прежніе годы. Эта послѣдняя эволюція лана Колца была столь внезапна что слушавшіе лавичи разомъ отскочили въ стороны, опасаясь какъ бы невзначай не задѣла ихъ уланская сабля, а собаки съ азартнымъ лаемъ бросились было на лана-пулковника, но угрожаемая его клинкомъ, держались въ оборонительныхъ позиціяхъ на благородной дистанціи, не переставая на него лаять.

Выпито было уже очень и очень изрядно, когда ланъ Котырло приказалъ подать нѣсколько большихъ бокаловъ стараго богемскаго хрустала, съ гравюрами и надписями и съ выпуклымъ дномъ, безъ ножекъ, такъ что бокалъ этой конструкции никоимъ образомъ не могъ быть поставленъ на столъ; надо было или выпивать его до дна или держать въ рукахъ пока не выльешь, а по приговору лана-маршалка ни сосѣди, ни слуги ни отъ кого не могли принимать недопитаго бокала. Откупили нѣсколько бутылокъ „вегржина“ и наполнили ими эти монстры. Ланъ Котырло поднявшись со своего предсѣдательскаго мѣста, провозгласилъ любимый старопольскій тостъ:

— Кохаймы се, ланове! *

И вмѣстѣ съ этими словами, нагнувшись къ своему сосѣду, тому самому старожитному лану Хомчевскому который мѣткимъ выстрѣломъ положилъ кабана и чрезъ то сталъ въ нѣкоторомъ родѣ героемъ нынѣшняго полеванья, ланъ

* Взалюбимъ другъ друга.

Котырло съ чувствомъ облобызаясь съ нимъ дважды и заломъ выпилъ свою стопу.

Панъ Шларага затянулъ приличную случаю пѣсню, панъ Колець сталъ вторить баскомъ, кое-кто подтянулъ разными голосами и наконецъ весь хоръ грянулъ дружное: „дулу-дулу, дулу-дулу!“

— Выпилъ Куба до Якуба, начиналъ панъ Шларага.

— Якубъ до Михала, подхватилъ панъ лукавникъ, отечанивая тактъ своею саблей.

Выпилъ ты, выпилъ я —
Компанія цала!

— „А кто не выпіе“, присоединялись голоса любителей: — „того ве два кіа!“ И вслѣдъ за симъ „компанія цала“ подхватывала во всю глотку:

Дулу-дулу! дулу-дулу!
Того ве два кіа.

Панъ Шларага увлекся до того что даже не безъ азарту и весьма выразительно сталъ при каждомъ притѣвѣ дулить съ двухъ сторонъ собственными руками собственныя щеки.

Хвалынцевъ въ полголоса спросилъ у Свитки объяснить ему значеніе столь оригинальнаго притѣва, и Свитка пояснилъ что „дулу-дулу, дулу-дулу“ есть очень наглядное, звукоподражательное выраженіе палочныхъ ударовъ по спицѣ.

— Кто не выливаетъ, того, значить, дулу-дулу въ двѣ палки, понимаете, добавилъ онъ шутливо.

Застольная пѣснь шла далѣе. Хвалынцевъ спросилъ Свитку объяснить ему смыслъ всей этой пѣсни которая казалась ему характерною. Добрый товарищъ охотно согласился исполнить желаніе своего пріятеля. Смыслъ охотничьей пѣсенки оказался таковъ:

„Старинный панъ, хотя и ходилъ въ жуланѣ, за то какъ шляхтичъ, какъ дворянинъ, ворочалъ деньгами, золотомъ; теперь же всякій—увы! ходитъ въ куцомъ фракѣ, и межъ тѣмъ въ карманѣ у него шишь! Но кто живетъ безъ гроша, того дулу въ двѣ палки! Дулу-дулу! дулу-дулу! Идюка съ соусомъ и борщъ съ бигосомъ нѣкогда ланы лишь ѣдали, а теперь всякая шинкарка и всякая кухарка! Нѣкогда лишь одна только сама лани, барыня, носила кружева и перлы, а теперь—увы! всякая кухарка и шинкарка позволяетъ себѣ одѣваться какъ

важная дама. Но если кто позволить себѣ жить свыше своего пророжденнаго общественнаго положенія, того дули въ двѣ лапки! Цулу-дулу! Дулу-цулу! Того дули въ двѣ лапки!“

— Ну, какъ вамъ нравится наша древняя лѣсна которая даже и по сей день, несмотря на древность, все-таки поется? Мы вѣдь любимъ и чтимъ свою старину. На видъ какъ будто распылчиво и масляно, а въ сущности не безъ хитраго какого-то умысла, проговорилъ Свитка.

— Да вы это какъ, въ насмѣшку, что-ли, спрашиваете меня? отозвался Хвалынецъ.

— Въ насмѣшку? будто бы удивился Свитка: — Да что же тутъ смѣшнаго? Просто милая лѣсенка которая совѣтуетъ каждому жить по средствамъ, по состоянію; что жь тутъ достойнаго смѣха?

— Ну, такъ я вамъ долженъ сказать что во всю свою жизнь еще я не слышалъ ничего что выражало бы болѣе характерно всю мелочность замкнутаго самолюбія шляхтича, всю притязательность чтобы никто не осмѣливался жить столь же комфортабельно какъ живетъ панство; это, по-моему, одна изъ самыхъ кастовыхъ, изъ самыхъ бѣлокостныхъ лѣсенъ не смотря на всю ея лустоту и наивность!

— Ну, вотъ! вы все это съ точки зрѣнія русскаго сиволага демократизма! махнулъ рукой Свитка.

А между тѣмъ, веселая компанія продолжала все ту же лѣсню, и послѣ каждаго „цулу-дулу“ сосѣдъ передавалъ сосѣду опорожненный бокалъ, а этотъ, наполнивъ его до краевъ, возглашалъ явное „кохаймы се!“ — и старая стола довольно быстро и дружно, подъ звуки характернаго прилѣва, обходили кругъ сосотельниковъ.

ХII. Фацеція паньска.

Въ то самое время какъ тосты дошли до полного разгара, такъ что въ панскихъ головахъ пошли уже колесомъ вертѣться разныя—и удалыя, и шляхетныя мысли, проекты и фантази, вдругъ послышалось на пролегавшей мимо и неподалеку дорогѣ громыханье приближавшей повозки. Первый обратившій вниманіе на это совершенно ничтожное и случайное обстоятельство былъ эскъ-уланъ, который подошелъ къ костру запаалить свою коротенькую охотничью „файку“*.

* Трубку.

— Полтъ ѣдетъ, лавове. Плюнуть надо! возгласилъ овъ, обращаясь къ компаніи и присовокулилъ въ поясненіе:—Какъ служилъ я въ уланахъ, такъ у насъ въ полку было повѣрье что повстрѣчаться съ попомъ означаетъ неудачу и несчастіе, а чтобъ оно не случилось, то надо поскорѣе во слѣдъ ему плюнуть. Плюйте, лавове!

— Э, да, это овъ, панскій добродѣль! воскликнулъ панъ Селява-Жабчинскій, обративъ и съ своей стороны вниманіе на приближавшуюся повозку.

— А вѣдь олять смущалъ хлоповъ! Мнѣ довели-таки! съ нѣскольکو злобною досадою тихо сказалъ панъ Котырао, обращаясь къ посреднику.

— О?... Олять? нахмурился Селява:—Когда? давно?

— Вчера еще.... но я ужъ вечеромъ звалъ.

Посредникъ произнесъ только сквозь зубы: „тест“, и особенно покачалъ головой.—Ужъ не насчетъ ли перехода въ дворовые? спросилъ овъ.

Котырао подтвердилъ его догадку.

— От-то, пане, бестія! съ досадою, хлопнувъ рукой по столу, воскликнулъ Селява, — смотрите, все дѣло испортить!.. Эхъ, проучить бы слѣдовало!.. За позволеньемъ панскимъ, а бѣ его сію же минутой!..

— Дулу-дулу, дулу-дулу! лѣла ве два кіа! прибавилъ нарастивъ становой Шларага.

Компанія расхохоталась въ отвѣтъ ну эту импровизацію и подхватила ее вестройными уже голосами.

Между тѣмъ подгулявшій панъ Селява-Жабчинскій успѣвъ въ это время перемигнуться, перешелпнуться и стакнуться о чемъ-то съ предпріимчивымъ и еще болѣе его подгулявшимъ эксъ-уланомъ, такъ что едва лишь замолокъ послѣдній звукъ прилѣва, панъ Колець энергично вскочилъ съ мѣста и громко воззвалъ ко всей компаніи:

— Панов-браця! Кто хочетъ въ охотники на штурмъ?... и атаку на поля?... Кто желаетъ, тотъ къ косямъ! Къ косямъ лавове! До брѣни! И гайже на лѣла!...

— Гай-гай!... Гайда, лавове! Къ косямъ!... браво!... поднято нѣскольکو голосовъ, и съ шумомъ и смѣхомъ человѣки семь молодежи азартно посрывались съ своихъ мѣстъ и бросились къ гайдукамъ съ приказаніями скорѣе подтягивать лошадямъ подпруги.

Котырао попытался было остановить, но расходившіеся

улазы вмѣстѣ съ Селявой убѣдительно принялись услоковывать и увѣрять его что ничего неприятнаго не случится, что просто они только захватятъ лошади, ради потѣхи, полугаюотъ его немного, приведутъ сюда и заставятъ его пить, а затѣмъ прочтутъ добрую нотацию чтобы зналъ какъ смущать хлопозъ на будущее время, и отпустятъ съ миромъ. Котырло не услыхавъ еще отвѣтить ни да, ни нѣтъ на ихъ увѣренья какъ молодежь была уже на коняхъ, и экъ-улазы, договаривая еще свои послѣднія успокоительныя увѣренья, занесъ ногу въ стремя, грузно перевалился въ сѣдло, и крикнувъ: „марш-марш! за мной!“ погнался крупною рысью за проѣхавшею повозкой.

Отецъ Сильвестръ межъ тѣмъ, ничего не подозревая, трусилъ себя легонькою рысцою по дорогѣ, и уже оставилъ за собою лавскій таборъ саженьяхъ во ста, когда на него неожиданно-негаданно съ гукомъ и гвалтомъ вдругъ налетѣли съ боковъ и сзади восемь всадниковъ.

— Стой! стой!... Здавайся въ лѣвнѣ! Въ лѣвнѣ!... И безъ капитуляціи! оралъ вмѣстѣ съ молодежью лавъ Колець, ставъ поперекъ дороги предъ повозкой и махая своею саблей.

— А, ни съ мѣста, или пулю въ лобъ! кричали лавичи, и чтобы нагнать на неприятеля лучшаго страху, не безъ эффекта прицѣливались въ него, примѣрно, кто изъ ружья, кто изъ пистолета, а кто замахивался охотничьимъ ножомъ, и все это сопровождалось хохотомъ, гвалтомъ и криками: „въ лѣвнѣ, стой! вивать!“ и т. л.

Оторопѣвшій отецъ Сильвестръ, рѣшительно не понимая въ чемъ дѣло и чего хотятъ отъ него, придержалъ вожжи и растерянно поглядывалъ то на того, то на другаго. Межъ тѣмъ кто-то схватилъ за поводъ его лошадку, повернулъ ее назадъ по дорогѣ, такъ что отцу Сильвестру волей-неволей пришлось ѣхать въ лѣсъ подъ конвоемъ торжествующихъ свою побѣду лавичей.

Весь остальной таборъ встрѣтилъ этотъ поѣздъ громкими виватами, рукоплесканіями и стаканами вина. Побѣда была полная.

На растерянномъ и смущенно-блѣдномъ лицѣ священника сказывалась однако догадка что его желаютъ лоднять на-смѣхъ, а можетъ и оскорбить чѣмъ-либо. Онъ молча и совершенно пассивно сидѣлъ въ своей повозкѣ, держа вожжи, но не правя ими и ждалъ что будетъ.

— Слѣзай, пане поле!... Распоражаея межъ тѣмъ эксъ-уланъ.—Гей, хлопцы! Ссадить его!

Двое гайдуковъ схватили отца Сильвестра подъ руки и стали высаживать его изъ повозки.

Священникъ не оказывалъ ни малѣйшаго сопротивленія.

— Вотъ такъ, его!... Молодцы!... Ставь его на землю! ставь!...

— Теперь надъ военнополѣннымъ надлежитъ нарядить военный судъ! предложилъ эксъ-уланъ, обращаясь ко всей компаніи.—Кого наивысшійшее панство желаетъ избрать презесомъ комиссіи судной?

— Пана Колца! Пана луковника! Пана довууду! отозвался цѣлый хоръ голосовъ.

— Благодарю за честь! приложивъ руку къ сердцу, отгылъ панъ Колецъ.—Вице-президентомъ будетъ нашъ почтенный панъ посредникъ, прокуроромъ панъ Шпарага, а ассесорами мои боевые товарищи. Прошу занять мѣста. Аттрибутами суда у насъ будутъ бутылка, пробка и стаканъ.

— Ну, вацьпане! обратися онъ комически-официальнымъ тономъ къ отцу Сильвестру:—за воѣ твои проступки и преступленія военный судъ приговариваетъ тебя къ повѣшенію за бороду на колокольнѣ или къ разстрѣлянію фасолью и горохомъ, но по неизреченной своей милости смертную казнь замѣняетъ тебѣ слѣдующею карой: ты, свенты ойче, долженъ намъ проплясать трепака и выпить кварту водки. Вина тебѣ не дадимъ, потому что ты въ немъ толку не смыслишь, и притомъ сказано: не мечите бисера предъ велржовыми * братьями. Ты видишь что я выражаюсь еще очень деликатно. Итакъ, пляши трепака! Пляши же, свенты ойче!

Компанія хохотала, находя своего презеса въ высшей степени остроумнымъ человѣкомъ.

— Я прошу отлустить меня... мнѣ, право, некогда, да и не мѣсто мнѣ здѣсь, совершенно просто и серьезно прорѣшиль отецъ Сильвестръ свое первое слово.

— Пляши, пане поле! Пляши безъ возраженій! Хуже будетъ! настойчиво кричала ему вмѣстѣ со своимъ презесомъ компанія хмѣльныхъ ассесоровъ.

Священникъ стоялъ неподвижно и холодно серьезнымъ взглядомъ смотрѣлъ на своихъ судей.

— А, не хочешь! Гей, хлопцы, бери его подъ руки и пляши!... Панове, надо лѣсно! безъ лѣсни что за трепакъ!

* Вепржъ—кабанъ.

И превусь затажуль невѣрнымъ, хмѣльнымъ голосомъ.

Съ тамъ-той * стролы Висам
 Копала сел ** зрела,
 А павъ полъ нашъ мысаятъ
 Же то его жона!

Гайдуки кинулись было къ отцу Сильвестру исполнять отданное имъ приказаніе, но тотъ съ силой рванулся отъ нихъ руками, и съ такимъ повелительнымъ пылающимъ взоромъ, такимъ внушительнымъ, полнымъ достоинства и грознымъ голосомъ, крикнулъ имъ: „Прочь!“ что тѣ невольно попятывались и стали въ нерѣшительности, не зная что теперь имъ дѣлать.

— А, пожимаю! приложивъ палецъ ко лбу, доめкнулся пренесясь:—Павъ полъ не хочетъ плясать не подкрѣпившись предварительно! Ну, и конечно: что за пляска безъ вина! Гей! подвести вацълану квартиру водки! живо!

Священникъ рѣшительно отвернувшись пошелъ быстрыми шагами къ своей повозкѣ.

— А, утекать! Нѣтъ, стой!.. Хлопцы! держите! не пускайте!.. Ты думаешь не заставятъ? Нѣтъ, заставятъ! Выльнешь! Священника опять сзади ухватили за руки. Посредникъ стремительно подскочилъ къ нему.

— А что! злобно шипящимъ полуселотомъ быстро сталъ изъ выговаривать, грозя пальцемъ предъ лицомъ отца Сильвестра:—А что будешь теперь возмущать хлопцовъ? будешь шить ихъ не вѣрить намъ, законнымъ властямъ? будешь напивать чтобы лану своему не повиновались?.. Га?.. бушь?.. Подожди: это такъ тебѣ только шутки, а я ужъ тебя уку!.. улеку!.. Вздумалъ съ кѣмъ тягаться! ты думаешь насъ администраціи нѣтъ? Подожди же!..

— Что, все лить не хочетъ? приподнимаясь на локтяхъ, смко спросилъ Колецъ:—не хочетъ? Ну такъ за бороду къ! на голову, за шиворотъ, куда вы попало! Лей, хлопцы! въ мою властною рукой!.. Какъ! ты благородной шляхтѣ противляться?! Тебя благородное панство удостоиваетъ сей компаніи, другой былъ бы радъ и счастливъ тѣмъ, а сопротивляться?!.. Лей ему, хлопцы, за шиворотъ! Лей! Какъ державшій квартиру поднял было руку чтобы вылить

* Съ той стороны.

** Кулакась.

за воротникъ священнику водку, но тотъ рванулся что лишь было мочи отъ державшихъ его гайдуковъ и кинулся бѣжать куда ни полая отъ этого скопища.

— Свору! свору сюда! задыхаясь, кричалъ разъяренный лавъ Селява и сталъ натравливать на отца Ковотовича нѣсколько собакъ лустившихся за нимъ въ догонку: иш-га! иш-га!... на-на-на-на!.. бери его!.. бери!.. Уж-га-а!

Нѣсколько собакъ, направленныхъ посредникомъ, бросились на священника.

Хвалынцевъ, весь блѣдный отъ негодованія, тяжело и трудно дыша, быстрыми шагами подошелъ къ лаву Котырло и нервически крѣпко сжалъ его руку.

— Какъ честный человекъ прекратите эту гнусную сцену! сказалъ онъ, и въ тотъ же моментъ, поднявъ валавшийся на ковръ охотничій аралникъ, не дожидаясь какого-либо рѣшенія и отвѣта со стороны хозяина, бросился въ выручку къ отцу Сильвестру, когда тотъ съ испуганными криками тщетно отмахивался отъ влетѣвшихъ собакъ которыя трепали уже полы его заячьей шубенки. Нѣсколько ударовъ бича по собакамъ освободили отца Сильвестра. Самъ Котырло, смущенный въ душѣ словомъ Хвалынцева и только теперь domeкнувшись о всей неловкости, всей неумѣстности сцены разыгравшейся въ глазахъ посторонняго человека и притомъ Москаля, послѣдилъ за нимъ цыкая на собакъ и ругая, примѣрно, псарей, какъ, молъ, они осмѣлились спустить свору и не удержать ее во время. Для виду онъ даже извинился слегка предъ священникомъ и выразилъ ему свое сожалѣнiе что произошла вся эта непрiятность которой онъ вовсе не желалъ и даже не могъ предвидѣть.

Перепуганный священникъ, еще не успѣвъ придти въ себя, только оглядывалъ порванные полы своей шубенки. Хвалынцевъ проводилъ его до повозки, и отецъ Сильвестръ съ благодарностiю пожавъ ему руку отправился, не преслѣдуемый уже никакими выходками. Вернувшись къ охотничьей компанiи, Константинъ Семеновичъ засталъ тамъ довольно горячiй споръ между лавомъ Котырло и посредникомъ. Котырло утверждалъ что не слѣдовало доводить шутку до такихъ предѣловъ, и даже вовсе не слѣдовало трогать пола, Селява-Жабчинскiй вмѣстѣ съ эксъ-уланомъ и нѣсколькими лавичами доказывали что напротивъ такъ-то и слѣдуетъ, что все это въ -сущности величайшiе лустаки, что нужно было

бы проучить посерьознѣе *московскаго шнега*, и что наконецъ почему же имъ и не продѣлать всю эту штуку надъ какимъ-нибудь подлымъ *шнегомъ*, если имъ вдругъ пришла въ голову такая *фацеція*; это, молъ, не болѣе какъ одна изъ хорошихъ *фацецій* на которыя еще наши дѣды и прадѣды были такіе великіе мастера.

Въ это самое время раздалось вдругъ нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, обратившихъ на себя общее вниманіе. Выстрѣлы трещали въ роуцѣ близъ дороги по которой проѣзжалъ отецъ Ковотовичъ. Взглянувъ въ ту сторону, Хвалынцевъ увидѣлъ что лошадка преслѣдуемая ружейною трескотней парохнула съ перепугу въ сторону и повесла. Повозка, прыгая и подсакивая на камняхъ и колеяхъ, кренясь то въ ту, то въ эту сторону, мчалась съ слѣшкомъ достаточною быстротою, чтобы сѣдокъ съ успѣхомъ могъ подвергнуться риску свернуть себѣ шею и переломать ребра. Черезъ минуту онъ пропалъ изъ виду вмѣстѣ съ прыгающею повозкою и ошалѣлою лошадью. Оказалось что была эта новая штука предложениемъ милой фацеціи ланской. Плянь Селява вмѣстѣ съ лавомъ Колцемъ, еще раньше, въ то время какъ только-что привезли лѣтвеннаго пола, успѣли шепнуть доѣзжающему чтобы тотъ сію же минуту распорядился выслать на дорогу незамѣтнымъ образомъ нѣсколькихъ егерей, а тѣ пусть засядутъ за кустами, и какъ только полъ поѣдетъ мимо, встрѣчать и проводить его холостыми выстрѣлами. Плянь удался въ совершенствѣ, и эффектъ вышелъ блистательный.

Но общая гармонія была уже нарушена, и это чувствовалось каждымъ. Нарушилъ ее Хвалынцевъ своимъ откровенно высказаннымъ лану Котырло взглядомъ на всю эту сцену, назвавъ ее, въ минуту возмущеннаго негодованія, „гнусною“ и вѣтлѣмъ кивувшись съ аралникомъ на выручку отца Сильвестра. А разъ что гармонія была нарушена, въ праздничной компаніи явилось что-то натаявутае, и гости стали готовиться къ отъѣзду. Нѣкоторые изъ нихъ тихо разговаривали между собою и искоса поглядывали на Хвалынцева взглядомъ далеко не дружелюбнымъ. Другіе подходили къ Свиткѣ и о чемъ-то тихо говорили съ нимъ, какъ видно разспрашивали его насчетъ Хвалынцева. Константинъ Семеновичъ очень хорошо чувствовалъ что всѣ эти тихіе разговоры касаются его, и ощущая некоторую томительную неловкость, не могъ дожидаться когда наконецъ можно будетъ удалиться изъ этой компаніи. Онъ

рѣшилъ себѣ: завтра же, во что бы то ни стало, разстаться съ гостеприимнымъ кровомъ лана Котырко. Онъ былъ золъ и на себѣ, и на всѣхъ этихъ господъ, испытывая какъ въ отношеніи къ нимъ, такъ равно и къ самому себѣ, чувство нѣкотораго презрѣнія, съ тѣмъ лишь отбѣскомъ что эти господа внушали ему кромѣ презрѣнія какую-то еще особенную гадавность:

— Поѣдемъ; наша бричка заложена, подошелъ къ нему Свитка.

Хвалындцеву показалось что слова эти были сказаны тѣмъ особеннымъ, нѣсколько суховатымъ тономъ который одновременно изобличалъ и внутреннее недовольство имъ самого Свитки, и нѣкоторую смущенную неловкость предъ нимъ и свои только-что оконченные разговоры о немъ съ ланами.

Константинъ молча послѣдовалъ за своимъ менторомъ, и они поѣхали вслѣдъ за другими.

Оба довольно долгое время молчали. Обоимъ было какъ будто неловко чего-то.

Наконецъ Свитка первый рѣшился нарушить это молчаніе, начинавшее становиться тягостнымъ.

— И что вамъ, право, за охота была, Константинъ Семеновичъ, вступаться за этого лапа, началъ онъ поддѣльно мягкимъ и дружелюбнымъ тономъ.

Хвалындцевъ ощутивъ внутри себя какое-то враждебное чувство огородилъ себя имъ какъ будто щитомъ и кинулъ въ лицо Свиткѣ холодно-вопросительный взглядъ.

— А по-вашему надо бы было аплодировать что ли, когда человѣка собаками травятъ? немножко рѣзко сказалъ онъ.

Свитка замѣтивъ эту рѣзкость тона и какъ бы стальную твердость холоднаго взгляда, тотчасъ же постарался придать своему голосу и выраженію лица еще болѣе мягкости и дружелюбія.

— Нѣтъ, не то, заговорилъ онъ,—а такъ только: разсуждая что чортъ ли вамъ въ немъ, совсѣмъ посторонній человѣкъ да и польъ еще къ тому же.

— Мнѣ кажется, кто бы ни былъ—это рѣшительно все равно, не измѣняя тона, возразилъ Хвалындцевъ.

— А мнѣ такъ право досадно, немножко, продолжалъ Свитка:—все это такъ было хорошо, шло такъ мило, цѣлительно такъ и вдругъ.... Да и они всѣ такіе право славные ребята, и такъ были расположены къ вамъ....

— Расположены? перебил Хвалынецъ чувствуя что злоба слова начинаетъ подступать къ нему:—расположены, вы говорите? Ну, а я вамъ признаюсь что я вовсе не расположенъ къ нимъ. Я зомъ на самого себя, я готовъ самого себя презирать за ту подленькую целѣтливость, за ту малодушную уступчивость которая изъ чувства обязанности гостепріимствомъ заставила меня безмолвно сидѣть и быть свидѣтелемъ всей этой гнусности съ самаго ея начала.... Я, необинуюсь, называю это подлостью въ самомъ себѣ. Слѣдовало не допускать этого въ самомъ началѣ-сь, а не тогда ужъ какъ собаки стали рвать человѣка. Есть положенія, знаете, когда черезчуръ юкладаивая деликатность, какъ у меня вотъ, переходитъ въ извостъ, становится подлостью!

— Ахъ, голубчикъ мой, Константинъ Семеновичъ! хихикалъ по обыкновенію Свитка:— ну, добро бы было изъ него конкиотствовать, а то вѣдь сами посудите: съ одной стороны порядочные люди, стоящіе у одного съ нами дѣла, а съ другой, какой-то полъ-довоцикъ, и вдругъ.... И наконецъ, вѣдь не же это были не болѣе какъ шутки!

— Порядочные люди! презрительно усмѣхнулся Хвалынецъ:—порядочные люди, любезный мой другъ, узнаются точно также и по ихъ шуткамъ какъ и по серіознымъ дѣламъ; съ этими господами, стоящими, какъ вы говорите, у одного съ нами дѣла, я, извините меня, рядомъ съ вами ни у какихъ мѣ стоять не желаю.

Свитка окинулъ его бѣглымъ удивленнымъ и немножко даже встревоженнымъ взглядомъ, но лучъ какой-то затаенной секорыстной радости и торжества на одно мгновение блеснулъ въ его взорѣ.

— Ахъ, ты, Господи Боже мой! пожалъ овъ плечами:—и изъ то только человѣкъ волнуется! Да вѣдь говорю же вамъ, голубчикъ мой, что этотъ полъ—это человѣкъ положительно вредный для нашего дѣла.... Это довоцикъ, шлювъ, который, какъ они здѣсь, посаженъ на овоемъ мѣстѣ правительствомъ бы слѣдить за каждымъ нашимъ шагомъ, подглядывать, подслушивать. Да этихъ каналій, по настоящему, на колымажкѣ вверху ногами вѣшать бы слѣдовало, уже съ азаръ досады заключаилъ монолотъ свой Василий Свитка.

Хвалынецъ поглядѣлъ ему въ глаза, усмѣхнулся и молча вернулъ въ сторону лицо свое.

— Чему вы усмѣхаетесь? весь вспыхнулъ и словно булавъ

кой уколотый, быстро спросилъ его пріятель. Константинъ отвѣтилъ не сразу.

— Больно ужъ всѣ вы, господа, какъ погляжу я, стрѣлять да вѣшать охочи! съ легкимъ проницательнымъ вздохомъ, проговорилъ онъ, и разговоръ на этомъ оборвался, не возобновляясь уже ни единымъ словомъ до самаго конца дороги. Общимъ было досадно, и какъ-то не по себѣ, оба были не довольны другъ другомъ, а Хвалынцевъ отчасти даже и разочарованъ въ своемъ менторѣ и другѣ.

Вернувшись съ охоты, Хвалынцевъ прошелъ прямо къ себѣ, во флигелекъ, и попросилъ Свитку извиниться за него буде спросать о немъ, и сказать что онъ чувствуетъ себя самымъ усталымъ. Ему не хотѣлось болѣе ни видѣть всѣхъ этихъ пановъ, ни якшаться съ ними. Онъ еще разъ твердо рѣшилъ себѣ завтра же вѣхать отсюда. Нервы его были разстроены, раздражены, и состояніе духа желчное и досадливое. Не то чтобъ онъ черезчуръ уже свысока взиралъ на всѣхъ этихъ пановъ, не то чтобы чувствовалъ какое-либо свое превосходство надъ ними; напротивъ, онъ казнилъ своимъ собственнымъ малодушіемъ, онъ въ эти минуты дѣйствительно презиралъ самого себя и злобился на себя же, но при всемъ этомъ была еще и особая причина которая вызывала и поддерживала его желчно-досадливое настроеніе: онъ все яснѣе и яснѣе чувствовалъ внутренній разладъ съ самимъ собою, чувствовалъ себя вполне чуждымъ всему и всѣмъ въ этомъ краѣ, въ этой жизни, для которыхъ отдалъ свою жизнь и дѣятельность и отдалъ „безъ поворота“, какъ казалось ему. Что тутъ, въ этой панской средѣ, задумано и стрѣляется нѣчто большое, нѣчто серьезное, это чувствовалось само собою; но опять же чувствовалось ему и то что вся эта стрѣляня и всѣ эти ихъ задачи, кажись, совсѣмъ не такія о которыхъ идеаль но мечталъ еще столь недавно нашъ юный другъ думая объ „общемъ дѣлѣ“. Мало того что „общее дѣло“ онъ начиналъ находить далеко не „общимъ“, но сверхъ того минутами ему вдругъ стало казаться что въ отношеніи къ нему-то самому это вовсе лишнее и совсѣмъ постороннее дѣло, что ни какихъ этихъ революцій совсѣмъ даже не нужно ему дѣлать кулю съ какими-то польскими панами. Онъ наконецъ сознался себѣ что о поразительнымъ легкомысліемъ свои собственные мечты— не болѣе какъ мечты—принималъ до сихъ поръ за „общее дѣло“, тогда какъ въ сущности даже вовсе не знаетъ что это

а дѣло и куда оно клонить. Онъ сознался себѣ что просто въ завязанныхъ глазахъ кинулся, очертя голову, на какой-то неизвѣстный ему путь, гадательно предположивъ себѣ заранѣе что путь этотъ долженъ быть такимъ-то и такимъ-то и приедетъ къ такой-то вотъ цѣли. И вдругъ теперь оказывается что путь вовсе не таковъ какъ о немъ думалось, а цѣль—совершенно другая, посторонняя и даже Богъ ее знаетъ какая именно....

Краска стыда выступила на его щеки. Въ эти минуты онъ самому себѣ начиналъ казаться жалкимъ и смѣшнымъ человѣчкомъ, и даже не человѣчкомъ, а гаулымъ мальчишкой, мыпенкомъ, собравшимся творить великія дѣла и вдругъ попавшимся въ ловушку.

Это печальное сознание, эта ѣдкая досада, этотъ стыдъ жгущій до слезъ, до боли, до скрежета зубнаго, и рядомъ съ ними образъ женщины увлекшей его въ это дѣло—увлекательный, контрастно-манящій и зовущій за собою всѣмъ обаяніемъ молодости, впервые въ жизни почувствованной страсти—страсти еще неудовлетворенной, но полной самыхъ живыхъ, свѣтлыхъ и сладкихъ надеждъ....

Въ этихъ-то двухъ крайностяхъ, въ этихъ двухъ несомнѣтельныхъ противоположностяхъ и крылась настоящая причина того внутреннего разлада который Хвалынцевъ ощущалъ тѣмъ сильнѣе чѣмъ болѣе вглядывался въ глубь и въ явленія окружающей его среды и жизни.

Онъ легъ въ постель раньше обыкновеннаго, но долго ему не спалось.

XIII. Семейкъ панскій.

Въ то самое время какъ Хвалынцевъ, сказавшись усталымъ, предавался въ уединеніи своей комнаты болѣзненно-желчнымъ думамъ и ощущеніямъ, въ главномъ флигелѣ господскаго дома было ярко освѣщено; однако движенія особеннаго или шумной веселости вовсе не замѣчалось. Напротивъ, тамъ было даже какъ-то тише чѣмъ всегда, хотя въ усадьбу и съѣхалось нѣсколько гостей, нарочно, въ таинство пригласенныхъ лавомъ Котырло лова охоты. По Хвалынцевъ, конечно, вовсе не скучали, и даже когда Свитка

передалъ его извиненіе въ столь равномъ отходѣ на покой, то хозяева остались весьма довольны: все же лишній, посторонній человѣкъ не будетъ на глазахъ торчать въ такое время, когда предлежитъ настоятельная надобность говорить о дѣлахъ весьма серьезныхъ и важныхъ. Свитка тоже былъ доволенъ не менѣе если только не болѣе прочихъ.

Общество сидѣло въ двухъ отдѣльныхъ и не смежныхъ комнатахъ, мужчины залерлись въ кабинетъ, а дамы въ гостиной, въ своемъ особомъ и тѣсномъ кружкѣ. Онѣ почти шепотомъ и съ таинственнымъ видомъ сообщали разныя новости и слухи. Одна передавала будто знаетъ навѣрно, отъ самыхъ достовѣрныхъ людей, что Гарибальди находится теперь въ Варшавѣ, для того чтобы въ нужную минуту принять главное начальство надъ народнымъ войскомъ; другая увѣряла что англійская эскадра съ десантомъ находится уже въ Повѣжѣ, и что вотъ тоже одинъ благочестивый ксендзъ прерсказаніе одно сдѣлалъ на счетъ французскаго флота: къ этому ксендзу являлась Ченстоховская Богородица и сообщила что на 25е декабря, на самое „Боже народзеве“, она приведетъ по Вислѣ, подъ самую Варшаву, весь броненосный французскій флотъ и будетъ бомбардировать цитадель и сожжетъ ее, и Москалей всѣхъ ловыгонитъ, и стало бытъ надо намъ только подождать 25го декабря. Одна изъ паненокъ по этому поводу разочла сколько дней, сколько часовъ, сколько минутъ и секундъ остается отъ сего дня до желаннаго срока и обѣщала каждодневно читать особую литію Ченстоховской Богородицы чтобъ она какъ-нибудь сократила эти дни, часы и минуты. Но занимательнѣе всѣхъ оказалась красавица преклонныхъ лѣтъ—супруга пана Селявы-Жабчинскаго. Она хлопотливо порылась въ своемъ ридикюль, вытащила оттуда свой молитвенникъ и достала сложенную между его листками бумажку, которую тотчасъ же, попрося всеобщаго вниманія, стала читать таинственно-тихимъ, но тѣмъ не менѣе торжественнымъ тономъ. Это было весьма распространенное и въ многочисленныхъ спискахъ ходившее по рукамъ въ то время „предсказаніе въ коей ясновидящей Нѣмки“.

„Отъ Россіи, охваченной общимъ кровавымъ мятежомъ,—внятно читала посредница,—котораго жертвой пали правительство и тайный сенатъ, отпадаютъ всѣ пограничныя области

даже Черкесы возвращаютъ себѣ свое давнее достояніе. Польша, въ давнихъ границахъ, перестраиваетъ карту Европы. Развѣнчанные монархи: царь Русскій, императоръ Австрійскій и король Пруссій, спасаются въ Лондонъ. Умираетъ Наполеонъ III, и Поляки, избавясь отъ всѣхъ враговъ и соперниковъ, созываютъ въ 1865 году на общій конгрессъ представителей вновь возникшихъ государствъ въ Варшаву, которая становится центральною столицей всей Европы.“

Саушательницы, съ благоговѣйнымъ восторгомъ и безусловною вѣрой что все непременно такъ и сбудется, внимали торжественному чтенію посредницы. Но сама паня Котырлова пожелала закрѣпить это предсказаніе свидѣтельствомъ духовъ, дабы ни въ комъ уже не оставалось ни малѣйшихъ сомнѣній. Она вмѣстѣ съ религиознымъ фанатизмомъ соединяла еще и фанатическую вѣру въ спиритизмъ, подобно безчисленному множеству Полекъ того времени, и сама себя почитала медиумомъ. Паня Котырлова взяла карандашъ, утвердила его вертикально на подложенномъ подъ руку листѣ бумаги и задумалась. Водворилось всеобщее молчаніе. Всѣ взоры устремились на карандашъ съ напряженнѣйшимъ вниманіемъ и даже съ нѣкоторымъ страхомъ и трепетомъ. И востъ мкнувъ черезъ десять, усталая, безъ всякой подлоры, рука стала шевелиться, карандашъ вывелъ какія-то каракули. Всѣ нагнулись смотрѣть что написали духи, и по этимъ каракулямъ единодушно порѣшили что такъ тому и быть, ибо духи дали отвѣтъ ясный и утвердительный.

Послѣ этого дамская бѣсъда продолжалась въ этомъ же roomъ, до самаго ужина, изрѣдка перерываясь развѣ какою-нибудь стократно уже жеванною и пережеванною сплетней изъ окрестнаго околотка.

Но не то было въ кабинетѣ, гдѣ залершись отъ любопытныхъ глазъ и ушей лакеевъ и дѣвокъ, сидѣло почти все наиболѣе вѣское панство павятовѣ.

— *Шановне панство*, началъ Василій Свйтка, когда всѣ расѣались полокойнѣе и закурили кто сигару, а кто трубку съ длиннымъ чубукомъ изъ кабинетной коллекціи пана Котырло:—я очень радъ что подъ предлогомъ *кермаша* и охоты ны собрались телерь здѣсь въ числѣ нѣсколькихъ избравшихъ. Въ томъ что мы честные патріоты которые не выдадутъ общую тайну ни предъ Сибирью, ни подъ лыткой, кажется, нечего сомнѣваться.

Паны зашевелились: кто молча кивнулъ головой, кто промычалъ себѣ подъ носъ, въ видѣ утвержденія, нѣчто въ родѣ: „конечне!“ „натуральне!“ „ого!“

— Поэтому, продолжалъ Свитка,—позвольте мнѣ рекомендовать себя предъ вами: я посланъ отъ Петербургскаго Центра съ нѣкоторыми порученіями съ которыми буду имѣть честь познакомиться васъ, а въ доказательство что я имѣю на то извѣстное полномочіе, вотъ мой мандатъ, потрудитесь взглянуть на него.

И вынувъ изъ бумажника небольшой билетикъ, исписанный мелкимъ почеркомъ и скрѣпленный голубою печатью Петербургскаго Центра, онъ предъявилъ его всему собранію.

Посредникъ, морщась и щурясь, поднесъ близко къ лампѣ бумажку и прочелъ Свиткино полномочіе.

— Сомнѣній нѣтъ: печать Петербургскаго Центра и мандатъ совершенно правильны, рѣшающимъ тономъ проговорилъ онъ, возвращая билетъ, и прибавилъ:—мы къ вашимъ услугамъ.

Всѣ сидѣли, кто гдѣ и кто какъ, а Свитка, въ видѣ докладчика, опершись обоими кулаками на столъ и стоя въ любезно-почтительной, но тѣмъ не менѣе самоудостоивенной позѣ, обращался ко всему собранію.

— Въ нашемъ Центрѣ получено достовѣрное дипломатическое сообщеніе, началъ онъ, обводя всѣхъ глазами:—и впрочемъ вѣроятно и вамъ оно извѣстно. Слова въ высшей степени знаменательныя! Наши эмигранты чрезъ прихода Наполеона еще разъ хлопотали у императора Французовъ за наше дѣло. Вы знаете отвѣтъ который имъ былъ предложенъ? Я могу сообщить вамъ его буквально отъ слова до слова, вотъ онъ: „Поляки должны сами подать первый знакъ жизни; но Поляки-обыватели спокойны, а я не могу воскрешать мертвыхъ“. Когда же ему стали говорить о нашихъ блуждающихъ границахъ, то вотъ опять-таки его слова на этотъ „Пролитіе крови обозначить гдѣ собственно таятся естественныя границы Польши: возстаніе намѣтитъ ихъ“.

— Вивать Наполеонъ! Вивать цесаржъ! восторженно сорвались съ мѣстъ и загалдѣли нѣсколько пановъ разомъ: Теперь баста! наше дѣло выиграно! Finis Moscoviae!..

— Позвольте, позвольте! перебилъ Свитка:—прошу не быть словъ: „я не могу воскрешать мертвыхъ“. Это ч

значить? Это значитъ что намъ надо скорѣе подумать о прочной организаціи вооруженнаго повстанья.

— Э, что тамъ долго думать! махнулъ рукой эскъ-улань:— просто тремъ-бремъ! шахъ-махъ! Бей Москаля и баста! По моему такъ!.. Я на этотъ счетъ все равно какъ *кропитель* у Мицкевича: тремъ-бремъ и баста!

— Это дѣлаетъ честь вашей храбрости, вмѣшался Селява:— но все-таки надо обсудить сначала...

— Нечего тамъ судить!

— Однако же позвольте...

— Вздоръ! Шахъ-махъ и баста!

— Но такъ же невозможно...

— Что-съ? А кто мнѣ запретить? Кто смѣетъ? Или я не такой же благородный шляхтичъ какъ и вы, какъ и всѣ? Да мой родъ еще, можетъ, постарше... въ нашемъ гербѣ...

— Да нѣтъ, позвольте....

— Вздоръ! не желаю! ничего не желаю! Какъ шляхтичъ, я могу мое мнѣніе имѣть.... Мое такое право на то есть!... И мое мнѣніе я съумѣю поддержать моею саблей!...

— Ну, вотъ! ну, вотъ! ужь и до сабель! За сабли всегда еще услѣдемъ схватиться! мягко и примирительно вступилась между спорящими панъ Котырло, наливая и поднося завязтому эскъ-улану большую рюмку наливки:—Ну, усложитесь, панове, и будемъ слушать, будемъ толковать.... Лучше вотъ пейте!... *Вишнюшка* добра!

— *In vino veritas!* скрѣпилъ панъ Хомчевскій, лауреатъ вынѣшней охоты, который по старинѣ любилъ свою рѣчь уснащать латинскими изреченіями, и къ самой латыни относился всегда восторженно, называя ее не иначе какъ „свента лацума“.

Червленскій ксендзъ, тоже приглашенный на сеймикъ и тоже весьма любившій мудрыя латинскія изреченія, но плохо съ ними управлявшійся, считалъ непремѣннымъ своимъ долгомъ при каждомъ классическомъ изреченіи Хомчевскаго, благоволиво и съ удовольствіемъ мотнуть головою и поддакнуть ему этимъ безмолвнымъ выраженіемъ своего компетентнаго одобренія, дескать: „алпробую! они не понимаютъ, а мы съ вами понимаемъ, мы люди ученые!“ Впрочемъ благодушный ксендзъ участие свое въ сеймикѣ ограничивалъ одною лишь алпробаціей *свентэй лацумы*, да усерднымъ прислушиваньемъ къ чужимъ рѣчамъ, причемъ въ видѣ вниманія къ словамъ ораторовъ и размышленія надъ ними, онъ очень

серіозно и глубокомысленно поводитъ бровями, а самъ главнѣйшимъ образомъ только потѣлъ и усердно, но систематически, то-есть ислодволь и не торопливо приналегаетъ на Котырловскую *вишнювку*.

Экъ-уланъ послѣ мировой съ Селявой, ворча подъ носъ, наконецъ-то кое-какъ успокоился надъ своею рюмкой.

— Чтò касается границъ, продолжалъ Свитка, снявъ со стѣны ландкарту и разложивъ ее на столѣ предъ собою:—то тутъ я полагаю не можетъ быть и толковъ. Мы обязаны твердо и непреклонно держаться границъ 72 года.

— Мало!... Не хочу!... Не желаю!... Мало! забурлилъ опять панъ Колецъ.

— Были совѣщанія въ Вильнѣ и Петербургѣ, не обративъ особеннаго вниманія на пана Колца, говорилъ далѣе Свитка:— и такъ какъ по дипломатическому сообщенію, границы Польши должны быть намѣчены самимъ повстаньемъ, то и рѣшены три главные передовые пункта въ которыхъ оно должно начаться одновременно, если даже не раньше съ повсемѣстнымъ возстаніемъ внутри края. Эти пункты вотъ они (Свитка склонился къ картѣ и сталъ водить по ней пальцемъ). Крайній сѣверо-восточный около Люцына, на рубежѣ Псковской губерніи и Эстляндской; затѣмъ прямо на востокъ, около Смоленской границы будутъ у насъ Горки—пунктъ крайне важный и многообѣщающій: Горыгорецкій институтъ почти весь уйдетъ въ лѣса. Ну и, наконецъ, крайнимъ юго-западнымъ предположено избрать Кіевъ и даже южнѣе, то-есть лѣса около Бѣлой-Церкви и Таращи, а можетъ еще и далѣе, хоть до Умани. Таковъ, господа, первоначальный планъ движенія на восточной нашей границѣ.

— Не согласенъ! Мало! хлопнувъ кулакомъ по столу снова вскочилъ завзятый панъ Колецъ:—Граница 72 года! Да чтò это за граница?! Это не граница, а тфу! Съ такими границами и жить нельзя!

— А пану пулковнику чего бы хотѣлось? прищурился на него задира-посредникъ.

— А вотъ чего!

И онъ подскочилъ къ ландкартѣ, и вглядываясь въ нее бѣгающими взорами, сбивчиво, торопливо и неуверенно сталъ водить по ней пальцемъ.

— Позвольте-съ.... вотъ.... вотъ.... сейчасъ.... Впервые, тор-

жественно и авторитетно началъ онь, отыскавъ наконецъ то чего ему хотѣлось:—вопервыхъ, Курляндія была наша?

— Такъ, подъ протекторатомъ нашимъ, подтвердилъ панъ Хомчевскій.

— Все равно; значить, наша. Значить, безъ Курляндіи намъ невозможно. Вотъ вторыхъ—Псковъ.

— Псковъ!? удивленно выпучили на Колца глаза свои чуть ли не всѣ присутствующіе.

— Псковъ, непремѣнно Псковъ! не иначе! не смущенно подтвердилъ онь:—Третьихъ, Смоленскъ,—и какъ тотъ, такъ и другой со всею ихъ территоріей. Далѣе на югъ, по теченію Днѣпра, вплоть до Чернаго Моря. Днѣпръ—рѣка польская, а безъ моря намъ невозможно. Словомъ: отъ моря и до моря. Вотъ моя граница, и на иную я несогласенъ!

— Позвольте-съ! снова вмѣшался посредникъ:—Псковъ-то со Смоленскомъ на какомъ же практическомъ основаніи? Тамъ вѣдь нашихъ и не пахнетъ, сколько помнится.

— Отвоюемъ, чортъ возьми! снова хлопнулъ по столу Колецъ:—Отвоюемъ и будетъ наше!

— Но... практическое основаніе?

— А то что Смоленскъ былъ за нами, а подъ Псковъ еще Баторій ходилъ. Я вѣдь тоже, чортъ возьми, исторію знаю!

— Этакъ, пожалуй Жолкевскій когда-то и въ Москвѣ сидѣлъ.

— А что жь? И Москву отвоюемъ!... Москва городъ хороший!.. Пригодится!

Почти всѣ засмѣялись, но не язвительно, а дружельюбно.

— А такъ! убѣдительно и съ азартомъ подтвердилъ эксъ-уланъ:—Все гдѣ есть или гдѣ были когда-либо наши *должно* быть нашимъ!

— Ну, такимъ-то образомъ, олять ввернулъ слово Селява:—нашихъ слышкомъ достаточно было и есть, да и еще будетъ пожалуй, хоть бы въ Сибири, напримвръ....

— И Сибирь отвоюемъ! расходился было панъ пулковникъ, но вдругъ словно бы осялся, поперхнулся и плюнулъ:—Э, вѣтъ!... Тфу!!! Сибирь.... Не надо, ланове! Ну ее къ дьяблу! Только своихъ выберемъ оттуда, а самой не нужно!... Сибири не хочу!...

Всѣ олять засмѣялись.

— Позвольте, господа, возвысилъ голосъ Свитка:—мысль о Сибири вовсе не столь комична какъ кажется. И притомъ мысль о возстаніи въ Сибири далеко не новая мысль. Еще

нашъ знаменитый дѣятель тридцать перваго года, Петръ Высоцкій, первый сталъ было приводить ее въ исполненіе, а потомъ поздравивъ бывшій овруцкій Базыльянскій оупатъ (аббатъ) Сѣроцинскій, у котораго все уже было готово: самый обширный военный заговоръ.... Сибирь — сторона почтенная; тамъ всякихъ революціонныхъ элементовъ пропасть. И мы даже теперь имѣемъ основанія сильно разчитывать на нее въ нашемъ дѣлѣ.

Панъ пулковникъ при этомъ самодовольно и захватски покрутилъ сивый усъ свой.

— Охъ, черезчуръ ужъ много съ насъ будетъ, панове! вздохнулъ покачавъ головою старый Хомчевскій: — не вытянемъ! *Dormit parum possessor divitiarum!* прибавилъ онъ назидательно.

— *Asinus asinorum in secula seculorum!* бухнулъ ему на это пріятель его Колопецъ.

Хомчевскій вскочилъ какъ уязвленный и вслыхнулъ.

— Примѣните къ себѣ! закричалъ онъ, и новая ссора готова была уже загорѣться; паны вѣдѣлились бы другъ другу въ чубы, но панъ Котырло послѣдилъ урезонить пріятелей и уговорилъ пана пулковника взять назадъ свое дерзкое слово. Кончилось тѣмъ что пріятели выпили и угомонились безъ злобы другъ на друга.

— Сибирь, конечно, будетъ сама по себѣ, продолжалъ Свѣтка:—она, по всей вѣроятности, составитъ особую, совершенно самостоятельную республику въ родѣ Соединенныхъ Штатовъ, но лишь бы она поднялась одновременно съ Россіей и съ нами; тогда онъ обѣ помогутъ намъ освободиться. Планъ таковъ: охватить возстаніемъ всю Россію съ двухъ фланговъ: мы и Малороссія съ запада; съ востока на Волгѣ и на Уралѣ—мужики, казаки, Киргизы, Татары и всякіе инопородцы; съ сѣвера—архангельскіе, вологодскіе и костремскіе раскольники; съ юга Донъ и Кавказъ, да еще Сибирь въ резервъ—вездѣ уже тутъ закинуты сѣти, повсюду кипитъ работа и кипитъ оглаичво! Мы держимъ въ рукахъ своихъ хорошія нити, мнѣ поручено сообщить и вамъ объ этомъ. Свѣдѣнія наши вполне достовѣрны: сомнѣній быть не можетъ. Но мы все-таки должны подняться первые, а тѣ ужъ за нами!

— *Per me licet!* Я пожалуй и согласенъ, но какъ? вздохнулъ и безпомощно развелъ руками старосвѣтскій панъ.

— А такъ что тремъ-бремъ и квити!... Катай-валяй, стрѣ-

лай по ребрамъ, по усамъ! Шахъ-махъ! Коли-рубѣ! Не поддавайся самъ! съ азартною жестикуляціей и даже ласкаемъ слюною, продекларировалъ изъ Мицкевича лаявъ пулковникъ: „Кролить, дулить, крестить—и весь тутъ разговоръ!“ заключилъ онъ молодцовато улеревь одну руку въ бокъ, а другою хватаясь за усь и выразительно прикусивъ его зубами.

— Atque iterum! безнадежно махнулъ на него рукою лаявъ Хомчевскій.

— Вы спрашиваете: какъ? сказалъ Свитка, обращаясь преимущественно къ обожателю „свѣтѣй ладины“:—Плаавъ есть—обсуженный, выработанный, все какъ должно!... Конечно, продолжалъ онъ: — плаавъ нѣсколько смѣлый, но не невозможный, если взять въ соображеніе что подъ Россію со всѣхъ концовъ подведены внутреннія и вѣрныя мины. Плаавъ очень осуществимый!

— А именно? полюбобытствовалъ посредникъ.

— А именно, вотъ что, приступилъ Свитка къ новымъ объясненіямъ:—изволите видѣть, плаавъ этотъ думавъ и передумавъ и такъ и сякъ; по поводу его были даже сношенія и съ Лондономъ и Парижемъ, а думали-то надъ нимъ хорошіе специалисты, ни болѣе, ни менѣе какъ люди русскаго генеральнаго штаба. Плаавъ широкій и распадается такъ-сказать на двѣ вѣтви: внутреннюю и вѣшнюю.

Всѣ подвинулись ближе къ разкацику и приготовились внимательно выслушать его. Дѣло видимо начинало живо интересоваться ихъ.

— Ну, что-то тамъ генеральный штабъ придумалъ на погибель Москвы? съ усмѣшкой легкаго недоумѣнія къ силамъ генеральнаго штаба пробурчалъ себѣ подъ носъ лаявъ пулковникъ.

— Attentissime! подыавъ руку кверху и втягивая въ себя воздухъ, шипяще какъ-то прошептала „свѣта ладина“.

— Вѣтвь внутренняя состоитъ въ томъ, продолжалъ Свитка:—чтобы, вопервыхъ, все населеніе забраннаго края вовлечь въ мятежъ.

— Легко сказать, сомнительно мотнувъ головою, вздохнулъ лаявъ Котырло.

— Легко! съ убѣжденіемъ подтвердилъ докладчикъ:—легко-съ! Надо только что называется роями, тучами цѣлыми налустить на край мелкія банды, такъ-сказать наводнить его мелкими отрядами, у которыхъ будетъ особая задача, а именно: первымъ дѣломъ терроръ!... Терроромъ, и безошаднымъ терро-

ромъ, надо заставить хлопа идти въ банду, коль не пойдеть охотой.

— Ну, тутъ и новые смазные чоботы не малую роль играть будутъ, какъ добрая приманка, — съ видомъ знатока, небрежно уронилъ слово Селява-Жабчинскій.

— Тѣмъ лучше! замѣтилъ Свитка: — но терроръ, это главное. Затѣмъ одновременно дѣлать повсюду всякіе безпорядки: портить дороги, жечь казенные склады, рвать телеграфныя проволоки, какъ можно болѣе утомлять царскія войска, не давая имъ ни дня, ни ночи покою; для этого наши классическіе дѣла дадутъ намъ возможность укрываться отъ преслѣдованія, дѣлать быстрые и неожиданные маневры, словомъ, надо чтобы пожаръ охватилъ весь край сразу, чтобы какъ громъ грянулъ!

— А то такъ! такъ! какъ громъ! и сразу! браво! вивать! опять съ восторженными возгласами посрывалось съ мѣсть воспріимчивое панство, живо увлекшись картиной такой энергической и разносторонней войны.

— Позвольте! Это еще не все, а одна только первая вѣтъ нашего плана, предупредилъ Свитка: — Однѣ массы будутъ разсѣяны роями, другія же должны быть компакты, сосредоточены въ цѣлые военные корпуса, въ бригады, въ дивизіи, и для нихъ предназначается иная роль. Это уже вторая вѣтъ, внѣшняя.

Свитка замедлился на минутку, вздохнулъ, какъ бы собираясь съ мыслями, и принялся за дальнѣйшее развитіе плана.

— Нѣкто, извѣстный намъ лично, заговорилъ оъ снова: — человекъ военный и замѣчательный, котораго однако я не имѣю права назвать вамъ по имени, но пожалуй объявлю его будущій псевдонимъ, такъ какъ оъ уже избралъ себѣ псевдонимъ: оъ явится подъ именемъ „Толора“. Толоръ, неправда ли, знаменательно и мѣтко? *

— Ухъ!... Красный?! сильно поморщась, съ недовѣрчивостью и нескрываемымъ недовольствомъ вскричалъ Котырло.

Большая часть присутствующихъ тоже устроила себѣ кривую и сомнѣвающіяся физиономію.

— Не красный, а умный, и потому поблѣветъ какъ настаетъ для того время нужное, усложнилъ Свитка: — Оъ предназначается для Россіи, а тамъ можно взять только крайнее

* Лудвигъ Жвиржовскій, капитанъ генеральнаго штаба.

краснотой, по этому и Топоромъ назвалъ онъ себя; тамъ это имя будетъ помято.

Физиономіи лановъ прояснились. Котырко даже сдѣлаалъ видъ что теперь онъ domeкнулся и вполнѣ поваялъ въ чемъ дѣло, и потому одобряетъ его отъ всей души своей.

— Этотъ Топоръ откроетъ военныя дѣйствія въ Горкахъ, на рубежѣ Смоленской губерніи, продолжалъ Свитка:—съ помощью Горыгорецкихъ студентовъ онъ возьметъ Горки, Борисовъ, Рогачевъ и Кричевъ; добудетъ въ Кричевѣ цѣлую батарею артиллеріи, которая уже столько времени стоитъ себѣ безо всякаго прикрытія; а офицеры тамъ уже и теперь на двѣ трети—все наши. Затѣмъ вмѣстѣ со студентами и поднятымъ народомъ явится въ Россію, и мова пойдетъ далече, еще гораздо раньше его, что Топоръ де съ польскою ратью и съ пушками идетъ освобождать народъ отъ уставныхъ грамотъ. Маршрутъ его будетъ таковъ: онъ обязанъ пройти сквозь губерніи: Смоленскую, Тверскую, Московскую, Владимірскую и Нижегородскую, и поднять весь правый берегъ Волги, а въ это же самое время, другой филаръ * въ Казани подымаетъ лугачевщину на лѣвомъ берегу. Калужская же губернія подхватитъ бунтъ отъ сосѣдки своей, Московской, и уже черезъ Орловскую и Курскую поведетъ его далѣе на югъ, для соединенія съ нашимъ повстаньемъ на юго-западѣ и въ Малороссіи. Вотъ нашъ планъ, ланове!

— Вивать Топоръ!... *мыль жсіе* Топоръ! Это такъ!... Это по-вашему!... Кропить, такъ кропить, а крестить, такъ крестить! На всѣ стороны!... Bravo! подвядся новый гвалтъ и движеніе въ табачномъ дыму просторнаго кабинета.

— Однако, позвольте, ланове! И это еще не все! возвысилъ голосъ Василій Свитка:—намъ надо имѣть прочный опорный пунктъ; безъ него не обойдется; поэтому нужно взять Динабургскую крѣпость.

— Ну-у, куда тамъ! Ужь и Динабургъ! болѣе чѣмъ сомнительнымъ тономъ, какъ бы въ виду очевидной нецѣлости, заговорили почти всѣ присутствующіе, кромѣ эксъ-улана, которому весьма понравилась красивая идея взять штурмомъ русскую крѣпость.

— Да, именно Динабургъ, увѣренно подтвердилъ Свитка;—конечно, еслибъ я сказалъ вамъ что мы возьмемъ его

* Килевичъ, дѣйствовавшій въ Казани вмѣстѣ съ Чермакомъ и другими.

посредствомъ правильной осады или штурмомъ, то это была бы такая нелѣпость послѣ которой надо бы было лаву Котырао тотчасъ же послать за докторомъ и лустить мяѣ кровь, но я ни о чемъ подобномъ и не заикаюсь. Мы возьмемъ нашу крѣпость совершенно спокойно и самымъ вѣрнымъ путемъ.

Присутствующіе при этихъ словахъ выразили знаки самаго живаго, нетерпѣливаго любопытства, и еще ближе сблизились около Свитки.

— Мы наладимъ на крѣпость не извнѣ, а изнутри.

— То-есть какъ же это?

— А очень просто! отвѣчалъ онъ:—подъ предлогомъ постройки костела, который уже предположенъ самимъ правительствомъ внутри крѣпости, мы введемъ туда, въ видѣ рабочихъ, массу нашихъ людей. Дѣло, какъ видите, богоугодное. Кроме того, теперь уже идетъ сильная и услѣшная пропаганда въ Динабургскихъ арестантскихъ ротахъ, такъ что въ назначенную ночь и часъ офицеры, между которыми есть очень много нашихъ, откроютъ тюрьмы, арсеналы, вооружатъ людей, арестуютъ коменданта, переколютъ часовыхъ, и крѣпость, менѣ чѣмъ въ какой-нибудь часъ времени, будетъ наша. И все это произойдетъ такъ тихо, такъ гладко что когда городъ просветится по утру, то ахнутъ отъ изумленія предъ неожиданностію и чистотой такой работы.

Паны просто плавали въ маслѣ восторга. Планъ дѣйствительно былъ превосходенъ.

— Но и это еще не все! продолжалъ Свитка:—Другой изъ нашихъ дѣятелей, которому, по всей вѣроятности, предстоитъ играть на Литвѣ громадную роль и котораго я рѣшусь назвать вамъ олатъ-таки не по имени, а по его будущему псевдониму—Доленго *, человекъ весьма уважаемый русскимъ правительствомъ. Этотъ человекъ стянеть десятитысячный корпусъ въ Ковенскую губернію, соединится съ иностраннымъ десантомъ, потому что къ этому времени уже подослѣветъ обѣщанная помощь Французовъ и Англичанъ, и съ этими соединенными силами онъ пойдетъ подымать Остзейскій край, а затѣмъ двинется на Вильну. Въ это время, замѣтите, возстаніе уже будетъ въ полномъ разливѣ и въ Конгресувкѣ, и на Украинѣ. Толоръ овладѣетъ линіей Дябпра, а Доленго линіей Двины, и такимъ образомъ царскія войска

* Сигизмундъ Сѣраковскій, капитанъ генеральнаго штаба.

будутъ окружены, отрѣзаны и безпомощны. Мы дадимъ имъ любимѣйшій шахъ и мать.

— То-есть шахъ-мать и плюсокъ! съ выразительнымъ размашистымъ жестомъ окрѣпилъ ланъ лудковникъ.

— Certе certissime! Вѣрнѣ вѣрнаго! вскочилъ съ мѣста даже и ланъ Хомчевскій, увлеченный столь блестящемъ и ловидимому весьма возможною картиной будущихъ побѣдъ и успѣховъ.

— Все это прекрасно, послѣ нѣкотораго раздумья вздохнувъ замѣтилъ ланъ Котырло,—но я смотрю на дѣло неувлекаюсь. Для такихъ предпріятій нужны руки, нуженъ народъ, а что вы съ нашимъ народомъ проклятымъ подѣлаете!

— Обратите народъ въ чернь, возразилъ Свитка,—а вы всего достигаете!

— Легко сказать: обратите!... А гдѣ возможность?

— Возможность вся въ вашихъ рукахъ, господа помѣщики, вся въ вашей волѣ, была бы лишь охота да энергія! Впервые, сталъ высчитывать Свитка,—костель, который свое дѣло дѣлаетъ безпримѣрно хорошо; вторыхъ, ваши школы; третьихъ, институтъ нашихъ мировыхъ посредниковъ, съ помощью которыхъ можно расплодить еще болѣе пролетариату.

— Надо обезземеливать, промолвилъ Котырло.

— Совершенно справедливо. Надо обезземеливать, и обезземеливайте. Переводите ихъ въ дворовые, въ кутники, дѣлайте что хотите, но только увеличивайте пролетариатъ, усиливайте классъ батраковъ. Но помните одно изъ первыхъ условий, чтобы народъ поскорѣе былъ обращенъ въ чернь. Это ручательство вѣрнаго успѣха!

— Certissime! съ удовольствіемъ лотирая руки, возгласилъ ланъ Хомчевскій: — Съ этимъ я вполне согласенъ, но.... (онъ вздохнулъ и возвелъ глаза къ потолку) гдѣ ручательство что наши блестящіе планы безпрелютственно приведутся въ исполненіе, что все такъ и будетъ, такъ и случится какъ мы предполагаемъ, что они до времени не станутъ извѣстны Москваю? Кто мнѣ поручится что все это будетъ такъ-сказать *in*рине—безнаказанно, безопасно? Я хоть и вѣрный стрѣлокъ, но безъ вѣрнаго расчета не желалъ бы руковать ни моею головою, ни моимъ маѣнткомъ,* и даже зарядомъ моей охотничьей двустволки.

— Ручательство въ саѣлотѣ *московскей*, ужь если говорить

* Нѣтъіемъ.

совсѣмъ откровенно! подхватилъ Свитка. — Да чего же лучше! Вотъ вамъ одинъ образчикъ: вы знаете ли, напримеръ, кѣмъ оберегается безопасность нашего тайнаго комитета въ Вильнѣ?

— А ну-те? съ живымъ любопытствомъ отозвался Хомчевскій.

— Да ни болѣе, ни менѣе какъ русскимъ же карауломъ, русскими штыками!

— То-есть это аллегорія, конечно?

— Какая тамъ аллегорія? Буквально! Вы знаете гдѣ этотъ комитетъ собирается? гдѣ происходятъ его секретныя совѣщанія?

— А ну-те?

— Въ генераль-губернаторскомъ домѣ.

Многіе вылучили глаза и засмѣялись этому сообщенію какъ фарсу.

— Честное слово! подтвердилъ Свитка. — Тамъ, въ портфеляхъ, между дѣловыми бумагами, передаются по назначенію и наши бумажки, тамъ же во время официальныхъ докладовъ и пріемовъ происходятъ и наши доклады и пріемы; а это, конечно, самое умное и самое безопасное: Боско всѣ свои фокусы, безъ всякихъ аппаратовъ, дѣлалъ на глазахъ всей почтеннѣйшей публики и оттого его никогда ни поймать, ни разгадать не могли. То-то и хорошо, господа, что нѣсколько нашихъ добрыхъ филаровъ сидятъ за большими плечами—и виленьскими, и петербургскими.

Паны согласились что это дѣйствительно хорошо.

— Ахъ, чуть было не забыть, хлопнулъ себя по лбу Василій Свитка:—еще одно интересенькое сообщеніе. Наши очень услѣшно хлопчуть у Ротшильда и Монтефиори чтобы тѣ посодѣйствовали пониженію русскихъ фондовъ на всѣхъ европейскихъ рынкахъ.

— Ого, ну и что же? спросилъ Котырло.

— Содѣйствіе обѣщано почти что навѣрное, какъ скоро начнется возстаніе; а между тѣмъ къ тому же времени и въ Лондонѣ и въ Парижѣ уже заготавливаются громадныя выпуски русскихъ фальшивыхъ серій и ассигнацій, которыми мы будемъ въ состояніи просто наводнить всю Россію — и кредитъ ея долпеть. А поддѣлка артистическая!... не отличишь, ни-ни.

— Хм!... раздумчиво крутя усъ, произнесъ лавъ Колецъ:—

дакъ пожалуй камуфлетомъ въ самихъ себя же хватимъ съ теми ассигнаціями.... Жиды принимать не станутъ.... Средство-то немножко того....

— Средство освященное еще великимъ Наполеономъ, горю поднявъ голову замѣтилъ Свитка:—дѣло не въ Жидахъ, а въ томъ чтобы парализовать врага на всѣхъ существенныхъ пунктахъ.

— А, *Наполеонъ!* развода руками, почтительно и даже благоговѣнно произнесъ экъ-уаанъ:—Да!... Ну это цное дѣло!... *Наполеонъ!*... Предъ этимъ имеемъ я падаю ницъ и молчу, я молчу, *муй пане!*

— Теперь, господа, я желалъ бы знать, снова заговорилъ Свитка:—какъ вы смотрите, то-есть, лучше сказать, какова программа вашихъ современныхъ дѣйствій, вашъ взглядъ на задачу относительно настоящаго именно времени? Мое любопытство будетъ простительно,—принимая деликатно-извиняющийся тонъ пояснилъ онъ:—если я скажу что мнѣ поручено обратъ объ этомъ свидѣнія для соображеній Петербургскаго Центра.... Это даже одинъ изъ пунктовъ моей инструкціи.

— Нашъ взглядъ.... да какъ сказать?... нашъ взглядъ, то-сть....

Павы очевидно пришли въ затрудненіе предъ вопросомъ оставленнымъ такимъ образомъ.

— То-есть я разумѣю программу дѣйствій дворянства относительно правительства въ настоящее время, пояснилъ Свитка.—Весьма бы желательно,—прибавилъ онъ,—во всемъ западномъ краѣ достичь по этому предмету полнѣйшей гармоніи единообразія.

— А, да-а! подхватилъ солидный и разсудительный лавъ отырао:— Не знаю какъ гдѣ, но мы по крайней мѣрѣ держимся политики галицкихъ помѣщиковъ сороковыхъ годовъ, то-есть все броженіе относимъ къ агитаціямъ красныхъ, въ волненію умовъ между хлопами. Когда требуютъ объясненій, мы даемъ отзвымы что дескать положеніемъ 19го февраля мьзуются какіе-то невѣдомые намъ агитаторы и мутать народъ, который выйдя изъ-подъ власти помѣщиковъ, думаетъ себѣ что онъ уже можетъ теперь не повиноваться и ваяги правительства, и что стало-быть мѣстоми власти обязаны крощать ;крестьянъ.

— Ну, а что касается самихъ крестьянъ, весело подхва-

тилъ Селява-Жабчинскій,—то тутъ мы проводимъ сляніе, любовь, братство, равноправность и прочія подобныя конфетки. Средство ничего себѣ, дѣйствуетъ. Ловятся и на эту удочку! Ну, конечно, подъ рукой постоянно пускаются слухи что освобожденіемъ обязаны они никакъ не правительству: это тоже съ одной стороны не мѣшаетъ, помня галицїйскую рѣчь 46 года.

Свитка чуть замѣтно, но очень коварно улыбнулся про себя, и въ то же мгновеніе послѣвшихъ принять прежнее спокойное выраженіе.

— Да, подтвердилъ Котырло,—и чтобы подобныя сцены не могли повториться, поневолѣ надо содѣйствовать распространенію братствъ трезвости, даже себѣ въ убытокъ, потому что сколько ужъ винокурень совсѣмъ стали, да и мы тоже, прибавилъ онъ съ хозяйственно-сокрушеннымъ вздохомъ.

— Теперь, господа, я подхожу къ самой существенной, къ самой важной части моего порученія, опять принявъ дѣловую и какъ бы офиціальную тонь, сказалъ Свитка, и снова занявъ у стола прежнее мѣсто и прежнюю позу: — наше общее дѣло, на которое смотритъ вся Европа, весь міръ, должно имѣть видъ и формы вполне благоустроеннаго возстанія.

— *Натуральне!* подаль голосъ Селява.

Прочіе выразили минами и жестами полное свое согласіе съ заявленнымъ мнѣніемъ Свитки.

— Благоустройства же мы можемъ достигнуть, продолжалъ тотъ, — единственно посредствомъ организаціи, то-есть намъ надобно позаботиться о томъ чтобы заблаговременно, гораздо ранѣе рѣшительнаго дня и часа, и даже чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше, устроить и ввести повсюду въ дѣйствіе нашу тайную революціонную администрацію. Вся организація должна быть строго подчинена одной высшей, такъ-сказать центральной распорядительной власти, *рѣзонду народов'эму*. Организація должна прочно связать всѣ сословія, собрать и правильно распредѣлить наши народныя силы и систематически употребить ихъ для предстоящей борьбы, а безъ того не удастся наши широкіе, наши блистающіе планы. Населеніе должно прямо, незамѣтно для самого себя перейти отъ старой власти подъ нашу революціонную.

— Мм... это такъ конечно, замѣтилъ Котырло,—но.... ту

есть одинъ весьма существенный вопросъ, такъ-сказать вопросъ жизни или смерти.

— То-есть? спросилъ Свитка.

— То-есть въ чьихъ рукахъ будетъ находиться эта высшая, центральная власть? Если въ рукахъ красной сволочи, то слуга покорный...

Свитка опять улыбнулся про себя тонкою, чуть замѣтною, но очень коварною улыбкой, и опять еще скорѣе послѣдшилъ замаскировать ее строго-серіозною миной.

— Мнѣ кажется что для Литвы объ этомъ не можетъ быть и вопроса, сказалъ онъ:—въ Литвѣ и власть, и вліяніе всегда останутся на сторонѣ бѣлыхъ.

— Хм! А если эта центральная красная власть однимъ декретомъ изъ Варшавы скассуетъ и бѣлыхъ, и всю ихъ организацію, да побдетъ терроромъ вводить свои социальныя и коммунистическія бредни, на счетъ нашей собственности и нашихъ родовыхъ привилегій, тогда что?

— Тогда?... Тогда мы можемъ и отложиться отъ Варшавы. Какая же надобность непременно идти за нею на привязи? Идемъ пока намъ это нужно и удобно; а неудобно — только они насъ и видѣли! Не Литва въ Польшѣ, а Польша въ Литвѣ нуждается! съ силою искренняго убѣжденія прибавилъ Свитка.—Литва, слава тебѣ Боже, слишкомъ достаточно сильна чтобы существовать совершенно самостоятельно и независимо; а Польшѣ одной безъ насъ не вытянуть: мы для нея житаица, мы для нея Остѣ-Индскія колоніи. Польша безъ Литвы, это и географическій, и политическій абсурдъ, а если мы сила, такъ гнись подъ насъ, пляши подъ нашу музыку или проладай себѣ! Варшавскіе красные саложники намъ нисколько не страшны.

Эта рѣчь Свитки бодро и освѣжительно подѣйствовала на присутствующихъ. Онъ говорилъ съ такою увѣренностію, съ такою силою убѣжденія, и столь ловко умѣлъ задѣть чувствительную струну „мѣстнаго патриотизма“, что на физиономіяхъ лановъ заиграли самодовольныя улыбки гордаго сознанія своей силы и значенія. Имъ даже очень понравилась мысль что они, коли захотятъ, могутъ и валлевать на Польшу и быть сами по себѣ, а Польша сама по себѣ: пускай де намъ кааляется и нашей милости ланской выращиваетъ. Новая идея эта очень лестно и пріятно щекотала мѣстно-литовское самолюбіе шляхты.

— Итакъ, ланове, насчетъ организаціи, приступилъ къ дѣлу Свитка:—мѣстная организація должна состоять изъ начальниковъ: *воеводскаго, повятоваго, окрениоваго и парафиальнаго*. * Для сбора податей должны быть назначены особы сборщики, а для мѣстныхъ бандъ особы *довуды*, по воеводствамъ же—военные воеводы; мѣстные *довуды* будутъ лока и организаторами мѣстныхъ военныхъ силъ. Кроме того, отъ высшаго *рѣфонда* въ каждое воеводство будетъ назначенъ особый комиссаръ, со значительными полномочіями, для общихъ наблюденій за исполнительностію членовъ организаціи и за теченіемъ дѣлъ вообще, а своевременно, то-есть когда необходимость укажетъ дѣйствовать на массы терроромъ, предполагается въ каждомъ повѣтѣ учредить трибуналъ съ немедленною карой за неповиновеніе.

— От-то такъ! От-то ло-нашему! обрадовался ланъ Колець, но ланъ Котырло далеко не выразилъ того же чувства. Онъ напротивъ, лочмокивая, морщась, тужась и разглядывая свои ногти, выжималъ изъ себя завѣтную мысль:

— Видите ли, мм... оно все, пожалуй, очень стройно придумано, говорилъ онъ медленно и тягуче:—но... мы бы думали... ло-моему, ло крайней мѣрѣ... мнѣ сдается что этотъ трибуналъ, комиссары и прочее, все это ланхветъ какъ-то краснотю... А мы бы думали то же самое сдѣлать, да только проще, интимнѣе....

Свитка нахмурился и закусилъ губу.

— То-есть какъ же бы, налримѣръ? спросилъ онъ сквозь зубы, и чтобы не слишкомъ явно выдать свое внутреннее ощущеніе закурилъ папироску.

— По крайней мѣрѣ наставленія Ламберова отеля, которыя намъ ни въ какомъ случаѣ нельзя не принимать въ соображеніе, продолжалъ Котырло:—именно указываютъ намъ на такое простое интимное устройство. Мы, видите ли, склонны смотрѣть на возстаніе какъ на свое домашнее дѣло и рачитываемъ имѣть по увѣздамъ двухъ-трехъ человекъ которые поведутъ дѣло, и конечно въ каждомъ изъ насъ будутъ имѣть послушнаго и надежнаго помощника.... И такую организацію подготовили бы мы къ тому времени когда, ло нашимъ ряз-

* То-есть изъ начальниковъ: губернскаго, уѣздаго, становаго и приходскаго.

четамъ, настанетъ для этого пригодная, безопасная пора.... Впрочемъ, красные, коли хотятъ, пускай начинаютъ дѣло, а мы поглядимъ.

Эти мысли пришлись крайне не по вкусу скромному на видъ. Василю Свиткѣ. Они становились полерекъ его собственнымъ планамъ и дѣламъ, полерекъ той двойной и огромной игрѣ которую онъ, втайнѣ ото всѣхъ, давно уже задумалъ и сообразилъ въ своемъ умѣ, шансы которой разчитывалъ и преслѣдовалъ постоянно, прикидываясь, гдѣ нужно, ужьреннымъ, бѣлымъ, чуть не консерваторомъ, и пока до времени играя второстепенную роль въ Петербургскомъ Центрѣ. Выслушавъ возраженіе лана Котырла, онъ собрался съ мыслями и началъ, по возможности, ровнѣе и спокойнѣе:

— Такъ нельзя, господа, заговорилъ онъ, обращаясь преимущественно къ своему оппоненту:—или мы любимъ болѣе всего свой комфортъ и свою собственность, или же дѣло своей *родины*. Съ такою выжидательною политикою вы рискуете остаться за флагомъ, рискуете обремениться при шансахъ самой вѣрной игры. Въ такомъ случаѣ лучше ужь прямо, разъ навсегда, махнуть рукою на дѣло и садиться писать вѣрно-лодданническіе адреса. Но этотъ свой смертный приговоръ мы еще успѣемъ подписать и послѣ, когда все дохнетъ.... Не торопите же его вашею нерѣшительностью. Вы пугаетесь красныхъ, а между тѣмъ сами хотите выждать пока они всю власть захватятъ въ свои руки; вы сами и власть, и себя головой выдаете имъ.... Ахъ господа, господа!—со вздохомъ воскликнулъ онъ, укоризненно покачивъ головою:—съ вашими пустыми страхами вы забываете что красные на Литвѣ, это куль. Вся сила у насъ въ собственникахъ, въ шляхтѣ. Въ васъ весь залогъ успѣха, а вы выпускаете инициативу изъ своихъ рукъ.

— Напротивъ, мы желаемъ удержать ее, возразилъ Котырло.

— И между тѣмъ улустите. И это вѣрнѣе вѣрнаго.

— Позвольте-съ, однако....

— Да такъ же! Вѣдь соглаетесь что въ настоящую минуту общій ходъ дѣла зашелъ уже слишкомъ далеко, такъ что сторонись вы или не сторонись, удерживай его или не удерживай, это рѣшительно ничего не значитъ: вамъ его не удержать. Дѣло все-таки идетъ и пойдетъ логично васъ собственною силой, собственнымъ движеніемъ, инерціей. Вѣдь

ужь ему сколько же толчковъ было дано! Вы сама давали ихъ чуть ли не до сего дня. А на полудорогѣ остановиться нельзя. Но пока вы сторонитесь да выжидаете, красные, повятное дѣло, заберутъ все въ свои руки: роковая сила обстоятельствъ, логика жизни, къ нынѣшнему нулю прибавать одну или даже двѣ единицы, и тогда...

Свитка не кончалъ, но завершилъ выразительнымъ и вполнѣ повятнымъ жестомъ.

Горячій потокъ его рѣчи, начатой столь спокойно, начиналъ дѣйствовать. Большая часть присутствующихъ была на его сторонѣ и даже самъ Котырло, колебаясь, раздумаясь надъ его словами. Ораторъ замѣтилъ про себя дѣйствие произведенное его рѣчью.

— Ахъ, господа! съ жаромъ восклицалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія;—забудемте на время и красныхъ, и бѣлыхъ, и синихъ, и всякихъ, а будемте пока только честными патриотами, честными Латвинами. А счета свои покончимъ и послѣ. Прежде съ Москалями покончимъ.

— Bravo, такъ, вѣрно! О чемъ тутъ думать да сомнѣваться!... Вѣрно! заговонила вся *шановна шляхта*.

Котырло медленно поклонилъ свою голову и съ чувствомъ протянулъ Свиткѣ руку.

„Фу-у!... Слава Тебѣ, Господи! Наконецъ-то“, облегченно и радостно вздохнулъ во глубинѣ души своей этотъ послѣдній, съ такимъ чувствомъ какъ будто бы вытянулъ въ гору на собственныхъ плечахъ великій и богатый грузъ.

— Господа! восклицалъ онъ:—Ваше почтенное собраніе представляетъ здѣсь все наиболѣе вѣское, вліятельное и интеллигентное здѣшняго повѣтя. („Ничего, надо маслицемъ подмазать“, подумалъ онъ про себя.) Зачѣмъ вамъ медлить предъ исполненіемъ наиболѣе существеннаго дѣла? Произведите тотчасъ же между собою выборы начальниковъ *поватовыхъ* и *окреговыхъ* чтобы хоть не даромъ собрался нашъ нынѣшній сеймикъ.

— Bravo!... Идемъ!... Согласны!... Мы, чортъ возьми, сила; мы власть изъ рукъ упустить не желаемъ. Мы сами и безъ красныхъ сумѣемъ быть красными когда потребуется. Да!... галлами воспріимчивые лавы, и покинувъ свои мѣста толкались по всему кабинету.

Но когда начались выборы, когда одинъ сталъ предлагать

того-то, а другой другаго, третій же третьяго, и т. д., то дѣло опять дошло до слоровъ и крупныхъ разговоровъ. Панъ Хомчевскій все мирилъ и ублажалъ своею „свѣтлой лауиною“, панъ Селява егозилъ, элегантночалъ и старался казаться язвительнымъ и тонкимъ политикомъ (ему очень хотѣлось быть выбраннымъ во что-нибудь); панъ Колецъ горячился, прыскался, краснѣлъ какъ ракъ, крутилъ усь, кричалъ „не желаю!“... И этого не желаю, и того не желаю,—ничего не желаю!“ кричалъ, по старинѣ: „не позвѣляемъ! veto!“ такъ какъ извѣстно что безъ этихъ двухъ заветныхъ словечекъ ни единый панскій сеймъ и сеймикъ, во вся времена, ни коимъ образомъ и ни въ какомъ случаѣ обойтись не можетъ, ибо иначе и сеймъ не въ сеймъ уже будетъ. Дошло до того что кому-то и за что-то, но за что именно и самъ не понимая толкомъ, панъ лудковникъ опять сталъ грозиться своею саблей. Тутъ появились на свѣтъ Божій и старыя, полузабытыя дразги и сллетни, и взаимныя локоры, и фамляныя гербы, и шляхетныя привилегіи; фигурировали и давнія права, и родственныя связи и даже степень благонадежности предъ російскимъ начальствомъ, — словомъ, всего было вдовстала и въ волю. Паны расходились. Говоръ, слоры, ссоры, толки, уговоры, наконецъ даже слезы, добзанья и примиренья и опять взрывы крупныхъ слоровъ, рисовка своимъ благородствомъ, шутки, смѣхъ, шумъ и безурядица, все это длилось болѣе часу. Наконецъ, кое-какъ „сгодзилися“ *. Недоумѣнія разрѣшились—выборы были сдѣланы. Должность *начельника повятовзго* предложили было пану Котырло, но тотъ подъ разными болѣе или менѣе благовидными предложениями уклонился, заявивъ впрочемъ что кромѣ этой должности, къ которой онъ, по совѣсти, не чувствуетъ достаточно силъ, энергіи и способности, вся его жизнь, и все состояніе принадлежить „свѣтѣй справѣ“ ** и „ойчизнѣ“. Въмѣсто пана Котырла, въ повятовые выбрали пана Селяву-Жабчинскаго. Этотъ былъ необыкновенно доволенъ, словно его въ генералы произвели и арендой пожаловали, и съ нескрываемою радостью, даже съ вѣсколько горделивымъ достоинствомъ и уже отчасти локровительственно, пожималъ панамъ руки, благодаря ихъ за то что почтили его своимъ шляхетнымъ

* Соглашались.

** Святому дѣлу.

довѣрiемъ. Пана Хомчевскаго выбрали въ окренговые, при чемъ онъ только развелъ руками и поднявъ глаза къ потолку, словно выражая тѣмъ покорность волѣ судьбы, произвелъ со вздохомъ: „*Sic astra volunt!*“ Выбрали и еще нѣсколько пановъ: кого тоже въ *окренговые*, кого въ *парафиальныя*; а эскъ-улану лану Кощу предоставили честь, ради его воинственности, быть мѣстнымъ *довудцей* (вождемъ) и организаторомъ будущихъ воинскихъ силъ. Панъ луковникъ тоже былъ необыкновенно доволенъ предстоящею ему ролью.

— Вышкочимъ, чортъ возьми, вашу братью, панове! похвалялся онъ, крутя усы и гоголемъ похаживая между панями.— Такъ-то вымуштруемъ что цѣлый *чварты* корлусъ московскій отъ одного виду нашего лытки покажетъ! Шахъ-мах! Плюскъ и баста!

Въ заключенiе же, поздравляя другъ друга, паны лобызались, умилялись, похвалялись, общались, другъ другу клялись и, въ силу предложенiя пана Хомчевскаго выраженного по обыкновенiю въ латинской формѣ: „*ergo hibamus!*“ рослили еще нѣсколько бутылокъ *венгерщины* при дружныхъ и бурныхъ возгласахъ:

— *Нльзъ жсiе Польша! Нльзъ жсiе волюность!... Пречъ зъ Москалями!... Засмродзили Польшку Москале!... Убирайтесь къ чертямъ!*

Свитка былъ очень доволенъ.

„Ну, любезные друзья мои!“ думалъ онъ, уже поздно ночью возвращаясь въ свой флигелекъ: „вы хотите красною сволочью воспользоваться какъ убойною скотиной, какъ лучшечнымъ мясомъ, а красная сволочь васъ къ дѣлу приспособила. Посмотримъ кто кого перехитритъ!... Карманъ-то во всякомъ случаѣ, а можетъ и лбы, и гербы ваши пригодятся намъ.“

Придя въ свою комнату когда Хвалыицевъ уже спалъ, Свитка тщательно, особо имъ изобрѣтенными буквами и знаками, записалъ въ своей записной книжкѣ всѣ имена и соотвѣтственныя должности выбранныхъ выше дворянъ.

„Теперь вы, голубчики, въ моихъ рукахъ!“ съ истиннымъ удовольствiемъ подумалъ онъ, съ наслажденiемъ потягиваясь и расправляя свои члены какъ бы послѣ многотрудной работы:—„теперь, чуть что заартачитесь въ рѣшительную минуту, такъ можно вамъ и русскими жандармами, и самодѣянною тюрьмою пригрозить: имена-то всѣ въ книжкѣ, а факты,

дасть Богъ, будутъ на-лицо.... Вотъ вамъ, бѣлые друзья мои, и красная сводочь!"

И онъ, лотирая ладони, самодовольно разсмѣялся веселымъ, во злораднымъ смѣхомъ.

XIV. У отца Сильвестра.

Проснувшись послѣ крѣпкаго и безгрязнаго подутренняго сна, Хвалынецъ всталъ довольно рано, осторожно одѣлся чтобы не разбудить спавшаго товарища и пошелъ на мѣстечко — попытать нельзя ли гдѣ порядить себѣ лошадей. Жиды однако везти не соглашались, потому что была пятница и, значить, къ вечеру у нихъ „шабашъ заходить“.

День былъ такой же ясный, сухой, безвѣтренный, какъ и вчера.

Константинъ, въ надеждѣ найти себѣ какого-нибудь подводчика между крестьянами, пошелъ бродить по мѣстечку. Свѣжій, бодрящій утренній воздухъ, ясное ноябрьское солнце, тишина и легкій моционъ, умирили его вчерашнюю желчность и навели на душу ясное спокойствіе. Онъ, незамѣтно для себя самого, забрелъ на самый конецъ мѣстечка, туда гдѣ стояла православная церковь, и проходя мимо недавно выбывшаго домика, крытаго соломой, услышалъ стукъ толпора, и сквозь незапертыя ворота увидалъ внутри двора отца Сильвестра. Поль, въ одномъ сѣренькомъ нанковомъ подрясникѣ, рубилъ доску и вмѣстѣ съ батракомъ своимъ трудился надъ лочикой ветхаго сарайчика, который они совокульными усиліями приводили въ надлежащій видъ прилаживая къ нему дощечки и подлирая стѣны его кольями.

Случайно обернувшись въ это самое время, отецъ Сильвестръ замѣтилъ Хвалынцева и на его привѣтствіе отвѣтилъ радужнымъ поклономъ.

— Гулять изводите? окликнулъ онъ его, выпустивъ толпоръ и обѣими руками расправляя изнатужившуюся поясницу.

— Лошадей ищете, увѣжать хочу отсюда, объяснилъ Хвалынецъ.

— Такъ зачѣмъ же дѣло стало? на мызѣ вамъ изъ экономіи дадутъ. Вамъ самимъ и трудиться незачѣмъ.

— Нѣтъ, Господь съ вами! неприятно поморщась, послѣ-

шилъ возразить Константинъ Семеновичъ:—Къ чему ихъ еще и этимъ одоженіемъ стѣснять!... Я не хочу. Но только вотъ бѣда въ чемъ....

И онъ разказалъ свое затрудненіе съ Жидами по поводу шабаша.

— Ну, этому горю можно пособить, утѣшилъ его отецъ Котловичъ.—Ежели вамъ угодно будетъ обождать у меня малое время, то я заразъ пошлю батрака, вотъ онъ приведетъ какого ни есть хозяина, вы и порядитесь.

Хвалынецъ поблагодарилъ и согласился.

Онъ окинулъ взглядомъ дворъ и домъ и всѣ хозяйственныя пристройки: все это дышало какою-то мирною домовитостью. Избытка не оказывалось ни въ чемъ; но ото всего вѣяло скромнымъ, нравственнымъ и матеріальнымъ довольствомъ, тѣмъ неприхотливымъ довольствомъ труда и старанія котораго достигаетъ иногда неусыпно-заботающаяся, непрестанно-борющаяся, работающая бѣдность. На обязанности и засохлой старой соснѣ приютилось широкое гнѣздо аистовъ, которыхъ здѣсь называютъ „боцьями“ или „черногузами“. Нынѣ оно опустѣло по осени, но съ будущею весной вновь будетъ занято тою же самою прошлогоднею парой крылатыхъ обитателей. Надъ низенькими небольшими окошками поповскаго домика свѣрвють тоже опустѣлыя ласточки гнѣзда,—но Боже избави чтобы кто осмѣлился дотронуться и разорить ихъ! То же самое и въ отношеніи аистовыхъ гнѣздъ ласточка-благовѣстница есть Божія излюбленная птичка, а аистъ-змѣеистребитель, человѣку на великую пользу живетъ, и какъ тотъ, такъ и другія дому сему Божье благословеніе и благодать своимъ пребываніемъ приносятъ.

Соломенная кровля, поросшая отъ старости густымъ и плотнымъ ярко-зеленымъ мохомъ, вся изрыта чернѣющими норками воробьиныхъ гнѣздъ. По выбѣленнымъ стѣнамъ на шпуркахъ и дротахъ взвиваются снизу вверхъ засохшіе побѣги хмѣлю, тыквы, фасоля, лавоя и дикаго винограда. Въ маленькомъ садикѣ, межъ огородныхъ грядокъ, торчатъ корявыя деревца яблонекъ, раскидистыя, высокія груши, поджарыя, тонкостволая сливы да вишни. У крылечка двѣ каумы съ незатѣйливыми поблеклыми цвѣтками, между которыми высоко торчатъ облетѣлыя стебельки мальвъ, извѣстныхъ болѣе подъ именемъ туберозы, и тутъ же въ разныхъ уголкахъ разсажены кустики сирени, розъ, бузины и пахучаго Божьяго

дерева. На дворѣ, въ кучѣ навоза, кудахтая, роются пестрыя куры и поросята; утки полощутся во врытомъ въ землю корытѣ, и гордо похаживаетъ лавачка. Баба-работница, съ подтыканною высоко за поясъ юбкой, обнаруживающею почти по колѣна ея босыя закорузавыя ноги, тащитъ звонкія ведра къ студеному колодцу, и высокій журавль медленно скрипитъ, погружая бадью въ темную глубь криницы, а мохватый старый лесъ дворовый лѣниво и понуро повертѣлся раза два на мѣстѣ, обнюхалъ его и улегся на крылецкѣ, и дремлетъ себѣ, грѣя на солнышкѣ свои старослуживыя кости. Пахло слегка дымкомъ, навозомъ, дегтемъ и утреннимъ, сухимъ осенне-холодоватымъ воздухомъ. И все это такъ просто и такъ ясно говорило про скромный, упорный трудъ чернорабочій, и еще болѣе навѣяло на Хвалынцева мягкое ощущеніе внутренняго мира, тишины и какого-то кроткаго, серьезнаго спокойствія.

— А хорошо у васъ тутъ! съ неволью-полнымъ, облегчающимъ вздохомъ сказалъ онъ, послѣ минутой раздумчиваго созерцанія.

Священникъ какъ-то грустновато и спокойно усмѣхнулся.

— Ничего себѣ... живемъ кое-какъ съ Божьею помощью, проговорилъ онъ:— вотъ, *трацуемъ*, * съкиркою ** постукиваемъ: хлѣбушку надо починить, а то зимою, гляди, все развалится, какъ снѣгу наверхъ навалить. Да не прикажете ли до гаты, въ горницу? вдругъ спохватился отецъ Сильвестръ:— что на дворѣ-то стоять?... Милости просимъ!... Зайдите пока!

Черезъ темныя, но чистенькія стѣны, гдѣ пахло мятой и другими цѣлительно-ароматическими травами, сушеные лучки которыхъ висѣли здѣсь подъ потокомъ, Хвалынцевъ провѣлъ въ смежную горницу, служившую отцу Сильвестру и гостиной, и кабинетомъ; въ горницѣ чуть-чуть пахло ладаномъ. У окошекъ, на домотканыхъ горкахъ, стояли горшочки цвѣтотъ: герань, левкоя, фуксія, мирты, а по угламъ въ деревянныхъ кадучкахъ произрастали два, довольно уже юные, олеандра. Надъ окнами, между скромныхъ кисейныхъ навѣсокъ, висѣли двѣ незатѣдливыя катки: въ одной карейка, въ другой—скворецъ; а по стѣнамъ вѣсколько обродившихъ картинъ подъ стекломъ и два три образа, вѣроятно

* Работаемъ.

** Топорикомъ.

привнесенные изъ церковной ризницы. Въ переднемъ углу предъ образомъ теплилась лампадка на полочкѣ, съ которой спускалась небольшая лиловая пелена, отороченная золотымъ позументомъ и съ позументнымъ же крестомъ по срединѣ. На столикѣ подъ образами лежали: Требникъ въ темной кожѣ, засохшая просфора, почернѣлый небольшой крестъ изъ алмаки и небольшое же Евангеліе въ смятомъ бархатномъ переплетѣ съ фиניфтяною живописью по угламъ верхней доски; а не вдалекѣ отъ передняго угла были прибиты три полки: верхняя занята книгами, очевидно духовнаго содержанія, въ старинныхъ кожаныхъ переплетахъ съ металлическими застежками, а на двухъ нижнихъ былъ всякій печатный сбродъ: и нумера *Сына Отечества*, и *Виленскій Курьеръ*, и растрепанная книжка *Отечественныхъ Записокъ* да старинной *Библиотеки, Домашній Личебникъ* и *Опытный Садовникъ* и прочій подобный случайный сбродъ, который, обыкновенно, встрѣчается у людей любящихъ почитать, но не систематизирующихъ свою библіотеку. Подъ этими полками, въ простѣвкѣ между двухъ окшекъ, помѣщался простой рабочій столъ отца Сильвестра, обтянутый черною казенкой, и надъ ясеневымъ диваномъ, представлявшимъ собою какъ бы часть гостиной, висѣли двѣ раскрашенныя литографіи въ рамкахъ; на одной былъ изображенъ Государь въ порфирѣ, а на другой Императрица въ русскомъ нарядѣ. Въ незатѣливой, безхитростной обстановкѣ этой горенки все было такъ чистенько и просто, но вмѣстѣ съ тѣмъ порядочно, домовито и уютно что Хвальнцеву невольно, самъ собою, напросился на сравненіе контрастъ соломеннаго паллаца пана Котырло. Если правда что по характеру обстановки жилища можно предугадать и о характерѣ ея обитателя, то горница отца Сильвестра сдѣлала на Хвальнцева столь симпатичное впечатлѣніе что симпатію свою онъ еще болѣе перенесъ на хозяина этого дома.

Прошло не болѣе пяти минутъ, какъ въ горницу вошла рабница съ большимъ ядросомъ, и оставила на преддверіи столъ бутылку наливки, графинчикъ водки, маринованныхъ грибовъ, еще кое-чего и три тарелочки варенья: малины, вишень и крашевику, а вездѣ за нею появилась въ бѣломъ челдѣ и въ ковровомъ платкѣ сама лопадь, женщина лѣтъ подъ сорокъ, низенькая и дородная, съ безхитростно-простоватымъ, но безконечно-добродушнымъ, располагающимъ лицомъ.

— А вотъ и матушка моя, отрекомендовалъ ее отецъ Сильвестръ:—двадцать третій годъ сожительствуемъ.

Матушка съ неловкими, но очень привѣтливými поклонами, заклопотала около лоданной закуски, причемъ все кругленькое лицо ея озарилось такою не сходящею съ него мягкою и доброю улыбкой что масляные глазки ея совсѣмъ ушли въ маленькія щелочки и глядѣли оттуда съ такимъ выраженіемъ что все лицо ея, вся фигура ея, высказывала одно безконечное стремленіе чѣмъ ни на есть, но только побольше, порадушѣе, отъ всей души угодить гостю.

— Просимъ лана! залетела она по-польски своимъ мягкимъ голосомъ, подвигая къ Константину и варенье, и наливку, и грибки, и колбасу домашнего колчешья.

При звукахъ польскаго языка, Хвалынцевъ почти невольно кинулъ на нее мимолетный взглядъ въ которомъ оказался отъянокъ удивленія.

Отецъ Сильвестръ, казалось, замѣтилъ это.

— Господиъ Хвалынцевъ Русскіе, съ нѣкоторымъ смущеніемъ, но внушительно предупредилъ онъ свою матушку.

— А, ланъ изъ Россіи! еще привѣтливѣе и радужнѣе залетала она:—то бардво прііемне!... Проше лана законтоваць... *

— Они по-польски не говорятъ! съ луцею вразумительностію, но съ улыбкой еще большаго смущенія, обратился къ ней отецъ Конотовичъ.

Матушка поняла, наконецъ, въ чемъ дѣло и смутилась сама чуть ли не болѣе своего мужа.

— Званите!... мы такъ... полпривыкли... тутъ же по-польску, заговорила она, видимо затрудняясь въ пріискиваніи словъ и выраженій.

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе!... Я... разумлю... послѣшилъ предупредить Константина, почему-то вдругъ начавъ говорить русскую рѣчь, изъ желанія поддѣлаться въ ладъ матушкѣ; словно его языкъ сталъ лоятиѣе для нея отъ этого коверканья какъ будто на лодьскую стать.

— Нѣтъ, ужъ вы, матушка, лучше по-простому, по-хаолскому! добродушно посоветовалъ женѣ отецъ Конотовичъ:— все же лоятиѣе будетъ, и для васъ оно за привычку.

* А, ланъ изъ Россіи! Это очень пріятно. Прому лана ескувать.

Матушка только улыбнулась, да слегка поклонивалась съ какимъ-то извиняющимся видомъ.

— Вы лучше подите, да на счетъ чайку намъ распорядитесь, указывая ей значительнымъ взглядомъ на внутреннюю дверь, сказалъ отецъ Сильвестръ. И жена его сейчас же удалась, все съ тою же бесконечно доброю улыбкой и съ тѣмъ же нѣсколько оторопѣлымъ, извиняющимся видомъ.

Хвалынцеву сдѣлалось даже неловко и совѣстно какъ-то при мысли что онъ сталъ причиной такого смущенія и стомакихъ хлопотъ для этихъ простыхъ и добрыхъ людей.

Минутку спустя по уходѣ матушки, послѣ небольшого молчанія, слегка покашливая да побряхтывая и все еще не оправываясь отъ нѣкотораго затруднительнаго смущенія, отецъ Сильвестръ обратился къ Хвалынцеву:

— Вы извините... для васъ, конечно, показалось очень страннымъ, началъ онъ въ оправдательно-объяснительномъ тонѣ: — что матушка православнаго священника, и вѣреть по-польски... Но, — прибавилъ онъ со вздохомъ, — что дѣлать... Отчасти, это, конечно, наша собственная вина, собственное небреженіе, но это здѣсь — общее... это всѣ онъ такъ у насъ!

— Да что жъ тутъ? Почему жъ и не говорить? пробормоталъ было Хвалынецъ, чтобы какъ-нибудь сгладить неловкое смущеніе хозяина.

— Э, нѣтъ, не смотрите такъ! серьезно перебилъ его отецъ Сильвестръ: — Мы вотъ только теперь начинаемъ чувствовать плоды нашихъ небреженій вообще! Оно, казалось бы, пустякъ, но изъ подобныхъ обыденныхъ пустяковъ вѣдь и вся жизнь человѣческая складывается и свои результаты приноситъ; положеніе-то наше горькое такое въ этомъ краѣ... Вы представьте себѣ что у насъ не только во всей епархіи, но во всемъ сѣверо-западномъ краѣ нѣтъ ни одной школы, ни одного училища для дочерей духовныхъ лицъ.

— Неужели? удивленно и какъ будто съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ воскликнулъ Хвалынецъ.

— Да-съ! и нѣтъ и не было, да Богъ вѣсть и будетъ ли еще когда! съ горечью подтвердилъ отецъ Ковотовичъ: — Ну, а дочерямъ-то все-таки хочется дать какое ни на есть воспитаніе; ужъ это какъ будто и совѣсть, и долгъ родительскій обязываютъ! А гдѣ его дашь! Иное дѣло, конечно, самъ признаешься, научишь чего самъ еще не забылъ съ семинарской скамейки, да вѣдь не всякій къ этому даже возможность

имѣть, такъ что благо и то когда лишь писать, читать, да считать дочку свою обучишь, и то благодареніе Господу!... Потому-то вотъ многіе изъ насъ поневолѣ дочерей въ польскіе пансіоны сдаютъ; русскихъ учительницъ нѣтъ вовсе, да елибъ и завелась какая, то господа Поляки сразу выкурятъ какимъ-ни на есть способомъ. Ну, а вѣдь наши нынѣшнія матушки—это вѣдь все еще дочери нашихъ отцовъ, такъ-сказать старое поколѣніе; эти-то и совсѣмъ на Польшѣ выросли и воспитались. Дома-то между собой говоримъ конечно все больше по-простому, по-бѣлорусски, а въ обществѣ не принято какъ-то... совѣстятся. Да и заговори-ка, такъ каждый шляхтичъ, каждая шляхтянка засмѣются. Положеніе грустное и дай Богъ только силы кое-какъ бороться съ нимъ!

— Да; здѣсь, кажись, сколько я замѣчаю, что-то странное творится, промолвилъ Хвалынцевъ, желая какъ-нибудь навести разговоръ на существенно-интересовавшія его темы.

Священникъ многозначительно усмѣхнулся.

— Хм... странное, говорите вы, сказалъ онъ:—не странное, а грустное. Да вотъ, дастъ Богъ, скоро все станетъ ясно. Авось либо тогда прозрять наши слѣпорожденные!

Заложивъ руки въ карманы подрясника, онъ съ нѣкоторымъ отъянкомъ досадливаго волненія прошелся по комнатѣ и вдругъ остановился предъ Хвалынцевымъ.

— Обманъ на обманѣ сидитъ и обманомъ логоняетъ, какъ говорится! вѣско промолвилъ онъ: — вездѣ и повсюду одинъ великій и безконечный обманъ. Вотъ что такое этотъ край несчастный! И все это для доказательства что тутъ исконная Польша!

Хвалынцевъ посмотрѣлъ на него вопросительно, взглядомъ безмолвно вызывающимъ на дальнѣйшее объясненіе.

— Да, такъ! продолжалъ священникъ:—Телерь хоть положеніе народа возьмите. Дали свободу. Хорошо-съ. Казалось бы какая первая при этомъ забота дворянства? Разъяснить ему самую суть Положенія, да честно разверстаться. А здѣсь нѣтъ! Здѣсь какъ бы затемнить побольше. Мужикъ Царю благодаренъ, а намъ это хуже остраго ножа; надо убить въ немъ это чувство, надо заставить его думать что не Царь, а ланы съ Чарторыйскимъ дали волю, что они вмѣстѣ съ Наполеономъ послабѣ Крыма заставили дать ее; а сами межъ тѣмъ и вкривъ и вкосъ какъ кому вздумается въ своихъ личныхъ видахъ толкуютъ Положеніе; ну, хлопъ вѣдь темень, безграмо-

тенъ, забить, на него прикрикну, онъ и вѣрнуть! А въ это время мы его и обмѣриваемъ и переселяемъ и совсѣмъ обезземеливаемъ, а чуть кто вступится за свои права, мы сейчасъ: „бунтъ! разбой! коммунизмъ!“ сейчасъ бумаги, донесенія пишемъ, присылки войскъ требуемъ; ну, конечно, войска являются съ послѣдностью, сейчасъ экзекуція и прочее. Хлопы конечно взвоютъ, а имъ тутъ подъ рукой: „а до, добродѣи, отъ якъ вамъ каже, вашъ Царь жалует! Отъ яка его милосць, яка каже воля его!“

— Но отчего же вы, напримѣръ, священники православные, отчего вы не разъясните народу? воскликнулъ Хвалынцевъ. Отецъ Ковотовичъ горько усмѣхнулся.

— Русскимъ священникамъ, сказалъ онъ: — со стороны администраціи крѣпко-на-крѣпко запрещено вмѣшиваться въ эти дѣла.

Хвалынцевъ только плечами пожалъ.

— Но все жъ-таки отступленія отъ закона бываютъ столь возмутительны и обманъ столь великъ, продолжалъ отецъ Сильвестръ: — что нашъ братъ несмотря на все свое униженіе рѣшается порою взяться за роль разъяснителя и даже стулвика; но только Боже жъ ты мой — что жъ изъ этого и происходитъ!

— А что? отозвался Хвалынцевъ.

— Известно что! Сейчасъ это отъ помѣщиковъ, отъ посредниковъ, отъ становыхъ жалобы что полъ народъ смущаетъ; затѣмъ начнутъ тебя тягать на саѣдствія, отрѣшаты отъ прихода и мало ли что!... Да, впрочемъ мы уже съ вами еще вчера, во время полеванья, на счетъ этого самого предмета разговоръ имѣли. Но замѣчательно — прибавилъ онъ: — что противъ ксендзовъ не поступило еще ни единой жалобы! Администрація ваша, изволите видѣть, почитаетъ ихъ самымъ вѣрнымъ оплотомъ порядка и власти, а мы, полы символалые, мы — бунтовщики, смутьяны; за нами строгій глазъ да и глазъ нуженъ! Вотъ какъ!

— Но вѣдь есть же между помѣщиками и хорошіе люди, съ гуманными возрѣніями? сказалъ Хвалынцевъ.

— Надо полагать что свѣтъ не безъ добрыхъ людей, отозвался отецъ Сильвестръ: — вотъ нашъ посредникъ, лавъ Селавъ Жабчинскій, конечно, изволите знать его?

— Знаю, а что?

— Большимъ либераломъ нынѣ показывается себя! А между

тѣмъ у этого либерала чуть что не до 19го февраля, шлея съ хомутсомъ была въ повседневномъ употребленіи.

— То-есть что это значитъ? недоумѣвая спросилъ Константинъ.

— А это, изволите видѣть, въ здѣшнемъ краѣ былъ изобрѣтенъ и даже распространенъ особый приборъ который въ барщинные дни надѣвался на нѣкоторыхъ хлоповъ. Онъ такъ и называется *хомутъ со шлеей*. Какъ надѣнуть, такъ хлѣбъ поневолѣ цѣлый день ни голову опустить, ни присѣсть не можетъ, а все стоитъ да работаетъ, потому что присѣсть или голову опустить—сейчасъ на остры гвозди наткнешься, острия-то и дадутъ себя знать. Вотъ какой приборъ остроумный!

Хвалынецъ просто глаза вылучилъ отъ изумленія.

— Да-съ, продолжалъ Ковотовичъ:—а вотъ вы подите-ка, у себя-то въ Великой Россіи и не слышали про такія тонкости? Ну, а у насъ это, говорю вамъ, въ большомъ обыкновеніи было. Но хомутъ со шлеей не мѣшаетъ либерализму, и панъ Селява-Жабчинскій большой даже либераль, хоть и собаками людей травить,—прибавилъ онъ съ улыбкой:— да впрочемъ вѣдь и это либерально: вѣдь лопа травилъ!

— Кстати, съ живостью схватился Хвалынецъ:— неужели этому негодяю такъ безнаказанно и сойдеть съ рукъ его вчерашняя мерзость?

Священникъ только усмѣхнулся въ виду наивности подобнаго вопроса.

— А что же вы хотите? сказалъ онъ.

— Но вѣдь есть же какой-нибудь законъ и управа?

— Ни закона, ни управы никакой здѣсь нѣту, спокойно, просто и утвердительно отвѣтилъ отецъ Ковотовичъ:— здѣсь, государь мой, бываютъ примѣры что не только панская трава, но и убійства и застѣковенія на смерть съ рукъ сходятъ. Одинъ наисвѣтлѣйшій панъ всю слѣдственную комиссію нагайками перелоролъ, живыхъ людей по груди въ землю на трое сутокъ въ наказаніе закалывалъ, и то ничего. Начать съ ними дѣло, такъ ужъ заранѣе петлю на шею. А еще тѣмъ лаче „русскому полу“: вѣдь мы здѣсь только „терлимы“ пока еще; такъ намъ это и нѣкоторыя начальственные лица внушаютъ. Только терлимы, поймите вы это.

— Все это очень грустно, согласился Хвалынцевъ:—но въ то же время, мнѣ кажется, все это доказываетъ то что само правительство смотритъ на этотъ край какъ на край польскій.

— Польскій? нахмурилъ брови отецъ Конотовичъ.—А вотъ каковъ онъ польскій! Извольте посмотрѣть на маленкій обрацикъ хотя бы исторической польщизны, если ужъ не желаете принимать во вниманіе такого аргумента какъ живой языкъ живаго народа, то-есть я говорю не о плахъ-прешельдахъ или перевертыжахъ; я говорю о хлолахъ. Извольте вотъ взглянуть сюда.

И онъ подвелъ Хвалынцева къ одной изъ висѣвшихъ на стѣнѣ картинокъ. Это была очень древняя, рѣзная на мѣдъ гравюра, которая съ надписями надъ изображенными предметами представляла видъ какого-то города. Надписи были латинскія.

— Это видъ города Гродна въ 1593 году, пояснилъ священникъ:—гравюра—собственность еще моего дѣда, а заимствована она изъ одной древней географіи XVI же вѣка; была у дѣда такая, да крысы въ кладовой поѣли болѣе чѣмъ на половину, а вотъ это только и всего что сохранилось. Но полное изданіе ея есть, я знаю, въ Виленскомъ музеѣ.* Тутъ вотъ сверху,—пояснилъ онъ, указывая на части картишки—вы видите гербъ: лѣгонь, орелъ одноглавый и архангелъ Михаилъ, а посрединѣ медвѣдь; тогда еще гродненскій гербъ былъ не „зубръ“, а „медвѣдь“. Это гербъ соединенныхъ земель: Литвы, Польши и Руси; стало-быть изображеніе относится къ тому времени какъ Литва была уже съ „короной“. Но вотъ обратите вниманіе на эту надпись по сторонамъ герба: тутъ написано: „Grodna“—замѣтьте *a* въ окончаніи, а не *o*, какъ теперь пишутъ Поляки. Нѣтъ-съ, а это есть та же самая русская *Городня* о которой ея древніе акты и записи упоминаютъ. Но это еще все ничего-съ; а вотъ взгляните на эти надписи: „Templum Russorum latericium“, „Templum Russorum muro circumdato“, „Templum Russorum in Urbe“, и всѣхъ церквей православныхъ въ это время было въ городѣ Гроднѣ девять числомъ, — у меня вотъ тутъ и выметки

* Авторъ видѣлъ это замѣчательное изданіе у одного польскаго графа, который впрочемъ, повидимому, и не подозреваетъ какой документъ хранить онъ въ своей прекрасной коллекціи древностей

сѣлана. Но вотъ извольте взглянуть на эту башенку и надпись: *Templum Polonorum in Urbe*. На девять русскихъ церквей одинъ только *Templum Polonorum*! И это въ 1593 году, то-есть за 268 лѣтъ до нашего времени, до сего текущаго 1861 года! Что вы на это скажете-съ?

— Доказательство краснорѣчивое, согласился Хвалынцевъ, — и противъ него ничего не скажешь.

— Ну такъ вотъ то-то же и есть! А тамъ-то и не одинъ гродненскій видъ, а находятся виды и Вильны, и другихъ городовъ литовскихъ и съ такими же краснорѣчивыми доказательствами. Но я еще не говорю вамъ про древніе мѣстные акты, которые въ послѣдніе годы господства стараются всячески истреблять; но въ Вильнѣ сохранилось еще достаточно чтобъ убѣдить невѣрующаго.... Мы, государь мой, здѣшніе старожилы, уроженцы здѣшніе, такъ вамъ исторія-то своего края доподлинно извѣстна, и что российскіе чиновники да ученые нѣкоторые такъ ужь точно что изумляютъ насъ иногда своими взглядами! Надо чести ихъ приписать!

— Да, батюшка; это конечно все такъ, вздумалъ возразить Хвалынцевъ,—но.... чтобы судить о современныхъ намъ вѣщахъ, надо брать этотъ край не въ историческомъ прошломъ, а въ его настоящемъ; ну а вѣдь настоящее, на первый взглядъ по крайней мѣрѣ, представляетъ здѣсь Польшу или ужь сильное преобладаніе „польщизны“, какъ вы называете это.

— Да, преобладаніе, я съ вами совершенно согласенъ! сказалъ отецъ Колотовичъ: — и особенно съ того времени какъ край этотъ отошелъ подъ власть Россіи. Никто даже лучше не споспѣшествовалъ сему въ ущербъ народу какъ русская наша сила!

Хвалынцевъ засмѣялся.

— Вы смѣетесь?... Хм.... Я самъ смѣяться бы сталъ, еслибы не хотѣлось плакать, горько плакать, государь мой, покачалъ головою отецъ Сильвестръ.— За доказательствами ходить недалеко-съ! Да вотъ, къ примѣру, коли не будетъ скучно, могу разказать вамъ вкратцѣ весьма назидательную исторію хотя бы виленьской православной святыни, нашей древней святыни! Есть тамъ митрополитальный соборъ Пречистыя, то-есть былъ во время оно, при польскихъ короляхъ, а нынѣ въ немъ еврейскія кузницы устроены, а допрежь

кузницъ ветеринарная конюшня помѣщалась, и на такое употребленіе съ разрѣшенія правительства отдалъ храмъ Пречистыя бывший полечитель Виленскаго учебнаго округа, князь Адамъ Чарторыйскій, тотъ самый что при блаженныя памяти императорѣ Александрѣ Благословенномъ былъ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а съ 31 года бѣжалъ за границу и мнилъ себя „польскимъ крулемъ“ быти, — такъ и называлъ себя „Адамомъ первымъ“ и лавы его тоже такъ титуловали по самый день кончины, въ июнѣ сего года.

Хвалынецъвъ опять засмѣялся.

— Не вѣрите? ухмыльнулся отецъ Конотовичъ:— оно и точно! Есть стихъ: „свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!“, ну, а это вовсе даже и не преданіе, а настоящее, но не знакомый человѣкъ не то что съ трудомъ, а и совсѣмъ не повѣритъ!.. Да-съ! Или вотъ тоже,—продолжалъ онъ, послѣ нѣкотораго раздумья, все съ тою же горькою улыбкой:—былъ въ Вильнѣ храмъ святыя Параскевы, „первый каменный храмъ возведенный Богу Истинному на землѣ Литовской“, какъ говорить лѣтописецъ; въ этомъ храмѣ покоятся останки великой княгини Маріи Ярославовны, въ этомъ храмѣ императоръ Петръ Великій гдѣ благодарственные молебны за одержанныя побѣды и поставилъ въ немъ на память потомкамъ отбитое шведское знамя, а нынѣ этотъ храмъ-то въ развалинахъ, достигнутыхъ почти искусственно, и отданъ на домашнія потребности разновѣрцамъ. И это все творится на глазахъ властей. Ну, конечно, какъ же тутъ не убѣдиться каждому что православіе только терпимо, а римская или польская вѣра есть господствующая, коренная въ краѣ? И вотъ такъ-то на нашихъ глазахъ и создается историческая ложь, — тысячи неправдъ историческихъ.

— Ну, а костелы-то какъ же? спросилъ Хвалынецъ.

— То-есть что это „какъ же“? отозвался отецъ Сильвестръ:— есть конечно много и древнихъ:—край-то вѣдь великъ! и особенно много по городамъ, да и какъ имъ не быть и не множиться, если сами правительственные лица, чиновники российской службы, говорятъ намъ иногда что правительство интересуется здѣсь только костеломъ и ни мало не интересуется православною церковью. Вы изволили видѣть какъ въ нашемъ же мѣстечкѣ позавчера латинскій крыжъ водружали?

— Какъ же, имѣлъ это удовольствіе, подтвердилъ Константинъ Семеновичъ.

— Имѣли? Ну, такъ я вамъ скажу что въ послѣдніе годы они особенно стараются понаставить ихъ повсюду какъ можно больше, а притомъ еще какіе костелы великолѣпные возводятъ! Да, вотъ какъ,—продолжалъ Конотовичъ:—съ 1854 года по настоящее время въ однѣхъ только шести западныхъ губерніяхъ возведено болѣе трехсотъ новыхъ костеловъ, а русскіе храмы гниютъ и разрушаются. Да зачастую случается и такъ что умереть священникъ или выбудетъ куда, храмъ упраздняется, или хорошо еще коли лишь нѣсколько мѣсяцевъ останется безъ настоятеля, тогда какъ въ латинскихъ костелахъ при каждомъ по три, по четыре ксендза.

— Къ чему же всѣ эти старанія на счетъ крестовъ и костеловъ? спросилъ Хвалынцевъ.

— Какъ къ чему? понятное дѣло! возразилъ священникъ:—къ тому чтобы придать дѣлому краю какъ можно болѣе католическую, сирѣчь, польскую вѣвшность. Ну вотъ напри- мѣръ хоть вы, новый, свѣжій человекъ произжаете, смотрите на все это и думаете себѣ: а и вправду вѣдь страна-то совсѣмъ польская выходитъ! Но тутъ не одни произжіе, а вѣчто поважнѣе, позначительнѣе въ виду имѣется: на этой вѣвшности строятся политико-историческія притязанія-сь!

— Но если массы народа почти на половину остаются православными? возразилъ Хвалынцевъ.

— Нѣтъ-сь извините, поболѣе гораздо чѣмъ на половину! оспорилъ отецъ Сильвестръ,—да вѣдь это въ глаза-то никому не кидается, а *крыжъ*, да костелъ — такъ-сказать вопіють. Ну, и притомъ, при императорѣ Александрѣ I, да и въ прошлое десятилѣтіе тоже, особенно въ глухую пору Крымской войны, здѣсь по всему краю большія совращенія бывали; помѣщики и ксендзы насильно, истязаніями отрывали народъ отъ церкви. Поль безъ панскаго разрѣшенія не смѣлъ даже крестить крестьянскаго православнаго младенца. Бывали примѣры что дѣлый приходъ, въ тысячу душъ, подобными путями присоединялся къ латинству. Вѣдь здѣсь, государь мой, костелъ и Польша суть синонимы; стало-быть дѣло понятное!

И священникъ снова взволнованно заходилъ по горницѣ.

— Ну, а школы каково идутъ здѣсь? послѣ нѣкотораго молчанія осведомился Хвалынцевъ:—вотъ вамъ вѣрное и хорошее средство противъ пропаганды!

— Казенныя школы плохо идутъ; но панскія и ксендзовскія школки—отлично, отвѣчалъ отецъ Сильвестръ.

— Что жь такъ?

— А то что крестьянамъ съ костельныхъ кафедръ, не говоря уже о конфессіоналахъ, именовъ Бога запрещается отдавать ребятъ въ казенныя сельскія школы. Гдѣ православныя приходы, тамъ идутъ еще кое-какъ, но тоже плохо, потому что и посредники, и помѣщики, и становые, и старшины иныя, все это прелятствуетъ, всячески придирается, тормозитъ все дѣло. Кое-какъ боремся однако. Вы думаете, даромъ что-ли паны-то нынѣ такъ часто между собою собираются? — продолжалъ онъ снова останавливаясь предъ Хвалынцевымъ:—вы думаете что это они и въ правду для кермаша или для полеварья понаѣхали?

— А для чего? спросилъ Константинъ.

— Кермашъ или полеварье—это только благовидные прелюди, пояснилъ отецъ Сильвестръ, а дѣло-то въ томъ что панство да шляхтянство нынѣ по всему краю собирается. Это у нихъ все свои сеймики окреговые *, да повятовые ** идутъ; все, видите ли, насчетъ плановъ о будущемъ повстаньи совѣщаются, какъ бы дѣйствовать дружиѣ. Это вотъ что-сь!

— Ну, что жь, это понятно, если они общее дѣло затѣвуютъ, возразилъ Хвалынцевъ.

— Какъ же не понятно! отчасти злобно воскликнулъ отецъ Конотовичъ:—слишкомъ даже хорошо понятно! Одни только слѣпорожденные наши, кажись, ничего не видятъ и не понимаютъ... А впрочемъ не ошибайся бы въ расчетъ,—вѣско и многозначительно проговорилъ отецъ Конотовичъ,—прави, народъ забить, народъ задавленъ, но... пока народъ не умеръ окончательно, пока не разложился духовно, онъ только не болѣе какъ прижатая стальная пружина... повстанье отпустить эту пружину и она отпрянетъ. Отпрянетъ тѣмъ сильнѣе чѣмъ больше ее нажимали.

Отецъ Конотовичъ произносилъ эти слова голосомъ твердаго и глубокаго убѣжденія. Сжатая брови его нервически дрожали, взоръ горѣлъ, а узловато-костистый указательный палецъ крѣпко сжатаго кулака угрозиво и выразительно постукивалъ о край стола. Видно было что внутри этого

* Округные.

** Уѣздные.

человѣка много уже и накопѣло, и наболѣло, и теперь, какъ возмущенная стоячая вода, все поднялось наружу, и какъ вода же крутило и мутило на взволнованной поверхности.

— Не дай Богъ, конечно, продолжалъ онъ,—но если будутъ продолжать глядѣть на насъ какъ на Польшу, не дай Богъ, говорю, но... не поручусь чтобы здѣсь не повторилось нѣчто подобное галиційской рѣзвѣ 46 года! Хлопъ покорежь, но онъ свирѣль бываетъ!...

На нѣсколько минутъ воцарилось полнѣйшее молчаніе, только и слышно было какъ скворецъ встряхивался порой крыльями, да канарейка изрѣдка чиликая тихимъ, короткимъ высвистомъ, перепархивала съ донца на жердочку, съ жердочки на донце, гдѣ чистила свой носикъ и, долбя имъ, поклеивала конопляное сѣмя. Отецъ Сильвестръ, понуря голову и попрежнему заложивъ руки въ карманы подрясника, съ похмурымъ лицомъ, ходилъ по комнатѣ, а Хвалынцевъ неподвижно сидѣлъ въ креслѣ, облокотясь на столъ и подперевъ руками голову. Онъ почувялъ глубокую искренность и правду во всемъ что говорилъ отецъ Сильвестръ и глубоко задумался надъ его словами. Пелена все болѣе и болѣе спала съ глазъ его, но вмѣстѣ съ этимъ все безвыходнѣе представлялось ему собственное положеніе....

— Словомъ, все ложь, ложь и ложь! вездѣ и повсюду! проговорилъ вдругъ, какъ бы въ заключеніе всего сказаннаго, отецъ Сильвестръ, оставаясь по срединѣ комнаты:— Это даже и не заговоръ, а просто какая-то мерзкая подпольная интрига; про Польшу—не знаю, но здѣсь, въ этомъ краѣ, по крайней мѣрѣ, одна интрига съ самыми дурными цѣлями!

Хвалынцевъ поднялся съ мѣста подъ впечатленіемъ вновь посѣтившей его мысли.

— Послушайте, отецъ Сильвестръ, началъ онъ:—все что вы мнѣ говорили до того для меня ново что я просто пораженъ. У насъ, въ Россіи, вѣдь никто и не подозреваетъ ничего подобнаго! Мы вѣдь и понятія объ этомъ краѣ не имѣемъ.

— Гдѣ вамъ тамъ имѣть! Стань ли тамъ, въ Россіи, нами заниматься! съ горечью перебилъ священникъ.

— Ну, вотъ то-то же и есть! по словуцѣ, батюшка: дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ.

— Для глухой и слѣпой матери и плачь не плачь, все едино! махнулъ тотъ рукой.

— Ну, вотъ оттого-то что она глуха, подхватилъ Хвалын-

цевъ:—ей и надо кричать, — погромче кричать, чтобъ услышала! Кричать всѣми силами лока не услышитъ наконецъ. Отчего, напримѣръ, вы, зная и переживъ, и переживавъ такъ много, между тѣмъ, молчите? Не грѣхъ ли это?

Священникъ подыалъ на него удивленный взглядъ.

— А что же, по вашему мнѣнію, я долженъ дѣлать? глухо спросилъ онъ.

— Что? Писать! печатать! во всеуслышанье, на весь грамотный людъ! Въ Россіи есть честные журналы и газеты; они дадутъ вамъ мѣсто. Вотъ что дѣлать!

— Вотъ оно что! съ горько-злобною ироніей ухмынулся отецъ Ковотовичъ:—писать, вы говорите... Хм! А я вамъ скажу, государь мой, что были у насъ эти писатели; одного изъ нихъ я самъ даже нѣкогда лично знавалъ, но судьба его, по милости писанья, оказалась очень плачевна. Изъ него усердные чиновники сдѣлали яко бы шпіона, лжедонщика, безпокойнаго человѣка, смутьяна; тягали, тягали по сѣвѣ ствіямъ, по тюрьмамъ, да и кончили тѣмъ что административнымъ порядкомъ съ жандармами спровадили изъ края въ дальній, глухой монастырь на пожизненное заточеніе. Вотъ оно, каково у насъ писательство-то кончается! Да не въ этомъ сила!—прибавилъ онъ многозначительно, съ сознаніемъ всей важности и серіозности своей мысли:—у насъ теперь стоитъ на череду настоящее, не терпящее дѣло поважнѣе всякаго писательства. Намъ надо народъ соблюсти,—это главное. Это наша святая задача. Соблюсти его Богу и землѣ родной вѣрно и честно. А кто блюсти-то будетъ? Все тотъ же, не примите за похвальбу, все тотъ же полъ сиволалый. Видно ужъ и въ самомъ дѣлѣ говорится не даромъ что „лабанъ для лапа, а полъ для хлопа“! заключилъ онъ уже съ мягкой, полувеселою улыбкой.

Въ эту минуту въ комнату вошелъ батракъ, и остановился у двери.

— Что скажешь, хлопчъ?

— Нема коней, лапе ойче, объявилъ онъ:—шукау, шукау,* да ни кто не вязецъ...

— Что такъ? удивился священникъ.

— А такъ! Больно всѣ встревожены. Еде съ вѣчора

* Искать.

сютскій ходилъ по хатамъ, да народъ ка раду* у панскій дворъ озывалъ чтобы всѣ шли туда раннимъ утромъ.

— Что тамъ за рада? Это на сходъ, пояснилъ онъ Хвалынцеву.

— А кто его знаетъ что то тамъ тако, отозвался батракъ:— когда я бѣжалъ, то Жиды говорили что бунтъ какой-то... Все село тамъ!

— Бунтъ!... Что за вздоръ! нахмурясь проговорилъ отецъ Сильвестръ и вопросительно поглядѣлъ на Хвалынцева.

— Говораць бунтъ, подтвердилъ работникъ!

— Ну хорошо! Ступай себѣ!

Тотъ не слышно удалился.

Священникъ поллотаѣе приперъ за нимъ двери.

— Надо, однако, пойти, посмотрѣть, узнать что тамъ такое, берясь за шалку, сказалъ Хвалынцевъ.

— Штука извѣстная! махнулъ рукой отецъ Сильвестръ,— они вѣдь все телерь стараются бить на бунты! Но готовъ телерь прозакладывать что хотите,—сто противъ одного пойдю, прибавилъ онъ съ силой глубокаго и прочнаго убѣжденія,— что никакого бунта вѣтъ! Панская штука-сь! И будь я не лопъ Сильвестръ, если все это не кончится воинскою экзекуціей! Вотъ посмотрите! Только къ тому вѣдь и клонятъ.

Хвалынцевъ дружески съ нимъ разстался и пошелъ въ усадьбу съ намѣреньемъ въ послѣдній разъ, но уже рѣшительно, побудить Василія Свитку къ скорѣйшему отъѣзду—сегодня же.

XV. Одинъ изъ тысячи хлопскихъ бунтовъ того времени.

Подстрекаемый понятнымъ любопытствомъ, Хвалынцевъ слышно вернулся въ усадьбу. Предъ панскою конторой стояла толпа хлопозъ состоявшая исключительно изъ однихъ „господарей“ или хозяевъ, такъ какъ батракамъ и безземельнымъ тутъ нечего было дѣлать. Въ толпѣ, по обыкновенію, гадѣли и горлачили какъ и на всякой мірской сходкѣ. На крылечкѣ стояли посредникъ въ золотой цѣли и ланъ Котырло; поэтому хлопозы во все время пребывали съ почтительно обнаженными головами. Становой или „ассессоръ“ ланъ Шпарага

* Совѣщаніе.

который вчера тотчасъ же послѣ полеванья уѣхалъ по службѣ въ одну изъ ближнихъ волостей, а нынѣ утромъ нарочно возвратился въ Червлёны, стоялъ теперь тоже на крылечкѣ, нѣсколько позади пана Котырло и Селявы, которые хранили его здѣсь на всякій случай, какъ бы въ видѣ резерва. У самыхъ ступенекъ, предъ крыльцомъ, занимали мѣсто личности наиболѣе толковитыя и вліятельныя между крестьянами, и между ними конторскій писарь, панъ Михаль, староста, сотскій и десятскіе, волостной писарь и волостной старшина; всѣ съ кнутиками или съ лосотками являвшими собою знакъ данной имъ власти. Панъ Михаль избралъ свой постъ предъ ступеньками съ особенною цѣлью — подмѣчать спорщиковъ и говорунуновъ наиболѣе несогласныхъ съ предложеніями пана и посредника. Этимъ спорщикамъ, въ случаѣ неблагополучнаго для хлоповъ исхода всего дѣла, конечно, предстояла весьма печальная перспектива, какъ зачинщикамъ и подстрекателямъ, и хлопы очень хорошо понимали роль пана Михала, и потому косились на него крайне боязливымъ и недружелюбнымъ образомъ. Но панъ Михаль, какъ истый лавскій мевреть, чувствовалъ всю свою *потенцію*, особенно въ присутствіи самого *наиласнѣйшаго* пана, и потому изборажалъ полнѣйшее и даже презрительное равнодушіе къ недружелюбнымъ взглядамъ и пошелтываньямъ хлопской *громады*.

Посредникъ уговаривалъ хлоповъ покончить съ уставною грамотой, подписать ее, согласиться съ предложеніями пана, который де самъ не желаетъ школы, словомъ, кончить все это скорѣе, теперь же, безъ всякихъ споровъ, за что платитъ своей ласкѣ, жалуется имъ на всю громаду десять велецкой водки.

Громада не соглашалась, и на всѣ разпросы посредника, минаясь, отвѣтствовала одно только что „намъ де такъ, вамъ великое величество, незгодно“.

И долго Селява-Жабчинскій не могъ добиться толку почему именно „незгодно“. Громада, очевидно, была себѣ на умѣ, и затруднялась высказать свои опасенія и всѣ тѣ мысли и думки, что лежали у нея на душѣ. На всѣ краснорѣчивыя и сглазительныя увѣренія посредника въ громадѣ выказывалось одно общее недоувѣріе и сомнѣніе которое можно было прочесть на каждой хлопской физиономіи.

Посредникъ все добивался отчего они не хотятъ подписывать уставную грамоту.

— Та что жь, ваше великое величество, кабы мы ее знали какая тамъ она, отозвался наконецъ одинъ голосъ изъ толпы:—а то вашество все до насъ: „лишите, да лишите“, а что лысано ѿ что лысать мы и не знаемо.

— Да грамоту жь, досадливо пояснилъ Селява.

— Такъ покажите намъ ее.

— Такъ развѣ въ васъ вѣры нѣту?

— Э, не, ясновельможный, не то, а такъ... заминалась и почесывалась громада, не рѣшаясь отвѣтить прямо что дѣйствительно въ ней вѣры нѣтъ.

— Вы, громада, ласково ублажалъ Селява:—вы лану свѣму вѣрите якъ лану Богу... Панъ не ошукаецъ. *

— А такъ; мы ѿ вѣримо... Полокажите эту грамоту.

Селява увѣрялъ что это совершенно излишняя процедура, что онъ на словахъ выяснитъ имъ всѣ статьи и пункты, и что самую грамоту будутъ видѣть въ конторѣ выборные отъ громады и всѣ тѣ которые станутъ ее подписывать и класть кресты. **

— А мы хотимъ кабы то при всей громадѣ было, настаивали хлоплы.

Посредникъ уклонялся отъ послѣдняго требованія, и такимъ образомъ дѣло уже сколько времени не двигалось ни взадъ, ни впередъ.

Видѣвшаяся становой и съ начальственными покрикиваніями объявилъ имъ что это съ ихъ стороны не болѣе какъ упрямство и явное нелокорство власти посредника.

Хлопы приниженно кланялись, но на подпись грамоты, въ тѣхъ условіяхъ какъ было имъ предлагаемо, согласія своего все-таки не давали.

— Эге, да это бунтъ, заголосилъ ланъ Шпарага:—бунтовщики!... Здравйцы!... *** Въ кандалы всѣхъ забью!... Въ лозы

* Не обманеть.

** Неграмотные обыкновенно пишутъ своею рукою три креста, противъ которыхъ писарь отмѣчаетъ имя приложившаго руку. Такие кресты, на основаніи закона, равносильны собственноручной подписи.

*** Измѣнники.

прійму!... Всѣхъ въ Сибирю отправлю!... Вы бунтовать, канальи!... Вы власти, вы закона не слушаться, бестіи!... Вотъ я вамъ!...

Хлопы въ первую минуту оторопѣли было при видѣ податыхъ и угрожающихъ кулаковъ лана „ассессора“ и при его неистовыхъ взвизгиваньяхъ и крикахъ, но потомъ одумались и уже молча выслушивали потокъ его угрозъ, покорно склонивъ свои обнаженные головы.

— Ну, если по-вашому бунтъ, такъ пускай бунтъ, а по-вашему ни... Мы сваему Царю не *здразимо*. * послышались голоса въ хлопской громадѣ.

Но однихъ возгласовъ лана становаго было совершенно достаточно для того чтобъ ихъ подхватили кое-кто изъ ланской двораи, а отсель переняли, по принадлежности, вездѣшущіе, всезнающіе Жидки—и вотъ чрезъ какія-нибудь четверть часа тревожная вѣсть о хлопскомъ бунтѣ успѣла уже изъ конца въ конецъ облетѣть все мѣстечко.

Дѣло межъ тѣмъ ни на шагъ не подавалось. Крестьяне смутно чужали какой-то обманъ, какую-то неправду затѣянную противъ нихъ, и потому крѣпились и настаивали чтобы имъ во очію была показана уставная грамота. Рѣшились, наконецъ, вынести и показать имъ бумагу. Хлопы вытолкнули впередъ какого-то Марцина Осташеню, наиболѣе бойкаго грамотея изъ своей среды, съ тѣмъ чтобъ онъ во всеуслышанье прочелъ имъ грамоту.

— Я самъ буду читать, возразилъ посредникъ.

— А выбачайце, * ваше великое величество, лускай укъ будетъ такая ваша малость ланьская, лускай Осташеня чаетъ, потому вся громада Осташеню хочетъ.

Посредникъ однако уклонялся отъ этого требованія различными увертливыми предлогами и никакъ не хотѣлъ вручить грамоту смиренно выпяченному впередъ и смиренно стоявшему Осташеню. Оно и лоятно, потому что словесный уговоръ съ громадой на разверстаніе угодій и условія выкупъ были одни, а въ уставной грамотѣ показаны другіе, то-есть тѣ же, но съ весьма значительными измѣненіями въ пользу помѣщика, сообразно съ фальшаво-составленнымъ въ его пользу имущественнымъ инвентаремъ, и это-то обстоятельство и

* Не *здразимо*—не измѣнимъ.

** Извините.

пану Котырло, ни пану Селявѣ не хотѣлось обнаруживать предъ хлопами. Они оба разчитывали что съ помощью ласковыхъ уговоровъ и десяти ведеръ водки, а въ случаѣ крайности и угрозами становаго, заставятъ хлопозъ зря согласиться на подпись, словомъ, питали сладкія надежды ловкимъ манеромъ обдѣлать телленькое дѣльце съ патриотическою подкладкой, и теперь, благодаря неожиданному упрямству громады, эти надежды начинали колебаться.

Наконецъ, остроумному пану Селявѣ пришла вдругъ одна недуренькая мысль. Онъ кивнулъ пану Котырлу и становаму, и всѣ трое удалились на короткое время въ контору для необходимыхъ совѣщаній. Минуть чрезъ десять оттуда вышли уже только двое: посредникъ съ помѣщикомъ, а панъ ассесоръ заблагоразсудилъ лучше пообождать пока его не потребуютъ опять на крылечко.

— Ну, что жь, громада? Не упирайтесь, опять принимая ласковый тонъ обратился къ міру Селява.

— А то жь какъ мы сказали, такъ и будетъ, непреклонно, хотя и съ обыкновеннымъ покорнымъ видомъ, отвѣтило нѣсколько голосовъ.

— Ну, лускай по-вашему.... Читайте.

И онъ подалъ бумагу Марцину Остапенѣ.

Тотъ не боѣко, но съ видимымъ стараніемъ придать какъ можно болѣе вразумительности своему чтенію, сталъ разбирать грамоту. Громада обступила его со всѣхъ сторонъ и внимательно, боясь проронить хоть единое слово, съ открытыми ртами, съ выпученными глазами и настороженнымъ ухомъ вслушивалась въ слова внятно произносимыя Остапеней. Только время отъ времени, когда статьи грамоты разногласили со словеснымъ уговоромъ, какой-нибудь сосѣдъ исподтишка толкалъ въ бокъ сосѣда и дѣлалъ ему выразительный взглядъ,—деската, смекай-ко! На что другой коротко кивалъ головою: эге, молъ, разумѣемъ!

Когда же чтеніе было кончено, то вся громада раздумчиво понурила головы.

— А вѣдь тутъ въ грамотѣ не то прописано! заговорили нѣкоторые:—не такъ какъ мы згадилисе тогда!...

— Панъ говорилъ что Пацюровское урочище намъ отдаетъ, а теперь и завсѣмъ нѣтъ его!

— И лѣсу нѣтъ ни одного морга, ни кусочка, а вѣдь говорилъ....

— Та ѣ что тамъ лѣсу! Богъ съ нимъ! А и воловъ пасту не гдѣ чтобы какое пастбище, а то ни кусочка.

— Такая жизнь будетъ хуже собачьей.

— Бери просто торбу да посошокъ, да ѣ ходи-себѣ *рабо-ваць гдѣ скориночки*. *

— Вотъ такъ-то, такая-то *прауда паньская!*

Но и это еще было не все что крестьяне лишились тѣхъ луговъ, лѣса и выгона которыми пользовались искони, при помѣщичьемъ правѣ; — въ силу уставной грамоты, больша часть ихъ поселковъ окружалась отмытѣ помѣщичьею землею, а крестьянскія пахоты отведены въ значительной отдаленности, и даже тѣ несчастныя уголья которыя предоставлялись въ ихъ пользованіе были разбросаны Богъ знаетъ гдѣ и какъ и почти всѣ окружены такъ или иначе панскими владѣніями, такъ что для крестьянъ (но никакъ не для помѣщика) выходила ужаснѣйшая черезлодосица, при которой ужъ никоимъ образомъ нельзя было вести самостоятельнаго, правительнаго хозяйства. Потравы при такомъ порядкѣ должны быть и постоянны и неизбѣжны, а за потравы плати безпрестанно *штрафы*, приходи въ вѣчныя столкновения съ паномъ, въ которыхъ всегда останешься виноватымъ.... Но за то подобная несамостоятельность и вообще весь порядокъ дѣлъ такого рода былъ весьма выгоденъ для помѣщика, — во первыхъ тѣмъ что его владѣнія были сконцентрированы, а во вторыхъ тѣмъ что онъ пріобрѣтаетъ отмытѣ гнетъ постояннаго преобладанія надъ хлопами которыя должны будутъ очутиться у своего бывшего пана въ изрядной таки зависимости, съ присоединеніемъ для него, новой и значительно выгодной статьи дохода отъ штрафовъ за потравы.

Сколь ни считали паны этихъ хлоповъ тупыми и забытыми, однако же хлопы сразу поняли что эта уставная грамота затягиваетъ надъ ними мертвую петлю, что изъ огня прежней крѣпостной „панщины“ они вдругъ попадаютъ теперь въ полымя новой и уже безысходной зависимости отъ того же самаго пана.

— Нѣ, ясновельможный, намъ гѣтого подписывать никакъ не можно! заговорили въ громадѣ.—Мы хотимъ чтобы намъ отдали что намъ самъ Царь назначилъ, а большъ того намъ не требуется.

* Рабоваць — просить милостыню. Скориночки — корки хлѣба

Посредникъ, казалось, только этого и ждалъ. Съ ретивостью достойною лучшей участи, сталъ онъ увѣрять хлоповъ что это-то самое и есть все то что имъ слѣдуетъ по закону, по Царскому положенію, и что самая грамота строго составлена въ силу этого лишь царскаго положенія, а что касается обѣщанныхъ угодій: какъ лѣсъ, дуга и выгонъ, то лань, хотя и не обязанъ по закону отдавать ихъ, но охотно подарить ихъ потомъ, со временемъ, изъ своей ланской милости и ласки, и если онъ теперь же не оговариваетъ ихъ въ уставной грамотѣ, то потому только что это бы было противузаконно.

— Нѣ!... не хотимъ мы того! Не требуется намъ ланскихъ подарковъ, загадѣлъ мѣръ:—а намъ что отъ Царя назначено то бы это намъ и дать! Того бы мы только себѣ и хотѣли!... Вотъ что!... А отъ ланскихъ подарковъ ни славы, ни ужитку * вѣту-ти!

И опять идутъ новыя росписанья что Царь именно и велѣлъ отдать имъ только то что проставлено въ уставной грамотѣ.

— А покажите же намъ гдѣ это Онъ про то отписалъ? Въ какомъ письмѣ? отозвались хлопы: — Какъ дадите намъ это письмо, за царскими печатями, такъ ловѣримо, а то и нѣтъ чего понапрасну калякать тутъ!

Но лань Селява-Жабчинскій, несмотря на всю свою изобрѣтательность, въ данную минуту не могъ никоимъ образомъ изобрѣсти „письмо“ подобнаго сорту. Онъ обратился къ лану Котырду, и въ полголоса сталъ съ нимъ совѣтоваться.

Въ это самое время, изъ толпы, выдвинулось цѣлыхъ двѣнадцать человекъ, и всѣ они разомъ бухнули въ ноги предъ крылечкомъ. Это были тѣ самые которые послѣ ланской водки добровольно возжелали перечислиться въ дворовые. Бухнувшись въ ноги, они слезно стали вымаливать чтобы Котырдо „зъ ласки ** своей ланской“ отпустилъ ихъ снова на „господство“, *** что они передумали и желаютъ лучше вылачивать по сорока рублей въ годъ выкупа, чѣмъ по двадцати арендной платы, „абы свою поворотиться на хлопы, бо то наша отъ вѣку батьковщина была“.

* Пользы.

** По милости.

*** Хозяйство.

Но тутъ панъ Котырло и разговаривать не сталъ, а просто прогналъ ихъ вонъ, сказавъ имъ что они „дурни“, своей же выгоды не понимаютъ. Актъ добровольнаго соглашенія былъ вѣдь уже подписанъ и хранился въ его бюро, стало быть, чего же еще ему и разговаривать? Но все-таки онъ былъ недоволенъ тѣмъ что эти дурни, представлявшіе собою цѣлый отдѣльный выселокъ, бросились съ своими мольбами предъ цѣлою громадою, а это обстоятельство могао угрожать тѣмъ что дальнѣйшія выгодныя сдѣлки такого рода, пожалуй, больше у него и не состоятся: охотниковъ не найдется!..

— Я знаю чьи все это штуки, знаю кто васъ науськалъ! погрозилъ онъ имъ пальцемъ, вспомя ненавистнаго *святыхъ* *матыцкего* пола Сильвестра:—Только смотрите какъ бы вамъ съ вашимъ учителемъ не улѣтѣть къ чертямъ, съ веревкой на шеѣ!

Затѣмъ панъ Котырло подозвалъ къ себѣ своего конторщика, пана Михала, который все время неослабно наблюдалъ за хлопскою громадою, и шепнулъ ему что-то на ухо. Тотъ удалился въ контору и черезъ минуту въ сопровожденіи его, выпуская дымъ послѣдней трубочной затяжки, появился оттуда панъ ассессоръ.

— Такъ что жь, панове-громада, возгласилъ при этомъ посредникъ:—не хотите по Царскому положенію согласиться на грамоту?

— Покажите намъ Царское положеніе, чтобы мы его увидѣли! Хоць бы глазкомъ взглянуть на него какое оно! А такъ не можно! отвѣтили въ толпѣ.

— Такъ не хотите? рѣшительно и настойчиво повторилъ посредникъ.

— Та что жь, коли незгодно!

— Въ послѣдній разъ спрашиваю: не хотите?

— Не хочемо, ваше великое величество, пока не увидимъ сами!.. Не хочемо!

— Пане ассессорже! обратился Селява къ Шларавъ:—прошу прислушать: Высочайшаго положенья не принимаютъ *Высочайшаго* положенья!.. Царскому слову вѣры не даютъ!

— Такъ не хотите? повернулся онъ еще разъ къ громадѣ. Въ толпѣ понуро молчали.

Селява еще разъ повторилъ свой томительный вопросъ.

Но онъ остался безъ отвѣта. Тягостное молчаніе, ещ

наже пригнетая долу и безъ того уже понуря, беззащитныя хлопскія головы, всецѣло царило надъ громадой.

— Мы ждемъ послѣдшаго слова! Отвѣчайте! крикнулъ посредникъ.

Прошло еще одно мгновеніе колеблющаго, мрачно-томительнаго молчанія, и вдругъ...

— Не хочемо! однимъ, единодушно-отчаяннымъ вздохомъ и рѣшительнымъ воплемъ вырвалось послѣднее слово изъ груди нѣсколькихъ десятковъ хлопской громады.

— Даже ланъ Селява былъ пораженъ эффектомъ этого единодушнаго вопля. На одно мгновеніе онъ даже поблѣднѣлъ и отшатнулся назадъ; но это продолжалось у него только мгновеніе: онъ въ ту жь минуту совладалъ со собою, и окинувъ покурюю толпу холоднымъ и строгимъ взглядомъ выступилъ шагъ впередъ.

— Э-э!.. да тутъ и точно бунтъ! протянулъ онъ съ какою-то злобющею угрозою:—Такъ вы не только что лану своему законному не покоряетесь, не только что не признавать власти моей и лана ассессора, но даже и Царскому указу противитесь!.. Положенья 19го февраля не признаете... Поче ассессорже! обратился онъ вдругъ къ Шларагѣ, снимая свою цѣль:—мое дѣло кончено. Начинайте! Теперь уже ваше дѣло, лане ассессорже!

Становой не заставилъ долго просить себя. Внутренно и не торопиво засучивъ рукава, причемъ изъ-подъ одного изъ нихъ очень ловко успѣлъ выпустить казацкую нагайку, онъ съ яростнымъ визгомъ, махая въ воздухѣ кулакомъ и своимъ страшнымъ снарядомъ, ринулся на толпу впередъ всею дебетою грудью, локтями, каблукими и колъбаками — и здоровая нагайка въ ту жь минуту лошала гулять по чемъ ни лолада.... Хлопы какъ стадо барановъ, ошалеѣвъ отъ страху и боли, все луце жалиса въ кучу и толкиса на мѣстѣ. Но какъ ни надсѣдалса своею глоткой, какъ ни упражнялса свои мускулы рукъ и ногъ—кромѣ молчанія, нарушаемаго воплями нестерпимой боли, ничега не выходило изъ этой толпы. Хлопы все также ошалеѣло покорно толкиса на одномъ мѣстѣ и жалиса въ кучу.

Наконецъ ланъ Шларага усталъ работать. По его лицу и съ широкой лысины градомъ катилса избытокный потъ. Было мокро и лодъ мышками и за шиворотомъ, но моціонъ всегда приносилъ ему очень большую пользу и притомъ ланъ-ассессоръ

былъ вообще большой любитель руколашныхъ работъ подобнаго рода, а тѣмъ лаче теперь когда этотъ случай, при свидѣтельствѣ посредника и Котырла, заявлялъ столь краснорѣчиво о его безстрашии и мужествѣ въ смыслѣ укротителя бунтовъ. Притомъ и въ глазахъ прекраснаго пола этотъ пассажъ могъ поставить его очень высоко въ томъ смыслѣ что онъ *одинъ*, лишь со своею нагайкой, ни на мгновение не призадумался, храбро ринуться въ „громадную“ толпу взбунтовавшихся хлоповъ. Словомъ, лавъ Шларага вспотѣлъ, лавъ Шларага усталъ, но чувствовалъ себя въ нѣкоторомъ родѣ героемъ, онъ успѣлъ съ избыткомъ удовлетворить жадному чувству своей административной исполнительности и потому былъ „бардзо уконтентованъ“.*

Селява-Жабчинскій снова надѣлъ свою позлащенную цѣпь и выступилъ впередъ на мѣсто удалившагося становаго.

— Такъ что жъ, вы все еще не хотите? возвысилъ онъ къ толпѣ свой голосъ.

Прошелъ моментъ молчанія и вдругъ изъ всей толпы разомъ вырвался все тотъ же прежній вопль:

— Не хочемо!!!...

Но только теперь уже въ немъ слышалась разрывающая грудь, озлобленная, непримиримая, непреклонная и остревнѣлая рѣшимость.

— Маршъ до дому, лайдаки! затопавъ ногами, закричалъ посредникъ:— Не хотѣли добромъ соглашаться, все равно царскіе казаки заставятъ!... Москале не лавы — шутить не будутъ!.. Не хотите лановъ слушать, послушаетесь царскихъ штыковъ. А намъ нечего дѣлать коли приказъ такой. Не своя воля! Царскую жъ волю справляемъ!... Певайте на себя теперь, а мы не виноваты!... Маршъ, говорю до дому, шельмы, неблагодарныя твари!...

И „свободные“ хлопы все также понуривъ въ безпомощномъ раздумьи свои головы, утирая *шику* съ окровавленныхъ лицъ и тихо толкуя о чемъ-то межъ собою не слѣшно лобрели со двора, затѣмъ постояли немного за воротами и наконецъ, небольшими группами стали расходиться по хатамъ.

А въ это время, подъ диктовку Селявы и становаго, лавъ Михаилъ уже строчилъ донесеніе къ разнымъ подлежащимъ

* Очень доволенъ.

властямъ, учрежденіямъ и начальствамъ, о томъ якобы крестьяне Червленской волости, несмотря на кроткія увѣщанія посредника, не желали подписывать уставную грамоту, на которую еще прежде послѣдовало ихъ согласіе, въ чемъ онъ усматриваетъ зловерныя подстрекательства со стороны мѣстнаго православнаго священника. Когда же, наконецъ, былъ изчерпанъ весь запасъ ласковыхъ увѣщаній и строго законныхъ предъявленій, основанныхъ на прямомъ смыслѣ „Положенія“, то крестьяне высказали столь много злостнаго и закоренѣлаго упорства что оказали открытое сопротивленіе власти посредника и становаго пристава, позволивъ себѣ даже кощунственно сомнѣваться въ подлинности Высочайшаго указа и Высочайше утвержденныхъ Положеній; вслѣдствіе чего помѣщикъ находится въ справедливомъ опасеніи не только за собственность, но даже и за жизнь свою и своего семейства. „Во всемъ этомъ, къ прискорбію, нельзя не усмотрѣть, добавляло донесеніе:— явныхъ плодовъ зловерныхъ подстрекательствъ, распространеніе которыхъ все сильнѣе съ вѣкотораго времени замѣчается въ крестьянской средѣ, почему ощущается настоятельная необходимость въ самоскорѣйшей присылкѣ воинской экзекуціи, для огражденія собственности и личности помѣщика, а равно и для возстановленія надлежащаго уваженія къ закону и поправной власти.“

Паны, въ нужныхъ случаяхъ, подобныхъ настоящему, умѣли отлично изъясняться и даже весьма краснорѣчиво писать по-русски. Донесенія и извѣщенія тотчасъ же были отправлены съ нарочными.

Когда Хвильцевъ, озлобленный еще больше вчерашняго, по окончаніи всей этой исторіи, которую онъ видѣлъ и слышалъ только урывками сквозь окно своей комнаты, собрался было предложить Свиткѣ немедленный отъѣздъ изъ „этого проклятаго гнѣзда“, предположивъ сказать ему что въ случаѣ несогласія, онъ самъ немедленно, хотя бы лѣшкомъ, уходитъ отсюда, Свитка вдругъ, къ его крайнему изумленію, самъ сообщилъ что они уѣзжаютъ сегодня же послѣ обѣда.

— Ну, вы обѣдайте, а я съ вами ни ѣсть, ни видѣться больше не стану! Съ меня ужъ слишкомъ довольно! сказалъ Хвильцевъ, ни мало не думая скрывать своего желчнаго прерѣванія.

— Ну, полноте! съ обычною своею ухмылкой притворно и потому притворно-добродушнымъ тономъ началъ Свитка:—

смотрите вы на это нѣсколько иначе, какъ я напримѣръ... Презрѣніе презрѣніемъ, а обѣдъ обѣдомъ!

— Послушайте, перебилъ Хвалынцевъ, ухвативъ его за руку слишкомъ выразительно для того чтобы тотъ не потерялъ значенія и смысла такого положенія:—разъ на всегда: оставьте вы этотъ вашъ тонъ со мною... и вообще не будемте лучше вовсе говорить объ этомъ.. по крайней мѣрѣ, до времени! Я надѣюсь, вы уважите мою просьбу!

Свитка только съ крайнимъ и нѣсколько тревожнымъ изумленіемъ посмотрѣлъ ему прямо въ лицо, что даже было противу его обыкновенія, ибо онъ избѣгалъ вообще прямыхъ взглядовъ и все болѣе косилъ внизъ и въ стороны, и ни сказавъ ни слова, отвернулся и вышелъ изъ комнаты.

Константинъ сталъ собирать свои дорожныя вещи.

Спустя нѣкоторое время казачокъ пришелъ звать его къ завтраку. Онъ приказалъ благодарить. Казачокъ удалился, и вскорѣ вернулся опять, уже съ цѣлымъ подносомъ закусокъ и дымящимся кускомъ ростбифу, но Хвалынцевъ, безо всякой церемоніи, послалъ его къ чорту. Тотъ вылетѣлъ еще быстрее, чѣмъ прилетѣлъ, а злобствующій герой нашъ былъ радъ что хоть на комъ-нибудь и хоть отчасти успѣлъ сорвать кляпъ-шю въ немъ злобу.

Часа полтора спустя Свитка возвратился, посвистывая и поковыривая перышкомъ въ зубахъ; весело, какъ ни въ чемъ не бывало, въ одну минуту собрался въ дорогу—бричка уже стояла у крыльца—и обратясь къ Хвалынцеву сказалъ что можно ѣхать. Тотъ не заставилъ повторять себѣ этой фразы, такъ какъ былъ уже давно готовъ. Наскоро, и притомъ довольно сухо и обоюдно холодно простился онъ на крыльцѣ, не входя даже въ домъ, съ самимъ лавомъ Котырло, вовсе не заботясь о томъ насколько это вѣжливо или невѣжливо, поблагодарилъ его за гостепріимство, попросилъ передать свое почтеніе супругѣ и всѣмъ домашнимъ и—пока Свитка съ чувствомъ лобызался съ лавомъ—прыгнулъ въ бричку и уже ни на что болѣе усиленно старался не обращать никакого вниманія. Поведеніе его, безъ всякаго сомнѣнія, должно было казаться крайне страннымъ, но онъ объ этомъ ни мало не заботился, напротивъ, даже испытывалъ въ душѣ своей, именно по этому самому поводу, какое-то злобное удовольствіе.

Бричка тронулась, и онъ навсегда простился съ остерляпымъ кровомъ Червѣнскаго лава.

Пріятели долго молчали, испытывая каждыйто же самое не-

ловкое чувство недовольства другъ другомъ и обоюднаго недвѣрія которое испытали уже однажды, возвращаясь вмѣстѣ съ лавской охоты. Каждый чувствовалъ, межъ тѣмъ, что надо, необходимо надо говорить много, долго и серьезно, что надо объясниться, наконецъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ—и оба, межъ тѣмъ, молчали, изрѣдка перекидываясь развѣ какими-нибудь ничтожными фразами, не имѣвшими ровно никакого отношенія къ волновавшимъ ихъ мыслямъ и чувствамъ; даже оба притворно старались при этомъ казаться „какъ всегда“, словно между ними ровно ничего не вышло и не прозвучало въ ихъ отношеніяхъ ни малѣйшаго диссонанса.

Въ такихъ натянутыхъ притворныхъ отношеніяхъ прошла вся дорога.

На другой день, подъ вечеръ, остановившись въ одномъ полутномъ мѣстечкѣ кормить лошадей, они встрѣтили подымавшуюся съ привала сотню Донскихъ казаковъ, которые садились уже на своихъ поджарыхъ коней, готовясь выступить въ дальнѣйшій походъ.

— Куда Богъ несетъ? обратился Хвалынцевъ, выѣзая у корчмы изъ брички, къ одному отсталому уряднику, который залавивъ себѣ „носогрѣйку“, грузно перевалился всѣмъ корпусомъ чрезъ сѣдло, взбираясь на свою добрую кляченку.

— На ахсѣкцудью... въ Червлёны, отозвался тотъ не глядя на вопрошавшаго и не выпуская изъ зубовъ коротенькой трубки.—Но ты, стерво! рыкнулъ онъ вслѣдъ за тѣмъ на свою не стоявшую смирно лошадь, влѣпивъ ей въ бока нѣсколько здоровыхъ нагаекъ,—помчался, раскачиваясь въ сѣдлѣ, въ дотопку за сотней, которая обыкновенною казачьею „ходой“ удалялась изъ мѣстечка съ лихою, разухабистою лѣскей:

Съ донскимъ—и молодымъ—и казакимъ-да

Я бы вольмою казачкой была!

съ высвистомъ и гарканьемъ раздавался хоръ здоровыхъ, дюжихъ голосовъ, уже на греблѣ, за шумящею мельницей, и тонкіе подголоски долго еще разливисто звенѣли и дрожали въ чуткомъ, вечернѣющемъ, морозно-ясномъ воздухѣ,—и все дальнее, все тише уходило, терялось и таяло гдѣ-то тамъ, за горюю....

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

В. КРЕСТОВСКИЙ.

СОВРЕМЕННАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИВОПИСЬ

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ЭТЮДЪ

ПО ПОВОДУ ВЪНСКОЙ ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКИ

Въ числѣ идей вліяющихъ на историческое развитіе человѣчества играютъ самую важную роль идеи *религіознаго* свойства. Въ религіи сосредоточиваются взгляды человѣчества на его истинное назначеніе, на его отношеніе къ тому началу бытія которое является законодательнымъ для всего существующаго и держитъ въ своихъ могущественныхъ рукахъ судьбы какъ единиць, такъ и цѣлыхъ народовъ и всего человѣчества. Религія есть стремленіе человѣческаго духа къ сверхъестественному, трансцендентальному, вѣчному, ко всему тому что какъ небо совершенства и истиннаго блага противопоставляется несовершенству и недостаткамъ земли. Вслѣдствіе того съ религіозными воззрѣніями тѣсно связаны всѣ выдающіеся моменты исторической жизни человѣчества. Даже и тѣ стремленія которыя первоначально не имѣютъ религіознаго характера, ограничиваясь вопросами одного земнаго блага, блага социальнаго и политическаго, сочетаются въ исторіи всегда съ религіозными идеями. Это происходитъ по той причинѣ что человѣчество, подвергаясь колебаніямъ исторической борьбы, неспособно равнодушно отдѣлять свое земное бла-

го отъ религиозныхъ воззрѣній на свое вѣчное благо, но, напротивъ, соединяетъ эти два вопроса въ нераздѣльное цѣлое. Въ важныхъ моментахъ исторической жизни, народы никогда не похожи на философа разбирающаго критически значеніе той или другой теоріи, того или другаго отвлеченнаго понятія, но похожи на человѣка ведущаго борьбу на жизнь и смерть, борьбу потрясающую все его существованіе, всѣ его умственныя и жизненныя силы. А въ такомъ-то психологическомъ состояніи человѣкъ, еслибъ онъ и былъ по теоріи атеистомъ, не можетъ однако на практикѣ оставаться равнодушнымъ къ вопросамъ религіознаго свойства, къ вопросамъ о своемъ будущемъ назначеніи, о своемъ отношеніи къ той роковой силѣ которой онъ рано ли, поздно ли долженъ безусловно подчиниться. Согласно вышесказанному мы требуемъ отъ религіозной живописи, кромѣ технического искусства при обработкѣ художественной формы, и глубокаго религіознаго чувства, проникнутаго яснымъ сознаніемъ значенія возвышенныхъ религіозныхъ идей какъ для единицъ такъ и для жизни народовъ и всего человѣчества.

Религіозная живопись нашего столѣтія не занимаетъ особенно завиднаго мѣста въ сравненіи съ другими видами живописи. Напротивъ, вниманіе какъ артистовъ такъ и публики, по причинамъ зависящимъ отъ такъ-называемаго духа времени, обращено болѣе на сюжеты обще-историческаго и бытоваго свойства чѣмъ на сюжеты религіозныя. Тѣмъ не менѣе однако и въ наше столѣтіе развились разныя направленія въ религіозной живописи которыя создали много оригинальныхъ и даже величественныхъ произведеній.

Первый толчокъ къ новому развитію религіозной живописи подали: въ Германіи основатель такъ-называемой школы Назареевъ Овербекъ (Overbeck, род. 1798), а во Франціи главнымъ образомъ Гиполитъ Фландренъ (Flandrin, ум. 1864), ученикъ знаменитаго Энгриличъ. Оба эти художника поставили себѣ главною задачею представить въ своихъ произведеніяхъ искреннюю религіозность, выразить въ нихъ глубокое уваженіе къ религіознымъ преданіямъ и оживить такимъ образомъ искусство духомъ истинной христіанской вѣры. Образцомъ служить для нихъ великій художникъ XV столѣтія, Фра Джованни да Пизоле (1387—1455), котораго творенія искренностью религіознаго чувства выражающагося въ нихъ и по настоящее время возбуждаютъ въ насъ самыя сердечныя и

не смущенныя борьбою и сомнѣнiемъ религіозныя чувствованiя. Въ этомъ же духѣ написаны главныя произведенiя извѣстныхъ художниковъ Эмануила Амори-Дюваль (Amaury Duval, род. 1808), ученика Энгера, и Иосифа Фюриха (Fühlich, род. 1800), главнаго представителя школы Назареевъ въ наше время. Эти послѣднiе художники приняли участiе и въ Вѣнской всемирной выставкѣ; но отъ перваго изъ нихъ мы имѣли на выставкѣ лишь одну картину, не заслуживающую особеннаго вниманiя (*Etude d'enfant, Дитя играющее съ куклою*); Фюрихомъ же выставлены были произведенiя извѣстныя публикѣ гораздо болѣе десяти лѣтъ, несмотря на то что по программѣ выставки допускались лишь произведенiя послѣднихъ десяти лѣтъ. Таковы прелестныя картины Фюриха: *Блудный сынъ, Ома Кемпнiйскiй, Св. Иоаннъ Непомукъ*, а кромѣ того картины писанныя масляными красками: *Христосъ съ учениками и Марiя съ путешественнми* (*Gang Maria's über das Gebirge*). Въ эти произведенiя Фюриха отличаются глѣбокимъ религіознымъ чувствомъ и возвышенностiю композици, но имъ не достаетъ энергiи и живости. Для характеристики этого направленiя укажемъ, въ видѣ примѣра, на послѣднiя двѣ картины Фюриха, помѣщенныя въ австрiйскомъ отдѣленiи выставки.

Картина *Христосъ съ учениками* представляетъ Спасителя на дорогѣ въ Эммаусъ при закатѣ солнца. Мистическая свѣтотѣнь покрываетъ всю картину какъ бы туманомъ. Черты лица какъ учениковъ, такъ и Спасителя дышутъ благородствомъ и возвышенностiю, выражая однако не столько свѣжесть и энергiю, сколько лирическую мягкость и задумчивость. Важность и торжественность композици, равно благородство характеристики фигуръ — неоспоримыя достоинства этой картины; но она не дѣйствуетъ на зрителя съ надлежащею силою и ясностiю какъ по туманности идеи составляющей содержанiе ея, такъ и по нѣкоторымъ техническимъ недостаткамъ, къ которымъ принадлежатъ главнымъ образомъ отсутствiе чистыхъ и яркихъ цвѣтовъ и неопредѣленность колорита.

Сюжетъ второй изъ картинъ Фюриха соответствуетъ болѣе его религіозному романтизму, почему она является болѣе характеристическою, ясною, опредѣленною. Картина эта представляетъ Матерь Божию на пути въ Виллеемъ. Съ выраженiемъ небесной чистоты на лицѣ, напоминающемъ Мадонны Фиезоле, Она идетъ смиренно къ своей цѣли, пред-

чувствуя божественное назначение которое ждет ее въ Вифлеемѣ. Ангелы усылаютъ дорогу ея розами; за нею же слѣдуетъ Іосифъ, подвимающій съ сердечнымъ простодушіемъ одну изъ розъ, брошенныхъ ангелами. Вся композиція отличается простотою, и притомъ оживлена какъ свѣтлымъ колоритомъ, такъ и разнообразіемъ цвѣтовъ, переходящихъ даже отчасти въ нестроту.

Въ совершенно другомъ направленіи, подходящемъ болѣе къ рационалистическому и скептическому духу новѣйшаго времени, развита религиозная живопись французскими художниками Делакруа (Delacroix, 1797 — 1863) и Гораціемъ Верне (Vernet, 1798—1863). Они принадлежатъ къ знаменитѣйшимъ представителямъ натуралистической школы въ живописи. Натуральность, характеристичность, соответствующая вплоть дѣйствительности, — вотъ что руководило ими при обработкѣ религиозныхъ сюжетовъ. Картины ихъ не возбуждаютъ въ зрителѣ религиозной тоски по чьей-то сверхъестественномъ, но представляютъ намъ религію какъ явленіе земное, натуральное, не отличающееся существенно отъ всѣхъ другихъ проявленій духовной жизни человѣка. Такъ, напримѣръ, картины Горація Верне съ сюжетами взятыми изъ Библии не имѣютъ, строго говоря, религиознаго характера. Это картины этнографическія, представляющія въ изящной формѣ характеръ и бытъ древняго Іудейскаго народа, съ физиономическою и археологическою точностью, но безъ всякаго религиознаго одушевленія. Что же касается религиозныхъ картинъ Делакруа, то несмотря на то что уже десять лѣтъ прошло послѣ смерти этого знаменитаго художника, мы видѣли однако на Вѣнской выставкѣ нѣкоторыя изъ его лучшихъ религиозныхъ произведеній, каковы: *La mort du Christ*, *Jésus endormi dans la barque*. *Le Christ au tombeau* и *Saint-Sébastien secouru*. Всѣ эти картины дѣйствуютъ на зрителя какъ изяществомъ своего колорита, такъ и силою реалистической истины и точности.

Смерть Христа и *Христосъ во гробѣ*, Делакруа, картины небольшія, не отличаются особенно возвышеннымъ религиознымъ пониманіемъ избранной темы, но за то представляютъ намъ смерть съ такимъ ужасающимъ правдоподобіемъ что всматриваясь внимательно въ эти картины чувствуешь вплоть до чего смерть противна нашему духу, какъ видъ ея рождаетъ въ насъ лишь чувство огорченія, глубокаго негодованія,

то-есть чувствуешь все то что чувствовалъ Гамлетъ на кладбищѣ, разсуждая о черепѣ Александра Великаго и Юрика. Но какъ Гамлетъ огорченный мысляю о смерти бросаетъ на землю черепъ любимаго Юрика, такъ и мы отвращаемся отъ приведенныхъ картинъ Делакрыа и съ уныніемъ спрашиваемъ себя: таковъ ли конецъ нашего существованія? всѣхъ нашихъ желаній и стремленій, всего труда жизни, всей нашей борьбы за существованіе и совершенство? Художникъ - реалистъ не даетъ намъ отвѣта на всѣ эти вопросы: въ его мрачныхъ картинахъ смерти нѣтъ ни одного свѣтлаго пункта, ни одного луча способнаго успокоить взволнованное сердце.

Еще менѣе можетъ удовлетворить зрителя *Св. Севастіанъ* того же художника. Святой Севастіанъ представленъ привязаннымъ къ столбу и унизанъ стрѣлами, вонзившимися въ его тѣло. Выраженіе лица и все тѣлоположеніе обнаруживаютъ ужасныя страданія съ реалистическою вѣрностію. Двѣ женщины представлены прибѣжавшими къ святому на помощь; одна занята вниманіемъ стрѣлъ изъ ранъ, другая не оглядывается и, какъ кажется, сторожитъ не идутъ ли варвары помѣшать ихъ милосердому подвигу. Обѣ дѣлаютъ свое дѣло съ такою увлекательною градіею, чуть не мажорестію, что нельзя сомнѣваться въ томъ что мы имѣемъ предъ собою изящную колію французскихъ дамъ лучшаго общества. Но при всемъ реализмѣ какъ страданій святого, такъ и вѣрности милосердыхъ женщинъ, картина не производитъ истинно художественнаго впечатлѣнія. Видъ страданій святого положительно отвратителенъ, потому что представляетъ намъ одну лишь физическую сторону ихъ; такъ страдаетъ любой преступникъ, но не человекъ преданный идеѣ, не святой. Равнымъ образомъ и женщины не возбуждаютъ въ насъ никакихъ возвышенныхъ идеальныхъ чувствъ, потому что имъ самимъ недостаетъ идеальной преданности своему дѣлу, въ ихъ глазахъ и движеніяхъ не видно ни слѣда того идеальнаго вдохновенія которое единственно могло бы психологически мотивировать какъ энергію, такъ и самоотверженіе, необходимыя при исполненіи подобнаго тяжелаго дѣла милосердія.

Ежели мы послѣ вышесказаннаго вспомнимъ еще о направленіи даннаго религиозной живописи знаменитымъ нѣмецкимъ художникомъ Петромъ Корнелиусомъ, имѣющимъ въ виду главнымъ образомъ величіе религиознаго стиля, равно вспомнимъ объ оригинальномъ голландскомъ художникѣ Ари Шеф

феръ (1795—1858), который стремился примирить глубокое религиозное чувство съ естественностію и истиною реализма, тогда мы получимъ ясное понятіе о всѣхъ тѣхъ историческихъ элементахъ которые непосредственно подѣйствовали на младшее поколѣніе художниковъ при обработкѣ религиозныхъ сюжетовъ. На эти элементы нужно было указать хоть вкратцѣ чтобы выикнуть въ характеръ главнѣйшихъ произведеній современной религиозной живописи и оцѣнить что въ нихъ перенято и что составляетъ ихъ оригинальное начало.

Изъ всѣхъ религиозныхъ картинъ Вѣнской всемірной выставки поражали каждаго посѣтителя главнымъ образомъ три картины, помѣщенные въ центральной залѣ художественнаго отдѣленія, именно: Канона, *Ложка Св. Иоанна* (Canon, *Die Loge Johannis*), Вирца, *Паденіе Ангеловъ* (Wiertz, *La chute des anges*) и Семирадскаго, *Грѣшница*. По замѣчательному стеченію обстоятельствъ три лучшія религиозныя картины выставки принадлежатъ тремъ племенамъ европейской народной семьи: германскому, романскому и славянскому, и каждая изъ этихъ картинъ обнаруживаетъ до известной степени племенной характеръ художника.

Сюжетъ картины Канона, профессора Штутгартской академіи художествъ, слѣдующій: На престолѣ занимающемъ центръ картины сидитъ Моисей указывая на скрижали заповѣдей, съ выраженіемъ на лицѣ глубокой важности и величія. На его колѣняхъ лежитъ книга Ветхаго Завѣта, на которой тоитъ младенецъ Христосъ, съ крестомъ въ рукахъ—символьоваго Завѣта милости и любви, опирающагося на Ветхій Заѣтъ закона и справедливости. У ногъ Моисея и Христа стоятъ представители четырехъ главныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій: съ правой стороны еписколъ англиканской церкви, въ срединѣ папа въ тиарѣ и греческій патріархъ въ митрѣ, а въ полномъ облаченіи, наконецъ съ лѣвой стороны представитель протестантской церкви въ простомъ черномъ одѣянн. Сей послѣдній держитъ въ рукахъ открытую книгу Новаго Заѣта, на страницахъ которой начертана сущность ученія Христа: „Возлюбите другъ друга“. На всѣхъ этихъ четырехъ характеристическихъ лицахъ выражается глубокое благочестіе, истинный духъ религиозности, приликающій каждаго изъ нихъ до глубины сердца. Соединительнымъ звеномъ между

небесными представителями религіознаго духа, Моисеемъ и Христомъ, и представителями земными, служатъ именно Св. Іоаннъ Креститель, который стоитъ подлѣ Христа, покрытый одною звѣриною шкурою и указываетъ правою рукою на слова Новаго Заветѣ высказывающія основную идею художника: „Возлюбите другъ друга“.

Вся композиція производитъ на внимательнаго зрителя глубокое впечатлѣніе какъ своею идеею, такъ и простотою и искренностью ея выраженія. Художникъ не могъ ни глубже, ни вѣрнѣе, ни проще выразить идею существеннаго единства всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, идеальнаго требованія чтобъ они составляли одну семью, проникнутую духомъ истиннаго христіанства, духомъ взаимной любви и терпѣнія. Эта идея высказывается въ наше время очень часто людьми отвергающими всякую религію, людьми утверждающими даже что религія мѣшаетъ главнымъ образомъ осуществленію принципа взаимной любви и терпѣнія, и что этотъ принципъ водворится въ человѣчествѣ лишь съ устраненіемъ всякой религіи. Къ сожалѣнію, защитники подобнаго мнѣнія могли слишкомъ часто указывать на варварскую нетерпимость разныхъ религіозныхъ партій и историческими фактами поддержать свое воззрѣніе. Такимъ образомъ случалось что принципъ терпимости признанъ былъ многими принципомъ противнымъ религіи, антирелигіознымъ. Представители религіи слишкомъ часто забывали о немъ, а противники воспользовались имъ противъ нея. Художникъ же, не защищающій никакой партіи, но отстаивающій общіе идеалы человѣчества, высказываетъ эту идею, не въ формѣ рационалистической противной религіи, не въ формѣ односторонняго догматизма, но въ художественномъ образѣ. Истинный художникъ стоитъ выше всякихъ партій, всякой односторонности. Онъ проникнутъ идеаломъ терпимости, идеаломъ соединенія всѣхъ высшихъ стремленій человѣчества въ общее направленіе, и потому онъ не думаетъ обижать кого-либо. Онъ уважаетъ убѣжденія и традиціи, именно на основаніи принципа терпимости, и потому представляетъ всякаго въ его индивидуальномъ видѣ, въ видѣ соответствующемъ его исповѣданію. Но это уваженіе къ воззрѣніямъ и формамъ каждаго вѣроисповѣданія не затемняетъ въ нашемъ художникѣ его общаго идеала, который онъ высказываетъ именно при посредствѣ общей исторической традиціи всѣхъ христіанскихъ вѣ-

исповѣданій. Онъ указываетъ на сущность ученія Христа, Главы христіанской семьи; на ученіе о любви къ ближнему. Такимъ образомъ принципъ терпимости является теоретическимъ, идеальнымъ началомъ *est* христіанскихъ вѣроисповѣданій, началомъ которое должно быть осуществлено и на *практикѣ* каждымъ кто хочетъ явиться достойнымъ имени христіанина. Истинная религиозность не противна терпимости, но напротивъ требуетъ ея — вотъ идея, вотъ возвышенное, идеальное содержаніе представленной картины.

Что касается вѣдшей стороны этого произведенія Канона, то она въ сравненіи со школой Овербека представляетъ большой прогрессъ идеальной религиозной живописи. Изъ всего видно что высоко талантовый художникъ усвоилъ себѣ достоинства какъ натуралистической, колористической, такъ и идеальной, стилистической школъ насколько это было нужно для полного художественнаго выраженія избранной имъ идеи. Правда, ни общій колоритъ, ни отдѣльные цвѣта не представляютъ той яркости и живости которыя мы привыкли видѣть у натуралистическихъ художниковъ. Напротивъ, нѣжность и мягкость цвѣтовъ, отсутствіе всякихъ свѣтовыхъ контрастовъ, имѣеть слѣдствіемъ что картина Канона съ перваго взгляда не производитъ особаго эффекта по отношенію къ колориту и освѣщенію. Но зато гармоническое равновѣсіе цвѣтовъ, равномерное распредѣленіе ихъ по всему полотну, свѣжій желтоватый тонъ проникающій всю картину въ видѣ какого-то спокойнаго пламени, доказываютъ наглядно что художникъ владѣетъ вполнѣ всеми средствами колористической техники, и что онъ отказался отъ всякихъ эффектовъ лишь ради высшихъ художественныхъ цѣлей, то-есть лишь для того чтобъ яркостью колорита и цвѣтовъ не ослабить дѣйствія рисунка, исполненнаго энергіи и характера, въ духѣ величественнаго, религиознаго стиля. Нельзя бывать что слишкомъ живые цвѣта отвлекаютъ вниманіе зрителя отъ самой композиціи, и потому художникъ желающій сосредоточить нашу мысль именно на композиціи долженъ стремиться поразить насъ изяществомъ колорита, иначе картина его подѣйствуетъ только на вѣдшее чувство зрѣнія, несколько не возбуждая въ духѣ нашемъ интереса къ ея содержанію. Канонъ понималъ это очень хорошо, потому пожертвовалъ эффектами колорита ради идеи, и потому эти эффекты гармоніею цвѣтовъ и изяществомъ

рисунка. Такимъ образомъ произведеніе составляетъ гармоническое цѣлое, дѣйствующее на насъ какъ возвышенностью идеи, такъ и характеристичностью выраженія. По этимъ-то достоинствамъ, встрѣчающимся довольно рѣдко, картина Канона *Лужа Св. Иоанна* должна быть признана однимъ изъ лучшихъ, ежели не самымъ лучшимъ произведеніемъ современной религіозной живописи; въ ней сочетаются гармонически главные художественные элементы прошедшаго: искренность религіознаго чувства, изящество внѣшней формы и спокойствіе религіознаго стиля. Картина Канона прибрѣтена императоромъ Австрійскимъ.

Вторая изъ вышеприведенныхъ религіозныхъ картинъ писана извѣстнымъ бельгійскимъ художникомъ Антономъ Вирцемъ (1806—1863), который по его собственнымъ словамъ поставилъ себѣ задачею превзойти, если бы возможно было, Рубенса и Микель Анджело. Еще въ 1835 году Вирць написалъ въ Римѣ картину представляющую борьбу Грековъ и Троянцевъ за тѣло павшаго въ сраженіи Патрокла. Картина эта обнаружилъ такую гигантскую фантазію молодого художника, что Торвальдсенъ, какъ говорятъ, выразился о немъ: „Этотъ юноша — исполинъ“. И дѣйствительно, характеристическою особенностію Вирцевой кисти является, какъ и у Рубенса, необыкновенное богатство фантастическихъ формъ, вслѣдствіе котораго всѣ картины его преисполнены живымъ драматизмомъ и энергіей. Но существенная разница между нимъ и Рубенсомъ состоитъ въ томъ что послѣдній господствуетъ надъ своею фантазією, пользуется ею лишь какъ средствомъ для достиженія высшихъ художественныхъ цѣлей, между тѣмъ какъ Вирць воображалъ что ему слѣдуетъ только дать волю игрѣ чувственной фантазіи, изобразить на огромныхъ полотнахъ множество исполинскихъ человѣческихъ фигуръ, чтобы достигнуть зенита художественнаго совершенства. Картина егѣ *Паденіе Ангеловъ* вполнѣ подтверждаетъ эти слова. Названіе этой картины не совсѣмъ точно, ибо въ сюжетѣ ея мы напрасно будемъ искать *Паденія Ангеловъ*, а находимъ въ ней собственно говоря, только изображеніе борьбы ангеловъ добрыхъ съ ангелами зла.

Вотъ содержаніе этой картины.

Въ центрѣ гигантскаго полотна представляется нашему глазу шесть исполинскихъ человѣческихъ фигуръ, составляющихъ одно цѣлое въ видѣ огромнѣйшей массы, у которой с

наружных сторонъ выдаются спинныя и заднія части трехъ крылатыхъ черныхъ исполиновъ, ангеловъ зла; въ серединѣ же этой массы представляются намъ три бѣлыя человѣческія фигуры, находящіяся въ объятіяхъ приведенныхъ крылатыхъ исполиновъ. Изъ этой ужасной массы туловищъ, ногъ и рукъ выглядываютъ только лица трехъ среднихъ человѣческихъ фигуръ, причеиъ однако глаза и вся верхняя половина лица закрыты или ихъ собственными волосами, или туловищемъ дѣваловъ. Поэтому для выраженія внутреннихъ психологическихъ волненій представляемыхъ фигуръ остаются художнику одни лишь уста, которыя въ свою очередь лишились всякой жизни, какъ кажется, отъ страшныхъ объятій черныхъ исполиновъ. Вся эта масса сбитыхъ вмѣстѣ фигуръ, занимающая центръ картины, не заключаетъ въ себѣ никакихъ данныхъ для объясненія внутреннего духовнаго содержанія ея. Сказанные крылатые дѣвалы носятъ надъ пламенемъ ада, изображеннаго въ передней части картины и полного огнедышащихъ драконовъ и змѣй. Въ этотъ-то адъ влекутъ ангелы зла свои несчастныя жертвы, человѣческія тѣла.—Съ правой стороны картины подымается скала огромнѣйшей величины, на верху которой, довольно незамѣтно, разыгрывается драма, мотивирующая приведенную главную сцену картины. Драма эта представляется въ видѣ ожесточенной борьбы которую духи зла ведутъ съ добрыми ангелами. Но и здѣсь мы встрѣчаемъ лишь хаосъ гигантскихъ туловищъ, рукъ и ногъ, которыя окружаютъ фантастически со всѣхъ сторонъ вершину скалы. О какомъ-либо ясномъ, идеальномъ содержаніи этого хаоса фигуръ и рѣли быть не можетъ: въ немъ мы можемъ отличить лишь нѣкоторыя фигуры, разъясняющія до известной степени эту запутанную сцену. Одинъ изъ злыхъ ангеловъ имѣетъ въ рукахъ огромный обломокъ скалы, и видно какъ онъ, напрягая всѣ мускулы своего тѣла ненатуральной величины, усиливается бросить этотъ обломокъ въ ангеловъ добра. Но въ это же время видно какъ одинъ изъ послѣднихъ, съ выраженіемъ сознанія своего могущества, рукою указываетъ на адъ, тѣ, какъ кажется, служить условнымъ знакомъ остальнымъ ангеламъ добра приступить къ дѣйствию; по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ, кто руками, кто плечами, усиливаются свалить во глубину ада всю верхнюю часть скалы вмѣстѣ со злыми духами, которые за нее держатся. Это добрымъ

ангеламъ, какъ будто, и удается, такъ какъ скала растекала въ разныхъ мѣстахъ и наклонилась уже къ аду. Вся эта сцена совершается однако, какъ уже сказано, на самой вершинѣ скалы, въ верхней части полотна, такъ незаметно что нужно долго, притомъ съ большимъ вниманіемъ, всматриваться въ картину, чтобы въ хаосѣ фантастическихъ формъ отыскать тѣ фигуры которыя должны объяснить основную мысль художника. Главное вниманіе зрителя останавливается на средней массѣ фигуръ, которая какъ своимъ сильнымъ колоритомъ такъ и колоссальностью своихъ формъ заставляетъ насъ забывать сцены совершающіяся въ верхнемъ этажѣ картины, тѣмъ болѣе что необходимое сокращеніе фигуръ и смягченіе колорита въ верхнихъ частяхъ картины уже сами по себѣ ослабляютъ ихъ дѣйствіе на зрителя.

Если мы, послѣ вышесказаннаго, обратимъ наше вниманіе на общее впечатлѣніе вызываемое въ насъ этою необыкновенною картиною, то прежде всего скажемъ что въ ней мы не видимъ ничего больше какъ проявленіе хотя гигантской, но тѣмъ не менѣе хаотической фантазіи, то-есть фантазіи которая стремится исключительно къ тому чтобы вызвать въ зрителѣ впечатлѣніе силы и ужаса посредствомъ одной колоссальности и произвольной залутанности формъ. Мы ловимъ вполнѣ художественное значеніе драматизма истекающаго изъ дѣйствія мускулярныхъ силъ; мы уважаемъ фантазію способную выразить подобный драматизмъ посредствомъ соответствующихъ ему формъ: но въ то же время мы требуемъ отъ художества чтобы одно дѣйствіе и противодѣйствіе грубыхъ физическихъ силъ не составляло *исключительнаго* содержанія представляемаго драматизма, но чтобы въ немъ проявлялся высшій элементъ дѣянія, дѣйствующаго въ физическихъ силахъ. Драма въ которой играетъ роль человекъ не должна никогда принимать характера похожаго на борьбу между собою дикихъ животныхъ. Между тѣмъ вся картина Верца представляетъ что иное какъ драматизмъ звѣрства, безъ всякаго проблеска человеческого, идеальнаго начала. Мы имѣемъ передъ глазами лишь драматизмъ рукъ, ногъ, туловищъ, крыльевъ, но о драматизмѣ духа, выражающагося главнымъ образомъ въ лицѣ, и рѣчи нѣтъ. Потому-то и художникъ какъ бы нарочно избѣгалъ представленія лицъ дѣйствующихъ фигуръ. Изъ числа около двадцати фигуръ картины, мы видимъ

едва пять или шесть съ половиною лицъ; все остальное одна туловища съ разными оконечностями. Этотъ недостатокъ духовнаго драматизма не можетъ быть заглаженъ ни поразительною силою фантази, ни анатомическою вѣрностью рисунка, ни наконецъ необыкновеннымъ техническимъ искусствомъ необходимымъ для того чтобы на подобномъ гигантскомъ полотнѣ соблюсти всѣ требованія перспективы и заковать тѣней и представить пластично и эффектно фигуры почти втрое больше натуральной величины.

Несмотря на религиозный сюжетъ, картина Вирца не имѣетъ ничего общаго съ религіею, съ какимъ-либо идеальнымъ, возвышеннымъ пониманіемъ жизни и жизненной борьбы. Идеальное, религиозное содержаніе картины устранено совершенно звѣрскимъ драматизмомъ формы. Что служитъ настоящимъ мотивомъ представленной борьбы, мы не видимъ ясно, равно не видимъ которая изъ борющихся сторонъ восторжествуетъ. Какую роль играютъ въ этой драмѣ несчастныя жертвы дѣволовъ, эти люди увлекаемые насильственно въ адъ, вовсе не понятно. Какимъ образомъ они попали въ руки этихъ черныхъ ангеловъ? Выброшены ли они ангелами юбра или увлечены насильственно злыми духами,—этого картина Вирца сама по себѣ не объясняетъ. Мы видимъ лишь только что обѣ стороны, какъ ангелы зла такъ и ангелы добра, ведутъ между собою борьбу чисто физическую, употребляя при томъ самыя грубыя средства чтобы преодолѣть своихъ противниковъ. Правственнаго и религиознаго характера этой борьбы положительно не видно, даже при сѣхъ представленныхъ ужасахъ ада, съ его огненнымъ моремъ, съ его драконами, змѣями, дѣволами. Вся картина можетъ лишь служить печальнымъ примѣромъ тому до чего доводитъ даже самый даровитый талантъ, обладающій всѣми средствами художественной техники, когда недостаетъ ему идеальнаго взгляда на свою задачу, когда духъ его лишенъ идеальныхъ стремленій. Онъ представитъ намъ картину которая поразитъ зрителя эффектною отдѣльными сторонами, но не произведетъ *общаго* художественнаго впечатлѣнія, не соединитъ отдѣльныхъ художественныхъ элементовъ въ гармоническое цѣлое, не сведетъ ихъ къ одному знаменателю, способному удовлетворить идеальныя требованія эстетическаго искусства.

Не подлежитъ сомнѣнію что Вирцъ по гениальности фанта-

зи, оригинальности композиціи, энергіи, живости и творчества своихъ произведеній, долженъ быть причисленъ къ знаменитѣйшимъ художникамъ новѣйшаго времени. Но ояъ при своихъ необыкновенныхъ дарованіяхъ принадлежалъ бы можетъ быть къ знаменитымъ художникамъ всѣхъ вообще времени, еслибы несчастный натурализмъ нашего времени не помѣшалъ развитію въ немъ того художественнаго идеализма безъ котораго нельзя творить истинно великихъ произведеній. Мы любуемся силой реалистической фантазіи Рубенса, Микель Анжелю и другихъ, мы дивимся энергіи ихъ формъ; но мы не должны забывать что всѣ эти достоинства сами по себѣ не создали ни Рубенсовъ, ни Буонаротти. Ихъ произведенія, помимо всего реализма формъ, полны идеальнаго мировоззрѣнія, неисчислимаго богатства идей и возвышенныхъ чувствъ, проявляющихся въ каждой формѣ, въ каждой краскѣ ихъ картинъ. Ихъ реализмъ и натурализмъ не противны ихъ идеализму, не являются бездушнымъ, лишеннымъ идей формализмомъ, но напротивъ служатъ средствомъ для воплощенія духа, идей, самостоятельнаго идеальнаго міра. У Вирца же о подобномъ идеальномъ мірѣ *духовной* жизни и слѣда нѣтъ; міръ этотъ отъ него сокрытъ и потому и не проявляется въ его произведеніяхъ. Несовершенство земной жизни, физическая борьба людей между собою, нервные ужасы, боль и тому подобныя сюжеты,—составляютъ исключительныя темы всѣхъ его произведеній; а во всемъ этомъ мы не можемъ открыть слѣда *идей*. Я знаю хорошо что нѣкоторые критики называютъ Вирца художникомъ-философомъ; но объ этой философіи могъ бы только сказать что она не философія мысли, а философія идей, а философія хаотической фантазіи и нервныхъ эффектовъ. Такое мое мнѣніе основано не только на сдѣланномъ выше разборѣ картины его выставленной въ Вѣнѣ, но и на оцѣнкахъ другихъ произведеній Вирца, не исключая его *Третья умфа Христа*.

Третья изъ особенно выдающихся религиозныхъ картинъ всемірной выставки была картина молодого, но очень даровитаго художника Генриха Семирадскаго (р. 1843), воспитанника С.-Петербургской Академіи Художествъ. Сюжетъ и идея для этой картины заимствованы художникомъ изъ прекрасной поэмы графа А. К. Толстаго *Грѣшница*. Поэма эта всѣмъ известна, но тѣмъ не менѣе мы должны указать на главныя

моменты ея чтобъ объяснить содержаніе разбираемой нами картины.

Въ то время когда Христосъ ходилъ со Своими учениками по Іудейской землѣ и „любовью къ ближнимъ пламенѣя“, народъ училъ смиренію и любви, и самъ на дѣлѣ осуществлялъ свое ученіе,—однажды собралось на пиръ общество молодыхъ людей лучшаго іудейскаго круга. Между столбами при входѣ въ богато убранные чертоги

Тѣснѣе за трапезой великой
Гостей лируетъ шумный хоръ.

Гости, естественно, ведутъ оживленный разговоръ обо всѣхъ вопросахъ волнующихъ умы; и „о ненавистномъ игѣ Рима, о томъ какъ властвуетъ Пилатъ“, о торговлѣ, о мирѣ и войнѣ, и между прочимъ и

О Мужѣ томъ необычайномъ
Что появился въ ихъ странѣ.

Нѣкоторые изъ гостей указываютъ на возвышенность ученія этого Мужа, равно на то что, въ немъ есть „не земная сила“, которою онъ совершаетъ чудеса и проникаетъ во глубину человѣческаго сердца.

Ему признанія не надо,
Сердце мышцаемъ отперто;
Его пытающаго взгляда
Еще не выдержалъ никто.

Эти и тому подобныя слова „звучать укоромъ“ въ одной изъ собесѣдницъ, блудницѣ молодой. Она не вѣритъ этимъ словамъ, напротивъ „гордыня пробудилась въ ней“, она говоритъ „съ хвастливымъ взоромъ“:

Я власти не боюсь ничей!
Закады со мной держать хотите ль,
Пускай предстанетъ вашъ учитель,
Онъ не смутитъ моихъ очей!

И вотъ въ сію минуту къ шумящей толпѣ подходитъ Мужъ банный „огня и вдохновенья“. Грѣшница подумала что это Христосъ.

Она съ сѣдалища встаетъ,
И станъ свой выправивши гибкій,
И смѣло выступивъ впередъ,

Примельцу съ деракой уыбкой
Физь шпильщій подаетъ,

и говоритъ:

Ты тотъ что учить отречелью?
Не вѣрю твоему учелью,
Мое надежтѣй и вѣрнѣй,
Меня смутить не мысли вынѣ,
Одинъ скитавшійся въ пустынѣ,
Въ постѣ проведеній сорокъ дней!
Литъ насаждеиельмъ я вакожа,
Съ постомъ, съ молитвой незнакома,
Я вѣрю только красотѣ,
Служу вику и поцѣлуамъ,
Мой духъ тобою не волакуемъ,
Твоей сиѣюсь я чистотѣ.

Но грѣшница слишкомъ рано торжествовала. Это не былъ Христосъ, къ которому она обратилась, но только Св. Иоаннъ Христосъ пришелъ лишь вслѣдъ за нимъ.

И окъ въ молчаніи гаубокомъ
Обвелъ сидящихъ тихимъ окомъ,
И въ домъ веселья не входа,
На деракой двѣ самохвальмой
Остановилъ свой взоръ печальный.

Но этого-то взора грѣшница не въ состояніи была вынести

И былъ тотъ взоръ какъ лучъ девницы,
И все открылося ему,
И въ сердцѣ сумракомъ блудницы
Окъ разогналъ ночную тьму,
И все что было тамъ таино,
Въ грѣхѣ что было свершено,
Въ ея глазахъ неумолимо
До глубины озарено.
Внезаймо стала ей понятна
Неправда жизни святотатной,
Вся асжь ея порочныхъ дѣлъ....
И ужасъ ею овладѣлъ.

И въ первый разъ гнашася зла
Она въ томъ взорѣ благодатномъ
И кару днямъ своимъ развратнымъ
И милосердіе прочла.

И чуя новое начало,
Еще страшась земных преновъ,
Она, колебляся, стояла....

И вдругъ въ тиши раздался звонъ
Изъ рукъ упавшаго фіала,
Стѣсненной груди слышеть отонъ;
Блѣднѣетъ грѣшница мадамъ,
Дрожать открытыя уста,—
И пала ницъ она, рыдая,
Передъ святынею Христа.

Художникъ представляетъ въ своей картинѣ тотъ моментъ юмы когда Спаситель со Своими учениками подходитъ къ гѣсту лиричества, и замѣчая грѣшницу, остановилъ на ней свой взоръ. Она же представлена въ моментъ когда взоръ Спасителя началъ дѣйствовать на нее, и она, по словамъ поэта, „чуя новое начало, еще страшась земныхъ преновъ, колебляся, стояла“, но уже выронила изъ дрожащей руки чашу въ вино, разлившимся по землѣ. Задній планъ картины представляетъ намъ лирующихъ гостей.

Перехода къ частностямъ, наше вниманіе естественно останавливается прежде всего на главномъ лицѣ. Христосъ представленъ художникомъ съ необыкновеннымъ величіемъ. Выраженіе Его лица удивительное. Кто не будетъ тронутъ этимъ удивительнымъ сліяніемъ двухъ совершенно разныхъ психологическихъ чертъ: кротости и строгости, душевнаго спокойствія и энергіи, привлекательной ласковости и величественной чистоты, глубокаго чувства и ясной мысли. Лишь очень многимъ художникамъ удалось соединить всѣ эти моменты столь гармонически, и съ такою вѣрностью, силою и жизненностью. Съ выраженіемъ лица согласуется вполне и благородно осанка.

Поверхъ хитона угадавъ
Одѣва риза шерстяная
Простою тканью стройный ростъ;
Въ движеніяхъ скромнѣе Овъ и простѣе.

Ученики слѣдующіе за Христомъ представлены въ менѣе развѣтвительномъ видѣ. Лица нѣкоторыхъ изъ нихъ даже довольно грубы и безобразны. Большинство между ними ставе Евреи, у которыхъ не встрѣчаешь ни слѣда чего-либо кривого ни въ лицѣ, ни въ осанкѣ. Мы не понимаемъ

какимъ образомъ подобные субъекты могли присоединиться къ своему божественному Наставнику; что служило соединительнымъ звеномъ между возвышеннымъ духомъ Учителя и мелочнымъ реализмомъ его учениковъ. Такой рѣзкій поворотъ отъ Христа къ Его ученикамъ не мотивированъ ни въ сюжетѣ, ни какими-либо художественными соображеніями, а потому производитъ на зрителя очень непріятное впечатлѣніе. Еслибы реализмъ художника ограничился только представленіемъ учениковъ Христа въ видѣ людей изъ простаго народа, рыбаковъ, ремесленниковъ и т. д., мы могли бы пожалѣть о томъ что это люди не проникнутые еще духомъ своего Учителя, но мы могли бы по крайней мѣрѣ предполагать что эти простые неиспорченные люди современемъ проникнутся духомъ ученія Христа. Между тѣмъ физиономіи старыхъ Евреевъ, напоминающихъ намъ вѣнчаныхъ мелочныхъ еврейскихъ кулцовъ, лишаютъ насъ этой надежды. Только апостолъ Іоаннъ представленъ съ чертами выражающими нѣкоторое духовное сродство со Христомъ.

Перейдемъ далѣе къ грѣшницѣ. Какъ въ характерѣ Спасителя, такъ и въ характерѣ грѣшницы, соединяются два противоположные психологическіе момента. Христосъ представляетъ собою образецъ смиренія, привѣтливости, нѣжности, и въ то же время силы, энергіи и нравственнаго величія. Грѣшница же представляетъ собою образецъ внезапнаго психологическаго перехода отъ нравственнаго уладка къ стремленію высшему, идеальному, перехода отъ преступной дерзости, отрицающей все святое и возвышенное, къ глубокому нравственному сокрушенію, смиряющемуся предъ величіемъ чистоты и совершенства. Художникъ поставилъ себѣ задачей уловить и представить именно тотъ переходной моментъ когда новое нравственное начало произвело уже свое дѣйствіе въ сердцѣ молодой грѣшницы, что выражается какъ на ея лицѣ, такъ и въ томъ что дрожащая ея рука роняетъ фіяль. Но дѣйствіе этого начала не успѣло еще устроить всѣхъ наружныхъ проявленій прежняго психическаго настроенія безстыдства дерзости. Они замѣтны еще не только во всей вѣнчаной постановкѣ грѣшницы, въ ея „нескромныхъ уборахъ, говорящихъ о ея грѣшной жизни“, но и въ ея осанкѣ. Она стоитъ еще и стоитъ одна предъ лѣстницею, обратившись лицомъ къ Христу, въ томъ самомъ положеніи какъ она хотѣла предъ

жить Спасителю свой дерзкій вызовъ на нравственную борьбу съ нею.

Выраженіе лица грѣшницы очень характеристично, преисполнено внутренняго безпокойства и искуса; въ немъ обнаруживается глубокая внутренняя борьба, проникающая всю душу ея. Однако весь *ensemble* грѣшницы не дѣйствуетъ на зрителя съ предполагаемою силой, потому что лицо ея слишкомъ затемняется тѣнью падающею на нее отъ здания и дерева изображенныхъ въ центрѣ картины. Подобное символическое оттѣненіе душъ погрязшихъ въ грѣхахъ можетъ иногда произвести большой эффектъ, но не сдѣлаетъ изводитеlem его до крайности; оно не должно бросаться зрителю въ глаза, не должно останавливать его вниманія и ослаблять дѣйствія болѣе первостепенныхъ характеристическихъ στοιхъ фигуры.

Осаяка и положеніе грѣшницы представлены не вполне ясно для тѣхъ кто не знакомъ съ поэмою графа Толстаго. Многие изъ зрителей не могли понять почему молодая блудница занимаетъ столь видное мѣсто, съ лицомъ обращеннымъ ко Христу. Съ какою цѣлью она оставила собесѣдниковъ, почему вышла на улицу, какъ встрѣтилась со Христомъ и подверглась карательному взору? Вышло ли это случайно, или по обыкству, или по чему иному? Настоящая побудительная сила, мотивъ который заставлялъ грѣшницу идти на встрѣчу Спасителю съ самохвальствомъ и безстыдною дерзостью, этотъ мотивъ, такъ обстоятельно описанный въ поэмѣ, всколькo не проявляется понятнымъ для зрителя образомъ въ картинѣ Семирадскаго. Этотъ мотивъ даже и не можетъ быть представленъ въ картинѣ въ одно время съ тѣми слѣдующими волненіями которыя были вызваны въ грѣшницѣ ошцательнымъ взоромъ Спасителя. Ясно что художникъ задалъ себѣ не только слишкомъ трудную, но неразрѣшимую задачу: представить ясно и понятно два одновременныя психологическія состоянія, съ одной стороны мотивы—побужшіе грѣшницу занять видное мѣсто въ глазахъ Христа, съ другой—внутреннія волненія вызванныя въ ней взоромъ Спасителя. Дерзость и сокрушеніе суть два психологическія состоянія исключаютія другъ друга; они являются въ одномъ моментъ же лицѣ въ разные моменты времени, а потому и невозможно изобразить на картинѣ. Живопись не

можетъ освободиться отъ пространственной формы, которая вмѣщаетъ въ себя всегда лишь одинъ моментъ стремящагося впередъ времени, а потому можетъ представить намъ лишь одно *настоящее*. Время есть элементъ поэзіи; только поэзія можетъ намъ представить исторію человеческой души, послѣдованіе одного психологическаго состоянія за другимъ. Нашъ художникъ повидимому не обратилъ вниманія на эту существенную разницу между живописью и поэзіей. Увлеченный красотами поэмы, онъ хотѣлъ изобразить въ картинѣ то что возможно обстоятельно представить лишь въ поэмѣ. Какъ живописецъ, онъ долженъ былъ выбрать своимъ сюжетомъ одно изъ двухъ: или дерзость и безстыдство блудницы, или же ея сокрушеніе и смиреніе. Желаніе же подражать поэзіи и представить оба эти состоянія вдругъ гмѣло сльдствіемъ то что какъ осанка, такъ и положеніе грѣшницы являются въ картинѣ не мотивированными и сбивчивыми. Живопись не должна никогда ставить себя въ подобную зависимость отъ поэзіи.

Въ концѣ нашего разбора мы не можемъ умолчать о глупѣхъ пирующихъ гостей. Гости эти уже въ поэмѣ графа Толстаго представлены съ характеромъ не совсѣмъ свойственнымъ ихъ злохѣ. Они похожи болѣе на какое-то двусмысленное парижское общество новѣйшаго времени чѣмъ на собраніе іерусалимской аристократіи. Но въ пользу гостей, какъ они представляются въ поэмѣ, можно сказать то что они ведутъ себя въ крайней мѣрѣ прилично; они заняты серіознымъ разговоромъ о политикѣ и религіи, и нѣкоторые между ними говорятъ даже съ большимъ одушевленіемъ о Христѣ. Это ведетъ насъ къ заключенію что въ представленномъ обществѣ дѣйствуютъ еще нѣкоторыя нравственныя начала, которыя мотивируютъ до извѣстной степени нравственный переворотъ совершившійся въ одной изъ легкомысленныхъ молодыхъ бесѣдницъ. Въ картинѣ же г. Семирадскаго мы не находимъ ничего подобнаго. Предъ нами просто отвратительная вакханалія, въ которой главную роль играютъ пьяные мушкетеры и обнаженные блудницы. Въ такомъ обществѣ не говорятъ ни о политикѣ, ни о религіи; тѣмъ болѣе что мы въ немъ и встрѣчаемъ ни одного человѣка который являлся бы представителемъ какого-либо серіознаго, идеальнаго направиія. Подобное общество обыкновенно занято лишь самимъ

собой, то-есть своею вакханалією, забывая обо всемъ окружающемъ его. Въ подобномъ обществѣ грѣшница не могла ничево слышать о Христѣ. Поэтому-то мы и понять не можемъ почему, вслѣдствіе какихъ мотивовъ, одна изъ прекраснѣйшихъ собесѣдницъ этого общества отторглась отъ чувственныхъ раздраженій, оставила кругъ своихъ развратныхъ товарищей и вышла на встрѣчу Христу. Лишь общество способное принять какое-либо духовное участіе въ главной сценѣ картины можетъ служить основаниемъ для объясненія этой сцены и мотивировать оную съ надлежащею ясностью.

Относительно колорита можно бы упрекнуть художника въ извѣстномъ стремленіи къ свѣтовымъ эффектамъ. Картина представляетъ намъ во многихъ мѣстахъ слишкомъ поразительные, натянутые контрасты между бѣлымъ цвѣтомъ одѣянія Христа и его учениковъ, съ одной стороны, и цвѣтами одѣянія грѣшницы и ея собесѣдниковъ съ другой; наконецъ замѣтна натянутость въ контрастахъ между яркимъ свѣтомъ солнца и темною тѣнью лежащею отъ деревьевъ особенно на грѣшницу, на лиришествующихъ гостей и на колонны главнаго зданія. Замѣтимъ наконецъ что тѣнь находящаяся съ лѣвой стороны въ передней части картины и падающая на нижнюю часть бѣлаго одѣянія учениковъ вовсе не мотивирована, и картина не показываетъ намъ какіе предметы бросаютъ эту тѣнь. Мы вполне понимаемъ что художникъ этою тѣнью хотѣлъ смягчить яркій солнечный свѣтъ падающій на лѣвую сторону картины, но эту цѣль слѣдовало бы стараться достигнуть какими-либо другими средствами, а не произвольною тѣнью брошевною на картину какими-то невидимыми предметами.

Несмотря, однако, на всѣ вышеприведенныя критическія замѣчанія мы должны оказать что картина Семирадскаго драматизмомъ композиціи, характеристическимъ рисункомъ и изяществомъ колорита свидѣтельствуетъ о необыкновенномъ талантѣ этого художника и даетъ право ожидать очень многого отъ его будущей артистической дѣятельности.

Кромѣ вышеприведенныхъ наиболѣе замѣчательныхъ картинъ религіознаго содержанія, находилось на Вѣнской выставкѣ довольно значительное количество картинъ этого же

рода; но между нами было не много такихъ которыя заслуживали бы спеціальнаго описанія и разбора. Укажемъ на главнѣйшія.

Изображенія Христа довольно многочисленны, но въ нихъ по большей части нѣтъ ничего ни оригинальнаго, ни возвышеннаго. Большая картина Михаила Дюма (Dumas), ученика Энгра, *Tentation de Jésus Christ*, представляетъ Христа и діавола искушающаго Его на горѣ въ какомъ-то натавutomъ видѣ и до того лишена всякой простоты, искренности и естественности что не производитъ никакаго пріятнаго впечатлѣнія въ зрителѣ непривыкшемъ смотрѣть на религиозную картину тѣми глазами какими смотритъ напримѣръ парижскій публика на театральную сцену въ которой Фаустъ и Мефистофель соревнуютъ другъ другу чтобъ вызвать рукоплесканія у зрителей. То же самое слѣдуетъ сказать и о картинѣ Лоранса (Laurens), *Jésus chassé de la synagogue*, которая представляетъ намъ множество фигуръ въ профиль, почему вся картина производитъ лишь впечатлѣніе этюда профилей, притомъ очень напыщенныхъ. Подобный чопорный и натавнутый характеръ свойственъ, къ сожалѣнію, почти всѣмъ новѣйшимъ религиознымъ картинамъ Французовъ. Въ этомъ духѣ по крайней мѣрѣ написаны картины: Michel, *La sainte Communion*; Charles Lefebvre, *L'éducation de la Vierge*; Nemoz, *Une vision de la Vierge*; Cabanel, *Saint Jean Baptiste*, и многія другія. Исключеніе же составляютъ картины: Эдуарда Круга, *La mise au tombeau*, небольшая картина, отличающаяся однако простотою композиціи, серьезнымъ спокойствіемъ колорита и искренностью выраженія представленныхъ фигуръ. Давѣ прекрасная картина Дювала ле Камюсъ (Duval le Camus), ученика Делакруа, представляющая Св. Елисавету Венгерскую въ то время когда она раздаетъ милостыню бѣднымъ. Выраженіе искренней пріятливости на лицѣ святой, характеристическія фізіономіи бѣдныхъ, наконецъ прелестная колоризація, при натуральности композиціи, составляютъ высокія достоинства этой картины. Давѣ укажемъ здѣсь на картину Моншаблон (Monchablon), *Les terreurs de Cain*. Каинъ представленъ необыкновенно характеристично. На лицѣ его выражаются вся тревога и ужасы человека мучимаго совѣстью. Въ отчаянномъ состояніи духа своего, онъ хватается за женщину стоящую рядомъ съ нимъ, его жену; но видно что ея сочувствіе не

способно усложнить его душевных тревог. Спокойствия не может доставить ему и взгляд на его невинных дѣтей, играющих у его ногъ.

Картина Шазаля (Chasal), *La reine de Saba*, представляет Соломона стоящаго предъ своимъ великолѣпнымъ храмомъ и принимающаго радушно царицу Савскую. Картина эта поражает зрителя какъ изяществомъ колорита, такъ и мѣткою характеристикю представляемыхъ личностей; но жаль что огромное количество фигуръ окружающихъ какъ Соломона, такъ и царицу, лишаетъ композицію надлежащаго простора и свободы, вслѣдствіе чего она производитъ на зрителя отяготительное впечатлѣніе. Картина Жоржа Беккера, *La veuve du martyr*, обратила на себя вниманіе многочисленныхъ почитателей художественнаго отдѣленія всемірной выставки; но она въ сущности имѣетъ значеніе лишь въ качествѣ колоритнаго этюда. У гроба мученика, въ катакомбахъ, стоитъ его окорбящая вдова и поднимаетъ свое дитя чтобъ оно поцѣловало гробъ покойника. Сюжетъ, какъ видимъ, довольно натянутый; притомъ рисунокъ и композиція обнаруживаютъ чуждость и принужденность. За то колоризация чрезвычайно эффектна какъ по игрѣ цвѣтовъ и свѣтовыхъ контрастовъ, такъ и по необыкновенной пластичности фигуръ и предметовъ. Въ этомъ отношеніи трудно соперничать съ французскою колористическою школою.

Наконецъ, къ числу французскихъ картинъ религіознаго содержания слѣдуетъ причислить и произведеніе извѣстнаго французскаго художника Огюста Глеза (Glaise), *Spectacle de la folie humaine*. Глезъ задалъ себѣ странную задачу представить въ своихъ картинахъ главнымъ образомъ ужасы религіознаго фанатизма. Въ одной изъ прежнихъ картинъ онъ изобразилъ напримѣръ всѣхъ главныхъ мучениковъ челоѣчества, привязанныхъ къ позорнымъ столбамъ, начиная съ Сократа и оканчивая Колумбомъ, Галилеемъ и другими. Въ вышеприведенной картинѣ, выставленной въ Вѣнѣ, мы имѣемъ предъ глазами сатиру на исторію и религію, доведенную уже до крайности. Сюжетъ картины слѣдующій. На вострадѣ, занимающей переднюю часть картины, представлено нѣчто въ родѣ галлерей картинъ. Въ этой галлерей помѣщены три картины одна возлѣ другой. Доска помѣщенная на столбѣ съ лѣвой стороны галлерей объясняетъ зрителю содержаніе ея трехъ картинъ. Первая, названная *Tueries bibliques*, изображаетъ

Евреевъ убивающихъ язычниковъ; вторая *Tueries de Chrétiens*, представляетъ мученическую смерть христіанъ; третья же *Tueries d'hérétiques* имѣетъ предметомъ разныя сцены времени инквизиціи. Съ правой стороны галереи, въ передней части эстрады, стоитъ какой-то франтовски одѣтый господинъ, автопортретъ художника, который, принявъ на себя видъ директора-шарлатана деревенскаго театра, проситъ публику войти въ галерею и полюбоваться прекрасными картинами. Все это написано съ необыкновеннымъ техническимъ искусствомъ. Всѣхъ зрителей поражала особенно фигура директора, который представленъ съ необыкновенною естественностью и пластичностью. Но въ чемъ же заключается *идея* этой оригинальной композиціи? Идеи серьезной нѣтъ никакой. Во всей этой картанѣ обнаруживается лишь легкомысленный взглядъ на исторію человѣчества. По этому взгляду всѣ люди раздѣляются на три слѣдующія категоріи: къ первой принадлежатъ варвары убивающіе другихъ, ко второй глупцы покоряющіеся варварамъ, къ третьей—шарлатаны смѣющіеся надъ тѣми и другими, и обращающіе трагедію исторіи въ увеселительную комедію. Къ послѣдней категоріи мудрецовъ принадлежитъ естественно и господинъ Глезъ.

У другихъ народовъ религіозная живопись, слава Богу, не представляетъ подобнаго уладка, подобнаго легкомысленнаго отношенія къ идеальнымъ потребностямъ человѣческаго духа.

Между произведеніями Бельгійцевъ можно указать: образъ *Mater dolorosa* извѣстнаго историческаго живописца Де-Кайзера, написанный въ духѣ Гвидо Рени, а равно картина Константина Мёнье (*Meunier*) представляющая Матеръ Божию плачущую надъ тѣломъ Христа. Сюжетъ этотъ передавъ съ глубокимъ чувствомъ и искренностью.

Въ нѣмецкомъ отдѣленіи художественной выставки находилось довольно много религіозныхъ картинъ заслуживающихъ ближайшаго вниманія. Къ нимъ принадлежатъ главнымъ образомъ слѣдующія. Картина берлинскаго профессора Плокхорста (*Plockhorst*), *Noli me tangere*, которая соединяетъ гармонически величавый характеръ стилистической школы съ эффектнымъ колоритомъ. Изображеніе какъ Христа, такъ и Маріи Магдалины полно глубокаго религіознаго чувства, хотя, быть можетъ, въ немъ есть нѣкоторый недостатокъ энергіи, напоминающій школу Назареевъ. Необыкновенною силою рисунка

и реальною истинною въ представленіи фигуръ отличается *Pietà* Арнольда Бёклина (Boecklin) изъ Мюнхена. Тѣло Христа, написанное съ ужасающею естественностью въ духъ французскихъ реалистовъ, лежитъ на камнѣ, а Марія, обнимающая его, погружена въ глубокую печаль. Въ верхней части картины являются прекрасно написанные Ангелы, — посланники небесъ, — съ выраженіемъ видимого сожалѣнія на лицѣ. Ихъ задача: утѣшить Божию Матерь и смягчить идеальнымъ началомъ столь реалистически представленную смерть. Вся композиція производитъ на зрителя глубокое религиозное впечатлѣніе; жаль только что это впечатлѣніе композиціи уменьшается до извѣстной степени слишкомъ яркимъ колоритомъ, отвлекающимъ вниманіе отъ глубоко понятого сюжета. Картина эта куплена на выставкѣ за 12.000 гульденовъ.

Въ духъ новѣйшаго реализма и рационализма написана картина дюсельдорфскаго художника Гебгарта (Gebhardt): *Тайная Вечера* (Das heilige Abendmahl). За скромнымъ столомъ сидятъ простые люди, похожіе на любыхъ ремесленниковъ и рабочихъ нашихъ временъ. Въ характеристическомъ, но грубомъ, выраженіи ихъ лицъ нѣтъ ни слѣда чего-либо возвышеннаго и идеальнаго. Ихъ неопрятная одежда и грубые руки свидѣтельствуютъ о физическихъ занятіяхъ. Между ними отличается лишь одна болѣе интеллигентная и идеальная фигура—это Христосъ, но и онъ напоминаетъ болѣе какого-либо деревенскаго учителя нашихъ временъ, бесѣдующаго съ отцами своихъ учениковъ, чѣмъ основателя возвышенной религіи, совершившаго переворотъ во всей исторіи человечества. Простота композиціи, искусная группировка фигуръ, оригинальность характеристики, естественность колорита, — вотъ неоспоримыя достоинства этой своеобразной картины, которая представляетъ собою совершенно новый отблескъ реалистическаго направленія въ искусствѣ. Но не слѣдуетъ забывать что приведенныя достоинства, вполнѣ достаточныя для жанровой живописи представляющей сцены изъ вседневной жизни, не могутъ быть признаны достаточными для исторической и религиозной. Последняя не можетъ довольствоваться представленіемъ типовъ обыкновенныхъ, дюжинныхъ людей, какихъ мы встрѣчаемъ всегда и повсюду; но должна изображать типы людей необычайныхъ, выдающихся надъ всеми остальными, иначе историческое значеніе подобныхъ

личностей не было бы вовсе мотивировано и не могло бы въ зрителѣ возбудить мысли о томъ что его глазами представляется важный, историческій моментъ. Обо всемъ этомъ забываютъ новѣйшіе художники-реалисты которые поставили себѣ задачей замѣнить идеальные историческіе типы копіями съ дюжиныиыхъ людей. Они забываютъ что кромѣ типовъ и ситуаций встрѣчаемыхъ въ ежедневной жизни, существуютъ типы идеальные, ситуации необычайныя, обнаруживающія собою содержаніе превышающее плоскость и тривіальность обыкновенныхъ дней и людей. Кто неспособенъ понять подобнаго идеализма, кто на великіе моменты исторіи смотритъ глазами ежедневной тривіальности,— тотъ не будетъ истиннымъ великимъ художникомъ, не будетъ никогда въ состояніи удовлетворить требованіямъ историческаго, сдѣдовательно и религіознаго искусства. При всей характерности и техническомъ искусствѣ, произведенія его не выйдутъ изъ предѣловъ ежедневности, тривіальности, не обнаружатъ стили историческаго. Это именно сдѣдуетъ сказать и о картинѣ Гебгарта, удостоившейся столько похвалъ со стороны реалистическихъ критиковъ.

Изъ картинъ съ сюжетами изъ Ветхаго Завета занимаетъ первое мѣсто, не только въ нѣмецкомъ отдѣленіи, но и во всей художественной выставкѣ, огромная картина извѣстнаго директора Дюссельдорфской академіи Бендеманна: *Die Wegführung der Juden in die babylonische Gefangenschaft*. Сюжетъ ея сдѣдующій. Въ средней части картины представлено торжественное шествіе вавилонскаго царя Навуходоносора, покорителя Иерусалима. Царь, окруженный своими вочнами, сидитъ въ триумфальной колесницѣ, съ выраженіемъ серьезнаго величія на лицѣ. За нимъ сдѣдуютъ іудейскіе лѣтвики, во главѣ которыхъ находится лишенный зрѣнія и въ тяжелыхъ оковахъ царь Седекія. Благородство выраженія и осанки какъ сего послѣдняго такъ и остальныхъ лѣтвицковъ, отсутствіе всякаго каррикатурнаго, односторонне-реалистическаго элемента въ ихъ представленіи, несмотря на всю истину и естественность характеристики, возбуждаютъ въ зрителѣ глубокое сочувствіе къ удрученному несчастіемъ народу. Въ передней части картины является главная фигура ея, пророкъ Іеремія, возлѣ котораго проходитъ сказанное триумфальное шествіе. Пророкъ предсказавшій наказаніе постигшее его народъ сидитъ задумчиво на развалинахъ, окружен-

ный несчастными жертвами войны: ранеными, голодными, умирающими и умершими. Выраженіе его лица обваруживаетъ глубокую печаль; но печаль эта не лишаетъ его ни величественнаго внутренняго спокойствія, ни энергии и самообладанія. Это печаль мужа предавшаго своему народу, глубоко тронутаго постигнутою его участью, но не потерявшаго надежды въ будущее, его поддерживаетъ непоколебимая вѣра въ высшую нравственную силу управляющую судьбами народовъ.

Уже изъ вышесказаннаго слѣдуетъ что картина Бендеманна производитъ на зрителя глубокое впечатлѣніе. Но опредѣляя ближе это впечатлѣніе, мы должны сказать что оно имѣетъ по преимуществу характеръ *лирическій*; произведенію не достаетъ того *драматизма* какого мы въ правѣ ожидать отъ грандіозной исторической картины. Глубокомысленный, но не дѣйствующій Іеремія Бендеманна не есть *историческое* лицо, принимающее непосредственное участіе въ судьбахъ своего народа; это философъ, поэтъ, мыслитель, но не *пророкъ*. Пророкъ не могъ бы такъ пассивно смотрѣть на осуществленіе всѣхъ своихъ предсказаній; онъ принялъ бы какое-либо дѣятельное участіе въ страшной сценѣ разыгрывающейся предъ его глазами. А между тѣмъ у Бендеманна вѣтъ никакой живой, драматической связи соединяющей главную сцену его картины съ ея главною фигурою. Если французскіе художники, какъ мы видѣли, при представленіи исторически-религіозныхъ сюжетовъ слишкомъ легко переходятъ въ манеру, въ натянутый, чопорный драматизмъ; то напротивъ у германскихъ художниковъ замѣтна склонность къ слишкомъ мягкому, элегическому и лирическому пониманію историческихъ личностей. Картина Бендеманна подтверждаетъ это мнѣніе поразительнымъ образомъ.

Въ отдѣленіяхъ другихъ народовъ изъ религіозныхъ картинъ особенно замѣчательны: картина флорентійскаго профессора Чизери (Ciseri) *L'ecceidio dei Maccabei*, представляющая съ необыкновеннымъ драматизмомъ ужасную сцену: рѣзню Маккавеевъ въ присутствіи одного изъ римскихъ вождей; далѣе въ венгерскомъ отдѣленіи: картина извѣстнаго художника Морица Тана (Tan), представляющая Христа на крестѣ, отличающаяся глубокимъ пониманіемъ сюжета; прекрасная картина С.-Петербургскаго профессора Михаила Зичи (Zichy): *Христосъ и духовенство* и *Лютеръ и папа*, отличающіяся

чрезвычайно живую характеристику самыхъ разнородныхъ историческихъ проявленій религіи, какъ искреннаго вдохновенія, такъ и догматическаго лицемѣрія и безсмысленнаго фанатизма. Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о высоко талантливой художницѣ, членѣ Датской академіи художествъ, Елисаветѣ Терихау-Баиманъ, родившейся въ Варшавѣ 1819 года и вышедшей замужъ за знаменитаго датскаго ваятеля Терихау. Между лятнадцатю ея картинами, помѣщенными въ датскомъ отдѣленіи выставки, поражаетъ особенно одна: *Христіанскія мученицы въ римскихъ катакомбахъ*. Двѣ христіанки приготовляются въ сказанныхъ катакомбахъ молитвою къ близкой мученической смерти. Одна изъ нихъ, старшая, стоитъ и поднимаетъ голову и глаза къ небу, и разведя руки, представляетъ образецъ истинной христіанской готовности принять смерть. Она какъ будто говоритъ: „Да будетъ воля Твоя, Господи!“ Лицо, положенье головы и вся осанка ея напоминаютъ Мурильеву *Мадонну съ муною*. Возлѣ нея въ передней части картины стоитъ на колѣнахъ другая, молодая, мученица, которой, повидимому, очень трудно сродниться съ мыслью о близкой неизбежной смерти. Складывая отчаянно руки, она молить Бога помочь имъ, избавить ихъ отъ угрожающей имъ страшной участи. Обѣ фигуры написаны съ такимъ глубокимъ чувствомъ, съ такою искренностью и простотою что не могутъ не потрясти до глубины сердца каждаго внимательнаго зрителя. Разказываютъ что и папа Пій IX, видя эту картину въ Римѣ, гдѣ она написана, былъ глубоко пораженъ ею, и удивлялся только тому какимъ образомъ лютеранка была въ состояніи создать картину заключающую въ себѣ столь глубокую религіозность. На это художница отвѣтила его святѣйшеству очень мѣтко что она *христіанка*, хотя и не католичка.

Въ русскомъ отдѣленіи мы встрѣтили лишь три картины съ религіозно-правственными сюжетами, двѣ Э. А. Бронникова и одна В. П. Верещагина.

Первая картина Бронникова есть композиція очень эффектная, производящая глубокое впечатлѣніе своимъ психологическимъ содержаніемъ. Сюжетъ ея имѣетъ болѣе характеръ обще-правственный чѣмъ строго религіозный. Тѣмъ не менѣе скажемъ здѣсь о ней нѣсколько словъ. Въ серединѣ картины изображено засѣданіе венеціанскаго суда извѣстнаго подъ именемъ Суда Десяти. Предъ судомъ на

земля, в передней части картины, лежит труп прикрытый полотномъ. Съ правой стороны три человека обвиняемые въ убійствѣ человека лежащаго мертвымъ предъ ними. Въ ту минуту когда имъ сообщаютъ это обвиненіе, одинъ изъ служителей, закутанный съ головы до ногъ, открываетъ полотно, прикрывающее трупа, и представляетъ глазамъ обвиняемыхъ лицо убитаго. Судьи смотрятъ пристально на обвиняемыхъ чтобъ изъ впечатлѣнія вызваннаго въ нихъ взглядомъ на убитаго заключить о томъ кто изъ нихъ истинный убійца. Такимъ образомъ вниманіе наше обращено главнымъ образомъ на физиономіи обвиняемыхъ, и въ тонкой, истинно психологической характеристикѣ лицъ заключается та необыкновенная сила съ какою дѣйствуетъ на зрителя разбираемая картина. Первый изъ обвиняемыхъ глубоко пораженъ видомъ убитаго, но въ его физиономіи высказывается лишь изумленіе; онъ, повидимому, знаетъ убитаго, но удивляется какъ тому что именно это лицо убито, такъ и тому что его обвиняютъ въ подобномъ преступленіи. Въ физиономіи втораго обвиняемаго высказывается главнымъ образомъ любопытство; онъ всматривается въ лицо убитаго какъ будто желая узнать кто онъ такой. Физиономія же третьяго обнаруживаетъ величайшую тревогу и ужасъ. Взоръ его блуждаетъ, глаза его открыты широко; но онъ не смотритъ на трупа, напротивъ отвращается отъ него; даже не видя трупа, онъ уже знаетъ кто убійца. Съ перваго взгляда мы убѣждаемся что въ немъ, а не въ комъ другомъ скрывается убійца. Къ сказанному прибавимъ что подобною тонкою характеристикой отличаются и физиономіи судей, что вся композиція исполнена драматизма и жизни, и что наконецъ коронитъ ея хотя и не можетъ быть названъ яркимъ и изящнымъ въ смыслѣ новѣйшихъ колористовъ, отличается за то натуральностью и важностью, подходящими вполнѣ къ серьезной мысли картины.

Вторая картина Бронникова: *Гимнъ Пифагорейцевъ*. На горѣ видны фигуры въ бѣломъ одѣяніи, обращенныя къ великолѣпному восходящему солнцу, и молящіяся. Картина производитъ глубокое лирическое впечатлѣніе. Два составные момента ея: величіе восходящаго солнца и торжественное спокойствіе усталой природы, не исключая молящихся фигуръ, сочетаются гармонически въ одно художественное цѣлое. Всматриваясь ближе въ эту картину, мы начинаемъ локимать возвышен-

ное ученіе Пифагорейцевъ о гармоніи небесныхъ сферъ, постигать это ученіе не только отвлеченнымъ разумомъ, но и сердцемъ проникнутымъ величіемъ природы. Само по себѣ разумѣется что художникъ не былъ бы въ состояніи произвести подобное впечатлѣніе безъ высокаго технического искусства. Только относительно колорита замѣтимъ что онъ, какъ кажется, вообще слишкомъ томенъ; бѣлая энергія и гармонія въ цвѣтахъ усилила бы дѣйствіе прекрасной композиціи, которая обличаетъ въ художникѣ замѣчательный тактъ, между прочимъ и въ томъ что онъ изобразилъ молящіяся фигуры спиною къ зрителю, такъ что выраженія ихъ лицъ, обращенныхъ къ солнцу, почти совсѣмъ не видимы. Изображеніе человѣческаго лица, свидѣтельствующаго о различныхъ внутреннихъ волненіяхъ духа, отвлекло бы наше вниманіе отъ величавой природы и лишило бы насъ того лирическаго настроенія которое художникъ желалъ произвести въ нашей душѣ.

Картина В. П. Верещагина представляетъ Св. Григорія Великаго, проклинаящаго монаха за нарушеніе обѣта безсребрія. Монахъ лежитъ на землѣ съ выраженіемъ ужаса на лицѣ. На его груди лежитъ кошелекъ съ деньгами. Святой стоящій предъ монахомъ съ лѣвой стороны картины изображенъ очень характеристично: на его лицѣ рисуется глубокое негодованіе и презрѣніе. Какъ святой, такъ и монахъ окружены фигурами исполненными испуга и ужаса. Вся композиція нарисана въ важномъ, торжественномъ стилѣ.

Г. СТРУВЕ.

И С Т О Р І Я

БЛѢДНАГО МОЛОДАГО ЧЕЛОВѢКА *

ВЪ ТРЕХЪ КНИГАХЪ СЪ ПРОЛОГОМЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Дождь, казалось, зарядил надолго. То не былъ бойкій и молодцоватый проливень что налетитъ съ громомъ и свистомъ и пошелъ валивать. На такой-то глядѣть весело и само собой приговаривается: „довко! славно! а ну-ка прилуста! еще, еще! да да лихо! да дорогу-то, дорогу хорошенько вслузырь!“ Дождь что надолго зарядилъ былъ не таковъ. Онъ шелъ не гвша и не лѣнливо, не прибавлялъ и не убавлялъ шагу; ка-залъ себѣ да покапывалъ, шлепалъ да пошлепывалъ: степен-но, досужливо, съ дѣловымъ достоинствомъ. Словно каждая алля этого дожда была проникнута холоднымъ сознаниемъ то суть дѣла не въ силѣ, а въ непрерывномъ ладеніи.

Непрерывныя водяныя нити волочились сверху, скрещива-лись, путались, перепутывались. Случись прохожій съ доста-

* См. Русскій Вѣстникъ № 1.

точно пылкимъ воображеніемъ (разумѣется въ высокихъ калошахъ, въ непромокаемомъ кожаномъ пальто съ таковымъ же воротникомъ); могъ бы онъ подумать будто забрелъ не нарочно на водяной канатный заводъ и тамъ попалъ въ просакъ, откуда, сколько ни барахтайся, не вылезешь.

Болѣе простые прохожіе лоругивались и чертыхались на дождь, а онъ, знай себѣ, похлопывалъ да пошлепывалъ не разбирая и не уважая никого и ничего. Онъ пробивался и забивался всюду, все превращалъ въ сырость и мгlistый туманъ; смѣшивался съ дымомъ топившихся бань и фабричныхъ заведеній; влажною и ѣдкою пылью норовилъ въ носъ, щекоталъ вѣки.

— Не одно, братцы, солнышко радуеть всѣхъ и веселитъ, казалось говорилъ этотъ разсудительный дождь,—и я, Дождь, для всѣхъ же, для всѣхъ. Все-то я, братцы, вымочу; все-то сыро и сѣро станетъ; не разберешь день ли, братцы, стоитъ, ночь ли пала, жидкою ли мокретью по городу сумерки расплзались.

Такой-то дождь поливалъ городъ С.-Петербургъ въ одинъ прекрасный (*sui generis*) октябрьскій день, лѣтъ семь, или малость побольше назадъ.

II.

Дождю неумолимо поливавшему Петербургъ со всѣми окрестностями не было никакой причины не мочить деревяннаго дома надворнаго совѣтника Щурулова, состоявшаго Васильевской части, Ого квартала, ближе къ Голландской биржѣ и Малому Проспекту чѣмъ къ Среднему и Смоленскому кладбищу. Еще меньше было причинъ оному дождю не мочить каменнаго флигеля на дворѣ означеннаго дома.

Во второмъ этажѣ флигеля находилась квартира уже извѣстнаго читателю Семенъ Иваныча Худышкина. Квартира дѣлилась на двѣ половины: хозяйскую и жильцовскую. Въ хозяйской было темно: самъ Семенъ Иванычъ отправился за получкой денегъ; его кухарка Петрова отпросилась въ гости, хотя за часъ до ухода смѣла утверждала: „въ такой де дождь добрый хозяинъ собаки на дворъ не выгонитъ“; его любовница Амалия Федоровна валялась на кровати и подремывала подъ дождь.

На жильцовской было свѣтло. Тамъ, въ небольшой комнатѣ съ громадными окнами (комната, мимоходомъ сказать, напоминала домового хозяина, маленькаго, глазастаго человѣчка), сидѣлъ за письменною работою молодой человѣкъ.

Онъ глядѣлъ сосредоточенно, почти строго, занимался самымъ усидчивымъ образомъ. Это впрочемъ не значило что работа его занимала. Весьма напротивъ. По временамъ, какъ онъ подымалъ отъ стола голову и начиналъ перебирать отложенныя въ сторону бумаги, блѣдное лицо искривлялось брезгливою улыбкой, и голубые усталые глаза искрились злобынымъ пренебреженіемъ. Казалось, молодой человѣкъ презиралъ и свою работу, и особенно себя, зачѣмъ ею занимается. Это замѣчалось даже въ движеніи пальцевъ, когда онъ дотрогивался до бумагъ. Онъ точно боялся запачкать пальцы прикосновеніемъ и въ то же время опасался не увидѣлъ бы кто до чего онъ дотрогивается. Наконецъ онъ всталъ, наклонясь надъ столомъ еще разъ перебралъ бумаги, сунулъ ихъ въ портфель и отбросилъ подальше отъ себя.

Было пять съ четвертью по полудни, и молодой человѣкъ, взглянувъ на часы, рѣшилъ: пора де обѣдать. Такому рѣшенію, видно, не суждено было осуществиться.

— Пишутъ въ анекдотахъ, разсуждалъ молодой человѣкъ, отходя отъ стола по направленію къ дивану,—будто великіе люди за работою забывали о ѣдѣ. Вздоръ, не вѣрю. Хорошая работа—здоровая работа: она аппетитъ должна возбуждать. А ютъ какъ отъ нечего дѣлать дрянью займешься!... фу!

Кононовъ (для читателя не секретъ что тѣ былъ онъ), по просьбѣ одного знакомаго, нѣкоего Никандра Ильича Слѣпичева, взялся просмотрѣть программу журнала его же заглавля издавать оный Никандръ. Слѣпичевъ былъ литературный промышленникъ: онъ бралъ у книгопродавцевъ переды, раздавалъ ихъ молодымъ людямъ за болѣе дешевую плату и зачѣмъ издавались они яко бы подъ Слѣпичевой редакціей. Кононовъ, во время оно, благодаря посредничеству слѣпичева, состоялъ у Никандра въ батракахъ, и Никандръ съма одобрялъ талантаваго студента чьи исправные переводы нечего было редактировать. „У васъ, батюшка, слогъ тѣ“, не безъ зависти говаривалъ онъ. Самъ Никандръ, какъ бился, не могъ справиться съ *узлами* и *которми*: гибелью ползали они въ его статьи и переводы, письма, даже рѣчи. мѣ, желая сдѣлаться болѣе крупнымъ промышленникомъ,

онъ вспомнилъ о Кононовѣ и упросилъ его вообще просмотрѣть программу, „а также если насчетъ слога.“ За сею работою мы и застали Петра Андреича. „И зачѣмъ было браться?“ продолжалъ размышлять молодой человѣкъ. „Зналъ что путнаго ничего не выйдетъ, и все-таки дозволилъ упротить себя.... И мало того: самъ себя обманулъ, увѣрилъ что пожалуй оно и занимательно выйдетъ.... А зналъ, раньше зналъ.... И какъ это гауло!... Вѣчно надуть себя хочу.... не клеветъ... и точно тотъ Англичанинъ....“

Онъ думалъ несвязно, обрывками, ровно дѣло о чемъ думалось не стоило стройнаго размышленія, или же отъ частой умственной переборки въ конецъ надокучило. Такъ порой отъ дѣлать нечего перелистываетъ знакомую и надобвшую книгу. Вспомнивъ про Англичанина, молодой человѣкъ усмѣхнулся какъ доброму знакомому: „а, вы-мольте это!“ И тутъ же замѣтилъ какво странно вспоминаются давно и хорошо знакомыя вещи.

„Вѣдь этотъ вотъ Англичанинъ, раздумывалъ онъ уже о томъ что сейчасъ замѣтилъ,—онъ часто приходитъ мнѣ въ голову, и что именно случилось, я въ эти мгновенія хорошенько не помню. И труда себѣ не даю припоминать, а тутъ онъ, этотъ случай, цѣликомъ передо мной, словно въ точку съѣжился. И только мелькнетъ эта точка, я будто все припомнилъ и мысль поидетъ своимъ чередомъ. И такое впечатлѣнье точки повторяется всегда. Лыбылтно!... А въ чемъ бишь дѣло? дай-ка припомню.“

Онъ сталъ припоминать анекдотъ, какъ сталъ бы разсказывать другому и замѣтилъ: чтобы припомнить все подробно потребовалось нѣкоторое усиліе памяти.

— Психологическая тонкость!... И что у меня за страсть наблюдать ихъ! сказалъ онъ про себя.

Анекдотъ въ томъ состоялъ что ѣздилъ Англичанинъ въ мельницу подъ Гатчиной, форелей удить, и когда клевь задавался, старикъ мельникъ будто бы (при подробномъ вспоминаніи Петръ Андреевичъ усумнился въ справедливость анекдота) заставлялъ внученка нырять и насаживать рыбку на крючекъ, а самъ въ это время заговаривалъ Англичанина. Форелька заготовлялась заранѣе, Англичанинъ не приторчивалъ удочки, всегда оставался доволенъ и щедро расплачивался съ хитрымъ старикомъ.

Какъ молодой человѣкъ припомнилъ подробно анекдотъ

замѣтилъ за собой страсть наблюдать психологическія тонкости, мысль его повернула на прежнее.

„Разница между мной и Англичаниномъ та что онъ не знаетъ про обманъ, а я самъ ужу, самъ ныряю, самъ себя надуваю и все-таки...“

Мысль словно слоткнулась. Онъ не сказалъ самому себѣ: „и все-таки доволенъ“, но предчувствовалъ: продолжай мысль идти, она непременно пришла бы къ такому заключенію. Молодой человѣкъ подмѣтилъ эту недосказанность мысли и что, думая, онъ въ то же время слѣдитъ за ходомъ своей мысли, и сознаетъ это слѣженье, и олять-таки замѣчаетъ: есть въ немъ это сознанье.

Происходившее внутри его совершенно поглощало вниманіе молодого человѣка; онъ не замѣтилъ какъ легъ на диванъ, не подозрѣвалъ даже что лежитъ.

„И все-таки я доволенъ собой“, явственно выговорилъ онъ про себя.

Мысль остановилась, ровно дошла до предѣла, стукнулась о него и замерла. Нашло мгновенье когда мысль прекращается, и человѣкъ, хотя не спитъ, ничего не замѣчаетъ и не сознаетъ себя. Про такія-то мгновенья говорится что „человѣкъ крѣпко задумался“.

Мысль, простоявъ неподвижно, качнулась и пошла въ другую сторону. Двѣ вещи занимали молодого человѣка: онъ раздумывалъ о своей особѣ, которую—онъ твердо былъ увѣренъ—онъ вѣчно надуваетъ и, второе, наблюдалъ: что творится внутри его самого. Мысль на подобіе маятника, хотя не съ такою правильностью, колебалась между этими двумя предѣлами.

III.

„Да, о чемъ бить я думалъ?“ слохватилась мысль, послѣ минутной остановки. „Я замѣчалъ что во мнѣ дѣлается; слѣдилъ за всѣми извивами и изгибами своей мысли. Тамъ, внутри меня, есть нѣчто удивительно-сложное; оно думаетъ, мечтаетъ, грезитъ, и само можетъ сознать всю эту дробную, кролопавую, лутанную и перелутанную работу. Да, сознаетъ все это и вдобавокъ сознаетъ существованіе самого сознанія. Что же оно само по себѣ, это мое сознаніе?“

Какъ узнать, какъ добраться до него? Если на время я все забуду что зналъ, что видѣлъ и чувствовалъ, и останусь вполнѣ наединѣ съ самимъ собою....“

Онъ остановился и точно съ горки посматрѣлъ на пройденный умственный путь. Происходившее въ немъ казалось страннымъ и небывалымъ.

„Остаться наединѣ съ самимъ собою; совсѣмъ, совсѣмъ наединѣ, чтобы ничего кромѣ себя не сознавать.... этого со мной не бывало, моя мысль никогда такимъ образомъ не работала; никогда... И что же теперь, что теперь?“

Онъ старался сосредоточиться, усиливался удивиться какъ можно полнѣе и сильнѣе; теперь онъ уже не считалъ себя вѣчно самое себя надувающею особой, и то грызущее, тоскливое чувство чѣмъ сопровождалась такая мысль оставило его. Онъ былъ поглощенъ тѣмъ что впервые открывалось, еще не открылось, но вотъ сейчасъ, сейчасъ ему открывается. Трепетное чувство пытливаго ожиданія охватило его.

„И что же теперь?—что? повторялъ онъ.—Теперь во мнѣ только одна мысль: я сознаю самого себя; да, самого себя отдѣльно, уединенно, внѣ всего, внѣ времени и мѣста. И еще... еще знаю что это сознание, это сознающее самого себя Я существуетъ.“

Молодой человѣкъ перевелъ духъ. Сдѣланное имъ открытiе, или вѣрнѣе—какъ онъ самъ полагалъ—то что теперь само собою открылось ему казалось ему важнымъ и знаменательнымъ. Онъ нѣсколько разъ повторялъ надъ собою опытъ самоуединенiя, боясь не вкралось ли какой ошибки, и каждый разъ самъ собою открывался тотъ же выводъ. Петръ Андреевичъ, анализуя выводъ, скоро убѣдился что онъ есть не что иное какъ Декартово *cogito ergo sum*. Такое убѣжденiе ни мало не олечалило Петра Андреевича: онъ не проклялъ Декарта на основанiи правила *percept qui ante nos posita dixerunt*. Такое убѣжденiе, напротивъ, усилило для него значенiе вывода.

„Такъ вотъ что въ сущности значитъ это пресловутое *cogito ergo sum*“, думалъ онъ. „А мы, бывало, толковали, спорили о немъ! А настоящiй-то внутреннiй смыслъ этихъ словъ былъ для насъ темень, тусклъ. Надо самому прожить такую умственную фазу, тогда только узнаешь ее, тогда только вполнѣ поймешь чужую мысль, уразумѣешь ея значенiе.“

Тревожное чувство возбужденной пытливости, съ какимъ

онъ дѣлалъ опытъ самоуединенія, теперь замѣнилось спокойнымъ чувствомъ довольства. Молодому человѣку нравилось что умъ его способенъ на такое пониманіе; самая умственная работа, едва конченная, удовлетворяла его. Таковъ былъ новый предѣлъ дальше чего мысль не пошла. Она вновь, какъ маятникъ, качнулась въ обратную сторону и возвратилась къ опыту самоуединенія и отъ него, но съ уже меньшею противъ прежняго силой паденія, уклонилась къ первому предѣлу. Колебанія умственного маятника дѣлались слабѣе, энергія не направляла мысли, и она, становясь вялѣе и вялѣе, переходила въ грезу. Мысль такъ-сказать подремывала....

Долго ли молодой человѣкъ пролежалъ на диванѣ, онъ того не зналъ. Какъ онъ очнулся отъ крѣпкаго задумья, все окружающее показалось ему страннымъ, точно невиданнымъ. Странно и неуклюже лежало на диванѣ чье-то тѣло; точно то было не его тѣло, или онъ его никогда прежде не замѣчалъ. Въ глазахъ что-то мигало и что-то трещало, и еще слышался какой-то шеллъ и дребезгъ. Онъ точно откуда-то сверху глядѣлъ на все, не отдавая себѣ отчета въ томъ что видѣлось и слышалось, не чувствуя нужды въ такомъ отчетѣ. Бывшее сейчасъ внутри его представлялось отоль же смутно. Онъ и на это смотрѣлъ также безучастно и безотчетно какъ на все отражавшееся на сѣтчатой оболочкѣ его глазъ.

Понемногу дремота спала. Молодой человѣкъ сталъ припоминать что было, не что съ нимъ было, а что произошло въ немъ. Онъ вспомнилъ весь ходъ мысли въ обратномъ порядкѣ до того момента какъ отошелъ отъ стола.

„И вышло: все же я надуваю себя, тѣмъ ли, этимъ, а надуваю. Положимъ, умъ мой пережилъ, самостоятельно пережилъ первую ступень Декартовской философіи, — что жъ изъ того? За первымъ шагомъ втораго не будетъ. Да, было время я радовался этой глупости ума, старался развить ее. Какъ бывало предъ самимъ собой кичишься: понимаю-молъ, точно, ясно понимаю, ровно какъ самъ авторъ. А дальше? Дальше—столь. И неужели же меня ничто, ничто глубоко не занимать? тревоживъе допытывался онъ, — и я не готовъ... какъ бишь это?... Да, не готовъ погубить души своей ради чего-нибудь?... Какое глубокое выраженіе: погубить душу свою ради!... не утерпѣлъ, мимоходомъ восторгнулся молодой

человѣкъ. Тамъ, у нихъ, губятъ душу, продолжалъ онъ,—ради Христа и Евангелія. Хорошо когда знаешь чего ради дѣлаешь это и вѣришь что такъ оно и слѣдуетъ. А мнѣ?...“

На горькій вопросъ ничто не отозвалось въ душѣ.

— Нельзя же погубить ее ради развитія своей личности! горько усмѣхнулся онъ.

„Но если это невозможно, если я самъ не знаю ради чего погубить душу, продолжалъ онъ, — то хотя было бы на чемъ растратить силы. Бурно, безумно, безобразно, только не куснуть бы, не куснуть!“

И точно въ отвѣтъ на этотъ вопль отчаянія, предъ его „умными очами“ мелькнулъ нежданно давно не воспоминавшійся образъ.

„Да, съ нею я былъ бы счастливъ“, съ нѣжнымъ волненіемъ говорилъ Конововъ. „Она понимала какъ никто, до малѣйшаго отъѣвѣка мои мысли! О, тогда я не сталъ бы раздумывать, не сталъ бы спрашивать: что дѣлать, для кого работать, зачѣмъ? И мое громадное самолюбіе, о чемъ бывало толковалъ Полѣновъ, незамѣтно и привольно умѣстилось бы въ четырехъ стѣнахъ. Душа была бы покойна.... Но то все прошло и стараго не воротить! Теперь я не слышу про нее и даже хорошенько не знаю гдѣ она и что съ ней, и воспоминанія становятся все слабѣе и слабѣе.... Но отчего и теперь, чуть мелькнетъ воспоминаніе, мнѣ кажется: я встрѣчусь съ нею. И кажется....“ Конововъ остановился, точно и наединѣ про себя боялся договорить. „Да, я увѣренъ что еще встрѣчусь съ нею, и эта встрѣча будетъ роковою!“....

Онъ замолчалъ; то нѣжное волненіе, чѣмъ сопровождалось воспоминаніе, стало тревожнѣе и напряженнѣе. Томительное чувство наполнило грудь; воспоминаніе, какъ тяжелое бремя, давило сердце и казалось: жизнь невозможна пока оно не будетъ удалено, отброшено въ сторону. Помимо воли Коновова, въ немъ совершалась эта борьба; въ душѣ какъ будто что-то дрогнуло и зазвучало; уста шептали:

Зачѣмъ, о призракъ безпокойный,
 Меня ты мучишь и тревожишь,
 То наполяешь страстью злойной,
 То душу точишь мнѣ и гасишь?.

Я не зову тебя, страшуся
 Съ тобою встрѣчи. На тебя я,

Какъ въ дни былые, не молюся,
Весь міръ для милой забывая.

Теперь молю я о забвеньи,
Его, какъ мамы, ожидаю,—
И въ эти самыя мгновенья
Я вновь тебя вспоминаю.

Вспоминаешь помяну муки:
Ты вновь стоишь передо мною,
Какой была ты въ часъ разлуки,
Холодной, гордой и нѣмой.

Въ отвѣтъ на леги и рыданья
Улыбка на устахъ скользя,
„Отрады мнѣ твои страданья“,
Она, казалось, говорила.

И если что-нибудь случайно
Тотъ горькій часъ напоминаетъ,—
О, знаю я, съ отрадой тайной
Ты шепчешь: „онъ по мнѣ страдаетъ“.

И на устахъ твоихъ змѣнится
Опять улыбка....

.....

Короновъ остановился.

„О, сказалъ онъ,—на что бы ты ни могла меня подвигнуть если воспоминаніе о тебѣ возбуждаетъ въ душѣ нѣчто похожее на вдохновеніе!“

Онъ вздохнулъ, тяжело и долго, и точно обезсилѣвъ, опустился на кресло и охвативъ голову руками склонился на письменный столъ. Часы пробили половину седьмого.

IV.

Задребезжалъ звонокъ, и въ передней затурмали и затопали чьи-то тяжелые сапоги. Усатая, круглая какъ мѣсяцъ, рябая, низкостриженная голова съ кашлемъ и храпомъ глянула въ комнату.

— Кто тамъ? очнулся Петръ Андреичъ.

— Колехтура.

— Какая корректура, отъ кого?

— Никандръ Ильичъ погнали. Получить извольте.

И усатый мѣсяць подалъ изрядный пакетъ.

— Это что еще? Не ошибка ли?

— Никакъ нѣтъ-съ. Еще старья, коли готовы, позвольте-съ. Нужны, говорятъ.

— Подожди.

Голова съ усами скрылась. Кононовъ разорвалъ пакетъ. Изъ него вывалилась кила гранокъ и небольшая записка. Писарскою рукой изображено было что Никандръ Ильичъ надѣется-моль что Петръ Андреичъ проглядѣлъ уже программу, которая кажется вышла не дурна, о которой они еще лотокуютъ при свиданіи и которую уже требуютъ въ типографію и на счетъ которой былъ уже говоръ въ цензурѣ. Въ заключеніе прилагалась небрежная просьба, въ которой не откажетъ Петръ Андреичъ, прочесть прилагаемую статейку, которая также нужна поскорѣе. Въ *postscriptum*'ѣ, написанномъ Никандровою рукой, стояло: „Такимъ образомъ я считаю что уже началось ваше секретаріатство (было сначала написано „секретарство“, но исправлено), о которомъ мы уже говорили и которое, какъ я замѣтилъ, вамъ не противно, или вѣрнѣе не секретаріатство, а сореджированье“ (было написано „соредакторство“, но потомъ исправлено).

— Это что еще за новость! вспыхнулъ Кононовъ.— Ужь не думаетъ ли онъ на меня черную работу взвалить подъ видомъ своего *секретаріатства*! И что онъ вретъ: ничего я ему не обещалъ. Нѣтъ,—продолжалъ онъ, невольно пародируя Никандровъ слогъ,—за такое нахальство, которое вы уже оказали, вы получите нахлобучку, которую я вамъ сейчасъ задамъ.

Кононовъ схватился за леро. Усатая голова съ саломъ снова выглянула изъ-за двери.

— Ваше высокородіе....

— Что тебѣ? окрысился Кононовъ.

— Ничего-съ. Только дождь ужь очень больно.... до нитки какъ есть.

Смущеніе такъ не шло къ усатому мѣсяцу что Кононовъ улыбулся.

— Ну? ласковѣ спросилъ онъ.

— Съ Подневскаго вѣдь къ вамъ прилерь. Къ сочинителю гоняли; заикнулся было „не пожаауете ли на чайшко“. „Жалованье, говоритъ, получаешь, полпрошайничать нечего“. Что же! Мы и сами знаемъ что получаемъ. Эхъ!... На ваше высокобродіе одна надежда. До нитки. Выпилъ бы.

— Да и я, можетъ, сочинитель?

— Никакъ-съ нѣтъ.

— Почему нѣтъ?

— Съ лица видно-съ. Вы какъ есть въ себѣ баринъ.

Такой комплиментъ развеселилъ Кононова.

— Сейчасъ, сказалъ онъ и вмѣсто грознаго отвѣта черкнулъ: „Мнѣ рѣшительно, любезнѣйшій Никамаръ Ильичъ, нѣтъ времени. При свиданіи поговоримъ. П. К.“ И сложивъ всѣ бумаги, и старыя и новыя, онъ отдалъ ихъ усачу.

— А вотъ тебѣ.

— Вотъ ужъ истинно.... Господь васъ спаси.... А то до нитки.

— Петровна, крикнулъ Петръ Андреичъ,—запрете за нимъ двери, да сами сюда пожалуйте.

За стѣной зашуршало ситцевое платье и въ комнату вбѣжала молоденькая блондинка, съ проросью слегка толкнувшись о дверь плечомъ.

— Ахъ, да! вскрикнула она.

— Ахъ, это вы, Амалія Федоровна!

— Ахъ, да, это я! Ахъ, Боже мой!

И блондинка вдругъ застыдилась и покраснѣвшись стала оправлять платье и волосы.

— Я, знаете, Петръ Андреичъ, все лежала и задремала, навивно объясняя она свои дѣйствія.

Блондинка была маленькая и худенькая; чтобы быть совсѣмъ хорошенькою, ей надо бы годикъ-другой въ холѣ пожить. Отъ туго накрахмаленнаго сматаго платья она казалась еще худѣе. „Ужь такъ-то я худа, ахъ какъ худа, и житье мнѣ худое!“ казалось жаловалось маленькое тѣльце. Личико впрочемъ не поддакивало тѣльцу: въ немъ не было ничего жалобнаго, оно все копошилось и ужъ очень казалось хотѣлось ему улыбнуться.

— А Петровны дома нѣтъ, прибавила блондинка и улыбнулась.

— Какая досада! Я хотѣлъ было закусить...

— Это ничего, я сама сбѣгаю, живымъ манеромъ, послѣшно отвѣчала она, точно боясь не раздумалъ бы Петръ Андреичъ закусить.—А самоваръ давно готовъ, я все ждала Семель Иваныча; они деньги пошли получать....

Она остановилась, точно воспоминаніе о томъ кого она на глаза увидала она было не изъ пріятныхъ, и скорчила

гримаску. Но гримаска только шмыганула по личику, и она опять засвѣтилось.

— Только чего бы намъ купить? спросила она не безъ лукавства и быстро взглянувъ на Петра Андреича стала смотрѣть на кончикъ своего башмачка.

— Право не знаю, отвѣчала молодой человекъ.

Но блондинка знала, ахъ! твердо знала чего именно слѣдуетъ купить. Она заговорила бойко, слѣзшио, съ увлеченіемъ.

— Ахъ, знаете, я думаю сосисекъ и онѣ теперь сейчасъ у нашего колбасника: знаете, такія отличныя, горяченькія, вкусенькія!....

Блондинка разгорѣлась даже. Петръ Андреичъ, подавая ей деньги, не могъ не улыбнуться. Какъ она сконфузилась! „Ахъ, Боже мой! вѣдь Петръ Андреичъ такой умный, такой умный: онъ сейчасъ *совсѣмъ* отгадаетъ что у нея на мысаи. Да, онъ теперь знаетъ: она, еще какъ валялась на кровати, думала хорошо бы, ахъ хорошо! поѣсть сосисекъ.“ И чтобы свой конфузъ скрыть, блондинка опрометью бросилась въ двери.

— Пойдите, возьмите мой зонтикъ, вѣдь вашъ....

— Вы думаете въ закладъ? быстро спросила она. („Слава Богу, онъ ничего не замѣчалъ“, мелькнуло у нея въ голоѣ).— Нѣтъ, весело протанула она.— Ахъ, это только Семенъ Ивановичъ думаютъ что въ закладъ, а онъ у Петровны въ сундукъ. Мы всегда такъ. Какъ они придутъ вылимши, мы съ Петровной у нихъ всѣ карманы обшаримъ и деньги вынимаемъ, а имъ только немного оставимъ. Они не знаютъ: думаютъ истратили или потеряли. А потомъ какъ велеть заложить, мы будто въ закладъ, и Петровна даже изъ дому уѣздить, нарочно, конечно, и просидитъ, знаете, съ полчаса этакъ у сосѣдской кухарки или въ лавочкѣ. А мы, знаете, вещь въ сундукъ запремъ и деньги вынимаемъ. И это все Петровна: ахъ, она хитрая-прехитрая, вы не знаете! И вы думаете,—заодно выбалтывала блондинка всѣ секреты,—и зонтикъ, и платье мое шелковое, и другое платье, все въ закладъ? Ахъ, нѣтъ! Все, все у Петровны въ сундукъ, торжественно заключила она и расхохоталась.

Не было сомнѣнія: воспоминаніе о Петровнинныхъ хитростяхъ было любезно сердцу блондинки.

— Ну, а потомъ, какъ все заложимъ, они видятъ: дѣлать нечего и даютъ денегъ чтобы выкупить. И когда,—она остановилась, точно соображая слѣдуетъ ли сказать о чемъ еще

сказать хочется и не успѣвъ сообразить продолжала, — и такъ иногда бываетъ, денегъ у нихъ вовсе нѣтъ, а у насъ есть. И я будто занимаю у Петровны, а то скажу отъ расходовъ оставалось, и они хвалятъ; говорятъ: я хорошая хозяйка и экономничать умѣю....

Амалия Федоровна вдругъ остановилась и сконфузилась; она сообразила что почему-то (почему именно—въ такія тонкости она, далъ Богъ, не лускалась) о послѣдней подробности разказывать не слѣдовало; пробормотавъ: „ахъ, я забыла“, она шмыгнула изъ комнаты.

Болтовня Амалии Федоровны послужила молодому человѣку предметомъ для новыхъ разсужденій; думы на чемъ его засталъ разсыпанный еще не остыли; онъ только на время были отставлены съ пылу. Теперь онъ не замедлил примкнуть къ новымъ разсужденіямъ.

„И они хвалятъ, и Петровна такая хитрая-прехитрая, ахъ, вы не знаете!“ повторилъ онъ слова блондинки. „И живетъ себѣ и не безъ счастья живетъ. Какъ ни верти, а вѣдь тутъ и въ *иной* похвалять, и въ Петровнѣ, свое счастье есть. И мило вспомнить, и сердцу улыбается.... Да; а вотъ ты раздумывай чего-моль для душевнаго счастья не достаетъ; чего ради душу свою погубить.... Или она свою погубила? Чего же ради? Любви ради?“— При словѣ любовь онъ вздрогнулъ, и точно услугавшись недавняго воспоминавія, усиленно занялся думой о блондинкѣ.—„А *они*, продолжалъ онъ, грубый такой, хлѣбной, подъ льяную руку не подвертывайся—фу!.. Нѣтъ, тутъ дѣло проще, гораздо проще.... Что же тутъ?“..

Амалия Федоровна не дала Петру Андреичу раздуматься, скорехонько вернулась. Она весело отрясывала зонтикъ и охлопывала платье.

— Посмотрите, какія чудесныя! закричала она, просунувъ сосиски въ двери и тотчасъ скрылась.

Черезъ двѣ минуты и самоваръ кипѣлъ на столѣ, и чай былъ заваренъ, и приборы собраны.

— Что жъ вы? Садитесь. Или не хотите?

Она ничего не отвѣчала, только глаза у нея засмѣялись; казалось, такъ и локатываются они со смѣху, заливаются.

„Еще бы не хотѣть, съ утра не ѣла“, думала она садясь за столъ, а глаза все смѣялись „своему смѣху“. Уморительно казалось ей что умный человѣкъ ничего не отгадываетъ сегодня.

Она улетала за обѣ щеки и въ то же время успѣвала и его подчивать, выбирая кусочки получше, и чайникъ на конфоркѣ поправить, и рассказывать и смѣяться своему разказу.

„А все сосиски надѣлали“, подумалъ Петръ Андреичъ, косвенно отвѣчая самому себѣ на заданный вопросъ.

Вдругъ, только-что блондинка разошлась окончательно, приломившая какую-то шутку хитрой Петровны („Она вѣдь премуморительная, ахъ, вы не знаете!“) въ передней звякнулъ звонокъ; звякнулъ рѣзко и оборвался, и опять задрбежалъ, точно чья пьяная рука дернула, а пьяныя ноги въ эту минуту шатнулись и потащили за собой руку. Блондинка вдругъ перемѣнилась въ лицѣ и неслышно, на цыпкахъ, шмыгнувъ въ перелею. Она скоро вернулась.

— Нѣтъ, слава Богу, не они... верхняго жильца спрашивали, тяжело дыша съ перепугу проговорила она.

— Отчего жь слава Богу?

Петръ Андреичъ спросилъ совершенно машинально. Блондинка широко раскрыла глаза и поглядѣла на него.

— Ахъ, я боялась.... Семень Иванычъ.... они деньги пошли получать....

— И вернутся пьяными? съ усмѣшкой добавилъ Петръ Андреичъ, также машинально, какъ раньше спросилъ „отчего слава Богу?“

Амалию Федоровну всю передернуло; Кононовъ въ свою очередь поморщился, замѣтилъ что проврался. „Что жь я ей такое сказалъ?“ старался онъ припомнить.

— Ахъ, нѣтъ... Что вы говорите! залетела въ сильнѣйшемъ волненіи блондинка,—конечно Семень Иванычъ... Только нѣтъ, они меня любятъ, и даже ревнуютъ, а вы говорите! И вы знаете на какой дорогѣ я была, и я могла пропадать, и вы говорите!

— Извините, прошелталъ Кононовъ, и еще сильнѣе поморщился. „Да что жь такое я могъ ей сказать?“ снова спросилъ онъ себя.

— Ахъ, нѣтъ... Вы говорите: они льютъ. У всякаго, конечно, свои слабости. Но я никогда, ахъ никогда! не должна ихъ забыть, и маѣ грѣхъ будетъ... И они ревнуютъ... И какъ я сейчасъ теперь была въ вашей комнатѣ, а они могли придти... И я слугалась отъ этого.... А вы говорите.... ахъ!

„Что у нея тамъ въ головѣ колошится?“ подумалъ молодой человѣкъ и готовъ былъ сквозь землю провалиться.

— Нѣтъ вы знаете и не должны. Aber wissen Sie, Петръ Андреичъ, Sie dürfen mir das niemals sagen, ach! niemals!

Блондинка наполовину забыла родной языкъ и никогда на немъ даже не думала. Но въ важныхъ, въ *совѣсть* важныхъ случаяхъ не могла говорить по-русски. За нѣмецкимъ языкомъ неминуемо слѣдовали слезы. Такъ оно было и теперь.

„Да что жь я ей однако сказалъ?“ уже съ досадою подумалъ Петръ Андреичъ, и желаніе провалиться сквозь землю усилилось.

Амалия Федоровна, глотая слезы, быстро собрала со стола и ушла на свою половину.

„Нѣтъ, видно я засидѣлся“, думалъ онъ, „и ужь говорю не думая, самъ не знаю что. И чортъ меня дернулъ сказать; сидѣла бы да болтала. И что такое я ей сказалъ?“

Ударило половину восьмого. Кононовъ рѣшилъ что засидѣлся на одномъ мѣстѣ и ему необходимо провѣтриться. Онъ одѣлся и готовился ѣхать, самъ не зная куда. „Ну, куда-нибудь да поладу, а не то въ театръ“, сказалъ онъ.

— Вы извините, я не думалъ обидить васъ, сказалъ онъ блондинкѣ, уходя.

Она лукаво глянула ему въ глаза.

— Ну, ну, ну! подмоте! улыбнулась она и слегка похлопала его по плечу.

— Что такое „ну“? спросилъ онъ, и тоже улыбнулся.

— Ну, ужь я знаю! И въ лукавыхъ глазахъ скользнуло что-то вызывающее, ужасно вѣтряное и отчасти манящее.

„Богъ знаетъ что у нея въ головѣ!“ твердилъ Петръ Андреичъ, подходя къ воротамъ.

По счастью извозчикъ стоялъ у воротъ; привезъ, должно, кого. Кононовъ нанялъ его, но по дорогѣ два раза перемѣнилъ адресъ. Онъ ужь подѣвжалъ по третьему, какъ вдругъ приказалъ извозчику:

— Ступай-ка, братъ, на Николаевскую, я прибавлю.

„Чудной баринъ“, подумалъ Ванька, понукая дымившуюся лошадку.

„Что у насъ сегодня? Да, четвергъ. Ну, конечно, тамъ по четвергамъ собираются“, увѣрялъ себя Петръ Андреичъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Тамъ, на Николаевской, какъ и въ остальномъ Петербургѣ, былъ не четвергъ, а среда. И никто тамъ сегодня не собирался, а было тамъ вотъ что.

Миленькая премиленькая и молоденькая премолодецькая барышня сидѣла одна одишенька и ужасно скучала. Востровосенькая и живая, она походила на лтичку, и теперь, какъ сидѣла нахохлившись и пригорюнившись, тоже мало милая лтичку, заяблую и перемокшую.

„Скучно, думала Людмила Тимоеевна, очень скучно и никого нѣтъ. Тетя Маша ушла къ своей пріятельницѣ, завтра у нея по матери поминки. Это она сестры боится, чтобы не стала надъ ней смѣяться. Няня слить, да и о чемъ съ ней разговаривать?“

Да, скучновато-таки было, а въ институтѣ мечталось: дождь навѣрно молъ весело.

„Сестра говоритъ: я ничѣмъ не занимаюсь серьезно. Тебѣ ничто не занимаетъ, оттого тебѣ и скучно!“ мысленно передразнила она сестру. „Ну, и не занимаетъ! (У барышнѣ губки надулись.) Она даже сердится когда я новое платье примѣряю. И какъ тебя подобныя глупости занимаютъ! опять передразнила она сестру. „Вѣдь я не пристаю же къ ней. Она вотъ ученая, все занимается, а въ ней нѣтъ этого. Милаго въ ней ничего нѣтъ. Сухая она, и вдобавокъ скудная. Да, ей денегъ жаль, оттого она и на мои платья сердится.“

Тутъ барышня остановилась. „Не хорошо такъ про сестру говорить“, сидѣла она себѣ строгое внушеніе. „Она мнѣ ни сто матери.“

Барышня рѣшила думать о чемъ-нибудь другомъ и невольно продолжала о сестрѣ.

„Она теперь на лекціи сидитъ, соображала Людмила Тимоеевна,—и щурится на профессора. И еще сердилась: чѣмъ я не поѣхала. Охота въ такой дождь. И что бы я тамъ стала дѣлать? Сестра все поглядывала бы: не заснула ли. И поминутно спрашивала бы: поехала? а? поехала? А спросилась бы эта знакомая... ну, куцая, рѣшила Людмила!“

моевна. „Ахъ, Боже мой, еще какая кудая! И какъ я раньше не замѣчала что она такая?“

И барышня разсмѣялась; она была довольна своимъ открытiемъ.

„Да, о чемъ бишь я думала?“ продолжала она. „Да, эта кудая все наклонялась бы ко мнѣ и лищала бы: ахъ, я это знаю! ахъ, я давно объ этомъ читала! ахъ, какой интересный фактъ, и Либихъ“...

Барышня минутку передохнула.

„И онѣ считаютъ меня глупой, продолжала она, а я вовсе не глупая; я ихъ очень хорошо понимаю, а онѣ не могутъ про меня разсуждать. И я знаю какія онѣ, а онѣ какая я не знаю. Да, не знаютъ. А онѣ выдуманная. У нихъ все выдуманное, ничего своего нѣтъ. Онѣ говорить начинаютъ, выдумываютъ: что бы умное сказать? И смѣяться не умѣютъ; они никогда сразу не засмѣются, сперва подумаютъ: умно ли будетъ смѣяться? Какъ же онѣ не выдуманная! Настоящiя выдуманная. А какая же я? Не знаю, только не выдуманная... Я Божья, какъ няня говорить.“

Барышня была довольна всѣми своими открытiями и тѣмъ что она умная и можетъ все разсудить. Она уже не скучала и готовилась продолжать открытiя.

„Я не знаю чего хочу, только не хочу какъ онѣ... Мнѣ не нравится. И вовсе не правда что меня ничто не занимаетъ.—припомнила она сестринъ упрекъ.—Я вотъ въ институтѣ еще отлично ариметику знала и теперь русской исторiей занимаюсь. Только я не хочу какъ онѣ... Не хочу надѣвать всѣмъ...“

Вошла няня и доложила: баринъ-моль, Кононовъ прозывается, пришелъ.

„Какъ же я звонка не слыхала?“ подумала барышня и громко сказала:—Проси.

„А онѣ какой? Тоже выдуманный? Нѣтъ, должно-быть нѣтъ. Онѣ въ кухню Настю былъ влюбленъ, я знаю.“

Последнее обстоятельство было очень важно, по мнѣнию Людмилы Тимофеевны, и не мѣшаетъ кстати замѣтить что та о комъ недавно мечтала Кононовъ звалась Пастасей Григорьевной.

„Выдуманная, они влюбляются не могутъ“, рѣшила барышня.

— А вы развѣ не на лекциі? сразу озадачила она Кононова.

— На какой лекціи? не безъ искуства спросилъ онъ.— „Неужели ученый разговоръ вести придется?“ не безъ отвращенія подумалъ онъ.

Она сказала на какой.

— Тамъ всѣ, продолжала она.— Сестра говоритъ, очень интересно. Вы развѣ не интересуетесь?

— Я даже не зналъ что есть такая лекція. Но вы тоже не поѣхали, значитъ и вы не интересуетесь?

Конововъ сказалъ это безъ всякой задней мысли: надо же было что-нибудь отвѣтить придирчивой и ученой барышнѣ, какою въ эту минуту казалась ему Людмила Тимоѣевна. Въ его тонѣ тоже не было ничего особеннаго, развѣ чуть мелькнула досада: попалъ же изъ огня да въ полымя. Но барышнѣ показалось будто онъ смѣется надъ ней, задираетъ ее. Она быстро глянула на него и улыбнулась. „А, ты думаешь кольнуть меня—постой же!“ казалось говорила эта улыбка.

— А по-вашему я непременно должна интересоваться? Ахъ, Боже мой, я и забыла! нынче всѣ, всѣ интересуются. Извольте, буду восхищаться. „Ахъ, какой любопытный фактъ, и Либихъ! И какъ хорошо читаетъ! И главное удивительно логично!“—невольно повторила она свои недавнія открытія.— Чтò бы сказать еще? Да помогите же, monsieur Конововъ! Поддержите разговоръ.

— Я право... и онъ залпнулся. — „Да, она не такая; какая же она?“ мелькнуло у него въ головѣ.

Но барышнѣ стало весело что онъ смутился. не сумѣвъ влопадъ отвѣтить. Она закусила удила и пошла съ мѣста въ карьеръ.

— Нынче мода восхищаться лекціями. И теперь смѣются надъ прежнею модой. Сестра, какъ разсердится, всегда говоритъ: „ты ужъ восхищайся лучше оперой“. А вѣдь то же самое: „Ахъ, Марио, чтò за предесты! Какой голосъ! И играетъ милашка!“ Вы чѣмъ же и кѣмъ восхищаетесь, М. Конововъ?

Конововъ попалъ въ тонъ, и пошла болтовня. Боже! о чемъ только не переговорили они. Разговоръ сыпался пересыпался, лился переливался. Остановиться ему не было никакой возможности: собесѣдники точно условились дразнить другъ друга. Людмила Тимоѣевна по крайней мѣрѣ была увѣрена что онъ все хочетъ кольнуть ее, и въ отвѣтъ готовила шпильки поострѣе. Она увлекалась, вся уходила въ разговоръ.

Птичка проснулась, затрепескалась, защебетала. Конововъ былъ сдержанный, и если порой увлекался, то противъ воли: то она увлекала его. Барышня была очень мила—онъ замѣтилъ это. Личико у нея было подвижное, живое; выраженіе непрерывно мѣнялось и всегда казалось естественнымъ и пріятнымъ. И въ словахъ не было ничего затверженнаго, вызубреннаго наизусть. Иное было сказано мѣтко, иное остроумно, иное безцвѣтно, но ни въ мѣткости, ни въ остроуміи, ни въ безцвѣтности не было ничего казеннаго. И не было также никакихъ притязаній ни на мѣткость, ни на остроуміе. Говорилось какъ думалось. Конововъ порой старался отгадать ея отвѣтъ; нѣтъ, она совсѣмъ другое отвѣчала, или хоть и въ родѣ его догадки, только своеобразно какъ-то, съ какимъ-то своимъ оттѣнкомъ. Точно уголокъ въ лѣсу: уютный и укромный, маленькій, но милый и пріятный; онъ словно уединился ото всего лѣса и живетъ себѣ, звать никого не хочетъ. И солнышко-то въ немъ, кажется, инаково свѣтитъ, и птицы порхаютъ, раслѣвваютъ по-своему, веселѣе и беззаботнѣе. Тутъ хорошо посидѣть, отдохнуть и забыть на долго, на коротко все на свѣтѣ. Конововъ испытывалъ именно такое впечатлѣніе пріятнаго отдыха, только не забывалъ всего на свѣтѣ. Онъ любовался ею какъ знатокъ, или по меньшей мѣрѣ хотѣлъ именно такъ, а не иначе любоваться ею.

— Я васъ никогда не видалъ такою веселою, сказалъ онъ между прочимъ.

— Вы меня мало видали, сказала она.

— Вы обыкновенно неразговорчивы. Или, быть-можетъ, вы боитесь сестрицы?

Онъ думалъ: „она разсердится на этотъ вопросъ“, и его интересовало что-то она отвѣтитъ. Тутъ-то и крылась разница между имъ и барышней. Задай Людмила Тимоевна ему такой вопросъ, она сдѣлала бы это безо всякой задвѣй мысли. Ее интересовалъ бы не столько смыслъ его отвѣта, сколько какъ, съ какимъ движеніемъ приметъ онъ ея шпильку.

— Нѣтъ, я не боюсь, отвѣчала барышня.—Я просто съ вами разговаривать не умѣю, съ этими что у сестры бываютъ. И она припомнила про „выдуманныхъ“, не утерпѣла чтобы не сообщить своего открытія и не вставить своего слова. При словцѣ, она взглянула: каково де оно ему покажется. Онъ улыбнулся. „Значитъ слово ничего, хорошее слово“, рѣшила она.

— Да, я съ ними не умѣю разговаривать. А въ столовой у тети, гдѣ тетя Мама чай разливаетъ, мы боатаемъ и смѣемся.

— А меня вы тоже къ выдуманнымъ причисляли?

— Васъ? переспросила Людмила Тимоеевна и слегка смутилась.—Я, право, васъ такъ мало знаю....

— Признайтесь что да; скажите по правдѣ....

— По правдѣ я о васъ никогда не думала какой вы....

Людмила Тимоеевна оковчательно сконфузилась.

— Нѣтъ; вотъ вы говорите я сестры боюсь, припомнила она и очень обрадовалась случаю переимѣнить разговоръ,—нѣтъ, я не боюсь. Она умная и много знаетъ.

Людмила Тимоеевна остановилась и не знала что еще сказать про сестру: „онъ еще подумаетъ: я надъ ней смѣюсь“, мелькнуло у нея въ головѣ.

— Вѣдь правда, спросила она, только бы не молчать,—гдѣ правда: она умная и много знаетъ?

— Мнѣ кажется у нея весьма серьезный умъ, и она действительно много знаетъ. Я очень ее уважаю.

— Уважаєте? И въ головѣ у барышни мелькнуло новое открытіе.—Значитъ, боитесь ее. Оттого вамъ и кажется будто и я боюсь. Всегда думаешь про другихъ какъ будто про себя; не про всѣхъ другихъ, а кого мало знаешь.

— Помилуйте, съ чего мнѣ бояться вашей сестрицы? Что въ ней страшнаго?

— Нѣтъ, нѣтъ, горячо заговорила Людмила Тимоеевна,—нѣтъ, кого уважаешь, того непременно боишься. Вотъ у васъ батюшка въ институтѣ былъ, священникъ. Славный такой, умный, справедливый. Мы всѣ его уважали и ужасно какъ боялись. Я не знаю какъ бы вамъ объяснить. Ну, вотъ когда кого уважаешь, сильно уважаешь, съ тѣмъ никогда не вздумаетъ просто заговорить; ему не скажешь что въ голову придетъ. Все думаешь: „можетъ-быть, это обидитъ его“, или „покажется ему глупо“, или „просто неприятно ему будетъ, потому что онъ о чемъ-нибудь серьезномъ задумался“. Вотъ это, по-моему, и значитъ бояться; уважаешь и боишься. Вы поняли?

— Да, да, отвѣчалъ Конововъ, стараясь уловить ея мысль.

— А вы.... вы не разсердитесь?

— Сдѣлайте одолженіе, говорите.

— А вы именно такъ говорите съ сестрой. Я замѣчала. Вы

никогда просто съ ней не говорите, а всегда, всегда думаете сказать ей что-нибудь.... что-нибудь ученое.

— Я говорю съ вашей сестрицей о томъ что, по-моему, можетъ занимать ее.

— Да? значить, вы говорите съ ней съ подходцемъ! торжественно заключила она.—Вы знаете это слово „съ подходцемъ“? Это явля такъ говорить. Вамъ нравится? По-моему оно такое хорошее, и.... и смѣшное.

И Людмила Тимофеевна засмѣялась.

— А если вы не просто съ ней говорите, значить вы ее боитесь.

— Позвольте, я не вполнѣ васъ понимаю. Вѣдь и вы уважаете, конечно, свою сестрицу, значить и вы ее боитесь.

— Нѣтъ это не то; совсѣмъ не то. Неужели вы не понимаете? съ нѣкоторымъ отчаяніемъ заговорила она, и Кононову показалось что на словѣ *вы* было сдѣлано удареніе.—Видите, еслибъ она была не сестрой мнѣ, а постороннею, совсѣмъ постороннею, я уважала бы ее, и тогда боялась бы. А теперь я могу съ ней просто говорить, оттого что люблю ее. Такъ, особенно люблю, по-сестринскому. Вы понимаете?

Кононову казалось будто онъ ее понимаетъ, и разговоръ побѣжалъ своимъ чередомъ.

II.

Кононову не было времени скучать, и онъ проболталъ съ Людмилой Тимофеевной до возвращенія старшей сестры съ лекціи. По счастью, лекція затянулась. Сестрица вернулась поздно и не въ духѣ, весьма сурово поздоровалась съ Кононовымъ и молча стала разливать чай, немилосердо дребезжа ложечками. Съ сестрицей пожаловала ея знакомая дама, „куцая“, по мнѣнію Людмилы Тимофеевны. Куцая, въ качествѣ дамы образованной, завела ученый разговоръ, обращаясь преимущественно къ Кононову. Тотъ отвѣчалъ ей односложно, только не обидѣть бы благородной дамы, и подумывалъ какъ бы улизнуть поскорѣе домой. Оказалось что поддерживать такимъ образомъ разговоръ не всегда безопасно.

— Вамъ извѣстно, ловѣствовала куцая,—что свѣтъ дѣйствуетъ на глазъ. Это законъ....

— Фактъ, неосторожно замѣтилъ Кононовъ.

— Я очень хорошо знаю что такое фактъ и что такое законъ и напрасно вы меня учите, вскипѣла куде-ученая барыня,—вы, мушкетеры, думаете что мы ничего не можемъ знать, но мы вамъ докажемъ....

— Принято называть....

— Не думаете ли вы меня застращать авторитетами? Такъ я ихъ не признаю.

И въ доказательство того дама пустила въ него дюжиной ученыхъ именъ.

— Я вовсе не имѣлъ въ виду, началъ было Кононовъ.

Но отъ учено-кудей дамы не такъ-то легко было отбояриться. Она рѣшилась постоять за себя и за женщинъ вообще и пошла безъ милосердія опоражнивать свой умственный кошелекъ, крошечный, чуточный кошелечекъ для мелочи. И даже не для ходячей мелочи, а для воображаемой. Представьте себѣ что копеечки и денежки изъ серебра чеканятся какіе же кошелечки понадобятся?

— Да, хотя я женщина, черезъ четверть часа кричала она,—но очень хорошо понимаю что такое законъ. И я докажу вамъ... Что я вывожу изъ факта—это законъ. Напримѣръ, я наблюдаю что человѣку ѣсть надо когда онъ голоденъ. И это законъ.

— Точно такъ, съ послѣднюю почитательностію отвѣчалъ Кононовъ, вставая съ мѣста и берясь за шляпу.

— Да, это законъ. А когда я наблюдаю что у меня слезы идутъ изъ глазъ и знаю что онѣ отдѣляются изъ слезной железы, это—фактъ.

— Такъ точно, еще торопливѣе и еще почитательнѣе проговорилъ Кононовъ, откланиваясь обществу.

О, еслибъ онъ зналъ какую ненависть къ себѣ посеялъ въ груди кудей дамы! „Я, кажется, обидѣлась, проговорила она про себя,—но я знаю что такое фактъ и что такое законъ. И я ему докажу!“

Убѣжавшій отъ доказательства Кононовъ благополучно вернулся домой, но дома не все обстояло благополучно. Онъ дернулъ звонокъ, въ другой пошибче, въ третій еще: никто не отворяетъ. Онъ дотронулся до ручки, дверь отперта оказалась. Вошелъ, въ передней темно, дальше тоже, гдѣ-то слышится шуршанье и точно кто-то всхлипываетъ.

„Что тамъ?“ подумалъ Петръ Андреичъ и отворилъ дверь въ кухню.

Его очамъ представило такое зрѣлище: у плиты, на четверенькахъ, стоялъ Семень Иванычъ и мыча стучался головой о края плитнаго устья. Дверка была отворена, но голова никакъ не попадала въ отверстіе. Семень Иванычъ не унывалъ и ревностно продолжалъ тѣ же упражненія. Амалія Федоровна, вскрикивая, стояла возлѣ со свѣчей въ рукахъ, точно желала посвятить сожителю. Петровна подголосывала хозяйкѣ, полая на колѣняхъ около художника. Она не то хотѣла оттащить его отъ плиты, не то приладала къ нему.

— Нашла-таки, вотъ онѣ, чортовы, съ неудовольствіемъ сказала она, подавая деньги блондинкѣ.—Сочтите-ка.

— Гдѣ жь онѣ были? съ тихими слезами спросила Амалія Федоровна.

— А все въ жилетѣ, въ карманкѣ. Только подкладочка поразорвавшись, онѣ и запали, да я приловчилась. Зашить иначе надо будетъ; не то вывалются еще. А сколько?

— Ахъ, надо будетъ зашивать! Ахъ, тридцать семь! рыдала и считала деньги блондинка.

— Ну, слава Богу!—Петровна повеселѣла, и замѣтивъ Кононова точно устыдилась своей веселости и съ сокрушеньемъ доложила:—Безъ правенькаго саложка пришли-съ.

— Ахъ, скотина! вырвалось у Кононова.

Дамы строго поглядѣли на него.

— Надо однако уложить его. Ну, беритесь, распорядился Кононовъ.

Охмѣлѣвшее тѣло, послѣ немалыхъ трудовъ, было наконецъ водружено на постели и разоблачено отъ мокраго платья. Сыманье лѣваго салага, вѣроятно, напомнило дамамъ о преждевременной гибели праваго, и онѣ сочли долгомъ оплакать покойника.

— Ну что вы рюмите? почти прикрикнувъ на нихъ Кононовъ. — Вамъ-бы его въ кухнѣ полѣвьями, или пусть бы его подъ плитой ночевалъ...

Дамскія слезы мгновенно высохли, и дамы сухими, почти злобными глазами глянули на совѣтника. „Ахъ ты, безчуживенный этакой!“ сказали сухіе глаза.

— Ну, а все-таки парадную дверь запереть не мѣшаетъ, сердито проворчалъ Петръ Андреичъ и пошелъ къ себѣ.

Милый вечеръ не могъ кончиться досадѣе. „Спать, спать!“ рѣшилъ Кононовъ и улегся, но уснуть не могъ. Въ сосѣдней

комнатѣ шуршали платья и слышалось неясное шушуканье. „Или опять заревѣли?“ съ досадою подумалъ молодой человекъ. „Нѣтъ, хихикаютъ: деньги, должно-быть, еще наши“. Но вотъ, слава Богу, шуршанье, хихиканье и шелтаванье замолкали, только неугомонный дождикъ похлопываетъ, да пошлепываетъ. Хлопъ, шлепелъ, хлопъ, шлепелъ! „Ну-ка подожди дождикъ усну“. Въ ушахъ что-то шелчется. „Что тамъ, бредитъ мысль,—кто тамъ шелчетъ, зовутъ что-ли меня?“ Звуки явственнѣе, вотъ и слышать можно. Хлопъ—фактъ, шлепъ—законъ!

— Ахъ проклятая! какъ барабанную перелонку намозолила, проворчалъ Петръ Андреичъ и перевернулся на другой бокъ.

Подушка ли сползаетъ, голова ли въ нее тонетъ, только пріятно таково. Задремывается. „Вотъ-вотъ, сію, сію, сію секунду засну“, засылаетъ мысль. Въ глазахъ мерещится начинаетъ; мерещится, растетъ, яснѣетъ, опредѣляется.

— Кто тамъ? забредила мысль,—кто подходитъ?—Ясно: Семья Иванычъ изъ плитной дверцы выглядываетъ, и лѣзетъ все ближе, ближе, до лица коснулася.

— Фу, чортъ возьми! И Конововъ опять перевернулся.

— И отчего эта дрянь лѣзетъ? усиливается сообразить мысль. — Когда засылаешь всегда рожи представляются... Да, да, она очень мила... И умница... Какъ бышь она это сказала?...

„Хлопъ—фактъ, шлепелъ—законъ!“ опять явственно зачистило въ ушахъ.

„Мочи нѣтъ!“ прошелталъ Конововъ и думалъ было свѣчу зажечь, но дрема одолѣла.

— Когда засылаешь, усиливается работать дремающая мысль, всегда шелпотъ слышится, точно зоветь... И собой она мила!

Въ глазахъ замечались разные хари, но одна осилѣла. Ясно: изъ плитной дверцы Семья Иванычъ и опять цѣловаться коровить. И опять вертись. И снова: шлепъ — законъ, хлопъ — фактъ! шумитъ дождь. „Вотъ-вотъ засылаю“, едва бормочетъ сквозь сонъ мысль. И опять лѣзетъ изъ дверцы, и въ самыя губы коровить...

— Ахъ, чортъ васъ возьми! Канитель! ругается Петръ Андреичъ и наконецъ-то, наконецъ засылаетъ.

Такимъ образомъ окончился для Кононова этотъ дождливый день. Читательница (на память читателя я не разчитываю) припомнитъ что я обѣщаль начать повѣсть съ самаго будничнаго и зауряднаго дня. Но это не значитъ чтобъ этотъ день прошелъ безслѣдно.

III.

Сестрица Людмилы Тимошеевны, Паулина Тимошеевна, что вчера столь улорно молчала и немилосердо дребезжала ложечками (единственная причина почему я не представилъ ее немедленно читателю), была особа... нѣтъ, не особа: она терпѣть не могла этого слова и замѣняла его словомъ „личность“. Она выражалась также и про другихъ: „умная личность“, „пустая личность“, „ученая личность“ и такъ далѣе. Словомъ, всѣ ея знакомые были личности, и сама она была замѣчательная двадцати-пяти-лѣтняя личность. По крайней мѣрѣ, она считала себя таковою.

Она думала про себя какъ про личность ученую, даже слишкомъ ученую, притомъ личность необыкновенно умную и чрезвычайно логичную. Она училась, постоянно училась, прилежно училась, училась съ тѣхъ поръ какъ начала себя поминать. Она знала астрономію, физику и математику, и не то чтобы на однихъ словахъ, а на самомъ дѣлѣ. Она была умна и до сихъ поръ еще не встрѣчала личности умнѣе себя. Она была вдобавокъ логична. Непрестанно заботилась она дабы все что она ни дѣлала и ни говорила было логично, и всѣ ея слова и дѣйствія отличались строгою логичностью. Въ другихъ, къ немалому негодованію и огорченію, она не замѣчала логичности; особенно нелогичны казались ей мужскія личности. Быть-можетъ это происходило отъ того что у нея была *своя* логика.

Звали Паулину собственно не Паулиной, а Павлой, въ честь бабки, игуменьи. Она находила что не логично называть дѣтей гаулымъ именемъ (таково, по ея мнѣнію, было имя Павлы) въ чью бы то ни было честь. Далѣе; игуменья была *свекровью* ея матери, а это имя, равно какъ вообще имена свойства, какъ-то деверь, невѣстка, золовка, шуринъ, казались Паулинѣ ужасно нелогичными. „У Нѣмцевъ нѣтъ же такихъ именъ, а если и были въ старину то они ихъ уничтожили: не логично обременять память лишними словами.“

Отсюда она выводила что русскій языкъ вообще не логичен; нѣмецкій гораздо логичнѣе. Къ своему горю она никакъ не могла отвыкнуть думать по-русски и утѣшалась тѣмъ что рада логичности предпочитала Германцевъ Россіянамъ.

Ея любви къ нѣмецкому племени не мало способствовало слѣдующее обстоятельство. Въ институтѣ облюбовала ее нѣкая классная дама изъ митавскихъ Нѣмокъ, взяла подъ свое крылышко и обучила ее нѣмецкимъ добродѣтелямъ. Добродѣтели сіи состояли въ порядливости, чистоплотности и бережливости. И воспитательница, и ученица были твердо убѣждены что оныя качества свойственны только Нѣмкамъ.

По выходѣ изъ института Паулина возгорѣлась желаніемъ увидѣть Германію, родину классной дамы изъ Митавы. Се было ей дозволено, и она покатила въ сопровожденіи своей воспитательницы. Паулина не только очаровалась, но была просто пришиблена нѣмецкою жизнью, показавшеюся ей оцѣтвореннымъ идеаломъ. Она восхищалась всѣмъ нѣмецкимъ безъ изъятія, безпрекословно и подобострастно. Все, все въ этой ученой странѣ казалось ей логичнымъ и она готова была на всякія жертвы только не отстать бы отъ Нѣмокъ. На чтѣ! будучи, между нами, сластеной, она отказалась отъ нѣкоторыхъ своихъ любимыхъ яствъ, какъ-то соленыхъ огурцовъ и поросенка подъ хрѣномъ, ибо оныхъ яствъ въ Германіи вкушать не дозволяется.

Послѣ двухлѣтняго пребыванія подъ небомъ Бюхнера и Фохта, Паулина (я предпочитаю звать ее однимъ именемъ безъ отчества, ибо отчество ей казалось нелогичнымъ) вывезла оттуда три сказанныя нѣмецкія добродѣтели, укрѣпленная примѣромъ филистерской жизни, матеріалистическія возрѣнія, вѣсколько свѣдѣній въ наукахъ и мужа своей дорогой воспитательницы, не замедлившей сочетаться законнымъ бракомъ съ ученымъ агрономомъ. Къ несчастію, всѣ эти богатства не пригожались или вовсе не пригодились въ необразованной Россіи.

Начнемъ съ добродѣтелей. Порядливость перешла въ Паулинѣ въ болѣзненную страсть видѣть всюду безпорядокъ и заводить въ домѣ что ни день новые порядки. Чистоплотность въ брезгливость къ русской прислугѣ, казавшейся ей ужасно нечистоплотною, въ ту силу что сама Паулина, занятая науками, не удосуживалась наблюдать за чистотой своей личности. Паулина не равьше успокоилась какъ възвѣвъ въ домъ

горничную Нѣмку, которая, сообразивъ въ чемъ дѣло, взяла въ руки фрейлинь. Многія русскія барыни, какъ я замѣчалъ, усложняются на этомъ. Бережливость Паулины весьма смахивала на скардность; она считывала прислугу на каждой копѣйкѣ и все-таки была увѣрена что ее обкрадываютъ; она самолично отвѣшивала хлѣбъ для прислуги и вѣчно мучалась что люди жрутъ ужасно. Да, именно „жрутъ“: про себя Паулина выражалась довольно безцеремонно.

Наконецъ Нѣмкинь мужъ также не пригодился. Паулина мечтала сдѣлать его главноуправляющимъ своего и сестринаго имѣнія, но ей сего не дозволили. Имѣніе не было разделено, да и сама Паулина оказалась въ то время несовершеннолѣтнею. Нѣмкинь мужъ, при первомъ намекѣ Паулины быть главноуправляющимъ, пробѣжавшій за нею весь Мюнхенъ безъ шляпы, видя что дѣло не выгораетъ выругалъ свою жену, Паулину и варварскую Россію самыми скверными словами и пригрозилъ пожаловаться своему начальству. Паулина обидѣлась, но не на Нѣмца, а на нелогичность русскихъ законовъ считающихъ девятнадцатилѣтнюю посвященную дѣвицу несовершеннолѣтнею. Она была увѣрена что по ту сторону Вержболова такой нелогичности не существуетъ.

Паулина была дѣвицей и богатою невѣстой, но никто не заботился даже узнать замужняя она, вдова, или дѣвица и много ли за ней приданого. Выражаясь моднымъ слогомъ, такой вопросъ былъ поднятъ всего однажды. Именно при поѣздкѣ Паулины въ наследственное имѣніе черезъ городъ Куротоякъ, между штабсъ-капитаномъ Моргуновымъ и поручикомъ Дергуновымъ произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Видѣлъ, спросилъ Моргуновъ, — нынче проѣхала грязь-городская помѣщица Воробьева?

— Видѣлъ: больно мурловата, отвѣчалъ легкомысленный поручикъ.

— Не бѣда: мурловата, за то говорятъ страсть богата, глубокомысленно замѣтилъ солидный штабсъ-капитанъ. — А что она дѣвица или вдовая?

— Она, братъ, учевая.

— А-а!

Тѣмъ разговоръ и кончился.

Нельзя сказать чтобы сама Паулина никогда не мечтала о мужѣ и дѣтяхъ, но мечты эти были особаго свойства. Мужа она не представляла себѣ ни высокимъ, ни среднимъ, ни

малаго роста, ни свѣтаорусымъ, ни темнорусымъ, ни чернянымъ, ни чиновникомъ, ни военнымъ, ни ученымъ, ни помѣщикомъ, а видѣлось ей на примѣръ что сидитъ она звѣздною ночью въ саду и подлѣ нея личность въ мужскомъ платьѣ. И эта личность ни въ чемъ ей не прекословитъ и не возражаетъ, а только слушаетъ ее и восторгается ею. И обучаетъ она эту личность астрономіи, и говоритъ ему:

— Другъ мой, видишь какаѣ у тебя умная жена: всѣ созвѣздія знаетъ.

А личность ей въ отвѣтъ:

— Да, мой другъ, я счастливъ что у меня такая умная жена.

При мечтѣ о дѣтяхъ Паулина видѣла что она сидитъ и читаетъ толстое нѣмецкое *Руководство къ воспитанію дѣтей*. Она читаетъ и примѣняетъ правила, а дѣтишки.... но она не иначе ихъ могла вообразить себѣ какъ въ видѣ олицетворенныхъ правилъ.

IV.

Паулина по-своему любила младшую сестру и заботилась о ея воспитаніи, то-есть чтобы сестра по возможности во всемъ походила на нее. Для достиженія такой цѣли, Паулина старалась удалить отъ сестры всякую пошлость и непрестанно толковала ей о необходимости серьезныхъ занятій. Людмила Тимоеевна плохо поддавалась логичности. Отъ занятій она не отказывалась, но вздумала брать уроки—оле ужаса!—русской исторіи. Старшая сестрица хотя и нашла что младшая *ist dem verrückt*, но покоряясь необходимости, и чтобы сестра не болталась, пригласила учителя. Что до знакомствъ, то Паулина не могла безъ ужаса вспомнить о пошлости личныя сестриныхъ и тети-Машиныхъ знакомыхъ, и на подмогу дерзости съ какою обращалась съ ними старалась окружить ее личностями умными и просвѣщенными. На Ковонова Паулина Тимоеевна до сихъ поръ не обращала никакого вниманія, но со вчерашняго вечера причислила его безповоротно къ „пошлымъ“. Ей, какъ и ея куцей знакомой, показалось будто она вчера имѣла въ виду оскорбить если не всѣхъ женщинъ вообще, то по крайности женскій вопросъ, а на этотъ счетъ Паулина была особенно щекотлива.

Милая барышня сидѣла за фортепiano и разбирала романсъ: во время паузы она вспомнила что вчера ей весело болталось,

и что Кононовъ былъ очень милъ: Въ это время ее позвали къ сестрицѣ. „Зачѣмъ я ей?“ подумала Людмила Тимоѣевна и пошла съ тайнымъ предчувствіемъ выговора. Сколько бы она ни перебирала за чтѣ ей можетъ быть выговоръ, она никакъ не догадалась бы что разговоръ будетъ о вчерашнемъ. Паулина спросила долго ли просидѣлъ Кононовъ и о чемъ они разговаривали. Вопросы эти, или вѣрнѣе важно-озабоченный тонъ какимъ они предлагались, показались барышнямъ ужасно странными, и она едва удержалась чтобы не улынуться. „Неужели ей никогда не приходилось болтать?“ мелькнуло въ головѣ.

— И онъ вѣрно наговорилъ тебѣ кучу самыхъ лшлыхъ любезностей, сказала Паулина тономъ не допускаямимъ сомнѣнія.

Людмила Тимоѣевна съ изумленіемъ поглядѣла на сестру и ничего не отвѣтила.

— Я говорю тебѣ это изъ желанія предупредить, продолжала старшая.—Ты, пожалуй, примешь эти любезности за нѣчто серьезное и вообразишь себѣ...

— Помилуй, Паулина, онъ такъ рѣдко бываетъ у насъ, встала меньшая.

— Это ровно ничего не значитъ, отрѣзала старшая и продолжала въ томъ же наставительномъ тонѣ.

Милая барышня, слушая эти наставленія, удивлялась какъ это сестра такая умная, а не имѣетъ понятія о самыхъ простыхъ вещахъ, и отчего онъ кажутся ей вовсе не въ томъ видѣ какъ бываютъ на самомъ дѣлѣ. И ей какъ-то жаль стало сестру, и она рѣшила никогда ей впередъ не противорѣчить. „Пусть она говорить чтѣ хочетъ, надо быть къ ней снисходительной и ласковою: она вѣдь совершенное дитя“, рѣшила Людмила Тимоѣевна.

Наставленія не имѣли иныхъ послѣдствій кромѣ того что начавъ снова разбирать романсъ и дойдя до той же паузы, милая барышня неволью улыкнулась вспоминая слова сестры и вчерашнее. Она перебрала весь разговоръ, и спросила себя отчего Кононовъ такъ рѣдко бываетъ у нихъ, и рѣшила что хорошо еслибы онъ и другіе „нескучные“ бывали почаще. Весьма можетъ быть что дальше она открыла бы что жаль что онъ рѣдко бываетъ, но была отвлечена приходомъ старика - дяди, недавно пріѣхавшаго изъ деревни.

Дядя сталъ разспрашивать какъ поживаетъ племянница и кто лихъ бываетъ, и Людмила Тимоѣевна объявила что больше всѣхъ знакомыхъ ей нравится Кононовъ. Она съ такимъ живымъ восхищеніемъ разказывала какъ съ намъ весело то старикъ, страстно любившій племянницу, просилъ непременно поскорѣй познакомить его съ молодымъ человѣкомъ. Племянница обѣщала. „А если онъ опять долго у насъ не будетъ?“ пришелъ въ голову вопросъ. „И можетъ-быть вчера я ему наскучила и показалась глулою“. Но слѣдомъ барышня улыбнулась, и эта улыбка говорила: „Нѣтъ, быть не можетъ“.

Таково было послѣдствіе визита Коконова, въ соединеніи съ наставленіями Паулины Тимоѣевны, на Николаевской. Но безъ послѣдствій вчерашній вечеръ оказался и во флангѣ господина Щурупова. Именно, блондинка на другое утро, когда Семень Ивановичъ еще не проснулись, разказала хитрой Петровнѣ о вчерашнихъ сосиськахъ, смѣхѣ и слезахъ. Петровнѣ все это показалось необычайно интересно и она разспросила кое о чемъ подробнѣе.

— И онъ говорилъ зачѣмъ пьетъ Семень Ивановичъ? спросила Петровна.

Блондинка отвѣчала утвердительно.

— А помните что онъ сказалъ какъ мы нашу чуду-то вчера укладывали?

Хитрая Петровна какъ этотъ, такъ и другіе вопросы, предлагала безо всякой не только задней, но и передней мысли, собственно ради поддержанія разговора. Но послѣдній вопросъ почему-то произвелъ впечатлѣніе на блондинку. Она точно что-то сообразила, и вдругъ вслыхнула. Петровна глянула на нее и прищурилась, а блондинка лучше загорѣлась, можетъ-быть потому что въ ту же минуту послышался изъ-за стѣны голосъ Семена Ивановича. Художникъ проснувшись услышалъ что разговоръ шель про сосиськи, и составилъ планъ какъ будетъ вѣсть ихъ.

— Ты что тамъ о сосиськахъ болтала? спросилъ онъ вошедшую Амалию.

Та созналась.

— Гм, особенно свирѣло промышчалъ художникъ. Неизвѣстно отчего зависѣло сіе свирѣлство: отъ обманутой надежды, или отъ ревности, только Амалия Федоровна вся затрелетала и боялась какъ бы Семень Ивановичъ не замѣтилъ этого. И о

таковомъ обстоятельствѣ было сообщено Петровнѣ, и это заставило почтенную даму серьезно подумать о дѣлѣ. Какъ она думала и до чего додумалась будетъ своевременно объяснено читателю.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Конововъ проснулся поздно, съ тяжелою головою, и рѣшилъ пить чай въ постели. Въ головѣ было смутно, неясно, туманно; мысли разбѣгались и слотыкались на каждомъ шагѣ. О вчерашнемъ не сохранилось никакихъ воспоминаній. Отъ дѣлать-нечего и чтобы хоть на чемъ-нибудь сосредоточить мысль, Конововъ протянулъ руку къ этажеркѣ съ книгами и потащилъ первый попавшійся томикъ. То были стихотворенія Огарева; онъ раскрылъ ихъ на удачу; выпала 83 страница, III строфа *Монологъ*.

Конововъ сталъ читать механически, но начало стихотворенія показалось ему: онъ рѣшилъ перечестъ строфу съ большимъ вниманіемъ и началъ вслухъ:

Чего хочу?... чего?... О! такъ желаній много,
 Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь
 Что кажется порой—ихъ внутренней тревогой
 Сожжется мозгъ и разорвется грудь.
 Чего хочу? Всего, со всею полнотою!
 Я жажду знать, я подвиговъ хочу,
 Еще хочу любить съ безумною тоскою,
 Весь трепеть жизни чувствовать хочу!
 А въ тайнѣ чувствую что всѣ желанья тщетны,
 И жизнь скупа, и внутренно я хилъ,
 Мои стремленія замолкнуть безотвѣтны,
 Въ попыткахъ я заласъ растрачу силъ.
 Я самъ себя кажусь....

Конововъ остановился.

— Конецъ слабъ, проговорилъ онъ, пробѣжавъ глазами нѣсколько слѣдующихъ стиховъ,—и читать не стѣять, но мало...

И Конововъ принялся было анализовать начало.

— Можно къ тебѣ? слышались чьи-то необычайно низкія криплымъ ноты.

— Войди.

т. сѣт.

Низкія ноты исходили изъ гортани Семенъ Ивановича; его помятое (словно на немъ сидѣли) лицо выражало робкую пристыженность и мучительное самобичеваніе, сіи неизбѣжныя послѣдствія перелоя. Кудластые волосы, сильно намоченные квасомъ, слились и не были расчесаны, а только по мѣстамъ прихлопнуты ладонью. Они напоминали высокотравый помятый дождемъ лугъ.

— Да-а, началъ было г. Худышкинъ,—вчера....

— Хорошо былъ, отрѣзалъ Кононовъ.

Его мысль, оторвакая при входѣ художника отъ начатой было работы, стала попрежнему смутна и туманна. Онъ говорилъ точно г. Худышкинъ налицо не находился, а онъ, Кононовъ, самъ съ собою разсуждалъ о художникѣ. Размышленія сіи, надо чести приписать, были не изъ весьма для г. Худышкина одобрительныхъ и, главное, вовсе безцеремонныхъ. По той именно причинѣ что личное присутствіе художника въ расчетъ не принималось, безцеремонность и неодобрительность сужденій сопровождалась безучастною холодностью, и не было въ нихъ и тѣни ни сожалѣнія, ни негодованія, ни иного сколько-нибудь энергическаго чувства. Все это отражалось въ тонѣ какимъ Кононовъ излагалъ свои сужденія вслухъ. Холодная безцеремонность и безучастная неодобрительность тона сокрушительно и язвительно дѣйствовали на художника и безъ того, какъ замѣчено, расположеннаго къ сокрушенію и самоязвленію.

„Да лучше бы ты меня подлецомъ выругалъ!“ подумалъ г. Худышкинъ, услыжавъ простое замѣчаніе: хорошо-молъ былъ.

— Гм, кашлянулъ Семенъ Ивановичъ чтобъ избыть язвительнаго чувства.

— А сегодня, приступилъ онъ къ изложенію главной цѣли своего посѣщенія,—какъ нарочно чортъэтотъ глазастый, хозяинъ, за деньгами явится: два мѣсяца просрочено.... И дернуло жъ меня вчера сказать что за получкой иду!—Тутъ совѣсть сильнѣе загрызла художника и съ тѣмъ вмѣстѣ въ головѣ всколыхнулись вчерашніе лары и онъ едва договорилъ:—Тебя хотѣлъ просить.... не можешь ли впередъ.... хотъ часть....

— Теперь вѣтъ, а на дняхъ получу и Амаіи Федоровнѣ отдамъ; пусть прямо хозяину отвесетъ.

Тотъ же безучастно-безцеремонный тонъ!

„Да хотъ бы ты сказалъ: надоѣло ужъ все впередъ, да вле-

редь.... Да лучше бы ты мнѣ... въ рожу плюнулъ“, мысленно не проговорилъ, а прохрипѣлъ несчастный страдалецъ.

— И досада жь!—И точно досада килѣла въ его голосъ, только не на то досадовалъ онъ о чемъ разказать хотѣлъ, а на Кононова.—И досада жь! вчера пятьдесятъ рублей получилъ, и дернулъ же чортъ на биллиардѣ, все прогудъ.

— Не вѣрнѣй-ли: въ правый салогъ положилъ да съ нимъ вмѣстѣ и обровилъ!

Этого только не доставало! Мѣра художникова терпѣнія исполнилась.

— Ну, Кононовъ, скрикнулъ онъ зубами,—ты хорошъ, все хорошъ, но какъ нападешь на тебя эта язва, такъ бы, кажется, тутъ тебя на мѣстѣ и....

Худышкинъ не докончилъ, и вдругъ спохватясь бросился бѣжать. Кононовъ смутно сообразилъ что Семень Иванычъ „осерчать изволили“ и взялся за прерванную работу.

Худышкинъ не досказалъ слова „убить“, но убѣждалъ не потому чтобы боялся убить Кононова. Въ ухахъ ли у него зазвенѣло или точно звонокъ звякнулъ, только глазастый чортъ хозяинъ заметался предъ „умнымъ окомъ“ художника и трусъ ведій объялъ его.

— Петровна, Петровна! кричалъ онъ влетая на свою половину.—А? ушла? Ну, хоть ты, Амальхенъ, скорѣе, скорѣе!

Амальхенъ засуетилась сама не зная чему и стала комкать сложеное на столѣ чистое бѣлье.

— Ахъ, Господи, ничего-то ты не умѣешь, только и умѣешь что съ жильцами сосиски ѣсть, бессмысленно укорилъ Семень Иванычъ свою любовницу и точно опомнясь завопилъ:—Да, бѣги же, бѣги, ради Бога.

Въ это время явственно зазвякалъ звонокъ. Амальхенъ бросилась къ двери.

— Да лстой же, лстой, ради Бога!—И Семень Иванычъ ухватилъ ее за платье.—Если хозяинъ, скажи вчера не получилъ, сегодня съ утра ушелъ. Ну, стулай.... Да, стой еще: не принимай его, слышишь, не принимай.... Да чего жь ты стоишь? Господи, точно не слышать!

Звонокъ заливался. Амальхенъ въ страхѣ бросилась отпирать. Семень Иванычъ, гдѣ стоялъ, затопотался на мѣстѣ. Въ головѣ былъ адъ; все всколыхнулось, перелуталось и заклокотало: и виновые пары, и разрозненная пара салогъ и укору совѣсти, и надворный совѣтникъ Щуруловъ. И великій

страхъ напалъ на художника отъ этого каламбурнаго клокотанія въ головѣ. Сему удивляться не должно: нашъ умъ урожденный каламбуристъ, что извѣстно всѣмъ изучавшимъ народныя повѣрья и суевѣрья.

Амаля вернулась блѣдная и залыхавшись.

— Ну что? отказала? Повѣрима?

— Это къ Кононову толстякъ приходилъ.

— А!

И г. Худышкинъ въ изнеможеніи грохнулся на постель обливаясь холоднымъ потомъ.

Толстякъ между тѣмъ прошелъ къ Кононову.

— Ну такъ и есть, сказалъ онъ, остановившись въ дверяхъ,—первый часъ, а они еще въ постелькѣ валяются, и книжечка въ рукахъ!...

— Навѣрно Чулковъ. Не успѣлъ войти, ужъ выбранился. И Кононовъ отбросилъ книгу.

— Нельзя не браниться. Однако здравствуйте.

— Здравствуйте.

Они пожали другъ другу руку. Толстякъ съ тяжелою отдышкой плюхнулся въ кресло.

— А, извините, что это вы читали? Знаете, не могу видѣть книги равнодушно.

— Огарева перелистывалъ.

— А-а!

— И набрелъ на очень недурное стихотвореніе; раньше я его не замѣчалъ, но, право, хорошо.

Мысли возбужденныя стихотвореніемъ были яснѣе всѣхъ въ головѣ Кононова, не мудроно что онъ заговорилъ именно о нихъ.

— Что вы! съ недоувѣріемъ отозвался толстякъ.—А ну-ка прочтите.

Кононовъ прочелъ.

— Всего хочеть, да еще со всею полнотою вдобавокъ! Молодецъ: губа не дура, сказалъ Чулковъ.—Однако всего да еще такимъ манеромъ хотѣтъ значить въ сущности ничего не хотѣтъ или не знать чего хочеться: „и это молъ вкусно, и то не дура“. Въ обоихъ случаяхъ, чувства мизерныя, а выраженіе: козырное, хоть Фаусту въ лору. Въ результатѣ Фаустъ à la grand'misère ouverte. Но по-вашему оно не такъ? Толкуйте.

И пріятелю, не выдавшіеся близъ трехъ лѣтъ, привалился

толковать стихотвореніе г. Огарева. Замѣчаніе Чулкова за-
дѣло Кононова за живое: не стихотвореніе собственно было
ему дорого, а свои, имѣ навѣянные, мысли.

— Волервыхъ, началъ онъ,—за конецъ строфы не стою,
возьмите и распните его. Мысль вообще не выдержана....

— Не по головѣ пришлась, подхватилъ Чулковъ.

— Вовторыхъ, вы напрасно на нее смотрите какъ на вы-
раженіе лирическаго момента. Стихи не созданные, а голов-
ные, надуманные, даже начитанные....

— По-просту, вычитанные, олять подхватилъ Чулковъ.

— И съ тѣмъ согласенъ. Но все же мнѣ кажется оно вы-
ражаетъ моментъ, важный моментъ въ исторіи развитія лич-
ности. Представьте себѣ—и Кононовъ оживился, и чѣмъ
дальше все больше оживлялся и съ тѣмъ вмѣстѣ все больше
забывалъ о спорной строфѣ,—представьте себѣ такой мо-
ментъ: личность—я говорю о талантливой личности—доста-
точно дозрѣла, чувствуетъ свою силу, хочетъ и готова испы-
тать ее, но на чемъ? вотъ зарубка. А между тѣмъ, будто все
манить, все влечетъ. Конечно, это чувство кажущееся: вы-
боръ долженъ быть сдѣланъ и будетъ сдѣланъ. Но пока не
сдѣланъ, пока личность колеблется, нападаетъ тоска. Тос-
ка перелома; я сказалъ бы предсмертная тоска, еслибы
вѣрнулъ въ загробную жизнь. Впередѣ побѣда, и побѣда
предчувствуется даже. Но именно вслѣдствіе этого предчув-
ствія побѣды тоска сильнѣе, несноснѣе и кажется безысход-
ною.—Да, прибавилъ Кононовъ задумчивѣе,—всякая побѣда
тяжела, а побѣда надъ самимъ собою, побѣда воли надъ раз-
умомъ еще тяжеле.... Но послѣднее къ дѣлу нейдетъ.

— Прекрасно, и я все понялъ. Моментъ важный и выска-
зали вы его важно, какъ говорилъ одинъ кулець. Но все
это къ господину Огареву не относится, а есть ваша самоличная
отсебятинна, какъ говаривалъ Карлъ Павлычъ Брюловъ. А у
господина Огарева.... Позвольте-ка книжку.... Впрочемъ не
надо.... Притворяться намъ съ вами не къ чему. Ни васъ, ни
меня оный поэтъ не занимаетъ, а привязались мы къ его
Хочу потому что свои мысли высказать хочется. Такъ ли?

Чулковъ взглянулъ на Кононова. „Отгадалъ, подумалъ
онъ,—и за отгадку онъ не сердится: будемъ же говорить от-
кровенно.“

— Итакъ, безъ обиняковъ, мнѣ хочется сказать объ одной
вещи и эта штука вдобавокъ—я стою на этомъ—прекрасно

выражена онымъ лѣтомъ. Я говорю объ умственной несварихѣ....

— Это что еще? Болѣзнь что ли какая?

— Болѣзнь и есть. И притомъ наша кровная, русская. Ея признаки—отращеніе ото всякой здоровой и фундаментальной лицѣ и стремленіе къ закускамъ; происходитъ она отъ умственного объяденія во дни вѣчнаго отрочества и цвѣтущаго юношества. Дѣло бываетъ такъ: родится на свѣтъ умокъ, умшкѣ ничего себѣ, далъ Богъ, здоровенькій и бодрый, и шустрый, правда нѣсколько склонный къ остро словію, что можно хотъ бы по мнѣ замѣтить, но послѣднее въ скобкахъ. Словомъ, настоящій дворянскій умъ. И предстоитъ его, сударь, воскормить или, коли угодно, воспитать. А чѣмъ? Слѣдуетъ не твердою лицей, а молокомъ духовнымъ, какъ говорить одинъ очень умный человекъ. И вотъ выдержки этотъ умокъ какъ слѣдуетъ, да муштру хорошую ему задай, и ничего: выходися бы. Не тутъ-то было; его съ первыхъ дней либо, по русскому, соленьями да печеньями, либо, по quasi-иностраннымъ, ликулами да соями, да все съ перчикомъ, да съ каенскимъ... Чайтельно, ни ростбифа, ни щей съ кашей потомъ оцѣнить не сможетъ. Извините, метафора грубенька выходитъ, да не бѣда! Ну-съ, все ему претить: и простота претить, и здорьеве претить. Все либо прѣслятиной, либо кислятиной кажетъ. А жрать-то хочеть, алетить, сударь, хотъ и болѣзненный, а волчій: всего, кричить, подавай, со всею полнотою! И пошла умственная несвариха: ничто въ прокъ нецетъ. И жалится: „ахъ, нравственно я хилъ, и прочая!“ А если со стороны, откуда видѣе, посмотрѣть, выходитъ вотъ что: „Вѣрую“ не знаетъ, а Бога въ сторону; сужденія отъ умозаключенія не отличить, а кричить: у меня де своя логика. Ну, и пошла эта логика собственнаго издѣлія курбеты выкидывать да еще намъ велить ихъ за глубокія нравственныя страданія признавать.

— А вы, какъ погляжу, все такой же поклонникъ здоревья....

— Да древнее правило: здравый умъ.... конецъ и проглотить можно.

И Чулковъ приваялся яростно раскуривать потухавшую папиреску. Коновозъ помолчалъ. И обоимъ это молчаніе было нужно, и пріятно. Каждый обдумывалъ слова другаго.

„Такъ вотъ до чего онъ дошелъ въ своей теоріи личности“, подумалъ Чулковъ.

„А онъ чуть ли не больше ирежняго сталъ ко всему прилагать натуралистическій взглядъ“, сообразилъ Конововъ.

— Вы, кажись, еще что-то сказать хотѣли? началъ Чулковъ.

— Услѣдемъ еще... Вѣдь мы съ вами три года не видались.

— Да, близъ того.

— О Рождествѣ три будетъ: я помню какъ вы уѣзжали.

И каждый подумалъ: „Шли-то мы съ тобой по разнымъ дорогамъ—это ясно, да можетъ дошли во многомъ до того же. Только гора съ горой не сходится. А любопытно бы знать въ чемъ сошлись.“ И движимые такимъ желаніемъ оба заговорили вдругъ, и разсмѣялись.

II.

Пріатели пробесѣдовали не всломясь часа четыре добрыхъ.

Я не ставу передавать ихъ бесѣды, но не потому чтобы боялся замедлить теченіе повѣсти. Будьте покойны, сударыня (я обращаюсь къ вамъ, моя читательница), я довольно свѣдущъ въ своемъ мастерствѣ и знаю что эпизоды, картины нравовъ, всякія подробности столь же необходимы для романа сколько излишни въ драмѣ. Я также вполне раздѣляю сѣтованія тѣхъ кто жалуется что русскіе романисты никогда не дадутъ порядкомъ разговориться своимъ дѣйствующимъ лицамъ (точно, прости Господи, вамъ и поболтать-то не о чемъ!) и слѣшать на почтовыхъ разказать свою фабулу. Я не передаю бесѣды пріателей по иной причинѣ; мнѣ необходимо какъ можно скорѣе познакомить васъ съ Владиміромъ Дмитріичемъ Чулковымъ.

Жизнь обоихъ пріателей, съ этой встрѣчи, перепуталась самымъ тѣснымъ образомъ; характеръ одного былъ бы не понятенъ и не ясенъ безъ характера другаго; они отгѣвляли другъ друга и какъ бы взаимно дополняли одинъ другаго. Далѣе, Конововъ охотно повѣрялъ пріателю свои задушевнѣйшія мысли, свои интимнѣйшія чувства; Чулковъ участвовалъ во всѣхъ приключеніяхъ и заключеніяхъ Петра Андреича и былъ его неизмѣннымъ сопутникомъ въ странствіяхъ по мытарствамъ. Подъ такимъ именемъ я разумно обще-

ства гдѣ имъ случалось бывать. Ахъ, сударыня, не знаю какъ вамъ, но мнѣ всякій разъ какъ я попадаю въ общество такъ-называемыхъ образованныхъ людей и прислушаюсь къ спорамъ и разговорамъ, мнѣ не шутя кажется будто моя грѣшная душа отдѣлилась отъ бреннаго тѣла и страдаетъ по мытарствамъ.

Все вышесказанное заставляетъ меня немедленно приступить къ сравнительной характеристикѣ молодыхъ людей. Это будетъ тѣмъ болѣе кстати что въ *Прологѣ*, увлекшись исторіей умственного развитія моего героя, я только мимоходомъ указывалъ на черты его характера. При характеристикѣ, по свойственной мнѣ обстоятельности (каюсь: порой, быть-можетъ, черезъ-чуръ обстоятельной), я приведу нѣкоторыя мнѣнія обоихъ пріятелей. Считаю это необходимымъ по тремъ причинамъ. Вопервыхъ, вамъ уже извѣстно, сударыня, какое значеніе я приписываю *высцитымъ* мыслямъ. Во вторыхъ, какъ я слышалъ; у насъ начинаютъ въ послѣднее время цѣнить умъ самъ по себѣ. Доселѣ, въ теченіе довольно долгаго періода, у насъ придавали особую цѣну *краскѣ* въ которую окрашены мозги. Такой порядокъ (извините за небольшое ототупленіе) яломиналъ старинный анекдотъ о томъ какъ на ярмаркѣ, въ одномъ изъ южныхъ городовъ, Армянинъ продавалъ бабѣ ситецъ. Баба не совсѣмъ-то одобряла товаръ.

— Казистый-то винъ казистый, толковала она, — та не добротный.

Армянинъ до тѣхъ поръ не могъ убѣдить бабу, пока не схватилъ куска и не началъ тыкать имъ въ носъ.

— Ты не смотри его доброта, приговаривалъ онъ, — ты нюхай его краска.

Баба сдалась. Такъ-то и мы занимались нюханьемъ краски.

Наконецъ, въ третьихъ, сударыня, потому... но почему втретьихъ мнѣ необходимо изложить нѣкоторыя мнѣнія обоихъ пріятелей вы узнаете не раньше четвертой главы второй книги настоящей *Исторіи*.

Итакъ, благословясь, приступимъ.

Начнемъ съ рѣчи. Рѣчь Коновова отсывалась книгой и уединеннымъ размышленіемъ. Онъ былъ не прочь при случаѣ вставить пословицу, или иное народное реченіе, но ему для этого надо было предварительно уяснить себѣ точный смыслъ реченія, изучить и усвоить его въ кабинетной тиши. Рѣчь Чулкова была живая, скорая, непосѣдливая какъ онъ самъ.

За словомъ онъ въ карманъ не лазилъ и обращался съ рѣчью по-свойски; онъ бралъ слова и реченія откуда придется, только вполнѣ выражали бы они въ данную минуту его мысль. Онъ передѣлывалъ иностранныя слова на русскій ладъ, лестрилъ бесѣду старинными и областными словами, выковы-валъ новыя, особенно сложныя и усиленно держался синтаксиса народной рѣчи. „Суть-то въ томъ, говорилъ онъ,—чтобы синтаксисъ былъ свой, а не переводный, тогда и мысль своя; а не въ томъ чтобы колоши мокростулами звать.“ Облѣпить-ся при такой дѣлкѣ онъ не боялся. „Ахъ, батюшка, отвѣчалъ онъ, когда шое его слово находили неудачнымъ, — на то я Русскій чтобы по-русски безъ нѣмецкой отчетливости говорить. Да оно и не слѣдъ. Французъ вотъ одно время заставлялъ свою рѣчь по-придворному держаться, все ей приговаривалъ: „Tenez-vous droite“, и она не только прямо, изячно даже держаться стала, а теперь тотъ же Французъ самъ на это плачется и какъ ни старается свою рѣчь растолкать, вполнѣ не можетъ.“

Чулковъ любилъ поговорить со всякимъ. Кононовъ любилъ только дружескую бесѣду и съ чуть-посторонними больше отмалчивался. Несмотря на разговорчивость Чулковъ былъ скорѣй скрытенъ чѣмъ откровененъ; Кононовъ же съ близкими былъ вполнѣ откровененъ. Обычно люди разсуждаютъ по внѣшнимъ признакамъ: разговорчивъ человекъ—значить душа на распашку, молчаливъ—скрытенъ; такъ разсуждали и о Кононовѣ съ Чулковымъ. Кононовъ, какъ всякій истинно-откровенный человекъ, былъ разборчивъ на знакомства; Чулкову, какъ человеку себя на умѣ, этого не требовалось. У Чулкова было еще свойство приспособляться къ людямъ. Кононовъ задохся бы въ такой средѣ гдѣ порой подолгу вращался Чулковъ. А Чулкову какъ съ гуся вода: онъ оставался самимъ собою и выносилъ интересныя наблюденія надъ удущающею средой. Слоспособность приспособляться бывала ему порой не только отрицательно, но и положительно полезна. Она напримѣръ давала Чулкову возможность сближаться съ бывалыми и дѣловыми людьми. У Кононова такихъ знакомствъ почти не было и если случайно выпадали, то онъ не зналъ что съ ними дѣлать. Чулковъ же и цѣнилъ ихъ и умѣлъ ими пользоваться.

Приспособляясь, Чулковъ изрѣдка прикидывался и выдавалъ себя не за самого себя только въ такъ-называемой образованной средѣ, когда думалъ кого-нибудь „вышутить“.

Съ бывалыми же и вообще съ людьми простыми онъ оставался чѣмъ былъ самъ по себѣ: „милымъ баринкомъ“.

— А притворяются, а лаче переодѣваться ради народоученія, говоритъ онъ, — значить не по-ученому дѣйствовать. Случилось мнѣ разъ верстѣ двѣсти на перекладныхъ съ переодѣтымъ народоислѣдователемъ проѣхать. Ямщики его за человѣка даже не считали. „Эй ты, лохматый: поддержи хомуты!“ Да еще выругаютъ коли не такъ что сдѣлаетъ. А онъ-то не нарадуется: совсѣмъ де за мужика считаютъ. Ну, чорта онъ и замѣтилъ. Сами подумайте: кто съ такимъ, прости Господи, лѣшнимъ хороши́й разговоръ имѣть пожелаетъ?

Сюда же относящаяся черта: Кононовъ никогда не дѣлалъ никакихъ опытовъ надъ людьми, былъ по возможности, и даже до крайней возможности, снисходителемъ, ласковъ и уступчивъ. Правда, на него, по выраженію Семена Ивановича, порой напала язва, или какъ однажды картинно выразился онъ же: „любишь ты изъ чужой души вертаюги выворачивать“. (Семень Ивановичъ, какой ни на есть, все же художникъ былъ.) Но эти „выворачиванья“ Кононовъ производилъ, какъ мы видѣли, почти безсознательно; замѣтъ онъ, или даже покажись ему что не только сужденіе, токъ его рѣчи глубоко оскорбителямъ для художника, онъ уступилъ бы, жаль бы къ нему почувствовалъ. И самъ долго вспоминалъ бы про это, и мучился бы какъ могъ до такой степени забыться. Чулковъ напротивъ склоненъ былъ глядѣть на большинство людей какъ на особей подлежащихъ изученію, и не прочь былъ производить надъ ними психическіе опыты. Для этого онъ доводилъ ихъ до сердца, или до абсурда, или же подводилъ такъ что человѣкъ обнаруживалъ предъ нимъ свою комическую сторону. Иногда въ этомъ онъ заигрывался, и даже приходилось ему казаться не въ одномъ опытѣ.

— Чтò дѣлать, оправдывался онъ, — я натуралистъ и знаю что опытъ выше простаго наблюденія.

Кононовъ либо близко сходился съ человѣкомъ, либо вовсе не сходился, и большинство, знавшее его шаловчо, отзывалось о немъ похвально, или по меньшей мѣрѣ съ крайнею осторожностью, какъ о странахъ незнаемыхъ, или древнѣйшихъ періодахъ исторіи. Исключеніе составляли одни лгуны. Люди столъ же мало знали и Чулкова, но имъ, вслѣдствіе его мнимой откровенности, въ силу его приспособляемости, часто казалось будто они знаютъ его даже лучше чѣмъ онъ самъ. Ничто до та

кой степени не бѣсило Чулкова, какъ эти „я тебя“, или „я васъ хорошо знаю“, а ему ихъ часто приходилось выслушивать. „Чорта ты знаешь“, мысленно отвѣчалъ онъ знатоку, но вслухъ высказывалъ рѣдко, и только тѣмъ кого любилъ. Разъ Чулковъ назвалъ себя эгоистомъ при Полѣновѣ, съ кѣмъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

— Врешь, замѣтилъ Полѣновъ, — я знаю, у тебя сердце доброе.

И онъ разказалъ какъ однажды, крѣпко нуждаясь въ деньгахъ, нигдѣ не могъ ими раздобыться; у Чулкова, онъ зналъ, денегъ тоже не было, истратился на постройку новаго платья, но зашелъ къ нему на перепутьи заплакаться на судьбу. Чулковъ, освѣдомясь сколько именно нужно, сказалъ чтобы Полѣновъ больше не искалъ, что у него на примѣтѣ человѣчекъ у кого найдется потребная сумма.

— Я успокоился, и побрелъ домой, досказывалъ Полѣновъ. — Точно: черезъ часъ приноситъ деньги. Я съ радости ничего было не замѣтилъ. А потомъ гляжу что онъ все въ старомъ пальто ходитъ — и что же оказалось? Онъ все новое платье продалъ.

— Ковчилъ? спросилъ Чулковъ.

— Ковчилъ. И ты все будешь утверждать что эгоистъ, что у тебя не доброе сердце?

— А почему ты, несчастный юристъ, полагаешь что я по добротѣ сердечной новое платье продалъ? Попробуй-ка придумать кое-какія комбинаціи причинъ сего поступка — оно тебѣ и полезно кстати будетъ: въ прокуроры воровишь. Вообрази: я ради спокойствія нервнаго, которое ты своею кислою рожей нарушалъ... или ради опыта...

— Ну, расписывай: я тебя хорошо знаю...

— Чорта ты знаешь, разсердился Чулковъ. — Помни: не только другаго человека, хоть бы ты съѣлъ съ нимъ не то семь, а семью-семь лудовъ соли, каковъ онъ въ себѣ не узнаешь, а и самого-то себя, какихъ опытовъ ни дѣлай, вполнѣ не уразумѣешь.

Полѣновъ, конечно, остался при своемъ мнѣніи. Другіе тоже оставались при мнѣніи что отлично знаютъ Чулкова, и не скупились на изложеніе своихъ знаній. Рѣдко о немъ отзывались вполнѣ дурно, развѣ по злобѣ, вообще считали его „далеко не дуракомъ“, но когда приходилось дать о немъ серьезный отзывъ, то большинство мялось и либо давало руга-

тельный отзывъ, но не безъ заклинаній: „по долгу де безпристрастія“, либо отзывъ похвальный, но съ поправкой, марьющею, если не черныащею, Чулкова. Быть-можетъ одною изъ причинъ этого была здравость ума Чулкова, выражавшаяся въ полномъ отсутствіи робости при высказываніи сужденій, въ стойкомъ сопротивленіи всякому одностороннему взгляду, какъ бы моденъ и распространенъ онъ ни былъ. Да, все простить смертный своему ближнему, кромѣ здоровья.

Въ неблагопріятныхъ отзывахъ о немъ Чулковъ бывалъ порою и самъ виноватъ. Онъ наживалъ себѣ если не враговъ, то недоброжелателей частію въ силу привычки отгадывать чужія мысли, разумѣется, когда отгадка была удачна, частію отъ безжалостнаго разбиванія чужихъ иллюзій. Одинъ музыкантъ толковалъ ему программу своей симфоніи и особенно улиралъ на одно мѣсто.

— Въ оркестрѣ тутъ скрипочки, конечно, пустите! замѣтилъ Чулковъ.

Музыканта покоробило.

— Не люблю когда такъ прокрадываются въ мою душу, сказалъ онъ.

Въ другой разъ писатель en herbe, собираясь писать романъ, высказывалъ Чулкову надежду что произведевіе выйдетъ совсѣмъ оригинальное.

— Вѣдь съ сотворенія міра и до нашихъ временъ всѣ писатели точно помѣшались на любви. Любовь да любовь, точно человечеству иной заботы нѣту. Нѣтъ, пора это оставить, особенно въ наше время, когда столько новыхъ мыслей и люди пошли точно новые. Пора выдвинуть новыя страсти, а любовь—на покой. Что вы скажете?

Чулковъ отвѣтилъ ему первымъ стихомъ *Илюды*:

Гнѣвъ, богиня, воспой Ахиллеса Пелеева сына.

Вообразите гнѣвъ генія въ новомъ родѣ!

Какъ бы то ни было, Чулковъ испытывалъ на себѣ верѣдкую судьбу людей съ оригинальнымъ и стойкимъ умомъ: большинству хотѣлось глядѣть на него свысока. „Умъ, сказалъ Пушкинъ, любя просторъ, тѣснить.“

III.

Возвратимся къ сличенію характеровъ обоихъ пріятелей.

Кононовъ говорилъ про себя, и какъ всегда въ серьезныхъ вещахъ, откровенно, что онъ самолюбивъ, но самолюбивъ интензивно, только предъ самимъ собою. Его честолюбивыя мечты согласовались съ таковымъ свойствомъ самолюбія. Ему хотѣлось найти образованную среду, или за ея неимѣніемъ хотя бы избранный, но по строгому разуму избранный кружокъ и занять тамъ почетное и вполнѣ самостоятельное положеніе. Не внѣшній почетъ, ниже уваженіе избранныхъ было бы въ такомъ разѣ для него лестно, а сознаніе своей полезности, своей вліятельной пригодности. У Чулкова мечта была иная; вотъ что отвѣчалъ онъ однажды Кононову, выслушавъ его признаніе:

— Ну, и я скажу вамъ чего мнѣ хотѣлось бы. Я желалъ бы быть отличнымъ, незамѣнимымъ альтистомъ или виолончелистомъ въ превосходномъ, первый сортъ, оркестрѣ. И чтобы дирижоръ у насъ былъ тоже первый сортъ: строгій, требовательный и выше всѣхъ какъ музыкантъ. Чтобы его слово было для насъ закономъ не въ силу его положенія, а по сознанію что онъ лучше и выше насъ всѣхъ. Зналъ бы тогда что есть у тебя свое дѣло и дѣлаешь ты его исправно... Эти слова можете понимать двояко: и въ прямомъ смыслѣ, и метафорически.

Чулковъ говорилъ откровенно: мечта была дѣйствительно эгоистична. Онъ скрылъ только, выражался его слогомъ, нѣкоторое усложненіе. Размышляя наединѣ, онъ приходилъ къ заключенію что за неимѣніемъ и невозможностью найти идеальнаго дирижора сдѣлалъ бы попытку войти въ оркестръ къ слепому. Но тутъ онъ открывалъ въ себѣ помѣху къ такому соглашенію: „Я гордъ“, думалъ онъ, „и мнѣ все будетъ казаться будто je suis à la merci какой-нибудь кавальера. И это именно сдѣланіе гордости. Конечно, сіе качество, весьма для дѣла пригодное, человеку въ себѣ умѣрять сдѣдуетъ.“ И онъ гнался побѣдить сіе дьявольское качество.

Объ извѣстности, а лаче о славѣ съ ея минутнымъ крикомъ восторженныхъ похвалъ и судомъ глуца, ясно, ни одинъ въ пріятелей не мечталъ. Кононовъ просто-на-просто не

понималъ стремленія къ славѣ, а тѣмъ менѣе полагалъ чтобы такое стремленіе могло быть внутреннею потребностью чело-вѣка; онъ улыбался, слыша толки какъ де важно, особенно въ наше время, приобрести популярность; онъ улыбался когда говорили о славѣ великихъ людей: вѣдь они цѣнятся и по-нимаются столь немногими!

Чулковъ не только не понималъ стремленія ко славѣ, но даже хохоталъ надъ нимъ.

— Извѣстность и слава приходятъ сами собой, говорилъ онъ.—Заслужилъ ее чело-вѣкъ, и славушка, несмотря ни на какихъ Зоиловъ, ни на какія ухищренія злобы, рано или поздно привяжется къ его имени. А не заслужилъ, то сколь бы временно и случайно онъ ни былъ славенъ, какъ вы его ни раздувайте, дутость обнаружится и онъ вмѣстѣ со славой вылетитъ въ трубу:

Какихъ не измышлай пружинъ
Чтобъ мужу бую умудриться,—
Не можно вѣкъ носить лачинъ
И истина должна открыться.

Въ концѣ концовъ, всегда провожаютъ по уму, и заботятся всякій разъ идя въ домъ гдѣ бываешь чуть не каждый день каково тебя сегодня примутъ и каково проводятъ не только лишняя трата времени—болѣзнь.

Чулковъ допускалъ впрочемъ такую „слабость“ въ художникахъ-исполнителяхъ, вообще въ людяхъ такихъ профессій какъ напримѣръ адвокаты, профессора и проповѣдники, вса сила коихъ въ увлекательности живаго слова, словомъ, у всѣхъ тѣхъ чья слава кончается почти въ минуту ихъ физической смерти, и отъ кого черезъ поколѣнія остается пустое, бессмысленное и никого не шевелящее имя.

Кстати будетъ сказать о нѣкоторой теоріи Чулкова, всегда возбуждавшей горячее отрицаніе со стороны Кононова. Онъ утверждалъ что гениіи никогда не гибнетъ и не умираетъ преждевременно, не исполнивъ своего дѣла.

— Природа бережетъ такіе рѣдкіе экземпляры, говорилъ онъ.—Гениіи выбьется и сбѣгаетъ свое дѣло—какъ бы его ни забивали. Возьмите Сервантеса—ужь онъ ли, бѣдлага, не терпѣлъ всякихъ невзгодъ? Въ самыхъ кровавыхъ сраженіяхъ на самыхъ опасныхъ мѣстахъ ставалъ, былъ раненъ, былъ в плену, бѣдность отъ него не отступала, весь вѣкъ какъ рыби

о ледъ бился,—и что же? дѣло свое сдѣлалъ, романъ создалъ. И прибавьте, среди всѣхъ этихъ передрагъ сохранилъ то что повидимому скорѣе всего могло утратиться, а именно: справедливость въ сужденіяхъ, ясную веселость и незлобивое сердце.

— Но другіе, другіе-то развѣ погибли свершивши „въ предѣлѣхъ земномъ все земное“?

— А почему вы знаете что нѣтъ? Геній можетъ высказаться, конечно, только при благопріятныхъ обстоятельствахъ; иначе онъ спокойно проживетъ весь вѣкъ въ своей семьѣ, и участь такого-то невысказавшагося генія, по-моему, завиднѣе чѣмъ другихъ: жизнь его была цѣльнѣе, счастливѣе, меньше отравлена. Говорятъ: у генія прирожденная потребность славы,—враки; скорѣй напротивъ: отвращеніе къ ней и потребность спокойной жизни. Геній косень: не тревожьте его, и онъ всю жизнь будетъ, какъ Кромвель въ началѣ, самымъ серьезнымъ образомъ заниматься прививкой и прищипкой деревьевъ, или какъ Мининъ торговать говядиной. Кому выпадала возможность вернуться на спокой, тѣ, какъ Шекспиръ или Циципинъ, и осуществляли его. И нашъ Пушкинъ говоритъ:

Я былъ рожденъ для жизни мирной,
Для деревенской тишины.

Правда, развѣ геній выступилъ на полприще, въ немъ является желаніе, но олатъ-таки не славы, а полновластно царствовать въ своей сферѣ. Вѣдь цари не только на престолахъ да на биркѣ бывають. Въ чувствѣ своей силы, онъ хочетъ покорить „подъ ноzi враги и супостаты“, или по слову Карляйля говорить: „кто тутъ смѣетъ возвышать свой голосъ? Я здѣсь, [am here“. Итакъ, геній можетъ выступить изъ мирной жизни только при благопріятныхъ обстоятельствахъ. И кто намъ сказалъ что эта благопріятность не является когда нужно и что ее отпускается на долю каждаго меньше чѣмъ слѣдуетъ? Нѣтъ, тутъ должна быть нѣкоторая прорюція и извѣстный законъ долженъ управлять ею: мы не знаемъ его, и воображаемъ что его нѣтъ. Можетъ-быть законъ таковъ: благопріятность обратно пропорціональна квадрату силы генія.

— Утѣшительный законъ!

— Я вѣдь не говорю: законъ именно таковъ; я его не знаю, о утверждаю что онъ есть. А преждевременная гибель что

она значить? Можетъ - быть, жизнь продолжалась бы только физически, творчество не шло бы впередъ; правда, физическая жизнь можетъ быть пріятна и полезна для близкихъ и родныхъ, но что въ томъ? А на счетъ среднихъ талантовъ, то врядъ ли природа на нихъ бережлива; вѣдь ихъ на сто всякихъ талантовъ приходится не меньше 60; не одинъ, такъ другой.....

— Какъ хотите, сердце возмущается. Это... безжалостно...

— Нѣтъ, природа не то чтобы безжалостна, а равнодушна; какъ у Пушкина сказано: „равнодушная природа“. И человекъ вѣдь, какъ доживетъ до мудрой старости—тоже ко многону равнодушень становится. Повѣрьте, и человечество стремится къ тому же мирному равнодушію...

Мы знаемъ что Коновову не было настоящей нужды торопиться выборомъ поприща. Семень Иванычъ, какъ мышло его жильцу наследство, сказалъ ему: „ну, братъ, теперь тебѣ открыты всѣ дороги; попрошайничать ни на одной не придется“. Чулкову, человеку безъ гроша за душой, казалось бы слѣдовало возможно скорѣе сдѣлать такой выборъ. И нельзя сказать чтобы онъ былъ беззаботенъ на этотъ счетъ, но еще меньше можно сказать что его забота была удачна. Студентомъ онъ довольно прилежно занимался сравнительною анатоміей и думалъ было пойти въ профессоры. Онъ хлопоталъ о поѣздкѣ за границу на казенный счетъ съ цѣлю усовершенствованія въ наукахъ, но другіе кандидаты предпочтались. Еще тогда Чулковъ почувствовалъ что оно значитъ когда люди увѣрены будто хорошо тебя знаютъ. Въ его способностяхъ, пожалуй, не сомнѣвались, но были увѣрены что онъ никогда ничего не дѣлаетъ, и когда порой обнаружались его знанія—удивлялись не имъ, а тому какъ онъ успѣлъ приобрести ихъ. Вздумай Конововъ хлопотать о томъ же, его привали бы съ распростертыми объятіями: до того всѣ были увѣрены что талантливая личность рано или поздно станетъ замѣтна на какомъ-либо поприщѣ. Поступить на службу Чулковъ пробовалъ не разъ, но начальство, въ началѣ къ нему благосклонное, въ рѣшительную минуту всегда вилло хвостомъ. Чулковъ въ объясненіе этого разказывалъ цѣлую легенду.

— Раздумывая, повѣствовалъ онъ,—о причинахъ такого хвостовиланія рѣшилъ я что вѣрно на дурномъ счету у таинаго начальства. Но за какія бы провинности? Не знаю, но

догадываюсь: всѣмъ обязанъ слѣдующему случаю. Была у насъ въ университетѣ какая то quasi-политическая исторія (ихъ вѣдь не оберешься!) и въ самый разгаръ ея вѣхалъ я въ Львовомъ дилижансѣ. И усѣлся подлѣ меня чиновникъ, какъ слѣдуетъ чиновникъ: съ бакенбардами и крестомъ на шеѣ. Ставъ онъ мое мнѣніе объ исторіи выспрашивать (видно порученіе такое имѣлъ), а я съ своей стороны омытъ надъ нимъ произвести задумалъ. Показываю видъ будто мнѣ Богъ знаетъ что извѣстно. Мой бакенбардистъ и разгорись, ушки у него на макушкѣ, а я какъ замѣчу вотъ-вотъ сейчасъ вскинуть сей хотя не Буайонъ, но все же крестоносецъ, совсѣмъ въ другую сторону махну. Ну, такимъ манеромъ пота три съ него согналъ, не меньше. Время разстаться пришло, онъ ко мнѣ: „на какомъ факультетѣ изводите быть?“—Естественникъ молъ. „Вамъ бы лучше, говоритъ, по дипломатической части пойти: способности большія имѣете“. И претонко, бестія, улыбнулся. И потомъ много разъ я его встрѣчалъ и на концертахъ, и на улицѣ, и въ театрахъ, и онъ будто не узнаетъ меня, а самъ всякій разъ украдкой на меня взглянетъ, и та же лисья улыбочка на мордочкѣ... Да,—заключалъ онъ,—правоученіе таково: не дѣлай опытовъ надъ крестоносцами, не то вѣвкъ тебѣ не быть кавалеромъ.

Какъ бы тамъ ни было, поприща гдѣ бы онъ могъ отличиться у Чулкова не было. Онъ попеременно жилъ въ Пигерѣ, Москвѣ и провинціи и разъ удосужился побывать въ Германіи; бывалъ переводчикомъ, гувернеромъ, занималъ *часы* (какъ характерно говорится) мѣста и давалъ уроки, ибо валялъ по всѣмъ по тремъ. Когда друзья совѣтовали ему избрать опредѣленный родъ занятій, онъ говорилъ: — Сидючи у моря, непремѣнно дождешься погоды, и повѣрьте, если есть во мнѣ нѣчто пригодное, въ полномъ смыслѣ пригодное, оно улучить часокъ и выразится.

Коновновъ полагалъ что обладаетъ достаточнымъ запасомъ воли. Еще сегодня онъ выражалъ Чулкову увѣренность что побѣда воли надъ разумомъ совершится и талатливая личность сдѣлаетъ выборъ дѣятельности; при этомъ, точно отвѣняя на свою тайную мысль о канувшій тоскѣ, онъ замѣгалъ что побѣда всегда тяжела для побѣдителя. На дѣлѣ, онъ просто встреленулся и прибодрился при встрѣчѣ съ любимымъ говарищемъ. Чулковъ, напротивъ, вслѣдствіе наладавшей на него робости, иногда предъ самымъ обиходнымъ постулкомъ,

и довольно частаго сомнѣнія въ самомъ себѣ, не рѣдко плакался, разумѣется про себя, на отсутствіе воли. Что онъ терпѣливъ и выносливъ, онъ приписывалъ счастливой своей природѣ. „И притомъ, добавлялъ онъ,—трудно выдержать только первую борьбу, а потомъ чѣмъ дальше, тѣмъ легче живется.“

Чулковъ никогда не мечталъ что ему придется выдержать бой съ церберами, стерегущими входъ туда куда ему во что бы ни стало нужно проникнуть; напротивъ, мечталъ что онъ въ концѣ концовъ устроится и что все это слѣдается само-о-бою, помимо его воли и непремѣнно случайно. Конововъ былъ увѣренъ что онъ съумѣлъ бы побѣдить любыхъ церберовъ. Напримеръ, не случись дѣдовыѣхъ денегъ, онъ все-таки пошелъ бы средства поступить въ университетъ; голодая бы выносилъ стужу, но таланта своего въ землю не зарылъ бы. Онъ приписывалъ даже свою терпѣливость относительно безобразій Семенъ Ивановича не мягкосердецію, а той же силѣ воли. Кто въ самомъ дѣлѣ мѣшалъ ему хоть завтра переѣхать на другую квартиру? Онъ не подозрѣвалъ что вылади такая необходимость, онъ подумалъ бы: „поди, отыскивай ее, другую-то квартиру, да еще Богъ знаетъ не хуже ли будетъ.“ И рѣшилъ бы онъ остаться на старой, но такую рѣшимость приписалъ бы несомнѣнно силѣ воли. Кто на морѣ не бывалъ, Богу не маловался, и у того не живеть въ сердцѣ поговорка: както какъ Богъ.

IV.

Оба любилъ и уважали другъ друга. Чулковъ любилъ Коновова за внимательность къ чужой мысли, за желаніе понять и оцѣнить ее, хотя бы она не согласовалась съ его собственными, за стремленіе отдать всему справедливость и за сердечную доброту. Всего этого онъ въ себѣ не видалъ. Конововъ любилъ Чулкова также за то чего, казалось или дѣйствительно, ему самому не доставало: за смѣлость и безстрашіе, за рѣзкость и „безжалостность“ мысли, за общительность и житейскую, укрѣпленную наукой, наблюдательность. Въ разлукѣ они не переписывались, но всегда встрѣчались друзьями и были увѣрены что иначе встрѣтиться не могутъ.

Да, мы любимъ отыскивать въ другихъ, порой даже не въ близкихъ людяхъ, то чего намъ самимъ по нашему мнѣнію не достаешь, и въ такомъ случаѣ не рѣдко желаемъ именно этимъ

сторонами походить на человека или надѣланнаго. Мы не-равно слышали будто каждый внутри считаетъ себя умнѣе и лучше всѣхъ—врядъ ли это справедливо. Надо предположить большую грубость ума чтобъ онъ не могъ видѣть что въ дру-гомъ умѣ нѣкоторыя стороны развиты сильнѣе; надо пред-положить сильную грубость сердца чтобъ оно не чувствовало то другое скорѣе его на помощь, благодарнѣе, благочести-нѣе или добрѣе. Не только черти, но и люди лучше чѣмъ ихъ крой малюютъ. Но если въ живыхъ людяхъ мы любимъ за-бывать чего намъ не достаетъ, то къ излюбленнымъ писате-лямъ не рѣдко привязываемся именно за тѣ качества кото-рыми болѣе или менѣе обладаемъ сами, но которыя у того или другаго писателя развиты сильнѣе и ярче, на наши глаза идеальна. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляютъ развѣ пи-сатели, болѣе склонные и на другихъ писателей, даже масте-ровъ, смотрѣть какъ на живыхъ людей. У всякаго образован-наго и полубразованнаго человека есть свои излюбленные писатели; есть свои любимцы и у людей ученыхъ и полууче-ныхъ, у каждаго по своей спеціальности.

Ковоновъ и Чулковъ читали съ разумнѣемъ и многое, и у нихъ поэтому не было литературныхъ „пристрастій“; они могли болѣе или менѣе цѣнить по достоинству и великихъ, и сред-нихъ, и малыхъ, но у каждаго былъ писатель кто привлекалъ плавнѣе, больше приходился по душѣ. На вопросъ почему какое предпочтеніе, они могли бы сказать: „я знаю, и тотъ, другой, и третій велики, можетъ-быть выше моего излюб-леннаго, но что дѣлать? къ этому какъ къ брату лежитъ мое сердце, онъ какъ другъ-наставникъ освѣщаетъ и укрѣпляетъ мой разумъ.“ Узнать что именно тотъ и другой цѣнить въ юномъ излюбленномъ значитъ добыть одинъ изъ ключей къ пониманію внутренняго человека. Оба наши пріятели любили шпрингъ Пушкина, но Чулковъ въ Пушкинѣ цѣнилъ выше него то, нигдѣ, ниже въ порывѣ самой тяжкой грусти, не знающее ему бодрое чувство, столь мѣтко понатое Фар-геномъ; для Ковонова же Пушкинъ былъ милѣе и краше нѣкъ.

— Я люблю Пушкина, объяснялъ Ковоновъ, — за чудно-романтическое сочетаніе силы и непосредственнаго творче-ва съ тою умѣренностію и нѣжною мягкостью сердца ко-роря знаютъ и такъ умно понимаютъ почитатели Гора-и и Расина. Развитія сильныхъ, и притомъ чистыхъ

страстей, какъ у Шекспира, у него нѣтъ; напрасно нѣкоторые сравниваютъ его *Бориса* съ Шекспировскими хрониками. Пушкинъ не драматургъ, но онъ знаетъ Шекспировскую силу и она сказывается у него въ милыхъ и одновременно крѣпкихъ характерахъ, какъ Татьяна. Чувствую: слово „крѣпкій“ не вполне точно передаетъ мою мысль; еслибы можно было сказать „не сломимыхъ“, выраженіе было бы найдено. Сидятъ не въ порывѣ страсти, все крушащей въ человѣкѣ, а въ громоотводѣ страсти. Я читалъ одну статью гдѣ разбиралась наша старинная легенда: въ ней дѣвушка, или юноша, не ломая хорошенько, остается чиста несмотря на всѣ соблазны и искушенія. Авторъ статьи негодовалъ на Русскій народъ зачѣмъ же не вышло изъ такого сюжета нѣчто въ родѣ легенды о Фаустѣ: ему, видите, захотѣлось бы паденія и потомъ, пожалуй, просвѣтленія, но главное, чтобы паденіе было непрѣменно. Пушкинъ былъ согласенъ съ народомъ, то есть съ народомъ въ высокомъ смыслѣ этого слова. Пушкинъ не рисуетъ развитія сильныхъ страстей не потому, кажется, чтобы не могъ, а потому что такое развитіе противно гармоничности его натуры. Шекспиръ безжалостенъ и за весьма малыми исключеніями равнодушенъ къ создаваемымъ имъ лицамъ какъ равнодушна и безжалостна сама природа; таковъ же Гомеръ. Можетъ-быть Шекспиръ выше, или громаднѣе, но онъ титанъ; Пушкинъ человѣчнѣе и не упустилъ случая помѣнить человѣчность. Вспомните кузнеца Архила въ *Дубровскѣ*: онъ хладнокровно поджигаетъ домъ гдѣ спятъ пьяные приказные; онъ въ этомъ случаѣ если не злодѣй, то до збвенія всякой жалости ожесточенный мститель; его не трогаютъ крики гибнущихъ людей, но вотъ кошка бѣгаетъ по крышѣ, въ огнѣ, и тотъ же кузнецъ спасаетъ ее: въ немъ просыпается жалость къ животному, и нѣтъ сомнѣнія что и такомъ поступкѣ находитъ себѣ исходъ высшая, болѣе сердечная жалость. Такая черта подсказана Пушкину душевной гармоніей. И та бодрость чувства, неизмѣнная даже въ сильнѣйшемъ горѣ, эта бодрость, ее же вы такъ цѣните, Чулковъ что знаменуетъ она какъ не ту же гармонію? Что онъ про силу Бога возвратитъ въ душу люющаго ненависть Мицкевича:

О, Боже! возврати
Твой миръ въ его озабленную душу.

Онъ былъ счастливъ, когда могъ сказать человеку: вѣтъ, ты не проклянешь насъ за нашу безумную суетность:

Ты любишь громъ небесъ, и также внимаешь ты
Журчанью пчелъ надъ розой алой.

Про прелесть Пушкинской формы я не говорю: ее чувствуютъ даже полуглухіе; и какъ ей, выразительницѣ душевной гармоніи, не быть гармоничною? На Западѣ, въ послѣднее время, начинаютъ высоко цѣнить именно за эту внутреннюю гармонію Моцарта и Рафаэля, а еще недавно упрекали одно о чуть не въ пошлости, другаго въ манерности. У этихъ трехъ гениевъ несомнѣнное душевное сродство. Я по крайней мѣрѣ чувствую его: когда слушаю Моцарта, или разсматриваю гравюры съ Рафаэля, я всегда вспоминаю нашего Пушкина. Всѣ трое производятъ на душу впечатлѣніе гармоническаго усложненія, примиренія всѣхъ душевныхъ силъ. И во всемъ—замѣтите это для своей теоріи, Чулковъ—умерли рано, ю цвѣтъ лѣтъ, только-что достигнувъ зрѣлости. Для меня несомнѣнно что Пушкинъ, когда его узнаютъ на Западѣ, а время къ этому близится, найдетъ тамъ самыхъ задумчивыхъ друзей.

Въ Шекспирѣ Конововъ особенно цѣнилъ изображеніе тонкихъ психическихъ чертъ и гибкость въ переходахъ отъ рѣчи одного лица къ рѣчи другаго, но сознавался что чтеніе Шекспира всегда тревожитъ, порой возмущаетъ его душевный покой; Чулковъ восхищался въ Шекспирѣ тѣмъ что всѣ лица у него какъ есть живьемъ, и каждое не только изъ главныхъ, но въ второстепенныхъ лицъ—отдѣльный человекъ, особь имѣющая свои, столь опредѣленные качества что смѣшать ее съ другою вѣтъ возможности. Излюбленнымъ же писателемъ Чулкова былъ Аристофанъ.

— Этотъ человекъ не знаю что со мной дѣлаетъ, говорилъ онъ:—когда за него принимаюсь, не чувствую что читаю; все до малѣйшей мелочи, точно живетъ во мнѣ, точно само собой приходитъ въ голову. Какъ бы вамъ сказать что то за человекъ? Прежде всего, самый здоровый человекъ во семь человечествѣ. Я читалъ гдѣ-то: Вальтеръ-Скотта называютъ здоровымъ въ больномъ вѣкѣ. Куда ему! У него и омагическая мечтательность и вмѣсто горячей любви къ гарикѣ не рѣдко простое пристрастіе къ ней, до мелочности, антикварское пристрастіе: не даромъ же здоровяка Кром-

веля прозѣвалъ. А мой Аристофанчикъ—вотъ про Гомера говорятъ что порой дремалъ—а мой здоровачокъ никогда боленъ не бывалъ. Бѣлъ, лилъ въ потребу, какъ мужику говорятъ, и треба эта, надо думать, изрядная была; бесѣду умную вестася нашимъ удовольствіемъ; любилъ же старину страстно, искренно, на весь вѣкъ; эта старина для него была во всемъ славномъ прошломъ его народа; онъ дура въ ней не замѣчалъ, или вѣрнѣе не могъ замѣтить: онъ душу ея любилъ, самый ея сокъ, ея здоровое воспитаніе, здоровенныхъ вояновъ что дрались на Марафонѣ. Что за люди тогда были, рсуется ему, крѣпкіе, сильныя, четырехъ локтей ростомъ! Не шатуны, не надувалы, не пролазы, какъ мынче. На театрѣ не бабы вѣжкости и вздохи выводились, а сильныя мужи, полубоги: зрители учились какъ любить отечество, возгарались желаніемъ побѣждать враговъ: все облагораживалось, а мынче все олошляется; со сцены прежде слышались рѣчи мужественныя, какія приличны полубогамъ, а не будничныя, не такіа гдѣ чуть не каждое слово можно понимать въ двухъ смыслахъ. Приходить этотъ человекъ въ міръ, осматривается, олошняется—боги!—что за людшки! Въмѣсто здоровенно-умищенъ яко Эшила, тонковато-умноватенькій Еврипидъ (ну-тка, старина, переведи эти элитеты на свой греческій!), въ почетъ и силѣ какой-то Клеониска, вмѣсто философовъ—софисты, вмѣсто правдѣвской крѣпкой вѣры въ боговъ легкое, полуученое безвѣрье; вмѣсто умныхъ рѣчей—бредъ: то городъ, по-нашему государство, хотять на облакахъ строить, то бабы на вѣч рвутся, то мечтають о всеобщемъ богатствѣ. Что ему, скажите, было дѣлать какъ не захохотать? Онъ и закатился, и прошу замѣтить: онъ смѣется, хохочетъ, заливается, какъ угодае скажите, только не насмѣхается, не хихикаетъ. То-есть злобы и желчи въ его смѣхѣ нѣтъ: желчность—нездоровье, злоба безсиліе, и ихъ смѣхъ—смѣхъ безсилья или нездоровья. Говорять: Аристофанъ надъ отдѣльными лицами хохоталъ; это и правда и не правда. Правда—потому что героевъ своихъ называлъ по именамъ живыхъ людей; не правда потому что не известное лицо осмѣять хотѣлъ, а известную болѣзнь, хилость или мерзость; онъ всегда былъ выше личнаго продергиванья, даже когда задѣваетъ кого мимоходомъ; иначе онъ для насъ былъ бы ничѣмъ. И что за личности, когда порой бралось имя съ устъ молвы, безъ личнаго знакомства съ человекомъ? Охъ, эта мнимая свобода греческой комедіи, чемъ

и понынѣ есть охотники завидовать! Не свобода она была — своеволие. Вздумалъ осмѣять софистовъ и сталъ прибавлять имя погромче; слышитъ: „Сократъ! Сократъ!“ онъ и бухнулъ. Вѣдь онъ какъ узналъ, уважалъ Сократа: иначе не было бы ему мѣста въ Платоновомъ *Пирѣ*. И еще прибавлю: во многомъ что говорится о софистахъ въ *Облакахъ*, онъ сходится со мнѣніемъ о нихъ Сократа. За крѣпкія слова его обвиняютъ — не за что; самая деревенская простота нравовъ. И позже: королева Елизавета и ея дамы хохотали себѣ надъ крѣпкими словами у Шекспира и не находили ихъ безнравственными. Видно люди прежде вообще здравомысленнѣе были и не лускались на выдумки гдѣ дѣло просто. Теперь на счетъ якобы насмѣшки надъ богами: пунктъ важный, безъ него весь Аристофанъ не понятенъ. Я говорю: насмѣшки не было. По-моему лучшее тому доказательство: Аристофанъ былъ любимымъ писателемъ Златоустаго Іоанна, а Златоусту какъ человѣку вѣрующему была бы не переносна простая насмѣшка даже надъ ложными богами человѣка въ нихъ вѣровавшаго. Аристофанъ былъ несомнѣнно человѣкомъ вѣровавшимъ и громилъ безбожниковъ. Однако надъ богами смѣялся же. Какъ разрѣшить это противорѣчіе? Онъ просто и къ нимъ, какъ ко всему на свѣтѣ, относился комически. Попробуемъ разъяснить сей пунктъ; можетъ-быть тогда точнѣе уразумѣемъ въ чемъ настоящій комизмъ.

Разъясненіе Чулкова примѣрно было таково:

— Видите, въ наше время, въ образованной средѣ, люди вѣрующіе болѣе или менѣе восторженные лирики; я не говорю это въ старину, даже языческую, лиризмъ не былъ слутникомъ вѣры; но въ наше время онъ опредѣленнѣе, тоньше и чаще стѣсняется. Для такихъ людей въ святой области вѣры латы только возвышенные порывы ума, сердечное колѣнопреклоненіе и умиленіе. Но гдѣ личность не обособилась, гдѣ вѣруютъ всѣ, гдѣ не было сомнѣнія, гдѣ религія является преимуществомъ въ формѣ народно-эпической, тамъ возможно омическое отношеніе не къ сущности вѣры, нѣтъ (эта сущность священна для всѣхъ), а къ нѣкоторымъ явленіямъ въ области религіи. Кальдеронъ, на примѣръ, самъ былъ священникъ, членъ инквизиціи, а ему не казалось кощунствомъ вложить въ уста шута пародію на заключительныя слова мессы: *e, comedia est*. У насъ въ народѣ, при сильныхъ въ добавокъ гонимыхъ двоевѣрія, такое отношеніе еще замѣтнѣе. Вспо-

мните легенду объ Ильѣ и Николѣ; она религіозному лиризму кажется кощунственною, а въ ней и тѣни кощунства нѣтъ, тѣмъ паче безвѣрія. Въ ней чисто-комическое (сейчасъ объясню что оно значитъ), а потому ни мало не злостное отношеніе къ нѣкоторымъ сторонамъ религіи. Подкрѣплю наблюденіемъ. Однажды при мнѣ мужикъ разказывалъ не то легенду, не то полусказку какъ онъ на небѣ побывалъ. И только-что онъ распространился о необыкновенныхъ удобствахъ тамошней церкви—образа въ ней, видите, пріятные: онъ войдя перекрестился на нихъ, да съ дороги парочку и уплелъ—какъ ударили къ обѣднѣ. Разказикъ всталъ, набожно перекрестился и конца досказать не хотѣлъ „грѣхъ“, говоритъ. Понимаете: теперь, сію минуту, когда ударили къ обѣднѣ и предъ нимъ встала строгая сторона вѣры—грѣхъ, а раньше, за минуту раньше, когда этого не было, не грѣхъ было. Комическое, чисто комическое, *geinlich-misches*, отношеніе ко всему въ мірѣ состоитъ въ томъ чтобы взглянуть на него не со строгой, не съ залправской стороны. Нашъ умъ, вся наша природа, какъ бы двулицая, въ родѣ Януса. Одно лицо строгое, другое веселое; одно трагическое, другое комическое. Одни глаза прозрѣваютъ что есть законъ божественный, великій, неизмѣнный; другіе видятъ человѣческое, смѣшанное, непрочное, обиходное, будничное. Есть въ народѣ выраженіе: суди меня не по закону (разумѣется, Божьему), а по человѣчеству; иначе: гляди на меня не строгими очами, а другими которыми видишь будничное. И вообразите теперь что вы глядите на все будничными глазами—вы глядите комически; чѣмъ при этомъ покажется важное? Еще подходъ: когда мы думаемъ или дѣлаемъ важное и строгое, наше сердце въ этомъ участвуетъ; когда смѣемся—животъ въ дѣлѣ. Сердце рвется къ высокому: животъ хохочетъ. Въ человѣкѣ обѣ стороны различимы, но не раздѣльны, и норма такова: сердце, рвись къ высокому, но не будь неумолимо къ человѣческой немощи; животъ, хохочи, но не смѣй смѣяться надъ высокими стремленіями сердца. Здѣсь грань, ее же не долженъ переходить ни трагикъ, ни комикъ. Аристофанъ былъ истинный комикъ, и, глядя въ комедіяхъ на все лѣвымъ лицомъ, уважалъ права сердца. Оттого никому не казались кощунствомъ его выходки надъ богами, а въ то время обвиненія въ нечестіи были въ ходу. Не знаю, понятна ли я выражаю свою мысль, но если на половину да, то не странно бу-

деть если я скажу что Аристофанъ въ то же время поэтъ. И не въ лирическихъ только отступленіяхъ (каковыми, хотя не безъ натяжки, можно признать нѣкоторые хоры въ *Лягушкахъ*), а всюду, въ самыхъ комическихъ мѣстахъ. Да, онъ истинный комическій поэтъ, вдохновенный, съ неисчислимымъ запасомъ образовъ, тоже конечно комическихъ. Оригинально, изумительно! Не даромъ же его звали „божественнымъ“. Еще одна черта, и аминь: удивителенъ и вполнѣ самобытенъ планъ его комедій; въ первой части онъ всегда увлекается; городъ ли на облакахъ строить, бабы ли на вѣче идти—все дѣлается самымъ серьезнымъ образомъ, и доказательства какъ это умно и хорошо такъ и сыплются. Сомнѣнія, кажется, нѣтъ: выйдетъ нѣчто чуть не великое. И во второй части, онъ не вывертываетъ первой на изнанку, а только рисуетъ послѣдствія мнимо-великаго; оно мишурится само собою. И въ обоихъ не оберешься хохоту. Жаль что такимъ ходомъ комедіи рѣдко пользуются. Въ немъ, въ самомъ этомъ планѣ — аттическая соль, но не слова, а самой мысли.

Пріятели наговорились не только до сыта, но и до обѣда. Рѣшено было провести весь день вмѣстѣ.

За обѣдомъ Чулковъ сталъ развивать программу вечера.

— Я три года не былъ въ Петербѣ, и мнѣ хочется узнать въ чемъ состоитъ то *ничто* которое онъ въ настоящую минуту дѣлаетъ. Помните, Курѣвскій сказалъ: Петербургъ дѣлаетъ *ничего*, Москва ничего не дѣлаетъ. Вотъ славянофиль былъ, а прямо на этотъ разъ сказалъ.

— А развѣ они говорятъ криво?

— Нѣтъ, не то чтобы криво, а въ бокъ. Прямо наприцѣръ сказать: всякій народъ долженъ быть духовно самостоятеленъ, а они въ бокъ: Петра бранить.

— Но программа вечера?

— А, сейчасъ. Отправимся мы въ нѣкій домъ, гдѣ обрѣне будетъ. Меня о семъ извѣстилъ нѣкій старецъ, хорошій старецъ, во вкусѣ тѣхъ крутыхъ стариковъ какихъ Корнель лучше всѣхъ описывалъ; онъ кстати и поклонникъ Корнея. А по имени Мина Ивановъ Куцинъ,—не знаете?

— Нѣтъ.

— И не мудрено. Онъ здѣсь наѣздомъ. А познакомиться стѣитъ: онъ человѣкъ клужій....

— Это чтѣ за слово?

— Провинциализмъ. А значитъ оно хорошій человѣкъ, бла-

гоприличный. Противоположное неуклюжій, только къ духовнымъ качествамъ прилагается. Я хочу предложить любителямъ чистоты роднаго языка вмѣсто *comme il faut* употреблять. Все лучше чѣмъ дубовыя собственнаго сочиненія слова навязывать.

— Что же за домъ?

— А есть двѣ сестрицы, наши грязьгородскія помѣщицы; я съ ними прошлымъ лѣтомъ больше мѣсяца у сказаннаго Кущина прожилъ, онъ имъ дядей приходится. А по фамилиі сїи сестрицы Воробьевы.

— Да я вчера у нихъ былъ!

— Ну какъ же васъ не бранить? По четвергамъ у нихъ наблюденія можно научныя дѣлать, а онъ по средамъ ѣздитъ!.. Развѣ для бесѣды съ меньшей?

— Я вчера въ первый разъ разговорился съ нею.

— Напрасно: барышня она значительная, какъ говорятъ козловскіе мѣщане. Главное: куриного въ ней мало. Знаете, мужики зовутъ бабъ куриный народъ.

„Нѣтъ, это не то; нѣтъ, онъ мало ее знаетъ“, подумалъ Ковоновъ и ему живо вспомнился вчерашній вечеръ, и онъ рѣшилъ непременно отправиться къ Воробьевымъ.

Они отправились.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

У старшей сестрицы Воробьевой собралось общество блестящее, интеллигентное и избранное. Я говорю блестящее, ибо большинство онаго было вполнѣ увѣрено, нѣтъ, не увѣрено,—не слѣдуетъ употреблять словъ въ составъ коихъ входитъ вѣра когда говоришь о такомъ обществѣ,—а убѣждено что блестяще умомъ, самостоятельностью и главное новизной, лаковою новизной своихъ идей. Я называю блестящее общество интеллигентнымъ, ибо то же большинство считало себя суперинтеллигенціей страны, свои идеи, слова, постулки, даже движенія интеллигентными и соглашалось во мнѣніи что интеллигенція состоитъ единственно въ отрицаніи всяческихъ предрасудковъ; разнорѣчіе допускалось только въ томъ что называть предрасудкомъ; одни говорили: „всѣхъ и вся“, другіе только „всѣхъ“. Я придаю интеллигентному обществу вли-

теть избраннаго, ибо всѣ безъ исключенія члены считали себя выше другихъ людей, обозначаемыхъ общимъ именемъ „наша публика“. *Наша* не значило чтобъ они являлись предъ какою-нибудь публикой: не было допускаемо и мысли что можетъ существовать публика способная ихъ оцѣнить. Слово „публика“, такимъ образомъ, значило не просто публика, а вся Россія. Объ этой публикѣ отзывались въ такихъ выраженіяхъ: „вы знаете нашу публику“, или „вы знаете глупость (иногда нѣжнѣе: неразвитость) нашей публики“.

Описывать всѣхъ присутствовавшихъ на четвергъ у старшей Воробьевой нѣтъ никакой надобности. Но краткій перечень, думаю, не будетъ лишнимъ, тѣмъ болѣе что не одному изъ нихъ придется играть роль болѣе или менѣе видную въ теченіи настоящей „Исторіи“.

Тутъ былъ князь Бросокъ-Ашметкинъ, не какой-нибудь мордовскій или вотяцкій князь, а честнаго Гедеманова дома отрасль. Сія отрасль обладала способностью безъ переставы болтать языкомъ во рту часовъ десять и заговаривать дамъ до истерики, даже до обморока; кромѣ того, она ежесекундно вмѣсто смѣха издавала фистудой звуки кои всего удобнѣе изобразить слогомъ *ххх*. Тутъ былъ грязьгородскій землевладѣлецъ Погалева, большой любитель ученыхъ разговоровъ, особенно по части политической экономіи; человекъ не глупый, дюжій тѣломъ, но съ душой рыхлою и разсыпчатою. Онъ сумѣлъ сочетать страсть къ знаніямъ съ непробудною лѣнью и, выйдя изъ университета, не прочелъ ни одного сочиненія въ десять печатныхъ листовъ. Въ свое оправданіе онъ измыслилъ будто въ нашъ вѣкъ брошюры и газеты важнѣе книгъ а глоталъ газеты и брошюры усерднѣе чѣмъ иной мнимый большой микстуры и пилюли. Такимъ образомъ, онъ исполнялъ долгъ образованнаго человека: былъ умственно занятъ и ничего умственно не дѣлалъ. Тутъ былъ другой, грязьгородскій же дворянинъ, длинный и тонкій, имѣвшій необыкновенную (по величинѣ, но не по рѣдкости) способность говорить quasi-ученыя и quasi-умныя пошлости. Увидитъ на примѣръ черель, сейчасъ его глубокомысленно въ руки, столь же глубокомысленно осмотритъ со всѣхъ сторонъ, скажетъ латинское названіе какого-нибудь шва или кости, и затѣмъ при общемъ молчаніи замѣтитъ: „что вы говорите, а антропология вещь важная и достойная всякаго уваженія“. Еще была у него слабость все давно знать или слышать. Какую бы

книгу вы ему ни показали, хоть самую разспеціальную, хоть всего за два часа появившуюся на свѣтъ, онъ безъ запянки говорилъ: „а, знаю, давно читалъ“. Тутъ былъ необычайно бѣлокурый драгунскій офицеръ, для котораго все на свѣтъ казалось „необыкновенно просто и ясно“. Онъ вѣрно недоумѣвалъ какъ люди вообще не могутъ понять „такой простой и ясной“ вещи, а русскіе фельетонисты въ частности не надумаются растолковать ее человѣчеству. Въ силу незнанія иностранныхъ языковъ и инстинктивному отвращенію отъ всякаго мало-мальски серьезнаго чтенія, онъ полагалъ что только русскіе фельетонисты могутъ совершить такое благо дѣло; Француза вообще онъ считалъ для этого слишкомъ вертялымъ, Нѣмца туманнымъ, Англичанина эгоистомъ, Россіянъ-нефельетонистовъ консерваторами. И онъ нерѣдко вздыхалъ: „ахъ, будь я фельетонистъ!...“ Тутъ былъ не кончившій курса (изъ либерализма, а отнюдь не по лѣни) кадетъ Пуганчиковъ, маленькій и щедуненькій, съ желтоватымъ личикомъ, свидѣтельствовавшимъ что онъ прилежно и настойчиво спасался отъ уроковъ по лазаретамъ и другимъ мѣстамъ гдѣ спасается лѣнивое (какъ либерально, такъ и просто лѣнивое) кадетство. Наконецъ тутъ былъ the last, but not the least, неученый и не скромный, по собственному сознанію краса и честь новаго (именно новаго, отнюдь не молодого) поколѣнія, Іоаннъ Іосифовичъ Хамазовъ, новый чиновникъ новаго акцизнаго управленія. Онъ обладалъ восточными, вращавшимися какъ бы на пружинахъ глазами и кулой волосъ на верхней губѣ, какъ разъ подъ вѣжинско-греческо-огуречнымъ носомъ. Эти достоинства не прелятствовали ему полагать что онъ не только физически, но и нравственно вылитый Наполеонъ III. У него былъ, какъ увидать читатели, свой маленькій дворъ; онъ въ знакъ удовольствія или неудовольствія тормазилъ то вправо, то влѣво свою подносную ролицу.

Представительницы вѣжнаго пола были не менѣе замѣтельны. Тутъ была наша знакомая куца дама съ своимъ микросколическимъ умственнымъ портъ-моне. Тутъ была стриженная бѣлокурая дѣвица Пуганчикова, недурная собой, съ краснотой на кончикѣ недуренькаго носика. Она любила высказывать общія положенія, которыя какъ бы служили *resumé* разговора, порой небывалаго. Тутъ была красивая и богатая, съ чудными изумрудами въ ушахъ, помѣщица, сама не знавшая зачѣмъ развѣхалась съ мужемъ, пріѣхала на ве-

черъ, вообще не вѣдавшая зачѣмъ дѣлала то что на своемъ вѣку вытворяла. Тутъ была некрасивая лѣтъ четырнадцать дѣвочка, дочь зажиточнаго отца, убѣжавшая изъ пансіона дабы жить самостоятельнымъ трудомъ; она мечтала сдѣлаться переплетчицей, а еще лучше бы прачкой: не послѣдній въ своемъ родѣ экземпляръ лародіи на мученичество ради идеи. Тутъ была жена извѣстнаго педагога, съ лицомъ точно маринованнымъ и наперченнымъ, весьма мудро разсуждавшая о воспитаніи. Она заставляла свою шестилѣтнюю дочку въ обычное время плавать на образа, а во время наѣздовъ богатой бабки бухаться предъ тѣми же образами. Дама, впрочемъ, добрая: она приютила у себя двухъ сиротокъ, сына и дочку покойной свояченицы. Приеманникъ, проживъ полгода у дядины, оказалъ большую способность къ новымъ идеямъ и будучи всего по пятому году обругалъ старшую сестренку, не дозволившую ему сломать куклы: „Ахъ ты собственница ло'аная!“ Обрадованная тетка послѣ этого почувствовала окончательное педагогическое призваніе и рѣшила открыть пансіонъ для малолѣтнихъ.

Среди сойма гостей выдѣлялась угрюмая и строгая фигура старика, сидѣвшаго въ углу и съ молчаливымъ неодобреніемъ слушавшаго раздававшіеся вокругъ толки. Онъ казался изваяніемъ, назначеннымъ для ученой библіотеки и нечаянно попавшимъ въ курильню. Сухое худощавое лицо съ живыми подъ нависшими бровями глазами; правильный лобъ; черные съ сильною просѣдью волосы, зачесанные въ видѣ голубиныхъ крыльевъ; черный, застегнутый до верху, сюртукъ на сухомъ и крѣпкомъ тѣлѣ—таковы были главнѣйшія черты этого суроваго изваянія.

Хозяйка... Но всякому свѣжему человеку съ перваго взгляда ясно было что въ семъ домѣ нѣтъ хозяйки. Обычныя же, несвѣжіе гости слишкомъ много думали о себѣ чтобы вспомнить о такомъ устарѣвшемъ предрасудкѣ какъ хозяйка. При томъ Паулина Тимоѣевна была не высокаго мнѣнія о собиравшихся у нея по четвергамъ гостяхъ, рѣдко къ нимъ выходила въ залу, а больше сидѣла съ кѣмъ-нибудь однимъ у себя въ комматѣ и если терпѣла ихъ, то единственно ради цѣлей педагогическихъ. Она знала что всѣ эти личности поклонники женскаго вопроса (до другихъ ихъ мнѣній ей не было дѣла) и полагала что какъ они ни низки въ умственномъ отношеніи, все-таки могутъ оказать благотѣльное вліаніе на младшую сестру.

II.

Наши пріятели попали что называется въ самый килеть. Ихъ встрѣтили гамъ и крики, хгыхыканья князя, бракъ чайныхъ ложечекъ и непродорный дымъ двухъ дюжнвъ неперестанно дымившихся палиросъ. Конововъ, давно не бывшій въ такомъ многолюдствѣ, олъвшиль и готовъ былъ проклясть своего Виргилія. Чулкова прежде всего поразилъ княжескіе гам.

— Никогда не видалъ чтобы человекъ кадыкомъ хохоталъ, шелнулъ онъ Коновову и направился къ князю.

Бросокъ-Ашметкинъ разговаривалъ съ какою-то дамою. Не услѣли наши пріятели съesty нелюдадеку, какъ онъ вдругъ сбернулъ къ Чулкову, видимо продолжая съ нимъ начатый съ дамою разговоръ.

— Ахъ да, хгы! И я, хгы, сказалъ онъ, — сюда шелъ пѣшкомъ, мимо Думы, хгы, тамъ, хгы, гдѣ-то пожаръ былъ а флагъ вывѣсилъ, хгы!

— Ну? выпятилъ глаза Чулковъ.

— Ахъ да, хгы! И я, хгы, подумалъ: что есаубы вмѣсто флага, хгы, революціонное знамя на каланчѣ, хгы, хгы, поднятъ? А, хгы, какъ думаете что бы, хгы, вышло?

— Повисѣло бы, а потомъ сняли.

— Хгы! А во Франціи, хгы, сейчасъ революція, хгы!

— Что жъ дальше?

— Хгы!—Князь не зналъ что дальше.—А дальше, хгы, какъ вы на счетъ священныхъ правъ?

— Какихъ священныхъ правъ? спросилъ Чулковъ и подумалъ: „скоръ однако этотъ хгыкала: приспособиться никакъ не даетъ“.

— Ну, хгы, собственность; ну, хгы, наслѣдство.

— А-а, протянулъ Чулковъ и прищурившисъ глянулъ на Коновова, какъ бы приглашая его насладиться эффектомъ, но тотъ сидѣлъ нахмурясь и морщилъ носъ отъ княжескихъ рѣчей.—А-а! вы объ этомъ! Стоить говорить! Я думалъ за такіе вопросы нынче штрафъ берутъ....

Князь олъвшиль: онъ не видалъ еще такого радикала. „Хамазовъ на что Наполеонъ, а этотъ смѣлѣ!“ подумалъ онъ.

— Хгы, хгы! началъ онъ и долго не могъ произнести иного слога.—Хгы, хгы! Ну, хгы, такъ я вамъ здѣсь исколаемого человека покажу.

— Ископаемаго?

— Хгы, да. Хгы, глядите.

Онъ указалъ на угрюмаго старика въ черномъ сюртукѣ. То былъ „кляжій“ человекъ Чулкова, Мина Ивановичъ Куцинь.

— Чѣмъ же онъ ископаемый?

— Хгы, въ Бога вѣруетъ.

„Ну, братъ, не интересенъ ты: сразу выкладываешь больше чѣмъ хочется“, подумалъ Чулковъ, и осмотрѣвшись увидѣлъ кудю, свою старинную знакомую. Кудя бесѣдовала съ блондинкой Пугачиковой и въ жару разговора не замѣтила подхода Чулкова.

— И во всемъ, во всемъ, кричала она, точно красноносенькая находилась отъ нея за версту и между ними водопадъ шумѣлъ,—во всемъ рѣшительно надо давать ребенку свободу. А розги—вредъ.

— Я уважаю свободу, въ видѣ *resumé* объявила блондинка и осмотрѣлась, слышалъ ли кто эту мысль.

— Потянется ребенокъ къ огню, дайте обжечься. Пусть изъ опыта узнаетъ что огонь жжется. И это, вѣрите, лучше всякихъ розогъ. Ребенокъ долженъ все узнать изъ опыта.

— А если онъ забудетъ опытъ и вторично вздумаетъ обжечься? спросилъ Чулковъ.

— Хотя бы въ десятый разъ. А розги—вредъ, прокричала кудя, сама не зная кому отвѣчаетъ.

— А къ сивильной кислотѣ потянется, тоже волю дать: пусть изъ опыта научится...

— Ахъ, это вы! Откуда? И все такой же шутникъ! перебила кудя, оглянувшись.—Садитесь и разказывайте.

Но Чулковъ извинился что со многими еще ни словомъ не ерекинулся и пообѣщавъ явиться черезъ пять минутъ, лизнулъ.

— Веселый господинъ, сказала кудя: слово *человѣкъ* не существовало въ ея лексиконѣ.

— Да, отвѣчала красноносенькая.—И мнѣ нравится что онъ *тественъ*. Когда я говорила о свободѣ, онъ сзади васъ *юялъ* и та-акъ естественно почесалъ носъ!

— Да, онъ очень *естественъ*, подтвердила кудя.

— И я уважаю все *естественное*, въ видѣ *resumé* замѣтила *Це Пугачикова*.

Чулковъ, человекъ беззаботный на счетъ своей славы, не слышалъ этого лестнаго отзыва. Онъ подѣлъ къ своему зна-

кому Погалеву, имѣвшему жестокое словолпеніе съ акцентнымъ чиновникомъ Хамазовымъ. Чулковъ сѣдиль за споромъ, какъ любитель и знатокъ лѣтушнихъ боевъ за воинами съ золотенькими гребешками; споръ же былъ въ томъ родѣ какіе не рѣдко ведутся на Руси людьми слывущими за образованными. Ни одинъ изъ спорящихъ не имѣлъ твердаго и точнаго понятія о предметѣ спора и каждый старался не доказать, а выкричать свое мнѣніе.

— И какъ вы ни распредѣляйте податей, густымъ и убѣдительнымъ баритономъ говорилъ Хамазовъ подергивая quasi-усы вправо въ знакъ Наполеоновскаго благорасположенія къ собесѣднику,—какъ вы ихъ ни распредѣляйте, платить подати, и всю ихъ совокулность замѣтете, будетъ пролетарій...

— Даже если вовсе будетъ избавленъ отъ податей?

— Я говорю: все равно. — И г. Хамазовъ взялся за лѣвую сторону подносной щетины: третій Наполеонъ начиналъ высказывать легкое нерасположеніе. — Все равно, повторилъ онъ,—бѣднякъ будетъ вносить всю совокулность податей въ видѣ платы за скверный хлѣбъ и скверный уголь и всякую мерзость чѣмъ только богачу вздумается отравлять его. Единственное средство—уничтоженіе богатства. Тогда подати ладутъ сами собой.

— Я понимаю уничтоженіе бѣдности на землѣ, робко началъ Погалевъ, но уничтоженіе богатства.... Онъ не договорилъ изъ скромности.

— Вы, мой милый,—и Наполеонъ III ткнулъ своего собесѣдника пальцемъ въ колѣно въ знакъ что его терпѣніе истощается,—вы, мой милый, оттого не понимаете что Гравоскаго сильно наслушались....

Погалевъ побагровѣлъ.

— А! закричалъ онъ.—Такъ и я вамъ скажу: вы у Печкина* Рудье наслушались....

Оба были изъ Московскаго университета, и взаимныя укоры были имъ до тонкости понятны. Я неразъ слышалъ этихъ укоры, но точный смыслъ оныхъ для меня темновать.

— Такъ я скажу вамъ *кто* вы: вы скрытый крѣпостникъ, вскричалъ Наполеонъ-Хамазовъ и дернулъ изо всей силы щетинку подъ носомъ влѣво.

* Известная во время оло кофейна въ Москвѣ.

— Я крѣпостникъ? почти со слезами отвѣчалъ Погаевъ,— да я своихъ крестьянъ... Онъ не кончилъ и не безъ усилія надъ собой сказалъ: — А вы ярый социалистъ, и коммунистъ, и....

Господинъ Хамазовъ не далъ ему докончить.

— Грр, скрыпнула по-Наполеоновски зубы,—совѣтую вамъ быть осторожнѣе въ словахъ. Назвать кого-нибудь крѣпостникомъ ничего не значить, правительство на него за это ко-во смотрѣть не станетъ, а еще, пожалуй, орденомъ наградить, но назвать кого-нибудь, да еще въ обществѣ, социалистомъ и коммунистомъ значить быть доносищемъ.

Погаевъ засолгивалъ. „Въ морду или разрюмится?“ подумалъ Чулковъ. „Ну, ну, ну, ну же!“ мысленно бодрилъ онъ Погаева, но тотъ ограничился солгиваньемъ.

„Плохъ же ты, братъ“, мысленно обратился къ нему Чулковъ. „Твой дѣдъ и не учень былъ, а лодъ вистаицей сугилъ Пуганчу сказать: „Не царь ты, дядюшка, а воръ“, а ты редъ махонькимъ воршкомъ сробилъ.“

Дальнѣйшія размышленія Чулкова были прерваны слѣдующимъ происшествіемъ. Къ Наполеону-Хамазову почтительно, же подобострастно, подсеменилъ двора его секретарь, ка-еть въ отставку Пуганчиковъ, и спросилъ:

— Не телерь ли разказать о *новомъ* бракѣ?

— Да, разкажите, повелительно отвѣчалъ Іоанникій-Напо-люкъ и дернулъ щетиаку вправо.—Господа, прибавилъ онъ омогласно, и вамъ не мѣшаетъ послушать.

— Хгы, хгы, слушайте! заоралъ князь и съ адъютантскою вкостью подлетѣлъ къ господину Хамазову.

Въ обществѣ произошло движеніе; многіе подошли и стали кружокъ.

Спасавшійся отъ уроковъ кадетъ тоненькимъ, лискавель-нымъ и гнусавымъ голоскомъ началъ повѣствованіе. Онъ го-рилъ точно отвѣчалъ порядочно вытверженный урокъ. (Хо-но урока онъ въ жизнь не зналъ.) Разказъ состоялъ какъ кой дѣвицѣ, за нѣкіе проступки (въ чемъ они состояли для кности олуskalось), предстояла дешевая и скорая, но не-сѣмь удобная лѣздка административнымъ путемъ въ сѣ-ю-восточныя губерніи; она же предпочитала прокатиться за виду. Необходимаго для выѣзда изъ Имперіи паспорта ей, мтвно, получить было нельзя. Тогда нѣкій благородный шпа предложилъ ей сочетаться фактивнымъ бракомъ; она

обвинчались, и двѣца, подъ новымъ именемъ, по олошности полиціи, добыла необходимую для выѣзда изъ Имперіи тетрадку.

— Какое благородство! какое самопожертваніе! восклицали вокругъ.

— Я уважаю самопожертваніе, резюмировала общій восторгъ Mlle Пуганчикова.

— А я однако давно уже слышалъ или читалъ объ этомъ, не утерпѣлъ, похвасталъ своими знаніями дивный и тонокъ дворянинъ, но на его слова, какъ всегда, никто не обратилъ вниманія.

— Извините, сказалъ Чулковъ,—но раньше чѣмъ судить велико ли самопожертваніе, надо опредѣлить чѣмъ жертвовалъ и жертвовалъ ли человекъ въ данномъ случаѣ.

— Это, однако, весьма ясно и просто, какъ все на свѣтѣ замѣтилъ драгунскій офицеръ.

Наполеонъ-Іоанникій дернулъ quasi-усъ влѣво. Отъ Чукова это движеніе не ускользнуло.

— Извините, обратился онъ къ господину Хамазову, весьма польщенному этимъ обращеніемъ,—извините, я провинціалъ, а у насъ въ провинціи отсталость.... И я желалъ бы нѣсколько разъясненій на счетъ этого.... этого событія, потому что это... это—событіе, даже злоха....

— Однако это просто и ясно, и будь я фельетонистомъ! началъ снова драгуль.

Наполеонъ сдѣлалъ жестъ, и князь, съ адъютантскою ловкостью, „убралъ“ драгуна.

— Какихъ вы желаете разъясненій? спросилъ Наполеонъ и благосклонно погладилъ Чукова по чашечкѣ праваго колѣна.

— Я боюсь—повторяю я провинціалъ—я боюсь не поступилъ ли этотъ молодой человекъ опрометчиво?

— Чѣмъ же опрометчиво? спросилъ господинъ Хамазовъ, держа щетинку вправо. Надо замѣтить что онъ самъ, съ Наполеонскою ловкостью, убѣдилъ молодого человека вступить въ сей фиктивный бракъ.

— Видите... видите, точно сконфуженный милостивымъ вниманіемъ столь важнаго лица, говорилъ Чулковъ,—этотъ молодой человекъ можетъ пожелать жениться.... конечно, не ради святости брака—чего избави Боже! Ахъ, Господи, какое я слово сказалъ!..—И Чулковъ захихикалъ по-идіотски, горломъ

„Не слишкомъ ли я однако?“ мелькнуло у него въ головѣ, но онъ тотчасъ же успокоился почувствовавъ что господинъ Хамазовъ гладитъ его по колѣну.

— Обмолвка дозволяется, съ благосклонною улыбкой сказалъ Иоанникій.

— Извините, точно оправляясь отъ конфуза, продолжалъ Чулковъ, — ну, если онъ влюбится и захочетъ жениться, а вѣнчаться уже нельзя будетъ.

— Другъ мой, наставительно замѣтилъ господинъ Хамазовъ, — новые люди могутъ влюбляться только въ новыхъ женщинъ (господинъ Хамазовъ отвергалъ, какъ предразсудокъ, дѣлавіе оныхъ на дѣвицъ и замужнихъ), а потому могутъ обойтись безъ вѣнчанія.

— Но родители? робко вставилъ Чулковъ.

— Найдутся всегда граждане готовые вступить въ фиктивный бракъ съ избранницей гражданина, диктаторски вѣщаль Заполеовъ III устами Иоанникія.

— Но перемена убѣжденій? еще робче спросилъ Чулковъ.

— Новый человекъ никогда не измѣняетъ своимъ убѣжденіямъ. По крайности за того кто подалъ поводъ къ вашимъ провинціальнымъ сомнѣніямъ я ручаюсь, какъ за самого жь.

Господинъ Хамазовъ чувствовалъ себя въ ударѣ. „Провинціальныя сомнѣнія“ весьма не дурно сказано: въ моихъ рѣчахъ есть слогъ“, мелькнуло у него въ головѣ. И слѣдомъ зъ подумалъ: „не намекнуть ли этому простаку что я, Хамазовъ, и устроилъ этотъ бракъ; для популярности въ провинціи не мѣшаешь“, и господинъ Хамазовъ открылъ было ротъ.

— А, началъ Чулковъ своимъ тономъ, — въ такомъ случаѣ этомъ новомъ, какъ вы его зовете, бракѣ, нѣтъ никакого молодежертвованія. Это просто излишне-залутанный способъ бывать паспорть. Можно бы легче.

Заполеонъ заклокоталъ въ сердцѣ господина Хамазова: онъ всей силой дернулъ щетинку вѣщо.

— Однако, какъ же это легче? сказалъ онъ, чувствуя что орить вовсе не то что слѣдуетъ, и что „провинціальная тѣ“ ловко поддѣла его.

— Легче-то? Фальшивый паспортъ добыть. Или вотъ кто-удь изъ дамъ, конечно не личныхъ знакомыхъ фиктивной руги, могъ бы передать ей свой паспортъ, и черезъ три

для объявить: утречень молъ. Не правда ли, mesdames, вы конечно...

— Да, да, конечно! въ голосъ отвѣчали куца и Mlle Пуганчикова: куца потому что ей показалось будто Чуаковъ лично въ ней и только въ ней одной предположилъ достаточный для такого подвига запасъ самопожертвованія; блондинка потому что онъ былъ такъ естественъ.

Зубы Наполеона III заскрежетали во рту господина Хамазова.

— Однако, укажите мнѣ у людей стараго порядка примѣръ такого... такой готовности помочь ближнему. Вѣдь, кажется, „ближнимъ“ у васъ это зовется? съ отрицательною ироніей спросилъ Іоанникій.

— Такой — не укажу, но случаевъ гдѣ человекъ дѣйствительно жертвуетъ собой ради ближняго — извольте. И чтобы не выбирать изъ тысячи — о юнкерѣ Волковѣ изволили слышать?

— О юнкерѣ? — Иронія господина Хамазова достигла апогея.

— Да, о человекѣ чина не имѣвшемъ; впрочемъ, успокойтесь, онъ послѣ былъ офицеромъ.—И въ невольномъ увлеченіи:—Но замѣтите: будучи чиновникомъ, онъ изподтишка не корчилъ революціонера, прямо по адресу господина Хамазова отправилъ Чуаковъ.

Пружинаые глаза господина Хамазова завращались и готовы были выскочить. Онъ искалъ словъ, но Наполеоновскій языкъ не двигался.

— Юнкеръ Волковъ, спокойно говорилъ Чуаковъ, — изъ Петербурга отправлялся на Кавказъ; въ Москвѣ онъ засталъ больнаго товарища и не думая какъ самъ сломастъ тысячную дорогу отдалъ товарищу свои деньги.

— Ну? выговорилъ наконецъ господинъ Хамазовъ.

— Ну, лѣшкомъ на Кавказъ и прогулялся. Или мало? Извольте, еще случай изъ его жизни. Офицеромъ онъ продолжаетъ служить на Кавказѣ. Однажды везъ онъ семь тысячъ казенныхъ денегъ: прѣзжаетъ въ какой-то городишко и застаётъ на станціи товарища. „Что, говоритъ, будто ты не хорощъ?“—Бѣда, признался товарищъ,—пятъ тысячъ казенныхъ проигралъ: на шуаеровъ нарѣзался. — „Что жъ ты телерь?“—А какъ стемнѣетъ, толиться или луаю въ лобъ.—„Ну, локуда чаю нальемся“. Стали пить чай; Волковъ весель, бо...

гаетъ, а между прочимъ выспросилъ гдѣ шулера собираются, и много ли ихъ, и свободно ли къ нимъ войти. Начало темнѣть; Волковъ будто въ гости собирается. „Старая, смѣется, любовишка тутъ есть“. А на прощаньи беретъ съ товарища честное слово что тотъ до его прихода ничего надъ собой не сдѣлаетъ. „Или у тебя какая надежда есть?“ — Есть, смѣется, у любовишки-то девьжонки водились, авось добуду: послѣ общими силами вылатимъ, товарищи помогутъ. Волковъ незамѣтно захватилъ съ собою всѣ семь тысячъ, вышелъ, перекрестился. „Была не была, утѣшаетъ себя, либо вмѣстѣ топиться, либо товарища выручить“. И прямо къ шулерамъ, тамъ игра въ разгарѣ. Въ городѣ полкъ стоялъ; нашлись у Волкова пріатели, представили. „Не хотите ли позабавиться?“ спрашиваетъ банкометь. „Много ль въ банкѣ?“ — „О, лустяки: всего тысячь восемь.“ Волковъ даже ужасулася. „Что жь поставите?“ — „Ладно, идетъ темная“. Шулера переглянулись. Думаютъ: ра skutился поручикъ рублей на сто; адимъ—все равно намъ же слустить, а другихъ между тѣмъ юдзадорить. „Извольте. Карта дана.“ Сколько ваша темная? Семь тысячъ.“ — „Какъ семь тысячъ?“ „Извольте счастье.“ Сочитали и пересчитали. „Ну, вотъ твои пять тысячъ“, вѣтъ Волковъ къ товарищу. „Откуда?“ — „Сперва слово дай что шкогда въ карты играть не будешь.“ Слово взято. Остальныя двѣ тысящи, конечно, прокучены: не беречь же шулерскихъ денегъ!

— Разчетъ, сказалъ оправившійся Иоанникій.

— Разчетъ который легко могъ не удасться. Шулера могли не пойти на темную; могли не дать карты. И не забывайте: мова въ закладѣ.

И Чулковъ повернулся и пошелъ въ другую комнату. Иоанникій даже на стулѣ заерзалъ и слегка ногами затопоталъ. Еще икто отъ него такъ легко не отдѣлывался! Господивъ Хамаровъ чувствовалъ что надо же ему хоть слово, для поддержанія своего вліянія, сказать. Онъ всталъ и возгласилъ:

— Новый человекъ можетъ жертвовать собою только ради щаго дѣла, а не по лустякамъ. И притомъ—внезапная мысль его оствинила:—въ случаѣ изъ чего вышелъ слоръ, а хомъ выставить на видъ вовсе не готовность новыхъ людей жертвы: это и безъ того всѣмъ извѣстно, а показать наией лубайкѣ во что умные люди дѣнять церковный бракъ.

III.

Кононовъ все время сидѣлъ молча и на одномъ и томъ же мѣстѣ. Разговоры его не занимали; занималъ одинъ Чулковъ.

„Изъ чего бьется человѣкъ? думалось ему.—Переубѣдить что ли ихъ хочеть? Или посмѣяться надъ ними? Напрасны труды! Переубѣдить полугаа, затвердившаго красиваго слома, нельзя. Смѣха они не поймутъ: а knavish speech sleeps in a foolish ear. Ну, пусть онъ сегодня потѣшится, побѣситъ ихъ, на завтра они тѣ же, тѣ же и тѣ же! И какъ ему не скучно? Нѣтъ, лучше молча дѣлать свое дѣло... И точно отвѣчая на тайный вопросъ „а если нѣтъ дѣла?“ прибавилъ:— Или... или сяди сложа руки. И еще Чулковъ думаетъ что онъ практическій человѣкъ!“

Практическій человѣкъ вышелъ, а Кононовъ все молча сидѣлъ на томъ же мѣстѣ. „И зачѣмъ я сюда прѣѣхалъ?“ безотвѣтно шевелилось въ его головѣ. Онъ почему-то однако не собирался уѣзжать. Вдругъ послышался живой и веселый смѣхъ: „Гдѣ это?“ хватился Кононовъ и осмотрѣлся вокругъ. „Нѣтъ, они смѣяться не умѣютъ: они выдуманые“, вспомнилось ему вчерашнее слово барышни, и слѣдомъ сама барышня, и еще слѣдомъ: „Тамъ у насъ, гдѣ тетя Мама чай разливаешь, весело: и болтають, и смѣются.“ Гдѣ жь оно это тамъ? И опять донесся веселый смѣхъ.

— И я могъ сидѣть, когда!..

Кононовъ всталъ, но въ которую дверь идти? Къ счастью, въ одной изъ дверей оказалась горничная съ чайнымъ локосомъ. Кононовъ почти бросился къ этимъ дверямъ, но на дорогѣ его ждала засѣвка. Куда же дама не даромъ вчера долго не спала, придумывая какъ отомстить за фактъ и законъ: плакъ мщенія созрѣлъ.

— Монзieur Кононовъ, М. Кононовъ! окликнула она его.

— Что вамъ угодно? съ неудовольствіемъ остановилась Петръ Андреичъ.

— Вы, говорятъ, въ душу вѣрите?

— Вы, вѣроятно, хотѣли сказать: „вѣруете“, съ улыбкой сказалъ Кононовъ.—Но все равно я удовлетворю вашему любопытству: я знаю что у человѣка есть душа.

— Развѣ это можно знать?

— Даже должно.

И Конововъ пошелъ было.

— М. Конововъ! снова остановила его куца.

— Что вамъ угодно?

Куца теперь сама не знала чего ей угодно. Планъ мщенія былъ составленъ удивительно: предполагался несомнѣннымъ отвѣтъ „вѣрую“, и затѣмъ высуженная острога должствовала на смерть поразить врага. Какъ плохой полководецъ, вида что непріятель дѣлаетъ вовсе непредположенное движеніе, упорствуешь въ составленномъ вчера по всѣмъ правиламъ планѣ, такъ и куца въ полыхахъ рѣшила воспользоваться тѣмъ что считала удачною острогой.

— Ну все равно вѣрите, вѣруете или знаете, затарантила она,—вотъ возьмите три колѣйки и поставьте за мою душу свѣчку... Она полѣзла въ карманъ.

— Можете оставить ихъ у себя за прекрасную острогу, съ вѣжаивымъ поклономъ отвѣчалъ Конововъ, и на этотъ разъ ушелъ.

„Я, кажется, что-то неудачно, но все-таки онъ съ предразсудками, а я вѣтъ“, утѣшилась куца.

— Дерзкій господинъ, обратилась она къ маринованной женѣ знаменитаго ледагога.—А еще философомъ притворяется!...

— Я его терпѣть не могу, отвѣчала дама съ наперченымъ лицомъ.

— Я уважаю ту философію когда всякій человекъ сытъ, измыслила красноносенькая блондиночка.

Какъ раньше Чулковъ не обратилъ вниманія на доброе дамское мнѣніе, такъ теперь Конововъ не слышалъ дурнаго.

— А, и вы къ намъ въ дѣтскую? весело встрѣтила его Людмила Тимофеевна.—Позвольте представить вамъ: М. Paul, младшій братъ Погалева, котораго вы знаете; очень милый мальчикъ.

М. Поль былъ въ подросткахъ: не то мальчикъ, не то молодой человекъ.

— Да, я очень милый мальчикъ, весело расклавываясь подтвердилъ меньшой Погалева,—и вы это сейчасъ увидите. C'est mon opinion, monsieur, et je le partage, съ комическою важною замѣтилъ онъ.

— Очень радъ.—И Конововъ пожалъ руку раздѣлителю своего собственнаго мнѣнія.

— Что жь, Владиміръ Дмитричъ, перевели? обратился юнша къ Чулкову.

— Нѣтъ еще.... Постоите.... le bonheur domestique, да?

— Да.

— Нѣтъ, не знаю.

— Лакейское счастье.

И хохотъ.

— Ну и вы переводите, задалъ Чулковъ: — chantons, célébrons la gloire d'Achille.

— Ну, это старо: Антоновъ серебро по бульвару тащилъ, безъ записки отвѣчалъ М. Поль.

И опять хохотъ.

М. Поль продолжалъ мило дурачиться. Между прочимъ, по просьбѣ Людмилы Тимофеевны, онъ изобразилъ англійскій парламентъ. Вождь оппозиціи, со шляпой Чулкова на затылкѣ, стоялъ упираясь на лѣвое колено и правую руку безпощадно тыкалъ на шумѣвшій самоваръ, изображавшій главу кабинета. Затѣмъ самоваръ зашумѣлъ оппозиціонно, а М. Поль превратился въ главу кабинета. Онъ сидѣлъ завернувшись въ салфетку, нахлобучивъ шляпу и скрестивъ руки на носу.

— Точь въ точь на картинкѣ въ Иллюстраціи, при общемъ хохотѣ объявилъ меньшой Погалева.

— Ну развѣ съ дѣтками не веселѣе? спросила барышня Петра Андреича, и они заговорили особѣ.

Чулковъ подскѣлъ къ тетѣ Машѣ; юноша, не чаявшій въ немъ души, присѣлъ подлѣ же. Тетя Маша была славная и добрая старушка и большая пріятельница Владиміра Дмитрича.

— Люблю такихъ старушекъ, говаривалъ Чулковъ, — слушаю ихъ простыя рѣчи и думаю: „а и мы въ свое время умѣли на балахъ въ невозможномъ, по модѣ, декольте отличаться, и французскіе комплименты слушать, и въ то же время съ горничными своими друзьями быть“....

Старушка почти со слезами жаловалась на свое житье и на обиды отъ старшей племянницы Поли.

— Повѣрите, Владиміръ Дмитричъ, все язвить, на всякомъ шагу язвить. Батюшку въ домъ и не думай позвать; къ Скорбящей иду, „куда“ сказать боюсь: осмѣть. Положимъ я вынослива, да опасуюсь: Людочку собѣть. Ужь съ братцомъ Милой Иванычемъ поговорить хочу: не увезетъ ли насъ съ Людой въ деревню.

„Я всегда ее терпѣть не могъ, а теперь вижу кака я она

противная“, подумалъ меньшей Погалева про старшую Воробьеву.

— Этою язвительностью въ бабку она, въ старую Воробьеву, еще игumenей послѣ была: Павлой нареклась, коли помните, продолжала Марья Ивановна.—Та—прости Господи мое согрѣшеніе!—хоть богомольная была, а тоже бывало ничѣмъ на нее не угодить. Все пилить, все не въ угоду. И порой такая-то тома на меня нападеть.... И думается: Полѣ-то грѣшво было бы; вѣдь я ради ея чуть не въ курной избѣ жила.... Ну да вамъ, Владиміръ Дмитричъ, разказывать нечего.... сами знаете....

Старушка заплакала и чтобы скрыть слезы сказала:—Ахъ, я и забыла лишнія ложечки убрать!—и ушла изъ комнаты.

„Ну, когда я буду прокуроромъ, желалъ бы чтобъ эта противная попалась: я ее улечь бы!“ съ негодованіемъ мечталъ М. Поль.

Владиміръ Дмитричъ зналъ слѣдующее. Имѣніе малолѣтнихъ Воробьевыхъ, по смерти отца, осталось обремененное жестокими долгами; своячина покойнаго, тетя Маша, назначенная душеприкащицей и олекуншей, старшую Полю пристроила въ институтъ, а младшую Милу отправила къ другому олекуну и душеприкащику, родному своему и матери сиротокъ брату, Миѣ Ивановичу Куцину. Сама же Марья Ивановна поселилась въ прикащицкой избѣ, ѣла и пила чуть не по-мужичьи, учитывала каждую копѣйку, и увеличенными, ея стараніями и совѣтами Мины, доходами съ имѣнія улачивала долги. Къ выходу старшей изъ института имѣніе было почти очищено отъ долговъ и Паулина Тимоеевна могла свободно заниматься науками. Паулина все это знала, но какъ-то не удосуживалась вспоминать: серіозныхъ занятій, видно, было много.

Чулковъ, по уходѣ тети Маши, прислушался къ особому разговору.

— Какъ вамъ сказать, люблю ли я его? съ жаромъ говорила Людмила Тимоеевна. — Да, въ *Старостѣтскихъ Полъщичкахъ* очень люблю. Тамъ все мило, и онъ самъ такой милый! И *Резиора* люблю: не ловимаю многоаго, но... очень смѣшно. А *Мертвельтъ Душъ* не люблю.

— Отчего же?

— Какъ бы вамъ сказать? Знаете, я такихъ людей никогда не видала, и мнѣ кажется что люди лучше, добрѣе, или... право не знаю.... вѣтъ, что они, можетъ-быть, и похожи, но не

такіе точно. Впрочемъ, можетъ-быть, это глупо и я просто не понимаю....

Въ это время вошелъ старикъ Куцивъ.

— Ахъ, дядя, милый! вскричала барышня и лобѣжала ему на встрѣчу.—Позвольте представить....

И она отрекомендовала ему Конова.

— Весьма, сударь, радъ, сказалъ старикъ, пожимая руку молодого человѣка.— А гдѣ твоя сестра? обратился онъ къ племянницѣ.

— Полина? Я думала она въ залѣ....

— Паулина Тимоеевна была въ маленькой уголовой и бесѣдовала съ какимъ-то Нѣмцемъ, сказалъ Коновъ.

— Ну, такъ она вѣрно и теперь тамъ! рѣшила барышня.— Это, дядя, вѣдомый ученый, пріѣхалъ къ намъ профессорскаго мѣста искать.... Онъ читалъ, кажется, астрономію въ какомъ-то тамошнемъ университетѣ.... М. Paul, вы не помните въ какомъ?

— Въ Зауеркраутскомъ, * безъ запятки отвѣчалъ М. Поль.

Всѣ засмѣялись, кромѣ старика. Людмила Тимоеевна замѣтила что дядя не улыбнулся даже.

— Дядя, милый! спросила она: — вы не въ духѣ? васъ рассердили?

— Ничего; тамъ въ залѣ у васъ какой-то.... Вотъ твоей сестрѣ, вмѣсто того чтобы съ Нѣмцемъ объ астрономіи говорить, лучше бы поглядѣть что у нея въ залѣ творится.... Да, какой-то, забылъ фамилію: сестрица твоя знакомила какъ съ умнымъ.... Мазаный какой-то, съ рачьими глазами....

— Ахъ, это вѣрно Хамазовъ! закричала барышня. — Ахъ, дядя, какъ вы мѣтко опредѣляете!...

— Ну да Хамазовъ, теперь вспомнилъ.... И что за глупая фамилія! бурчливо сказалъ старикъ.

— Развѣ не все равно какая фамилія? спросила Людмила Тимоеевна, инстинктивно чувствуя что надо отвлечь дядю отъ воспоминанія о рачьихъ глазахъ господина Хамазова.

— Конечно, не все равно, отвѣчалъ старикъ. — Фамилія—старинное прозвище или отъ имени родоначальника. У тебя, напримѣръ, прозвище ничего. Ну что такое Воробьева? Ни хорошо, ни худо, простая птичья фамилія. Но Хамазовъ!.. И возьми фамилію отъ любого слова, напримѣръ скрильтъ.

* Sauer Kraut—кислая капуста.

Скрипуновъ—ничего, Скрилицевъ — даже хорошо, старинной пахнетъ, но Скрипудкинъ, а? Ну, куда годится Скрипудкинъ? Въ смотрители виннаго городка развѣ? А этотъ.... Грекъ, или Арнаутъ овъ какой что ли....

— Нѣтъ, дядя, повторила тотъ же маневръ племянница, — вы такъ чудесно его опредѣлили.... И теперь меня должны. Ну, какая я? Однимъ словомъ скажите.... Дядя, милый!

— И меня однимъ словомъ, жалобно, по-дѣтски залелеталъ М. Поль.

— Ну ты, егоса, сказалъ ему Кущинъ.

— Пакойно благодаю, отвѣчалъ М. Поль и какъ умный мальчикъ „сдѣлалъ ножкой“.

Всѣ засмѣялись, и старикъ улыбнулся.

— Ну, вотъ это мило что улыбнулся! сказала Людмила Тимоеевна. — А теперь, какъ хотите, и меня должны опредѣлить. Дядя, миленькій!

— Ну и ты егоса, улыбнулся старикъ.

— Ну нѣтъ.—И барышня надула губки.

— Это васъ что ли опредѣлить? отозвался Чулковъ.

— Да.

— Нѣтъ ничего легче. Вы—неверстаемая.

— Это что значитъ „неверстаемая“?

— А верстать значитъ подгонять подо что-нибудь, подъ какую-нибудь мѣрку....

— Довольно, поняла, сказала барышня и подумала: „это въ родѣ какъ няня *божью* меня называетъ, только вѣрнѣе и ближе“, и вслухъ:—Хорошо. Умница.

— Кто же умница: вы, или я?

— Конечно я, засмѣялась барышня.

— А коли умница, опредѣляйте какой я.

— Вы? будто вы не знаете? Вы сдобный!

— Вотъ и подите съ женскими опредѣленіями!

— Неужто вы не понимаете?—Барышня широко раскрыла глаза.—Сдобный, ну, знаете, вкусный такой. Вотъ какъ сдобный пирогъ съ курицей бываетъ....

— Довольно, довольно! И безъ того не понимаю!

— А я какой? спросилъ Коновъ.

— Вы? И Людмила Тимоеевна съ особою живостью поглядела ему въ глаза.—Вы....

— Людмила! раздавался педагогически-строгий голосъ старшей сестрицы.—Мнѣ надо съ тобой поговорить.

Барышня отправилась на зовъ, а М. Поля точно поправилъ очки на носу: это былъ намекъ на ученость Паулины. Всѣ улынулись, а старикъ шутя погрозилъ милому мальчику.

— Дѣдушка, чѣмъ васъ тамъ разобидѣли? спросилъ Чуковъ по уходѣ барышни.

Куцинъ вовсе не былъ ему дѣдушкой, но оба чувствовали другъ къ другу вѣжность и старикъ обычно говорилъ Чукову *ты*.

— По твоей же милости досталось, отвѣчалъ Мива Иванычъ,—вздуродилъ ты ихъ всѣхъ. Особенно этотъ ковоновъ ихній Замазовъ или Халвазовъ словно звѣрь рыкучій сталъ; такъ и водить рачьими глазами на кого бы накинуться. Почувствовалъ: престижу лишился. Тамъ есть маленькій какой-то, не челоуѣкъ даже, а культя какая-то олицетворенная—Куцинъ говорилъ о кадетахъ въ отставкѣ — и онъ даже противъ барина своего дерзить сталъ. Заговорили они о революціи, о большой; факты перевирають и переворачивають... Ну, да это само собой разумѣется... И этотъ Айвазовъ кричить: „не женись Дантовъ, революція удалась бы“. А культя спорить: „нѣтъ, говоритъ, Робеспьеръ ошмалъ; ему бы въ каждой деревнѣ гильотину поставить, и головы всѣмъ антиреволюціонерамъ рубить, да рубить...“ Вы не можете вообразить, обратился старикъ къ Коновову,—какое отвратное впечатлѣніе онъ на меня произвелъ; самъ маленькій, а рѣчки кровавыя и точно не о человѣческихъ головахъ, а о сахарныхъ... Я не выдержалъ, и пошелъ....

— И тѣмъ кончилось? спросилъ Чуковъ.

— Нѣтъ. Этотъ твой Гумазовъ,—старикъ повернулся къ Чукову;—какъ разъ на моей дорогѣ стоялъ, и все руками машеть. Я чтобы пройти „извините“ говорю. А онъ... И вѣхально главное... Въ наше время только подъячіе съ крестами такъ глядѣли, когда ляюхи добивались, чтобы потомъ безчестье содрать.... Такъ онъ: „вы можете несогласны?“ И уставился рачьими глазами. Меня взорвало:—Трудно, говорю, согласиться, когда факты передаются не вѣрно.... Я, кажется, сказалъ вамъ что они вралъ!... Ну и указалъ имъ двѣ три ошибки...

— А онъ?

— Еще нахалявѣе сталъ.—Вы историкъ что ли? „Археологіей занимаюсь“.—А! нынче эта наука не въ модѣ! Я извинился что не зналъ *qu'ils ont changé tout cela*, и ушелъ. Нѣтъ,

въ наше время у самой ученой дамы такихъ сюжетовъ нельзя было встрѣтить....

— А въ ваше время онъ тоже водился? спросилъ Коновъ.

— Когда жь ихъ не было? Еще Молиеръ писалъ *Les femmes savantes*. Въ другомъ родѣ конечно.

— Чего жь было, дѣдушка, сердиться? спросилъ Чулковъ.

— Какъ же не сердиться! „Археологія не въ модѣ!“ Чтѣ за аргументъ? По-его въ модѣ знать какъ допотопныя лгиды гнѣзда вили, а какъ предки жили не въ модѣ! Такъ я скажу ему что онъ вретъ, горячился старикъ,—что если такъ, для него наука вообще не въ модѣ, и что онъ о допотопныхъ гнѣздахъ только болтаетъ, а не апрофендировалъ этого сюжета. Не въ модѣ! Нѣтъ я тебя спрашиваю, чтѣ это за аргументъ?

— Аргументъ извѣстный, отвѣчалъ Владиміръ Дмитричъ.— Я впрочемъ знаю лучший примѣръ такого аргумента.

— Какой? полусумрачно, полувесело спросилъ старикъ, чувствуя шутку Чулкова: лобъ у него былъ наморщенный, а уста полуулыбались.

— Въ Москвѣ были лѣвецъ и лѣвица; лѣвецъ плохой, лѣвица хорошая. Разъ она дуэтъ репетировали. Лѣвецъ вралъ больше обыкновеннаго. Съ вами лѣтъ нельзя, вы все фальшите, говоритъ лѣвица. А онъ: „А ты содержанка“.

Куцкая фыркнула, удерживаясь отъ смѣху.

— Да, да, именно такъ. „Вы сдѣлали ошибку“.—Археологія не въ модѣ, нѣсколько разъ повторилъ Миша Ивановичъ.— Нѣтъ, ты вотъ чтѣ объясни. Положимъ, вѣжливость икнею религіей запрещается и можетъ-быть по икнему катехизису старики въ чемъ-нибудь дефективны,—вотъ какъ по Мухомеду у женщинъ души вѣтъ. Все это такъ. И Богъ съ ними. Но знаній почему не уважаютъ? Я вѣжливо ему замѣтилъ ошибки, ему благодарить бы, а онъ нахаальничаетъ. Чѣмъ же знанія виноваты?

— На этотъ счетъ картинка у рачниковъ придумана.

— Ахъ, Владиміръ Дмитричъ, разкажите! не утерпѣлъ закричалъ М. Поль.

— А вотъ нарочаю не разкажу чтобы не перебивали.

— Ей-Богу, не буду; ей-Богу, въ послѣдній разъ, закрестился милый мальчикъ.

— Картинка такая: комнатка нарисована и по срединѣ

скамейка; на скамейкѣ сидѣлъ старикъ, достоюльнымъ образомъ разоблаченный, а подлѣ стоитъ молодой парень и въ рукахъ у него лукъ розогъ презрительный. Объясненіе сей картинки: Ученикъ за то своего мастера въ... въ... — Чулковъ перелхнулъ, замѣтивъ въ дверяхъ тетю Машу и быстро договорилъ:—за то пониже слыны бьетъ что искусства отъ него не перейметъ.

Всѣ расхохотались, а старикъ судорожно замахалъ рукой.

— Оставь, оставь, закричалъ онъ,—не то расхохочусь до боли.

Въ это время вернулась Людмила Тимоѣевна.

— Что, что такое? Вѣрно, Чулковъ смѣшное разказалъ?

— Ахъ, очень! подтвердилъ меньшей Погалева.

— Владиміръ Дмитричъ, что такое? Разкажите, пожалуйста! Голубчикъ, милый! Булочка сладкая, разкажите!

— А вотъ признайтесь зачѣмъ васъ сестрица вызывала, тогда разкажу.

— И спрашивать нечего: пилила, отозвалась тетя Мама.

— Ахъ, тетя! — И барышня шутя погрозила ей розовымъ пальчикомъ.

— Выговоръ былъ? Сознаетесь? подхватилъ Чулковъ.

— Да.—И барышня слегка покраснѣла.

— Такъ я вамъ скажу за что.

— Отгадывайте!

— За то что весь вечеръ просидѣли здѣсь, а не играли роль хозяйки предъ умными гостями. Правда?

Дядя пристально взглянулъ на племянницу.

— Умница: отгадалъ.

„Надо будетъ принять къ свѣдѣнію“, замѣтилъ про себя дядюшка.

— Теперь кто же умница: вы или я?

— Вы, только разказывайте...

— Видите, дѣдушка заспорилъ съ Хамазовымъ...

Ковалевъ почувствовалъ себя неловко, а старикъ строго поглядѣлъ на Чулкова, но Владиміръ Дмитричъ остался невозмутимъ.

— Споръ былъ таковъ, продолжалъ онъ, — г. Хамазовъ утверждалъ что лучше быть, какъ онъ, прохвостомъ, а дѣдушка что лучше быть археологомъ. Только дѣдушка сложивалъ не смогъ доказать что археологъ лучше прохвоста.

А было не трудно: сѣдовало къ еврейскому аргументу прибѣгнуть.

— Это что за аргументъ? спросилъ удивленный старикъ.

— А, изволите видѣть, вѣхали на пароходѣ посейный солдатикъ изъ Жидковъ и монахиня. Монахиня, какъ увидѣла Жидка, стала укорять его зачѣмъ Христа распялъ. Жидокъ обидѣлся: „И дѣтъ же наше еврейское званіе дурно?“ Онъ, видите, еврейство свое за званіе считалъ. Ну, и срѣзалъ монахиню: „Насе, говоритъ, званіе выше васего, потому же изъ насего званія въ васе всегда лопасть можно, а изъ васего въ насе нельзя.“—И когда хохотъ затихъ:—И вамъ бы, дѣдушка, этого про...

По счастью Чулковъ сидѣлъ противъ двери и вовремя замѣтилъ вѣжинско-греческо-огуречный носъ г. Хамазова. Появленіе г. Хамазова произвело впечатлѣніе. Въ глазахъ Людмилы Тимофеевны промелькнуло неудовольствіе и боязнь. „Что ему надо? подумала она,—ужь не хочетъ ли снова укаживать за мною?“ Тетя Маша назвала про себя г. Хамазова подлипадой. Такому названію не мало споспособствовало то обстоятельство что изъ всѣхъ мужскихъ личностей извѣстныхъ Паулинѣ, одинъ г. Хамазовъ пользовался ея благорасположеніемъ. Онъ сумѣлъ свискать его молчаливымъ согласіемъ съ ея мнѣніями, благоговѣніемъ предъ ея ученостію, сообщеніемъ своевременныхъ свѣдѣній о лекціяхъ и аккуратно-усерднымъ добываніемъ билетовъ на оныя. Г. Хамазовъ былъ до того Паулинѣ пріятель что несмотря на свойственную ей бережливость, она, по его настоянію, участвовала въ какихъ-то подлискахъ на какія-то общественныя дѣла и даже абонировалась на прогрессивный русскій журналъ. Паулина по-русски не читала и русскихъ книгъ для себя не покупала. Исключеніе составляли переводы иностранныхъ ученыхъ сочиненій, преимущественно нѣмецкихъ (изящною словесностію на вообще гаушалась). По словамъ Хамазова, журналъ былъ а европейской высотѣ мысли по всѣмъ вопросамъ, особенно женскому, а потому Паулина рекомендовала его сестрѣ. Но милая барышня, проглядѣвъ журналъ, отложила его въ сторону. „Либо скука, либо бравятся“, замѣтила она. И прогрессивный журналъ поступилъ въ пользованіе тети Маши. обрая старушка со всеусердіемъ читала всѣ безъ исключенія россійскія и иностранныя повѣсти, какія только прогрес-

сивная редакция тискала въ свой журналъ, и во всѣхъ за-
дѣлахъ находила большое сходство съ г. Хамазовымъ.

„Легокъ, прохвость, на поминѣ“, подумалъ Чулковъ, и то же
подумали остальные собесѣдники, только въ болѣе нѣжной
формѣ.

— Миръ вамъ, развязно началъ г. Хамазовъ.

— Шелъ бы къ чертамъ! шелнулъ Чулковъ тетѣ Машѣ.

— Вотъ ужъ правда, согласилась она.

— Владимиръ Дмитричъ, можно надъ нимъ штуку откинуть?
освѣдомилса М. Поль, мгновенно проникнувшійся ненавистью
къ носу г. Хамазова.

— Ни подъ какимъ видомъ.

Никто не откликнулся на привѣтствіе г. Хамазова.

— Вотъ и видно, господа, вравоучительно началъ онъ, —
что вы мужикомъ гушаетесь; не умѣете отвѣтить на народ-
ное привѣтствіе.

Всѣ поморщились какъ отъ фальшивой ноты.

— А какъ слѣдуетъ отвѣчать? съ почтительнымъ любозны-
ствомъ спросилъ Чулковъ.

— Садись къ намъ.

— Въ какой губерніи изволили наблюдать сей народный
обычай?—И Чулковъ вынулъ записную книжку.

— Всюду, въ любой избѣ...

— Ахъ, а я и не зналъ! съ сокрушеніемъ и поклономъ от-
вѣчалъ Чулковъ.

М. Поль, подстрекнутый примѣромъ Чулкова, въ свою оче-
редь вздумалъ „вышутить“ огуречный носъ. Онъ мигомъ очу-
тился подлѣ него.

— И я, представьте, не зналъ, сказалъ онъ. — Et moi, j'en
suis montardé!

Теперь всѣ не удержались и прыснули со смѣха.

— Что-съ? дерзко и нахально спросилъ г. Хамазовъ, дер-
гая вѣвво quasi-Наполеоновскій усъ.

— И симъ огорченень, виновать: огорченень есмь, бойко от-
вѣчалъ мальчижъ.—А вы развѣ не знаете по-французски?

— Вы будущій прокуроръ, кажется? еще нахальнѣе спро-
силъ Наполеонъ, усиливъ прежній жестъ.

— Къ вашимъ услугамъ. Въ чемъ прикажете себя обви-
нить?

М. Поль почувствовалъ что Чулковъ дергаетъ его за фалды.
Г. Хамазовъ, пренебрегая мальчишкой, круто отъ него

отвернулся и обратился къ Людмилѣ Тимсеевнѣ съ проловѣдью о пустомъ и антипрогрессивномъ направленіи большинства нашей молодежи.

— И только реальное воспитаніе... разгагольствоваль онъ. Веселая „дѣтская“ превратилась въ плохую „классную“.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Паулина Тимсеевна была слишкомъ большою поклонницей науки чтобы пренебрегать гигиеническими правилами, а потому гости у нея не засиживались и никогда не обременяли желудкаужиномъ. Раннему уходу нашихъ друзей, кромѣ того, не мало способствовало вторженіе въ столовую г. Хамазова; старикъ Кущинъ вышелъ вмѣстѣ съ ними и пригласилъ молодыхъ людей поѣсть устриць, не безъ задней мысли поближе познакомиться съ тѣмъ кого такъ сильно хвалила сегодня по утру младшая племянница. Они отправились къ Осетрову, гдѣ Чулковъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ не заводить серіознаго разговора пока онъ не проглотитъ по крайности двухъ дюжинъ

Затвориць жирныхъ и живыхъ,
Саяга обрызнутыхъ лимонемъ.

— Ну, господа, сказалъ онъ,—я готовъ, и пусть кто въ голосъ заводитъ разговоръ. Я, признаюсь, плохой заплѣвало.

Чулковъ приписывалъ важное значеніе умѣнью завести бесѣду. „Разговоръ все равно что лѣсна“, говариваль онъ, „заведена не такъ и баста: все пропало и слушать не хочется. Только разговоръ завести еще труднѣе: его наизусть не вытвердишь.“

— Я сегодня весь вечеръ молчалъ, сказалъ Мина Ивановичъ,—да и вообще нашему брату, степняку, рѣдко приходится говорить, а потому прошу уступить мнѣ первое слово.

— Ладно, дѣдушка, отозвался Чулковъ.

— Сколько я замѣчалъ, началъ старикъ свое слово,—нравственное и умственное уродство всегда есть не что иное какъ искаженіе какого-нибудь истинно-человѣческаго стремленія. Сегодня я подмѣтилъ нѣсколько такихъ искаженій, но

особенно поразило меня одно. Ему трудно было замѣтить, кивнулъ старикъ на Чулкова, обращаясь къ Коновову,—онъ самъ ввязался въ разговоръ, но не знаю обратилъ ли вы вниманіе на импрессию которую произвелъ на нихъ разказъ объ этомъ фиктивномъ бракѣ. Слышались возгласы о благородствѣ, о самопожертвованіи, кричали о добротѣ, о великодушіи. Тебѣ, обратился онъ къ Чулкову,—не потерпѣлось и ты не далъ имъ высказаться вполнѣ. Ты сдѣлалъ и хорошо и дурно. Примѣръ, во всякомъ случаѣ, выбралъ не удачный.

— Чѣмъ это?

— Ты говорилъ о товариществѣ,—этого они не поймутъ. Да и для васъ, господа, врядъ ли оно понятно вполнѣ какъ для насъ, стариковъ. Въ наше время товарищъ значилъ *esse*; иной разъ приходилось даже совѣстью кривить чтобы спасти товарища. Ты поступилъ хорошо уже тѣмъ что не смолчалъ, показалъ имъ, — чего они не понимаютъ,—что мнѣнія могутъ быть различны, а потому для нихъ нужна свобода. Но худо что ты разбилъ ихъ иллюзію не вполнѣ. Послѣ твоего ухода этотъ Аймазовъ все перевернулъ въ свою пользу.

— Какъ это?

— Послѣ скажу. Замѣть только: онъ выдумалъ новую иллюзію; онъ если не умѣе, то хитре чѣмъ ты его третировалъ. Какъ бы то ни было, они бросаются на все, только удовлетворить бы своему искаженному стремленію. О, еслибы они видѣли истинные образцы настоящаго героизма! Театръ одинъ театръ могъ бы сослужить службу въ этомъ отношеніи. Я вывелъ такое убѣжденіе изъ опыта. Давно уже было это, очень давно, я былъ вашихъ дѣтъ, быть-можетъ молодежь—обратился старикъ къ Петру Андреичу.—Мнѣ случилось присутствовать на двухъ представленіяхъ *gratis*, для простаго народа, въ *Comédie*. Давали Корнелевыя *Cida* и *Ораса*.—Старикъ выговаривалъ названія пьесъ на французскій ладъ и вообще въ его рѣчи... но внимательный читатель уже замѣтилъ особенности языка Мины Ивановыча и мнѣ не зачѣмъ разъяснять ихъ.—Еслибы вы знали что стало со всею этою маской, когда оскорбленный Don Diègue встрѣчаетъ своего сына знаменитымъ: „Rodrigue, as-tu du coeur?“ О, всякій, всякій въ залѣ вздрогнулъ вмѣстѣ съ Родригомъ! И всякій почувствовалъ въ чемъ состоитъ долгъ для будущаго Сиды. А эти суровыя слова старика, они персировали всѣ сердца.

И Мина Ивановычъ съ лаэосомъ продекламировалъ:

Ne réplique point, je connais ton amour:
 Mais qui peut vivre infâme est indigne du jour;
 Plus l'offenseur est cher, et plus grande est l'offense.
 Enfin tu sais l'affront et tu tiens la vengeance:
 Je ne te dis plus rien....

— Да, да! съ сильнѣйшимъ воодушевленіемъ продолжалъ онъ,—или въ *Орасъ*, когда старикъ указалъ: „Qu'il mourût!“ О, тутъ не было ни актеровъ, ни зрителей, ни зады! Все слилось въ одинъ крикъ: „bravo, le vieux!“ И вы думаете такія минуты переживаются даромъ? Не вспоминаются, когда надо выбирать между добромъ и зломъ? О, я тогда понималъ что значать стихи Пушкина:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
 Что чувства добрыя я лирой пробуждаю,
 И прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ....

Старикъ помолчалъ, олутивъ голову на грудь.

— Вотъ чего я желалъ бы отъ театра: возбужденія такихъ высокихъ, такихъ героическихъ порывовъ! Я умеръ бы спокойно и не страшился бы искаженныхъ стремленій... Но у насъ сперва кормили зрителей мншурнымъ геройствомъ, а потомъ.... потомъ мы съумѣли осмѣять эту мнштуру.... И рады: точно Богъ-знаетъ какое дѣло сдѣлали!..

И старикъ горько усмѣхнулся.

— Будто мы видѣли сегодня искаженное стремленіе къ героизму? спросилъ недовѣрчиво Чулковъ.—Впрочемъ можетъ быть и да... Но, дѣдушка, повихнувшихся не исправитъ указавъ имъ на добрый путь. Прочтите сколцу житіе святѣйшаго святаго, онъ все же будетъ умиляться предъ своимъ багшкомъ купцомъ Селивановымъ, Петромъ Третьимъ тожь. И не знаю въ чемъ нашъ умственный повихъ, и чѣмъ его лѣшить (если только можно лѣчить горбыхъ), но вижу что жь есть. Хотя вижу его въ другомъ.

— Въ чемъ же? спросилъ старикъ.

— Въ томъ что мы разучились смѣяться.

— Ты, вижу, нынче въ ударѣ говорить: глаза разгорѣлись.

— Какъ всегда послѣ устрицъ и хорошаго вина....

— Начинай же. Я чувствую ты наговоришь сегодня множество отборныхъ парадоксовъ....

— Которые въ концѣ концовъ окажутся истиной, съ комическою важностью замѣтилъ Чулковъ.—Но

Дать споры не мое желанье

и я приступаю къ комической импровизаціи.

Чулковъ откашлялся, встряхнулъ головой и началъ:

Похвальное или надгробное (ad libitum) слово смѣху.

— Замѣтили ли вы, господа, чтобы въ той курительной комнатѣ гдѣ мы съ вами имѣли честь дышать сѣрно-азотно-углекислымъ дымомъ, въ семь estaminet неправильно называемомъ салономъ de Mlle Pauline des Passereaux, кто-нибудь смѣлся? Невозможно чтобы замѣтили, ибо тамъ хгыхгыкали, гехикали и производили разные иные звуки, но не смѣялись. Они усиливались подражать смѣху при помощи кадыка, и пускали въ ходъ горловую и головную фистулу, но никто не вспомнилъ даже объ аппаратѣ мудрою природою для смѣха предназначенномъ. А такъ ли довлѣетъ смѣяться Россіянамъ? Развѣ мы не рожденные зубоскалы, смѣхуны, шутники, забавники и краснословцы? Благочестивые монахи не упускали случая занести въ лѣтопись красное слово, остроуту или истрѣкое прозвище. Несмотря на святительскіе жезлы и царскіе посохи въ насъ не совсѣмъ угасла любовь къ скоморошачеству и дурачеству. Вспомните что находились охотники шутить даже съ Павломъ I подъ страхомъ ссылки въ Сибирь! Вѣдь и у насъ деспотизмъ отчасти умѣрялся элиграммой: сколько однихъ программъ министерскихъ концертовъ! Мы хохотали, локатывались, заливались и ломирали со смѣху, ни матери, ни отца, но никогда еще донынѣ не увижались до хита канья. Кто же или что зашибло нашъ веселый и громкій смѣхъ? Волерыхъ, сильнѣйшее поврежденіе ему нанесъ нашъ великій комикъ. Когда онъ перелопотилъ тогдашнюю литературную Мордву, не менѣе нынѣшней упражнявшуюся въ разныхъ „перкобыльствахъ“, по счастливому выраженію одного изъ новѣйшихъ геніевъ,—когда онъ перелопотилъ ихъ своею комедіей, они прибѣгли къ своему обычному мейнеру, обвинили его въ безнравственности. Слѣдовало ли оскоривать сихъ глупцовъ? Нѣтъ. О чемъ они кричали? Что въ комедіи долженъ быть честный человѣкъ? Да, и въ отвѣтъ имъ надо было сказать: „Мордва! своими замѣчаніями вы локзали свое незнаніе исторіи литературы; своею строгостью!

счетъ нравственности что вамъ говорить больше ничего; вы сочинили свой кодексъ уголовно-художественныхъ законовъ и ищите въ произведеніяхъ нарушенія этихъ законовъ; вы вообразили себя судьями, но помните: ваши повѣстки мы не обязаны принимать и ваши заочныя рѣшенія можемъ даже не читать.“ Но Гоголь поднялъ ихъ замусленную перчатку. „Какъ нѣтъ честнаго человека? Онъ есть и этотъ честный человекъ—смѣхъ.“ Excusez du peu, Николай Васильичъ! Честный человекъ, то-есть у котораго долгъ основной тонъ всей личности, словомъ, стоить вовсе не расположень къ смѣху. Онъ какъ Шекспировъ Кассій, если улыбается, то кажется точно задъ самимъ собою: зачѣмъ де позволилъ себѣ улыбнуться. Смѣхъ прежде всего и лаче всего — здоровый человекъ. Но бѣда тѣмъ не ограничилась. Допущена аллегорія смѣха, и все пошло на аллегорію. Хлестаковъ, этотъ чистокровный Петербуржець, не знающій даже что въ увѣздныхъ городахъ есть штатъ чиновниковъ, и что почты не находятся подъ адмиралтейскимъ вѣдомствомъ и въ то же время увѣренный въ своей просвѣщенности и въ томъ что онъ выше всѣхъ и можетъ всѣхъ третировать en saпaille—вдругъ обратился въ аллегорію маловѣрной общественной совѣсти. Театръ въ аллегорію проповѣднической каеэдры. Наконецъ и самъ Николай Васильевичъ соблаговолить превратиться въ аллегорію человека заболѣвшаго собственными несовершенствами, а потому идящаго и всюду одни несовершенства. Будь я знакомъ съ имъ, и будь мнѣ въ то время, какъ теперь вотъ уже два мѣсяца, тридцать лѣтъ, то-есть достигли я возраста когда всякій порядочный человекъ безъ всякихъ хитростей и уловокъ обязанъ прямо высказывать свои мысли и мнѣнія, я сказалъ бы ему: „Николай Васильевичъ, если вы не аллегорически, а дѣйствительно заболѣли своими несовершенствами, чтобъ избыть у хворобу лишите трагедіи: смѣяться вамъ не время“. Да, слода, маѣ порой сдается что еслибы Гоголь послѣдняго періода вмѣсто того чтобъ упорствовать въ комедію, взялся трагедію—онъ вытѣчился бы, и у насъ было бы нѣсколько агедій, мрачныхъ, суровыхъ, но великолѣпныхъ! Не даромъ у него нѣкоторые находили Дантовскія черты; не даромъ Тевъ, говоря о Данте, вдругъ припомянулъ одну сцену изъ *васа Бульбы!*

— Великолѣпный парадоксъ, сказалъ Мина Ивановичъ.

— Дѣдушка, не мѣшать! Но локончивъ съ трагическими

причинами ослабванія смѣха, перейдемъ къ комическимъ. Вонпервыхъ, вѣтъ, вонпервыхъ уже было... И такъ, вонвторыхъ. Вонвторыхъ, съ нѣкотораго времени мы сдѣлались до крайности серьезны, приличны и возвышены. Серioзны до того что желаемъ не обыкновеннаго смѣха, а серьезнаго, то-есть чтобы въ театрѣ напимѣръ въ смѣшныхъ мѣстахъ никто не улыбался, и наоборотъ, въ трагическихъ не плакалъ. Въ этой серьезности мы скоро дойдемъ до того что не только стануть требовать чтобы играли, а будутъ играть Гоголя и Мольера такъ что мы помремъ съ зѣвоты. И это мы назовемъ облагороженьемъ фарса. Уже Бобчинскій когда летитъ во 2мъ актѣ на сцену, въ театрѣ не обрываетъ двери—это для насъ грубо! Подождите: скоро гдѣ у Мольера назначено бить палкой, актеры будутъ цѣловаться. Мы приличны—о, Господи! какъ мы приличны!—мнѣ въ юности, когда я сгоралъ отъ жажды, запрещали съѣсть на улицѣ апельсинъ, или въ театрѣ яблоко: не прилично де. Я потѣлъ лѣтвомъ въ пальто, ибо наслышался что безъ пальто не прилично ходить по улицамъ. И вы всѣ страдали отъ этихъ неприличныхъ приличій. И громко смѣяться, а паче хохотать—тоже конечно не прилично. При мнѣ одна дама говорила писателю-комику: „Я видѣла вашу комедію; ужасно смѣшно, но неужели вы хотѣли чтобы зрители такъ страшно хохотали въ вашей комедіи?“ А одивъ очень умный человекъ, но слишкомъ приличный господинъ, жаловался что въ Лейпцигѣ публика слишкомъ хохотала (онъ боялся сказать: животики надрывала) при представленіи *Сна въ Лѣтнюю Ночь*. Ему это казалось оскорбленіемъ памяти Шекспира. Наконецъ, мы стали ладки на возвышенное, и до того гоняемся за нимъ что бойкаго англійскаго фельетониста Диксона возвели чуть не въ гении. Это въ серьезномъ родѣ, а въ комическомъ мы пожелали возвышеннаго юмора и возвышенной сатиры! И явились охотники дѣлать русскій юморъ, который также похожъ на англійскій, какъ русскій портеръ на Перкинса и К°. Не то скверный квасъ, не то прогорклое черное пиво. И явились возвышенные сатирики, все мѣряющіе на свой салтыкъ и воображающіе что если они надо вѣтъ безъ разбора смѣются, то уже Аристофаны, если не выше. И все у насъ есть: и недоученая серьезность, и приличіе, и высокая, съ коломенскую версту, сатира, — и вѣтъ только смѣха. И ищемъ мы его всюду и завидуемъ Французамъ, что они сохранили способность смѣяться, и ради сердечнаго облегченія не признаемъ

въ нихъ никакой серьезности! И довольствуемся смѣшными словами и повторяемъ ихъ до изнеможения, а еще недавно почитали комическія личности. Находимъ остроумными скверные переводы французскихъ куллетовъ, а прежде сами были мастера писать куллеты. Наконецъ,

Окогченная летуля,
Эмиграмма хохотуля,
Эмиграмма егоса

превратилась въ пародію двустипія:

Я скажу что Коли лошадь,
Остроумно и смѣшно.

Словомъ, русскій смѣхъ поступилъ въ разрядъ всего историческаго, а потому низкаго. Сюда, какъ извѣстно, относятся: русскій гусь, русское платье и русскій человѣкъ. А въ заключеніе я предлагаю тостъ въ память Батюшки Смѣха, и за ваше здоровье, господа. Ибо кто здоровъ, тотъ умѣетъ смѣяться.

— Молодецъ! сказалъ старикъ, чокаясь съ Чулковымъ.

— А вино, что Французы называютъ, *bon*, какъ говорилъ одинъ чиновникъ, не знавшій ни слова по-французски, сказалъ Чулковъ, выливая свой стаканъ.

II.

— Что жь это вы почти не принимаете участія въ нашей бесѣдѣ? ласково обратился старикъ къ Кононову.

— Я вообще мало разговорчивъ, особенно съ тѣми къ кому не успѣлъ еще привыкнуть, отвѣчалъ Петръ Андреичъ.—Но, если позволите, я для перваго знакомства и въ доказательство что къ вамъ скоро привыкну, сдѣлаю нѣсколько замѣчаній на одно ваше мнѣніе....

— Сдѣлайте одолженіе.

— Дѣло пойдетъ объ искаженныхъ стремленіяхъ....

— А!

Старикъ оживился и сталъ внимательно слушать.

— Тамъ гдѣ вы видите искаженное стремленіе къ героизму, мнѣ кажется имѣетъ мѣсто только искаженіе или, вѣрнѣе, нѣкоторое зачаточное состояніе мышленія: вѣдь рожденное уродство часто есть не что иное какъ недоразвившаяся форма. При такой недоразвитости ума приобретаетъ не малое

значеніе нѣкотораго рода мыслительный обманъ. Когда вы ѣдете на лодкѣ вамъ кажется будто берега бѣгутъ вамъ на встрѣчу; мыслительный обманъ похожъ на этотъ оптический: вамъ кажется будто къ вамъ приходятъ мысли, будто предметы проходятъ предъ вашимъ сужденіемъ. Въ сущности же мысли и предметы только пробѣгаютъ предъ вашимъ умомъ, скользятъ мимо, и сужденія составляются по понятіямъ безсодержательнымъ или, говоря положительно, порожаимъ. Порожня рѣчи такія при которыхъ ничего не высказывается; порожнія понятія такія при которыхъ ничего не понимается, то-есть не берется, ein Begriff der nichts in sich begreift, какъ сказалъ бы Нѣмецъ. Эти господа которыхъ мы сегодня видѣли разсуждаютъ по такимъ порожаимъ понятіямъ...

— Въмѣсто *эти* точнѣе употребляютъ *оныя*, когда говоришь заглазно о третьемъ лицѣ, вставилъ Чулковъ.

— Не перебивай, строго замѣтилъ ему Мина Иванычъ, и къ Кононову:—Продолжайте пожалуста.

— Позвольте примѣръ. Они вѣчно кичатся своею самостоятельностью. Но спросите любаго: что она есть? Въ лучшемъ случаѣ онъ опредѣлитъ ее какъ противоположность общепринятому мнѣнію, какъ *новый* взглядъ, взглядъ *новыхъ* людей. И опять содержаніе понятія ускользнуло; опять оно порожнее. Ради васъ онъ наполнилъ его *новизной*, ему же самому такого наполненія не требуется. Его умъ не чувствуетъ необходимости этого, какъ зародышъ не чувствуетъ потребности ходить. И наконецъ самая новизна для него не имѣетъ содержанія.

— Да, сказалъ старикъ, вы правы: новый и аминь, и говорить больше не ставеть.

— Эхъ, господа, сказалъ Чулковъ, — вы самой сути-то не смакуете. При семъ, нѣкоторое пріятное душевное щекотаніе происходитъ. „Идея хоть и великая да не новая“, какъ говорилъ фельетовистъ, или: „Хоть дешевенькое, да новенькое“, какъ говорила одна дама ладкая на обшвы.

— Позвольте вопросъ: какое же направленіе получаетъ по-вашему сердце при такомъ умственномъ уродствѣ? обратился Мина Иванычъ къ Кононову.

— Сердце? Оно пріятно убаюкивается, испытываетъ пріятное самообольщеніе, какъ глазъ при оптическомъ обманѣ. Является самоопытаніе, диковинное себя-обожаніе. Вообразите

что испытывалъ сегодняшній офицерикъ говоря „все это просто и ясно“. Или кадетикъ, о гильйотинѣ...

— Но этотъ мерзить просто.

— Вы думаете онъ кровавъ? Я увѣренъ что самъ, по своей волѣ, онъ курицу любитъ зарѣзать. Ему нравится собственная смѣлость, когда онъ выкрикиваетъ эти „мысли“.

Все замолчали. Конововъ вспомнилъ что подобный же разговоръ онъ имѣлъ нѣсколько лѣтъ назадъ съ Полѣновымъ. Можетъ-быть теперь его мысль окрѣпла и опредѣленіе *онимъ* стало точнѣе и остроумнѣе, но гдѣ та горячность съ которой онъ старался выдѣлать себя изъ ихъ среды? Гдѣ та энергія?

— Ахъ, еслибъ большинство чувствовало какъ важно воспитаніе ума, началъ онъ подъ впечатлѣніемъ налетѣвшихъ воспоминаній и неволью, въ силу природенной откровенности, высказывая вслухъ новую выжитую мысль.— О, страшно вспомнить сколько приходится вытерпѣть выбираясь на прямую дорогу. Сколько времени умъ бродилъ даромъ, безъ помощи, куда пришло! Сомнѣнье закрадось въ голову раньше мысли. Все растеряно въ лаутаніяхъ: вѣра, любовь, способность привязаться къ чему-нибудь мыслямъ, или чувствомъ. Точно прохожій въ стелю, во время бурана: искалъ, искалъ дороги, вотъ она наконецъ подъ ногами, и жила недалеко: дымокъ потануло, а притомленныя ноги не двигаются и буранъ заметаетъ! Ахъ, тяжело, тяжело!

Сердечное горькое горе слышалось въ этихъ словахъ. Станикъ потулился.

„Неужели *это* не пройдетъ у него? подумалъ онъ.— Такой прекрасный молодой человекъ и главное съ такимъ сердцемъ!“

— А я было... началъ Чулковъ и остановился.

„Время ли шуткѣ? подумалъ онъ. И что съ нимъ? И отчего я не знаю этой томящей, словно безысходной тоски?“

— Что вы, Чулковъ? Продолжайте!— полуулыбнулся Конововъ.— Извините, обратился онъ къ Кушину,—но эти „онимы“ всегда на меня тоску нагоняютъ.

„Ну тутъ не „онимы“ причина“, подумалъ Чулковъ. „Но буду продолжать. Дастъ Богъ, болѣзнь временная, а на сегодня своимъ скоморошествомъ заставляю его не думать о ней.“

— У меня все лѣзутъ въ голову примѣры порошкихъ знаій, мнѣній и понятій. И сколь утѣшительны они для чело-

вѣчества! Напримѣръ скажетъ: республика лучше монархіи, и доволенъ, точно сказалъ гусь лучше поросенка, а ему въ это время гуся на столъ. А вотъ тамъ былъ какой-то, еще кадыкомъ смѣялся, тотъ все думаетъ: „Революція лучше всего“. И вѣдь ему рисуется нѣчто и нервы щекотить пріятно. А что дальше, ему все равно, и хоть бы потолокъ. Они любятъ процессъ революціи, какъ Гоголевскій Петрушка процессъ чтевія. Рѣшительно, надо составить похвалу пороженнымъ мыслямъ.

— Ты и составляяй, подстрекнулъ Мина Ивановичъ: онъ тоже желалъ разогнать тоску Ковонова.

— Не могу. Но благо на политику пошло, то сейчасъ вамъ новые примѣрчики. Слышали два сановника что есть кака-то пресса и свобода прессы, но что оно такое въ сущности: на рапортъ, или болѣе на предписаніе похоже, не знаютъ. И разсуждаютъ тако: *Первый*. Правда, въ газетахъ лишуть что Имрецкаго губернатора бѣшенная собака укусила? *Второй* (съ жаромъ:) мнѣ всегда странно когда люди нашего круга обращаются съ такими вопросами. Развѣ у журналистовъ есть совѣсть? Гдѣ мы должны сознаться во лжи, тамъ журналистъ говоритъ: „Слухъ нами сообщенный ложень.“ И думаетъ что такой отговорки довольно. *Первый*. Да, но и въ другихъ странахъ, даже въ Англіи... И притомъ свобода прессы... Онъ умолкаетъ и думаетъ: „Рѣшительно, эта свобода на рапортъ похожа: мало ли что въ рапортахъ врутъ.“ *Второй* (съ желчью:) Да, но въ Англіи и другихъ просвѣщенныхъ странахъ никто такимъ извѣстіямъ не вѣритъ, а у насъ даже съ спрашиваете: „Правда ли?“ А потому у насъ нечего щадить журналистовъ и надо ихъ всемѣрво тѣснить. И затѣмъ, послѣ блестящаго пониманія свободы прессы въ видѣ стѣснительнаго предписанія, второй разсказываетъ первому сллетню, а первый уже не смѣетъ спросить: правда ли? Теперь третій политикъ, нашъ грязьгородскій губернаторъ. Этотъ помѣшался на антагонизмъ сословій и все вѣздитъ по городу и нюхаетъ не пахнетъ ли антагонизмомъ; всѣхъ кварталныхъ съ ногъ сбиль, даже будочники разсуждаютъ что это за такая „ахъ ты, главизна“. А начальникъ между тѣмъ въ коляскѣ летитъ. Ба! кучеръ на задворкахъ „барыню“ на балабайкѣ жарить—антагонизмъ; хмѣльной дворяннѣ „комаринскаго“ прошелся—антагонизмъ!

И давъ слушателямъ время посмѣяться, Чулковъ продолжалъ:

— Тотъ же примѣричекъ, только съ другаго конца. Есть у насъ въ Грязьгородской губерніи помѣщикъ, неподалеку отъ дѣдушки живетъ, по фамиліи Курослѣвъ, и помѣщикъ ничего, какъ слѣдъ быть помѣщику средней руки, молодой и усы имѣетъ, лихо водку пьетъ и лошадей лихо объѣзжаетъ. И прослышалъ онъ что есть такой на свѣтѣ социализмъ какой-то, и революція социальная можетъ быть. Вотъ онъ прѣзжаетъ къ дѣдушкѣ и не знаю какъ съ нимъ, а со мной, какъ гошу тамъ, всегда въ политику. Самъ онъ газетъ не читаетъ, но событіями интересуется.—Ну что, спрашиваетъ,— во Франціи ничего? не шевелятся? „Не слышно, а вамъ-то что?“—Такъ думаю: и у насъ зашевелится тогда. Я его условноваю: напрасно де тревожиться изволите, а онъ:—Нѣтъ, какъ хотите, а неправильно что у одного двѣ, а у другаго, какъ у меня, сто десятинъ. Какъ вы думаете? „У меня и одной нѣтъ, отвѣчаю, но и не жалуясь.“—А мнѣ, знаете, совѣстно будто надо бы поровну всѣмъ, и нашего брата, кто заупрямится, вздернуть. „Чего же лучше: начните съ себя, подвѣстесь, а землю мужикамъ завѣщайте.“ Нѣтъ, какъ ни уговаривалъ, не хочетъ.

— Однако ты своими примѣричками на меня тоску нагоняешь, сказалъ Мина Ивановъ.—Чортъ знаетъ что: съ одной стороны пародія на французскаго революціонера, а съ другой имитация маленькому Наполеону! Пошлая пародія на казовые концы Франціи!

— Вы-то чего безпокоитесь? отвѣчалъ Чулковъ.—Вы и нашъ губернаторъ, ни Курослѣвъ. Вы знаете что мужикъ любитъ дворянина больше чѣмъ чиновника, который доселѣ только обиралъ его, больше кулца, который всегда готовъ и ейчасъ надуть его, и подавно больше своего брата кулака. Дворянину де чести больше и олять его надуть легче. И ворянину какъ безъ мужика быть? Кто оцѣнитъ какъ не мужикъ что онъ настоящій баринъ, а не поддѣльный, милый аринъ, а не лесь немилый? Нѣтъ, имъ предстоитъ долгое соительство, и ссориться, дасть Богъ, они не будутъ. А Курослѣвъ? Онъ вамъ, глядите, какую тройку продастъ—чудо!

— Чего безпокоиться? мрачно и бурливо началъ Кушнявъ.—Этчего твой Курослѣвъ твердить о революціи, а не о свободномъ развитіи? Ты скажешь: „Болтувъ онъ.“ Вѣрю, но

отчего болтаетъ объ этомъ, а не о томъ? Отчего твои саво-
ники твердятъ объ антагонизмъ, либо зубрятъ повелительное
наклоненіе глагола *sévir*, а не знаютъ что для благоустроеннаго
государства нужна свобода? Отчего наконецъ имъ всѣмъ гре-
зится революція, а они не знаютъ что лѣкарство отъ нея въ
свободѣ? Вотъ ты что мнѣ скажи!—И не дождавшись отвѣ-
та Мина Иванычъ продолжалъ:—Мы къ несчастію истори-
чески къ свободѣ не приучены. Москва строила государство,
а Стенька и прочіе воры не понимали этого и думали каза-
кимъ кругомъ управиться. А вѣдь вы, можетъ-быть не повѣ-
рите,—обратился старикъ къ Кононову,—у насъ есть молодцы
что Стеньку и Емельку революціонерами считаютъ. Гм, хоро-
ши революціонеры! Я противникъ революціи, ненавистникъ ея,
даже большой французской. Я монархистъ, но революціоне-
ровъ обвиняю не столько за убійство добраго Людовика, а
какъ за непониманіе свободы. Мнѣ Людовика жаль, какъ
жаль всякой жертвы неправильнаго правосудія. Онъ самъ не
понималъ свободы, хотя подъ руками былъ Мирабо, и притомъ
былъ дурной правитель. Но революція все-таки несчастіе,
можетъ и необходимое тогда какъ необходимо Везувію извер-
женія дѣлать, но не дай Богъ ни того ни другаго. Везувій за-
сыпалъ Плинія—горе, но тутъ слѣпая сила дѣйствовала. А лю-
ди убили геній—зачѣмъ? За что погибъ геній Лавуазье, или
Шенье? Но если свободы конвентъ не понималъ, онъ пони-
малъ государственность, правители между ними были, и послѣ
изъ его членовъ выходили администраторы хорошіе. И при-
томъ они были патриоты *et ils ont bien mérité de la patrie*. А
Стенька съ Емелькой—они въ старосты не годились. Кромѣ
разрушенія, никакой мысли не носили. Емелька для бунта
войной воспользовался и даже польской помощи, негодяй, не
чуждался. Но я разгорячился и увлекся. Теперь Петра возь-
мемъ. И вотъ тебѣ живое доказательство какъ плохо у насъ
свободу понимаютъ,—кивнулъ Мина Иванычъ Чулкову.—До
сихъ поръ его деспотизмъ и даже дебоширства оправдываютъ,
чуть не умиляются предъ ними. Для чего и для кого это
нужно? Скажи: великій государь, и новую идею внесъ: служе-
нія государству, всеобщаго служенія, начиная съ царя,—я
спорить не стану. Но помни что онъ же всякія зачатки сво-
боды разорывалъ....

— Тотъ же Петръ лилъ за науку, и она научить насъ свободѣ, сказалъ Чулковъ.

— Да, утѣшенья! молъ Россія вся въ будущемъ. Тысячу лѣтъ прожили—все въ будущемъ, молодой народъ. Это славнофилъ какой-то еще утѣшеніе придумалъ: „Россія лучшее государство въ возможномъ!“ Нѣтъ, ты вотъ мнѣ этакій примѣръ отыщи чтобы вождь оппозиціи сказалъ премьеру: „Если вы глава министерства Ея Величества, то я глава оппозиція Ея же Величества“, то-есть такой же какъ вы вѣроподданный и рачитель о государевыхъ и государственныхъ интересахъ,—тогда я тебѣ скажу: „а, тутъ выработана свобода и почва для нея есть“.

— Да не все же, прости Господи, сказалъ начинавшій въ свою очередь горячиться Чулковъ,—намъ одни орудія цивилизаціи перенимать, пора и самую цивилизацію.

— Какія орудія?

— А хоть бы шлицрутевы.

— Фу ты!—Старикъ даже плюнулъ.

— Ну, дѣаушка, полно. Вы погорячились, и я погорячился, и помиримся. А теперь позвольте узнать: гдѣ мы возымѣемъ нашу централизацію? какъ говорилъ одинъ московскій кулець, предполагая сойтись съ пріателемъ у Тѣстова или въ Ново-Троицкомъ, или „quand nous aurons le comité prochain?“ какъ выражался вѣжкій петербургскій чиновникъ, думая что говорить по-французски.

Они условились и разошлись.

III.

Возвращаясь домой Кононовъ раздумался о всемъ сегодня видѣнномъ и слышанномъ. Первымъ дѣломъ его поразило сходство, порой дословное, въ мысляхъ объ извѣстномъ предметѣ людей, повидимому, мало похожихъ другъ на друга, людей разнаго склада ума, возраста, у cadaго изъ коихъ есть свои симпатіи и антипатіи, свои пристрастія. Старикъ Куцинъ на примѣръ скорбитъ о недостаткѣ истиннаго героизма, желаетъ чтобы трагедія его возбуждала, но онъ самъ толковалъ сегодня съ Чулковымъ о приближеніи идеаловъ. Или Чулковъ говоритъ что мы разучились смѣяться, но онъ самъ по утру обратилъ его вниманіе на недостаточность комизма

у позднѣйшихъ русскихъ писателей. А они всѣ жили болѣе или менѣе разною жизнью. Съ Чулковымъ, правда, онъ былъ знакомъ еще студентомъ, но теперь не видавшись съ нимъ три года, не переписываясь даже, онъ во многомъ больше чѣмъ прежде съ нимъ сходится.

„Но всѣ мы, продолжалъ онъ, разбросанныя единицы! Старикъ одна единица—живетъ уединенно въ деревнѣ, занимается археологіей, раздумываетъ обо всемъ что дѣлается и говоритъ вокругъ, но говорить ему, какъ самъ жаловался, приходится рѣдко. И можетъ-быть есть другая единица, и занимается математикой, и также думаетъ про себя... И можетъ-быть такихъ единицъ много, но всѣ они живутъ особнякомъ: имъ негдѣ сойтись, негдѣ столкнуться... Общества у насъ нѣтъ.... Мы, говорятъ, не социальны.... Правда ли?

Коновову припомнилось какъ однажды ему пришлось сдѣлать верстѣ двѣсти по торговому тракту, въ кулеческомъ дилижансѣ-гарантасѣ, въ обществѣ кулцовъ. Нѣтъ людей общительнѣе Русскихъ! И чай пили вмѣстѣ, и общій разговоръ завязался, и смѣхъ и веселье, и толковое слово о торговлѣ и ея нуждахъ.

„Да, тамъ, у кулцовъ, у мужиковъ даже, жизнь выработала свои понятія, свои интересы, свою даже вѣжливость, отъ которой никто не отступаетъ. А мы? Мы зовемъ себя образованными людьми, мы думаемъ что насъ связываютъ высшіе человѣческіе интересы. И развѣ у насъ ихъ нѣтъ? Развѣ намъ не дороги искусства, науки, свобода? Но отчего же дивеча чтобы говорить объ искусствѣ пришлось избавиться отъ художника? Отчего мы говорили сейчасъ втроемъ уединенно?“

Конововъ доѣхалъ домой.

„Да, правъ Чулковъ“, продолжалъ онъ идя по двору и всходя на лѣстницу, „идешь въ гостиную и попадешь въ куріищу, гдѣ другъ до друга никому нѣтъ дѣла. Хамазовъ называлъ этого добродушнаго Погалева доносчикомъ; тотъ чуть не залакалъ, но смолчалъ. И мы всѣ смолчали. Но либо одинъ доносчикъ, либо другой негодный нахаль, и кому-нибудь изъ нихъ не слѣдъ быть въ порядочномъ обществѣ. Но никто не вступился, даже тѣ кто лично за обиду не ограничился бы предслезнымъ солѣніемъ. И въ самомъ дѣлѣ, кому

какое дѣло до скандала въ курительной? Это дѣло полиціи или фельетониста...“

Но тутъ Кононовъ замѣтилъ что забрался этажемъ выше и чуть было не позволилъ въ чужой колокольчикъ. Онъ слустился и лопалъ наконецъ къ себѣ.

„Да, о чемъ я думалъ? продолжалъ онъ раздѣваясь. А, вспомнилъ. Погалева и Хамазова обивались упреками на счетъ своихъ бывшихъ профессоровъ. Я ихъ читалъ: оба могли быть разныхъ мнѣній, но оба были люди талаятливые и достойные уваженія. И что же? Изъ ихъ именъ бывшіе ученики сумѣли сдѣлать бранныя клички. Мы хвалимся часто что не имѣемъ сословныхъ предразсудкомъ. Но мы выдумали новыя. Одно время генералъ значило непремѣнно дуракъ; потомъ стали толковать что молодой умѣе стараго. Я студентъ, а онъ военный, или правовѣдъ, и мы косимся, неизвестно почему, другъ на друга. Я не дорожу дворянствомъ, говорилъ мнѣ одинъ милый молодой человекъ, а дорожу тѣмъ что былъ въ Московскомъ университетѣ. И вотъ чуть не два новыя званія: кандидатъ московскій, кандидатъ петербургскій. А что же образованность, наука, умъ? Они на второмъ планѣ. И общества нѣтъ, и надо сторониться и уединяться. Оттого умственные сумерки и тѣмъ такъ хорошо...“

И Кононовъ загасилъ свѣчку.

„И она одна не боится говорить своихъ мнѣній, продолжалъ онъ думать уже про Людмилу Тимоевну,—и не считаетъ ихъ нелогичными, и не боится что ее не сочтутъ всезнающей... А что жъ я не спрашиваю, смѣясь обратился онъ къ себѣ, гдѣ она воспитывалась? Вѣдь она институтка и мнѣ слѣдовало бы сморщить носъ...“

Но тутъ начались предсонныя шепоты и образы, но не вчерашніе, а милые и веселые, и Петръ Андреичъ заснулъ благополучно.

Старикъ Куциня вернувшись домой впалъ въ раздумье.

„Паулина — онъ и про себя не называлъ ее племянницей— дѣлаетъ выговоръ Милю что та не была хозяйкой, а сама сидитъ весь вечеръ съ какимъ-то агрономомъ что-ли... А гдѣ быть хозяйкой? Въ жидовскомъ кагалѣ... Сестра Марья права: она въ игуменью Павлу... та тоже въ разговорахъ возносилась, а подъ носомъ ничего не видѣла... И говорить: молодую дѣвицу надо въ общество вывозить... А гдѣ я его тутъ найду... Тутъ, говорятъ, всѣ на каубахъ ломѣшались—привились Петровскія

ассамблеи: не то порядочное собраніе, не то голландская попливая... И не мудрено: дома скучно, семьи нѣтъ, соберутся на половину все Айвазовы и толкуютъ все одно и то же... А тамъ хоть полпрыгаютъ, или на театрѣ поиграютъ... Нѣтъ, не хорошо тутъ!... Точно про Вѣну читаешь“...

Чудковъ, придя домой, точно записывалъ въ памяти слѣдующее:

„Не душно бы узвать фиктивного мужа и сдѣлать изъ нимъ нѣсколько опытовъ.... Мальчишка Погалева шустеръ, только вѣтеръ.... Надо бы, говоря метафорически, постыть его. А то они всѣ на остроуміи помѣшались.... Эко диво! Всякій русскій дворянинъ, коли не идиотъ, остроуменъ; всякій мущинько, чуть не болванъ, зубоскалитъ умветь... А они всѣ на остроуміи вьдять до тридцати лѣтъ, а потомъ мочаются. Еще что? Да. Неужто Конововъ проумозрительничаетъ Логмилу Тимофеевну?... Дуракъ же будетъ.. А вы, Владиміръ Дмитричъ? Но о себѣ раздуматься—цѣлую ночь не спать, а току не будетъ... Ну-тка, Владиміръ Дмитричъ, заснемте... Ох, Господи, Господи! проста ма грѣшная!“

И Чудковъ перекрестился, повернулся на бокъ и заснулъ...

Милой барышнѣ снился въ эту ночь престранный сонъ. Она видѣла что ей весело, и она болтаетъ, и вдругъ подползаетъ черный тараканъ (а она ихъ страхъ не любила) и лалкой трепить лѣвый усъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИГИ.

Д. АВЕРКІЕВЪ.

МОАВІЯ

Страна лежащая на востокъ Иордана и Мертваго Моря сдѣлалась въ послѣдніе годы обѣтованною землею для путешественниковъ, антикваріевъ и ученыхъ изслѣдователей библейскихъ древностей. Кто изъ страствовавшихъ по Святымъ Мѣстамъ не стремился за Иорданскую долину къ тѣмъ таинственнымъ холмамъ которые замыкають горизонтъ тѣнистою горизонтальною грядою своихъ погруженныхъ въ багровый свѣтъ возвышенностей и составляютъ величавый фонъ для плоскаго и однообразнаго ландшафта самой Палестины? Кто изъ пребывающихъ тамъ археологовъ, слышавшихъ о развалинахъ трехсотъ городовъ, разбросанныхъ по высотамъ среди орь, не захотѣлъ бы прочесть въ этихъ краснорѣчивыхъ грудахъ камней бытописаніе исчезнувшихъ съ лица земли народовъ? Какой ученый изслѣдователь Библии не жаждалъ бы айти въ этой невѣдомой странѣ библейскія имена каждой гѣстности, и отыскать въ ея холмахъ и долинахъ сцены повѣдуемыхъ въ Священномъ Писаніи событій?

Недавно одинъ изъ такихъ путешественниковъ, членъ Коллежскаго Общества, достопочтенный каноникъ Тристрамъ, указалъ свои странствія по землѣ Моавитянъ, и сдѣлан-

выя тамъ открытія, съ которыми мы хотимъ познакомить читателей *Русскаго Вѣстника* * по статьѣ *Quarterly Review*.

Телерь для изслѣдованія древностей Святой Земли составились два частныя общества, одно американское, другое англійское, располагающія каждое собраннымъ по подпискѣ капиталомъ. Англійскіе археологи предоставили своимъ атлантическимъ сотоварищамъ выборъ мѣстности для изысканій. Американцы взяли себѣ восточныя страны, а Англичанамъ достался Иерусалимъ и его окрестности.

Изъ всѣхъ странъ лежащихъ на востокъ отъ Іордана и Мертваго моря, Моавія слыветъ самою любопытною и наименѣе доступною. Ея исторія начинается съ первыхъ страницъ Библіи, и въ ней совершались самыя ужасныя, живописныя и трогательныя событія повѣствуемыя въ Ветхомъ Завѣтѣ. Лотъ спасается въ Сигоръ, Балаамъ пророчествуетъ, Моисей съ вершинъ Фасги взираетъ на Обѣтованную Землю, умоительная повѣсть Моавитянки Руэч, кроткой прародительницы Давида и Мессіи, чудесныя событія въ войнѣ Іоарамъ съ Месой—вотъ главныя черты намоинающія страну которой имя такъ часто повторяется въ сказаніяхъ Священнаго Писанія. Пророки говорятъ о Моавитянахъ какъ о многочисленномъ и богатомъ народѣ, близкомъ къ Израильтянамъ по стелени своего образованія. Іосифъ и римскіе историки весьма часто уломинають о плодородіи почвы Моавіи, а встрѣчаемыя у нихъ описанія ея большихъ крѣпостей и цвѣтущихъ городовъ, существовавшихъ до римскаго владычества и во время онаго, достаточно свидѣтельствуютъ о важномъ значеніи этой страны въ началѣ христіанской эры, что доказываетъ ся и свѣдами сохранившимися до нашего времени. Въ Новомъ Завѣтѣ не уломинается ни объ одномъ событіи связаномъ съ этою мѣстностію; но мы знаемъ изъ сказаній Іосифа что Іоаннъ Креститель былъ заключенъ Иродомъ и потомъ обезглавленъ въ крѣпости Махеръ, на восточной сторонѣ Мертваго моря. Эта же крѣпость была свидѣтельницею одной изъ послѣднихъ битвъ Евреевъ въ борьбѣ съ Римлянами, столь картинно описанной Іосифомъ. Евсевій уломинаетъ о Моавіи какъ объ округѣ, и о Харъ-Моавѣ какъ о мѣстопробываніи епископа, имѣвшаго тамъ свою кафедру въ 536 годѣ

* *The Land of Moab. Travels and Discoveries on the East Side of the Dead Sea and Jourdan.* By H. B. Tristram. With a Chapter on the Persian Palace of Mashita. By J. Fergusson. London, 1873.

по Р. X. Признаки этой христіанской эпохи видны во многих развалинахъ церквей. Въ слѣдующее столѣтіе Моавія была залита воной магометанскихъ побѣдъ; послѣ чего, за исключеніемъ краткаго промежутка во время крестовыхъ походовъ, когда Керакъ, подъ славнымъ именемъ Царской Горы (Mons Regalis), сдѣлался твердыней Регинальда Шатильионскаго, вся эта страна совершенно исчезаетъ въ исторію. Безъ крѣпостей, безъ городовъ и малолюдная, она лежала не на пути войскъ и не манила завоевателей. Въ лѣтописяхъ не упоминается ни объ одномъ событіи на ея почвѣ. Изъ того что мы знаемъ объ этой странѣ можно заключить что въ продолженіе всего этого періода жители ея занимались тѣмъ же чѣмъ занимаются теперь: они нападали на всѣхъ, подвергались нападениямъ сами, разводили скотъ, грабили, дрались, распахивали съ саблей въ рукѣ столько земли сколько требовала крайняя необходимость, безпрестанно ссорились между собою, но всегда были готовы забыть свои раздоры и соединиться вмѣстѣ для защиты установившагося обычая.

Въ новѣйшее время первымъ путешественникомъ въ этой давно забытой мѣстности былъ Зетцель, который въ 1806—7 прошелъ два раза съ сѣвера на югъ по Моавійскимъ горамъ и достигъ во вторую экскурсію береговъ Мертваго Моря. Въ 1862 году, почти по этой же дорогѣ, странствовалъ Бурхардтъ. За нимъ слѣдовали, въ томъ же направленіи, съ сѣвера на югъ, Ирби и Мангасъ въ 1818 году. Съ этого времени, сколько извѣстно, ни одинъ путешественникъ не переѣзжалъ чрезъ всю Моавію до 1851 года, когда побывалъ тамъ де-Оси (Saussy). Въ 1864 году герцогъ де-Люинъ разслѣдовалъ большую часть страны въ научномъ отношеніи; но описаніе его путешествія, къ сожалѣнію, еще не издано. Нѣкоторыя мѣстности Моавіи посѣтилъ лейтенантъ Линчъ въ 1848 году, докторъ Тристрамъ въ 1864 году, капитанъ Уарренъ въ 1867 и 1868 годахъ, Пальмеръ и Дракъ въ 1870 году.

Въ 1870 году, географическое отдѣленіе Британскаго Общества выдало 100 фунтовъ стерлинговъ доктору Тристраму, доктору Гисбургу и Гелворту Диксону для разслѣдованій на восточной сторонѣ Мертваго Моря. Въ слѣдующемъ 1871 году Общество возобновило выдачу пособія и прибавило еще сто фунтовъ обоимъ докторамъ на обзорніе Моавіи въ географическомъ отношеніи. Результаты состоявшейся по этому поводу экспедиціи составляютъ предметъ настоящей статьи.

Въ ветхозавѣтныхъ сказаніяхъ о Моавіи упоминается о Моавійскомъ полѣ, о Моавійской землѣ и о равнинахъ Моавіи. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ эти названія принадлежатъ тремъ различнымъ областямъ. Равнина Моавіи—Арботъ-Моавъ, или равнина Шиттимская—есть низменная равнина въ сѣверо-восточномъ углѣ Мертваго Моря, наслупротивъ Ерихона, называемая теперь Горъ-эс-Сейсабанъ; Моавская земля есть возвышенная и открытая страна между Гилеадомъ и Арнономъ, продолженіе этой возвышенности до Вади-Керака, называемое теперь Арабами Эль-Керакъ, было Моавійскимъ полемъ. Последняя мѣстность есть собственно Моавіа, какъ родовая собственность потомковъ старшей дочери Лота гдѣ они въ послѣдствіи часто принуждены были укрываться отъ враждебныхъ вторженій Амоританъ и Израильтанъ. Вся страна отъ Вади-Керака до горы Гилеадъ имѣетъ въ длину отъ 75 до 90 верстъ, и тается въ ширину отъ Мертваго Моря до восточныхъ равнинъ Аравіи на 30—45 верстъ. Западная окраина плоскогорія поднимается рядами крутыхъ холмовъ отъ береговъ Мертваго Моря и достигаетъ высоты 3.000—4.000 футовъ надъ его уровнемъ. Она перерѣзана глубокими оврагами, которые постепенно воздымаются изъ обрывистыхъ пропастей въ 2.000 футовъ и теряются въ равнинахъ плоскогорія. Долины, говоритъ докторъ Тристрамъ, имѣютъ здѣсь отаичительную особенность: воды текутъ не такъ какъ въ другихъ странахъ. Всѣ долины начинаются плоскими равнинами или пониженіями почвы, и дѣлаются все болѣе дикими и величавыми по мѣрѣ приближенія къ отнѣ Моавійскихъ горъ. Ручьи не текутъ спокойно къ своему устью, но мчатся къ морю рядомъ быстрины и водопадовъ.

Плоскогоріе имѣетъ волнистую поверхность, и состоитъ преимущественно изъ ластбищъ перерѣзываемыхъ тамъ и сямъ участками воздѣланной земли. Почва вообще богата и плодородна, хотя путешественники отзываются о ней не совсѣмъ согласно. Одни говорятъ что она покрыта роскошною растительностію; другіе—что она болѣе или менѣе безплодна и непроизводительна. Такое разнорѣчіе объясняется отчасти порою путешествія: къ концу года нѣтъ мѣстности въ этой странѣ которая имѣла бы видъ обнаженный и безплодный. Докторъ Тристрамъ сообщаетъ замѣчательный случай того какъ разнообразенъ бываетъ видъ страны въ одну и ту же пору въ различные года. Въ прежнюю экспедицію, говоритъ

онъ, въ ту же самую недѣлю года, я собралъ въ Вади-Тувейна-рахъ, юго-западномъ концѣ Мертваго Моря, семьдесятъ видовъ растеній въ цвѣту; гравій было прикрытъ цвѣтами какъ ковромъ; теперь же едва попадалась мнѣ зеленая былинка или почка. Вся разница между пышною зеленью и безплодіемъ произошла отъ того что запоздали или вовсе не выпали дожди.

Страна населена немногими арабскими племенами, изъ коихъ одни живутъ въ деревняхъ и обрабатываютъ землю, а другія перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто вмѣстѣ съ своими стадами, въ лопкахъ за пастбищами. Последніе—Бедуины—присвоили себѣ господство надъ землей и считаютъ сельчанъ—Феллаховъ—своими вассалами, которые пахутъ землю и платятъ подать натурой, за что феодальный владыка ихъ защищаетъ и предоставляетъ одному себѣ право грабежа. По нѣкоторымъ писателямъ, Феллахи низкіе и презрѣвые люди, а Бедуины тѣмъ отважнаго и благороднаго чело-вѣка, котораго всѣ недостатки истекаютъ изъ того что онъ не крещенъ и не получилъ надлежащаго воспитанія. Другіе писатели не говорятъ ничего хорошаго о Бедуинахъ, которые всюду вносятъ разрушеніе, насиліе и распущенность. Онъ не смѣлъ пустыни, но половина пустыни обязана ему своимъ происхожденіемъ; многія плодородныя равнины, изъ которыхъ онъ изгналъ полезныхъ и промышленныхъ жителей, обратились въ его рукахъ въ обнаженную и дикую степь. Бедуины ненавидятъ и боятся въ городахъ и деревняхъ Палестины. Хотя для филантрола и желательна матеріальное и нравственное улучшеніе Бедуиновъ и Феллаховъ, но антикварію позволительно высказать опасеніе чтобы при этомъ не исчезли древніе нравы и обычаи, и не утратились древнія названія и преданія, служащія теперь единственными руководителями и признаками урочищъ при изученіи древнихъ народовъ отъ которыхъ произошли смѣшавшіеся между собою племена этихъ Арабовъ. Обильная жатва ожидаетъ изслѣдователя приготовленнаго къ такому труду обширными филологическими свѣдѣніями и глубокимъ знаніемъ арабскихъ и еврейскихъ нарѣчій, безъ чего, при всей осмотрительности, обманчивыя сходства въ словахъ могутъ легко ввести въ заблужденіе. Замѣчательный примѣръ умѣнья воспользоваться народными преданіями представляется въ открытіи Клермонъ-Гарко который отыскалъ камень Божана (Кн. Ис. Нав. гл. XV, ст. 6)

то-есть большаго пальца, служившій для обозначенія рубежа между колѣнами Иуды и Веніамина, по его новѣйшему названію Гаджаръ эль Асбагъ, „Камень Пальца“, и узнавъ камень Зохелетъ (тр. Кн. Царс., гл. I, ст. 9) въ тождественномъ имени Зехвейлекъ. Въ Моавіи профессоръ Памеръ встрѣтилъ названіе моавіискаго идола Ваала — Фегоръ (Кн. Числ., гл. XXV, ст. 3) въ имени Фауръ одного изъ своихъ проводниковъ. Мѣстность называемая Белка буквально сходствуетъ съ именемъ Валакъ (тамъ же, гл. XXII).

Растительность и температура Моавіи весьма различны, какъ и слѣдуетъ ожидать въ странѣ то опускающейся на 1500 футовъ ниже уровня моря, то поднимающейся надъ нимъ на 3.000 футовъ. „Одѣтые въ плащѣ“, разказываетъ Гайль, одинъ изъ слугниковъ Тристрама, „мы дрожали ночью отъ стужи подъ нашими одѣялами, а сгоявшая въ кувшинахъ подлѣ насъ вода замерзла при температурѣ въ $-4\frac{1}{2}^{\circ}$ Цельсія; въ слѣдующую ночь мы сидѣли вокругъ огня, пользуясь чистымъ воздухомъ и тепломъ, а въ третью ночь я писалъ свой журналъ, снявъ верхнее плащѣ, при жарѣ въ 24° .“ Соответственно температурѣ видоизмѣняется и растительность. Самая богатая и любопытная флора занимаетъ низменныя бассейны Мертваго Моря. Тотъ же путешественникъ, сравнивъ свои коллекціи съ коллекціями собранными Тристромомъ и Лоуномъ на западномъ берегу, нашелъ что на обѣихъ сторонахъ моря флоры мало разнятся между собою, за исключеніемъ лалымъ, едва показывающихся на западномъ берегу и очень обильныхъ на восточномъ. Но несмотря на то что обѣ флоры почти тождественны, растительность на восточной сторонѣ моря гораздо роскошнѣе чѣмъ на западной. По прічинѣ бѣльшаго количества воды и совершеннаго отсутствія известковыхъ отложений, которыя всюду не производятъ никакихъ растений и остаются совершенно обнаженными, вся восточная сторона, по замѣчанію Гайля, не только сравнительно плодородна, но обилуетъ деревьями и большими кустами. Здѣсь глазъ нигдѣ не поражается безотрадною пустынною западнаго берега, гдѣ одинокіе тамаринды и саликорни воздымаются на разстояніи двухъ-трехъ верстъ другъ отъ друга какъ бы признаки разоренія. Даже западные оазисы каковы Эягеди и Тувейрахъ, рядки, безплодны и песчаны, въ сравненіи съ Тарой и Сафехомъ, вполнѣ имъ соответствующими по своему положенію. Вслѣдствіе лучшаго орошенія

большаго плодородія, флора странъ болѣе умѣренныхъ чаще смѣшивается на восточной сторонѣ съ флорой пустыни, требующею тѣхъ почвенныхъ и климатическихъ условій которыя встрѣчаются въ окрестностяхъ Мертваго Моря.

Восточная сторона Мертваго Моря значительно разнится отъ западной и по геологической формаціи. Утесы круто поднимающіеся надъ самымъ берегомъ состоятъ изъ краснаго песчаника, никогда не встрѣчаемаго на другой сторонѣ, и прикрыты на болѣе высокихъ плоскогоріяхъ поверхностнымъ слоемъ обыкновеннаго въ западной Палестинѣ известняка. Кой-гдѣ прорываются наружу базальтовыя изверженія. Ларте, сопровождавшій герцога де-Люиня, насчитываетъ три наиболее замѣчательныя мѣстности этого рода. Въ самой сѣверной базальтъ вырывается изъ конического лика Мергабъ-эс-Сувеймехъ и спускается въ море близъ устья Вади-Гувейра; во второй базальтъ показывается близъ Джебель Атаруса и сопровождаетъ русло Зерка-Маина до долины Зарахъ. Въ самой южной мѣстности базальтъ обнаруживается на весьма короткомъ протяженіи; онъ выходитъ выше Зараха и теряется на югѣ этой долины. Слѣдуя Ларте, всѣ базальтовыя изверженія гораздо позднѣйшаго происхожденія чѣмъ тѣ перевороты при коихъ образовалась ложбина занимаемая теперь долиной Иордана, Мертвымъ Моремъ и сѣвѣрною оконечностію Арабаха.

Экспедиція доктора Тристрама собралась въ дорогу изъ Геброна. На пути черезъ пустыни Іудеи, ихъ засталъ дождь лившій цѣлые сутки, и путешественники видѣли его замѣчательное вліяніе. „Намъ представилось такое зрѣлище“, разсказываетъ докторъ, „какое довелось видѣть очень немногимъ Европейцамъ: обнаженные и шереховатые склоны холмовъ и глубокія рытвины пустынной Іудеи покрылись потоками, съ каждаго утеса низвергался маленькій водопадъ, и каждая долина превратилась въ озеро. Мы видѣли съ какою порывистою силою дѣйствовалъ внезапный дождь на жаждущую каменистую почву, съ какою быстротою лишенные связи камни и большіе отломки скалъ, оторванные совокупнымъ вліяніемъ солнца и воды, скатывались въ маленькія долины, разрывали множество овраговъ и увеличивали собою вѣчно возрастающую массу обломковъ на пути потоковъ. Мягкій известнякъ, по которому текутъ эти потоки, размывается такъ легко что нѣсколько часовъ дожда, вѣроятно перваго обильнаго дожда

послѣ минувшей зимы, болѣе углубили и расширили ихъ русло чѣмъ могли бы то сдѣлать многолѣтнія бури на склонахъ нашихъ Нортумберландскихъ горъ. Геологъ наблюдающій вліаніе такой бури убѣждается что при вычисленіи періода разрушенія скалъ не достаточно принимать въ соображеніе одно лишь время, и что разрушеніе можетъ ускоряться случайными дождями.“

Новѣйшіе путешественники не рѣдко осматривали западный берегъ Мертваго моря, но немногіе изъ нихъ спускались къ нему черезъ проходъ Аинъ-Джиди (Эвгеди). Съ высоты гребня, когда поднимаешься на него, открывается вдругъ видъ на глубокую проласть, на днѣ которой лежитъ Мертвое море. Трудно вообразить себѣ болѣе величаво-дикую картину. Внизу, на глубинѣ 2.000 футовъ, море, по которому тамъ и сямъ движутся темныя пятна облаковъ, какъ плавающие острова, позади розоватыя скаты горъ съ дивными переживаниями свѣта и тѣни, особенно при закатѣ солнца; у подножія узкаго очертанія Гора—полоса рѣзкой зелени растущихъ тамъ пальмъ и другихъ тропическихъ деревьевъ. Самыя горы очерчены не монотонною линіей, какъ онѣ видѣются изъ Иерусалима, но сочетаются въ массы различной вышины, перерѣзанныя глубокими и узкими проходами, и надъ однимъ изъ нихъ ясно рисуются при лунномъ свѣтѣ заходящаго солнца дома и стѣны Керака.

Слустившись къ краю моря и повернувъ къ югу мы приходимъ Биркетъ эль-Хадиль—прибрежную ложбину поросшую акаціей и другими кустами, куда, по арабскому преданію, Авраамъ приходилъ собирать соль, и достигаемъ потомъ обрывистой скалы Себбехъ, на которой стоитъ въ развалинахъ крѣпость Мосада, доселѣ надлежащимъ образомъ еще не описанная. Докторъ Тристрамъ полагаетъ что одно изъ строеній среди ограды, называемое церковью, было нѣкогда синагогой. Вѣроятно, какъ и многія подобныя зданія въ Палестинѣ, оно служило послѣдовательно синагогой, церковью и мечетью. Въ юго-западномъ углу моря возвышается замѣчательная гряда солевыхъ горъ называемая Джебель или Хашмъ-Усдумъ.

Новѣйшія научныя извѣстія о бассейнѣ Мертваго моря изданы въ запискѣ Ларте, участвовавшаго въ экспедиціи герцога де-Люиня. Всѣ его изслѣдованія привели его къ предположенію что углубленная ложбина занимаемая теперь долиной Иордана, Мертвымъ моремъ и сѣверною частію Ара-

баха, образовалась вслѣдствіе естественнаго переворота въ весьма отдаленное доисторическое время. Въ этотъ резервуаръ стекали дождевыя воды прорѣзывая себѣ путь сквозь окружающія горы, пролагая русла существующихъ потоковъ, и отлагая на дно ложбины песчаный отходъ смытый ими съ горныхъ скалъ. Озеро первоначально было вѣроятно прѣсное; но постепенно минеральныя источники и залежи гипса и соли, какія мы видимъ теперь въ Джебель-Усдумъ, напитали его солью. По мѣрѣ того какъ вслѣдствіе измѣненій въ мѣстныхъ атмосферическихъ условіяхъ уменьшалось количество стекавшей въ озеро воды и наконецъ почти сравнялось съ убылью отъ испаренія, умножались, сравнительно съ объемомъ воды, растворенныя въ ней соленыя вещества, и озеро достигло той чрезмѣрной степени солености которою оно отличается теперь. Ларте приводитъ въ подтвержденіе такого происхожденія соли въ водѣ Мертваго Моря примѣръ соленыхъ озеръ въ Южной Россіи, Малой Азіи, Алжиріи и Америкѣ, въ окрестности которыхъ всюду встрѣчаются такіе же пласты гипса и соли какъ въ Джебель-Усдумъ. Что уровень Мертваго Моря стоялъ некогда гораздо выше, это доказывается свойствомъ почвы его дна, такъ какъ эта почва, по зачерпываніямъ капитана Ливча и герцога де-Люиня, сходна съ известковыми отложеніями изъ коихъ образовался весь мысъ называемый Арабами эль-Лисавъ—языкомъ, и которая часто попадаются на западномъ берегу, въ Арабахъ и въ долину Іордана.

Одинъ изъ самыхъ большихъ столбовъ каменной соли, изваянный дѣйствіемъ солнца и сырости изъ соляныхъ горъ Усдума, слыветъ въ преданіи женою Лота; но проѣзжая веркомъ по берегу моря, путешественникъ видитъ много группъ такихъ столбовъ, въ которыхъ воображенію легко признать и Лота держащаго руками своихъ дочерей, наклонившихся впередъ, какъ бы въ послѣднемъ бѣгѣ, и отставшую на небольшое разстояніе жену, оглянувшуюся назадъ черезъ плечо. Палмеръ и Дракъ утверждаютъ что они отыскали настоящую легендарную жену Лота въ одинокомъ утесѣ на восточной сторонѣ Мертваго Моря, на высотѣ 1.000 футовъ надъ берегомъ. Арабы называютъ его Бивъ Шейхъ Лотъ (жена шейха Лота), и онъ замѣчательно похожъ на арабскую женщину съ ребенкомъ на плечѣ. Но какъ арабскія преданія обитутъ упоминаніями мѣстностей не менѣе чѣмъ христіанскія,

то для назиданія путешественниковъ найдется еще не мало другихъ Битъ Шейхъ Лотъ.

Покинемъ берега Мертваго Моря и поднимемся вмѣстѣ съ докторомъ Тристрамомъ на возвышенности Моавіи. На пути мы встрѣтимъ развалины Драба, принимаемыя, хотя и не совсѣмъ основательно, за ветхозавѣтный или средневѣковой Зоаръ; далѣе, черезъ пять съ половиною часовъ труднаго восхожденія по дикому руслу Вади-эль-Керакъ, мы придемъ въ городъ того же имени, лежащій на высотѣ 3.070 футовъ надъ уровнемъ Средиземнаго моря, и слѣдовательно на высотѣ 4.370 футовъ надъ уровнемъ Мертваго Моря. *

Въ Керакъ побывали многіе путешественники, но, по свидѣтельству Тристрама, только Ирби и Мангальзъ описали его подробно и вѣрно въ сжатомъ и прекрасномъ разказѣ о своемъ странствіи по этой мѣстности въ продолженіе четырнадцати мѣсяцевъ. Положеніе города замѣчательно и выбрано такъ удачно что сдѣлало его неприступною крѣпостью современъ моавійскаго царя Месы ** до крестовыхъ походовъ. Эта скалистая твердая, упоминаемая въ Ветхомъ Завѣтѣ подъ различными названіями Киръ Моавъ (стѣна моавійская) ***, Кирадъ ****, Киръ-Харешеть, † построена на плоской вершинѣ утеса имѣющей видъ треугольника котораго каждыя сторона тянется въ длину на 3.000 футовъ. Эта платформа отдѣлена отъ господствующихъ высотъ глубокими рывтинами, которыхъ обрывистые бока были мѣстами срублены и сдѣланы искусственно еще болѣе обрывистыми и крутыми, случайныя на нихъ неровности были задѣланы каменною кладкой. Въ первый разъ говорится въ Библии объ этомъ укрѣпленномъ городѣ въ третьей главѣ четвертой Книги Царствъ, гдѣ повѣствуется что моавійскій царь Меса укрылся въ Киръ-Харешеть отъ побѣдоносныхъ Израильтянъ. и въ доказательство своего твердаго рѣшенія держаться до послѣдней крайности, а также для умиловиваенія моавійскаго божества Хемоса, принесъ въ жертву своего сына

* Уровень послѣдняго, какъ извѣстно, на 1.300 футовъ ниже уровня Океана.

** Четв. Кн. Цар., гл. III, ст. 4.

*** Исаія, гл. XV, ст. 1.

**** Иерем. гл. XLVIII, ст. 31 и 36.

† Четв. Кн. Цар., гл. III, ст. 25.

первенца на стѣнѣ города въ которомъ оны принуждены были залереться. Въ надписи на столбѣ Месы, или Моавійскомъ камнѣ, принимаемой за современную событіямъ, не названа эта крѣпость и не упоминается объ отчаянномъ поступкѣ Месы. Борьба Израильтянъ съ Моавитянами разказана на столбѣ такъ розно что едва ли остается сомнѣніе въ томъ что священныи бытописатель и мѣстное побѣдное описаніе повѣствуютъ о различныхъ событіяхъ. Исторія молчитъ о Керахѣ въ еврейскія и римскія времена; но въ неглубокихъ желобкахъ въ низшихъ рядахъ камней, которые заложены въ углубленіи стѣны, Тристрамъ видитъ слѣды эпохи Иродовъ или еще болѣе ранняго періода; а водоемъ, остатки бааи и арка, хотя слегка и заостренная, при входѣ въ тоннель ведущій въ городъ, служатъ признаками пребыванія здѣсь Римлянъ. Въ послѣдній разъ этотъ пограничный замокъ появляется въ исторіи какъ твердыня Регинальда Шатильфонскаго, откуда оны выходилъ грабить караваны богомольцевъ и купцовъ и дѣлалъ опустошительныя набѣги на окрестныя страны, почти до воротъ Мекки и Медины. Саладинъ не замедлилъ отомстить сраженіемъ при Хаттинѣ за такое нарушеніе перемирія между христіанами и мусульманами. Въ укрѣпленіяхъ сохранилось много явныхъ признаковъ времени Сарациновъ и Крестовыхъ походовъ. Одна изъ развалинъ называется замкомъ Бибарса, или эль-Мелека какъ гласитъ вѣщанная въ стѣну крупная арабская надпись, приписывающая его основаніе эль-Мелеку (царю). Другой замокъ крестовосцевъ, считаеый Тристрамомъ за самый большой памятникъ энергіи рыцарей креста, былъ, по его мнѣнію, построенъ королемъ Фуако, однимъ изъ предшественниковъ Регинальда Шатильфонскаго, около 1131 по Р. X., укрѣпленъ по повелѣнію Готфрида Бульфонскаго и выдержалъ осаду Саладина въ 1183 году по Р. X. Фрески на стѣнахъ зданія, описанныя Ирби и Мангзомъ, теперь почти совершенно изгладились; уцѣлѣли только нѣкоторые остатки надписи, и любопытно было бы знать составляютъ ли они часть той надписи готическими буквами о которой говорятъ прежніе путешественники. Къ сожалѣнію, докторъ Тристрамъ не саялъ съ нея копій.

О телерешныхъ жителейъ Керака идетъ между путешественниками дурная молва; кажется послѣ Бурхардта, Ирби и Мангза они стали хуже, ибо тѣмъ они не дѣлали такихъ

притѣсненій какъ Ливчу, де-Соси и доктору Тристраму. У Бурхардта много разказовъ объ ихъ нравахъ, обычаяхъ и объ ихъ замѣчательномъ гостепріимствѣ относительно своихъ соотечественниковъ; но кажется они не любятъ принимать радушно иностранцевъ. Съ доктора Тристрама они запросили сперва 75 фунтовъ стерлинговъ за позволеніе войти съ своими слутниками въ ихъ городъ, а потомъ потребовали 600 фунтовъ за позволеніе выйти изъ него. Но они очевидно не настолькоъ были смѣлы чтобы привести въ исполненіе свои намѣренія, и при всей своей охотѣ къ грабежу не рѣшились употребить силу при своихъ вымогательствахъ. Испуганные прїѣздомъ сына главнаго шейха Бени-Сахерскихъ бедуиновъ, который взялъ путешественниковъ подъ свое покровительство, они преспокойно отпустили ихъ безъ выкупа и безъ всякаго, взавѣвъ его, тѣлеснаго залога въ видѣ ушей носовъ и пальцевъ. Предъ прїѣздомъ шейхова сына, путешественники отправили тайкомъ гонца къ английскому консулу въ Іерусалимъ, и узнали черезъ нѣсколько дней послѣ своего выхода изъ Керака что консулъ не только послѣдилъ собрать 600 фунтовъ, но и склонилъ турецкія власти выслать подъ начальствомъ Набулскаго паши, въ округѣ котораго находится Керакъ, 170 человекъ пѣхоты, 120 человекъ кавалеріи, вмѣстѣ съ двумя полевыми орудіями и 150 иррегулярными всадниками, для разоренія этого разбойничьяго гнѣзда. Съ 1818 года Турки сдѣлали нѣкоторые успѣхи въ географіи: Ирби и Мангальзъ разказываютъ что когда они попросили вписать въ данный имъ фирманъ Керакъ и Вади-Мусу, то правительство отвѣчало имъ что оно не слышало о такихъ мѣстностяхъ во владѣніяхъ султана.

Въ Керакѣ есть христіане, поселившіеся здѣсь, какъ кажется, въ очень давнее время и пережившіе всѣ невзгоды сопряженныя съ завоеваніями мусульманъ и ихъ водвореніемъ въ городъ.

Слѣдшая двухдневная поѣздка на югъ отъ Керака, описанная докторомъ Тристрамомъ, кажется показываетъ что изсаѣдователя въ этомъ направленіи ожидаетъ болѣе богатое поле чѣмъ на сѣверѣ. Докторъ исчисляетъ однѣ развалины за другими, но уломинаетъ о нихъ только по имени. Всего лучше онѣ сохранились въ Мах-Хекахъ или Маханяхъ, какъ называютъ мѣсто Ирби и Мангальзъ. Здѣсь уцѣлѣли основанія многихъ зданій; особенно же ясны признаки древней

византійской церкви, которая была построена на невысокомъ холмѣ, занимающемъ собою нѣсколько акровъ. Тамъ встрѣчается не только обычное множество колодезь, какъ будто они имѣлись при каждомъ домѣ, согласно повелѣнію Месаыска, высказанному на Моавитскомъ Камнѣ: „каждый да сдѣлаетъ себѣ водоемъ въ своемъ домѣ“; но видны многіе погреба служившіе жилищами, и многія крыты сохранились во всей цѣлости. Большіе тесаные камни разбросаны всюду. Куропатки теперь единственные обитатели этихъ развалинъ. Путешественники не встрѣтали тамъ Бедуиновъ, но замѣтили что въ погребахъ и подъ сводами недавно жили люди и стада.

Въ равнинѣ лежащей на сѣверъ отъ Керака, какъ слышно, менѣе городовъ чѣмъ на югѣ, потому что тамъ менѣе известковыхъ холмиковъ, въ которыхъ такъ удобно дѣлать водоемы для собиранія воды. Но какъ почти всѣ путешественники ѣдутъ изъ Керака по прямой дорогѣ въ Раббу, не уклоняясь ни вправо ни влѣво, то для рѣшенія этого вопроса необходима систематическая съемка края.

Вообще предполагаютъ что Рабба есть библейскій Аръ, который, сѣдуя Евсевию, назывался въ четвертомъ вѣкѣ Раббатъ-Моавъ. Римляне, вѣроятно придерживаясь смутныхъ преданій объ его имени, назвали его Ареополисъ; теперь же это мѣсто снова обозначается именемъ Раббъ, которое оно носило въ сѣдовавшее за ветхозавѣтною эпохой время. Уцѣлѣвшія развалины города не особенно замѣчательны и относятся къ римскому періоду; но тамъ стоятъ многіе поросшіе травой курганы, которыхъ раскопка, какъ полагаютъ, щедро вознаграждаетъ за трудъ. Отъ многихъ другихъ остатковъ древности сохранились только слабые признаки.

Изъ Раббы наши путешественники шли нѣкоторое время по древней римской дорогѣ и миновали Гамейтатъ и Байтъ-Курмъ. По мнѣнію Шварца, первое мѣсто есть тотъ самый Гамъ въ которомъ, по сказанію Книги Бытія, Ходолагоморъ (Хедорлаомеръ) поразилъ Зузимовъ (гл. XIV, ст. 5). Байтъ-Курмъ значитъ по-арабски домъ виноградниковъ, и въ этомъ названіи доходить до насъ преданіе о воздѣлываніи винограда въ этой странѣ; о томъ же напоминаетъ Курмъ-Дгибанъ—виноградникъ Дгибана. Въ неглубокой ложбинѣ, едва заслуживающей имя долины, здѣсь замѣтны слѣды террасъ и стѣны принявшихъ видъ поросшихъ травой грядъ, которыя тянутся на нѣсколько сотъ сажень по склонамъ горъ. Замѣчательно что такіа

названія сохранились въ устахъ людей никогда не видавшихъ на своемъ вѣку винограда.

На сѣверѣ отъ Байтъ-Курма лежитъ округленная возвышенность Шиханъ. Это слово естественно напоминаетъ аморрейскаго царя Сигона, разбитаго Израильтянами. Но авторъ быть-можетъ увлекается полагая что сохраненное Иосифомъ преданіе о томъ какъ Аморреи искали убѣжища за свои стѣнами, какъ потомъ томимые жаждой они старались пробиться къ рѣкѣ Арнону за водой и были истреблены, — вводитъ на мысль что эта возвышенность была мѣстомъ сраженія, что за лабиринтомъ видныхъ здѣсь черныхъ каменныхъ стѣвъ Аморреи искали себѣ спасенія, и что равнина между этимъ холмомъ и кручей берега Арнона та самая по которой они, мучимые жаждой, бросались къ рѣкѣ. Докторъ Трестрамъ самъ указываетъ что Гаасъ, гдѣ по сказанію Книги Числъ (гл. XXI, ст. 23), Второзаконія (гл. II, ст. 32) и Книги Судей (гл. XI, ст. 20) происходило побоище, была однимъ изъ городовъ колѣна Рувимова, котораго земли граничили съ юго-рѣкой Арнономъ. Изъ стиха же 18го главы XI Книги Судей явствуетъ что Израильтяне миговали землю Едомскую и землю Моавитскую, и расположились станомъ за Арнономъ, но не входили въ предѣлы Моавитскіе, ибо Арнонъ есть предѣлъ Моавіи. Маленькіе огороженные базальтовыми камнями участки, покрывающіе довольно большую площадь, означаютъ вѣроятно положеніе садовъ и виноградниковъ, и напоминаютъ собою „узкую дорогу между виноградниками, гдѣ съ одной стороны стѣна и съ другой стѣна“—мѣсто встрѣчи Валаамъ съ ангеломъ (Кн. Числ., гл. XXII, ст. 24). Близъ Шихана находится Фигу, гдѣ де-Соси нашелъ полорченый базальтовый барельефъ, изображающій воина-царя, съ кольцомъ въ рукѣ. Это изваяніе въ послѣдствіи вывезъ герцогъ де-Люинъ, и теперь оно хранится въ Луврѣ.

Арнонъ, раздѣлявшій Моавію отъ Аммона, а въ послѣдствіи Моавію отъ колѣна Рувимова, по всей вѣроятности тоже ственъ съ Вади-Мойибъ, одною изъ самыхъ замѣчательныхъ въ геологическомъ отношеніи мѣстностей этого края. Глубина рытвины, въ томъ мѣстѣ гдѣ ее пересѣкаетъ старая дорога, доходить до 2.000 футовъ, а ширина отъ края до края доходить въ томъ же мѣстѣ до трехъ верстѣ. Боковые склоны, правый и лѣвый, очень круты. Равнина, по обѣимъ сторонамъ совершенно плоская, вкругъ прерывается глубокимъ

пропастью въ известковой скалѣ, совершенно незамѣтной по-
ка не подойдешь къ ея окраинамъ. На геологической картѣ
Гарте бока рывтины отмѣчены цвѣтомъ краснаго песчаника,
и не показано того базальта который, по наблюденію Три-
страма, прикрываетъ известковый камень на южной сторо-
нѣ. По двѣ рывтины протекаетъ Арнонъ. Черезъ рѣку былъ
проведенъ мостъ отъ котораго остались одни лишь быки.
Ирби и Маагальзъ говорятъ что на долину Арнона растутъ
кѣмѣ кустовъ чѣмъ при другихъ водахъ этой страны, и при-
писываютъ это обстоятельство стремительнымъ потокомъ ча-
сто низвергающимся въ рывтину. Но докторъ Тристрамъ увѣ-
ряетъ что видѣвъ здѣсь роскошную тропическую расти-
тельность. Стараясь доказать тожество слабыхъ свѣдовъ древ-
нихъ построекъ съ городомъ среди потока о которомъ гово-
ритъ Иисусъ Навинъ въ 16мъ стихѣ главы XIII, онъ счита-
етъ едва ли возможнымъ чтобъ Израильтяне, во время своего
погущества, не воспользовались такою обильною раститель-
ностію, всегда орошаемою водою, и полагаетъ что на рѣкѣ,
безъ сомнѣнія, стояли города и деревни. Но Ирби и Маагальзъ
тверждаютъ что при обзорѣни потока съ высоты, долина, на
всемъ его теченіи, представляется столь узкою и неудобною
для воздѣлыванія что мѣста поселенія конечно не могли де-
лать при рѣкѣ, а были построены въ прибрежныхъ округахъ.

Развалины Дгибана, немного далѣе на сѣверъ, Зетценъ, Бур-
ардтъ, Ирби и Маагальзъ признаютъ несомнѣнно за библей-
скій Дивонъ (тамъ же ст. 17), о которомъ упоминаютъ Евсевій и
еронимъ. Противъ такого отождествленія можно привести
только одно возраженіе. Исаія (гл. XV, ст. 2) упоминаетъ о
Дивонѣ какъ о мѣстѣ высокомъ, и у пророка Іереміи (гл.
XLVIII, ст. 18) говоря о Дивонѣ, употреблено выраженіе—
юбиди со славы твоей; Дивонъ же по описанію есть мѣсто
изменное; но докторъ Тристрамъ замѣчаетъ что оно пред-
ставляется низкимъ когда смотришь на него съ запада, и,
наоборотъ, кажется высокимъ когда глядишь на него съ
востока.

Дгибанъ сдѣлался въ послѣдніе года извѣстнымъ по соот-
ношенію съ Моавійскимъ Камнемъ или Столбомъ Месы, най-
деннымъ въ долину между двумя холмами на которыхъ сто-
ятъ развалины. Замѣчательно что никто не обратилъ внима-
нія на этотъ столбъ до 1869 года, и что послѣ этого време-
ни во всей странѣ не отыскано никакого другаго подобнаго

памятника. Это обстоятельство объясняютъ предположеніемъ что до новѣйшей поры камень былъ сокрытъ подъ землей. Докторъ Тристрамъ полагаетъ что онъ выступилъ наружу въ землетрясеніе 1837 года, и что при раскопкахъ вѣроятно найдутся и другія надписи этого рода. Впрочемъ, вся страна не такъ еще изслѣдована чтобы можно было съ увѣренностью заключить что въ ея развалинахъ не сохранилось камня съ важною въ историческомъ отношеніи надписью. Подобно многимъ городамъ въ западной Палестинѣ, Дгибавъ расположенъ на двухъ смежныхъ холмахъ; такимъ положеніемъ объясняется частое повтореніе окончанія двойственного числа въ именахъ еврейскихъ городовъ. Самое названіе Дгибавъ не носитъ на себѣ ни двойственной ни множественной формы; по мнѣнію Гавно, оно такъ начертано и на столбѣ Месы. Большая часть столба, принадлежавшая этому ученому знатоку еврейскихъ древностей, находится теперь въ Луврѣ, и онъ, при помощи обломковъ доставшихся Палестинскому Обществу и слѣпковъ снятыхъ имъ когда камень не былъ еще разломанъ на части, старается возстановить этотъ памятникъ во всей его полнотѣ.

Изъ Дгибавы путешественники направились на востокъ въ Умъ-Разасъ. На дорогѣ туда они прошли черезъ Куръ-Дгибавъ, виноградники Дгибавы. Это имя, о которомъ мы упоминали выше, имѣетъ, по мнѣнію Тристрама, связь съ повѣствованіемъ Книги Судей о любѣдахъ Исфаяла надъ Аммонитянами (гл. XI, ст. 33): Развалины Умъ-Разаса очень обширны; онѣ не поросли травой и бродить по нимъ трудно. Массы обтесанныхъ камней разбросаны по полю какъ будто ихъ нарочно сваливали здѣсь съ возовъ какъ попало. Главныя развалины остатки двухъ, трехъ церквей и башни, называемой башнею Христіанской Жены, вѣроятно разумѣя подъ этимъ словомъ Божию Матерь. На вернемъ ея поясъ угадывали красивые скульптурные орнаменты неизвѣстно какой эпохи. По мѣстной легендѣ, эта башня была выстроена христіанскимъ шейхомъ, чтобы спасти своего сына отъ предсказанія что онъ будетъ съѣденъ дикимъ звѣремъ въ ночь своего брака. Предосторожность не помогла: когда новобрачную чету отвели въ башню, молодая обернулась въ звѣря и свершила предвѣщенный жребій.

Умъ-Разасъ находится въ самой срединѣ Моавитскихъ горъ. Путешественники посѣтили не мало неразвѣданныхъ

мѣстностей въ его окрестностяхъ. Ханъ-Зебибъ, лежащій на востокъ отъ дороги въ Хай, былъ кажется довольно значительнымъ городомъ и римскимъ поселеніемъ. Авторъ нашелъ тамъ искусственные курганы и разставленные по кругамъ камни которые онъ считаетъ несомнѣнными признаками первобытныхъ жителей. Такое предположеніе можно было бы признать правильнымъ, еслибы при раскопкахъ нашлись каменные орудія. Докторъ Тристрамъ уломинаетъ и о видѣнныхъ имъ греческихъ постройкахъ, одну изъ коихъ онъ, неизвѣстно почему, признаетъ за храмъ Хемоса для поклоненія Ваалу. Планъ другаго подобнаго зданія, отысканнаго имъ въ городѣ Умъ-Веледѣ, недалеко отъ Зебиба, не разъясняетъ предмета. Эти постройки были воздвигнуты не на высотахъ, что составляло отличительный признакъ священныхъ мѣстъ поклоненія божествамъ народовъ окружавшихъ Израильтянъ и въ особенности моавитскому Хемосу (Исаія, гл. XV, ст. 2 и гл. XVI, ст. 12; Еремія, гл. XLVIII, ст. 35); а потому и нельзя, согласно съ докторомъ, принять эти развалины за представителей „высокихъ мѣстъ“ для поклоненія этому божеству. Впрочемъ, описывая другое каліще въ Мкаури, Тристрамъ говоритъ что въ періодъ близкій ко времени окончательнаго раззоренія храма, несмотря на фанатическую нетерпимость еврейскаго населенія, многимъ жителямъ изъ Грековъ и Сирійцевъ, очевидно, была предоставлена полная свобода въ богослуженіи солауду. Это замѣчаніе высказано по поводу построекъ возведенныхъ въ близкое къ христіанской эрѣ время. Но допустимъ что въ эту позднѣйшую эпоху вышелъ изъ употребленія обычай ставить каліща на возвышенныхъ мѣстахъ; и въ такомъ случаѣ едвали вѣроятно чтобъ Іосифъ вовсе не упомянулъ о храмахъ для поклоненія Ваалу, еслибы многочисленное населеніе принимало правильное участіе въ такомъ идолослуженіи. Кажется въ Моавѣ и Іаранѣ не упало надъ землей остатковъ основаній ни одного зданія воздвигнутаго до вторженія Римлянъ. Остается доказать существуютъ ли такіа постройки подъ поверхностію почвы.

Къ западу отъ Зебиба, на разстояніи трехъ дней пути по плой известковой землѣ, по словамъ шейха Задама, нѣтъ авалинъ; далѣе тянется страна „черныхъ камней“, обилующая разрушаемыми городами эль-Хуррехъ; потомъ опять

на протяженіи двухъ дней пути идетъ бѣлая земля, за которою начинается пустыня.

Отъ Тристрамъ осматрѣлъ много развалинъ на сѣверѣ Умъ-Разаса. Всѣ онѣ весьма схожи между собою и представляютъ мало замѣчательнаго, кромѣ большаго числа пересохшихъ колодезъ и большихъ системъ или подземныхъ хранилищъ, одни для воды, другіе, съ колоколообразнымъ горломъ и небольшимъ отверстіемъ, для зерна. Изъ нихъ Зиза была кажется значительнымъ римскимъ городомъ и съ такими большими сооруженіями для снабженія водой какихъ Тристрамъ не встрѣчалъ во всѣхъ видѣнныхъ имъ городахъ. Водоемъ имѣеть чотыреста двадцать футовъ длины и триста тридцать ширины, и слѣдовательно обширнѣе всѣхъ водоемовъ Соломона. Искусственные шлюзы и способъ собиранія воды Тристрамъ сравниваетъ съ древними работами для орошенія въ Индіи и на островѣ Цейлонѣ. Если вѣрить словамъ шейха Задама, то на многихъ строеніяхъ Зизы крыши оставались цѣлы до войны Магометъ-Али съ Турками въ 1832 году, и теперешнее разрушенное положеніе города произведено по большей части египетскимъ гарнизономъ оставленнымъ тамъ Ибрагимъ-пашей.

Къ счастью, Тристрамъ и его слутники не всегда давали полную вѣру разказамъ шейха Задама, ибо въ противномъ случаѣ мы лишились бы лучшаго результата экспедиціи. Изъ Зизы замѣтны развалины извѣстнаго Арабамъ подъ названіемъ Умъ-Шите или Машите, въ которыхъ, по словамъ шейха, не было ничего любопытнаго. Путешественники однако рѣшились осматрѣть ихъ и, переѣхавъ дорогу въ Хай, прибыли черезъ часъ съ четвертью ѣзды къ зданію совершенно выходящему изъ ряда всего что они видѣли прежде, неизвѣстному въ исторіи и не означенному на картахъ. Вотъ какъ описываетъ это зданіе Фергюссонъ: „Оно очевидно было дворцомъ какого-либо древняго государя. Вокругъ не видно слѣдовъ города и другихъ построекъ. Въ стѣнѣ замѣтны лишь остатки глубокаго колодца у юго-заладнаго угла. Зданіе возвышалось среди пустыни, въ одинокомъ величіи, какъ давній памятникъ роскоши и прихоти древнихъ царей. Мы были какъ нельзя болѣе поражены разнообразіемъ и великолѣпіемъ архитектурныхъ украшеній. Изваянныя арабески, по своему богатству и совершенной сохранности, даже превосходятъ арабески Альгамбры съ которыми онѣ вѣсколько

складываютъ въ стилѣ. Все сооруженіе имѣетъ форму большаго, обращеннаго прямо на сѣверъ и на югъ квадрата, котораго каждая сторона длиною въ 510 футовъ. Каждый уголъ замыкается круглымъ бастіономъ; между этими угловыми бастіонами къ каждой изъ сторонъ, восточной, сѣверной и западной, примыкаютъ еще пять полукруглыхъ бастіоновъ; всѣ они, также какъ и стѣны, построены изъ тщательно обтесанныхъ камней. На южной сторонѣ истощены всѣ средства восточнаго искусства. Здѣсь, кромѣ угловыхъ, шесть бастіоновъ, потому что изваянная часть стѣны, занимающая на ея среднѣ 156 футовъ, замыкается съ каждой стороны воротъ сѣльнымъ осмиугольнымъ бастіономъ. Эти ворота составляютъ единственный входъ во дворецъ, и съ каждой стороны ихъ красуется великолѣпный изваянный фасадъ о которомъ можно составить себѣ понятіе по снятой нами фотографіи. Вся стѣна въ 18 футовъ вышины покрыта превосходно сдѣланными прекрасными изваяніями, сохранившимися почти въ совершенной цѣлости и не поврежденными ни временемъ, ни рукой человѣка. По гладкой стѣнѣ тянется широкій узоръ въ видѣ непрерывнаго ряда буквъ W, съ большою розеткой въ каждомъ углѣ. Узоръ значительно выдается изъ стѣны и весь покрытъ изваяніями животныхъ, плодовъ и листьевъ въ безконечно разнообразныхъ формахъ. Птицы и животныя изображены вполнѣ, не сростаются, какъ въ арабскихъ скульптурахъ, съ плодами и цвѣтами, и нарисованы правильно. До пятидесяти животныхъ появляются во всевозможныхъ положеніяхъ, но по большей части они представлены льющими съ двухъ сторонъ изъ одного сосуда. Здѣсь видны львы, крылатые львы, буйволы, газели, пантеры, рыси, люди, тетерева, куролатки, попугаи и другія птицы; въ одномъ мѣстѣ человѣкъ держитъ корзину съ плодами, въ другомъ подъ человѣческой головой собака. На западной сторонѣ воротъ стоятъ рядомъ болѣе пятидесяти фигуръ съ сосудами. Все обрамлено карнизомъ и орнаментами опредѣленныхъ узоровъ, а прогаллины наполнены прекрасными украшеніями изъ листьевъ. На восточной сторонѣ воротъ нѣтъ фигуръ животныхъ, исключая двухъ на полосѣ у двери. Этотъ фасадъ изваянъ еще искуснѣе чѣмъ на западной сторонѣ, но весь составленъ изъ цвѣтовъ и плодовъ, между которыми преобладаютъ виноградные листья и грозды.“

Къ этому описанію приложены въ книгѣ фотографіи представляющія весьма точно и ясно богатые скульптурныя детали. По мнѣнію Фергюссона, этотъ замѣчательный и единственный въ своемъ родѣ памятникъ архитектуры есть дворецъ Хосроя II, построенный въ 614 году по Р. Х., когда этотъ персидскій царь велъ свои побѣдоносныя войска черезъ Сирію и Палестину на берега Нила. Архитектурныя доказательства приводимыя Фергюссономъ быть-можетъ и покажутся убѣдительными для знатоковъ искусства, но они не разрѣшаютъ историческаго вопроса. Это зданіе можетъ отличаться всѣми признаками персидской архитектуры и вмѣстѣ съ тѣмъ не быть дѣломъ Хосроя II, который только прошелъ Палестину какъ завоеватель. Съ такою же вѣроятностію другіе могутъ принять это зданіе за дворецъ—если только оно дѣйствительно было дворцомъ—династіи Гассанидовъ, управлявшихъ частію Сиріи со времени Помпея до Омара, и имѣвшихъ конечно частыя сношенія съ Персами, какъ со своими данниками или союзниками. Еслибы снятъ былъ рисунокъ длинныхъ линій надписей на невѣдомомъ языкѣ, до сей поры весьма ясныхъ и не полорченыхъ, которые покрываютъ каменные пояса фасада, то задача, помимо остроумныхъ догадокъ архитекторовъ, могла бы быть положительно рѣшена палеографами. Но ученая экспедиція поручила снять столь важныя надписи фотографамъ, что имъ не удалось вполнѣ. Предположеніе что фигуры людей и животныхъ доказываютъ до-мусульманское происхожденіе памятника совершенно неосновательно. Извѣстно что въ начальныхъ произведеніяхъ арабскаго искусства, образовавшагося подъ вліяніемъ Персіи и Византіи, часто встрѣчаются изображенія животной жизни.

Въ 1867 году капитанъ Уарренъ видѣлъ Машиту или, какъ слѣдуетъ ее называть, Умъ-Шутту и Зизу издали, а Dr Тристрамъ едва не проѣхалъ мимо. Изъ этого явствуетъ что основательное изслѣдованіе страны требуетъ времени и досуга, и можетъ быть предпринято лишь такими путешественниками которые вмѣняютъ себѣ въ обязанность обзоръ всѣхъ безъ исключенія развалинъ. Кирбетъ и Ахла, усмотрѣнные обоими этими господами издали, быть-можетъ заключаютъ въ себѣ столь же великолѣпныя развалины какъ и Машита, или представляютъ остатки совершенно отличнаго

характера, подобные тѣмъ кои были найдены экспедиціей Dr Тристрама въ эль-Кустулѣ, гдѣ она видѣла обломки прекраснаго бѣлаго мрамора и слѣды строеній относящихся, повидимому, ко времени Ирода или сирійскихъ префекторовъ Александра Македонскаго.

Направляясь на западъ, экспедиція прошла Джебель, Джидулъ, Суфу, Хабисъ и другія развалины, и выйдя изъ моавійскихъ плоскихъ возвышенностей вступила въ гористую мѣстность спускающуюся къ Мертвому Морю. Переходъ отъ плоской горы въ горы очень рѣзокъ. Климатъ и растительность измѣняются вдругъ. Сперва на двѣ долины показываются плоскіе участки покрытые роскошною травой. Здѣсь пасутся скотъ и ослы племени Беи Гаидахъ, щедро угощавшаго нашихъ путешественниковъ, особенно масломъ. Такое же расточеніе этого продукта Бурхардтъ замѣтилъ въ Керакѣ, гдѣ, по его словамъ, продавать масло, или вымѣнивать его на другія жизненныя потребности, считается крайнею низостию. Такъ какъ богатство жителей заключается преимущественно въ стадахъ козъ и овецъ, дающихъ много масла, то они щедро угощаютъ имъ своихъ гостей. О комъ провѣдаютъ что онъ продалъ масло, того дочь или сестра не найдеть себѣ мужа, потому что никто не захочетъ породниться съ тѣмъ кто торгуеть масломъ—Бая-эс-Самияъ: это самое оскорбительное для мужчины прозвище въ Керакѣ.

Главными городами гористой окраины плоскогорія между двумя большими рѣками Моавійской земли, Зерка Майномъ и Мойибомъ, путешественники признають Атарусъ, Курейяъ и Мкауръ. Первый изъ нихъ считаютъ тождественнымъ съ городомъ Атароеомъ, упоминаемомъ въ Книгѣ Числъ (гл. XXXII, ст. 3 и 34) вмѣстѣ съ Дивономъ, Ароеромъ, Есевонномъ и другими городами, которыхъ положеніе было отыскано въ окрестностяхъ. Атароеъ поименованъ и въ надписи на столбѣ Месы, какъ городъ укрѣпленный этимъ царемъ и взятый имъ съ великимъ кровопролитіемъ, причемъ всѣ жители были убиты ради ублаженія Хемоса и потѣхи Моавитянъ. Курейратъ, построенный на двухъ смежныхъ холмахъ, есть по всѣмъ вѣроятіямъ Каріаеамъ, который въ надписи на столбѣ Месы поименованъ вмѣстѣ съ Атароеомъ, и въ той же главѣ Книги Числъ (ст. 37) названъ въ числѣ городовъ построенныхъ сынами Гадовыми.

Особенно замѣчательна Мкауръ какъ вѣроятная крѣпость Махера, гдѣ былъ заключенъ въ темницу и обезглавленъ Іоаннъ Креститель. Въ 1807 году Зетценъ открылъ ее и подробно описалъ ея положеніе, а въ 1864 году въ ней былъ герцогъ де-Люинь, и Dr Тристрамъ ошибается полагая что онъ и его слутники были первыми западными путешественниками изслѣдовавшими эту мѣстность со времени Римлянъ. Описаніе положенія Махеры у Іосифа, въ связи съ ея осадой Римлянами, подъ предводительствомъ Басса, согласуется съ положеніемъ Мкаура и служить новымъ звеномъ въ цѣли постепенно прибавляющихся доводовъ подтверждающихъ точность этого писателя, въ правдивости котораго такъ много сомнѣвалось.

Около самаго Мкаура лежитъ ущелье, называемое Вади-Стару, которое вдругъ беретъ свое начало изъ крутой расщелины въ грядѣ Моавійскихъ горъ и превращается въ пропасть, глубиною въ 800 футовъ, которая въ дождливое время должна превращаться въ великолѣпный водопадъ. Арабы называютъ это мѣсто Джебель-Мойя—водяная гора. У устья этой рывтины, которая на протяженіи шести или семи верстъ опускается рядомъ уступовъ на 3.500 футовъ до Мертваго Моря, лежитъ широкая, открытая полоса земли, называемая Зара, покрытая тропическою растительностію. Безводныя развалины разбросанныя на этой равнинѣ докторъ Тристрамъ, не колеблясь, признаетъ за остатки древняго еврейскаго города Церео-Шахаръ (Сарезъ и Сіорезъ); но это весьма сомнительно. О немъ упомянуто только въ книгѣ Іисуса Навина (гл. XIII, ст. 19) и сказано что онъ лежитъ на горѣ Емакъ, или Енакъ, (гора долины) что не согласуется съ положеніемъ развалинъ среди равнины.

Дорога изъ Зары до устья Зерка-Маина идетъ по вулканической равнинѣ, прекрасно описанной докторомъ Тристрамомъ. Ландшафты Вади-Зерка-Маина самые живописныя въ Палестинѣ. „Дикіе и часто измѣняющіеся виды этого прохода, говоритъ онъ, кажутся все болѣе прекрасными и привлекательными. На южной сторонѣ черныя базальты, на сѣверной бѣлый и желтый известнякъ надъ краснымъ песчаникомъ; каждая формація изрыта и изборождена особеннымъ образомъ; утесистыя скалы, на которыхъ желтѣютъ лавы и тростникъ, далеко внизу на склонахъ обращенномъ къ югу,

извивающаяся линія кустовъ камыша между скаль, на глубинѣ 1.000 футовъ, и особенно великолѣпная базальтовая проласть преграждающая долину въ ея направленіи на западъ къ Мертвому Морю—таковы главные черты вида съ верху. Когда мы спустились прямо у знаменитыхъ бань Ирода, намъ представилась обворожительная картина. Предъ нами стояла красная желѣзистая скала, истерзанная и закованная въ самыя фантастическія формы. Высокія пальмы освѣняли болѣе приземистую полутролическую зелень. Потокъ былъ совершенно скрытъ кустами камыша и олеандрами, но мы видѣли сверкающіе водопады низвергавшіеся изъ горячихъ сѣрыхъ ключей по утесамъ. По плававшей надъ ними длинной узкой градъ паровъ можно было судить о температурѣ ихъ горячихъ водъ. Когда мы сошли на дно прохода—что было не легко, потому что верхняя часть его почти также крута какъ утесъ Зизъ и усѣяна базальтовыми валунами, а нижняя часть спуска тянется по такимъ отлогимъ склонамъ измелченнаго известняка какъ высокія готическія крыши—намъ пришлось продираяться сквозь чащу деревьевъ и тростниковъ и идти по угловатымъ валунамъ, занесеннымъ сюда зимними потоками. Потомъ мы должны были пробираться по толкому сѣрому отсѣду черезъ горячіе ручьи, между густыхъ и рѣжущихъ кустовъ камыша, или карабкаться по острымъ камнямъ погружаясь до колѣнъ въ такую горячую воду что едва можно было вытерлѣть ея прикосновеніе.“

Горячіе источники близъ Кадирроэ были знамениты въ древности, и, по разказу Іосифа, ихъ посѣщалъ Иродъ. Теперь кажется не осталось тамъ слѣдовъ бань или другихъ строеній; но еще въ 1818 году Ирби и Мангльзъ видѣли что вся поверхность уступла на которомъ расположены ключи усѣяна черелицами и глиняными черелками. Въ продолженіе немногихъ минутъ они нашли двѣ бронзовыя медали. Температуру главныхъ источниковъ капитанъ Уарренъ и докторъ Тристрамъ показываютъ различно, первый въ 75°, а послѣдній въ 62° стоградуснаго термометра. Арабы уважаютъ ихъ цѣлительныя свойства и лѣчатся по-своему паровыми ваннами: для этого они садятся въ своихъ плащахъ на возвышенное ложе изъ молодыхъ вѣтвей надъ источникомъ изъ котораго выходятъ сѣристые пары. Пользуясь ключами Арабы не думаютъ однако что природа помѣстила ихъ въ странѣ съ

благою цѣлью, но твердо увѣрены что злые духи вытѣснили эти воды изъ преисподней ради ихъ цѣлебнаго качества, дабы осужденные грѣшники не могли найти въ нихъ облегченіе своимъ мукамъ. Другое преданіе приписываетъ открытіе этихъ источниковъ глухому слугѣ Соломона, избранному этимъ царемъ за его глухоту, дабы злой духъ не могъ совратить его своими угрозами. Однажды сопровождавшіе экспедицію логовщики муловъ и Арабы принесли въ жертву овцу этому слугѣ, дабы онъ оборонилъ ихъ отъ злыхъ духовъ. У Бедуиновъ жертвоприношеніе не рѣдко. Хотя по мусульманскому закону всякія жертвы запрещены и дозволяются только богомольцамъ при посѣщеніи Мекки, но Бедуины имѣютъ обыкновеніе приносить жертвы на могилахъ знаменитыхъ шейховъ и святыхъ; такъ, напримѣръ, ежегодно на горѣ Гирѣ приносится овца въ жертву шейху Харуану (Аарову).

Двѣ мѣстности Моавіи заслуживаютъ особеннаго вниманія какъ свидѣтельницами самыхъ важныхъ связанныхъ съ именемъ этой страны событій уломинаемыхъ въ Библии—Сигоръ (Кн. Быт., гл. XIV, ст. 2 и 8), куда Лотъ бѣжалъ изъ Содома, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Хананскихъ, родина Моавитявъ и Аммонитявъ, и гора Нево (Нававъ), вершина Фасги (Второз. гл. XXXII, ст. 49, гл. XXXIV, ст. 1), съ которой Моисей смотрѣлъ на Обѣтованную землю и близъ которой онъ вѣроятно былъ погребенъ. Положеніе Сигора и Нево остается до сей поры вопросомъ спорнымъ. Горы Джебель-Атарусъ и болѣе сѣверную Джебель-Ошу считали за Нево; но ни одна изъ нихъ не обращена къ Ерихону и съ нихъ не открывается того вида который представился Моисею. Въ 1863 году де-Соси указали гору Джебель-Небо и онъ при подошвѣ ея прешелъ мимо Ключей Моисея—Гяувъ-Муса; въ слѣдующемъ году тамъ были герцогъ де-Люинъ и докторъ Тристрамъ. Въ 1867 году капитанъ Уорреъ тщательно обозрѣлъ окрестности и нашелъ что гора возвышается на 2670 футовъ надъ уровнемъ моря (почти до одинаковаго уровня съ Масличною горою), и что между Джебель-Ошей и Джебель-Атарусомъ нѣтъ другой точки которая командовала бы надъ горами на западномъ берегу Иордана. Въ свое послѣднее путешествіе Тристрамъ вторично посѣтилъ Джебель-Небо и удостовѣрился что по со-сѣдству нѣтъ мѣста съ котораго бы открывался такой обширный видъ какъ съ этой горы. Въ отдаленіи, говоритъ онъ,

мы ясно видѣли западную Палестину и все пространство Иудей съ юга отъ Геброна до Галилеи. На западной сторонѣ Мертваго Моря, отъ Энгеди къ сѣверу, видны Виелеемъ и Иерусалимъ, можно отличить гору Кармилъ, но не видно Средиземнаго моря. Только это послѣднее обстоятельство мѣшаетъ признать несомнѣнно Джебель-Небо за Нево, потому что во Второзаконіи сказано что Господь показалъ Моисею всю обитываемую землю *до самаго западнаго моря* (гл. XXXIV, ст. 2).

Новое и окончательное указаніе положенія Сигора докторъ Тристрамъ считаетъ одною изъ главныхъ заслугъ своей экспедиціи. Указываемое имъ мѣсто лежитъ на вершинѣ холма, ниже и западнѣе Джебель-Небо и называется Арабами Зигара. На этой вершинѣ есть обыкновенные здѣсь остатки храмовъ, церквей и могилъ. Чтобы опредѣлить тождественно ли это имя съ еврейскимъ названіемъ Сигоръ нужно бы было въ точности удостовѣриться произносятся ли Арабы среднюю гласную съ придыханіемъ (аивъ ع); потому что другое арабское слово, безъ придыханія, Зіара—богомолье, паломничество—очень приличное городу близъ Ключей Моисея (Гаинъ-Муса) и Джебель-Небо, мѣсть издавна чтимыхъ, не имѣетъ ничего общаго съ еврейскимъ именемъ Сигора, котораго этимологія опредѣлена въ книгѣ Бытія (гл. XIX, ст. 22). Но и помимо различія въ звукахъ трудно согласить такое положеніе Сигора съ библейскимъ разказомъ; ибо если мы предположимъ что Содомъ находился въ ближайшей къ горамъ части равнины, то и тогда не легко объяснить какимъ образомъ Лотъ съ своими дочерьми успѣлъ дойти, отъ разсвѣта до восхода солнца, въ городъ стоявшій на высотѣ болѣе чѣмъ въ 3.000 футовъ надъ равниною. Вообще мнѣніе что Сигоръ слѣдуетъ искать въ этой части Моавіи основано на предположеніи Граве, высказанномъ въ библейскомъ словарѣ Смита, что города равнины лежали на сѣверѣ Мертваго Моря.

Разказъ доктора Тристрама о своемъ сорокадневномъ странствіи по Моавітской землѣ обилуетъ прекрасными описаніями мѣстностей весьма важными для уразумѣнія многихъ обстоятельствъ въ повѣствованіяхъ Библии, и написанъ такъ завлекательно что приковываетъ къ себѣ вниманіе читателя.

Отъ трудящейся телерь американской топографической экспедиціи можно ожидать черезъ нѣсколько лѣтъ полныхъ и точныхъ свѣдѣній о Моавіи и ея развалинахъ. Если найдутся

еще камни съ надписями и подтвердится лодаивность находящихся въ этой мѣстности глиняныхъ моавитскихъ сосудовъ, то древняя исторія и религія этой страны озарится новымъ свѣтомъ. Раскопокъ тамъ еще не дѣлали, и кто знаетъ какія ожидаютъ изслѣдователя скрытые въ землѣ драгоценныя памятники и остатки древнихъ Моавитянъ, потомковъ Лота и старшей его дочери.

Д.

ФАУСТЪ

ТРАГЕДІЯ ГЁТЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СЦЕНА III. *

(Лабораторія.)

ФАУСТЪ (*входитъ съ пуделемъ*).

Оставилъ доли и холмы я,
Мракъ ночи стелется ло нимъ,
И чувства чистыя, благія
Въ насъ будить съ трепетомъ святымъ:
Утѣхи пылкія стремленья,
Порывы бурныя страстей,
И сердце жаждетъ въ умиленьи
Любить Творца, любить людей.

Полно же, лудель, такъ дико метаться!
Что на порогъ ты нюхашь тамъ?
Смирно за печкой изволь оставаться;
Лучшую въ домъ подушку я дамъ.

* Переводъ первой и второй сцены см. *Русск. Вѣст.* № 74 1867
и № 34 1873.

Ты забавлялъ насъ, какъ шли мы горою,
 Даемъ, прыжками и бѣгомъ своимъ,
 Въ комнату на ночь пришедши со мною,
 Умытымъ и тихимъ будь гостемъ моимъ.

Когда въ обители смиренной
 Лампада снова зажжена,
 Души познаемъ искушенной
 Свѣтлѣть чудно глубина:
 Надежда снова расцвѣтаетъ,
 И разумъ снова говоритъ,
 И зовъ всесильный увлекаетъ
 Туда гдѣ жизни ключъ сокрытъ.

Пудель, уймися! Къ напѣвамъ священнымъ,
 Которые мощно мнѣ въ сердцѣ звучать,
 Звѣря рычанье не въ ладъ!
 Люди локосятъ со смѣхомъ надменнымъ
 Все непонятное имъ;
 Люди враждуютъ съ прекраснымъ, благимъ,
 Если ово имъ стѣснительно—знаемъ;
 Хочетъ и лезъ обругать его даемъ?

Но чувствую, увы, при доброй волѣ,
 Отрада изъ души не льется болѣ.
 Зачѣмъ изсякла скоро такъ струя,
 И жаждою томлюся снова я?
 Привыкъ ужъ я къ такому ощущенью;
 Бѣдѣ однако можно пособить:
 Мы учимся надземное цѣнить,
 Мы прибѣгаемъ къ откровенью;
 Всего же чище откровенья свѣтъ
 Являетъ Новый намъ Завѣтъ.
 Мнѣ хочется древнѣйшій текстъ открыть
 И честно, съ вѣрящей душой,
 Завѣта подлинникъ святой
 На мой родной языкъ переложить.

(Открываетъ книгу и готовится переводить.)

„Въ началѣ было слово“—здѣсь стоять.
 Вотъ и задача, кто ее рѣшить?
 Мнѣ невозможно слово такъ цѣнить;
 Я долженъ иначе переводить,

Коль съ Божьей помощью достанеть саль.
 Здѣсь сказано: въ началѣ *разумъ* былъ.
 Одумайся надъ первою строкой,
 Чтобъ избѣжать ошибки роковой:
 Не разумъ все содержитъ и творить.
 Была въ началѣ *сила*, текстъ гласить.
 Но лишь хочу писать я это слово,
 Его неточность чувствую я снова,
 Разсвѣяль духъ сомнѣнїе мое,
 Пишу: въ началѣ было *бытїе*.

Коль комнату хочешь со мною дѣлать,
 Полно, собака, ты лаять и выть!
 Нѣтъ, безлокойный сожитель такой
 Здѣсь оставаться не можетъ со мной.
 Надо тебѣ, или мнѣ удалиться:
 Оба мы вмѣстѣ не можемъ ужиться.
 Нечего дѣлать, отворена дверь,
 Можешь бѣжать куда хочешь теперь.
 Чтѣ жь я за странное вижу явленье?
 Правда ли это, или чувствъ обольщенье?
 Пудель сталъ длинный, высокій, большой,
 Въкѣ не бывало собаки такой.
 Чтѣ за чудовище ввелъ я въ свой домъ?
 Смотритъ теперь онъ какимъ-то слономъ
 Съ огненнымъ взглядомъ и съ пастью ужасной.
 Это, прїятель, не очень опасно.
 Ада исчадье, чтѣ смертныхъ страшить,
 Ключъ Соломона сейчасъ укротить.

ДУХИ (за сценой, невидимо).

Бѣда приключилась съ однимъ;
 Не слѣдуйте, братья, за нимъ.
 Какъ волкъ, чтѣ въ калканѣ сидитъ,
 Тамъ старый лукавецъ дрожитъ.
 Его не спуская изъ глазъ,
 Носитесь взадъ и впередъ;
 Онъ луты развяжетъ какъ разъ,
 Безвредно на волю уйдетъ.
 Коль случай представится вамъ,
 Слѣшите ему пособить:
 Не даромъ бывало онъ самъ
 Старался намъ всѣмъ удружить.

ФАУСТЪ.

Возьму, чтобъ начать испытанье,
 Стихійныхъ духовъ заклинанье.

Саламандра да рдѣть,
 Ундина льется,
 Сильфида да вьется,
 Гномъ да радѣть.

Кто измѣненья
 И проявленья
 Стихійныхъ силъ
 Не изучилъ,
 Не можетъ словами
 Царить надъ духами.

Исчезни въ огнѣ,
 Саламандра!
 Разлейся въ шумящей волнѣ,
 Ундина!

Сіяй свѣтозарнымъ лучомъ,
 Сильфида!
 Хозяйничай, Гномъ!
 Всякъ, вѣренъ призыванью,
 Явись, и коонецъ положи заклинанью!

Саламандра, Ундина, Сильфида и Гномъ
 Не сокрыты, какъ видно, въ чудовищѣ томъ:
 Оно смиренно лежитъ и глядитъ на меня;
 Заклинаньемъ моимъ не пробралъ его я.
 Такъ услышь, коль имѣешь желанье,
 Сильвѣтшее ты заклинанье.

Ты незванный пришлецъ
 Не изъ ада ль бѣглецъ?
 Такъ гляди же, вотъ знакъ предъ тобою,
 Предъ которымъ главою
 Сомнь лукавыхъ духовъ поникаеть!
 Овъ щетину свою подвимаеть.
 Воплощенная леть!
 Ты дерзнешь ли прочесть

Имя это отъ вѣка рожденнаго,
Неизрѣченнаго.
Превозмесежнаго,
Грѣшникомъ прозвеннаго?

За печку забившись, онъ
Ростеть и толстѣть какъ слонъ;
Ужъ комната стала узка,
Онъ хочетъ въ туманъ разойтись;
Не высься подъ сводъ потолка,
Къ ногамъ властелина ложись!
Ты видишь что я не напрасно грозилъ:
Я жаромъ священнымъ тебя опалилъ.
Не жди же огня тріединыхъ лучей,
Послѣдняго слова науки моей!

*(Туманъ падаетъ; изъ-за печки выходитъ оды-
тый странствующимъ схоластикомъ Мефи-
стофель).*

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Шумъ лишній, радъ служить я милости твоей.

ФАУСТЪ.

Такъ вотъ забавная развязка наконецъ:
Схоластикъ чолорный въ собакѣ той сидѣлъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Я преклоняюсь предъ тобой, мудрецъ;
Отъ чаръ твоихъ порядкомъ я вспотѣлъ.

ФАУСТЪ.

Какъ звать тебя?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Вопросъ, мнѣ кажется, пустой
Въ устахъ того кто слово презираетъ,
Кто только къ сущности одной
Свой умъ всечасно устремляетъ.

ФАУСТЪ.

У васъ, друзья, коль васъ назвать,
Не трудно сущность угадать.

Ее мы ясно выражаемъ
 Когда васъ духомъ лжи, лукавымъ называемъ.
 Ну, кто жь ты, если такъ?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Я доля силы той
 Что дѣлаетъ добро, стремяся къ цѣли злой.

ФАУСТЪ.

Что странная загадка означаетъ?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Я духъ который вѣчно отрицаетъ,
 И справедливо, ибо всѣ творенья
 По сущности своей достойны разрушенья,
 И еслибъ не было твореній этихъ всѣхъ,
 То лучше было бы; такъ гибель, зло и грѣхъ,
 И все чему даютъ подобное названье,
 Вотъ существо мое и вѣчное призванье.

ФАУСТЪ.

Зовешься долею ты, но цѣлымъ мнѣ предсталъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Я правду скромную сказалъ.
 Пускай считаетъ родъ людской
 Великимъ цѣлымъ уголь свой.
 Я доля доли той что прежде всѣмъ была,
 Я доля темноты что свѣтъ произвела,
 Надменный свѣтъ, который тьмѣ родной
 И мѣста дать теперь не хочетъ за собой,
 Но вытѣснить ее не можетъ; какъ ни бьется,
 Къ тѣламъ прикованъ остается.
 Изъ тѣлъ исходить онъ, тѣламъ красу даетъ,
 Тѣлами можетъ заслониться;
 Надѣюсь, такъ не долго продолжится,
 И свѣтъ съ тѣлами пропадетъ.

ФАУСТЪ.

Теперь знакомъ съ твоимъ я дѣломъ:
 Не въ силахъ миръ разрушить въ цѣломъ,
 Его ты портишь по частямъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

И мало толку, вижу самъ.
 Явленій грубыхъ міръ живой,
 Природы неуклюжій строй,
 Чтò я ни дѣлалъ, какъ ни бился,
 Досель ни въ чемъ не измѣнилася.
 Огонь, вода, гроза пройдетъ—
 И море тихо, и земля цвѣтеть!
 А на проклятый родъ животныхъ и людей
 И вовсе даромъ тратишь силу.
 Ужь сколько свелъ я ихъ въ могилу—
 И жизнь кипитъ опять, моложе и свѣжѣй!
 И такъ изъ вѣка въ вѣкъ; взбѣситься можно съ горь!
 Изъ суши, воздуха и моря
 Потокомъ жизни льетъ струя,
 Весь міръ стихійный наполняя.
 Не сбереги себѣ огня я,
 Приюта не нашель бы я!

ФАУСТЪ.

Съ напрасной жаждой разрушенья
 Ты силы творческой, благой
 Сдержатъ пытаешься движенье
 Холодной дьявольской рукой.
 Оставь стараніе пустое,
 Хаоса странное дитя!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Избрать занятіе другое
 Я самъ ужъ думалъ не шутя.
 Могу ль телерь я удалиться?

ФАУСТЪ.

Къ чему, скажи, вопросъ такой?
 Ходи ко мнѣ когда случится,
 Телерь знакомы мы съ тобой.
 Вотъ дверь, окно, труба печная—
 Тебѣ повсюду путь открытъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Помѣха есть одна такая
 Что выйти вонъ мнѣ не велить:
 Знакъ на порогѣ мнѣ преграда.

ФАУСТЪ.

Тебя смущаетъ пентаграмъ?
Скажи же мнѣ, исчадь ада,
Какъ чрезъ порогъ ступилъ ты самъ?
Какъ духъ такой въ просакъ попался?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Чертежъ не вѣренъ оказался.
Въ углѣ наружномъ двѣ черты,
Какъ видишь, не совсѣмъ сошлись.

ФАУСТЪ.

Мечты нечаянно сбылись!
И стало-быть мой лѣваикъ ты!
Помогъ мнѣ случай превосходно!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Вбѣжалъ я луделемъ свободно,
Но дьяволъ, вызванный тобой,
Не можетъ домъ оставить твой.

ФАУСТЪ.

Но вотъ въ окно тебѣ дорога.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Закономъ бѣсъ обязанъ строго
Входить и уходить дорогою одной.
Онъ только входъ себѣ по волѣ выбираетъ.

ФАУСТЪ.

Самъ адъ законы уважаетъ?
Мнѣ это нравится! Такъ можно заключить
Съ чертами договоръ на прочномъ основаньи?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Получишь ты слова что долженъ получить,
Не медала, не скулясь исполнять обѣщанье.
Но это длинная статья;
Намъ будетъ время объясниться;
Прошу олять усердно я,
Позволь теперь мнѣ удалиться.

ФАУСТЪ.

Минуту можешь подождать;
Узналъ я мало въ эту встрѣчу.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Пусти меня; на дняхъ приду олять,
Тогда на все тебѣ отвѣчу.

ФАУСТЪ.

Тебя я вовсе не искалъ,
Ты добровольно въ руки дался.
Держи, коль чорта кто поймалъ,
Не жди чтобъ скоро вновь попался.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Когда угодно, я готовъ
Теперь остаться здѣсь съ тобою,
Но съ тѣмъ чтобъ вялый ходъ часовъ
Ускорить пѣньемъ и игрою.

ФАУСТЪ.

Изволь, охотно слушать буду я,
Коль слухъ ласкаетъ музыка твоя.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ты больше, другъ мой, наслажденья
Получишь въ краткія мгновенья,
Чѣмъ въ годъ земнаго бытія.
Что духи вѣжные вѣщаютъ,
Въ видѣньяхъ чудныхъ открываютъ,
Не есть обманъ и бредъ пустой.
И обонянье усладится,
И осязанье восхитится
И вкусъ обворожится твоей.
Не нужно намъ приготовленья,
Всѣмъ налицо, начните пѣнье!

ДУХИ (невидимо).

Темныя тучи
Скройтесь далеко,
Свѣтъ свой могучій
Ясное око

Съ неба излей.
 Прочь бы неслася
 Тѣни густыя,
 Кротко бѣ зажглася
 Звѣзды благія
 Въ мрактѣ ночей.
 Силы небесной
 Образъ чудесный,
 Стая видѣній
 Зыбкая вьется,
 Жаръ вождельній
 Всмѣдъ имъ несется.
 И одѣянья
 Вѣютъ въ мерцающа,
 Кроя свиданья
 Тихій пріютъ,
 Гдѣ упоенные,
 Въ думѣ глубокой,
 Страстно влюбленные
 Души союютъ.
 Станью высокой
 Лозы тѣсняются,
 Кисти томятся
 Въ кадкѣ широкой;
 Пѣна струится
 Вина ручьями,
 Надъ дорогами
 Льются камнями;
 Вотъ ужъ за ними
 Остались горы,
 Плещутъ озера,
 Широко блистая
 Вкругъ свѣжихъ холмовъ;
 Пернатая стая
 Несется, вливая
 Свѣтъ теплыхъ лучей,
 Къ лазури небесной,
 Къ брегамъ острововъ
 Скользящихъ чудесно
 Надъ глубио морей.
 Слышится лѣнье,

Видно движенье,
 Пляска живая,
 Радость молодая;
 Бродятъ по волѣ,
 Въ рощахъ и въ полѣ,
 Перебѣзаютъ
 Давнія горы,
 Переплывають
 Черезъ озера;
 Вьются, летаютъ,
 Путь направляютъ
 Къ жизни высокой,
 Къ тверди далекой
 Вѣчныхъ свѣтилъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Онъ спитъ. Слasiбо, хоръ воздушный мой!
 Въ долгу у васъ я за концертъ такой.
 Отлично онъ мнѣ Фауста усыпилъ.
 Нѣтъ, чорта ты одержать еще не въ силахъ.
 Пошлите рой ему видѣній милыхъ,
 Пусть обольщенье вкуситъ онъ до дна.
 Но чтобы сгрызть волшебный знакъ порога
 Мнѣ крыса вострозубая нужна.
 Заклятій не потребуется много
 Сейчасъ уже скребется здѣсь одна.
 Царь крысъ, лягушекъ и мышей,
 Клаловъ и мухъ и блохъ и вшей
 Тебѣ велитъ предъ нимъ предстать,
 Порогъ волшебный обгладать,
 Гдѣ масломъ онъ его помажетъ.
 Вотъ ужъ ова и морду кажетъ.
 За дѣло; уголь страшный мнѣ
 Вотъ здѣсь, на этой сторонѣ.
 Еще немного, и готово—
 Грезь сладко, Фаустъ! Увидимся мы снова.
 (*Уходитъ.*)

ФАУСТЪ (*просыпаясь*).

Опять обману я поддался!
 Опять агала мечта моя!
 Во снѣ мнѣ дьяволъ представлялся,
 И улустилъ собаку я!

СЦЕНА IV.

(Лабораторія.)

Фаустъ, потомъ Мефистофель.

ФАУСТЪ.

Стучать. Войди! Чтò вновь за посѣщенье?

МЕФИСТОФЕЛЬ *(за сценою)*.

Я.

ФАУСТЪ.

Такъ войди.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Три нужны приглашенья.

ФАУСТЪ.

Войди же.

МЕФИСТОФЕЛЬ *(выходитъ)*.

Вотъ такъ другъ прямой!

Сойтись, надѣюсь, намъ не трудно.

Чтòбъ бредъ ты бросилъ безразсудный,

Я дворяниномъ предъ тобой:

Въ нарядѣ красномъ съ галунами,

Съ плащомъ короткимъ за плечами,

На шляпѣ перья лѣтуха,

А съ боку шлага боевая.

Одежда, видишь, не плоха;

Прими ее не разсуждая.

Изъ душной выйдя тѣсноты,

Чтò значить жить узнаешь ты.

ФАУСТЪ.

Отъ горести земнаго бытія

Не защититъ одежда никакая!

Я слишкомъ старъ чтòбъ жить играя;

Чтòбъ не имѣть желаній, молодъ я.

Какъ ждать мнѣ въ свѣтѣ угѣшенья?

Лишенья, вѣчныя лишенья!

Одинъ налѣвъ лишь роковой

Въ ухахъ у каждаго звучить,

Одно лишь весь нашъ вѣкъ земной
 Намъ силло каждый часъ гласить.
 Тоска беретъ, лишь утро гонитъ сонъ;
 Готовы вырваться рыданья
 При встрѣчѣ дня: мнѣ не исполнить оны
 Ни одного, ни одного желанья!
 Оны грезы счастья впереди
 Съ тупымъ упрямствомъ разрушаетъ,
 Всему что создаю въ груди
 Житейской злобою мѣшаетъ.
 Когда же ночь на землю низойдетъ,
 Ложуся я исполненъ оласенья:
 Покоя мнѣ и ночь не принесетъ,
 Меня пугаютъ страшныя видѣнья.
 Могучій духъ въ груди моей сокрытъ,
 Оны душу мнѣ волнуетъ и тревожитъ,
 Надъ силами моими оны царить,
 Но въ мірѣ вѣшнемъ ничего не можетъ.
 И свѣтъ послылъ мнѣ, жизнь мнѣ тяжела,
 Прощу одно: чтобъ смерть скорѣй пришла.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Но никогда смерть людямъ не мила.

ФАУСТЪ.

О, счастливъ тотъ кому въ побѣдномъ гулѣ
 Она вѣнокъ кровавый соплететъ,
 Кого она въ неистовомъ разгулѣ,
 Въ объятіяхъ красавицы найдетъ!
 О еслибъ я въ восторгѣ упоенья
 Отбросилъ гнетъ земнаго бытія!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

А между тѣмъ подъ утро воскресенья
 Не выпилъ другъ мой темнаго литья.

ФАУСТЪ.

Шпіонить любишь ты, я замѣчаю.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Я не всевѣдущъ, но я много знаю.

ФАУСТЪ.

Коль бурю пагубныхъ волнеи
 Знакомый звукъ во мнѣ смирилъ,
 Остатокъ дѣтскихъ ощущеній
 Воспоминаемъ обольстилъ,
 Кляню я все что духъ смущаетъ
 Коварной силой живыхъ грезъ,
 Что насъ лукаво прикрѣпляетъ
 Къ жилищу горестей и слезъ.
 Проклятье бреду гордыхъ мнѣицъ,
 Высокимъ о себѣ мечтаемъ,
 Проклятье прелести явленій
 Въ глаза бросающихся намъ!
 Будь славы проклято мерцанье,
 И все что манитъ насъ во свѣтъ,
 Проклятье лести обладанья:
 Рабу, сохъ, семьѣ, женѣ!
 Будь прокляты мамонъ, жадной злата
 Къ великимъ движущій дѣламъ,
 И доже празднаго разврата
 Готовящій на отдыхъ намъ!
 Кляню я сокъ лозы душистый,
 Кляню любви восторгъ святой,
 Надежды бредъ, жаръ вѣры чистый,
 Кляню терпѣнье всей душой.

ДУХИ (*невидимо*).

Увы!
 Ты разбилъ
 Могучею дланью
 Прекрасный міръ.
 Обрушилось зданье
 Подъ грознымъ ударомъ твоимъ.
 Мы мчимъ
 Обломки въ пространство пустое,
 И скорбимъ
 О красотѣ сокрушенной.
 Сына рода людскаго
 Силой боговъ одаренный,
 Создай ее снова!
 Прекраснѣй, свѣтлѣй

Въ груди своей міръ ты построй!
 Ты жизни иной,
 Отбросивъ сомнѣнья,
 Вкуси наслажденья;
 Свѣтъ новыхъ лучей
 Блеснетъ предъ тобой!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ты слышишь ли зовъ
 Моихъ легкихъ духовъ?
 На веселье, на дѣло
 Тебя шлютъ они смѣло,
 Къ жизни вольной, широкой
 Изъ тюрьмы одинокой
 Гдѣ силы дряхлѣють и спять,
 Увлечь нелюдима хотять.
 Какъ червь тебя съѣдающее горе
 Не дѣлай ты игрушкою своей!
 И въ обществѣ дурномъ почувствуешь ты вскорѣ
 Что человекъ ты средь другихъ людей.
 Но битую тебя тропю
 Я не введу во всякій сбродъ;
 Хоть не изъ знатныхъ я гослodgeъ,
 Но если хочешь ты со мною
 На новый жизни луть вступить,
 Готовъ я всѣмъ тебѣ служить,
 Быть для тебя неутомимымъ,
 Быть вѣрнымъ спутникомъ твоимъ,
 И если ты доволенъ мной
 Отнынѣ рабъ я вѣрный твой.

ФАУСТЪ.

А чѣмъ тебѣ я заплачу за службы?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Объ этомъ будетъ время говорить.

ФАУСТЪ.

Нѣтъ, чортъ не можетъ о себѣ забыть,
 И ради Бога или дружбы
 Не станетъ ближнему служить.
 Пусть договоръ нашъ будетъ простъ и ясенъ,
 Такой слуга хозяину опасенъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Здѣсь обяжусь я быть твоимъ слугою,
 Лишь знакъ подашь ты, отдыха не зная;
 Коль за могилой встрѣтимся съ тобою,
 Ты долженъ тѣмъ же мнѣ воздать.

ФАУСТЪ.

Мнѣ дѣла нѣтъ что будетъ за могилой.
 Коль этотъ мѣръ разрушенъ вражьей силой,
 Пусть возникаетъ мѣръ иной.
 Здѣсь наслаждаюсь благами земными,
 Здѣсь подъ лучами я скорблю дневными,
 Когда придется мнѣ разстаться съ ними,
 Что хочешь будь тогда со мной.
 Знать не хочу любовь и злоба
 Способны ль тѣло пережить,
 И можно ль будетъ послѣ гроба
 Добро отъ зла мнѣ отличить.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Итакъ рискнуть ты можешь смѣло.
 Рѣшись, какъ только кончимъ дѣло
 Ты службѣ будешь радъ моей:
 Дамъ то чего никто не видѣлъ изъ людей.

ФАУСТЪ.

Что можешь дать ты, Чортъ презрѣнный?
 Духъ челоуѣка вдохновенный
 Твоей ли братіи понять?
 Дашь лицу неспособную питать,
 Сокровища которыхъ удержать
 Нельзя, какъ ртуть, изъ рукъ что убѣгаетъ,
 Игру въ которой всякій проиграетъ,
 Красавицу что на груди моей
 Уже сосѣду отдается взоромъ,
 Приманку чудную честей
 Что исчезаетъ метеоромъ.
 Давай мнѣ плодъ, до зрѣлости гнилой,
 Листву что дѣвъ родящуюся снова.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Меня приказъ не устрашаетъ твой;
 Доставлю вдоволь я добра такого.
 Но, милый другъ, придетъ пора для насъ
 Цѣнить отраду тихихъ наслажденій.

ФАУСТЪ.

Коль лягу праздно я на ложе лѣви,
 Пускай погибну въ тотъ же часъ!
 Коль ты добьешься обольщеньемъ
 Чтобъ я доволенъ былъ собой,
 Коль духъ смутитъ мнѣ наслажденьемъ,
 Будь день тотъ, день послѣдній мой.
 Держу закладъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Идетъ.

ФАУСТЪ.

Рука съ рукой!

Скажу ль я радости минуты:
 Отрада ты, остановись,
 Тогда вѣжи меня ты въ луты,
 Тогда судьба моя свершись;
 Пусть лѣсъ раздастся гробовая,
 Пусть служба кончится твоя,
 Пусть станетъ стрѣлка часовая
 И минетъ время для меня.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Смотри, условій я не забываю.

ФАУСТЪ.

И вправѣ ты ихъ въ памяти хранить.
 Не на вѣтеръ закладъ я предлагаю.
 Коль настоящимъ буду дорожить—
 Я рабъ, а чей и знать я не желаю.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

За докторскимъ столомъ я непремѣнно
 Явлюсь сегодня жъ долгъ свой исполнять,
 Но чтобы дѣло кончить совершенно
 Прошу я васъ двѣ строчки написать.

ФАУСТЪ.

Ты договора на листьмѣ желаешь?
 Иль чести въ людяхъ ты, педантъ, не знаешь?
 Не должно ль слову, сказанному мной,
 На вѣки днями властвовать моими?
 На свѣтъ быстрой все течеть рѣкой,
 А я свяжуся буквами пустыми?
 Но этотъ бредъ намъ въ сердце вкорененъ;
 Кто отъ него способенъ излѣчиться?
 Счастливецъ кто правды свято чтить законъ;
 Ни предъ какой онъ жертвой не смутится!
 Когда жь пергаментъ подписью скрѣпленъ,
 Какъ привидѣнья всякъ его страшится.
 Замрутъ слова, лишь перья заскрипятъ:
 Сургучъ и кожа надъ людьми царятъ.
 Чтò жь выбрать мнѣ лукавый духъ велить?
 Бумагу, мѣдъ, пергаментъ, иль гранить?
 Писать рѣзцомъ, иль кистью, иль перомъ?
 Тебѣ рѣшить вполнѣ предоставляю.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Но для чего же, я не ловимаю,
 Ты въ краснорѣчьи такъ горячъ своимъ?
 Покончимъ мы бумажкою любовью;
 Подпишешься ты каллею кровяною.

ФАУСТЪ.

Коль ты доволенъ малостью такою,
 Пожалуй, тѣшься шутовствомъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

У крови есть особое значенье.

ФАУСТЪ.

Повѣрь, отъ слова я не отступлюсь!
 Всечасное всей силы напряженье,
 Вотъ именно въ чемъ я теперь клянусь.
 Я слишкомъ выситься хотѣлъ,
 Мнѣ мѣсто на ряду съ тобой:
 Великій духъ меня презрѣлъ,
 Молчитъ природа предо мной,

Теченье мысли порвано,
 Противно знанье мнѣ давно!
 Давай же съ чувственностью жадной
 Страстей порывы утолять,
 Въ тѣни волшебной, непроглядной,
 Чудесъ невѣдомыхъ искать;
 Пусть время насъ несетъ съ собой
 Событій шумною рѣкой,
 Пусть наслажденье и страданье,
 Успѣхъ и разочарованье
 Минута прихотливо шлетъ—
 Лишь въ вѣчномъ вихрѣ человекъ живетъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Границъ и мѣры нѣтъ для васъ.
 Шалить вы можете свободно,
 Ловить забаву гдѣ угодно.
 Чтѣ тѣшить—ваше, въ добрый часъ!
 Берите смѣло, безъ зазрѣнья.

ФАУСТЪ.

Пойми, я жду не утѣшенья.
 Хочу тревоги я, мучительныхъ отрадъ,
 Озлобленной любви, живительныхъ досадъ.
 Мой умъ, отъ жажды знанья изцѣленный,
 Не станетъ впредь страданія чуждаться,
 И жребій человечеству сужденный
 Во мнѣ всецѣло будетъ отражаться.
 Всѣ глубины познаю и высоты,
 Всѣ радости земныя и заботы,
 Жизнь общую вмѣщу я въ личности своей,
 И кончу гибелью мой путь, подобно ей.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Повѣрь ты мнѣ, вѣдь тѣсто я крутое
 Жую не даромъ долгіе вѣка.
 Никто изъ смертныхъ въ бытіе земное
 Не переваритъ жесткаго куска!
 Ты насъ послушай! Это мірозданье
 Для одного лишь Бога создано:
 Его обитель вѣчное сіянье,
 Насъ въ темноту спровадилъ Онь давно,
 Вамъ жить межъ тьмой и свѣтомъ суждено.

ФАУСТЪ.

Но я хочу....

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Прекрасно это!

Одно теперь меня страшить:
 Долга наука, жизнь летить,
 Ей-ей, послушайте совѣта.
 Поэта взять бы вамъ съ собою,
 Пускай предается онъ мечтамъ,
 И все что свойственно герою
 Восторженно прилишетъ вамъ:
 И силу льва, и лапы быстроту,
 Мощь сѣвера и юга теплоту,
 Пусть одарить онъ васъ умѣнемъ
 Съ великодушiемъ коварство сочетать,
 И съ пылкимъ, юнымъ увлеченьемъ
 Любовь разумно разчитать.
 Лицо подобное я самъ бы знать желалъ,
 И микрокосмомъ бы его я называлъ.

ФАУСТЪ.

Но что же я, коль идеалъ душой
 Постигнутый, желаемый тревожно,
 Осуществить мнѣ въ жизни невозможно?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ты то чѣмъ созданъ ты, другъ мой!
 Кудрявыми украсься париками,
 На длинныя ходули стань ногами —
 Ты будешь все самимъ собой.

ФАУСТЪ.

Да, всѣ богатства знанiя людскаго
 Напрасно я въ себѣ соединилъ.
 Когда сажусь я за работу снова,
 Не чувствую въ душѣ я новыхъ силъ.
 Стою не выше я ни мало,
 Не ближе мнѣ вещей начало!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Отъ общеприятнаго взгляда
 Не удалось отречься вамъ.

Умѣй за дѣло взяться надо,
 Пока доступна радость намъ.
 Вопросъ простой: конечно, тѣло
 Со всѣми членами твое,
 Но все чѣмъ пользуюсь я смѣло
 То развѣ также не мое?
 Коль за шесть я коней плачу,
 Не я-ль ихъ силами владѣю?
 Куда мнѣ вздумалось скачу,
 И ногъ двѣ дюжины имѣю.
 Оставь мечтативъ бредъ пустой,
 И бодро въ свѣтъ вступи со мной.
 Повѣрь мнѣ, кто надъ мыслями корлить,
 Тотъ все равно что звѣрь голодный
 Котораго злой духъ насмѣшливо кружить
 Средь сочныхъ травъ по полосѣ безплодной.

ФАУСТЪ.

Но что же дѣлать намъ?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Уйти отсюда вонъ.

Въ тюрьму ты развѣ заключенъ?
 И развѣ значить это жить,
 Себя и юношей томить?
 То друга Вагнера призванье;
 Довольно воду ты толочь!
 Вѣдь знаешь самъ что тайну знанья
 Ты выдать мальчикамъ не могъ.
 Одинъ изъ нихъ сейчасъ стучался.

ФАУСТЪ.

Я съ нимъ не въ силахъ толковать.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Бѣдняжка долго дожидался,
 Его жестоко не привяты.
 Давай мнѣ плащъ и шапку смѣло —
 Берусь я доктора сыграть.

(Переодѣвается).

Вотъ такъ; теперь мое ужь дѣло

Студента на стезю спасенья навести;
Готовься между тѣмъ къ пріятному пути.

(Фаустъ уходитъ).

МЕФИСТОФЕЛЬ (въ длинной одеждѣ Фауста).

Смотри съ презрѣніемъ на разумъ и на знанье,
На это высшее людское достоянье,
Дай духу джи лукавымъ колдовствомъ
Залутать мысль твою въ обманѣ роковомъ —
Тогда ужъ нѣтъ тебѣ спасенья.
Духъ безлокойный давъ ему судьбой,
Котораго тревожное стремленье
Въ своей послѣдности слѣпой
Обходить жизни наслажденья.
Его смущу я дикой суетой,
Ничтожествомъ и пошлостью холодной,
Въ смятеніи, теряясь, самъ не свой,
Трелещущій, усталый и голодный,
Онъ будетъ видѣть лицу предъ собой
И тщетно рваться къ ней въ тоскѣ безплодной.
Пусть не отдался бъ чорту онъ душой,
Погибъ бы онъ отъ страстности природной!

И. ПАВЛОВЪ.

ЛЕДИ АННА*

РОМАНЪ.

АНТОНИ ТРОЛЛОПА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

ГЛАВА XXXVI.

Правда ли это?

Въ воскресенье они ходили всѣ въ церковь, и о портномъ не было сказано ни слова. Алиса Бьюстонъ была нѣжна и грустна, мистрисъ Бьюстонъ учтива и внимательна, сержантъ важенъ и предупредителенъ. Въ концѣ леди Анна поняла что ее ни въ какомъ случаѣ не пришлютъ опять въ Bedford-Square. По нѣкоторымъ словамъ дочерей и горничной Сары было ясно что вещи упаковываются окончательно. Ей самой никто не мѣшалъ укладывать свои платья, перчатки и перья. Въ понедѣльникъ утромъ послѣ завтрака мистрисъ Бьюстонъ едва не расплакалась.

— Мы всѣ очень любили васъ, душа моя, сказала она, — если были между нами какія-нибудь неприятели, то это было вслѣдствіе неприятелихъ обстоятельствъ.

Сержантъ, ушедшій изъ дому за полчаса до ея отъезда, призвалъ на нее благословеніе Божіе, и она знала

* См. Русск. Вѣстн. 1873 №№ 5, 6, 7, 8 и 9, 11 и 12 и 1874 № 1.

что никогда не сядетъ олять за его столъ. Она поцѣловалась съ дочерьми и съ мистрисъ Бьюстонъ, сѣла съ горничной въ при- сланную за ней карету и мысленно простилась съ доможъ сер- жанта навсегда.

Отъ Бедфордъ-Сквера до квартиры ея матери было не бо- лѣе трехъ минутъ ѣзды, и въ это краткое время она не мо- ла, какъ ни старалась, свыкнуться съ мыслью что ей пред- стоить увидаться чрезъ нѣсколько минутъ съ Даніелемъ Твей- томъ. Она даже не понимала теперь для чего было устроено это свиданіе. Мать сказала ей, во время послѣдняго свиданія съ ней, что она не увидитъ его никогда. И вотъ теперь ей предстояло увидаться съ нимъ такъ скоро что онъ былъ ужъ можетъ-быть недалеко отъ нея. Она выглянула въ окно ка- реты, какъ бы желая увидать его на тротуарѣ. Какъ встрѣ- тятся они? Будетъ ли мать присутствовать? Она полагала что мать будетъ присутствовать. Она не ожидала никакой радости отъ этого свиданія, хотя ей было пріятно, очень прі- ятно увидать его олять. Прежде чѣмъ она успѣла рѣшить занимавшіе ее вопросы, карета остановилась, и она увидѣла мать въ окнѣ гостиной; дѣвушка дрожала поднимаясь по лѣстницѣ и войдя къ матери едва осмѣлилась заговорить. Графиня была въ черномъ шелковомъ платьѣ, лышная и ве- личественная, скорѣе родительница чѣмъ мать, и графиня съ ногъ до головы.

— Какъ я рада что вернулась къ вамъ, мама.

— И я буду рада оставить тебя у себя если ты обѣщаешь вести себя прилично.

— Поцѣлуйте меня, мама.

Графиня наклонила голову и подставила ей щеку. Въ бы- лое время, время очень недавнее, она цѣловала дочь такъ страстно какъ будто только и жила этими поцѣлуями.

— Пойдемъ наверхъ, я покажу тебѣ твою комнату.—Дочь посадила за матерью въ торжественномъ молчаніи.—Ты слышала что мистеръ Твейтъ придетъ сюда чтобы видѣться съ тобой какъ ты сама желала? Онъ придетъ теперь скоро. Сними шляпку.—Леди Анна повиновалась олять молча.—Бы- ло бы лучше, гораздо лучше, еслибы ты исполнила наше общее желаніе, не подвергая меня этому униженію. Но такъ какъ ты за- брала себѣ въ голову что не имѣешь права считать себя свобод- ною отъ своего невозможнаго обязательства безъ его раз- рѣшенія, я покорилась. Постарайся чтобы свиданіе былъ

не продолжительна и помни что я должна потому услышать отъ тебя что ты закончила навсегда съ этимъ вадоромъ. Онъ получилъ того добивался. Я заплатила ему значительную сумму (въ эту минуту послышался стукъ въ дверь комнаты и горничная Сара объявила что мистеръ Твейтъ ждетъ внизу).—Иди. Черезъ десять минутъ ты должна быть здѣсь, не то я сама приду къ тебѣ.—Леди Анна взяла руку матери и взглянула ей въ глаза умоляющимъ взглядомъ.—Иди, душа моя, и кончай скорѣе. Я увѣрена что ты будешь настолько благодарна, что не позволишь ему ничего лишняго. Помни что ты дочь графа и помни также все что я сдѣлала для того чтобы возвратитъ тебѣ твои права.

— Мама, я не знаю что мнѣ дѣлать. Я боюсь.

— Не бойся ли мнѣ съ тобою, Анна?

— Нѣтъ, мама, безъ васъ будетъ удобнѣе. Вы не знаете какъ онъ добръ.

— Если онъ откажется отъ своей безумной затѣи, онъ будетъ моимъ лучшимъ другомъ.

— О, мама, какъ я боюсь! Но я должна идти.

И она вышла дрожа изъ комнаты и медленно сошла съ лестницы. Она дѣйствительно боялась. Она все еще не рѣшила уступить ли она просьбамъ своей матери и всѣхъ своихъ друзей. Она не рѣшила ничего и готова была покориться рѣшенію человека къ которому шла. Вопреки всему что дѣлалось и говорилось чтобы возстановитъ ее противъ портнаго, она не переставала дочувствовать ему и ея сочувствіе становилось тѣмъ сильнѣе чѣмъ больше ей говорили противъ него. Она знала, что о немъ говорятъ дурно; не потому чтобы онъ былъ дурень, но съ безчестнымъ намѣреніемъ унизить его въ ея глазахъ. Она это понимала и вслѣдствіе этого почувствовала въ себѣ такую твердость къ какой мать не считала ее способною. Есaubъ ее друзья ограничались своимъ аргументомъ о непристойности брака съ портнымъ, признавая искренность и честность Даниела и то что ихъ взаимная любовь была естественнымъ слѣдствіемъ ихъ дѣтской и юношеской дружбы, они имѣли бы больше шансовъ на успѣхъ. Но они никогда не уговаривали ее иначе какъ опираясь на какой-нибудь доводъ который она считала своимъ деломъ оспаривать. Ей постоянно толковали что она унизила себя, но она понимала что другая леди Анна дѣйствительно унизила бы себя помолвкой съ портнымъ, а она не унизила себя. Она была

въ этомъ увѣрена, хотя не умѣла объяснить почему это такъ, когда ее укоряли. Судьба и образъ жизни ея матери облизали ее съ Давидомъ. По образу жизни они были разные, и какъ равный онъ отдѣлялся ея лучшимъ другомъ. Она привыкла опираться на его руку, искать его помощи, обращаться къ нему въ затрудненіяхъ, слушать его и вѣрить ему, думать о немъ какъ о человѣкѣ на котораго можно всегда положиться. Она любила его. Ея чувства къ графу измѣнились въ послѣднее время незаметно для нея самой подъ вліяніемъ нравственной пытки которую они вынесли въ Бедфордъ-Оксеръ. Онъ не казался уже ей теперь, какъ въ началѣ ихъ знакомства, свѣтлымъ, божественнымъ Эбботъ. Безконечныя поученія объ ея титулѣ и величіи, хотя и внушили ей уваженіе къ знатности, но лишили знатность всякой привлекаемости для нея. Прозваніе ея титула только усиливало ея страданія. Въ душѣ ея было только одно неблагопріятное чувство для портнаго, это ея любовь къ матери.

Она вошла въ комнату очень тихо и застала его стоящимъ у стола со сложившими на груди руками.

— Голубка моя! сказалъ онъ лишь только увидѣлъ ее, назвавъ ее ласкательнымъ именемъ которое любилъ употреблять когда они гуляли вдвоемъ по Комберландскимъ полямъ.

— Давидъ!

Онъ подошелъ къ ней и взялъ ея руку.

— Если вы имѣете сказать что-нибудь, Давидъ, говорите скорѣй, потому что мама придетъ черезъ десять минутъ.

— Не имѣете ли вы сказать мнѣ что-нибудь, Анна? Она имѣла сказать многое, но не знала какъ сказать и промолчала.—Если вы перестали любить меня, скажите мнѣ прямо.—Она промолчала опять.—Если вы преданы мнѣ, какъ я преданъ вамъ, развѣ вы не скажете мнѣ это?

— Да, пробормотала она.

Онъ разсмѣялся ея отвѣтъ, хотя никто другой не разсмѣялъ бы его.

— Если такъ, сказалъ онъ взявъ ея руку,—то все что мнѣ говорили о васъ ложь.

— А что вамъ говорили обо мнѣ, Давидъ? При этомъ вопросѣ она быстро отняла у него свою руку.

— Нѣтъ, эта рука моя; она будетъ моею, если вы любите

меня, дорогая моя. Я скажу вамъ что я слышалъ о васъ. Я слышалъ что вы любите вашего кузена графа Ловель.

— Нѣтъ, сказала она презрительно,—я никогда не говорила что люблю его; это неправда.

— Вѣдь вы не можете любить заразъ двоихъ? Глаза его были устремлены на нее, глаза въ которыхъ она привыкла искать руководства, иногда съ удовольствіемъ, иногда со страхомъ, и которымъ она повиновалась всегда.—Не правда ли?

— О, конечно.

— Вы никогда не говорили ему что любите его?

— Никогда.

— Но вы говорили мнѣ что любите меня, говорили не разъ, голубка моя?

— Да.

— И это была правда?

Она замолчала съ минуту и отвѣтила опять:—Да.

— И это все еще правда?

Она повторила въ третій разъ: да, но опять такъ что только влюбленный могъ разслышать.

— Если это такъ, никто кромѣ Бога не можетъ разлучить васъ. Вы знаете что меня пригласили придти сюда.

Она кивнула головой.

— Вы знаете для чего? Для того чтобъ я отказался отъ моихъ притязаній на васъ. Я не откажусь. Но я далъ имъ обѣщаніе и долженъ исполнить его. Я сказалъ имъ что освобожу васъ немедленно если вы скажете мнѣ что предпочитаете лорда Ловель, что я самъ предложу вамъ свободу. Я предлагаю вамъ свободу, или лучше сказать я предложилъ бы ее вамъ еслибы вы не отвѣтили уже на мой вопросъ. Могу ли я предложить вамъ ее теперь?—Онъ замолчалъ и поглядѣлъ на нее пристально.—Впрочемъ возьмите назадъ ваше слово если желаете. Если вы думаете что для васъ будетъ лучше выйти за графа только потому что онъ графъ, хотя вы и не любите его, чѣмъ за человѣка котораго вы любите, вы свободны.

Настала минута когда она могла исполнить желаніе своей матери, могла рѣшить что она сохранить свой титулъ и свою знатность, если намѣревалась поступить такъ. Она поглядѣла на него и подумала что онъ несомнѣнно красивѣе графа. Онъ стоялъ съ расширенными ноздрями, съ огнемъ въ глазахъ, съ полуоткрытыми губами, съ поднятою головой. Онъ показался ей образцомъ мужественности. Еслибъ она и желала принять

предложенную имъ свободу, у нея не хватило бы смѣлости на это. Ея друзья плохо знали этого человѣка разрѣшивъ ей видѣться съ нимъ. Онъ повторилъ свое предложеніе.

— Вы свободны если желаете освобожденія. Но я прошу васъ отвѣтить мнѣ.

— Я уже отвѣтила вамъ, Давидъ.

— О, моя благородная дѣвушка! Теперь, сокровище мое, я могу высказать вамъ что я думаю. Не хорошо отдать себя ради знатности и богатства человѣку котораго не любишь. Это гадко, чудовищно гадко. Я не вѣрилъ когда мнѣ говорили что вы намѣреваетесь это сдѣлать. Однако, не зная о васъ ничего и не видавъ нѣсколько мѣсяцевъ...

— Не по моей винѣ.

— Нѣтъ, милая моя, и я утѣшалъ себя повторяя себѣ что вы въ этомъ не виноваты. Если она любитъ меня, она останется вѣрна мнѣ, думалъ я. Однако могъ ли я быть увѣреннымъ что вы вынесете столько испытанийъ ради меня? Но я отплачу вамъ, если можно отплатить за это цѣною жизнью любви и преданности. Во всякомъ случаѣ знайте что я впередъ не буду никогда сомнѣваться въ васъ. Говоря это онъ подвинулся къ ней, намѣреваясь обнять ее, но дверь внезапно отворилась и въ комнату вошла графиня. Портной заговорилъ первый.

— Леди Ловель, я говорилъ съ вашею дочерью и узналъ что она намѣрена исполнить обѣщаніе которое мы дали другъ другу въ Комберландѣ. Само-собою разумѣется что это также и мое намѣреніе.

— Анна! Правда ли это?

— Мама, мама, о мама!

— Если это правда, я никогда не скажу съ тобой ни слова.

— Мама, мама, не смотрите на меня такъ! Вы станете говорить со мною!

— Ты не будешь болѣе моею дочерью.

Говоря это графиня была внѣ себя. Она тотчасъ же омылилась и вошла въ свою роль.

— Я не вѣрю этому, сказала она.—Этотъ человѣкъ оскорбилъ и напугалъ тебя. Онъ знаетъ, онъ долженъ знать что такой бракъ невозможенъ. Этого никогда не будетъ. Мистеръ Твейтъ, я ручаюсь вамъ что вы никогда не будете мужемъ моей дочери.

— Миледи, этотъ вопросъ ваша дочь должна рѣшить сама. Даже теперь, по всѣмъ законамъ божескимъ и человѣческимъ, сколько мнѣ извѣстно, она въ правѣ располагать собою какъ ей угодно. Вы не можете ни выдать ее замужъ безъ ея согласія, ни помѣшать ей выйти за кого она хочетъ. Слуста нѣсколько мѣсяцевъ она сдѣлается совершеннолѣтней и такою же самостоятельною какъ вы.

— Сэръ, я не говорю съ вами. Вы позволяете себѣ слишкомъ много.

— Я пришелъ сюда по вашему приглашенію.

— Теперь же вы хорошо сдѣлаете если увидите. Вы дали обѣщаніе и не сдержали его.

— Нѣтъ. Я далъ обѣщаніе и сдержалъ его. Я сказалъ что предложу ей свободу и предложилъ. Я сказалъ ей и повторяю теперь что если она предпочитаетъ мнѣ своего кузена, я удаюсь. (Графиня взглянула на него и въ свою очередь почувствовала силу его характера. Ей даже показалось что его личное достоинство возвысилось съ тѣхъ поръ какъ онъ получилъ свои деньги).—Но она не предпочитаетъ графа, продолжалъ онъ.— Она отдала свое сердце мнѣ и я сохраняю его. Поднимите голову, дорогая моя, и скажите вашей матушкѣ правда ли то что я говорю.

— Правда, отвѣчала леди Анна.

— Такъ будьте прокляты вы оба! воскликнула графиня бросившись къ двери. Но она тотчасъ же возвратилась.— Мистеръ Твейтъ, сказала она,—я попрошу васъ уйти изъ моего дома немедленно и не возвращаться никогда.

— Я конечно уйду. Прощайте, моя милая. Онъ хотѣлъ взять опять ея руку, но графиня быстро стала между ними и помѣшала ему.—Если ты дотронешься до него, я убью тебя, сказала она дочери.—Что касается васъ, обратилась она къ Даніелю,—вамъ нужны только деньги. Вы получите ихъ, не ея, но мои, если это будетъ необходимо.

— Вы клеветаете, леди Ловель. Мнѣ не нужны ни ваши, ни ея деньги. Мнѣ нужна только дѣвушка которую я люблю, которая отдала мнѣ свое сердце, и она будетъ моею. Прощайте, леди Ловель. Прощайте, милая Анна. Не вѣрьте если вамъ будутъ говорить что я не люблю васъ.

Дѣвушка только взглянула на него и онъ вышелъ изъ комнаты. Мать и дочь остались опять вдвоемъ. Графиня стояла

выпрямившись и глядя на дочь, Анна опутивъ глаза въ землю.

— Должна ли я повѣрить всему что онъ сказалъ? спросила графиня.

— Да, мама.

— Такъ ты возобновила свое обязательство относительно этого негодая?

— Онъ не негодай, мама.

— Ты смѣешь противорѣчить мнѣ? Неужели дошло уже до этого?

— Мама, вы... вы прокляли меня.

— И ты стоишь этого. Ты думаешь что можешь сдѣлать такую визость, можешь уничтожить все что я сдѣлала для тебя, можешь погубить всю нашу фамилию и все это безнаказанно? Ты говоришь что любишь меня.

— Вы знаете что я люблю васъ, мама.

— Однако не боишься лишить меня разсудка.

— Мама, вѣдь вы сами сблизили насъ.

— Неблагодарная! Куда же мнѣ было дѣться съ тобою?

— Какъ бы то ни было, но я жила съ нимъ и конечно не могла не любить его. И не могла перестать любить когда мнѣ сказали что я знатная леди.

— Выслушай меня, Анна. Ты никогда не будешь его женой, никогда! Я скорѣе убью собственными руками его или тебя.— Дѣвушка содрогнулась.—Понимаешь ты меня?

— Не можетъ быть чтобъ вы говорили это серьезно, мама.

— Клянусь Богомъ, я говорю серьезно. Неужели ты думаешь что я останавлиюсь теперь предъ чѣмъ, бы то ни было послѣ всего что я сдѣлала? Неужели ты думаешь что я допущу чтобы дочь моя сдѣлалась женой жалкаго, презрѣннаго портнаго? Никогда, клянусь небомъ! Онъ сказалъ тебѣ что ты освободишься отъ моей власти когда сдѣлаешься совершеннолѣтнею. Я предупреждаю тебя что я этого не допущу если только ты не выйдешь за человѣка занимающаго приличное тебѣ положеніе въ обществѣ. Между тѣмъ ты будешь жить въ своей комнатѣ, а я въ своей. Я не буду имѣть никакихъ сношеній съ тобою пока ты не покоришься мнѣ.

ГЛАВА XXXVII.

Пусть умретъ.

Послѣ сцены описанной въ послѣдней главѣ въ домѣ графини настало весьма печальное время. Хотя сержантъ Бьюстонъ и жена его и совѣтовали графинѣ увезти дочь за границу если результатъ свиданія будетъ неудовлетворителенъ, но они не ожидали такого результата. Всѣ знавшіе о предстоящемъ свиданіи, Бьюстоны, Гоффъ, сэръ-Вальямъ и сама графиня ожидали что леди Анна выйдетъ изъ этого испытанія свободная, и они были почти увѣрены что спустя нѣсколько мѣсяцевъ она дастъ согласіе на предложеніе своего кузена. Генераль-солиситоръ переговорилъ съ графомъ, который былъ все еще въ Лондонѣ, и графъ началъ опять надѣяться что со временемъ ему удастся жениться на наследницѣ. Если же дѣвушка не уступитъ—„увезите ее немедленно, увезите подалше, въ Римъ или въ какое-нибудь другое подобное мѣсто“. Таковъ былъ совѣтъ мистрисъ Бьюстонъ, а въ тѣ дни Римъ считался гораздо дальше чѣмъ теперь. „И не сообщайте вашего адреса никому кромѣ мистера Гоффа“, прибавилъ сержантъ. Графиня приняла этотъ планъ, но когда пришло время ѣхать, представились разныя препятствія. Мистеръ Гоффъ объявилъ что имъ нельзя уѣхать раньше какъ черезъ двѣ недѣли, что присутствіе ихъ необходимо въ Лондонѣ для подписанія нѣкоторыхъ бумагъ и для нѣкоторыхъ формальныхъ удостовѣреній въ ихъ тождественности. Къ тому же наличныхъ денегъ опять не оказалось. Въ послѣднее время было истрчено много и сумма необходимая для отъѣзда не могла быть добыта немедленно. Можно было бы занять ее за большіе проценты, но мистеръ Гоффъ былъ сильно противъ этого. Онъ говорилъ что графинѣ нельзя уѣхать раньше двадцатаго декабря.

Былъ конецъ ноября, и графиня не знала какъ провести время до отъѣзда. Она рѣшила не имѣть никакихъ дружескихъ сношеній съ дочерью. Она даже не сказала ей о своемъ намѣреніи ѣхать за границу. Ея увѣренность что только строгостью можно переломить упрямство дочери укрѣплялась съ каждымъ днемъ. Она заставитъ ее локориться, хотя бы отъ того пострадало ея здоровье, хотя бы пришлось сдѣлать

ее несчастною, хотя бы пришлось ее вогнать въ могилу. Эта женщина въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ жила только для достиженія одной цѣли, цѣли казавшейся иногда близкою, иногда далекою, по временамъ вовсе недостижимую, но до того овладѣвшею ея воображеніемъ что она готова была пожертвовать всѣмъ для ея достиженія. Быть и быть признанною одной изъ высокородныхъ, одною изъ такъ-называемыхъ благородныхъ казалось ей высшимъ счастіемъ. Какъ дочь благородныхъ, но бѣдныхъ родителей, она еще въ дѣтствѣ прониклась этою идеей. Она отказалась отъ всякой надежды на любовь и вышла замужъ за порочнаго графа. Ей пришлось потерпѣть наказаніе, или, какъ ей казалось, совершенно незаслуженное несчастіе, но ея многолѣтняя, мужественная борьба почти искулила проступокъ ея молодости. Ея любовь къ знатности не ослабѣла, но поддерживалась болѣе для дочери чѣмъ для нея самой. Въ теченіе долгихъ лѣтъ скуки, одиночества, лишеній, она мирилась съ своею судьбою въ надеждѣ что придетъ время когда свѣтъ признаетъ ея илгую дочь леди Анной Ловель. Дѣти дразнили Анну, называли ее въ насмѣшку леди Анной, потому что леди Анна была одѣта бѣднѣе ихъ и пользовалась дома меньшимъ комфортомъ чѣмъ каждый изъ нихъ. Проидутъ годы, думала графиня, и всѣ они узнаютъ что Анна, жертва ихъ дѣтской жестокости, дѣйствительно леди. Когда дѣвочка стала дѣвушкой, мечты начала осуществляться. Явилась надежда что не только титулъ и знатность ея дочери будутъ признаны всѣми, но что ей достанется и богатство. Первымъ рѣшительнымъ торжествомъ было дружеское предложеніе со стороны противниковъ. Если леди Анна согласится быть графиней Ловель, сказали ей, вражда можетъ прекратиться и всѣ непріятности уладятся къ общему удовольствію, къ общей выгодѣ и къ общему торжеству.

Легко наполнить воздухомъ полунадутый лузырь. Его такъ тревожитъ его легкость, что онъ впускаетъ въ себя безъ сопротивленія великодушный воздухъ. Воображеніе графиня задевало выше чѣмъ когда-либо когда ей было сдѣлано это предложеніе. Она конечно мечтала о хорошей партіи для дочери, но мечты эти не лишены были и опасеній. Дочь ея получила блестящаго образованія и никогда не жила въ такой обстановкѣ какая окружаетъ съ дѣтства дѣвушекъ того круга общества изъ котораго графы берутъ себѣ жемъ. Она можетъ показаться грубою и дурно воспитанною въ сравненіи

съ дѣвушками которая съ коамбелл пользуются всеми преимуществами богатства и знатности. Однако дочь ея была кротка, добра, привлекательна и красива даже въ своихъ жалкихъ нарядахъ которыми была обязана преимущественно щедрости лортоваго. И графиня то отчаивалась, то надѣялась. Но самыя смѣлыя мечты ея были ничто въ сравненіи съ тѣмъ что ей было предложено. Бракъ съ графомъ Ловелемъ не только поставилъ бы ея дочь въ положеніе вполне приличное для дочери графа Ловеля, но доказалъ бы всему свѣту что и она, несчастная женщина, вынесшая столько униженій и оскорбленій, была и есть графиня Ловель.

Она отдалась всецѣло этой мечтѣ. Тогда, почти впервые, почувствовала она что для достиженія цѣли ея жизни необходимо чтобы дочь, которую она любила такъ сильно, была покорнымъ орудіемъ въ ея рукахъ. Она хотѣла чтобы дочь согласилась на предложенный бракъ когда Анна еще не видала графа, и вышла изъ себя когда она оказала сопротивленіе. Отказъ Анны былъ естественнымъ отказомъ для дѣвушки, но графиня думала что она не должна быть похожа на другихъ дѣвушекъ, что она обязана быть благоразумнѣе и понимать чего требуетъ отъ нея особенность ея положенія, а не предаваться подобно другимъ мечтамъ о любви. Но дочь думала иначе, и пришлось отпустить ее въ Іоксамъ. Вскорѣ затѣмъ графиню постигъ страшный ударъ. Она узнала отъ мистера Гоффа, которому сообщили это другіе юристы, что дочь ея объявила сама своему благородному кузену что она уже помолвлена съ лортовымъ. Узнавъ это графиня готова была умереть проклявъ дочь за такую черную неблагодарность.

Но она не потеряла надежды. Процессъ не былъ еще оконченъ, и она была окружена людьми съ которыми могла совѣговаться. Случившееся было несомнѣнно большимъ несчастіемъ, но надежда, и весьма основательная, была еще возможна. Графу не хотѣлось отказаться отъ дѣвушки, и хотя признаніе ея очень смутило, оскорбило и унизило его, онъ согласился смотрѣть на ея поступокъ съ точки зрѣнія другихъ. Лортой пріобрѣлъ вліяніе надъ дѣвушкой когда она была еще ребенкомъ, сказали ему, лортой ищетъ денегъ и удовлетворится деньгами. Дѣтское увлеченіе простительно, и графу слѣдуетъ настаивать. Никто не узнаетъ объ этой помолвкѣ, и она будетъ забыта какъ дѣтская ошибка. Графиня помири-

лась также съ этимъ планомъ, но она не поговорила благомеренной лжи. Она знала что леди Аннѣ было двадцать лѣтъ когда она приняла предложеніе портнаго. Дочь обманывала ее, обманывала говоря что не любитъ никого, обманывала еще хуже скрывая свой ложный взглядъ на свое общественное положеніе. Симпатія которую выказывала ей дочь въ теченіи столькихъ лѣтъ была притворною симпатіей. Съ такими чувствами въ душѣ графиня не могла оказать ей ни одного милого слова когда она возвращалась изъ Іоксама. Графиня потребовала съ непреклонною строгостію чтобы дочь отказалась отъ своего унизительнаго намѣренія. Дочь не уступила, но не имѣла достаточно мужества чтобы сказать что не уступитъ никогда. Мы знаемъ что она была изгнана изъ дома матери и что избавившись отъ суровой настойчивости матери, подверглась болѣе мягкому, но не менѣе твердому употребленію мистрисъ Блюстонъ. Время ея пребыванія въ Бедфордъ-Скверъ было для нея все время колебаній и сомнѣній. Въ Іоксамѣ она болѣе чѣмъ сомнѣвалась. Тамъ прелесть ея новой жизни едва не соблазнила ее. Когда молодой графъ переводилъ ее въ Болтонъ по камнямъ черезъ рѣку, она готова была уступить ему. Но она сознала свою слабость, она почувствовала нѣчто похожее на отвращеніе къ перемѣнчивой сладости, она сдѣлала надъ собою усиліе чтобы остаться честною, и избѣжала западни.

Тѣмъ не менѣе всѣ кто наблюдалъ за ней въ это время были увѣрены что въ концѣ концовъ она уступитъ графу. Никто не хотѣлъ вѣрить чтобы такая дѣвушка могла выйти за портнаго. Даже генераль-солиситоръ, приводя романтическіе примѣры такихъ браковъ, былъ почти увѣренъ что леди Анна и ея богатство достанутся со временемъ его клиенту. Онъ такъ разчитывалъ на это, что рекомендовалъ своему клиенту сватовство вмѣсто тяжбы. И онъ былъ правъ, потому что присяжные не могли бы сдѣлать ничего для его клиента.

При такомъ положеніи дѣлъ умные люди рѣшили что дѣвушка не принимаетъ предложеніе графа только потому что считаетъ нужнымъ получить сначала освобожденіе отъ своего перваго возлюбленнаго. Леди Анна была безъ сомнѣнія дѣвушка съ характеромъ, но судя по ея приемамъ, потому что словами она не высказала ничего, всѣ окружавшіе ее были увѣрены что заключеніе ихъ нѣрно. Къ невыразимому старанию графини, раздѣлявшей однако мнѣніе другихъ, свиданію

мало устроено, и мы знаем его результатъ. Леди Анна, долго ослабшавшая и начинавшая уже сомнѣваться въ вѣрности дѣлея Твейта, возобновила свое обязательство, подтвердила свои обѣщанія и была теперь связана крѣпче чѣмъ прежде съ человѣкомъ котораго графиня считала своимъ злѣйшимъ врагомъ.

Но графиня рѣшила что этого брака не будетъ, хотя бы и пришлось застрѣлать Твейта предъ самымъ алтаремъ.

Вѣдь она должна была покориться тяжелой необходимости сказать о своемъ горѣ другимъ, людямъ которые не могли сочувствовать ей, хотя раздѣляли ея желанія. Она не могла сдѣлать шага относительно дочери безъ вѣдома юристовъ. Необходимо было также чтобы лордъ Ловель узналъ о результатѣ свиданія. Его дальнейшее поведеніе зависѣло во многомъ отъ отношеній отъ рѣшенія вопроса можетъ ли онъ возобновить свое сватовство. Онъ уже зналъ что леди Анна повидается съ портнымъ для того чтобы она могла возобновить себя отъ своего перваго обязательства. Это не могло быть ему пріятно, но онъ покорился. Мистеръ Фликъ шелъ на себя обьявить ему объ этомъ и увѣрить его что все устроится какъ нельзя лучше. Графъ хмурился и былъ очень сухъ съ мистеромъ Фликомъ. Внимательство адвоката въ его сердечныя дѣла и поведеніе его возлюбленной или не по душѣ графу Ловель. Но онъ покорился и теперь долженъ былъ узнать о результатѣ. О, небо! какія адскія муки причиняла эта дѣвушка своимъ высокороднымъ родственникамъ. Но въ Іоксамъ вѣсть о послѣднемъ посвященіи портного достигла только спустя нѣсколько мѣсяцевъ.

„Мистеръ Гоффъ поступилъ очень не благоразумно задержать графиню“, оказалъ генералъ-солдаторъ мистеру Флику гда узналъ объ этомъ. — „Деньги! Она могла бы достать олько угодно денегъ. Я первый далъ бы ей ихъ. И вы конечно же.“ „О, конечно“, оказалъ мистеръ Фликъ, хотя ему все не нравилась мысль снабжать деньгами противницу своего кліента. — „Я не знаю можно ли поступить такъ“, промолвилъ сэръ-Вильямъ. — „Вотъ что значитъ довѣрять людямъ заслуживающимъ довѣрія.“ Какъ бы то ни было, но поправить ошибку было уже поздно. Леди Анна лежала въ горячкѣ, при доктора дѣлшіе ея не надѣялись что она встанетъ. — „Нечто ли было бы если бы она умерла?“ спрашивала себя ея мать стоя надъ ея постелью. „Лучше умереть чѣмъ быть

женой Даниэля Твейта, рѣшила она. „Но какъ было бы хорошо еслибъ она выдоровила и вышла замужъ за графа!“ Графиня все еще любила дочь, любила какъ только можетъ любить мать свое единственное дитя, мать у которой въ жизни никакихъ надеждъ кромѣ тѣхъ что основаны на этомъ единственномъ дѣтищѣ. Но другая страсть до того овладѣла ея душой что почти подавила материнскія чувства. Да того ли она боролась столько лѣтъ чтобы потерять параніе когда торжество было такъ близко? Смерть дочери освободила бы ее по крайней мѣрѣ отъ ея ужасныхъ опасеній и будущее.

Однако три доктора были приглашены, одинъ за другимъ за больной ухаживали какъ будто жизнь ея была такъ же дорога для ея матери какъ дорога жизнь единственной дочери для всякой другой матери.

Вѣсть о ея болѣзни возбудила новое волненіе между престолами.

— Говорятъ что Клеркъ и Голландъ не надѣются на излеченіе, сказалъ мистеръ Флакъ сэръ-Вильяму.

— Какъ жаль, сказалъ солиситоръ.— Впрочемъ дѣвушкамъ здравливаютъ иногда вопреки докторамъ.

— Совершенно вѣрно, сэръ-Вильямъ, совершенно вѣрно. Однако, еслибъ ихъ предсказаніе оправдалось, это было бы лишнимъ для нашего каісата.

— Не дай Богъ чтобы причиной его обогащенія была смерть его кузины. Къ тому же ея наследницей будетъ ея мать.

— Графиня предана графу. Намъ слѣдовало бы сдѣлать что-нибудь, сэръ-Вильямъ. Не думаю чтобы родовою собственностію каинювъ болѣе чѣмъ тысячь на восемь или на десять. Этотъ старикашка совалъ свои деньги куда только могъ. Если даже паи на желѣзные прѣиски въ Аллеганекскихъ горахъ стоице Богъ знаетъ сколько.

— Намъ-то вѣтъ отъ нихъ никакой пользы, возразилъ геральдъ-солициторъ, подразумѣвая интересы своего каісата.

— Ни малѣйшей, а они приносятъ двадцать процентовъ. Онъ кажется билъ на то чтобъ его прямой наследникъ и получилъ ничего если даже завѣщаніе будетъ уничтоженомъ Низкій старикъ!

— Необыкновенно низкій, мистеръ Флакъ.

— Ужасный человекъ! Но намъ право слѣдовало бы сдѣлать что-нибудь. Если дѣвушка не выйдетъ за графа, и

должны будемъ потребовать какой-нибудь уступки за все что мы сдѣлали.

— Конечно не выйдетъ, такъ какъ ей суждено умереть, мистеръ Фликъ.

Слустья вѣсколько дней послѣ этого разговора, сэръ-Вильямъ побѣдилъ графиню чтобъ узнать о здоровьи леди Анны, но не имѣя въ виду говорить объ уступкѣ. Теперь было не время для этого, хотя положеніе графа было дѣйствительно плохое. Графиня выдавалась доходы съ наслѣдства, да и все состояніе принадлежало уже ей и ея дочери и оставалось исполнить только вѣкоторыя формальности для того чтобъ оно поступило въ ихъ полное распоряженіе, графъ же не получалъ ничего, и не могъ получить ничего и это было уже всѣмъ извѣстнымъ фактомъ. До сихъ поръ молодой человѣкъ пользовался по крайней мѣрѣ хорошимъ кредитомъ. Когда старый графъ умеръ и завѣщаніе было признано недействительнымъ, всѣ считали его наслѣдникомъ. Когда начался процессъ, всѣ полагаали что дружеская сдѣлка лучшее что его можетъ ожидать. Затѣмъ бракъ считался почти дѣломъ рѣшеннымъ, а такъ какъ онъ имѣлъ и свою небольшую собственность, торговцы вѣрили ему охотно. Нельзя сказать чтобъ онъ былъ расточителемъ, но онъ былъ графъ, а графу трудно жить своимъ домомъ въ провинціи на тысячу фунтовъ въ годъ, хотя бы у него былъ дядя содержащій на свой счетъ его лошадей. Нѣкоторые осторожные кредиторы уже требовали своихъ денегъ, и графъ былъ въ большомъ затрудненіи. Мистеръ Фликъ былъ правъ говоря что пера сдѣлать для него что-нибудь. Но сэръ-Вильямъ все еще надѣялся что бракъ состоится, если только леди Анна выздоровѣетъ. Такія дѣвушки всегда предпочитають графовъ ремесленникамъ. Надо только не торопиться и дѣйствовать осторожно.

— Надѣюсь что вы не сочтете мое посѣщеніе неумѣстнымъ, сказалъ сэръ-Вильямъ.—Графиня, одѣтая вся въ черное, съ глубоко впавшими глазами, съ мрачною тревогой проглатываяшею во всѣхъ чертахъ ея красиваго лица, встрѣтила его съ любезностью полною грусти и граціи. Она очень рада познакомиться съ нимъ, она не находить ничего неумѣстнаго въ его посѣщеніи, она надѣется что онъ извинитъ ее если знаетъ въ какомъ она горѣ.

— Я пріѣхалъ узнать о здоровьи вашей дочери, сказалъ онъ.

— Она была очень больна, сэръ-Вильямъ.

— Но теперь ей лучше?

— Сегодня утромъ доктора кажется вамъ что горячка начинаетъ ослабѣвать.

— Такъ она выздоровѣетъ, леди Ловель.

— Они этого не сказали. Да я и не спрашивала ихъ. Пусть будетъ воля Божія. Я право думаю иногда что было бы лучше еслибъ она умерла и избавила насъ ото всѣхъ нашихъ непріятностей.

Сэръ-Вильямъ и графиня видѣлись въ первый разъ, и юристъ не могъ скрыть ужаса съ которымъ онъ услышалъ что мать можетъ говорить такимъ образомъ о своей единственной дочери.

— О, леди Ловель, не говорите этого.

— Но я это думаю и почему мнѣ не сказать это вамъ, кому известно все. На что послужитъ ея жизнь ей самой и другимъ, если она обезчеститъ себя и свою фамилію такимъ бракомъ? Было бы лучше еслибъ она умерла, гораздо лучше. Моя дочь все что у меня есть дорогаго въ мірѣ, сэръ-Вильямъ. Ради нея я боролась всю жизнь, съ того самаго дня какъ узнала что буду матерью. Доказать что она дочь графа Ловель было единственною цѣлью моей жизни. Знаете ли вы что значитъ имѣть впереди одну только цѣль, преслѣдовать эту цѣль въ теченіи цѣлой жизни съ непрерывною настойчивостью, и не для себя, а для другаго. Еслибы вы испытали это, вы знали бы что я чувствую теперь. Для нея самой лучше умереть чѣмъ выйти замужъ за Даниела Твейта.

— Леди Ловель, не только какъ мать, но какъ христіанка вы обязаны заглушить въ себѣ такіа чувства.

— Конечно обязана. Я знаю что каждый священникъ сказалъ бы мнѣ это. Говорить легко, сэръ. Подождите пока васъ самихъ не постигнетъ испытаніе. Подождите пока всѣ ваши расчеты не будутъ обмануты, пока всѣ ваши надежды не будутъ разбиты, пока всѣ почести которыхъ вы добились не будутъ отняты, пока васъ не одѣлаютъ жертвой общаго презрѣнія и сожалѣнія и тогда скажите мнѣ: любите ли вы дочь которая навлекла на васъ всѣ эти несчастія.

— Надѣюсь что меня никогда не постигнетъ такое испытаніе, леди Ловель.

— Дай Богъ, но подумайте о немъ прежде чѣмъ проповѣдовать мнѣ. Я люблю мою дочь и любя ее не могу не желать чтобъ она избѣжала упрековъ которые она навлекла бы на

себя своимъ безуміемъ. Пусть умретъ, если на то воля Божья. Я послѣдовала бы за ней безъ сожалѣнія объ этой жизни. И тогда благородная фамилія возвысилась бы опять и исторія моей дочери разказывалась бы со слезами, а не съ проклятіями.

ГЛАВА XXXVIII.

У постели леди Анны.

Прошелъ декабрь, люди отпраздновали веселое Рождество, январскіе свѣги и морозы прекратились, настала февраль и почти прошелъ прежде чѣмъ доктора рѣшились сказать что жизнь леди Анны въ опасности. Въ теченіи этого долгаго періода свѣтъ зналъ весь ходъ ея болѣзни, какъ онъ зналъ паче имѣлъ претензію знать всю исторію ея жизни. Услыша что она умираетъ, свѣтъ весьма искренно жалѣлъ о ней. Свѣтъ интересовался ею, онъ много слышалъ объ ея молодости и красотѣ, о романичности ея исторіи, объ ея преданности портному, о преслѣдованіяхъ которыя она вынесла изъ-за него. Во время ея болѣзни свѣтъ рѣшилъ что портной самый малый и что онъ стѣбитъ того чтобы протянуть ему руку. Твейтъ былъ теперь человекъ съ деньгами и многіе думали что не дурно было бы ввести его въ какой-нибудь клубъ. Клубъ Бофортъ былъ сильно расположенъ принять его если онъ будетъ предложенъ, принять не потому что онъ жеманъ богатой наслѣдницы, но потому что лишается наслѣдницы на которой могъ бы жениться. Самъ лордъ Ловель могъ бы ввести его еслибы дѣвушка умерла. Даниель не зналъ ничего объ этихъ толкахъ, но когда другіе услышали о болѣзни леди Анны, услышалъ и онъ.

Лишь только эта новость дошла до него, дошла путями казавшимися ему сомнительными, онъ отправился немедленно въ Келлея-Стритъ, постучался въ дверь графини и спросилъ правда ли что леди Анна больна. Да, леди Анна очень больна, отвѣтила ему горничная Сара отворившая дверь. Но такъ какъ Сара видѣла его когда онъ приходилъ къ ея молодой госпожѣ и слышала о немъ достаточно чтобы знать что его можно третировать съ пренебреженіемъ, она захолоула дверь лишь только отвѣтила на его первый вопросъ и не сказала объ его приходѣ никому кромѣ графини. Даниель отправился

къ одному изъ докторовъ лѣчившихъ Анну и терпѣливо дождался его удвери. Несчастнѣйшій разказалъ ему откровенно свою исторю. Онъ, Даніель Твейтъ, изъ Кесвика, и леди Анна помогалъ съ нимъ. Не скажете ли ему докторъ изъ человѣколюбія и сожалѣнія къ нему въ какомъ положеніи его возлюбленная. Докторъ протянулъ ему руку, пригласилъ его войти и исполнилъ его просьбу. Возлюбленная его была въ это время при смерти. Узнавъ это, Даніель написалъ графинѣ, прося ее самымъ смиреннымъ тономъ позволить ему взглянуть на леди Анну въ послѣдній разъ, такъ какъ онъ слышалъ что она умираетъ, и поцѣловать ея руку. Онъ отвесъ это письмо самъ и остался ждать отвѣта на улицѣ. Часъ спустя ему возвратили его распечатанное письмо безъ всякаго отвѣта. Онъ ушелъ слишкомъ убитый чтобы проклинать, но сказалъ себѣ что такую жестокою женщиной можетъ быть только графиня.

Въ началѣ февраля, когда свѣтъ узналъ что есть надежда на выздоровленіе леди Анны, узналъ это и Даніель Твейтъ. Онъ вообще получалъ болѣе вѣрныя извѣстія о ней чѣмъ свѣтъ, такъ какъ докторъ остался его другомъ. Не возьмется ли докторъ передать отъ него нѣсколько словъ леди Аннѣ? Нѣтъ, докторъ не согласилась быть посредникомъ между ними, но былъ не прочь сообщать влюбленному бюлетени о здоровьѣ своей пациентки, и Даніель зналъ раньше многихъ обстоятельствъ къ лучшему въ ея положеніи.

Совершеннолѣтіе леди Анны должно было исполниться въ маѣ и планъ ея жениха былъ слѣдующій. До ея совершеннолѣтія онъ не предприметъ ничего, но лишь только оно исполнится, онъ ловидается съ ней чтобы получить отъ нея разрѣшеніе огласить ихъ свадьбу въ Блумсберійской церкви. Онъ уже перѣхалъ въ Россель-Стритъ, полагая что его пребываніе въ приходѣ облегчитъ ему исполненіе его плана. Если же ему помѣшаютъ сговориться или списаться съ ней, онъ обратится къ помощи полиціи и заявитъ что ее держать въ незаконномъ заключеніи. Ему говорили что такое заявленіе съ его стороны не будетъ имѣть значенія, что оно должно быть сдѣлано самою леди Анной, но онъ надѣялся этимъ способомъ дать ей возможность высказаться самой. Пусть кто-нибудь спроситъ ее чего она желаетъ, и онъ покорится ея рѣшенію.

Между тѣмъ графъ Ловель былъ также въ безпокойствѣ,

но его безлокойство было принято совѣтъ иначе. Онъ бывалъ у графини ежедневно и они очень сблизились. Когда больная была при смерти и всѣ окружавшіе ее говорили объ ея смерти съ грустною увѣренностью, графиня сказала молодому графу что состояніе ея дочери перейдетъ къ нему. Онъ пробормоталъ что-то о томъ что не имѣлъ на это никакого права.—„Кому же другому должно оно достаться“, спросила графиня.—„Ваши родные не понимаютъ меня. Я боролась безъ устали столько лѣтъ не для чего другаго какъ для чести фамиліи. Никто не знаетъ какъ я мало дорожу богатствомъ себя самой.“ Но дѣвушка начала поправляться и графиня предалась снова своимъ прежнимъ мечтаніямъ и планамъ. Она увезетъ дочь за границу въ апрѣль, если будетъ возможно. Онъ отправятся на югъ Франціи, затѣмъ въ Швейцарію и въ Тироль. Не хочетъ ли лордъ Ловель сопровождать ихъ. Онъ хорошо бы сдѣлалъ еслибы поѣхалъ съ ними и продолжалъ настаивать на своемъ сватовствѣ. Что касается расходовъ, деньги у нихъ были бы общія. На что же и нужны имъ деньги какъ не на поддержку знатности и величія Ловелей. Графъ принялъ это предложеніе. Онъ тоже любилъ Анну, по крайней мѣрѣ ему казалось во время ея болѣзни что онъ любитъ ее всѣмъ сердцемъ. Онъ проводилъ у графини каждый день по нѣсколько часовъ, входилъ иногда къ больной когда она бывала въ безпамятствѣ, потомъ сталъ входить ежедневно.

— Тебѣ не слѣдуетъ говорить съ нимъ, сказала ей однажды графиня,—но онъ такъ безлокоится о тебѣ что нельзя не позволить ему видѣть тебя. Графъ цѣловалъ ея руку и въ присутствіи матери у нея не хватало мужества, а можетъ-быть не хватало и силы отнять ее. Въ это время графиня не была такъ сурова съ ней какъ прежде. При ухаживаніи за больнымъ подобная суровость невозможна. Но она никогда не называла дочь нѣжными, ласкательными именами, никогда не цѣловала ее и была скорѣе заботливою сидѣлкой чѣмъ нѣжною матерью.

Дѣвушка мало-по-малу поправилась. Она начала говорить.

— Мама, сказала она однажды,—не посидите ли вы со мной?

— Нѣтъ, другъ мой, тебѣ не слѣдуетъ говорить.

— Посидите только возлѣ меня и дайте мнѣ подержать вашу руку.

Графиня уступила, сѣла возлѣ дочери и позволила ей взять свою руку подъ одѣяло, но спустя минуту она рѣзко отняла

ее и встала. Она вспомнила свое горе, вспомнила что если дочь ея умретъ, умретъ съ сердцемъ разбитымъ ея непреклонною жестокостью, это будетъ все же лучше чѣмъ если она подумаетъ что мать склонна уступить ей. Графиня встала и отошла отъ постели не сказавъ ни слова.

— Мама, будетъ у насъ сегодня лордъ Ловель? спросила Анна.

— Вѣроятно будетъ.

— Не позволите ли вы мнѣ поговорить съ нимъ немного?

— Никто не запрещаетъ тебѣ говорить съ нимъ.

— Мнѣ теперь лучше, мама, и я думаю что выздоровлю. А какъ мнѣ хотѣлось умереть.

— Тебѣ вредно говорить объ этомъ, другъ мой.

— Но мнѣ хотѣлось бы поговорить съ нимъ безъ васъ, мама.

— Что же ты скажешь ему, Анна?

— Я сама не знаю хорошенько что я скажу ему, но мнѣ нужно поговорить съ нимъ. Я скажу ему вѣчто о деньгахъ.

— Не могу ли я передать это ему?

— Нѣтъ, мама, я скажу сама если позволите.

Графиня поглядѣла на дочь подозрительно, но дала позволеніе. Лордъ Ловель былъ не Даніель Твейтъ, ему можно было позволить видѣться съ Анной. Графиня хотѣлось взять съ нея обѣщаніе что о Даніелѣ Твейтѣ не будетъ сказано ни слова, но это имя не было произнесено ими въ разговорахъ другъ съ другомъ ни разу съ тѣхъ поръ какъ дочь заболѣла и графиня не рѣшилась произнести его олять. Къ тому же она не могла отложить надолго свиданіе о которомъ просила дочь.

— Онъ войдетъ къ тебѣ если захочетъ, сказала она,—но надѣюсь что ты будешь помнить кто ты и съ кѣмъ ты говоришь.

— Я буду помнить и то и другое, мама, отвѣчала леди Анна. Графиня посмотрѣла на дочь и не могла не почувствовать что дѣвушка стала теперь другою чѣмъ была до болѣзни. Въ ея послѣднихъ словахъ слышался почти вызовъ, хотя они были сказаны голосомъ больной.

Въ этотъ день графъ пріѣхалъ по обыкновенію въ три часа пополудни и графиня объявила ему тотчасъ же что кузина его желаетъ поговорить съ нимъ.

— Она говоритъ что о деньгахъ, прибавила графиня.

— О деньгахъ?

— Да, и если она оградичится этимъ, согласитесь на то

что она предложить вамъ. Если она выйдетъ за васъ, состояніе сдѣлается общимъ, если нѣтъ, ему лучше быть въ вашихъ рукахъ чѣмъ въ ея. Черезъ три мѣсяца она будетъ въ правѣ распорядиться имъ какъ ей заблагоразсудится.

Она ввела его въ комнату Анны.

— Вотъ твой кузень, сказала она.—Помни что тебѣ вредно говорить долго. Если ты намѣрена поговорить съ нимъ, какъ съ главою семейства, о состояніи, ты права, но ограничишься пока этимъ.

Графиня оставила ихъ вдвоемъ и затворила дверь.

— Я хочу говорить не о деньгахъ только, лордъ Ловель.

— Вы могли бы называть меня теперь Фредерикомъ, сказалъ онъ нѣжно.

— Нѣтъ, не теперь. Если я выздоровѣю и мы будемъ друзьями, я стану называть васъ по имени. Я слышала что состояніе очень велико, сотни тысячъ фунтовъ, я все забываю сумму.

— Не тревожьтесь теперь о деньгахъ.

— Но я очень тревожусь. Я знаю что эти деньги должны принадлежать вамъ. Мнѣ нужно сказать вамъ нѣчто и вы должны повѣрить мнѣ. Если когда-нибудь я буду чьею-нибудь женой, то буду женой Давиэля Тьейта. (Лицо его приняло опять такое же мрачное выраженіе какъ въ тотъ разъ когда она объявила ему объ этомъ впервые.) Я прошу васъ вѣрить этому. Мама не вѣритъ, не хочетъ вѣрить, но это такъ. Я люблю его всѣмъ сердцемъ. Я думаю о немъ каждую минуту. Какъ жестоко что мнѣ не позволяютъ имѣть извѣстія о немъ и послать сказать ему что-нибудь о себѣ. Слушайте. Вотъ моя рука на Библии и я клянусь вамъ что если мнѣ суждено быть чьею-нибудь женой, я буду его женой.

Онъ поглядѣлъ на нее и замѣтилъ что она худа, блѣдна и слаба и у него не хватило духа повторить ей старую фамильную проповѣдь о знатности и о ея общественномъ положеніи.

— Но для чего говорите вы мнѣ это, теперь, Анна, спросилъ онъ.

— Для того чтобы вы повѣрили мнѣ и не думали болѣе обо мнѣ. Вы должны вѣрить мнѣ когда я говорю это вамъ такимъ образомъ. Я можетъ-быть умру. Но если выздоровѣю, я пошлаю къ нему или пойду сама. Ничто не остановитъ меня. Онъ вѣренъ мнѣ и я буду вѣрна ему. Можете сказать это маме, если считаете нужнымъ. Она не хочетъ вѣрить мнѣ,

но можетъ-быть повѣрить вамъ. Но было бы нехорошо если бы всѣ деньги достались ему. Онъ самъ не возьметъ ихъ. Пока я не замужемъ, я могу дѣлать съ вами что хочу, и я хочу отдать ихъ вамъ.

— Но это невозможно.

— Очень возможно. Я знаю что могу сдѣлать ихъ ваши если захочу. Я слышала что вы... что вы не такъ богаты какъ бы слѣдовало быть лорду Ловель. Это было причиною вашего сближенія со мной.

— Клянусь Богомъ, Анна, я полюбилъ васъ всѣмъ сердцемъ.

— Это не случилось бы еслибы вы не выдали меня. Не передадите ли вы вѣчто отъ меня Давіелю Твейту?

Онъ подумалъ и отвѣтилъ:—Нѣтъ, я не могу взять это на себя.

— Такъ я найду другаго посредника. Можетъ-быть мистеръ Гоффъ возьмется сдѣлать это. Я хочу только чтобы мистеръ Твейтъ сказалъ мнѣ сколько денегъ хочетъ онъ оставить. Остальное будетъ ваше. Если вы скажете мамъ, попросите ее быть свисходительнѣе ко мнѣ.

Онъ не зналъ что сказать ей. Онъ взялъ ее руку и хотѣлъ поцѣловать ее, но она приподнялась на локтѣ, покачала головой и отняла руку.

— Рука моя принадлежитъ Давіелю, сказала она.

Графъ ушелъ не сказавъ ни слова.

— О чемъ говорила она? спросила графиня пытаясь улыбнуться.

— Не знаю могу ли я сказать вамъ.

— Вы обязаны сказать мнѣ, лордъ Ловель.

— Она предложила мнѣ все свое состояніе, или большую часть его.

— И хорошо сдѣлала.

— Но она поклялась мнѣ, положивъ руку на Библию, что никогда не будетъ моею женой.

— Вздоръ! Это ничего не значить.

— О, нѣтъ, это значить много. Это значить все. Она никогда не любила меня, никогда. Она полюбила другаго прежде чѣмъ узнала меня и она слишкомъ тверда чтобы измѣнить.

— Сказала она это?

Онъ подумалъ съ минутою и отвѣчалъ:—Да, сказала.

— Такъ пусть умретъ! воскликнула графиня.

— Леги Ловель!

— Пусть умретъ. Это будетъ лучше. О, Боже! думала ли я дожить до этого? А вы, милордъ, какъ намѣрены вы поступить? Неужели вы хотите оставить ее.

— Развѣ я могу предложить ей опять быть моею женой?

— Почему же нѣтъ? Потому что она отказала вамъ теперь, когда она больна, когда она въ безпамятствѣ, когда она повторяетъ въ бреду его слова? Неужели вы не находите въ себѣ достаточно мужества чтобы простить это? Неужели вы такъ малодушны?

— Я думаю что поступилъ очень малодушно сдѣлавъ ей предложеніе вторично.

— Нисколько. Ваши обязанности и мои одѣ и тѣ же. Мы должны забыть о себѣ спасая фамилію. Развѣ я не выношу всего? Развѣ я не вынесла всего — презрѣнія, одиночества, оскорбленій и теперь неблагодарности моей дочери? Но я все еще не утратила мужества. Возьмите состояніе если вамъ предлагаютъ его.

— Я не могу взять его.

— Вы должны, если не для себя, такъ для своихъ дѣтей. Возьмите все для того чтобы мы могли быть сильнѣе. Но не покидайте насъ, если вы мужчина.

Онъ не сталъ слушать далѣе ея увѣщанія, онъ убѣжалъ отъ нея полный сомнѣній и горя.

(Продолж. слѣд.)

РЕКЛАМА

ВЪ ТОРГОВЛѢ И ЖУРНАЛИСТИКѢ

ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННЫХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ПРАВОВЪ.

Мнѣ показалось не лишнимъ интереса побесѣдовать о *рекламѣ*. Сила эта теперь на очереди. Къ ней прибѣгаютъ всѣ, мелкій торгашъ и крупный финансистъ, поэтъ, журналистъ и политическій дѣятель.

Не изученіе, не изслѣдованіе имѣю я намѣреніе здѣсь представить,—я только хочу слегка коснуться эмпирическаго средства пролаганды, извѣстности, славы и успѣха названнаго неизвѣстно почему, рекламою.

Какъ паръ, какъ электричество, эта сила—пріобрѣтеніе нашего практичнаго вѣка, но гордиться этимъ пріобрѣтеніемъ намъ нечего. Всякая другая сила, смотря по тому дурно или хорошо она направлена, бываетъ благотвельна или вредна; реклама же, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, сила исключительно вредная.

„*Donnez moi 100.000 francs de réclames, et avec un franc cinquante en poche je me fais fort de monter n'importe quelle affaire*“, говаривалъ часто извѣстный финансистъ, публицистъ и аферистъ Веронъ, достигшій, одинъ изъ первыхъ, блестящую будущность которую нашъ меркантильный, практичный вѣкъ готовилъ рекламѣ.

Лѣтъ тридцать тому назадъ, съ легкой руки геніальнаго Барнума, американскій *humbug* переплылъ Атлантическій океанъ и какъ всякое полезное нововведеніе, подъ именемъ

рекламы отаично принялся на европейскомъ материкѣ, принялся такъ хорошо что въ настоящую минуту, въ любомъ „центръ“, отой онъ на берегахъ Темзы, Сены, Невы, можно легко подобрать прекраснѣйшую коллекцію доморощенныхъ Барнумовъ могущихъ заткнуть за поясъ своего заатлантического прототипа.

Пока реклама оставалась принадлежностью коммерціи и спекуляціи, приемы ея были, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, довольно вульгарны. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, восхищались умнѣемъ нѣкоего англійскаго рекламиста завлекать читателя длиннѣйшими статьями о современныхъ вопросахъ, заканчивающимися диэпрамбическими разглагольствіями о такой-то ваксѣ, о такихъ-то бѣдлахъ съ приложеніемъ адресовъ. Иногда разказывалось какое-нибудь „несчастіе“ или необычайное происшествіе гдѣ рекомендованный фабрикатъ игралъ благотѣтельную роль. При этомъ, разумѣется, адресъ.

Такъ напримѣръ, въ одной изъ большихъ лондонскихъ газетъ появилась разъ довольно длинная статейка въ дневникѣ происшествій. Дѣло шло о крушеніи корабля: Такого-то числа изъ Ливерпуля пароходъ (названіе судна, число пассажировъ и пр.) отплылъ въ Австралію. Послѣ довольно счастливаго плаванія, пароходъ былъ застигнутъ страшною бурей (картинное описаніе бури) въ неизвестныхъ водахъ. Корабль разбился у береговъ какого-то острова. Большая часть пассажировъ спаслась и „хотѣла уже благодарить Бога за чудесное спасеніе какъ вдругъ была окружена огромною толпою вооруженныхъ туземцевъ.“ (Слѣдуетъ описаніе наружнаго вида дикихъ.) Туземцы оказались людоедами и приступили немедленно къ изготовленію сытнаго обѣда изъ новоприбывшей свѣжей провизіи. Несчастные пассажиры были избиты одинъ за другимъ (здѣсь трогательный эпизодъ о пасторѣ, отрывокъ предсмертной рѣчи). Наконецъ остался только одинъ молодой человекъ, лондонскій уроженецъ. „Онъ уже приготовился къ смерти.... разъяренная толпа людоедовъ бросается на несчастнаго.... замирая отъ тоски и отчаянія юноша опустил голову.... Но что это? его не трогаютъ; разъяренные кровожадные тигры превратились въ агнцевъ. Молодой человекъ людоеды: толпа дикихъ обступила его выражая различными знаками почтеніе и удивленіе. Ближайшіе цѣловали ему ноги. Далѣе разказывалось что молодого лондонскаго уроженца понесли на носилакахъ внутрь острова, что дикіе

провозгласили его своимъ королемъ, что чрезъ нѣсколько времени онъ вернулся въ Англiю съ огромными богатствами и пр. „Что же спасло молодого человѣка?“ спрашивалось по концѣ; что избавило его отъ ужасной смерти? — Салог!!! Дикіе пораженные блескомъ салогъ юноши сочли его не и простаго смертнаго.... Молодой человѣкъ покупалъ всегда въ су въ такомъ-то магазинѣ (подробный адресъ).

Вскорѣ однакожь эти приемы оказались недѣйствительными. Опытный читатель, съ первыхъ же словъ, разкусывалъ въ чемъ дѣло и бросалъ статью въ сторону не взглянувъ даже а это главное! — на адресъ фабриканта. Народъ сталъ практичнѣе, и сердился когда его заставляли терять время по-прасну. По этому родъ длинной рекламы имѣлъ успѣхъ съ мый эфемерный, успѣхъ новинки. Надо было приискивать другія средства для привлеченія читающаго люда.

Тогда явились краткія „извѣщенія“, гдѣ читатель привлеченный чѣмъ-нибудь необычайнымъ, изложеннымъ возможно кратко, на трехъ, четырехъ строкахъ, проглатывалъ незамѣтно лилолю, то-есть прочитывалъ адресъ.

„Фабіо предупреждаетъ J. R. что если она не внемлетъ въ конецъ его мольбамъ и не явится завтра на свиданіе, онъ совершитъ на мѣотѣ же то что говорилъ. Мѣсто свиданія: уголъ улицъ *Fleet Street* и *N. Bridge Street* у извѣстаго магазина готоваго платья Томсона. Время: отъ часу до четырехъ по полудни.“

На другой день множество лублики, прочитавшей въ газетѣ это заявленіе, собралось на углу упомянутыхъ улицъ въ ожиданіи узрѣть что именно „совершитъ“ Фабіо, если въ вѣрная не явится на свиданіе. Разумѣется, никакого Фабіо не было; публика ждала, а между тѣмъ ловкій Томсонъ покупывалъ и расхваливалъ зѣвакамъ свой товаръ.

Въ Парижѣ, повтореніе подобной же рекламной продѣлки обошлось автору ея довольно дорого. Этотъ господинъ, какой-то мелкій коммерсантъ улицы *St. Denis*, вздумалъ усугубить рекламу своего лондонскаго собрата, выставивъ на улицѣ властическій тюфякъ—коммерсантъ торговалъ тюфяками и перинами — „на случай несчастія“, какъ онъ выразился. При этомъ, желающимъ изъ собравшейся публики, предлагалось испробовать властичность выставленнаго на улицѣ образца. Зѣваки тотчасъ же смекнули въ чемъ дѣло, два, три смѣя-

чака подзадорили другихъ и въ мигъ зеркальныя стекла магазина были выбиты.

Вообще подобныя попытки для привлеченія публики могли удасться разъ, два не больше. Надо было искать другихъ.

Около того же времени, высшая интеллигенція рѣшилась также воспользоваться возникающею силой. Съ своей стороны, архипрактичный торговый людъ, послѣ долгихъ паузъ, нашелъ наконецъ требуемое. Задача была рѣшена, и съ этой минуты для рекламы настала новая эра.

Высшая интеллигенція начала съ того что отвергла съ негодованіемъ самое слово *реклама* какъ слово грубое и недостойное жрецовъ науки и искусства, замѣнивъ его менѣе рѣзкимъ, очень мягкимъ, чуть не вѣжливымъ глаголомъ *musser*. *

Такимъ образомъ реклама, въ своемъ окончательномъ воплощеніи, распалась на двѣ части, на собственно *рекламу* и *муссированіе*.

Между рекламою и муссированіемъ—бездна.

Прозвонить, нахально прокричать, намозолить всѣмъ глаза безчисленными объявленіями, гигантскими вычурными буквами; это реклама въ ея послѣднемъ воплощеніи.

Легкое нашелтываніе, подзадориваніе любопытства, таинственный лепетъ, ловкія многоточія, приманка запрещеннаго плода—это муссированіе.

Реклама—расходившійся лавочникъ.

Муссированіе—свѣтская женщина.

Реклама схватываетъ васъ, преслѣдуетъ повсюду, заставляетъ помимо собственной воли обращать на себя вниманіе, не даетъ вамъ покою нигдѣ, ни дома, ни на улицѣ, ни днемъ, ни ночью. Вы отворачиваетесь съ негодованіемъ, съ отвращеніемъ, какъ только увидите фатальный рисунокъ или фразу когорую сто тысячъ разъ видѣли и читали,—этого довольно! Вы отворачиваетесь потому что знаете въ чемъ дѣло. Вы помните имя, помните адресъ; они вколочены вамъ въ голову помимо вашей воли. Вы рассказываете другимъ объ этой мука, жалуетесь—опять реклама! Вы сами служите средствомъ пропаганды.

Высшій сортъ рекламы, такъ-сказать, реклама высокаго цѣвленія не можетъ, въ настоящемъ своемъ видѣ, обойтись

* По-русски *муссировать*, то-есть *плести*. Не видя на кратковременное свое существованіе, слово это успѣло обрушить и повалится у насъ тамъ-самъ, хотя еще довольно робко.

безъ рисунка. Рисунокъ долженъ быть оригиналенъ, смѣшанъ или гауль до безобразія,—словомъ, долженъ бросаться въ глаза. Притомъ онъ долженъ имѣть четыре истанціи: оригиналь и три разряда копій.

Для оригинала избирается одно изъ самыхъ бойкихъ мѣстъ Парижа и нанимается свободная капитальная стѣна, какого-нибудь выдающагося или бокомъ стоящаго дома, возможно болѣе на виду, на которой размалевывается рисунокъ гигантскихъ размѣровъ долженствующій служить прототипомъ. Рисунокъ имѣеть часто саженъ пять-шесть вышины. Это оригиналь, центръ пролаганды; вы видите его за тридевять земель. Сотни уменьшенныхъ копій съ оригинала разсованы по различнымъ частямъ города, на заборахъ, на глухихъ стѣнахъ, на выдающихся углахъ. На рисункахъ этихъ свято сохранены тиль, детали и краски оригинала чтобъ ансамбль лучше врѣзывался въ память. Это первый разрядъ копій. Затѣмъ, на самыхъ оживленныхъ пунктахъ, темнаго вида личности раздаютъ встрѣчному и поперечному небольшіе проспекты, въ заголовкѣ коихъ красуется миниатюрная копія съ оригинала. Это второй разрядъ. Наконецъ, на четвертой страницѣ большихъ газетъ, постоянно встрѣчается аляловатый снимокъ съ того же оригинала.

Вы понимаете что отъ такого назойливаго преслѣдованія никто не увернется и по неволѣ вспомнить — правда съ чувствомъ досады, но вспомнить—адресъ фабриканта.

Два года тому назадъ, въ Парижѣ, на стѣнахъ, заборахъ, монументахъ, на матовыхъ стеклахъ афишныхъ кіосковъ, на журнальныхъ лалкахъ, въ ресторанахъ, на четвертой страницѣ газетъ, вездѣ вдругъ появился оригинальный рисунокъ молодой человѣкъ во фракѣ, отвѣшивающій приличный поклонъ, держитъ въ рукѣ широкую красную ленту на которой написано: *on rend l'argent*. Подъ этою фигурою напечатано было огромными буквами: *la maison n'est pas au coin de qui* (домъ не на углу Набережной). Затѣмъ мельчайшимъ шрифтомъ объявлялось что въ такомъ-то магазинѣ, находящемся тамъ-то „во не на углу Набережной“, продается по безумно дешевой цѣнѣ готовое мужское платье, и присовокуплялось что всякая покупка разравившаяся (*qui a cessé de plaire*) покупателю принимается въ теченіи двадцати четырехъ часовъ обратно, причемъ деньги возвращаются (*on rend l'argent*). *Проспекты* съ этимъ же молодымъ человѣкомъ, кланяющимся

и держащимъ въ рукѣ ленту съ пресловутою надписью, раздавались вездѣ. Магазины истратили сто пятьдесятъ тысячъ франковъ на эту рекламу, но за то имя его стало популярнымъ въ какія-нибудь пять-шесть недѣль.

Рекламъ такого рода, стоящихъ очень дорого, масса. Афишисты сдѣлали слѣдующій расчетъ основанный на практикѣ: изъ десяти тысячъ индивидуумовъ прочитавшихъ рекламу можно разчитывать на шесть кліентовъ въ день. Они и дѣйствують сообразно.

Какъ видите здѣсь дѣло на-чисто, безъ уаовокъ и извращеній. Что же касается до „Окончательныхъ распродажъ“, „Тегграммъ“, „По случаю прекращенія торговли“, „Вслѣдствіе войны“ и прочихъ пріемовъ нашей отечественной рекламы, такіе наивные и дряхлые способы привлеченія публики вывали бы среди здѣшняго люда лишь улыбку сострадательнаго презрѣнія и никто бы ихъ не читалъ кромѣ газетныхъ корректоровъ.

Муслирование получило съ нѣкоторыхъ поръ во французской беллетристикѣ и парижемскомъ журнальномъ мѣрѣ право гражданства. По его милости, много литературныхъ инфузорій, ничтожныхъ по таланту, но одаренныхъ стрункою практичности, выскочили въ люди и приобрѣли извѣстность и деньги, и наоборотъ, многіе люди обладающіе истиннымъ талантомъ стали въ тѣни. Писатели же имѣющіе рѣдкое счастье обладать довольно крупнымъ дарованіемъ, при извѣстной дозѣ практичности, завоевали себѣ первоклассныя мѣста и полагали ли не въ гени.

Практичность и умѣнье, въ такихъ случаяхъ, цѣнятся едва ли выше самаго таланта. Вслушайтесь только въ отзывы славные въ средѣ посвященныхъ:

„Александръ Дюма.... какое перо!... А главное что за умѣнье, го за ловкость! Какая тщательная подготовка успѣха.“

„Сарду.... талант!... Но это что? Это пустяки въ сравненіи съ тѣмъ какъ онъ умѣетъ пользоваться малѣйшими обстоятельствами для успѣха.“

Но къ чему же, скажете вы, нужна еще практичность, коль скоро человекъ успѣлъ пробить себѣ дорогу?

Талантливымъ людямъ обыкновеннаго заката иногда очень трудно выдвинуться изъ среды и блеснуть мимолетною извѣстностью; для этого нужно одно удачное произведеніе, одна минута вдохновенія. Но дѣло въ томъ что для нихъ

несравненно труднѣе удержаться, въ своихъ послѣдующихъ твореніяхъ, на высотѣ произведенія созданнаго подъ мимолетнымъ вдохновеніемъ свыше. Такимъ талантамъ, выскочившимъ сразу благодаря одному произведенію, иногда всецѣло поглотившему божественную частичку ихъ артистичности, остается или замолкнуть послѣ перваго успѣха или падать, падать и падать.

Вотъ тутъ-то призывается на помощь муссированіе. Далець-писатель, замѣнивъ изсякшую искорку умомъ и ловкостью, сѣдлаетъ ретиваго Пегаса и несется по пути успѣха и славы. Онъ хватается за вопросъ дня, ссорится умышленно съ цензурою, пользуется возбужденными политическими страстями; вѣтъ этого, онъ эксклауатируетъ скандалъ дня, или призывая на помощь самый циничный, рѣзкій реализмъ, старается дѣйствовать на грубую чувственность публики. Въ послѣднемъ случаѣ искусство состоитъ въ томъ чтобы дойти до предѣла возможнаго, чтобы оторопѣвшій зритель не зналъ шикать ли ему немилосердо или, повѣривъ на слово рецензентамъ - пріятелямъ, аплодировать „геніальной смѣлости великаго психолога-драматурга.“

Но всего этого мало, это, такъ-сказать, послышная лепта самого автора, а въ такомъ дѣлѣ какъ травля за успѣхомъ требуется еще много *компарсовъ*. Нуженъ ловкій театральнй директоръ не рѣшающійся сначала ставить піесу вслѣдствіе заключающихся въ ней смѣлостей, о чемъ не преминуть упомянуть театральные хроникеры всѣхъ газетъ. Перелискы между авторомъ и директоромъ тоже публикуется. Нѣсколько ловко луценныхъ въ ходъ „нескромностей“ относительно новаго произведенія заставятъ цензуру наострить уши и пожелать вторично просмотрѣть піесу благополучно миновавшую на первый разъ грозный комитетъ. Заставить цензуру оказать такую невольную услугу очень легко; стоитъ только подчеркнуть нѣкоторыя выраженія, нѣкоторыя сцены и заставить хроникеровъ замолвить словечко обо всемъ этомъ. Цензура, просмотрѣвъ снова произведеніе предвзятыми очами, лоторгуется съ авторомъ, который нѣсколько времени будетъ благородно упираться для вида и откажется что-либо измѣнить въ піесѣ. Печать съ своей стороны звонитъ немилосердо о „возникшей исторіи“, а публика, вѣчно наивная публика, заинтересованная всѣмъ этимъ шумомъ, начинаетъ

ожидать съ жаднымъ любопытствомъ появленія новаго произведенія.

Среди множества болѣе или менѣе талантливыхъ личностей умѣющихъ спрягать въ свою пользу глаголъ *mousser*, возьмемъ для примѣра одного изъ нихъ, пресловутаго Викторіена Сарду. Въ 1854 году этотъ въ высшей степени практичный человекъ выступаетъ на поприще драматической литературы. Пьеса его, плохая мелодрама *la Taverne*, не имѣетъ никакого успѣха. Три слѣдующія столь же мало удачны. Въ 1860 году, въ минуту вдохновенія, онъ производитъ прелестную вещь—пятиактную комедію *Les Pattes de mouche*. Пьеса имѣетъ большой успѣхъ; имя Сарду становится вдругъ извѣстнымъ. Съ тѣхъ поръ слава Сарду росла обратно пропорціонально развитію его таланта. Въ двадцати четырехъ слѣдующихъ его произведеніяхъ нѣтъ ни глубины, ни развитія, ни анализа страстей; это калейдоскопъ, странички изъ газетнаго отдѣла „разныхъ разностей и куріозовъ“, веревка сцены мажорски сшитыхъ на живую нитку, безъ малѣйшей внутренней связи между собою. Сценическаго искусства бездна, ума много, но больше ничего.

Обратите теперь вниманіе на характеръ успѣховъ Сарду; триста представленій подъ рядъ и затѣмъ, разъ долой со сцены, пьеса навсегда забыта; развѣ только, отъ времени до времени, она дается гдѣ-нибудь на провинціальномъ театрѣ или въ теченіи мертваго сезона какъ „затычка“.

Хотите знать почему это такъ? Это наказаніе такого рода эмпирическихъ талантовъ какъ талантъ Сарду. Временной, горячешный, добытый всевозможными уловками успѣхъ искупается полнѣйшимъ забвеніемъ. Такіе таланты приговорены къ вѣчной работѣ, къ постояннымъ поискамъ за тѣмъ къ чему бы они могли прицѣлиться, что могли бы эксплуатировать. Они должны производить, производить и производить, безъ усталы, безъ передышки; ставить мелодраму на одномъ театрѣ пока комедія появляется на другомъ, а водевилъ сходитъ со сцены третьяго. Сарду такъ и дѣлаетъ; какъ умный человекъ онъ знаетъ себѣ цѣну и дѣйствуетъ сообразно. Съ каждымъ новымъ произведеніемъ, онъ все тщательнѣе и искуснѣе подготавливаетъ успѣхъ и прибѣгаетъ къ муссированію. Мнѣ кажется излишнимъ разказывать здѣсь все что было гущено въ ходъ для обезлеченія успѣха *Onole Sam'a*—газеты

достаточно прозвонили всѣмъ уши объ этомъ, въ теченіи года; довольно сказать что ловкій драматургъ сумѣлъ замѣшать даже политику и дипломатию въ это дѣло. Въ послѣднемъ своемъ произведеніи *Les merveilles*, Сарду прибѣгъ къ другимъ средствамъ. Три недѣли до появленія пьесы на сценѣ, весь Парижъ зналъ что авторъ и театральныи директоръ роются въ архивахъ, осматриваютъ всѣ коллекціи старинныхъ вещей и пр. съ цѣлью обставить новую комедію „настоящими вещами“, т. е. что мебель, бутафорскія принадлежности и пр. будутъ не произведенія театральнот мастерской, а сами „оригиналы“ эпохи директоріи. При томъ говорилось о женскихъ костюмахъ и намекалось что стоило величайшихъ усилій убѣдить актрисъ появиться въ „этихъ снпшомъ легкихъ облаченіяхъ“. Словомъ, напумѣли олятъ столько, недоговоры и многоточія были такъ искусно употреблены въ дѣло, что въ послѣднюю недѣлю до появленія пьесы только о ней и говорилось; билеты были разобраны впередъ на пятнадцать представленій. Больше ничего и не нужно. Постараются разблаговѣститъ вездѣ что каждый день театръ полонъ, что нѣтъ возможности достать билетовъ—довольно; масса повадиль въ свою очередь, потому что масса—Панургово стадо. Услѣхъ обезпеченъ, а между тѣмъ пьеса изъ рукъ вовъ слаба.

Но все это пустяки въ сравненіи съ тѣмъ что производитъ удачная смѣсь рекламы съ муссированіемъ. Разумѣется и этотъ родъ публичности могутъ взяться только люди обладающіе и связями и деньгами, искусившіеся въ олытъ жизни. Но за то что за искусвѣнная процедура! Это дѣлая поэма. Слушайте.

Предупреждаю васъ что всѣ лица моего разказа—живыи лица, все разказываемое—„совершившіеся факты“, какъ теперь любятъ выражаться; я только сгрулировалъ ихъ и перемѣнилъ имена и фамиліи.

На одной изъ главныхъ улицъ Парижа стоитъ домъ въ пять этажей очень оригинальной архитектуры. Два верхнія и нижній этажи не поражаютъ васъ ничѣмъ особеннымъ: внизу магазины, на верху окна какъ у всѣхъ домовъ: за то на среднихъ этажахъ вы непременно волпросительно и въ недоумѣніи остановите вашъ взоръ.

На высотѣ втораго этажа, до четвертаго, нѣсколько красноватыхъ колоннъ безобразнѣшей формы, не принадлежащихъ

лю архитектурѣ ни къ какому ордену, имѣющихъ скорѣе подобіе огромныхъ сосисекъ, прилѣплено къ фасаду дома. Между колоннами красуются разныя фигуры изъ *carton-pierre*, размалованная въ яркіе цвѣта. Въ центрѣ, окно немного меньше другихъ, по бокамъ его олять двѣ фигуры, вверху огромный циферблатъ, на верху надпись: „...газета“.

....Газета принадлежитъ къ такъ-называемой „мелкой прессы“; цѣна ея одинъ су или пять сантимовъ за номеръ. Благодаря дешевой цѣнѣ, народный листокъ расходится въ невѣроятномъ количествѣ трехсотъ тысячъ экземпляровъ. Предпріятіе на акціяхъ, дивиденды отличныя; но благоденствовать можетъ газета только при трехстахъ тысячахъ расходящихся экземпляровъ. Поэтому, когда спросъ на листокъ, вслѣдствіе какихъ-либо причинъ, начинаетъ падать, напредмѣръ до двухсотъ пятидесяти тысячъ, руководящія головы принимаются серьезно за дѣло и прибѣгаютъ къ самымъ энергичнымъ средствамъ для привлеченія новыхъ десятковъ тысячъ читателей.

Руководящихъ головъ три. Всѣ три прошли, что называется, огонь и воду и слывуть за величайшимъ политико-журналисто-финансовымъ пройдохъ. Двое изъ нихъ, не взирая на опытность и знаніе, преклоняются предъ третьимъ, котораго считаютъ какимъ-то высшимъ существомъ.

Высшее это существо мы назовемъ.... пускай хоть Жираномъ.

Мы въ директорскомъ кабинетѣ. Большая комната; стѣны подъ мраморъ, множество золотыхъ разводовъ и украшеній наляпано въ изобиліи на потолокъ и по стѣнамъ. Посреди огромный овальный столъ покрытый зеленымъ сукномъ; кругомъ стола покойныя кресла обитыя зеленымъ бархатомъ. Надъ монументальнымъ каминомъ зеркало до потолка. Предъ зеркаломъ, на устоѣ, часы, надъ которыми возвышается бронзовая группа: парижскій блузникъ и лортье—трогательный намекъ на общественное состояніе главной массы читателей... газеты.

Вечеръ.

Два человѣка находятся въ кабинетѣ. Одинъ изъ нихъ сидитъ въ креслѣ подперши голову рукою. Это Жиранъ. Ему видъ лѣтъ подъ шестьдесятъ. Лице худощавое, сморщенное, безъ малѣйшаго признака растительности, черты рѣзкія; взглядъ повелительный; нижняя челюсть выдается сильно

впередъ и движется безпреставно вслѣдствіе какого-то вервьяго тика; прядь волосъ падаетъ на лобъ. Прядь эта историческая, она извѣстна всему французскому политическому, литературному, журнальному и финансовому міру. Въ глазу — стеклышко.

Маленькаго роста, сухопарый и чрезвычайно юркій; движенія его рывки и порывисты; онъ не минуты не остается въ покоѣ.

Другая личность находящаяся въ кабинетѣ, нѣчто въ родѣ секретаря, стоитъ въ почтительной позѣ съ бумагою въ рукѣ.

— Опять сбавка? спросилъ стрывисто Жггаръ не глядя на своего собесѣдника.

— На три тысячи экземпляровъ безъ малаго.

Директоръ подернулъ плечами и какъ-то глубже уткнулся въ кресло.

— Сколько всего?

— Двѣсти пятьдесятъ тысячъ триста сорокъ пять экземпляровъ, но здѣсь считаются и...

— Знаю. Вчерашній итогъ?

Секретарь торопливо повернулъ страницу и сталъ читать.

Повѣдѣвникъ. Даровыхъ экземпляровъ разослано четыреста семьдесятъ три по росписи, въ контору X... компаніи три тысячи...

— Когда помѣщена статья объ X... компаніи?

— Біографія управляющаго и анекдотъ о кассирѣ пришли въ воскресенье. Большая статья будетъ напечатана въ среду.

— Въ среду вы поставите пять тысячъ экземпляровъ на счетъ X... компаніи. Продолжайте.

— Я долженъ вамъ сказать что мы посылаемъ теперь не три а четыре экземпляра въ эту контору... помощникъ кассира просилъ для себя одинъ...

— Читайте дальше.

— Парижскимъ подписчикамъ разослано девять тысячъ экземпляровъ, иногородныхъ четыре тысячи, отправлено въ кіоски и на станціи желѣзныхъ дорогъ двѣсти пятьдесятъ четыре тысячи. Возвращено изъ этого числа, непроданныхъ нумеровъ изъ кіосковъ.

— Довольно... Итогъ?

— Двѣсти пятьдесятъ пять тысячъ четыреста восемьдесятъ два экземпляра.

— Итогъ третьяго дня?

— Двѣсти пятьдесятъ девять тысячъ восемьсотъ пятьдесятъ.

Жираръ мотнулъ головою направо и налево, уткнулъ подбородокъ глубже въ руку и откинулся на спинку кресла. Онъ погрузился въ глубокія размышленія.

— Надо обратить вниманіе на *нижній этажъ*, * проговорилъ онъ.

— Нужно бы очень. Черезъ недѣлю у насъ кончается *Преступленіе Паскаля*, вещь, по правдѣ сказать, не очень-то...

— А что наготовѣ?

— *Страшная Невѣста* есть...

— Вы мнѣ опять про эту дрянь.

Секретаря какъ-то покорило при этихъ словахъ, и не мудрено—*Страшная Невѣста* была его твореніе.

— Шаветь свободенъ? спросилъ Жираръ.

— Нѣтъ, онъ съ прошлой недѣли поставляетъ по триста строкъ въ сутки *Evenement*.

— Золя?

— Его завербовала... газета мѣсяца на два по крайней мѣрѣ.

— Это чортъ знаетъ что!... Нѣтъ у насъ Габорию. Долго будемъ мы его поминать!...—Что печатаетъ Фигаро?

— *Кровавая Ночь*.

— Славное названіе! кого?

— Мше д'Агонья.

— Гм... а *Evenement*?

— *Комнату преступленія*... ** говорятъ очень интересно.

Жираръ снова погрузился въ размышленія. Вдругъ онъ привскочилъ на креслѣ.

— Наложите сейчасъ же Дюмоляру не имѣть ли онъ кого-нибудь въ виду.

На другой день утромъ, въ той же комнатѣ, за тѣмъ же столомъ Жираръ, въ шляпѣ, съ неизмѣннымъ моноклемъ въ глазу, быстро перебираетъ какія-то бумаги, бросая по временамъ нетерпѣливые взгляды на дверь ведущую въ большую стеклянную галерею.

Вошелъ секретарь. Жираръ уставился на него вопросительно.

* Парижскіе журналисты называютъ фельетонъ газеты *Le rez de chaussée* (нижній этажъ).

** Оба поименованные романа печатаются въ настоящую минуту въ *Duigoro* и *Evenement*.

— Дюмоляръ прислалъ кого-то.

— Позовите его.

Секретарь юркнулъ въ дверь и чрезъ минуту возвратился съ присланнымъ. Жираръ окинулъ вошедшаго испытующимъ взоромъ. Онъ сазвится умѣнъемъ сразу распознавать людей.

Лѣтъ тридцать, довольно красивое лицо нѣсколько изможденное, взъерошенные черные какъ смоля волосы и „фатальное“ выраженіе глазъ. Одѣтъ довольно плохо, съ претензіями на артистичную небрежность костюма. Вошедшій поклонился очень развязно, подошелъ къ столу и взялся за ручку кресла. Жираръ однако състь ему не предложилъ.

— Ваше имя?

— Хлодовикъ Котовъ... для лубайки же Тристанъ дѣ Трея.

— Не слышалъ.

— Это значитъ что вы давно не читали Б... газеты. Последнее время я тамъ писалъ, отвѣтилъ нисколько не сконфузаясь Котовъ.

Жираръ пристально взглянулъ на молодого человѣка. „Ого! скромнѣе ты душенька“, подумалъ онъ.

— Васъ прислалъ ко мнѣ Дюмоляръ?

— Да, вотъ письмо.

Директоръ распечаталъ посланіе и пробѣжалъ его глазами. „Посылаю тебѣ кладъ. Отрылъ его случайно на днѣхъ. Стилъ никакого, правда, но за то богатѣйшее воображеніе и самоуверенности бездна. Одна бѣда—имя его совершенно неизвѣстно. Впрочемъ это ужъ будетъ твое дѣло.“

Жираръ уткнулъ подбородокъ въ руку, задумался на минуту и затѣмъ пристально уставился на Котовъ.

— У васъ есть что-нибудь готоваго?

— Да, романъ.

— Историческій?

— Нѣтъ, современный. Дѣйствіе происходитъ въ настоящую минуту.

— Названіе?

— *Смертопѣдъ*.

— Что это такое *Смертопѣдъ*?

— Имя героя... Я люблю краткія, неопредѣленные названія. Обратите вниманіе на это имя: *Смертопѣдъ*. Бросьте завтра въ лубайку это странное, неопредѣленное слово—вы увидите что будетъ; полъ-Парижа не сомкнетъ глазъ до саѣдующаго утра.

„Молодець“, подумалъ Жираръ, но лицо его осталось хмурое и безстрастное.

— Вы взяли съ собою рукопись?

— Какъ рукопись? да у меня еще почти ничего не написано.

— Какъ же вы сказали сейчасъ что... какъ его?

— *Смертоподъ*.

— что *Смертоподъ* готовъ?

— Въ головѣ—да; планъ созрѣлъ вполне до малѣйшихъ подробностей... Я не могу писать романъ такъ сразу, одинъ на одинъ съ моими дѣйствующими лицами. Мнѣ необходимы, какъ актеру, полная зала, аллюдисменты и рампа. Я долженъ чувствовать себя предъ публикою каждый часъ, каждую минуту... Тогда только герои мои, герои порока и преступленія, будутъ жить дѣйствительною жизнью!

Жираръ высматривалъ и терпѣливо выслушивалъ раскормившагося автора. Котона провелъ рукою по волосамъ.

— Но у васъ хоть что-нибудь готово?

— Прологъ готовъ. Двѣсти дѣйствующихъ лицъ. Все это живетъ и движется среди *огненного города*—Парижа. Картина смѣняется картиною. Это нескончаемая панорама, то мрачная то порою безотчетно грустная. Затѣмъ дѣйствіе можетъ быть перенесено куда угодно...

— Да, потому что я бы желалъ мѣсто дѣйствія не въ Парижѣ. Парижемъ слишкомъ злоупотребляли.

— Я вамъ говорю куда угодно... хоть въ Берлинъ можно будетъ перебраться въ послѣдствіи.

— Ну, а сюжетъ? Въ чемъ дѣло?

— Такъ его разказать невозможно, двухъ дней не хватитъ на это. *Смертоподъ* мой вещь страшная, скажу проще—гениальная. Всѣ эти романы напичканные ужасами, мрачными картинами, преступленіями, острогъ, плаха—пустяки въ сравненіи съ нимъ. У меня...

Жираръ нашелъ что собесѣдникъ достаточно высказался; продолжать разговоръ при этихъ условіяхъ ему казалось излишнею тратой времени. Директоръ успѣлъ вывести свои заключенія.

— Послушайте, я старый воробей, слѣдовательно заговорить меня нечего—излишній трудъ, перебилъ онъ вдругъ увлекшагося Котона:

— Помилуйте! какъ заговаривать? я хотѣлъ....

— Вы принесли прологъ?

— Да, вотъ онъ, отвѣтилъ нѣсколько оторопѣвшій романистъ, доставая изъ кармана довольно объемистый свертокъ бумаги.

— Прочитайте мнѣ что-нибудь.... хоть начало. Что жъ вы не садитесь? прибавилъ Жираръ, указывая Котова на кресло.

Авторъ прочелъ нѣсколько страницъ. Жираръ слушалъ играя моноклемъ, не выразивъ ни разу ни одобренія, ни хулы.

— Благодарю васъ. Теперь потрудитесь разказать сюжетъ въ трехъ словахъ.

Котовъ и это исполнилъ немедленно съ жестаи и безпрестанно употребляя фразу: *Vous voyez ça d'ici? N'est-ce pas?*

— Хорошо. Сколько полагаете вы выйдетъ строкъ?

— Тысячъ двадцать. Фельетоновъ сорокъ я думаю.

— Здѣсь сколько?

— Въ прологъ?..... фельетоновъ пять.

— *Nous pouvons marcher.* Теперь слушайте: Вы до сихъ поръ писали въ провинціальныхъ газетахъ, имя ваше совершенно неизвѣстно.

— Исключая тѣхъ тысячъ которыя читали мое.. возразилъ было обиженный романистъ.

— Оставимъ это. Вы знаете про какую извѣстность я говорю.—Я вамъ открываю колонны моей газеты; это для васъ единственный случай пріобрѣсть сразу имя. Теперь вотъ мои условія: четыреста строкъ въ день, пять фельетоновъ постояннаго аванса, пятнадцать сантимовъ за строку, плата ежедневна. Я васъ не спрашиваю хотите ли вы принять ихъ—для васъ это счастье.

Котовъ молча поклонился, но видно было что онъ съ трудомъ скрываетъ свою радость.

— Значить это оконченное дѣло. Будьте здѣсь завтра въ десять часовъ утра; мы соберемся чтобъ обсудить нѣкоторые вопросы. До свиданія.

Котовъ всталъ. Жираръ кивнулъ ему головою и снова принялся за бумаги.

— Поздравляю васъ! обратился секретарь къ Котову, какъ только послѣдній очутился за дверьми;—тысячи три въ карманѣ.

— Это мнѣ все равно, отвѣтилъ услѣвшій оправиться отъ радости романистъ;—милліонъ людей будетъ меня слушать, а буду разговаривать съ милліономъ читателей—вотъ чему я радъ!

Десять часовъ утра; въ директорскомъ кабинетѣ возстаютъ Жираръ, Трено и Лавакъ „администраторы“ газеты, Клодъ художникъ состоящій при ... иллюстрированномъ журналѣ (этотъ иллюстрированный журналъ издается при Жираровской газетѣ) и Котонъ.

— Вы сообщили секретарю нѣкоторыя свѣдѣнiя чтобы составить вашу биографiю? обратился Жираръ къ Котонъ.

— Да, но интереснаго сказать мнѣ пришлось мало. Неполныи окружающими, я вѣроятно долго бы еще...

— Предъ нами десять дней, перебилъ романиста безцеремонный директоръ, обращаясь къ администратору Трено; — ими нужно воспользоваться. Распорядитесь немедленно и дайте полный ходъ. Понимаете?

— Какъ же. Послѣ завтра сто тысячъ афишъ съ однимъ только словомъ *Смертогда*. Въ будущiй четвергъ сто тысячъ большихъ афишъ съ подробностями, двѣсти тысячъ будетъ достаточно.... Пяти-сантимимый штемпель, бумага, печатанiе, разнощики и наклеищики,—администраторъ набросалъ на бумагѣ нѣсколько цифръ—пятнадцать тысячъ франковъ.

Трено заправляетъ, какъ видите, при газетѣ „большою рекламой“; муссированiе же состоитъ въ вѣдѣнiи Лавака.

— Завтра же надо будетъ помѣстить что-нибудь объ нихъ въ X... газетѣ, обратился Жираръ къ Лаваку, указывая на Котонъ,—а затѣмъ вы знаете.

Второй администраторъ молча кивнулъ головой.

— Теперь относительно портрета и рисунка, продолжалъ директоръ, обращаясь къ Котонъ; — условьтесь съ Клодомъ. Надо портретъ автора и по угламъ четыре рисунка—четыре эпизода изъ *Смертогда*.

Котонъ просiялъ.

— Надо что-нибудь поражающее, замѣтилъ онъ Клоду.

— Говорите.

— Первый сюжетъ, началъ онъ мало не задумываясь Котонъ:—*Неизвѣстныи*. Живописный берегъ озера. Неизвѣстный (пожилой человекъ, сухой, мрачный) задумчиво смотритъ въ даль. Жюанна, дочь его, прелестный бѣлокурый ангелъ слѣдитъ за нимъ тревожно.

— Въ Швейцарiи? спросилъ Клодъ для отмѣтки.

— Да.... пожалуй въ Швейцарiи. Второй сюжетъ: *Ловля мертвецовъ*. Ночь. Лунный свѣтъ. Островъ на Сенѣ. Чело-

вѣкъ съ звѣрскимъ выраженіемъ лица вытаскиваетъ изъ воды женскій трупъ.

— Жанну?

— Хорошо... да, Жанну. Третій сюжетъ: *Монастырь въ Испаніи*. Скала; пропасть; вдали море. Надъ пропастью стоитъ монахъ. Онъ держитъ что-то бѣлое имѣющее человѣчскія очертанія.

— Жещину?

— Да. Четвертый сюжетъ—Котора на минуту призадумался—*Огненный городъ*. Терраса. Вдали Парижъ. Ночь. Два человѣка стоятъ на террасѣ; Смертоѣдъ (молодой, прекрасный собою, полный жизни и энергии) и... Неизвѣстный. Неизвѣстный указываетъ Смертоѣду на Парижъ. Подъ рисункомъ слова: *Теперь онъ твой*.

— Отлично, въ субботу вашъ портретъ, эти четыре рисунка и біографія появятся въ иллюстрированномъ журналѣ. Такимъ образомъ были подготовлены Жираромъ элементы для появленія *Смертоѣда* при выгоднѣйшихъ условіяхъ. Въ теченіи десяти дней вся гамма рекламъ и муссированія была перебрана съ удивительнымъ искусствомъ и званіемъ.

Первый день. Краткое извѣстіе въ X... газетѣ о томъ что господину Жирару „удалось наконецъ добыть драгоцѣнную рукопись произведенія о которомъ столько говорили“. На названія романа, ни имени автора. Сказано только что „какъ слышно, это колоссальное произведеніе должно появиться на дняхъ въ газетѣ“.

Второй день. Сто тысячъ малыхъ разноцвѣтныхъ афишъ съ однимъ только словомъ *Смертоѣдъ*. Появились онѣ вездѣ, на стѣнахъ, на заборахъ, на памятникахъ, на фонарныхъ столбахъ. Вездѣ, гдѣ только можно было наклеить афишу, красовалось загадочное, таинственное слово *Смертоѣдъ*.

Третій день. Краткая біографія Котора въ газетѣ. Намекъ на то что этотъ высокодаровитый человѣкъ долженъ былъ оставаться въ тѣни по „причинамъ о которыхъ мы не считаемъ себя въ правѣ здѣсь распространяться“.

Четвертый день. Публикація въ иллюстрированномъ журналѣ и газетѣ слѣдующаго заявленія:

„Весь Парижъ спрашиваетъ что значать эти тысячи афишъ на которыхъ напечатано только одно мрачное слово: *Смертоѣдъ*? Мы кажется можемъ дать ключъ къ этой загадкѣ: *Смертоѣдъ* — имя героя большаго романа. Романъ, какъ мы

смышляли, долженъ скоро появиться въ свѣтъ. Вообще любопытство будетъ удовлетворено.“

Шестой день. Заявленіе о томъ что высокодаровитый молодой авторъ Котонэ заключилъ условіе съ ... газетою откровенно исключительнаго сотрудничества своего въ оной.

Седьмой день. Появленіе на стѣнахъ, заборахъ, памятуикахъ и пр. ста тысячъ большихъ афишъ слѣдующаго содержания:

С М Е Р Т О В Д Ъ

романъ

Хлодовика Котонэ

появится въ

воскресенье, 13го декабря (курьеръ помѣченъ 14мъ числомъ)

въ

... г а з е т ѣ.

„Причины почему до сихъ поръ это, въ высшей степени драматичное, исполненное самаго жгучаго интереса, твореніе не могло быть напечатано, болѣе не существуютъ.“

То же самое объявлялось на первой страницѣ ... газеты.

Восьмой день. Въ трехъ пріятельскихъ газетахъ, небольшія статейки о *Смертопдѣ*. Двѣ изъ нихъ симпатичныя, третья враждебная по условію. Послѣдняя въ особенности искусна.

„Говорятъ что *Смертопдѣ*, новый романъ ... газеты, превосходить самыя смѣлыя, самыя нездоровыя — позволимъ себѣ это сказать—произведенія нашей *прямой* литературы. Не постигаемъ какъ люди столь талантливые какъ г. Хлодовикъ Котонэ рѣшаются писать такія растлѣвающія вещи. Предоставьте это тѣмъ которые не имѣютъ иныхъ средствъ чего-нибудь добиться. Не вамъ разбивать иллюзіи и вѣрованія которыми мы живемъ!“

Девятый день. Появленіе въ ... иллюстрированномъ журналѣ портрета-медальона автора и четырехъ рисунковъ по угламъ. По распоряженію Жирара, продавцамъ газетъ въ кіоскахъ внушено выставить этотъ номеръ иллюстрированнаго журнала какъ можно болѣе на виду. Одновременно, на первой страницѣ ... газеты напечатано огромнымъ шрифтомъ:

З а в т р а

С М Е Р Т О В Д Ъ

большой романъ.

... иллюстрированный журналъ помѣщаетъ сегодня биографію и портретъ Хлодовика Котонэ, автора *Смертопды*, и четыре эпизода изъ этого романа.

1. *Мечты неизвѣстнаго.*
2. *Ловля мертвецовъ.*
3. *Преступленіе монаха.*
4. *Огненный городъ.*

На десятый день появился первый фельетонъ *Смертопда*. Благодаря принятымъ мѣрамъ, распродано около трехсотъ пятидесяти тысячъ экземпляровъ газеты. Изъ этого числа, по расчету Жирара, авторитетное сужденіе котораго должно въ такихъ случаяхъ благоговѣнно приниматься на слово, слѣдуетъ считать около тридцати тысячъ „холостыхъ зарядовъ“, то-есть иначе говоря тысячъ тридцать читателей поймутъ сразу въ чемъ дѣло и ограничутся чтеніемъ перваго фельетона романа. Остальные присуждены впередъ къ одоумленію всѣхъ двадцати тысячъ строкъ прозы Хлодовика Котона.

Такова реклама высокаго давленія.

Какъ ни совершененъ этотъ послѣдній видъ рекламы, высоко надъ нимъ паритъ другой совершеннѣйшій, поразительнѣйшій по достигаемымъ результатамъ. Я говорю о политической рекламѣ.

Объ этой силѣ, могущество которой испытываетъ теперь своими боками западно-европейское общество, мы побесѣдуемъ въ другой разъ.

ПЕТРЪ ПЕТРОВЪ

Парижъ, 15го (3го) февраля.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ

Ни одному памятнику нашей древней литературы не посчастливилось такимъ множествомъ изданій и такимъ богатствомъ комментариевъ какъ *Слову о Полку Игоревѣ*.

Съ одной стороны это вполнѣ понятно: это памятникъ исключительный, единственный въ своемъ родѣ. Тогда какъ почти вся древняя письменность сводится у насъ лишь къ церковной проповѣди, *Слово* представляетъ яркій образецъ свѣтской литературы и къ тому же весьма талантливый. По живости поэтическихъ красокъ, по занимательности и разнообразію картинъ внутренней жизни, такъ-называемаго удѣльнаго періода, это источникъ драгоценный и ничѣмъ не замѣнимый. Читая *Слово*, чувствуешь самую душу древней княжеской Руси, угадываешь ея бытъ.

Неудачный походъ Игоря, окончившійся его плѣномъ, вполнѣ подтверждается лѣтописями; но поэтъ передалъ его въ своемъ одушевленномъ разказѣ еще какъ участникъ и очевидецъ событія. Многія характеристическія черты и неуловимо-жизненные подробности, разсѣяанныя на протяженіи цѣлой поэмы, въ томъ убѣждаютъ невольно. Самый языкъ *Слова* достигаетъ мѣстами высокаго поэтическаго одушевленія и, пройдя сквозь цѣлый рядъ вѣковъ, до сихъ поръ звучитъ пріятно. Всего этого уже слишкомъ достаточно для того чтобъ объяснить всеобщее и вполнѣ заслуженное сочувствіе къ *Слову о Полку Игоревѣ*.

Но съ другой стороны есть еще причины совсѣмъ иного рода которыя постоянно побуждаютъ знатоковъ нашей старины обращаться къ этому памятнику съ новыми разысканіями: онъ грозитъ уже никогда не кончиться и самое изученіе памятника обращается при этомъ не въ ученую или художественную работу, а въ какую-то умственную игру, въ *cassé-tête* своего рода.

Дѣло заключается въ томъ что *Слово о Полку Игоревѣ* вовсе не народная поэма, а весьма искусственное произведеніе чисто личнаго творчества. Это произведеніе такого лѣнца который усвоилъ себѣ, такъ-сказать, нарочито-схоластическіе приемы и придавъ своему сочиненію совершенно особую, нарочито витійственную форму. Пѣвца *Слова*, по справедливости, можно отнести къ числу тѣхъ лѣсвотворцевъ о которыхъ у Кирилла Туровскаго между прочимъ сказано такъ: „*Историчи и вѣти, рекше жтотписци и тпснотворци, приклоняютъ себя слуги въ бывшія межю цари рати и гнѣмленія да украсятъ словеси и возвеличатъ мужествовавшія крѣпко... и тѣхъ славу похваляи въмчають.*“ Самый языкъ *Слова о Полку Игоревѣ* вовсе не народный языкъ; онъ рѣзко запечатлѣнъ личными особенностями автора; быть-можетъ даже прямо погрѣшностями. И вотъ такого-то рода исключительный и совершенно своеобразный памятникъ, въ довершеніе всего, уцѣлѣвъ до нашихъ временъ въ единственной редакціи, не представляя для своего сличенія ни одного варианта. Притомъ самая рукопись, какъ извѣстно, сторѣла въ Москвѣ при нашествіи Французовъ, и текстъ *Слова* читается лишь по печатной редакціи Мусина-Пушкина, которому принадлежала погибшая рукопись.

Весьма понятно что въ списокѣ дошедшемъ до Мусина-Пушкина могли заключаться и нечаянныя ошибки, и невѣжественныя поправки перелищниковъ, и совершенныя искаженія текста мудровавшими лѣнтами; наконецъ, просто были описки, быть-можетъ цѣлые пропуски противъ первоначальнаго текста. Понятно что самъ издатель, Мусинъ-Пушкинъ, не могъ избѣжать новыхъ ошибокъ при разборѣ неразборчиваго текста: многія искаженія, которыя по крайней мѣрѣ обличали себя тѣмъ что не представляли даже грамматическаго смысла, онъ, осмысливъ по своему крайнему разумію, кристаллизовалъ въ правильныя сочетанія словъ, чѣмъ ввелъ въ двойное заблужденіе дальнѣйшихъ изслѣдователей. Редак-

ція Слова о Полку Игоревѣ подѣ копецъ всего представляется такою что чуть не каждый стихъ подаетъ поводъ къ двусмысленности, а нѣкоторыя отдѣльныя реченія кажутся какими-то осколками искаженныхъ или просто на половину утраченныхъ стиховъ.... Поле къ догадкамъ является безграничнымъ; но это уже не ученая работа, какъ мы сказали, а игра въ casse-tête.

Если въ стихахъ любого изъ новѣйшихъ поэтовъ можно указать замѣны одного стиха другимъ, и оба будутъ правильны, и даже смотря по личному вкусу каждаго, одинъ будетъ казаться лучше другаго,—то не праздно ли спорить о такихъ замѣнахъ и доискиваться правильнѣйшаго варианта у лѣвца XII столѣтїя? Если въ томъ или другомъ случаѣ именительный падежъ совпадаетъ съ винительнымъ или дательный съ предложнымъ, и смыслъ рѣчи одинаково допускаетъ и то и другое, то можетъ ли что-нибудь быть безконечнѣе споровъ о томъ какой же именно изъ этихъ двухъ падежей былъ однако въ намѣренїи у самого лѣвца XII столѣтїя?

Многіе изъ критиковъ Слова спорятъ другъ съ другомъ по вопросамъ именно этого рода, но есть другіе которые идутъ гораздо далѣе. Всякое мало-мальски темное и для кабинетно-ученой критики непонятное мѣсто (весьма часто объяснимое изъ примѣровъ охотничьей или казацкой или даже просто крестьянской жизни) они стараются объяснить мѣстами и старинною мѣтологією, то-есть: объяснить одно неизвѣстное другимъ еще болѣе неизвѣстнымъ. Этимъ путемъ многія мѣста Слова о Полку Игоревѣ извращены окончательно, и имъ приписываютъ чудовищный смыслъ. Въ ошибкахъ противъ языка, въ простыхъ погрѣшностяхъ, либо автора, либо переписчиковъ, ученая критика не рѣдко усматриваетъ вполнѣ законныя архаизмы, величавыя даже своего рода прелести.

Слово о Полку Игоревѣ, такимъ образомъ, съ одной стороны, отъ искаженій печатной редакціи, а съ другой, отъ массы мнѣстеческихъ толкованій, окуталось въ концѣ-концовъ какимъ-то гайднственнымъ и мрачнымъ покровомъ, изъ-подъ котораго уже никакъ не выгянетъ на свѣтъ Божій его простой поэтической и всякому понятный смыслъ.

Замѣчательно что самый переводъ или правильнѣе сказать переложеніе этого памятника на современный языкъ дѣлалось у насъ до сихъ поръ или какою-то торжественною прозою, или рифмованными, а иногда бѣлыми стихами на какой-то

мужицкій ладъ, съ гримасою лихости и непремѣннымъ налуценіемъ лже-русицизмовъ.

Можно съ основательностію утверждать что простой, вполнѣ естественный русскій языкъ, самый лучший для переложенія какихъ бы то ни было памятниковъ древней русской письменности. Что же касается до вопроса: переводить ли *Слово о Полку Игоревѣ* прозой, или напротивъ стихами, то отвѣтъ на это обуславливается самимъ подлинникомъ.

Слово о Полку Игоревѣ даетъ угадывать что оно разказывалось пѣвцомъ въ грядницѣ у князя предъ многочисленными слушателями. Рѣчь сказателя раздавалась то протяжно и съ вѣкоторою заученностію гдѣ повыситъ и гдѣ понизитъ голосъ; то шла съ мѣрною скороговоркою; то плавными длинными стихами безъ опредѣленнаго размѣра; то наконецъ достигала често лирическаго воодушевленія, которое и выражалось стихомъ съ опредѣленною цезурой. Музыкальность этихъ отдѣльно-выдающихся стиховъ даже сейчасъ, пройдя сквозь цѣлый рядъ вѣковъ, не утратила своего обаянія. Переводъ, удерживая строка за строкою расположеніе самаго подлинника и передавая текстъ по возможности дословно и дострочно, долженъ въ то же время передавать и этотъ постоянно мѣняющійся вольный размѣръ, никогда не подчиняющійся единообразію.

Понятно что слагатель *Слова*, обращаясь къ своимъ многочисленнымъ слушателямъ въ грядницѣ князя, однимъ тономъ дѣлалъ напримѣръ самое обращеніе: *Не льно ли тѣ блжистъ, братіе, начати старыми словеси*, обращеніе въ которомъ проглядываетъ даже намѣренная книжность съ его стороны, а слѣдовательно оно и читается нѣсколько на книжный ладъ съ протяжностію. И въ то же время онъ уже совершенно другимъ тономъ передавалъ оживленную картину горячаго сѣва военныхъ приготовленій: *Грѣмитъ слава въ Киевѣ! Трубы трубятъ въ Новѣгородѣ!* Наконецъ еще новымъ тономъ помѣчалъ онъ отдѣльными прилѣвками какъ бы символическими изреченіями стародавняго эпоса переходы своихъ постоянно мѣняющихся эпизодовъ: *Быль спѣтъ Трапнговѣ!* при переходѣ къ воспоминаніямъ о кровавыхъ сѣвахъ, или: *Не конья поютъ на Дунаѣ*, когда онъ переходитъ къ *Плачу Ярославлю*.

Такой переливъ тоновъ и слышенъ въ стихахъ *Слова*, хотя подъ стихами тутъ слѣдуетъ разумѣть совсѣмъ не то что обозначается этимъ именемъ въ наше время.

Слово о Полку Игоревѣ, какъ мы сказали, сложилось не въ народѣ и не народомъ, а по всей вѣроятности придворнымъ княжескимъ лѣвцомъ, ученымъ мастеромъ своего дѣла, „искуснымъ витіемъ“ какъ это называлось въ старину. Это весьма стройная по своему сочиненію поэма, съ планомъ вполне обдуманымъ и хорошо выдержаннымъ; поэма сложенная по правиламъ ученымъ съ явнымъ оттѣнкомъ такъ-называемаго „высокаго слога“ и того самаго классицизма, преданіе о которомъ сохранялось въ школахъ среднихъ вѣковъ и возводилось къ самому Гомеру. Обращеніе къ баснословному Бояну; олицетвореніе вѣтровъ какъ внуковъ Стрибога; наименованіе князя внукомъ Дажбога, упоминаніе о Хорсѣ и тому подобное, все это не что иное какъ только признаки преданія и школы. Это прикрасы которыми авторъ платилъ дань своему, школою созданному, направленію.

Авторъ вѣроятно былъ дружинникомъ князя; а княжеская дружина заключала въ себѣ не мало пришельцевъ, Славянъ смѣшанной національности, которые могли скитаться и въ Венгріи, и въ Чехіи, и въ Польшѣ, прежде чѣмъ попасть на службу къ русскому князю. Въ самомъ *Словѣ* есть одно мѣсто не лишнее въ этомъ отношеніи интереса: упоманувъ о подвигахъ Кіевского Святослава, который *наступилъ на землю Половецкую, притопталъ холмы и овраги*, и сопоставивъ съ такими подвигами неудачный походъ Игоря, который *напрогивъ того все доброе похоронилъ на днѣ Каалы рѣчки, разсоулъ тамъ русское золото, лѣвецъ восклицаетъ:*

За то Нѣмцы и Венеціане,
За то Греки и Морава
Поютъ славу Святославу!

Эти Нѣмцы, Венеціане, Греки и Морава здѣсь обозначаютъ не непременно тѣ дальнія страны, въ которыя могла бы пожалуй проникнуть слава о подвигахъ Святослава; лѣвецъ тутъ могъ разумѣть тѣхъ пришельцевъ изъ разныхъ земель которые находились на службѣ у князя и числились въ его дружинѣ. Лѣвецъ *Слова* заставляетъ этихъ же самыхъ Нѣмцевъ, Венеціанъ, Грековъ и Моравовъ оплакивать тоже горькую удѣбу Игоря:

За то Нѣмцы и Венеціане,
За то Греки и Морава,
Поютъ славу Святославу;

Они корятъ князя Игоря,
 Который все доброе похорошилъ
 На дѣхъ Казань,
 Подловецкой рѣкѣ;
 Разсоришь тамъ русское золото.

Притомъ о присутствіи иностранцевъ въ княжіихъ дружинахъ извѣстно съ самыхъ отдаленныхъ временъ; въ лѣтописяхъ не упоминается почти ни объ одномъ князѣ безъ того чтобы не назвать между его ближними или служителями какого-нибудь иностранца: или Венгра, или одного изъ вышечтанныхъ лѣвцомъ Слова, или вообще Фряга. Многие изъ нихъ могли приносить съ собою и передавать своимъ товарищамъ по дружинѣ школьное образованіе тогдашней средневѣковой Европы, о которомъ мы говорили. Впрочемъ, это образованіе было привнесено еще прямо изъ Греціи и могло водвориться даже въ тѣхъ школахъ которыя послѣ принятія христіанства были заведены Святымъ Владиміромъ и особенно умножились во времена Ярослава.

Сочетаніе въ одномъ лицѣ и лѣвца и дружинника представляется совершенно естественнымъ. Съ этой стороны очень важно свидѣтельство Ипатьевскаго лѣтописца о какомъ-то *слувтьномъ лѣвцѣ Митусѣ* которому вмѣняли въ гордость его нехотѣніе служить князю Данилу. Здѣсь умѣсто будетъ написать это свидѣтельство, тѣмъ болѣе что иныя въ этомъ предсловіи Митусѣ хотѣли видѣть никого другаго какъ самого автора Слова о Полку Игоревѣ.

Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1241 годомъ читается:

„И слышавъ Костянтивъ Андреа грядуща нань, избѣгъ ночью. Андрей же не удоси (не застигъ) его, но удоси владыку и слуги его разграби гордые, и тулы ихъ бобровые разари и прилбицѣ ихъ волчье и борсуковые раздраны быша; слувтьнаго лѣвца Митусу, дремле за гордость не восхотѣвши служити князю Данилу, раздранаго акы связанаго приведоша.“

Уже давно было замѣчено что ни одинъ изъ древнихъ лѣтописцевъ не отличается такою искусственностью выраженія какъ Слово о Полку Игоревѣ. Мы не говоримъ объ этихъ дѣйствительно книжныхъ словахъ и выраженіяхъ, каковы: „лѣсоотворецъ“ вмѣсто поэтъ, „трудная повѣсть“ вмѣсто героическая поэма, „замышленіе Бояна“ вмѣсто фантазія Бояна. Такъ какъ не было современныхъ словъ для выраженія соответствующихъ понятій, то и понятно что для выраженія

пришлось сочинять слова и составлять ихъ искусственно. Но мы говоримъ про книжность и сочиненность еще такихъ выраженій и для передачи такихъ представленій которыя весьма точно и живо передавались въ народной поэзіи. Такъ напримеръ, желая выразить что Русскими было захвачено множество добычи у Половцевъ, такъ что бархатами и разными драгоценностями можно было мосты мостить по грязямъ да по болотамъ (оборотъ употребляемый весьма часто въ народной поэзіи) авторъ выражается такъ: „начали мосты мостить по болотамъ и грязивымъ мѣстомъ“. Выраженіе: *по грязиюмъ мѣстомъ*, конечно, правильно въ грамматическомъ отношеніи; но едва ли это живой языкъ, а не книжный.

Для выраженія самаго раннаго утра, чему въ народной поэзіи соответствуютъ обороты: до зари, до свѣта, наконецъ просто: равнымъ-равно, равнѣшенько,—пѣвецъ употребляетъ такую форму: „вельми равно“—выраженіе совершенно прозаическое и опять-таки книжное.

Такого рода книжность и, какъ мы выразились, *сочиненность* многихъ словъ и дѣльныхъ выраженій въ *Словѣ о Поэку Игоревѣ*, перемеживаясь то съ просторѣчiami, то съ мѣстными провинціализмами, образуетъ какую-то пеструю мозаику словъ. Такого-то рода мозаичность и обнаруживается въ языкѣ автора *Слова*. Наряду съ сочиненными и искусственно составленными словами, какъ „пѣснотворецъ“, „трудная повѣсти“ и пр. онъ то и дѣло употребляетъ еще такіа слова которыя явно относятся къ чисто мѣстнымъ провинціализмамъ и просторѣчiamъ. Сюда можно отнести: „засаложникъ“, „тектъ“, „клектъ“, „всѣрожать“, „кычетъ“, „каять“, „бусый“ и другіе. Замѣтимъ о послѣднемъ словѣ: „бусый“ что оно просто означаетъ *сѣрый*, и въ этомъ смыслѣ значится въ *Областномъ словарѣ*, какъ провинціализмъ Псковской губерніи. Въ этомъ значеніи слова *бусый* нельзя сомнѣваться уже потому что пѣвецъ *Слова* придаетъ его, какъ эпитетъ, волку; въ народной поэзіи и говорится всегда: *сѣрый волкъ*. Такимъ образомъ объясняется еще и выраженіе въ *Словѣ*: *бусый вранъ* (босови врани) переведенное иными: *блосовы воронѣ*. Такъ какъ вѣрону соответствуетъ всегда эпитетъ *черный вѣронъ* и цвѣтъ вѣрона таковъ дѣйствительно, откуда и выраженіе о черной масти: *воронѣй*, цвѣтъ вѣронова крыла, то *бусый вранъ* значитъ просто *воронѣна*, птица того же рода что и вѣронъ, но, какъ всѣмъ извѣстно, *сѣрая*.

Такъ какъ, впрочемъ, до насъ *Слова* дошло въ испорченной и искаженной редакціи, то было бы саишкомъ неблагоприятно дѣлать объ языкѣ этого памятника какіе-нибудь окончательные выводы; тѣмъ болѣе что, не говоря уже о цѣлостности поэмы и вообще о несомнѣнномъ поэтическомъ талантѣ автора, цѣлыя мѣста и отдѣльныя строчки, даже со стороны языка, представляютъ образцы высокаго творчества.

Повторяемъ, къ языку *Слова о Полку Игоревѣ* слѣдуетъ относиться съ крайней осмотрительностію, безъ чего ученыя критика ставится въ постоянную опасность принимать простую неумѣлость или погрѣшность автора, а иногда просто ошибку писца за вполнѣ законный архаизмъ.

Одно изъ воззваній къ Бояну у лѣвца *Слова* возбуждено сожалѣніемъ что не онъ, не славный Боякъ, воспѣваетъ походъ Игоревъ. „Кабы ты, Боякъ, воспѣлъ этотъ походъ!“ восклицаетъ лѣвецъ. „Кабы ты сложилъ славу нашему времени!“ Последній стихъ читается одними такъ: „Слѣвая славу оба-полы сего времени“, другими такъ: „Свивая славу оба-полы сего времени“. Такъ какъ выраженіе *сложитъ славу* совмѣщаетъ оба варьянта, и *слѣвая* и *свивая*, то именно его, кажется намъ, и слѣдуетъ удержатъ въ переводѣ. Но какъ передать это: „оба полы сего времени?“ Этимологія очевидна: объ половинахъ, объ стороны; но это не значитъ еще чтобы само выраженіе, вновь происшедшее отъ такого корня, и сложившееся въ особое самостоятельное слово, повторяло только буквально омыслъ своего корня. „Оба-полы сего времени“ едва ли не слѣдуетъ читать: „обаполъ сего времени“; а это на языкѣ даже нынѣшняго сельскаго простонародья означаетъ уже весьма простое понятіе: около нашего времени, близь нашего времени, вкругъ нашего времени и т. п. Такъ крестьянинъ говоритъ: всѣ обаполъ знаютъ, или: всѣ въ обаполи знаютъ, или даже: вся обаполъ знаетъ; во всей обаполи хлѣбъ не уродился. Поэтому, кажется намъ, всѣхъ вѣрнѣе перевелъ это мѣсто г. Вельтманъ: „слѣвая намъ современную славу“; напротивъ того, только затемняя простои смыслъ этого мѣста всѣ тѣ которые его объясняли намъ реніемъ лѣвца создать какой-то поэтической образъ свиванія времени прошедшаго, настоящаго и будущаго, „свивать славу Игоря со славою его предковъ“, „свить прошедшее съ настоящимъ, времена славы Олега и Игоря“.

Трояновъ валъ, который подозрѣвали въ *Словѣ о Полю Игоревѣ* въ стихѣ: „рища тролу Трояню“, весьма правдоподобно объясняется намяреною опиской мудрствовавшаго перепищика, который Трояню, поставилъ вмѣсто Бояню. И смыслъ дѣлается простъ и ясенъ. Такъ какъ предъ тѣмъ только лѣвецъ обращался къ Бояну, воспящемуся и по лѣсамъ и по облакамъ, съ приглашеніемъ вослѣтъ походъ Игоревъ, и въ заключеніи приступаетъ самъ къ описанію похода прилѣтками на ладъ Бояна, то это обращеніе въ цѣломъ вполнѣ вѣрно читается такъ: „Несясь во слѣдъ Бояну, чрезъ поля на горы, такъ бы надлежало лѣтъ лѣсамъ Игорю нынѣшнему лѣвцу, послѣдователю Бояна“ и приводятся примѣры записовъ.

Напротивъ того, въ другомъ мѣстѣ, гдѣ перепищикомъ поставлено „Бояню“ слѣдуетъ именно читать „Трояню“ или еще правильнѣе Тьмутораканю. Земля Тьмутораканская, впрочемъ, для перепищика которому не были чужды преданія о царѣ Траянѣ и о землѣ и войнѣ Троянской—земля Тьмутораканская, говоримъ, могла представляться Троянской землею или землею царя Траяна. Такъ какъ однакожь эта „земля Бояня“, а по другимъ „земля Траяна“ обозначена въ *Словѣ* весьма определенно: „у великаго Дона на берегу Сиваго моря“, то ясно что это Тьмуторакань, о которой вообще въ *Словѣ* упоминается то и дѣло; далѣе мы будемъ имѣть еще случаи подробнѣе разобрать это мѣсто.

Затѣмъ, имя собственно царя Траяна, оставившаго по себѣ кровавую память въ Славянахъ, уже не ошибочно, а согласно съ подлиннымъ стихомъ лѣвца, упоминается развѣ въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ рѣчь идетъ о кровавыхъ сѣчахъ, о „которѣ“ и о насилии.

При описаніи вторженія Игоря въ Половецкую землю, слѣдуютъ извѣстные стихи: „Дивъ кичеть врѣху древа, Зелить послушати земаи незнаемъ: Вльзѣ, и Поморію, и Посулію! И Сурожу, и Корсуню! И тебѣ Тьмутораканскій блѣванъ!“ Тутъ подозрѣваютъ мифическій смыслъ. Съ одной стороны, видятъ мифическое существо въ Дивѣ; съ другой, выраженіе „земаи послушати“ подаетъ поводъ къ смутнымъ догадкамъ. По нашему мнѣнію, настоящій смыслъ этого мѣста чрезвычайно простъ. Сейчасъ мы скажемъ подробнѣе о самомъ *дивѣ*; но вотъ общій смыслъ этого мѣста. Едва непріятель, то-есть русское войско,

вступилъ въ степь, которая отъ Суды и Волги до Сурожа и до самой Тьмоторакани уже была подъ властью поганыхъ Половцевъ (откуда и выраженіе: идолище Тьмотораканское), Дивъ и бьетъ тревогу на всю эту округу, отъ Волги до Тьмоторакани, призывая хозяевъ земли, Половцевъ, беречься вторгнувшихся чужеземцевъ. Кого же здѣсь разумѣютъ подъ Дивомъ?

Этимъ именемъ—объясняютъ иные—зовутъ зловѣщую птицу; филина; авторъ только и рисовалъ эту простую картину: зловѣщая птица прокричала съ вершины дерева, и жутко стало воинамъ Игоря. Этотъ зловѣщій крикъ отдался въ ихъ душѣ, какъ зовъ нечистой силы, кликнувшей Половцевъ противъ нихъ. Допустимъ что оно и такъ; но въ повѣсти всякое представленіе болѣе или менѣе фантастично и возбуждаетъ въ душѣ цѣлый строй впечатлѣній одморозныхъ, параллельныхъ. Поэтому и *дивъ* въ этомъ мѣстѣ можетъ означать кромѣ филина еще какой-нибудь зловѣщій образъ. Только нѣтъ никакой надобности разумѣть тутъ непременно что-нибудь таинственное и мистическое. Напротивъ того, сходственными поэтическія параллели могутъ тутъ быть совершенно простаго характера и отвѣчать самымъ фамиліарнымъ мотивамъ тогдашняго быта. Какой бы другой образъ, кромѣ филина, не разумѣлся въ зловѣщемъ дивѣ, ясно однакожь что этому образу приписывается именно вѣщаніе; во всякомъ случаѣ, это какой-то вѣстникъ; это какой-то вѣщунъ.

Намъ припоминается сторожевая жизнь степной русской украины и весьма характерный способъ карауловъ, устроенныхъ для наблюденія за степными хищниками. Этотъ способъ, со времени кievскихъ князей, боровшихся съ Половцами, сохранился еще и въ московскій царскій періодъ, когда врагами уже являлись Крымскіе Татары. На одинокихъ дубахъ, разбѣянныхъ по всей безпредѣльной равнинѣ, сидятъ сверху стражники, дозорцы, и пристально смотрятъ въ безконечную степную даль. Подъ дубомъ еще другой стражникъ, и два осѣданныхъ коня. Завидится вдали пыль или вообще кака-нибудь тревога отъ табуна или отъ войска, стражникъ подаетъ ключъ съ верху дерева; его товарищъ подъ дубомъ садится на одного изъ осѣданныхъ коней и ѣдетъ къ слѣдующему такому же пункту.

Но вотъ разказъ очевидца, котораго такой способъ степ-

ныхъ карауловъ поразилъ какъ иностранца, ничего подобнаго не видѣвшаго на своей родинѣ; разказъ, относящійся уже ко временамъ царей московскихъ, но какъ мы сказали, такой же способъ степной охраны существовалъ и во времена Киевской Руси.

„Намѣреваясь открыть непріателя въ обширныхъ степяхъ татарскихъ, Россіяне постулають слѣдующимъ образомъ: тамъ пролегають дороги, именуемыя Царскою, Крымскою и путемъ великаго хана; сверхъ того изрѣдка растутъ одинокіе, разсѣянные дубы, удаленные одинъ отъ другаго на 8, 10 и до 40 верстъ. По большей части, при каждомъ изъ нихъ становятся два ратника съ готовыми конями; одинъ сторожить на вершинѣ дерева, а товарищъ его кормить коней, совсѣмъ отъдѣленныхъ. Сии всадники смѣняются чрезъ четыре дня. Сидящій на вершинѣ дуба, замѣтивъ въ отдаленіи лыль, слѣзаетъ немедленно, не говоря ни слова садится на коня, скачетъ во весь опоръ къ другому дереву, кричитъ издали и показываетъ рукою, гдѣ видѣлъ непріателя. Стражъ втораго дерева, находясь на вершинѣ, уже издали замѣчаетъ скачущаго всадника и едва пойметъ изъ словъ его, или изъ знаковъ, съ какой стороны поднимается лыль, велитъ своему товарищу смотрявшему за конями, скакать къ третьему дереву. Такъ, уведомляя другъ друга, даютъ знать ближней крѣпости и наконецъ самой Москвѣ, не принося иной вѣсти, кромѣ того что видѣли непріателя; а нерѣдко вмѣсто людей, открывается конскій степной табунъ или стадо дикихъ животныхъ. Но когда стражъ оставашійся при первомъ деревѣ также прыскачетъ и подтвердитъ слова своего товарища, тогда съ прибытіемъ вѣстника войско берется за оружіе“ (Маржеретъ изд. Устрялова).

Въ приведенномъ разказѣ иностранца могутъ быть невѣрныя нѣкоторыя подробности, такъ напримѣръ иногда могъ товарищъ дозорца скакать по его крику съ дерева, иногда самъ дозорщикъ; но отъ этого ничего не измѣняется. Вотъ этихъ-то стражниковъ, вѣстниковъ, дозорцевъ—дружинники на своемъ фамильярномъ языкѣ и могли величать дивами, если подъ дивомъ дѣйствительно разумѣется сова злобѣщая. Впрочемъ, корень *див*, *дивится* самъ по себѣ означаетъ дозорца, такъ какъ въ малорусскомъ нарѣчій *дивиться* значитъ просто: глядѣть; а въ великорусскихъ губерніяхъ народъ говорить:

чему дивиться? если на что-нибудь пристально засмотрѣлись.

Такимъ образомъ, къ болѣе фамиллярнымъ представленіямъ которыя могли смѣшиваться съ общимъ поэтическимъ представленіемъ дива, относилось и представленіе о такихъ именно стражникахъ, о такихъ именно стелныхъ вѣстникахъ.

Когда первый стражникъ, возвѣстившій тревогу, самъ сподилъ съ дерева на землю и на своемъ собственномъ конѣ являлся въ городъ подтвердить тревогу, тутъ ужь войско немѣшкая выступало въ походъ противъ вторгнувшагося чужеземца. Вотъ это-то на фамиллярномъ (а вовсе не на торжественномъ) языкѣ дружинниковъ и могло значить: „Уже дивъ свергнулся на землю!“—выраженіе, которое даѣе и встрѣчается въ *Словѣ о Полку Игоревѣ*.

Послѣ разказа о томъ какъ Игоревое войско было разбито и самъ князь взятъ въ плѣвъ, есть мѣсто въ *Словѣ* которое наиболѣе смущало ученую критику. Для его объясненія придумали цѣлую гипотезу о двуликой сиренѣ, о какой-то мѣщической Дѣвѣ-Обидѣ. Мы совершенно упраздняемъ эту Дѣву-Обиду, и читаемъ это искаженное мѣсто такъ: „И вотъ, братья! ужь невеселое времячко наступило! Пустыня слыжку похоронила! Проснулась печаль-досада (обида) въ разбитомъ войскѣ князя!“ Здѣсь ставимъ мы точку, картина обним кончилась; и слѣдующій періодъ объясняетъ напротивъ того: какую радостью отозвалась вѣсть о побѣдѣ надъ русскимъ княземъ на азовскомъ побережьѣ въ самой Тьмутараканѣ, то-есть въ землѣ Половцевъ. Этотъ періодъ мы читаемъ такъ: а дивъ вступилъ на землю Тьмутараканскую и залеская лебединными крылами у Дону на берегу Сивяго моря, возвѣстилъ широкораздольныя времена. (Тьмутараканская земля въ устахъ умствовавшего книжника обратилась въ землю „Трояню“ и „Бояню“.)

Наше толкованіе этого мѣста (раздѣленіе одного періода на два различныхъ, при чемъ обиду относимъ только къ разбитому войску Игоря; и замѣна стиха: „Дѣвою вступила“ стихомъ „а дивъ вступилъ“) просто и правдоподобно. Оно воспроизводитъ поэтическую картину которая такъ естественно возникла въ воображеніи плѣвца: печаль-досада въ разбитомъ войскѣ; обида съ одной стороны; и ликованіе побѣды съ другой, то-есть у Половцевъ въ Тьмутараканѣ! Это толкованіе подтверждается подлинникомъ Пушкинской редакціи; у него

читаемъ: „вступилъ“, а вовсе не „вступила“. Такъ какъ сказуемое: *вступилъ* отнесли къ подлежащему: Дѣва-Обида, то естественно было замѣнять мужскую форму глагола формою женской. Но замѣчательно что были еще, кромѣ того, ученыя попытки объяснить самую эту неправильность сочетанія подлежащаго со сказуемымъ миеологическими догадками. Дѣва-Обида, говорили, есть не что иное какъ миеологическая Сирена; а Сирена уже дѣйствительно представляется существомъ то мужескаго, то женскаго рода. Въ этомъ будто на мѣреніи лѣвецъ и употребилъ мужской родъ *вступилъ*, говоря о Дѣвѣ-Обидѣ.

Наше толкованіе этого мѣста, скажемъ въ заключеніе, подтверждается еще параллельнымъ мѣстомъ Слова которое повторяетъ опять ту же картину, то-есть съ одной стороны ликованіе Половцевъ въ Тьмуторакани, съ другой горестъ разбитаго войска Игоря: именно, бояре Святослава въ Кіевѣ, въ отвѣтъ на его разказъ о видѣнномъ зловѣщемъ снѣ, говорятъ: на рѣкѣ Кагалѣ тьма свѣтъ покрыла, Олегъ и Святославъ заволоклись тьмою. Князьямъ-соколамъ крылья подрѣзаны; ихъ олутали въ желѣзные луты, а въ то же время на Азовскомъ поморьѣ, въ Тьмуторакани, ликованіе лобѣды. Тамъ дѣвушки заиграли веселыя лѣсни, и позваниваютъ русскимъ Игоревымъ золотомъ. Ясно что это только параллельное воспроизведеніе той же картины, повтореніе того же описанія.

Если можно привести еще другое мѣсто въ *Словѣ о Поюку Игоревѣ*, которое подавало поводъ къ такимъ же недоразумѣніямъ какъ пресловутое мѣсто о Дѣвѣ-Обидѣ, такъ это слѣдующее. Пожалѣвъ о старыхъ временахъ единодержавія Владиміра, лѣвецъ говоритъ такъ: а нынѣшъ подѣлились полковыя знамена Владиміра между его потомками. Одни знамена принадлежатъ князю Рюрику, другія—князю Давиду; но уже въ разницу развѣваются ихъ лохмотья. Картина въ высокой степеніи логическая и въ то же время чрезвычайно простая. Но это мѣсто долгое время читалось совершенно неправильно. „Стяги“, знамена, было прочтано: *сташа*; выраженіе: развѣваются, распахиваются, было понято въ смыслѣ воздѣлыванія земли пахотою: „пашуть“; возвратное мѣстоименіе *ся*, отнесли къ слову *розно*, которое въ свою очередь было принято за *роза*, *рози*. Выходитъ чудовищный смыслъ; но на немъ

настаивали. „Но рози нося имъ, хоботы лашуть“. „Это безхитрое, ясное выраженіе (говорить одинъ изъ глоссаторовъ) почитается загадочною фразой, однимъ изъ самыхъ темныхъ мѣстъ въ поэмѣ, и толкованія одно другаго страннѣе. Это выраженіе пѣвецъ не выдумалъ, а подслушалъ въ народѣ, который былъ истощенъ безпрестанными войнами. Отдавая лучшихъ мужей, силу свою, *роги*, въ полки Рюрика и Давида, приходилось пахать оставшимися въ селахъ хвостами, слабыми женщинами и старцами.“ (Вельтманъ)

Есть еще одно мѣсто въ *Словѣ* которое, по мнѣнію большей части глоссаторовъ, объяснено какъ нельзя лучше, но которое едва ли не было бы благоразумнѣе вовсе выбросить, обозначивъ точками, какъ явное искаженіе или какъ такое четверостишіе въ которомъ ошибокъ и описокъ больше чѣмъ стиховъ. Пѣвецъ оплакалъ несчаствіе Игоря поэтическими стихами: „Высоко занесся соколъ, птиць сбивая къ морю! Храбрыхъ Игорева войска—вѣтъ, не воскресить ужъ;“ И прежде чѣмъ перейти къ описанію плача жень по всей Русской землѣ, говорить, по Пушкинской редакціи, слѣдующее: „За нимъ кликну, карма и жля поскочи по русской землѣ, смагу мычучи въ пламявѣ розѣ. Жены русскія восплакашась“ и пр.

Карму и *Желя* глоссаторы обратили въ собственные имена половецкихъ хановъ, и устремивъ ихъ съ огнемъ и мечомъ на русскія села, они вставили имъ въ руки какой-то пламенный рогъ, изъ котораго будто, какъ изъ древняго огнестрѣльнаго оружія, ханы метали огонь и вообще зажигательные снаряды. Картина смѣлая. Половцы Карма и Желя скачутъ по русской землѣ и мечутъ огонь изъ пламеннаго рога! Но, *вопервыя*, современные половецкіе ханы были Гзакъ и Кончакъ, поминутно поминаемые въ самомъ *Словѣ* и которыхъ имена подтверждаются лѣтописями; напротивъ того, о Кармѣ и о Желѣ видѣ нѣтъ ни слуху, ни духу. А *во вторыя* самая картина древняго огнестрѣльнаго оружія въ видѣ какого-то пламеннаго рога, изъ котораго мечется смага, картина саишкомъ натянутая. Такимъ образомъ и простое художественное чувство, и грамматическій смыслъ, одинаково не допускаютъ принять такое толкованіе этого очевидно испорченнаго и совершенно искаженнаго четверостишія. По связи смысла съ предшествующимъ и слѣдующимъ, по сличенію этого мѣста съ заклю-

чительными стихами: *Жалость и печаль потекли жирно по Русской землѣ*, едва ли не будетъ правильнѣе допустить что *жѣсь* говорится не о половецкихъ ханахъ, а о той именно жалости и печали которыя текли по Русской землѣ, оглашаясь волами въ народѣ. Такимъ образомъ при вступленіи къ описанію плача и горести повторились бы тѣ же самыя выраженія которыми заключено описаніе,—оборотъ не одинъ разъ употребляемый лѣвцомъ. При такомъ воссозданіи этого мѣста можно будетъ по крайней мѣрѣ опредѣлить элементы искаженныхъ словъ. *Карна*, быть - можетъ, должно читать просто „жирно“, какъ и читается дальше въ стихѣ: „Печаль жирна тече средь земли Русской“; а для объясненія слова „Жела“ довольно указать слѣдующія мѣста лѣтописей о томъ же событіи: „и тако въ день Воскресенія наведе на ны плачь и жаль на рѣцѣ Каялы“, „въ радости мѣсто наведе на мя плачь, а въ веселье мѣсто желю.“ Такое простое объясненіе, повторяемъ, оправдывается заключительными стихами этого описанія, которые обыкновенно составляютъ лишь перифразисъ начала, общеупотребительный приѣмъ у лѣвца на протяженіи всей поэмы. Но такъ или иначе, а отъ половецкихъ хановъ Карны и Жели приходится рѣшительно отказываться.

Въ одной изъ самыхъ послѣднихъ строфъ поэмы есть еще одно искаженное мѣсто; отъ него отказывались даже такіе глоссаторы которые не смущались строфами ни о Двѣхъ Обидѣхъ, ни о пашущихъ рогахъ населенія. Вотъ оно по Пушкинской редакціи: „Рекъ Боянъ и ходы на Святослава лѣснотворца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти тѣтко ти головѣ, кромѣ плечю, зло ти тѣау кромѣ головы“. Это мѣсто дало поводъ, между прочимъ, одному ученому обвинять Бояна во враждебности ко всемъ прочимъ княжескимъ лѣвцамъ. Боянъ, утверждалъ этотъ толкователь *Слова о Поэку Игоревѣ*, ходилъ на Ярославова лѣвца какою-то войною. Сбивчивость этого мѣста совершенно уничтожится, если допустить самыя незначительныя поправки; вмѣсто *ходы* на читать *годити*, или *годить*—слово весьма часто употребляемое лѣвцомъ, и еще слѣдуетъ отнести *хоти* (въ чемъ подозревали родительный падежъ существительнаго *хоть*, душа, жена) къ самой поговоркѣ о головѣ безъ плечъ или тѣла безъ головы, какъ простой союзъ *хотя*. „Хоть и тѣтко тебѣ головѣ безъ

плечъ, однакожь горе и тебѣ, тѣлу безъ головы!“ такую древнею поговоркою выражалась печаль земли, осиротѣвшей безъ князя когда онъ уходилъ въ походъ или погибалъ въ бою. Печаль знакомая княжествамъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ! Мудрено ли что и самую поговорку или припѣвку, въ которыхъ выражалась эта постоянная печаль Русской земли, приходилось повторять пѣвцамъ чуть ли не всѣхъ княженій. Прибѣгнувъ къ этой же поговоркѣ для выраженія скорби Русской земли безъ Игоря, пѣвецъ *Слова* естественно могъ упомянуть что она, эта извѣстная поговорка, повторялась и баснословнымъ Баяномъ, и всѣми пѣснотворцами стараго времени, какъ Ярослава, такъ и Олега князя. *Коганъ* вмѣсто князь говорилось въ старину въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ; пѣвецъ *Слова* могъ употребить это слышанное имъ, и встрѣченное въ рукописяхъ, выраженіе безъ строгаго разбора. Такимъ образомъ, указанное мѣсто мы читаемъ такъ: Говорилъ Боянъ, и години Святославовой пѣснотворцы стараго времени, а также и пѣснотворцы Ярослава и Олега князя: хоть тяжко тебѣ, головѣ безъ плечъ; но тяжко и тебѣ, тѣлу безъ головы, Русской землѣ безъ Игоря.

Въ *Словѣ о Полку Игоревѣ* редація не только цѣлыхъ періодовъ, но даже отдѣльныхъ строкъ, наконецъ отдѣльныхъ словъ, или простое опущеніе частицы *же*, а иногда напротивъ приставка этой частицы гдѣ не слѣдовало, вводили въ большое заблужденіе критику.

Боянъ пѣвецъ называется соловьемъ стараго времени. „О Бояне! соловію стараго времени!“ говоритъ онъ въ одномъ стихѣ, который не подаетъ повода подозрѣвать въ немъ поврежденности. Этимъ стихомъ и слѣдуетъ руководиться для истолкованія прочихъ стиховъ о Боянѣ, которые, напротивъ, обличаютъ испорченность редаціи. Въ извѣстномъ описаніи фантазіи Бояна, который взвивался какъ орелъ подъ облаками, есть еще стихъ, читаемый иными: „Растѣкашется мыслію по древу.“ Это *мыслію* принималось другими за *мышью*, мышью; наконецъ, если не мышью, то векшею, бѣлкою. Строгость параллелизма дѣйствительно требуетъ чтобы фантазія Бояна, летавшая орломъ подъ облаками, растекалась бы и по дереву не чѣмъ-нибудь, а кѣмъ-нибудь. Вмѣсто *мыслію*, и слѣдуетъ читать: „Растѣкашеть славіемъ по древу.“ Что здѣсь опискою поставлено *мыслію*, а слѣдуетъ читать: *славіемъ*, до-

казывается именно послѣдующимъ мѣстомъ, въ которомъ Боянъ прямо называется соловьемъ, и вслѣдъ за такимъ прозвищемъ соловья, прибавлено еще: „скача соловьемъ по дереву“. Но куда же дѣвалось: *мыслию*? Такъ какъ въ этомъ стихѣ нельзя было обойти соловья, а прямо оказано: „скача соловьемъ по дереву“, то переписчикъ, введенный въ заблужденіе предыдущею оплошкою: *мыслию по дереву*, вставилъ отъ себя *мысль* и въ этотъ новый стихъ: вышло безграмотное *скача соловьемъ по мыслиму дереву*. Для исправленія слѣдуетъ читать въ предыдущемъ стихѣ: соловьемъ по дереву; это же самое повторить и въ послѣдующихъ стихахъ, выкинувъ только ошибочно вставленное „мыслему“. Смыслъ такимъ образомъ получается несомнѣнный и ясный.

Подыюкивая припѣвки на старинный ладъ, на ладъ Бояна, для описанія выступленія въ походѣ, лѣвецъ иносказательно говоритъ съ одной стороны о Русскихъ, которые молодцами идутъ черезъ широкую стель, съ другой стороны о Половцахъ, которые также понесли къ Дону на встрѣчу врагамъ. Поятенъ по этому стихъ: не буря понесла соколовъ черезъ стель широкую (что относится до Игорева войска); не галки стадами бѣгутъ къ великому Дону (что относится къ Половцамъ). Но такъ какъ частица *не* пропущена въ Пушкинской редакціи при второмъ стихѣ, то и представляетъ совершенную бессмыслицу стихъ употребляемый иными: не буря понесла соколовъ черезъ широкую стель, а это галки бѣгутъ стадами къ великому Дону.

При видѣ солнечнаго затменія, князь Игорьъ, не смутясь дурнымъ предзнаменованіемъ, говоритъ рѣчь дружинѣ о походѣ на Половцевъ. Рѣчь князя въ этомъ мѣстѣ перебита на двое слѣдующею вставкою: „Спала князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе заступы искусити великаго Дону“. Это *похоти* иные объясняли тѣмъ что князю на умъ вспала мысль о *жени*. „Хоть“ въ смыслѣ душевѣка, а душа въ смыслѣ любимой жены, дѣйствительно употреблено одинъ разъ авторомъ въ стихѣ: „своей милой хоти, красной Глѣбовны!“ Но здѣсь напрасно искать того же смысла. Такъ какъ въ древнемъ стихотворствѣ придается большое значеніе именно параллелизму, причемъ соблюдается строгая симметричность всѣхъ подлежащихъ и сказуемыхъ, а далѣе въ этомъ мѣстѣ слѣдуетъ „знаменіе заступы“, то едва ли не справедлива догадка Вельтмана

что *похоты* есть только испорченное „похыте“ сказуемое къ подлежащему „спала“, а „спала“ есть существительное, и въ этомъ случаѣ подлежащее, обозначающее: пылъ, пылакость. *Спала*, можетъ быть наковецъ ошибочно написано вмѣсто: Слава; во всякомъ случаѣ, впрочемъ тутъ и пылъ, пылакость употреблено въ смыслѣ славы и славолюбія. На этомъ основаніи этотъ стихъ можно истолковать такъ: Слава князю умъ вокружила, или: пылакость отвала умъ у князя. Но во всякомъ случаѣ, переводъ этого мѣста стихомъ: Князю пришла мысль о жевѣ—свѣдуетъ рѣшительно отвергнуть.

Къ труднымъ мѣстамъ, не дававшимъ возможности какого объясненія, можно еще отнести свѣдующія выраженія при описаніи Полоцкаго князя Всеслава: „Клюками подперся о коню“ и „возни стрикусы.“ Последнее объясняли какими-то подвижными возами со стѣнобитными орудіями, съ помощью которыхъ Всеславъ будто овладѣлъ Новгородомъ. Вѣрнѣе предположить искаженіе текста. Такъ какъ въ описаніи Всеслава тянется непрерывный рядъ глаголовъ, сказуемыхъ: Всеславъ металъ жребій, подперся клюками, поскакалъ, достигнулъ и такъ далѣе; въ каждомъ стихѣ отдѣльный глаголъ, отдѣльное сказуемое, то можно заключить по параллелизму что и „возни“ долженъ быть глаголъ со смысломъ сказуемаго, и по всей вѣроятности: *вожи*, *вожилъ*. Такъ какъ притомъ Всеславъ представленъ какимъ-то рыскающимъ звѣремъ, рыцаремъ не покидающимъ коня ни днемъ, ни ночью, то къ его фигурѣ по *Слову о Полку Игоревѣ*, всего приложимѣ картина именно всадника который то и дѣло коню задаетъ шпоры. Слово „колки“ въ смыслѣ шпоръ могло употребляться встарину; вѣроятно „клюками“ есть только описка вмѣсто „колками“. Слѣдовательно *подперся колками* значитъ втиснулъ въ коня шпоры, чему и отвѣчаетъ свѣдующій стихъ: и повнеся къ городу Киеву. Но если „той клюками подперся о коню“ дѣйствительно значитъ втиснулъ въ коня шпоры; то всего вѣроятнѣе что и въ послѣдующемъ стихѣ *вожи стрикусы* повторена только прежняя картина: *вожилъ шпоры*, или просто: *задалъ шпоры*.

Нѣтъ надобности останавливаться на мелкихъ подробностяхъ, которыя конечно всякій изучавшій этотъ памятникъ знаетъ наизусть и, увидавъ ихъ въ нашемъ переложеніи вѣскольکو въ иной редакціи, самъ себѣ отдастъ отчетъ: почему мы именно такъ, а не иначе читаемъ подлинникъ.

Приступаемъ къ самому переложенію:

Вотъ, на что бы лучше, братья,
Начать намъ на старинный ладъ
Важное сказанье
О походѣ Игоря—
Игоря Святославича?
Начаться же той лѣснѣ
По современнымъ событіямъ,
А не по сочиненію Бояна.

А когда Боянъ вѣщій
Хотѣлъ кому лѣснѣ творить —
Онъ рсточался соловьемъ по дереву,
Сърымъ волкомъ по землѣ,
Сизымъ орломъ подъ облаками.

Помните ль — бывало скажетъ —
Первыхъ временъ усобицы?
И какъ напуститъ десять соколовъ
На стаю лебѣдокъ...
Которую настигаетъ —
Та и залѣвала напередъ:

(Старому Ярославу,
Храброму Мстиславу,
Что зарѣзалъ Редедю
Предъ локнами Косожскими,—
Красавцу Роману Святославичу).

Боянъ-то, братья,
Не десять соколовъ
Пускалъ на стадо лебединое,
А пальцы вдохновенные свои
Положить только на живыя струны—
И онъ ужь сами
Князьямъ гремѣли славу.

Начнемъ-те же такую ловѣсть, братья,
Отъ стараго Владиміра
До нынѣшняго Игоря,
Какъ онъ умъ свой испыталъ твердостью,

Сердце изощрилъ мужествомъ,
 Исполнился ратнаго духа
 И навелъ свои храбрые локки
 На землю Половецкую
 — За землю Русскую.

Вотъ, Игорь поднялъ взоръ на свѣтлое солнце
 И видитъ: всѣ его воины
 Прикрыты отъ него затмевьемъ.

И сказалъ Игорь
 Своей дружинѣ:
 „Братья и дружина!
 По-нашему: лучше мертвымъ пасть
 Чѣмъ живымъ въ лѣвнѣ дасться.
 Сядемъ-ка, братья, на своихъ борзыхъ коней,
 Да посмотримъ-ка синяго Дону!“

Слава князю умъ лѣвила;
 Желанье попытать Дону великаго
 Ему и знаменье засловило.
 „Хочу, говорить, копье преломить
 Объ край поля Половецкаго,
 Съ вами, Русскіе!
 Мнѣ хоть голову свою положить,
 А лишь бы испить
 Шлемомъ Дону!“

О, Боявъ,
 Соловей стараго времени!
 Кабы ты воспѣлъ этотъ походъ—
 Соловьемъ рассылаясь по дереву,
 Летая орломъ подъ облаками,—
 Сложилъ бы намъ славу вкругъ нашего времени!

Слѣдуя за Бояномъ
 Черезъ поля на-горы,
 Такъ бы было лѣтъ лѣснь Игорю
 Боянову потомку:
 „Не буря понесла соколовъ
 Черезъ поля широкія,
 Не галки стадами бѣгутъ
 Къ великому Дону!...“

Или еще вотъ бы какъ,
 О, вѣщій Боявъ,
 Ваукъ Велесовъ!

— Кони ржутъ за Сулою,
 — Гремить слава въ Кіевѣ,
 — Трубы трубятъ въ Новѣградѣ,
 — Знамена разстанавливаются въ Путиваѣ.

Игорь ждетъ своего милаго брата Всеволода.
 И сказалъ ему удамой Всеволодъ:

„Одинъ у меня братъ,
 Одинъ мой свѣтъ свѣтлый,
 Ты Игорь —
 Оба мы Святославичи!“

„Ты сѣдай же, братъ,
 Своихъ борзыхъ коней:
 А мои тебѣ давно готовы,
 Напередъ у Курска осѣданы!
 А мои Куряне—чѣмъ не молодцы славные?
 Вспеленуты подъ трубами,
 Баюканы подъ племами,
 Концомъ кольца вскормлены.
 Дороги—все имъ извѣстныя!
 Овраги—все имъ знакомыя!
 Луки у нихъ натянуты.
 Колчаны вскрыты,
 Сабли отлущены,
 Скачутъ какъ сѣрые волки въ поле.
 Ищутъ чести самимъ себѣ,
 А князю славы.“

Тогда вступилъ Игорь князь
 Въ золотое стремя,
 И поѣхалъ по чистому полю,—

А солнце ему тьмою путь застиладо.

И вотъ ночь, застоявъ грозой, птиць в збудила;
 Подъ-лѣсу пошелъ свистъ звѣриный;
 Злой вѣщувъ кличетъ вверху дерева,
 Ведать стерецься
 Невѣдомыхъ чужеземцевъ
 — И Волгѣ, и Поморью, и Посулю,
 Сурожу и Корсуни,
 И тебѣ, идолище тматораканское!

Сами Половцы, по дорогамъ неизготовленнымъ,
 Побѣжали къ великому Дону;
 Раскрипѣлись ихъ арбы въ полвочь,
 Какъ распуганные лебеди, сказать бы.

Игорь войско къ Дону ведеть.
 Ужь бѣда его манить птиць по-удолью;
 Волки зачуяли грозу по оврагамъ;
 Орлы клеткомъ сзываютъ звѣрей на кости;
 Лисицы такъ и лаютъ на багряные щиты.

О, Русь!
 Ты — уже за рубежемъ.

Долго ночь меркнеть,
 Свѣтъ-заря запала,
 Мгла поля покрыла,
 Щелканье соловьевъ смолкло,
 Галочій говоръ утомился.
 Русскіе всю широкую степь
 Загородили багряными щитами,
 Ищутъ чести самимъ себѣ,
 А князю славы.

Въ лѣтащу, на зарѣ рано,
 Они потоптали поганые
 Половецкіе полки;
 И, разсыпавъ лѣ-полю стрѣлами,
 Забрали красныхъ дѣвокъ половецкихъ,
 А съ ними золота и лаволокъ,
 И дорогихъ бархатовъ.
 Армячками, яланчейками, кожухами,

Начали мосты мостить
 По грязямъ да по болотамъ —
 И всякими драгоценностями Половецкими.

А красное древко—хоругвь бѣлая —
 Красная чѣлка—наконечничекъ серебряный,—
 Вотъ добыча самого Святославича.

И заночевало въ полѣ
 Храброе Олегово гнѣздо,—
 О, какъ далѣко залегло!

Породили его не затѣмъ чтобъ въ обиду дать:
 Ни соколу, ни кречету,
 Ни тебѣ, черный воронъ,
 Поганый Половчанинъ!

Хавъ Гзакъ бѣжитъ сърымъ волкомъ,
 Кончакъ ему заправляетъ слѣдъ
 Къ великому Дону.

И на другой дѣнь ранѣшенько
 Кровавыми зрамаи разсвѣтъ возвѣщается.
 Черныя тучи идутъ съ моря,
 Въ нихъ трелещутъ синія молніи,—
 Прикроютъ они собой четыре красныхъ солнышка!
 Быть грому великому!
 Идти дождю стрѣлами
 Съ великаго Дону!
 Здѣсь-то будетъ кольямъ приломаться!
 Здѣсь-то натрепцаться саблямъ
 Объ племы Половецкіе
 — На рѣкѣ Каалѣ
 У великаго Дону.

О, Русь!
 Ты уже за рубежомъ!

И вотъ съ моря—вѣуки Стрибога —
 Вѣтры повѣвали стрѣлами
 На храбрые Игоревы поаки....

Земля задрожала отъ гула,
Рѣки потекали мутно,
Вся степь покрывается пылью.
Знамѣна заговорили...

Это Половцы идутъ отъ Дона и отъ моря;
И со всѣхъ сторонъ
Они русскіе полки обступили.
Буссово отродье,
Они кликами покрываи всю степь;
А храбрые Русскіе
Загородились багряными щитами.

О, удалой Всеволодъ!
Ужь ты выступилъ на оборону.
Прыщешь на враговъ стрѣлами,
Гремишь объ шлемы
Воронеными мечами.
Куда обернешь коня,
Золотымъ шлемомъ посвѣчивая,—
Тамъ и валятся поганыя
Головы Половецкія.
Ищелемы саблями калеными
Ихъ аварскіе шлемы—
Тобою, все тобой, яръ-туръ Всеволодъ!

„Братцы! важны ли тому какія раны
Кто забылъ жизнь и почести!
Ужь не ломайте города Чернигова,
Ни отцовскаго золотого стола,
Ни даже своей души милой
Красной Глѣбовны —
Совѣта и привѣта?“

Былъ вѣкъ Траяновъ.

Прошли года Ярославовы.
Миновали и Олеговы походы
— Олега Святославича.
Ужь какъ тотъ Олегъ
Мечомъ крамолу коваль,
Онъ ее стрѣлами по землѣ сѣвалъ.

Вступаетъ, бывало, въ золотое стремя
 Еще въ городѣ Тьмуторакани,
 А ужъ звонъ слышалъ
 Издали великій
 Ярославъ сынъ Всеволодъ.
 А Владиміръ—тотъ каждое утро
 Себѣ уши затыкалъ въ Черниговѣ.

Бориса же Вячеславича
 Слава на судъ привела.
 Уложила его на смертный зеленый коверъ
 Храбраго и молодого князя
 —Все изъ-за обиды Олеговой.

Съ такой же, съ Каялы,
 Поволокъ тогда Святополкъ отца своего
 —Окруженъ венгерскою конницею—
 Ко святой Софіи, къ Кіеву.

Тогда, при Олегѣ Гориславичѣ,
 Засѣвалось, заростало усобицей,
 Загибало достоянье Дажь-Божьяго внука;
 Отъ княжескихъ крамолъ
 Вѣкъ людей сократился.
 Тогда по Русской землѣ
 Рѣдко покликивали оратаи,
 Но часто ворона каркали,
 Дѣля трупы между собою;
 Да галки заговаривали свои рѣчи
 Сбираясь летѣть на покормку.

Вотъ что было въ тѣ рати и въ тѣ войны,
 А такой рати еще и не слыхано!

Съ утра до вечера,
 Съ вечера до свѣта,
 Летятъ стрѣлы каменя,
 Гремятъ сабли обо шлемы,
 Трещать копыя вороныя

—Въ степи безвѣстной
Среди земли Половецкой.

Черная земля подъ колытами
Костями была усѣяна,
Полита кровью,—
И горемъ всходы взошли
По Русской землѣ.

Что это шумить?
Что это звенить?
...Тамъ далеко—передъ утренней зарею?
Это Игорь заворачиваетъ полки:
Ему жаль брата,
Милаго брата Всеволода.

Бились день,
Бились другой;
На третій день къ полдню
Пали Игоревы знамена.

Здѣсь, на берегу быстрой Каалы,
Два брата между собой разлучились!
Здѣсь кроваваго вина не достало;
Здѣсь до конца пиръ покончили
Русскіе богатыри.

Святѣвъ валоцли,
Да и полегаи сами
За землю Русскую.

Повила трава отъ жалости,
И дерево съ тоскою
Къ землѣ приклонилось.

И вотъ, братцы,
Ужь невеселое времячко наступило!
Пустыня силушку лохоронила.
Проснулась печаль-досада
Въ войскѣ Дажь-Божьяго внука.

А вѣщунъ ступилъ на землю Троянскую
 И лебедьими тамъ залескалъ крылами!
 На сивемъ морѣ
 У Дону плещучи,
 Возвѣстилъ широко-раздольныя времена!

Въ князьяхъ усобица, а намъ отъ логаныхъ погибель.

Какъ сталъ говорить братъ брату:
 „Это мое, а вотъ это мое-же“—
 И начали князья про малое
 „Ахъ, это великое!“ молвить—
 Сами на себя крамолу ковать начали.
 А логаные со всѣхъ сторонъ
 И пошли приходить съ лобѣдами
 На землю Русскую.

Далеко занесся соколъ,
 Птицъ сбивая къ морю!
 ...Храбрыхъ Игорева войска
 Нѣтъ, не воскресить ужь!

Кликнули по немъ! Жалость широко
 Потекла по Русской землѣ

.....
 Жены русскія восплакались,
 Причитывали:
 „Уже намъ своихъ милыхъ дружковъ
 Ни мыслею не смыслить,
 Ни думою не вздумать,
 Ни очами на нихъ не поглядѣть;
 А того золота и серебра
 Не думай и потрогать!“

И застоналъ, братья,
 Кіевъ тоскою,
 И Черниговъ отъ налестей.
 Тоска разлилась
 По всей Русской землѣ,
 И печаль потекла широко.

Да! князья сами на себя
 Крамоу ковали,—
 А погачые (которыхъ сами они и обрушили
 На Русскую землю съ побѣдами)

Брали дажь
 Отъ двора по бѣлѣ.
 Ужь эти два храбрыхъ Святославича,
 Игорь и Всеволодь,
 Только разбудили старинное зло,—
 А какъ, было, усыпалъ его
 Отецъ ихъ, Святославъ Грозный,
 Великій Кіевскій!

Какъ грозно, было, притрепалъ онъ ихъ
 Своими сильными полками,
 Булатными мечами.

Онъ наступилъ на землю Половецкую,
 Притопталъ холмы и овраги,
 Помутилъ рѣки и озера,
 Иссушилъ потоки и болота;
 А того поганого Кобыка
 — Изъ среды его великихъ желѣзныхъ
 Полковъ Половецкихъ—
 Будто вихремъ вырвало изъ Лукоморья,
 И лалъ-очутился Кобыкъ въ Кіевъ—
 Въ гридницѣ у Святослава.

За то Нѣмцы и Венеціане,
 За то Греки и Моравы
 Поютъ славу Святославу,—
 Они олакиваютъ князя Игоря,
 Который все доброе похоронилъ
 На дѣлѣ Каялы,
 Половецкой рѣки,—
 Разсорилъ тамъ русское золото.

Тамъ князь Игорь былъ высаженъ
 Изъ княжескаго золотого сѣдла
 Въ сѣдло невольника.

Приуныли по городамъ ихъ зубчатыхъ стѣнъ,
 Все веселіе покикло.

Святославъ видѣлъ смутный сонъ
Въ Кіевѣ на горахъ.

— Всю ночь, говорить, съ самаго вечера,
Одѣвали меня, покрывали меня,
Черными гробовыми покровами—
На кровати тесовой.

Подносили мнѣ синее вино
Съ горечью смѣшанное.

Изъ пустыхъ кочановъ
Погааныхъ кочевниковъ

Сылають мнѣ на ложе крупнымъ жемчугомъ,
Да еще и ублажаютъ меня!

Ужъ одѣтъ стѣны голая! А угловъ нѣтъ!
Въ теремѣ моемъ златоверхомъ.

Съ вечеру во всю ночь
Каркали вороны
У Пльньска, на Подолѣ,
Гдѣ дебрь Кисанова,—

И повесло ихъ вдругъ къ синему морю!

И отвѣчали бояре князю:

„— Князь! Ужъ тоска умъ лѣвила.

Это, вотъ, два нашихъ сокола слетѣли съ гнѣзда,

Съ отцовскаго золотого стола—

Поискать города Тьмуторакави,

Или испить

Шлемомъ Дону!

Да ужъ соколамъ крылышки

Ольшаны саблями поганыхъ;

Ихъ самихъ олутали

Въ желѣзные луты.

Какъ была темнота третьяго дни,

Еще два соловышка померкли,

И оба багровыхъ стола угасли,—

Закатались съ ними и два молодыхъ мѣсяца,

Олегъ и Святославъ—

Въ морѣ заволоклись тьмою!

Дерзость великая взялась у хана.

На рѣкѣ Каялѣ
 Тьма свѣтъ покрыла,
 По всей Русской землѣ
 Высыпали Половцы
 Пуще чѣмъ рысиные выводки.
 Ужь худа спеслась на хвалу,
 Разразилась бѣда надъ волей!
 Злой вѣщувъ свергнулся на земаю!
 Вонъ ужъ готескія красныя дѣвушки
 Заиграли веселыя лѣсны
 На берегу сиваго моря.
 Русскимъ золотомъ позванивая
 Овѣ поютъ время Буссово,
 Прославляютъ отмищенъе Турорканово,—
 А мы, твоя дружина, только и ждемъ весельца! *—

Тогда великій Святославъ
 Выронилъ золотое слово
 Со слезами смѣшанное,
 И сказалъ:

— О, мое племячко,
 Игорь и Всеволодъ!
 Равно же вы затѣяли
 Половецкую землю мечами крушить,
 А себѣ искать славы!
 Да неудачно вы напали,
 Неудачно и поганую кровь пролили.
 О, ваши храбрыя сердца
 Кованы жестокою ковкой,
 И закалены въ смѣлости,—
 Но вотъ чего натворили
 Вы моею серебряной сѣдницѣ!
 Не увижу я больше власти сильнаго и богатаго,
 Ни множества воиновъ брата моего Ярослава
 Съ его черниговскими вольными людьми,
 Съ Могущими, и съ Татранами,
 Съ Шельбирами, и съ Толчаками,
 И съ Ревугами, и съ Ольберами!
 Тѣ вонъ безъ щитовъ, съ своими засапожными ножами,
 Однимъ кликомъ побѣждаютъ полки,
 Гремя славою моего пращѣда!

А вы похвалялись: возьмемся-ка сами!
 Славу, что впереди насъ—захватимъ,
 А что позади насъ—съ собой подѣлимъ!

Что жь, братья!
 Диво что ль, думаете, мнѣ старому помолодѣть?
 Когда соколъ въ мыту бываетъ,
 Тутъ-то онъ и сбиваетъ лтиць высоко,
 Не отдастъ своего гнѣзда въ обиду!
 Да вотъ гдѣ зло: князья мнѣ больше не пособники,
 Ницкѣмъ времена извернулись!

Слышите ли: ужь кричать въ Ромнахъ
 Подъ саблями поганыхъ Половцевъ?
 Ужь князь Владиміръ весь въ ранахъ лежитъ—
 Тягота и тоска Глѣбовичу!

О, великій князь Всеволодъ!
 У тебя и въ мысляхъ нѣтъ прилетѣть издалѣка
 Отцовскаго золотого стола поберечь!
 А ты вѣдь можешь
 Волгу раскролить вѣслами,
 Шлемами весь Донъ вычерпать.
 Будь только ты съ нами—
 У насъ невольница была бы ло ногатъ,
 И невольникъ ло резанъ.
 Ты вѣдь можешь посуху
 Живыми шестоперами метать—
 Удалыми сыновьями Глѣбовыми!

Ты, Давидъ, и удалой Рюрикъ!
 Не ваши ли золоченые шлемы
 Въ крови плавали?
 Чьи жь это, какъ не ваши дружинники,
 Рычатъ какъ волю дикіе,
 Изранены калеными саблями—
 Въ стелы безвѣстной?

Вступите, господа,
 Въ золотое стремя
 За обиду нашего времени,

Русскій Вѣстникъ.

За землю Русскую,
За раны Игоря
Удалого Святославича!

О, Ярославъ Осмомыслъ Галицкій,
Высоко сидишь ты
На своемъ зааточкованномъ столѣ!
Подлерь горы Карпатскія
Своими желѣзными полками,
Загородилъ луть Венгерскому королю,
Залерь ворота на Дунаѣ.
Выше облакъ полчища перекидываешь
Высылаешь корабли по Дунаю.
Грѣзы твои по землямъ текутъ,
Кому хочешь въ Кіевѣ отворяешь ворота,
Воюешь съ отцовскаго золотого стола
Самтановъ за далекими землями.

О, государь! ты воюй Кончака,
Поганаго Кощея—
За землю Русскую,
За раны Игоря —
Удалого Святославича!

А ты Мстиславъ и Романъ удалой!
Храбрые замыслы
Увлекаютъ вашъ умъ на подвиги.
О, какъ ты высоко заносишься
Въ отважныхъ дѣлахъ!
Такъ соколъ ширяется по вѣтру
— Стремясь лгиду въ рѣзвости одолѣть.

Есть у васъ желѣзные латаки
Подъ латинскими шлемами!
Ими земля потряслась,
И многія хановскія страны.
Литва, Ятвяги, Зимергола и Половцы
Побросали свои сулицы,
И подъ тѣ ваши мечи булатные
Свои головы преклонили.

Но уже, князь,
 Для Игоря уцербнулъ солнца свѣтъ,
 И дерево не къ добру
 Листье обронуло.

Ужь по рѣкѣ Рси и по Сулѣ города подъяемы!
 Храбрыхъ Игорева войска
 Нѣтъ, не воскресить ужь!

Довъ тебя призываетъ, князь!
 Всѣхъ князей зоветь на побѣду.
 Олеговичи храбрые князья,
 Одни подослѣли на брань.

Ингварь и Всеволодъ!
 И всѣ трое Мстиславичей!
 Не худаго гнѣзда шестокрыльцы!
 Не то чтобы жребіемъ побѣдъ
 Себѣ волосей расхитили!
 Гдѣ жъ ваши-то золотые племы,
 И щиты и лашскія сулицы?
 Обороните-прикройте дорогу въ степь
 Своими острыми стрѣлами—
 Ради земли Русской
 Ради равъ Игоря—
 Удалаго Святославица!

Вотъ уже рѣка Сула
 Не течеть серебряными струями
 Къ городу Переяслави;
 И Двина потекла болотомъ
 Къ тѣмъ грознымъ Полочанамъ
 Подъ кликами логавыхъ.

Одинъ лишь Изяславъ Васильковичъ
 Позволилъ своими острыми мечами
 Объ литовскіе племы.
 Онъ приложилъ славы
 Дѣду своему Всеславу.
 А самъ, подъ красными щитами,
 На окровавленной травѣ
 Уложенъ подъ литовскими мечами.

И проговорилъ овъ—какъ на кровать сложили—
 „Дружину твою, князь,
 Птицы приодѣли крылами,
 Звѣри ей кровь полазали!“
 И не было тамъ брата Брячислава,
 Ни другаго, Всеволода.
 Одишь-одишѣшекъ овъ выронилъ жемчужную душу
 Изъ храбраго тѣла
 Сквозь ожерельице золотое.

Приуныли голоса,
 Все веселіе поникло.

Чу! трубы трубятъ Городевскія!
 Ярославъ!

И всѣ звуки Всеславы!
 Опустите-преклоните ваши знамена!
 Вножьте ваши олозоревные мечи!
 Вы уже выключили себя
 Изъ дѣдовской славы.
 Это вы своими крамолами
 Дали примѣръ наводить поганыхъ
 На землю Русскую,
 На достоянне Всеславова!
 И была котора, и насилье
 Отъ земли Половецкой
 — Какъ въ тотъ вѣкъ Траяновъ.

Всеславъ металъ жребій:
 Какая изъ невѣсть ему милѣ?
 Овъ стиснулъ коня колками,
 Повесся къ городу Киеву,
 И таки достигнулъ кондомъ колья
 Золотаго Кіевскаго престола.
 Ускакалъ отъ нихъ
 Лютымъ звѣремъ въ полночь,
 Въ Бѣгородѣ обернулся синей мглой;
 Утромъ же вонзилъ стремяна колючія—
 Въ Новгородѣ отворилъ ворота:
 Покончилъ славу Ярославову!
 Зѣдалъ скачокъ волкомъ
 Оттуда до Немиги.

На Немигѣ снопы стелютъ головами,
 Молотятъ воронеными цѣлами,
 На точёкъ жизнь кладутъ,
 Вьютъ душу отъ-тѣла.

Кровавые берега Немига
 Не добромъ были посѣяны,
 Посѣяны костями русскихъ людей.

Князь Всеславъ давалъ судъ людямъ,
 Уряжалъ города между князьями,
 А самъ по ночамъ
 Волкомъ рыскалъ.

Какъ изъ Кіева онъ дорыскивалъ
 До города Тьмуторакаани;
 Онъ великому Свѣтилу-Хорсу
 Волкомъ пересѣкалъ дорогу.
 Ему въ Полоцкѣ

Равно позвонили къ заутрени
 Въ колоколь у Святой Софіи,
 А ему звонъ
 Чудился въ Кіевѣ.

Хоть и вѣщая душа въ иномъ тѣлѣ,
 Но бѣдами часто погрѣшала.
 Вотъ на то-то вѣщій Боянь
 Прежде всего мудрую прилѣвку сложилъ:
 „Ни хитрому, ни проворному,
 Ни птицей проворному
 Не миновать суда Божьяго!“

О! стоять Русской землѣ
 Помянувъ первое время
 И первыхъ князей!
 Для чего нельзя было того стараго Владиміра
 Навсегда пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ!
 А нынчѣ его знамѣна—одни князь-Рюриковы,
 А другія — Давидовы,
 И ужъ врозницу развѣваются ихъ лохмотья!

Не колья лоютъ на Дунаѣ.

Слышите ли Ярославна голосъ?
Кукушкой, притаась, на зорькѣ кличетъ.

„Полечу я, молвила, кукушкой
По Дунаю!
Омочу бобровъ рукавъ въ Каалѣ,
Утру князю кровавыя раны
На его могучемъ тѣлѣ!“

Ярославна до зари плачетъ
Въ Путивлѣ на зубчатой стѣнѣ,
Причитываетъ:

„Ахъ, ты вѣтеръ, вѣтеръ!
Что же ты, властитель,
Съ такой силой вѣешь?
Для чего навосишь
Хановскія стрѣлы,
Легкокрылый,
На воиновъ моего друга?
Мало-ль тебѣ было
Высокѣ подъ облаками вѣять?
Баюкалъ бы корабли
На синемъ морѣ.
А ты зачѣмъ, властитель,
Мое веселіе по ковылю развѣялъ?“

Ярославна равнинъ утромъ плачетъ
Въ Путивлѣ на зубчатой стѣнѣ,
Причитываетъ:

„Ахъ, ты Дявпръ Славутичъ!
Ты прошибъ и каменные горы
Черезъ землю Половецкую;
Ты на себѣ голубилъ
Святославовы гребныя лодки
До полковъ Кобяковыхъ.
О, приголубь, властитель,
Друга моего ко мнѣ,
Чтобъ я слезъ своихъ на море
По зарямъ къ нему не посылала.“

Ярославна утромъ плачетъ
Въ Путивлѣ на зубчатой стѣнѣ,
Причитываетъ:

„Солнце! пресвѣтае солнце!
Ты тепло и красно для всѣхъ.
Для чего же, свѣтъ мой,
Прѣлило свои горячіе лучи
На воиновъ моего друга?
Въ степи безводной
Жаждой повело имъ луки,
Тягостью кочанья имъ сомкнуло?“

И вспрыгнуло море въ полночь
Смерчи повеслись туманами.

Князю Игорю
Богъ путь кажетъ
Изъ земли Половецкой
Въ землю Русскую
Къ отцовскому золотому столу.

Погасли зорьки вечернія.

Игорь спитъ
И не спитъ.

Игорь мыслію поля мѣритъ
Отъ великаго Дону
До малаго Донца.
— Конь будетъ къ полночи —
— Овауръ свистаетъ за рѣкою —
Велитъ князю разумѣть!

Князя Игоря и нѣтъ какъ нѣтъ.

Кликнуло,—стукнула земля,
Трава зашумѣла,
Половецкіе шатры всколыхнулись.

А князь Игорь
Бросился въ камыши горностаемъ,
Всплылъ бѣлымъ гоголемъ на воду;
Вскинулся на борзаго коня....

Потомъ соскочилъ съ него,
 Да и побѣжалъ Довецкимъ лугомъ....
 Соколомъ летить въ утреннихъ туманахъ,
 Бьетъ себѣ гусей и лебедей
 На завтракъ, обѣдъ и ужинъ.
 Если Игорь летѣлъ соколомъ,
 Такъ ужъ Влуръ утекалъ сврымъ волкомъ,
 Постраховавъ студеную росу,
 Потому что они загнали-распростерли своихъ борзыхъ
 коней.

Сказалъ Довець:
 „Князь Игорь!
 Не мало тебѣ величанія;
 А Кончаку досады;
 А Русской землѣ веселія!“

Сказалъ Игорь:
 „О, Довчикъ!
 Не мало тебѣ величанія,
 За то что князя лелѣялъ на волвахъ,
 Постилалъ ему зеленую траву
 На своихъ серебряныхъ берегахъ;
 Одѣвалъ его теплыми туманами
 Подъ сѣнью зеленого дерева,
 Стерегъ его гоголемъ на водѣ,
 Чайками на струяхъ,
 Чирятами въ поднебесьи.
 А вотъ не такъова, говорить, рѣка Стугна!
 Тощую струю имѣла,
 А какъ поглотила ручьи чужіе...
 И затормозило тогда лодки по кустамъ,
 Юному князю Ростиславу
 На своемъ темномъ берегу—выходъ въ Днѣпръ ³⁴
 творила.
 О, какъ плакала тогда мать Ростислава
 По юному князю Ростиславѣ,
 Приуныла цвѣты отъ жалости,
 И дерево съ тоскою
 Къ землѣ приклонилось.“

Сороки-ли это застрекотали?
Нѣтъ, по Игореву саѣду
Это ѣздить Гзакъ съ Кончакомъ.

Вороны тогда не каркали,
Галки приумолкли,
Не трещали и сороки,—
Только дяглы, по стволамъ лаза,
Знають себѣ постукивають,
Путь къ рѣкѣ кажутъ.
Соловьи веселыми лѣсами
Разсвѣтъ возвѣщаютъ.

Говорить Гзакъ Кончаку:
„Такъ какъ ужь соколъ къ гнѣзду летить,
Давай мы соколенка разстрѣляемъ
Своими золочеными стрѣлами.“

Говорить Кончакъ Гзаку:
„Такъ какъ ужь соколъ къ гнѣзду летить,
Мы давай соколенка олугаемъ
Красною дѣвицей!“

И сказалъ Гзакъ Кончаку:
„Если мы его олугаемъ
Красною дѣвицей,—
Не нашъ будетъ соколенокъ,
Не наша будетъ и красная дѣвица!
Какъ бы насъ тогда птицы-то не заклевали
Въ полѣ Половецкомъ!“

Говорилъ Боявъ,
И години Святославовой
Пѣснотворцы стараго времени,
(И Ярослава, и Олега князя):
„Хоть тяжко тебѣ головѣ безъ плечъ,
Но зло и тебѣ тѣлу безъ головы“
— Русской землѣ безъ Игоря!

Солнце свѣтитъ на небѣ,
Князь Игорь въ Русской землѣ.

Дѣвицы поютъ на Дунаѣ,
А голоса выются
Черезъ море до Кіева.

...Игорь ѣдетъ по Боричеву
Ко святой Богородицѣ Пирогощей.

Села радуются,
Города веселятся.

Слѣвши лѣсною старымъ князьямъ,
Потомъ и молодымъ лѣтъ.
Слава Игорю Святославичу!
Удалому Всеволоду слава!
Владиміру Игоревичу слава!
Будьте здравы, князи и дружина,
„Поборая за крестьяны
На погавые лодки.“

Слава князю и дружинѣ!

Скажемъ въ заключеніе что всѣ тѣ мѣста въ которыхъ поминается Боянъ, — они-то и представляются до сихъ поръ наименѣе разгаданными, всего болѣе историческими. Самъ авторъ, по всѣмъ признакамъ, разумѣлъ подъ Бояномъ какого-то вѣщаго *vates*, какого-то, какъ выражается князь Вяземскій, *poeta po преимуществу*, словомъ, баяна, а не Бояна. Но перелищники могли спутать первоначальный смыслъ.

Загадочною остается самая первая картина въ *Словѣ* пусканія соколовъ на лебединое стадо. Если принять это за поэтическое улодобленіе игры на гусляхъ (какъ и толкуетъ самъ лѣвецъ) тогда въ послѣдующихъ стихахъ слѣдуетъ предположить или пропускъ или искаженіе, безъ того самъ Боянъ представляется расплывающимся лѣсною про Ярослава и про другихъ старыхъ князей. А чувствуется что это не такъ....

Въ *Словѣ* нѣтъ никакихъ достаточныхъ данныхъ для того чтобы считать баснословнаго Бояна непремѣнно за историческое лицо, вполнѣ будто бы извѣстное автору, который и указываетъ въ своей лозмѣ: и въ какой вѣкъ жилъ Боянъ, и какому изъ своихъ современниковъ онъ сложилъ какую

пѣвцу. При воспоминаніяхъ о Полоцкомъ Всеславѣ авторъ, правда, приводитъ Боянову припѣвку о томъ что ни хитрому ни гораздуму не избыть суда Божьяго. Изъ этого многіе и заключаютъ что Боявъ былъ современникомъ Всеслава. Но это неправильно. „Тому Боявъ первое припѣвку рече“ очевидно значить: „Вотъ на то-то прежде всего Боявъ и сложилъ припѣвку“. Легко можетъ-быть что у пѣвцовъ позднѣйшихъ сохранилась память о прежнихъ княжескихъ пѣвцахъ, особенно о славнѣйшихъ изъ нихъ. Легко быть можетъ повтому и то что какого-нибудь Бояна, или даже Яна, Пѣвецъ *Слова* поэтизировалъ образомъ вѣщаго Бояна миѣческихъ временъ а перепищики этого не разобрали и исказили смыслъ автора.

Но его Боявъ, летающій орломъ подъ облаками, посящійся волкомъ по землѣ и расточающійся соловьемъ по дереву, мчащійся чрезъ поля на горы—лицо идеальное, чтобы не сказать миѣческое. Пѣвецъ, зова его внукомъ Аполлона (внукомъ Ведеса), видитъ себѣ въ томъ славу чтобы быть его послѣдователемъ, чтобы считаться его продолжателемъ. Нѣкоторые критики, и можетъ-быть не безъ основанія, полагаютъ видѣть въ миѣческомъ Боявѣ самого Гомера.

Н. БИЦЫНЪ.

НОВУЕ СЛОВО СТАРОЙ БРИТІИ.

Анненковъ: Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ Александровскую эпоху. По новымъ документамъ. (*Вѣстникъ Европы* 1873—1874 годовъ.)

Пушкину рѣшительно не везетъ въ послѣднее время. Прошло всего нѣсколько мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ какъ г. Пыпинъ въ своей книгѣ: *Характеристика литературныхъ мнѣній* произвелъ надъ нимъ нѣкоторый веселый экспериментъ, разобравъ его поэзію съ точки зрѣнія „сколько-нибудь грамотныхъ пралорщиковъ“, и вотъ въ томъ же *Вѣстникъ Европы* появляется новый критико-біографическій трудъ о Пушкинѣ, хотя и принадлежащій перу писателя стараго поколѣнія, но написанный очевидно подъ вліяніемъ книги г. Пыпина. Г. Анненковъ не въ первый разъ трудится надъ объясненіемъ литературной и человѣческой личности Пушкина. Безъ малаго двадцать лѣтъ назадъ, имя его получило извѣстность прекраснымъ изданіемъ сочиненій Пушкина, первый томъ котораго составили собранные г. Анненковымъ *Матеріалы* для біографіи поэта—книга довольно слабая въ критическомъ отношеніи, но очень почтенная по доброму духу которымъ она была провѣнана. Но въ этотъ почти двадцатилѣтній періодъ многое измѣнилось. Тогда близъ г. Анненкова стоялъ покойный Боткинъ, и составитель *Матеріаловъ* старался поднятись до высоты воззрѣній на которой находился этотъ незабвенный носитель эстетическихъ идей и лучшихъ преданій русской

литературы; теперь воплощеніемъ господствующихъ идей г. Анненкову вѣроятнo представляется г. Пыливъ. Эта малевкая перестановка конечно должна была отразиться на „новыхъ“ глѣсахъ принесенныхъ нашею послѣднею литературною весною.

Слѣдующій эпизодъ можетъ дать довольно ясное понятіе о новой манерѣ г. Анненкова. Въ одной изъ черновыхъ тетрадей Пушкина, относящейся къ Кишиневскому періоду его жизни, г. Анненковъ нашелъ наброски полу-фантастической, полу-сатарической поэмы, заключающейся въ отрывочныхъ, неотдѣланныхъ стихахъ и въ рисункахъ перомъ какими Пушкинъ, какъ извѣстно, имѣлъ привычку иллюстрировать свои бумаги. Содержаніе какъ стиховъ, такъ и рисунковъ, оставляютъ сцены въ аду: чертаки съ хвостиками, скелеты, орудія адскихъ пытокъ и т. п. Кажется, во всемъ этомъ нѣтъ еще ничего необычайнаго: Пушкинъ, имѣвшій привычку чертить перомъ на каждомъ попавшемся ему подъ руку клочкѣ бумаги и произведшій въ свою жизнь по всей вѣроятности сотни и тысячи самыхъ разнообразныхъ рисунковъ (между прочимъ нѣкоторые изъ нихъ были скопированы при изданіи сочиненій Пушкина 1855 года: мы помнимъ тамъ изображенія рыцарей въ средневѣковомъ вооруженіи, фигуру Баады съ бѣсенкомъ и пр.)— Пушкинъ могъ бы кажется, никого не ставя въ тупикъ, изобразить между прочимъ и нѣсколькихъ чертенятъ. Что же касается идеи помѣстить дѣйствіе сатарической поэмы-комедіи въ аду, то надо слишкомъ уже отвыкнуть отъ общенія съ поэтами чтобъ усмотрѣть въ этой идеѣ нѣчто совершенно ненормальное. Что же однако дѣлаетъ г. Анненковъ съ своимъ открытіемъ этой злополучной тетради Пушкина? Разглядѣвъ что „сатанинская“, по его выраженію, композиція лестритъ тетрадь поэта въ теченіи цѣлаго года, онъ не обинуясь возглашаетъ: „Для того чтобы подоугу останавливаться на производствѣ этого цикла фантастическихъ изображеній, надобно было находиться въ особенномъ нравственномъ и патологическомъ состояніи.“ * Это особенное патологическое состояніе поэта представляется г. Анненкову тѣмъ несомнѣн-

* Наломннмъ для впащаго смущенія г. Анненкова что эти фантастическіе образы занимали Пушкина гораздо доѣе года; такъ напримѣръ Баада съ Чертенкомъ нарисованы имъ много лѣтъ спустя.

вѣе что „сатанинскіе“ наброски были, какъ онъ думаетъ, „предтечами и такъ-сказать живописною пробой серьезнаго литературнаго замысла—именно большой политической и общественной сатиры.“ Мысль кажется г. Анненкову до того чудовищною что онъ забываетъ всѣ существующіе въ европейской литературѣ образцы подобныхъ произведеній, и относить замыселъ Пушкина прямо къ душевной болѣзни. Здѣсь удивительно конечно не то что г. Анненковъ обнаруживаетъ выше такое непониманіе поэтическихъ фантазій. Гораздо замѣчательнѣе то что это непониманіе не только никому не бросается въ глаза, но научная журналистика даже спѣшитъ присоединиться къ нему. Едва статья г. Анненкова появилась въ печати какъ въ петербургскихъ газетахъ возникло по поводу ея нѣкоторое ликование: автору посылались дружные комплименты. „Г. Анненковъ совершенно справедливо замѣчаетъ, выкакинул немедленно одинъ петербургскій фельетонистъ, что нѣкоторые эскизы (въ тетрадахъ Пушкина) обнаруживаютъ такую дикую изобрѣтательность, такое горячее, свирѣлое состояніе фантазіи что приобрѣтаютъ, просто, значеніе симптомовъ какой-то душевной болѣзни, несомнѣнно завладѣвшей ихъ рисовальщиковъ“. Поэтическая организація, сила фантазіи очевидно представляются этимъ господамъ явленіемъ патологическимъ, симптомомъ душевной болѣзни. Нельзя не порадоваться за великихъ поэтовъ прежняго времени, давно уже сонмившихся въ „снѣгъ смерти“. Появись въ наши дни Данте съ его *Божественною Комедіей*, Мильтонъ съ его *Потерянными Раемъ*, Гете съ его *Фаустомъ*, даже Байронъ съ его *Манфредомъ* и *Кайномъ*, ихъ безъ сомнѣнія засадили бы въ сумасшедшій домъ, какъ одержимыхъ опасною душевною болѣзнию. По мнѣнію *трезвыхъ* мыслителей нашего жалкаго времени, Пушкину въ нормальномъ состояніи духа слѣдовало чертить въ своихъ тетрадахъ карикатуры на кишиневскія власти и посылать ихъ въ *Искру*, которой, къ сожалѣнію, тогда не было. Всякій конечно знаетъ что элементъ называемый г. Анненковымъ „сатанинскимъ“ вовсе не новость въ поэзіи Пушкина, и для открытія его не было надобности прибѣгать къ какимъ-либо „новымъ документамъ“. Пушкинъ, фантазія котораго отличалась необычайною поэтическою силою, возвращаясь къ сюжетамъ этого рода не только въ теченіи всего года кишиневской жизни, но и въ теченіи всей своей поэтической

дѣтельности. Къ тридцатымъ годамъ, т.-е. къ періоду полной его зрѣлости, относится произведеніе, несмотря на неоконченность, поразительное по глубинѣ и мощи. Оно извѣстно подъ произвольнымъ, т.-е. придуманномъ издателями, заглавіемъ *Подражаніе Данту*, и состоитъ изъ трехъ набросковъ, изъ коихъ послѣдній мы позволимъ себѣ возобновить въ памяти читателя:

Тогда я демоновъ увидѣлъ черныи рой,
Подобныи издали ватагѣ муравьиной;
И бѣсы тѣшились проклятою игрой:

До свода адскаго касалася вершиной
Гора стекающая, гладка, крута, остра—
И разлегалася надъ темною равниной;

И бѣсы, раскаливъ какъ жаръ чугуны адра,
Пустили внизъ его смердящими когтями;
Ядро запрыгало, и гладкая гора

Звезла, растрескалась колючими звѣздами;
Тогда другихъ чертей нетерпѣливый рой
За жертвой кинулся съ ужасными словами:

Схватили подъ руку жену съ ея сестрой,
И обнажили ихъ, и внизъ лихнули съ крикомъ—
И оба судючи пустились внизъ стрѣлой:

Порывъ отчаянья являлъ ихъ въ волѣхъ дикомъ;
Стекало ихъ рѣзало, вливалось въ тѣло имъ—
А бѣсы прыгали въ веселіи великомъ.

Десятилѣтній періодъ отдѣляющій эти наброски отъ киевскихъ естественнымъ образомъ отразился на болѣе серьезномъ, почти суровомъ ихъ тонѣ и на большей зрѣлости созданія, но по вымыслу и характеру, терцеты эти очевидно относятся къ тому же циклу фантастическихъ композицій котораго г. Анненковъ называетъ „сатанинскими“. Собственно „сатанинскаго“ элемента въ этомъ отрывкѣ (и въ предыдущимъ гдѣ разказывается какъ бѣсъ жарилъ на огнѣ ростовщика) никакъ не менѣе чѣмъ въ киевской тетради: однако двадцать лѣтъ назадъ г. Анненковъ не только не находилъ въ этихъ стихахъ свидѣтельства о душевной болѣзни Пушкина, но уразумѣвалъ ихъ высокое поэтическое значеніе. Въ своихъ *Материалахъ* онъ находилъ въ этихъ произведеніяхъ „совершенно новые, еще неслышанные доселѣ звуки“, называлъ ихъ „слокойными поэтическими разказами,

которые въ невозмутимомъ своемъ теченіи открываютъ мысли читателя далекое, необозримое пространство... Двадцать лѣтъ назадъ г. Анненковъ находилъ что стихотвореніе *Подражаніе Данту* „оставляетъ особенно важное наше тѣмъ что можетъ служить разительнымъ свидѣтельствомъ какъ артистической способности Пушкина усвоить всѣ формы, такъ и подвижности его таланта... Для простой шутки—прибавлялъ тогда авторъ *Materials*—какую предполагалъ онъ написать, Пушкинъ избралъ форму Дантовскаго разсказа и такъ овладѣлъ ею, что шутка совсѣмъ пропала въ изложеніи. Всякій согласится что леченый ростовщикъ, ломающійся на огнѣ и испускающій сѣрный запахъ, уже не имѣетъ признаковъ пародіи: онъ ярко освѣщенъ лучами поэзіи. Рукопись свидѣлствуетъ несомнѣнно что все стихотвореніе порождено скорѣе сатирической мыслью чѣмъ какъ-нибудь другою, но въ развитіи своемъ необычайная поэтическая мощь автора подавила первое намѣреніе, и вмѣсто смѣшки произвела страницу превосходную, исполненную величія и ужаса.“

Стоитъ сравнить эти строки съ тѣми заключеніями къ которымъ приводитъ г. Анненковъ вышче „сатанинскія“ композиціи Пушкина—и для всякаго сдѣлается яснымъ какъ низилось въ петербургской журналистикѣ пониманіе поэтическихъ явленій не только у новаго поколѣнія, воспитавшагося на отрицательной критикѣ, но и у людей обнаруживавшихъ нѣкогда развитые художественные вкусы. Далѣе мы еще встретимся съ подобными поучительными сопоставленіями, а теперь перейдемъ къ оцѣнкѣ нѣкоторыхъ новыхъ воззрѣній выраженныхъ г. Анненковымъ въ *Вѣстникъ Европы* и касающихся какъ личности самого Пушкина, такъ и вообще литературныхъ движеній того времени.

Биографу Пушкина надо доказать что все внутреннее содержаніе поэта исчерпывалось нѣкоторымъ стихотворнымъ талантомъ, и что затѣмъ въ своемъ міросозерцаніи онъ былъ только продуктомъ жалкой эпохи, не озаренной блескомъ современнаго петербургскаго просвѣщенія, представителемъ не вѣжественнаго общества, воспитаннаго на крѣпостномъ правѣ и политическомъ индифферентизмѣ. Въ эти рамки г. Анненковъ уложилъ не только критику общественныхъ идей развившихся въ поэзіи Пушкина, но и критику его характера его человѣческой личности, которая въ этомъ новомъ освѣ-

щей явилась въ свою очередь продуктомъ разнуданныхъ и лошамъ инстинктовъ русскаго общества двадцатыхъ годовъ. Нисколько не промизируя, авторъ заявляетъ что такимъ образомъ ояъ намѣренъ „сообщить, по мѣрѣ силъ, ключъ къ пониманію характера поэта и нравственныхъ основъ его жизни“. Ояъ находитъ что несмотря на накопленіе новыхъ матеріаловъ для біографіи Пушкина, „личность поэта остается все-таки смутною и неопредѣленною“, и что „характеристика его, какъ человѣка и замѣчательнаго типа времени, не только не лодвинулась впередъ съ эпохи его неожиданной смерти въ 1837 году, но еще слуталась, благодаря тенденціозности однихъ толковъ о немъ и одностороннему панегирическому тону другихъ.“ Г. Анненковъ желаетъ быть разностороннимъ и „установить твердыя очертанія для будущаго облика“. Цѣль достойная всякой похвалы, но къ сожалѣнію довѣріе къ ея исполненію съ самаго начала колеблется въ читателей, хотя бы потому тоаько что никто изъ знакомыхъ съ жизнью и лозіей Пушкина не допуститъ чтобы „твердое очертаніе его облика“ могло выясниться изъ разсмотрѣнія перваго, ааименѣе важнаго періода его жизни. Рѣшительныхъ и окончательныхъ чертъ въ характерѣ Пушкина какъ человѣка и поэта можно искать только въ его послѣдніе годы. Извѣстно что вся жизнь Пушкина была непрерывнымъ развитіемъ, и что въ послѣднѣе время ояъ упорнымъ и серіознымъ трудомъ старался лоллннить недостатокъ своего школьнаго образованія и вознаградить годы лотраченныя на увлеченія и расцѣленія ранней молодости. Извѣстно что дѣлаясь съ годами неумолимо-строгимъ къ самому себѣ, Пушкинъ лолучилъ даже почти какую-то ненависть къ первому періоду своей жизни, который представлялся ему рядомъ ошибокъ и промаховъ; наломинаніе объ обстоятельствахъ его молодости иногда приводило его въ раздраженіе. Поворотъ въ развитіи поэта начинается именно съ той эпохи на которой предполагаетъ остановиться его біографъ; лонятно что при такихъ условіяхъ очеркъ дѣтства и ранней юности Пушкина, вмѣсто того чтобы „установить твердыя очертанія для его облика“, можетъ только сообщить этому облику совершенно ложное освѣщеніе, что и случилось.

На дѣлѣ, г. Анненковъ дѣлаетъ даже нѣчто болѣе того что предположилъ въ предисловіи: ояъ ищетъ „ключа“ къ разумнѣю нравственной личности поэта не только во впечатлѣніи-

яхъ его дѣтства и ранней молодости, но даже въ личныхъ и семейныхъ свойствахъ его родителей, такъ какъ, по его мнѣнiю, „не надо быть рьянымъ поклонникомъ ученiя о неотразимомъ дѣйствии физиологическихъ и нравственныхъ свойствъ родоначальниковъ семей на все ихъ потомство, чтобы вѣрить въ возможность семейной передачи нѣкоторыхъ крупныхъ психическихъ особенностей со стороны отца и матери своей ближайшей отрасли“. Какъ бы съ цѣлью подготовить читателя къ тому маленькому и пошленькому образу въ который имѣеть сократиться подъ перомъ г. Анненкова личность Пушкина, биографъ выводитъ сначала на сцену дѣтства предковъ поэта, Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ, подвергая ихъ конечно такой *критической* переработкѣ въ которой эти лица теряютъ уже почти всякое человеческое достоинство. Заручившись для своего героя такими родоначальниками, биографъ уже свободно приступаетъ къ оцѣнкѣ нравственнаго ничтожества самого Пушкина, такъ какъ семейные элементы „вошли въ составъ нравственнаго существованiя А. С. Пушкина и частью опредѣлили его“.

Мы могли бы обойти молчанiемъ эту часть труда г. Анненкова, такъ какъ теорiя наследственности нравственныхъ и умственныхъ свойствъ менѣе всего приложима тамъ гдѣ мы встречаемся съ натурами совершенно исключительными, съ организациями одаренными гениальностью, какова была организациа Пушкина. Для всѣхъ, кромѣ нашихъ доморожденных дарвинистовъ, сдѣлалось давно избитою истиной что гениальные люди рождаются всего чаще отъ весьма обыкновенныхъ родителей, и что дѣти великихъ отцовъ также часто ничѣмъ обнаруживаютъ великихъ наследственныхъ дарованiй. Но старательность, съ которою г. Анненковъ усиливается оплошати до послѣдней стелени личности предковъ нашего поэта, такъ сама по себѣ любопытна что мы не рѣшаемся скрыть ее отъ читателя. Притомъ же, отецъ и дядя поэта, Сергѣй и Василiй Львовичи Пушкины, принадлежать русской литературѣ не по одному только кровному родству съ Александромъ Сергѣичемъ. Они принадлежать къ одной изъ славныхъ эпохъ нашего духовнаго развитiя, главныя черты которой отпечатлѣлись на нихъ неизгладимымъ образомъ, и потому скромныя личности ихъ, заслоненныя блескомъ гениальнаго сына и племянника, имѣютъ право на наше вниманiе.

Первые удары г. Анненковъ обрушиваетъ на Ганнибало-

выхъ. Родоначальникъ этой фамилиі, знаменитый „Арапъ Петра Великаго“, является въ его характеристикѣ „простодушнымъ, вѣдомымъ, но счастливымъ (?) авантюристомъ“, не имѣющимъ и тѣни того блеска какимъ окружилъ его полѣтъ въ своемъ неоконченномъ романѣ. Во Франціи онъ водился не съ придворными регента, а съ незнатною молодежью, и это сотоварищество не могло измѣнить его абиссинскую, мягкую, трусаивую, но вмѣстѣ вспыльчивую природу. Напуганный однажды взысканіемъ за самовольное уклоненіе отъ службы, онъ провелъ десять лѣтъ въ постоянномъ трелетѣ за себя и вздрагивая при всякомъ звукѣ почтоваго колокольчика наломившаго ему роковую курьерскую тележку. Натура его на всю жизнь берегла свои родовыя особенности, въ томъ числѣ и наклонность къ невообразимой, необдуманной рѣшимости, что у Французовъ называется „coup de tête“. Біографъ не упускаетъ здѣсь замѣтить что эта черта замѣчалась потомъ у многихъ ближайшихъ потомковъ Абрама Петровича, и замѣчала у нихъ настоящее мужество и нравственную выдержку...

Дѣти знаменитаго „Арапа“ не далеко ушли отъ отца. Одинъ изъ нихъ, Петръ, котораго еще видѣлъ Пушкинъ, занимался перегономъ водокъ и настоекъ, и „занимался безъ усталы, со страстью“. Съ этимъ онъ соединялъ жестокость, свойственную всему ихъ роду: „когда бывали сердиты Ганнибалы, всѣ безъ исключенія, то людей у нихъ выносили на простыняхъ“. Смыслъ этого крѣпостнаго термина, замѣчаетъ біографъ, достаточно понятенъ и безъ комментариевъ. Не мѣшаетъ также замѣтить, дополняетъ тутъ же г. Анненковъ, что Петръ Абрамовичъ долгое время состоялъ подъ судомъ за растрату какихъ-то артиллерійскихъ снарядовъ и былъ отъ него освобожденъ только вліяніемъ своего брата Ивана. Третій братъ, Осипъ Ганнибалъ, дѣдъ Пушкина по матери, былъ сорви-голова и ужасъ семьи. Отъ живой жены онъ обвинчался съ дѣвушкой, которую обманулъ самымъ наглымъ образомъ, и затѣмъ, сосланный на жительство въ свое имѣніе, могъ предаваться тамъ вполне обычнымъ сельскимъ наслажденіямъ помѣщиковъ того времени. Наконецъ, мать Пушкина, Надежда силовна, была балованное дитя, окруженное съ малолѣтства угодливіостью, потворствомъ и лестью домашнихъ, что сообщило праву молодой дѣвушки тотъ оттѣнокъ вспыльчивости,

улорства и капризнаго властолюбія который замѣчали въ ней позднѣе и принимали за твердость характера.

Выводя такую фамильную галерею и снабжая ее именами, какъ мы видѣли, весьма рѣшительными характеристиками и довольно законченными образами, г. Анненковъ даже не особенно заботится о томъ чтобы скрыть отъ читателя скудность и сомнительность источниковъ послужившихъ данными для его смѣлыхъ приговоровъ. Что касается родоначальника фамиліи, Абрама Петровича Ганнибала, то тутъ еще встрѣчается нѣчто похожее на документальность, хотя самъ біографъ принужденъ сознаться что личность знаменитаго Африканца (неизвѣстно почему называютъ его негромъ) остается, „несмотря на официальные данныя, все еще съ отбѣскою легенды и преданія“, и чѣмъ ближе къ Пушкину, тѣмъ очерки г. Анненкова все болѣе утрачиваютъ въ основательности, и здѣсь авторъ не можетъ указать другаго источника для своихъ сужденій кромѣ разказовъ какого-то крѣпостнаго слуги Петра Абрамовича котораго г. Анненковъ зналъ лично.

Покончивъ болѣе или менѣе кавалерскимъ образомъ съ Ганнибалами и доведя фамильную галерею портретовъ до матери поэта, упрямой и капризной „креолки“ (?), біографъ переходитъ къ Пушкинымъ, къ которымъ не благоволилъ ему ли не болѣе чѣмъ къ Ганнибаламъ. Тутъ онъ на первомъ же шагу встрѣчается съ очевидно неприятымъ для него фактомъ: когда „скромный, разсѣянный и застѣнчивый гвардейскій офицеръ“, Сергій Львовичъ Пушкинъ, посватался и Надежду Осиповну, то дядя ея Иванъ Абрамовичъ Ганнибалъ отозвался о женихѣ: „Онъ не богатъ, но очень образованъ“. Г. Анненковъ какъ бы опасается что иной читатель въ самомъ дѣлѣ сочтетъ Сергія Львовича образованнымъ и ловѣкомъ, и слѣдуетъ пояснить отзывъ Ганнибала такимъ образомъ: „Не мудрено что чешменскій воинъ, герой Наварина и пр., принявъ Сергія Львовича Пушкина за очень развитого человѣка. Будущій племянникъ долженъ былъ внушить ему уваженіе какъ представитель новаго поколѣнія, успѣваемаго развиваться на другихъ основаніяхъ чѣмъ тѣ которыя сущ-

* Г. Анненковъ полагаетъ что „креолки“ означаютъ помѣсь европейской и африканской крови! См. объ этомъ № 43 *Московскихъ Вѣдомостей*.

зтовали еще въ его собственной, патриархальной, полудикой а полутрагической средѣ.“ Здѣсь однакоже остается тайной почему именно *нелюдрено* что чешменскій воинъ и герой Наварина и пр. привалъ Пушкина за развитаго человѣка. Значитъ ли это что чешменскіе воины и герои Наварина вообще не понимали толку въ вопросахъ образованія или что-нибудь другое? Замѣтимъ кстати что и Надежда Осиповна по своимъ умственнымъ качествамъ далеко не была въ возможности отнѣить своего жениха, и что двадцать лѣтъ назадъ самъ г. Анненковъ, вѣроятно не успѣвъ еще тогда подвергнуть мать Пушкина суду крѣпостнаго лакея, характеризовалъ ее совершенно иначе. Въ своихъ *Материалахъ* онъ описывалъ Надежду Осиповну какъ „женщину умную, прекрасную собой, страстную къ удовольствіямъ и разсѣяніямъ общества, какъ и всѣ окружающіе ее, но имѣвшую въ характерѣ тѣ черты которыя заставляютъ дѣтей повиноваться и вѣрнѣе дѣйствуютъ на нихъ, чѣмъ мгновенный гнѣвъ и вспышки“ (стр. 10—11 изд. 1873). Читатели конечно замѣтятъ что этотъ отзывъ очень мало согласуется съ повѣйшею характеристикой „молодой *квекки* съ отнѣнкомъ вспыльчивости, упрямства и капризнаго властолюбія“.

Впрочемъ, самыя густыя краски г. Анненковъ прибавляетъ для Сергѣя и Василія Львовичей Пушкиныхъ. Здѣсь онъ даетъ полный просторъ своему юмору. Братья представляются г. Анненкову рѣшительно чѣмъ-то въ родѣ старичковъ Карсавныхъ русской литературы. Его смѣшить даже то что они получили полное французское воспитаніе, какъ будто дѣло идетъ вовсе не о людяхъ восемнадцатаго вѣка, когда въ Россіи и французское-то воспитаніе, а тѣмъ болѣе полное, было значительною рѣдкостью. Они могли—произвируетъ господинъ Анненковъ—бойко размышлять (не разсуждать ли?) о серьезныхъ вещахъ съ голоса французскихъ энциклопедистовъ, послѣднаго прочитаннаго романа или гдѣ-нибудь перехваченнаго сужденія; знали много умныхъ изреченій и острыхъ словъ изъ стараго и новаго періода французской литературы и сами писали стихи. Можно подумать что г. Анненковъ былъ бы болѣе доволенъ еслибы братья Пушкины вмѣсто умныхъ изреченій знали глупыя, и вмѣсто острыхъ словъ тупыя... Вообще нельзя не удивляться той легкости съ какою современная петербургская критика, говоря о явленіяхъ давно миновавшаго, высказываетъ изъ историческаго круга и судить о

людяхъ XVIII вѣка такъ какъ есаубы между ними и нами лежало почти цѣлое столѣтiе. Г. Анненкову повидимому кажется что литература начала нынѣшняго столѣтiа, литература Жуковскаго и Карамзина, не только не имѣеть никакого значенiя предъ нынѣшнимъ петербургскимъ просвѣщенiемъ, но даже и въ своего времени была такъ ничтожна что ею могли интересоваться только люди совершенно пустые какими ему представляются братья Пушкины, эти старички-Кирсановы исчезнушаго поколѣнiа. Онъ не можетъ скрыть отъ читателей что „домъ Сергiя Львовича въ Москвѣ дѣйствительно посѣщаемъ былъ членами того блестящаго литературнаго круга который въ началѣ столѣтiа образовался тамъ около Карамзина“; онъ свидѣтельствуетъ что „въ числѣ друзей и знакомыхъ дома встрѣчаются самыя почетныя имена того времени: Жуковский, А. Тургеневъ, Дмитриевъ и пр. вмѣстѣ съ именами завязкихъ эмигрантовъ, туристовъ, артистовъ“. Но ея чѣмъ-то очень смѣшнымъ представляется жизнь Пушкинымъ среди этого избраннаго круга, ихъ равнодушию къ литературнымъ интересамъ, ихъ стремленiе окружить себя блестящими представителями просвѣщенiа того времени. „Накото говоритъ онъ съ провiей, больше ихъ не ревновалъ и не хлопоталъ о русской образованности“; „онъ заслуживалъ—повторяетъ потомъ г. Анненковъ о Василии Львовичѣ—благодарности литераторовъ за неослабое свое хлопотанiе окомъ нихъ и около русской литературы вообще, въ теченiи двѣнадцати лѣтъ“. Современный критикъ рѣшительно не можетъ понять этого сильнаго литературнаго интереса наполнявшаго жизнь образованныхъ людей конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтiа. Его изумляетъ что Василий Львовичъ, уже едва двигаясь отъ подагры, не переставалъ толковать о русскихъ журналахъ, и однажды, во время сильнѣйшаго припадка болѣзни, улучилъ минуту сказать окружающимъ: „какъ скучны статьи Катенина объ испанской литературѣ!“

Г. Анненковъ соглашается что отвращенiе братьевъ Пушкиныхъ отъ деревенской жизни было своего рода прогрессомъ, потому что помогло имъ освободиться отъ замашекъ и привычекъ тогдашняго помѣщичьяго быта; но онъ тутъ же прибавляетъ что этотъ прогрессъ, по крайней своей ничтожности и ограниченности, мало измѣнялъ вои другiа нравственныя стороны человека и ничего не измѣнялъ въ положенiи людей зависѣвшихъ отъ нашихъ „уточненныхъ земас-

владѣльцевъ“ (позволительно думать однако что положеніе этихъ людей нисколько не было бы лучше еслибы они находились во власти землевладѣльцевъ менѣе утонченныхъ) Г. Анненковъ даже рѣшается сказать что когда для спасенія нижегородскаго имѣнія Пушкиныхъ туда посланъ былъ дѣланный управляющій, то онъ просто бѣжалъ оттуда при видѣ страшнаго раззоренія крестьянъ, „въ которое она была погружена безпечностью и образованными стремленіями помѣщика“. Какъ ни оригинальна эта смѣлая мысль—приписать раззореніе крестьянъ образованнымъ стремленіямъ помѣщика, но еще оригинальнѣе то что г. Анненковъ тутъ смѣется надъ небогатымъ образомъ жизни Сергѣя Львовича въ столицѣ, и не хуже иной провинціальной барыни пустословить о недостаточности посуды въ его буфетѣ и о ветхости рыдвановъ въ которыхъ онъ и его жена ѣздили по Москвѣ „на тощихъ коняхъ“. Вотъ съ чѣмъ могла, восклицаетъ въ негодованіи г. Анненковъ, уживаться претензія на образованность! Сопоставляя это заглядыванье въ буфеты и въ конюшни Сергѣя Львовича съ тѣмъ что сказано о раззореніи Болдинскихъ крестьянъ вслѣдствіе образованныхъ стремленій утонченнаго землевладѣльца, приходится заключить что капитальная вина Пушкина-отца въ глазахъ современнаго біографа заключалась въ скопленіи громадной бібліотеки, такъ какъ мы не видимъ чтобъ онъ позволялъ себѣ какую-нибудь другую роскошь для удовлетворенія своихъ образованныхъ стремленій. Предоставляемъ судить читателямъ насколько приобрѣтеніе книгъ для фамильной бібліотеки можетъ быть названо предосудительнѣе грать на столовую сервировку и на новомодныя кареты.

Г. Анненковъ утверждаетъ что братья Пушкины понимали подъ образованностью „оближеніе съ аристократическими кругами нашего общества и поддѣлку подъ ихъ образъ жизни, составленіе важныхъ связей, перенятіе послѣднихъ парижскихъ модъ, поддержку литературныхъ знакомствъ и добываніе чрезъ ихъ посредство слуховъ и новинокъ для неутомкаемыхъ бесѣдъ, для умноженія шума и говора столицы.“ Нельзя не думать что еслибы братья Пушкины были заняты погонею за вѣшнимъ аристократизмомъ въ томъ смыслѣ какъ это предполагаетъ г. Анненковъ, еслибы ихъ интересовало на первомъ планѣ перенятіе послѣднихъ парижскихъ модъ, они конечно прежде всего заботились бы ремонтомъ своихъ экипажей и своей сервировки; а то недостатокъ стакановъ, ветхіе рыдваны, тощія

клячи и старыя ливреи слугъ (при весьма достаточныхъ средствахъ, какъ замѣчаетъ г. Анненковъ) какъ-то плохо вajuтса съ стремленіемъ втянуться въ модный свѣтъ.

Мы не хотимъ сказать чтобы даныя на которыхъ основываетъ біографъ Пушкина свои заключенія были невѣрны; несообразность заключается не въ фактахъ, а въ общемъ пониманіи эпохи. Противорѣчія исчезнутъ сами собою если мы уяснимъ себѣ что главная погрѣша Пушкинахъ стариковъ за высшимъ свѣтомъ была въ сущности погрѣшей за высшимъ образованіемъ, и что если тотъ и другое совмѣщались въ одномъ, то это было результатомъ историческихъ условій сопутствовавшихъ у насъ водворенію европейскаго просвѣщенія. До тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, то-есть до тѣхъ поръ пока наши университеты не усвоили себѣ европейскую науку, просвѣщеніе наше отличалось преимущественно дилеттантскимъ характеромъ и встрѣчало наиболѣе восприимчивую почву именно въ высшихъ слояхъ общества. Эпоху къ которой исторически относится предметъ вашей рѣчи можно назвать эпохой образованнаго дилеттантизма по преимуществу. Экономическія условія, дѣлавшія доступъ къ просвѣщенію наиболѣе удобнымъ для помѣщичьяго класса, господство во всей Европѣ французской литературы, отличавшейся наиболѣе дилеттантскимъ характеромъ и не требовавшей отъ читателя серіозной научной подготовки, примѣры и преданія Екатерининскаго двора, положеніе эмигрантовъ и извѣстныхъ ученыхъ и артистовъ, примыкавшихъ съ перваго вступленія на русскую почву къ нашему большому свѣту—все эти условія, дѣйствуя вмѣстѣ, сблизили съ интересами просвѣщенія вершины нашего общества, въ то время какъ масса продолжала еще косятъ въ невѣжествѣ. Большой свѣтъ и просвѣщеніе, преимущественно французскаго характера, тѣсно сблизились между собою и образовали тотъ оригинальный складъ жизни, тогъ просвѣщенный аристократизмъ, которые такъ своеобразно отмѣтили Екатерининскую и Александровскую эпохи нашего развитія. Принадлежать литературѣ и просвѣщенію въ то время значило принадлежать большому свѣту, и послѣдній съ полною готовностью шелъ на встрѣчу всякому таланту и всякому выдающемуся уму. Возникла тѣсная связь привычекъ и потребностей образованности съ нравами и условіями большаго свѣта: Карамзинъ, Жуковскій, Дмитріевъ, Тургеневъ, Чаадаевъ

принадлежали къ лучшему обществу не столько въ силу своего происхожденія сколько по образованію и талантамъ; всякій знаетъ что для общенія съ лучшими умами эпохи необходимо вращаться въ столичномъ большомъ свѣтѣ и раздѣлять его привычки, интересы, его образъ жизни. По взгляду г. Анненкова, братья Пушкины были не болѣе какъ „люди страстно искавшіе всю свою жизнь гостивыхъ и эффектныхъ бесѣдъ, переносившіе удачное бонмод, предъ ними сказанное, изъ дома въ домъ и съ своей стороны, сами занятые, для потѣхи другихъ, тѣмъ что Французы называютъ дѣланіемъ ума, *faire de l'esprit*“. Современнаго литератора особенно поражаетъ въ этихъ людяхъ то что они не имѣли времени для своихъ собственныхъ дѣлъ—черта дѣйствительно совершенно чуждая вышедшему поколѣнію, но гѣмъ не менѣе едва ли дающая право къ заключенію къ какому приходитъ г. Анненковъ — именно, будто жизнь оставила Пушкиныхъ подъ конецъ „матеріально и умственно разбитыми и несостоятельными“. Мы знаемъ, напротивъ, что Сергѣй и Василий Львовичи сохранили до глубокой старости извѣстную свѣжесть души и романтическое пренебреженіе къ обдѣлыванію собственныхъ дѣлишекъ, столь возмущающее современнаго литератора.

Еслибы г. Анненковъ ограничился выраженіемъ снисходительнаго пренебреженія къ этимъ романтическимъ элементамъ въ натурѣ братьевъ Пушкиныхъ, такое пренебреженіе свидѣльствовало бы только объ огромномъ нравственномъ переворотѣ происшедшемъ во вкусахъ, понятіяхъ и нравахъ нашего общества. Но г. Анненковъ идетъ значительно далѣе, и не только лично не одобряетъ господства литературныхъ и вообще культурныхъ интересовъ въ домѣ Пушкиныхъ, но даже полагаетъ что это явленіе дурно отразилось на будущемъ поэтѣ. Біографъ Александра Сергѣевича Пушкина повидимому не допускаетъ чтобы царившее въ домѣ отца вѣліе поэзіи и образованности, общеніе съ литературными знаменитостями, доступъ въ громадную фамильную бібліотеку, могли ускорить пробужденіе поэтическихъ струвъ въ душѣ мальчика и сообщить ему страстное увлеченіе литературными интересами. Напротивъ, всѣ эти условія первоначальнаго воспитанія представляются біографу въ самомъ злобѣщемъ видѣ, быть-можетъ именно потому что г. Анненковъ смотритъ

на Пушкина вовсе не какъ на поэта, и добывается отъ него чего-то такого что вовсе не связано съ его поэтическимъ призваніемъ. Первоначальное воспитаніе Пушкина конечно было очень неправильное и не выдерживаетъ никакой педагогической критики; но не должно забывать что въ то время наша школьная наука вовсе не имѣла того образовательнаго значенія какое стремятся придать ей теперь, и дѣти развивались на чтеніи, а не на классномъ обученіи.

Г. Анненковъ не ограничивается впрочемъ одними предложеніями о „нездоровомъ“ вліяніи домашняго воспитанія на Пушкина, но тутъ же рисуетъ довольно яркими красками тѣ страшныя искаженія которымъ вслѣдствіе этихъ вліяній подверглась, по его мнѣнію, нравственная природа мальчика. Изображенія его такого рода что въ представленіи иного легковѣрнаго читателя Пушкинъ можетъ преобразоваться въ некоторое нравственное чудовище, способное навести суевѣрный ужасъ. Всѣ настойчивыя требованія родителей, обращаемыя къ ребенку, приводили, по свидѣтельству г. Анненкова, только къ одному результату—къ яростному отпору. Молодое сердце, уже способное ко враждѣ и ненависти (это въ десятилѣтнемъ ребенкѣ!), начинало не скрывать своихъ чувствъ. Родители подъ конецъ должны были придти къ заключенію о несчастной извращенной природѣ мальчика, и послѣ сожалѣнія и негодованія достигъ наконецъ отвращенія и ужаса. Такъ оно, прибавляетъ г. Анненковъ, въ самомъ дѣлѣ и случилось—*если мы не ошибаемся.*

Это *если мы не ошибаемся* поистинѣ превосходно. Біографъ Пушкина полагаетъ что онъ можетъ не только предаваться собственнымъ измышленіямъ о „несчастной извращенной природѣ“ гениальнаго ребенка, но даже приписывать свои заключенія его родителямъ единственно потому что ему такъ кажется и такъ хочется... Онъ словно не понимаетъ что дурное мнѣніе родителей, каковы бы они ни были, имѣетъ въ глазахъ каждаго двойной авторитетъ, потому что со стороны родителей естественно ожидать наибольшей любви къ своему дитяти, и только уже крайняя, безнадѣжная испорченность послѣдняго можетъ внушить отцу и матери „отвращеніе и ужасъ“. Г. Анненковъ полагаетъ что выступая со свидѣтельствомъ подобнаго рода, онъ не обязанъ предъявить какія бы то ни было доказательства; онъ только небрежно даетъ поводъ

то быть-можетъ онъ и ошибается... Да, впрочемъ, что за важность!

Любопытно что г. Анненковъ, наводя на тѣнь Пушкина весьма недвусмысленныя подозрѣнія и тщательно собирая въ свѣдѣнія о немъ все то что отвѣчаетъ этимъ подозрѣніямъ, въ то же время не признаетъ ни за кѣмъ кромѣ себя права считать эту великую личность, и привелъ на примѣръ замѣтку Эгелъгарта о холодности сердца у Пушкина, отнестись ее къ числу тѣхъ странныхъ рѣшеній которыя во всѣ времена слышались отъ официальныхъ педагоговъ относительно замѣчательныхъ дѣтей и которыя потомъ удивляли потомство своею неосновательностью. Онъ словно совсѣмъ забылъ что на нѣсколько страницъ предъ тѣмъ самъ изобразилъ Пушкина нравственнымъ чудовищемъ, внушавшимъ отвращеніе и ужасъ даже роднымъ отцу и матери! Вообще г. Анненковъ, нисколько не отвѣщая тѣми красками какія въ своемъ изображеніи накладываетъ на личность Пушкина, весьма часто голкуетъ о „свѣтлой, изящной сторонѣ его натуры“ и о его симпатическомъ образѣ, тщательно избѣгая однакоже указать хотя бы одну свѣтлую черту въ этомъ образѣ... Но мы впередъ уже не будемъ останавливаться на подобныхъ противорѣчіяхъ, такъ какъ ими наполнена вся новая работа автора *Матеріальность*.

Не трудно предположить съ какимъ колоритомъ пустоты и ничтожества должны были выступить въ очеркахъ г. Анненкова лицейскіе годы Пушкина, отбросившіе такой горячей свѣтъ на всю послѣдующую жизнь его. Разъ утвердившись на той точки зрѣнія которая судить прошедшее съ высоты настоящаго и которая неизмѣнно прилагается къ нашей старой литературѣ критиками и историками *Вѣстника Европы*, г. Анненкову не трудно было показать несостоятельность лицейской науки и лицейскаго воспитанія и безсодержательность занятій поэзіей, въ которыхъ, какъ извѣстно, лицеисты перваго выпуска искали дополненія къ своей довольно скудной классной наукѣ. Что преподаваніе въ Царскосельскомъ лицѣе было мало удовлетворительно съ точки зрѣнія нынѣшнихъ научныхъ и педагогическихъ требованій, что профессора и воспитатели этого заведенія болѣею частью не отвѣчали своему призванію, что въ самую организацію лицея допущены были такіе элементы которыхъ не

одобрить вынче ни одинъ серіозный педагогъ—все это для кого уже не новость; но весьма странно что біографъ Пушкина, указывая на недостатки лицея, оставляетъ безъ всякаго вниманія то обстоятельство что многія подробности и особенности лицейской жизни, при всей ихъ педагогической несостоятельности, были несомнѣнно сильными двигателями въ поэтическомъ развитіи Пушкина. Нельзя не подивиться той сбивчивости понятій какаѣ очевидно присутствуетъ въ представленіи г. Анненкова о нѣкоторыхъ выдающихся явленіяхъ лицейской жизни, и въ особенности о литературномъ направленіи господствовавшемъ между воспитанниками перваго выпуска. Самъ онъ говоритъ что этимъ направленіемъ лицей „спасаясь отъ полной нравственной пустоты“, прибавляетъ что на основаніи литературныхъ работъ лицеистовъ „высокимъ образомъ нельзя было питать слишкомъ радужныхъ надеждъ на будущность молодыхъ авторовъ процвѣтавшихъ въ этомъ разсадникѣ романсеровъ и эпиграммистовъ“ (sic). Повидимому, изъ соображеній г. Анненкова ускользаетъ тотъ фактъ что Царскосельскій лицей въ своей учебной организаціи совершенно соответствовалъ дилеттантскому характеру нашего просвѣщенія той эпохи (мы имѣемъ въ виду высшій слой общества), и всѣ явленія его внутренней жизни, въ томъ числѣ и уклоненіе воспитанниковъ въ область поэзіи, были результатомъ этого дилеттантизма. Судить о томъ что было бы съ Пушкинымъ и его сверстниками при другомъ характерѣ заведенія, а тѣмъ болѣе при сообразной съ нынѣшними требованіями учебной организаціи—нѣтъ никакихъ данныхъ и было бы совершенно праздымъ дѣломъ. Но очевидно что въ томъ лицей какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, литературное направленіе явилось результатомъ значительной зрѣлости учащагося въ немъ юношества не находившаго въ классной наукѣ полного удовлетворенія своимъ духовнымъ потребностямъ, и Карамзинъ былъ конечно правъ привѣтствуя это движеніе какъ основаніе для большихъ надеждъ возлагавшихся правительствомъ и обществомъ на этотъ „разсадникъ романсеровъ и эпиграммистовъ“. Что дѣлать—такое странное было тогда время что въ обществѣ и даже въ правительственныхъ сферахъ радовались появленію молодыхъ людей съ литературнымъ дарованіемъ...

Еслибы біографъ Пушкина внимательнѣе останавливался даже на тѣхъ фактахъ которые онъ отмѣчаетъ въ своихъ

очеркахъ, онъ безъ сомнѣнiя имѣлъ бы много случаевъ при-
ти къ вѣкоторому раздумью надъ несходствомъ эпохъ и со-
вершенно особенными, не подходящими подъ современную
школьную жизнь условиями, внесенными въ лицей его исклю-
чительнымъ положенiемъ и явленiями времени. У г. Аннен-
кова мы находимъ, напримѣръ, свидѣтельство что „въ
средѣ лицействовъ по временамъ обваруживалась и долго жила
настоящая любовь: многимъ изъ нихъ были уже совершенно
извѣстны всѣ муки любви обращенной къ далекому, недос-
гаемому предмету и всѣ обычныя солутницы такой любви—
ревность, грусть, вѣтмыя страданiя и безпричинные восторги—
словомъ, они переживали еще въ стѣнахъ заведенiя полную
исторiю молодыхъ проснувшихся страстей.“ Нѣтъ ничего лег-
че какъ наговорить по поводу этого обстоятельства множе-
ство основательнѣйшихъ соображенiй некормальности такого
явленiя, о вредѣ его для цѣлей воспитанiя и т. д. Но дѣло
не въ томъ что эта черта старой лицейской жизни была дур-
на въ педагогическомъ смыслѣ; важно имѣть въ виду то что
она невозможна въ настоящее время, по крайней мѣрѣ не-
возможна какъ явленiе общее. То было одно поколѣнiе те-
перь другое, то была одна жизнь, теперь другая...

Преждевременная зрѣлость Пушкина и его товарищей, быв-
шая слѣдствiемъ особенныхъ условiй эпохи, предварительна-
го воспитанiя и дилеттантскаго характера образованiя какъ
въ самомъ обществѣ такъ и въ стѣнахъ лицея, отразилась
въ очеркахъ г. Анненкова только одною и наименѣ благо-
видною стороной своей. Авторъ нашъ явился неумолимымъ
обличителемъ извѣстнаго эпикуреизма въ лицейской жизни,
глушнвъ изъ виду что это явленiе необходимо рассмат-
ривать въ связи съ прочими условiями лицейскаго существова-
нiя, такъ какъ оно было только однимъ изъ проявленiй об-
щей рановой возмужалости даровитаго юношества воспи-
тававшегося въ царскосельскихъ садахъ. Замѣтимъ что это
юношество едва ли можетъ нести отвѣтственность за развле-
ченiя эпикурейскаго характера въ виду опасной свобо-
ды которая была предоставлена ему въ стѣнахъ заведенiя и
тѣхъ соблазновъ которыми оно было окружено по непрости-
гельной небрежности и легкомыслию воспитателей. Если про-
фессоръ математики выслушивалъ на лекцiи и самъ разка-
зывалъ фривольные анекдоты, а профессоръ философи

допускалъ у себя устройство тайныхъ ученическихъ пружекъ то что же удивительнаго если лицеисты были обычными посетителями всѣхъ парадовъ и гуляній въ Царскомъ Селѣ, а воспитанники старшаго курса посѣщали кутежи и пирушки пусарскихъ офицеровъ и ухаживали за горничными и актрисами! Все это было только вѣдшее, грубое проявленіе возмужалости, и вина въ немъ лежитъ всецѣло на невозможной воспитательной системѣ и на неудовлетворительности учебной организаціи.

Умственный и нравственный запасъ съ которымъ поэтъ, выходя изъ стѣнъ лицея, вступалъ въ петербургскій свѣтъ былъ конечно не всеобъемлющъ. Духовныя приобрѣтенія Пушкина заключались по преимуществу все въ той же поэтической организаціи которой лицейская жизнь только помогла уяснить себѣ настоящее призваніе, и въ той нравственной живучести которая спасала человека посреди увлеченій и сшибокъ. Г. Анненковъ очень справедливо замѣчаетъ что Пушкинъ все сильнѣе чувствовалъ отвращеніе къ крайностямъ и увлеченіямъ когда они всего сильнѣе овладѣвали его умомъ и сознаніемъ. Благодаря этой нравственной живучести своей природы, Пушкинъ могъ безъ всякой для себя опасности прикасаться къ такимъ струнамъ жизни которыя на всякаго другаго полагали бы роковой отпечатокъ. Разсѣянія столичной жизни были для него такъ-сказать только верхнимъ теченіемъ, подъ которымъ еще протекалъ глубокій кристалльный токъ неостыжимый ни для какого мутнаго водоворота. „Въ немъ, какъ опять справедливо замѣчаетъ г. Анненковъ, смолоду жила страстная, мучительная потребность извѣдать всѣ стороны своа общества, какъ и всѣ раздражающія удовольствія и впечатлѣнія и уроки какіе они могутъ дать... Пушкинъ физически страдалъ и задыхался когда осужденъ былъ на долгое время жить въ одной и той же обстановкѣ, довольствоваться однимъ и тѣмъ же рядомъ знакомствъ, связей и впечатлѣній. Надо только удивляться какимъ образомъ г. Анненковъ умѣетъ совмѣстить такое вѣрное пониманіе артистической личности Пушкина и ея художественныхъ потребностей съ тѣмъ страннѣмъ біографическимъ приѣмомъ которымъ на внутреннія силы поэта даются мимоходомъ лишь кое-какіе краткіе намеки, тогда какъ десятки страницъ подъ-рядъ заняты подробностями о совершенно несерьюзной сторонѣ его жизни“

подробностями имѣющими по преимуществу характеръ какой-то слетни. Къ послѣднимъ смѣло можно отнести напримеръ соображенія біографа о томъ держалъ ли себя Пушкинъ въ аристократическомъ обществѣ съ сохраненіемъ своего личнаго достоинства—соображенія, которымъ г. Анненковъ под-оказываетъ разумѣется отрицательное рѣшеніе, безъ всякихъ впрочемъ фактическихъ основаній. „*Сколько можемъ судить*, говоритъ онъ, ему (Пушкину) пришлось на первыхъ порахъ испытать досадное чувство оскорбленной гордости, познакомившись съ приемами слѣсиво-вѣжливаго обращенія“ и т. л. И на чемъ же г. Анненковъ основываетъ свою догадку? „По крайней мѣрѣ, продолжаетъ онъ, такъ можно заключить по глубокой проиіи съ которою онъ говорилъ позднѣе о *своихъ мѣщанствѣ* и въ прозѣ, и въ стихахъ, а всего болѣе по страстной защитѣ историческихъ родовъ, приниженныхъ обстоятельствами“ и т. д. Такой порядокъ доказательствъ едва ли покажется кому-нибудь убѣдительнымъ, тѣмъ болѣе что за нѣсколько страницъ предъ тѣмъ самъ г. Анненковъ свидѣтельствуеетъ что Пушкичъ даже въ позднѣйшее время „носилъ на себѣ внѣшній видъ либерала 20хъ годовъ“, и что „его горделивый способъ держаться на глазахъ свѣта и въ сншеніяхъ съ вліятельными людьми постоянно давать имъ чувствовать свои права на самостоятельное обсужденіе ихъ мнѣній и постулковъ—обличали въ немъ человѣка Александровской эпохи“. Подобныя противорѣчія, сопоставленныя на одномъ печатномъ листѣ, могутъ казаться просто невѣроятными, но такова уже *вторая метода* г. Анненкова, приобретенная имъ чрезъ двадцать лѣтъ послѣ его *Матеріаловъ*.

Мы привели намекъ г. Анненкова на особую сторону въ дѣятельности Пушкина, которую онъ называетъ защитою историческихъ родовъ, приниженныхъ обстоятельствами, и въ которой наша литература неоднократно старалась видѣть признаки ненавистнаго для журнальной черни аристократизма. Вопросъ этотъ заслуживаетъ нѣкотораго поясненія. Г. Анненковъ думаетъ что вращаясь между членами тайныхъ обществъ, Пушкинъ поддалъ вліанію аристократической идеи, которая „способна была своимъ обманчивымъ видомъ сочувствія къ интересамъ обдѣленныхъ классовъ возбуждать энтузіазмъ въ молодыхъ и безкорыстныхъ сердцахъ“, и что „можно сказать съ достовѣрностію что еслибы Пушкину удалось пробратъся

въ область заговора, какъ онъ домогася, то онъ вошелъ бы въ него подъ знаменемъ аристократическаго радикализма. Едва ли это примѣнимо къ тому что мы знаемъ о политическихъ убѣжденіяхъ Пушкина, выраженныхъ имъ во многихъ замѣткахъ и въ перепискѣ съ друзьями. Самъ г. Анненковъ, уломянувъ объ „обманчивомъ“ сочувствіи къ обдѣленнымъ классамъ, на приманку котораго будто бы поддался Пушкинъ, по обыкновенію тотчасъ же забываетъ свои слова и замѣчаетъ съ полною справедливостію что сочувствіе Пушкина было направлено на „скромное, трудящееся, ученое наше дворянство,“ въ которомъ онъ видѣлъ „естественнаго покровителя и воспитателя народныхъ массъ“. Такого и было въ дѣйствительности политическое воззрѣніе Пушкина на роль нашего средняго дворянства,—воззрѣніе, послужившее потомъ поводомъ къ столькимъ недоразумѣніямъ и клеветамъ. Настоящій смыслъ такъ-называемаго аристократизма Пушкина очень опредѣленно выразился въ его полемической замѣткѣ, вызванной нападками тогдашнихъ журналовъ на трехъ лѣтнихъ считавшихся „баричами большаго свѣта“—Пушкина, князя Вяземскаго и Баратынскаго. „И на кого журналисты наши нападаютъ?—писалъ въ этой замѣткѣ Пушкинъ.—Вѣдь не на новое дворянство, получившее свое начало при Петрѣ I и императорахъ, и по большей части составляющее нашу знать—истинную, богатую и могущественную аристократію. *Ras vi bête!* Наши журналисты предъ этимъ дворянствомъ вѣжливы до крайности. Они нападаютъ именно на старинное дворянство, которое нынѣ, по причинѣ раздробленныхъ имѣній, составляетъ у насъ роль средняго состоянія, состоянія почтеннаго, трудолюбиваго и просвѣщеннаго, состоянія къ которому принадлежитъ и большая часть нашихъ литераторовъ. Издѣваться надъ нимъ (и еще въ официальной газетѣ) не хорошо...“ Въ этомъ среднемъ дворянствѣ Пушкинъ видѣлъ цвѣтъ нашего народа и залогъ нашего будущаго гражданскаго преуспѣянія. Съ прозорливостію почти изумительною, за много десятковъ лѣтъ до освобожденія крестьянъ, предчувствовалъ онъ что эта великая реформа можетъ осуществиться только просвѣщеннымъ содѣйствіемъ средняго дворянства, отстоявшаго въ XVIII вѣкѣ свою независимость отъ посягательствъ олигархіи. „Еслибы гордые замыслы Долгорукихъ и прочихъ совершились, писалъ Пушкинъ, то владыцы душъ, сильные своими правами, всеми силами затруд-

или бы и даже уничтожили бы слобы освобожденія людей крѣпостнаго состоянія, ограничили бы число дворянъ и заградил бы для прочихъ сословій луть къ достиженію должностей и почестей государственныхъ. Одно только страшное потрясеніе могло бы уничтожить въ Россіи закоренѣлое рабство; нынѣ же политическая наша свобода неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ: желаніе лучшаго соединяетъ всѣ состоянія противъ общаго зла, и твердое, мирное единодушіе можетъ скоро поставить насъ на ряду съ просвѣщенными народами Европы“... Этыхъ прекрасныхъ строкъ кажется было бы достаточно чтобы разсѣять и всѣ клеветы накопившіяся въ нашей журналистикѣ относительно политическихъ и гражданскихъ идей Пушкина. Въ литературныхъ и общественныхъ кружкахъ того времени никто не возвышалъ голоса болѣе благороднаго и просвѣщеннаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе чуждаго тенденціозной узкости или мечтательнаго недомыслия... Съ такими твердыми и свободными въ лучшемъ значеніи этого слова, воззрѣніями, Пушкину не было надобности примыкать къ существовавшимъ тогда тайнымъ политическимъ обществамъ: они нисколько не расширили бы его кругозора. Наша журналистика, какъ извѣстно, очень любитъ возвращаться къ вопросу: какимъ образомъ могло случиться что Пушкинъ, „омываемый со всѣхъ сторонъ волнами заговора“, не попалъ въ его водоворотъ?—причемъ критики и историки нашихъ дней, въ родѣ г. Пылева, не конфузятся намекать что Пушкинъ не подходилъ къ требованіямъ декабристовъ по своей политической неблагонадежности и своему недоразвитію. Пусть читатели сравнятъ только-что приведенныя слова поэта съ безсодержательностью и вздорностью говорившагося и писавшагося въ тайныхъ обществахъ, и имъ не трудно будетъ рѣшить кто кого переросъ въ гражданскомъ развитіи, Пушкинъ или его политическіе друзья двадцатыхъ годовъ. Замѣтимъ кстати что необыкновенно важныя свѣдѣнія о декабристахъ сообщенныя г. Кропотковымъ въ январской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* (изъ *біографіи М. Н. Муравьева*) проливаютъ на этотъ вопросъ совершенно новый свѣтъ. Нѣкоторый престижъ окружавшій въ нашемъ общественномъ сознаніи жертвъ 14го декабря долженъ нынче значительно разсѣяться. Послѣ приводимыхъ г. Кропотковымъ данныхъ становится очевиднымъ что наиболѣе благоразумные

члены тайныхъ обществъ были совершенно несостоятельны для своего замысла по недостатку самыхъ элементарныхъ свѣдѣній о Россіи и скудости своего политическаго образованія вообще; лица же принимавшія наибольшее участіе въ предлагаемомъ переворотѣ, какъ напримѣръ Пестель, скрывали въ себѣ такъ много визости, своекорыстнаго честолюбія и предательства что зная хоть немного Пушкина, они конечно не могли и думать посвятить его въ свои тайные планы. Не можетъ быть никакого сомнѣнія что благородная натура поэта отстранила бы отъ себя съ глубокимъ омерзѣніемъ дѣло въ которое входило преданіе русскихъ областей Полякамъ, или планъ Пестеля привлечь къ себѣ народныя симпатіи вѣроломною расправой съ наущенными имъ же самимъ политическими убійцами въ случаѣ успѣха замысла.

Съ отъѣздомъ Пушкина на югъ Россіи, манера его біографа отыскивать въ своемъ героѣ лишь черты болѣе или менѣе подозрительнаго характера и тщательно обходить все то что существенно важно для уясненія его поэтическихъ заслугъ уже очень мало маскируется. Г. Анненковъ не забываетъ и въ этой части своего труда заявить, въ видѣ оправданія, что указаніе мимолетныхъ и случайныхъ настроеній въ душѣ и въ мысли Пушкина не можетъ „въ глазахъ мыслящаго человѣка измѣнить или отнять хоть одну черту изъ того свѣтлаго образа его симпатической личности, постоянно выражавшей чистѣйшія стремленія человеческой души, который сложился въ представленіи публики и вѣчнымъ потрясенъ быть не можетъ.“ Но эта оговорка едва ли кого-нибудь введетъ въ заблужденіе. Біографу Пушкина очевидно очень вредить эта увѣренность въ непоколебимости „свѣтлаго образа симпатической личности“, сложившагося въ представленіи публики, такъ какъ онъ, вѣроятно благодаря этой увѣренности, считаетъ нужнымъ быть необыкновенно краткимъ когда дѣло касается блестящихъ сторонъ въ природѣ и жизни поэта, и необыкновенно пространымъ какъ скоро представляется возможность раздуть нѣкоторыя тѣни въ этой жизни и личности. Приемы практикуемые въ *Вѣстникѣ Европы* г. Пылинымъ находятъ въ г. Анненковѣ очень ревностнаго послѣдователя. Подобно тому какъ авторъ *Характеристики литературныхъ мнѣній*, вмѣсто разъясненія художественныхъ заслугъ Гоголя, занялся составленіемъ спи-

ска полученных имъ отъ двора денежныхъ пособій, такъ и г. Анненковъ, упомянувъ вскользь о жизни Пушкина въ Пятигорскѣ и въ Крыму, столь плодотворно подѣйствовавшей, какъ извѣстно, на его поэтическую производительность, не счелъ вужаймъ остановиться на этомъ тихомъ и художественно-свѣтломъ періодѣ его жизни; по его мнѣнію, самый важный фактъ этого времени тотъ что Пушкину было выдано на дорогу отъ правительства тысяча рублей. Что же это, какъ не Пыпинская исторія литературы съ точки зрѣнія „грамотныхъ пранорщикова“ или по крайней мѣрѣ формулярнаго списка и приходо-расходной тетради?

Мы готовы даже сказать что г. Анненковъ иногда заходитъ гораздо далѣе г. Пыпина. По крайней мѣрѣ послѣдній, разоблачая несостоятельность Пушкина по части освободительныхъ идей и всего того съ чѣмъ носится петербургская журналистика, повидимому признаетъ за поэтомъ полный авторитетъ въ области чисто поэтической. Г. Пыпинъ, сколько мы припоминаемъ, не доходилъ на примѣръ до того чтобъ обвинять Пушкина въ непониманіи Байрона, въ искаженіи байронизма. Г. Анненковъ рѣшительнымъ образомъ вытѣсняетъ бѣднаго русскаго поэта даже и изъ этой области, казалось бы столь малоцѣнной въ глазахъ современнаго журнализма. Оказывается что Пушкинъ былъ только выразителемъ того дикаго искаженія какое потерпѣлъ байронизмъ въ нашемъ обществѣ; у автора *Дыганъ* и *Кавказскаго Пльнника* отнимается даже заслуга первой услѣшной акклиматизаціи англійскаго барда на неблагоприятной почвѣ русской поэзіи. Въ русскомъ обществѣ и безъ Пушкина существовалъ уже какой-то особенный, совершенно нецѣльный и даже гнусный байронизмъ, и Пушкинъ только отразилъ его въ своей поэзіи, въ своемъ характерѣ и въ своихъ поступкахъ. Заблуждаются тѣ кто полагаютъ что извѣстное направление въ нашей поэзіи двадцатыхъ годовъ было результатомъ вліянія лѣтвца Чайльдъ-Гарольда. „Байронизмъ русскій вообще и Пушкина въ особенности, замѣчаетъ г. Анненковъ, имѣлъ только отдаленное сходство съ явленіемъ извѣстнымъ въ Европѣ подъ этимъ именемъ. На нашей почвѣ байроническое настроеніе пріобрѣло такія родовыя черты, такую чисто мѣстную національную окраску, и въ крайнихъ своихъ порывахъ оттѣнялось такими своеобразными, иногда свирѣпыми и вообще анти-гуманными подробностями.

стями, что изученіе *нашего* байронизма становится дѣломъ крайне любопытнымъ и поучительнымъ“. Изученіе этого крайне - любопытнаго и поучительнаго явленія ограничивается однако жь у г. Анискова цитатою изъ какого-то страннаго письма, неизвѣстно кѣмъ написаннаго и затерянаго въ (умагахъ Пушкина; по крайней мѣрѣ, никакихъ другихъ данныхъ и даже указаній на какіе-нибудь факты мы не находимъ въ статьѣ г. Анненкова, и все что онъ говоритъ объ искаженіи байронизма въ русскомъ обществѣ относится къ области его личныхъ соображеній. Любопытнѣе всего что здѣсь развѣя явленія полудикости которыми наше маловоспитанное общество отличалось не только въ двадцатыхъ годахъ, но и нынче, въ силу какой-то особенной логики отнесены къ „байронизму“, и этимъ путемъ привязаны къ Пушкину. „Русскій байронизмъ, говоритъ г. Анненковъ, никогда не отдавалъ себѣ отчета о причинахъ ненависти къ политическимъ дѣятелямъ и къ современному нравственному положенію Европы. Онъ строился на странномъ, ничѣмъ неизяснимомъ, ничѣмъ неоправдываемомъ презрѣніи къ человѣчеству вообще. Изъ источниковъ байронической поэзіи и байроническаго созерцанія добыто было нашими передовыми людьми только оправданіе безграничнаго произвола для всякой слѣпо бунтующей личности и какое-то право на всякаго рода *демоническія* безчинства. Все это еще переплеталось у насъ съ подражаніемъ аристократическимъ приемамъ благороднаго лорда, основавшаго направленіе и всегда помнившаго о своемъ происхожденіи отъ шотландскихъ королей, какъ извѣство.“ Однажды допустивъ логику этого рода, не трудно будетъ, съ помощью маленькой натяжки, вывести заключеніе что знаменитый Поздrevъ, какъ „слѣпо-бунтующая“ личность, былъ порожденіемъ русскаго байронизма вообще и Пушкинской поэзіи въ особенности... Ожидать отъ дальнѣйшаго „движенія“ нашей журналистики подобныя натяжки тѣмъ позволительнѣе что г. Анненковъ уже представляетъ блестящій примѣръ въ этомъ родѣ. Въ Кичиневской жизни Пушкина онъ находитъ образчики необычайной наглости въ обращеніи поэта съ людьми, наглости, которая очевидно относитъ его всецѣло къ категоріи „слѣпо-бунтующихъ“ личностей. Доказательство тому г. Анненковъ видитъ въ письмѣ Пушкина къ двумъ кичиневскимъ дамамъ, изъ котораго приводитъ слѣдующія строки:

„Hélas, aimable Maïguine, loin de vous mes facultés s'anéantis-
sent; j'ai perdu jusqu'au talent des caricatures, quoique la fa-
mille du M-r soit digne d'en inspirer.... Mais est-ce vrai,
que vous crûtes venir à Odessa? Venez au nom de Dieu. Nous
aurons pour vous attirer bal, opera italien, soirées, concerts,
cicisbés soupirants, tout ce qu'il vous plaira. Je contreferai le
singe et je vous dessinerai Mme de T.. A propos de l'Aretin—
je vous dirai, que je suis devenu chaste et vertueux, c'est à
dire en parole, car ma conduite a toujours été telle“.... Мы на-
рочно привели это письмо дословно, въ подлинникѣ, чтобы
читатель могъ лучше оцѣнить слѣдующій выводъ, дѣлаемый
изъ него г. Аняенковымъ: „Посланіе было бы просто неловко-
во еслибъ мы не знали что наглость обращенія съ людьми во-
обще входила въ систему русскаго байронизма, и что она вы-
ывалась, кромѣ всего другаго, еще и моральною бѣдностью
самого общества, съ которымъ поэтъ пришелъ въ соприко-
сновеніе.“ Замѣтимъ что г. Аняенкову неизвѣстно даже имя
особы, которую Пушкинъ называетъ Маïгиной, и что слѣдо-
вательно онъ не имѣетъ никакой возможности судить объ от-
ношеніяхъ къ ней Пушкина и о томъ въ какомъ тонѣ ему
слѣдовало перелисываться съ нею, не впадая въ наглость
„слѣпо-бунтующей“ личности.

Тутъ же г. Аняенковъ приводитъ и другое письмо Пущка-
на, къ какому-то Французу Дегильи: „A la veille d'un f... duel
au sabre, писалъ между прочимъ Пушкинъ, on n'écrit pas
sous les yeux de sa femme des Jérémiades et son testament. On
ne fabrique pas des contes à dormir debout avec les autorités
de la ville, afin d'empêcher une égratignure. Notez encore que
maintenant en cas de besoin je saurai faire agir mes droits de
gentilhomme russe, puisque vous n'entendez rien au droit des
armes“. По поводу этого-то письма, не имѣющаго рѣшительно
никакого значенія безъ знанія вызвавшихъ его обстоятельствъ,
г. Аняенковъ замѣчаетъ: „Пушкинъ не считалъ тогда унизи-
тельнымъ для себя дѣйствовать такимъ образомъ и говорить
языкомъ обоихъ приведенныхъ документовъ.“ Можемъ сообщить
г. Аняенкову что Пушкинъ и гораздо позднѣе не считалъ для
себя униженнымъ требовать разчета за всякую нанесенную
ему обиду, и въ подобныхъ случаяхъ писалъ письма еще бо-
лье рѣзкія такъ напримѣръ извѣстное письмо вызвавшее
последнюю, роковую для его жизнь дуэль. Что хотѣлъ сказать

г. Анненковъ этими двумя, какъ онъ называетъ, документами для насъ остается рѣшительно непонятнымъ.

Изслѣдуя обращеніе Пушкина съ кишиневскими дамами и съ проходившими разныхъ націй и вообще направляя свое вниманіе въ такія стороны которымъ едва ли справедливо отводить столько мѣста въ біографіи поэта, г. Анненковъ обнаруживаетъ весьма ограниченное пониманіе тамъ гдѣ дѣло касается чисто - поэтическихъ явленій въ жизни Пушкина. Несвободность его въ этой области такъ велика что его ставитъ въ туликъ напримѣръ извѣстное сочувствіе нашего поэта къ Овидію, воспоминаніе о которомъ, подогрѣтое нѣкоторымъ сходствомъ въ судьбѣ обоихъ изгнанниковъ и посвященіемъ мѣста отсылки лѣвца *Превращеній*, внушила Пушкину такія высокія поэтическія созданія. По своей методѣ распознавать въ поэтахъ только ихъ политическое направленіе, ихъ тенденціозность, современный критикъ никакъ не можетъ совмѣстить въ своемъ представленіи одновременное сочувствіе Байрону и Овидію. Онъ недоумѣваетъ „какъ могъ горделивый образъ Байрона мирно уживаться въ душѣ Пушкина рядомъ съ образомъ бѣднаго римскаго *демоса* лишеннаго всякой нравственной энергіи, разливавшася постоянно въ лести, жалобахъ и мольбахъ къ Августу изъ надежды возвратиться опять въ Римъ, къ мѣсту своихъ прежнихъ подвиговъ?“ Единственное объясненіе этого непостижимаго для г. Анненкова факта находить онъ въ какой-то воображаемой двойственности въ натурѣ Пушкина, примѣрявшей потребность отрицанія общественныхъ условій съ каждою столичныхъ наслажденій. Еслибы намъ не было совѣстно занимать читателя слишкомъ элементарными истинами, мы охотно разъяснили бы г. Анненкову что Пушкинъ былъ не газетчикъ, а поэтъ, и въ этомъ послѣднемъ качествѣ ему были одинаково близки и Байронъ, и Овидій, и Гёте, и Анакреонъ, и Шекспиръ, и Саади.

Но тѣмъ именно и отличается критика нашихъ дней, что встрѣчаясь съ явленіями недоступнаго ей порядка, она не стремится подняться до нихъ, а напротивъ, самоуверенно объявляетъ ихъ ничтожными или дикими, болѣзненными. Поразительный примѣръ такихъ отношеній къ вопросамъ поэтическаго творчества мы уже видѣли въ самомъ началѣ этой статьи, когда упоминали о нѣкоторомъ ужасѣ наведенномъ на г. Ан-

невкова „сатанинскими композиціями“ Пушкина Кишиневской эпохи. По порядку времени и мѣста, мы здѣсь можемъ еще разъ возвратиться къ этому предмету. „Сатанинскіе“ рисунки и наброски Пушкина помогаютъ г. Анненкову, вмѣстѣ съ письмами къ Майгунѣ и къ Дегилье, представить Кишиневскій періодъ въ жизни нашего поэта въ такомъ мрачномъ видѣ что читателю остается только удивляться бездѣйствію мѣстныхъ властей дозволившихъ Пушкину свободно гулять по городу, вмѣсто того чтобы посадить его въ клинику душевно-больныхъ и облечь въ горячечную рубашку. По мнѣнію г. Анненкова, „ночь облежавшая сознание поэта въ Кишиневскую эпоху была дѣйствительною ночью, и яркіе просвѣты зрѣлой мысли, которыми она прорѣзывалась, свидѣтельствуютъ только о силѣ нравственнаго (?) творчества, невлодавъ утерянной имъ и тогда.“ Признаки этой ужасной ночи, „облежавшей сознание поэта“, находятся по мнѣнію автора въ черновой тетради, въ которой Пушкинъ чертилъ первые наброски своихъ логическихъ плановъ и идей, сопровождаая ихъ по обыкновенію многочисленными рисунками перомъ. Изучая эти тетради, г. Анненковъ находитъ что онъ каждою своею страницей говорятъ уже о необыкновенномъ состояніи его (Пушкина) фантазіи, возбужденной до крайней высочайшей степени. „Здѣсь именно является впервые тотъ циклъ художническихъ малостей которому Французы даютъ названіе *diableries*—чертовщины.“ Какъ бы замѣтивъ что слово *шалость* совсѣмъ не идетъ къ содрогающемуся тону которымъ вдругъ заговорилъ биографъ, онъ тотчасъ поясняетъ: „Этотъ родъ изображенія отличается у Пушкина, однакожь, совсѣмъ не шуткой: нѣкоторые эскизы обнаруживаютъ такую дикую изобрѣтательность, такое горячечное свирѣлое состояніе фантазіи, что приобрѣтаютъ просто значеніе симптомовъ какой-то душевной болѣзни, несомнѣнно завладѣвшей ихъ рисовальщикомъ.“ И все это единственно потому что мысль современнаго критика не въ состояніи понять фантазію поэта, не въ состояніи подняться надъ уровнемъ ремесленной письменности, которую романисты и стихотворцы нашихъ дней выдаютъ за поэзію. Эта ремесленная письменность, вяло варьирующая однѣ и тѣ же тенденціозныя темы, до такой степени отучила насъ отъ настоящаго искусства что самые обыкновенные художественныя приемы

ставятъ насъ втулицъ и заставляютъ предполагать въ авторѣ психическое разстройство. Не только новое поколѣніе, выросшее въ воспитательнаго вліянія и искусства и художественной литературы, но даже люди нѣкогда изъ всѣхъ силъ хлопотавшіе около литературныхъ талантовъ и считавшіе за честь ловимать ихъ стараются нынче заластись новою мѣркою вещей, болѣе приспособленной къ вкусамъ толпы, которой они служатъ. Пушкинъ не избѣжалъ общей участи великихъ людей судимыхъ умственнымъ мѣщанствомъ. Сначала намъ показали несостоятельность его общественнаго служенія, теперь въ произволѣ его поэтической фантазіи указываютъ симптомы его душевной болѣзни, а въ его увлеченіяхъ Батровскъ—наглость „сдѣло-бунтующей личности“.

A.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Т О М Ъ С Т О Д Е В Я Т Ы Й.

Я Н В А Р Ъ.

	Стр.	
Изъ биографіи графа Михаила Николаевича Муравьева. <i>Д. А. Кропотова</i>	5	✓
Исторія блѣднаго молодого человѣка. Романъ въ трехъ книгахъ съ прологомъ. Прологъ. <i>Д. В. Аверкіева</i> ...	83	✓
Отдѣлъ искусствъ на Вѣнской всемірной выставкѣ. Гл. I—V. <i>А. М. Матушинскаго</i>	144	✓
Леди Анна. Романъ. Антони Троллопа. Переводъ съ ан- глійскаго. Гл. XXXIII—XXXV.....	193	✓
Персидскія лѣсны. Мотивы Гафиза. <i>М. В. Прахова</i>	214	✓
Общественное воспитаніе въ Англіи. Изъ дорожной за- писной книги. <i>К. Н. М.</i>	244	
Двѣ силы. Романъ. Часть первая. Гл. I—XIII. <i>В. В.</i> <i>Крестовскаго</i>	269	✓
Франція въ прошломъ году. Письмо изъ Парижа. <i>Пет-</i> <i>ра Петрова</i>	341	
Художественное изученіе раскола. <i>А.</i>	352	
Русская учебная литература. <i>А. Ю. Давидова</i>	379	
Драматическая литература во Франціи. <i>П.</i>	399	
Французскій романъ въ русской литературѣ. <i>Л. Н.</i>	411	✓

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- Кенелмъ Чиллингви его приключенія и мѣвнїя. Романъ
Эдуарда Булвера, лорда Литтона. Переводъ съ ан-
глійскаго. Книга шестая. Гл. II—X.
- Парижане. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. Пе-
реводъ съ англійскаго. Книга первая. Гл. I—III.

Ф Е В Р А Л Ь.

	Стр.
Война и революція. Очерки нашего времени. Продолженіе. <i>В. П. Безобразова</i>	431
„Въ дымкѣ-невидимкѣ“. Стихотвореніе. <i>А. А. Фета</i>	481
✓ Двѣ силы. Романъ. Конецъ первой части. <i>В. В. Крестовскаго</i>	482
Современная религиозная живопись. Эстетическій этюдъ по поводу Вѣнской всемірной выставки. <i>Г. Е. Струве</i>	548
✓ Исторія блѣднаго молодого человѣка. Романъ въ трехъ книгахъ съ прологомъ. Книга первая. <i>Д. В. Аверкіева</i>	571
Моавія. <i>Д.</i>	671
✓ Фаустъ. Трагедія Гёте. Часть первая. Сцева <i>Ш. И. Я. Павлова</i>	697
✓ Леди Анна. Романъ. Антони Троллопа. Переводъ съ англійскаго. Гл. XXXVI—XXXVIII.....	719
Реклама во Франціи. <i>Петра Петрова</i>	742
✓ Слово о полку Игоревѣ. <i>Н. Бицына</i>	760
Новое слово старой критики. <i>А.</i>	802

ВЪ П Р И Л О Ж Е Н І И:

✓ Кенельмъ Чиллингли его приключенія и мѣвнія. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. Переводъ съ англійскаго. Книга шестая. Гл. XI—XVII и книга седьмая. Гл. I—VI.

✓ Парижане. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. Переводъ съ англійскаго. Книга первая. Гл. IV—VIII и книга вторая. Гл. I.

ВЪ КОНТОРЪ

ТИПОГРАФИИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА, изданіе 2е Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

КАЛЕНДАРЬ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ на 1869—70 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

То же на 1870—71 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

То же на 1871—72 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

То же на 1872—73 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

ЧТЕНІЯ ИЗЪ ПСАЛТЫРЯ И ПРОРОЧЕСКИХЪ КНИГЪ ВѢТХАГО ЗАВѢТА. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 50 к., съ перес. 70 к.

ГРЕЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ НА ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТ. ОЕЯ, для воспитанниковъ IV класса. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 35 к., съ перес. 50 коп.

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ ДЛЯ УЧЕНИКОВЪ ДВУХЪ НИЗШИХЪ КЛАССОВЪ. Изд. Лицея Цес. Николая. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

ЛАТИНСКАЯ ЭТИМОЛОГІЯ ВЪ СОЕДИНЕНИИ СЪ РУССКОЮ. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

38. DUSSEK. La Consolation (Andante).....
39. MENDELSSOHN. Presto, extrait de l'op. 28.....
40. BEETHOVEN. Larghetto de la deuxième Symphonie en re majeur.....
41. MARTINI. Plaisir d'Amour, piano seul et piano et chant, paroles de Elorin.....
42. BEETHOVEN. Marche funèbre de la Symphonie héroïque, n° 3, en *mi bémol*.....
43. CAMPENHOUT. La Brabançonne, Chant national belge de 1830, pour piano solo et pour piano et chant, paroles de Jenneval.....
44. BEETHOVEN. Adagio de la quatrième Symphonie en *si bémol*.....
45. DUSSEK. L'Adieu, Andante.....
46. BEETHOVEN. Andante de la cinquième Symphonie en *ut mineur*.....
47. RAMEAU. Rigaudon de Dardanus, Chœurs de Castor et Pollux et des Sauvages, La Joyeuse et Tambourin (pièces célèbres).....
48. BEETHOVEN. Andante de la sixième Symphonie en *fa* (La Pastorale).....
49. MOZART. Adagio du Quintette en *sol mineur*, suivi de l'Andante de la quatrième Sonate solo.....
50. BEETHOVEN. Allegretto de la septième Symphonie, suivi de la Dernière Pensée.....
1. HAYDN. Adagio du Quatuor, op. 50, suivi du Menuet en *mi bémol* de la trente-deuxième Symphonie.....
2. BEETHOVEN. Allegretto-Scherzando de la huitième Symphonie en *fa*.....
3. ROSSINI. Ouverture de Sémiramis.....
4. WEBER. Ouverture d'Obéron.....
5. MOZART. Ouverture de la Flûte enchantée.....
6. WEBER. Ouverture du Freyschütz.....
7. BEETHOVEN. Ouverture de Coriolan.....
8. WEBER. Ouverture d'Euryanthe.....
9. MEHUL. Ouverture du Jeune Henri.....
0. BEETHOVEN. Fragments du Comte d'Egmont.....
1. GLUCK. Pavane (Air de danse du 16e siècle) et Souvenirs d'Iphigénie.....
2. FIELD. Cinquième Nocturne en *si bémol* et Midi, Rondo favori.....
3. HUMMEL. Rondo en *mi bémol*, op. 11.....
4. STEIBELT. L'Orage, Rondo pastoral.....
5. WEBER. Première Polonaise, op. 50.....
6. CLEMENTI. Sonatines choisies, op. 36, premier Livre.....
7. STRAUSS. Valses choisies, premier Livre.....
8. CRAMER. Le Petit Rien, Air varié suivi du Songe de J.-J. Rousseau.....
9. MARCAILHOU. Indiana et le Torrent. Valses choisies.....
0. WEBER. Deuxième Polonaise, op. 72.....
1. LABITSKY. Valses choisies, premier Livre.....
2. DUSSEK. Ma Barque légère (Air de Grétry), Rondo pastoral.....
3. WEBER. Rondo en *mi bémol*, op. 62.....
4. LANNER. Valses choisies, premier Livre.....
5. CHOPIN. Impromptu, op. 29, et Etude, op. 10 n° 3, premier Livre.....
6. MOZART. Ah! vous dirai-je, maman, neuvième Thème varié.....
7. WEBER. 6 Pièces faciles, op. 3, pour piano solo.....
8. GRETRY. Souvenirs de ses opéras.....
9. BOIELDIEU. Souvenirs de ses opéras.....
- *** Chants nationaux hollandais.....

И о 20 к о п т а е к з к а с а к а м у ж о р з.

— Тоже! повторилъ Кенелмъ вставая.—Тоже! Не удивительно что я, чужой въ этихъ мѣстахъ, былъ привлеченъ къ самому почтенному здѣшнему зданію. Даже беззаботнѣйшій путешественникъ, остановясь въ какомъ-нибудь отдаленномъ жилищѣ живыхъ, обращаетъ взоры свои къ мѣсту улокоенія мертвыхъ. Меня удивляетъ что васъ, миссъ Мордантъ, также привлекало это мѣсто.

— Это мое любимое мѣсто, сказала Лили,—и я всегда любила его. Я много часовъ просиживала на этомъ могильномъ камнѣ. Странно думать что никому неизвѣстно кто покоится подъ нимъ. *Путеводитель по Мольсевику*, хотъ и сообщаетъ исторію церкви начиная съ царствованія когда она была построена, приводитъ однакожь только догадку что въ этой могилѣ, самой обширной и древней на кладбищѣ, погребены члены фамиліи Монтфичеть, когда-то самой могущественной въ графствѣ, но исчезнувшей со времени Генриха VI. Но, — прибавила Лили — здѣсь не осталось ни одной буквы изъ имени Монтфичеть. Я открыла больше другихъ— я изучила для того *черныя письма*. * Посмотрите сюда,—и она указала на небольшое мѣсто очищенное отъ моху.—Видите эти фигуры, развѣ это не цифра XVIII? Посмотрите еще на то мѣсто гдѣ прежде была строка надъ этими фигурами, видите *ELE*. Здѣсь должно-быть была погребена Элеора умершая восемнадцати лѣтъ....

— Мнѣ кажется вѣроятнѣе что цифра относится ко времени кончины, можетъ-быть 1318; и насколько я могу разбирать *черныя письма*, хотъ это больше по части моего отца, мнѣ кажется что это *AL*, а не *EL*, и что между вторымъ *E* и *L* была еще буква которая теперь стерлась. Не похоже чтобъ и могила принадлежала какой-нибудь могущественной фамиліи жившей въ этихъ мѣстахъ. Ихъ монументъ, по обычаю, находился бы внутри церкви; можетъ-быть въ собственной усыпальницѣ.

— Не старайтесь разстроить мои мысли, сказала Лили ласкавая головою,—вамъ это не удастся; я хорошо знаю ея

* Черныя письма, то же что готическія буквы, были введены въ употребленіе въ четырнадцатомъ вѣкѣ; до изобрѣтенія книгопечатанія рукописи писались такими письмами; въ подражаніе рукописамъ такъ же печатались въ началѣ и книги. Англійскія книги издаваемыя ранее 1500 года всѣ напечатаны этими буквами; ихъ называютъ черными книгами.

исторію. Она была молода, кто-то любилъ ее и поставилъ надъ ней памятникъ; посмотрите какъ длинна эпитафія! Какъ много здѣсь было сказано въ похвалу ей и о его горѣ! Потомъ онъ пошелъ своимъ путемъ, и могила осталась заброшеною. Судьба ея была позабыта.

— Любезнѣйшая миссъ Мордантъ, почитивъ это свѣтлыя фактазія праять изъ такой слабой вѣты. Но если даже это справедливо, то нѣтъ повода думать что жизнь позабыта если заброшена могила.

— Можетъ-быть нѣтъ, сказала Лили задумчиво.—Но если по смерти я буду имѣть возможность смотрѣть на землю я думаю мнѣ было бы пріятно видѣть что могила моя не забыта тѣми кто когда-то любилъ меня.

Говоря это она отошла отъ него и направилась къ маленькой могильной насыпи, казалось недавней; въ головѣ стоялъ простой крестъ, и вокругъ него узкая полоска цвѣтовъ. Она опустилась на колѣни около цвѣтовъ и выломала нѣсколько сорныхъ травъ. Потомъ поднялась и сказала Бенелму, послѣдовавшему за ней и стоявшему возлѣ:

— Здѣсь лежитъ маленькая ввучка бѣдной старой мистрисъ Гельсъ. Мнѣ не удалось вылѣчить ее, хоть я очень старался она такъ любила меня и умерла на моихъ рукахъ. Нѣтъ, чѣмъ я говорю „умерла“; развѣ есть такая вещь какъ смерть? Это только перемѣна жизни:

Существованье и душа—ихъ связь тѣснѣй
Чѣмъ двухъ воздушныхъ воляхъ между собою.

— Чьи это строки? спросилъ Бенелмъ.

— Не знаю; я слышала ихъ отъ Льва. Не находите ли вы что онъ справедливъ?

— Да! Но онъ не передаютъ мысли о томъ что эта жизнь оставляется для другой болѣе желательной для многихъ изъ насъ. Посмотрите какъ тихо и прекрасно и свѣтло надъ нами это небо; будемте говорить о немъ, а не о кладбищѣ гдѣ стоимъ.

— Но развѣ нѣтъ еще неба, прекраснѣе чѣмъ то что надъ нами; мы видимъ его будто во снѣ, видимъ лучше когда говоримъ о могилахъ?—Не дожидаясь отвѣта Лили продолжала:—Я посадила эти цвѣты. Мистеръ Эмлинъ сердился на меня онъ говоритъ что это католическій обычай. Но онъ не рѣшился велѣть вырвать ихъ. Думаете вы что это не хорошо?

Бѣдная маленькая Недль! Она такъ любила цвѣты. И Элеонора въ большой могилѣ можетъ-быть тоже знала кого-нибудь кто звалъ ее Недль; но на могилѣ ея нѣтъ цвѣтовъ. Бѣдная Элеонора!

Она сняла букетъ бывшій у нея на груди и возвратясь къ могилѣ положила его на старыи камень.

Г Л А В А XI.

Они оставили кладбище и пошли по дорогѣ къ Грасмиру. Кенелмъ шелъ рядомъ съ Лили; ни слова не было сказано между ними пока они не дошли до мѣста откуда открывался домъ Лили.

Тогда она неожиданно остановилась и поднявъ къ нему свое очаровательное лицо сказала:

— Я обѣщала подумать о томъ что вы мнѣ сказали вчера вечеромъ. Я думала, и могу поблагодарить васъ отъ души. Вы были очень добры; мнѣ никогда прежде не казалось что у меня дурной нравъ, никто не говорилъ мнѣ этого. Но теперь я вижу что вы разумѣли: по временамъ я чувствую слѣшкомъ живо и обнаруживаю это. Но какъ я выказала это предъ вами, мистеръ Чиллинггаи?

— Развѣ вы не отворотились отъ меня когда я сидѣлъ около васъ въ саду мистрисъ Брефильдъ, не удостоивая меня отвѣта когда я спрашивалъ не обидѣлъ ли васъ?

Лицо Лили покраснѣло румянцемъ, и голосъ ея задрожалъ какъ она отвѣтила:

— Я не была обижена, это не былъ дурной нравъ, это было хуже.

— Хуже — что жъ это могло быть?

— Боюсь что это была зависть.

— Зависть къ чему, къ кому?

— Не знаю какъ это объяснить; я боюсь что тетя права и волшебныя сказки внушаютъ глупыя и дурныя мысли. Когда сестры Сендриліоны отправились на королевскій балъ, а Сендриліона осталась одна, развѣ она не желала тоже отправиться туда? Развѣ она не завидовала своимъ сестрамъ?

— А! Теперь понимаю; сэръ-Томасъ говорилъ о королевскомъ балѣ.

— И вы были тамъ и разговаривали съ прекрасными дамами: я была глупа, мнѣ стало больно.

— Вамъ? А когда мы въ первый разъ видѣлись вы удивлялись какъ люди которые могутъ жить въ деревьяхъ предпочитаютъ жить въ городахъ; значитъ вы иногда противорѣчите себѣ и вздыхаете о большомъ свѣтѣ что лежитъ за этими тихими берегами. Вы чувствуете что у васъ есть молодость и красота и желаете чтобы другіе восхищались вами.

— Это не совсѣмъ такъ, сказала Лили, и ея невинное лицо приняло смущенный видъ;— и въ лучшія минуты, когда является мое лучшее Я, я знаю что не создана для большого свѣта о которомъ вы говорите. Но видите ли....

Она опять умолкла и войдя въ садъ устало опустилась на скамью возлѣ дорожки. Кенелмъ также сѣлъ ожидая чтобъ она кончила свою прерванную рѣчь.

— Видите ли, продолжала она въ смущеніи опустивъ глаза и чертя на лѣскѣ неясные круги своею волшебною ножкой,— дома съ тѣхъ поръ какъ я себя ломаю, со мною обращались какъ будто бы я была—какъ бы это сказать? Дочерью одной изъ вашихъ знатныхъ дамъ. Даже Левъ, который такъ благороденъ, такъ великъ, казалось считалъ меня, когда я была ребенкомъ, за маленькую царевну; разъ когда я сказала неправду онъ не бранилъ меня, но я никогда не видала его такимъ печальнымъ и огорченнымъ какъ въ то время какъ онъ сказалъ: „никогда не забывайте впередъ что вы леди“. И, но я надоѣла вамъ....

— Ничуть, продолжайте.

— Нѣтъ; я сказала довольно чтобъ объяснить почему у меня по временамъ являются гордые мысли и лустыя мысли; почему напримѣръ я говорила себѣ: можетъ-быть я имѣю право занимать мѣсто среди тѣхъ прекрасныхъ леди съ которыми онъ.... но теперь это прошло.

Она послѣшно встала и съ веселымъ смѣхомъ лобѣжала къ мистрисъ Камеронъ, которая медленно шла по дорожкѣ съ книгой въ рукахъ.

ГЛАВА XII.

Въ домѣ священника въ этотъ вечеръ собралось самое веселое общество. Лили не ожидала встрѣтить тамъ Кенелма, и лицо ея просіяло когда при входѣ ея онъ отвернулся отъ книжныхъ полокъ на которыя мистеръ Эмманъ обращалъ его вниманіе. Но вмѣсто того чтобъ отвѣчать на его привѣтствіе

она выбѣжала на лужайку гдѣ Клемми и другія дѣти встрѣтили ее радостнымъ крикомъ.

— Вы не знакомы съ Макалиновымъ Ювеналомъ? сказалъ ученый священникъ;—онъ вамъ очень понравится, вотъ онъ, посмертное сочиненіе изданное Георгомъ Лонгомъ. Я могу дать вамъ *Луcreція* изданія Мовро 1869. У насъ-таки есть нѣсколько ученыхъ которые могутъ соперничать съ германскими.

— Отъ души радъ слышать это, сказалъ Кенелмъ. — Но много еще пройдетъ времени прежде чѣмъ они пожелаютъ соперничать съ нами въ игрѣ которую миссъ Клемми затѣяла теперь на лужайкѣ и въ которой Англія приобрѣла уже европейскую репутацію.

— Не понимаю. Какая игра?

— Кошка и мышка. Съ вашего позволенія я пойду посмотрѣть какъ посчастливится кошкѣ.

Кенелмъ присоединился къ дѣтямъ, между которыми Лили казалась тоже ребенкомъ. Отказавшись, несмотря на упрямства Клемми, принять участіе въ игрѣ, онъ сѣлъ въ нѣкоторомъ разстояніи на дерновую скамью, оставаясь дѣйствительнымъ зрителемъ. Глаза его слѣдили за быстрыми движеніями Лили, слухъ упивался музыкой ея веселаго смѣха. Могла ли это быть та самая дѣвушка которую онъ видѣлъ въ заботахъ о цвѣтахъ на могильныхъ камняхъ! Мистрисъ Эмаинъ перейдя лужайку присоединилась къ нему сѣвъ на ту же скамью. Мистрисъ Эмаинъ была чрезвычайно умная женщина; но она не была ужасна, напротивъ, пріятна; и хотя сосѣдки говорили про нее „они говорятъ какъ книга“, но ея пріятный голосъ уничтожалъ это обвиненіе.

— Кажется, мистеръ Чиллинггаи, сказала она,—мнѣ слѣдуетъ извиниться что мужъ пригласилъ васъ на такую пустую, какъ вамъ должно казаться, забаву какъ дѣтскій праздникъ. Но когда мистеръ Эмаинъ просилъ васъ пожаловать сегодня вечеромъ, онъ не зналъ что Клемми тоже позвала своихъ молодыхъ друзей. Онъ рассчитывалъ на серьезный разговоръ съ вами о своихъ любимыхъ научныхъ занятіяхъ.

— Я еще не такъ давно оставилъ школу и потому предпочитаю полупраздники урокамъ даже такого пріятнаго наставника какъ мистеръ Эмаинъ.

Счастливые года—кто бы не хотѣлъ ребенкомъ снова стать!

— Нѣтъ, сказала мистрисъ Эмаинъ съ серьезною улыбкой.— Это такъ прекрасно какъ мистеръ Чиллинггаи началъ карьеру

мущины, захочетъ ли вернуться назадъ и снова стать мальчикомъ?

— Но, любезнѣйшая мистрисъ Эмлинь, строка что я привелъ вылилась изъ сердца человѣка опередившаго всѣхъ соперниковъ на избранномъ имъ поприщѣ, бывшаго въ то время въ полномъ цвѣтѣ юности и славы. И если такой человѣкъ въ такую эпоху своей карьеры вздыхалъ желая снова стать ребенкомъ, то безъ сомнѣнія въ это время онъ вспоминалъ о дѣтскихъ полупраздникахъ стараясь забыть о жизненныхъ задачахъ которыя былъ осужденъ изучать какъ мущина.

— Я думаю что это стихъ изъ *Чайльда Гарольда*; вѣроятно вы не станете прилагать ко всему человѣчеству чувства поэта такъ исключительно проникнутаго самоувнѣиємъ (если можно такъ выразиться) и чьи чувства часто такъ болезненны.

— Вы правы, мистрисъ Эмлинь, сказалъ Кенелмъ просто душно.—Между тѣмъ дѣтскіе полупраздники очень счастливая вещь, и изъ среды человѣчества вообще очень многіе рады были бы воротить ихъ. Я думаю, даже самъ мистеръ Эмлинь.

— Мастеръ Эмлинь пользуется теперь полупраздникомъ. Видите онъ стоитъ тамъ предъ окномъ? Слышите какъ онъ смѣется? Веселье дѣтей снова дѣлаетъ его ребенкомъ. Надеюсь что вы останетесь еще нѣсколько времени въ нашихъ мѣстахъ, и я увѣрена что вы съ нимъ полюбите другъ друга. Для него же такое рѣдкое счастье встрѣтить ученаго какъ вы съ кѣмъ бы поговорить.

— Простите, но я не ученый, это слишкомъ почетное слово чтобы прилагать его къ лѣнливцу нахватавшемуся только вершковъ книжныхъ знаній.

— Вы слишкомъ скромны. У мужа есть экземпляръ вашихъ стиховъ за которые вы получили награду въ Комбриджѣ; онъ говоритъ что латынь ихъ превосходна. Я повторяю его собственные слова.

— Писать латинскіе стихи рѣшительно пустяки, это доказываетъ только что у человѣка былъ прекрасный тьюторъ, какой былъ у меня. Но возвратимся къ болѣе интересному вопросу о полупраздникахъ. Вотъ Клемми съ триумфомъ ведетъ вашего мужа. Теперь ему приходится быть кошкой.

— Когда вы побольше узнаете Чарльза, — моего мужа — вы увидите что вся его жизнь болѣе или менѣе праздникъ

Можетъ-быть потому что его нельзя обвинить въ томъ въ чемъ вы обвиняете себя: онъ не лѣнивъ; онъ никогда не желаетъ стать олять ребенкомъ, и самая работа праздникъ для него. Онъ наслаждается когда запершись въ кабинетъ погружается въ чтеніе, наслаждается гуляя съ дѣтьми, находитъ наслажденіе посѣщать бѣдныхъ, съ наслажденіемъ исполняетъ свои церковныя обязанности. И хотя я не всегда довольна и думаю что онъ могъ бы получить тѣ отличія въ своей профессіи какими щедро каждають людей не такихъ достойныхъ и ученыхъ, но онъ никогда не бываетъ недоволенъ. Сказать ли вамъ его секретъ?

— Скажите.

— Онъ благодарный человекъ. Вамъ также есть много за что благодарить Бога, мистеръ Чиллинггау; а съ благодарностью къ Богу соединяется желаніе приносить пользу людямъ, и такое употребленіе времени на пользу дѣлаетъ каждый день праздникомъ.

Кенелъ съ изумленіемъ взглянулъ на спокойное лицо жены пастора.

— Я вижу, сударыня, сказалъ онъ, что вы много изучали эстетическую философію нѣмецкихъ мыслителей которыхъ довольно трудно понимать.

— Я, мистеръ Чиллинггау—помиуйте. Нѣтъ! Что вы разумете подъ вашею эстетическою философіей?

— Согласно эстетикамъ, я думаю, человекъ достигаетъ высшаго нравственнаго совершенства когда трудъ и долгъ не требуютъ болѣе усилій, когда они становятся двигателемъ и привычкою жизни, когда они, какъ необходимая принадлежность прекраснаго, доставляютъ наслажденіе подобно красотѣ. Прекрасное ученіе, можетъ-быть не такъ возвышенное какъ ученіе стоиковъ, но гораздо привлекательнѣе. Только очень немногіе изъ насъ могутъ на практикѣ окружать свои тяготы и заботы такою прозрачною атмосферою.

— Нѣкоторые достигаютъ этого не зная ничего объ эстетикахъ и не претендуя быть стоиками, но потому что они христіане.

— Безъ сомнѣнія есть нѣсколько такихъ христіанъ, но ихъ рѣдко можно встрѣтить. Возьмите христіанскій міръ въ его цѣлости, онъ представится вамъ самымъ безпокойнымъ населеніемъ, населеніемъ въ которомъ больше всего слышно ролоту на количество работы какую необходимо исполнить, раздаются

самыя громкія жалобы что долгъ вмѣсто удовольствій есть тяжелая борьба, и въ этомъ мірѣ праздниковъ мало и нравственная атмосфера вовсе непрозрачна. Можетъ-быть,—пробавилъ Кенелмъ съ печатью глубокой думы на челѣ,—это вѣчное сознаніе борьбы, это прелатствіе замѣнить трудъ покоемъ, суровый долгъ мирными наслажденіями, этотъ самоотказъ вознестись въ сложныя пространства высоко надъ тучами омрачающими ближнихъ остающихся внизу, надъ градомъ и бурей что имъ угрожаетъ,—это и дѣлаетъ тревожную жизнь христіанства болѣе любезною Небесамъ и болѣе согласною съ ихъ начертаніями,—такъ какъ земля есть поприще борьбы, а не мѣсто услокоенія для человѣка, — нежелу жизнь брамива, вѣчно ищущаго удалиться отъ христіанской борьбы между дѣйствіями и желаніями, и внести въ нее крайнее развитіе эстетической теоріи, невозмутимо покоясь въ созерцаніи абсолютнѣйшей красоты какую человѣческая мысль можетъ отразить отъ идеи божественной благодати!

То что мистрисъ Эмилицъ могла сказать въ отвѣтъ было прервано дѣтми сбѣжавшимися къ ней; они устали играть и жаждали чаю и волшебнаго фонаря.

Г Л А В А XIII.

Въ комнатѣ было какъ слѣдуетъ темно и на стѣнѣ развѣшана бѣлая простыня; дѣти сидятъ притихнувъ и робко Кенелмъ помѣстился около Луи.

Самыя простыя вещи въ нашей смертной опытности принадлежатъ къ числу самыхъ таинственныхъ. Въ ростѣ травяной былинки больше таинственнаго чѣмъ въ волшебномъ зеркалѣ или въ штукахъ спирита медиума. Многіе изъ насъ испытывали притяженіе влекущее одно человѣческое существо къ другому и дѣлающее величайшимъ счастіемъ сидѣть спокойно и молча другъ подле друга; тогда умолкаютъ на минуту самыя безпокойныя мысли въ головѣ, самыя тревожныя желанія въ сердцѣ и остается только сознаніе настоящаго неизъяснимаго блаженства. Большинство изъ насъ звали это. Но кто оставался когда-нибудь удовлетворенъ метафизическимъ отчетомъ почему и отчего это такъ? Мы можемъ сказать только что это любовь, и любовь въ томъ ра-

нелюбимъ періодъ своей исторіи когда она еще не освободилась отъ романтичности; но вслѣдствіе какого процесса одно существо отличается отъ всей вселенной пріобрѣтая надъ другимъ такую особую власть, это задача которая, хотя многіе пытались рѣшить ее, никогда рѣшена не была.

При тускломъ освѣщеніи комнаты, Кенелмъ могъ различить только очеркъ нѣжнаго лица Лили; но при каждой новой неожиданности лицо это инстинктивно обращалось къ нему, и разъ когда страшный образъ окутаннаго покрываломъ духа пресѣдующаго грѣшника пронесся по стѣнѣ, она съ ребяческимъ страхомъ придвинулась ближе къ нему и невольно невиннымъ движеніемъ положила свою руку на его. Онъ нѣжно удержалъ ее, но увы! она была отнята въ слѣдующее мгновеніе; за духомъ послѣдовала пара танцующихъ собакъ. И тотчасъ же раздавшійся смѣхъ Лили — частію на собакъ, частію по поводу своего искуса — раздражалъ слухъ Кенелма. Онъ желалъ бы чтобы являлся цѣлый рядъ духовъ одинъ страшнѣе другаго.

Забава кончилась, и послѣ легкой закуски изъ пирожнаго и вина съ водою общество стало расходиться. Дѣти бывшія въ гостяхъ уходили по домамъ въ сопровожденіи служанокъ пришедшихъ за ними. Мистрисъ Камеронъ и Лили отправлялись домой гнѣшномъ.

— Прекрасный вечеръ, мистрисъ Камеронъ, сказалъ мистеръ Эмлинъ,—я провожу васъ до дому.

— Позвольте и мнѣ тоже, сказалъ Кенелмъ.

— Это, сказалъ викарій,—вѣдь и ваша дорога въ Кромвель-Лоджъ.

Тропинка вела ихъ черезъ кладбище какъ ближайшій путь къ ручью. Лучи мѣсяца просвѣчивали сквозь деревья и покоились на старой могилѣ какъ бы играя вокругъ цвѣтовъ положенныхъ въ этотъ день рукой Лили на могильную плиту. Она шла рядомъ съ Кенелмомъ; старшіе шли на нѣсколько шаговъ впереди.

— Какъ я была глупа, сказала она,—что испугалась фальшиваго духа! Не думаю чтобы настоящій испугалъ меня, по крайней мѣрѣ явись онъ здѣсь, въ этомъ милломъ дунномъ свѣтѣ, на Божіей нивѣ!

— Духи, имѣя они возможность являться иначе какъ въ волшебномъ фонарѣ, не вредны бы невиннымъ. И я удивляюсь почему мысль о ихъ появленіи всегда сопровождается

представленіемъ объ ужасномъ, особенно у безгрѣшныхъ дѣтей, которыхъ-мъ меньше всего причинъ бояться ихъ.

— О, это правда, воскликнула Лили; — но даже и въ зрѣломъ возрастѣ мы должны по временамъ испытывать сильнѣйшее желаніе видѣть духа и чувствовать какое бы это было утѣшеніе и радость.

— Я понимаю васъ. Если кто-нибудь очень намъ дорогой покинетъ эту жизнь, если мы такъ сильно чувствуемъ тяжесть разлуки что постигаемъ что жизнь, какъ вы прекрасно выразили, никогда не умираетъ; тогда я понимаю что тоскующій по покойномъ можетъ желать увидать отшедшаго, хотя бы для того только чтобы спросить: „счастливъ ли ты? могу ли я надѣяться что мы опять встрѣдимся чтобы никогда, никогда не разлучаться?“

Голосъ Кенелма дрожалъ когда онъ говорилъ это: слезы наполнили его глаза. Смутная, безотчетная, непреодолимая грусть пронеслась по его сердцу какъ тѣнь птицы съ темными крыльями проносится надъ спокойнымъ ручьемъ.

— Вы еще никогда не чувствовали этого? спросила Лили съ сомнѣніемъ, кроткимъ голосомъ полнымъ вѣрной жалости, остановясь и смотря ему въ лицо.

— Я? Нѣтъ. Я еще не терялъ никого кого бы любилъ такъ чтобы желать увидѣть опять. Я только думалъ что подобную потерю можетъ испытать каждый изъ насъ прежде чѣмъ мы сами исчезнемъ изъ вида.

— Лили! позвала мистрисъ Камеронъ остановясь у воротъ кладбища.

— Чтò, тетя?

— Мистеръ Эмманъ желаетъ знать какъ далеко ты ушла въ *Нулъ Полмилій*. Подойди и скажи сама.

— О, эти скучные взрослые люди! сказала Лили капризно Кенелму:—Я люблю мистера Эмманна; онъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ людей. Но все-таки онъ взрослый, и его *Нулъ Полмилій* такъ глупъ.

— Мой первый французскій учебникъ. Нѣтъ, онъ не глупъ. Прочтите. Въ немъ отблески самой лучшей волшебной сказки, въ особенности о феѣ которая очаровывала мои мысли когда я былъ мальчикомъ.

Въ это время они достигли воротъ кладбища.

— Какая волшебная сказка? какая фея? спросила Лили говоря ласкливо

— Она была фея, хотя на языческомъ языкѣ называется амфой—Эгерія. Она была звеномъ между людьми и богами для того кого любила; она изъ рода боговъ. Правда, она такъ-э можетъ исчезнуть изъ вида, но умереть не можетъ.

— Ну, миссъ Лили, сказалъ викарій, — много ли вы прочли въ книги что я далъ вамъ—*Нума Помпилий*?

— Спросите меня черезъ медвлю.

— Хорошо; но помните что вы должны переводить что читаете. Я посмотрю переводъ.

— Хорошо. Я буду стараться, отвѣчала Лили кротко.

Лили теперь шла съ викаріемъ, а Кенелмъ съ мистрисъ намеронъ пока они достигли Грасмира.

— Я пройду съ вами до моста, мистеръ Чиллингга, сказалъ викарій когда дамы скрылись въ своемъ саду.

— У насъ мало было времени осмотрѣть мои книги; надѣсь что вы по крайней мѣрѣ взяли съ собой Ювенала.

— Нѣтъ, мистеръ Эмлия; кто можетъ выйти изъ вашего дома съ наклоностью къ сатиры? Я долженъ зайти къ вамъ какъ-нибудь поутру и выбрать томику изъ тѣхъ сочиненій гдѣ даютъ пріятные взгляды на жизнь и оставляютъ благоприятное впечатлѣніе о человечествѣ. Жена ваша, съ которой имѣлъ интересный разговоръ о принципахъ эстетической философіи...

— Моя жена—Шарлотта! Она не имѣетъ понятія объ эстетической философіи.

— Она зоветъ ее другимъ именемъ, но понимаетъ ее хорошо, такъ что поясняетъ правила примѣромъ. Она говорила мнѣ что трудъ и долгъ совершаются для насъ

In den heitern Regionen

Wo die reinen Formen wohnen,

какъ что они становятся радостью и красотой; такъ это?

— Я увѣренъ что Шарлотта никогда не говорила ничего въ половину столь поэтического. Но, говоря просто, дни мои рождаются очень счастливо. Небо даровало мнѣ столько источниковъ любви: жену, дѣтей, книги, и призваніе которое, когда оставляешь свой домъ, несеть съ собою любовь во вѣшній міръ. Міръ мой самъ по себѣ маленькій, всего только динь приходъ—но мое призваніе связуетъ его съ вѣчностью.

— Теперь понимаю; изъ источниковъ любви вы извлекаете запасъ счастья.

— Конечно; безъ любви можно пожалуй быть добрымъ, но едва ли можно быть счастливымъ. Никто не можетъ представить себѣ неба иначе какъ обителью любви. Кто это изъ писателей сказалъ: „Какъ хорошо разумѣть человѣческое сердце Тотъ Кто первый назвалъ Бога именемъ отца“?

— Не припомню, но это прекрасно сказано. Вы какъ вамъ не подлишетесь подъ аргументами Децима Роча въ его *Приближеніи къ Ангеламъ*.

— Ахъ, мистеръ Чиллингхилъ! ваши слова учатъ меня что счастье человѣка можетъ быть растерзано если онъ не будетъ лютно обрѣзывать ногтей тщеславія. Я чувствую глубокую боль когда вы говорите мнѣ объ этомъ краснорѣчивомъ и негирикѣ безбрачія не зная что единственная вещь изъ впечатаныхъ мною которая, я думаю, понравилась мыслящимъ читателямъ была Возраженіе на *Приближеніе къ Ангеламъ*, юношеская книга, написанная въ первый годъ моей женитьбы. Но она имѣла успѣхъ: я только-что просмотрѣлъ десятое изданіе ея.

— Вотъ книга которую я выберу въ вашей библіотекѣ. Вамъ вѣрно пріятно будетъ услышать что мистеръ Рочъ, котораго я видѣлъ въ Оксфордѣ нѣсколько дней тому назадъ, отъ казался отъ своихъ мнѣній, и въ пятьдесятъ лѣтъ собирается жениться; онъ просилъ меня прибавить: не для своего личнаго удовлетворенія.

— Собирается жениться! Децимъ Рочъ! Я думалъ что на *Возраженіе* убѣдить его наконецъ.

— Я прочту ваше *Возраженіе* чтобы разсвѣять нѣкоторые сомнѣнія моего собственнаго ума.

— Сомнѣнія въ пользу безбрачія?

— Да, если не для мірянъ, то можетъ-быть для духовенства.

— Самая сильная часть моего возраженія направлена на этотъ пунктъ; прочтите его внимательно. Я думаю что изъ всѣхъ людей имѣю духовенству, и не только ради его самого, но ради общества, браки должны въ особенности рекомендоваться. Какъ, сэръ,—продолжалъ викарій воодушевляясь ораторскимъ энтузіазмомъ,—развѣ вы не знаете что нѣтъ семействъ въ Англіи откуда выходили бы въ такомъ множествѣ люди служившіе своей странѣ и бывшіе ея украшеніемъ, какъ изъ семействъ духовенства нашей церкви? Какой другой классъ можетъ представить такой сплюскъ полныхъ знаменитыхъ именъ какимъ можемъ мы похвалиться съ име-

нами сыновей которыхъ мы воспитали и пустили въ свѣтъ? Желько государственныхъ людей, воиновъ, моряковъ, юри- товъ, медиковъ, авторовъ, людей науки были сыновья нашихъ сельскихъ пасторовъ? Это и понятно, потому что они полу- чаютъ у насъ тщательное воспитаніе; они по необходимости приобрѣтаютъ склонность къ простотѣ и дисциплинирован- нымъ привычкамъ, что ведетъ къ трудолюбію и настойчивости; и по большей части они сохраняютъ въ теченіи своей жизни бо- лѣ чистыя нравственныя правила, болѣ систематическое по- степеніе къ предметамъ и мыслямъ религіозно соединеннымъ съ самыми ранними образцами привязанности и уваженія, чѣмъ можно ожидать отъ сыновей мірянъ, чьи родители вполнѣ преда- ны міру и суетѣ. Я утверждаю, сэръ, что это могущественный аргументъ который должна признавать нація не только въ поль- зу женатаго духовенства—въ этомъ вопросѣ милліонъ Рочей не будетъ въ состояніи поколебать общественное мнѣніе страны— но въ пользу церкви, учрежденной церковью, которая была столь плодотивою воспитательницею знаменитыхъ мірянъ; и мнѣ часто думалось что главнѣйшая и неоспоримая причина болѣ низкаго уровня нравственности, общественной и частной, болѣ поврежденія нравовъ, болѣ распространеннаго пренебре- женія къ религіи, какія мы видимъ напримѣръ въ такой ци- вилизованной странѣ какъ Франція, состоитъ въ томъ что ея духовенство не можетъ воспитывать сыновей которые бы хра- нили посреди земныхъ испытаній неколебимую вѣру въ воз- несеніе на небесахъ.

— Отъ всей души благодарю васъ, сказалъ Кенелмъ.—Я об- уамаю хорошенько все что вы такъ убѣдительно высказали. Я уже готовъ отказаться отъ прежнихъ нелѣпыхъ мыслей о женатомъ духовенствѣ; въ качествѣ же мірянина я боюсь что самъ никогда не достигну возвышенной филантропіи ми- стера Децима Роча, и если женюсь когда-нибудь, то главнѣй- шимъ образомъ для моего личнаго удовлетворенія.

Мистеръ Эмлинъ добродушно разсмѣялся, и такъ какъ они пошли теперь до моста, пожалъ руку Кенелму и пошелъ до- кой по берегу ручья и чрезъ кладбище, легкою походкой и съ подвнятою головой, какъ человѣкъ который находитъ радость въ жизни и не допускаетъ страха смерти.

ГЛАВА XIV.

Въ слѣдующія за тѣмъ двѣ недѣли или около того Кенелмъ и Лили встрѣчались, не такъ часто какъ можетъ-быть полагаетъ читатель, но все таки часто; пять разъ у мистрисъ Брфильдъ, еще разъ у викарія и дважды когда Кенелмъ пригидилъ въ Грасмиръ; будучи приглашенъ въ одно изъ этихъ посѣщеній остаться пить чай, онъ пробылъ цѣлый вечеръ. Кенелмъ болѣе и болѣе поддавался очарованію по мѣрѣ тѣхъ какъ чаще встрѣчалъ существо такъ совершенно чуждое е опытности. Она была для него не только поэмой, но поэмой изъ Сивиллиныхъ книгъ, загадочною, сбывавшею толкованіе: сливавшею свой интересъ съ видѣніями будущаго.

Лили представляла дѣйствительно очаровательное соединеніе противоположностей, рѣдко встрѣчающихся въ гармоническомъ соединеніи. Ея невѣдѣніе многого что знаютъ дѣвушки въ половину моложе ея годами такъ смягчалось непритворною, невинною простотою, было такъ украшено прекрасными фантазіями и сладостными вѣрованіями, такъ контрастировалось и озарялось проблесками знанія какое рѣдко обнаруживаютъ молодыя дѣвушки называемыя хорошо образованными. — знанія исходящаго изъ острой наблюдательности вѣтши природы, и впечатлительности къ ея измѣчивымъ и тонкимъ красотамъ. Это знаніе можетъ-быть впервые зародилось и было постепенно воспитано тою поэзіей что она не только выучивала наизусть, но усвоила какъ нераздѣльную отъ здороваго теченія собственныхъ мыслей; не современною поэзіей—большинство молодыхъ дѣвушекъ довольно знакомы съ ней—но избранными отрывками стихотвореній старыхъ, и большей части принадлежащихъ поэтамъ вынѣ мало читаннымъ молодыми людьми обоого пола. Но ни одинъ изъ нихъ не былъ такъ дорогъ ей какъ торжественныя мелодіи Мильтона. Многіе изъ этихъ стиховъ она никогда не читала въ книгахъ; она выучила ихъ еще въ дѣтствѣ отъ своего покровителя живописца. Съ этимъ несовершеннымъ, отрывочнымъ образованіемъ соединялась въ ней такая удивительная утонченность въ каждомъ взглядѣ и движеніи, такая глубоко

женственная нѣжность сердца. Съ тѣхъ поръ какъ Кенелмъ рекомендовалъ ей *Нума Помпилиа*, она съ большою охотою принялась за этотъ старомодный романъ и очень любила говорить съ нимъ объ Эгеріи какъ о лицѣ дѣйствительно существовавшемъ.

Но какое впечатлѣніе онъ—первый человѣкъ сходный съ нею по лѣтамъ съ кѣмъ она когда-либо дружески разговаривала—какое впечатлѣніе Кенелмъ Чиллинггау произвелъ на умъ и сердце Лили?

Во всякомъ случаѣ это былъ вопросъ который больше всего затруднялъ его, и не безъ причины: онъ могъ затруднить самаго проникательнаго зрителя. Безыскусственная искренность съ какою она выражала что онъ ей нравился отличалась отъ обыкновенной дѣвической любви; она скорѣе напоминала привязанность ребенка къ любимому брату. И эта неувѣренность оправдывала въ глазахъ Кенелма его медлительность и убѣжденіе что необходимо болѣе привлечь къ себѣ или лю крайній мѣръ болѣе изучить тайники ея сердца прежде чѣмъ рѣшиться раскрыть свое. Онъ не льстилъ себя пріятнымъ страхомъ что могъ быть опасенъ для ея счастія, онъ рисковалъ только своимъ собственнымъ. Такимъ образомъ во всѣ эти свиданія, при всѣхъ разговорахъ между ними, не было сказано ни одного слова изъ тѣхъ что передаютъ нашу судьбу волѣ другаго. Если въ его взглядѣ прорывалась любовь, искренній невинный взглядъ Лили снова охлаждалъ ее и возвращалъ въ ея сокровенную колею. Когда она весело бросалась къ нему на встрѣчу, на щекахъ ея не появлялось краснорѣчиваго румянца, не было предательскаго дрожанія въ ея свѣтломъ, сладко звучащемъ голосѣ. Нѣтъ; до сихъ поръ не было еще мгновенія когда бы онъ могъ сказать себѣ: „Она любитъ меня“. Часто говорилъ онъ себѣ: „Она еще не знаетъ что такое любовь“.

Въ промежутки времени проведеннаго не въ обществѣ Лили, Кенелмъ предпринималъ длиныя прогулки съ мистеромъ Эмлингомъ или являлъ въ гостиной мистрисъ Брефильдъ. Къ первому онъ чувствовалъ болѣе искреннюю дружбу чѣмъ къ кому бы то ни было изъ своихъ ровесниковъ, дружбу въ которую входятъ благороднѣйшіе элементы удивленія и уваженія.

Чарльзъ Эмлинь былъ однимъ изъ тѣхъ характеровъ въ которыхъ краски кажутся бѣлыми пока свѣтъ не поднесетъ къ нимъ очень близко; тогда каждый цвѣтъ кажется измѣ-

яется становясь болѣе теплымъ и богатымъ. Правъ который съ начала вы бы назвали просто мягкимъ становился непритворно благодущнымъ; умъ который вы могли съ перваго раза назвать неподвижнымъ, хотя обогащеннымъ свѣдѣніями, вы признавали теперь полнымъ выдержанной силы. Эманъ не лишень былъ нѣкоторыхъ пріятныхъ слабостей, и можетъ-быть это и дѣлало его любезнымъ. Онъ крѣпко вѣровалъ въ человѣческую доброту и его легко было обмануть ловкимъ обращеніемъ къ его „хорошо извѣстной благожелательности“. Онъ расположенъ былъ преувеличивать достоинства всего что было близко его сердцу. Онъ былъ увѣренъ что у него самая лучшая жена въ свѣтѣ, самыя лучшія дѣти, самыя лучшіе слуги, самыя лучшіе пчелиныя улья, лучшія лошадки и самая лучшая дворовая собака. Приходъ его былъ самый добродѣтельный, церковь самая живописная, церковный домъ въ которомъ онъ жилъ самый красивый, несомнѣнно во всемъ графствѣ, можетъ-быть во всемъ королевствѣ. Вѣроятно эта оптимистическая философія помогала ему возноситься въ прозрачную область эстетической радости.

Подобно привязанностямъ у него были и антипатіи. Будучи терлимымъ церковникомъ по отношенію къ протестантскимъ диссентерамъ, онъ питалъ *odium theologicum* ко всему что отзывалось лалствомъ. Можетъ-быть этому была и другая причина кромѣ чисто богословской. Въ раннюю пору жизни, его младшая сестра была, употребляя его выраженіе, „тайно уловлена“ въ римско-католическую вѣру и поступила въ монастырь. Привязанность его была глубоко уязвлена этою потерей. Мистеръ Эманъ имѣлъ еще маленькую слабость самоуваженія, скорѣй чѣмъ тщеславія. Хотя онъ очень мало видѣлъ свѣта за предѣлами своего прихода, онъ гордился своимъ знаніемъ человѣческой природы и практическихъ дѣлъ вообще. Конечно, едвали кто-нибудь больше читалъ о нихъ, особливо въ сочиненіяхъ древнихъ классиковъ. Можетъ-статься именно благодаря этому онъ такъ мало понималъ Лили, характеръ которому древніе классики не представляютъ дубликата, не даютъ нити къ его уразумѣнію; можетъ-статься это также побуждало Лили считать его „такъ ужасно взрослымъ“. Такъ что несмотря на его кроткій добрый нравъ она не очень съ нимъ сходилась.

Общество этого любезнаго ученаго нравилось Келему тѣмъ болѣе что ученый очевидно не имѣлъ даже отдаленнѣйшаго

помышленія о томъ что на пребываніе Кенелма въ Кривель-Лоджъ имѣла вліяніе близость Грасмира. Мистеръ Эмлинь былъ увѣренъ что онъ слишкомъ хорошо зналъ человѣческую природу и практическія дѣла вообще чтобы подозрѣвать что наслѣдникъ богатаго баронета можетъ мечтать жениться на дѣвушкѣ безъ состоянія и положенія въ свѣтѣ, сиротѣ бывшей на поличеніи простаго артиста только еще борывшагося за извѣстность; или чтобы человѣкъ получившій премію въ Кембриджѣ, очевидно много читавшій о серьезныхъ и сухихъ предметахъ и очевидно также не мало вращавшійся въ большомъ свѣтѣ, могъ находить иную привлекательность въ мало образованной дѣвушкѣ которая воспитывала бабсчекъ и не больше ихъ знала о свѣтской жизни, чѣмъ находилъ самъ мистеръ Эмлинь въ присутствіи красиваго, живаго, невиннаго ребенка, товарища и друга его Клемми.

Мистрисъ Брефильдъ была болѣе провидительна; но она имѣла достаточно такта и не отлугивала Кенелма отъ своего дома показывая какъ много она угадывала. Она не говорила ничего даже мужу, который не бывая большею частію дома по утрамъ былъ слишкомъ поглощенъ заботами о собственныхъ дѣлахъ для того чтобы интересоваться чужими.

Эльзи, сохранившая романтическое направленіе ума, забрала себѣ въ голову что если Ли и Мордантъ и не была дѣйствительно принцесса какія встрѣчаются въ поэтическихъ драмахъ, чье происхожденіе было до времени скрываемо, тѣмъ не менѣе знатная дѣвица древней фамиліи, и потому была подходящею партіей для Кенелма Чиллингга. Для этого вывода она не имѣла другихъ данныхъ кромѣ благовоспитанной инѣшности и манеръ тетки и замѣчательнаго изящества формъ и лица племянницы съ невыразимымъ оттѣнкомъ отличія сопровождавшимъ самыя безлечныя и порывистыя ея движенія. Но мистрисъ Брефильдъ имѣла также достаточно ума чтобы открыть что подъ дѣтскими пріемами и фантазіями этой дѣвушки почти самоучки таились еще не развившіяся задатки превосходной женщины. Такъ что съ самаго перваго дня торичной встрѣчи своей съ Кенелмомъ, Эльзи начала думать то Лили была бы самою подходящею женой для него. Когда та мысль утвердилась въ ней, природная сила воли побуждала ее употреблять всѣ свои способности чтобы привести ее въ исполненіе потихоньку, не навязчиво и искусно.

— Я такъ рада, сказала она однажды Кенелму сопровож-

давшему ее въ прогулкѣ по саду,—что вы сошлись съ мистеромъ Эмлиномъ. Хотя всѣ въ сосѣдствѣ очень любить его за его доброту, однако мало кто можетъ понять его ученость. Для васъ должно быть также неожиданно какъ и пріятно встрѣтить въ этомъ скучномъ захолустьѣ такого умнаго и ученаго собесѣдника; это можетъ вознаградить васъ за разочарованіе что вашъ ручей оказался такимъ плохимъ мѣстомъ для ловли.

— Не унижайте ручей; у него пріятные берега гдѣ можно лежать подъ старыми дубами въ полдень или бродить безцѣли по утрамъ и вечерамъ. Еслибы не было этихъ препятствій, даже лососи въ немъ не могли бы быть соблазнительны. Да; я очень радъ что сошелся съ мистеромъ Эмлиномъ. И многому научился отъ него, и часто спрашиваю себя примирюсь ли я когда-нибудь съ своею совѣстью проживъ на практикѣ то чему научился.

— Смыю ли спросить что это за специальная отрасль званія?

— Едва ли я сумѣю опредѣлить ее. Назовемъ ее на примѣръ *стоитъ-труда-логіею* (*Worth-whileism*). Въ числѣ новыхъ идей которыя мнѣ рекомендовали изучить какъ должествующій руководить моимъ поколѣніемъ, *не-стоитъ-труда-идея* занимаетъ высокое мѣсто; и такъ какъ я самъ спокойнаго и равнодушнаго нрава, то эта новая идея сдѣлалась основаніемъ моей философской системы. Но съ тѣхъ поръ какъ я дружески сошелся съ мистеромъ Эмлиномъ я нашелъ что можно сказать многое въ пользу *стоитъ-труда-логіи*, хотя это старая идея. Я вижу человѣка который имѣя въ своемъ распоряженіи очень скудный матеріалъ для интереса и удовольствія, продолжаетъ имъ интересоваться и чувствовать постоянное удовольствіе; я спрашиваю себя какъ это и почему? И мнѣ кажется что причина лежитъ въ твердыхъ убѣжденіяхъ опредѣляющихъ его отношенія къ Богу и человѣку, и эти отношенія онъ не позволяетъ поколебать никакимъ умозрѣніемъ. Раздѣляютъ эти убѣжденія другіе или нѣтъ, во всякомъ случаѣ они таковы что не могутъ не быть угодны Божеству и полезны ближнимъ. Онъ вноситъ эти убѣжденія въ счастливую семью, гдѣ они находятъ подтвержденіе, получаютъ новую силу и входятъ въ ежедневную практику; выходя изъ дому до самыхъ крайнихъ предѣловъ своего круга онъ несетъ съ собою вліянія семьи—доброту и полезность. Можетъ-быть мой кругъ дѣятельности будетъ про-

страннѣ чѣмъ его; но тѣмъ больше интереса и занимательности, если онъ можетъ быть описанъ изъ того же центра, то-есть твердыхъ убѣжденій согрѣваемыхъ для жизненныхъ дѣйствій солнечнымъ свѣтомъ сочувственной семьи.

Мистрисъ Брефилдъ слушала эту рѣчь съ удовольствіемъ и вниманіемъ, и когда она кончилась имя Лили было у нея на языкѣ, потому что она догадывалась что говоря о семьѣ онъ думалъ о Лили; но она удержала этотъ порывъ и отвѣтила общимъ мѣстомъ.

— Разумѣется первая вещь въ жизни это обезпечить себѣ частливую и сочувствующую семью. Для лучшаго изъ насъ было бы ужаснѣйшимъ испытаніемъ жениться безъ любви.

— Дѣйствительно ужасно, если одинъ, любить, а другой нѣтъ.

— Это едва ли можетъ случиться съ вами, мистеръ Чиллинггау; не думаю что вы женитесь не любя, и говоря безъ ести, человека даже гораздо менѣе одареннаго чѣмъ вы не можете не полюбить женщина чью любовь онъ захочетъ пріобрѣсти.

Кенелмъ, будучи скромнѣйшимъ изъ людей въ этомъ отношеніи, сомнительно пожалъ плечами и готовъ былъ дать благопріятный для себя отвѣтъ, когда поднявъ глаза и взглянувъ вокругъ онъ умолкъ и остановился какъ вкопанный. Они шли въ обнесенный трельяжемъ кругъ гдѣ сквозь розовые кусты онъ когда-то впервые увидалъ молодое личико которое съ тѣхъ поръ преслѣдуетъ его.

— А! сказалъ онъ неожиданно;—я не могу больше оставлять здѣсь трата рабочіе часы на грезы въ очарованномъ мѣстѣ. Иду въ городъ сегодня съ ближайшимъ поѣздомъ.

— И воротитесь назадъ?

— Разумѣется, сегодня же вечеромъ. Я не оставилъ своего пера на лондонской квартирѣ. Тамъ должно-быть накопилось множество писемъ, вѣроятно нѣсколько отъ отца съ матерью. Я съѣзжу только за ними. Прощайте. Какъ снисходительно вы слушали меня!

— Не назначимъ ли мы день на слѣдующей недѣлѣ чтобъ правиться осматривать остатки древней римской виллы? Приглашу мистрисъ Камеронъ и ея племянницу принять участіе въ этой прогулкѣ.

— Я согласенъ на всякій день какой вамъ угодно назначить, сказалъ Кенелмъ весело.

Г Л А В А XV.

Прибывъ въ свою давно покинутую квартиру въ Месферъ Кенелмъ дѣйствительно нашелъ кучу писемъ и записокъ. Многія изъ нихъ были приглашеніями на дни давно протекшіе; интересныхъ не было, за исключеніемъ двухъ отъ его отца, трехъ отъ матери и одного отъ Тома Баульза.

Сэръ-Питеръ былъ кратокъ. Въ первомъ письмѣ онъ ласково выговаривалъ сыну за то что онъ увѣхалъ не оставивъ адреса и сообщалъ ему о своемъ знакомствѣ съ Гордономъ, благоприятномъ впечатлѣніи произведенномъ на него этимъ молодымъ человѣкомъ, о передачѣ ему двадцати тысячъ на приглашеніи въ Эксмондгамъ Гордона, Траверсовъ и леди Гензальвонъ. Во второмъ письмѣ, датированномъ много позже онъ увѣдомлялъ о прибытіи приглашенныхъ гостей, говорилъ съ несвойственною ему горячностью о привлекательности Сесилии и напоминалъ сыну о его священномъ обѣщаніи сдѣлать предложеніи ни одной дѣвушкѣ не посоветовавшись напередъ съ отцомъ и не получивъ его согласія. „Пріѣзжай въ Эксмондгамъ и если я не разрѣшу тебѣ сдѣлать предложеніе Сесилии Траверсъ, считай меня тираномъ и смутьяномъ.“

Письма леди Чиллинггаи были значительно длиннѣе. Въ нихъ трактовалось подробно объ его эксцентричныхъ поступкахъ, такъ не похожихъ на поступки другихъ, въ особенности о томъ что онъ увѣхалъ изъ Лондона въ самый разгаръ сезона. Богъ знаетъ куда, и не взявъ даже саги. Она не хотѣла отлучать его, но такіе поступки тѣмъ не менѣе не естественны для порядочнаго молодого человѣка. Если онъ не уважалъ себя, ему слѣдовало бы подумать по крайней мѣрѣ о своихъ родителяхъ, въ особенности о своей бѣдной матери. Далѣе говорилось объ изящныхъ манерахъ Леопольда Траверса и о разсудительности и пріятныхъ разговорахъ Чиллинггаи Гордона, молодого человѣка которымъ могла бы гордиться всякая мать. За сими слѣдовали жалобы на домашнія непріятности. Священникъ Джонъ выразился слишкомъ рѣзко въ разговорѣ съ мистеромъ Чиллинггаи Гордономъ по поводу книги какого-то иностраннаго автора—Конта, Каунта, или что-то въ этомъ родѣ—въ которой, сколько она можетъ судить, мистеръ Чиллинггаи Гордонъ находилъ самыя возвышенныя чувства къ

человѣчеству и которую священникъ Джонъ, съ неприличною запальчивостью, осуждалъ какъ паденіе на религію. Но право священникъ Джонъ ужь слишкомъ высокоцерковенъ. Послѣ этого приговора священнику Джону, она перешла къ страннымъ костюмамъ трехъ миссъ Чиллинггау. Сэръ-Питеръ пригласилъ ихъ, безъ ея вѣдома—это такъ похоже на него—пріѣхать въ Экмондгамъ въ одно время съ лондонскими гостями, съ леди Гленальвонъ и съ миссъ Траверсъ, костюмы которыхъ такъ совершенны (при этомъ удобномъ случаѣ описывались ихъ костюмы), дѣвицы же Чиллинггау явились въ платьяхъ цвѣта зеленого горошка, съ пелеринками изъ поддѣваемыхъ бловдъ, а миссъ Салли въ мелкихъ доконахъ и въ вѣнкѣ изъ жасмина, „какого не осмѣлилась бы надѣть ни два дѣвущка старше восемнадцати лѣтъ“.

„Но, другъ мой“, прибавляла она, „родственники твоего отца большіе оригиналы. Никто не знаетъ сколько я страдаю изъ-за этого. Но я сознаю мой долгъ и исполню его.“

Окончивъ свои сѣтованія на домашнія непріятности, леди Чиллинггау возвращалась къ своимъ гостямъ.

Очевидно не подозрѣвая о плавкахъ своего мужа относительно Сесилія, она говорила о ней мало. „Очень красивая молодая особа, хотя слишкомъ бѣлокурая на ея вкусъ, и безъ сомнѣнія дѣвущка вполне *distinguée*.“ Въ заключеніе она распространялась о величайшемъ удовольствіи съ какимъ увидѣлась опять съ другомъ своей молодости, леди Гленальвонъ.

„Нисколько не испорчена жизнью въ большомъ свѣтѣ, отъ котораго, увы! покоряясь моимъ обязанностямъ жены и матери, какъ ни мало цѣнятся мои жертвы, я давно отказалась. Леди Гленальвонъ совѣтуетъ превратить безобразный старыи ровъ въ теплицу для палоротниковъ, что было бы большимъ улучшеніемъ. Отецъ твой конечно возражаетъ.“

Письмо Тома Баульза было написано на траурной бумагѣ. Вотъ оно:

„Дорогой сэръ,—Послѣ того какъ я имѣлъ честь видѣть васъ въ Лондонѣ, я потерпѣлъ печальную утрату, я лишился моего дяди. Онъ умеръ скоростипно послѣ сытнаго ужина, по мнѣнію одного доктора, отъ апоплексіи, по мнѣнію другаго, отъ болѣзни сердца. Онъ оставилъ свое состояніе мнѣ, обезпечивъ свою сестру. Никто не подозрѣвалъ что онъ скопилъ такъ много. Я телерь богатый человѣкъ. Я брошу

ветеринарное дѣло, къ которому потерялъ всякую охоту съ тѣхъ поръ какъ по вашему доброму совѣту принялся за чтеніе. Главный здѣшній хлѣбный торговецъ предлагаетъ мнѣ быть его компаньйономъ и, сколько я могу судить, это было бы выгоднымъ дѣломъ и большимъ повышеніемъ въ жизни. Но, сэръ, я не могу теперь приняться за это, не могу приняться ни за что. Я знаю что вы не будете смѣяться надо мной когда я скажу вамъ что чувствую сильное желаніе пострадать въ некоторое время. Я читалъ книги о путешествіяхъ, и онѣ занимали меня больше чѣмъ всякія другія. Но мнѣ кажется что я не могъ бы уѣхать изъ Англіи спокойно не повидавшись еще разъ въ знате съ кѣмъ, чтобы только посмотреть на нее и узнать что она счастлива. Я увѣренъ что могъ бы положить руку ея мужу и поцѣловать ея малютку безо всякаго дурнаго помышленія. Что вы скажете на это, сэръ? Вы обѣщали мнѣ написать о ней, но я не получалъ отъ васъ ничего. Сюзи, дѣвочка съ цвѣточнымъ мячикомъ, понесла также утрату. Бѣдный старикъ у котораго она жила умеръ спустя въсколько дней послѣ кончины моего дяди. Моя матушка, какъ вамъ кажется уже извѣстно, переехала сюда послѣ продажи кузницы въ Гревлеѣ, и она намѣрена теперь взять Сюзи къ себѣ. Сдѣлайте милость, напишите мнѣ поскорѣе и дайте мнѣ совѣтъ о путешествіи и о ней. Видите ли, мнѣ бы хотѣлось чтобы когда я буду въ дальнихъ странахъ она думала обо мнѣ лучше чѣмъ теперь.

„Остаюсь, дорогой сэръ,
„Вашъ благодарный слуга
„Т. Баульзъ.“

„P. S. Миссъ Траверсъ прислала мнѣ еще часть долга Уылла. Они должны мнѣ теперь очень немного. Изъ этого я заключаю что дѣла ихъ идутъ хорошо. Надѣюсь что она не изнуряетъ себя работой.“

Возвратясь въ Мольсвикъ въ этотъ же день вечеромъ по желѣзной дорогѣ, Кенелмъ отправился къ Уыллу Сомерсу. Лавка была уже залерта но служанка ввела его въ гостиную, гдѣ онъ засталъ ихъ всѣхъ за ужиномъ, всѣхъ кромѣ младенца, который былъ давно уложенъ въ колыбель и перенесенъ наверхъ. Уыллъ и Джесси были очень довольны когда Кенелмъ вызвался раздѣлить съ ними ихъ трапезу, которая

была хотя и проста, но далеко не плоха. Когда ужинъ былъ оконченъ и посуда убрана, Кенелмъ поставилъ свой стулъ къ стеклянной двери выходившей въ небольшой, но красивый садикъ, которому Уылль посвящаетъ ежедневно нѣсколько времени прежде чѣмъ принимался за свою работу. Дверь была отворена и сквозь нее проникала прохлада свѣтлой ночи и благоуханіе цвѣтовъ.

— Славный у васъ домъ, мистрисъ Сомерсъ.

— Да, сэръ, и мы умѣемъ благословлять того кому обязаны такимъ домомъ.

— Мнѣ очень пріятно слышать это. Какъ часто видимъ мы что Господь, оказывая намъ особую милость, избираетъ своимъ орудіемъ нашего ближняго, и иногда такого человѣка отъ котораго мы всего менѣе ожидали участія; но благоволяя этого человѣка, мы благодаримъ Бога внушившаго ему помочь намъ. Я знаю, милые друзья мои, что вы считаете орудіемъ Божиимъ въ оказанной вамъ милости меня. Вы думаете что деньги на которыя вы переселились въ Чольсвикъ и устроились здѣсь даны вамъ мною. Вы ошибаетесь. Вы не вѣрите мнѣ?

— Не можетъ быть чтобъ ихъ далъ сквайръ, воскликнула Джесси.— Миссъ Траверсъ увѣряла меня что это не ея деньги не ея отца. Извините, сэръ, но кто же кромѣ васъ могъказать намъ эту помощь?

— Мужъ вашъ угадаетъ кто. Предположите, Уылль, что вы остулили дурно съ человѣкомъ который тѣмъ не менѣе догнъ вамъ, и что думая объ этомъ въ послѣдствіи вы раскаялись и очень сожалѣли о своемъ поступкѣ, и предположите что вамъ представилась возможность оказать услугу этому человѣку. Оказали бы ее?

— Я былъ бы дурнымъ человѣкомъ еслибы не сдѣлалъ этого.

— Bravo! Предположите теперь что человѣкъ которому выказали услугу узналъ что онъ обязанъ ею вамъ и изъ ложной гордости обидѣлся бы и разсердился и назвалъ не деликатностью съ вашей стороны то что вы оказали ему услугу въ плату за зло которое нѣкогда причинили ему. Не назвали бы вы такого человѣка неблагодарнымъ не только относительно васъ, своего ближняго, что еще не такъ важно, но и относительно Господа Который избралъ васъ орудіемъ Своего милосердія?

— Да, сэръ, конечно, отвѣчалъ Уылль, который, несмотря

на то что былъ значительно развитіе своей жены, не поая къ чему Кенелмъ велъ свою рѣчь, между тѣмъ какъ Джесси, сжимая руки, блѣднѣя и взглянувъ съ испугомъ на мужа, воскликнула:

— О, мистеръ Чиллингги, надѣюсь что вы говорите не о мистерѣ Баульзѣ.

— О комъ же еще могъ бы я сказать это какъ не о немъ? Уылль всталъ порывисто. Лицо его искажилось.

— О, сэръ, какой жестокой ударъ!

Джесси бросилась къ мужу, обняла его и зарыдала.

Кенелмъ обратился спокойно къ старой мистрисъ Сомерсъ отложившей въ сторону свое вязанье, чулки для младенца.

— Любезнѣйшая мистрисъ Сомерсъ, что толку быть бабушкой и вязать чулки для внучатъ, когда вы не можете убить вашихъ неразумныхъ дѣтей что они слишкомъ счастливы другъ съ другомъ чтобы питать злое чувство къ человѣку который могъ нѣкогда разлучить ихъ и теперъ кается?

Къ восхищенію Кенелма, я не рѣшаюсь сказать къ его удивленію, старая мистрисъ Сомерсъ послѣ этого обращенія встала съ своего мѣста, подошла къ молодымъ супругамъ, подала одной рукой голову Джесси, другую положила на голову Уылла, и сказала съ достоинствомъ котораго трудно было ожидать отъ этой спокойной крестьянки:

— Если вы не чувствуете желанія увидать мистера Баульза и сказать ему: „Да благословить васъ Богъ, сэръ“, вы не заслуживаете чтобы Божіе благословеніе осталось на васъ.

Сказавъ это она возвратилась на свое мѣсто и принялась опять за вязанье.

— Благодаря Бога мы уже заплатили бѣольшую часть долга, сказалъ Уылль взволнованнымъ голосомъ,—и мнѣ кажется что собравъ все что у насъ есть и продавъ часть запаснаго товара, мы могли бы заплатить остальное. И тогда, сэръ,—обратился онъ къ Кенелму,—тогда, сэръ (голосъ его прервался)—мы поблагодарили бы мистера Баульза.

— Это нисколько не удовлетворяетъ меня, Уылль, отвѣчалъ Кенелмъ,— и такъ какъ я способствовалъ вашему браку, я считаю себя въ правѣ высказать что я не сдѣлалъ бы этого еслибы могъ предвидѣть что вы неспособны уважать жену вашу настолько чтобы воспоминаніе о мистерѣ Баульзѣ не было для васъ мученіемъ. Вы не чувствовали себя униженнымъ воображая что должны мнѣ деньги которыя честно вы-

плачиваете. Такъ я соужу вамъ небольшую сумму которую вы еще должны мистеру Баульзу для того чтобы вы могли расплатиться съ нимъ окончательно и сказать ему спасибо. Но, между нами, Уылль, вы поступите благороднѣе и мужественнѣе если откажетесь взять у меня деньги и поблагодарите мистера Баульза безъ ложной мысли что если вы заллатили ему его деньги, то ничѣмъ не обязаны ему за его доброту.

Уылль отвернулся въ нерѣшимости. Кенелмъ продолжалъ:

— Я получилъ сегодня письмо отъ мистера Баульза. Онъ разбогатѣлъ и думаетъ съѣздить за границу, но говорить что ему хотѣлось бы предъ отъѣздомъ положить руку Уыллу и получать отъ Джесси прощенье за свои прежнія грубости. Онъ не ожидалъ что я проговорюсь о деньгахъ, онъ хотѣлъ чтобъ это осталось навсегда тайной. Но между друзьями не должно быть тайны. Чтѣ вы скажете, Уылль? Можетъ ли мистеръ Баульзъ разчитывать на дружескій пріемъ въ нашемъ домѣ или нѣтъ?

— На самый дружескій пріемъ, сказала старая мистрисъ Сомерсъ, поднявъ глаза съ вязанья.

— Сэръ, отвѣчалъ Уылль со внезапною рѣшимостью, — выслушайте меня. Мнѣ кажется что вы никогда не любили, иначе вы не были бы такъ строги ко мнѣ. Мистеръ Баульзъ былъ влюбленъ въ мою жену. Мистеръ Баульзъ красивый человекъ, а я калѣка.

— О, Уылль, Уылль! воскликнула Джесси.

— Но я вѣрю моей женѣ, вѣрю всѣмъ сердцемъ и всею душой, и теперь, когда первый порывъ горя пережить, мистеръ Баульзъ можетъ разчитывать, какъ сказала матушка, на самый дружескій пріемъ въ этомъ домѣ.

— Дайте руку, Уылль. Теперь вы говорите какъ мужчина. Я надѣюсь привести къ вамъ мистера Баульза на этихъ дняхъ.

И въ этотъ же вечеръ Кенелмъ написалъ Баульзу:

„Любезный Томъ, — Пріѣзжайте провести со мной нѣсколько дней въ Кромвель-Лоджъ въ Мольсвикъ. Мистеръ и мистрисъ Сомерсъ желаютъ повидаться съ вами и поблагодарить васъ. Я не могъ вѣчно переносить униженіе ради удовлетворенія вашей фантазіи. Они воображали что обязаны мнѣ за покулку лавки и за все прочее и я былъ вынужденъ

защитить себя и сказать кто это сдѣлалъ. Мы поговоримъ объ этомъ и о вашемъ путешествіи когда вы пріѣдете.

„Васъ искренній другъ
„К. Ч.“

Г Л А В А XVI.

Мистрисъ Камеронъ сидѣла одна въ своей хорошенькой гостиной. На козлыахъ ея лежала открытая книга, но она глядѣла въ сторону, повидимому въ садъ, скорѣе же въ пустое пространство.

Проницательный и опытный наблюдатель прочелъ бы въ ея лицѣ много такого что должно было остаться незамѣченнымъ для простаго зрителя.

Для простаго зрителя лицо ея выражало мало; это было лицо спокойной, скучающей женщины, думавшей можетъ-быть за минуту о какомъ-нибудь незначительномъ, скучномъ всѣдневномъ дѣлѣ, но нашедшей что это слѣшкомъ утомительно и не думающей теперь ни о чемъ.

Но истинный наблюдатель замѣтилъ бы въ этомъ лицѣ слѣды безлокойнаго прошлаго, все еще не забытаго, также признаки характера вынесшаго сильный переломъ, характера женщины которая не была въ прежнее время спокойною и скучающею. Нѣжныя контуры губъ и ноздрей свидѣтельствовали о чувствительности, а опущенные углы губъ о привычной грусти. Мягкость взгляда обращеннаго въ пространство указывала не на пустоту ума, но на умъ смиренный и обремененный тайнымъ горемъ. Во всей ея наружности, въ самомъ спокойствіи которое было ея характеристическою чертой, проглядывало вліяніе жизни въ просвѣщенномъ обществѣ, гдѣ спокойствіе соединено съ достоинствомъ и граціей. Бѣдные понимали это лучше ея богатыхъ мольсвикскихъ знакомыхъ, бѣдные говорили „мистрисъ Камеронъ съ ногъ до головы леди“. Судя по чертамъ ея лица она была нѣкогда красива, не замѣчательная красавица, но положительно красива. Теперь, такъ какъ черты были мелки, красота лица пропала подъ холоднымъ, сѣроватымъ оттѣнкомъ и какимъ-то робкимъ, дремлющимъ выраженіемъ. Она не только не была откровенна, но очевидно положила себѣ за правило подавлять всякій порывъ высказаться. Кто, увидавъ очертаніе ея губъ,

не сказалъ бы что это женщины съ нервнымъ, живымъ, уткровеннымъ темпераментомъ? Но взглянувши въ нее при- тальнѣе и замѣтивъ что природныя склонности подавлены илой води, вы заинтересовались бы еще болѣе, потому что, если вѣрить физиономистику и френологию, въ характерѣ этой женщины нельзя было предположить силы. Женственная уступчивость короткой, вздернутой верхней губы, робость взгляда, непропорціональное, но изящное удлинненіе головы между ходомъ и шей были признаками характера который не можетъ сопротивляться волѣ, можетъ-быть даже капризу дру- гаго, человѣка любимаго и уважаемаго.

Книга лежащая на ея колѣняхъ серіозная книга, написан- ная однимъ изъ популярныхъ представителей такъ-называе- мой Низкой Церкви. Она читаетъ только серіозныя книги и когда по обязанности, какъ наставница Лили, такія какъ очерки изъ исторіи и географіи“ и элементарныя француз- скія руководства употребляемыя въ пансіонахъ. Однако, если- бы вамъ удалось вызвать мистрисъ Камеронъ на откровен- ный разговоръ, вы замѣтили бы что она получила въ юности образованіе свѣтской дѣвушки. Она говорила и писала по- французски и по-итаіянски такъ же свободно какъ на сво- емъ родномъ языкѣ. Она прочитала, и все это помнила, на- омъ и другомъ языкѣ всѣхъ классическихъ авторовъ кото- рыхъ даютъ ученицамъ образованныя и умныя гувернантки. Она была знакома съ ботаникой, съ тою ботаникой какая реподавалась двадцать лѣтъ назадъ, и я расположенъ думать го еслибы расшевелить хорошенько ея память, она оказа- лась бы сильною въ богословіи и въ политической экономіи, въ объемъ популярныхъ руководствъ мистрисъ Марсетъ. Сло- омъ, вы нашли бы въ ней тщательно образованную англій- кую леди, учившуюся съ поколѣніемъ предшествовавшимъ колѣнію Лили, то-есть несравненно лучше большинства со- ременныхъ дѣвушекъ. То же самое замѣтили бы вы и въ енѣ важныхъ, теперь сдѣланныхъ главными, отрасляхъ жен- скаго воспитанія, какъ напримѣръ музыка. Слушая ея игру ъ фортепіано нельзя было не подумать: эта женщина учи- лась у лучшихъ учителей своего времени. Она могла играть лько піесы своего времени. Позже она не выучила ничего. нтеллектуальное развитіе этой женщины остановилось много тѣтъ назадъ, можетъ-быть еще до рожденія Лили.

Въ настоящее время, когда мистрисъ Камеронъ сидитъ въ

гостиной и глядитъ въ пространство, ей объявляютъ о прибытіи мистрисъ Брефильдъ. Мистрисъ Камеронъ не оживаетъ, она никогда не оживаетъ, но дѣлаетъ утомленное движеніе неудовольствія, приподнимается и кладетъ серіозную книгу на столъ предъ диваномъ. Эльзу входитъ, молодая, сіяющая, одѣтая по послѣдней модной картинкѣ, то-есть такъ неизящно, на взглядъ художника, какъ только можетъ одѣться женщина; но богатые коммерсанты гордящіеся своими женами требуютъ чтобы онѣ одѣвались по модѣ, и жены ихъ, въ этомъ отношеніи, покоряются имъ безпрекословно.

Женщины обмѣниваются обычными привѣтствіями и обычными вступительными фразами и, помолчавъ немного, Эльза начинаетъ съ жаромъ:

— Но развѣ я не увижу Лили? Гдѣ она?

— Боюсь не ушла ли она въ городъ. Одинъ бѣдный мальчикъ, бывшій у насъ на посылакахъ, разшибся улавъ съ вѣтвѣваго дерева.

— Которое онъ обкрадывалъ?

— Вѣроятно.

— И Лили отпратилась прочесть ему наставленіе?

— Не думаю. Онъ очень ушибся, и Лили пошла узнать какъ онъ себя чувствуетъ.

Мистрисъ Брефильдъ продолжаетъ своимъ откровеннымъ тономъ:

— Я не чувствую большаго расположенія къ дѣвущкамъ такихъ лѣтъ какъ Лили, хотя страстно люблю дѣтей. Но вы знаете какъ я расположена къ Лили; можетъ-быть потому что она такъ похожа на ребенка. Однако вамъ должно-быть съ ней много хлопотъ и безпокойства.

Мистрисъ Камеронъ возрадила тревожно:

— Нѣтъ. Она все еще ребенокъ, хорошій ребенокъ, почему мнѣ безпокойтись?

Мистрисъ Брефильдъ порывисто:—Почему? Да вашему ребенку восемнадцать лѣтъ.

Мистрисъ Камеронъ:—Восемнадцать лѣтъ! Возможно ли? Какъ время-то летитъ! хотя при такой монотонной жизни какъ моя, мнѣ кажется что время не летитъ, а течетъ какъ вода. Дайте мнѣ подумать. Восемнадцать? Нѣтъ, ей только семнадцать, въ прошломъ маѣ было семнадцать.

Мистрисъ Брефильдъ:—Семнадцать! Очень опасный

возрасть для дѣвушки. Возрастъ когда бросаютъ куколъ и начинаютъ думать о поклонникахъ.

Мистрисъ Камеронъ, не такъ лѣнливо, но все еще спокойно:—Лили никогда не любила куколъ и вообще неодушевленныхъ игрушекъ; что касается поклонниковъ, она еще не думаетъ о нихъ.

— Нѣтъ возраста, старше шестилѣтняго, въ который бы дѣвушка не думала о поклонникахъ. Но тутъ возникаетъ новый вопросъ. Когда такой прелестной дѣвушкѣ какъ Лили идетъ восемнадцатый годъ, не можетъ ли какой-нибудь поклонникъ мечтать о ней?

Мистрисъ Камеронъ, съ ледяющимъ спокойствіемъ, долженствующимъ внушить задавшему вопросъ что онъ позволяетъ себѣ слишкомъ много:

— Такъ какъ поклонникъ еще не являлся, я не могу безлокоить себя его мечтами.

Эльзи говоритъ про себя: „безтолковѣ этой женщины я еще никогда не встрѣчала!“ и вслухъ:

— Какъ вамъ нравится вашъ сосѣдъ, мистеръ Чиллингга? Не правда ли онъ очень красивый молодой человекъ?

— Да, я думаю что онъ считается красивымъ. Онъ высокъ.

— Прекрасное лицо.

— Да? Можетъ-быть.

— Чтò говоритъ Лили?

— О чемъ?

— О мистерѣ Чиллингга? Находить ли она его красивымъ?

— Я не спрашивала ее.

— Вотъ бы прекрасная партія для Лили, мистрисъ Камеронъ. Чиллингга помѣщены въ числѣ древнѣйшихъ фамилій въ *Сельскомъ джентри* Берка. И я полагаю что отецъ его, сэръ-Питеръ, имѣетъ значительное состояніе.

Мистрисъ Камеронъ, впервые въ теченіи этого разговора обнаружила нѣкоторое волненіе. Лицо ея внезапно вспыхнуло яркимъ румянцемъ, потомъ стало блѣднѣе обыкновеннаго. Помолчавъ немного, она овладѣла собою и возразила рѣзко:

— Тотъ кто ввухиль бы Лили эту мысль не былъ бы ея другомъ. И мнѣ кажется что нѣтъ никакого основанія полагать что мистеръ Чиллингга думаетъ о Лили.

— Развѣ вамъ было бы непріятно еслибъ онъ думалъ о ней? Вы конечно желаете чтобы ваша племянница сдѣлала хорошую партію, а въ Мольсвикѣ это трудно.

— Извините меня, мистрисъ Брефильдъ, но о замужествѣ Лили я еще не говорила ни съ кѣмъ, даже съ ея локровителемъ. И, принявъ во вниманіе ея ребяческой характеръ, ребяческіе вкусы и привычки, полагаю, несмотря на ея годы, что не пришло еще время говорить объ этомъ.

Мистрисъ Брефильдъ послѣ такого отпора перемѣнила предметъ разговора на какую-то газетную новость, интересовавшую въ то время общество, и вскорѣ встала чтобъ уйти. Мистрисъ Камеронъ удержала руку гостыи и сказала смущеннымъ, но искреннимъ голосомъ:

— Милая мистрисъ Брефильдъ, я надѣюсь что ваше благоразуміе и любовь которой вы удостоиваете мою племянницу удержать васъ отъ риска вскружить ей голову намекомъ на честолюбивые планы о которыхъ вы говорили мнѣ. Нельзя предположить чтобы молодой человѣкъ съ такимъ общественнымъ положеніемъ какъ мистеръ Чиллингви могъ имѣть серьезное намѣреніе взять жену не изъ того круга общества къ которому онъ принадлежитъ.

— Позвольте, мистрисъ Камеронъ, я должна прервать васъ. Красота и привлекательность Лили украсили бы всякое положеніе, и развѣ вы сами не говорили мнѣ что хотя ея локровитель, мистеръ Мельвилъ, человѣкъ возвысившійся, какъ намъ всѣмъ извѣстно, изъ довольно низкаго слоя общества, но что племянница ваша, какъ и вы, хорошаго рода.

— Да, хорошаго рода, повторила мистрисъ Камеронъ, гордо поднявъ голову, но тотчасъ же прибавила съ леденящимъ смиреніемъ:—это ничего не значитъ. Дѣвушка безъ состоянія, безъ связей, выросшая въ этомъ маленькомъ коттеджѣ, воспитанница артиста по профессіи, сына клерка, которому обязана своимъ единственнымъ пріютомъ, не принадлежитъ къ кругу общества мистера Чиллингви, и его родители не одобрили бы его женитьбы на ней. Вы поступите очень жестоко относительно ея если замѣните невинное удовольствіе которое она находитъ въ разговорахъ съ умнымъ и хорошо образованнымъ знакомымъ тревожными отношеніями дѣвушки къ человѣку на котораго ей указано какъ на возможнаго спутника ея жизни. Не дѣлайте этой жестокости, не дѣлайте, умоляю васъ!

— Не сомнѣвайтесь во мнѣ, воскликнула добродушная Эльзи со слезами на глазахъ.—То что вы говорите теперь съ такимъ чувствомъ, такъ благородно, никогда не приходило мнѣ

въ голову раньше. Я мало знакома со свѣтомъ, я совѣтъ не была знакома съ нимъ пока не вышла замужъ, но любя Лили и уважая мистера Чиллинггау, я воображала что не могу оказать имъ обоимъ лучшей услуги какъ... какъ.. но теперь я понимаю. Онъ очень молодъ, очень страненъ, родители его могутъ воспротивиться, не противъ самой Лили, но противъ обстоятельствъ о которыхъ вы говорили. И вы не желаете чтобъ она вошла въ семейство въ которомъ ее приняли бы не такъ радушно какъ она заслуживаетъ. Я очень рада что поговорила съ вами. Къ счастью я еще не сдѣлала никакого промаха. И не сдѣлаю. Я прѣхала чтобы предложить экскурсію къ развалинамъ римской виллы, за нѣсколько миль отсюда, и хотѣла пригласить васъ и мистера Чиллинггау. Я не буду болѣе стараться сблизить его и Лили.

— Благодарю васъ. Но вы повяли меня не вполне. Я думаю что мистеръ Чиллинггау интересуется Лили вдвое менѣе чѣмъ новая бабочка. Я не боюсь ихъ сближенія при ея теперешнихъ отношеніяхъ къ нему и его отношеніяхъ къ ней. Я только боюсь чтобы какой-нибудь намекъ не заставилъ ее смотрѣть на него иначе, такъ какъ ей не слѣдуетъ смотрѣть на него.

Г Л А В А XVII.

Въ тотъ же день и около того же времени когда происходилъ вышеприведенный разговоръ между Эльзи и мистрисъ Камеронъ, Кенелмъ, совершая свою одинокую полдневную прогулку, зашелъ на кладбище, гдѣ не такъ давно застала его Лили, и увидалъ ее надъ цвѣтами посаженными ею на могилу ребенка котораго ей не удалось вылѣчить.

День былъ облачный и безсолнечный, одинъ изъ дней которые такъ часто придаютъ сумрачный характеръ срединѣ англійскаго лѣта.

— Вы ходите сюда слишкомъ часто, миссъ Мордантъ, сказалъ тихо Кенелмъ подходя къ ней:

Лили повернула къ нему лицо безъ всякаго испуга или удивленія и безъ малѣйшаго оживленія въ его задумчивомъ выраженіи, рѣдкомъ на этомъ подвижномъ лицѣ.

— Нѣтъ, не слишкомъ часто. Я обѣщала ходить такъ часто какъ могу и я уже говорила вамъ что всегда исполняю обѣщанія.

Кенелма не отвѣчалъ. Дѣвушка пошла въ сторону и онъ молча слѣдовалъ за ней пока она не остановилась у стараго памятника со старою надписью.

— Посмотрите, сказала она со слабою улыбкой,— я посадила сюда свѣжихъ цвѣтовъ. Послѣ того дня когда мы встрѣтились здѣсь, я много думала объ этомъ памятникѣ, всѣмъ забытомъ, залуценомъ и—она смолкла на минуту и прибавила быстро—не находите ли вы часто что вы слишкомъ... какъ это слово? да! слишкомъ себялюбивы, осмотрительны, разсудительны и что вы думаете о себѣ слишкомъ много?

— Вы правы въ этомъ, хотя совѣсть не упрекала меня до вашего обвиненія.

— И не находите ли вы что вы избавляетесь отъ преслѣдующей васъ мысли о самомъ себѣ когда думаете о мертвыхъ? Мертвые не могутъ имѣть ничего общаго съ вашимъ живымъ существованіемъ. Когда вы говорите себѣ „я сдѣлалъ то-то или то-то сегодня“, когда вы думаете „я буду тѣмъ или этимъ завтра“, вы думаете о себѣ и для себя. Но вы вѣдь себя когда думаете о мертвомъ который не можетъ имѣть ничего общаго съ вашимъ сегодня и съ вашимъ завтра.

Мы знаемъ что однимъ изъ жизненныхъ правилъ Кенелма Чиллингви было никогда не удивляться. Но услыша такую рѣчь изъ устъ приручительницы бабочекъ, онъ былъ такъ озадаченъ что все что онъ нашелся сказать послѣ долгаго молчанія было:

— Мертвые прошлое, а съ прошлымъ связано все что можетъ поднять насъ выше насъ самихъ въ настоящемъ и въ будущемъ. Прошлое управляетъ нашимъ настоящимъ. По прошлому мы угадываемъ наше будущее. Исторія, поэзія, наука, благосостояніе государствъ, возвышеніе личностей, все это связано съ могильными памятниками. Вы хорошо дѣлаете украшая ихъ цвѣтами. Только въ обществѣ мертвыхъ перестаемъ мы быть эгоистами.

Если рѣчь неученой Лили была выше пониманія ученаго Кенелма, то рѣчь Кенелма была теперь также выше пониманія Лили. Она тоже подумала прежде чѣмъ отвѣтила.

— Мнѣ кажется что еслибъ я знала васъ лучше, я и понимала бы васъ лучше. Жаль что вы не знакомы со Львомъ. Я желала бы чтобъ вы поговорили съ нимъ при мнѣ.

Разговаривая такъ они вышли съ кладбища и шли теперь по тропинкѣ пробитой лѣшходами.

Лили повторила:

— Да, я желала бы чтобъ вы поговорили при мнѣ со Львомъ.

— Это вашъ покровитель, мистеръ Мельвилъ?

— Да, вѣдь вы знаете.

— Почему же вы желаете чтобъ я поговорилъ съ нимъ при васъ?

— Потому что я сомѣваюсь правъ ли онъ въ нѣкоторыхъ своихъ мнѣніяхъ, и я попросила бы васъ высказать ему мои сомнѣнія. Вѣдь вы сдѣлали бы это, не правда ли?

— Почему же вы не выскажете ихъ сами вашему покровителю? Развѣ вы боитесь его?

— Боюсь! конечно вѣтъ.... но.... однако какое здѣсь множество прохожихъ. Сегодня какой-то скучный митингъ въ городѣ. Перейдемте на тотъ берегъ ручья, онъ гораздо красивѣе и тамъ намъ меньше будутъ мѣшать.

Говоря это Лили повернула вправо и сошла по отлогому спуску къ берегу, гдѣ они нашли стараго перевозчика, дремавшего на плоту.

Сидя рядомъ съ своею спутницей и подвигаясь медленно по тихой поверхности воды подъ облачнымъ небомъ, Кенелъ хотѣлъ возобновить начатый разговоръ, но Лили взглянула многозначительно на перевозчика и покачала головой. То что она хотѣла сказать ему очевидно не могло быть сказано при третьемъ лицѣ, хотя перевозчикъ былъ повидимому вовсе не расположенъ слушать разговоръ не касавшійся его. Лили заговорила съ нимъ.

— Итакъ, Браунъ, корова выздоровѣла.

— Да, миссъ, благодаря вамъ, спаси васъ Господь. Какъ славно вы побѣдили старую вѣдму.

— Нѣтъ Браунъ, не я побѣдила вѣдму, ее побѣдили феи. Феи, какъ вы знаете, гораздо сильнѣе вѣдмъ.

— Должно-быть, миссъ.

Лили обратилась къ Кенелму.—Мистеръ Броунъ имѣетъ главную дойную корову. Коровы вдругъ заболѣла, и оба они, онъ и жена его, рѣшили что она испорчена.

— Конечно испорчена, это ясно какъ день. Развѣ старая тетка Райтъ не говорила что моя жена будетъ каяться что продаетъ молоко и не бранила ее всячески и развѣ съ коровой не сдѣлались судороги въ ту же ночь?

— Тихе, Браунъ. Тетка Райтъ сказала что ваша жена

будеть каяться не въ томъ что продаетъ молоко, а что разбавляетъ его водою.

— А какъ она узнала если она не вѣдьма? Мы поставимъ молоко въ лучшіе дома и никто никогда не жаловался.

— И Браунъ, продолжала Лили обратившись къ Кенелму не дослушавъ послѣдняго замѣчанія сдѣланнаго самымъ угромымъ тономъ.—Браунъ имѣлъ ужасное намѣреніе замануть тетку Райтъ на плотъ и бросить ее въ воду чтобы снать порчу съ коровы. Но я посовѣтовалась съ феями и дала ему волшебный талисманъ который онъ надѣлъ на шею коровѣ. И корова выздоровѣла. Итакъ, Браунъ, не было никакой необходимости бросать тетку Райтъ въ воду за то что она сказала что вы разбавляете молоко водою. Но,—прибавила она между тѣмъ какъ плотъ причалилъ къ противоположному берегу,—хотите ли знать, Браунъ, что сказали мнѣ феи сегодня утромъ?

— Скажите, миссъ.

— Вотъ что: если корова Брауна даетъ молоко не разбавленное водою и если вода подбавляется при продажѣ, мы, феи, зацѣлимъ мистера Брауна до того что онъ будетъ весь стній и когда съ нимъ сдѣлается опять припадокъ ревматизма, пусть онъ не разчитываетъ на волшебную помощь.

Съ этими словами Лили опустила серебряную монету въ руку Брауна и прыгнула на берегъ. Кенелму послѣдовалъ за ней.

— Вы совершенно убѣдили его не только въ существованіи фей, но и въ ихъ благодѣтельномъ могуществѣ, сказалъ онъ.

— Да, отвѣчала Лили серіозно.—И развѣ не пріятно было бы еслибы феи существовали, разумѣется добрыя феи? Стоило бы только разказать имъ всѣ наши непріятности чтобы получить отъ нихъ средства противъ порчи которую мы производимъ сами надъ собою.

— Не знаю хорошо ли было бы еслибы мы могли надѣяться на такую сверхъестественную помощь. Наша собственная душа такъ безпредѣльна что чѣмъ больше мы изслѣдуемъ ее тѣмъ больше находимъ въ ней новыхъ міровъ, и между этими мірами есть и волшебный міръ.

И онъ прибавилъ про себя: „развѣ я теперь не въ волшебномъ мірѣ?“

— Молчите, подождите говорить, прошептала Лили.—Я ду-

ваю теперь о томъ что вы сейчасъ сказала и стараюсь по-
ять.

Продолжая идти молча, они дошли до небольшой бесѣдки
оторую преданіе посвящало памяти Исаака Уалтона.

Лили вошла и сѣла, Кенелъ сѣлъ рядомъ съ ней. Бесѣдка
была небольшое осьмугольное зданіе, построенное, судя по
архитектурѣ, въ безлокойное царствованіе Карла I; стѣны,
штукатуренныя внутри, были сплошь покрыты именами, чи-
нами, надписями въ похвалу уженію, въ честь Исаака Уал-
тона и изреченіями изъ его сочиненій. Изъ бесѣдки видѣлся
ротивоголодный берегъ ручья, съ его высокими ивами
качавшимися надъ водой. Уединенность мѣста, его связь
съ тихою жизнью рыбакова, гармонировали съ тишиной дня,
съ неподвижностью воздуха, съ облачнымъ небомъ.

— Вы хотѣли высказать мнѣ ваши сомнѣнія касательно
нѣкоторыхъ сужденій вашего покровителя, сомнѣнія кото-
рыхъ не могли высказать ему сами.

Лили вышла изъ задумчивости имѣвшей повидимому связь
съ предметомъ о которомъ заговорилъ Кенелъ.

— Да, я не могу высказать ему мои сомнѣнія сама, потому
что они касаются меня, а онъ такъ добръ со мной, я такъ
язана ему что не желала бы огорчить его ни однимъ словомъ
второе могло бы показаться ему упрекомъ или жалобой. Вы
знаете—при этихъ словахъ она подвинулась къ нему ближе и
идя на него свои большіе смѣлые глаза и положила руку
на его руку съ тѣмъ довѣрчивымъ взглядомъ и непринужден-
нымъ движеніемъ которые часто очаровывали его, но и огор-
чили когда онъ думалъ о нихъ, огорчали потому что были
искромъ довѣрчивы и непринужденны для чувства которое
ему хотѣлось внушить ей,—вы помните что я высказала вамъ
на кладбищѣ какъ мнѣ больно что мы постоянно думаемъ
искромъ много о себѣ. Это не хорошо. И говоря съ вами
лько о себѣ, я знаю что поступаю нехорошо. Но я не могу
говорить о себѣ, я должна говорить. Не осуждайте меня за
то. Вы знаете что я не получила образованія какъ другія дѣ-
шки. Правъ ли былъ въ этомъ мой покровитель? Еслибъ
онъ настаивалъ чтобы мнѣ не позволяли дѣлать все что я хо-
чу и вмѣсто псэмъ и волшебныхъ сказокъ заставлялъ меня
читать книги которыя мистеръ и мистрисъ Эмили хотѣли за-
авить меня читать, у меня было бы можетъ-быть такъ мно-
интересовъ что я могла бы думать меньше о себѣ. Вы

сказали что мертвые прошлое, что мы забываем иногда о себѣ когда думаемъ о прошломъ. Еслибъ я прочла больше о прошломъ и знала больше объ исторіи мертвыхъ, я не была бы такъ замкнута въ себѣ, въ своемъ маленькомъ, эгоистическомъ сердцѣ. Я начала думать объ этомъ только очень недавно и очень недавно начала чувствовать горе и стыдъ замѣчая мое невѣжество во многомъ что знаютъ другія дѣвушки, даже такія маленькія какъ Клемми. Но я не рѣшу сказать это Льву когда увижусь съ нимъ, не рѣшусь изъ опасенія что онъ начнетъ осуждать себя, а я знаю что онъ и добротѣ своей говорилъ: „Я не хочу чтобы фея была ученица съ меня довольно знать что она счастлива“. И какъ я была счастлива до... до послѣдняго времени!

— Потому что до послѣдняго времени вы знали себя только какъ ребенокъ. Но когда вы почувствовали потребность въ образованіи, вы перестали быть ребенкомъ. Не печальтесь. Съ умомъ которымъ одарила васъ природа такое образованіе какое вамъ нужно для разговора со скучными людьми дастся вамъ легко и скоро. Теперь вы приобретете въ мѣсяцъ больше чѣмъ приобрѣли бы въ годъ когда были ребенкомъ, когда трудъ избѣгался, а не покаялся. Ваша тетя какъ очевидно хорошо образована и еслибъ я могъ поговорить съ ней о выборѣ книгъ.

— Нѣтъ, не дѣлайте этого. Это было бы неприятно Льву.

— Вашъ покровитель не желаетъ чтобы вы приобрѣли такое образованіе какое дается другимъ дѣвушкамъ?

— Левъ запретилъ тетускѣ учить меня много даже тому чему я хотѣла учиться. Она начала было учить меня, но по его желанію оставила. Теперь она мучаетъ меня только учеными французскими глаголами и я знаю что и это дѣлается только для виду. Воскресенья составляютъ конечно исключеніе, по воскресеньямъ меня заставляютъ читать проповѣди и Библію. Проповѣди я не люблю какъ бы слѣдовало, но Евангеліе я готова читать цѣлый день и не только въ воскресенье, но и въ будни, и изъ Евангелія-то я и узнала что должна думать меньше о себѣ.

Кенелмъ невольно пожалъ маленькую ручку лежавшую въ его рукѣ.

— Знаете вы разницу между однимъ родомъ поэзіи и другимъ? спросила неожиданно Лили.

— Я не увѣренъ въ этомъ. Мнѣ слѣдовало бы знать когда

одинъ родъ хорошъ, а другой дурень, но я вижу что многіе, въ особенности критики по профессіи, предпочитаютъ произведенія какія я считаю дурными тому что я считаю хорошимъ.

— Разница между однимъ родомъ поэзіи и другимъ, предположивъ что произведенія въ томъ и другомъ родѣ одинакою хороши, вотъ какая, начала Лили увѣреннымъ и торжествующимъ тономъ. — Я знаю это, Левъ объяснилъ это мнѣ замъ. Въ одномъ родѣ поэзіи авторъ отрѣшается вполнѣ отъ своего существованія и входитъ въ существованіе другихъ, вполнѣ чуждое его существованію. Онъ можетъ быть очень хорошимъ человѣкомъ и написать свои лучшія поэмы объ очень дурныхъ людяхъ, онъ не обидитъ мухи и мисливаецъ съ наслажденіемъ чувства убійцъ. Въ другомъ же родѣ поэзіи авторъ не переносится въ чужое существованіе, онъ выражаетъ свои собственные радости и страданія, свое собственное сердце, свой собственный умъ. Если онъ такой человѣкъ что не способенъ обидѣть муху, то онъ конечно не способенъ и раздѣлять чувства разбойника. Вотъ разница, мистеръ Чиллингвудъ, между однимъ родомъ поэзіи и другимъ.

— Совершенно вѣрно, сказалъ Кенелъ, выслушавъ съ удовольствіемъ критическія опредѣленія дѣвушки. — Это разница между драматическою поэзіей и лирическою. Но позвольте спросить что общаго имѣетъ это опредѣленіе съ тѣмъ о чемъ мы говорили?

— Очень много, потому что когда Левъ объяснялъ это тебѣ, онъ сказалъ: „совершенная женщина есть поэма, но она можетъ быть поэмой только одного рода поэзіи, она не можетъ переноситься въ сердца людей съ которыми не имѣетъ ничего общаго, не можетъ почувствовать зау и преступленію; она должна быть поэмой другаго рода, должна выражать поэзію своихъ собственныхъ чувствъ и мыслей“. И обратясь ко мнѣ онъ прибавилъ, улыбаясь: „вотъ какую поэмой должна быть Лили, а слухкомъ много сухихъ книгъ только испортили бы поэму“. Вы теперь знаете почему я такая невѣжда и такъ не похожа на другихъ дѣвушекъ и почему мистеръ и мистрисъ Эмили въ смотрятъ на меня свысока.

— Вы несправедливы къ мистеру Эмилину. Онъ первый сказалъ мнѣ: Лили Мордавъ цѣлая поэма.

— Въ самомъ дѣлѣ? Я буду любить его за эти слова. Какъ Левъ будетъ доволенъ!

— Мистеръ Мельвилъ цвѣтъ повидимому необычайное вліяніе на васъ, сказалъ Кенелмъ съ припадкомъ ревности.

— Конечно. У меня вѣтъ ни отца, ни матери, Левъ зашилъ мнѣ обоихъ. Тетя говоритъ часто: „ты не можешь никогда достойно благодарить своего покровителя; безъ него у меня не было бы дома чтобы приютить тебя, не было бы средствъ содержать тебя“. Онъ никогда не говорилъ этого; онъ очень разсердился бы на тетю еслибы узналъ что она говоритъ мнѣ это. Иногда онъ называетъ меня не феей, а принцессой. Я ни за что въ мірѣ не рѣшилась бы сдѣлать ему непріятное.

— Я слышалъ что онъ много старше васъ, что по лѣтамъ онъ могъ бы быть вашимъ отцомъ.

— Можетъ-быть, но еслибы онъ былъ вдвое старше, а я могла бы любить его больше чѣмъ теперь.

Кенелмъ улыбнулся, ревность его успокоилась. Не такъ говорила бы дѣвушка, даже такая какъ Лили, о человѣкѣ въ котораго она чувствовала бы себя способною влюбиться.

Лили встала медленно и съ видомъ утомленія.

— Пора домой, тетя будетъ безлокоитьса обо мнѣ. Поидите. Они направились къ Кромвель-Лоджу.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Лили прервала его первая однимъ изъ тѣхъ рѣзкихъ переходовъ съ одного предмета на другой которые были свойственны безлокойвой игрѣ ея скрытыхъ мыслей.

— Вашъ отецъ и мать еще живы, мистеръ Чиллинггамъ?

— Благодаря Бога живы.

— Кого изъ нихъ любите вы больше?

— Трудно рѣшить. Мать я люблю очень, но отецъ понимаетъ меня и я его лучше чѣмъ....

— Да. Какъ трудно заставить понять себя. Меня не понимаетъ никто.

— Мнѣ кажется что я понимаю васъ.

Лили покачала головой съ энергическимъ отрицаніемъ.

— По крайней мѣрѣ насколько можетъ понимать мущина молодую дѣвущку.

— Какого рода дѣвущка миссъ Сесилія Траверсъ?

— Сесилія Траверсъ! Какъ вы узнали о существованіи такой особы?

— Тотъ толстакъ изъ Лондона котораго называли сэръ-Томасомъ говорилъ о ней когда мы обѣдали въ Брефильдвиль.

— Да, помню. Онъ сказалъ что она была на придворномъ балу?

— Онъ сказалъ что она очень хороша собой.

— Это правда.

— Она тоже лозма?

— Пѣтъ, я этого не замѣтилъ.

— Мистеръ Эмилиъ вѣроятно призывалъ бы ее прекрасно воспитанною, хорошо образованною. Онъ не приподнялъ бы на нее бровей какъ на меня, бѣдную Севариліону.

— О, миссъ Мордантъ, вамъ нечего завидовать ей. И позвольте мнѣ повторить вамъ что вы могли бы образовать себя очень скоро до уровня молодой особы украшающей придворные балы.

— Но тогда я перестала бы быть лозмой, сказала Лили бросивъ украдкой застѣнчивый взглядъ на его лицо.

Они были уже на мосту. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ отвѣтить, она прибавила быстро:

— Можете идти дальше, вамъ не по дорогѣ.

— Я не могу покориться такой пренебрежительной отставкѣ, миссъ Мордантъ. Я провожу васъ по крайней мѣрѣ до каалитки вашего сада.

Лили не возразила и заговорила олять:

— Какого рода мѣстность окружаетъ вашъ домъ? Похожа она на эту?

— Не такъ красива; очертанія крупище; больше долинь и лѣсовъ; но есть и сходство: по нашей землѣ также протекаетъ ручей, лошире вашего ручейка, и берега мѣстами до того похожи на берегъ у Кромвель-Лоджа что я иногда забываюсь и воображаю себя дома. Я ужасно люблю ручьи и всякую бѣгущую воду. Мня тянетъ къ ней съ неотразимою силой когда я гуляю пѣшкомъ.

Лили слушала съ интересомъ и послѣ краткаго молчанія сказала съ подавленнымъ вздохомъ:

— Ваше помѣстье гораздо красивѣе всѣхъ здѣшнихъ мѣстъ, даже Брефильдвилля, не правдали? Мистрисъ Брефильдъ говоритъ что вашъ отецъ очень богатъ.

— Не думаю чтобъ онъ былъ богаче мистера Брефильда, и хотя домъ его больше Брефильдвилля, но убранный не такъ нарядно и не можетъ похвалиться такими роскошными теллицами и оранжереями. Вкусы отца моего, какъ и мои, очень просты. Дайте ему его библіотеку, и онъ едвали пожалѣлъ бы о своемъ состояніи еслибы лишился его. Въ этомъ отношеніи

онъ обладаетъ громаднымъ преимуществомъ предо мною.
— Вы стали бы жалѣть о состояніи? быстро спросилъ Дили.

— Нѣтъ, въ томъ отношеніи что отцу моему никогда не надобѣдаютъ книги. А мнѣ,—признаться ли?—мнѣ онѣ иногда такъ же противны какъ вамъ.

Они были у калитки. Дили, взявшись одной рукой за щеколду, протянула другую Кенелму и взглянула на него съ улыбкой озарившею сумрачный день какъ проблескъ солнца.

К Н И Г А VII.

Г Л А В А I.

Кенелмъ вернулся домой въ сумерки, и въ ту самую минуту какъ онъ садился за свой одинокій обѣдъ послышался звонокъ и мистрисъ Джонсъ ввела мистера Томаса Баульа.

Хотя этотъ джентльменъ не уведомилъ ни одной строчкой о днѣ своего прибытія, онъ былъ тѣмъ не менѣе принятъ какъ дорогой гость.

— Но, сказалъ Кенелмъ,—если вы сохранили аппетитъ который я утрагивалъ, боюсь что мое угощеніе покажется вамъ скуднымъ. Садитесь, любезный другъ.

— Благодарю васъ, сэръ, но я обѣдалъ два часа тому назадъ въ Лондонѣ и право не въ состояніи ѣсть теперь.

Кенелмъ былъ слишкомъ благовоспитанъ чтобы настаивать. Нѣсколько минутъ спустя его скромный обѣдъ былъ оконченъ, со стола убрано и мушкетеры остались вдвоемъ.

— Вы остановитесь здѣсь, конечно, я занялъ для васъ комнату въ тотъ же день какъ пригласилъ васъ, но вамъ слѣдовало уведомить меня когда васъ ждать, для того чтобъ я могъ распорядиться на счетъ обѣда или ужина. Вы все еще курите? Закурите трубку.

— Благодарю васъ, сэръ. Я курю теперь мало, но если позволите сигару.—И Томъ вынулъ красивый портъ-сигаръ.

— Будьте какъ дома. Я только сказалъ Уиллау Сожероу что мы будемъ завтра ужинать у него. Вы прощаете мнѣ что я выдалъ вашу тайну. Теперь и впредь никакихъ тайнъ. Вы войдете въ ихъ домъ какъ другъ и съ каждымъ годомъ

будете становиться имъ дороже. Да, Томъ, удивительное чувство любовь къ женщинѣ. Она можетъ вывести человѣка до самыхъ гнусныхъ пороковъ и подвѣсть его до высшаго добра.

— Что касается добра, я сомнѣваюсь, сказалъ Томъ урюмо и отащивъ въ сторону сигару.

— Продажайте курить и я выкурю для компаніи. Можете вы одолжить мнѣ сигару?

Томъ предложилъ свой портъ-сигаръ. Кенемъ взялъ сигару, закурилъ, и когда Томъ взялъ свою, возобновилъ разговоръ.

— Вы сомнѣвались въ добромъ вліяніи любви. Но скажите мнѣ по совѣсти, были ли бы вы такимъ хорошимъ человекомъ какъ теперь еслибы не любили Джесси Уайльзъ?

— Если я сталъ лучше, то не потому что любилъ дѣвушку.

— Почему же?

— Потому что лишился ея.

Кенемъ вадрогнулъ, поблѣднѣлъ, бросилъ сигару и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатамъ быстрыми, но весьма не-твердыми шагами.

Томъ продолжалъ спокойно.

— Предположите что я добился бы согласія Джесси и женился бы на ней. Не думаю чтобы мнѣ тогда пришло въ голову позаботиться о своемъ развитіи. Для мой былъ бы очень оскорбленъ моею жеманщицею на дочери подельщика и не пригласилъ бы меня въ Лоскомъ. Я продолжалъ бы жить въ Гревлей, не думая сдѣлаться чѣмъ-нибудь повыше кузнеца и остался бы невѣждой, безпокойнымъ, замосчивымъ человекомъ, и еслибы Джесси не полюбила меня такъ какъ я хотѣлъ, я не пересталъ бы пить, и я съ ужасомъ думаю, читая иногда въ газетахъ о пьяницѣ мужѣ который бьетъ свою жену, что я самъ могъ бы сдѣлаться такимъ же животнымъ. Почему мы знаемъ, можетъ-быть этотъ пьяница мужъ любилъ свою жену до безумія, а она не любила его? Семейная жизнь его была несчастна, и онъ началъ пить и бить жену.

— Такъ я былъ правъ, сказалъ Кенемъ остановившись, — когда говорилъ вамъ что ваша участь была бы незавидна еслибы вы женились на дѣвушкѣ которую любили страстно и которая не хотѣла отвѣчать вамъ тѣмъ же и никогда не могла быть очастлива съ вами?

— Совершенно правы!

— Оставимъ теперь этотъ разговоръ, сказалъ Кенемъ садясь олять.—Поговоримъ о вашемъ путешествіи. Хотя вы довольны что не женились на Джесси, хотя вы можете теперь безъ страданія увидать ее женой другаго, но нѣкоторые мысли о ней все еще не даютъ вамъ покою, и вамъ кажется что вы могли бы избавиться отъ нитъ скорѣе подъ вліяніемъ движенія и новыхъ впечатлѣній и наконецъ похоронить ихъ навсегда въ чужой странѣ. Такъ?

— Да, въ этомъ родѣ, сержъ.

Кенемъ оживился и началъ говорить о чужихъ странахъ и составлять планъ путешествія которое заняло бы нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ узналъ съ удовольствіемъ что Томъ познакомился уже съ французскимъ языкомъ насколько это было необходимо для путешествія, и еще съ бѣльшимъ удовольствіемъ что онъ не только прочелъ много хорошихъ книгъ и описаній достопримѣчательныхъ мѣстъ Европы, но заинтересовался этими мѣстами, ихъ славными историческими прошлымъ или сокровищами искусства собранными въ нихъ.

Такъ они проговорили до глубокой ночи. Когда Томъ ушелъ въ свою комнату, Кенемъ вышелъ безшумно изъ дома и направился къ бесѣдкѣ гдѣ сидѣлъ въ этотъ день съ Лилл. Поднявшійся вѣтеръ разорвалъ облака омрачавшія протекшій день, и въ глубокихъ просвѣтахъ между ними появлявшихся то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ, сіяли звѣзды. Кенему казалось что среди равнообразнаго шума деревьевъ колымаемыхъ ночнымъ вѣтромъ, онъ разначалъ тихій шепель или отдаленный на противоположномъ берегу.

ГЛАВА II.

На слѣдующій день рано утромъ Кенемъ послалъ запякъ Уиллу Сомерсу уведомляя его что придетъ къ нему вечеромъ ужинать съ Томомъ Баульсомъ. Онъ имѣлъ настолько тактъ чтобы понять что такое общее собраніе будетъ пріятнее и менѣе стѣснительно для всѣхъ и каждого чѣмъ былъ бы формальный визитъ Тома днемъ, когда Джесси занята въ лавкѣ. Но онъ сводилъ Тома въ городъ и показалъ ему лавку съ ея красивымъ товаромъ, зеркальными окнами и общимъ видомъ зажиточности, потомъ гулялъ по окрестнымъ полямъ и лугамъ, разговаривая съ нимъ и замѣчая съ большимъ

удивленіемъ какъ значительно обогатился его умъ и развилось мышленіе.

Но что бы ни было предметомъ ихъ разговора, а они пересказывали ихъ много, Кенельмъ постоянно замѣчалъ что Томъ задумчивъ и разсѣянъ; его смущало предстоявшее свиданіе съ Джесси.

Когда они вышли вечеромъ изъ Кромвель-Доджа отправляясь ужинать къ Умилу, Кенельмъ замѣтилъ что Баульсъ произвелъ нѣкоторыя улучшенія въ своемъ костюмѣ. Улучшенія были ему къ лицу.

Когда они вошли въ гостиную, Умилъ всталъ со слѣдами сильного волненія на лицѣ, подошелъ къ Баульсу и молча пожалъ его руку. Джесси, не поднимая глазъ, приветствовала обоихъ гостей деревяннымъ поклономъ. Только старая мать была совершенно покойна.

— Я душевно рада видѣть васъ, мистеръ Баульсъ, сказала она,—и не я одна, а всѣ мы трое, и будь младенецъ постарше, онъ былъ бы четвертый.

— Но куда же дѣвали вы младенца? воскликнулъ Кенельмъ.—Вамъ бы погодить укладывать его зная что я юриду. Въ прошлый разъ какъ я ужиналъ у васъ, я пришелъ неожиданно и не имѣлъ права жаловаться на его невниманіе къ друзьямъ его родителей.

Джесси подняла оконный занавѣсъ и указала на колыбель стоящую на окнѣ. Кенельмъ взялъ подъ руку Тома, подвелъ его къ колыбели и оставивъ его одного поглядѣть на спящаго младенца, сѣлъ къ столу между старою мистрисъ Сомерсъ и Умилломъ. Глаза Умила были обращены къ окну. Джесси стояла приподнявъ занавѣсъ, а Томъ, бывший нѣкогда ужасомъ своего округа, наклонялся съ улыбкой надъ колыбелью, пока наконецъ не положилъ свою большую руку на подушку, тихо, робко, стараясь не разбудить спящаго, и губы его зашевелились, промолвилъ безъ сомнѣнія благословеніе; затѣмъ онъ подошелъ къ столу и сѣлъ, а Джесси покосилась колыбель наверхъ.

Умилъ устремилъ свои проникательные умные глаза на своего прежняго солтерника, и когда онъ замѣтилъ леремгану въ выраженіи нѣкогда заносчивой наружности и леремгану въ костюмѣ, который, безъ мѣщанской пестроты и щегольства, свидѣтельствовалъ объ извѣстномъ общественномъ положеніи, слишкомъ высокомъ для возвращенія къ прежнимъ сельскимъ

обычаямъ и любовнымъ похождениямъ, послѣдніе слѣды ревности затихли въ его мягкой душѣ.

— Мистеръ Баульзъ, воскликнулъ онъ порывисто, — у васъ доброе, великодушное сердце, и ваше дружеское посвѣщеніе есть честь которая... которая...

— Которую, прервалъ его Кенелмъ подостѣвъ къ нему на помощь, — дѣлаете вы намъ какъ холостымъ людямъ. Въ нашей свободной странѣ женатый человекъ имѣющій сына можетъ быть отцомъ лорда-канцлера или архіепископа Кеутерберійскаго. Но, друзья мои, такіа встрѣчи какъ наша случаются не часто, и послѣ ужина мы отпразднуемъ ее чашей пунша. Если же завтра утромъ у насъ будутъ болѣть головы, никто изъ насъ не будетъ жаловаться.

Старая мистрисъ Сомерсъ весело засмѣялась.

— А я было и не подумала о пуншѣ, сэръ, пойду похлопочу.

И не выпуская изъ рукъ чашку младенца, она поспѣшно вышла изъ комнаты.

Благодаря ужину, благодаря пуншу, благодаря способности Кенелма поддерживать веселый разговоръ, вся сдержанность, неловкость и застѣнчивость въ отношеніяхъ присутствовавшихъ быстро исчезли. Джесси вмѣшалась въ разговоръ и говорила можетъ-быть больше всѣхъ, за исключеніемъ Кенелма, говорила непринужденно, весело, безъ всякихъ слѣдовъ прѣжняго кокетства, но выказывая по временамъ вліяніе своего повышенія въ жизни и столкновенія съ благородными покупателями. Вечеръ прошелъ очень пріятно, Кенелмъ заранѣе рѣшилъ что онъ долженъ быть пріятнымъ. Никто не сдѣлалъ ни малѣйшаго намека на одоженіе Баульза, пока Улла, провожая гостя къ двери, не шепнулъ ему:

— Вы не нуждаетесь въ нашей благодарности и я не могу выразить ее. Молясь вечеромъ, мы всегда просимъ Господа благословить того кто соединилъ насъ и устроилъ наше счастье, то-есть мистера Чалдинга. Сегодня мы будемъ молиться кромѣ него и за другаго, за кого станеть молиться и мадеднѣ, когда подростеть.

Голосъ Уллы возвысился, и онъ осторожно замолчалъ, не безъ основанія опасаясь что пуншъ побудитъ его къ излишней чувствительности если онъ скажетъ болѣе.

На обратномъ пути въ Кромвель-Лоджъ Томъ былъ очень молчаливъ, но молчаніе это было слѣдствіемъ не унынія, а

спокойнаго размышленія котораго Кееламъ не хотѣлъ прерывать.

Но когда они были уже у садовой ограды Грасмира, Томъ внезапно обратилася къ Кееламу и сказалъ:

— Я очень благодаренъ вамъ за этотъ вечеръ, очень.

— Такъ онъ не оставилъ тяжелыхъ воспоминаній?

— Нѣтъ, меня напротивъ очень успокоило это свиданіе съ ней.

„Возможно ли?“ сказалъ Кееламъ про себя. „Что почувствовалъ бы я увидавъ Лили женой другаго, матерью его ребенка?“ Онъ содрогнулся и невольный стонъ вырвался изъ его груди. Въ эту самую минуту что-то мягкое прикоснулось къ его рукѣ которую онъ положилъ на рѣшетку сада, охотно оставившись въ этомъ мѣстѣ когда Томъ обратилася къ нему. Кееламъ обернулся и увидалъ Бланку. Кошка, лобуждаемая своею инстинктивною склонностью къ ночнымъ прогулкамъ, нашла какимъ-то образомъ возможность уйти изъ дома и услышавъ голосъ который былъ уже нѣсколько знакомъ ей вскарапкалась на рѣшетку и остановилась выгнувъ спину и мурлыча какъ бы въ прѣвѣтствіе.

Кееламъ наклонился и покрылъ подѣлауями голубую ленту которую Лили навязала на шею своей любимицы. Бланка на минуту покорилась ласкамъ, но заслышавъ въ кустахъ легкой шорохъ пробудившейся птички, прыгнула въ чащу и исчезла.

Кееламъ пошелъ дальше быстрыми, нетерпѣливыми шагами, и ни онъ, ни спутникъ его не вымолвили ни слова пока не пришли домой, гдѣ пожелаали другъ другу доброй ночи.

ГЛАВА III.

На слѣдующій день около полудня, Кееламъ и его гость, идя вмѣстѣ по берегу ручья, остановились предъ бесѣдкой Исаака Уалтова и по предложенію Кеелама вошли въ нее чтобъ спокойно отдохнуть и продолжать начавый разговоръ.

— Вы сейчасъ сказали мнѣ, продолжалъ Кееламъ, — что сердце ваше освободилось отъ тяжелаго бремени когда вы повидались съ Джесси Сомерсъ и нашла ее такъ измѣнившейся что она уже не та женщина которую вы любите. Что касается перемѣны, я сознаю что нахожу ее измѣнившейся къ лучшему и наружностью, и манерами, и характеромъ.

Я не сказалъ бы этого еслибы не вѣрилъ искренности вашего увѣренія что вы излѣчились отъ старой раны. Но мнѣ интересно знать какъ случилось что сильная любовь долго видѣвшая сердцемъ такого любящаго и страстнаго человека какъ вы, внезапно, вслѣдствіе одного свиданія, прошла и превратилась въ чувство спокойной дружбы, и я прошу васъ объяснить мнѣ какъ это случилось.

— Это удивляетъ меня самого, сэръ, сказалъ Томъ проведя рукой по лбу,—и не знаю сумѣю ли я объяснить это.

— Подумайте и постарайтесь.

Томъ подумалъ нѣсколько минутъ и началъ:

— Вы знаете, сэръ, что я былъ совсѣмъ другимъ человекомъ когда влюбился въ Джесси Уайльзъ и сказалъ себѣ: „эта дѣвушка будетъ моею женою во что бы то ни стало. Я не уступлю ее никому.“

— Хорошо; продолжайте.

— Между тѣмъ какъ во мнѣ самомъ происходила перемѣна, думая о Джесси—а я постоянно думалъ о ней—я представлялъ ее себѣ все тою же Джесси Уайльзъ въ которую я влюбился, и хотя когда я видѣлъ ее въ Гревелѣ послѣ замужества, въ тотъ день...

— Когда вы спасли ее отъ нагаго сквайра.

— Это было вскорѣ послѣ ея свадьбы, и я еще не могъ представить ее себѣ замужней. Я не видалъ ея мужа, и перемѣна во мнѣ только-что начиналась. Итакъ, все время пока я читалъ и думалъ и развивалъ свой умъ въ Лоскомбѣ, Джесси Уайльзъ преслѣдовала меня какъ единственная дѣвушка которую я любилъ, единственная которую я способенъ былъ любить; мнѣ казалось невозможнымъ чтобъ я когда-нибудь женился на другой. Въ послѣднее время меня очень уговаривали жениться, всѣ мои родные желаютъ этого, но образъ Джесси стоялъ предо мною и я говорилъ себѣ: я былъ бы низкимъ человекомъ еслибы женился на одной женщинѣ когда не могу изгнать изъ своего сердца другую. Мнѣ необходимо повидаться олятъ съ Джесси, необходимо узнать дѣйствительно ли лицо ея теперь то же самое которое не оставляетъ меня когда я одинъ. И я видѣлъ ее, и лицо ея не то, оно стало можетъ-быть красивѣе, но это не лицо дѣвушки, это лицо жены и матери. И вчера вечеромъ, когда она говорила такъ откровенно какъ никогда не говорила при мнѣ прежде, я почувствовалъ перемѣну которая не

замѣтно для меня самого произошла во мнѣ въ послѣдніе два года. Тогда, сэръ, когда я былъ простымъ невѣжественнымъ деревенскимъ кузнецомъ, между мною и крестьянскою дѣвушкой не было неравенства, крестьянская дѣвушка была даже во всемъ, кромѣ зажиточности, выше меня. Но вчера вечеромъ, глядя на нее и слушая ея разговоръ, я спросилъ себя: „Еслибы Джесси была теперь свободна, предложилъ ли бы я ей быть моею женой?“ И я отвѣтилъ себѣ „нѣтъ“.

Кенелмъ слушалъ съ жаднымъ вниманіемъ и воскликнулъ съ жаромъ:

— Почему?

— Вамъ можетъ-быть покажется что я думаю о себѣ слишкомъ много когда я скажу почему. Въ послѣднее время, сэръ, я жилъ въ кругу людей, женщинъ и мужчинъ, которые выше того класса общества въ которомъ я родился, и въ женѣ мнѣ нужна подруга равная имъ и равная мнѣ, и мнѣ кажется, сэръ, что я не нашель бы такую подругу въ мистрисъ Сомерсъ.

— Я понижаю васъ теперь, Томъ. Но вы портите романтическую исторію которую я придумалъ. Я воображалъ что маленькая дѣвочка съ цвѣточнымъ мячикомъ замѣнитъ вамъ со временемъ Джесси и я такъ мало знаю человеческое сердце что думалъ дѣвочка успѣетъ сдѣлаться женщиной прежде чѣмъ вы будете въ состояніи замѣнить старую любовь новою. Я вижу теперь что бѣдная дѣвочка не имѣетъ шансовъ.

— Шансовъ! Чтò вы говорите, мистеръ Чиллингвэ, воскликнулъ Томъ задѣтый за живое. — Сюзь милая дѣвочка, но видъ она не болѣе какъ приемышь. Сэръ, когда мы видѣлись съ вами въ послѣдній разъ въ Лондонѣ, вы коснулись этого предмета какъ будто я все еще деревенскій кузнецъ и могу жениться на деревенской дѣвушкѣ. Но, — прибавилъ Томъ смягчивъ свой раздраженный тонъ, — даже еслибы Сюзь была по происхожденію леди, мнѣ кажется что я сдѣлалъ бы большую ошибку воспитывая дѣвочку какъ отецъ и надѣясь что она, когда выростетъ, полюбитъ меня какъ мужчину.

— О, вы это думаете! воскликнулъ Кенелмъ съ жаромъ и обративъ глаза, засіявшіе радостью, въ сторону Грасмира. — Вы это думаете; и какъ хорошо вы это сказали! Такъ васъ уговаривали жениться на другой и вы уклонялись пока не

повидались съ мистрисъ Сомерсъ. Теперь вы болѣе расположены къ такому шагу. Разкажите мнѣ объ этомъ.

— Я говорилъ вамъ, сэръ, что одинъ изъ главныхъ капиталистовъ Лоскомба, первенствующій хлѣбный торговецъ, предложилъ мнѣ быть его компаньйономъ. У него есть единственная дочь, очень хорошая дѣвушка, отлично образованная и такая пріятная въ обращеніи и въ разговорѣ, словомъ, настоящая леди. Еслибъ я женился на ней, я сдѣлался бы скоро первымъ человекомъ въ Лоскомбѣ, а Лоскомбъ, какъ вамъ вѣроятно извѣстно, посылаетъ двухъ членовъ въ парламентъ. Кто знаетъ, можетъ-быть когда-нибудь сынъ кузнеца...

Томъ внезапно остановился не высказавъ овоего честолюбиваго стремленія, но румянецъ сгустился на его смугломъ лицѣ, и честные глаза его заблестали.

— О, сказалъ Кенемъ почти угрюмымъ тономъ.—Такъ вотъ что! Неужели каждый человекъ долженъ въ началѣ своей жизни сыграть нѣсколько ролей. Честолюбіе сдѣдуетъ за любовь, благоразуміе за страстностью сердца. Дѣйствительно, Томъ, вы очень измѣнились. Моего Тома Баульза уже нѣтъ.

— Онъ все тотъ же въ своей неизмѣнной благодарности къ вамъ, сказалъ Томъ съ сильнымъ волненіемъ.—Вашъ Томъ Баульзъ отказался бы отъ всѣхъ мечтаній о богатствѣ и повышеіи въ жизни и прошелъ бы чрезъ огонь и воду чтобъ послужить другу который первый побудилъ его сдѣлаться новымъ Томомъ Баульзомъ. Не презирайте меня, я ваше собственное созданіе. Вы сказали мнѣ въ тотъ ужасный день когда безуміе было въ головѣ моей и преступленіе въ сердцѣ: „я буду для васъ самымъ искреннимъ другомъ какого когда-либо находилъ одинъ человекъ въ другомъ“. И вы это исполнили. Вы заставили меня читать, вы заставили меня думать, вы заставили меня понять что тѣло должно быть душою души.

— Полно, полно, времена измѣнились; теперь вы можете поучить меня. Объясните мнѣ какъ честолюбіе замѣняетъ любовь, какъ стремленіе къ повышенію становится господствующею страстью и, въ случаѣ успѣха, всеискупающимъ утѣшеніемъ въ жизни. Мы не можемъ быть такъ счастливы удовлетвореннымъ честолюбіемъ, хотя бы возвысились до трона Цесарей, какъ надѣемся быть если небо дозволитъ намъ

жить, хотя бы въ самомъ скромномъ селеніи, съ любимую женщиной.

Томъ былъ необычайно изумленъ такимъ взрывомъ неудержимой страсти въ человѣкѣ который говорилъ ему нѣкогда что хотя истиннаго друга можно встрѣтить только разъ въ жизни, но что женщинъ которыхъ можно любить такъ же много какъ краливы.

Онъ провелъ опять рукой по лбу и сказалъ нерѣшительно:

— Не смѣю утверждать что такъ бываетъ съ другими, но судя по мнѣ, это случается вогь какъ: молодой человѣкъ не дѣлющій въ своихъ обязанностяхъ никакихъ возбуждающихъ интересовъ жаждетъ удовлетворенія и возбужденія въ любви, къ своему благу или вреду, воображаетъ что нѣтъ въ мірѣ ничего лучше любви. Сколько разъ покойный дядя звалъ меня въ Лоскомбъ, представляя мнѣ всѣ выгоды этого переезденія, но я не могъ разстаться съ деревней гдѣ жила Джесси и чувствовалъ себя неспособнымъ быть чѣмъ-нибудь выше того чѣмъ я былъ. Но поживъ нѣкоторое время въ Лоскомбѣ и мало по малу привыкнувъ къ другому рода обществу и къ другому рода разговорамъ, я началъ интересоваться тѣмъ что интересовало окружавшихъ меня, и когда, отчасти вслѣдствіе сближенія съ образованными людьми, отчасти вслѣдствіе моихъ стараній образовать себя, я почувствовалъ что могу теперь возвыситься надъ моимъ настоящимъ положеніемъ легче чѣмъ два года тому назадъ могъ возвыситься надъ положеніемъ деревенскаго кузнеца, честолюбіе заговорило во мнѣ и съ каждымъ днемъ становилось все сильнѣе и сильнѣе. Сэръ, мнѣ кажется что нельзя пробудить умъ человѣка и пробудивъ вмѣстѣ съ нимъ и соревнованія. А соревнованіе есть не что иное какъ честолюбіе.

— Такъ я вѣроятно не способенъ къ соревнованію, потому что честолюбія во мнѣ навѣрное нѣтъ.

— Не могу повѣрить этому, сэръ. Другія чувства прикрываютъ и заглушаютъ его въ настоящее время, но рано или поздно оно пробудится, какъ это случилось со мной. Попытаться въ общественномъ положеніи, пріобрѣтать общее уваженіе которое укрѣплялось бы по мѣрѣ того какъ становишься старше, это я называю благороднымъ стремленіемъ. Я увѣренъ что оно такъ же естественно въ Англичанинѣ какъ.... какъ....

— Какъ стремленіе повалить другаго Англичанина кто

стоитъ на твоей дорогѣ. Я понялъ теперь что вы были всегда очень честолюбивымъ человѣкомъ, Томъ; честолюбіе приняло только другое направленіе. Цезарь могъ быть лишь первымъ бойцомъ на аренѣ. И вы вѣроятно оставите теперь ваше намѣреніе путешествовать. Вы возвратитесь въ Лоскомбъ не жалѣя болѣе объ утратѣ Джесси, жевитесь на молодой особѣ о которой говорили и поднимитесь постепенно по ступенямъ альдермена и мера до положенія члена парламента за Лоскомбъ.

— Все это можетъ придти со временемъ, отвѣчалъ Томъ не замѣчая проищескаго тона Кенелма, — но я не оставилъ намѣренія путешествовать. Годъ употребленный на путешествіе только подготовитъ меня къ положенію котораго я буду добиваться. Я вернусь въ Лоскомбъ чтобъ устроить свои дѣла и сговориться съ мистеромъ Леландомъ, главнѣйшимъ торговцемъ, насчетъ времени моего возвращенія и....

— А молодая особа будетъ ждать?

— Эмилиа....

— Такъ ее зовутъ Эмилией. Эмилиа! имя гораздо изящнѣе чѣмъ Джесси.

— Эмилиа, продолжалъ Томъ съ невозмутимою кротостыя, которая, при оскорбительной горечи смѣившейся холодно равнодушіе въ тонѣ Кенелма, достойна была святаго. — Эмилиа знаетъ что если она выйдетъ за меня, я долженъ буду гордиться ею и она почувствуетъ ко мнѣ уваженіе видя какъ я стараюсь чтобъ ей не пришлось краснѣть за меня.

— Простите меня Томъ, сказалъ Кенелмъ смягчившись и положивъ руку съ братскою нѣжностью на плечо своего друга. — Природа сотворила васъ истиннымъ джентльменомъ и мы не могли бы думать и говорить благороднѣе еслибы родились на свѣтъ главою всѣхъ Говардовъ.

Г Л А В А IV.

Томъ уѣхалъ на слѣдующее утро. Онъ отказался зайти опять къ Джесси, сказавъ кратко: „я не хочу рисковать ослѣбить впечатлѣніе которое она произвела на меня въ послѣдній разъ.“

Кенелмъ не жалѣлъ объ отъѣздѣ своего друга. Вопреки перемѣнѣ къ лучшему въ манерахъ Тома, вопреки его ум-

ственнымъ успѣхамъ, приблизившимъ его къ равенству съ учтивымъ и ученымъ наследникомъ Чиллинггаи, Кенелмъ симпатизировалъ прежнему горящему спутнику, лежавшему съ нимъ на травѣ слушая разговоръ и стихи менестреля, болѣе чѣмъ практическому, честолюбивому гражданину Лоскомба. Для молодаго поклонника Лили Мордантъ было разочарованіемъ узнать что сердце человеческое способно къ такимъ обдуманнымъ, такимъ мотивированнымъ переходамъ; сегодня Джесси, завтра Эмилиа—*la reine est morte, vive la reine!*

Часъ или два спустя послѣ отъѣзда Тома, Кенелмъ, почти безсознательно, направилъ стопы свои къ Брефильдвиллю. Онъ инстинктивно повялъ тайное желаніе Эльзи относительно его и Лили, хотя она и думала что искусно окрывала его.

Въ Брефильдвилѣ онъ услышитъ что-нибудь о Лили и увидитъ мѣсто гдѣ встрѣтилъ ее въ первый разъ.

Онъ засталъ мистрисъ Брефильдъ одну въ гостиной у стола покрытаго цвѣтами изъ которыхъ она составляла букеты для вазъ.

Онъ замѣтилъ что ея обращеніе съ нимъ въ этотъ разъ было сдержаннѣе и привужденнѣе чѣмъ прежде, и когда, поговоривъ нѣсколько времени о постороннихъ предметахъ, онъ смѣло вступилъ *in medias res* и спросилъ давно ли она видѣлась съ мистрисъ Камеронъ, она отвѣчала сухо: „я была у нея третьяго дня“, и немедленно переѣхнула предметъ разговора заговоривъ о тревожномъ положеніи дѣлъ на континентѣ.

Кенелмъ рѣшился не отступать и вскорѣ сказалъ:

— Вы предлагали на дняхъ поѣздку къ развалинамъ римской виллы и хотѣли пригласить мистрисъ Камеронъ. Вы можете-быть забыли?

— Нѣтъ, не забыла, но мистрисъ Камеронъ отказалась. Не пригласить ли вмѣсто нихъ Эмилиновъ? Онъ будетъ превосходнымъ чичероне.

— Конечно. Но почему отказалась мистрисъ Камеронъ?

Эльзи колебалась, потомъ подняла на него свои ясные каріе глаза со внезапною рѣшимостью довести дѣло до кризиса.

— Я не могу сказать вамъ что было причиной отказа мистрисъ Камеронъ, но отказавшись она поступила очень благородно и благородно. Выслушайте меня, мистеръ Чиллинггаи. Вы знаете какъ глубоко я уважаю васъ и какъ искренно мое уваженіе къ вамъ и судя по тому что я чувствовала въ теченіи нѣсколькихъ недѣль послѣ того какъ мы разстались

въ Торъ-Гадгамъ...—Она олять поколебалась и съ поуси-
хомъ и съ легкою вспышкой румянца продолжала рѣшитель-
но:—Еслибъ я была теткой или старшею сестрой Лили, я по-
ступала бы такъ же какъ мистрисъ Камеронъ, я стараюсь
бы не давать Лили сближаться съ молодымъ человѣкомъ ко-
торый по богатству и общественному положенію настояще
выше ея, что....

— Позвольте, воскликнулъ Кенелмъ гордо.—Я не могу до-
пустить чтобъ какое бы то ни было общественное положеніе
давало человѣку право считать себя выше миссъ Мордавтъ.

— Выше ея личными качествами конечно нѣтъ. Но свѣтъ
предъявляетъ и другія требованія которыя сэръ-Питеръ и
леди Чиллингди можетъ-быть примутъ въ расчетъ.

— Вы не думали этого до послѣдняго свиданія съ мис-
трисъ Камеронъ.

— Говоря откровенно, нѣтъ. Зная что миссъ Мордавтъ-
дѣвушка хорошаго рода, я не взвѣсила какъ слѣдуетъ другія
неравенствъ.

— А вы знаете что она хорошаго рода?

— Знаю, какъ и всѣ здѣсь, по словамъ мистрисъ Камеронъ
о которой никто не скажетъ что она не леди. Но есть нѣ-
сколько степеней леди и джентльменовъ, что почти не замѣ-
чается въ обыкновенныхъ общественныхъ сношеніяхъ, а
имѣеть большое значеніе когда рѣчь заходитъ о бракѣ, и
мистрисъ Камеронъ говоритъ прямо что не считаетъ свое
племянницу принадлежащею къ тому кругу общества изъ ко-
торого сынъ сэра-Питера и леди Чиллингди возьметъ себе
жену. Итакъ (протягивая ему руку) простите меня если я
огорчила или обидѣла васъ. Я говорю какъ вашъ другъ и
другъ Лили. Я горячо совѣтую вамъ, если миссъ Мордавтъ
причина вашего пребыванія здѣсь, уѣхать ради ея и вашего
душевнаго спокойствія пока еще не поздно.

— Ради ея душевнаго спокойствія, повторилъ Кенелмъ та-
кимъ, дрожащимъ голосомъ, не обративъ вниманія на послѣд-
нія слова мистрисъ Брефиальдъ.—Ея душевнаго спокойствія
Вы действительно думаете что она любитъ меня, что она могла
бы полюбить меня еслибъ я остался?

— Я желала бы отвѣчать вамъ положительно, но я не по-
священа въ ея душевныя тайны. Я только думаю что
для молодой дѣвушки опасно видѣться слишкомъ часто съ
такимъ человѣкомъ какъ вы, догадываться что онъ любитъ

ее и не знать что оны не можетъ предложить ей свою руку съ разрѣшеніа своихъ родителей.

Кенелмъ опустилъ голову и закрылъ лицо рукой. Нѣсколько минутъ оны сидѣлъ молча, потомъ всталъ съ очень блѣднымъ лицомъ и сказалъ:

— Вы правы. Душевное спокойствіе миссъ Мордантъ должно быть важнѣе всего. Извините меня что я уйду такъ внезапно. Я долженъ подумать о томъ что вы сказали мнѣ, а я могу думать какъ свидѣть только когда я одинъ.

Г Л А В А V.

Отъ Кенелма Чиллингви сэръ-Питеру Чиллингви.

„Батюшка, милый батюшка.—Это не отвѣтъ на ваши письма, я не знаю можетъ ли это быть названо само по себѣ письмомъ, я даже не увѣренъ дойдетъ ли это до васъ. Уставъ говорить самъ съ собою, я сажусь чтобы поговорить съ вами. Часто упрекаю я себя что не пользуюсь всякимъ случаемъ выразить вамъ какъ горячо я люблю васъ, какъ глубоко уважаю, васъ, о другъ, о отецъ! Но мы, Чиллингви, не экспансивная порода. Я не помню чтобъ вы выразили когда-нибудь словами несомнѣнный фактъ что любите вашего сына безконечно болѣе чѣмъ оны заслуживаетъ. Однако развѣ я не знаю что вы охотнѣе продадите всѣ свои возлюбленныя старыя книги чѣмъ позволите своему сыну отказаться отъ какого-нибудь неизвѣданнаго наслажденія о которомъ оны мечтастъ, если оно безгрѣшно. И развѣ вы не увѣрены также твердо что я скорѣе откажусь отъ всего наслѣдства и сдѣлаюсь лоденьщикомъ чѣмъ позволю вамъ разстаться съ вашими книгами.

„Я не сомнѣваюсь что вы поймете все что мое сердце стремится выразить вашему. Но если я не ошибаюсь, настаетъ день когда одинъ изъ насъ долженъ будетъ принести жертву другому. Если мое ожиданіе оправдается, я умоляю васъ, принесите жертву вы. Какъ это возможно? Какъ возможно что я такъ не великодушень, такъ эгоистичень, такъ неблагодарень за все чѣмъ я уже обязанъ вамъ, и за что никогда не буду въ состояніи отплатить вамъ? Я могу отвѣтить только: Это судьба, это природа, это любовь....

„На этомъ я долженъ остановиться. Луна стоитъ противъ окна у котораго я сижу, и отражается въ ручьи протекающемъ вверху узкою полосой въ которой каждая волна искрится ея свѣтомъ, а по обѣимъ сторонамъ свѣтлой полосы вода кажется темной и неподвижной, хотя стремится все такъ же быстро къ своей могилѣ въ невидимой глубинѣ. Я не могу продолжать.“

Датировано двумя днями позже.

„Говорятъ что она ниже насъ по богатству и общественному положенію. Но развѣ мы, милый батюшка, мы, два богородные джентльмена, развѣ мы искатели золота и лакеи спальныхъ? Въ коллегіи гдѣ я воспитывался мы никого такъ не презирали какъ паразита и низколоклонника кто ищетъ дружбы только такихъ людей чье богатство и общественное положеніе могутъ быть ему полезны. Если эти расчеты такъ низки при выборѣ который имѣеть такъ мало значенія для счастья и карьеры человѣка, то во сколько разъ они ниже при выборѣ женщины которая должна украсить и облагородить всендневную жизнь человѣка? Слособна ли она украсить и облагородить мою жизнь? Я твердо увѣренъ въ этомъ. Жизнь получила уже для меня предельсть которой я даже не подозревалъ въ ней прежде; я уже начинаю, хотя еще слабо и смутно, сочувствовать интересамъ и стремленіямъ моихъ ближнихъ, въ особенноти тѣхъ кого потомство признаеть своими облагораживателями. Въ этомъ тихомъ селеніи я нашелъ много примѣровъ доказывающихъ что человѣкъ созданъ не для того чтобы размышлять о жизни, но чтобы принимать въ ней дѣятельное участіе и въ этомъ участіи находить пользу для себя. Но сомнѣваюсь воспользовался ли бы я этими примѣрами еслибы смотрѣлъ на эту маленькую мировую сцену какъ смотрѣлъ на большую, то-есть какъ равнодушный зритель на знакомую комедію исполняемую знакомыми актерами, еслибы все существо мое не перенеслось внезапно изъ философіи въ страсть и, сразу очеловѣчившись, не получило способности сочувствовать всему человѣческому. О, возможно сомнѣваться достойна ли она какого бы то ни было высокаго положенія, она, моя принцесса, моя фея? Если я женою на ней, какъ довольны будете вы, батюшка, свѣтскою карьерой вашего сына! Какъ настойчиво будетъ онъ стремиться (а когда настойчивость не достигаетъ цѣли?) пополнить пробѣ-

лы своего ума, духа, образованія энергіей сосредоточенной на одной страсти которая—сильнѣе чѣмъ умъ, духъ и образованіе если только они не достигаютъ такой же энергіи такъ же сосредоточенной—побуждаетъ къ тому что свѣтъ называетъ лючестами.

„Да, съ ней, съ ней какъ съ носительницей моего имени, съ ней кому я, сдѣлавъ что-нибудь хорошее и великое, могъ бы сказать „это твое дѣло“, съ ней я былъ бы такимъ человекомъ что вы благословили бы день когда приняла въ свои объятія дочь.

„Ты соприкасаешься съ возлюбленною во всемъ что чувствуешь въ себѣ высокаго. Это написано однимъ изъ вѣщихъ Нѣмцевъ которые отыскиваютъ въ сердцахъ нашихъ сѣмена сокрытой истины и превращаютъ ихъ въ цвѣты прежде чѣмъ мы сами почувствуемъ въ себѣ сѣмена.

„Каждая моя мысль что имѣетъ связь съ моею возлюбленною кажется мнѣ окрыленною.

„Я сейчасъ видѣлъ ее, я только-что разстался съ ней. Помнѣ того какъ мнѣ сказали, сказали учтиво, благоразумно, что я не имѣю права подвергать опасности ея душевное спокойствіе не получивъ позволенія сдѣлать ей предложеніе, я далъ себѣ слово избѣгать встрѣчъ съ нею пока не открою своего сердца вамъ, что дѣлаю теперь, и не получу вашего согласія, потому что еслибъ я и не былъ связанъ обѣщаніемъ которое далъ вамъ, я тѣмъ не менѣе просилъ бы васъ охватить мой выборъ вашимъ согласіемъ и благословіемъ. Я не могу рѣшиться предложить такой непорочной, прекрасной дѣвушкѣ быть женой неблагодарнаго, непокорнаго сына. Но сегодня вечеромъ я встрѣтилъ ее у здѣшняго викарія, превосходнаго человѣка, у котораго я научился многому. Его совѣты, его личный примѣръ, его привязанность къ своему дому, его жизнь вмѣстѣ дѣятельная и спокойная гармонируютъ съ моими мечтами о жизни съ ней.

„Я скажу вамъ имя моей возлюбленной, но знайте что это еще тайна между вами и мною. Настанетъ ли когда-нибудь день что вы назовете ее этимъ именемъ и напечатаете на лбу ея лощадку какъ единственный мушкетеръ къ которому я не могу ревновать.

„Сегодня воскресенье, день когда мой другъ викарій имѣетъ

обыкновеніе собирать вокругъ себя дѣтей своихъ и безъ формальной проповѣди и разсужденій обращаетъ ихъ мысли и вопросы гармонирующіе со святостью дня, иногда не прямо относящіеся къ религіи, большею частью шутиливо почерпнутые въ какомъ-нибудь незначительномъ событіи или въ книгѣ интересовавшихъ дѣтей въ теченіи послѣдней недѣли, и постепенно выводитъ изъ нихъ какое-нибудь нравственное правило. Онъ полагаетъ что хотя многое изъ того что должны выучить дѣти можетъ быть выучено ими хорошо только при добросовѣстномъ трудѣ и отношеніи къ труду какъ къ обязанности, но что религія не должна быть сопряжена для нихъ съ трудомъ и обязательною работою, а должна привиться незаметно къ ихъ привычкамъ и образу мыслей, сливаясь съ воспоминаніями и картинами мира и любви, со свисходительною нѣжностью ихъ первыхъ учителей, съ непорочными радостями роднаго дома, съ утѣшеніемъ въ горѣ, съ поддержкой въ испытаніяхъ и всегда въ связи съ сестрой ея надеждою.

„Я вошелъ въ комнату викарія когда грулила только-что собралась вокругъ него. Рядомъ съ его женой сидѣла леди къ которой я чувствую большую симпатію. Лицо ея выражаетъ того рода спокойствіе которое есть свидѣствіе утомленія остывшаго страданіемъ. Она тетка моей возлюбленной. Она усѣлась на низкомъ табуретѣ у ногъ добраго пастора, обнявъ рукой одну изъ его маленькихъ дочерей. Она любитъ общество дѣтей несравненно болѣе чѣмъ общество своихъ ровесницъ. Однажды когда жена викарія, очень умная женщина спросила ее почему она предпочитаетъ всегда быть не со взрослыми, а съ дѣтьми которыя не могутъ научить ее ничему. Лили отвѣчала просто: „Мнѣ кажется потому что съ дѣтьми я чувствую себя безопаснѣе, то-есть ближе къ Богу“.

„Мистеръ Эмлиль, викарій, вывелъ въ этотъ день свое ученіе изъ волшебной сказки которую Лили разказала на дняхъ его дѣтямъ и которую онъ попросилъ ее теперь повторить.

„Вотъ вкратцѣ содержаніе сказки:

„Жили нѣкогда король съ королевой. Они очень горевали что не имѣли дѣтей и молили даровать имъ сына и наследника престола. И вотъ въ одно прекрасное дѣтнее утро пробудясь отъ сна, королева увидѣла у своей кровати колыбель, а въ колыбели прекраснаго спящаго младенца. Великое торжество было въ этотъ день во всемъ государствѣ!

Но когда ребенокъ подросъ, онъ одѣвался своевольнымъ и злымъ, лишился своей красоты, не хотѣлъ учить уроки, словомъ, сталъ такъ дурень какъ только можетъ быть ребенокъ. Родители очень горевали видя что наследникъ котораго они такъ ждали грозить быть наказаніемъ для нихъ и для ихъ подданныхъ. Наконецъ къ довершенію ихъ горя, за плечами принца появились два горбика. Они созвали докторовъ, и доктора предлагали конечно стальные бинты и стальные машины которыми измучили принца и озлобили его еще болѣе. Горбики тѣмъ не менѣе росли, и по мѣрѣ того какъ они увеличивались, принцъ слабѣлъ и хирѣлъ. Наконецъ одинъ искусный хирургъ предлагалъ срѣзать ихъ, говоря что это единственное средство спасти жизнь принца. Родители согласились, и операція была назначена на слѣдующій день. Но въ эту ночь королева видитъ во снѣ что къ постели ея подходитъ прекрасная женщина и говорить ей: неблагодарная! Такъ-то ты платишь мнѣ за мой драгоценный даръ! Узнай что я царица фей. Когда ты просила наследника престола, я отдала тебѣ младенца изъ волшебной страны, думая что онъ выростетъ на утѣшеніе тебѣ и твоему народу; а ты хочешь уморить его страшною смертью отъ ножа хирурга! А королева отвѣчала: хорошъ твой драгоценный даръ! Жалкій, болѣзненный, безлокойный ребенокъ!

„Какъ ты безтолкова, сказала прекрасная гостя. — Неужели ты не понимаешь что первымъ чувствомъ ребенка изъ волшебной страны должна быть тоска о родномъ домѣ; отъ этой тоски онъ или умеръ бы, или выросъ злымъ и угрюмымъ, и обладая волшебнымъ могуществомъ употреблялъ бы его во вредъ другимъ еслибы врожденная сила его натуры не была достаточна для развитія его крыльевъ. То что ты въ слѣпотѣ своей принимаешь за уродство смертнаго, есть развитіе красоты волшебнаго существа. Горе тебѣ если ты не дашь вырости крыльямъ волшебнаго ребенка.

„И на слѣдующее утро королева прогнала хирурга съ его страшнымъ кожомъ, сняла бинты и машины съ плечъ принца, не слушая докторовъ которые предсказывали что ребенокъ умретъ. Съ этого дня королевскій наследникъ началъ поправляться, и когда наконецъ изъ безобразныхъ горбиковъ показали перышки бѣлоснѣжныхъ крыльевъ, злой нравъ ребенка смягчился. Въмѣсто того чтобы царалать своихъ учителей, онъ сдѣлался самымъ повятливымъ и прилежнымъ

ученикомъ, утѣшеніемъ своихъ родителей и гордостью своего народа, и народъ говорилъ о немъ: онъ будетъ такимъ королемъ какого у насъ еще не было.

„Такъ кончилась сказка Лили. Не могу дать вамъ повѣсти какъ мило, шуточно разказала она ее. Затѣмъ она прибавила, важно покачавъ головой.—Но вы кажется не знаете что было послѣ. Вы думаете что принцъ никогда не пользовался своими крыльями? Слушайте. Придворные состоявшіе при ея королевскомъ высочествѣ замѣтили что каждую недѣлю въ извѣстныхъ ночи принцъ исчезалъ. Въ эти ночи, покоряясь инстинкту своихъ крыльевъ, онъ улеталъ изъ дворца въ волшебную страну изъ которой возвращался съ обновленною любовью къ своему человѣческому дому.

„— Да, дѣти мои, прибавилъ пасторъ съ жаромъ, — крылья были бы даны намъ напрасно есlibы мы не покорялись инстинкту побуждающему насъ улетать съ земли, и летаніе было бы не менѣе напрасно есlibы дѣлю его не было наше общее отечество, въ родномъ воздухѣ котораго мы укрепляемъ свое здоровье, обновляемъ свою душу и послѣ каждого воспаренія къ небу возвращаемся на землю еще болѣе мирными съ нашими земными обязанностями.

„Когда онъ вывелъ такое поученіе изъ волшебной сказки Лили, дѣвушка встала съ своего мѣста, взяла его руку, почтительно поцѣловала ее и отошла къ окну. Я видѣлъ что она тронута до слезъ и старается скрыть ихъ. Позже вечеромъ, когда мы разбрелись всѣ по лугу и собирались уже разойтись, Лили робко подошла ко мнѣ и спросила шепотомъ:

„— Вы сердитесь на меня? За что?

„— Сержусь на васъ! Какъ можете вы думать обо мнѣ такъ несправедливо?

„— Сколько дней не были вы у насъ, сколько дней не видала я васъ, сказала она простодушно и поджавъ на мѣнѣ глаза на которыхъ дрожали слезы.

„Прежде чѣмъ я собрался съ духомъ чтобы отвѣтить, подошла ея тетка и поклонившись мнѣ съ сухимъ „прощайте“ увела Лили.

„Я рассчитывалъ проводить ихъ до дому, какъ всегда это дѣлалъ когда мы встрѣчались въ другихъ домахъ. Но тетка вѣроятно предвидѣла что я буду въ этотъ вечеръ у викарія и чтобы помѣшать моему намѣренію начала для обратнаго пути

экипажъ. Ее конечно предостерегли противъ дальнѣйшаго обласкани Лили со мной.

„Батюшка, я долженъ прѣхать къ вамъ немедленно, исполнить мое обѣщаніе и получить отъ васъ согласіе на мой выборъ; потому что вѣдь вы согласитесь, не правда ли? Но я хочу приготовить васъ заранѣе и потому отошлю къ вамъ завтра эти непослѣдовательные отрывки общенія моего сердца съ вашимъ. Ждите меня вслѣдъ за ними, спустя день въ который вы обдумаете ихъ одни, одинъ, милый батюшка; они написаны только для васъ.

„К. Ч.“

Г Л А В А VI.

На слѣдующій день Кенелмъ отправился въ городъ, сдалъ на почту свое объемистое письмо къ отцу и зашелъ въ лавку Уилла Сомерса, намѣреваясь купить нѣсколько корзинъ и нѣсколько вещей изъ мелочнаго товара Джесси которыя пришли бы по вкусу его матери.

Когда онъ вошелъ въ лавку, сердце его забилось быстро. Онъ увидалъ двѣ молодыя фигуры стоявшія наклонившись надъ прилавкомъ и разсматривая товаръ подъ стекломъ. Одна изъ покупательницъ была Клемми, въ другой нельзя было не узнать тонкой, граціозной фигуры Лили Мордантъ. Клемми воскликнула:

— Какъ это мило, мистрисъ Сомерсъ! но, грустно взглянувъ на свой шелковый кошелекъ, она прибавила: — Я не могу купить его. У меня не хватаетъ денегъ, далеко не хватаетъ.

— Что это такое, миссъ Клемми? спросилъ Кенелмъ.

Обѣ дѣвушки повернулись на его голосъ. Лицо Клемми просіяло.

— Посмотрите, сказала она,—не правда ли какъ это мило?

Предметъ которымъ она такъ восхищалась былъ маленькій золотой медальонъ украшенный крестикомъ изъ мелкаго жемчуга.

— Увѣряю васъ, миссъ, сказала Джесси, которая приобрѣла уже умѣніе завлекать покупателей,—увѣряю васъ что это вовсе не дорого. Миссъ Мери Борроусъ, которая была у меня предъ вами, купила медальонъ далеко не такой красивый и дала за него десять шиллинговъ.

Миссъ Мери Борроусъ была ровесница Клемми и ея сопер-

лица въ нарядахъ.— Миссъ Борроусъ, вздохнула Клемми презрительно.

Но вниманіе Кенелма было отвлечено съ медальйона на колечко которое мистрисъ Сомерсъ убѣдила Лили надѣть и которое Лили возвратила теперь покачавъ отрицательно головой. Мистрисъ Сомерсъ, потерявъ надежду продать медальйонъ Клемми, обратилась къ старшей дѣвухкѣ, разчитывая что у этой найдется болѣе карманныхъ денегъ и что ей во всякомъ случаѣ можно безопасно повѣрить въ долги.

— Кольцо такъ пристало къ вамъ, миссъ Мордантъ, и всякая дѣвухка въ ваши годы носить по крайней мѣрѣ одно кольцо; позвольте мнѣ завернуть вамъ его.—И она прибавилъ понизивъ голосъ:—Хотя мы продаемъ такія вещи только по комиссіи, намъ все равно заплатите ли вы теперь или въ Рождествѣ.

— Вы соблазняете меня напрасно, мистрисъ Сомерсъ, сказала Лили засмѣявшись. Потомъ прибавила серьезно:—Я обѣщала Льву—моему покровителю, не дѣлать никогда долговъ и не измѣню своему слову.

И взявъ сверточекъ съ новою лентой для Бланки, Лили отвернулась рѣшительно отъ соблазнительнаго прилавка и вышла изъ лавки. Клемми не охотно послѣдовала за ней.

Кенелмъ остался, выбралъ наскоро нѣсколько вещей, велѣлъ прислать ихъ къ себѣ вечеромъ съ нѣсколькими образчиками искусства Уилла, выборъ которыхъ предоставилъ ему самому, купилъ медальйонъ прельстившій Клемми, но мысли его въ это время были заняты колечкомъ которое мѣрилъ Лили. Подарить медальйонъ такому ребенку какъ Клемми и могло быть преступленіемъ противъ этикета; но не будетъ ли страшною дерзостью предложить подарокъ Лили?

Джесси сказала:

— Миссъ Мордантъ очень понравилось это колечко, мистеръ Чиллингли. Я увѣрена что ея теткѣ было бы пріятно подарить ей кольцо. Не отложить ли мнѣ его въ сторону на случай если мистрисъ Камеронъ зайдетъ ко мнѣ? Жаль было бы еслибъ оно досталось кому-нибудь другому.

— Я возьму на себя смѣлость показать его мистрисъ Камеронъ, сказалъ Кенелмъ.—Я увѣренъ что она купитъ его на племянницы. Прибавьте его цѣну къ моему счету. И онъ овладѣлъ кольцомъ и унесъ его съ собой. Это было маленькое простое колечко, съ однимъ камешкомъ вырѣзаннымъ въ формѣ сердца, стоившее въ половину дешевле медальйона.

Кенелъ нагналъ двушекъ въ томъ мѣстѣ гдѣ встрѣчались двѣ тропинки изъ которыхъ одна вела прямо въ Граммиръ, другая чрезъ кладбище къ дому викарія. Онъ предложилъ медальонъ Клемми сказавъ нѣсколько добрыхъ словъ которыя легко убѣдили ее что она не сдѣлаетъ ничего предосудительнаго принявъ этотъ подарокъ, и она убѣждала домою въ восторгѣ отъ своего пріобрѣтенія и спѣша показать его своей мамѣ и сестрамъ и въ особенности мамѣ Мері Борроусъ которая должна была придти къ нимъ въ этотъ день завтракать.

Кенелъ пошелъ медленно рядомъ съ Лили.

— У васъ доброе сердце, мистеръ Чиллингв, оказала она нѣсколько неожиданно.—Какъ вамъ должно быть пріятно что вы доставили такое удовольствіе! Милая Клемми!

Эта безыскусственная похвала и отсутствіе всякой зависти или мысли о себѣ восхитили Кенелма.

— Если доставлять удовольствіе пріятно, сказалъ онъ,—вы можете сдѣлать себѣ пріятное доставивъ удовольствіе мнѣ.

— Какимъ образомъ? спросила она нервнительно и измѣнившись въ лицѣ.

— Давъ мнѣ такое же право какое дала мнѣ ваша подруга.

И онъ протянулъ кольцо.

Лили подняла голову со внезапною вспышкой оскорбленной гордости, но когда глаза ихъ встрѣтились, голова ея опустилась, и легкая дрожь пробѣжала по ея тѣлу.

— Миссъ Мордантъ, продолжалъ Кенелъ сдерживая страстный порывъ упасть къ ея ногамъ и сказать: „но въ этомъ кольцѣ я предлагаю вамъ мою любовь, оно залогъ моей преданности!“ — Миссъ Мордантъ, пощадите меня, избавьте меня отъ ужасной мысли что я оскорбилъ васъ. Сегодня способенъ я на это мнѣе чѣмъ когда-либо потому что пройдетъ можетъ-быть нѣсколько времени прежде чѣмъ я увижу васъ опять. Я ѣзжаю домой по дѣлу отъ котораго зависить счастье моей кизни. Я былъ бы дурнымъ сыномъ и недостойнымъ джентльменомъ еслибы не посоветовался объ этомъ дѣлѣ съ человекомъ который приучилъ меня обращаться къ нему со всѣмъ что касается моихъ привязанностей какъ къ отцу, со всѣмъ что касается моей чести какъ къ джентльмену.

Рѣчи болѣе несходной съ тѣмъ что писатели изображающіе

современные нравы влагаютъ въ уста влюбленныхъ не могъ бы осмѣять ни одинъ критикъ газеты *Londoner*. Но бѣды приручительница бабочекъ и разказщица волшебныхъ сказокъ повяла сразу все что этотъ эксцентричѣйшій изъ смертныхъ оставилъ недосказаннымъ. Слова его тронули ее сильнѣе чѣмъ могло бы тронуть самое пламенное изъ признаній влюбленныхъ писателями изображающими современные нравы въ уста глупцовъ и негодяевъ которые слишкомъ часто служатъ у насъ представителями рыцарскаго повѣтя волшебнаго въ слѣдъ „влюбленный“.

Въ томъ мѣстѣ тропинки извивавшейся по берегу ручья гдѣ они разговаривая остановились, стояла скамейка гдѣ они сидѣли однажды нѣсколько недѣль тому назадъ. На эту скамейку они сѣли опять.

И колечко съ бирюзовымъ сердцемъ очутилось на пальцѣ Лили, и они просидѣли вмѣстѣ около получаса, говоря много но необычайно счастливые, не обмѣнявшись ни однимъ обѣтомъ, не вымолвивъ ни одного слова которое могло бы быть понято въ смыслѣ „я люблю васъ“. Тѣмъ не менѣе когда они встали со скамьи и пошли молча по берегу ручья, и онъ и она были увѣрены во взаимной любви.

Подойдя къ калиткѣ сада Грасмира, Кенелмъ слегка вздохнулъ. У калитки, облокотясь на нее, стояла мистрисъ Камеронъ. Но если встрѣча съ ней почему бы то ни было смутила Кенелма, она ни мало не смутила его спутницу. Лили быстро обогнала его, поцѣловала тетку въ щеку и весело наглымъ прошла по лугу.

Кенелмъ остался у калитки лицомъ къ лицу съ мистрисъ Камеронъ. Она вышла, взяла его подъ руку и повела назадъ по берегу ручья.

— Я увѣрена, мистеръ Чаллингъ, сказала она,—что вы не преувеличите значенія моихъ словъ когда я напомню вамъ что нигдѣ, даже въ самомъ глухомъ захолустѣ, люди не свободны отъ сплетенъ, и вы должны согласиться что моя племянница можетъ легко сдѣлаться ихъ жертвой если будетъ продолжать гулять по такимъ удивеннымъ тропинкамъ въ сопровожденіи чловѣка вашихъ лѣтъ и съ вашимъ положеніемъ, чье пребываніе въ этомъ мѣстѣ, не мотивированное никакою уважительною причиной или цѣлью, уже возбудило толки. Я конечно увѣрена что вы смотрите на мою племянницу не иначе какъ на простодушнаго ребенка забавляющаго васъ оригинальностью

своихъ мыслей и вкусовъ, и еще болѣе увѣрена что она не перетолковываетъ въ ложную сторону вашего вниманія къ ней. Но я обязана ради нея думать о томъ что скажутъ другіе, и извините меня если я прибавлю что по моему мнѣнію вы также обязаны подумать объ этомъ. Да, мистеръ Чиллинггау, для меня было бы большимъ облегченіемъ еслибы вы нашли нужнымъ увѣхать отсюда.

— Любезнѣйшая мистрисъ Камеронъ, сказалъ Кенелъ, выслушавшій ея рѣчь съ невозмутимымъ спокойствіемъ въ лицѣ,—благодарю васъ за откровенность и пользуюсь случаемъ сообщить вамъ что я увѣжаю немедленно, но надѣюсь возвратиться спустя нѣсколько дней и поправить вашу ошибку относительно точки зрѣнія съ которой я смотрю на вашу ласканицу. Словомъ (выраженіе лица его и тонъ голоса внезапно измѣнились), самое горячее мое желаніе теперь получить отъ моихъ родителей порученіе увѣрить васъ въ радушіи съ какимъ они примутъ вашу ласканицу какъ дочь если только она удостоитъ отвѣтить на мое предложеніе согласіемъ и вѣрить мнѣ свое счастье.

Мистрисъ Камеронъ внезапно остановилась и взглянула на него съ невыразимымъ смущеніемъ.

— Какъ! мистеръ Чиллинггау! воскликнула она.—Но это невозможно, этого не будетъ! Выбросьте изъ головы эту дикую идею. Это бессмысленная романтическая затѣя юности. Ваши родители не могутъ согласиться на такой бракъ, и я предсказываю вамъ что они не согласятся.

— Почему же? спросилъ Кенелъ съ легкой улыбкой. Горячность ея увѣренія не произвела на него большого впечатлѣнія.

— Почему? повторила она съ жаромъ, но тотчасъ же овладѣла отчасти своимъ обычнымъ спокойствіемъ и продолжала:— это не трудно объяснить. Мистеръ Кенелъ Чиллинггау наслѣдникъ очень древняго рода и, какъ я слышала, значительнаго состоянія. Лили Мордантъ никто, сирота безъ всякаго состоянія, безъ связей, воспитанница артиста скромнаго происхожденія которому обязана всемъ; Лили Мордантъ не получила порядочнаго образованія и не имѣетъ никакого понятія о свѣтѣ въ которомъ вы вращаетесь. Ваши родители не имѣютъ права позволить такому молодому сыну испортить свою карьеру ослепчивымъ, неблагоприятнымъ союзомъ. А я ни за что не соглашусь и Валтеръ Мельвиль ни за что не

согласится чтобъ она вошла въ семью которая приметъ ее неохотно. Довольно объ этомъ. Откажитесь отъ вашего неодуманнаго намѣренія и прощайте.

— Сударыня, возразилъ Кемеамъ горячо, — повѣрьте мнѣ что еслибъ я не имѣлъ надежды близкой къ увѣренности что причины которыя вы приводите противъ моего намѣренія не будутъ имѣть для моихъ родителей такого важнаго значенія какое вы приписываете имъ, я не рѣшился бы говорить съ вами такъ откровенно. Какъ я ни молодъ, но имѣю уже право жениться на комъ хочу. Но дѣло въ томъ что я далъ моему отцу обѣщаніе не дѣлать предложенія ни одной дѣвушкѣ не сообщивъ ему напередъ о моемъ намѣреніи и не получивъ его согласія на мой выборъ; а онъ не такой человѣкъ чтобъ отказывать мнѣ въ согласіи на то отъ чего зависитъ мое счастье. Мнѣ не нужно чтобы жена моя была богата; если же мнѣ вздумается искать повышенія въ общественномъ положеніи, никакія оязы не будутъ мнѣ такъ полезны какъ одобрительная улыбка любимой жены. Есть только одно условіе котораго родители мои сочтутъ себя въ правѣ требовать отъ женщины которая будетъ носить наше имя. Я хочу сказать что она должна быть по вѣншности, по манерамъ, по привычкамъ — и моя мать можетъ быть прибавить, по происхожденію, — леди. Что касается вѣншности и манеръ, я жилъ съ дѣтства въ высшемъ обществѣ и не видалъ ни одной женщины которая превосходила бы безупречностью каждаго взгляда, врожденною деликатностью каждаго мысла ту къмъ, если она будетъ моею, я буду также гордиться какъ буду любить ее. Что касается матурнаго лоска пансіонскаго воспитанія, онъ можетъ быть легко прибрѣтенъ. Остается только одно условіе — происхожденіе. Мистрисъ Брефильдъ говорила мнѣ что вы увѣряли ее что хотя ваша племянница вслѣдствіе обстоятельство о коихъ я не имѣю еще права справляться, воспитанница человѣка скромнаго происхожденія, но что сама она принадлежитъ къ хорошей фамиліи. Вы не отвергаете этого?

— Нѣтъ, сказала мистрисъ Камеронъ нервѣнительно, но со вспышкой гордости во взглядѣ. — Я не отвергаю что она принадлежитъ къ фамиліи которая по благородству не уступитъ вашей. Но чтѣ въ этомъ? — прибавила она съ горькимъ смиреніемъ. — Происхожденіе теряетъ всякое значеніе когда впадешь въ бѣдность, неизвѣстность, ничтожество.

что жена моя религіозна и отпугиваетъ веселыхъ птицъ лагерами. Но если вы примете мое приглашеніе я обязанъ какъ старый свѣтскій человѣкъ сказать молодому родственнику что вы вѣроятно раззоритесь.

— Благодарю васъ, графъ, за вашу откровенность; теперь я вижу что нашелъ родственника и руководителя, отвѣчалъ маркизъ съ благородствомъ не лишеннымъ чувства которое грозило жесткое сердце старика.

— Приходите по крайней мѣрѣ когда вамъ понадобится искренній хотя и грубый другъ.

На этотъ разъ онъ не поцѣловался съ своимъ родственникомъ, но съ большею искренностію пожалъ ему руку на прощанье.

Это посвѣщеніе было главнѣйшимъ событіемъ въ парижской жизни Алена до тѣхъ поръ какъ онъ встрѣтился съ Фредерикомъ Лемерсье. Онъ еще не получалъ опредѣленнаго отвѣта отъ г. Гандрена, который откладывалъ свиданіе не имѣя времени вполне ознакомиться со всѣми подробностями присланныхъ ему бумагъ.

Г Л А В А IV.

На слѣдующій день около полудня, Фредерикъ Лемерсье нѣсколько залыхавшись отъ скорой ходьбы на такую высоту, влетѣлъ въ комнату Алена.

— Брр, *mon cher*; какое превосходное упражненіе для здоровья, какъ это должно укрѣплять мускулы и расширять грудь! Послѣ этого не страшно взбираться и на Монбланъ. Съ тѣхъ поръ какъ мы разстались я обдумывалъ твое дѣло. Но я бы желалъ знать побольше подробностей. Ты мнѣ передашь ихъ пока мы будемъ ѣхать Буловскимъ лѣсомъ. Карета моя внизу, и день превосходный, идемъ.

Веселость и сердечность стараго школьнаго друга были утѣпеніемъ для маркиза. Какъ не похоже это было на сухіе сошты графа де-Вандемара! Надежда, хотя смутная, наполнила его сердце. Онъ охотно принялъ приглашеніе Фредерика, и молодые люди вскорѣ быстро катились по Елисейскимъ Полямъ. Аленъ насколько могъ кратко описалъ положеніе своихъ дѣлъ, разказалъ объ условіяхъ закладныхъ и результатахъ свиданія съ г. Гандреномъ.

Фредерикъ слушалъ внимательно.

— Значитъ Гавдренъ до сихъ поръ не далъ еще тебѣ никакого отвѣта.

— Нѣтъ; но сегодня я получилъ отъ него записку съ приглашеніемъ побывать завтра.

— Повидавшись съ нимъ, не рѣшайся ни на что если онъ сдѣлаетъ тебѣ какое-нибудь предложеніе. Возьми свои бумаги или копию съ нихъ и передай мнѣ. Гавдренъ долженъ бы помочь тебѣ; онъ устраиваетъ большія дѣла; у него много клиентов милліонеровъ. Но его клиенты хотятъ огромныхъ барышей, и онъ самъ тоже. Что касается твоего главнаго кредитора, Лувье, ты разумѣется знаешь кто онъ такой.

— Нѣтъ; г. Геберъ говорилъ мнѣ только что онъ очень богатъ.

— Богатъ! я думаю; одинъ изъ царей финансоваго міра. А Посмотри на этихъ молодыхъ людей верхомъ.

Аленъ взглянулъ и узналъ двухъ всадниковъ въ которыхъ угадалъ сыновей графа де-Вандемара.

— Эти *beaux garçons* прекрасные представители твоего Предмѣстья, сказалъ Фредерикъ;—они отказались бы отъ него знакомства потому что дѣдъ мой былъ лавочникъ, а между тѣмъ сами держатъ лавку.

— Лавку! значитъ я ошибся. Кто они?

— Рауль и Ангерранъ сыновья насмѣшника графа де-Вандемара.

— И они держатъ лавку! Ты шутишь.

— Лавку гдѣ ты можешь покупать перчатки и духи, въ Шоссе д'Антенъ. Разумѣется они не стоятъ сами за конторкой, они отдають только свои карманные деньги на эту спекуляцію, и такимъ образомъ по крайней мѣрѣ утраиваютъ ихъ, покупають себѣ лошадей и держатъ грумовъ.

— Возможно ли? Дворяне такой хорошей фамиліи! Какъ поразило бы это графа еслибы онъ только зналъ!

— Да, очень поразило бы еслибы другіе знали что онъ знаетъ. Но онъ слишкомъ умный отецъ чтобы не давать своимъ сыновьямъ ограниченное количество денегъ и неограниченную свободу, въ особенности же свободу увеличивать свои средства сколько угодно. Посмотри на нихъ еще, нѣтъ лучшихъ вѣздниковъ и болѣе вѣжныхъ братьевъ со временъ Кастора и Подукса. На самомъ дѣлѣ наклонности ихъ различны: Рауль религіозенъ и нравственъ, меланхоликъ и съ достоинствомъ Ангерранъ левъ первой руки,—*élégant* до кончиковъ ногтей.

Тѣмъ не менѣ эти полубоги очень свисходительны къ смертнымъ. Хотя Ангерранъ лучшій въ Парижѣ стрѣлокъ изъ пистолета, а Рауль лучшій боецъ на шлагахъ, у перваго изъ нихъ такой добрый нравъ что нужно быть дикимъ животнымъ чтобы поссориться съ нимъ, а второй такой добрый католикъ что если съ нимъ и поссорисься, нечего бояться его шлага. Онъ не рѣшится на то что признается церковью смертнымъ грѣхомъ.

— Ты говоришь проиически? Ты хочешь сказать что люди носящіе имя де-Вандемаровъ не храбры?

— Напротивъ, я полагаю что хотя они превосходно владѣютъ оружіемъ, они слишкомъ храбры для того чтобы злоупотреблять своимъ искусствомъ; и я долженъ прибавить что хоть и негласные лайцики лавки они не обманутъ тебя ни на полупку. Сіяющія кроткимъ свѣтомъ звѣзды земли подобно Кастору и Полуксу на небѣ.

— Но лайцики лавки!

— Ба! когда самъ министръ какъ г. де-М*** держалъ лавку присоединяя барыши съ *bon bon* къ своимъ доходамъ, можешь составить себѣ понятіе о духѣ времени. Если молодые дворяне не всѣ участвуютъ подъ рукою въ содержаніи лавокъ, они всѣ больше или меньше пытаются свое счастье въ торговлѣ. Биржа дѣдается профессіей для тѣхъ кто не имѣетъ другихъ профессій. Былъ ты на Биржѣ?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ! Теперь какъ разъ время. Мы еще послѣдемъ въ Булонскій лѣсъ. Кучеръ, поѣзжай на Биржу.

— Дѣло въ томъ, продолжалъ Фредерикъ, — что азартныя игры составляютъ одну изъ потребностей цивилизованныхъ людей. *Rouge et noir* и рулетка запрещены, игорные дома закрыты; но страсть добывать деньги не зарабатывая ихъ требуетъ исхода, и этимъ исходомъ является Биржа. Какъ вмѣсто сотни восковыхъ свѣчъ мы имѣемъ теперь одну газовую горѣлку, такъ вмѣсто сотенъ игорныхъ домовъ, у насъ одинъ— Биржа, и это чрезвычайно удобно; всегда подъ руками. Нѣтъ ничего неприличнаго показываться тамъ какъ бывало у Фраскати; напротивъ, это и прилично и въ то же время въ модѣ.

Карета остановилась у Биржи; друзья наши взошли на ступени, пробрались между колоннами, оставили свои трости въ мѣстѣ назначенномъ для ихъ храненія, и маркизъ послѣдовалъ за Фредерикомъ по лѣстницѣ пока достигъ открытой

галереи вокругъ обширной залы находившейся вверху. Какой крикъ! Какой шумъ! Споры, брань, ссоры.

Лемерсье увидалъ кое-кого изъ друзей и отошелъ къ нимъ на нѣсколько минутъ.

Аленъ оставшись одинъ смотрѣлъ ввысь въ залу. Ему казалось что онъ присутствуетъ при бурной сценѣ первой революціи. Англіійская выборная распря на торговой площади какого-нибудь бурга, когда кандидаты имѣютъ почти равныя шансы, результатъ сомнителенъ, страсти возбуждены, весь буртъ въ междоусобной борьбѣ—есть мирная сцена сравнительно со зрѣлищемъ Биржи.

Быки и медвѣди * съ ревомъ, крикомъ и жестами какъ будто желающіе задушить другъ друга, все это вмѣстѣ представлялось непосвященному глазу какимъ-то смятеніемъ, какимъ-то Вавилономъ, что казалось совершенно невозможно примирить съ идеей о меркантильныхъ сдѣлкахъ купли и продажи акцій и процентныхъ бумагъ. Пока Аленъ глядѣлъ въ изумленіи онъ почувствовалъ легкое прикосновеніе, и оглянувшись увидѣлъ Англичанина.

— Оживленная сцена, шелпнулъ мистеръ Веэль. — Это сердце Парижа: оно бьется очень шумно.

— Ваша Лондонская биржа похожа на это?

— Не могу сказать; на нашу *Exchange* лублика вообще не допускается; привилегированные жрецы этого храма совершаютъ свои жертвоприношенія въ замкнутомъ святилищѣ, откуда звуки производимые при операціи не достигаютъ ушей профановъ. Но еслибъ у насъ была биржа подобно этой открытая для всего свѣта и помѣщенная не въ той части нашей столицы что неизвѣстна людямъ моды, а въ какомъ-нибудь элегантномъ скверѣ въ Сентъ-Джемсѣ или на углу Гайдъ-Парка, я подозреваю что тогда нашъ національный характеръ потерпѣлъ бы сильное измѣненіе, и что всѣ наши дѣлвщцы и спортсмены появлялись бы тамъ ежедневно съ записными книжками отмѣчая лари, вмѣсто того чтобы скучая ждать долгіе мѣсяцы скачекъ въ Донкастерѣ или Дарби. Теперь у насъ мало кто бываетъ на скаковомъ кругу; тогда мало кто бы не былъ на биржѣ, особливо еслибы мы приняли вашъ законъ и могли придумать способъ дѣлаться торговцами не рискуя обанкру-

* Спекуляторы на повышение и пониженіе процентныхъ бумагъ на биржѣ.

тяться. Наполеонъ I называлъ насъ націей торгашей. Наполеонъ III научилъ Францію превосходить насъ во всемъ, и сдѣлалъ Парижъ несомнѣннымъ городомъ лавочниковъ.

Аленъ вспомнилъ о Раулѣ и Энгерранѣ, и покраснѣлъ при мысли что то что онъ считаетъ пятномъ для его соотечественниковъ было такъ ясно видно для глѣзъ иностранца.

— И императоръ поступилъ благоразумно, по крайней мѣрѣ для настоящаго времени, продолжалъ Англичанинъ съ болѣе задумчивымъ выраженіемъ.— Онъ нашелъ такимъ образомъ исходъ для того опаснѣйшаго класса парижскаго общества что образовался вслѣдствіе дробленія собственности, для толпы молодыхъ людей хорошаго происхожденія, смѣлыхъ, безъ состоянія и профессіи. Онъ открылъ биржу говоря: „Здѣсь я даю вамъ занятіе, средства къ жизни и будущность.“ Онъ расчистилъ доступы въ торговлю и промышленность и открылъ новые пути богатства для дворянства которое великая революція такъ безразсудно сдѣлала нищими. Гдѣ другой путь къ восстановленію дворянства во Франціи и средства для него получить власть съ возвышеніемъ богатства? А для сколькихъ сторонъ вашего національнаго характера Парижская Биржа имѣетъ магнетическую притягательность! Вы Французы такъ храбры что не можете быть счастливы не встрѣчая опасности лицомъ къ лицу, такъ жаждете отличій что истомились бы безъ порываній *coute que coute* къ знаменитости и красной ленточкѣ. Опасность! Взгляните внизъ на эту арену—она тамъ; опасность ежедневная, ежечасная. Но тамъ также и слава; побѣдите на биржѣ, какъ въ старину на турнирѣ, и палadini улыбаются вамъ, дамы награждаютъ васъ своими шарфами, или, что почти то же самое, позволяютъ вамъ покупать ихъ кашмиры. Что слѣдуетъ за выигрышемъ на Биржѣ? Палата, Сенатъ, крестъ, министерскій портфель. Я бы могъ восхищаться всѣмъ этимъ ради Европы еслибъ это могло быть продолжительно и не влекло за собою неизбѣжныхъ послѣдствій сопряженной съ этимъ деморализаціи. Биржа и *Crédit Mobilier* держатъ Парижъ въ покоѣ, по крайней мѣрѣ насколько это возможно. Это тайна великолѣпнаго царствованія. Это два лежащіе льва на которыхъ покоится тронъ восстановителя имперіи.

Аленъ слушалъ изумленный и пораженный. Онъ не ждалъ встрѣтить въ Англичанинѣ такой умъ какой эти разсужденія обнаруживали.

Въ это время Лемерсье подошелъ къ нимъ и пожалъ руку Грагаму Вену, который отвелъ его въ сторону сказавъ:

— Вѣдь вы обѣщали отправиться въ Булонскій лѣсъ и удовлетворить моему безумному любопытству касательно дамы въ стро-жемчужномъ платьѣ.

— Я не забылъ этого; но теперь еще нѣтъ половины трепяго; вы сказали въ три. *Soyez tranquille*; я ѣду туда съ Буржи вмѣстѣ съ Ротбрианомъ.

— Развѣ необходимо брать съ собой этого красиваго маркиза?

— Кажется вы сказали что не ревнуете потому что не влюблены. Но если Ротбрианъ внушаетъ вамъ опасенія какъ не можетъ возбудить вашъ покорѣннѣйшій слуга, то я постараюсь чтобъ онъ не видѣлъ этой дамы.

— Нѣтъ, сказалъ Англичанинъ;—я разумѣется долженъ быть много обязанъ всякому въ кого она влюбится. Это разочаруетъ меня. Возьмите маркиза во всякомъ случаѣ.

Между тѣмъ Аленъ взглянувъ опять внизъ увидалъ какъ разъ подъ собою, прислонившагося къ одной изъ колонокъ Луціана Дюлеси. Онъ стоялъ отдѣльно отъ толпы—около него было небольшое пустое пространство—и съ нимъ разговаривали два человѣка повидимому принадлежавшіе къ большому свѣту. Дюлеси здѣсь не былъ похожъ на Дюлеси въ ресторанѣ. Трудно было бы объяснить въ чемъ была перемѣна, но она поразила Алена: въ осанкѣ было больше достоинства, въ выраженіи больше остроты; видно было сознание силы и власти надъ человѣкомъ даже на этомъ разстояніи; напряженное, сосредоточенное разумѣніе во взглядѣ, сжатые губы, рѣзкія черты лица, выпуклый массивный лобъ—произвели бы впечатлѣніе на самаго обыкновеннаго наблюдателя. Дѣйствительно, этотъ человѣкъ былъ здѣсь въ своей родной стихіи, на полприщѣ гдѣ его разумъ блестялъ, повелѣвалъ и провѣлялъ себя посадовательными торжествами. Такова же должна быть перемѣна въ великомъ ораторѣ, котораго вы почитали незначительнымъ человѣкомъ въ гостиной, въ то время когда онъ возвышается надъ почтительными слушателями; или въ великомъ полководцѣ, кого нельзя было отличить отъ субалтернъ-офицера въ какомъ-нибудь мирномъ клубѣ, еслибы вамъ довелось увидеть его раздающимъ приказанія своимъ алы-тантамъ посреди дыма и рева поля битвы.

— А, маркизъ! сказалъ Грагамъ Венъ,—вы смотрите на

Дюлесси? Это повѣшій парижскій гений. Онъ въ одно и то же время и Кузенъ, и Гизо, и Викторъ Гюго спекуляци. Философія, красноречіе, смѣлый вымыселъ, вся литература теперь поглощена великимъ эпосомъ ажіотажа, и Дюлесси поэтъ имперіи.

— Славно сказано, monsieur Грамъ Ванъ, воскликнулъ Фредерикъ забывая недавній урокъ произношенія англійскихъ именъ.—Адепъ уважаетъ этого великаго человѣка. Какъ могъ Англичанинъ такъ хорошо оцѣнить его!

— *Ma foi!* возразилъ Грагамъ спокойно,—я учусь думать въ Парижѣ чтобы равно или поздно умѣть дѣйствовать въ Лондонѣ. Пора однако въ Лѣсъ. Лемерсье, мы видимся въ семь у Филиппа.

Г Л А В А V.

— Чтò ты думаешь о Биржѣ? спросилъ Лемерсье когда карета ихъ покатила въ направленіи къ Лѣсу.

— Я еще не могу думать о ней теперь; я пораженъ. Мнѣ представляется что я побывалъ на шабашѣ, гдѣ вмѣсто колдуновъ были *agents de change*, но не мнѣе тѣхъ склонные возносить сатану.

— Лучшее заклинаніе отъ сатаны, это разбогатѣть чтобы избѣгнуть его соблазновъ. Дьяволъ всегда любилъ посѣщать пустыя мѣста, а въ настоящее время онъ всѣмъ мѣстамъ предпочитаетъ лустые кошельки и лустые желудки.

— Но развѣ всѣ богатѣютъ на Биржѣ? И не есть ли богатство одного человѣка раззореніе для многихъ другихъ?

— На этотъ вопросъ не такъ-то легко отвѣтить; но при настоящей системѣ Парижъ богатѣетъ, хотя бы на счетъ отдѣльныхъ Парижанъ. Постараюсь объяснить тебѣ это. Роскошь непомерно увеличилась даже за мое время; на чтò прежде смотрѣли какъ на утонченность и прихоть, теперь называютъ необходимымъ комфортомъ. Цѣны возрасли непомерно; доходы съ домовъ удвоились въ послѣднія пять или шесть лѣтъ; всѣ предметы роскоши стали гораздо дороже; даже перчатки чтò я ношу стоятъ на двадцать процентовъ дороже чѣмъ я всегда платилъ за перчатки того же качества. Какимъ образомъ живутъ люди которыхъ мы встрѣчаемъ, и живутъ хорошо, это загадка, и ее не рѣшилъ бы и Эдиль не будучи

самъ Парижаниномъ. Но главнѣйшее объясненіе есть слѣдующее: спекуляція и торговля, съ легкостью доставляемою помещенію капиталовъ, дѣйствительно открыли болѣе многочисленныя и краткіе пути къ обогащенію чѣмъ извѣстны нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Такимъ образомъ въ Парижъ привлекаются цѣлыя толпы рѣшившіяся рискнуть небольшимъ капиталомъ въ чаяніи пріобрѣсти большіе; они какъ игроки проживаютъ не доходы, а самыя капиталы. У насъ есть убѣжденіе что необходимо казаться богатымъ чтобы стать богатымъ. Отсюда происходитъ всеобщая расточительность и мотовство. Англіійскіе милорды дивятся нашей роскоши. Тѣ кто проживая капиталы какъ доходъ терпятъ неудачу своихъ плановъ на богатство, послѣ одного, двухъ, трехъ, четырехъ лѣтъ исчезаютъ. Чтò дѣлается съ ними я такъ мало знаю какъ и то чтò дѣлается со старымъ мѣсяцемъ. Убыль ихъ тотчасъ же восполняется новыми кандидатами. Такимъ образомъ Парижъ постоянно поддерживаетъ свою пышность и великолѣпіе золотомъ которое поглощаетъ. Нѣкоторые люди имѣютъ успѣхъ, успѣхъ громадный, сверхъестественный; они составляютъ колоссальныя состоянія, и тратятъ ихъ великолѣпно. Они даютъ примѣръ пышности и роскоши, чтò разумѣется чрезвычайно заразительно. Потому что многіе начинаютъ говорить: „еще вчера эти миліонеры были также бѣдны какъ мы; они никогда не экомничали, для чего же намъ дѣлать это?“ Такимъ образомъ Парижъ обогащается двоякимъ: состояніями какія онъ поглощаетъ и тѣми какія выдѣляетъ изъ себя; послѣднія всегда возобновляются, первыя же пропадають только для отдѣльныхъ лицъ.

— Понимаю; но чтò меня поразило въ только-что видѣнномъ сценѣ, это множество молодыхъ людей, молодыхъ людей которыхъ по виду я счелъ бы за джентльменовъ; они очевидно не простые зрители тамъ: они горячатся, хлопчуть съ записными книжками въ рукахъ. Я понимаю что старики и люди среднихъ лѣтъ могутъ стремиться къ жививъ, но молодость и жадность представляется для меня новымъ соединеніемъ о которомъ не догадывался Мольеръ въ своемъ *Ажуполь*.

— Молодые люди, въ особенности если они молодые дворяне, любятъ удовольствія; а удовольствія очень дороги въ здѣшнемъ городѣ. Этимъ объясняется почему такъ много

молодыхъ людей посвящаетъ Биржу. У прежнихъ игорныхъ столовъ, теперь запрещенныхъ, молодые люди составляли большинство; во дни твоихъ рыцарскихъ предковъ, молодые люди, а не старики, готовы были ставить свои мантіи и мечи въ игру въ кости. И это довольно естественно, *mon cher*; не есть ли юность лора надежды, а надежда богиня азартной игры, будь то *rouge et noir* или биржевая игра?

Аленъ болѣе и болѣе чувствовалъ себя отставшимъ отъ своего поколѣнія. Остроумное разсужденіе Лемерсье смирило его самолюбіе. Въ школѣ Лемерсье никогда не могъ равняться съ Аленомъ по способностямъ и прилежанію. Какъ далеко теперь шагнулъ впередъ Лемерсье предъ своимъ школьнымъ товарищемъ! Какимъ скучнымъ и глупымъ чувствовалъ себя молодой провинціалъ при сравненіи съ живымъ умомъ и логическѣйшею философіей быстрой рѣчи Парижанина!

Онъ вздохнулъ съ грустною, но великодушною завистью. Онъ обладалъ слишкомъ тонкимъ врожденнымъ пониманіемъ чтобы не признать что есть аристократія ума также какъ и аристократія происхожденія, и онъ чувствовалъ что въ первой Лемерсье могъ занять мѣсто впереди Рошбріана; но смиреніе его доказывало что онъ слишкомъ мало цѣнилъ себя.

Лемерсье превосходилъ его не умомъ, но опытностью. Подобно тому какъ выученный солдатъ кажется большимъ молодцомъ чѣмъ новичокъ рекрутъ, потому что умѣетъ хорошо держаться, но послѣ годовой выправки новичокъ рекрутъ можетъ превзойти воинственнымъ видомъ стройнаго героя которому онъ такъ безнадежно удивляется не мечтая никогда сравняться съ нимъ; такъ точно перенесите деревенскій умъ въ столичную выpravку и посмотрите на него черезъ годъ; онъ можетъ на цѣлую голову перерости своего сержанта-вербовщика.

Г Л А В А VI.

— Я думаю, сказалъ Лемерсье, когда ихъ карета катилась по оживленнымъ аллеямъ Булонскаго лѣса,—что Парижъ построенъ на магнитномъ камнѣ, и что каждый Французъ съ нѣсколькими шариками желѣза въ крови неудержимо притягивается къ нему. Англичане повидимому вовсе не чувствуютъ къ Лондону той страстной привязанности какую мы чувствуемъ къ Парижу. Напротивъ, лондонскій средній классъ,

торговцы, лавочники, клерки, даже высшіе ремесленники принужденные дѣлать свои дѣла въ столицѣ, кажется всегда мечтаютъ и стремятся имѣть свой домъ внѣ ея, хотя бы въ предмѣстьи.

— Ты былъ въ Лондонѣ, Фредерикъ?

— Разумѣется; теперь мода посѣщать сію скучную и ужасную столицу.

— Если она скучна и ужасна, то не удивительно что люди принужденные работать въ ней ищутъ домашнихъ радостей внѣ ея.

— Чрезвычайно забавно что хотя средніе классы вполнѣ управляютъ скучнымъ Альбіономъ, но это единственная страна въ Европѣ гдѣ средніе классы кажется не имѣютъ развлеченій; мало того, они издаютъ законы противъ развлеченій. У нихъ нѣтъ другихъ свободныхъ дней кромѣ воскресенья; и въ этотъ день они запираютъ свои театры, даже музеи и картинныя галлерей. Развлеченія какія есть въ Англіи существуютъ для высшаго и низшаго классовъ.

— А въ чемъ состоятъ развлеченія низшихъ классовъ?

— Наливаться.

— И только?

— Да; я былъ разъ ночью введень лодъ покровительствомъ полицмеза въ литейный домъ, гдѣ напелъ толпу людей слоемъ ниже рабочаго люда: парней чистящихъ лошадей нищихъ, и, какъ мнѣ сказали, воровъ, дѣвокъ съ которыми служанка не стала бы говорить; они были очень веселы, танцовали кадрили и вальсы и угощались сосисками; счастливіишіе ловидимому люди какихъ я встрѣчалъ въ Лондонѣ, и я долженъ сказать что вели они себя очень прилично. А! При этомъ Демерсье дернулъ шнурокъ. — Ты не откажешься пройти по этой тихой аллеѣ? Я вижу особу о которой общалъ узнать Англичанину... Только берегись, Аленъ, смотри не влюбись въ нее.

ГЛАВА VII.

Дама въ сѣро-жемчужномъ платьи! Несомнѣнно это было лицо которое могло оставить на себѣ взоръ и надолго остаться въ памяти.

Есть красавицы-женщины, также какъ и красавцы-мущины, въ чемъ лицъ нельзя найти недостатка, которыя выдѣляютъ

изъ всякаго общества гдѣ бываютъ, но которыя почему-то не внушаютъ чувства, не возбуждаютъ интереса; въ нихъ недостаетъ какого-то выраженія, ума или души или сердца, безъ котораго самое красивое лицо есть только красивая картинка. Эта дама не принадлежала къ числу такихъ красавицъ. Черты ея лица взятыя сами по себѣ ни въ какомъ случаѣ не были совершенствомъ, румянецъ не украшалъ ихъ. Но выраженіе лица дѣйствовало на воображеніе внушая увѣренность что оно связано съ какою-то исторіей которую вы чувствовали сильнѣйшее желаніе узнать. Волоса гладко причесанные на двѣ стороны надо лбомъ, необычно большимъ и высокимъ для женщины, были роскошнаго чернаго цвѣта; глаза темноватые съ фіолетовымъ оттѣнкомъ были отѣнены длинными ресницами. Выраженіе ихъ было мягкое и печальное, но не наблюдающее. Она не замѣтила Алена и Лемерсье когда оба медленно прошли мимо нея. Она казалась сосредоточенною и глядѣла въ пространство какъ человѣкъ углубившійся въ свои мысли или мечтанія. Цвѣтъ лица ея былъ свѣтлый и блѣдный, и по видимому свидѣтельствовалъ о слабомъ здоровьи.

Лемерсье сѣлъ на скамью баиузъ дорожки и пригласилъ Алена сдѣлать то же.

— Она скоро вернется по этой аллеѣ, и мы можемъ внимательно и съ бѣльшимъ удобствомъ наблюдать ее сидя кегели на ходу; а пока что ты думаешь о ней? Француженка или Итальянка? Или можетъ-быть Англичанка?

— Я бы счелъ ее за Итальянку судя по темному цвѣту волосъ и очерку лица; но бываетъ ли у Итальянокъ такой свѣтлый цвѣтъ лица?

— Очень рѣдко; и я бы скорѣи готовъ считать ее Француженкой, судя по умному выраженію лица, простотѣ и изяществу ея платья, и по невыразимо изящной манерѣ держаться, въ чемъ Француженки превосходятъ всѣхъ дочерей Европы, еслибы только не ея глаза. Я никогда не видалъ у Француженокъ глазъ такого страннаго синяго оттѣнка; и будь у Француженки такіе глаза я увѣренъ что она едва ли бы пропустила насъ не сдѣлавъ изъ нихъ надлежащаго употребленія.

— Какъ ты думаешь, она замужняя? спросилъ Алень.

— Полагаю, потому что дѣвушка, будь она *comme il faut*, два ли бы рѣшилась гулять одна въ Лэсу, и у нея не было бы такого умнаго взгляда, больше чѣмъ умнаго, поэтическаго.

— Но взгляни на эту осанку полную несомнѣннаго достоинства, взгляни на это выраженіе лица, такое дѣвственное, чистое, она не можетъ не быть *comme il faut*.

Когда Аленъ пробормоталъ эти слова дама, вернувшись, приближалась къ нимъ, и они могли хорошо разсмотрѣть ее. Она какъ и прежде казалось не сознавала ихъ присутствія и Лемерсье замѣтилъ что губы ея шевелились какъ будто онъ беззвучно шептала что-то про себя.

Она не возвратилась еще разъ, но продолжала свой путь прямо до конца аллеи, гдѣ сѣла въ ожидавшій ея экипажъ и поѣхала.

— Живо, живо! вскричалъ Лемерсье направляясь бѣгомъ къ своей каретѣ.—Мы должны догнать ее.

Аленъ съ меньшею послѣдностью посаживалъ за нимъ согласно наставленію данному уже Лемерсье своему кучеру. Карета Парижанина катилась во всю прыть во свѣдѣ экипажа неизвѣстной дамы, бывшаго все еще въ виду.

Меньше чѣмъ черезъ двадцать минутъ карета за которой они гнались остановилась у рѣшетки одной изъ тѣхъ очаровательныхъ маленькихъ виалъ что встрѣчаются въ прекрасномъ предмѣстьи А.; привратникъ выйдя изъ своей ложи отворилъ ворота; карета въѣхала на дворъ, остановилась у дверей дома, и молодые люди не замѣтили даже платья незнакомки какъ она вышла изъ экипажа и скрылась въ домъ.

— Я вижу вонъ тамъ кафе, сказалъ Лемерсье,—пождемъ узнавать все что возможно о прекрасной незнакомкѣ за шербетомъ или за рюмкой.

Аленъ молча и безъ колебанія согласился. Онъ чувствовалъ къ незнакомой красавицѣ какой-то новый для себя интересъ.

Они вошли въ маленькій кафе, и въ нѣсколько минутъ Лемерсье съ легкимъ *savoir vivre* Парижанина выведалъ отъ гарсона вѣроятно все что только было извѣстно въ сосѣдствѣ относительно обитателей виалы.

Она была нанята и отдѣлана мѣсяца за два на имя сибирячки Веносты; но, по разказамъ слугъ, эта дама казалось была гувернантка или полечительница другой, гораздо моложе, на чьи средства нанималась квартира и велось домашнее хозяйство.

Для нея-то нанималась карета изъ Парижа. Старшая изъ дамъ рѣдко выходила изъ дому днемъ, но всегда сопровождала младшую въ вечернихъ выѣздахъ въ театръ или къ знакомымъ.

Выѣзды эти начались только въ послѣднія недѣли. Младшая дама была слабого здоровья и лѣчилась у доктора Англичанина знаменитаго по груднымъ болѣзнямъ. По его-то совѣту она дѣлала ежедневныя прогулки въ Лѣсу. Въ домѣ было трое слугъ, всѣ Италіяны, говорившіе плохо по-французски. Гарсонъ не зналъ была ли которая-нибудь изъ этихъ дамъ замужемъ, но жизнь ихъ не подавала никакого повода къ сплетнямъ и подозрѣніямъ; онѣ вѣроятно принадлежали къ литературному или музыкальному міру, такъ какъ гарсонъ видалъ что у нихъ бывають знаменитый писатель г. Саваренъ съ женою; и, еще чаще, одинъ старикъ, не менѣе знаменитый какъ музыкальный композиторъ.

— Телерь для меня ясно, сказалъ Лемерсье когда друзья снова сѣли въ карету, — что нашъ жемчужный ангелъ италіанская пѣвица которая приобрѣла уже достаточную извѣстность на родинѣ чтобы жить своими доходами, а телерь вслѣдствіе разстроеннаго здоровья своего или своего друга живетъ здѣсь тихо въ ожиданіи ангажемента или въ отсутствіе любовника иностранца.

— Любовника! ты такъ думаешь? воскликнулъ Аленъ голосомъ въ которомъ слышалось огорченіе.

— Это довольно вѣроятно; и въ этомъ случаѣ Англичаникъ мало можетъ извлечь для себя пользы изъ тѣхъ свѣдѣній что я обѣщаль сообщить ему.

— Ты обѣщаль Англичанину?

— Развѣ ты не помнишь вчера вечеромъ онъ описываль эту даму и говорилъ что ея лицо преслѣдуетъ его, и я...

— А! телерь вспомнилъ. Чтѣ ты знаешь про этого Англичанина? Онъ кажется богатъ.

— Да, я слышаль что телерь онъ очень богатъ; дядя недавно оставилъ ему огромный капиталъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ состоялъ при англійскомъ посольствѣ, этимъ объясняется его правильный французскій языкъ и знаніе парижской жизни... Онъ часто пріѣзжаетъ въ Парижъ, и я знаю его уже давненько. Онъ навязаль мнѣ поистинѣ трудное и деликатное порученіе. Англичане сказывали мнѣ что отецъ его былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ членовъ ихъ парламента, древняго рода, имѣль родство съ самымъ высшимъ кругомъ, но потеряль все свое состояніе и умеръ въ бѣдности; кругъ нашъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ поддерживаль себя, кажется, писательствомъ; его считаютъ очень способнымъ;

теперь когда онъ разбогатѣлъ чрезъ дядю онъ кажется готовъ вступить въ публичную дѣятельность, гдѣ ему предстоитъ такая же знаменитая карьера какъ его отца.

— Счастливецъ! счастливые Англичане, сказалъ Алень со вздохомъ.

Карета вѣхала теперь въ Парижъ; Алень, ссылаясь на приглашеніе, простился со своимъ другомъ и пошелъ задумчиво своимъ путемъ по люднымъ улицамъ.

Г Л А В А VIII.

Письмо Изавры Чигоньи къ г-ду де-Грамментамъ.

Вилла Д'—, А...

Не могу выразить вамъ, милая Евлалія, какимъ новымъ очарованіемъ письма ваши наполняютъ мой бѣдный, маленький, удивленный міръ цѣлые дни послѣ того какъ они получены. Въ нихъ всегда есть что-то что утѣшаетъ, поддерживаетъ, но въ то же время тревожитъ и беспокоитъ меня. Мнѣ кажется Гёте правъ что „позвія истиннаго генія возмущаетъ всѣ установленныя идеи“, для того, безъ сомнѣнія, чтобы поднять ихъ на высшій уровень, гдѣ онъ снова устанавливаются.

Очеркъ вашего новаго труда что вы обдумываете среди альпскаго рощей Прованса сильно интересуется меня; но простите если я скажу что интересъ этотъ сопровождается ужасомъ. Я не въ состояніи понять какимъ способомъ, среди милыхъ красотъ природы, умъ вашъ добровольно окружаетъ себя образами печали и разлада. Меня поражаетъ спокойствіе съ какимъ вы подвергаете анализу недостатки разума и волненія страстей. И всѣ законы общественнаго устройства которые кажутся мнѣ такими установленными и неподвижными, вы трактуете съ такимъ спокойнымъ пренебреженіемъ какъ будто бы это были тонкія нити висящія въ воздухѣ которыя можетъ смести одно прикосновеніе вашей слабой женской руки. Но я не рѣшаюсь спорить съ вами о подобныхъ предметахъ. Только искусный заклинатель можетъ безстрашно стоять въ волшебномъ кругу, принуждая вызванныхъ имъ духовъ, будь они даже злые, направляться къ такому концу гдѣ онъ предвидитъ добро.

Мы продолжаемъ жить здѣсь очень тихо, и я до сихъ поръ не ощущаю дурнаго вліянія болѣе холоднаго климата. Чудесный докторъ мой, рекомендованный мнѣ какъ Американецъ, но оказавшійся Англичаниномъ, говоритъ что одной зимы проведенной здѣсь подъ его надзоромъ будетъ достаточно для совершеннаго выздоровленія. Но та карьера для приготовленія къ которой было посвящено столько лѣтъ не представляется мнѣ уже теперь такой соблазнительною какъ прежде.

Многое имѣю я сказать объ этомъ предметѣ, но откладывая лока не буду въ состояніи лучше собрать свои мысли; теперь онѣ сбивчивы и находятся въ борьбѣ. Великій маэстро былъ чрезвычайно милостивъ.

Въ какой сіяющей атмосферѣ живетъ и дышитъ его геній! Даже въ цинической манерѣ его, въ самомъ его цинизмѣ звучитъ веселая музыка—смѣхъ Фигаро, а не Мефистофеля.

На прошлой недѣлѣ мы обѣдали у него; онъ пригласилъ также гжу S—, которая въ нынѣшнемъ году затмила всѣхъ соперницъ и царствуетъ одна, великую S—; г. T., пианиста съ удивительными задатками, вашего друга Саварена, остряка, критика и поэта, съ его милою умною женой, и еще нѣсколькихъ о комъ маэстро сообщалъ мнѣ шепотомъ что это авторитеты печати. Послѣ обѣда S— пѣла, разумѣется, великолѣпно. Потомъ она милостиво обратилась ко мнѣ, сказала какъ много слышала обо мнѣ отъ маэстро и т. п. Я принуждена была тоже пѣть послѣ нея. Незачѣмъ говорить къ какой невыгодѣ для себя. Но я забыла свои нервы, забыла своихъ слушателей, забыла себя, какъ это всегда бываетъ когда душа моя окриленная музыкой поднимается въ воздухъ не чувствуя земли. Я не знала что имѣла успѣхъ пока не кончила, и тогда остановивъ глаза на великой примадонѣ я почувствовала невыразимую грусть, острую боль раскаянія. Несмотря на то что она великая артистка и царитъ въ своей области искусства, гдѣ нѣтъ ей равныхъ, я сразу увидѣла что огорчила ее; лицо ея совершенно измѣнилось, губы дрожали, и только съ большимъ усиліемъ она пробормотала нѣсколько невнятныхъ словъ долженствовавшихъ выразить одобреніе. Я инстинктивно поняла какъ постепенно можетъ обладѣвать умомъ артиста, даже самаго великодушнаго, зависть при которой опасеніе соперничества уничтожаетъ наслажденіе искусствомъ. Если я когда-нибудь достигну славы S— какъ пѣвица, буду ли и я чувствовать ту же зависть? Я теперь думаю что нѣтъ, но я

еще не подвергалась испытанію. Она внезапно уѣхала. Я избаваю васъ отъ повторенія комплиментовъ сказанныхъ мнѣ другими слушателями, комплиментовъ которые не доставили мнѣ удовольствія; потому что въ устахъ всѣхъ, исключая маэстро, въ нихъ какъ высшая похвала разумѣлось то что я причинила мученія S— „Если такъ, сказалъ онъ, то она также неразумна какъ роза которая позавидовала бѣлизнѣ лиліи. Вы были бы вполне неправы предъ собою, дитя мое, еслибы попытались соперничать съ розою относительно ея цвѣта“.

Говоря это онъ потрелалъ меня по наклоненной головѣ съ царственно отеческою нѣжностью. „А все-таки, сказалъ Саваренъ, когда лилія явится въ свѣтъ, она подвергнется ожесточеннымъ нападкамъ со стороны клики предавшой розѣ; *la revanche* образуется клика лиліи, и я предвижу горячую газетную войну. Не страшитесь ея первыхъ взрывовъ. За всякую сколько-нибудь цѣнную славу приходится бороться.“

Такъ ли это? приходилось вамъ бороться за вашу славу, Еваллія, и не ненавидите ли вы также какъ и я всякую распри?

Кромѣ этого, единственнымъ нашимъ развлеченіемъ со времени моего послѣдняго письма былъ вечеръ у Лувье. Этотъ милліонеръ-республиканецъ не остался невнимателенъ къ моему доброму письму въ которомъ вы рекомендовали мнѣ его любезности. Онъ тотчасъ явился къ намъ съ визитомъ, предложилъ намъ свои услуги, позаботился о моемъ скромномъ достаткѣ, который помѣстилъ надѣюсь также надежду какъ это выгодно, наваялъ для насъ экипажъ, короче, былъ какъ только возможно любезенъ и полезенъ.

Въ его домѣ многія встрѣчи были для меня пріятны, они говорили съ такимъ неподдѣльнымъ восторгомъ о васъ и о вашихъ сочиненіяхъ. Но тамъ были другіе кого бы я какъ не ожидала встрѣтить подъ кровлею Креза у котораго съ существующимъ порядкомъ вещей связаны такіе значительные интересы. Одинъ молодой человекъ, дворянинъ котораго онъ въ особенности рекомендовалъ мнѣ какъ политическаго стоящаго во главѣ дѣлъ когда утвердится красная республика—спросилъ не согласна ли я что всякая частная собственность есть общественный грабежъ и что величайшій врагъ цивилизаціи есть религія, въ какой бы ни являлась она формѣ.

Онъ обратился ко мнѣ съ этими ужасающими вопросами

извѣженно сюсюкая и сопровождая свои разглагольствія слабыми жестами своихъ блѣдыхъ изящныхъ пальцевъ покрытыхъ перстнями.

Я спросила его много ли во Франціи такихъ кто раздѣляетъ ея идеи.

— Совершенно достаточно чтобы провести ихъ когда придетъ время, отвѣчалъ онъ съ высокомерною улыбкой.—И можетъ-быть ближе чѣмъ думаетъ міръ тотъ день когда мои товарищи будутъ такъ многочисленны что имъ придется перестрѣлять другъ друга ради сыра къ своему хлѣбу.

День этотъ ближе чѣмъ думаетъ міръ! Насколько можно судить по внѣшнимъ признакамъ о парижскомъ мірѣ, онъ конечно вовсе не помышляетъ о подобныхъ вещахъ. Съ какимъ видомъ самодовольства городъ-красавецъ щеголяетъ своими богатствами! Кто глядя на его великолѣпные дворцы, роскошные магазины, повѣритъ что этотъ городъ станетъ внимать ученіямъ отрицающимъ права частной собственности; или кто войдя въ его многолюдные храмы станетъ грезить о возможности снова утвердиться здѣсь республикѣ черезчуръ цивилизованной для того чтобы имѣть религію?

Прощайте. Простите меня за это мрачное письмо. Если я писала о многомъ что даже меня мало интересуетъ, то это изъ желанія отвлечь свои мысли отъ вопроса который больше всего интересуетъ меня и о которомъ мнѣ въ особенности нуженъ ваше совѣтъ. Попытаюсь коснуться его въ слѣдующемъ письмѣ.

Изабра.

Отъ той же къ той же.

Евладія, Евладія! Какому насмѣшливому духу было дозволено въ наше время вселить въ сердце женщины честолюбіе, эту принадлежность мужчины? Вы, такъ богато одаренная мужскимъ гениемъ, имѣете право на мужскія стремленія. Но что можетъ оправдать подобное честолюбіе во мнѣ? Ничто кромѣ неразумнаго и скоропреходящаго дара голоса который правится лишь выражая мысли другихъ. Безъ сомнѣнія, я могла бы составить себѣ имя которое заняло бы на короткое время европейскіе толки—имя, какое имя? имя львицы. Было время когда я считала такое имя

†

славнымъ. Могу ли я забыть когда-нибудь тотъ день въ который вы впервые озарили меня; когда выйдя изъ дѣтства какъ съ темной и уединенной тропинки я стояла потерянно на великомъ распутіи жизни, и предо мною предстали всѣ пути какъ бы омраченные дождемъ и туманомъ? Вы освѣтили меня тогда подобно солнцу выходящему изъ тучъ и измѣняющему лицо земли; вы открыли для моихъ взоровъ волшебную страну поэзіи и искусства; вы взяли меня за руку и сказали: „Смѣлѣе! На каждомъ шагѣ есть выходъ изъ оградъ, споконубѣжище куда можно укрыться съ каменной битой дорожки. Рядомъ съ жизнью дѣйствительною открывается жизнь идеальная для тѣхъ кто ищетъ ее. Не робѣй, ищи ее: идеальная жизнь имѣетъ свои огорченія, но въ ней нѣтъ мѣстъ отчаянію; какъ для слуха того кто слышитъ за шумящимъ бѣгомъ ручья, ручей вѣчно мѣняетъ тонъ своей музыки, то шумно стремясь по уступамъ, то тихо и спокойно скользя въ ровень со покойными берегами, то вздыхая шевеля тростники, то весело журча когда какой-нибудь изгибъ берега задерживаетъ его бѣгъ по блестящимъ камушкамъ;—таковъ для души артиста голосъ искусства вѣчно звучащій за нимъ и впереди его. Природа одарила тебя птичьимъ даромъ лѣнія—возвысь этотъ даръ до искусства и сдѣлай искусство своимъ спутникомъ. Искусство и надежда родились близнецами и умираютъ они вмѣстѣ.“

Видите какъ вѣрно я помню самыя ваши слова. Но волшебная сила словъ, которую я лишь смутно понималъ тогда, была въ вашей улыбкѣ и въ вашемъ взглядѣ и въ дарственномъ движеніи руки какъ бы указывавшемъ на міръ нежившій предъ вами, видимый и близко знакомый вамъ какъ родная земля. И съ какою преданностью, съ какою серіозною страстью я принялась возводить даръ мой на степенъ искусства! Я ни о чемъ больше не думала, ни о чемъ не мечтала; о, какъ сладки мнѣ были тогда слова похвалы! „Еще годъ, сказали наконецъ учителя, и вы воздвигните свой тронъ среди царей лѣнія.“ Тогда, тогда я не промѣняла бы ни на какой тронъ на землѣ надежду достигъ его въ области моего искусства. Затѣмъ послѣдовала эта продолжительная горячка; силы мои были разбиты, и маэстро сказалъ: „отдохните, или голосъ вашъ пропадетъ, и тронъ вашъ потерявъ на вѣки“. Какъ ненавистенъ казался мнѣ этотъ отдыхъ! Вы опять пришли

мнѣ на помощь. Вы сказали мнѣ: „время что ты считаешь потеряннымъ должно быть употреблено съ пользою. Обогащай свой умъ другими лѣтсами чѣмъ тѣ лустяки какими наполнены оперныя либретто. Чѣмъ больше ты привыкнешь къ формѣ, чѣмъ больше проникнешься духомъ въ какихъ великіе писатели выражали страсти и раскрывали характеры, тѣмъ совершеннѣе ты приготовишься къ собственному спеціальному искусству лѣвицы и актрисы.“ Такимъ образомъ вы привлекли меня къ новому ученію. О! дѣлая это мечтали ли вы что отвращаете меня отъ стараго моего честолюбія? Мое знаніе французскаго и итааліянскаго языковъ и воспитаніе въ дѣтствѣ близко познакомившее меня съ англійскимъ дали мнѣ ключи къ сокровищницамъ трехъ языковъ. Естественно я начала съ того на которомъ написаны ваши превосходныя творенія. До тѣхъ лоръ я не читала даже вашихъ сочиненій. Я прежде всего выбрала ихъ. Какое сильное впечатлѣніе произвели они и какъ изумили меня, какія глубины мужскаго ума и женскаго сердца они раскрыли мнѣ! Но я тогда же созналась вамъ, и повторяю это теперь что ни они и ни одинъ изъ романовъ и повѣстическихъ произведеній которыми гордится новѣйшая французская литература не удовлетворили исканія того спокойнаго чувства красоты, той божественной радости въ мірѣ превышающемъ этотъ міръ, которыя, какъ вы увѣрили меня, составляютъ преимущество идеальнаго искусства. Когда я сказала это вамъ съ безцеремонною откровенностью, какой вы всегда требовали отъ меня, тѣнь задумчивой грусти пала на ваше лицо и вы сказали спокойно: „Ты права, дитя мое; мы, современные Французы, отпрыски революцій которыя ничего не установили, все разрушивъ; мы похожи на то возмущенное государство которое бросается во внѣшнюю войну для возстановленія мира внутри. Наши книги внушаютъ людямъ задачи для пересозданія соціальной системы, въ которой спокойствіе принадлежащее искусству можетъ быть найдено лишь въ концѣ; но такія книги не должны быть въ твоихъ рукахъ; онѣ не для молодыхъ и неопытныхъ женщинъ, еще не испорченныхъ существующими порядками.“ На другой день вы принесли мнѣ великую лѣвму Тассо *Jerusalemme Liberata* и сказали съ улыбкой: „искусство съ его локоемъ здѣсь.“

Вы помните что я тогда по предписанію доктора была въ Сорренто. Никогда не забуду я мягкаго осенняго дня когда я сидѣла посреди уединенныхъ скалъ вѣтви отъ города, предо мной лежало море едва подергиваясь рябью; вся душа моя погружалась въ мелодію этой поэмы, такой удивительной по своей силѣ прикрытой сладостью, по своей симметріи, въ которой каждая часть сливается съ другою съ такимъ же совершенствомъ какъ въ греческой статуѣ. Все мѣсто казалось мнѣ полно присутствіемъ поэта котораго оно было родной. Несомнѣнно чтеніе этой поэмы составило эру въ моемъ существованіи; до сего дня не могу я открыть въ ней погрѣшностей или слабыхъ мѣстъ на которыя вы критически указывали мнѣ, я думаю оттого что они созвучны моей собственной природѣ которая стремится къ гармоніи и найдеа успокоивается удовлетворенная. Я убѣгаю рѣзкихъ контрастовъ, но не могу открыть ничего слабаго или безвкуснаго въ непрерывной сладости и ясности. Но только перечтя *La Gerusalemme* еще и еще разъ и потомъ пораздумавъ о ней я открыла главное очарованіе поэмы въ религиозномъ чувствѣ которое проникаетъ ее какъ ароматъ неразлучный съ цвѣткомъ, чувствѣ по временамъ меланхолическомъ, но никогда не печальномъ для меня. Оно всегда проникнуто надеждой. Несомнѣнно, если, какъ вы говорили, „надежда и искусство близнецы“, то это потому что искусство въ своихъ высотахъ безсознательно сливается съ религіей и сродство съ надеждой обнаруживаетъ свою вѣрой въ грядущее благо болѣе совершенное чѣмъ то какое оно осуществило въ прошедшемъ.

Какъ бы то ни было, въ этой поэмѣ, по преимуществу христіанской, я нашла то что я жаждала найти, но не находила въ новѣйшихъ французскихъ образцовыхъ произведеніяхъ, даже вашихъ, ничто духовное, говорящее моею душѣ, вызывающее ее; отличающее ее какъ начало существующее отдѣльно отъ простаго человеческого разума; утѣшающее, даже возбуждая; приближающее землю къ небсамъ. Когда въ этомъ настроеніи я приближала къ вамъ со свойственнымъ мнѣ порывомъ, вы обняли мою голову, поцѣловали меня и сказали: „Счастливы кто вѣруетъ! Пусть это счастье долго будетъ твоимъ!“ Почему не чувствовала я въ Данте того христіанскаго очарованія какое чувствовала въ Тассо? Данте въ вашихъ глазахъ и въ глазахъ

большей части судей неизмѣримо большій геній, но отраженныя отъ мрачнаго потока его генія звѣзды такъ смутны, nebo такъ грозно.

Когда оканчивался годовой срокъ моей вакаціи я обратилась къ англійской литературѣ; и Шекспиръ разумеется былъ первый англійскій поэтъ котораго я взяла въ руки. Доказательство въ какомъ еще дѣтствѣ находился мой умъ, первое мое впечатлѣніе при чтеніи этого поэта было разочарованіе. Кромѣ того, не взирая на мое близкое знакомство съ англійскимъ языкомъ (главнѣйшимъ образомъ благодаря заботамъ того кого я зову вторымъ отцомъ), я не поняла многихъ изъ метафорическихъ выраженій Шекспира; но онъ показался мнѣ такъ похожимъ на новѣйшихъ французскихъ писателей которые претендуютъ что почерпали вдохновеніе у его музъ, потому что онъ выводитъ образы боли и страданія безъ причинъ и побужденій достаточно ясныхъ для обыкновеннаго пониманія, какъ я привыкла думать должно быть въ драмѣ.

Онъ дѣлаетъ судьбу столь жестокою что мы теряемъ изъ виду кроткое божество сокрытое за нею. Сравните въ этомъ отношеніи *Полювкта* Корнеля съ *Гамлетомъ*. Въ первой такія же бѣдствія постигаютъ добрыхъ, но въ своихъ бѣдствіяхъ они ублажаются. Смерть мученика есть торжество его вѣры. Когда же въ англійской трагедіи смерть смѣшиваетъ Гамлета и Офелію съ Полоніемъ и королемъ братоубійцей, мы не видимъ какой добрый конецъ достигнуть для человечества. Мѣста что остаются въ нашей памяти не дѣлаютъ насъ счастливѣе и лучше, они возбуждаютъ ужасныя задачи, не давая ключа къ ихъ разрѣшенію.

Въ *Горации* Корнеля есть ожесточенныя распри, грубыя страсти, слезы извлекаемыя изъ горчайшихъ источниковъ человеческой жалости; но чрезъ все это выступаетъ, крутно и видимо для глазъ каждаго зрителя, великій идеалъ преданнаго патриотизма. Какъ многое изъ того что было великаго въ жизни Франціи, искулающаго любовью къ отечеству даже самыя ужасныя преступленія революціи, имѣло свою причину въ *Горации* Корнеля. Но я сомнѣваюсь чтобы судьбы Кориолана, и Цезаря, и Брута и Антонія въ гигантскихъ трагедіяхъ Шекспира побуждали Англичанъ съ большею готовностью умереть за Англію. Словомъ, много прошло времени прежде чѣмъ, не скажу я поняла или достойно оцѣнила

Шекспира—ни одинъ Англичанинъ не допустить чтобъ я ища же вы могли когда-нибудь достичь этого—но прежде чѣмъ я могла признать справедливость того мѣста что отводить ему его соотечественники какъ поэту не имѣющему себѣ равнаго ни въ одной европейской литературѣ. Между тѣмъ горячность съ какою я принялась за ученье, утомленіе отъ душевныхъ движеній вызываемыхъ этимъ ученіемъ дали себя чувствовать возвратомъ моею прежней болѣзни, съ еще болѣе угрожающими симптомами; и по истеченіи года мнѣ велѣли отдохнуть вѣроятно еще столько же прежде чѣмъ можно будетъ гдѣтъ предъ публикой, еще менѣе появляться на сценѣ. Теперь я бы уже рада услышавъ этотъ приговоръ; потому что послѣ этого года ученья я чувствовала совершенную отчужденность отъ профессіи на которой прежде сосредоточивала свои надежды. Да, Евалія, вы велѣли мнѣ усовершенствоваться для искусства передачи изучая искусства въ которыхъ мысли рожаютъ слова ими употребляемая; и занимаясь этимъ я перешла въ другое существо. Мнѣ запретили всякое умственное утомленіе: книги были удалены отъ меня, но при мнѣ осталось *Я* созданное этими книгами. Медленно оправляясь въ теченіи лѣта я прибыла сюда два мѣсяца тому назадъ подъ предлогомъ посоветоваться съ докторомъ С—, на самомъ же дѣлѣ чтобы совѣщаться съ собственнымъ сердцемъ и бытъ въ покоѣ.

Теперь, когда я раскрыла предъ вами это сердце, будете ли вы все еще настаивать чтобъ я сдѣлалась гдѣницей? Если такъ, то вспомните по крайней мѣрѣ какъ реваншъ искусство гдѣницы и актрисы. Какъ вполнѣ я должна предаться ему и ужь не жить среди книгъ и мечтаній? Могу ли я быть чѣмъ-нибудь другимъ кромѣ какъ гдѣницей? Если нѣтъ, то должна ли я удовольствоваться однимъ чтеніемъ и мечтами?

Я должна сознаться вамъ какое честолюбіе овладѣло мною во время отдыха лѣтомъ въ Италиі, я должна сообщить вамъ о немъ и прибавить что оставила его какъ несбыточное. Я надѣялась что могу сочинять, я хочу сказать музыку. Я осталась довольна своими опытами, они выражали музыкой то чего я не могла выразить словами; и одною изъ тайныхъ причинъ прибытія сюда было желаніе показать ихъ великому маэстро. Онъ терпѣливо прослушалъ ихъ; похвалилъ вѣр-

ность механическимъ законамъ композиціи; сказалъ даже что мои любимыя мотивы были *touchants et gracieux*.

Онъ такъ бы и оставилъ меня, но я кротко остановила его и сказала: „Скажите мнѣ откровенно думаете ли вы что со временемъ, поучившись, я буду въ состояніи писать музыку которую будутъ лѣтъ равныя мнѣ лѣвицы?“

— Вы разумѣете какъ композиторъ по спеціальности?

— Да.

— Покинувъ при этомъ свое призваніе лѣвицы?

— Да.

— Милое дитя мое, я былъ бы вашимъ завѣщимъ врагомъ еслибы поощрилъ подобное желаніе; держитесь карьеры въ которой вы можете быть велики; поправьтесь только здоровьемъ, и я ручаюсь моею репутаціей за вашъ славный успѣхъ на сценѣ. Чѣмъ можете вы быть въ качествѣ композитора? Вы будете приписывать красивую музыку къ красивымъ словамъ и ваши произведенія будутъ раслѣвять въ гостиныхъ съ бѣльшимъ или меньшимъ успѣхомъ какимъ обыкновенно пользуются женщины любительницы. Примитесь за что-нибудь высшее—а я знаю, вы сдѣлаете это — и вы не будете имѣть успѣха. Былъ ли въ новѣйшія времена, можетъ-быть даже и во всѣ времена, примѣръ чтобы женщина-композиторъ достигла извѣстности хотя бы третьестепеннаго олернаго сочинителя? Литературныя сочиненія могутъ быть безразлично принадлежностью того и другаго пола. Въ нихъ гжа Дюдеванъ и вашъ другъ гжа Гранмениль могутъ превзойти многихъ мужчинъ; но геній музыкальной композиціи мужчины, и примите это за комплиментъ если я скажу вамъ что вы больше всего женщина.

Онъ оставилъ меня разумѣется огорченною и смиренною, но я чувствую что онъ справедливъ относительно меня; что касается до всѣхъ женщинъ вообще, то я не могу рѣшить этого. Но когда эта надежда покинула меня, я чувствую себя болѣе безлокойною и болѣе возбужденною. Дайте мнѣ совѣтъ, Евлалія, дайте мнѣ совѣтъ, и если возможно, утѣшите меня.

Изабра.

Отъ той же къ той же.

До сихъ поръ нѣтъ писемъ отъ васъ, а я оставалая васъ въ локоѣ въ теченіи десяти дней. Какъ думаете вы я провела ихъ? Мавстро захватилъ къ намъ съ г. Савареномъ настаивая чтобы мы вмѣстѣ съ ними посѣтили театры. Я не была еще ни въ одномъ со времени своего пріѣзда. Я догадалась что добросердечный Мавстро сдѣлалъ это предложеніе не безъ цѣли. Онъ полагалъ что будучи свидѣтельницей восторговъ какими награждаютъ актеровъ, раздѣлая увлеченіе какое театральныя иллюзіи заставляютъ испытывать зрителей, я снова почувствую прежнюю страсть къ сценѣ и съ нею жажду славы актрисы.

Я желала въ душѣ чтобы его ожиданія могли осуществиться. Какъ хорошо было бы для меня еслибъ я могла снова сосредоточить все мое честолюбіе на томъ что для меня достижимо.

Сперва мы отправились смотрѣть комедію имѣющую большой успѣхъ, авторъ коей вполнѣ понимаетъ современную французскую сцену. Исполненіе было превосходно въ своемъ родѣ. На слѣдующій вечеръ мы поѣхали въ *Одеонъ*, гдѣ и дѣла романтическую мелодраму въ шести актахъ и ужъ и знаю во сколькихъ картинахъ. Исполненіе я и здѣсь нашла безукоризненнымъ. Не передаю вамъ остальной части нашей программы. Мы посѣтили всѣ главнѣйшіе театры, оставаяя оперу съ гжей S—къ концу. Прежде чѣмъ перейти къ оперѣ скажу слова два о драматическихъ представленіяхъ.

Нѣтъ страны гдѣ бы театръ такъ захватывалъ публику какъ во Франціи; нѣтъ страны гдѣ успѣхъ драматурга ставилъ бы ему такую славу; нѣтъ можетъ-быть страны гдѣ состояніе сцены такъ вѣрно отражало бы нравственныя и умственныя условія народа. Говорю это разумется не по собственному наблюденію надъ странами которыхъ не посѣщала но по всему что слышала относительно сцены въ Германіи и въ Англіи.

Впечатлѣніе оставленное во мнѣ представленіями что я видѣла было то что Французскій народъ мельчаетъ. Комедія которая нравятся имъ лишь забавныя каррикатуры на лишены всякаго значенія кружки испорченнаго общества. Въ нихъ

нѣтъ крупныхъ типовъ человѣческой природы; остроуміе ихъ не обнаруживаетъ блестящихъ проблесковъ истины; въ чувствѣ ихъ нѣтъ чистоты и благородства — это болѣзненное и ложное извращеніе того что лишено чистоты и благородства въ подобіе благородства и чистоты.

Великіе драматурги создаютъ и великія роли. Ни одной великой роли, такой какую съ радостью приняла бы какая-нибудь Рашель, я не видѣла въ драмахъ молодаго поколѣнія.

Высокое искусство нашло пріютъ въ оперѣ; но это не французская опера. Я не жалею что вкусъ Французовъ сталъ менѣе утонченнымъ. Я жалею что ихъ разумѣніе понизилось. Паденіе отъ *Полюскта* къ *Рюи Блазу* велико, не столько относительно поэзіи формы, какъ относительно возвышенности мысли; но паденіе отъ *Рюи Блаза* къ лучшей изъ современныхъ драмъ есть совершенное удаленіе отъ поэзіи и переходъ къ такой плоской прозѣ откуда даже мелькомъ уже не видно вершины горы.

Перехожу теперь къ оперѣ. *S* — въ *Нормѣ*! Театръ былъ полонъ и восторги также шумны какъ и нелоддѣльны. Вы говорили мнѣ что *S* — никогда не могла соперничать съ Паста, но несомнѣнно что ея Норма великое исполненіе. Голосъ ея менѣе потерялъ своей свѣжести чѣмъ мнѣ говорили, и то что утрачено вознаграждается или скрадывается ея опытностью.

Маэстро былъ вполне правъ — я бы никогда не могла соперничать съ нею въ ея родѣ; но, хотя я покажусь можетъ-быть даже вамъ самонадѣянною и тщеславною, я чувствую что въ своихъ роляхъ я могла бы возбудить такіе же восторги, разумѣется принимая въ расчетъ скоротечныя преимущества моей молодости. Игра ея, помимо голоса, мнѣ не нравится. Мнѣ кажется въ ней недостаетъ пониманія болѣе тонкихъ чувствъ составляющихъ подкладку душевныхъ движеній, въ чемъ состоитъ главная красота ситуаци и характера. Завидую ли я говоря это? Прочтите и судите.

Возвратясь ночью домой, послѣ того какъ Векоста легла спать, я вошла въ свою кѣмнату, отворила окно и стала смотрѣть. Прекрасная ночь, мягкая какъ весной во Флоренціи — полная луна, звѣзды горятъ такъ покойно, такъ недостижимо высоко для насъ ихъ спокойствіе. Вѣчно зеленыя деревья въ садахъ окрестныхъ виллъ блистять серебромъ, а лѣтнія вѣтви еще не одѣвшіяся листьями едва виднѣются посреди

неизмѣнной улыбки лавровъ. Вдали лежалъ Парижъ, который можно было разпознать лишь по безчисленнымъ огнямъ. Я сказала себѣ тогда:

„Нѣтъ, я не могу быть актрисой; я не могу отказаться отъ своего дѣйствительнаго Я для этого спитаго на живую витку лицемѣрія при свѣтѣ лампъ. Прочь эти костюмы и накрашенные щеки! Прочь поддѣльное выраженіе чувствъ выученныхъ наизусть и повторяемыхъ предъ зеркаломъ пока кажды жестъ не сдѣлается механическимъ!“

Я все смотрѣла на звѣзды что возбуждаютъ столько вопросовъ и не даютъ отвѣта; сердце мое переполнилось, я склонила голову и заплакала какъ ребенокъ.

Отъ той же къ той же.

Все нѣтъ письма отъ васъ! Я видѣла изъ газетъ что вы уѣхали изъ Ниццы. Значитъ ли это что вы такъ поглощены вашимъ трудомъ что не имѣете времени валисать мнѣ? Я знаю что вы не больны; еслибъ это случилось, это было бы извѣстно всему Парижу. Вся Европа интересуется вашимъ здоровьемъ. Положительно я не буду больше писать вамъ пока не получу отъ васъ на то приказанія.

Боюсь что мнѣ придется прекратить мои уединенныя прогулки въ Булонскомъ лѣсу. Онѣ были вдвойнѣ дороги мнѣ, частію потому что тихая дорожка выбранная мною была та самая на которую вы указали что всегда избираете ее находясь въ Парижѣ, и гдѣ вы обдумывали любимые ваши романы; частію потому что именно тамъ, получивъ, увы! не вдохновеніе, а только энтузіазмъ отъ гениа освятившаго это мѣсто и мечтаю что могу сама сочинять музыку, я делала собственное честолюбіе и напечатала свои собственные мотивы. Несмотря на близость къ Парижскому свѣту къ которому должны обращаться всѣ артисты ища слушателей и судей, мѣсто это было такъ пустынно и уединенно. Но въ послѣднее время оно перестало быть уединеннымъ и потому утратило свою прелесть.

Шесть дней тому назадъ я встрѣтила тамъ во время своей прогулки перваго человѣка, на котораго не обратила особеннаго вниманія. Онъ казался подобно мнѣ былъ погруженъ въ мысли,

или скорфе въ мечтанія; мы повстрѣчались раза два или три и я даже не замѣтила былъ онъ старъ или молодъ, малъ или высокъ ростомъ; но онъ пришелъ и на другой день и на третій, и тогда я увидѣла что онъ молодъ, и когда я посмотрѣла на него, глаза его были устремлены на меня. На четвертый день онъ не приходилъ, но явились двое другихъ мужчинъ и взглядъ одного изъ нихъ былъ любозытень и оскорбительнъ. Они сѣли на скамью около дорожки и хотя я не показала вида что замѣчаю ихъ, я послѣшила домой, и на другой день, когда говоря съ добрѣйшею гжей Саварень я упомянула о моихъ одинокихъ прогулкахъ, она намекала со свойственною ей деликатностью что въ Парижѣ не принято чтобы двѣ *comme il faut* гуляла одна даже въ самыхъ уединенныхъ аллеяхъ Лѣса.

Телерь я начинаю понимать ваше презрѣнне къ обычаямъ налагающимъ такія ненужныя и оскорбительныя цѣлы на свободу нашего пола.

Вчера мы обѣдали у Савареновъ. Чтò за веселый нравъ у него! Не читая по-латыни я знаю Горація только по переводамъ, которые, говорятъ, плохи; но Саварень кажется мнѣ чѣмъ-то въ родѣ полу-Горація, Горацій горожанинъ, такъ игриво благовоспитанный, такой благодушный въ своей философіи, такъ горячо преданный друзьямъ и опасный врагамъ. Но разумѣется Саварень не могъ бы жить въ деревнѣ выращивая цикорій и мальву. Онъ горожанинъ и Парижанинъ *jusqu'au bout des ongles*. Какъ онъ восхищается вами, и какъ я люблю его за это! Только одно меня огорчаетъ. Онъ хвалить преимущественно вашъ слогъ. Несомнѣнно что слогъ этотъ безплодобень; но слогъ есть только оболочка мыслей, и восхвалять только вашъ слогъ кажется мнѣ также несправедливо какъ хвалить совершенную красавицу не за красоту формъ и лица, а за наряды.

Мы встрѣтили за обѣдомъ одвого Американца съ женой, локковника и мистрисъ Морлей. У нея тонкая красота какъ вообще у американскихъ женщинъ какихъ я видѣла и непри- нужденная живость манеръ отличающая ихъ отъ Англичанокъ. Кажется я поправилась ей и мы скоро сдѣлались добрыми друзьями.

Она первый встрѣченный мною кромѣ васъ адвокатъ того ученія о правахъ женщинъ о которомъ больше приходится читать въ журналахъ чѣмъ слышать въ салонахъ.

Поятно что я сильно интересовалась этимъ предметомъ, особенно съ тѣхъ поръ какъ были запрещены мои прогулки въ Лѣсу; и пока она ораторствовала о тяжкой участи женщинъ которыя чувствуя въ себѣ силы для борьбы ради свѣта и воздуха за предѣлами тѣснаго круга домашнихъ обязанностей, ограничены въ соперничествѣ съ мушкетерами въ такихъ областяхъ знанія, труда и славы которыя мушкетерамъ съ локовъ вѣку присвоили себѣ,—нужно ли говорить что я искренно соглашалась съ нею во всемъ; вы можете догадаться объ этомъ по моимъ прежнимъ письмамъ. Но когда она приступила въ подробное исчисленіе нашихъ угнетеній и нашихъ правъ, я почувствовала все малодушіе моего пола и отступила въ ужасъ.

Мужъ ея подошелъ къ намъ во время самого сильнаго прилива ея краснорѣчія, улыбнулся мнѣ съ какою-то угрожающею веселостью говоря:

— Вы не вѣрьте ни слову изъ того что она говоритъ; это только громкія фразы. Въ Америкѣ женщины неограниченныя тираны, и я вмѣстѣ съ моими угнетенными соотечественниками составляю планъ агитаціи для восстановленія правъ мушкетеровъ.

За этимъ послѣдовала оживленная словесная война между супругами, въ которой, я должна сознаться, жена потерпѣла рѣшительное пораженіе.

Нѣтъ, Евладія, я не вижу въ этихъ планахъ измѣненія нашихъ отношеній къ другому полу ничего такого что могло бы улучшить наше положеніе. Неравенства какія мы терпимъ не установлены какимъ-нибудь закономъ, ни даже соглашеніемъ; они устроены природою.

Евладія, вы обладаете невѣдомою мнѣ олытностью, вы любите. Въ тѣ дни вы, вокругъ кого собираются поэты и ученые и государственные люди слушаая ваши слова какъ слова оракула, чувствовали ли вы что ваша гордость генія оставалась васъ, что ваше честолюбіе жило въ томъ кого вы любили, что его улыбка болѣе значила для васъ чѣмъ восторгъ всего міра?

Я чувствую что любовь въ женщинахъ должна разрушать ея права на равенство, что она дѣлаетъ господиноу ея даже того кто былъ бы ниже ея еслибъ ея любовь не прославила и не увѣнчала его. О, еслибъ только я могла перенести подоб-

лющія меня заботы о себѣ на другое существо которое было бы тѣмъ чѣмъ бы я желала быть будь я мужчиной! Я бы не просила его добиваться славы. Довольно еслибы я чувствовала что онъ достоинъ ея, и думается мнѣ я была бы счастливейше утѣшая его еслибы онъ потерпѣлъ неудачу чѣмъ торжествуя вмѣстѣ съ нимъ въ случаѣ его успѣха. Скажите мнѣ, чувствовали ли вы это? Когда вы любили, были ли вынисходительны какъ съ рабомъ, или преклонялись какъ предъ господиномъ?

Отъ г-жи де-Гранжениль Изавръ Чигонь.

Chère enfant, — Всѣ твои письма дошли до меня въ одинъ день. Въ одну изъ внезапныхъ причудливыхъ минутъ я пустилась съ нѣсколькими друзьями въ быстрый объѣздъ изъ Ривьры въ Геную, оттуда въ Туринъ, потомъ въ Неаполь. Такъ какъ не было извѣстно гдѣ мы остановимся даже на одинъ день, то письма и не высылались мнѣ.

Я возвратилась въ Ниццу вчера, утѣшаясь отъ усталости тѣмъ что обезлечила вѣрность описанія мѣстности, что было ужно для моего труда.

Ты находишься, бѣдное дитя мое, въ томъ революціонномъ ризисѣ черезъ который гений проходить въ молодости прежде чѣмъ узнаетъ собственное Я, и томится желаніемъ дѣлать другое и быть чѣмъ-нибудь другимъ, а не тѣмъ чѣмъ онъ былъ и что малъ до тѣхъ поръ. Было бы несправедливо не признавать тебѣ гений, — эту врожденную необъяснимую сущность, которая заключаетъ въ себѣ талантъ, но отличается отъ него. Гений есть у тебя, но гений не концентрированный, выдержанный. Я вижу, хотя ты слишкомъ недовѣрчива чтобы сказать это откровенно, что ты убѣгаешь славы и ниццы потому что, разгоряченная своимъ чтеніемъ, ты уже готова мечтать о тернистомъ вѣнцѣ писателя. Я повторю жесткія слова маэстро, что была бы заѣвшимъ твоимъ врагомъ еслибы вздумала ободрять тебя пожертвовать карьерой въ литературѣ обезлечая уже блестящій успѣхъ для другой, въ которой ты не сомнѣвалась бы, о которой ты не спрашивала бы ни о чѣмъ въ ней было твое истинное призваніе; ты была бы увлечена на нее роковою звѣздой знаменующею рожденіе лютцовъ. Не замѣчала ли ты, столь наблюдательная отъ природы и

въ послѣднее время такъ много разсуждавшая, что авторы, какъ бы ни были они преданы своему искусству, никогда не желаютъ чтобы дѣти ихъ также посвятили себя ему? Авторъ ищущій самый большой успѣхъ есть можетъ-быть послѣдній человекъ къ кому неопиты должны обращаться за ободреніемъ. Полагаю, этого не бываетъ относительно служителей другихъ искусствъ. Живописецъ, скульпторъ, музыкантъ кажется расположенъ призывать учениковъ и съ радостью принимаетъ послѣдователей. Что же касается тѣхъ кто посвящаетъ себя практическимъ занятіямъ, то отцы по большей части желаютъ чтобы ихъ сыновья были тѣмъ же чѣмъ и они.

Политическіе дѣятели, юристы, торговцы, каждый говорить своимъ дѣтямъ: „слѣдуйте по моимъ столамъ“. Всѣ практическіе родители будутъ согласны въ одномъ—они не пожелаютъ чтобы ихъ сыновья сдѣлались поэтami. Должна же быть въ свѣтской философіи какая-нибудь разумная причина такого всеобщаго отвращенія отъ пути о которомъ самидущіе по немъ говорятъ любимымъ людямъ: „остерегитесь“.

Романъ въ юности есть лучшій воспитатель мудрости послѣдующихъ годовъ; но я не пригласила бы никого „развѣщать въ періоды и балзамизовать въ чернилахъ“ юношескіи мечты.

Дитя мое, нуженъ ли тебѣ издатель для романа? Не въ тебѣ ли онъ самой? Не воображай что гению нуженъ ни наслажденія скриль пера и шрифты печатника. Не думай что поэтъ, романистъ, бываетъ болѣе поэтомъ и романистомъ когда онъ напрягаетъ силы, борется, трудится чтобы задержать потокъ своихъ мыслей, и облекаетъ въ матеріалы образы посвящающіе его въ видѣ душъ съ такимъ блѣкимъ подобіемъ плоти и крови что читатель не можетъ болѣе похвалить ихъ какъ назвавъ живыми? Нѣтъ; истинное наслажденіе поэта не въ механизмѣ сочиненія; лучшая часть этого наслажденія въ тѣхъ симпатіяхъ какія возникаются имъ съ безчисленными измѣненіями жизни и формы, искусства и природы, симпатіяхъ которыя бываютъ одинаково развиты въ людяхъ не обладающихъ одинокимъ даромъ выраженія. Поэтъ только истолкователь. Черты Истинъ живущихъ въ сердцахъ другихъ. Онъ высказываетъ то что они чувствуютъ. Заключается ли радость въ высказываніи? Нѣтъ, она въ самихъ чувствахъ. Да, милое свѣтло-темное дитя пѣсней, когда я старалась открыть тебѣ м-

ходь съ лыльной битой дороги на тропинки ведущія въ поля, къ берегамъ рѣчекъ по обѣ стороны ограды, ты справедливо прибавляешь что я радовалась что искусство сдѣлается твоимъ спутникомъ. Въ этомъ искусствѣ, для котораго ты такъ замѣчательно одарена, идеальная жизнь будетъ постоянно сопутствовать дѣйствительной. Не стыдно ли тебѣ говорить что въ этомъ искусствѣ ты будешь только передавать чужія мысли? Ты будешь передавать ихъ въ музыкѣ; при посредствѣ музыки ты не только дашь мыслямъ новый характеръ, но сдѣлаешь ихъ способными рождать новыя мысли въ слушателяхъ.

Ты справедливо говоришь что сочиняя могла выразить музыкой мысли которыхъ не могла выразить словами. Это замѣчательная особенность музыки. Ни одинъ гениальный музыкантъ не въ состояніи объяснить словами что онъ думалъ передать своею музыкой.

Какъ мало либретто объясняетъ оперу, какъ мало мы заботимся даже о томъ чтобы прочесть его! Музыка говоритъ намъ; а какъ?—Черезъ посредство человеческого голоса. Мы не замѣчаемъ какъ бѣдны слова выпѣваемые голосомъ. Самый голосъ, разъясняющій душу музыканта, онъ чаруетъ и увлекаетъ насъ. А ты, одаренная такимъ голосомъ какъ будто презираешь этотъ даръ. Какъ! презирать силу надѣляющую другихъ наслажденіемъ! силу которой завидуемъ мы писатели, не будучи въ состояніи доставить наслажденіе въ такомъ чистомъ видѣ какъ лѣвица.

И когда расходятся слушатели, можешь ли ты угадать сколько горя утѣшило лѣвие? Сколько смягчило жесткихъ сердець? сколько разбудило высокихъ мыслей?

Ты говоришь: „прочъ это мишурное лицемѣріе! Прочъ эти костюмы и накрашенные щеки!“

Я говорю: „Прочъ этотъ болѣзненный духъ который съ такимъ цинизмомъ смотритъ на мелкія подробности помогающія полнотѣ впечатлѣнія на умы и сердца и души локальных и народовъ!“

Достаточно ли я бранила тебя? Я бранила бы тебя еще больше еслибъ не видѣла въ богатомъ запасѣ молодости и разумнѣя причину твоей неугомонности. Богатые люди всегда не спокойны. Только бѣдности боги даруютъ довольство.

Ты спрашиваешь меня о любви; спрашиваешь преклоня-

дась ли я когда-нибудь предъ повелителемъ, или слыша свою жизнь съ другою. Не жди отъ меня отвѣта объ этомъ. Сама Цирцея не могла бы дать отвѣта самой простой дѣвушкѣ которая, никогда не любивъ, спрашиваетъ: „что такое любовь?“

Въ исторіи страсти каждое человѣческое сердце есть само по себѣ цѣлый міръ; его опытность не приноситъ пользы другимъ. Никогда въ двухъ различныхъ жизняхъ любовь не играетъ той же самой роли и не оставляетъ одинаковыхъ слѣдовъ.

Не знаю рада ли я или сожалѣю что слово „любовь“ касается теперь моего уха съ такимъ легкимъ тихимъ звукомъ какъ шумъ ладенія осенняго листка касается твоего.

Я охотно преподамъ тебѣ урокъ, самый мудрый какой только могу, если только ты въ состояніи ловить его: подобно тому какъ я посовѣтовала тебѣ ввести искусство въ жизнь, такъ научись осмотрѣть на жизнь какъ на искусство. Ты сумѣла открыть прелесть въ Тассо; ты могла подмѣтить что необходимая принадлежность всякаго искусства, то что нравится въ немъ, заключается въ гармоніи частей. Красота исчезаетъ если мы преувеличимъ хотя бы самую красивую подробность.

Любовь мѣрная позолотитъ самую скромную жизнь, любовь вѣ въ разумныхъ границахъ обезобразитъ и самую прекрасную.

Увы! вспомнишь ли ты эти совѣты когда наступитъ пора воспользоваться ими?

Е. Г.

К Н И Г А П.

Г Л А В А I.

Прошло нѣсколько недѣль со времени описаннаго въ послѣдней главѣ; липы въ Тюйлери покрылись зеленью.

Въ довольно просторной комнатѣ нижняго этажа въ тихой мѣстности *Rue d'Anjou*, сидѣлъ человекъ, очевидно погруженный въ глубокія мысли, предъ письменнымъ столомъ стоявшимъ у окна.

Взглянувъ на него можно было замѣтить выраженіе большой силы ума и характера въ лицѣ которое, при обыкновенныхъ общественныхъ отношеніяхъ, могло скорѣй обратитъ на себя вниманіе выраженіемъ смѣлой прямоты, очень шедшей къ ясно очерченному красивому профилю и роскошнымъ темно-каштановымъ волосамъ беззаботно вившимся надъ тѣмъ широкимъ открытымъ лбомъ какіе, по словамъ одного стараго писателя, являются „фронтисписами храма посвященнаго Чести“.

Лобъ былъ дѣйствительно замѣчательнѣйшею чертою лица этого человека. Онъ не могъ не располагать наблюдателя въ его пользу. Когда на домашнихъ спектакляхъ ему нужно было измѣнить характеръ своей физиономіи, онъ съ успѣхомъ достигалъ этого спуская только волосы до бровей. Тогда онъ дѣлался неузнаваемъ.

Человекъ котораго я описываю уже былъ представленъ читателю какъ Грагамъ Вель. Но теперь можетъ-быть самое удобное время войти въ нѣкоторыя подробности о его родствѣ и положеніи которыя сдѣлаютъ представленіе болѣе удовлетворительнымъ и полнымъ.

Отецъ его, представитель весьма древней фамиліи, вступилъ во владѣніе имѣніемъ которое можно было назвать хорошимъ помѣстьемъ и полумилліоннымъ капиталомъ наслѣдованнымъ по женской линіи. И земля и деньги поступили въ полное его распоряженіе, не стѣсненныя никакимъ запретомъ или обязательствомъ. Онъ былъ человекъ съ блестящимъ неправильнымъ геніемъ, чрезвычайно великодушный, съ превосходнымъ вкусомъ, съ огромною гордостью тѣсно связанною съ мужест-

вѣннымъ тщеславіемъ. Достигнувъ совершеннолѣтія онъ сталъ перестраивать свой помѣщичій домъ въ герцогскій дворецъ. Онъ выступилъ представителемъ своего графства; это было во времена предшествовавшія первому биллю о парламентской реформѣ, когда выборы въ графствѣ были для помѣстья кандидата то же что продолжительная война для государственнаго долга страны. Онъ восторжествовалъ на выборахъ, и скоро достигъ успѣха въ парламентѣ. Хорошіе авторитеты въ политическихъ кругахъ говорили что еслибы онъ захотѣлъ, то могъ бы сдѣлаться вождемъ своей партіи и наконецъ стать во главѣ управленія страны.

Можетъ-быть это была правда, можетъ-быть и вѣтъ; достоверно же то что онъ не сталъ беспокоиться для удовлетворенія подобнаго честолюбія. Онъ слишкомъ любилъ удовольствія, роскошь, блескъ. Онъ держалъ знаменитыхъ призовыхъ и охотничьихъ лошадей. Былъ щедрымъ покровителемъ искусствъ. Домъ его и образъ жизни не уступали знаменитымъ аристократамъ представителямъ высшей (мистеръ Велъ и призналъ бы ихъ старшею) вѣтви его родословнаго дерева.

Онъ сталъ равнодушенъ къ политической борьбѣ, не часто посѣщалъ засѣданія палаты, говорилъ рѣдко, коротко, не особенно приготовляясь, но съ силою и жаромъ, оригинально и талантливо; такъ что считался не только эффектнымъ ораторомъ, но соединяя съ краснорѣчіемъ преимущества рожденія, положенія въ свѣтѣ, прекрасныя личныя качества, онъ былъ всѣмъ авторитетомъ на вѣсахъ партій.

Этотъ джентльменъ на сороковомъ году женился на безпрядвицѣ, дочери бѣднаго но замѣчательнаго морскаго офицера благородной фамиліи, ближайшаго родственника герцога Алтона.

Онъ назначилъ въ ея пользу приличное содержаніе на случай вдовства, но отказался отписать какую-либо часть своего имущества въ пользу дѣтей отъ этого брака. Онъ объяснилъ это тѣмъ что значительная часть его состоянія помѣщенъ въ рудникахъ, доходъ отъ которыхъ подверженъ большимъ колебаніямъ, часть же въ различныхъ фондахъ, и ему было и пріятно и выгодно часто мѣнять ихъ не стѣсняясь вмѣшательствомъ олекуновъ, такъ что наложеніе запрета или стѣсненіе себя условіями въ пользу дѣтей было бы неудобствомъ которое онъ не соглашался принять на себя.

Кромѣ того, у него былъ собственный взглядъ касательно

благоразумія держать дѣтей въ зависимости отъ отца. „Сколько молодыхъ людей, говорилъ онъ, портились и раззорились вслѣдствіе увѣренности что по смерти отца они непременно получаютъ извѣстное наслѣдство, хотя отца не любили и заимиами у ростовщиковъ спускали насаѣдство прежде чѣмъ оно поступало въ ихъ распоряженіе.“ Эти аргументы не могли бы убѣдить его testa года два спустя, когда вслѣдствіе смерти своихъ родственниковъ онъ сдѣлался герцогомъ Алтонскимъ; но прежде женитьба его такъ превосходила ожиданія дочери бѣднаго морскаго капитана что мистеръ Вень могъ распорядиться какъ ему угодно, и остался полнымъ владѣльцемъ всего своего состоянія, исключая части земли определенной въ наслѣдство женѣ, но въ скоромъ времени онъ освободился и отъ этого обязательства. Жена его умерла на второй годъ замужества оставивъ единственнаго сына Грагама. Онъ горевалъ о ея потерѣ со всею страстью впечатлительной, пылкой и сильной натуры. Вскорѣ онъ началъ искать развлеченія бросившись въ публичную дѣятельность съ энергіей какой не обнаруживалъ прежде.

Рѣчи его доставили власть его партіи, и уступая, хотя неохотно, единогласному желанію этой партіи, онъ занялъ одно изъ высшихъ мѣстъ въ новомъ кабинетѣ. Онъ показалъ себя хорошимъ администраторомъ, но объявилъ, безъ сомнѣнія искренно, что чувствуетъ какъ будто гора у него съ плечъ свалилась когда года два спустя оставилъ кабинетъ вмѣстѣ со своею партіей. Никакія убѣжденія не могли побудить его снова вступить въ министерство. „Нѣтъ, говорилъ онъ, я родился для свободы частной жизни джентльмена, для меня несласно рабство общественнаго слуги. Но я воспитаю своего сына такъ чтобъ онъ уплатилъ долгъ который самъ отказываюсь платить странѣ.“ Онъ сдержалъ свое слово. Грагамъ получалъ тщательную подготовку къ публичной жизни, и отъика отличій въ ней съ дѣтства раздавалась въ его уш ахъ. Во время учебныхъ вакацій отецъ заставлялъ его выучивать и произносить избранные отрывки рѣчей; пригласилъ знаменитаго актера давать ему урки декламацин; заставилъ его часто посѣщать театры изучая тамъ эффекты какіе приобрътаютъ слова сопровождаемые выразительными взглядами и жестами, и поощрялъ его принимать участіе въ частныхъ спектакляхъ. Всѣмъ этимъ мальчикъ занимался съ наслажденіемъ. Онъ имѣлъ природный ораторскій темпераментъ: живой, испод-

ненный воображенія, любившій спортъ, соперничество и борьбу. Отличаясь въ дѣтскіе годы добрымъ нравомъ и веселостью онъ былъ любимцемъ учителей въ классахъ и товарищей во время игръ. Оставивъ семнадцать лѣтъ Итона, онъ поступилъ въ Кембриджскій университетъ, и въ первое же время сдѣлался самымъ популярнымъ ораторомъ въ Союзѣ.

Но отецъ не далъ ему кончить академической карьеры и рѣшилъ, по какимъ-то своимъ соображеніямъ, пустить его тотчасъ же по дипломатической части. Онъ назначенъ былъ состоять при посольствѣ въ Парижѣ, и такъ всецѣло отдаваясь удовольствіямъ и развѣянностямъ этой столицы что почти забылъ честолюбіе которому прежде посвящалъ себя. Онъ сдѣлался моднымъ баловнемъ, и была большая оласность что характеръ его измѣнится подъ соблазнами эпикурейства, какъ вдругъ этой праздности среди розъ положенъ былъ неожиданный конецъ ужасною перемѣной въ его состояніи.

Отецъ его убился на смерть улавъ съ лошади на охотѣ. Когда дѣла его были приведены въ извѣстность, оказалось что они находятся въ безнадѣжномъ положеніи; ловидимому имущества было недостаточно для уплаты долговъ. Венъ старшій вѣроятно самъ не имѣлъ понятія о размѣрѣ своихъ обязательствъ. Онъ всегда могъ получить деньги взаймы или чрезъ продажу своихъ фондовъ. Но при разборѣ его бумагъ обнаружилось что ему было извѣстно въ какомъ разстроенномъ положеніи будетъ наслѣдство имѣющее перейти сыну; котораго онъ боготворилъ. По этой-то причинѣ онъ помѣстилъ Грагамъ по дипломатической части, и потому же онъ частнымъ образомъ обращался къ кабинету прося мѣста намѣстника Индіи въ случаѣ если тамъ скоро откроется ваканція. Онъ пользовался достаточною извѣстностью чтобы не получить отказа, и при экономіи на этомъ выгодномъ мѣстѣ бѣольшая часть его денежныхъ затрудненій могла быть устраниена, и для сына было бы обезпечено независимое состояніе.

Грагамъ подобно Алену не позволялъ оскорблять память своего отца, но съ бѣольшимъ основаніемъ чѣмъ Аленъ, ибо состояніе Вена старшаго не было растрачено по крайней мѣрѣ на порочныя и ничтожныя забавы.

Онъ расточалъ деньги на поощреніе искусствъ, на дѣла общественной благотворительности, на содѣйствіе политическимъ предпріятіямъ; и даже въ его личныхъ удовольствіяхъ было

нѣкоторое величіе, въ его гостепріимствѣ, въ его беззащитной щедрости, въ великодушной беззаботности о деньгахъ. Ни одинъ легкомысленный поступокъ или унижительный порокъ не отягчалъ великолѣпнаго расточителя.

„Я буду смотрѣть на потерю состоянія какъ на выигрышъ для себя“, сказалъ мужественно Грагамъ. „Будь я богатый человекъ, парижскій опытъ доказываетъ что всего вѣроятнѣе я сдѣлался бы большимъ лѣнивцемъ. Теперь, когда у меня нѣтъ золота, я долженъ заковать себя въ желѣзо.“

Человѣкъ кому онъ говорилъ это былъ мужъ его тетки, высокочтимый Ричардъ Кингъ, извѣстный въ народѣ подъ именемъ „безпорочнаго Кинга“.

Этотъ джентльменъ былъ женатъ на сестрѣ матери Грагама; во время его дѣтства и отрочества, она съ нѣжностью и заботливостью старалась замѣнить ему ея утрату. Невозможно представить себѣ женщину болѣе способную возбудить любовь и уваженіе чѣмъ леди Джанета Кингъ; обращеніе ея было такъ ласково и пріятно, вся природа ея такъ возвышенна и чиста.

Когда она выходила замужъ отецъ ея былъ уже герцогомъ, и союзъ этотъ не могъ считаться совершенно подходящимъ; тѣмъ не менѣе герцогъ не могъ бы по чести не дать своего согласія на такой союзъ.

Дѣйствительно, мистеръ Кингъ не могъ похвалиться родовитостью предковъ, онъ не былъ даже земаевладѣльцемъ; но онъ былъ замѣтнымъ членомъ парламента, безупречнаго характера и съ довольно большимъ состояніемъ полученнымъ въ наслѣдство отъ дальняго родственника который разбогатѣлъ торговлею. Съ обѣихъ есторонъ это былъ бракъ по любви.

Обыкновенно говорится что человѣкъ возвышаетъ жену до своего общественнаго положенія; но также часто случается что женщина возвышаетъ своего мужа до высоты собственнаго характера. Ричардъ Кингъ значительно возвысился въ общественномъ уваженіи послѣ своей женитьбы на леди Джанетѣ.

Съ искреннимъ благочестіемъ соединяла она весьма дѣятельную и просвѣщенную благотворительность. Она отвращала его честолюбіе отъ простой политики партій и направляла на предметы общественнаго и религіознаго интереса. Посвящая себя имъ, онъ достигъ положенія болѣе популярнаго и уважаемаго чѣмъ какого могъ бы достигъ въ борьбѣ партій.

Когда составилось правительство главою коего былъ Векъ старшій, оно находило весьма важнымъ удержать за собою имя столь значительное въ религиозномъ мірѣ, такъ любимое рабочими классами какъ имя Ричарда Кинга; и онъ принялъ одно изъ тѣхъ мѣстъ которое хотя и не входитъ въ составъ кабинета, но даетъ званіе члена Тайнаго Совѣта.

Когда насталъ конецъ этой скоротечной администраціи онъ почувствовалъ такое же облегченіе какъ и Векъ и пришелъ къ тому же заключенію, никогда больше не вступать въ службу, но по другимъ причинамъ, которыя перечислять всѣ нѣтъ удобности. Между прочими однакожь была слѣдующая: Онъ былъ чрезвычайно чувствителенъ къ общественному мнѣнію о себѣ, *тонкокоужъ* къ обидамъ, и очень дорожилъ уваженіемъ къ репутаціи благочестія и человѣколюбія. Его коробила каждая газетная статья дѣлавшая „безпорочнаго Кинга“ отвѣтственнымъ за несправедливости правительства къ которому онъ принадлежалъ. Съ потерей своего служебнаго положенія онъ казалось занялъ снова свой тронъ.

Мистеръ Кингъ выслушалъ рѣшеніе Грагама съ важною улыбкою одобренія, и участіе его къ молодому человѣку значительно возрасло. Онъ ревностно принялся за дѣло чтобы спасти для Грагама какіе-нибудь остатки отцовскаго состоянія, и имѣя свѣтлый умъ и большую опытность въ дѣлахъ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія фамильнаго солиситора. Нашелся богатый фабрикантъ кулившій за неслыханную цѣну большую часть имѣнія съ великолѣпнымъ дворцомъ, для поддержанія коего одною помѣстью не было бы достаточно.

Такимъ образомъ, по уплатѣ всѣхъ долговъ, Грагамъ слѣдалося обладателемъ чистаго дохода въ 500 фунтовъ въ годъ, съ суммы помѣщенной подъ залогъ части наслѣдственныхъ земель гдѣ помѣщался старый охотничій замокъ кулиенныи однимъ ливоваромъ.

Съ этою частью своей собственности Грагамъ разстался очень не охотно. Она лежала въ самой живописной мѣстности помѣстья, и самый домъ былъ остаткомъ древней резиденціи его предковъ пока онъ не былъ оставленъ для другаго дома, построеннаго въ царствованіе Елизаветы и расширеннаго послѣднимъ владѣльцемъ до размѣровъ дворца.

Но убѣжденія мистера Кинга побудили его рѣшиться на эту жертву. „Я могу“, сказалъ осторожный совѣтникъ, „если

вы будете настаивать, устроить такъ чтобъ удержать этотъ остатокъ наслѣдственныхъ владѣній съ которымъ вамъ жаль расстаться. Но какимъ образомъ? Заложивъ его такъ что вамъ едва ли останется 50 фунтовъ чистаго дохода. Это еще не все. Умъ вашъ будетъ отвлеченъ отъ высшихъ заботъ о карьерѣ къ мелкимъ заботамъ объ удержаніи нѣсколькихъ фамильныхъ акровъ; вы будете постоянно затруднены личными безпокойствами и страхами, и не будете въ состояніи сдѣлать ничего для пользы окружающихъ васъ, не будете въ состояніи поправить дома для лучшихъ фермеровъ-арендаторовъ, ни перестроить разваливагося коттеджа для рабочихъ. Отбросьте эту мысль, которая была бы хороша для человѣка чье честолюбіе не простирается дальше того чтобъ оставаться сквайромъ, хотя бы нищенствующимъ. Вступите въ болѣе широкій кругъ столичной жизни сохранивъ вполнѣ всю энергію, съ умомъ ничѣмъ не тревожимымъ, и довольствуйтесь доходомъ хотя скромнымъ, но равнымъ доходу многихъ равныхъ вамъ молодыхъ людей вступающихъ въ свѣтъ.

Грагамъ былъ убѣжденъ и уступилъ, хотя съ горькимъ чувствомъ. Тяжело для человѣка чьи отцы владѣли землею потерять всякій слѣдъ ихъ мѣстожителства. Но никто не замѣтилъ въ немъ сокрушенія о потерѣ состоянія когда черезъ годъ послѣ смерти отца онъ занялъ свое мѣсто въ обществѣ. Если прежде за нимъ ухаживали ради его наслѣдства, теперь стали ухаживать еще болѣе ради его самого; многие изъ значительныхъ лицъ любившихъ его отца были къ нему можетъ-быть еще болѣе внимательны.

Онъ отказался отъ дипломатической карьеры, не только потому что движеніе тамъ очень медленно и случаевъ отличиться на промежуточныхъ ступеняхъ очень мало; но еще болѣе потому что онъ хотѣлъ найти свой жребій въ родной странѣ и смотрѣлъ на пребываніе при дворахъ другихъ государствъ какъ на изгнаніе.

Однакожь это не было справедливо, какъ говорилъ Лемерсъ; что онъ жилъ литературнымъ трудомъ. Отбросивъ свои раззорительныя привычки, онъ вполнѣ довольствовался 500 фунтовъ въ годъ. Но статьи его доставили ему отличіе и создали твердую увѣренность въ его способность къ политической карьерѣ. Онъ писалъ критическія статьи, заслужившія многія похвалы, въ лучшихъ періодическихъ изданіяхъ, и

издалъ одну или двѣ брошюры по политическимъ вопросамъ, которыя произвели еще большее впечатлѣніе. Такимъ образомъ, онъ обнаруживалъ свои литературные таланты только въ серьезной литературѣ имѣвшей связь съ его желаніемъ со временемъ выступить на публичную карьеру.

Подобныя писанія не могли давать ему много денегъ, но они доставили ему опредѣленное и твердое положеніе. Въ прежнія времена, прежде перваго билля о реформѣ, его репутація тотчасъ же обезпечила бы ему мѣсто въ парламентѣ; но старые питомники государственныхъ людей уничтожились, и мѣсто ихъ ничѣмъ не занято.

Его приглашали однакоже выступить за нѣкоторые обширные и населенные бурги съ сильными видами на успѣхъ; что же касается расходовъ, то мистеръ Кингъ обѣщавалъ покрыть ихъ. Но Трагамъ не желалъ принимать на себя ни малѣйшихъ обязательствъ; и узнавъ отъ ихъ обязательствахъ какихъ требовали его избиратели, онъ не согласился выступить еслибы даже успѣхъ былъ вполне обезпеченъ и не требовалъ никакихъ расходовъ. „Я не могу, отвѣчалъ онъ своимъ друзьямъ, соображать что лучше для моей страны когда мысли мои скованы; и не могу быть ни представителемъ, ни работъ наибольшаго невѣжества большаго числа. Время еще терпите, а пока я предпочитаю писать что мнѣ нравится чѣмъ повторять то что не нравится мнѣ.“

Протекали три года проведенные имъ большею частію въ Англіи, частію же въ путешествіяхъ; въ тридцать лѣтъ Трагамъ Венъ все еще оставался человѣкомъ про кого почитатели его говорятъ: „со временемъ онъ будетъ великимъ человѣкомъ“, а порицатели возражаютъ: „время-то это что-то долго не проходитъ“.

Та же самая разборчивость которая воспрепятствовала его вступленію въ парламентъ, куда тѣмъ не менѣе влекло его честолюбіе, спасла его отъ необдуманной женитьбы. Въ сердцѣ своемъ онъ жаждалъ любви и семейной жизни, но до сихъ поръ не встрѣчалъ еще никого кто бы осуществилъ созданный имъ идеаль. Съ его наружностью, образованіемъ, связями и репутаціей, онъ могъ сдѣлать много выгодныхъ партій. Но очарованіе какъ-то исчезало съ прекраснаго лица когда на него падала тѣнь денежнаго кошелка. Съ другой стороны, честолюбіе занимало такое значительное мѣсто въ его мысляхъ что оно удерживало его отъ искушенія

такой женитьбы которая помѣшала бы ему возвыситься въ общественномъ положеніи. Ко всему этому онъ желалъ найти въ женѣ умъ, если не равный ему, то способный сдѣлаться таковымъ чрезъ симпатію, соединеніе высокаго образованія и благородныхъ стремленій, а также и женской мягкости, что встрѣчается только въ книгахъ, а если встрѣтится и въ жизни, то пожалуй наружность окажется не соответствующею. Какъ бы то ни было, Грагамъ до сихъ поръ не былъ женатъ, и сердце его было свободно.

Тутъ приключилась еще новая перемѣна въ его жизни. Леди Джанета умерла отъ горячки которую схватила при своихъ обычныхъ постыженіяхъ бѣдныхъ. Она замѣшала ему самую нѣжную мать, и болѣе любящая душа никогда не слѣтала на землю. Горе его было сильно; каково же было горе ея мужа? Такое горе убиваетъ человѣка.

Для Ричарда Кинга, его Джанета была какъ бы ангеломъ хранителемъ. Любовь его къ ней доходила почти до поклоненія; безъ нея всякая цѣль жизни, до того времени дѣятельной и полезной, казалось исчезла. Онъ не обнаруживалъ шумнаго страстнаго горя. Онъ заперся у себя и отказывался видѣть даже Грагама. Но по прошествіи нѣсколькихъ недѣль онъ пригласилъ священника которому вѣрилъ въ вопросахъ духовныхъ и казался былъ успокоенъ этимъ постыженіемъ; послѣ того онъ позволилъ Грагаму приходить ежедневно съ условіемъ что онъ не будетъ упоминать о его утратѣ. Онъ говорилъ съ молодымъ человѣкомъ о другихъ предметахъ, но большей части заставляя его высказываться о самомъ себѣ, пытая его мнѣнія о разныхъ важныхъ вопросахъ, наблюдая его лицо, какъ бы желая проникнуть въ его сердце, и иногда погружаясь въ трогательное молчаніе прерываемое вздохами. Такъ прошло еще нѣсколько недѣль; тогда онъ согласился на совѣтъ доктора искать перемѣны мѣста и воздуха. Онъ уѣхалъ одинъ, даже безъ слуги, не сказавъ ни слова куда отправился. Вскорѣ онъ вернулся, болѣе больной, болѣе надломленный чѣмъ прежде. Однажды утромъ его нашли безъ чувствъ разбитаго параличомъ. Сознаніе возвратилось къ нему, даже силы возстановились на нѣсколько дней. Онъ могъ бы выздороветь, но казалось онъ рѣшительно отказался жить. Наконецъ онъ скончался, мирно, въ рукахъ Грагама.

По вскрытіи его завѣщанія, оказалось что онъ сдѣлалъ

Грагама своимъ единственнымъ наслѣдникомъ и душеприказчикомъ. За вычетомъ казенныхъ пошлинъ, наградъ слугамъ и вкладовъ на дѣла благотворительности, сумма отказанная женину племяннику простиралась до двухсотъ двадцати тысячъ фунтовъ.

Съ такимъ состояніемъ открывался просторъ честолюбію такъ долго подавляемому. Но въ образѣ жизни Грагама не замѣчалось переменъ; онъ продолжалъ жить на своей скромной холостой квартирѣ, не нанималъ слугъ, не покупалъ лошадей, ни въ чемъ не превышалъ дохода на какой жилъ до того времени. Казалось, его скорѣе тяготило нежели раздало богатство, котораго онъ никогда не ожидалъ.

У Ричарда Кинга было двое дѣтей; они правда умерли въ малолѣтствѣ, но леди Джанета во время своей предсмертной болѣзни была еще не такъ стара чтобы не могла ожидать потомства; даже овдовѣвъ, Ричардъ Кингъ никогда ничего не намекалъ Грагаму о содержаніи своего завѣщанія. Молодой человѣкъ не былъ связанъ съ нимъ кровнымъ родствомъ, и естественно было предположить что наслѣдство его достанется ближайшимъ родственникамъ. Но у покойнаго не было такихъ родственниковъ; никто никогда не бывалъ у него; никто не возвысилъ голоса чтобы оспаривать справедливость его завѣщанія.

Леди Джанета была погребена въ Кинсаль-Гринъ; останки ея мужа были помѣщены въ томъ же могильномъ склепѣ.

Дни за днями Грагамъ продолжалъ свои одинокія прогулки на кладбище. Его можно было видѣть недвижно стоящимъ надъ этою могилою, и слезы текли по его щекамъ; между тѣмъ натура его не была изъ числа слабыхъ, тѣхъ что любить предаваться неутѣшному горю. Напротивъ, кто не зналъ его коротко говорили что „онъ жилъ больше головой чѣмъ сердцемъ“, и характеръ его занятій и его сочиненій не обнаруживали сентиментальности. Онъ не посѣщалъ такъ часто могилу пока въ ней не былъ схороненъ Ричардъ Кингъ. Однакоже любовь его къ теткѣ была несказанно сильнѣе чѣмъ какую онъ могъ имѣть къ ея мужу. Оплакивалъ ли онъ больше смерть ея мужа, или же нѣчто со времени смерти послѣдняго усилило его уваженіе къ памяти той кого онъ не только любилъ какъ мать, но и чтилъ какъ святую?

Эти посѣщенія кладбища не прекращались пока Грагамъ не слегъ въ постель пораженный очень серьезною

болѣзью, единственною какую онъ до сего времени зналъ. Врачъ сказалъ что это нервная горячка причиненная нравственнымъ потрясеніемъ или возбужденіемъ; она сопровождалась бредомъ. Поправленіе его шло медленно; оправившись достаточно онъ уѣхалъ изъ Англіи, и мы видимъ его теперь съ усложненнымъ умомъ, съ восстановленными силами, укрѣпившимся духомъ, въ веселомъ городѣ Парижѣ, скрывающаго можетъ-быть серіозную цѣль участвуя въ его праздничныхъ наслажденіяхъ.

Теперь онъ сидитъ, какъ я уже сказалъ, предъ письменнымъ столомъ, въ глубокой задумчивости. Онъ беретъ письмо которое уже пробѣжалъ мелькомъ и перечитываетъ его съ большимъ вниманіемъ.

Письмо было отъ его кузена, герцога Алтона, получившаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ фамиліный титулъ, человѣка способнаго, съ большими свѣдѣніями, горячаго политика, но очень разумныхъ и умеренныхъ мнѣній; слишкомъ погруженнаго въ заботы о громадномъ имѣніи чтобы желать для себя участія въ правительствѣ; слишкомъ искренняго патріота чтобы не желать видѣть власть въ рукахъ тѣхъ на кого, по его мнѣнію, страна могла положиться, близкаго друга Грагама. Содержаніе письма было слѣдующее:

„Любезнѣйшій Грагамъ,—Я увѣренъ что вы съ удовольствіемъ примете блестящій случай выступить въ публичную жизнь. Вавасоръ сейчасъ былъ у меня чтобы сказать что онъ намѣренъ отказаться отъ представительства графства какъ только соберется парламентъ, и соглашаясь со мною что было бы всего лучше еслибы вы сдѣлались его преемникомъ, онъ предлагаетъ держать свое намѣреніе въ тайнѣ пока вы не найдете избирателей и не приготовитесь выступить. Вы не можете надѣяться избѣжать соперничества; но я просматривалъ списки и нахожу что наша партія скорѣе увеличилась чѣмъ уменьшилась со времени послѣднихъ выборовъ, когда Вавасоръ возвратился съ такимъ триумфомъ. Расходы въ этомъ графствѣ, гдѣ нужно привозить такое значительное число избирателей не живущихъ на мѣстѣ и держать такъ много агентовъ, всегда значительны въ сравненіи съ нѣкоторыми другими графствами; но это соображеніе вполне вамъ благоприятствуетъ, потому что помѣшаетъ выступить сквайру Хонстону,

единственному человѣку кто могъ бы быть вамъ оласекъ; а при вашихъ средствахъ тысяча фунтовъ больше или меньше такіе лустяки о которыхъ не стоить спорить. Вы знаете, въ настоящее время трудно человѣку умѣреннаго мнѣнія, какъ ваши съ вами, найти мѣсто въ парламентѣ. Наше графство будетъ для васъ самымъ подходящимъ. Составъ населенія его такъ равномерно распредѣленъ между городскимъ и сельскимъ каассами что представитель его долженъ одинаково имѣть въ виду интересы обоихъ. Онъ не можетъ быть ни ультра-тори, ни крайнимъ радикаломъ. Ему представляется завидная свобода, какой по вашимъ словамъ вы добиваетесь, соображать что лучше для всей страны.

„Не упустиите такого рѣдкаго случая. Есть только одно возраженіе противъ успѣха вашей кандидатуры. Скажутъ что у васъ нѣтъ болѣе ни одного акра земли въ графствѣ гдѣ фамилія Веновъ такъ долго имѣла собственность. Это возраженіе можетъ быть устранено. Правда, вы уже не можете надѣяться выкупить помѣстья которыя вынуждены были продать по смерти отца, — старый фабрикантъ крѣпко держится за нихъ и ни за что съ ними не разстанется; наконецъ, будь вашъ доходъ вдвое больше теперешняго, вы раззорились бы съ этимъ громаднымъ домомъ, гдѣ отецъ вашъ какъ на кострѣ сжегъ большую часть своего состоянія. Но тотъ старый прекрасный охотничій замокъ, вашъ фамильный Штаммъ-Шлоссъ, можно теперь очень удобно перекупить. Пивоваръ купившій его къ своему огорченію имѣетъ расточительнаго сына, котораго онъ помѣстилъ въ гусары, и съ удовольствіемъ продастъ домъ если получитъ 5.000 фунтовъ больше того что далъ самъ; но этотъ излишекъ будетъ заллаченъ не даромъ, потому что онъ поправилъ фермерскія строенія и увеличилъ доходъ. Я думаю что онъ согласится на 23.000 фунтовъ въ придачу къ суммѣ по вашей закладной, и этотъ капиталъ будетъ приносить вамъ три процента. Но для васъ это имѣетъ болѣе чѣмъ двойную цѣнность; это снова соединитъ ваше древнее имя съ графствомъ. Съ этимъ небольшимъ имѣніемъ вы будете болѣе значительнымъ лицомъ въ мѣстности гдѣ ваша фамилія возымѣла свой корень, и геній вашего отца распространилъ такой блескъ, чѣмъ истратилъ все состояніе на покулку имѣнія въ другомъ графствѣ гдѣ всякій сквайръ и фермеръ будетъ считать васъ „новымъ человѣкомъ“. Подумайте объ этомъ пожалуйта самымъ серіознымъ

образомъ и поручите своему солиситору тотчасъ же вступить въ переговоры съ ливоваромъ. Но еще лучше прїѣзжайте сами въ Ангаю и прямо ко мнѣ. Я приглашу Вавасора по-видаться съ вами. Какія новости въ Парижѣ? Такъ ли боленъ императоръ какъ о томъ намекаютъ газеты? И имѣеть ли революціонная партія успѣхъ?—Вашъ преданный кузенъ

„Алтоль.“

Положивъ письмо Грагамъ коротко и нетерпѣливо вздохнулъ.

„Старый Штаммъ-Шлоссъ, пробормоталъ онъ.—Слова стать твердою ногою на лоткѣ! выступить на великую арену съ развязанными руками. Возможно ли это! Возможно ли!“

Въ эту минуту раздался звонокъ у дверей, и слуга котораго Грагамъ навялъ въ Парижѣ какъ *laquais de place* доложилъ:

— *Ce monsieur.*

Грагамъ послѣшнво спряталъ письмо въ портфель и сказалъ:

— Вы хотите сказать тотъ господинъ для котораго я всегда дома?

— Тотъ самый.

— Разумѣется просите.

Вошелъ удивительно худоцавый человекъ, среднихъ лѣтъ, одѣтый въ черное, съ лицомъ гладко выбритымъ, очень коротко стриженными волосами, — одно изъ тѣхъ лицъ которыя, употребляя французское выраженіе, „не говорятъ ничего“. Оно было совершенно лишено всякаго выраженія, въ немъ не было даже, не взирая на худобу, ни одной выдающейся черты. Еслибы вамъ случилось гдѣ-нибудь сидѣть рядомъ съ этимъ человекомъ, вы не остановили бы на немъ своего взгляда, какъ на слишкомъ незначительномъ, не заслуживающемъ вниманія; будь это въ кафе, вы продолжали бы говорить съ вашимъ пріателемъ не понижая голоса. Чтò за дѣло если какая-нибудь *bête* въ родѣ этой слышитъ васъ или нѣтъ? Еслибы вамъ предложили отдать его общественное положеніе и родъ занятій, вы могли бы сказать, замѣтивъ постоянную свѣжесть его платья и несомнѣнную респектабельность его *tout ensemble*: „это должно-быть лавочникъ который оставилъ торговлю получивъ наслѣдство“.

При входѣ посѣтителя Грагамъ всталъ, любезно усадилъ его рядомъ съ собою, и выждавъ ухода слуги впросилъ:

— Что новаго?

— Боюсь, ничего что могло бы удовлетворить васъ. Правда я разыскала, съ тѣхъ поръ какъ имѣлъ удовольствіе въ послѣдній разъ видѣть васъ, не меньше четырехъ дамъ по имени Дюваль, но только у одной это было имя ея родителей, и крещена она была тоже Луизой.

— А, Луиза!

— Да, дочь парфюмера, ей двадцать восемь лѣтъ. Стало-быть это не та Луиза что вы отыскиваете. Позвольте мнѣ припомнить ваши инструкціи.—При этомъ г. Реваръ вынулъ записную книжку, перевернулъ нѣсколько листковъ и прочелъ:—Нужна Луиза Дюваль, дочь Августа Дюваль, французскаго рисовальнаго учителя; жилъ много лѣтъ въ Турѣ, прибылъ въ Парижъ въ 1845, жилъ нѣсколько лѣтъ въ № 12 въ улицѣ S— въ Парижѣ, но потомъ перѣзжалъ въ различные квартамы города, и умеръ въ 1848, въ улицѣ L—, № 39. Вскорѣ послѣ его смерти, дочь его оставила эту квартиру и исчезла безъ слѣда. Въ 1849 официальные документы о ея смерти были присланы изъ Мюнхена къ одному лицу (вашему другу). Смерть разумѣется была принята за достовѣрный фактъ; но около пяти лѣтъ спустя, это самое лицо встрѣтило сказанную Луизу Дюваль въ Ахенѣ, и затѣмъ уже никогда не видѣло ее и не слышало о ней. Порученіе: разыскать сказанную Луизу Дюваль или кого-нибудь изъ дѣтей ея рожденных въ 1848—9; предполагается что въ 1852—3 у нея былъ одинъ ребенокъ, дѣвочка, лѣтъ четырехъ или пяти.—Такъ ли это?

— Совершенно такъ.

— И этимъ ограничиваются всѣ данныя мнѣ свѣдѣнія. Собщая мнѣ ихъ вы спросили не будетъ ли полезно начать розыски въ Ахенѣ, гдѣ Луизу Дюваль въ послѣдній разъ видѣло лицо интересующееся ея открытіемъ. Я возражаю. Нѣтъ, это будетъ напрасный трудъ. Ахенъ не такое мѣсто гдѣ бы стала оставаться Француженка не обязавшая жить тамъ съ мужемъ. Невѣроятно кажется также что бы сказанная Дюваль рѣшилась избрать мѣстомъ своего пребыванія Мюнхенъ, городъ въ которомъ ей удалось получить свидѣтельство о своей смерти. Француженка побывавшая въ Парижѣ всегда захочетъ возвратиться въ него, въ особенности если она красива, какъ вы говорили объ этой дамѣ. Поэтому я совѣтовалъ начать наши поиски въ этой

столицѣ. Вы согласились со мною, и я не жалѣлъ времени для этихъ розысковъ.

— Вы были чрезвычайно обязательны. Но я начинаю чувствовать нетерпѣніе если приходится терять время.

— Разумѣется. Позвольте мнѣ возвратиться къ моимъ замѣткамъ. Вы сообщили мнѣ что двадцать одинъ годъ назадъ, въ 1848, парижской полиціи было поручено найти эту даму, и она не имѣла успѣха, но подала надежду открыть ее чрезъ ея родственниковъ. Вы просили меня справиться въ нашихъ архивахъ; я говорилъ что это бесполезно. Однакоже, чтобы сдѣлать вамъ угодное, я справлялся. Никакихъ слѣдовъ бывшихъ розысковъ; они должно-быть производились, какъ я полагалъ изъ вашихъ словъ, совершенно частнымъ образомъ, безъ всякой связи съ преступленіемъ или политикой; и какъ я уже имѣлъ честь докладывать вамъ, никакихъ слѣдовъ о подобныхъ розыскахъ не сохраняется въ нашемъ управленіи. Еслибы мы сохраняли результаты такихъ розысковъ, то это могло бы подавать поводъ къ большимъ скандаламъ и семейнымъ неприятностямъ, напримѣръ безумно ревнивымъ мужьямъ. Честь, милостивый государь, честь запрещаетъ это. Потому я подавалъ вамъ мысль что самымъ простымъ средствомъ было бы объявленіе во французскихъ газетахъ разъясняющее, если я правильно полагалъ васъ, что ради денежнаго интереса для мадамъ или мадемуазель Дюваль, дочери Августа Дюваль, *artiste en dessin*, ее просить сообщить о своемъ мѣсто-пробываніи. Вы отказываетесь отъ этого.

— Положительно отказываюсь; я уже говорилъ вамъ что это совершенно секретное порученіе, и къ объявленію, которое по всей вѣроятности не принесетъ пользы (какъ это доказали прежніе розыски), можно прибѣгнуть когда истощатся всѣ другія средства, и даже тогда не навѣрное.

— Хорошо. Въ такомъ случаѣ вы поручаете мнѣ, рекомендованному вамъ за лучшаго человѣка въ нашей полиціи по дѣламъ не имѣющимъ связи съ преступленіями или политическимъ надзоромъ, самое затруднительное дѣло. Мнѣ приходится строго частными разслѣдованіями открыть адресъ и доказать тождественность дамы носящей самое обыкновенное имя во Франціи, о которой ничего не было слышно въ теченіи пятнадцати лѣтъ, да и тогда ее видѣли въ такомъ уединенномъ мѣстѣ какъ Ахенъ. Вы не хотите или

О подпискѣ на РУССКІИ ВѢСТНИКЪ въ 1874

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, стоить въ 1874 году въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки пятнадцать **пятьдесятъ копѣекъ**; съ доставкою на домъ въ Москвѣ **шестнадцать** рублей и съ почтовою доставкою въ всѣ мѣста Россіи **семнадцать рублей**.

Желающіе могутъ подписываться также на полгода въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 8 руб., съ доставкою на домъ и съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи 8 руб. и на три мѣсяца, платя въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, 4 р., съ доставкою и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи 4 р. 25 к.

Заграничныя высылаютъ за доставку въ Государственный Почтовый Союзъ—18 р.; въ Италію, Бельгію, Голланды, Швейцарію, Сербію и Румынію—19 р.; въ Англію, Швецію, Грецію, Европейскую Турцію и Францію—20 р. 50 к.; въ Испанію, Португалію, Норвегію и Сѣверныя Соединенные Штаты—21 р. 60 к. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІИ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Алексѣева.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Гельгардтъ.

Въ почтовыхъ мѣстахъ Имперіи подписка на Русскій Вѣстникъ не принимается.

Иногородные адресуются исключително въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ ~~указанный~~ ~~адресъ~~

Изъ числа подписчиковъ *Русскаго Вѣстника* за 1873 года желающіе получить напечатанныя въ прошломъ году главы романовъ: Антони Троаки, **Леди Анна** и Булвера **Бенелмъ Чиллинглей** могутъ заявить о томъ редакціи, прилагая одну рубль.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о), на Страстномъ бульварѣ.

